

З. Г. ФРЕНКЕЛЬ

*Записки
и воспоминания
о пройденном жизненном пути*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2009

УДК 821.161.1-94:61

ББК 84 Р7-4:51

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 08-06-16037д*

Френкель З. Г.

Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / Публ., сост., коммент. и вступ. ст. Р. Б. Самофал. — СПб.: Нестор-История, 2009. — 696 с., ил.

ISBN 978-5981-87362-1

Захарий Григорьевич Френкель — выдающийся отечественный гигиенист и геронтолог, статистик и демограф, действительный член Академии медицинских наук СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, организатор здравоохранения и общественный деятель России. Долгая, 100-летняя жизнь учёного охватила самые сложные периоды истории нашей страны. Он был участником революционного движения конца XIX — начала XX вв., внёс весомый вклад в развитие системы земской медицины, являлся активным участником общественно-политической борьбы в стране в рядах кадетской партии (был членом её ЦК), за что подвергался арестам и преследованиям со стороны властей. З. Г. Френкель был участником Первой мировой войны. После Октябрьского переворота он целиком отдался научной и преподавательской деятельности, но и в 1938–1939 гг. вновь не избежал репрессий. Во время Великой Отечественной войны он ни на один день не покидал Ленинград, продолжая в ужасающих условиях блокады заниматься делом всей своей нелёгкой жизни — борьбой за здоровье народа, за удлинение человеческой жизни.

Для специалистов различных отраслей медицины и всех, кто интересуется историей науки и истории России XIX–XX вв.

УДК 821.161.1-94:61

ББК 84 Р7-4:51

9 785981 873621

© Р. Б. Самофал (публ., сост., коммент., вступ. ст.), 2009

© Издательство «Нестор-История», 2009

Захарий Григорьевич Френкель
Записки и воспоминания
о пройденном жизненном пути

Редактор *В. П. Мартыненко*
Компьютерная верстка *Л. А. Философова*
Оформление обложки *Л. А. Философова*

Подписано в печать 06.08.09
Формат 70х100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 43,5
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии
«Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23

Greift nur hinein ins volle Venschenleben!
Ein jeder lebt's, nicht vielen ist's bekannt,
Und wo ihr's packt, da ist's interessant.

Из жизни гущи загребайте прямо.
Не каждый сознаёт, чем он живёт.
Кто это схватит, тот нас увлечёт.

J. W. Goethe. Faust
(перевод Б. Пастернака)

З. Г. ФРЕНКЕЛЬ И ЕГО «ЗАПИСКИ И ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОЙДЕННОМ ЖИЗНЕННОМ ПУТИ»

Автор предлагаемых читателю мемуаров — выдающийся учёный в области социальной гигиены, один из основоположников социальной геронтологии, действительный член Академии медицинских наук СССР, заслуженный деятель науки, профессор Захарий Григорьевич Френкель. Он прожил необыкновенно долгую и плодотворную жизнь: (родился в 1869 г., а умер на 101-м году жизни — в 1970). И всегда главным смыслом и целью его славной и порой весьма нелёгкой деятельности была борьба за здоровье людей, улучшение условий их обитания и увеличение продолжительности активной жизни.

Будучи внешне мягким, спокойным, деликатным и даже застенчивым человеком (настоящим «чеховским» типом интеллигента), Захарий Григорьевич в то же время отличался огромной работоспособностью, несгибаемой принципиальностью, бескомпромиссностью в отстаивании своих демократических и гуманистических взглядов и убеждений и обладал большим организаторским талантом. Многогранная природная одарённость, выдающаяся эрудиция позволили З. Г. Френкелю добиться больших успехов в различных областях науки, в практических делах и в общественно-политической деятельности. Он не признавал пассивного отношения к окружающей действительности, а стремился активно участвовать в борьбе за её улучшение.

З. Г. Френкель занимался всеми аспектами проблем населения: демографией, гигиеной российских городов, социально-экономическими и правовыми аспектами медицинского обслуживания различных групп населения России, а позднее — СССР, повышением их образованности и культуры. В решении всех этих проблем учёный использовал богатейший опыт своей успешной работы в земских учреждениях, с одной стороны, и опыт практического участия в проектировании новых крупных городов на территории СССР, в организации их водоснабжения и канализации, всестороннего благоустройства. Личное участие в осуществлении важных

социальных проектов, как в дореволюционной, так и в послереволюционной России и неуклонное стремление к обобщению опыта позволило ему стать автором множества статей и монографических исследований по важным направлениям формирования и развития как социальной инфраструктуры, так и местного самоуправления. Многие его труды известны не только в нашей стране, но и за рубежом, а некоторые не утратили своей актуальности и в наши дни. Обширная библиография трудов З. Г. Френкеля включает в себя около 400 работ, в том числе ряд монографий, руководств и пособий. Исклчительно широкие теоретические знания и личное знакомство З. Г. Френкеля с практикой развития санитарно-гигиенического и коммунального дела во многих городах России и Западной Европы позволяли ему выдвигать новые идеи, которые впоследствии прочно утвердились в сознании советских градостроителей и санитарных врачей (озеленение домовых и внутриквартальных территорий, идея комплексной застройки микрорайонов, создание «спальных» районов и многие другие).

В литературном наследии З. Г. Френкеля особое место занимает рукописный труд — его автобиографические записки. По-существу это тоже монография, имеющая большое познавательное значение, поскольку в ней отражена не только личная жизнь автора, но и важнейшие факты и события, происходившие в нашей стране на протяжении почти 90 лет на рубеже двух исторических эпох. Полно и живо показывает З. Г. Френкель жизнь в дореволюционной Украине и России, систему гимназического и университетского образования. Будучи земским врачом, он доступно и интересно рассказывает о развитии земской медицины и санитарного дела в конце XIX – начале XX века.

Из мемуаров З. Г. Френкеля мы узнаём не только о его профессиональной деятельности, но и об его участии сначала в студенческих общественных движениях, а затем и в политической борьбе, как в дореволюционные годы, так и непосредственно в период Февральской и Октябрьской революций, в рядах кадетской партии. Именно последнее обстоятельство стало причиной того, что, несмотря на положительные отзывы Президиума АН СССР (№ 1-23-670 от 26/7-1958 г.) и постановление Президиума АМН СССР (№ 45 от 29 июля 1959 г.) об издании воспоминаний З. Г. Френкеля (см. фотокопии обоих документов), они так и не были напечатаны при его жизни и оказались недоступными для широкого круга читателей, а из того единственного машинописного экземпляра, который хранится в рукописном отделе Российской национальной библиотеки, автор исключил многие «политически опасные места». В частности, изъяты были фрагменты воспоминаний об участии Захария Григорьевича в полемике с большевиками по аграрному вопросу в 1-й Государственной думе, а также о его работе в ЦК кадетской партии в период Февральской и Октябрьской революций. Однако они сохранились в черновых вариантах рукописи и включены в предлагаемую публикацию, так же как и раздел об аресте и пребывании Захария Григорьевича в тюрьме в период сталинских репрессий, который многие годы хранился в спецхране и читателям не выдавался.

После окончательного установления советской власти в стране З. Г. Френкель отошёл от участия в политической борьбе и полностью по-

святил себя научно-преподавательской работе, по-прежнему продолжая при этом сохранять свою активную жизненную позицию. Во всех своих трудах он неутомимо говорил о путях создания людям наилучших условий жизни и делал всё, чтобы содействовать развитию в нашей стране народного здравоохранения. Он стучался во все бюрократические двери: выступал с докладами в Наркомхозе, Наркомздраве, Госплане и в других инстанциях. В качестве консультанта, эксперта и руководителя экспедиций Захарий Григорьевич объехал почти все крупные города страны, добиваясь от властей гуманного отношения к нуждам людей. При этом он не только учил других, но и всю жизнь не переставал учиться сам.

Из «Воспоминаний» З. Г. Френкеля мы видим, какое огромное внимание уделял он подготовке новых медицинских кадров, специалистов в области санитарного дела. Начиная с 1913 г. он последовательно основывал кафедры и читал лекционные курсы по гигиене и санитарии в медицинских и технических высших учебных заведениях Петрограда–Ленинграда. С 1913 по 1949 гг. — в Психоневрологическом институте (медицинский факультет которого с 1919 г. стал именоваться Государственным институтом медицинских знаний (ГИМЗ)), а с 1924-го — 2-м Ленинградским медицинским институтом (ЛМИ), Санитарно-гигиеническим медицинским институтом (ЛСГМИ). В настоящее время это Санкт-Петербургская государственная медицинская академия им. И. И. Мечникова). С 1924 по 1953 гг. З. Г. Френкель руководил кафедрой коммунальной и социальной гигиены в Институте усовершенствования врачей (ГИДУВ); в 1922–1926 гг. — в Политехническом институте; заведовал кафедрой общего благоустройства в Институте коммунального хозяйства и др.

Параллельно с педагогической работой З. Г. Френкель много сил и знаний отдавал научно-исследовательским учреждениям: с 1918 по 1933 гг. он руководил отделом коммунальной и социальной гигиены Музея города; состоял председателем учёного совета Института коммунального хозяйства; в 1931–1934 гг. заведовал сектором гигиены Ленинградского института экспериментальной медицины (ИЭМ); в разные годы возглавлял отдел социальной патологии в НИИ туберкулёза и в научно-исследовательском санитарно-гигиеническом институте; был постоянным консультантом Научно-методического бюро санитарной статистики Ленинградского городского отдела здравоохранения.

Долгие годы Захарий Григорьевич возглавлял работу Ленинградского отделения Всероссийского гигиенического общества. Создав в 1957 г. городское научное общество геронтологов и гериатров, он определил основные пути развития геронтологии (биологии старения, гериатрии и социальной геронтологии), как науки, и её практическое воздействие на совершенствование социальной инфраструктуры.

Самая, пожалуй, главная работа З. Г. Френкеля «Удлинение жизни и активная старость» (Л., 1945) была завершена в трагические и героические дни блокады Ленинграда, который он отказался покинуть в 1941-м и в последующие годы. Эта книга пользуется широкой известностью. Она была переиздана АМН СССР в 1949 г. под названием «Удлинение жизни и дея-

тельная старость», затем переведена на венгерский и чешский языки, и цитируется многими иностранными учёными.

Концепция удлинения жизни в современном обществе явилась венцом, логическим завершением всей предшествующей научной работы З. Г. Френкеля и его практической борьбы за улучшение условий и качества жизни населения. В своей книге он выступает всё с тех же передовых позиций. Он рассматривает продление жизни не как биологическую, а как социальную проблему, направленную на то, чтобы дольше жили не отдельные счастливицы, а все люди, принимающие участие в трудовой деятельности общества в целом. В предисловии к своей книге З. Г. Френкель пишет: «Жизнь это движение, а не покой, это активность, это действенность. Продление жизни в социальном понимании — это удлинение сроков деятельности людей в человеческом обществе: сроков их участия в производственной жизни, в общественном творчестве и борьбе. Удлинение жизни — это не добавка нескольких лет жизни на покое, в отставке, на пенсии. Нет, это создание условий для общественно полезной работы в старости». Таким образом, рассматривая вопрос сохранения и продления жизни каждого человека, учёный видит в нём не индивидуума, а неотъемлемую часть трудового, культурного и общественного потенциала всего общества в целом.

Захарий Григорьевич убедительно обосновал необходимость максимального отдаления пределов смерти людей на те возрастные рубежи, когда она становится естественной (т. е. до 80–90 и даже свыше ста лет) и выдвинул программные гигиенические требования достижения устранения болезней и других вредных влияний, ослабляющих население, для предупреждения его заболеваемости, а значит — и смертности в ранних возрастах и создания, таким образом, поколений, которые приходят к старости бодрыми и сохраняющими потребность активного участия в трудовой деятельности общества. Выдвинутый в своё время З. Г. Френкелем принцип гласил: «Увеличение средней продолжительности жизни советских людей является источником пополнения кадров путём удлинения срока использования приобретённых навыков, опыта, знаний пожилых и старческих групп в населении».

По оценке учеников и последователей З. Г. Френкеля, «...с современных позиций его концепция оказалась в полном созвучии с тем путём, по которому пошла возникавшая новая отрасль медицинских знаний — геронтология, что и подтвердило её жизненность. И за это, за способность предвосхитить закономерное движение науки, мы отдаём сегодня должное последнему представителю земской медицины... Спустя 55 лет после окончания войны, мы вправе сказать о том, что при подготовке своей книги учёный не только сформировал свою новую концепцию, в корне изменившую бытовавшие до того представления, но и совершил особый подвиг. Именно в этот тяжёлый час [блокады] 75-летний академик испытал потребность заявить о своём понимании величайшего социального блага человека — его права на жизнь. Жизнь долгую, дающую человеку возможность наиболее полного выявления его потенциальных возможностей. Жизнь здоровую, т. е. не обременяющую общество. Жизнь деятельную, т. е. дающую человеку право на социальное творчество на всех этапах его жизни, начиная со

становления его личности, её социализации до завершения его индивидуального существования».

Большой интерес представляют в воспоминаниях З. Г. Френкеля описания его встреч со многими выдающимися учёными, общественными деятелями, политиками и другими известными людьми дореволюционной России и его коллегами по работе в советское время. Перед нами проходит галерея учеников Захария Григорьевича, многие из которых сами стали крупными учёными. Всё это и многое другое читатель узнает из подробных и честных рассказов автора предлагаемых записок.

Рукопись воспоминаний З. Г. Френкеля составлена из вариантов, хранящихся в архивах Самофалов, Жаковых, Кузнецовых и других потомков автора. Собрание и набор текста, подготовка его к печати, составление примечаний, комментариев и приложений осуществлён Р. Б. Самофал. Сокращённый вариант опубликован: *Френкель З. Г. Записки о жизненном пути. Вопросы истории.* 2006. № 2–12; 2007. № 1–8. К сожалению, в журнальной публикации опущенными оказались многие места, в которых учёный раскрывал самую суть своей профессиональной деятельности. Большим сокращениям подверглись воспоминания, касающиеся послереволюционных лет, когда З. Г. Френкель находился в самом расцвете своих творческих сил и возможностей. Так, весьма скупо оказалась освещена его работа в созданном им Отделе коммунальной и социальной гигиены в Музее города, которой он отдал 15 лет жизни (1918–1933), а также суть его понимания проблем старости и продления активной фазы человеческой жизни; но особенно сильному сокращению подвергся текст, в котором освещаются последние 25 лет жизни и деятельности учёного (1945–1967). Стремясь как можно скорее закончить публикацию обширных мемуаров З. Г. Френкеля, редакция фактически превратила текст последних трёх разделов в тезисы. Вот почему нам кажется необходимым издание воспоминаний учёного в виде полноценной монографии.

В подготовке рукописи и подборе фотографий большую помощь оказали старший внук Захария Григорьевича — К. С. Самофал, правнучка — Н. К. Федорченко и праправнучка — К. А. Федорченко; внучка — Т. И. Харитоновна (Френкель); правнук — З. Л. Жаков, правнук — А. А. Кузнецов; потомки Сергея Григорьевича Френкеля — О. А. Лисицына, С. А. Лисицына и А. А. Лисицын; правнучка Александры Григорьевны Френкель (Черноголовко) — А. Л. Парахонская; внучка Евгении Григорьевны Френкель (Левицкой) — Е. И. Левицкая, а также другие потомки и родственники автора предлагаемой читателю книги. Часть списка трудов З. Г. Френкеля предоставлена историком медицины Р. Ш. Бахтияровым.

Кандидат исторических наук Р. Б. Самофал
Кандидат медицинских наук Р. Ш. Бахтияров

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уже давно являлась у меня мысль подытожить в автобиографических воспоминаниях и записках основное содержание всего пережитого мною на долгом жизненном пути, отметить накопившийся и влиявший на склад личности жизненный опыт, помянуть словами признательной памяти выдающихся людей, с которыми сводила меня судьба. Пересматривая мои ежедневные заметки за наиболее тяжёлые месяцы блокады Ленинграда, я встречаю следующую запись 26 декабря 1941 года: «Сегодня ночью повторные сирены воздушной тревоги, непрерывный грохот зениток, гул обстрела, взрывы бомб и снарядов отгоняли от меня сон. Вновь и вновь пробегал я мысленно различные этапы моей жизни. Как складывалась личность, т. е. совокупность приёмов действия, поведения, переживаний в обстановке жизни? Передо мной проносились возникавшие столько раз стремления и мысли, их сопровождающие. Сколько было в жизни моей положений, полных захватывающего интереса и глубокого драматизма! Сколько богатых содержанием встреч с людьми первого ранга, с драгоценными самоцветами людского мира! Никифор Иванович Лукьянович, Анна Ник. Деген-Ковалевская, Иван Андреевич Дмитриев, Ник. Александрович Огородников, Иван Васильевич и Павел Васильевич Шулепниковы, Пётр Иванович Куркин, Владимир Иванович Вернадский, Дмитрий Иванович Шаховской, Владимир Валерьянович Подвысоцкий, Савва Артемьевич Самофал и много, много других. Писать систематические воспоминания — этого я не хочу, не смогу: неисчерпаем материал, да и нет мотивов всё и все положения освещать и закреплять. Есть слишком много сторон и явлений в жизни, которых касаться бесцельно. Но всё же следует завести папку для некоторых моих воспоминаний».

Да, прожить долгую жизнь, полную напряжённого труда и борьбы, — это не поле перейти. Тут и чистое поле, и тёмный дремучий лес, и ровная дорога, и «косогоры да овраги», по которым катит, по словам нашего великого Пушкина, «телега жизни» в жизненный полдень, тут неожиданные крутые обрывы и внезапные повороты, бурные водовороты и тихие заводи... И через всё это протягивается нить той жизни, которая предстаёт перед нашим сознанием, как наша собственная жизнь, как некое «целостное единство», сохраняющее своё преемственное тождество на всём своём протяжении.

С чего же, с какого момента начинается в нашем сознании наш жизненный путь, наша демографическая «линия жизни»? Как возникает, из чего складывается, что входит в содержание нашей «целостной» личности? Чем поддерживается сознание единства этой нашей личности во времени, нашей единой жизни в сменяющиеся различные её периоды?

Когда длинный жизненный путь уже позади, когда «исчезают позади звёзды, светившие в жизни, издали идёт и близится брат забот и тревог — смерть» (Гёте), заманчивым кажется желание попытаться в личных своих воспоминаниях подойти к поискам материалов для ответов на эти возникающие в нашем сознании вопросы. И в то же время жизнь — ведь это наша песня. Мотивы и мелодии её слагаются и напеваются нами, пока колесит наша «телега жизни»¹, погоняемая неумолимым ямщиком — временем. Под стук колёс этой «телеги жизни» мы напеваем слагающуюся у нас песню, пока, наконец, не убеждаемся, что «песенка наша спета». Но вот ближе к концу жизненного пути слабеет и смолкает наша песня, а «телега» всё ещё неудержимо катит, подгоняемая временем, и тогда в памяти оживают напевы и мелодии, слагавшиеся на оставшемся уже позади жизненном пути, оживают мысли, решения, стремления, родившиеся и окрепшие в суровой школе жизни под воздействием опыта, выстоявшие под её гнётом, её ударами. Оживают и зывают словами Тараса Шевченко:

Раз добром нагріте серце
Вік не прохолоне.

А деж твої думи, рожеві квіти?
Доглядани, сміли, вихохані діти?
Кому ти їх, друже, кому передав?
Чи може навіки в серці заховав?

Ой, не ховай, брате, разсып их, раскидай.
Зійдуть и ростимуть и у люди вийдуть.
(Сон. 1844 г.)

З. Френкель

¹ Замечательное своё стихотворение «Телега жизни» А. С. Пушкин написал в 1818 г., когда ему шёл ещё только девятнадцатый год:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везёт, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошёл, кузькина мать!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега,
Под вечер мы привыкли к ней,
И дремля едем до ночлега,
А время гонит лошадей.

I. ОТРЫВОЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ПЕРИОДА ДЕТСТВА

До поступления в школу

Моё самое раннее воспоминание не связано в непрерывную цепь с последующими. В виде отдельного, вполне яркого обрывка сохранилось оно в моём сознании. Это воспоминание о грозе и ливне, от которого нужно было спастись, карабкаясь по крутому, обрывистому берегу реки. С совершенной достоверностью встаёт у меня в памяти картина: мы плывём в небольшом баркасе — отец, мать, старшая сестра и я. Ослепительная молния освещает косые струи дождя. Оглушительный раскат грома. Не знаю, когда это происходило, но дело было, по-видимому, в праздник. Я ясно помню, что надет на мне был впервые новый костюм, и я больше всего думал, что он пропадёт от дождя. На мне был картуз. Врезалось в память, что я был ещё очень мал. Отец подгоняет лодку к берегу, выскакивает из неё, держит и кричит матери тащить меня на берег. Очевидно, я ещё не мог выскокить самостоятельно. Мы по «стёжечке»-тропинке спешим выкарабкаться наверх, к стоящей у самого берега полуразвалившейся каменной церкви. Опять молния и гром, но мы уже стоим под церковными сводами¹. Когда я рассказывал, будучи уже большим, об этом моём отрывочном воспоминании, отец и мать подтверждали, что такой случай был в 1872 г., когда действительно в Старгородке, подле Остра, мы были застигнуты грозой на реке и спасались от ливня в развалинах старинной церкви. Так как мне было только три года, то отец решительно не допускал, чтобы в памяти у меня могли сохраниться так ясно впечатления столь отдалённого прошлого. Но достоверно, что позднее я не бывал в Старгородке и крутого берега и развалин Старгородской церкви не видел. У меня остаётся полная уверенность, что это действительно наиболее раннее оставившее след в моей памяти воспоминание. Очевидно, слишком глубокое было впечатление от

¹ Позднее внуки Захария Григорьевича нашли и сфотографировали эту церковку. Ею оказалась так называемая «Юрьева божница» на левом берегу р. Остёр близ Старгородка, основанная Юрием Долгоруким за 20 лет до основания Москвы.

ливня и грома на реке, от потоков воды с кручи берега, по которому мы забирались, спасаясь от грозы.

Такое же яркое другое воспоминание, но уже не в виде несвязанного с другими событиями отрывка, а как часть соответствующего периода ранней жизни, выступает и стоит передо мною, точно я сейчас переживаю его.

Непосредственно за нашим садом начинался ряд небольших домов на одной из окраинных улиц г. Козельца. В жаркий летний день мы с братом Серёжей, забравшись в кусты, объедали уже созревший крыжовник и вдруг увидели клубы густого чёрного дыма, вырывающиеся из соседнего дома. Разумеется, мы побежали туда. Там, голося и причитая, женщины выносили и выбрасывали из открытых окон всякий скарб. Сбегался народ. У кучи утвари сидела женщина с малым ребёнком. Порывы ветра разносили искры и языки пламени. Приехала одна или две пожарные бочки. Они заезжали в наш сад, к недавно вырытому пруду, черпаками на длинных держакках черпали из пруда и заливали в бочки воду, а затем подъезжали к горевшему дому и вёдрами заливали водой растасканные баграми отдельно горевшие брёвна. Появился в ризе, с крестом и кропилом, отец Семён. Вместе с дьячком они носили распятие, пели молитвы. Отец Семён славился тем, что он «отворачивал ветер» в безопасную сторону, чтобы оградить от огня соседние дома. Его и вызвали, очевидно, жители не пострадавшего, а соседних домов. Довольно скоро дом сторел. Другие же дома уцелели, но пожарные долго ещё ведёрками заливали догоравшие головни на пожарище.

Это был первый виденный мною в жизни пожар. Картина его со всеми деталями сохранилась у меня в памяти. Хронологическая дата этого пожара легко устанавливается, т. к. он случился на второй год нашей жизни в арендованном отцом хозяйстве с садом и домом на окраине г. Козельца в 1874 г. Следовательно, мне шёл уже пятый год. Об этом периоде в памяти у меня встают уже не разрозненные, а связанные в общую цепь воспоминания.

Сад мне казался несказанно большим, хотя, как восстанавливаю теперь по памяти, в нём было лишь несколько плодовых деревьев и немного ягодных кустов. В конце прямой средней дорожки стояли две липы. Мне они казались невероятно высокими. Мы с братом стреляли из самодельного лука и камешками из резиновой рогатки, постоянно охотясь в саду на сорок, сорокопутов и дроздов. Но ни одна стрела из лука, ни один камушек из рогатки не достигали до вершины этих двух сказочно огромных лип. Так они и остались в моей памяти деревьями-великанами. Много лет потом я не бывал в Козельце. Но вот случайно в 1906 году, т. е. спустя более 30 лет, я попал в этот город. Мне захотелось посмотреть на эти жившие в моей памяти липы-великаны. С изумлением я должен был разочароваться в них. В полуопустошенном небольшом саду в конце средней прямой дорожки стояли две старых липы довольно скромных размеров, не имевшие ничего общего с памятными деревьями-великанами. Я внимательно осмотрел и их, и уцелевшие кусты, и заросший, заплесневевший пруд — всё было на прежнем месте... Липы стояли на своём месте, но я стал другим, иным масштабом мерил, по-иному воспринимал окружающее.

Из этого же периода 1874–1875 гг. хорошо помню, как отец отводил и размерял место в конце сада в низине для рытья пруда и как потом пришли

«грабари» и много дней копали пруд. Вырытую землю раскладывали у берегов пруда, а потом прокопали канаву от реки Остёр к пруду и из пруда обратно в реку, так что пруд имел проточную воду. В пруду потом купался отец и какой-то часто бывавший у нас знакомый, носивший военную форму.

К этим же годам относятся и мои воспоминания об учителе Ивановском, жившем у нас и занимавшемся со старшим братом Яковом, которому в то время было уже лет 14. Родился он в год отмены крепостного права, т. е. в 1861 г. В то время Яков учился в Козелецком «уездном училище». Обязательная форма учащихся таких училищ включала фуражку с красным околышем. Мы его так и дразнили — «красный околыш». Старший брат был страстным любителем голубей. У него были голуби разных пород, в том числе особо дорогие — «турманы». Их он выпускал и особыми криками и свистом заставлял взлетать вверх и оттуда падать, перевёртываясь несколько раз в воздухе. На чердаке, под соломенной крышей дома, были гнёзда голубей; мы постоянно видели, как самцы загоняли голубок в гнёзда, чтобы они сидели на яйцах. Слуховое оконце на чердаке было снабжено затвором, который при помощи длинного шнура брат захлопывал, если вместе со своими в оконце влетали и чужие голуби. Это служило источником ссор, доходивших до драк, с хозяевами залетевших голубей, такими же увлечёнными страстью к «вертунам», турманам и другим породам голубей. Вспоминаю случай, когда гнавшийся за голубями молниеносно быстрый ястреб с разгона влетел через оконце на чердак, и был там захлопнут. Не помня себя от возбуждения, мы вместе с Яковом вскочили на чердак. Ястреб был пойман. Лёжа на спине, он отчаянно защищался когтями. Наконец, его крылья были туго перевязаны, и он был отдан на растерзание собакам.

С такой же страстью, как и голубями, брат увлекался ловлей певчих птиц — щеглят, чижей, снегирей, синиц и др. Естественно, что учёба была у него в загоне. Учитель Ивановский жаловался отцу. Отец с запальчивостью бранил брата, угрожал ему и разрешал Ивановскому применять физические наказания. Ивановский нередко страдал запоями и в пьяном виде бил брата линейкой. Яков был не робкого десятка и умел по-своему мстить Ивановскому. Эти сцены наказаний старшего брата остались в моей памяти одним из наиболее мрачных воспоминаний детства. Так же тяжело и воспоминание о приездах на двуколке толстобрюхого уездного надзирателя Солодского (до введения станковых приставов и урядников надзиратель заменял их) — мелкопоместного владельца соседнего хуторка. Он всегда приезжал в погоне за своей женой, убежавшей от его побоев и часто спасавшейся у нас. Его угощали, говорили, что жена к нам не приходила. Он мирно и любезно беседовал. Но если, бывало, заставал жену, кстати сказать, очень милую, весёлую в его отсутствие женщину, — неудержимо и яростно бросался на неё, хватал за волосы, валил и тащил по земле, приговаривая:

— Вот тебе волостное управление и земский суд!

Никакая защита не имела успеха. Он увозил «свою собственную» жену, громко рыдавшую. Жалость к ней вызывала у меня слёзы. Гнев, злорада, возмущение жестокостью Солодского закипали во мне.

В те годы наша семья ещё не была так многочисленна, как впоследствии. Однако нас, детей, уже было шестеро — три сестры и три брата: Вера, рож-

дённая в 1858 г., Яков — 1861, Софья — 1863, Юлия — 1865, Сергей — 1868 и я, Захарий, родившийся в декабре 1869 года. Позднее семья разрослась до десяти детей. Подросли расходы на обучение, когда четверо одновременно учились в гимназиях. Тогда постоянные заботы о содержании семьи, о воспитании детей повлияли на характер отца. Но в ранний период детства в Козельце я помню отца ещё без седых волос. Страстный любитель охоты, он всегда имел охотничью собаку. На стене в его комнате, на ковре с вытканной легавой собакой, несущей утку, висела двустволка. По вечерам отец с увлечением играл на скрипке. Многие его любимые мотивы я помню до сих пор. Это украинские песни: «Ой, не ходи, Грицю, та на вечерниці», «Стоит явир над водою» и др. Для нас — для меня и Серёжи особенно — было занятно, когда отец раскладывал краски и кисти и рисовал на больших листах бумаги. Любимым сюжетом его картин был лес, густые заросли «очерета» (тростника) и кустарников, через которые пробирается дикий кабан.

По-видимому, в то время отец очень любил общество. К нему часто приезжали знакомые. В день его именин съезжались гости, для которых он играл на скрипке, было пение. Нередко отец уезжал на несколько дней. Бывал он в Киеве. Возвращаясь, привозил матери и всем нам подарки. Обычно он привозил из города также французскую булку и кусок швейцарского сыра. Дома у нас белого хлеба обычно не бывало. Наша мать сама пекла хлеб из ржаной муки. В качестве закваски в чисто выскобленной и выпаренной деже оставлялся кусок теста. С вечера из муки и тёплой воды делалась опара, потом мать месила тесто, добавляя сколько нужно соли. До утра, прикрытая чистым рушником стояла дежа на тёплой печи. Утром, когда русская печь была уже вытоплена и всястряпня закончена, из печи вынимали все чугуны, в которых грелась вода, горшки с борщом и кашей, и мать «сажала» на деревянной лопате хлебы в печь вместе с листьями капусты, подложенными под хлебы, чтобы они не пригорели и не запачкались снизу. По состоянию корки и по другим признакам мать наша знала, когда надо вынимать хлебы из печи. От вынутого ею из печи хлеба шёл сильный, особый, такой приятный запах, какого никогда и нигде я больше не ощущал. Только одна наша мать умела печь такой вкусный хлеб. Масло у нас сбивали из сметаны, а кислое молоко (простоквашу) подогревали и клали в решето. Сливавшуюся сквозь решето сыворотку использовали для замешивания хлеба, а оставшийся в решете творог шёл под пресс, т. е. завернутый в чистую полотняную тряпку клался под камни, и такой творог носил у нас название «сыр». А в редких случаях, когда отец приезжал из Киева, он привозил кусок швейцарского сыра, который довольно долго хранился, тщательно завернутый, на случай гостей. Изредка, при случае, привозились и стеариновые свечи (четверик в общей синей обёртке). Они тоже зажигались только при гостях. Обычно же в то время, т. е. до русско-турецкой войны 1877–1878 гг., у нас в домашнем обиходе были только сальные свечи. Их делала наша мать сама из «лоя», т. е. из топлёного бараньего жира.

Техника изготовления сальных свечей была очень несложной. Из белых ниток, из которых мать вязала чулки сёстрам, делался фитиль. Он натягивался между двумя желобами. При складывании желобов получалась труб-

ка, в которую и наливался растопленный «лой». Когда «лой» застывал, обе половинки формы снимались и вынималась готовая сальная свеча. Слабое освещение поддерживалось лампаками. Позднее, в 80-х годах, появились «каганцы» и керосиновые лампы.

Из поры этого отдалённого детства запечатлелся милый мне образ всегда опечаленной, готовой ронять украдкой горькие слёзы Одарки. Как живая встаёт она в моей памяти. Одарка служила у нас нянькой в 1874–1879 гг. Высокая, со смуглым бледным лицом и запавшими щеками, всегда в чёрном, она никогда не была весёлой. Я очень любил её за ласковое обращение и ещё за то, что она сказок нам не рассказывала, а когда мы бывали одни, говорила нам правду о своей тяжёлой жизни. Я не помню, чтобы она когда-нибудь смеялась или шутила. У неё был свой хлопчик, она берегла его и любила. С ним ушла из дома от своих родителей служить в «чужие люди». Её прогнали родные отец и мать за то, что она была «покрыткой». Я не понимал этого слова, но чувствовал всю его горечь, т. к. Одарка всегда плакала, называя себя этим словом. Её хлопчик умер, когда ему было всего четыре года, ещё до того, как она поступила к нам в няньки. Её рассказы всегда были жалостливые — о бездушном, жестоком отношении к её хлопчику чужих людей, которые принимали её на работу. Но наша мать и мы любили Одарку, и она не чувствовала себя в нашей семье чужим человеком. По временам она уходила в своё село Тополи. По-видимому, насколько я теперь понимаю, ей невмоготу была разлука с родными и с тем, кто был отцом её сына. Но проходили недели или месяцы, и Одарка возвращалась, иногда со следами побоев на лице и теле, и всегда готовая вновь и вновь втихомолку проливать горькие слёзы.

Наедине с нами, со мною и Серёжей, она отводила душу, рассказывая о беспросветной своей доле. Она была откровенна и с нашей матерью. Я помню, как мать уговаривала её забыть о мучившем и тиранившем её человеке, который женился на другой.

Почему-то с воспоминаниями об Одарке у меня связана память о казавшемся мне тогда почти уже стариком бывшем приказчике у прежних своих крепостных хозяев — Канарее. Это была либо его фамилия, либо прозвище. Рябой от оспы, с серьгой в одном ухе, он появлялся у нас, приезжая из Тополей¹, виделся с Одаркой. К нему у меня всегда было непреодолимо враждебное чувство. Угодливый с нами, он был груб с Одаркой. После него она всегда оставалась в слезах.

Из людей того же периода (1876–1885 гг.) упомяну о Константине Петровиче Барабаше, работавшем машинистом на винокуренном заводе

¹ Деревни и местечки Тополи (с ударением на последнем слоге), Борки, Берёзовая Рудка и ряд других входили в приход храма, находившегося в селе Алексеевщина. Все они принадлежали разным помещикам, и отец Захария Григорьевича в разные годы служил управляющим то у одного, то у другого. По сведениям киевского краеведа М. С. Шкурки, дольше всех Григорий Андреевич был управляющим в имениях графа И. П. Закревского. Сведения о датах рождения и крещения всех детей Френкелей, начиная с Сергея (1868) до Евгении (1880) содержатся в церковно-приходских книгах храма в Алексеевщине.

в Алексеевщине, а затем, когда отец перешел в Борки, на таком же заводе — в Борках. Это был человек исключительно трудолюбивый, всегда занятый слесарными и паяльными работами, починкой механизмов, сборкой новых, поступавших на завод приборов и аппаратов, разборкой, очисткой и ремонтом старых. Неразговорчивый, занятый наблюдением за работой аппаратов и их исправлением, он в то же время в часы своего отдыха и в праздники в уголке заводского помещения, заменявшем ему мастерскую, неизменно был занят починкой швейных машин, лужением металлической посуды, самоваров. В этом уголке стоял его рабочий стол — верстак с прочно вделанными в него тисками и ножницами для резания листов железа. Тут же был точильный круг, а рядом — небольшой горн с ручными мехами для раздувания огня в угле. Около стола стояли ящики со всякими инструментами, ключами, напильниками, паяльниками.

Так много работавший, Константин Петрович всё же не мог отказать сослуживцам по заводу, постоянно приносившим ему в починку предметы домашней утвари. Вопреки нравам мастеровых людей, Константин Петрович был совершенно непьющим. Он любил вводить придуманные им улучшения и изменения в конструкцию приборов и машин, и весь был поглощен затем проверкой усовершенствований в работе сконструированных механизмов. Мы с Серёжей часами не отрывались от места, где работал Константин Петрович. Правда, он не очень любил, чтобы мы мешали ему своими расспросами или трогали его инструменты, однако нам всё же удавалось помочь ему, то раздувая мехи, то отрезая нажимом на рычаг больших ножниц кусок жести, то заклёпывая молотком головки и загибы. Бывало и так, что Константин Петрович делал для нас мудрёные приборы для фокусов с металлическими кольцами и продевания сквозь них цепи из более широких колец. Иногда эти фокусы были настолько головоломными, что мы неделями и так, и сяк пытались их разгадать, а Константин Петрович проделывал их на наших глазах с лёгкостью.

Отец мой очень ценил Константина Петровича, как трезвого, державшегося всегда с достоинством, умелого и полезного сотрудника. Особенно незаменимы были услуги Константина Петровича при поломке во время неотложных сельскохозяйственных работ той или иной машины — сеялки или зерноочистителя, веялки или молотилки. Отец нередко приглашал Константина Петровича вечером к ужину, благодаря чему он стал хорошим знакомым в нашей семье.

Следует ещё, пожалуй, рассказать о Дебелом. Он приезжал к нам иногда на «беде» (двуколке), запряжённой дородной кобылой. Плотный, невысокий, с красными щеками, обрамлёнными начинавшей уже сесть бородою, он всегда был в чистой поддёвке, выходил из своей «беды» и с кнутом в руках ходил по двору и по всей усадьбе, разыскивая отца. Приезд его у нас всегда был связан с ожиданием какой-то неприятности. По-видимому, в те годы отец очень часто нуждался в деньгах. Чтобы достать их, продавали лошадь или тёлку, либо откормленного кабана, или двух-трёх полугодовалых или годовалых подсвинков, либо производились «запродажи» будущего урожая фруктового сада, овса, репса или табака. Поскольку деньги требовались неотложно, такие предварительные «запродажи» производились по

крайне невыгодным ценам, и потому к закупщику, каковым чаще всего и являлся в таких случаях Дебелый, оставалось чувство затаённой обиды за заведомо недобросовестные цены, а у нас, детей, чувства недоброжелательства и вражды. Дебелый же после сделки спокойно запрягал свою сытую кобылу, с полным равнодушием к упрёкам отца усаживался в свою «беду» и угонял с собою на привязи нашу любимую тёлку или «лошонка».

Бывало и гораздо хуже, когда продать было нечего, а деньги нужны. Дебелый давал их под вексель, но уплата в рассрочку писалась в векселе на сумму много большую, чем та, которую он давал. А потом точно в срок он приезжал за платежом, и уж тут никаких отсрочек, никаких уступок! Отец иногда раздражался, повышал голос, упрекал его в бессовестном ростовщичестве. Дебелый отвечал ровным, тихим, даже вкрадчивым голосом, но никогда ни скидок, ни уступок не делал, а говорил только, что завтра же предъявит вексель приставу ко взысканию. Он, конечно, знал, что отец этого не может допустить и отдаст ему ту или иную ценную вещь за бесценок в уплату долга.

Дебелый был богатеем, имел одного–двух постоянных батраков и, кроме того, использовал труд односельчан, которые отрабатывали полученные у него в долг небольшие суммы на самых невероятных, ростовщических условиях. Однажды он приехал получать какой-то платёж. Было это зимой. Он сидел у стола, а отец при свете горевшей свечи отсчитывал подлежащую уплате сумму. После пересчёта в руках у отца осталась «красненькая». Так называлась, если не ошибаюсь, десятирублёвая ассигнация. Дебелый своим вкрадчивым голосом сказал, что не худо было бы отдать ему и эту «красненькую» за то, что он всегда выручает отца. Я почувствовал, что отца эта просьба вывела из себя. Он поднёс ассигнацию к горевшей свече и, повысив голос, ответил:

— Скорее сожгу эту бумажку, а не дам её в подарок живодёру!

При виде загоревшейся ассигнации Дебелый вскочил, выхватил «красненькую» из руки отца, погасил её и спрятал в карман, всё тем же вкрадчивым голосом поблагодарив за «подарок».

В качестве образчика тихого «подсживателя», каким был Дебелый, рассказывали о его жалобе на священника его прихода — отца Семёна. У Дебелого было закончено строительство нового хорошего дома, о котором он самодовольно говорил:

— Хата моя рубленая, на помости.

Нужно было освятить дом. Дебелый позвал отца Семёна. Проходя через двор вместе с дьячком и Дебелым, батюшка указал на откормленного кабана:

— Ось, це мини за освящение нового дома.

Дебелый не возражал. По окончании обряда и окроплении дома отец Семён, любитель праздничной трапезы, остался с собравшимися гостями, преизрядно выпил, а когда собрался уезжать, увидел, что вместо «подсвинка» в его воз положен поросёнок. Он заспорил с Дебелым, требуя условленного «подсвинка». Дебелый не соглашался.

— Як не дасы цего пидсвинка, хату рассвячу! — сказал разгневанный батюшка. И действительно, надел вывернутую наизнанку рясу, взял крест дер-

жаком вверх, стал обходить дом с песнопением, в котором всюду ко всем призывам о благоволении прибавлял частицу «не». Дебелый не спорил с батюшкой и не останавливал его, а попросил двоих гостей быть «понятыми», т. е. свидетелями, а потом написал жалобу в духовную консисторию на бедного отца Семёна. При следствии жалоба подтвердилась, и отец Семён был на два года заточён в монастырь для «замаливания своего греха». А репутация Дебелого, как человека, с которым спорить опасно, ещё больше укрепилась.

Все мы, дети, испытывали большое огорчение, когда выращенных у нас дома телят или жеребят приходилось продавать. Незадолго до войны с турками у нашей буланой кобылы ранней весной появился на свет жеребёночек. Его часто приводили в кухню и подкармливали тёплым пойлом и молоком. Буланка, его мать, трогательно ухаживала за ним, тщательно его вылизывала. Жили мы тогда в небольшом доме. В сени вела довольно крутая лесенка. Из сеней — вход в большую кухню с русской печью направо и большим столом в глубине. За этим столом мы завтракали и обедали. Жеребёнок, названный Орликом, так привык к угощению на кухне, что научился легко подниматься по лестнице, входил в кухню и попрошайничал, когда мы садились за стол. Летом он вырос, стал изумительно стройным чёрно-вороным красавцем с белым пятном на лбу и белыми у копыт ногами. Его все ласкали, и он привык чувствовать себя всеобщим любимцем. По призывному ржанию Буланки Орлик грациозно убегал на луг. Гонялся галопом за нами. За зиму он замечательно вырос, но и на следующее лето сохранял все свои привычки балованного жеребёнка, хотя выглядел выхолоненным жеребцом. С прежней игривостью он входил по лестнице в сени, согнув свою красивую шею, проходил через дверь в кухню, вставлял свою большую голову с умными, ласковыми глазами между нами, прижимал уши и ждал угощения. Ещё более грациозным и своенравным стал он, когда ему стало уже два года. Он привлекал к себе общее внимание не только своим ростом, красотой, быстротой бега по кругу, но и умением, невзирая на свой большой рост, взбираться в кухню, а также своей понятливостью и привязанностью к нам. Его очень берегли, ни разу не брали в упряжку. Понятно наше горе и слёзы, когда Орлик был продан на ярмарке как породистый жеребец. Отец, как и мы, любил Орлика, но очередная нужда в деньгах для взноса арендной платы решила участь нашего любимца.

Постоянно за общим столом отец обсуждал вопросы политики, во все суждения он вносил требование разумной обоснованности и нравственной оценки. Позднее, три-четыре года спустя, у отца произошли какие-то глубокие перемены. Он стал более замкнутым, сосредоточенным. Иногда неделями бывал не разговорчив. Начал рано сесть, перестал ходить на охоту, решительно забросил скрипку и ни на какие просьбы матери и наши не поддавался. Скрипка и дуэтовка, и рисунки собственного письма совсем исчезли из его комнаты. Постоянным до конца жизни его увлечением были газеты, текущие вопросы политической и общественной жизни. При их обсуждении он не мог переносить возражений. Такие же страстные черты глубокого и постоянного интереса носило и его отношение к вопросам земледелия и сельского хозяйства. Он постоянно выписывал «Земле-

дельческую газету» и журнал «Сельский хозяин». Покупал или выписывал новые книги по сельскому хозяйству, тщательно их перечитывал, делал на полях заметки, закладки. Все советы и новинки настойчиво применял на опыте и проверял их своим наблюдением. Я относился к отцу с большим уважением, хотя и вызывал часто в раннем детстве его гнев, а иногда даже длительное недовольство мною за разные выпады против него по поводу несоответствия его поступков в моменты вспыльчивости с высказываемым и признаваемым им общественным правовым началом полного равноправия и равенства людей. Я и сейчас помню мучительное чувство, которое охватывало меня, когда я видел, что отец переживает какие-то внутренние огорчения и страдания, когда он сосредоточенно сидел один.

В комнате у отца стоял шкаф с книгами. Это были хорошо переплетённые книжки журналов «Современник», «Отечественные записки», переводные издания произведений Виктора Гюго, Шиллера. Очень много книг по естествознанию и по прикладным техническим наукам. Научившись рано читать, я, когда никого не было дома, на многие часы погружался в чтение журналов; читал статью за статьёй, часто не проникая в их содержание и подлинный смысл. Мне казалось, что ни в одной из повестей, которые я прочитывал, не было изображено человека с таким значительным содержанием и с таким сложным и глубоким характером, как мой отец. И я твёрдо решил и задумал написать повесть, в которой в главном лице представить отца. Потом этот замысел был забыт.

Мой отец, которого даже тогда, когда я с ним спорил и ссорился, я не переставал глубоко любить и уважать, — Григорий Андреевич Френкель, родился в 1828 г. Был он человеком большого внутреннего содержания, упорной и постоянной работы по самообразованию, всегдашних запросов к себе и бескорыстия. Он отличался сильно развитым чувством собственного достоинства и самоуважения. Но был вспыльчив и тогда совершенно терял самообладание. Умер мой отец в начале Первой мировой войны, в ноябре 1914 г., 86-ти лет от роду. Умер в результате гангрены стопы.

Моя мать — Елизавета Андреевна Френкель, урождённая Бах¹, (из Борисполя Полтавской губернии) была женщиной удивительно мягкой, любвеобильной души, беспредельно трудолюбивая и выносливая. Умерла она в августе 1910 г., 76-ти лет от роду, от воспаления среднего уха (осложнение после гриппа).

В 1876 г. отец стал управляющим в имении Борки Остёрского уезда. Помню, с каким страданием и гневом я видел возмутительное попирание зависимых людей, когда «объездчики» пригоняли крестьянский скот или коней, зашедших на луг или поле экономии. Крики и побои со стороны приказчиков в конторе, вымогания штрафов за потраву, униженные мольбы отпустить коня, отношение к крестьянам как к низшим людям, как к скоту, презрение к ним в разговорах о «мужике». Я видел непоследи-

¹ Родилась Елизавета Андреевна в 1834. Она была двоюродной сестрой Алексея Николаевича Баха (1857–1946) — известного революционера-народовольца, автора нашумевшей книги «Царь Голод», а впоследствии выдающегося учёного, академика, одного из основоположников отечественной биохимии.

тельность иных «передовых» людей, когда они обращались к «мужику», и тогда я сам горел пламенной ненавистью к панам за их чванство, за их звериную мораль. Когда я оставался один в саду или совсем один дома, я раздражался неудержимыми обвинениями, грозными обличениями всех лицемеров, хищников, себялюбивых людей из моего окружения. Несколько раз случалось так, что мои обличительные речи были подслушаны. Мне за это дали презрительную кличку «прокурор» и «философ». Тогда я ещё ничего не слышал о Цицероне и его обвинительных речах против Катилины. Я не могу вспомнить, откуда у меня зародилась эта державшаяся несколько лет привычка к обвинительным речам. Но во мне самом эти мои обвинения порождали невольное желание быть свободным от всех преступных, гнусных нравов, которые я обличал. И в противоположность взрослым, я сблизился с теми, кого оскорбляли и унижали. Я привязался к Дмитру Ремезу, старику-сторожу, бывшему крепостному. Он целые вечера и ночи, когда я пробирался к нему в караулку, рассказывал мне о крепостном праве, о побоях от панов, про «панщину», о диких расправах с дворовыми. Всё это не было ещё безвозвратно ушедшим в прошлое, а оставалось неизжитым по моим непосредственным впечатлениям. Очень часто я вмешивался в разговор старших и настойчиво, даже назойливо, призывал их во имя правды и справедливости стоять на стороне тех, кого притесняли, на кого кричали, кого заставляли работать, в то время как приказчик или ключник, надзиравший и покрикивавший на половших, пасынковавших, окучивавших посадки или ворошивших, сгребавших сено, сам полёживал где-либо в тени, в «холодку». Я укорял, стыдил, а меня за это клеймили презрительной кличкой «проповедник».

Особенно врезались мне в память повторявшиеся каждый год съезды мужиков, целыми днями ожидавших в сенях у конторы, когда им отведут участки земли в «испольщину»¹ на предстоящий год. Я незаметно проskalьзывал в контору и видел, как низко кланялись, поднося «паляницы» и колбасу конторщику, упрашивали записать за просителем определённый участок. Земля похуже сдавалась с половины, а чуть получше — «раз третья, раз половина», т. е. с одной половины спольщику — одна треть урожая, а с другой — половина. Многие просили, со слезами молили, но им отказывали. И я с горьким затаённым чувством обиды и бессильной злобы переживал неудачи этих, так много работавших людей, как и они сами. Молча, бывало, в слезах возвращался домой, не хотел идти к столу; одним словом, был «упрямым волчонком» или «барсуком», как меня тогда называли.

Мне было уже семь лет, Бывало, когда ко мне обращались с лаской, я рассказывал обо всех несправедливостях и надругательствах над мужиками и рабочими, которые я видел в экономии. Этого взрослые не понимали. А когда я не подчинялся требованию вылезти из уголка и сесть за стол на своё место и меня пробовали притащить силой, я упирался, ложился на пол, долго и громко плакал. Это запечатлелось в моей памяти тяжёлым и неприятным воспоминанием.

¹ Одна из разновидностей аренды земли, при которой арендная плата составляет половину урожая.

И сейчас, через 75 лет, помню я всю остроту обиды, безысходность и бессилие преодолеть обиду. Один раз, это я точно помню, когда мне не было ещё и шести лет, я дал себе слово, что никогда не забуду во всю последующую жизнь те мысли и чувства, которых взрослые не понимают, думая, что малые дети — только материал для воспитания и воздействия, хотя на самом деле они гораздо глубже и справедливее взрослых. Я вышел в сад, взобрался на «погребню» и, стоя на ней, давал себе клятву, что сам никогда не буду таким тупым взрослым и до конца жизни не забуду этой клятвы.

К этому же возрасту — пяти-семи годам — относится моё увлечение решением трудных арифметических задач. Я ещё не был крепок в письме, и все задачи решал в уме. Старший брат Яков готовился тогда к поступлению в горное училище. Задачи, которые ему не удавалось решить алгебраически, я решал в уме. Его раздражало и злило, что мои решения совпадали с ответом.

С периодом жизни в Борках (до русско-турецкой войны) связано у меня воспоминание о заболевании дифтеритом. Это было в конце зимы 1875-го или в 1876 г. Большую боль причиняли смазывания глотки и удаление оттуда налётов и плёнок. Мать повезла меня в Козелец к доктору Гольдвуху. Чтобы я не замёрз в пути, на ноги мне надели (удивительно ясно помню эту подробность) бурки с оторочкой из барсучьего меха, а мать закутала меня в отцовскую меховую шубу. Долго ещё после выздоровления я страдал нарушением зрения. Всё двоилось в глазах, я не разбирал букв и не понимал, не видел картинок. Это вызывало очень обидные насмешки братьев. Старшая сестра Вера готовилась тогда к работе в земстве на эпидемии дифтерита. Она выходила меня.

Из того же периода хорошо помню, как в жаркие летние ночи я и Серёжа приходили спать вместе с отцом на холодильный помост. Плотно сбитый из чистых тёсаных досок открытый помост с невысокими бортами был устроен на уровне верхнего этажа на высоких столбах. Во время работы завода он служил для выпуска и охлаждения браги из перегонных чанов. Каждый раз после сгона браги помост (холодники) тщательно очищался и вымывался. Летом это было прекрасное место для сна под открытым небом на набитых сеном мешках, застланных чистыми ряднами. Накрывались мы так же ряднами.

Мы просыпались вместе с отцом на рассвете, при восходе солнца. На наших глазах оно выкатывалось на горизонте «як млыновее коло» и, пока мы умывались и одевались, успевало уже значительно подняться над горизонтом, но не пекло, а ласково согревало своими яркими лучами. В память западали слова отца, смотревшего на восход солнца:

— Ну вот, солнце только что появилось, родился новый день. К полудню оно поднимется до наибольшей дневной высоты, а к вечеру спустится и зайдёт за горизонтом, и день закончится. Как один день проходит и человеческая жизнь. Вы ещё на рассвете жизни, а время уходит незаметно, и день жизни идёт к закату. Когда будете такими, уже пожившими, как я теперь, вспомните, каким было для вас это раннее, светлое, тёплое утро, когда я ещё с вами смотрел восход солнца, и у вас вся жизнь ещё была впереди.

Я и сейчас, восемьдесят лет спустя, вспоминаю то радостное для нас утро и эти полные грустного раздумья слова отца.

Отец всегда придавал большое значение укреплению здоровья. В детстве мы умывались ранним утром голышом и в таком виде бегали в саду под тёплым летним грозовым ливнем или дождём.

Где бы ни проходили годы нашего детства в зависимости от перемены места службы отца — в Борках или Алексеевщине, или в другой местности, мы везде с братом Сергеем посещали местную сельскую кузницу. Постепенно у нас завязывалось знакомство и даже дружба с «ковалём» и его помощниками. По сельским трактам изо дня в день тянулись вереницы возов, на которых везли «лесты» — жерди — для изгородей или лесные материалы для строительства в степной полосе. Везли соль и «тарань» — вяленую воблу — из Приазовья, проезжали в тарантасах заезжие люди. Часто и из наших сёл уезжали куда-либо на ярмарку. И всегда в таких случаях нужно было подковать или перековать лошадей в зависимости от характера предстоящей дороги. Коней, работавших в поле, обычно не подковывали, но в дальних поездках копыта могли разбиться, а конь — захромать. Правильная подковка лошадей — главная причина, почему «кузня» была необходимой принадлежностью сельской местности. Обычно она находилась за селом, поближе к реке, но в то же время недалеко от проезжей дороги. Подле кузни было несколько станков и столбов для привязывания лошадей при подковывании. Подковы подгонялись в кузне по размерам копыта, в кузне была одна или несколько наковален, но, самое главное, был горн, в котором разогревалось докрасна или добела, смотря по надобности, железо. Для этого горение берёзовых углей, запас которых в рогожных мешках всегда имелся в кузне, в горне усиливалось «поддуванием» из мехов. Раскалённые куски железа, захваченные клешнями, поддерживались ковалём на наковальне и под ударами молота принимали желаемую форму.

Зайти в кузницу, смотреть, как брызжут и разлетаются искры и осколки от ударов молота, как разгорается огонь в горне от работы кузнечного меха, постепенно незаметно подойти поближе, не бояться разлетающихся искр, вовремя подать щипцы или зубило или подхватить перекинутую через блок цепочку от мехов и начать раздувать огонь в горне... Особенно интересно было, когда в кузницу приносили для сварки разломавшийся сошник или слишком короткий лом для наращивания. Оба конца накалялись добела, осторожно накладывались на наковальню и сильными ударами молота сплющивались и въедались друг в друга, превращаясь в один. Сначала нас, обычно, пугали и выгоняли из кузни. Мы научились не привлекать к себе внимания и к нам привыкали, а бывало, к нашей радости, и так, что долгое время неприветливый коваль давал молоток:

— Ну-ка, бей в такт! — и нужно было мерно попадать, не пропуская своей очереди. Чаще такая честь оказывалась Серёже. Я всегда отставал от него в ловкости и силе и мирился со своей участью физически менее умелого. Зато я брал настойчивостью и всё более обострившимся желанием сделать что-то не хуже брата.

Но не только работа в кузнице с её волшебными картинками яркого жара в горне и разлетающихся искр от ударов по раскалённому железу, с внезапным шипением и свистом в бочке с водой, куда опускалась сталь для закаливания, влекла нас к себе, вызывала затаённое желание учиться так же

сильно и искусно бить молотом, сваривать железо, плавить олово и свинец для запаивания леек и вёдер, как это делал мальчик, помогавший ковалю, или даже сам коваль. Не менее заманчивой казалась нам и работа «стельмаха», который подле кузницы чинил сломанные повозки, делал топором из толстой доски новую ось для телеги, вставлял новые спицы, долотом и стамеской проделывал дыры во втулках, и через час-другой его работы вместо поломанного воза у кузни стояла крепкая исправная телега, на ободья колёс которой коваль натягивал выкованные в кузне шины. Дид-стельмах был не такой крепкий и сердитый, как коваль, а тихий и добрый, охотно дававший пилу или даже долото и топор, чтобы отколотить часть щепки, не досаждавший нас вопросами, — для чего, мол, вам тут пачкаться сажей и дёгтем, вам учиться надо грамоте, а не нашей работе, — как обычно слышали мы в кузне. Дид-стельмах вместе с нами радовался, когда правильно работала в моих или Серёжиных руках ножовка или рубанок, когда хорошо и точно удавалось сделать его острым топором зарубку на доске.

Так же увлекало нас желание научиться хорошо работать серпом, когда начиналась «жнив» и везде в поле жали рожь, или научиться класть правильно покос, когда мы видели работу косарей.

У нас никогда не возникал вопрос, зачем нам было нужно научиться выполнять работу умело, как делают другие. Этого хотелось так же, как хочется не хуже других скользить зимою по льду на коньках или «запулить» не хуже другого мяч при игре в «гилки». Но при этом было ещё, может, не вполне ясное сознание, что при умении жать или косить, плотничать или работать в кузне можно помочь работать другим, надрывающимся от чрезмерного и непосильного труда, можно принести пользу, которой не видишь в игре или спорте.

Когда сейчас, в конце моего длинного жизненного пути, я останавливаюсь на самом отдалённом, но ещё свежем в сознании прошлом, я сам удивляюсь, как много ярких, не тускнеющих и не стирающихся воспоминаний связано у меня с периодами войн, которые переживала на протяжении моей жизни наша страна.

В наиболее раннюю пору детства сильное впечатление производили рассказы о свежих ещё тогда событиях, связанных с героической обороной Севастополя, о потрясениях и бедствиях, бурных волнах народных и общественных движений, зародившихся вслед за Крымской кампанией, приведших к падению крепостного права. Всё это жило и волновало в рассказах окружающих, в рассказах, полных благородного негодования в адрес реакционных душителей жизни николаевского времени. Всё услышанное тогда в горячих и постоянных спорах отложилось в глубине моей памяти, точно речь шла не о событиях, происходивших за 10–15 лет до моего появления на свет, а точно я сам жил в то время. Но всё же несравнимо ярче встаёт передо мною период русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Мне уже было тогда восемь–девять лет. Сознание и интерес к общественной жизни пробуждены были у меня очень рано. И когда началась Балканская война, вся острота внимания к событиям, отзвуки которых находили отражение в «Сыне Отечества», в «Голосе», а их я уже тогда привык ежедневно просматривать, составляла содержание моей внутренней жизни.

Мы жили тогда в Борках, в семи верстах (11 км) от Козельца. Отец был там управляющим имением. Каждый день с каким-либо поручением посылали в город рабочего, и я всякий раз старался присоединиться к посланцу. В Козельце — как сейчас помню — почти у самого собора находилась почтовая контора. Преодолевая свою чрезмерно выраженную и всегда мучившую меня робость, я забегал на почту, чтобы взять газеты, которые выписывал мой отец. На возвратном пути я успевал прочесть все военные новости о движении наших войск, о переходе через Балканы, об ужасах Плевны. Я делился своими волнениями с кучером Лукой, а дома, раньше, чем кто-либо успевал прочесть газеты, я уже рассказывал обо всех военных событиях. Как давно это было! Но в моей памяти эти поездки мимо густого Борковского сада по глубоким пескам на дороге через сосновый бор «Закревщину» к берегу реки Остёр, подъезд к Слободке, к мосту и, наконец, — собор и почтовая контора — стоят и оживают, точно вижу всё это вновь, всё стоит перед моими глазами.

С совершенной несомненностью помню, с каким торжеством прочёл я, возвращаясь с почтой, что «Шестаков и Дубасов потопили турецкий монитор»! Мне не терпелось, и когда мы доехали до дороги, огибавшей сад, я соскочил с телеги и через сад прибежал, чтобы возвестить дома об этом нашем успехе на море. Газетное барабанное бахвальство и буйно разросшийся во время войны шовинизм, по-видимому, не могли не повлиять на мои настроения.

Отчётливо сохранились в памяти и другие волнения и горести, относившиеся к периоду 1877–1878 гг. Особенно плакала и горевала старшая сестра по поводу тяжёлой болезни и смерти Н. А. Некрасова. Она прочитывала вслух и перечитывала много раз со слезами последние стихотворения поэта, напечатанные в «Отечественных записках»: «Двести уж дней, двести ночей муки мои продолжаются», «Скоро стану добычею тлена», «О, муза, я у двери гроба» и другие. Об отношении к поэзии Некрасова в нашей семье говорит то, что я уже знал тогда наизусть постоянно декламировавшиеся у нас его стихи и поэмы: «У парадного подъезда», «Железная дорога», «Отпусти меня, родная». Но я говорил наизусть и ряд резко обличительных произведений Некрасова, таких, как «Окружают тебя добродетели, до которых другим далеко» или «Колыбельная песня».

Помню, как больно и горько отзывались на всех окружающих неудачи под Плевной, какое негодование вызывали передававшиеся из уст в уста слухи о попытках неподготовленными штурмами взять её по приказу командовавшего армией брата царя, Николая Николаевича Старшего, ко дню именин Александра II. Штурмы эти стоили жизни десяткам тысяч солдат. До сих пор в моей памяти встают бичующие популярные тогда слова революционного стихотворения о взятии Плевны:

Именинный пирог из начинок людских
Брат подносит державному брату,
А на родине ветер холодный шумит
Да разносит солдатскую хату.

Помню восторги, находившие отклик и в моих настроениях восьмилетнего непокорного резонёра, дикого «буки», от подвигов моряков Дубасо-

ва и Шестакова, от восхваления доблестных, стремительных продвижений Гурко, а затем Скобелева.

Живые воспоминания остались у меня о турецких военнопленных, которые в очень значительном количестве были размещены к концу войны в Козельце. В это время отец из Борок перешёл на работу в Алексеевщину, куда, сколько помню, приглашён был Бодровым, который сам не жил в своём небольшом имении, но хотел его получше устроить. Рядом с хутором Разумы, в двух-трёх верстах от Козельца, была запущенная липовая роща. Подле неё и устраивалось новое хозяйство. По плану отца прокладывалась дорога, её обсаживали тополями. Копали пруд, шла разбивка сада. Отводились земли под плантации. Целые десятины засаживались виноградными черенками «чубуками». К работе привлекались военнопленные. Воинский начальник по заявке присылал под охраной сто и более пленных. Охрана обычно состояла из двух часовых из новобранцев.

Нам, детям, сначала в диковинку было смотреть на турок в красных фесках и в особой, непривычной для нашего глаза, обуви. Мы их боялись, с большой опаской относились к «башибузукам». Но скоро я и брат Серёжа познакомились с пленными. Русские часовые относились к нам очень ласково. Мы стали отличать среди пленных благодушных и добрых «османов» (из Константинопольского вилайета). Они весьма отрицательно относились к войне, с нетерпением ждали, когда будет заключён мир. По преимуществу это были мобилизованные во время войны не очень молодые крестьяне, у которых дома остались семьи, дети. Они постоянно говорили о своей тоске по дому. Мы старались обучать их русскому языку. По их просьбе читали им газетные новости и в особенности о всяких слухах о ходе переговоров о мире. Они же научили нас многим турецким словам, объясняли свои обычаи, рассказывали об особенностях своего быта. Многие из них были крупного роста, силачи. Один из пленных, играя, брал часового и выкидывал его на копну сена. Когда началась уборка луга и полей, турки оказались умелыми косцами. Придя на работу, они утром и вечером совершали свои молитвенные обряды, омовения. Утром и за обедом обильно сопровождали еду хлеба и приварка большим количеством зелени, петрушки и сельдерея, обмакивая их в соль. Некоторые из «османов» с особой симпатией относились к детям. У меня завязалась дружба с одним из них, которого я в шутку называл «осман-паша». Он с удовольствием во второй год, когда уже довольно хорошо научился говорить по-русски и поджидал скорой отправки домой, рассказывал о своих детях, о хозяйстве и жизни на родине. А так как я очень часто приносил ему угощение из дома, он обещал мне прислать, когда вернётся из плена, какой-нибудь турецкий подарок. И он выполнил своё обещание. Спустя два года после войны он по почте прислал с трогательной запиской верхнюю летнюю рубашку с нашитыми в виде украшения густыми рядами перламутровых пуговиц.

Отношение местных селян-украинцев к работавшим вместе с ними пленным было вполне дружелюбным. Пленных жалели, часто высказывая при этом, что и нашим, находящимся в плену на чужбине, будет легче, если их пожалеют. Уже тогда от наблюдений на деле отзвуков войны в глубине села у меня как-то само собою складывалось такое чувство, что воюют

между собой не массы простых людей, а те, кто их гонит на войну — высшие власти, их правительства. А уж раз война идёт, то призванные солдаты проявляют геройство и выносят все страдания, тяготы, ранения и смерть.

Помню, сколько было слёз, сколько горя проявляла вся семья очень близкого мне Петра Кадюка, всегда дававшего мне налаженную косу, чтобы я мог научиться косить, — когда после неудачной «первой Плевны» была мобилизация ополченцев. Исключительный добряк и семьянин Петро, взятый в ополчение, был в маршевой роте направлен в Архангелогородский полк, участвовавший в штурмах Плевны. Я навещал семью Петра, видел все тревоги и оплакивания Петра, о котором долгие месяцы не было вестей.

Точно это сейчас происходит, вспоминаю я приготовления в липовом большом старом парке Алексеевщины, выходящем на дорогу из Тополей в Козелец, к встрече Архангелогородского полка, возвращавшегося с войны в свои козелецкие казармы. Вдоль дороги устанавливались столы с угощением. Между липами натягивались полотнища с приветствиями, ставились скамьи, делались навесы. Мы с братом Сергеем непрерывно бежали, чтобы смотреть за этими приготовлениями. Из города, из соседних сёл, из Слободки собрались толпы народа. Вот издали донеслись слабые звуки военного оркестра. Затем показались на лошадях командиры. Их встретили хлебом-солью и просили дать роздых полку в липовом парке и разрешить угостить солдат. Был жаркий летний день. В полной походной форме, среди густых облаков пыли и сами с головы до ног покрытые пылью, шли солдаты. Батальон за батальоном, рота за ротой, с ружьями на плечах; фельдфебели с шашками и офицеры на лошадях отводили роты на подготовленные для них места. Гремел оркестр, неслись отовсюду крики «ура!». Встречающие несли угощение — связки баранок, бубликов, пампушки, молоко. Солдаты ставили ружья в козлы...

Сколько интереса и удовольствия было нам пощупать и приклады, и штыки! Наконец, после рот пошёл обоз, подъехали кухни. Неизъяснимою радостью была встреча с Петром Кадюком. Он оброс бородой, на погонах красовались нашивки. Он был цел и невредим, надеялся на скорое увольнение со службы. Но вот заиграли горнисты, и под барабанный бой солдаты привели себя в походный вид — со свёрнутыми шинелями через плечо и с ранцами за спиной. Быстро разобрали ружья. Заиграл оркестр, и полк потянулся к дороге и гребле (насыпи, плотине), ведущей к Козельцу. Скоро в Алексеевщинском «липняке» всё опустело, и только кое-где сбежавшиеся неизвестно откуда собаки подбирали объедки.

Два года в народной городской школе в Козельце

В связной и отчётливой последовательности у меня в памяти не сохранился ход событий от момента окончания войны до поступления осенью 1879 г. вместе с братом Сергеем в Козелецкое городское училище в третью группу, соответствующую третьему году обучения. Упомяну лишь об одном вос-

поминании — о приезде однажды весной вечером с тяжёлым чемоданом «дяди Абраши». Позднее, через несколько лет после удачного побега, он в заграничных революционных кружках был известен под именем Алексея Николаевича Баха¹, как автор известной брошюры о начатках политической экономии и как учёный, специалист по химии азотных соединений. В тот же свой приезд он был длинноволосым студентом Киевского университета с жиденькими баками, почему-то врезавшимися мне в память. Очевидно, отец был убеждён, что мы уже спим, когда он вёл с Абрашей разговор о привезённом им чемодане. Но я слышал их разговор и совершенно правильно отдавал себе отчёт о его сущности и содержании. В чемодане была спешно увезённая из Киева подпольная типография, которую надлежало незаметно «захоронить». Ничего удивительного нет в том, что, проснувшись на рассвете, я вышел, направляясь в липняк, и в стороне от дороги увидел, как отец и приехавший студент старательно закрывали дёрном засыпанную землёй яму, в которой, очевидно, и была схоронена типография.

Много лет спустя я повидался с бывшим двадцатилетним студентом Бахом, всегда представлявшимся мне типичным студентом 70-х годов. Но в 1923 г. Алексей Николаевич выглядел стариком, ему было уже 66 лет, а мне — 54. При советской власти он вернулся из Швейцарии и руководил созданным им научно-исследовательским физико-химическим институтом.

Два или три года, связанные с учёбой в Козелецком городском училище, всегда были и остаются лучшим, самым заманчивым периодом жизни, периодом полного и цельного упоения самим процессом роста сознания, обогащения знаниями и полного отсутствия разъедающего, угнетающего и принижающего неверия в свои силы. Это была пора полной свободы от мучительных мыслей о неправильном, непроизводительном применении сил и способностей, пора отсутствия ощущения пустоты, бесцельности жизни.

Как-то сразу и без шероховатостей мы вошли в жизнь класса. Со всеми учениками завязалась самая тёплая дружба. Две-три версты от Алексеевщины до училища мы с братом проходили пешком. Учились мы оба в одной группе, хотя Сергей и был старше меня почти на два года. Мы чувствовали себя тесно спаянными единством. По дороге через Слободку к нам присоединялись другие ученики из нашей группы. Идя через греблю, на которой всякий раз работали две из семи стоявших там мельниц, мы подолгу глядели, как низвергается и потом бежит по широкому лотку вода и ударяет в лопатки колеса, вращая его, а затем с плеском и шумом низвергается в реку быстронесущимся пенистым потоком. Мы забегали внутрь мельницы и, не отрывая глаз, следили, как мощный дубовый вал, на котором было укреплено водяное колесо, передавал своё движение зубчатой передачей вертикальной оси, конец которой вделан в окованный железом мощный жернов, раздавливающий и растирающий в муку поступающие под него зёрна. Смотришь на одну сторону плотины — там до самой Алексеевщины на целые вёрсты тянется поросшая ситником, а вдали сплошь заросшая густым очеретом запруда, гребля. Весной она под постоянной угрозой про-

¹ Об А. Н. Бахе и влиянии его на старшего брата Захария Григорьевича — Якова см.: Приложение № 1.

рыва весенними водами. В разных местах по гребле и по дальним берегам запруды, склоняясь над тихо застывшей в полном покое водой, стоят дуплистые вербы и осокори. Над запрудой проносились дикие утки, гудел водяной «бугай» — выпь. А по другую сторону плотины — сочный зелёный луг или заросшее осокой ровное болото. Чуть возвышается оно над водой прорезывающего его стремительного, бурлящего потока, вырывающегося из-под шумно ревущих мельничных колёс. По берегам запруды были заросли ивняка и лозы. Там мы находили иногда свисающие над водою гнёзда ремеза. Изумление и восхищение вызывало строительное мастерство этих птичек, так искусно и тонко сделаны их гнёзда. Неисчерпаемо разнообразна была чудесная по красоте и причудливости форм прибрежная растительность — стрелочники и трёхлистники, а на воде белые и жёлтые кувшинки, султаны рогазы. По пению, пisku и другим звукам мы умели различать и очеретянку, и дергача, и разные виды куличков и синиц.

А осенью, когда на «ставу», в конце ноября и в декабре, вода между ситником и над глубокими вырами покрывалась толстым, прочным и как стекло чистым и прозрачным льдом, мы, сокращая путь в школу, шли прямо по льду. Сколько удовольствия было высмотреть стоящую подо льдом, где-нибудь между ситниками уснувшую щуку, большую, как полено. Мы замечали это место и после школы находили его, опять высматривали щуку и оглушали её сильным ударом обуха по льду. Надо было успеть затем прорубить лёд, чтобы захватить щуку раньше, чем она оправится от контузии.

В школе всё мог разъяснить учитель — Никифор Иванович Лукьянович. Ровный, внимательный, серьёзный и даже несколько суровый на вид, он выслушивал наши вопросы и сообщал много замечательно интересного, как бы давая попутно объяснение по поводу обращённого к нему вопроса.

Ранней весной, когда не везде ещё растаял снег, Никифор Иванович давал задание отыскать первые весенние цветы, выкопать их с корнем и принести в школу для общего ознакомления с ними в классе. Подобрал трёх-четырёх товарищей, мы с Серёжей после занятий выискивали в липняке первые цветы: жёлтые звёздочки с луковицами в земле — гусиный лук, «сон» (*Anemone pulsatilla*). Позднее приносили мы ветреницы и курослеп, поручейники (*Geum rivale*) и др. Всё это Никифор Иванович раздавал в классе, заставлял срисовывать в целом виде, а потом отдельно корни, корневище, луковицу, стебель, листья, цветок, околоцветник, чашечку, лепестки, венчик, тычинки, пестик. Потом всё это в его объяснении оживало в одно целое растение. Каждое из них было очень похоже на другие растения того же вида, но с большим постоянством отличалось от растений других видов.

Как бы сами собой появлялись у нас вопросы: как, почему произошли различия, как эти различия закрепились, как распространяются растения? Кое-что Никифор Иванович объяснял, но чаще отвечал своими вопросами и заданиями. Многое из того, что мы узнавали на уроках, казалось нам потом само собою понятным, давно известным. Эта атмосфера не пассивного восприятия, когда знания как галушки падают в раскрытый рот, а деятельного трудового поиска истины постоянно поддерживала какое-то бодрое, я бы сказал, воодушевлённое настроение на уроках. Всякое знание

нужно было черпать из наблюдений, повторных и подробных, и из сравнения различных наблюдений между собою. Можно было бы многие страницы заполнить рассказами о ходе уроков и о том, как расширялся кругозор учеников. В то же время росла любознательность, умственная инициатива и содружество в товарищеской работе.

«Теплота есть движение мельчайших частиц — молекул. При трении часть энергии, затрачиваемой на приведение в движение трущихся досок, переходит в тепло. Если тереть одну доску о другую, можно нагревание поднять до высоты, при которой дерево загорается». — Это было попутно сказано на уроке. И целая группа учеников остаётся после уроков. Во дворе школы отыскивали сухие доски. Одну из них закрепили, а другую производим движения, как пилой. Ученики попарно сменяются. Сколько веселья, когда, наконец, появились сначала тонкие струйки дыма, а потом пошёл густой дым!

В первую зиму нашей учёбы в Козелецком училище отец служил в Алексеевщине, и вся семья жила там. Когда бывали сильные морозы и идти пешком в школу было трудно, нас с братом отвозили на санях по более короткой дороге через поросшее очерётом болото, примыкавшее к запруде реки Остра выше гребли. Морозы в ту зиму были лютые. Заботливая наша «маты» старалась закутать нас как можно теплее. Поверх нашей одежды одевалась отцовская шуба либо тулуп, который туго завязывался поясом, так что трудно было повернуться. На дровнях впереди садился возница, а мы не садились, а ложились в сани, да ещё нас прикрывали одеялом. Ухабы от снежных заносов на дороге были глубокие, и однажды при переезде через такой ухаб я был выброшен из саней. Хлопец-возница этого не заметил. Немало труда стоило мне развязать пояс на шубе, освободиться от закутывавшего лицо и рот башлыка, чтобы начать кричать и попытаться броситься вдогонку. К счастью, брат заметил моё отсутствие и через несколько минут сани удалось повернуть и меня подобрали.

Когда в 1879 г. прекратилась служба отца в Алексеевщине, он взял в аренду небольшое хозяйство в лесничестве в Мостищах. И туда в 1880 г. переехала вся наша семья. Там среди вековых дубов на опушке леса стоял дом с соломенной крышей и подле него сарай и клуня. От Козельца до Мостищ было довольно далеко, вёрст семнадцать, и чтобы обеспечить для нас возможность продолжать учёбу в Козелецком училище, для нас с осени сняли в Козельце комнату, в которой с нами поселилась наша старшая сестра.

Старшая сестра Вера родилась в 1858 г. Основными чертами характера она походила на отца. Настойчивая, твёрдой и сильной воли, инициативная и исключительно трудолюбивая. Упорство в труде и способность отдаваться работе со страстью; любовь к разбивке, копанию, возделыванию грядок, клумб, к посадке кустов. От глубины души, от всего существа идущее презрение, отвращение к мешанству, к пошлости, к своекорыстию и мелочным условностям. Всю жизнь оставалась она непреклонной ригористкой с девственной чистотой. Недовольство убожеством окружающей жизни всегда горело в ней; ей присущи были порывы к чему-то большому, высшему. Действенность и самостоятельность были главными её чертами.

В описываемый период Вере было уже 20 лет. На весь учебный год она заменила нам мать: заботилась о нашем питании, о содержании и отопле-

нии комнаты. Она очень сблизилась с хозяйкой дома и двумя её дочерьми, а также с одним учителем нашего училища — Петром Николаевичем Мизько, снимавшим у той же хозяйки одну комнату. Очень часто по вечерам Вера ходила с нами на прогулки далеко за город или в парк Покорщину. В свободные часы читала нам книги, которые её в то время занимали. Отчётливо сохранилось в памяти, как однажды рассказал я Никифору Ивановичу об очень заинтересовавшей меня книге, прочитанной нам сестрой. В ней говорилось о возникновении первобытной культуры, об орудиях каменного века, об открытии способа добывания огня путём трения, о приручении животных и о переходе от охотничьего к пастушескому, кочевому образу жизни... Не помню точно, что это была за книга, кажется перевод работы Дрепера, но хорошо помню, что она была полна рисунков орудий каменного века и других эпох, рисунков костей животных и описанием быта сохранившихся в Австралии первобытных племён. Никифор Иванович посоветовал перечитать книгу, главу за главой, и отчасти на его уроках, отчасти после уроков рассказывать ученикам о развитии первобытной культуры. По существу, это были мои первые доклады или, вернее, цикл докладов в кружке товарищей.

Для нас и, в частности, для меня, сестра сделала очень много. И живя с нами в Козельце, и позднее она беспощадно изобличала тех, у кого слово и политические взгляды расходились с делом. В эту категорию попадали и писатели, и подчас отец, а позднее — и я. Её работа народной учительницей на протяжении десятков лет давала ей большое удовлетворение. Моё последнее свидание с нею до революции состоялось в её школе в октябре 1917 г., а позднее в 1936 г. в Остре. Умерла Вера (а вслед за нею и жившая с нею сестра Соня) во время Отечественной войны, в оккупации, в 1942 г.

Во второй и третий год учёбы у Никифора Ивановича всех учеников особенно интересовали его уроки по географии. Прежде всего, он дал нам задание составить план классной комнаты, затем — школьного здания, всего школьного участка с нанесением на план всех строений, огорода и проч. Мы лентой измерили все стены, ограду, расстояния; определили величины углов пересечений, определили по устроенным во дворе школы солнечным часам направления и т. д. Потом задание было расширено: составить планы частей города, отдельных улиц и кварталов, берега реки Остра. При составлении плана квартала или улицы каждый должен был обойти пять-шесть домов, чтобы получить ответы на вопросы о числе жителей, их возрастном составе, занятиях и быте (откуда берут воду, получают жизненные припасы и пр.). Отдельные дома, кварталы, улицы объединялись на плане в общих подсчётах относительно населения, его занятий и получалось географическое описание, выведенное из наблюдений над населённым пунктом. После этого шли уроки о нашем уезде и губернии, а затем по географии всего нашего родного края. О встреченных при подробном ознакомлении с городом производственных предприятиях ученик делал детальное сообщение в классе. Брат мой подробно познакомился с винокуренным заводом в Алексеевщине. С помощью отца он составил не только планы завода и схемы процессов производства, но и сделал чертежи отдельных аппаратов. Никифор Иванович заставил его сделать несколько докладов в классе: о приготовлении солода, о бродильных чанах, перегонных аппаратах и пр.

Благодаря разбуженному Никифором Ивановичем интересу к естествознанию у нас развернулось соревнование и укрепились навыки собирания коллекций яиц, насекомых (особенно бабочек), камней и минералов, а также наиболее интересных гнёзд птиц — ремеза, иволги, зяблика и др. В связи с этим знания накапливались не по книжным описаниям, а из собственных наблюдений, на основе непосредственного, живого материала, варьирующегося и изменчивого и в то же время объединяемого в видовые и родовые понятия.

Сколько усилий и наблюдательности нужно было, чтобы найти среди куч камней на шоссе образцы гранита или кварца, полевого шпата и слюды, известняков и мела и выбить из мела молотком окаменелости — аммониты, белемниты и пр.! Какую радость доставляла находка гнезда редкой птицы! Так, например, в одном из отдалённых участков леса, в густой чаще на невысоком дереве мы увидели большое гнездо, из которого вылетел напуганный нашими криками крупный коршун, принятый нами сначала за орла. Взобравшись на дерево, брат мой сообщил, что в гнезде только одно яйцо. Мы обычно брали из гнезда только по одному яйцу при условии, что их было три или четыре, чтобы птица не заметила и не потеряла гнезда. Но тут дело шло о редкой породе вредного хищника, поэтому мы решили взять это яйцо. Как сейчас помню его особенности: не овальной, а почти правильной шарообразной формы, величиной поменьше куриного, тёмно-красного цвета, с чёрно-бурыми пятнами.

Собирание коллекций воспитывает и обостряет способность и привычку внимательно всматриваться в окружающую природу, чтобы найти новые, отсутствующие в коллекции виды и разновидности собираемых растений, насекомых или минералов. Всякая прогулка приобретает новый смысл. Развивается страсть к более отдалённым и трудным пешим прогулкам в новые места по берегам реки, в горы, степь.

Как много радостей от познания природы с её неисчерпаемыми красотами и неожиданными загадками, вызывающими неотступное желание их разгадать, понять и истолковать, связано было во все периоды детства, да и в более зрелые годы — в быстро пронесившиеся недели кратковременного летнего отдыха — с привычной страстью собирать, пополнять гербарии, коллекции минералов, геологических находок, насекомых. Особенно, пожалуй, бабочек!

Незабываемы часы вечерних сумерек, когда после сухого и жаркого летнего дня начинает веять свежестью ночи, трава и цветы покрываются росой и в лёгких движениях воздуха ощущаются ароматы жимолости, каприфоли или петуний... И вдруг, точно замирая над цветами, проносятся и реют крупные бражники: сиреневый, винный или молочайный. В виде какого-то непостижимого и необъяснимого события мне удалось однажды поймать залётного олеандрового бражника. Олеандры, листьями которого питаются гусеницы олеандрового бражника, поражающего своими размерами и причудливою красотой своей расцветки, растут лишь в Крыму или на Черноморском побережье Кавказа, в Болгарии. Значит, вывестись олеандровый бражник мог лишь там. Как же мог донести его к нам на Украину стремительный полёт, за сотни километров? А ведь мы с братом достовер-

но поймали его в Нежине тёмным украинским вечером на цветах капри-фоли. Или вот была мною поймана самка тополевого бражника. Проколов её булавкой, я прикрепил её на подоконнике. Она стала откладывать яйца на подложенный под неё лист бумаги. Как только я открыл форточку, один за другим начали влетать и садиться возле самки великолепные, достаточно редкие у нас тополевые бражники-самцы. Значит, самка либо испускает какой-то слышимый за сотни метров запах, либо издаёт чрезвычайно высокий, не воспринимаемый нами звук. Возникает невольное стремление искать объяснение этого явления.

Много-много раз мы ловили в ночное время самого крупного из всех водившихся в наших широтах жуков — рогача или жука-олени. Подолгу жил он у нас в коробке, питаясь подслащённой водой. Когда его внимание привлекали какие-либо звуки, он настораживался, поднимаясь на первую пару ног и широко расставляя свои устрашающие огромные крепкие клешни. Стоило пустить к нему другого такого же вооруженного клешнями самца, как между ними завязывался бой. Нередко у обоих оказывались пробитыми насквозь жёсткие крылья, грудь и живот. Когда мы хотели засушить жука-олени, а предварительно нужно было его умертвить, сделать это было очень трудно. Опушенный в банку с чистым алкоголем, он через день-два не обнаруживал признаков жизни. Но, посаженный на булавку в ящике, он оживал, вертелся и портил коллекцию. Как-то мы обратили внимание, что подле одного старого дуба, на котором нам удавалось ловить крупные экземпляры жука-рогача (*Lucanus cervus*) валялись совершенно целые мёртвые, хорошо засохшие экземпляры таких жуков. Поймав самку, мы пускали к ней в коробку самца. Он насакакивал на неё, как петух на курицу. В отличие от других насекомых (жуков, стрекоз, бабочек) самец и самка не оставались связанными между собой. Просто самец через короткие промежутки времени насакакивал на самку. Если мы оставляли их вместе, обычно через два-три часа крупный старый самец падал мёртвым. Самку мы выпускали на дуб, где она откладывала яйца и перезимовывала, зарываясь на дне дупла, до следующего года. Этот способ умерщвления жуков-рогачей любовною смертью нигде не описан, и мы в детстве знали его только благодаря изощрённой наблюдательности любителей-коллекционеров.

А переходящая в своего рода спорт привычка собирать гербарий, засушивать растения, определять собранные при каждой прогулке экземпляры, — разве не ведёт она к более тонкому и разностороннему умению воспринимать разнообразие форм, размеров и расцветок отдельных видов растений и их сообществ, их соседства с другими видами. Природа — луг и лес, обрывы реки и поляны оживают во всём своём богатстве оттенков благодаря наличию различных видов капорского чая или иван-да-марьи, кампанул или спиреи. А потом, очутившись в какой-нибудь отдалённой местности, куда забросит вас причудливая игра жизненных извилистых путей, попав на луг или в лес, — с каким радостным чувством находите вы старых своих знакомцев: то какой-либо поручейник, гравилат, луговую герань или простую розетку. И в памяти оживают и проносятся перед вами родные картины безмятежного детства, точно встретили на далёкой чужбине старого хорошего знакомого. Это такое же успокаивающее и ободряющее

чувство, какое, выйдя на улицу, испытываешь в тёмную звёздную ночь в совсем незнакомой стране, за тысячи километров от родины, где и людская речь чужая, и все здания какие-то непривычные, и даже общие виды местности новые, не свои; но взглянешь на небо — и сразу всё налаживается, точно к своим вернулся, ибо всё оказывается на месте: и Большая Медведица, и всегда в размеренном от неё расстоянии Северная Полярная Звезда, и вся Малая Медведица, и «Велесожар» (Плеяды); и все созвездия те же, что и дома, на родине: и Капелла, и Лебедь, и Вега, Денеб и Альтаир, и Арктурус, и сверкающий Сириус.

В мае 1880 года, когда мы уже жили в учебное время в Козельце с Верой, а отец с остальной семьёй жили уже в Мостицах на опушке Галагановского леса, как-то совпали подряд три неучебных дня. Мы надумали пешком дойти до Мостиц, пробыть там один день и вернуться в срок к урокам в школе. До летних каникул оставалось ещё около месяца. Пройти пешком 20 вёрст (32 км) по не очень хорошо знакомой дороге, по которой лишь один раз пришлось проехать на лошади, казалось нам предприятием очень отважным, хотя мне было тогда уже десять лет, а брату — двенадцать. Но в то время было совершенно необычным отпускать детей нашего возраста в такой дальний путь одних. Но желание преодолело все препятствия — сестра разрешила. Взяли с собой немного провизии и рано утром, чуть взошло солнце, отправились через весь город. Выйдя на большой шлях, мы прошли около пяти вёрст до села Тополи, а затем свернули на просёлок. Над полями, зеленеющими от высокой ржи и густых всходов яровых, стояла прозрачная дымка утреннего тумана. Слышен был бой перепелов, непрерывно сверху неслись и падали далёкие и близкие звуки пения жаворонков. Поля и просторы казались необъятными. С дороги слетали посметухи и овсянки. Пройдя уверенным ходом часа два, мы подкрепились едой, немного отдохнули и двинулись дальше. По дороге и вблизи деревень леса не было видно, и только где-то совсем далеко через синеватый простор, на горизонте, заметны были силуэты темневших деревьев. Мы прошли ещё более часа; стала закрадываться тревога, не ошиблись ли мы дорогой. Но вот слева вдали засверкала гладь озера. Солнце уже поднялось и припекало. Мы через поле вдоль балки подошли к озеру, застывшему при безветрии. По берегу бегали, взлетали и издавали свои характерные крики «чайки» — так на Украине называли чибисов (*Vanelus cristata*). Среди засохших остатков прошлогоднего ситняка мы нашли несколько гнёзд с крупными коричневыми яйцами с чёрными пятнами. Взлетевший из-под самых ног куличок «песочник» пронёсся над самой водой и с красивым посвистом спустился на берег. Трудно было устоять от соблазна искупаться, и хотя мы горели желанием поскорее прийти к цели нашего путешествия, всё же пробархтались на этом озере, вероятно, не менее часа.

Только часа через два дошли мы до села Мостицы. Невысокая деревянная сельская церковь была для нас надёжным маяком и устранила всякие сомнения в правильности нашего пути. Обогнув село, мы вышли к лесу, а затем, к немалому изумлению и радости встретившей нас во дворе матери, попали домой. Мы чувствовали себя почти героями, осмотрели всё хозяйство, побывали на чердаке, где уже сидели в гнёздах на яйцах голубки. Одним словом, мы были наверху доступного смертным блаженства. На

листьях дубов, на высоких ветвях сидели квакушки (квакши) — маленькие ярко-зелёные лягушки — и оглашали воздух громким кваканьем. Через день к вечеру мы поехали обратно уже на лошади.

Событием, оставившим глубокий след в памяти, в следующем году было 1 марта 1881 г. Через несколько дней всех учеников повели в сопровождении учителей в собор. После панихиды и затем молебна на площади перед собором была проведена присяга новому царю. Слова присяги вместе со всем народом должны были повторять и школьники. Вскоре после этого события разнеслась взволновавшая всех учеников весть о том, что наш Никифор Иванович посажен в острог (городская тюрьма). Тогда, после убийства 1-го марта Александра II, со всех концов приходили вести об арестах. Никто не задавался вопросом, виноват ли, и в чём именно, попавший в беду. Менее всего такой вопрос мог бы возникнуть у учеников относительно Никифора Ивановича, которого все любили и уважали. Эта глубокая любовь и уважение к своему лучшему учителю выразилась в паломничестве учеников к острогу, которое постоянно обращало на себя внимание, пока там держали Никифора Ивановича. Оно повторялось, несмотря на все запреты. Некоторым ученикам удавалось через сторожей передать учителю булку, баранки и другую еду.

Как сейчас помню радость, когда в июне 1881 г. перед ссылкой мой учитель был выпущен из тюрьмы. Двое преподавателей и несколько учеников, в том числе и мы с братом, вместе с Лукьяновичем устроили прогулку на лодке по реке Остёр. Никифор Иванович был бодр, радостен, приветлив.

В том же июне мы с братом перешли из третьей группы в четвёртую, получив на экзаменах, как и в предыдущие годы, награду и похвальный лист. Но после каникул мы уже в Козелец не вернулись. По желанию отца с июня по август мы с Сергеем самостоятельно готовились к вступительным экзаменам в первый класс гимназии. Готовились по программе, полученной из Нежинской гимназии. В этой подготовке дело шло не о расширении понимания и познаний окружающей природы и жизни, не об усвоении полезных знаний, а о твёрдом заучивании правил правописания, употреблении буквы «ять», усвоении по Закону Божьему Ветхого и Нового Заветов, о грамматике и чистописании. Это заучивание и упражнения не захватывали и не были занимательными.

Отцу не легко было решиться отдать нас в гимназию. Материально это было для него просто непосильно. Высокая плата за право учения, расходы на обмундирование и обязательную гимназическую форму, дороговизна содержания в пансионатах (общих ученических квартирах). Сбережений у отца никаких не было. Средств едва хватало на жизнь своим хозяйством в деревне. Но годы шли, Сергею было уже 12 лет, мне — десять. Рассчитывать на поступление сразу в старшие классы было невозможно, т. к. тогда пришлось бы готовиться по латинскому, греческому и французскому языкам. И вот после долгого обдумывания и молчаливого переживания отец принял решение: мы должны, во что бы то ни стало, поступить в гимназию. С нами где-нибудь на окраине города в дешёвой квартирке должна будет жить и вести всё хозяйство без всякой прислуги мать, помогать ей будет сестра Соня, а старшая сестра Вера останется с отцом.

План этот был крайне труден для выполнения, но он был принят бесповоротно. Отец ездил в Нежин, привёз программы и руководство, и мы должны были со всей настойчивостью приняться за подготовку. И действительно мы каждый день по несколько часов занимались чистописанием, правописанием и другими предметами.

Это, однако, не мешало нам с Сергеем, а иногда и при участии старшего брата, ежедневно отправляться в лес то за ягодами, то за грибами, а то и просто в качестве искателей приключений и любителей природы. В период летних дождей, выйдя из дома до восхода солнца, мы к обеду возвращались с полными корзинами белых грибов, а собирать другие мы считали ниже своего достоинства. Иногда к нам присоединялись сёстры, и тогда шло соревнование. Кроме грибов, собирали землянику и попутно букеты цветов. Особая погоня была за лилиями (коричневыми с крапинкой «царскими кудрями»), лесными мечниками (шпажниками), медвежьим ухом (*digitalis*), синими присами и ярко синими горечавками...

Мы хорошо ознакомились с лесом, знали все его ближние участки, разделённые широкими прямыми просеками через каждую версту. Каждый участок составлял одну квадратную версту (100 десятин). На более высоких местах лес был преимущественно дубовый, а смешанный — дуб, берёза, осина, граб, черноклён, ольха — на более низких. Были кое-где болота, лес пересекала речонка Трубайло. Местами были густые заросли лесного орешника (лещины). Когда орехи созревали, мы собирали и их, заготавливали на зиму. Нередко с орешника падали и впивались в тело клещи. Впившегося клеща трудно вырвать, пока он не напьётся крови. Напившись, он становится похож на чёрную ягоду и тогда отваливается сам. Везде в лесу росли высокие, крупные папоротники. Их было много видов. В более низких местах были целые заросли чемерицы, валерианы, спиреи.

Лес обиловал представителями пернатого царства: тетеревами, куропатками. В болотных низинах водились дикие утки, кулики, цапли. В отдельных участках, куда нам было запрещено ходить, было много волчьих нор.

Как-то в середине лета мы с Сергеем были вдвоём в лесу. Как всегда, разумеется, с нами был наш неизменный спутник и друг, неутомимый Дизраэль. Так звали собаку, небольшую по росту, но исключительно умную, понятливую и во многих отношениях выдающуюся по природной одарённости. У нас была небольшая комнатная замечательной красоты собачка Жолька. В результате её случайной связи с совершенно ей неподходящей по росту легавой среди её щенков один, наиболее крупный, был оставлен для выкармливания его Жолькой. Это было в 1878 г., когда отец постоянно с возмущением бранил и ругал главу тогдашнего английского консервативного правительства, строившего козни против наших войск на Балканах, пославшего британский флот для военной демонстрации в поддержку Турции. И вот щенок был назван именем первого министра Англии — Дизраэль Биконсфильд, в обиходе же просто Дизраэль.

Во время описываемой прогулки мы углубились далеко в лес и стали рассматривать выходы из лисьей норы. Невдалеке от одного выхода оказался целый склад крыльев и голов с клювами тетеревов и куропаток. Я заметил, что Дизраэль замер в мёртвой стойке, устремив взор в одну точку.

Всмотревшись, я разглядел там притаившуюся, подползавшую к норе лису. По команде Дизраэль набросился на неё с дикой яростью. Мы поспешили ему на подмогу, Хотя лисица искусала ему морду, Дизраэль крепко прижал её зубами. Серёжа мгновенно снял свою куртку и накрыл ею лисицу. Пока я старался обхватить курткой лисицу снизу и завязать её вокруг рукавами, она успела просунуть морду и искусала мне во многих местах руку. Но всё же удалось завязать её так хорошо, что без дальнейших приключений мы принесли её домой. Закрыв хорошенько двери и окна, выпустили её из куртки, изрядно перепачканной к огорчению нашей, всё прощавшей нам, мамы.

Лисица была молодая, но уже довольно большая. Теперь мы могли её хорошенько рассмотреть, как ни старалась она спрятаться за шкаф или под кровать. Поймать живую лисицу — это была сенсация! Заперев тщательно дверь, все мы вышли в соседнюю комнату обедать. Когда через полчаса вернулись, то увидели валявшуюся на полу загрызенную лисицей породистую дорогую голубку, которая сидела на яйцах в гнезде, устроенном в ящике с высокими стенками. Ящик стоял под кроватью. Дело было непоправимое. Пропала и голубка, и насиженные яйца! Но что же делать с лисицей? Старшие решили: «Убрать прочь немедленно, т. к. от её мочи в комнате распространяется зловоние». Брат не мог простить лисице гибель своей голубки и не поддерживал меня в желании оставить рыжую, чтобы её приручить. И всё же я спас лисицу, когда она уже была поймана и посажена в мешок. Я унёс её в небольшое чердачное помещение, где стоял лишь небольшой столик и стул, и где окно было очень высоко от пола. Я обычно занимался в этом уединённом закутке, готовясь к гимназическому экзамену.

Сначала лисица очень дичилась. Голод, однако, заставил её дня через два-три брать мясо и пить молоко у меня из рук: других возможностей к пропитанию у неё не оставалось. Уже через неделю лисица вскакивала ко мне на руки, как только я приходил заниматься, и усаживалась на колени. Только в этом положении она получала свою пищу, которую мне не так то легко было обеспечивать при быстро нараставшем аппетите моей пленницы. Недели через две она была уже совсем ручная, назойливо требовала пищи, но всё же не позволяла себя гладить и больно кусалась при попытках её приласкать. Поев, она преспокойно сворачивалась клубком и лежала у меня на коленях, пока я занимался и не беспокоил её. На руках, в местах её укусов, делались болезненные пузыри, которые не сразу заживали.

Казалось, что лисица стала совсем ручной. Одно только оставалось у неё неизменным — постоянное стремление на волю. Она пыталась проскользнуть через дверь, когда там оставалась какая-нибудь щёлка, пыталась взобраться к окну, но оно было очень высоко над полом. На рассвете она громко кричала. Не выла, а издавала звуки, похожие на лай собаки. Иногда в ответ из леса доносился в предрассветной, утренней тишине такой же лисий лай.

Как-то на исходе третьей недели я в обычное время пришёл заниматься: стекло в окне было разбито и лисицы в комнате не оказалось. Она убежала, каким-то образом добравшись до окна, спрыгнула с крыши и, незамеченная собаками, ушла в лес. У нас говорили, что её сманила старая лисица.

Другое приключение, случившееся с нами в то лето, надолго осталось в памяти, хотя и закончилось вполне благополучно. Уже наступил август.

Считанные дни оставались до нашего отъезда в Нежин. После обильных дождей в лесу появилось много белых грибов. Как-то в воскресный день на рассвете Серёжа и я собрались за грибами. С нами отправился и старший брат Яков. Он интересовался, не начались ли уже утренние перелёты молодых уток, и потому мы пошли не по обычной лесной дороге, а взяли направление к болотистым низинам, где были небольшие озёра, а дальше протекал ручей Трубайло. Над болотами белой пеленой стлался туман. Мы вошли в прохладную сырую полосу тумана и подошли поближе к воде. В нескольких местах тяжело сорвались и понеслись над водой большие кряквы. Яков был очень раздосадован, что не взял с собой ружьё. Он готов был вернуться домой за ним и за собакой. Но мы ушли уже далеко от дома. Солнце поднялось и стало разгонять туман. Нашей целью были грибы. Перейдя через ручей, мы всё более и более углублялись в лес. Нашли грибные места, увлеклись грибной удачей. Время ускользало, не доходя до нашего сознания, не задевая внимания. Лес становился всё гуще. Несколько крупных нор вызвали у нас горячую дискуссию, чьи они — лисьи или волчьи. Мы съели захваченный с собой хлеб. Грибов было набрано достаточно, нужно было к обеду вернуться домой. Было ясно, что мы уже сильно опаздываем. Собираясь, как найти путь покороче, мы взяли другое направление. Встретили болото и довольно долго его обходили. Вот выбрались на высокие места со стройными дубами и грабами. Места нам незнакомые. Пошли, чтобы пересечь какую-нибудь просеку и найти столб с указанием номера участка.

Так шли мы довольно долго, а просеки так и не встретили. Несколько раз меняли направление. И, наконец, пришли к заключению, что заблудились, зашли куда-то очень далеко. Отдохнув несколько, начали искать либо лесную сторожку, либо кого-нибудь из людей. Полная неудача! А тут кругом такие интересные, новые для нас места. Время клонилось уже к вечеру. Давала себя чувствовать изрядная охота покушать. После ряда тщетных попыток выйти на просеку или найти дорогу пришлось примириться с невесёлым выводом о необходимости устраиваться на ночлег. Так как место незнакомое, а вокруг ещё и волчьи норы, и опасение, что при такой усталости мы заснём не чутким, а крепким сном, мы решили устроиться на ночлег не на земле, а на ветках дерева. Быстро наломали множество веток лещины. На дерево взобрался большой мастер этого дела Яков. Выбрав крупные сучья, он пригнул их друг к другу и крепко связал скрученными ветками лещины. Наложив на эту основу слой поданных нами веток, он изготовил удобное ложе. Нужно было думать, как облегчить подъём на это ложе для меня, т. к. я не умел лазать по деревьям. Но в это время в лесу послышались шаги и человеческий голос. Мы бросились навстречу. Пробиравшийся по лесной тропинке человек с большим изумлением и весёлым смехом услышал о нашем намерении заночевать в лесу. Он вывел нас на дорогу, по которой можно было выйти из леса и вёрст пять шагать до Мостищ.

Уже темнело, когда, наконец, мы, счастливые и голодные, пришли домой. Домашние уже были в большой тревоге за нас. Успокаивало лишь то, что с нами был старший брат.

С жизнью в Мостищах связано у меня воспоминание о священнике местного прихода старике отце Антонии. Он годами не был очень стар, дети

его были не старше нас, но выглядел совсем стариком. Он очень располагал к себе своею простотой. Говорил тихим ласковым голосом. Мне он казался человеком добрым и умудрённым жизнью. Когда заканчивались летние и осенние работы в огороде, на сенокосе и в поле, отец Антоний Нещерет очень часто бывал у нас, брал газеты и сельскохозяйственные книги у отца, любил потолковать о всяких газетных слухах. Но больше всего любил он поиграть в карты, если оказывались компаньоны, Это очень роняло его в моих глазах, так же как и то, что за ужином отец Антоний не отказывался от наливки. Но в нём мне нравилось полное отсутствие показного благочестия и ханжества, его свободные высказывания насчёт соблюдения постов и его доброе отношение к крестьянам и их нуждам. В нём не было лицемерия, столь свойственного людям его профессии, которые, как известно, обычно “*trinken heimlich Wein, und predigen öffentlich Wasser*”¹. Он жил, идя в ногу с передовыми течениями времени.

Спустя год-два после нашей жизни в Мостищах, когда мы проводили лето в Борках, я имел возможность близко наблюдать другого сельского священника — отца Ивана Пригоровского. Он тоже любил играть в карты и был особенно пристрастен к угощению хмельными напитками. Сельскохозяйственными работами он не увлекался, но, невзирая на свой священнический сан, любил охотиться. Приносил с собой под подрясником ружьё и, переодевшись у нас, отправлялся на охоту вместе с моими братьями. В нём не было и следа той умудрённости, простоты и доброты к людям, которые были так привлекательны в отце Нещерете, а выступали черты расчётливого карьеризма, грубого своекорыстия и лицемерного, показного благочестия.

Я помню замечательно милую матушку — жену отца Ивана, погружённую в заботы о своих многочисленных детях и очень много терпевшую от грубого, требовательного мужа, не умевшего делить заботы и труды со своей женой. В годы семинарской жизни — в семидесятые годы — он был, как будто, даже захвачен нередкими в те времена отзвуками свободомыслия и народолюбия. Но очень скоро после получения прихода у него, по существу, выветрился весь налёт семинарского свободомыслия и свободолюбия (кроме любви к выпивке и охоте), а распустились задатки и стремления к доходному приходу и карьере.

Учёба в Нежинской гимназии (1881–1889)

Когда от немногих ученических годов в Козелецком училище, ярко окрашенных незабываемыми впечатлениями от общения с Никифором Ивановичем Лукьяновичем, я пытаюсь перейти к гимназическим годам в Нежине, для меня является полной неожиданностью отсутствие в моей памяти отчётливых воспоминаний о последовательных этапах жизни при прохождении гимназического курса из класса в класс. Совершенно выпали из памяти первые дни учебы в гимназии. Не могу вспомнить, как проходили приём-

¹ Пей украдкой вино, а гласно проповедай воду (с нем.)

ные экзамены, как завязались первые знакомства и дружба с товарищами по классу. Вспоминаю о более поздних этапах общения с товарищами, когда через несколько месяцев к нам по воскресеньям приходили несколько одноклассников. Желая занять их, я показывал наши коллекции бабочек, яиц, минералов и всякого рода окаменелостей. При этом, говоря об ископаемых меловой и юрской формаций, наиболее распространённых в Черниговской губернии, я вскользь сказал, что геологический возраст соответственных пластов земной коры измеряется многими сотнями миллионов лет. Не в пример ученикам городского училища, гимназисты были изумлены таким богохульным сообщением, так как, ведь, от сотворения Господом Богом мира прошли не миллионы, а всего менее семи тысяч лет! На ближайшем уроке Закона Божьего один из моих воскресных гостей обратился с вопросом к законоучителю, отцу Хайнацкому, допустимо ли думать, что земля существует не шесть тысяч лет, а много миллионов? Мне было строго указано, чтобы я не вносил сомнения в умы верующих.

Однако уже в эти первые месяцы у нас установилась тесная дружба с одним оригинальным и своеобразным учеником нашего класса — Вячеславом Галякой. Он жил в соседнем доме. Его отец, выглядевший стариком, был всегда угрюм и неприветлив. Он служил старшим акцизным чиновником. Мать же, напротив, казалась совсем молодой. Эта цветущая приветливая женщина была всегда ласкова и гостеприимна. Она уделяла много внимания воспитанию Вячеслава, старалась развивать в нем самостоятельный характер, трудовые навыки, отвращение ко всякому чванству. Она была сестрой известного революционера Дебагария Мокриевича. Вячеслав во всем своем облике имел много общего с матерью. Под её влиянием он пристрастился к чтению, к самостоятельному поиску ответов в понимании окружающей жизни.

Оставаясь у нас до поздней ночи, Вячеслав с увлечением читал наши книги по естествознанию. Иногда он приносил свои книги и журнал «Свет», в котором печатались популярные статьи о мироздании и по естественным наукам.

В отличие от духа взаимной трудовой связи и дружественной поддержки, который был в городском училище, в гимназии в низших классах на переменах господствовал дикий хаос драк, шума и нападений друг на друга. Когда я по привычке к классу, я стал горячо убеждать не обижать более слабых, не нападать исподтишка и не терять в драках человеческого образа. Мне за эти мои уговаривания немало доставалось, но поскольку я никогда не обращался «к начальству», то есть к надзирателю или учителям, а взывал только к собственной совести и разуму драчунов, крикунов и подстрекателей, то мало-помалу меня стали слушаться.

Большим для меня огорчением бывало, когда в драку втягивали Вячеслава. Он был чувствителен ко всякой неправде, несправедливости и насилию над ним. Он приходил в состояние возбуждения, совершенно не помнил себя и, не взирая ни на какие удары, дрался до победного конца, даже когда в классе появлялся надзиратель. Уговоры и слова на него тогда не действовали. Они просто в эти минуты до него не доходили. Потом мне бывало очень его жалко, когда ему приходилось возвращаться домой с синяками.

Дружба и всё углублявшееся сближение с Вячеславом — главное, что осталось в памяти от первого класса. Да, пожалуй, ещё картины кулачных боев, которые происходили в конце Лицейской улицы у её соединения с Мегерской Слободой. Начинались бои, обычно, с выкриков мальчишек «Пошёл!», с которыми они появлялись с отдаленного конца Мегерки. Против них выступали группы мальчишек с другого конца слободы. От воинственных криков дело доходило до боя. Для подмоги собирались подростки, поперёк улицы образовывались живые стены, с криками надвигавшиеся друг на друга. Свою сторону бросались поддержать выскакивающие из ворот «скрынники». На другой стороне на подмогу бежали «бондари» и «гончары». Разгорался кулачный бой, затягивавшийся порой до поздней ночи. Бывали при этом случаи очень тяжёлых телесных повреждений: выбитый глаз, вывихнутая рука, переломы костей и пр. Не раз для прекращения боя приезжала пожарная команда, разгонявшая пришедших в азарт кулачников сильными струями воды из пожарных насосов. Это были последние годы кулачных боев. Когда я учился в последних классах гимназии, их уже не было.

Культурным центром, сложившимся в Нежине в связи с находившимся в нем «Лицеем князя Безбородко» — юридическим факультетом и лицейской гимназией — была площадь и улица с собственной библиотекой, женской гимназией, духовным училищем и несколькими магазинами. Эта главная улица носила название «Мостовой», так как только на ней была мостовая, да и то деревянная, в виде помоста из пластин, покрывавших проезжую часть. Но основную часть населения Нежина составляли имевшие свою «цеховую» организацию ремесленники. В действительности, это были работавшие не на заказ, а для сбыта на рынке, для продажи на всех украинских ярмарках мастера-кустари: «скрынники», бондари, гончары, сапожники. Свою продукцию — сундуки (скрины) для приданого, бочки (дежи) для теста, бочонки для соления огурцов и квашения капусты и прочие бондарные изделия, гончарную посуду, сапоги — они сбывали скупщикам, а отчасти и сами вывозили на ярмарки. Вот эти-то ремесленники и кустари, жители обширных нежинских «концов», и составляли основную массу участников уличных кулачных боев как отзвук уходящего в предание старого уклада жизни.

Более прочные и яркие воспоминания остались у меня от второго и третьего года гимназической жизни. Кончились благополучно переходные экзамены в июне 1882 г. из первого во второй класс. Как и во все последующие годы учения, я перешёл с наградой, перешёл и Серёжа. Мы спешно собирались ехать на каникулы в Мостищи. Нужно было организовать переезд с наименьшими затратами. Благодаря тому, что нежинские «скрины» вывозились на все ярмарки, в том числе в Козелец и Остёр, нашей матери без труда удалось найти возчика, хорошо знающего дорогу. Ещё с вечера к нам во двор приехал вместительный воз, запряжённый одной лошадью. С вечера уложили мы в него свои вещи, устроили из постельных принадлежностей удобные сиденья для матери и для себя. Мать заботливо готовила в путь продовольствие. Задолго до рассвета мы выехали из города, восход солнца встречали уже в поле. День был теплый, летний. Дорога местами

была тяжёлая, песчаная, и чтобы облегчить лошадь, вместе с возницей вставали и мы с братом, и шли пешком одну-две версты. Мы успевали, забегая вперёд, посмотреть посевы, зайти в придорожные заросли, луга. После полудня была для корма и отдыха лошади сделана передышка. Четыре-пять часов простояли. Мы с Серёжей успели побывать в ближайшей деревне, разузнать о дальнейшей дороге.

После обеда путешествие продолжалось по степной местности до позднего вечера. На ночлег остановились на широкой обочине дороги у небольшой берёзовой заросли. Спали на сене в телеге и возле неё, закутавшись одеялами, без удобств, но с таким удовольствием, с каким не спят в самых лучших постелях.

Утром путь лежал через окраину берёзового леса. Недалеко на раскорчёванных участках виднелись две-три хаты новосёллов. За несколько вёрст до Мостищ мы проехали через растянувшуюся вдоль дороги деревню Корниеву, где жил знакомый по фамилии Корниев. Мы заехали к нему напоить и покормить коня. Хозяин был очень гостеприимен. Любитель-пчеловод, он славился своей пасекой, и хотя для взятия из ульев сот было ещё не время, он всё-таки вырезал ножом большой кусок сотов, полных мёдом, и в деревянных «ночовках» принёс нам это лучшее из всех земных угощений.

Два месяца каникул пролетели неуловимо быстро. Частые прогулки за грибами, цветами и ягодами теперь были для нас ещё интереснее, потому что к нам часто присоединялись сёстры и их новые знакомые Шиловы — дочери главного лесничего Шило. Бывали у нас также отец Антоний Нещерет с дочерьми и сыном. Священник много рассказывал о жизни, нуждах и горестях многих своих прихожан. Приход его был бедный и, чтобы прокормиться Нещереты вели своё хозяйство. Сын его был значительно старше нас по возрасту, учился в духовной семинарии, но хотел перейти из неё в гимназию или в учительскую семинарию. Прежде неразлучный со мной брат Сергей теперь уже часто уходил один или со старшим братом на охоту.

После каникул мы поселились с матерью и сёстрами на другой квартире в Нежине. Второй год учёбы в гимназии памятен мне перенесённой тяжёлой скарлатиной. Насколько я теперь понимаю, у меня, как следствие скарлатины, было нервное заболевание. Ночью я просыпался в мучительном состоянии, в предчувствии чего-то невыносимо страшного. От головной боли и какого-то горящего огненного шара, ослеплявшего меня, я плакал и кричал и не сразу приходил в себя. Такое состояние повторилось два-три раза, но ужас перед возможностью повторения его долго не оставлял меня. Но на моих успехах в ученье после выздоровления это не отразилось.

Вследствие тяжёлого материального положения отца из-за неурожайного года обстановка нашей жизни в этом году была особенно безотраднa. Мать вынуждена была сдать мало подходящим жильцам большую часть квартиры, а мы ютились в одной комнате с сестрами.

Неизгладимо угнетающее, мрачное воспоминание осталось у меня именно от этого года жизни в Нежине из-за затяжного, длительного процесса внутреннего переживания чувства и сознания бесцельности жизни, отсутствия смысла её и значения. С особой силой и остротой это состояние

овладело мной в апреле–мае 1882 г. в связи с самоубийством исключённого из гимназии молодого человека Гойденко, нашего соседа по квартире.

В весенние месяцы, когда освободившаяся от снега земля ещё не покрыта густыми порослями свежей зелени, а весеннее жаркое солнце разогревает засохшие мёртвые остатки прошлогодних трав, и лёгкие ласкающие порывы весеннего ветра срывают с земли и шелестят сухими листьями, когда очнувшиеся после зимнего сна шмели вяло перелетают в тщетных поисках цветов, я всегда, сколько себя помню, подпадал под неопределённое тоскливое, унылое настроение. А тут вдруг — выстрел за соседними кустами в саду. Я увидел первый раз в жизни бездыханный труп человека, за минуту перед тем бывшего живым, мечтавшим, полным сил и стремлений. Этот вид ошеломил меня. От мыслей, от желаний и разочарований, от всего, что составляло жизнь этого человека, в одно мгновение не осталось ничего! Зачем же все стремления, познание, настойчивость, вся мучительная борьба, если от всего этого не остаётся ничего, если всё это разлетается бесследно, как засохшие листья? Зачем жить, когда раскрывшаяся перед моим сознанием пустота поглотила весь смысл, всякую цель существования? На долгий срок мною овладело какое-то внутреннее оцепенение. Отлетело всякое желание делиться своими внутренними переживаниями с другими. Автоматически ходил я на экзамены, встречался с товарищами, избегая разговоров с ними.

Затем наступили каникулы. Проходили летние месяцы, но внутреннее мое состояние всё еще было сосредоточено на основном переживании — зачем жить, зачем обогащать себя знаниями, когда ни для меня, ни для других эти знания не могут устранить бесцельности жизни, отсутствия смысла в ней...

Только осенью, уже в третьем классе гимназии, ко мне вернулась радость жизни, радость встречи с друзьями — Галякой и Левицким, но никогда никому из них я не говорил о пережитом мрачном угнетении, о потере воли к жизни и мыслях о бесцельности её, о мыслях покончить с жизнью. В моем сознании преодоление этого состояния вылилось в примиряющую формулу: жизнь преходяща, но у каждого вызывает она стремление к радости, борьбу против горя, окружающим хочется жить так же, как мне. Я должен поэтому все свои силы, все знания отдать на борьбу с человеческим горем.

Вся ранняя жизнь моя протекала вне города, на хуторах, у опушек леса и среди нескончаемых полей, в условиях сельскохозяйственного уклада жизни, среди совершенно ясных по своим смыслу и значению повседневных работ в поле или огороде, в саду или лесу, на лугу или гумне. Отрыв от этой ясной сельской жизни и переход к жизни в городских условиях тяжело переживались мною и порождали некоторое высокомерно-пренебрежительное отношение к горожанам, не понимающим самых элементарных вопросов настоящей трудовой жизни. Горожане не знали, когда и как пахать, откуда берутся хлеб, крупа. С другой стороны, переход к городской жизни вызывал всё обостряющуюся тоску по лугам и полям, по простору сельских далей, по звукам, по голосу жизни природы.

Вместе с братом Сергеем, учившимся со мною в одном классе с первого по четвёртый класс, мы часто уходили после уроков за город, чтобы ловить

сеткой перепелов, собирать коллекции яиц диких птиц весной, ловить насекомых и собирать растения для гербария. Не унаследованная, а естественно усвоенная с раннего детства от отца и старшей сестры привычка и умение приручать и выращивать диких животных, была постоянным источником больших радостей и ещё больших огорчений, когда прирученные питомцы погибали. Помню, будучи уже в четвёртом классе, ранней весной мы достали ещё совсем голого птенца арктической совы, залетающей зимой и в Черниговскую губернию и в феврале-марте выводящей птенцов, чтобы на лето с выросшими птенцами перелетать на север. Я с большим трудом выкормил совёнка. Выросла огромная белая птица (*Nyctea nivea*), привязавшаяся ко мне. Она жила во дворе в сарае, но когда мы приходили из гимназии, летела навстречу, садилась ко мне на плечо, оставалась в комнате до утра, с лёгкостью бесшумно перелетая со стола на голову и на другие предметы. Эта сова вызывала всеобщее изумление. Она нападала на собак, боявшихся её и убежавших при её появлении. От собак она и погибла, прожив больше года.

Каждый год с ранней осени непреодолимо было желание уйти в поле послушать первого жаворонка. И во всю последующую жизнь с пением жаворонка пробуждаются и оживают у меня в душе старые гимназические переживания. Точно из-под спуда, из-под многолетних накоплений внутренних обломков и руин, рождаются всякий раз при первом весеннем жаворонке отзвуки и воспоминания о падающих с далекой небесной синевы переливах жаворонка, такие же, как и много, много лет назад. Вот в памяти всплывает одна из ежегодно повторявшихся первых весенних прогулок подальше от города, на простор привольной природы. Солнце парит, хотя на поле ещё кое-где лежат полосы снега. Я и инженер Бакун за городом отдаёмся, каждый по-своему, наслаждению пробуждающейся природой. Это весна 1885 года, пятый класс гимназии. Песня жаворонка, не прерываясь, составляет общий звуковой фон природного единства в самых контрастно-несогласуемых, казалось бы, проявлениях. Обывательски обычный, но в то же время загадочный ещё тогда для меня тип инспектора по сахарным заводам, инженер-технолог Бакун. И рядом — я. Бесконечно далёкий от всякой обыденности, безмерно высоко стоящий в собственном самосознании над обывательским существованием, над всем затхлым и ничтожным прозябанием, интенсивно отдавшийся строительству нового человека, — таким был я в то время, полный напряжённой внутренней борьбы. Полная противоположность, казалось бы, немолодому, уравновешенному и спокойному Бакуну. Но нас что-то сближало в те весенние прогулки за городом, когда с высоты лился тёплый яркий солнечный свет и с ним переплетались ласкающие беззаботные переливы жаворонка. Это не была дружба. Не было взаимно нас связывающего единства волевых устремлений. Но было своеобразное, из глубины звучащее единство ощущения радости от пробуждавшейся после зимних оков природы, начинавших кое-где зеленеть былинки, просачивавшейся из-под зимнего снега по оттаявшим бороздкам воды.

На смену этому воспоминанию произвольно всплывает без хронологической связи другое. Это было тоже немало лет тому назад. Ранняя весна

в Попенках. Я выслан из Москвы под гласный надзор полиции. Первый по-настоящему тяжелый жизненный удар. Но я не забыт товарищами по беде. Письма от Полещука. Я стою у ещё не зазеленевшей акациевой изгороди и смотрю из сада в простор расстилающегося за дорогой поля. А настроение складывается под согревающим ярким весенним солнцем, под падающими с неба такими родными, неизменно вызывающими чувство беззаботности, переливами жаворонка.

Густенька каша, але ж каша та не наша,

А нам дистався кулиш, як хочешь, так его и ишь.

Так переживал первое наше крушение немолодой уже Полещук. Так писал он мне в Попенки в период изгнания. А жаворонок без горечи, без омрачающих предчувствий убедительно напевал, навевая вместе с солнцем другие настроения...

Так оживающие звуки пения жаворонка в связи с воспоминаниями о первых весенних прогулках в далёкие гимназические годы будят давно забытые, когда-то волновавшие события. А теперь эти звуки рождают желание оживить, вернуть ушедшее. Как-то само собою явилось это отступление, как яркое свидетельство того, что наша память хранит отзвуки прошлого, не связывая их хронологически.

Возвращаюсь к прерванной нити рассказа о гимназических годах. С третьего класса в наш тесный дружеский круг вошел Константин Левицкий. Его старший брат был уже в одном из старших классов. Ученики этих классов казались нам уже вполне взрослыми, замечательно образованными, умными и значительными людьми. Не то, что опустившиеся и погрязшие в тине мелкой обывательской суеты некоторые наши учителя, задававшие нам уроки «от сих до сих». Невзирая на то, что Константин Левицкий был совсем другого склада, чем я и Галяка, дружба нашей тройки крепла. Левицкий не был прямолинейным ригористом, он, кажется, даже курил, но, как и мы, был чужд всяких мещанских предрассудков, отличался свободомыслием.

Но главное, что нас особенно подкупало, он сам много читал, и через него можно было получить те книги, которые читали импонировавшие нам товарищи его старшего брата — Смольский, Лукашевич, Алферов, имевшие вид совершенно взрослых людей. Левицкий был католик и поэтому освобожден от обязательного присутствия на уроках Закона Божьего и зазубривания Катехизиса, над которым чрезвычайно вольнодумно издевался. Помню, Костик, как мы его звали, возвратясь после летних каникул из Белополья, где жила его семья, много рассказывал о толстовской колонии, основанной князем Хилковым и его женой для трудовой жизни высокоинтеллигентных людей, последовательно и полностью отказавшихся от всяких привилегий и попытавшихся устроить свое существование в полном согласии и соответствии со своими убеждениями о равенстве людей и требованием отказа от эксплуатации трудящихся. Как известно, вскоре потом эта толстовская колония была ликвидирована, по приказу царя у князя Хилкова были отняты дети и отданы на воспитание опекунам из высшего дворянства.

Долго и упорно держалось у меня в Нежине весьма скептическое отношение к жителям города, ко всему содержанию их жизни, деятельности

и обстановке. В селе задачи, значение и смысл жизни были ясны. Нужно было своевременно вспахать или вскопать землю для того, чтобы посеять рожь или пшеницу, чечевицу или овёс, или чтобы засадить огород. Нужно было затем собрать жатву, потом обмолотить и свезти на мельницу. Нужно было обеспечить запасы кормов для коров и лошадей, для питания людей в течение всего года. Ясно было, что если не засеять и не убрать вовремя лен или коноплю, то не будет волокна для полотна на простыни, на «рядна». Все это было делом не шуточным, а необходимым, жизненно важным. А в городе люди ни хлеба, ни кормов не выращивали, коров и овец не содержали. Они не жили трудами рук своих, а были либо чиновниками во всяких канцеляриях, опутывавших жизнь никому не нужными бумагами, либо торговали, перепродавая то, что было не ими произведено, и наживаясь при этом.

На почве этих моих настроений я с глубоким интересом читал брошюры Л. Н. Толстого о необходимости жить трудами рук своих. У меня даже сложился и держался года два (третий и четвёртый класс) план — не в качестве общественной программы, а для себя лично — в будущем, по окончании гимназии, жить «трусами рук своих», обрабатывая небольшой участок — не более четырёх десятин (5,8 га) — без наёмного труда; быть примером для других, работая среди народа, вместе с народом, поднимая уровень знаний и культуры населения, пробуждая в людях сознание своего достоинства и гражданских прав. Я собирался обходиться без наёмного труда для обслуживания самого себя, не отговариваться тем, что иначе невозможно заниматься наукой и быть проводником культуры и научных знаний среди населения.

В короткий период пребывания в Козелецком училище при всём увлечении в летний период прогулками в лес и собиранием коллекций и том огромном интересе, который вызывали у нас работы в саду, в поле или в клуне, в конце лета мы хотели поскорее вернуться в училище, чтобы заниматься выполнением всегда интересных для нас заданий Никифора Ивановича, показать ему собранные за лето пополнения коллекций, узнать от него обо всём, что показалось непонятным летом. В течение же всего гимназического периода ни у меня, ни у Серёжи никогда, ни одного раза за все каникулы, не появлялось желания вернуться в Нежин, поскорее узнать, что будем проходить в следующем классе. Учение в гимназии было отбыванием обязательной повинности. Поэтому всё чаще по утрам, а то и среди дня приходила омрачавшая настроение мысль, что скоро придётся собираться к отъезду. Вот уже пришло жниво, с полей свозят полукопки, а в клуне гудит конная молотилка. Давно уже скошена трава на сырых лугах. Мы любили тогда по просохшему лугу бежать к обмелевшей за лето реке. На лугу в кочковатой мшистой земле мы находили гнезда небольших желтобрюхих шмелей. Несмотря на риск быть покусанными ими, мы разрывали гнездо, захватывали грозди сот, а на гнездо набрасывали сено. Отбежав подальше, мы находили среди сот ячейки, наполненные прозрачным мёдом, которым мы и лакомились. Шмелиный мёд, а для Серёжи — охота за дупелями на том же лугу или на капустных посадках — это уже преддверие конца каникул. И с тягостным чувством, а вовсе не с желанием начинались сборы к отъезду.

Большим огорчением для меня была неудача Сергея на экзаменах при переходе из четвёртого в пятый класс. Он был оставлен на второй год в четвёртом классе.

Лето 1884 года мы проводили уже не в Мостищах, а в Борках, куда вернулся на прежнюю работу отец. Это лето было для меня очень тяжёлым. В самом начале каникул я заболел брюшным тифом. Болел очень долго. Несколько раз из Козельца привозили доктора Гольдвуха. Самым мучительным, не изгладившимся до сих пор в памяти, были завертывания в холодные (ледяные) простыни. К концу болезни образовались пролежни, заживление которых особенно затянулось. Вполне оправился я только к концу каникул. Никогда не забыть мне ласки, слёз и самоотверженного ухода за мной моей матери.

Всё, чему мы обучались в гимназии до пятого класса — латинский и греческий языки, их этимология и синтаксис, стихосложение, история по Иловайскому и Беллярминову, Закон Божий с заучиванием на память всего Катехизиса, даже арифметика и алгебра — всё было оторвано от жизни, всё не имело никакого отношения к познанию окружающего мира, к пониманию и истолкованию явлений, возбуждавших любознательность и требовавших ответа. В качестве обоснования и оправдания огромных усилий и трудов, которые на уроках и дома затрачивались на заучивание всего этого мёртвого, не нужного для применения в жизни материала, выдвигался, и до известной степени принимался нами тезис о том, что классические языки, как и алгебра, своим логическим построением, своею законченностью, служат незаменимой школой для развития умственных способностей к последовательному познанию, что это система упражнений, необходимых для развития и укрепления памяти. Как для развития физических сил, для придания телу гармонической соразмерности и красоты нужны занятия гимнастикой, нужны физические упражнения, так для формирования умственных сил, для выработки и развития способностей к умственному труду необходима длительная умственная гимнастика, которою является вся система классического образования. Но, увы! Лживость всего этого рассуждения была для нас совершенно очевидна. Мы видели и на себе испытывали, как вянет в гимназии живая любознательность, как заменяется тупым зазубриванием заданных уроков настойчивое стремление понять, раскрыть причины и связь явлений. Только в пятом классе явилась отдушина в системе обучения мёртвым предметам, когда в программе некоторое, хотя и очень скромное место было отведено физике. Появившийся в гимназии новый учитель Винклер, из прибалтийских немцев, занялся приведением в порядок физического кабинета. На уроки приносил приборы. Некоторые ученики старались помогать ему, и, чтобы лучше понять приборы, особенно по разделу электричества, стали читать не только учебники, но и приобретаемую нами самими литературу и пособия.

У моего брата возникла мысль устраивать простейшие приборы своими силами. Первым таким прибором был электрофор. На базаре мы купили несколько фунтов твёрдой смолы «пека», добавили к ней канифоли, всё это растопили и вылили в старое решето. Затем вырезали по размерам решета картонный круг, обклеили его оловянными листами и подвесили его

на шелковых нитках. Смолу натирали сухой суконкой, затем прикладывали круг. Мы вызывали восторг окружающих, извлекая из круга искры. Следующим шагом было изготовление лейденской банки. Большая банка из-под варенья была оклеена изнутри серебряной фольгой, наполнена охотничьей дробью. Кондуктором служила вставленная в дробь столовая ложка. Банка заряжалась электричеством от самодельного электрофора. Разряды получались более сильные, дававшие очень значительное ощущение в локтях. Потом были изготовлены самодельные элементы для постоянного тока. К этому времени уже образовался целый кружок для занятий опытной физикой и для простейших опытов по химии. В него входили человек восемь из нашего класса, впрочем, двое-трое были и из четвёртого, из числа тех, кому мы давали книги для чтения. У нас уже тогда были библиотечка с такими книгами, которых из гимназической библиотеки не выдавали — Писарев, повести Шеллера (псевд. — Михайлов), Оммулевского, роман Чернышевского «Что делать?» и др.

Все собрания кружка и опыты происходили у нас на квартире. Тогда мы с матерью жили на окраине города. После перехода в шестой класс, когда отец вернулся на место управляющего имением в Борках, где ему была отведена соответственная квартира, мы перешли на «общую квартиру» в пансионе Добрянницкой. Я был назначен старшим этой квартиры.

Книги нашего кружка хранились у Галяки, а случайно оставшиеся у нас на ночь прятались от взора надзирателя, систематически посещавшего квартиру. У меня был простой и надежный способ: книги перевязывались, обертывались старой клеенкой и спускались через окно на веревке. Окно выходило в старый запущенный сад. Однажды, вне всякого нашего предвидения, вместо надзирателя поздно вечером ночной дозор совершал тогдашний наш класный наставник учитель истории Сребницкий. Все было благополучно. Однако никому из нас не пришло в голову спрятать наш самодельный электрофор. Среди книг, подвергшихся подробному осмотру, оказался общеизвестный учебник ботаники Любена, а в ящике стола моего брата было обнаружено изданное в 60-х годах с благословения Священного Синода Евангелие на украинском языке. Всегда серьезный, благоволивший ко мне за хорошие ответы Сребницкий внушительно заметил мне, чтобы ни Любена, ни Евангелия в «общей квартире» не было. «Это может угрожать исключением из гимназии», — сказал он мне, понизив голос.

Посещение Сребницкого, как выяснилось вскоре, имело спасительные последствия. Неожиданно из учебного округа из Киева приехал с особым поручением член Наблюдательного Совета по ограждению гимназий от проникновения тлетворных влияний. Вслед за Сребницким явился наш надзиратель в сопровождении ревизора, который тщательно просмотрел книги на полках и столах каждого из двух десятков обитателей нашей общей квартиры. Разумеется, ни Евангелия, ни учебника ботаники, ни вообще каких-либо книг с намеками на вольнодумство он не обнаружил. Электрофор не ускользнул от его внимания. Он в очень дружелюбном тоне беседовал с учениками о прочитанных ими книгах и из этой беседы, конечно, мог убедиться в исключительной благонадёжности учеников, которые никаких книг, кроме Державина и Карамзина, и в крайнем пределе Жуковского,

Пушкина и Гоголя, не читали и даже не слышали о всяких тлетворных писателях. В заключение высокое начальство побеседовало запросто со мною и очень одобрительно отнеслось к господствующему среди учеников общему интересу к классикам — Овидию, Гомеру и к нашим поэтам Жуковскому и Державину. Даже электрофор не вызвал особого нареkania. Я рассказал, насколько его устройство облегчило пятиклассникам подготовку к урокам по физике. Таким образом, приезд «ревизора» обошёлся благополучно.

Но, вернувшись из гимназии после его отъезда, мы узнали, что приходил надзиратель со сторожем и по приказу директора унесли злосчастный электрофор. На следующий день меня вызвали к директору Скворцову. Это уже было более чем плохо. Электрофор стоял на столе. Без всяких предисловий директор в упор ставит вопрос: «Кому пришла мысль, и кто изготовил эту штуку?» С полным простодушием, как особую заслугу, я приписал себе счастливую мысль помочь отстающим по физике двум ученикам в нашей квартире с помощью электрофора. В результате директор внушительно распорядился, чтобы впредь никаких приборов и опытов в квартире не делать. Все, что нужно, есть в физическом кабинете, куда будет сдан и наш электрофор. «Смотри же и пойми, что этого допустить нельзя! Сегодня электрофор, завтра — взрывчатые вещества, а потом и бомбы! Невинная, на первый взгляд, затея с электрофором — это первая ступень к виселице». Страшен сон, да милостив Бог. Невзирая на такой устрашающий конец беседы, директор милостиво отпустил меня.

Если бы нужно было одним штрихом охарактеризовать отношения между учащимися и преподавателями в Нежинской гимназии периода 80-х годов, то можно было бы сказать, что это были отношения двух враждующих сторон, двух лагерей, находящихся в постоянной непримиримой войне между собой. Всё начальство, сверху донизу, от директора, инспектора и классного наставника до любого учителя и надзирателя было объединено заботами не о наших успехах в науках, не об улучшении преподавания, а о том, чтобы лучше выследить и предать учащихся, выслужиться перед директором доносом. На улицах учитель подмечал, кто из учеников нарушил форму, не так поклонился, гулял в неурочный час, и всё это доносил директору. За всё это накладывались взыскания. Любые признаки вольнодумства, чтение недозволенных книг, если только об этом узнавал учитель, доводились до сведения начальства, а это могло привести к изгнанию из школы.

Ученики платили учителям и гимназическому начальству ответными военными действиями. Необходимость самозащиты объединяла их, вырабатывалось чувство круговой поруки.

Иногда в этой мрачной картине непримиримой враждебности пробиwался луч дружественного сотрудничества. Но всегда такое нарушение общего положения заканчивалось возвратом к состоянию войны. Особенно ярким примером были наши отношения к «физику» — Якову Эрнестовичу Винклеру. Казалось, что он интересуется знанием. И мы, ученики, стремились помогать ему в физическом кабинете, в классе родилось соревнование в решении самых трудных задач по геометрии, например, Аппелониевых задач на геометрические построения сложных алгебраических выражений и пр. Когда (сколько помню, это было в октябре 1885 г.) поздно вечером и

ночью произошло величественное явление «звёздного дождя», мы побежали к Винклеру на квартиру, чтобы разбудить его и пригласить понаблюдать за этим явлением и облегчить нам его понимание. У Якова Эрнестовича появились среди учеников преданные друзья. В нашем классе таким стал Тимофей Локоть. Это был очень начитанный, вдумчивый, самостоятельный юноша. Винклер приглашал его к себе. Дружба была длительная. Естественно, беседы велись вполне откровенные. Каково же было изумление Локотя, когда он вдруг был вызван к директору. Ему угрожало исключение за чтение Чернышевского и Писарева и за атеистические высказывания в разговорах с Винклером. Глубоко возмущённый Локоть пришел на урок физика. Я помню тяжелую сцену: Локоть перед всем классом поставил Винклеру вопрос: «Вы донесли на меня директору?» — и затем громко и внятно, в упор заявил покрасневшему и смущённому учителю: «Яков Эрнестович, вы — подлец!»

Разумеется, Локоть был исключен из гимназии. Наше же отношение к Винклеру, который, как ни в чём не бывало, остался на своем месте, коренным образом изменилось. Это ярко проявилось в том, что в числе учителей, которым группа сильно выпивших абитуриентов побила окна года два спустя, оказался и прежний «друг» учащихся Я. Э. Винклер.

Помню, каким почтением пользовался сначала молодой талантливый учитель русского языка и словесности Белорусов, автор «Этимологии и синтаксиса русского языка». И как круто изменилось отношение к нему, когда он окончательно обнаружил себя как заурядный член гимназического начальства. То же было и с новым учителем немецкого языка, назначенным после смерти швейцарца Гришота, плохо говорившего по-русски и совершенно бесплодно, в смысле овладения нами немецким языком, ведшего упорную борьбу за дисциплину в классе. У него была привычка постоянно копаться в своих карманах в поисках носового платка. Пока он ходил по классу, ученики успевали мелом, углем, а иногда и чернилами запачкать сзади фалды его фрака, поэтому и руки его были запачканы.

Когда вместо Гришота появился стройный, крупного роста, образованный молодой учитель, только что окончивший Дерптский университет, он прекрасно овладел классом. Его филологические объяснения происхождения немецких слов, его чтение, с дополнительными замечаниями, отрывков из немецких классиков создали здоровую обстановку внимания и интереса к предмету. Он охотно отвечал на вопросы, с которыми к нему обращались. Но прошел год, другой, он вошел в учительскую среду, стал угрожать наказаниями, и мало-помалу отношение к нему класса изменилось.

Постоянные требования гимназического начальства к учителям о поддержании внешней дисциплины, о внушении ученикам необходимости беспрекословного подчинения, постоянная боязнь учителей навлечь на себя подозрение в либерализме, боязнь повредить своей карьере делали своё дело и принижали педагога до уровня гимназического учительского болота.

Мы даже в младших классах знали, чем занимаются наши учителя. Вот, к примеру, учитель русского языка Иван Николаевич Михайловский. Очень серьёзный, с окладистой бородой, обычно благожелательный человек. Вхо-

дит в класс. Мы приветствуем его вставанием. Садится за стол на кафедре и погружается в какие-то подсчёты. Если в классе кое-где появляется движение или слышится шепот, Иван Николаевич, не отрываясь от своих листов, произносит: «Спокойнее, спокойнее». Час окончен. Звонок. Иван Николаевич тщательно складывает листы, кладёт их в боковой карман и уходит. Ученики давно исследовали содержание записок, обработкой которых занимался Иван Николаевич на уроках. Это были записи карточной игры в вист или в преферанс. Игра продолжалась с вечера до утра, а на уроках Иван Николаевич был совершенно поглощён подсчётами.

Всё это может показаться теперь неправдоподобным, тем более, что Иван Николаевич был человек симпатичный, не лишённый способности отдаваться радости общения с природой. Не раз видел я его в загородной роще Войтовщине. Он ходил с сачком в руках, ловил бабочек, подолгу гулял в одиночестве. Раз он даже позвал меня к себе домой посмотреть его коллекции. Много тщательно сделанных ящичков были у него полны умело расправленными бабочками. Мне кажется, я испытывал к нему чувство симпатии. Без всякого, следовательно, предубеждения я передаю теперь совершенно точно закреплённые в памяти часы его уроков. Когда кто-либо из живших с ним по соседству учеников сообщал, что у Ивана Николаевича был картёж до утра, то вслед за этим появлялся наш учитель, усаживался за свой стол и, не вымолвив ни одного слова, уходил по окончании урока. Бывало, впрочем, что он приходил в дурном настроении. Тогда он начинал вызывать одного за другим учеников, распекал их за незнание, обрушивался с упрёками против всего класса, кричал и ставил дурные отметки.

Два-три раза в год Иван Николаевич задавал на дом тему для письменного сочинения всему классу. Работа должна была быть представлена точно в назначенный день через месяц. У меня с этим связаны очень неприятные для меня самого воспоминания. Всякий раз я давал себе слово, что своевременно, добросовестно поработаю над темой, прочту необходимые статьи и произведения. Но затем откладывал на неделю-другую. Потом мучился и терзался мыслью, что я ещё не приступал к сочинению, когда уже у большинства товарищей работа готова, они ждут только срока сдачи сочинения. В отчаянии, что дела уже не поправить, я засыпал вечером. Но так как откладывать уже было некуда, просыпался среди ночи и начинал писать. Писал я уже, разумеется, сразу «начисто», поскольку времени на переписку уже не было. К утру я перечитывал работу, с горьким сожалением, что не принимался за неё своевременно и потому не мог более просторно написать и обосновать разные разделы. К моему искреннему удивлению, те, кому я так завидовал, что они в срок взялись за работу, потом обижались, что Иван Николаевич ставит им тройки, а я мучился угрызениями совести, что я работал несколько часов в последнюю ночь и неизменно получал пятерку. Конечно, меня выручала большая начитанность, знание наизусть стихотворений очень многих поэтов, да, пожалуй, ещё и вынесенная из уроков Никифора Ивановича в городской школе привычка к самостоятельной работе мысли. Моё неумение взять себя в руки и сразу же приняться за предстоящее дело осталось у меня как крайне вредный, очень огорчающий меня недостаток на всю жизнь.

Но не один только Иван Николаевич не обращал порой внимания на учеников на уроках. Нередки были случаи, когда и уроки Закона Божьего проходили в полной тишине. Батюшка законоучитель отец Хайнацкий, он же и профессор богословия в Филологическом институте, помещавшемся в том же здании, приходил в класс, садился за кафедру и погружался на весь час в чтение принесенных с собой фолиантов и газет. Если мёртвая тишина в классе нарушалась громким смехом или вскриком забывшегося ученика, батюшка — нужно сказать, добрейший и очень справедливый человек — недовольно отрывался от своих фолиантов и крепко ругался: «Ах, вы, сукины дети, вот я перестану читать и начну вас спрашивать!» Угроза действовала, и класс погружался в глубокомысленное молчание. Мы читали взятые с собой книги, вложенные в обложки учебников, а батюшка доканчивал свою газету. Катехизис нужно было отвечать связно, включая в ответ дословно всё содержание вопроса. Обычно дело облегчалось либо умелым подсказыванием, либо — при ответах с места — хорошо разработанной системой поддерживания на спине сидящего впереди соответствующих страниц из учебника. Лично я органически не способен на роль граммофона и потому всегда полностью, без всяких, говоря по-украински, «помилок», знал на память все главы Катехизиса со всеми текстами и настойчиво просил мне при ответах не мешать. И до сих пор, восемьдесят лет спустя, не стёрлись из памяти целые главы Катехизиса.

О протоирее и настоятеле гимназической и институтской церкви отце Хайнацком мне вспоминаются наши наблюдения, когда в третьем классе при изучении раздела «богослужение» нам приходилось в качестве практического занятия присутствовать также и в алтаре. Во время проскомидии наш батюшка смотрелся в зеркало, расчёсывал гребешком бороду и в промежутках между полными благоговения возгласами посматривал в щёлку занавеса на воротах, пришла ли жена директора и её сестра, которой наш законоучитель интересовался, не особенно скрывая от нас своё чувство. В том же третьем классе он на многих уроках читал и разъяснял доказательства бесспорности существования Бога. Одно из особенно образных доказательств запало мне в память по своей очевидной непригодности. Держа в руке «Одиссею» Гомера, отец Хайнацкий говорил: «Можно ли себе вообразить, чтобы бесчисленные количества брошенных букв сами собою сложились в слова, в гекзаметры, в великое произведение гениального творца «Одиссеи»? Так же невозможно мыслить себе создание всей вселенной, в которой всё так гармонично и разумно, без признания существования всемогущего Господа Бога, творца неба и земли, видимым всем и невидимым». Всеми доводами логики, то есть рационального, разумного мышления вновь и вновь доказывая необходимость веры в существование Бога, отец Хайнацкий только колебал ее. Вера, ведь, потому и вера, что она не нуждается в доказательствах от разума. И сам отец Хайнацкий наряду с попытками путём разумных доводов доказать существование Бога требовал, чтобы каждый веровал, ссылаясь на приводимый в Катехизисе текст: «Веровати подобает коемуждо (каждому) яко есть и взыскующим его мздовоздатель бывает». И после всех своих доказательств на одном из уроков он наставительно объяснил, что сама по себе попытка разумом по-

стичь Бога и обосновать веру в него уже является нечестивой. При этом он рассказал, как один из святых отцов церкви — кажется, святой Антоний — однажды поддался искушению и, прогуливаясь на берегу моря, погрузился в размышления о бытии Господа. Долго и сосредоточенно размышлял он, как вдруг обратил внимание, что у самой воды сидит старик и ложкой черпает ее из моря. Святой приблизился к нему и ласково спросил: «Что делаешь, старче?» И тот ответил: «А вот выкопал в песке ямку и хочу все море в нее перелить». «Но ведь это же невозможно: ямка мала, а море бескрайне». «А и сам ты еще более безумным делом занят, — ответил старик, — хочешь своим ограниченным разумом постигнуть бога, который безмерней всех океанов». И в ту же минуту старика не стало, а святому Антонию стало ясно, что это был сам Господь.

Совершенно наглядно можно было наблюдать, что именно настойчивое стремление подвергнуть разумному рассмотрению вопрос о существовании Бога, без всякой увязки с закономерностями природы, заставило впервые в жизни многих учеников задуматься над этим вопросом, скептически остановиться на нём.

Попутно скажу о себе, что очень рано, ещё задолго до гимназии, я проверял, правильно ли утверждение, что всё зависит от воли Божьей, и убеждался, что на деле этого нет. В четвёртом классе мне случайно попала в руки книга Ренана «*Vie de Jesus*» на французском языке. Я с большим интересом прочитал её, а потом для брата и Костика Левицкого, которые в то время французского не знали, перевёл и записал в нескольких тетрадях. Мы с братом, так же как и Галяка с Левицким, относились к вопросам веры и вероучений, как к изучению греческой мифологии. Я лично был вполне убеждён, что и сам наш воинственный борец за веру не принимает всерьёз гипотезу о Боге, совершенно ничего не объясняющую и не помогающую в поисках раскрытия причинных связей в явлениях природы.

Очень далекими от положительных остались у меня воспоминания об учителе греческого языка Добиаше. Мы его называли «младшим» в отличие от его старшего брата, занимавшего кафедру греческого языка в Историко-филологическом институте. Наш Добиаш был классическим образцом чрезвычайно ограниченного формалиста-бюрократа. Всё его преподавание сводилось к задаванию урока — прочитать и приготовить от сих пор и до сих пор — и в спрашивании урока. Опрос начинался требованием показать «ваше приготовление». Нужно было подать тетрадку, в которую полагалось выписать все глаголы из прочитанного отрывка со всеми их формами, затем — имена существительные и прочие слова. После проверки приготовления нужно было перевести отрывок. Следовала отметка. «Приготовление урока», т. е. выборка из словаря и русский перевод слов — это самое главное, обязательное и в младших, и в старших классах. Добиаш очень дурно говорил по-русски, но чрезвычайно любил наставлять нас на правильный путь жизни. Главные правила: 1) Старших всегда надо уважать и слушать, а начальству нужно повиноваться и в точности выполнять все его указания; 2) Необходимо быть во всем бережливым, помнить, что «копейка рубль бережет». Дальше этих нравоучений его экскурсии в область этики и философии не шли.

Латинский язык в старших классах преподавал Абрамов, занимавший в гимназии должность инспектора. Он не требовал выписывания из словаря и заучивания отдельных слов, а добивался, чтобы, читая целый отрывок, ученик понимал его смысл и из контекста, не заглядывая в словарь, доходил бы до понимания значения отдельных слов, даже если дотоле это слово ещё не встречалось. Урок его всегда был интересен, потому что обязательно нужно было внимательно и напряжённо вслушиваться в читаемый им отрывок. Очень выразительно прочитывал он одну-две страницы из Тита Ливия, Саллюстия или Цезаря, а затем предлагал кому-нибудь из учеников рассказать прочитанное на латинском же языке. Обыкновенно, если ученик не мог ничего пересказать из услышанного, ему давалось задание перечитать и перевести со словарём тот же отрывок дома и научиться передавать его содержание на латинском языке. Если ученик по усвоенной от Добиаша привычке подавал Абрамову тетрадку с выписанными незнакомыми словами, он раздражённо кидал тетрадь на пол с презрительным замечанием «мальчишество!» Бывало, после своего очень выразительного двукратного чтения он вызывал для ответа трёх-четырёх учеников, и если они не могли изложить по латыни смысл прочитанного, гневно кричал: «Столпы бессмысленные» и для успокоения вызывал меня. Так как я внимательно вслушивался и схватывал не только общий смысл, но и запоминал при этом целые предложения и характерные выражения, то он оставался вполне удовлетворённым.

Цель его состояла в том, чтобы научить понимать фразу, не переводя каждое слово на русский язык. Много позднее, в университете, и уже будучи врачом, я по этой системе овладевал иностранными языками настолько, чтобы читать специальные книги и журналы, нужные мне, не только на немецком, французском, но и на английском, итальянском, испанском, чешском и польском языках. И всегда с благодарностью вспоминал Абрамова, научившего меня этому методу. Между прочим, Абрамов не допускал, чтобы кто-либо осмелился усомниться в правильности его указаний. Помню, ещё в пятом классе после рождественского перерыва он выдавал стипендию за три месяца сразу золотыми монетами десятирублевого достоинства (из расчета 16 руб. 66 коп. в месяц). Я расписался в соответственных графах ведомости. Придя домой, пересчитал деньги. Оказалось, одна десятирублёвая монета была лишняя. Я бегом через весь город вернулся в гимназию. Запыхавшись, весь мокрый, вбежал я к Абрамову и сказал, что по ошибке он дал мне лишние 10 рублей. Абрамов сразу гневно закричал, что он не ошибается, что это я напутал. «Но у меня никаких денег не было, когда я шёл получать, а вот оказались эти деньги», — и я положил на стол 60 рублей вместо 50-ти. С недовольным видом он взял обратно 10 рублей и не очень учтиво отпустил меня: «Идите!» Он не поблагодарил меня, так как считал, что я поступил только честно и иначе поступить не мог.

В последних классах гимназии в качестве отдельного предмета преподавалась логика. Преподавал её профессор философии Историко-филологического института Маливанский. Его метод обучения был прост. К каждому уроку он задавал один параграф по учебнику логики, а затем вызывал одного за другим учеников, которые должны были рассказывать

выученное. И чем ближе к тексту отвечал ученик, тем выше была отметка. Двоек ставил он много. Помню, в начале одного урока мой одноклассник Ильченко обратился к Маливанскому с просьбой не спрашивать его, так как у него очень болит голова. Профессор ответил, что логика не имеет никакого отношения к телу человека или к частям тела. По законам логики мыслит душа. Поэтому он стал мучить Ильченко вопросами и, в конце концов, поставил ему двойку.

Живо встаёт в моей памяти учитель истории Сребницкий. Невысокого роста, с умным, всегда несколько напряжённым раскрасневшимся лицом, он редко улыбался, сохраняя ровное, серьёзное выражение лица. Деловито входил в класс и никогда не занимался на уроках посторонними делами. Конечно, уроки по истории нужно было готовить по учебникам Иловайского и Белярминова. Но Сребницкий не ограничивался только заданием и опрашиванием уроков. На каждом занятии он вызывал для ответа по пройденному или по очередному уроку одного-двух учеников и ставил им после тщательного опроса оценку за всю четверть. Меня он спрашивал редко, не более одного раза в четверть или даже за целое полугодие, доверяя моим знаниям. Он знал, что я много читаю по истории, в чём он мог убедиться, когда, отвечая, я выходил за рамки учебников и рассказывал, умалчивая об источнике, о Фридрихе Барбароссе, о Средневековье или о гуманистах по Писареву.

У нас в доме, в книжном шкафу отца была многотомная история России Соловьева. Её я в разное время читал том за томом и потом, благодаря не раз выручавшей меня памяти, отвечал Сребницкому значительно полнее, чем по учебнику. Второй половиной урока Сребницкий пользовался для изложения следующей темы. Видно было, что он готовится к урокам, и его изложение всегда было интересным и ни в какой мере не состояло только из материала учебника. Однако он был далёк от освещения социальных и экономических изменений в исторической перспективе, а движущие силы в истории видел только в политических задачах, которые выдвигались крупными государствами в борьбе между собой. Политические задачи, осуществление которых преемственно велось от Ивана Калиты до среднеазиатских завоеваний Александра II, — это всё была одна и та же сила движения в сторону раздвигания пределов России от Балтийского и Черного морей до Северного Ледовитого и Тихого океанов. И я вспоминаю, как эта доминирующая идея расширения, экспансии государства подсознательно передавалась ученикам и как при рассмотрении карты Европы и Азии неизменно высказывались затаённые пожелания еще больше расширить пределы нашей страны.

В первую половину моего пребывания в Нежинской гимназии её директором был Мейков, в парадные дни являвшийся в гимназическую церковь в генеральской форме: в белых брюках и в расшитом мундире с широкой голубой лентой через плечо и крупной звездой на груди. Я не помню его имени и отчества: среди гимназистов они хождения не имели, а заменялись общепризнанным выразительным прозвищем «Мамай». От директора ничего другого никогда нельзя было ждать, кроме Мамаева побоища.

Гимназический день начинался общей молитвой. По звонку все учащиеся и все начальство собирались в большой зал, не в Актный, открывав-

шийся лишь в редких случаях — на первый день Пасхи и на годовом акте. Непосредственно перед звонком на молитву по всем коридорам проносился Мамай, сопровождаемый эскутором. Они заглядывали в каждый класс и обязательно заходили в умывальную и уборную. Он не проходил, а именно проносился, как карающая десница Юпитера. И горе было всякому попавшемуся на его пути с явным «*corpus delicti*»¹ — с нарушением формы или с курительными принадлежностями, которые не были своевременно укрыты или замаскированы. Фамилия записывалась эскутором в список жертв Мамаева побоища за данный день. Наказаниями были либо карцер, либо даже исключение. Лента и белые штаны в торжественные дни, да объявление списка жертв ежедневного побоища — это всё, что запечатлелось в памяти за четыре года директорства Мейкова-Мамай, получившего вместе с чином тайного советника более высокое назначение. От нас он был переведён в Варшаву попечителем учебного округа.

Помощником директора был ненавистный всем Химера, всегда носивший мундирный фрак, человек с густой коротко остриженной бородой, говоривший ровным, тихим, гнусавым голосом. Среди гимназистов он не имел другого имени, кроме «Химеры», не удивительно, что я не помню его фамилии. Он донимал провинившихся своими тихими змеиными допросами и нудными нотациями. Таким же инквизиторским тоном вёл он и преподавание на своих уроках классических языков. Он занимал квартиру в первом этаже монументального здания нашей «гимназии князя Безбородко», выходящую на лестницу, по которой мы поднимались в гимназию, помещавшуюся во втором этаже. Всегда было желание, как бы не встретиться с Химерой, со змеиными его глазами. Главный его интерес и внимание всегда были направлены на то, чтобы подловить или выследить какие-либо признаки вольнодумства, свободомыслия, раскрыть крамолу. Его боялись, как следует бояться притаившейся змеи.

Нежинская гимназия, рассчитанная на 200–300 «своекоштных» учеников, помещалась во втором этаже «дома Безбородко», а третий этаж занимал Историко-филологический институт на 40–60 человек, причём там же находилось и общежитие для всех студентов, которые жили там, как в монастыре, чтобы полностью оградить их от крамольного влияния со стороны населения.

Филологический институт был учреждён вместо прежнего лицея специально для подготовки вполне благонадёжных учителей для классических гимназий, из которых, в свою очередь, должны были выпускаться благонадёжные, не заражённые вольнодумными мыслями, чиновники. Третий этаж являлся инкубатором для искусственного высиживания птенцов с точно скроенной, штампованной душой. К нему вполне подходила кличка «живопырка». Студенты — бородатые дяди, все упакованные в форму, отпускаясь на прогулку в город только на строго определённый срок. Они не получали ни газет, ни журналов, не могли приносить с собой книг. По сравнению с ними мы, гимназисты, жили на полной воле-волюшке: от населения изолированы не были, гулять могли, не спрашивая разрешения.

¹ Состав преступления (лат.)

Правда, были подробные правила и инструкции, регламентировавшие внеклассное поведение учеников, были и специальные надзиратели, и добровольные соглядатаи из учителей, но вся эта слежка была малоэффективна.

Монументальное трёхэтажное здание гимназии с широкой парадной лестницей и красивым балконом, поддерживаемым восемнадцатью мощными белыми колоннами, обнесено было каменной оградой с решеткой, вдоль которой тянулись внутри двора аллеи белой акации и пирамидальных тополей. В весенние месяцы эти аллеи непрерывно оглашались пением бесчисленных соловьёв. Когда в мае или начале июня цвела белая акация, аромат её заполнял всю округу, проникал в классы, коридоры. На обширном, всегда сухом дворе, заросшем в главной своей части подорожником и трин-травой, посередине были устройства для гимнастических упражнений: шесты, наклонные лестницы, параллельные брусья и пр. К чести гимназии надо сказать, что уроки гимнастики и упражнений во дворе велись регулярно. После уроков до сумерек двор предоставлялся для игры в гилки (лапта), в городки и для других подвижных занятий.

Ещё большей любовью пользовался у нас примыкавший сзади ко двору большой тенистый, со многими пересекающимися аллеями и лужайками лицейский сад-парк, воспетый Гербелем. Парк был обнесён глухим высоким забором, за которым тянулись сенокосные луга и доходившая до окраины города роща. Глухой забор и даже сторож не могли служить препятствием тому, чтобы мы и до начала уроков, и поздним вечером, и в лунные ночи подолгу гуляли в этой роще и на отдалённых лужайках, с полной гарантией, что никто из начальства за высокий забор из гимназического сада не проникнет. Единственный раз за много лет я встретил здесь сидевшего на пне в глубоком раздумье нашего законоучителя Хайнацкого.

Зимой мы гонялись здесь за зайцами, не хуже гончих собак выслеживали их по следам. Когда мы жили на окраине города, мы с братом через эти луга и через постоянно заделываемую и с такой же настойчивостью восстанавливаемую нами дырку в заборе более чем вдвое сокращали свой путь в гимназию. В роще росли необычайно высокие дикие грушевые деревья. В осенние заморозки мы сбивали с них груши, бросая камни и палки. Это было прекрасным упражнением, заменявшим упражнения в метании диска, приносящим к тому же и непосредственную пользу.

Между гимназическим двором и рекой Остёр лежало заливаемое внешними водами, сильно заросшее тростником и кустами лозы, непроходимое болото. В нём водились дикие утки, по вечерам кричали коростыли - дергачи, слышалось пение очеретянки. Это обширное по пространству болото лежало, можно сказать, в центре города и придавало Нежину своеобразный колорит глухого, заброшенного, болотного захолустья. На другой стороне Остра, куда от гимназии можно было перейти по деревянному мосту, находились несколько церквей, в том числе Соборная и Греческая, центральная улица города — Мостовая и городская площадь перед собором. В бытность нашу в первом классе часть этой площади была отведена для постановки памятника Н. В. Гоголю, который с 1821 по 1828 год учился в Нежинской гимназии. В Лицейском парке на старых садовых скамьях, на почерневших столах и на коре стволов сохранились выдолбленные автографы Гоголя с

его инициалами или полной подписью. Запомнилась мне загадочная, глубоко вырезанная надпись:

«га, га, га es et in
gam, gam, gam ib»

с подписью Н. Г. Разгадка этой надписи:

«Terra, terra, terra es et in
Terram, terram, terram ibis»

то есть «прах ты и в прах превратишься»¹.

Открытие памятника Н. В. Гоголю проходило очень торжественно. Ученики гимназии были построены поклассно. Впереди — все высшее начальство, затем — классные наставники вели каждый свой класс. Перед нами шли студенты Историко-филологического института. На площади перед Собором уже стояли учащиеся женской гимназии и других учебных заведений. После молебна в Соборе нас подвели поближе к памятнику, где собрались прибывшие делегации. После нескольких речей, которые до нас не долетали — громкоговорителей ведь тогда ещё не существовало, — в сквере было гулянье до вечера.

Вспоминаю об этом только потому, что на следующий день все гимназисты были взволнованы тем, что «старшего Локтя» — он был тогда, кажется, в третьем классе — посадили по распоряжению директора на три дня в карцер за то, что кто-то из учителей застал его в беседе нового сквера, когда он не то целовал, не то обнял гимназистку. Карцера в то время уже не было, и Локтя посадили в пустой класс, приставив к двери сторожа. На стол поставили воду и положили кусок черного хлеба. Разумеется, несмотря на запрет, мы проходили мимо двери, стараясь подать голос Тимофею Локтю.

Река Остёр в Нежине течёт только весной, когда, разливаясь, заливает прибрежные огороды. В остальное время года в реке, в выкопанном довольно широком русле, вода стоит. Русло это тянется через весь город на протяжении нескольких километров, и только через два-три километра за городом Остёр принимает свой натуральный вид протоков среди густых зарослей очерета-камышья-ивняка. Катанье на лодках-баркасах с плоским дном было очень распространённым среди гимназистов. Мы мечтали завести свою лодку, и в четвёртом классе нам удалось за ничтожную плату достать старый баркастик. Мы с Сергеем сами его законопатили, просмолили, подшили борта, исправили дно. Работали немало. Наконец дождалась и весны. Как-то, вернувшись с уроков, увидели, что Остёр вышел из берегов, лёд вспучило, он поломался, и по реке поплыли «криги» — большие льдины. Затем шли мелкие льдины, и мало-помалу река стала очищаться ото льда.

Не сказав ничего матери, мы после обеда спустили зимовавшую на берегу лодку на воду. Кроме весёл запаслись шестами, чтобы отталкиваться на мелких местах. Мы быстро плыли по течению, но вскоре лодку снесло на за-

¹ Екклесиаст, 3:20.

литый берег. С трудом справляясь с течением, мы наткнулись на залитый водой плетень, лодка перевернулась. Место было неглубокое, меньше чем по пояс, но нам никак не удавалось перевернуть лодку обратно. Держась за колья плетня, мы пытались тянуть её к берегу. Но усталость, страх и сильный холод вынудили нас бросить лодку у плетня, выбраться на берег и думать только о том, как высушиться и обогреться. Невдалеке было несколько домов. Мы зашли в ближайший и получили первую помощь, отжали воду, переобулись и, разжившись спичками, развели на берегу костер из сухого ситняка. Обсушившись около него и заручившись обещанием, что, как только вода спадёт, нашу лодку, крепко застрявшую у плетня, вытащат на берег, мы поспешили домой. И только позже рассказали о своем приключении.

Сергей, бывалый и привычный ко всяким неожиданностям во время охоты, проявил во время катастрофы большую выдержку. Я же пережил большое волнение и тревогу. Тем не менее, позднее, в старших классах, я систематически занимался упражнениями по гребле. Очень часто я видел, что так же, как и я, только на хорошей, щеголевато отделанной лодке, делает «моционы» профессор-филолог Кириллов. Он приходил непременно со своей собакой, которая вскакивала в лодку первой. Собака имела замечательную особенность: своею походкой, всем своим видом она напоминала своего хозяина, имела с ним необъяснимое сходство. Я думал, что это только мое воображение, но многие мои однокашники считали так же.

Зимой мы совершали по льду реки далёкие прогулки на коньках. Обычно большой гурьбой неслись мы за город, там вооружались султанами из рогозы или длинными очеретинами и проносились через весь город домой.

Традиционной большой прогулкой целым классом за город каждый год была «маёвка» в лесу. Ближайший лес от Нежина был довольно далеко, верстах в десяти-двенадцати, а то и больше. Избиралась подготовительная комиссия. Она закупала всю необходимую для «майской каши» провизию, обеспечивала необходимую посуду: котёл для варки каши, ложки, самовар и стаканы для чая и пр. В один из дней, выделенных для подготовки к экзаменам, мы нанимали лошадь с возом, сами отправлялись в путь своей компанией пешим ходом. За городом прогулка оживлялась пением, бегом, собиранием цветов...

Однажды недалеко от леса увидели озеро. Многие повернули к нему. Одни вздумали купаться, другие, раздевшись, перебрались через воду на зелёный плав, погружавшийся в воду, когда на него вступали сразу два-три человека. Шум, весёлые крики спугнули сидевших на гнездах куликов. Были найдены в гнёздах же яйца пигалиц, оказавшиеся ещё не насиженными. Нашли также гнездо дикой утки с яйцами, их оказалось более десятка. Великолепны были еще не сбросившие своего брачного разноцветного оперения туруханы. В лесу в полном цвету были ароматные желтоголовки — троллиусы. Распустились ландыши. Часа два мы углублялись в чащу леса, который становился всё гуще, а деревья — крупнее. Собрали изрядное количество сыроежек. Неожиданно наткнулись на дом с садом и огородом. В нём жил пожилой одинокий человек, обрадовавшийся нашей молодой весёлой компании. Он помог развести костёр, устроить котел. Мы достали воды из колодца и «специалисты» по майской каше принялись за своё дело.

В котёл, помимо всего закупленного — пшена, масла, свинины — пошли и взятые из гнёзд яйца, и собранные сыроежки. На табурете уже кипел самовар. Хозяин дома оказался интеллигентным человеком, толстолицем по убеждениям. Потерпев какую-то большую жизненную аварию, он захотел жить своим трудом и уже несколько лет жил в лесу в полном уединении.

Эта маёвка была в 1887 г., когда мы уже учились в шестом классе. Как ни зорко я следил, чтобы среди наших заготовлений и закупок не было бы никаких винных напитков, всё-таки, к моему большому изумлению и огорчению, на ковре появилось несколько бутылок вина, и охотников до них среди трёх десятков участников оказалось достаточно. Сваренная каша, а вернее густой суп со всевозможным приварком и обильным количеством зеленого лука, сорванного в огороде нашего пустынного, оказалась, разумеется, вкуснее всех кушаний, которые доводилось пробовать кому бы то ни было в жизни. Это подтверждал и деливший с нами наш пир в самом безмятежном и счастливом настроении наш хозяин-толстолиц. Великолепен был и неожиданно составившийся хор, и все исполненные им песни имели оглушительный успех.

Как-то незаметно прошли первые месяцы 1889 года. Приближалась последняя весна нашей гимназической жизни. Всё более властно вступали в свои права тревоги, страхи и мысли о предстоящих выпускных экзаменах — «экзаменах зрелости». Заботила нас, помимо всего, дальнейшая судьба созданного нами кружка самообразования и всё возрастающего фонда запретных для гимназистов книг. Решение этой задачи, однако, было значительно облегчено тем, что за нами следовал класс, где был мой брат Сергей и целый ряд очень деятельных членов нашего кружка, таких, как выдающийся по своим способностям Талиев (позднее профессор биологии в Харьковском университете)¹. В полном порядке мы передали им книжный фонд нашего кружка. Это было драгоценное наследство, о котором нужно было ежечасно заботиться, чтобы оно не превратилось в «закрытый скупостью и бесполезный клад», а было бы орудием пробуждения и формирования общественно-политического сознания у гимназистов.

За пять лет владения этим кладом в нас самих выработалось очень полезное чувство постоянной ответственности, чтобы ни одна книга не лежала бесплодно. Чтобы обеспечить непрерывность пользования каждой книгой, мы присматривались к товарищам по классу, к ученикам других классов, в особенности к новичкам, ежегодно переводившимся из других гимназий, преимущественно из Москвы и Петербурга, в нашу гимназию на казённую стипендию.

Некоторую тревогу внушал нам слишком выраженный крен в сторону естественных наук наших преемников — Талиева и других — и недостаточное влечение к общественно-политическим вопросам, к таким книгам, как «Азбука социальных наук», «Социальное положение рабочих», «Полити-

¹ Талиев Валерий Иванович (1872–1932) — ботаник, профессор Петровской сельскохозяйственной академии. Один из первых показал роль человека в истории растительного покрова. Автор первого «Определителя высших растений Европейской части СССР».

ческая экономия» Милля с примечаниями Чернышевского, статьи Шелгунова¹ и пр.

В 1882–1888 гг. в Нежинской гимназии существовали два, внутренне никакой общей целью между собой не связанные, враждующих лагеря. Один — начальство и учителя, другой — те ученики, которые входили в скрытый от недремлющего ока начальства кружок самообразования. Мир учителей — с полным оскудением личности, отсутствием интеллектуальных запросов и погружением в мелкое житейское прозябание, и мир нашего кружка, мир страстного стремления к знаниям, к расширению кругозора и приобщению ко всем завоеваниям свободной человеческой мысли, к борьбе против гнета и бесправия людей.

У меня была наибольшая склонность к математике и естественным наукам и только в седьмом–восьмом классах весы стали склоняться в пользу поступления после окончания гимназии на медицинский факультет: куда ни сошлют, буду непосредственно полезен людям. А если и не сошлют, то все равно работа врачом — это лучший путь к сближению с населением. Но ближайшая цель — выстоять против всех утеснений и гнета катковско-победоносцевской гимназии, перенести все трудности, чтобы, получив аттестат, иметь доступ к живым источникам подлинного знания в университете.

Стремясь расширить круг пользующихся книгами, изъятыми из библиотек за их передовое направление, мы искали «читателей» не только в гимназии, но и за ее пределами. Так, помню, еще в четвертом классе, познакомившись поближе с молодым грамотным рабочим, пильщиком дров, я приглашал его заходить по воскресеньям к нам. Когда выяснилось, что он любит читать, знает стихи Шевченко, Никитина и Некрасова, я стал давать ему книжки «Отечественных записок».

Однажды ближайший мой друг Вячеслав Галяка рассказал, что, будучи в гостях у каких-то знакомых, он встретился там с гимназисткой, много говорившей о пустоте и безыдейности, скудости умственных запросов её соучениц. Ему казалось полезным привлечь её к чтению Писарева, Добролюбова, Чернышевского. Но она жила в пансионе под неусыпным контролем. В указанный день я познакомился с нею. Её фамилия была Волошинская. Потом я передавал ей одну за другой книги из нашей библиотечки. Во время наших прогулок она с удовлетворением рассказывала о глубоком впечатлении, которое у неё оставили сочинения Писарева, роман Чернышевского «Что делать?» Но две–три недели спустя пришла не она, а одетая не барышней и не гимназисткой, а повязанная платком крепкая девушка, которая рассказала, что она читала книги, получая их от Волошинской; что классная дама нашла у Волошинской томик Писарева, до смерти запугала её и взяла с неё слово, что она больше никогда такого рода книг читать не будет. Пришедшая девушка, Королева, была человеком совсем друго-

¹ Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891) — публицист, революционный демократ, участник революционного движения 1860-х, редактор журнала «Дело». Шелгуновская демонстрация 1891 года — первая политическая демонстрация русских рабочих — социал-демократов.

го склада. Она поведала, что живет в купеческой семье с родителями, но твёрдо решила после окончания гимназии вырваться из дома и добиваться высшего образования. Я познакомил её с некоторыми товарищами. Она была усердной читательницей наших книг и действительно по окончании гимназии уехала в Москву и там добилась приема на открывшиеся в то время фельдшерские курсы. Позднее я слышал, что она работала в одном из студенческих кружков.

Другой вопрос, который мы загодя, ещё до выпускных экзаменов, обсуждали и разрешили всем классом, был вопрос о групповой фотографии всего класса вместе с учителями. Настолько ясно сознавалось отсутствие необходимой моральной связи, единства моральных основ между нами и гимназическим начальством, которое не только не стремилось расширить наш кругозор, но, наоборот, по мере сил мешало нам на этом пути, что явилась мысль фотографическую группу на память о гимназических годах иметь без учителей. Она встретила в классе почти общее сочувствие. Мы выбрали инициативную группу, которая составила проект виньетки в виде широкой ленты, окаймляющей всю фотографическую группу с размещёнными на ней карточками каждого из тридцати двух учеников нашего класса. Ленту эту держал паривший вверх орёл и на ней был написан призыв Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное! Сейте, спасибо вам скажет сердечное русский народ!» Мне казалось более скромным и более отвечающим нашим идеалам служения народу выразить на виньетке наше понимание цели образования словами Глеба Успенского: «На то на свете и живут умные и образованные люди, чтобы простой человек не погибал понапрасну». По желанию класса обе эти надписи были приняты. А в противовес оторванности классического образования от изучения основных наук об окружающем мире и природе в качестве орнамента на виньетке было решено дать не картинки из греческой мифологии, а орудия научного экспериментального познания, предметы химической лаборатории. Именно так и была изготовлена памятная фотография, но раздать её было решено только после действительного окончания гимназии и получения аттестатов зрелости. Помещать ли в общую композицию вместе с учениками их классных наставников и соглядатаев-учителей, украшать ли её эмблемами современной мысли и современных методов науки и высказываниями о предназначении представителей передового русского самосознания или цитатами из Цицерона и снимками Аполлона и Дианы — это дела вкуса и умонастроения тех, кто хотел иметь памятный снимок, а не начальственного усмотрения. Чтобы подчеркнуть, что мы не нарушаем тесные рамки дозволенного, на раскрытом томе сочинений Г. Успенского, красовавшемся на переднем плане виньетки, было четко написано: «Дозволено цензурой в 1889 году», как это и было в действительности. Кому же могла придти в голову мысль, что из-за этого снимка разыграется целая история? Вся последующая судьба нашей фотогруппы настолько характерна для того времени, что о ней стоит рассказать до конца.

Кончился полный волнения период выпускных экзаменов. С утверждения попечителя учебного округа были нам выданы долгожданные аттестаты зрелости. При этом начальство особо отметило исключительные заслу-

ги нашего выпуска. За всю историю Нежинской гимназии в нашем выпуске окончили с золотой медалью не один, а двое (одним из них был я) и трое — с серебряной медалью. В радостном настроении, можно сказать, в надежде славы и добра, разъехались мы на каникулы. В ожидании ответа о приёме в Московский университет я проводил время на хуторе «Попенки». Уже созрели вишни; в жаркий солнечный день, взобравшись на большое вишнёвое дерево, я с братьями спешно обрывал вишни, так как их объедали стаи скворцов. С дерева я увидел приехавших двух товарищей — Вячеслава Галюку с другом. Это было необычно, поскольку от Нежина до нашего хутора было более семидесяти верст. Друзья сообщили о непоправимой беде. Учитель Шарко увидел у своего сына, окончившего гимназию в нашем выпуске, нашу фотогруппу. Слова совершенно ему неведомого крамольного поэта Н. А. Некрасова показались ему настолько явно революционными, что, схватив снимок, он немедленно представил его директору Николаю Ефремовичу Скворцову, профессору и философу. Директор тоже решил выслужиться и, не жалея живота своего и жертвуя незапятнанной благонамеренной репутацией гимназии, направился с пресловутой фотографией в местное жандармское управление, где предложил произвести обыски у всех выпускников, отобрать у них фотогруппы, а самих выслать в Сибирь. Жандармский начальник, как тотчас же стало известно, крайне разочаровал директора, сообщив ему, что и Некрасов, и Глеб Успенский цензурой разрешены, а в цитатах, приведенных на фотогруппах, ничего нет крамольного или предосудительного. Что же касается указания директора, что орёл, парящий в облаках над группой, не двуглавый, то жандармскому управлению известно, что летающие в природе орлы имеют лишь одну голову и фотографу, имеющему в качестве украшения чучело орла, нельзя ставить в вину отсутствие у этого орла второй головы.

Потерпев афронт там, где он думал заслужить лавры, директор-спаситель отечества стал действовать другими средствами. Он вызвал в гимназию всех выпускников и в присутствии всех учителей стал стыдить их за то, что они унизились до такого позора, чтобы вместо изречений древних писателей — Платона или Вергилия — поместить на фотографиях цитаты из подонков, газетных писаек, таких, как Некрасов, которого читают в трактатах потерявшие всякий стыд рабочие. Далее директор заявил, что, если в кратчайший срок не будут собраны и сданы ему все до единой фотографии, то он добьется аннулирования аттестатов и, во всяком случае, разошлёт об окончивших такие характеристики, которые сделают совершенно невозможным поступление их в высшие учебные заведения.

По поручению всех побывавших у директора товарищей, приехавшие настаивали, чтобы я немедленно отдал им свою фотогруппу. Отказ в этом будет рассматриваться, как действие, подвергающее риску не только меня лично, а целый класс. Я, разумеется, группу отдал¹.

¹ Захарий Григорьевич при жизни так и не узнал о том, что об его участии в распространении запрещённой литературы в гимназии, так же, как и об участии в этом его брата Сергея, было известно жандармам. О недавно найденных документах по этому вопросу см.: Приложение № 2.

Не без тревоги ждал я после этого сообщение из Московского университета с ответом на посланное мною прошение о приеме на медицинский факультет. Но, либо директор не осуществил своей угрозы об отправке туда неблагоприятной характеристики, либо в университете руководствовались моим блестящим аттестатом и золотой медалью, а не дополнительной характеристикой. Во всяком случае, вскоре, к моему успокоению, я получил извещение о зачислении меня в число студентов Московского университета.

В начале 1890 г. вместе с одним из студентов, лично знавшим известного адвоката Ярошенко, мы побывали у него и просили возбудить от нашего имени дело против директора Скворцова, который шантажом и запугиванием отнял у нас принадлежащие на вполне законном основании, как личная собственность, фотогруппы. Юрист обещал тщательно ознакомиться с делом. Но вскоре за участие в студенческих сходках в феврале 1890 г. я был выслан из Москвы под гласный надзор полиции. Только в 1894 г., заканчивая Дерптский университет, как-то вспомнили мы — я и живший совместно со мною на квартире К. О. Левицкий — о случившемся пять лет назад изъятии у нас фотогруппы. На всякий случай мы написали в дирекцию Нежинской гимназии заявление о возвращении нам нашей фотогруппы. И вот, спустя довольно долгое время, мы получили вызов к проректору университета профессору русской истории Бринкеру. Он под личную нашу расписку вручил нам изувеченные наши фотогруппы. В сопроводительном письме сообщалось, что снимки были «конфискованы» для уничтожения вредных и позорящих надписей. Вся виньетка со снимком орла и ленты была вырезана, а книга загушевана. Я рассказал профессору, какие были надписи, он не сразу мог понять и поверить, что могут быть такие недобросовестные (*gewissenlos*) педагоги в провинциальных гимназиях. Но вот сейчас, более шестидесяти лет спустя, когда я пишу эти строки, передо мной висит на стене эта «историческая» фотография, как вещественное доказательство, избобличающее классическую гимназию, служившую в руках реакционного министра народного просвещения Дмитрия Толстого орудием для полного отрыва от народа подготовляемых ею будущих «образованных» людей и превращения их только в источник пополнения бюрократического чиновничества.

Наше, и моё, в частности, отношение к заполнению всей гимназической программы классическими языками и, в особенности, их грамматикой, как к существеннейшей части мертвящей схоластической системы образования, определилось с первых лет пребывания в гимназии. Слишком уж очевидна была ненужность, бесполезность зазубривания слов и грамматических правил древних языков, на которых давно не говорит ни один народ, а то, что осталось от этих языков в виде письменных памятников, давно уже много раз издано в переводах на русский и другие современные живые языки. Зачем же главная часть времени и сил направлялась на эту схоластику? Этот вопрос вставал перед нами со всею неотступностью. И ответ на него сложился вполне определенный: для того, чтобы отвлечь наше внимание от изучения проблем современной живой жизни!

Но понимание ненужности заполнения программы классическими языками не мешало мне признавать одного из учителей, Абрамова, умевше-

го на построении латинской речи раскрывать логическую связь понятий, показывать развёртывание логического процесса мышления, путь к овладению не только латинским, но и всяким другим языком, учившего вслушиваться, вдумываться, не гнаться за словами, а познавать их смысл из связной речи, изучать новый язык, как ребёнок изучает впервые родную речь. Абрамов чувствовал ритмичность в складе речи и умел заставить нас почувствовать эту ритмичность у Овидия, Горация и Вергилия.

Одно воспоминание очень ярко сохраняется у меня о ходе выпускных экзаменов. Всё шло удачно и благополучно. Окрылённый надеждой на возможность получения золотой медали, пришёл я на письменный экзамен по русскому языку. В обширном актовом зале были расставлены на значительном расстоянии друг от друга тридцать два стола. Вошла торжественно комиссия. Были проверены все столы. Затем председатель комиссии распечатал присланный из округа конверт и громко прочитал тему для сочинения: «Влияние просвещения на нравственность людей». Были розданы заштапованные листы бумаги, которые нужно было возвратить по счету. Оставив надзирателей, комиссия удалилась. Проходил час за часом, а я не мог остановиться ни на каком плане и не мог начать писать. Уже многие сдали сочинение, а я ещё не брал пера в руки. Мною овладело полное отчаяние, всё уже казалось потерянным. Когда зал опустел уже почти наполовину, я, убедившись, что ничего путного со всего моего обдумывания трактата с введением, анализом исторического и современного материала и построением общих выводов не выходит, махнул на всё рукою и, считая, что всё равно всё уже пропало, написал заглавие, а под ним три строки программы:

1. Раскрытие содержания понятий в заглавии темы:

- а) что такое просвещение;
- б) что мыслится под нравственностью.

2. Условия, необходимые для благоприятного влияния просвещения на нравственность.

3. Пояснение на примерах из истории просвещения на Руси.

Не было уже времени обдумывать и переписывать начисто, так как актовый зал катастрофически быстро пустел. Я видел недоумение и тревожные взгляды дежурившего преподавателя и уходивших учеников и, не отрываясь, без необходимой критической оценки, строил все рассуждения дедуктивно, исходя из общих определений, а не обобщая, синтезируя изложенный сначала проанализированный материал. Пример заключительный — петровский период — образование и просвещение при Петре видимого влияния на нравственность не оказали. Положительный пример — просвещение от Карамзина и Державина до Пушкина и Гоголя — просвещение, направленное и проникнутое великими идеями о высоком призвании людей, о служении народу и государству; такое просвещение оказало глубокое влияние на общественные нравы и на создание высших образцов людей, движимых нравственными началами, таких, как Сперанский или Пирогов и другие.

С чувством полной катастрофы вручил я, кажется, предпоследним два мои использованные и все оставшиеся белыми листы. Провал казался бесповоротным. Кажется, пять дней прошло, пока стали известны, наконец,

результаты. Комиссия в целом была недовольна. Выделены было только три отличных сочинения и среди них на первое место было поставлено мое: по четкости, сжатости, логическому развитию темы и по высоким нравственным началам, положенным в основу всего сочинения. Больше, чем кто-нибудь другой я понимал слабость своего сочинения, и его успех у комиссии был воспринят мною без всякой радости и энтузиазма. Скорее, я испытывал чувство не то какой-то неловкости, не то глухих угрызений совести.

Тяжёлое материальное положение нашей семьи, когда одновременно в гимназии учились три брата и сестра Александра, вынудило меня очень рано стремиться к личному заработку. Постоянно присутствовало желание как-нибудь облегчить матери возможность сводить концы с концами при самой скудной нашей жизни. Будучи в четвёртом классе, я впервые принял предложение о помощи ученику первого класса Ване Леонтьеву. Это был хорошо упитанный, довольно избалованный, но очень любознательный мальчик. Мне было предложено, кажется, за шесть рублей в месяц, ежедневно проверять подготовленность его по заданным урокам и при необходимости давать разъяснения и помогать усвоению материала. Очень скоро Ваня заинтересовался занятиями. Мне удалось вызвать у него желание вести наблюдения за природой, собирать коллекции насекомых и растений. Проверяя его уроки по латыни, я рассказывал ему о римлянах и римской истории. Сам я любил решать всякие головоломки и задачи, отгадывать загадки и, мало-помалу возбудил и у Вани желание додумываться до решения задач и желание применять арифметические исчисления для получения ответа на появляющиеся вопросы. Например, какой высоты самое высокое дерево? Или, насколько или во сколько раз стоящая перед домом липа выше яблони или груши? Такие задачи приводили к необходимости наблюдать и мерить аршином (1 аршин = 71,12 см) в одно и то же время длину тени от самого аршина и длину тени от деревьев. Для таких измерений нужно было поработать и посчитать.

Несколько лет, не менее четырёх, продолжалось мое репетиторство с Ваней. Много лет спустя, уже в период моей жизни и деятельности в Петербурге, я часто встречался с Леонтьевым, закончившим высшее образование. Он часто бывал у меня со своей женой, и мы нередко вспоминали об интересе, который вызывали у него, так же как и у меня самого, наши занятия.

Начиная с пятого класса я был зачислен в казённые стипендиаты, но, поскольку уже пользовался репутацией хорошего репетитора, постоянно имел несколько уроков. Больше всего я любил заниматься с отстающими по математике — арифметике, алгебре, геометрии. Для меня было, в своём роде, делом спорта вызвать у ученика интерес к предмету и через два-три месяца сделать отстающего лучшим в классе. В последние годы пребывания в гимназии я даже на летнее время уезжал «на кондиции», т. е. на уроки по подготовке учеников к поступлению в то или иное учебное заведение, *Docendo dicimus*¹ — и, несомненно, эта работа закрепляла у меня самого

¹ Уча учимся (лат.).

знания по предметам моего преподавания, заставляла всегда добросовестно готовиться к очередным урокам, которые мне предстояло проводить. В то же время репетиторство было источником заработка, часть которого я сберегал, чтобы по окончании гимназии иметь хотя бы некоторые средства для поездки и поступления в университет.

Как я уже рассказал, каникулы после окончания гимназии были испорчены тревогой о том, что доносительная характеристика директора помешает поступлению в университет. С одним из товарищей, Белецким, я условился ехать вместе в Москву. В августе мы пустились в давно желанный путь к высшему образованию, за подлинными знаниями в свободно выбранных нами областях науки.

С отъездом в Москву разрывалась казавшаяся мне неразрывной связь, единство с моим братом Сергеем. До тех пор я не мог себя мыслить отдельно от него. В дальнейшем, говоря о моем жизненном пути, я уже не буду говорить о «нас», т. е. обо мне и Серёже вместе. Здесь, расставаясь с ним, я хочу попутно дополнить сведения о нём некоторыми фактическими данными.

Хотя меня в гимназии всегда считали старшим братом, в действительности Сергей был старше меня на два года. Он родился в 1867, а я — в 1869 г. Мне кажется, что лицом и вообще по внешности он совершенно не был похож на меня. В нём были резко выраженные черты сходства с нашей матерью, меня же всегда и все считали похожим на отца. И тем не менее, нас очень часто смешивали, принимали его за меня и наоборот. От отца он усвоил непреодолимую страсть к охоте, к приручению животных. Он всегда был общим любимцем в семье. Моя жизнь была спаяна с его жизнью вплоть до студенческих годов. У нас было всё общее: и друзья, и увлечения. Он всегда был более умелым, аккуратным. Невзирая на некоторую болезненность в раннем возрасте, он гимнастическими упражнениями и постоянными длительными прогулками развил в себе большую физическую силу и ловкость. По сравнению с ним я был более слабым, физически неумелым, нестройным и некрасивым. Но я с большим увлечением отдавался решению трудных задач по математике. Он мог многое смастерить, аккуратно и точно нарисовать план, географическую карту. Но многое в учёбе, латинский и греческий языки, математика мне давались легче, чем ему, и я всегда старался помочь ему. Пока, до четвёртого класса, мы учились в одном классе, я до такой степени чувствовал себя неотделимым от него, что, когда он затруднялся с ответом, у меня неудержимо текли слезы, и я мучился, что не могу этого скрыть. На почве охотничьих увлечений у Сергея завязывались некоторые отдельные знакомства, но вообще в течение всей гимназической жизни мы были едины и неразлучны.

По окончании гимназии он поступил на естественный факультет Киевского университета, который и закончил без задержки, годом раньше меня. Написал работу по геологии. Вслед за тем был преподавателем физики в Полтавском кадетском корпусе и в Полтавской женской гимназии. При поездке своей за границу виделся в Швейцарии со знакомыми эмигрантами. Этого было достаточно, чтобы по возвращении потерять место преподавателя. В университете наиболее близким его другом был

В. Н. Крохмаль¹. Через меня в Киеве он познакомился с Дегенами — Анной Николаевной и Евгенией Викторовной и с Косачами — Лесей Украинкой, будущей выдающейся поэтессой².

Весной 1897 г. Сергей приезжал ко мне в Новую Ладогу. Он был большим любителем природы, особенно украинской.

После женитьбы он служил учителем физики и математики в железнодорожном училище под Харьковом. На полученном через кооператив участке земли в поселке «Высокий» под Харьковом построил он себе дом, разбил собственноручно чудесный фруктовый сад и жил там, продолжая до самой своей смерти в 1937 г. учительствовать. Он приезжал ко мне после революции в Ленинград с экскурсией учащихся, а затем и отдельно летом 1928 г. Был хорошо принят Екатериной Ильиничной в Детском Селе, участвовал в прогулках с Иликом по парку³. Я несколько раз бывал у него в посёлке Высоком. В последний раз мы виделись в 1936 г. в Остре, куда я приезжал с сыном, чтобы повидать моих сестёр Веру и Соню.

Мрачной и тяжелой страницей в моих воспоминаниях, относящихся к периоду учёбы в гимназии, является большая беда, случившаяся со старшим братом — Яковом. Он уже оканчивал в то время горно-штейгерское училище в Лисичанске, в Донбассе. Казалось, он нашёл свой путь. Увлечён был практической работой в забоях и в соляных коях. Он привёз нам целую коллекцию образцов горных пород, великолепные огромные кристаллы соли и горного хрусталя, когда приехал на каникулы перед выпускным экзаменом. Весело и беззаботно участвовал с нами в рыбной ловле и даже показал опыт глушения крупной рыбы глубоководным взрывом небольшого патрона, ходил с Сергеем на охоту.

После его отъезда очень долго не было от него никаких вестей, и лишь через много месяцев (я был в то время в пятом классе) было получено от него письмо с широкими жёлтыми полосами и со штампом Петропавловской крепости. Оказалось, что уже несколько месяцев он сидел в ней⁴. Не

¹ Крохмаль Виктор Николаевич (1873–1933) — социал-демократ, марксист, агент «Искры», руководитель Киевского комитета РСДРП. Подвергался арестам, бежал, работал за границей. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам, много лет представлял их в РСДРП. После Февральской революции входил в состав различных комиссий Временного правительства, бюро ВЦИК и других политических органов. К Октябрьской революции отнёсся резко отрицательно и в 1918 прекратил политическую деятельность.

² По семейному преданию, Сергей Григорьевич был помолвлен с Лесей, но незадолго до свадьбы он влюбился в одну из своих учениц, на которой женился, как только она достигла совершеннолетия. Его избранница Елена Брунзель (полунемка) была на 13 лет моложе Сергея. Брак этот был очень счастливым. Но Захар Григорьевич осудил брата за разрыв с Лесей и отношения их охладились.

³ Екатерина Ильинична Мунвез и Илья — фактически вторая семья (жена и сын) Захария Григорьевича, много лет существовавшая параллельно с первой. После смерти первой жены в 1948 вторая семья обрела статус официальной.

⁴ Яков Григорьевич был арестован в 1885 по так называемому «делу 21-го» или — Лопатинскому делу. Герман Александрович Лопатин (1845–1918) — революционер, народник, друг К. Маркса и первый переводчик «Капитала» на русский язык. В 1884 он был главой Распорядительной комиссии «Народной Воли». По обвинительно-

было предела слезам и горю матери. Только приехав на каникулы, мы решились рассказать об этой беде отцу. Он, однако, уже знал об этом, так как у него в Борках, где он служил управляющим, был произведён жандармский обыск для осмотра вещей и переписки брата.

Прошло более двух лет, из Петропавловской крепости приходили каждый месяц письма более или менее стандартного содержания. От тоски и тяжелого одиночества Яков стал писать украинские стихи, в которых выливал свою душевную боль. Отец опасался, что когда узнают в гимназии, это отразится на нашем с братом положении. Весь срок пребывания брата в крепости был для нас безрадостным временем, полным тревоги и боли за него.

Было несказанно светлой радостью, когда из напечатанного в газете короткого сообщения о состоявшемся в 1887 г. приговоре по делу Г. Лопатина¹ мы узнали, что наказание, назначенное брату, покрывается его почти трехлетним предварительным заключением в крепости. Еще больше было радости, когда летом приехал брат, исхудалый, обросший бородой, но бодрый, неунывающий. Когда он готовился к выходу из тюрьмы, ему передали с воли шубу. По договоренности с Якубовичем², сидевшим в соседней камере и находившимся в постоянном общении с братом путем перестукивания, для выноса на волю брат зашил во всех швах шубы переданные ему через тюремного надзирателя на очень мелко исписанных листах тонкой бумаги стихи Якубовича для их издания. Я был посвящен братом в это дело. Мы извлекли стихи из швов, переписали их и позднее послали их в Петербург, где они вышли отдельной книжкой под псевдонимом, если не ошибаюсь, Мельшина.

Брат очень скоро физически окреп. Он чувствовал себя до некоторой степени героем, с ним знакомились местные барышни, и через два месяца начал складываться роман. По настоянию отца он взял в аренду небольшое хозяйство, и его роман благополучно закончился браком³. Позднее Яков жил в Киеве, примкнул к революционному движению, организовал и успешно осуществил в 1905 г. побег из киевской тюрьмы М. М. Литвинова (будущий известный дипломат, министр иностранных дел СССР), потом работал под кличкой «Дид» в большевистской группе⁴. После Октябрь-

му акту Якову Френкелю было вменено в вину то, что он с другими революционерами изготовил в Луганске заряженные динамитом метательные снаряды, предназначенные для преступных целей партии «Народной Воли». Найденные недавно архивные документы по этому делу см.: Приложение № 3.

¹ Лопатин был приговорен к вечной каторге и до 1905 находился в Шлиссельбургской крепости.

² Якубович Пётр Филиппович (псевд. Л. Мельшин) (1860–1911) — поэт; как революционер-народоволец отбывал в 1887–1903 гг. каторгу и ссылку.

³ Женой Якова Григорьевича стала дочь священника Евдокия Николаевна Пригородская. Но в одной из справок Жандармского управления есть сведения, что его женой была сестра В. Н. Крохмалю.

⁴ В документах Главного жандармского управления хранится много интересного материала о революционной деятельности «Дида» в киевский период. См.: Приложение № 4, а также воспоминания сестры Якова Григорьевича и Захария Григорьевича — Евгении Григорьевны Левицкой в книге «Две тетради Евгении Левицкой. Письма автора «Тихого Дона» — публикация Льва Колодного. М., 2005.

ской революции жил под Москвой и умер в 1936 г. от несчастного случая, попав под поезд.

Летние месяцы в гимназические годы, в 1884–1887 гг., я проводил в Борках, где в эти годы служил управляющим отец и жила с ним вся наша семья. Я, как и брат Сергей, проявлял большой интерес ко всем мероприятиям по улучшению сельского хозяйства, которые задумывал и осуществлял отец. В особенности моё внимание привлекали планы отца по обращению в сельскохозяйственные угодья земель, числившихся в планах и описях «неудобными». К ним относились обширные, занимавшие многие десятки гектаров, глубокие пески, совершенно лишённые растительности. Летом ветры вздымали с этих пространств облака песчаной пыли, заносившей посевы на других возделываемых участках. Среди этих песков в расстоянии пяти-шести километров от «Борковской экономии» отец заложил отдельный хутор. Построен был дом и хозяйственные постройки, поселены несколько рабочих с семьями, устроен колодезь. К зиме в скотном дворе ставился скот для откорма привозимыми из Борков корнеплодами, отрубями и заготавливаемым на месте силосом из люпина, вики и других культур, которые разводились на мелиорированной песчаной пустыне. Под глубокую вспашку плугом была с осени посажена на многих гектарах «шелюга». Были приняты меры для снегозадержания, участки засажены лозой. Опыт удался, лоза стала разрастаться, и полосы между ней удалось удобрить навозом, отчасти полученным на месте от содержавшегося на хуторе скота, отчасти — привезённым из экономии. Большие полосы были засеяны люпином, который в качестве зеленого удобрения был до наступления жары летом запахан. Отец постоянно ездил в это новое зарождавшееся хозяйство, и я всякий раз был его спутником. Подолгу мы ходили и объезжали голые песчаные участки, мерили шагами низины, где были остатки болотных зарослей. На некоторых из них по указанию отца рылись затем пруды, выкачивался торф для подстилки в скотном дворе, закреплялись берега посадкой шелюги, а потом ольхи. По-видимому, отца увлекал процесс обращения этих вредивших на многие километры голых пространств в пригодные земли.

У меня ещё с тех пор появился стойкий интерес к мелиоративным работам, в результате которых наступали очевидные полезные для людей изменения в местности. Когда через два-три года на бывших голых песках снимался первый урожай вики или овса или даже кое-где картошки — это вызывало радость у отца. У поселённых в новом фольварке семейных рабочих появились у дома кусты красных «поречек» (смородины), крыжовника и молодые деревья черешен. Особенно отчётливо остаются у меня в памяти задуманные отцом и успешно осуществлённые работы по осушке большого топкого болота и прокладка через него дороги до реки Остёр и сооружение моста через эту реку. Дорога почти вдвое сократила путь до нового хозяйства.

В самую сухую часть лета постоянно заходившие в поисках работы «грабари» были наняты копать каналы по местам, намеченным вехами, поставленными самим отцом, через все болото. Тяжёлая это была работа. Сняв кочки и верхний слой, грабари, оставляя узкие поперечные перемычки, заглубляли широкие с пологими откосами каналы на два-три аршина

(1,5–2,1 м) в направлении к реке. Приходилось высоко поднимать вынимаемую землю, стоя иногда по пояс в воде. Оплачивалась эта работа сдельно, с вынужтой кубической сажени земли. Велась две параллельные канавы с расстоянием три сажени между ними (около 6,5 м). После подсыхания «принятая», т. е. уже учтённая, земля разравнивалась между канавами. На неё насыпался слой привозимого песка и сверху слой «глея» — болотной глины. Число рабочих менялось. Каждый из них «рядился» (договаривался) поодиночке. Однажды добавилось три новых грабаря. Всегда увлекавшийся ходом задуманных им работ, отец при всякой возможности старался зайти посмотреть на сооружаемые канавы, на рождавшуюся между ними дорогу. От его внимания не ускользнуло, что двое из новых грабарей работают с большим старанием, а третий, хорошо устроившись на сухом месте, то лежал, то сидел и курил. «Почему работают все одни и те же, а вы их не сменяете?» — На этот вопрос последовал ответ, приведший отца в негодование: «Это мои рабочие, я их подрядчик». Была совершенно очевидна бессмысленная, ненужная эксплуатация людей: половина всего заработка каждого рабочего шла в руки этого посредника-«подрядчика», в то время как все другие работники, трудившиеся тут же, рядом, получали свою дневную выручку полностью в руки. Гневно потребовал отец, чтобы этот «подрядчик» убирался прочь. Он ушел, но увел и своих рабочих. Оказалось, что они были им закабалены, так как, уходя на заработок из Смоленской губернии, взяли у него задатки, чтобы уплатить «мирские» подати (налоги).

Уже в ближайшие годы прорытые вдоль новой дороги канавы со стоком в реку Остёр настолько успешно «вытягивали» воду из прилегающей части болота, дренировали его, что с обеих сторон дороги оказалось возможным начать разбивку капустных гряд. Я не знаю, когда и у кого научился отец мерам по мелиорации болот и заболоченных мест. Думаю, что в этом деле он был самоучкой и пытался, далеко не всегда успешно, применять на практике советы и опыты, описываемые в «Сельском хозяине», «Земледельческой газете» или в приобретаемых им книгах. Осуществляя зарождавшиеся у него новые планы, отец учился в самом процессе их выполнения, тщательно учитывал и записывал данные о результатах проведенных мелиораций.

За лесом «Бураковщиной» тянулись заболоченные кочковатые пространства, поросшие осокой. Отец задумал выкопать там пруд, провести целую сеть канав для спуска весенних вод в глубокие рвы, тянувшиеся вдоль большого «тракта» — дороги от города Козельца до города Остёр. Года через два после осуществления этого плана отец с торжеством подсчитывал окупаемость произведенных расходов: с лугов снимались большие укусы теперь уже не осоки, а райграса, лисьего хвоста и других кормовых трав. После окончания косовицы отец устроил на опушке «Бураковщины» «кашу» для косцов с участием и других служащих экономии. Мы с Серёжей в это время увлекались пиротехникой и, хотя наши ракеты и не очень охотно летали ввысь, но бенгальские огни имели огромный успех у невзыскательной публики.

Украинские хлеборобы и селяне большие скептики. Ко всяким новшествам в сельском хозяйстве, как правило, поначалу относились как к «паньским выдумкам». Но и на них произвел впечатление один из наиболее

удачных опытов в Борковской экономии. Однажды отец задумал обратиться в пашню небольшое топкое болото, заросшее очеретом (тростником) и местами покрытое толстым слоем мокрого торфа. Создав систему отвода воды из болота и подсыпав его кое-где землей, вырытой при рытье пруда, отец поджёл кучи очерета и сухого торфа. Дым от этого пожарища стоял несколько дней. Затем были прорыты вдоль и поперек мелкие канавки. Была строго отмерена одна десятая осушенного болота, её вспахали и в августе засеяли рожью. На следующее лето мы ходили любоваться ровной, чистой, без всяких сорняков, высокой рожью, выросшей вместо прежнего очерета. В июле мы с братом приняли участие в жатве этой ржи. Было нажато пятнадцать копен, по шестьдесят снопов в каждой, и пробный умот оказался равным двенадцати пудам с копны, то есть 180 пудов (около 29 центнеров) с десятины. Выстроенные в ряд через всю десятину, аккуратно сложенные копны были победным свидетельством пользы от проведенной мелиорации. Вот где корни моего систематического внимания и придания большого значения санитарной мелиорации в гигиене строительства и благоустройства населённых мест. Вопросы санитарной мелиорации территорий стали предметом моего специального изучения и преподавания в курсе коммунальной гигиены.

С большим удовлетворением вспоминаю я, что во время постоянных летних поездок с отцом на беговых дрожках в места песков, закрепляемых и осваиваемых для сельскохозяйственного использования, и частого сопровождения отца на работы по осушке болот, мною была одержана одна победа, доставившая мне большую радость. Это победа над закоренелой привычкой отца к курению. Много раз хотел я объяснить себе, откуда у меня с самого раннего детства было непреодолимое отвращение к бессмысленной, явно вредной привычке портить воздух курением, когда в моем окружении были курильщиками и отец, и старший брат Яков, и часто бывавшие гости, и те рабочие, с которыми я так любил общаться. Самый вид окурков или папирос, гари из трубки вызывал у меня гадивость, как бы я ни старался её подавить. Я каждое лето настойчиво, но безуспешно убеждал отца освободиться от этой гадкой привычки. К числу моих аргументов позднее, в период моего увлечения гигиеной и интереса к учению Льва Толстого о рациональном построении жизни в соответствии с требованиями разума и совести, я добавлял доводы о сохранении личного здоровья, о внимании к здоровью окружающих, пускал в ход всю цепь гигиенических доводов и, наконец, добился результата: отец решил бросить курить! В это время ему уже было более пятидесяти лет. Трудно ему было выполнить это решение, но он выдержал искушение и во всю остальную жизнь не возвращался к вредной привычке и признавал все преимущества своего освобождения от неё.

В летнее каникулярное время в Борках одним из больших моих увлечений были плавания на лодке в отдалённые места вниз и вверх по Остру. Так же, как и в Нежине, у нас с братом и в Борках завелась собственная лодка-плоскодонка на две пары уключин. Мы её постоянно чинили, конопатили, смолили, то наращивали борта, то переделывали уключины. Мы добивались самого лёгкого хода и одновременно устойчивости и грузоподъёмности. Последняя была необходима, когда в летние лунные вечера с нами

ехали кататься и сёстры, и знакомые. Мы плыли до Кошанов, где река протекает среди густых зарослей. Там громкое пение украинских песен, разносившееся с нашей лодки, не могло причинить никому беспокойства, так же как и наши громкие споры, оживлённые разговоры или стихи Некрасова, которые я по желанию всей компании декламировал. Декламировал я и Шевченко, и Якубовича, а то под сурдинку и некоторые революционные стихи безымянных авторов. Большое количество этих стихов к немалому моему удивлению удерживается в моей памяти и до сих пор, как никому не нужный балласт.

Нередко лодка служила мне и для полезных дел. Я отвозил Серёжу подалее на охоту и, пока он стрелял бекасов или дупелей, издали созерцал природу. Смотрел, как в мёртвой стойке замирал сеттер, и как падала после взлёта птица при появлении из ружья дыма. А то собирал для пополнения гербария болотную флору. К охоте я был безнадежно неспособен, а для оправдания в собственных глазах этой неспособности ссылался на жестокость и бессердечность охотников к подстреленной дичи. Так же неудачлив я был и в рыбной ловле. Бывало, с вечера, так же как и брат, наготовлю живцов-вьюнов, пескозобов, плотвы, направлю удочку. На рассвете едем с Сергеем на «греблю» ловить на «круче» окуней. Время незаметно уходит, начинает припекать поднявшееся солнце. Садимся в лодку в обратный путь. У Серёжи связка больших окуней, штук пятнадцать-двадцать (малых он бросал обратно в воду), а моим трофеем были пять-шесть небольших окуньков и ни одного крупного. Такая уж была моя доля, с которой я давно примирился, и был вполне счастлив, что рыбная охота удачна благодаря большому улову Сережи.

Регулярно использовал я лодку для оказания дружеской услуги сторожу Аврааму Пальчику, от которого, как когда-то в очень раннем детстве от «дида» Митра Ремеза — маленького сморщенного старичка, я слушал нескончаемые рассказы про «прежних панив» и про живых приказчиков, объездчиков и других угнетателей сельских людей. Сторож не обедал и, формально, не ел в общей кухне (на деле он всё же получал остатки от кухарок), а получал «в отсыпную» из конторы по ордеру ежемесячно по два-три пуда провизии из лавки экономии. Тогда ему нужно было доставить эту провизию домой, а жил он, как и все его однофамильцы, в селе Пальчики, в нескольких верстах вверх по Остру. Сам он был хотя ещё и не очень старый, но слабосильный. Лодка моя имела причал в укромном месте под склонившейся к самой воде ивой. Авраам в два приёма приносил свою кладь под иву, мы грузились и садились в лодку, он — на руль, я — на весла. Я гнал лодку до гребли. Там мы перетаскивали кладь и лодку через греблю и плыли дальше до Аврамова села. Там я всегда был желанным гостем. Жена Авраама угощала меня «огородиной», то есть огурцами, ягодами. Любил я ласкать и угощать пряниками хлопчика и дивчину — небольших детей Авраама, которые всегда встречали своего «тату» у берега.

Не всегда катанье на лодке доставляло одно удовольствие. Помню, будучи уже в седьмом классе, я один, без Серёжи, приехал на пасхальную неделю в Борки. Было большое весеннее половодье. Вода прорвала греблю, подмыла берег, на котором стояла хата. Хата завалилась в воду. В течение

двух дней вода тащила эту хату мимо экономии. Потом мне показалось, что главная масса воды уже прошла. И я спустил лодку, уселся за весла, но не успел отчалить от берега, как попал в быстрый поток. Несмотря на все мои усилия и попытки направить лодку вверх, её с неудержимой скоростью несло вниз по реке. Для меня стало ясно, что, ударившись о ледорезы моста, я неминуемо погибну. Разлив был широк. Всё-таки каким-то чудом я вырвался из главного потока и смог направить лодку на замеченную мною, намытую при прорыве гребли песчаную отмель. Лодка врезалась в песок. Чтобы удержать её, я с невероятными усилиями воткнул в песок весла. Я видел, как вода размывает песок. Но вот с отдаленного берега меня заметили. Двое крепких борковчан добрались до меня и доставили вместе с лодкой к нашему причалу. Мне было до боли совестно, что я доставил столько беспокойства своим избавителям. Дня три после этого я страдал «дизентерией» — колитом с кровью, что вызвало большую тревогу родителей. Но всё обошлось благополучно, я в срок вернулся в Нежин.

В последние гимназические годы значительное место в моём чтении занимал возникший на смену «Отечественных записок» журнал «Северный вестник» и начавшие выходить отдельными изданиями сочинения Глеба Успенского, Н. Шелгунова, Н. К. Михайловского. Много раз перечитывал я Л. Н. Толстого, причем особый интерес возбуждало у меня отражение в его произведениях коренного вопроса о согласовании всех своих действий и деятельности со своими взглядами, с основным началом признаваемой им правды.

Наступило время отъезда в Москву. Ехали мы вместе с одним из товарищей, В. П. Белецким, поступившим на юридический факультет. Мы ехали загодя, имели поэтому время сделать в пути остановку на день в Курске, чтобы посмотреть этот город и непосредственно повидать закулисные стороны одного из очень известных монастырей в России — Кореневского монастыря. В этом монастыре уже несколько лет пребывал в качестве монаха дядя Белецкого. Когда-то он очень любил своего маленького племянника. Теперь ему захотелось увидеть его взрослым. Он пригласил Белецкого непременно навестить его проездом. Я остался на вокзале, а мой попутчик отправился к дяде. Очень скоро он вернулся, настойчиво принуждая меня вместе с ним отдохнуть до завтрашнего поезда у его дяди, который, узнав о том, что на вокзале остался товарищ, и слышать не хотел никаких возражений и потребовал немедленного приглашения меня к обеду.

В монастыре мы имели возможность убедиться, как уютно и удобно живут принявшие монашеский сан дворяне, ушедшие от мирских забот и волнений. «Кельей» отца Павла, куда мы вошли, была комната, хорошо обставленная мягкой мебелью. На столе появились кушанья, а затем из особого погребка, скрытого в стене, были извлечены и бутылки с виноградными напитками. Настойчивость радушного хозяина, совсем еще не старого человека, при угощении была столь велика, что даже мне, врагу «виноградных» напитков, трудно было отстоять свою линию. Хозяин был образованный, тонко воспитанный человек. Он умело отклонял некоторые наши неуместные вопросы и направлял разговор в сторону описания Москвы, которую он знал, о предстоящей нам студенческой жизни и т. д. Однако и без его

ответов на наши вопросы об условиях «благочестивой» и «богобоязненной» жизни, пробыв у него до следующего утра, мы могли убедиться, что монастырский режим, если не для всех, то, во всяком случае, для избранных, вполне нейтрализуется соответствующими коррективами. После возвращения с вечерни наш гостеприимный хозяин вместо того, чтобы предаться молитве, устроил для нас за закрытой дверью и спущенными шторами весьма богатую закусками, а потом и сладостями вечернюю трапезу. И наша довольно оживлённая, вполне светская беседа затянулась далеко за полночь.

Отдохнув и подкрепившись в монастырской обители, мы утром ознакомились с достопримечательностями монастыря и, наконец, распростились с нашим благодушным и гостеприимным хозяином, чтобы успеть до отхода поезда побродить по городу. Очевидно, достопримечательности Курска не были выдающимися. Сейчас я убеждаюсь, что в моей памяти не осталось никаких следов от полученных при прогулке по городу впечатлений.

II. ГОДЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ (1889–1895)

В Московском университете

Первые дни по приезде в Москву в августе 1889 г. были заняты у меня выяснением в университете, когда начнутся лекции, какие профессора и где будут их читать, где можно получить программы и т. д. Попутно завязывались первые знакомства. По предложению одного из новых знакомых Евгения Панова, приехавшего учиться медицине из Твери, я поселился в одной комнате с ним в чердачном помещении на Воздвиженке, недалеко от университета. Насколько малое значение имело тогда для меня удобство жилья и даже сам вопрос о жилищных условиях, видно из того, что мне и в голову не пришло сначала посмотреть помещение, а потом решать, селиться в нём или нет. Вход в комнату был с чердака, выше пятого этажа. Окно маловато освещало комнату, но она была довольно просторна, так что вскоре к двум первоначальным моим сожителям — Панову и Постникову — добавился ещё и третий — тверяк Мишка Дьяков. В отличие от первых двух, в вечерние часы, когда мы садились за книги или занимались приведением в порядок конспектов, Дьяков непрерывно рассказывал все свои впечатления за день, либо о своих деревенских друзьях. Он был сыном тверского либерального помещика. Его радикализм и народолюбие облечены были в чисто внешние формы усвоения деревенских манер, постоянное сплёвывание на пол во время курения цыгарок, и, ещё того хуже, — в непрерывное, без нужды, употребление невыносимо пакостных слов. Ни к какой систематической работе у него не было привычки, и потому он всё время стремился разговаривать. По существу, он был, несомненно, добрый и честный малый, но переносить его сплёвывания, курение и, в особенности, его пакостные выражения мне было невыносимо, поэтому, оставаясь в самых лучших отношениях с тверичами, я довольно скоро перешёл в другое жильё.

До начала регулярных занятий я много времени тратил на ознакомление с Москвой. Разумеется, осмотрел я и «Царь-Колокол», и «Царь-Пушку», поднялся на колокольню «Ивана Великого», откуда Москва «виделась, что муравейник»... Получил полное разочарование от тогдашнего Ботани-

ческого сада. Его не без труда разыскал где-то за Сухаревой башней на Мещанской улице. Он показался скудным по сравнению с Киевским. Зато с интересом, до полной усталости осматривал Политехнический музей с его большими моделями угольных копей, шахт и заводов. Когда начались лекции, я перестал тратить время на экскурсии, но каждое утро в ранние часы вместо утренней зарядки совершал полутора-двухчасовые прогулки обычно по верхней дорожке кремлёвских стен и по всему их периметру, вокруг Кремля и Китай-города, либо по берегу Москвы-реки. Тогда через неё еще не было великолепных мостов, но была в районе храма Христа Спасителя плотина для поднятия уровня воды в реке.

Раньше всех начал читать лекции профессор Анатолий Петрович Богданов (по зоологии) об одноклеточных. Аудитория его в Зоологическом музее, в так называемом «новом» здании Московского университета была всегда полна. Он читал ровным тихим голосом, но самым содержанием своих лекций приковывал внимание слушателей, и в аудитории господствовала напряженная тишина. Начав с простейших одноклеточных амёб, профессор на их изучении развёртывал всю глубину познаний о сущности животной клетки, о процессах ее питания, ассимиляции и дезассимиляции, о разрушении и удалении отбросов, об эктоплазме и эндоплазме, первичных движениях плазмы, псевдоподиях и вакуолях, о ядре и ядрышке, о делении у одноклеточных и пр. На жизни амёб он показывал сущность жизненных процессов, на иглокожих — развёртывал значение простейших в образовании целых геологических пластов земной коры. Невысокого роста, с широкими очертаниями всей своей фигуры и мягким лицом, профессор Богданов носил кличку у студентов «амёбы». При этом он пользовался общим уважением и репутацией большого ученого.

В то время ему было не более 55 лет, но мне он казался почти стариком, с медлительными движениями, всегда внимательным. Из каждого отряда, класса и рода животных он останавливался особенно подробно на тех видах, которые играют ту или иную роль в медицине — в патологии или фармакологии. Когда приходилось обращаться к нему после лекций с вопросами, он очень благожелательно и внимательно выслушивал и давал ответы. Помню, после первых лекций я обратился к нему с просьбой порекомендовать подходящее пособие. Он сказал, что наиболее соответствует его курсу Blanchar «Zoologie médicale», и посоветовал приобрести эту книгу через магазин иностранной литературы на Петровке. Я последовал его совету, и хотя двухтомная работа Бляншара оказалась разорительной по своей цене для моего скудного бюджета, зато добросовестное штудирование её не только удовлетворило моё желание иметь пособие к лекциям, но и расширило и укрепило моё знание французского языка.

По сравнению с лекциями профессора Богданова, лекции бывшего его ученика молодого профессора Зографа по другим разделам зоологии и по сравнительной анатомии животных мало привлекали внимание, хотя Зограф читал лекции громче и сам был более оживлён. Кажется, в связи с лекциями профессора Зографа я купил на рынке у Цветного бульвара кролика и несколько лягушек, и мы сообща упражнялись в их препарировании, изучая их внутренние органы, сосудистую систему и, главное, нервы.

Вопрос о том, куда деть останки животных, был разрешён поздней ночью: завернув их в газету, я спустился с пятого этажа и положил свёрток в одну из ниш капитальной каменной ограды Архива Министерства иностранных дел. Ограда находилась как раз против дома на Воздвиженке, в котором мы жили (теперь на месте Архива МИД воздвигнуто грандиозное здание Библиотеки им. Ленина).

Особенно дорожил я лекциями по физике профессора Столетова, которые он читал в зале нового здания университета рядом с физическим кабинетом. Эти лекции сопровождались очень хорошо подготовленными опытами и показательным материалом. Удачные опыты, наглядно объяснявшие и дополнявшие изложение, доставляли удовлетворение и самому лектору, всегда неизменно серьёзному.

С некоторым позированием читал свой курс профессор анатомии Д. Зернов. Он картинно закидывал голову с богатой, уже серебрившейся шевелюрой. Но больше, чем лекции профессора, занимали студентов занятия и постоянная сдача зачётов у его ассистента доцента Алтухова. Это был грубоватый, находивший вкус в пикантных словцах и выражениях, преподаватель. В первом семестре занятия по разделу «Кости, связки, мышцы» состояли в совершенно точном заучивании всех латинских названий и морфологических особенностей.

С интересом слушали мы в течение всего первого семестра лекции профессора Д. Н. Анучина по антропологии, проходившие в антропологическом кабинете, в здании Исторического музея. Лекции сопровождались тщательным рассматриванием коллекций черепов.

Наряду с лекциями на медицинском факультете я с большим интересом слушал на юридическом факультете лекции по политической экономии профессора А. И. Чупрова. Его лекции, хотя он и не прибегал ни к каким искусственным ораторским приемам, а читал серьёзно, увлекали аудиторию и неизменно оканчивались взрывом аплодисментов.

В качестве доцентского курса для первокурсников читал лекции по истории и энциклопедии медицины Беллин. Я аккуратно посещал их, но решительно не могу вспомнить их содержание. Читались лекции скучно и не вызвали интереса. Зато легко и с большим интересом слушались лекции по неорганической химии профессора Сабанеева. Они проходили в большой химической аудитории с расположенными амфитеатром местами для слушателей. Читал профессор Сабанеев громко, не очень плавно и без всяких отступлений в сторону каких-либо широких обобщений, но всегда, систематически, сопровождал лекции опытами. К концу лекции он всегда приберегал рассказ о такой реакции, которая была бы связана с громким взрывом. Это вызывало шумное одобрение невзыскательной аудитории.

Ввиду малочисленности в Московском университете студентов из Нержина мы после знакомства с тверичами, по их предложению, вошли в состав Тверского землячества, а от Тверского землячества в общестуденческий Союз землячеств был добавлен представитель от нежинской группы. Таковым был выделен я. В то время в земляческих организациях намечалось стремление придать им характер только кружков взаимопомощи, без участия в решении каких бы то ни было общественно-политических задач,

таких, как объединение студенчества для борьбы за демократические права, против политического бесправия, угнетения и эксплуатации народных масс. Тверское землячество принадлежало к передовым, наиболее радикальным членам Союза землячеств и, получив в моем лице дополнительный голос, стремилось усилить в нём борьбу за придание союзному совету значения руководящего центра студенческого движения, за придание этому движению общественно-политического характера.

Казалось, что после разгрома в 1887 г. всех студенческих организаций и введения тогда же нового университетского устава в университетах была уничтожена почва для возрождения прежних проявлений радикально-демократического общестуденческого движения. На деле, однако, это не подтвердилось.

Когда в Москве была получена весть о смерти незадолго до этого вернувшегося из сибирской ссылки Н. Г. Чернышевского (он умер в Саратове в ночь с 16 на 17 октября 1889 г.) и в «Русских ведомостях» появился некролог, составленный, по цензурным соображениям, выражаясь языком Щедрина, «применительно к подлости», само собой явилось желание как-то выразить отношение студенчества к этому писателю. На экстренном совещании совета Союза землячеств решено было организовать общестуденческую сходку, посвящённую памяти Чернышевского, а для этого призвать студентов на панихиду по нему. За соответственную плату священник церкви на углу Тверского бульвара и Тверской улицы, против прежнего места памятника Пушкину согласился отслужить панихиду в 3 часа дня 19 октября. Чтобы не дать возможности полиции помешать осуществлению этого замысла, решено было никому не говорить о панихиде до 2 часов дня и сделать устное приглашение идти на панихиду во всех аудиториях университета и Петровской сельскохозяйственной академии при окончании лекции в 2 часа. Все аудитории были распределены между членами Совета.

Мне выпала обязанность объявить о панихиде по Н. Г. Чернышевскому после лекции Столетова. Сообщив о смерти писателя, я призвал всех отправиться в церковь против памятника Пушкину. Спустившись вниз и одевшись, я отправился по Большой Никитской. Видно было, что несколько студентов поодиночке и группами идут к бульвару. На бульваре уже образовался поток студентов, а у памятника Пушкину и в церковном дворе было уже сплошное студенческое море. К этому времени пришли от Страстного монастыря приехавшие на «паровой конке» большие группы петровцев (студентов Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии). Выходившие из церкви по окончании панихиды образовали всё нарастающую толпу, заполнившую часть бульвара и площадь вокруг памятника Пушкину. С верхних ступенек подножия памятника один из руководителей обратился с призывом пройти траурным шествием в память Н. Г. Чернышевского по бульвару к университету.

В полном порядке и тишине шествие направилось к Никитской. Когда головная часть уже поворачивала на Никитскую, конец шествия всё ещё выстраивался рядами во всю ширину бульвара у Страстной площади. У редакции «Русских ведомостей» произошла остановка. Вызвав представителей редакции, руководители Совета громко зачитали протест московского

студенчества против помещённого в газете некролога, умалявшего заслуги Чернышевского перед русским обществом, значение его в борьбе за свободу, права и экономическое развитие народа; протест против допущенных в некрологе неуместных выражений в угоду цензуре об «ошибках и заблуждениях» писателя. Прочитанный протест передали в редакцию для напечатания. Затем участники манифестации вошли с Никитской в университетский двор и через проход под старым зданием собрались перед главным входом. В это время Моховая улица и входы в университет с неё были уже оцеплены пешей и конной полицией. После тщетных переговоров с представителями университетского начальства об отмене занятий на следующий день в знак траура, решено было закончить манифестацию. Расходились постепенно, никто не был арестован.

Небольшие сбережения, сделанные в последние гимназические годы из заработка за репетиторство, быстро истощились, несмотря на все мои урезывания расходов. Я переселился в район Бронных улиц в небольшую комнатку в Богословском переулке в квартире старого типографского рабочего, наборщика по профессии. Комнату сняли вместе с товарищем по гимназии Павловичем. Хозяин наш был членом общества взаимопомощи наборщиков. В то время моё денежное положение было столь плачевно, что я не мог обедать даже в «Ляпинке», где обед стоил 10–15 копеек. Но там всегда стоял на столе хлеб, и его можно было есть бесплатно. Оплатив талоны на чай, я, главным образом, и питался хлебом. Дома вечером мы ограничивались также чаем и хлебом, изредка добавляя немного сыра из расчета не более пяти копеек в день. Тогда сыр, в красных головках, появился по дешёвой цене в продаже в лавках Москвы из артельных Тверских сыроварен. И именно скудное, совершенно недостаточное питание было причиной некоторого нервного угнетения, которое я испытывал. Мне было очень трудно работать в анатомическом театре. Вид трупов неотступно преследовал меня и днем, и ночью. Это было жуткое чувство, заставлявшее меня думать о переходе с медицинского на другой факультет. Преодолевая себя, я старался всё же в срок сдавать на трупе очередные зачёты.

Наш хозяин-наборщик был интеллигентный человек, но жена его и вся жившая с ним родня были выходцами из тверской деревни. Однажды, придя вечером домой, мы застали оживлённую работу по уборке, мойке и чистке всей квартиры, в том числе и нашей комнаты. Оказалось, что ожидали «явления» в квартиру чудотворного образа — Иверской иконы Божьей Матери. До Октябрьской революции эта икона, в обрамлении, украшенном драгоценными камнями, помещалась в часовне у Иверских ворот подле Исторического музея. Перед иконой всегда горели лампы и большие свечи, приносимые верующими, а сами молящиеся, коленопреклоненные, и днем, и до поздней ночи с земными поклонами молились прямо на улице. На время с двух часов ночи до шести утра священнослужители снимали икону, ставили её в специальную карету и объезжали, по особому заказу, богобоязненных москвичей для молебнов и служб об исцелении болящих и избавлении от всяких напастей и бед. Зная, в какой дом ночью явится «Иверская», все соседи собирались во дворе, на улице или в квартире, чтобы получить благословение и окропление водой. Кроме денежной платы

для священнослужителей готовилось достойное угощение. Около трёх часов ночи с песнопениями и молитвами внесли в тяжелой раме икону в квартиру наборщика, отслужили молебен и окропили все комнаты, включая и нашу. Затем карета с иконой отправилась в предназначенный ей на данную ночь путь, а собравшаяся родня хозяина ещё долго оставалась за трапезой, мешая нам уснуть. После Октябрьской революции на месте часовни Иверской Божьей Матери водружен был плакат: «Религия — опиум для одурманивания верующих».

Моё экономическое положение улучшилось, когда с конца ноября по газетному объявлению я получил приглашение репетировать по вечерам группу отстающих учеников первой гимназии по древним языкам. Получить эту работу помогло мне то, что я окончил с золотой медалью именно Нежинскую гимназию, пользовавшуюся особенно надёжной репутацией по классическим языкам. Я занимался до конца первого полугодия с учениками 3-го и 4-го классов. Уходя в 9 часов вечера с урока из 1-й гимназии, я всякий раз восхищался светом нескольких, только что впервые в Москве устроенных дуговых фонарей («электрическими солнцами», как их тогда называли), освещавшими сквер вокруг храма Христа Спасителя. По своей архитектуре и гармоническим пропорциям это здание в византийском стиле, не пользовавшееся хорошей репутацией у искусствоведов, вызывало у меня всегда непосредственное, невольное восхищение.

Вечерние мои занятия в 1-й гимназии связаны с одним комическим воспоминанием. Я с детства усвоил привычку, ставшую для меня непреодолимой, — не затруднять других обслуживанием меня. Позднее мои друзья считали это проявлением «толстовства», потому что я не даю чистить свою одежду и сапоги, не позволяю подавать мне пальто и пр., а делаю это сам. Но у меня в этом нет никакой надуманности, а просто привычка. В вестибюле первой московской гимназии стоял «ливрейный швейцар». Вечером ему делать было нечего, и он настойчиво пытался снимать и подавать мне пальто. Нужно сказать, что и само-то форменное моё студенческое пальто, приобретенное на Сухаревке за четыре рубля и соответственно потёртое, совсем не заслуживало такой чести, чтобы его подавал столь почтенный ливрейный швейцар. Когда я всё это ему изложил и, поблагодарив за внимание, попросил не затруднять себя, да и меня тоже, он признал мою просьбу и мои доводы необоснованными и не заслуживающими уважения. «Ведь вы же, господин, кончите университет, будете служить, дослужитесь и до генерала. Значит, нужно теперь научиться держать себя как полагается по чину. Вот и приучайтесь». Я по пунктам представил ему свои контрсоображения, но он упорно, с благожелательной улыбкой продолжал свои бесплодные попытки «образовать» меня.

На время рождественского перерыва я оставался в Москве. Несколько раз на один-два дня уезжал в Петровское-Разумовское, где гостил у своих новых знакомых Морева и Тимонина, студентов Петровской академии, с которыми я познакомился в союзном земляческом совете. В то время (1889–1890 гг.) они были редкими представителями студенчества, серьёзно занимавшимися экономическими вопросами и читавшими «Капитал» Маркса.

Начало нового учебного семестра в январе 1890 г. после рождественских каникул связано прежде всего в моих воспоминаниях с «Татьяниним днем», с днем годового праздника Московского университета. По уже укоренившейся традиции этот день ежегодно отмечался общестуденческим банкетом в одном из крупнейших ресторанов, в «Эрмитаже». Банкет начинался несколькими приветствиями, речами профессоров, в том числе самых старейших. Но основным и главным содержанием вечера было всеобщее пьянство, которое заканчивалось тем, что и студенты, и профессора на главной лестнице, в общем зале, в коридорах, везде лежали вповалку совершенно пьяными, либо их уносили и отправляли домой в извозчицких санях. Боюсь, что теперь всё это может показаться преувеличением, так же как преувеличением, сущением красок казалось это и мне, когда мне рассказывали о предстоящем банкете.

В то время у меня завязалось близкое знакомство с одним товарищем по работе в анатомикуме — Селенкиным из Вятки, а через него и с его братом — филологом старшего курса, ходившим на костылях после ампутации одной ноги. Старший Селенкин был очень начитанный, умный, передовой человек, всегда возмущавшийся оскудением общественно-этического кругозора студенчества. Опираясь на полное сочувствие нескольких моих товарищей по нежинской гимназии, ставших студентами разных факультетов, мы решили устроить литературно-вокальный вечер в Татьянин день и провести агитацию, чтобы отвлечь студентов, в особенности самых молодых, от безобразного пьянства на банкете. Продумали программу вечера с докладами по истории Московского университета и его роли в развитии русской науки и культуры, с вокальными и музыкальными номерами. Нужно было собрать средства для найма помещения, что оказалось гораздо труднее, чем мы предполагали. Однако, хотя и скромное, помещение было подготовлено и было получено согласие на выступление намеченных исполнителей. Вечер решили начать в 10 часов, с тем, чтобы успеть отвлечь для участия в нем студентов, которые соберутся в «Эрмитаже».

В Татьянин день часов в восемь мы были в ресторане. К девяти часам отзвучали две-три речи приехавших уже не совсем трезвыми «лидеров» Татьяны, с демагогическим восхвалением студенчества и с ещё большим восхвалением Бахуса. Некоторые молодые студенты, впервые отмечавшие Татьянин день, с удивлением относились к тому, что наряду со студентами пьют и поют их профессора. Не было ещё и десяти часов, когда на лестнице уже валялись «в лёжку» пьяные. Мы обращались с призывом к более молодым, не опускаться до уровня тех, кто роняет великие заслуги университета. Мы приглашали, в виде протеста против омрачения пьяным разгулом светлого дня праздника высшего образования в России, отправиться с этого банкета на наш вечер. Успех нашей агитации был более чем скромным. Когда мы с большим опозданием явились на наше мероприятие, мы оказались в обществе не более двух-трёх десятков товарищей. Насколько у нас хватило выдержки при таком полном провале нашего начинания, мы пытались придать намеченное содержание нашему общению и скромному чаепитию. Расходясь уже далеко за полночь, решили зайти в «Эрмитаж». Там продолжалось хаотическое пьяное пение, широкая лест-

ница была усеяна завершившими свое веселье привычным для Татьянина дня состоянием.

С начала второго семестра в январе 1890 г. в Московском университете начал читать, тогда лишь в качестве приват-доцента, курс лекций о физиологии головного мозга И. М. Сеченов¹. С первой же лекции и до моей высылки из Москвы я слушал все его лекции. Читал он в большой аудитории профессора Зернова в анатомическом здании. Вся аудитория бывала доверху заполнена. В первых рядах сидело много профессоров. Замечательна была манера чтения лекций И. М. Сеченова. Он точно вёл разговор с кем-нибудь из слушателей. Построение речи отличалось исключительной простотой и доходчивостью. Иногда, остановившись перед одним из слушателей, он как бы убеждал его своим изложением.

Только со второго семестра начал читать лекции по минералогии профессор Толстопятов. Первая же лекция, служившая как бы введением в курс, буквально захватила всю аудиторию. Широкими обобщениями он создавал представление о единстве всей вселенной, единстве материальных начал, единстве и закономерности присущих им движений, а потому и форм тех образований, которые складываются из материи. Кристаллы в его вдохновенном описании оживали до предшественников живой природы, и в то же время в их изучении открывался путь к возможности познания общих законов более сложных образований.

С февраля предстояли занятия по физиологии растений у Тимирязева². Он согласился читать нам, медикам, свой курс, как необязательный на нашем факультете, в случае, если составится достаточное количество желающих. Обязательный для медиков курс ботаники читал профессор Горожанкин, с преимущественными занятиями по водорослям и по общей систематике растений. При моих прогулках в октябре в район Нескучного сада и, в особенности, в местах, где ныне Парк культуры и отдыха, а тогда были свалки мусора, я приносил большое число видов цветущих растений (из сложноцветных — ромашку и осоты, много зонтичных, крестовидных и губоцветных), которые были мне хорошо известны ещё с детства и служили теперь предметом определения на практических занятиях, которые проводил один из ассистентов профессора Горожанкина. Я был поклонником исключительной по искусству и доступности изложения, замечательной книги К. А. Тимирязева «Жизнь растений». С глубоким интересом и удовлетворением слушал я публичную лекцию Тимирязева в аудитории Политехнического музея. Лекция сопровождалась изумительными по наглядности демонстрациями процесса роста растений. Естественно, что я вёл большую агитацию среди медиков, чтобы записывались на необязательный

¹ Сеченов Иван Михайлович (1829–1905) — создатель русской физиологической школы, мыслитель-материалист, член-корреспондент (1869) и почётный член (1904) Петербургской академии наук, автор классических трудов по физиологии высшей нервной деятельности и пр.

² Тимирязев Климент Аркадьевич (1843–1920) — российский естествоиспытатель, один из основоположников русской научной школы физиологии растений, член-корреспондент Петербургской академии наук (1890).

курс Тимирязева. Запись шла успешно, и была полная надежда, что в феврале или марте профессор начнет с нами свои занятия. Как курьёз, вспоминая мой разговор с товарищем по первому курсу, сыном Льва Николаевича Толстого, мало симпатичным Львом Львовичем. В то время он отрабатывал очередные препараты по анатомии. Но, даже приходя в анатомический театр, он подчеркнуто звал швейцара, чтобы тот снял с него шинель. Вообще он держался как типичный белоподкладочник, графский сынок. На моё предложение записаться в группу для занятий по физиологии растений он ответил отказом и в оправдание стал совсем неосмысленно ссылаться на то, что его отец, Л. Н. Толстой, доказал ненужность и бесполезность ботаники как науки. Я посоветовал ему не ссылаться так необдуманно на Л. Н. Толстого и уже не возобновлял с ним этого разговора. Позднее этот неудачный отпрыск великого отца достаточно бесславно подвизался в качестве «писателя» в пресловутом суворинском «Новом времени».

С января 1890 г. был введён новый устав в Петровской академии, тождественный с университетским уставом 1887 г., которым окончательно бюрократизировалось всё высшее образование, уничтожались последние остатки свободы преподавания, запрещались какие бы то ни было студенческие организации. В связи с этим возникли студенческие волнения, сначала среди студентов Петровской академии, а затем и в Московском университете. В поддержку Петровской академии и для предъявления требований студенчества об отмене устава 1887 г., была назначена общестуденческая сходка во дворе старого здания университета.

В назначенный час из химической лаборатории вышли студенты старших курсов естественного факультета, к ним присоединились из анатомического здания студенты-медики, и с Моховой улицы из нового здания университета стали подходить студенты-юристы и филологи. Сходка ещё не успела organizоваться, как во двор с Никитской улицы и через проход с Моховой въехали, очевидно, заранее подготовленные конные жандармы и казаки с занесёнными в воздухе нагайками. Они быстро оцепили главную массу собравшихся и отрезали отдельные группы подходивших студентов. В это время в середине окружённых была прочитана резолюция о поддержке всех требований студентов Петровской академии и о единодушном требовании студенчества Московского университета об отмене вредного для дела образования университетского устава 1887 г. А тем временем во двор были введены многочисленные полицейские наряды, двойным кольцом окружившие нас. По приказу офицера задние ряды казачьего отряда стали напирать крупами коней на окружающих студентов, вытесняя их со двора через проход на Моховую улицу, которая оказалась оцепленной полицией. Всех участников сходки, оцепленных пешим и конным отрядами, провели по Моховой и через широко открытые ворота втокнули в здание Манежа. Ворота закрылись. Проходили часы, нас держали в Манеже, не позволяя никому выходить и отказываясь передать какие бы то ни было наши заявления. Только к вечеру разрешили собрать деньги и передать для закупки булок. Поздно ночью нас переписали и в окружении конной и пешей полиции провели по ночным улицам Москвы в Бутырскую тюрьму. В той группе, в которой был я, оказалось около четырёхсот студентов разных курсов

и факультетов. Большие камеры пересыльной тюрьмы были открыты в общий коридор, и мы разместились на отдых на голых нарах.

Утром следующего дня были выбраны старосты для организации питания. Началась шумная студенческая жизнь. Попытка тюремного начальства закрыть на замок и разобщить камеры вызвала чрезвычайное возмущение, и камеры вновь были открыты. Скоро в самой обширной камере было сооружено возвышение из нар, устроена кафедра и, сначала совершенно неорганизованно, начались выступления добровольцев-певцов и рассказчиков. Из уст в уста передавались всякие слухи, непроверенные, часто совершенно вздорные.

Очень скоро наладился выпуск первого рукописного листка — «Бутырского слова». В одной из более тихих камер устроилась редакция, работавшая под руководством юриста старшего курса, с целым штатом сотрудников, корреспондентов, фельетонистов, рецензентов. Изготавливалась газета в одном экземпляре. В ней помещались выдержки из проникавших с воли «Русских ведомостей». Когда очередной номер бывал готов, все камеры оповещались о предстоящем его громком чтении. Народ густыми толпами спешил слушать «Свободное слово». Особенно большой интерес стал вызывать выход газеты, когда появилось другое издание, остроумно и иногда очень удачно воспроизводившее реакционный правительственный орган «Московские ведомости». Между «Свободным словом» и «Бутырским словом» развернулась полемика. Было организовано несколько комиссий: лекционная, литературно-концертная, статистическая. В последней комиссии я провёл работу по «всеобщей народной переписи» и по разработке её материалов. Нас, имевших между собою общение через соединявший камеры коридор, оказалось более 400 человек. На следующий день было приведено в Бутырскую тюрьму ещё несколько сот студентов, пытавшихся собраться на сходку. Но они были размещены в другом крыле и не могли установить с нами общения.

В шумной, бурлящей и бушующей жизни нескольких сот студентов невольно бросалось в глаза полное отсутствие навыков и приёмов к организованному общежитию. Не было даже представления о том, что для возможности высказаться нужно соблюдать очередь и порядок, а для поддержания порядка необходимо какое-то руководство, нужно выбрать ведущего-председателя, секретаря. Это казалось каким-то нарушением общей свободы. Проводя при переписи личный опрос каждого в отдельности, я всячески убеждал в необходимости выбрать председателя и подчиняться на собраниях порядку, говорить, только получив слово и пр. Теперь кажутся просто невероятными хаос и анархия, господствовавшие на студенческих собраниях. Но, ведь, чтобы усвоить необходимые приёмы и навыки многолюдных общественных собраний, понадобилась длительная послереволюционная практика всяческих собраний и митингов, и особенное «общественное воспитание» под руководством пришедшей к власти партии и комсомола.

Пребывание в Бутырках затягивалось. Поднятый в бутырском «Свободном слове» вопрос об открытии в тюрьме чтения университетских курсов встретил широкий отклик. Был разыгран фарс торжественного открытия

«Бутырской академии». Один из старост, студент-медик Вегер, выделявшийся зычным голосом и большой окладистой бородой, был избран ректором и произнес на торжественном собрании ректорскую речь. Открылось чтение лекций на юридическом и естественно-историческом факультетах. Но в это время началась развязка затянувшейся «Бутырской эпопеи».

В один из первых мартовских дней я был вызван в тюремную контору, где мне сообщили, что по решению специальной административной комиссии я уволен из университета и высылаюсь под гласный надзор полиции в распоряжение Черниговского губернатора. В конторе меня продержали до позднего вечера, затем я был передан жандармскому унтеру, которому вручили пакет «с приложением студента Френкеля», адресованный Черниговскому губернатору Анастасьеву.

С тоскливым чувством бессилия и бесполезности сидел я бок о бок с плотным жандармом, увозившим меня на Курский вокзал. Там он усадил меня на одну скамейку с собою, принес мне хлеб и чай, попросив расписаться в получении довольствия. В пути мы не развлекали друг друга разговорами. Трудно мне пришлось при переезде от станции Круты до Чернигова: несколько перегонов на почтовых лошадях по зимнему пути в моей лёгонькой шинели. Я зарывал нос в сено, чтобы не отморозить, да отогревался чаем, пока меняли лошадей на почтовых станциях. Рано утром жандарм доставил меня в канцелярию губернатора. Невзирая на ранний час, губернатор уже совершал свой утренний обход. Жандарм с пакетом и я в качестве приложения к пакету оставались довольно долго в передней, ожидая его. Губернатор вошел с улицы в пальто и, по тогдашнему обыкновению, с тростью. Жандарм, отдав ему честь, отрапортовал о доставке высланного и вручил пакет. Пробежав препроводительную бумажку, Анастасьев сделал несколько шагов в моем направлении и, потрясая своею тростью, повышенным голосом обратился ко мне: «Вы, милостивый государь, поехали учиться, а вместо этого занимались политикой. Если вы попали под гласный надзор ко мне в губернию, я вас отучу от политики. Я вам покажу!». Он выразительно повертел своею тростью в воздухе и, обращаясь к своему делопроизводителю, приказал: «Отправить его с околоточным в Остёр!» С этими словами его превосходительство проследовал в свои апартаменты.

Через несколько минут делопроизводитель отправил меня с городовым в полицейскую часть. Там меня много часов продержали за решеткой, где были задержанные за всякие провинности и, наконец, я был отправлен с полицейским опять на почтовых в довольно долгий путь из Чернигова в Остёр. Я опять мучительно промёрз. С жутким волнением проехал я мимо нашего сада в Попенках и был доставлен в Остёр, из-за позднего времени — на квартиру к становому приставу Федорову. Он хорошо знал моего отца, вероятно, и меня не раз видел, когда, проезжая по «своему стану», заезжал к нам в сад и получал, сколько хотел, отборных фруктов и лучших овощей. Он выразил, впервые за весь мой путь от Бутырок, простое человеческое сочувствие мне, высказал тревогу, не заболел ли я, промёрзнув в дороге, устроил мне у себя тёплый ночлег и ужин. Утром он сам лично отвёз меня в Попенки и сдал меня, как состоящего под гласным надзором,

отцу под расписку. Разумеется, он знал, что его любезность, доставка меня к родителям не останутся без «благодарности»¹.

Мне трудно и больно даже сейчас, 70 лет спустя, вспоминать о том огорчении, которое было невольно причинено мною моему отцу, глубоко страдавшему, что рушится его жизненная мечта дать детям высшее образование. Весна в тот год выдалась небывало ранняя. Ещё в марте была первая гроза. Я втянулся в весенние работы: помогал старшей сестре в разбивке новых грядок, затеял и собственноручно осуществил устройство особой грядки для посадки винограда. В точности по описанию в руководстве выкопал довольно глубокую канаву, на дно её насыпал битый кирпич и щебень, потом заполнил канаву хорошо удобренной землей с добавлением извести и посадил кусты винограда. Позднее этот труд не пропал даром. Виноградник плодоносил. Когда началась ранняя пахота под яровые посевы, я пахал на новом колесном плуге землю на десятине, лежавшей на общем поле с яровым клином крестьян из села Скрипчик. В то время крестьяне пахали только сохой, которая забирала землю лишь на глубину 2–3 вершка. В этой части Остёрского уезда глубокого чернозёма нет, а тонкий пахотный слой лежит на глине. Отец стремился к глубокой вспашке, борясь с частыми засухами. Неодобрительно относились к моей вспашке колесным плугом, который забирал землю на глубину вдвое большую, чем при вспашке сохой. «Що ж це вы робытэ, Захарий», — говорили скептические соседи, — «знівiчете землю». Лето в тот год было засушливое. Овсы у соседей оказались низкорослыми, тонкими, а на нашей десятине в том же поле овёс был хороший, здоровый. Это была наглядная агитация против сохи.

Стараясь напряжённым физическим трудом заглушить неуспокаивающуюся тоску по московской студенческой среде и гложущую тревогу за будущее, я занялся приведением в порядок запущенного сада: окапывал деревья, обрезал лишние ветки, омолаживал стволы и т. д. Моей ближайшей помощницей сделалась младшая сестра, тогда ещё десятилетняя Женя. С того времени я понемногу начал с ней заниматься и между нами зародилась дружба, продолжавшаяся и в последнюю пору жизни.

Со второй половины лета отец начал беспокоиться, чтобы я не упустил возможности всё же поступить хотя бы в Харьковский или Киевский университет. Формально это право у меня было отнято, но из писем московских друзей можно было заключить, что некоторые из тех, кто попал в одну со мною категорию, уже по ходатайству профессоров вновь приняты в университет. Через своих знакомых отец получил письмо к ректору Харьковского университета. Я написал прошение в Киевский университет с просьбой зачислить меня в число студентов медицинского факультета. Од-

¹ Всё рассказанное Захарием Григорьевичем об его аресте и высылке на родину подтверждается документами Департамента полиции. Кроме того, в них говорится, что: «...по увольнении из Московского университета Френкель, как усматривается из сообщения московского обер-полицеймейстера от 19 февраля 1891 г., получал содержание (по 15 р. ежемесячно) от организовавшейся в Москве «Центральной кассы» землячеств, членом коей он ранее состоял». ГАРФ. ДП. Ф. 102. Д.О.О. 1898. Оп. 226. Д. 622. Л. 1–2; 1890. Д. 126. Ч. 1.

нако и из Харькова, и из Киева я получил категорические отказы. Не была успешной и моя попытка поступить в Варшавский университет.

Я уже начал терять всякую надежду на продолжение учебы. Моя отсрочка по отбыванию воинской повинности заканчивалась 1 октября, и к этому сроку нужно было либо поступить в университет, либо явиться в казармы и совсем отказаться от мысли об окончании начатого образования. Спасение пришло от московских друзей, посоветовавших мне попытаться поступить в Дерпте (Тарту, Юрьеве). Однако на дорогу до Прибалтики требовалась довольно большая сумма денег, которой у отца не было. Чтобы изыскать средства добраться до Дерпта, мне пришлось расстаться со своей золотой медалью, которую я получил по окончании гимназии. Наконец родители собрали для меня все необходимое, и с их благословением и добрыми напутствиями я отправился в новый для меня мир.

В Дерптском (Юрьевском) университете

Иные впечатления от новой, незнакомой обстановки не стираются в нашей памяти, не тускнеют и через многие десятки лет последующей жизни. Так сейчас, через 70 лет, живо встают передо мною впечатления от вида из окна железнодорожного вагона, когда в сентябре 1890 г. я впервые подъезжал к Тарту, тогдашнему Дерпту.

Вечерело. По небу низко проносились тучи. В разрывах между ними временами открывалась синева неба и светило склонявшееся к горизонту солнце. Осенний вид полей Прибалтики для меня был новым и казался совершенно необычным. На Украине, откуда я ехал, где родился и прожил всю предшествующую жизнь, не только яровые (ячмень, овес), но и озимые (рожь, пшеница) в эту осеннюю пору давно уже были убраны, а здесь на хорошо возделанных полях густой стеной зеленел овёс, целые участки были покрыты сочным, тучным клевером. Проходившие местами дороги были не широкие, привычные моему глазу украинские «шляхи», а какие-то аллеи, обсаженные подстриженными липами. Все создавало какое-то новое впечатление, будило во мне чувство чего-то чуждого. Но вот и конец путешествию. Поезд пришел в Дерпт. Без всяких предместий начался город у самого вокзала. Это впечатление чего-то чуждого, чего-то оторванного от всей моей предыдущей жизни продолжалось у меня и в последующие дни и в самом Дерпте.

Старое университетское здание — массивное и какое-то ординарное, с небольшой канцелярией, в которой всех и по всем вопросам принимал Herr Secretar Bokownev — секретарь Боковнев, говоривший по-немецки, но иногда отвечавший и по-русски. Он сразу же принял от меня заявление и все документы и сказал, что мне нет необходимости обращаться ни к ректору, ни к проректору, а нужно просто ждать: он, Боковнев, pošлет в Московский университет запрос обо мне. Когда получит на запрос ответ, тогда определится дальнейшее положение. Так мне и осталось неясным, что же мне делать — устраиваться ли, или собираться в обратный путь?

Случайно познакомился я с одним русскоязычным студентом-медиком Германом из Саратова. Он посоветовал снять временно комнату в доме, где живет и он. Его совету я последовал, и был очень доволен дешевой комнатой в деревянном доме на одной из окраинных улиц. По совету Германа обедать я пошел в русское студенческое общество «Конкордия». Сам Герман уже был второй год в Дерптском университете. Это был очень культурный, скромный и симпатичный человек. В «Конкордии» я встретил много таких же, как я, потерпевших крушение в разных университетах и приехавших в Дерпт, как в последнее убежище. Все они были далеки от безнадежного уныния. В университет в Дерпте, услышал я в «Конкордии», принимают даже вернувшихся из политической ссылки. Одним словом, моё настроение поднялось.

Прошло недели две, прежде чем секретарь Боковнев получил ответ из Московского университета. Его ни в коей мере не интересовало, по какой категории я был удалён. Его вполне удовлетворило подтверждение, что я окончил гимназию с золотой медалью, что в первом же семестре в Московском университете получил зачеты по анатомии, химии и пр. Он сказал, чтобы я внёс плату и назначил мне день для имматрикуляции. Плата тотчас же была внесена. Матрикулы, в виде большого пергаментного листа с латинским текстом, в котором значилось, что я (имярек), обещаю держаться в стороне от политики и вести себя достойно и честно, что взамен этого мне предоставляется университетом охрана законами академической свободы. Подтверждением сего торжественного обещания было пожатие руки ректора.

Имея матрикул, я без проволочек, всё через того же Боковнева, послал в воинское присутствие необходимую справку об отсрочке призыва до окончания университетского образования. Книжку для записи на избранные мною для слушания лекции, как и все вообще формальности по медицинскому факультету, проделаны были у одного и того же для всего факультета педеля, почтенного человека с окладистой бородой, оформлявшего подписку на лекции. В *Beleg Buch* (книжка для записи на лекции) вкладывалась дополнительная трёхрублевая ассигнация, которую он перекладывал к себе в карман, и все дело заканчивалось. «*Was abgemacht — das ist gut*», — произносил он. Это значило, что всё в порядке.

Когда я вспоминаю, как просто и быстро, без всякой волокиты и направлений от одного стола к другому, из одной канцелярии в другую завершилась вся канцелярская процедура в старом Дерптском университете, я думаю, зачем же раздувают административные штаты наших университетов? Зачем изнемогают и приходят в отчаяние от ненужной потери времени на заполнение идиотских, никому не нужных анкет о родителях и дедах у нас устремляющиеся туда, где «науки юношей питают», когда можно так просто обойтись без всей этой бумажной сутолоки и без мучительной египетской казни заполнения анкет и хождений по мукам в ректоратах и деканатах.

Я стал усердно посещать лекции по физике профессора Артура фон Эттингена, прекрасного лектора, говорившего настолько отчётливо и выразительно, что я очень скоро научился понимать его немецкую речь; при том же своё изложение он сопровождал непрерывно расчетами и схемами,

которые чётко набрасывал на доске, а все приборы, опыты и испытания, о которых он говорил, весьма удачно и без проволочек и осечек демонстрировались при содействии его помощника.

Несколько труднее я овладел пониманием немецкой речи профессора Юлиуса фон Кенеля, читавшего зоологию и сравнительную физиологию и анатомию животных. Но благодаря усвоенному мною в Нежинской гимназии от Абрамова способу не переводить, а стараться понять и записать по-немецки, уже на другой месяц я его вполне понимал. И у меня вызывали удивление жалобы товарищей из числа русских студентов, что и через год, а не то, что через месяц, они не понимают немецкие лекции. А всё ведь потому, что они привыкли иностранные слова, чтобы их понимать, непременно переводить сначала на русский язык, а не просто схватывать смысл их из контекста немецкой речи. Конечно, своё значение имело то, что к лекциям я готовился добросовестно по рекомендованным немецким учебникам. Это также облегчало понимание живой немецкой речи профессоров. Разумеется, от хорошего понимания изложения научного предмета на лекции ещё далеко до сколько-нибудь удовлетворительного понимания обычной разговорной речи. Ещё дальше — до возможности самому говорить на чужом языке. В первые месяцы, когда я старался научиться понимать немецкую речь, я поселился в доме, где иной речи, кроме немецкой, не было слышно. Ежедневно прочитывал дерптскую немецкую газету, а для овладения произношением — с первой же недели стал давать уроки русского языка взамен обучения меня немецкому языку. Ежедневные разговорные часы взаимного обучения языкам мне удалось получить довольно легко.

Начавшееся регулярное посещение лекций не мешало мне ежедневно посещать «Конкордию» для того, чтобы там обедать и проводить два-три часа за чтением газет, прежде всего «Русских ведомостей». К ежедневному чтению «Русских ведомостей» выработалась у меня привычка еще с третьего класса гимназии. Там же, в «Конкордии», просматривались новые книжки журналов. Завязывалось знакомство с вновь приехавшими в Дерпт из русских университетов в надежде попасть в Дерптский университет. В «Конкордии» всегда былолюдно и довольно шумно. Массовым составом её посетителей были студенты Ветеринарного института. Преподавание в нем шло уже на русском языке гораздо раньше, чем русификация коснулась Дерптского университета. Принимались в Ветеринарный институт не только окончившие полный курс классических гимназий, но и реалисты, и окончившие духовную семинарию. По существу, для большинства приезжавших из России студентов Ветеринарного института и Дерптского университета, «Конкордия» была не столько литературно-научным обществом, сколько потребительским кооперативом. Но в составе Правления «Конкордии» было несколько коренных устроителей, придававших большое значение всестороннему развитию деятельности «Конкордии», как школы общественной деятельности по поднятию культуры и по общественному воспитанию студенчества. Они несли большую и тяжёлую организационную работу по поддержанию жизни «Конкордии». В составе этого коренного ядра «Конкордии» были студенты-ветеринары Кондаков, Михин и студент-медик, уже тогда выдававшийся как хирург — С. И. Ростовцев, и др.

Слишком часты были в «Конкордии» всякого рода сходы: то для решения хозяйственных вопросов о столовой, о ценах на обеды и пр., то для разбора дел, суда чести по поводу столкновений между студентами. Эти сходы вносили много шума и сутолоки и, разумеется, были бы совершенно излишни, если бы были выбраны постоянные небольшие комиссии — хозяйственная, юридическая, в дополнение к литературно-библиотечной.

Эта сутолочная, шумная жизнь отнимала совершенно бесполезно немало времени и отвлекала молодых студентов от усидчивой учебной работы. Такое мнение сложилось у меня в первые недели пребывания в Дерпте. В это время я познакомился, обедая в «Конкордии», с одним, ожидавшим своего оформления в университет, приехавшим из Киева немолодым студентом-филологом Евгением Викторовичем Дегеном. Он производил впечатление несколько необычное своей серьёзностью, постоянной выдержанностью. В общении он был весьма немногословен, но располагал к себе своею простотой и искренностью. Несколько раз он заходил ко мне. Его сильно беспокоили затруднения, которые ставились ответами из Киева к его приёму в Дерптский университет. Он уже собирался уезжать в Гельсингфорс, чтобы пытаться там устроиться в университете, но Дерптский филологический факультет помог ему преодолеть встретившиеся препятствия к зачислению в студенты в Дерпте. К нему скоро приехала из Киева его жена — Анна Николаевна Деген-Ковалевская, оказавшая в дальнейшем несомненное влияние на оживление общественной жизни среди немногочисленной в то время в Дерпте русской интеллигенции.

Ещё в первые дни моей дерптской жизни оригинально началось моё знакомство с Михаилом Петровичем Косачем. Поздней осенью он приехал из Киева, где за участие в студенческом общественном движении был уволен из университета. Познакомились мы в читальне. После обеда в «Конкордии» он рассказывал по дороге много интересного о жизни студенчества в Киеве. Так незаметно дошли мы до моего жилья. Увлечённый рассказом, он вошёл ко мне, заинтересовался моими книгами, постепенно углубился в их перелистывание и чтение. Вечером я приготовил чай. После чая было уже поздно идти в незнакомом городе искать квартиру того киевского товарища, у которого он оставил свой багаж. Я постелил ему, как умел, на диване. Утром рано я ушёл, чтобы не опоздать на лекцию к восьми утра. Когда после всех лекций, под вечер, я вернулся к себе в комнату, я увидел там Михаила Петровича, погружённого в какую-то письменную работу. Так он остался жить вдвоём со мною в комнате несколько дней, пока не устроился вести какую-то работу по физике у профессора Эттингена. Он был специалистом по физике и позднее, после окончания в Дерпте, был приглашён доцентом и был короткое время профессором физики в Харькове. К несчастью, он рано умер от лёгочной болезни. У него был неисчерпаемый запас захватывающих по своему интересу рассказов, преимущественно из его собственных наблюдений украинской сельской жизни. По-видимому, у него была замечательная память. Украинскую прозу и стихи он мог говорить без конца наизусть, причем языком украинским владел в совершенстве. (Его мать — украинская писательница Олена Пчілка, а старшая сестра — известная украинская поэтесса Леся Украинка). Во весь пе-

риод жизни в Дерпте Михаил Петрович Косач был близким и неизменным другом всего нашего кружка.

В первую зиму моей жизни в Дерпте, я помню, на меня произвела большое впечатление традиционная встреча Нового года в тогдашнем Дерпте ровно в 12 часов 31 декабря всеми гражданами города. За несколько минут перед 12 часами ночи самые разнообразные круги, где бы они ни собрались для встречи Нового года — у родных, родственников или близких знакомых, в клубе или в общественном собрании, спешили на главную городскую площадь перед Ратушей, многие, захватив с собой шампанское и бокалы. На площади — огромное оживление, гуляющими заполнены не только тротуары, но и все проезды на самой площади и в прилегающих улицах. Стрелки на часах Ратуши приближаются к 12 часам, все устремляется поближе к Ратуше, и в момент, когда часы бьют полночь, вся площадь оглашается возгласами «prosit Neue-Jahr!» (с Новым Годом!) При этом поздравляют и обращаются с новогодними пожеланиями не только к своим близким, но к любому встречному без разбора. Всегда чопорные немецкие бюргеры и чванливые *Farbenträger*'ы (студенты дворянских корпораций в цветных шапочках) чокаются с извозчиком или с *Aufwärterin* (прислужгой). Из верхнего окна под часами Ратуши доносится пение новогодней кантаты и через 10–15 минут большинство возвращается с оживлённой площади в свой узкий круг, унося с собой частичку общего подъёма и оживления.

Разумеется, это уцелевший осколок старого быта бюргерства провинциального города, не меняющий разобщенности и сословно-классовой розни тогдашнего буржуазно-помещичьего быта дерптского общества, но на минуту создавалась иллюзия общности разных групп и слоёв немецкого, эстонского и русского населения, а для русского студенчества в Дерпте особенно тягостна была именно оторванность от местного населения. Незнание эстонского и немецкого языков было помехой для поддержания связей у русских студентов с местными эстонскими и немецкими общественными кругами. Русские студенты замыкались в своём узком мирке, варились, так сказать, в своём собственном застоявшемся соку, а общественная их жизнь ограничивалась «Конкордией» и редкими вечеринками в университетском «Обществе русских студентов».

В отличие от «Конкордии» Общество русских студентов было организацией с более ограниченным кругом участников его жизни — его постоянных членов. Состав постоянных членов Общества пополнялся из числа гостей, бывавших в Обществе и пользовавшихся его библиотекой, читальней, столовой по рекомендации членов Общества. Выборы в члены Общества происходили после знакомства многих членов Общества с новым заявлением о желании вступить в Общество. В читальне был обширный выбор периодической печати и новых книг. Всегда соблюдалась тишина и обеспечивалась возможность сосредоточиться над книгой.

Членов Общества русских студентов было немного — 20–30 человек. Среди них преобладали люди, не начинающие студенческую жизнь, а по большей части приехавшие в Дерптский университет, чтобы закончить своё высшее образование после ряда лет, проведённых в ссылке. Многие из них были литературно образованными людьми. В то время, когда мы

(Деген, я, Косач и другие мои дерптские друзья) вступили в Общество, там пользовались большим уважением Приселков и Омиров, в особенности — последний. Он любовно и внимательно относился к более молодым членам Общества. Под его влиянием пробуждался серьёзный интерес к передовой русской литературе, к литературе Герцена и Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина. Большим горем была (кажется через год после моего вступления в Общество русских студентов) болезнь и смерть Омирова. Как-то быстро эта болезнь определилась, как скоротечная форма туберкулёза (милиарный туберкулёз). Члены Общества попеременно дежурили у больного. Я помню, как безысходно тяжело было не находить слов и сил для ободрения умиравшего товарища. Смерть его вызвала искреннее горе у всего русского студенчества в Дерпте.

После смерти Омирова известной популярностью в Обществе русских студентов стали пользоваться вернувшиеся из ссылки, заканчивавшие в Дерпте медицинское образование Э. В. Эрнст и Семён Шарый. У них были черты, свойственные некоторым людям, потерпевшим в жизни крушение, — известная усталость от общественного движения, неверие в высокие цели, проявление постоянного скептического отношения к новым общественным течениям. Они посмеивались и подтрунивали над теми, кто серьёзно и упорно изучал Маркса, Энгельса. «Чтобы содействовать революции, не нужно погружаться в материалистическую философию и социально-экономическую науку, нужны решимость, смелость», — говорил Эрнст по поводу нашей попытки ставить в Обществе русских студентов доклады о начавшемся в те годы (1891–1893) философском и социально-экономическом обосновании у нас перехода от народничества к марксистскому движению. Помню, мне пришлось перевести два или три доклада (о полемике Энгельса против Дюринга — «Dührings Umwälzung der Wissenschaft» и о написанном К. Марксом Манифесте 1-го Интернационала о Парижской Коммуне) из Общества русских студентов — в «Конкордию», где эти мои доклады вызвали интерес у молодого студенчества.

С насмешками относились эти «старика» и к вниманию, которое начало проявляться в то время к литературному радикально-социалистическому движению (на украинском языке) И. Франко и Павлика. В связи с этим я и Евгений Викторович Деген вышли из Общества русских студентов. В обоснование своего выхода я послал мотивированное письмо, направленное против разъедающего влияния Шарого.

Теперь этот шаг кажется мне неправильным, так как вместо выхода из Общества, как раз нужно было оставаться в нём и продолжать настойчиво проводить свою линию, а не ослаблять позиции оставшихся в Обществе моих друзей (Левицкого, Малянтовича, Косача, Балака и др.)¹.

¹ В своих воспоминаниях лидер партии эсеров В. М. Чернов, характеризуя студенчество Дерптского университета, пишет: «Состав студенчества был вообще красочный. Выделялись недавно вернувшиеся из ссылки народовольцы: угрюмый, молчаливый Эрнст, присяжный шутник и остроумец Шарый; ...был и кружок украинфилов, в центре которого стояли братья Френкели...». См.: *Чернов В. М. Записки социалиста революционера. Книга первая. Берлин, 1922. С. 61.*

Приятные воспоминания остались у меня от поездки вместе с тремя другими членами Общества на лодке из Дерпта по р. Эмбаху вверх до озера Вирьярв и вниз от Дерпта до озера Пейпус. Это было то ли летом 1891, то ли 1892 г. В то лето я оставался в Дерпте, чтобы систематически готовиться к «философикуму», т. е. к сдаче экзамена по всем предметам, без полного зачёта которых нельзя было получить доступ к занятиям в клиниках (прежде всего, по физиологии и анатомии, физике, органической химии и пр.)

Как-то старшие по времени пребывания в Дерпте члены Общества — Ярилов и Шаталов — предложили мне принять участие в 2–3-дневной поездке на лодке по Эмбаху до Вирьярвского озера, чтобы оттуда предпринять экскурсию для осмотра известных стекольного и зеркального заводов. С Яриловым мне приходилось встречаться при моих частых поездках на лодке по Эмбаху до ближайших лодочных станций — Квиссенталь (3 км) и Газенкруг (7 км). С детства я был выносливым и довольно сильным гребцом. Кроме Шаталова и Ярилова, изучавших естественные науки — геологию и почвоведение, в поездке принял участие ещё один медик-выпускник — сибиряк Гинцбург. Лодка была взята довольно большая, с двумя парами уключин. С собою мы взяли самовар и корзину с продовольствием. В путь отправились рано утром. Попеременно двое сидели на веслах, работая без отдыха час; в это время двое других отдыхали, один за рулём, а другой — наблюдал за самоваром. Чай должен был безотказно утолять жажду. Каждый час пары менялись. Преодолевая течение, мы успешно, хотя и не слишком поспешно, продвигались вверх, стремясь к ночи добраться до озера Вирьярв, километрах в 45 от Дерпта. По пути днём на красивом берегу устроили привал, подкрепились, поразмяли ноги на лугу, собирали цветы. Солнце уже заходило, когда мы приплыли к рыбацкой мызе у озера Вирьярв. От озера тянуло свежестью. Переговоры с хозяевами были немногословны, так как запас эстонских слов у нас был очень невелик, а хозяева не знали ни немецкого, ни русского языка. И хотя на все наши вопросы: муна? пима? элют? и т. д. следовало неизменное «эййолэ» (нету), но очень благодушная хозяйка все же позвала нас зайти в дом. Пока мы договаривались о ночлеге, над озером в вечерних сумерках поднялась луна. Был уже тихий летний вечер, а у берега ещё плескались не улёгшиеся волны. Раньше, чем вытащить лодку на берег, мы не смогли устоять от удовольствия вечерней прогулки в нашей гондоле по серебристым от лунного света волнам Вирьярвского моря. Однако боль в мышцах от дневной работы веслами очень скоро вернула нас к месту ночлега. Оказалось, что, невзирая на все решительные «эййолэ», нас ожидал богатейший ужин. Хозяйка успела сварить уху из какой-то крупной свежего улова рыбы, в запасе оказалась картошка, кипел наш самовар, одним словом, проблема питания была разрешена и на вечер, и на утро.

Проснувшись рано утром, мы подробно ознакомились «без слов», а только путём «смотрения» и логических умозаключений, заменивших нам анкетные ответы, со всей техникой, производственно-организационными основами и социально-культурной и бытовой надстройкой рыбацкой мызы. Кроме семьи хозяина, тут были и двое наёмных рабочих; кроме главного занятия — рыболовства, имелось также и придомовое сельское хозяйство.

Оставив лодку у мызы, мы несколько часов шли пешком до намеченной нами конечной цели — стекольно-зеркального завода. У Шаталова было письмо от профессора к управлению завода с просьбой предоставить возможность его слушателю посмотреть производство. Но даже и надобности в этом письме не было. Владелец этих заводов, Амелюнг, сам когда-то бывший дерптский студент, узнав от Шаталова о желании его и его спутников ознакомиться с предприятием, проявил исключительное радушие, вышел к нам и настоял, чтобы мы раньше отдохнули и подкрепились. Как ни отговаривались мы ссылками на дорожный вид, пришлось подчиниться. Мы были представлены хозяйке дома, познакомили нас с дочерьми. Была предоставлена в верхнем этаже баронского дома комната с проведённой водой и массой зеркал. Сам хозяин проводил нас на зеркальный завод. Мастер подробно показывал и объяснял всю технологию и организацию производственных работ, давал обстоятельные справки исторического и экономического характера. Затем хозяин сообщил нам, что стекольный завод мы осмотрим утром, и пригласил нас к обеду. После обеда и отдыха, мы приглашены были принять участие в игре во дворе в крокет. На следующий день программа осмотра стекольного завода была полностью выполнена. Поблагодарив радушных хозяев, мы пустились в обратный путь. Снова переночевали на мызе у озера, а ранним утром на своей лодке отправились, теперь уже не борясь с течением, а пользуясь его ощутимой помощью, так что в Дерпте вышли из лодки, не чувствуя чрезмерной усталости от 40-верстного плавания на веслах вниз по Эмбаху.

Недели через две, когда каникулярное время близилось уже к концу, мы в том же составе участников предприняли поездку из Дерпта вниз по Эмбаху до озера Псковского (Пейпус). Туда путь был лёгок. В конечном пункте у впадения Эмбаха в Пейпус мы были вполне удовлетворены нашим речным туризмом. У Псковского озера мы могли не только «смотреть», но и подробно беседовать с местными рыбаками, понимавшими русскую речь. Обратная поездка на нашей лодке вверх по Эмбаху до Дерпта, однако, долго оставила по себе память своею трудностью. Ветер днём с каждым часом усиливался. Дул он наискось, прибывая и прижимая лодку к берегу, а то даже гнал её обратно. Много часов с крайним напряжением, сменяясь через каждые полчаса, мы медленно подвигались против течения и против ветра. После обеденного нашего отдыха на лугу, ветер еще более усилился. Возникла мысль устроить из наших одеял парус. Нелегко было достать реи. Пришлось в качестве мачты использовать связанные ремнями два весла. К нашему неожиданному счастью направление ветра изменилось в более благоприятную для нас сторону, наша лодка с чёрным из одеял и пледа парусом, при работе одной лишь парой вёсел пошла так быстро, что нос резал воду с плеском и в три-четыре часа мы закончили оставшуюся часть пути.

Как и в 1891, в 1892 г. я остался в Дерпте на каникулярное летнее время, чтобы полнее сосредоточить свои усилия на самостоятельной работе по усвоению дисциплин, намеченных в плане, выработанном мною самим. Я научился ценить на собственном опыте летнее одиночество в тихой дерптской обстановке в те часы, которые я проводил в читальном зале и в специальных помещениях замечательной Дерптской университетской

библиотеки. Устроенная в восстановленной части руин древнего готического собора, университетская библиотека пленяла не только богатством своих книжных собраний, не только обстановкой, от которой веяло поэтическими образами гётевского Фауста, но и чрезвычайно внимательным и предупредительным отношением к посетителям и их запросам со стороны библиотечного персонала. Чаще всего запросы быстро удовлетворял сам библиотекарь или его помощник Шлютер. Для меня оставалось загадкой, как удавалось безотказно вести все библиотечное обслуживание посетителей и так полно обеспечивать каталогизацию и рост библиотечных накоплений при наличии такого малочисленного библиотечного штата. С признательностью вспоминаю я, как можно было получить не только указания на сборник или книжку журнала, но и самый этот сборник, в котором имелась интересующая статья или работа. Из увесистого тома «Документов по рабочему движению» Р. Майра, в часы, когда хотелось отвлечься от своих медицинских дисциплин, помню, я извлёк и перевел для последующего доклада в «Конкордии» поразительный по бичующей силе, написанный К. Марксом «Манифест I Интернационала» о расправе французской буржуазии с Парижской Коммуной 1871 г.

Описанные мною выше лодочные экскурсии, как и другие аналогичные прогулки, бывали лишь относительно редкими нарушениями летнего моего уединения для сосредоточенного штудирования.

Бытовой уклад жизни студентов в Дерпте во многом сильно отличался от студенческого быта в других наших университетских городах. В Дерпте студент снимал комнату обычно без отопления и почти без всякой мебели или с недостаточной мебелью (стол, стул и кровать). Обычно студент должен был сам приобретать необходимую мебель. Во всяком случае, он должен был иметь нужную в быту утварь: щетки для чистки обуви и платья, чайную и столовую посуду и обязательно — Theemaschine. Это не самовар в русском понимании, а жестяной чайник, вроде сплюснутой лейки, в середину которой вделана труба, соединенная внизу через дно с отверстиями для поступления воздуха. Для уборки комнаты, топки печи, мойки посуды и пр. студент приглашал проходящую один или два раза в день на 1–2 часа Aufwärtering (с платой 3–5 руб. в месяц). Такие проходящие служанки, хотя все они были эстонками, обычно говорили по-немецки. Имели они по 5–6 клиентов. Дрова и уголь студент обычно покупал на складе или на рынке сам. Имея ключ от своей комнаты-квартиры, студент никого не беспокоил своим поздним или несвоевременным возвращением. Такой бытовой уклад делал его более независимым и самостоятельным в повседневном обиходе.

Несколько лет я снимал, помнится, отдельную небольшую хижину во дворе на Lehmstrasse (Глиняной ул.). Хижина одним окном выходила на улицу. Вход в неё был через дверь в сад. В небольших сенях можно было складывать запас дров, маленькая кухня служила и столовой, а не имевшая окна средняя тёмная комната могла быть обращена в спальню. При заботливом уходе за этой садовой постройкой, при некотором утеплении стен на зиму и достаточном отоплении она вполне заменяла собою целый дом, хотя плата за это, по существу, нежилое помещение, по своим размерам не

могла отягчать даже моего ничтожного бюджета. Зато, когда, проявляя мои домостроительные устремления, я обратил в обитаемое помещение и считавшиеся необитаемыми кухню и тёмную комнату, у меня получилась возможность оказывать иногда временное гостеприимство некоторым новым друзьям, приехавшим в Дерпт, пока им не удавалось устроиться.

Так, помню, у меня прожил несколько недель Викентий Викентьевич Смидович (позднее известный под своим литературным псевдонимом Вересаев), приехавший из Петербурга, где он был исключен из Медицинской академии за участие в студенческом движении¹. В Дерпте он закончил медицинское образование. В совместной жизни В. В. был исключительно деликатным, тихим человеком, внимательным к соблюдению общих удобств чистоты и порядка. Викентий Викентьевич поражал своею усидчивостью и любовью к сосредоточенному чтению. Он охотно и внимательно слушал мои рассказы и суждения, от которых по моей экспансивности я не всегда мог удержаться, но сам он нелегко отзывался и не ввязывался в разговоры. Очень много стихотворных отрывков он знал и говорил наизусть. У меня осталось в памяти удивление, вызванное каким-то очень длинным стихотворением Минского, выразительно, хотя и тихим голосом продекламированное Викентием Викентьевичем на память.

Гораздо более яркие и стойкие воспоминания остались у меня от другого моего гостя, временно проживавшего у меня, пока он не устроился с квартирой, — Николая Васильевича Водовозова. Он был исключён из Петербургского университета в 1891 г. в связи с участием студенчества в похоронах Н. В. Шелгунова. Похороны носили демонстративный характер. От лица передового петербургского студенчества Н. В. Водовозов произнёс речь. Небольшого роста, хрупкий и даже несколько болезненный на вид, Николай Васильевич производил неотразимое впечатление своей образованностью и несомненной одарённостью. С раннего детства выросший в среде передовых литературных деятелей, часто бывавших в семье Водовозовых, воспитанный всесторонне образованным, выдающимся педагогом, каким была его мать (а не только отец — известный педагог 60–70-х гг.), Н. В. Водовозов, благодаря незаурядным способностям и привычке к усидчивым занятиям, в которые он вкладывал живой интерес и даже известную страстность, производил впечатление не студента, а уже сложившегося молодого учёного.

В то время в Обществе русских студентов обращал на себя внимание Богдан Кистяковский, как серьёзно изучавший марксистскую литературу. В тот период он выступал, в упоении своим превосходством, как последователь философии марксизма. Насколько, однако, непрочны были у него самые основные корни материалистической философии, показала дальнейшая эволюция его взглядов в сторону идеалистических философских

¹ Здесь З. Г. Френкель допускает неточность: в своих «Воспоминаниях». Вересаев рассказывает, что в Дерпт он уехал учиться потому, что ему отказали в приёме в Военно-медицинскую академию, поскольку он просил назначить ему меценатскую стипендию, а её давали выпускникам естественных факультетов, тогда как он окончил филологический. (См.: *Вересаев В. В. Воспоминания*. М., 1982. С. 339).

блужданий. Н. В. Водовозов в Обществе русских студентов первый выступил с изложением системы экономического учения К. Маркса.

В личной жизни Н. В. Водовозов казался мне очень непритязательным и симпатичным человеком, умевшим вносить интересное содержание даже в случайные беседы за вечерним чаем. Помню его рассказы о Салтыкове-Щедрине, которого в детстве он не раз видел среди гостей, бывавших у Водовозовых. С чувством искреннего горя узнал я уже после окончания университета о безвременной смерти Николая Васильевича в 1896 г. на пороге открывшейся перед ним учёной и литературной деятельности. Ему едва минуло 25 лет.

В первые годы дерптской жизни у меня как-то само собой завязывалось много новых знакомств с людьми, довольно далеко стоявшими друг от друга по своему складу, характеру, внутренней ценности и устойчивости. У меня возникала необходимость и зарождалось желание научиться разбираться в людях, правильно оценивать их. Всё более определённо вырабатывалась привычка руководствоваться при оценке людей не их высказываниями и суждениями, а их устойчивостью, постоянством и их поступками, поведением, их делами и отношением к другим людям.

Копаясь летом в карточном каталоге, занимавшем целый зал университетской библиотеки, я наткнулся на книгу «*Misère de la Philosophie*» К. Маркса. Оторвавшись от своих медицинских занятий, я немало дней потратил на тщательное штудирование этой беспощадной критики философии Прудона. В одном месте Маркс, говоря о путях для правильного изучения и оценки общественных течений и политических партий, настаивает, что как о людях, мы судим не по тому, что они сами о себе думают, а по их действиям, так и о политических партиях нужно судить не по их программам и самовосхвалению, а на основе объективного учёта их фактической деятельности подходить к раскрытию их классовой сущности. Самоочевидной истиной Маркс считает мысль, что о людях нельзя судить по тому, что они сами о себе думают и говорят, а нужно основываться на их действиях. У меня возник вопрос, а знаю ли я сам себя? «Познай самого себя!» — читали мы в гимназии в диалогах Сократа, изложенных Платоном. Но познать себя нужно так же, как мы познаём других, не по своим мыслям и словам, а по своим действиям; не по своему самочувствию и самосознанию, а по своим поступкам и делам. Их нужно наблюдать, контролировать и только на их учёте составить о себе суждение — так же, как мы судим о других: не по неизвестному нам их самочувствию и не по их словам, а по их делам, поведению, по их образу жизни и быту. Как ни элементарна эта мысль, как ни кажется она для каждого самоочевидной, но на этот раз она действительно овладела мною, и я упорно и долго работал над самопознанием в этом смысле. Мне кажется, что это стремление и старание смотреть на себя глазами стороннего наблюдателя не прошли для меня бесследно. Я отучил себя от переоценки своих сил, от многих форм поведения, которые могли задевать самолюбие других; была вытравлена в моих отношениях с людьми самонадеянность, снисходительность к себе и строгая требовательность к другим. От близких мне людей мне доводилось слышать, что в Дерпте у меня произошёл некоторый перелом, я

стал «гораздо более мягким и терпимым к людям, менее ригористичным и прямолинейным».

В течение зимнего семестра в результате сосредоточенной работы летом, невзирая на далеко не полное владение немецким языком, я сдал полукурсовой «philosophicum», т. е. экзамены по физике и зоологии, по анатомии и физиологии и по всему курсу неорганической и органической химии. Только по химии, которую я больше всего занимался в лаборатории и по руководствам, я получил у чудесного старика Карла Шмидта оценку *genügend* (т. е. удовлетворительно или — «три»). По другим предметам отметки были настолько положительными, что по конкурсу экзаменов я был принят в число казённых стипендиантов. Размер стипендии в Дерпте был 25 рублей в месяц, и этим вполне разрешён был для меня вопрос о средствах для дальнейшего пребывания в университете до окончания медицинского образования (то есть на 1893–1895 гг.).

Неудача с отметкой по химии была для меня совершенно неожиданной. Карл Шмидт (или, как его называли студенты, Карлуша), лекции которого я усердно посещал в течение двух семестров, приходил в аудиторию задолго до начала занятия и старательно, чётким, ясным почерком выписывал на обеих сторонах одной и другой доски наименование и формулы всех химических соединений, о которых должна была идти речь на лекции. Против каждой формулы, в неизменном порядке, стояли цифры: удельный вес, температура точки замерзания и кипения и т. д. Всё написанное на доске он тщательно сверял со своею бумажкой. Точно, минута в минуту, он начинал и заканчивал лекцию. Быстрый во всех своих движениях, он успевал в лекции упомянуть обо всех соединениях, длинными вереницами которых были исписаны доски. Не могу сказать, сколько ему было лет, но вид он имел трогательного, необычайно симпатичного, очень древнего, совершенно седого старика. О нём, о его детской наивности, забывчивости и незлобивости ходило очень много самых пикантных анекдотов. Каждое воскресенье, как полагается богобоязненному немецкому главе семьи, он шёл, с молитвенником в руках, вместе с супругой в университетскую кирку. Это я сам лично видел не раз: химик Карл Шмидт с *Vetbuch*'ом (молитвенником) в руках!

Экзамен по химии у Карла Шмидта происходил в актовом зале главного университетского здания вечером. Студент подходил к столу, брал билет, громко называл его номер и садился за стол лицом к профессору. Обдумывая вопросы своего билета, пока отвечал предыдущий экзаменующийся, студент устремлял взор вдаль над головой профессора. Там группа умелых и опытных в этом деле «товарищей» подымала большой плакат со всеми сакраментальными цифрами — формула, удельный вес, температура плавления, кипения и пр. Всё шло гладко, без заминок. На мою беду я вынул билет с темой «*petroleum*». Всё, что полагалось насчёт формул и цифр я, не подымая глаз ввысь, знал, и так как профессор, не прерывая меня, продолжал слушать, то я перешёл к изложению теории происхождения нефти. Незадолго до этого я с увлечением прочитал статью Д. И. Менделеева с его гипотезой о происхождении нефти прониканием воды до раскалённой земной магмы, содержащей в себе железо и углерод. Окисляясь, железо

отнимало от молекул воды кислород, а освободившийся водород соединялся с углеродом в предельные углеводороды. Для выявления в земной магме железа были использованы астрономические вычисления среднего удельного веса земного шара. Гипотеза Менделеева казалась мне настолько увлекательной, что я принялся излагать её во всех деталях. Профессор благожелательно слушал и не задавал мне никаких вопросов. Наконец он прервал меня:

— Sehr interessant, aber gar nicht wissenschaftlich (очень интересно, но совсем не научно), — и поставил мне тройку.

Это вызвало сенсацию даже у незнакомых мне студентов, бывших на экзамене. Один из них обратился ко мне за разъяснением, в чём причина такого несоответствия отметки необычно подробному ответу. Как известно, гипотеза Менделеева о происхождении нефти не нашла в дальнейшем подтверждения и не принята в науке. Но я не знал, что она уже считалась забракованной. Профессор К. Шмидт просто считал, что экзамен имел целью определить степень усвоения читанных им лекций, а гипотезами он на лекциях не занимался.

Прямую противоположность Карлу Шмидту представлял его брат — профессор физиологии Александр Шмидт. Среди студентов он именовался «Blut Schmidt» («кровавый Шмидт») за его открытия в учении о крови и сущности процессов её свёртывания. Уж его-то, конечно, нельзя было встретить в воскресенье идущим в кирку с молитвенником в руках. В немецких кругах он считался вольнодумцем. Лекции по физиологии обставлялись у него очень демонстративно опытами на животных. Помогал ему при этих опытах служитель — небольшого роста старичок — Ляне. Без Ляне не проходило ни одно занятие. Нередко в лекциях, говоря о своих открытиях в области физиологии, Александр Шмидт говорил: «Ich und Liane» (я и Ляне). Опыты с определением скорости нервной проводимости он, однако, ставил не на Ляне, а на ком-нибудь из студентов. Замыкание тока на самописце при уколе на лице производилось закрытием рта, а при уколе в ногу — нажимом большого пальца ноги. Разница в долях секунды на барабане зависела от удвоенной разницы расстояния от мозгового центра до жевательной мышцы и от мозгового центра до мышцы сгибания большого пальца стопы. Но Ляне, по словам Шмидта, был тиходум-эстонец, и, почувствовав укол, он не сразу закрывал рот или сжимал палец на ноге, а начинал размышлять: «Ага, укол, значит нужно что-то сделать. Так. А что именно? Да, нужно прикусить...», — и т. д. Слушая эти слова профессора, Ляне добродушно усмехался.

Экзамен по физиологии А. Шмидт принимал у себя дома в назначенные часы. Приглашал к себе в кабинет, предлагал сигару. Отказываясь с благодарностью от сигары, я не удержался и заметил, что предпочитаю дышать натуральным воздухом, а не воздухом, смешанным с продуктами полного и неполного сгорания табачных листов. Никакой реакции на моё вполне учтливое скромное замечание не последовало. Экзамен вёлся без спешки, обстоятельно. По разным отделам. «Ну, на этом, пожалуй, закончим», — заметил, наконец, профессор, подавая мой Beleg-Buch с отметкой «ausgezeichnet» («отлично») и прощаясь.

В цикл философикума входил экзамен по «диететике». В Московском университете на первом курсе читалась «Энциклопедия и история медицины». Это было как бы общее введение в этот раздел науки. В Дерпте ту же роль играл курс лекций по диететике, читавшийся известным фармакологом Кобертом. В этом курсе были собраны материалы и по гигиене, по изучению влияния внешней среды и её изменений на здоровье человека; и по профилактике заразных, профессиональных и всяких других болезней; и основные данные по изучению изменений в организме от отравлений ядами и пр. Читал профессор в ранние утренние часы, с 6 до 8 утра, в круглой аудитории анатомического театра. Ни одной минуты опоздания. Профессор Коберт ходил по коридору, пока стрелки часов не достигали цифры 6. Он входил в аудиторию и уже читал свою лекцию, направляясь к кафедре. Основным содержанием лекций, можно всё же сказать, была личная гигиена и личная профилактика с обоснованием, — по преимуществу, подробным приведением данных физиологии, биохимии и токсикологии.

Значительное впечатление производил оригинальной манерой чтения лекций и своею всегдашней сосредоточенностью профессор анатомии Август Раубер. Вспоминается его первая лекция после летнего перерыва, проведённого мною в Дерпте в 1891 г. Профессор Раубер вошёл в аудиторию, а за ним служитель Райнольд нёс огромный лист чистого картона, на котором был протянут и закреплён длинный волос. «Что это?» — начал лектор, указывая на волос. — «Das ist ein Haar», скажете вы, но что такое волос?» — и профессор с глубокой убеждённостью рассказал всю сложность строения волоса и ещё большую сложность его образования и его развития в животном мире. Так именно и нужно приступать к изучению строения человеческого тела, как к миру явлений, поражающих своею сложностью и предьявляющих неотступный вопрос к нашему сознанию постигать, изучать всю эту сложность.

«Wenn ihr ohne Bewunderung anfanget/Dann werdet ihr nie in das Heiligtum eindringen» (Если вы приступаете без изумления, вы никогда не проникните в святыню)» — цитировал он Шиллера.

Несомненно, Раубер был одним из крупнейших анатомов, много сделавшим в изучении анатомии человеческого мозга. Среди немецкой профессуры в Дерпте он держался обособленно, совершенно игнорируя общественное мнение затхлого обывательского болота. И окончательно уронил себя в глазах профессорского мещанства тем, что женился на своей прислуге. По своим социальным взглядам Раубер не принадлежал к передовым мыслителям. Когда вышла книга А. Бебеля¹ «Женщина и социализм», Раубер объявил цикл публичных лекций против этой работы. С анатомической точки зрения он критиковал и отвергал взгляды на предоставление женщинам права и возможности широкого участия в общественной жизни, доступа ко всем областям научной деятельности. Во всей своей полемике и критике Бебеля он обнаружил полное своё незнакомство с социально-

¹ Бебель Август (1840–1913) — один из основателей и руководитель германской социал-демократической партии и II Интернационала, борец против милитаризма и колониализма.

экономическими науками. У меня хватило терпения прослушать первые две публичные лекции крупного учёного и выдающегося оригинального человека, каким действительно был Раубер. Но я с сожалением видел, как к вопросам, которыми он научно не занимался, Раубер подходит по-бытательски, роняя достоинство человека науки. Актовый зал университета на лекциях о Бебеле был переполнен дамами из «хорошего» общества, усердно вязавшими, вышивавшими и вообще погружёнными в рукоделия и горячо одобрявшими ниспровержение Бебеля профессором Раубером.

Сами по себе живые и яркие воспоминания о многих страницах моей жизни, о полных глубокого содержания встречах встают передо мною сейчас, более 70 лет спустя, нередко вне хронологической их последовательности и связи. Мне не всегда удаётся уверенно установить, к какому точно году относятся те или иные события и встречи. На личном опыте я убеждаюсь в присущих так называемому анамнестическому методу в статистике недостатках — ненадёжности отправных хронологических дат, если они не обоснованы документальными записями.

Так, не могу я точно сказать, относятся ли к лету 1892, 1893 или даже 1895 г. мои воспоминания о поездке из Дерпта вместе с Анной Николаевной Деген-Ковалевской на хутор Ковалевщину в Полтавскую губернию. Анна Николаевна уезжала из Дерпта на лето со своим тогда ещё единственным ребёнком, только что вышедшим из грудного возраста. Путешествие с не вполне здоровым ребёнком для физически очень слабой Анны Николаевны было положительно непосильным подвигом, и я решил, насколько мог, помочь ей в пути. Я направлялся в то лето навестить родителей, живших на хуторе в Попенках. Я не был дома два года. В Бахмаче мне нужно было бы расстаться с Анной Николаевной, чтобы ехать к своим, но этого просто невозможно было сделать, так трудно было А. Н. справиться с пересадками и уходом за ребёнком в дороге. Поэтому я продолжил путь вместе с нею до конечной станции Ромны, а затем далее — на лошадах.

В Ромнах была нанята «балагула» и после утомительного путешествия в течение многих часов по пыльной степной дороге с крутыми спусками в глубокие яры и трудными подъёмами из них, мы прибыли, наконец, в Ковалевщину. Здесь я близко познакомился с отцом Анны Николаевны — Николаем Васильевичем Ковалевским, человеком исключительно оригинальным и выдающимся. Он остался одиноким вдовцом после гибели в сибирской ссылке в 1889 или в начале 1890 г. его жены, матери Анны Николаевны. Все имевшиеся у него средства Николай Васильевич отдавал на поощрение теплившихся ещё кое-где старых конспиративных начинаний по поддержке революционных изданий на украинском языке культурно-политического освободительного направления. Ковалевский был близким другом украинского публициста и историка М. П. Драгоманова, выступавшего за культурно-национальную автономию Украины, издававшего в то время в эмиграции «Вильну спильку» и поддерживавшего выходившие в Галиции народно-радикальные социалистические газеты «Народ» и «Хлибороб». Ковалевский постоянно предпринимал поездки по Украине, навещал былых своих университетских товарищей, иные из которых, став материально обеспеченными людьми, давно позабыли о прежних сво-

их симпатиях к революционному движению. Немало труда стоило подчас Николаю Васильевичу, чтобы пробудить общественную совесть у погрузившегося в тину обывательского благополучия прежнего студенческого товарища и «подвести его к денежному ящику», получить от него некоторую сумму для помощи тем, в ком не угасла прежняя воля к борьбе за народ, за свободу, против угнетения и несправия. Ковалевский известен был в кругах его прежних товарищей под названием «дида». Не знаю, сколько было ему лет, думаю, не более 65, но вид он имел старого украинского дида с длинной седой бородой.

На второй или третий день моего пребывания в Ковалевщине мне впервые пришлось оказать акушерскую помощь. На хуторе уже третий день в родах мучилась жена одного из хуторян, деревенская подруга детства Анны Николаевны. Первородящая. Роды протекали медленно. Встревоженный сильными страданиями жены, молодой муж совсем потерял голову после того, как безуспешно съездил в город за акушеркой. Та была в отъезде. Я в то время ещё не проходил акушерской практики (из этого можно заключить, что дело было не в 1894, а в 1893 г.). Уезжая на лето, я захватил с собой, между прочим, учебники Шредера и Рунге. Пробежав весь раздел о нормальных родах и акушерской помощи при них, я не без внутреннего смущения отправился к роженице.

Очень милая и, по-видимому, добрая, склонная к украинскому юмору в промежутках между схватками, она во время всё усиливавшейся и затягивающейся схватки неистово вскрикивала, плакала и проклинала всё и всех. Муж, с чувством виноватости и полного бессилия помочь, метался во все стороны. Хутор был небольшой. Никакой опытной бабки не было. По внешнему обследованию мне казалось, что всё идёт своим чередом. Роженица крепкая, пульс в порядке. Воды ещё не отходили. Я постарался успокоить её и её симпатичного и страдавшего едва ли не более чем сама роженица мужа. Послал его к Анне Николаевне за чистой простыней. Затопил печь и поставил чугуны воды, чтобы иметь под рукой откипевшую воду. Сохраняя вид полного спокойствия и уверенности в том, что всё идёт, как положено, я терпеливо перечитывал страницу за страницей в пособии Шредера. Так прошла почти вся ночь. Наконец пузырь лопнул, и прошли воды, после чего роды пошли ускоренно. В соответствующий момент я героически удерживал головку, охраняя промежность от разрывов. Наконец ребёнок родился и огласил хату своим первым криком. Стараясь всё делать так, как я только что вычитал у Шредера, я выкипяченными тесёмками перевязал пуповину в двух местах и перерезал её между ними. Вымыв и очистивши крепкого мальчишку, я подал его матери, счастливой от того, что прекратились боли. Я шуточно спросил её: «Шо, бильш николы вже не будете рожать?» — «Ну, це як прийде́тсья», — улыбаясь, ответила она. Побыв ещё часа два рядом с роженицей и убедившись, что никаких осложнений не будет, я дождался, пока счастливый муж привёл одну из соседок, и ушёл. Тёплое утреннее солнце заставляло сверкать лучами солнца капли росы на придорожной траве и кустах в яру.

За завтраком я, не распространяясь о моих акушерских дерзаниях, успокоил Анну Николаевну, что всё вполне благополучно и численность

украинского народа увеличилась одним будущим борцом за долю «рідного края». Побывав у родильницы, Анна Николаевна сообщила, что отец новорождённого и приехавшие из соседней деревни его родители понесли ребёнка крестить в церковь и, с согласия Анны Николаевны, запишут крестной матерью её, а крестным отцом — меня. Было уже поздно и бесполезно возражать против этого, и нужно было отправиться на «хрестины», т. е. на обед. Это был наспех сервированный, но очень торжественный обед в той же хате, где проходили роды, а теперь лежала мать с новорожденным. Было вместе с нами человек восемь родичей со стороны матери и отца, но всем управлял дед малыша. Он пригласил всех выпить за младенца, за его здоровье и благополучие: «Щоб вин ріс здоровий, як вода, та був багатий, як земля; та щоб мав разум добрий та вік довгий». Молодой отец, теперь совсем не похожий на того растерянного, беспомощно мечущегося, каким он был накануне, красиво подтянутый поверх украинской «свитины» широким поясом, подносил новорождённого к каждому пившему за его здоровье и от его имени с низким поклоном выражал благодарность. Я не пил, но должен был всё же пригубить поднесённую чарку. Солнце уже садилось, когда мы с Анной Николаевной возвращались по крутому склону яра через запущенный старый вишнёвый сад домой. «Кто был сегодня самым счастливым участником семейного торжества?», — спросила Анна Николаевна, хотевшая сказать, что счастливее даже матери и отца был я, случайный гость на семейном пире, которому столько простой искренней, прямо дружеской благодарности высказывали родители. Я, однако, признавал это впечатление Анны Николаевны предвзятым и пристрастным в мою пользу, так как считал, что подлинно счастливым чувствовал себя — и был в действительности — отец новорождённого, преобразившийся в ответственного, умеющего держать себя с достоинством «батька».

С кратковременным пребыванием в Ковальщине связано у меня и воспоминание о поездке в Годяч, чтобы навестить жившую там в одиночестве старуху — мать М. П. Драгоманова, в то время бывшего профессором истории в Болгарии (в университете в Софии). Инициатором и организатором поездки в Годяч была Анна Николаевна. В Годяче, на краю города, на очень высоком берегу Псёла стоял небольшой белый домик, напоминавший более просторную украинскую хату с окружающим садом. Из окон дома и с веранды открывался вид на простор полей, на бескрайнюю полтавскую степь, по которой, извиваясь, уходил вдаль Псёл.

Мы были очень любезно и просто приняты приветливой и умной старухой, матерью М. П. Драгоманова. Во время нашего визита вошла и скромно села в стороне, а затем приняла участие в разговоре одетая по-украински и говорившая без всякой натяжки и без всякой рисовки, просто, на украинском языке, девушка, показавшаяся мне совсем молодой, хотя имела вид человека, не обладавшего цветущим здоровьем. Она вошла, сильно прихрамывая на одну ногу. Скоро я заинтересовался её рассказами о Годяче и его окрестностях. Разговор перешёл на более общие темы. Она упрекала приезжавших на лето студентов за отрыв от местной общественной жизни, за их отчуждённость от сельского народа. Анна Николаевна с бабушкой вышли в сад. Собеседница моя, когда она вошла,

не была представлена, и мне ничего не говорили слова Анны Николаевны, которая, проходя, сказала мне, что это одна из внучек хозяйки дома. Между прочим, как на признаки некоторого поворота у украинской студенческой молодёжи внимания к украинскому селу и украинскому народу, я указал на усиливающийся интерес за последний год к издающимся в Галиции газетам «Народ» и «Хлибороб» и на присылку в эти газеты литературного материала из Украины. Незадолго перед тем в одном из номеров полученного (в закрытом письме) «Народа» было напечатано стихотворение неизвестного мне до того времени поэта. Я помнил это стихотворение и попытался рассказать наизусть:

Сторононька рідна, коханий мій краю,
Чому все замовкло в тобі, заніміїло?
Де не де — озветься пташина несміло
І знову замовкне. Як глухо, як тихо...
Ой лихо!
Ой люде мій бідний, моя ты родина,
Брати мої вбоги закути в кандали.
Палають тяжкі, незагойливі рани
На лоні у тебе, моя Україно.
Кормігу тяжку хто разбить нам поможе?
Ой боже!
Чи можем ми, діти, веселими бути,
Як ненька в нудьгі та в недолі обивається нами,
Деж тута веселого слова здобути?

Когда я окончил, она с некоторым удивлением и вопросом смотрела на меня. «Та це ж бо я написала». Только тогда я вспомнил, что под стихотворением стояла подпись — Леся Украинка¹, и что Михаил Петрович Косач говорил мне, что под этим псевдонимом скрывается его старшая сестра.

Больше мне не пришлось с нею встречаться, и её дальнейшая судьба прошла мимо моей жизни. Но в моей памяти очень живо сохранился связанный с именем Леси Украинки образ тихой, задумчивой, одетой по-украински девушки, привлекавшей к себе искренностью и простотой, чуждой всякой рисовки и надуманности. Когда более полувека спустя случайно мне пришлось прочитать вышедшую отдельным изданием фантастическую поэму Леси Украинки «Лисова сказка», мне было очень трудно связать живший в моей памяти образ украинской революционной поэтессы, овеянный глубокой искренностью, простотой и непосредственной правдивостью, с претенциозным символизмом, надуманностью и поэмами героев её произведения. В последние годы я не был в Киеве и не видел памятника, открытого там Лесе Украинке. Но хотелось бы увидеть в нём черты не поэта-мыслителя, подражающего трагедии второй части «Фаус-

¹ Украинка Леся (наст. имя Лариса Петровна Косач-Квитка) (1871–1913 — украинская писательница, дочь Олёны Пчілки (наст. имя Ольга Петровна Косач) (1849–1930), украинской писательницы, публициста, этнографа. И мать, и дочь — авторы сборников и циклов стихов, поэм, пьес, а также статей (Пчілка) националистического характера.

та», а симпатичный, влекущий к себе силою непосредственной жизненной правды образ молодой революционной поэтессы.

В Киеве я не часто бывал в моей жизни. Однако есть места в этом городе, которые неизгладимо врезались в мою память. Такими являются крутые береговые высоты от Андреевской горы до Киево-Печерской Лавры, Владимирская гора и спуск к Подолу и Днепру, но в особенности — Университет Святого Владимира и его Ботанический сад.

Университет Св. Владимира памятен мне по тому чувству обиды, горечи и почти полного отчаяния, которое я испытал в конце августа 1890 г., когда в ответ на своё прошение о приёме меня на медицинский факультет я получил жёсткий отказ.

Зато с примыкающим к университету Ботаническим садом у меня связаны самые добрые воспоминания. С раннего детства я любил мир растений. Два раза, ещё в гимназические годы, я специально в каникулы ездил в Остёр, а оттуда на пароходе в Киев, главным образом, чтобы посмотреть и более основательно ознакомиться с замечательными древесными насаждениями, аллеями и коллекциями Ботанического сада.

Кроме того, киевский Ботанический сад воскрешает в моей памяти также одно из светлых, радостных переживаний периода моей дерптской жизни. Не могу с полной уверенностью установить, было ли это летом 1893 или 1894 г. В то время я сблизился с немногочисленным кружком студентов, интересовавшихся радикально-демократическим движением, зародившимся среди украинской интеллигенции в Восточной Галиции под влиянием уже упоминавшегося мною М. П. Драгоманова. Оно стремилось проникнуть в широкие массы сельского населения. Кроме М. П. Косача, А. Н. Деген-Ковалевской, Е. В. Дегена и меня, в кружке было ещё несколько лиц (А. Грабенко и др.), с интересом читавших получаемые нами в закрытых письмах по почте номера галицко-украинских газет «Народ» (Ивана Франко) и «Хлибороб» (Павлика). Нас объединяло понимание необходимости готовить тех, кто должен был затем работать среди украинского народа. Такие работники, считали мы, должны владеть языком этого народа, чтобы пользоваться имеющейся украинской литературой, содействовать обогащению этой литературы и уметь использовать её в практике передового общественно-политического и социалистического движения.

Было решено устроить в июне в Киеве совещание лиц, поддерживавших на Украине распространение упомянутых газет и обсудить возможные меры по улучшению их содержания и изыскания помощи для их издания. Первая встреча организаторов совещания была назначена на площадке в конце Лиственичной аллеи Ботанического сада. Одним из участников этой встречи был я. Невзирая на все мои возражения, мне пришлось принять это поручение. Предварительно всесторонне была обсуждена линия твёрдого и полного отказа и сопротивления каким бы то ни было украинско-националистическим тенденциям. Язык — это орудие, инструмент общения. Этим инструментом нужно пользоваться в совершенстве. Но связывает нас не инструмент, а цель — социальное освобождение трудовых масс от экономической эксплуатации, от капиталистического порабощения и политического угнетения, их культурно-национальное, политиче-

ское и экономическое освобождение путём развития их самостоятельности и социально-политического подъёма.

Приехав в Киев в назначенный день, я с вокзала на извозчике проехал несколько улиц и остановился в номерах, в которые он меня привёз. Привёл себя в порядок с дороги. Оставив в номере свой небольшой чемоданчик, я вышел на улицу, не записав ни адреса гостиницы, ни номера комнаты. Выйдя, я поискал ближайшую кофейню, зашёл в неё, позавтракал, а затем, посмотрев на часы, отправился в Ботанический сад. Там без труда нашёл аллею и дождался, когда подойдут другие участники встречи. Оказалось, что совещания будут происходить за Днепром, на берегу «Старика» (старого русла Днепра), куда надо было добираться на лодках от определённого лодочного пункта, наняв их у указанного лодочника. По дороге все перезнакомились и, расположившись на сухом луговом берегу, занялись с увлечением обсуждением вопросов, которые были подготовлены одним из организаторов совещания.

Всего было не более 12–14 участников (из Киева, Харькова, Москвы, Дерпта). Беседа велась оживлённо, сразу определилась объединившая всех мысль — на первый план выдвигать социально-экономические задачи, как основную цель, а культурно-политический подъём — как путь для объединения трудовой народной массы. Орудием для работы среди населения является его язык. Нужно готовить и людей, и литературу также и для работы среди украинского народа. Поскольку другой возможности нет — поддерживать и распространять «Хлибороб» и «Народ», посылая туда статьи к подготовке культурно-политических работников и вооружения их не только инструментом — украинским языком, но и прежде всего основным оружием — социально-экономическим пониманием движения трудовых масс к социализму.

Наступил упоительный украинский вечер. В сумерках мы сели в лодки и уже довольно поздно вечером вернулись на лодочную пристань. Выйдя из лодки и распростившись с тремя бывшими в ней товарищами по этой прогулке, я впервые, точно пробудившись после сна, вернулся к реальной действительности. И эта действительность была для меня не так безоблачна и совсем не гармонировала с моим бодрым настроением внутреннего подъёма. В кармане у меня был взятый с собой ключ от моего номера, но адреса номеров, куда утром привёз меня извозчик, я не знал; хуже всего, что я не спросил и не узнал даже названия улицы... Как же мне быть? На всякий случай решил направиться к университету. Его я нашёл. Затем, напрягая все силы моей памяти, постарался восстановить и проделать путь, каким я шёл утром. Мне показалось, что я должен был свернуть налево, чтобы зайти в кофейню, в которой утром пил чай. Как будто одна из кофеен походила на утреннюю, но она была закрыта. Свернув на соседнюю улицу, я прошёл мимо гостиницы, и, идя дальше, подошёл к открытому входу в номера для приезжающих. Точно во сне, не думая, я вошёл в открытую дверь, поднялся по лестнице во второй этаж, повернул в коридоре направо, дошёл до конца коридора, вынул ключ из кармана. Он легко вошёл в скважину в замке, я открыл дверь, и только увидев лежащий на стуле мой чемоданчик, окончательно пришёл в себя, точно проснулся от какого-то забытья. С радостным облегчением стал я вынимать

из чемодана дорожные вещи и остатки продовольствия. Бывают же в жизни такие счастливые, хотя, как будто, и маловероятные происшествия!

В первые годы пребывания в Дерпте (до получения стипендии) я для заработка давал уроки и репетировал по древним языкам и по математике, а также по русскому языку. Первый такой урок я получил у издательницы «Dörptsche Zeitung». Она поддерживала отношения с немецкими университетскими кругами. Сын её, ученик 4-го класса, был очень любознательный и, по существу, способный мальчик. Занятия с ним оплачивались довольно скромно, но мне они доставляли удовлетворение понятливостью ученика и быстрыми его успехами в школе после занятий со мною. Именно в связи с этими его успехами я получил предложение от профессора Б. Кербера¹ заниматься с двумя его сыновьями, учениками 2-го и 4-го класса, сильно отстававшими по многим предметам в школе. В качестве гонорара мне была предоставлена комната и питание: утром кофе подавался мне в мою комнату, а обед и ужин были за общим столом с семьёй профессора.

Профессор Кербер долгое время, до занятия кафедры судебной медицины и гигиены в университете, был врачом на одном из наших военных кораблей. Поэтому он более или менее владел русским языком. Кроме него, однако, никто в семье ни слова по-русски не знал. Весь уклад жизни и обиход определялись и направлялись в доме женой профессора, дочерью пастора, который тоже был профессором теологического факультета в том же Дерптском университете.

Быт, отношения, все разговоры и общение были типичными для немецкого мещанства: с пересудами, кто у кого был в гостях, что там подавали к ужину и тому подобные Theeklatsch (чайные сплетни). Никакое отступление от общепринятого — в costume, во взглядах, в высказываниях не допускалось. Всё это подпадало под определение Unanständig (неприличие).

Оба мои ученика, старший — юноша лет 14-ти, и младший — лет 11-ти, были изрядно избалованными лентяями и проказниками, но внешне всё прикрывалось у них впитанною с раннего детства привычкой к условному приличию. Сколько помню, что-то около года я занимался с ними, У нас сложились в общем недурные отношения, но я всё же не видел у них пробуждения живой любознательности и естественной правдивости, отворачивания ко лживому внешнему благополучию и замазыванию действительности приличиями. Сам профессор Кербер был, насколько я имел возможность убедиться, достаточно умудрённый жизнью человек. Он с уважением относился к политическому свободолюбию и вольнодумству других, и то обстоятельство, что я был из Москвы выслан, в его глазах меня не роняло, а скорее поднимало. Однако внешне он полностью подчинял всё своё поведение принятому мещанско-протестантскому укладу, которому строго следовала хозяйка дома — фрау профессор Кербер.

Ровно в 4 часа, минута в минуту — звонок к обеденному столу. Я приходил, здоровался с хозяйкой и гостями, если в данное время они были. Обмен

¹ В своих воспоминаниях Вересаев пишет о Кербере: «Это был тупица анекдотический, почти невероятный на профессорской кафедре» (*Вересаев В. В.* Указ. соч., стр. 367).

стереотипными вопросами о погоде, о здоровье. Открывалась дверь кабинета, где обычно работал профессор. Поздоровавшись со всеми, он подходил к своему месту. Все вставали и в благоговейном молчании внимали молитве, которую громко и отчётливо своим низким басом читал хозяин:

Gott im Himmel Sei unser Gast
Segne uns und was du uns gescheret Last...

Только после этого все садились и принимались за еду. Начинался обычный обеденный разговор под управлением всё замечающей и на всё реагирующей фрау профессор Кербер, командующей горничной и кухаркой, обслуживавшими обедающих. Точно такая же молитвенная процедура происходила и по окончании обеда. Как только профессор, прервав разговор, вставал, все поднимались и в наступившем молчании раздавалось произносимое профессором благодарение Господу:

Wir danken dir Jesus, dass
Du unser gast gewesen bist. Amen.

Ежедневно, возвращаясь к обеду домой, профессор Кербер заходил (или заезжал на извозчике) в купальню на реке Эмбах, чтобы окунуться перед обедом в студёной воде. Это он делал всегда, летом и зимою, не взирая ни на какую погоду, и даже в самые сильные морозы. Он настолько был тренирован, что это рискованное упражнение проходило для него безнаказанно. Хотя ему было только 55 лет, выглядел он старше. В саду при доме на Техельферской улице, где жил профессор, были устроены колодцы с крышками. Систематически либо он лично, либо кто-нибудь из работавших у него студентов производили замеры высоты стояния грунтовых вод. Это была дань времени, признание правильности утверждения М. Петтенкофера о влиянии колебаний уровня грунтовых вод на развитие брюшнотифозных заболеваний. Гигиену профессор Кербер читал преимущественно как науку описательную об общественных и государственных учреждениях и устройствах, имеющих значение для здоровья населения (больницы, общественные бани, прачечные, уборные, тюремная медицина и т. д.). Как отдельный предмет преподавал он также судебную медицину и проводил занятия по судебно-медицинским вскрытиям. К экзамену нужно было хорошо знать составленное им руководство к технике вскрытия трупов новорожденных. Это руководство называлось «Sektionstechnik für Neugeborene Kinder», что означало буквально: «Секционная техника для новорожденных». Такое название вызывало постоянные остроты со стороны студентов, поскольку оно было так сформулировано, будто речь шла не о технике вскрытия новорожденных, а о руководстве для новорожденных по технике вскрытия.

Лекции Кербер читал по запискам. Всякое описание, всякое изложение он разбивал на целый ряд мелких подразделов под отдельными номерами: во-первых, во-вторых и т. д. Положительной стороной деятельности Кербера, как профессора гигиены, был его интерес к изучению местных санитарных условий Дерпта и постоянное деятельное внимание к мерам по поднятию санитарного благоустройства города и по оздоровлению его населения.

Раньше, чем Дерпт официально был переименован в Юрьев (в декабре 1893 г.), русификация в Дерптском университете проводилась на юридическом факультете. После смерти И. И. Дитятин¹ одним из первых экстраординарным профессором истории русского государственного права был приглашён (по указанию министерства, но с соблюдением требований устава относительно выборов советом) Михаил Александрович Дьяконов². Если я не ошибаюсь, лекции на русском языке он начал читать в 1891 г. Он держал себя вполне корректно по отношению к немецким профессорам и местным особым правам коллегиальных университетских учреждений. Не помню, когда произошло моё первое знакомство с ним — либо на вечере в Обществе русских студентов, либо через Анну Николаевну Деген. Михаил Александрович очень интересовался передовыми течениями среди русского студенчества. В высшей степени культурный, знающий и любивший нашу литературу, он производил очень приятное впечатление своею простотою и искренностью, я бы сказал, особою правдивостью, сквозившей во всех его высказываниях. Такое же впечатление принадлежности к хорошей передовой русской интеллигенции производила и его жена — Надежда Александровна, окончившая петербургские Высшие Бестужевские курсы. Но мне, может быть, даже больше, чем родители, доставляли удовольствие исключительно милые дети Дьяконовых — Саша, ему тогда было лет 6–7, и трёхлетняя Наташа. Я рос в большой нашей семье, где всегда было несколько младших малых детей. Привычка к отдыху в забавах с малышами, по-видимому, так глубоко укоренилась у меня, что обратилась в какую-то потребность общения с детьми. В Дерпте, где целыми неделями я зарывался в книгах, особо остро ощущалась радость от детского веселья, от их непосредственности, простоты и привязанности. Я охотно отзывался на приглашение Дьяконовых и бывал у них, всякий раз встречая дружелюбный приём также и со стороны детей. У них вызывало веселье, когда я их забавлял, высоко подымая и подбрасывая.

Летом, когда я оставался в уединении в Дерпте, по приглашению Дьяконовых я как-то навестил их на даче в Ассерне на взморье. Впервые я видел там море, шумевшее особым, не стихавшим и ночью, шумом; впервые видел песчаные прибрежные высокие дюны, поросшие сосновым лесом, и непосредственно не то что понял, а, так сказать, ощутил весь процесс их образования, когда понизу тянуло от моря освежающим ветром, подымавшим песчаную пыль с подсохшего широкого пляжа. Гуляя с Сашей, я выискивал жуков и рачков в прибитой на берег тине, гонялся за пёстрыми стрекозами, взлетающими на песчаных буграх дюн.

Много лет спустя, в 1906–1920 гг., в период первой Государственной думы и позднее, когда мои дочери учились в Лесновском коммерческом училище, и когда после Костромского крушения мы устроились жить на

¹ Дитятин Иван Иванович (1847–1892) — историк государственной школы, правовед.

² Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919) — историк, академик Петербургской АН (1912), с 1917 — академик РАН.

«Полоске»¹, возобновилось моё знакомство с Дьяконовыми. Я был много лет председателем родительского комитета коммерческого училища, а Надежда Александровна деятельно посещала заседания родительского комитета. Тогда в училище обучалось младшее поколение её детей. Дьяконовы бывали у нас на «Полоске». Михаил Александрович, тогда уже академик, оставался таким же простым, искренним и симпатичным человеком, пленявшим своей отзывчивостью, отсутствием всякой рисовки и правдивостью, каким я его знал в Дерпте.

Несколько позже Дьяконова в Дерпте появился (во второй половине 1891 г.) на юридическом факультете другой русский профессор — Николай Ал. Карышев. Он занял кафедру политической экономии. Вскоре по приезде в Дерпт, он был выбран, вместе с М. А. Дьяконовым, в почётные члены Общества русских студентов. Ближе я познакомился с ним по поводу предложенной им мне работы по приведению в порядок и составлению каталога его библиотеки. В доме, где была квартира Карышева, зимою 1891–92 гг. произошёл пожар. Вещи и вся довольно значительная библиотека профессора во время пожара были выброшены во двор. После пожара книги, валявшиеся во дворе и в саду, в полном беспорядке были снесены в кучи в уцелевшую от пожара квартиру. Многие книги были растрёпаны. В то время (до получения стипендии) я нуждался в заработке и согласился привести в порядок библиотеку.

Начав работу, я вскоре увлёкся ею. Разрозненные листы подкладывал и подклеивал к соответствующим томам, подбирал номер за номером годовые экземпляры «Юридического Вестника», «Земства» и других журналов. Богатой была коллекция статистических изданий — земских и городских. С особым интересом разбирал я литературу по общественному движению 1850–1880 гг. Часто продолжал работать до поздней ночи. В соответствии с основным содержанием библиотеки (экономические исследования, статистика) мною был составлен общий список с распределением по отдельным вопросам и отраслям знания. Насколько полно была представлена в библиотеке литература по крестьянскому вопросу, по сельскохозяйственной статистике и экономике, настолько недостаточны были в ней материалы по рабочему движению на Западе. Непропорционально мало было в библиотеке профессора политической экономии и статистики — книг на иностранных языках: ни классиков политической экономии на английском языке, ни утопистов на французском, ни Маркса и Энгельса на немецком.

Когда я закончил работу, Карышев очень был доволен порядком и каталогом книг и в качестве гонорара уплатил мне не то 15, не то 20 рублей, во всяком случае, раза в три-четыре меньше, чем я ожидал. Я постеснялся сказать ему об этом. Просто не мог. Очевидно, сам он никогда не выполнял подобных работ за плату. Он производил впечатление избалованного жизнью и воспитанием барина.

Из русских профессоров, приехавших в Дерпт несколько позднее, я познакомился у Дьяконовых с Францем Юльевичем Левинсоном-

¹ Так назывался на окраине Петербурга, в Лесном, участок земли, на котором З. Г. Френкель построил свой дом.

Лессингом¹. Небольшого роста, всегда внимательно слушавший собеседника, он принадлежал к группе передовых русских учёных и довольно скоро в Дерпте приобрёл репутацию серьёзного исследователя. Жена его так же, как и он, изучала специально минералогию, петрографию и геологию. Позднее, уже в советский период, мне приходилось встречаться с Францем Юльевичем в Политехническом институте, потом на Академической базе в Заполярье, где Франц Юльевич изучал вместе с профессором Ферсманом² минеральные богатства Хибинского хребта, и в Крыму, в Коктебеле, где он упорно работал летом в Институте по изучению крымских горных пород.

В первые годы дерптской жизни я старался возможно больше читать по-немецки и слушать немецкую речь. Выдающимся немецким оратором считался брат профессора физики Артура фон Эттингена — профессор Александр фон Эттинген, читавший на философском факультете курс *Moral Statistik*. Несколько раз я слушал его, не столько следя за содержанием его изложения, сколько старясь усвоить обороты его красивой, нередко изобиловавшей ораторскими приёмами, речи.

Мне рекомендовали в целях усвоения немецкой речи слушать в университетской кирке проповеди теолога профессора Хершельмана. Слишком много времени при этом уходило на слушание песнопений и своеобразной стройной и гармоничной музыки органа. Для понимания и усвоения немецкого языка проповеди Хершельмана приносили много пользы, хотя в них было мало непосредственной искренности и простоты и слишком много протестантской показной нравственной высоты. В начале проповеди Хершельман благоговейно обращался к всевышнему за указанием чему, какому вопросу посвятить проповедь: «und wenn ich an unseren Herr Gott mich wende», — и он театрально раскрывал книгу Священного Писания и читал на как бы случайно выпавшей странице текст, который, очевидно, он избрал заранее темой своей проповеди.

Для чтения чаще всего я покупал в издании Universal-Bibliotek отдельными томиками (стоившими лишь несколько копеек) новинки, вроде Беллами — «Im Jahre 2000» («В 2000-м году») или только что появившиеся в немецком переводе «Wer ist Schuld?» Герцена, стихотворения Лермонтова (в переводе Фидлера), немецкие переводы Тургенева, Толстого. Читая русских авторов на немецком языке, не нужно было задумываться над отдельными немецкими выражениями. Смысл их был ясен сам собою. После прочтения целого томика оставалось впечатление, будто перечитывал его на русском языке. Отдельными томиками покупал я и дешёвые издания Гейне, Шиллера, Гёте. Целые страницы из «Фауста» с тех пор остаются в моей памяти. Когда-то, ещё во втором классе гимназии, помню, я пытался прочесть «Фауста» в русском переводе. Но до конца, кажется, тогда так его и не дочитал. Во всяком случае, второй части я не окончил. Но в Дерпте в

¹ Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861–1939) — петрограф, минералог и вулканолог, академик АН СССР (1925).

² Ферсман Александр Евгеньевич (1883–1945) — геохимик и минералог, один из основоположников геохимии, академик АН СССР (1925).

первый же год я прочитал обе части «Фауста» в подлиннике и после того многие годы не расставался с этим величайшим произведением человеческого гения.

В гимназии я считал совершенно ненужным всякое нагромождение иносказаний, образов. Мне казалось, что всякую мысль нужно излагать, высказывать прямо и просто, без всяких излишних отступлений, а всякие жизненные происшествия нужно рассказывать и изображать с полным реализмом, так, как это бывает на самом деле. А тут, у Гёте, какое-то раздвоение: Фауст и его двойник Мефистофель, реальная действительность и фантастическая, невысказанная, казалось мне, совершенно ненужная небылица и выдумки. Так относился я к Фаусту в 13 лет — в 1882 г., а в 1892 г. каждая мысль, каждая строчка открывала передо мною глубочайшие достижения человеческого ума, человеческого гения и жизненной умудрённости, являлась для меня высочайшей вершиной философского обобщения впечатлений, восприятий и знаний, получаемых от реального мира. В поэтических образах, в желаниях Фауста, в сарказме Мефистофеля воспринимались и оформлялись отзвуки того, что переживалось самим, но что часто не доходило до полного сознания. «Ach, der Teufel der ist alt, man muss alt, werden, um zu verstehen», — думал я словами Мефистофеля. Целые главы первой части и многие страницы второй из «Фауста» запечатлелись наизусть так прочно, что и до сих пор, более 70 лет спустя, при случае я их декламирую. Иногда теперь я испытываю неотвязную потребность, желание вновь перечитать «Фауста» с кем-нибудь, стоящим на пороге той поры жизни, в которой уже созрели все предпосылки для глубокого философского осмысления и обобщения всего жизненного опыта, той поры, которую переживал я в мои детские годы.

Летом 1892 г. в Дерпте на гастролях был Берлинский Lessingstheater. Я систематически посещал его спектакли. Шли, главным образом, пьесы Зудермана («Die Stürzen der Gesellschaft», «Schlacht der Schmetterlinge» и др.), а также и немецкие классические (Шиллера и др.). К моему удовлетворению, я мог убедиться в полном овладении мною немецким языком.

Неразлучная гимназическая тройка тесно спаянных друзей — Вячеслав Галяка, Левка (Константин Осипович Левицкий) и я — была разлучена окончанием гимназии. Хотя я и поступил в университет вместе с Галякой, но как-то дороги наши разошлись, и после Нежина мне не довелось больше с ним видаться, по крайней мере, я не помню этого.

Левицкого постигла беда: вскоре после окончания гимназии у него при жандармском обыске было найдено какое-то нелегальное издание, и за это он целый год томился в тюрьме. Наконец, он был выпущен. Я стал осаждать его письмами, чтобы он приехал в Дерпт для поступления в университет. С осеннего семестра, если я не ошибаюсь, 1892 г. он был принят на юридический факультет. Со времени его приезда мы жили вместе в том домике в саду на Lehmstrasse, о котором я уже говорил выше.

Константин Осипович был идеальный сожитель. Обычно молчаливый, погружённый в чтение книг или в размышления о прочитанном, он никогда не мешал заниматься. С двух слов мы понимали друг друга. Большим огорчением для меня была лишь его привычка курить. За вечерним чаем мы

обменивались своими впечатлениями за весь день. Его бедой было полное незнание немецкого языка и отсутствие воли к овладению им. Очень скоро он был введён мною в Общество русских студентов. Там у него завязались некоторые знакомства, но вообще после постигших его бед и тюремного сидения он стал более замкнутым и не проявлял инициативы в сближении с новыми людьми. Для меня всегда оставалось загадкой, как он обходился в университете без немецкого языка. Лекции, правда, читались на юридическом факультете тогда уже преимущественно на русском языке (доцентом Зачинским, Невзоровым, Карышевым, Дьяконовым), но некоторые важные предметы (римское право, пандекты¹ и др.) ещё читались по-немецки. Во всяком случае, он вполне исправно сдавал зачёты и держал на русском языке полагающиеся экзамены.

Наша жизнь с ним значительно оживилась с приездом в Дерпт в 1893 г. Владимира Малянтовича², который, не имея возможности поступить в университет, устроился в Дерптский ветеринарный институт и лишь позднее получил юридическое образование. Из моей памяти совершенно исчезли всякие следы воспоминаний, как и где произошло наше первое знакомство с В. Н. Малянтовичем. Вероятно, однако, как это часто бывало, он временно, до решения вопроса с собственным жильём, пользовался у нас помещением. Он был очень общителен. Несколько экспансивный, довольно начитанный, он подкупал своей искренностью и живым интересом к очередным тогда спорам между народниками и марксистами.

Очень скоро его внимание и признание склонилось на сторону социал-демократического направления. На этой почве наши отношения стали более близкими от постоянного обсуждения появлявшихся уже тогда в печати книг и статей с коренной критикой народничества. Врезалась мне в память привычка Малянтовича, когда он читал, обдумывал и разговаривал, непрерывно однообразно захватывать рукою свою бороду и жевать её во рту. Повторял он этот жест без конца. Это было невыносимо мучительно видеть, как и всякое без конца повторяемое навязчивое движение, почему-либо привлекавшее к себе внимание. Но деликатность не позволяла мне как-нибудь обратить внимание на неприятную надоедливость его привычки.

Несколько позднее наш узкий дружеский кружок окреп и бурно оживился с приездом в Дерпт Виргилия Леоновича Шанцера³. Потерпев крушение в Киевском университете, он приехал в Дерпт и был принят на юридический факультет. Это было в самый напряжённый момент горячей борьбы сторонников «Русского Богатства»⁴ против марксистского направления, впервые выступившего на открытую арену шумных собраний

¹ Сочинения древнеримских юристов по вопросам частного права.

² Малянтович Владимир Николаевич — социал-демократ, сотрудник «Последних новостей».

³ Шанцер Виргилий Леонович (Марат) (1867–1911) — народоволец, социал-демократ, с 1903 — большевик, член Московского комитета, член ЦК РСДРП.

⁴ Ежемесячный литературный, научный и политический журнал, 1876–1918. Основан писателями народнического направления (Н. Н. Златовратский, Г. И. Успенский, В. М. Гаршин и др.). С 1893 — новая редакция (Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко) сделала журнал центром легального народничества.

и споров в «Конкордии» после первых моих рефератов о книге Энгельса «Dührings — Umwälzung der Wissenschaft».

Придя как-то домой, я узнал, что ко мне заходил и оставил письмо от одного из киевских знакомых только что приехавший оттуда студент. Он оставил адрес, где остановился. Мы быстро разыскали его. Он привёз с собой известный марксистский сборник, готовившийся тогда к выходу в свет, с большой статьёй Тулина (под этим именем выступал тогда В. И. Ленин). Так как на ближайшее собрание в «Конкордии» было назначено обсуждение моего реферата и противники (их было очень много), как нам стало известно, мобилизовали силы, то выступление на подмогу нового, хорошо владевшего словом Шанцера мне казалось очень важным. Так это и оказалось. В. Л. Шанцер стал часто бывать у нас. Его бурный характер спорщика, увлекавшегося во время обсуждения и увлекавшего за собой собеседников, его цельность и убеждённость и в то же время какая-то наивная беспомощность в вопросах практической жизни, пробуждали симпатию и дружбу к нему. Француз по происхождению, он охотно в спорах переходил на французский язык; часто, чтобы заставить меня преодолеть стеснение и решиться отвечать ему по-французски, он упорно не отвечал мне на мои вопросы и замечания, сказанные на русском языке. Говорил он темпераментно, выразительно, но речь его лилась с оглушительной скоростью, и не так-то легко было с полным пониманием следить за нею. Однако привычка и необходимость отстаивать свою точку зрения в споре преодолевали эти трудности, и я навсегда сохранил признательность к Виргилию Леоновичу, научившему меня понимать беглую французскую речь и заставившего побороть застенчивость и стеснение от сознания своего плохого французского произношения.

К этому же периоду моего дерптского студенчества относится моё близкое знакомство с одним немецким рабочим-электромонтёром Августом Мюллером. Я случайно как-то познакомился с ним при выполнении им работ по электропроводке. Оказалось, что он сам из Германии, служит в какой-то Рижской фирме, приславшей его выполнить специальный заказ в Дерпте. Узнав от него, что в Германии он считал себя сторонником социал-демократической партии, я пригласил его как-нибудь зайти после работы ко мне. Он пришёл в первое же воскресенье. Чисто выбритый и безукоризненно одетый, он очень мало похож был на электромонтёра в грязной куртке и старой кепи, с которым я за несколько дней перед тем познакомился. Я рассказал Левицкому мой случайный разговор с электромонтёром из Германии и теперь представил этого чисто одетого, с ослепительно белыми воротничком и манжетами гостя, как того рабочего, о котором раньше рассказал. За чашкой чая Август долго оставался у нас. Я ему показывал новые номера «Neue Zeit», «Der Wahre Jocol», недавно вышедшую Эрфуртскую программу Каутского. Уходя, он взял с собою несколько брошюр. Он стал заходить к нам часто, прямо с работы, и уже у нас мылся и переодевался в чистый пиджачок и манишки, которые приносил с собою в небольшом пакете. Он умел очень внимательно слушать и только после размышления вставлял свои замечания. Держался он совершенно непринуждённо. Помню, в одно из его вечерних посещений, ко мне по какому-то делу зашёл профессор М. А. Дья-

конов. Мы пили чай с Августом, который только что успел переодеться. Разговор зашёл о политических событиях в германском Рейхстаге, которые сообщались в «Русских ведомостях». Я сказал Мюллеру по-немецки, о чём мы говорим. Он очень язвительно отозвался об ораторах из партии центра (клерикалах) и просто и толково высказал несколько суждений об отношениях между социал-демократами и клерикалами, за которыми шли некоторые профсоюзы. Несколько времени спустя как-то за вечерним чаем у Дьяконовых зашла речь о немецких студентах на юридическом факультете. Один из новых доцентов жаловался на полное отсутствие у большинства из них понимания и интереса к общественно-политическим вопросам современной жизни. М. А. Дьяконов заметил по этому поводу, что это не общее явление, и рассказал, как недавно он лично мог убедиться, что есть немецкие студенты, хорошо разбирающиеся в современных политических партиях германского Рейхстага. Михаил Александрович был изумлён, услышав от меня, что Мюллер не немецкий студент, а рабочий-электромонтёр, временно присланный фирмой для выполнения работы по заказу в Дерпте. Знакомство моё с молодым Августом Мюллером продолжалось до конца его пребывания в Дерпте. Он успел перечитать все имевшиеся у меня социал-демократические издания: работы Энгельса, Маркса, Каутского, Франца Меринга и даже все тома сочинений Лассалья, выходившие тогда в новом издании под редакцией Бернштейна.

Позднее, уже когда я собирался уезжать из Дерпта, я получил от Мюллера очень милое дружеское письмо из Риги и его фотопортрет с надписью: «*Meinem hochgeehrten Lehrer — S. F.*» (Моему высокоуважаемому учителю — З. Ф.). Как мне передавали, он очень своевременно уехал из Риги в Германию, так как в 1896–1897 гг., во время первых арестов участников социал-демократических организаций в Латвии, Мюллера специально разыскивали. Много позже, в 1911–1912 гг., я слышал, что Август Мюллер стал видным работником в Берлинском социал-демократическом движении, а после революции 1918 г. он одно время даже занимал пост министра труда в правительстве Германии.

Не сохранилось в моей памяти, когда и при каких условиях познакомился я в Дерпте с Александром Дауге, и через него со всем кружком латышских студентов — социал-демократов. Последние два года моего пребывания в Дерпте у меня завязалось близкое знакомство, и даже дружба с Сашей, как звали Александра Дауге в его семье и среди друзей. Это был высокий, стройный мужчина, всегда бодрый, весёлый, оживлённый, простой и благожелательный. Он был женат и трогательно выполнял отцовские обязанности, ухаживая за своим младенцем, помогал купать его в ванне. Его жена была изумительно подходящая для него подруга и товарищ. Она так же, как и Саша, штудировала всю получавшуюся в Дерпте социал-демократическую литературу, вместе с ним серьёзно изучала экономические и философские труды. Мне доставляло истинную радость заходить к Дауге на полчаса вечером, поделиться новостями, узнать, не получены ли новые издания и присутствовать при обычно довольно шумном и весёлом купании молодыми супругами их крепкого здорового ребёнка. Оба они — и муж, и жена, производили всегда какое-то бодрящее, успокаивающее

впечатление. Я удивляюсь, почему с отъездом из Дерпта у меня полностью прервались всякие сведения о Дауге.

Из латышского круга друзей Дауге особенно выдавался глубоким знанием философских основ марксизма Каспарсон. Им написана была и изда-на на латышском языке целая книга об основах диалектического материализма. Очень активным участником латышского кружка был студент-медик Калнин.

Помню нашу попытку отметить 1-е мая, как международный праздник труда, совместной прогулкой на лодках до Газенкруга вшестером: Левицкий, Малянтович, я, Рутштейн и латыши — Дауге и Калнин весной 1893 или 1894 г. К нам присоединилось ещё несколько человек, и на берегу мы обменялись соответственными майскими приветствиями¹.

Отчётливо встаёт в памяти, как в 1894 г. поздней осенней ночью раздался неистовый стук в закрывавшуюся на ночь ставню единственного выходившего на улицу окна в нашем приземистом домике на Глиняной улице. Пробуждённые от мирного сна, мы с Левицким поспешили к окну, чтобы отпереть ставни, и увидели группу своих латышских друзей, шумно возвестивших о смерти Александра III. С этим связывались тогда очень скоро разлетевшиеся в прах какие-то смутные надежды на появление несколько большего простора для деятельности печати и для рабочего движения.

Не могу вспомнить, как началось знакомство моё с Мартной и его семейством. По-видимому, началось оно в 1893 или в 1894 г. по инициативе Александра Дауге. Мартна был представителем передового эстонского социал-демократического общественного движения. У него собирались немногие тогда эстонские сторонники этого зарождавшегося тогда среди эстонской интеллигенции течения. Они стремились начать издание свободной литературы на эстонском языке.

У Мартны встречался я с ещё молодым тогда эстонским писателем Эдуардом Вильде². В то время он вернулся из Берлина, где прожил около двух лет. Там он близко познакомился с социал-демократическим движением и примкнул к нему. Весёлого характера, своими рассказами о берлинской жизни он часто вносил оживление в общество, собиравшееся иногда у Мартны на чашку чая. После первой революции в 1905–1906 гг. Вильде был редактором эстонского социал-демократического органа, а затем в период столыпинской реакции вынужден был бежать и много лет жил в эмиграции в Дании.

Сам Мартна по специальности был мастер малярного художественного дела. Он художественно расписывал потолки и стены в богатых немецких

¹ Как свидетельствуют документы Департамента полиции, на протяжении всех лет учёбы в Дерптском университете З. Г. Френкель продолжал оставаться под негласным надзором жандармов. Так, в одном из донесений начальника Лифляндского губернского жандармского управления в Департамент содержится список поднадзорных студентов: Михаил Дьяков, Соколов, Богоявленский, Левицкий, Давыдов и Френкель, а в другом донесении сообщается, что Захарий Френкель состоял в Обществе русских студентов экономом и кассиром. (ГАРФ. ДП. Ф. 102. Д.О.О., 1890–1893. Оп. 226. Д. 374 и 417).

² Вильде Эдуард (1865–1933) — эстонский писатель, представитель критического реализма.

и эстонских квартирах, как это было принято в Дерпте. Потолки разрисовывались картинами, в столовых изображались фрукты, овощи, дикие утки, фазаны или тетёрки, повсюду писались поучительные надписи и пр. Мартна производил впечатление образованного человека, благодаря его любви к чтению и упорной работе над самообразованием. С настойчивостью штудировал он Маркса, Энгельса, Лассаля, Каутского. Хотя он был горячим эстонским патриотом, но дома разговорным языком у него был немецкий язык, и весь домашний обиход был проникнут немецкой культурой. Только изредка хозяин вставлял в речь характерные эстонские поговорки и крепкие слова.

Удивительно милым и симпатичным человеком была гостеприимная жена Мартны, всегда с большим вниманием принимавшая участие в общем разговоре и проявлявшая серьёзный интерес к русскому общественно-освободительному и революционному движению. Мартна писал статьи для эстонских газет, и его жену, видимо, волновали литературные успехи мужа. Подшучивая над Мартной, Дауге говорил, что у Мартны вышло уже пять томов его сочинений, которые все тут налицо — он указывал на девочек и мальчика Мартны, всегда чисто, хорошо одетых и прекрасно воспитанных, очень любознательных и приветливых. Я бывал просто очарован этой чудесной пятёркой: от серьёзной и умной двенадцатилетней Франциски до медлительного маленького двухлетнего Томаса. Эти «пять томов собрания сочинений Мартны» занимали меня, быть может, даже более, чем томики рассказов Вильде и статьи Мартны, которых я не мог читать, так как они были написаны на эстонском языке, а с живыми пятью «томами» я с упоением упражнялся в немецких разговорах, вызывая у них весёлый смех своими ошибками, частым смешиванием *der* и *das*.

С Мартной, после моего отъезда из Дерпта, я несколько лет поддерживал изредка дружескую переписку и один раз виделся с ним. Это было в 1911 г. на Дрезденской гигиенической выставке. Мартна жил тогда в Германии, в эмиграции; он вынужден был оставить свою родную Эстонию, в которой осталась его семья, и укрыться за границей от преследований русских властей. Мартна и тогда был, как всегда, энергичен, бодро переносил своё вынужденное изгнание и очень интересовался видами на лучшие времена в России. На меня Мартна производил впечатление оригинального, незаурядного, самостоятельно думающего человека.

Сильнейшее впечатление произвёл на меня грандиозный национальный эстонский слёт певческих народных организаций. Он был проявлением необыкновенной организованности и единства эстонцев. Проходил он в Дерпте. Стремясь ослабить немецкое влияние на эстонцев, царское правительство допускало в остзейских губерниях то, чего оно не разрешало ни в какой форме в коренных русских губерниях. В эстонских сёлах и волостях допущено было объединение эстонского населения в певческие союзы, и был разрешён съезд этих обществ. Он стал положительно величавой манифестацией национального эстонского самосознания. Позднее, в советский период, мы привыкли к большим народным манифестациям, к шествиям со знамёнами профессиональных союзов и всякого рода других организованных объединений граждан. Но в то время во всей России были

абсолютно запрещены всякие шествия, кроме крестных ходов и несколько сот певческих обществ, каждое из которых шло под своим знаменем, а все вместе представляли эстонский народ.

В годы клинической подготовки в прежнем Дерптском университете до его преобразования в Юрьевский и подчинения общему уставу русской бюрократизированной высшей школы, большую роль играли частные, за особую плату по соглашению с группами участников, практические занятия и курсы лекций отдельных профессоров или их ассистентов, а также доцентов и приват-доцентов. От обязательных курсов и практических занятий эти частные курсы отличались тем, что в каждом из них число участников было очень ограниченным. Каждый учащийся по несколько раз под контролем проделывал изучаемые приёмы исследования, приготовления препаратов, производство операций. Три года я не пропускал ни одной лекции, ни одной операции у профессора Вильгельма Коха, смелого искусного хирурга. Но, разумеется, я больше усвоил понятий о некоторых приёмах при операциях из кратковременных курсов ассистентов Коха — Минца, Боля и доцента Блюмберга, которые за особую плату проводили свои частные занятия, стараясь на них подойти с особым вниманием к каждому студенту. Специализировались по хирургии приехавшие вместе со мною из Москвы А. А. Греков, Ф. В. Берви, А. В. Мартынов, работая добровольными помощниками у профессора госпитальной хирургической клиники Цеге фон Мантейфеля.

Доцент Штадельман, преподававший во «внутренней» клинике профессора Унфервихта общую диагностику болезней и обучавший овладению и пониманию способов пальпации, выстукивания и выслушивания, на частном курсе (за довольно высокую плату) научил меня за две или три недели, наконец, добросовестно отдавать себе отчёт об особенностях выслушиваемых шумов и хрипов, бронхиального и вазокулярного дыхания и пр.

Большое удовлетворение дало мне участие в частном курсе по патанатомии у профессора Тома. Волей-неволей, ввиду персонального внимания профессора к каждому участнику, приходилось усвоить приёмы изготовления препаратов, знать основные из них и уметь их различать.

Разумеется, такие специальные курсы и циклы возможны только при относительно незначительном числе студентов на курсе: не 400–600, а предельно 100–150 в одном году обучения (т. е. не более 600–1000 на всём медицинском факультете). Непременным условием является при этом хорошее обеспечение кафедр и клиник помещениями, лабораториями, ассистентами и приват-доцентами и всякого рода оборудованием. Самостоятельность студентов в выборе времени для участия в специальных циклах, многократно повторяемых в один и тот же семестр, в выборе преподавателя и вообще свобода преподавания и вносимые ею существенные поправки к курсовой системе построения медицинского преподавания являются, конечно, очень важной предпосылкой для успеха всей системы медицинского образования.

Хорошо поставлены были лекции по глазным болезням профессора Рельмана с постоянной демонстрацией большого числа больных. Рельман был прекрасным лектором. Он очень интересно обставлял свои лекции.

Несколько студентов, по списку, приглашались исследовать отобранных из числа явившихся на приём больных и доложить о них в конце лекции профессору перед аудиторией. При этом каждый студент должен был офтальмоскопировать больного, исследовать состояние рефракции и состояние дна глазного яблока. Выслушав доклад, профессор сам осматривал больного и анализировал ответ и диагноз, поставленный студентом. Бывало так, что студент докладывал о состоянии рефракции и дна глазного яблока левого глаза, а профессор Рельман, при громком смехе всей аудитории, вынимал у больного искусственный протез из левой глазницы, в которой совсем не было никакого глазного яблока. Таким образом, студент докладывал не о том, что он видел при исследовании, а о том, что мог бы увидеть по описаниям в учебнике.

Предпоследний семестр, уже после того, как студентами были закончены занятия в большинстве клиник и получены по ним зачёты, в основном посвящался работе в поликлинике. Прослушав курс лекций профессора Дегио, студенты получали для посещения на дому больных, по вызовам, поступившим в поликлинику, определённый участок города или чаще всего определённую улицу. Население так и называло такого студента — «Strassen-Doktor» (врач улицы). Посетив по вызовам заболевших, студент либо делал определённое назначение, либо в более трудных случаях обращался за советом или вызывал к больному ассистента, доцента или даже просил самого профессора Дегио навестить больного. Я лично помню, что посетив на дому тяжело больного ребёнка, я заподозрил у него туберкулёз. Очень встревожившись состоянием больного, я, минуя ассистента, прямо зашёл на дом к профессору Дегио и просил его посмотреть моего пациента. Профессор тотчас же отправился со мною и внимательно исследовал заболевшего. К моему огорчению, диагноз мой был подтверждён. После многократных моих посещений, ребёнок, к неутешному горю родителей, погиб.

Каждое поликлиническое занятие у Дегио открывалось кратким общением студентов о больных, переданных им поликлиникой, и обо всех новых заболеваниях на их улицах, ставших им известными. На отдельных заболеваниях, особенностях их течения и мерах их лечения, профессор Дегио останавливался более подробно. Часто по его указанию студент должен был показать своего больного на поликлиническом занятии.

Заслугой профессора Дегио было то, что он всегда большое внимание обращал на социально-бытовые условия, в которых жили заболевшие, и старался выяснить и показать связь заболевания с влиянием обстановки жизни и быта, с социальным положением данного слоя населения. Запросы населения к своему «уличному врачу», т. е. поликлиническому студенту, доверие к нему больных заставляли студента прилагать все усилия, чтобы оправдать это доверие, воспитывали в нём чувство врачебной ответственности. По себе знаю, что за все клинические годы я не работал так много со всякого рода медицинскими справочниками и руководствами по специальной патологии и терапии, как в поликлинический семестр, в связи с необходимостью определить диагноз у вновь заболевшего и остановиться на назначении рационального лечения. Впервые профессор Дегио свои-

ми лекциями привлёк моё внимание к значению правильной организации всей системы врачебной помощи массам населения, системы своевременного обнаружения заболеваний и надлежащей организации помощи заболевшим.

Окончательный врачебный экзамен я сдавал в 1894–1895 учебном году. До этого времени оканчивавшие медицинский факультет, в зависимости от результатов экзаменов, получали либо звание докторантов с правом защищать диссертацию на степень доктора медицины, либо, при получении по некоторым предметам троек, оканчивали со званием врача. Раз не было надобности стремиться во что бы то ни стало получать по всем предметам высшие отметки, дело с экзаменами у меня упрощалось, хотя всё же по некоторым предметам понадобилась упорная работа для того, чтобы считать себя вправе идти на экзамен. Никаких «клязур» в конце экзаменов писать нам уже не было надобности. До этого года все оканчивавшие докторантами должны были написать на латинском языке небольшое сочинение на заданную тему. Их запирали каждого в отдельной комнате в третьем этаже главного здания университета. Там, получив свою тему, студент оставался запёртым на замок до тех пор, пока не заканчивал свою работу. В коридоре дежурили педели. «Латынь из моды вышла ныне», — писал ещё Пушкин. Но докторанты писали каждый свою «клязуру» на достаточно удовлетворительной латыни. Искони установилась для этого вполне эффективная техника. Десятки лет она оставалась неизменной и не вызывала никаких посягательств на неё со стороны недремлющего ока начальства.

Из оконной форточкой «заключённый» спускал на нитке тему. Все темы разносились немедленно, в зависимости от их содержания, по квартирам, где дежурили «опытные» в данной специальности студенты и были к их услугам все необходимые справочники, руководства и записи лекций. Быстро изготавливалась на немецком языке соответственная работа. Она «фуксами» (младшими студентами) тотчас же передавалась на квартиру, где собран был синедрион знатоков (относительных!) латинского языка. Разумеется, к их услугам были словари и типовые образцы готовых клязур. Это было делом чести — помочь в кратчайший срок «заключённым». Поэтому латинское оформление клязур делалось незамедлительно. Я слыл заведомым знатком латыни (золотая медаль Нежинской гимназии!) и мне раза два выпадала честь дежурства в комнате по латинскому оформлению клязур. Переписанная на тонкой бумаге, готовая клязура на латыни технически надёжными путями поступала в руки заключённого и им использовалась.

По окончании экзаменов, обычно один–два семестра (иногда, разумеется, и больше) уходило у докторанта на написание докторской диссертации и на постановку и производство необходимых для неё предварительных экспериментальных работ.

Назначение в 1891 г. вслед за отъездом из Дерпта профессора Э. Крепелина¹ на кафедру психиатрии профессора В. Ф. Чижа было первой ласточкой начавшейся через год или два усиленной русификации медицинского

¹ Крепелин Эмиль (1856–1926) — немецкий психиатр, основатель научной школы. Создал современную классификацию психических болезней.

и других факультетов Дерптского университета. Вслед за Чижом последовало назначение вместо занимавшего до этого времени кафедру внутренних болезней крупного клинициста Унфервихта — одного из ассистентов известного московского терапевта академика Захарьина¹ — профессора Васильева, а затем вместо профессора Кистнера на кафедру акушерства и гинекологии — профессора Губарева из Москвы. Оба не отличались ни внешней академической культурой, ни учёностью. Однако моя клиническая подготовка протекала ещё в период до перехода руководства клиниками и клиническим преподаванием к вновь назначенным профессорам, тем более что последние, как, например, Губарев, после назначения надолго уезжали для подготовки в Германию. Только работа в психиатрической клинике и слушание клинических лекций по психиатрии протекали уже после отъезда Крепелина у заменившего его профессора Чижа.

С конца 1893 г. Дерпт был переименован в Юрьев, а Дерптский университет, соответственно, в Юрьевский. С этого времени было окончательно прекращено приглашение русским правительством для занятия кафедр в университете выдающихся учёных из-за границы.

Крепелин имел крупное имя в науке, и назначение на его место мало кому известного Чижа было встречено в Дерпте с неодобрением не только среди старой немецкой профессуры, но и среди русского медицинского студенчества. Хотя назначение Чижа состоялось ещё в 1891 г., но фактически к заведованию психиатрической клиникой и чтению лекций он приступил лишь год спустя. Престиж свой он с самого начала старался поднять в глазах немецкой публики тем, что стал писать своё имя на табличке на дверях своего кабинета и на своих визитных карточках по-немецки, с прибавлением «фон» — Woldemar von Tschisch. Часто можно было видеть его в городе на прогулке верхом на лошади, с длинным хлыстом в руках, как это было принято у немецких баронов. Может быть, он и имел свои научные заслуги и некоторые положительные качества, как лектор и руководитель кафедры, но мало могли способствовать его учёной репутации манеры его самовосхваления и подчёркивания своей особой способности к психиатрической интуиции. Вспоминаю, как он на лекции «скромно» утверждал, что он не может сам себе объяснить, как это происходит, но когда к нему входит больной, он сразу же безошибочно ставит диагноз эпилепсии и некоторых видов психоза.

В тот семестр, когда я слушал лекции профессора Чижа, посмотреть на первые успехи русификации Дерптского университета приехал известный реакционер, министр просвещения при царе Александре III — Делянов². Ожидая его прихода на лекцию, Чиж подготовил в аудитории для демонстрации больных прогрессивным параличом. Когда Делянов со своей сви-

¹ Захарьин Григорий Анатольевич (1829–1897) — терапевт, основатель московской клинической школы, почётный член Петербургской АН (1885). Усовершенствовал метод сбора анамнеза.

² Делянов Иван Давыдович (1818–1898) — граф, министр народного просвещения. Добивался ограничения автономии университетов и женского высшего образования.

той вошёл и уселся в аудитории, Чиж, как бы продолжая лекцию, утверждал, что среди русского духовенства он не знает случаев заболевания прогрессивным параличом, так же как и табесом¹, — и это вследствие, разумеется, высоких духовных и моральных начал самой православной церкви, а также потому, что ранний брак при самом получении сана и паствы исключает среди русского духовенства самую возможность заболевания люэсом², на почве которого могла бы возникнуть опасность прогрессивного паралича. Министр, конечно, не мог не отнестись одобрительно к такому освещению проблемы на лекции.

У меня, как и у многих других слушателей, оставалось иногда впечатление, что профессор Чиж любил придавать театральность для усиления впечатлений от его лекций. Однажды, во время занятий, в аудиторию на особой коляске родители внесли свою дочь. Они привезли её из Варшавы, прослышав об исцелении профессором Чижом таких больных, как их дочь. После перенесённого мышечного ревматизма девочка потеряла способность двигаться и уже много лет не вставала, не могла сесть и т. д. Перед всей аудиторией Чиж заявил внушительно, осмотрев больную, что, хотя пациентку уже возили и в Берлин, и в Бреславль безуспешно, он излечит её полностью в один месяц, и она, не способная сейчас ни сесть, ни повернуться, через месяц будет не только ходить, но и плясать. Это был случай тяжёлой истерии, и спустя несколько месяцев больная была приучена садиться и вставать.

Последнюю весну и лето моей студенческой жизни (в 1895 г.) я не уезжал из Дерпта, посвятив их, главным образом, работе у профессора А. Раубера по изучению анатомии и гистологии мозга. Ежедневно с 8 часов утра и почти до вечера я оставался в анатомикуме, пользуясь всеми возможностями для познания беспредельно сложной структуры самого важного органа человеческого познания, какие предоставлялись Раубером в его кабинете. Неизменно в 10 часов появлялся Раубер, после прогулки со своим маленьким сыном. На стереотипный вопрос: «Wie geht's?» (Как дела?) я излагал всякие мои сомнения, подробно рассказывал о встреченных трудностях в понимании некоторых указаний и описаний в специальном томе его руководства, посвященном изучению мозга. Один раз, проверив повторно на препаратах имеющееся в руководстве Раубера соответствующее описание, я пришёл к выводу об ошибочности этого описания и несовпадении его с не вызывающими сомнения данными препарата. Раубер внимательно выслушал, затем присел, занялся проверкой и в заключение заметил, что, вероятно, мною допущена какая-то ошибка, нужно её найти. Несколько дней он к этому вопросу не возвращался. Довольно много времени спустя он совершенно неожиданно после своего «Как дела?» сказал: «Да, вы правы, у меня в учебнике действительно допущено ошибочное утверждение».

В октябре пришла очередь мне сдавать окончательный последний экзамен у Раубера. Он, почти не спрашивая меня, поставил отметку. Когда я уходил, он осведомился, каковы мои дальнейшие намерения, и выразил

¹ Хроническое заболевание нервной системы, поражение спинного мозга, позднее проявление сифилиса.

² То же, что сифилис.

удивление, услышав в ответ, что я собираюсь попытаться работать в одной из петербургских больниц, чтобы получить необходимый для врача практический опыт. «Зачем же вы так усердно работали летом «по мозгу»? — спросил профессор. — «Мне хотелось хотя бы в общих чертах узнать, что считается установленным в наших знаниях о самой сложной и важной части человеческого организма», — ответил я. Больше мне не пришлось видеть Раубера, оставившего у меня впечатление своеобразного, оригинального, упорного научного исследователя и мыслителя в своей области.

Мои воспоминания о дерптском периоде жизни были бы неполны, если бы я не сказал несколько слов о замечательном по душевному благородству, цельности и устойчивости человеку — Вере Тихоновне Андреевнине и её воспитаннице Марье Ивановне Вебер, с которыми я познакомился ещё в первые годы моей учёбы в университете и на квартире которых жил последний дерптский семестр.

Вера Тихоновна (W. von Andrejanow) была спокойной, уравновешенной старой дамой, возраста значительно более 80 лет. Она получала пенсию, но этой пенсии, очевидно, не хватало на поддержание того достаточно скромного, но уютного уровня жизни, который она вела. Всё хозяйство держала в своих руках её приёмная племянница — эстонка по происхождению, воспитанная Верой Тихоновной в правилах немецкой культуры, — Frä. Weber. По бюджетным соображениям, так как всё равно приходилось держать кухарку, служившую в качестве одной прислуги, семейным столом обычно пользовались два-три русских студента. Вера Тихоновна, несмотря на своё имя и чисто русскую фамилию, говорила только по-немецки, хотя и понимала русскую речь. Марья Ивановна совсем не знала русского языка. В период, когда я старался овладеть немецким языком, я по рекомендации одного из русских студентов несколько месяцев обедал у этих дам. Я научился бегло понимать удивительно отчётливую, ясную и плавную разговорную речь Марьи Ивановны.

Одну из комнат своей квартиры старухи сдавали. Обычно жил в ней кто-либо из более состоятельных русских студентов, так как комната сдавалась со всей обстановкой, с отоплением, обслуживанием и утренним кофе, как в пансионах. Несколько лет эту комнату занимал М. П. Косач. В последний семестр моего пребывания в Дерпте жил в ней, после отъезда Косача, я.

Вера Тихоновна, по старости и общей слабости здоровья, очень редко выходила из дома. Весь день она проводила за чтением книг философского содержания. Она глубоко знала мировую литературу. Будучи глубоко религиозным человеком, она в то же время была достаточно образована в современном смысле, чтобы не придавать значения обрядовой стороне, и с вниманием и полной терпимостью выслушивала самые далёкие от всяких религий и верований суждения о развитии человеческого общества, человеческой культуры, мысли, научного и философского миропонимания. Прежде всего, ценила она в людях правдивость, искренность и способность отстаивать правду и право стоять за угнетённых, за находящихся в нужде, подвергшихся несправедливости и произволу. Поэтому Вера Тихоновна, сожалея о безбожии (атеизме) русских революционно-демократических писателей и деятелей, относилась к ним с глубокой симпатией и уважением.

Со мной Вера Тихоновна очень любила беседовать на философские темы. Меня интересовало полное отсутствие у неё страха или какой-либо тревоги от предстоящей близкой смерти. Её занимала при этом лишь мысль, как устроится без неё жизнь Марьи Ивановны. Та была совершенно чужда забот о своём благополучии. Она давно уже вышла за пределы того возраста, когда, быть может, у неё появлялись мысли о личной жизни. Теперь она полностью была поглощена (кроме домашнего хозяйства) работой по организации помощи бедным семьям, их детям и больным. Изо дня в день она много времени тратила на посещения на дому осиротевших и больных детей, на поиски средств и возможностей для оказания им материальной помощи. Она хорошо, до мелочей знала обстановку, условия и нужды вставших в бедность семейств, она видела причины особенно острой нужды — болезнь или пьянство кормильца, нехватку нескольких рублей на покупку сапог, взамен износившихся, сырость и холод в жилищах вследствие отсутствия топлива, которое нужно безотлагательно купить. Марья Ивановна так близко принимала к сердцу все эти индивидуальные беды, страдания и нужды, так остро их чувствовала, что все её мысли были заняты только конкретными отдельными случаями. Все мои рассуждения и обобщения, выдвигавшие общие социальные причины и направленные на содействие скорейшему росту классового самосознания и формированию тех сил, которые способны устранить общие социальные причины всех конкретных бедствий трудовых слоёв населения, ни в какой мере не устраивали Марью Ивановну. Всё равно ведь нужно было во что бы то ни стало добыть сапоги для мальчика, сына прачки «А»; всё равно нужно было ей во чтобы то ни стало помочь купить топливо для семьи «Б» и т. д., и Марья Ивановна, горячо принимавшая участие в послеобеденных моих разговорах, формально соглашаясь с правильностью обобщений и выводов об общих причинах и общих путях, оставалась на своих позициях и весь день металась в поисках помощи для живых, страдающих, близких ей по непосредственному общению с ними, эстонских семейств. Она не отделяла себя от них; она жила их желаниями, их надеждами и не преувеличивала значения крупиц той помощи и облегчения, которые иногда ей удавалось оказать. У неё совсем не было обычных отталкивающих черт дам-благотворительниц и патронесс. Её искренняя простота и отсутствие самоуспокоенности, постоянное сознание, что она также осталась брошенной сиротой и лишь случайно была взята на воспитание Верой Тихоновной, были подкупающими чертами её отзывавшейся на чужое горе и нужды натуры.

Вера Тихоновна вызывала во мне чувство уважения, живого интереса и отклика в душе и сознании своим спокойным философским отношением к сознаваемому ею вполне реально в каждый момент неизбежному концу её жизни. Было у меня какое-то безотчётное чувство своеобразной дружбы и привязанности к этой умной, спокойно взвешивающей на жизнь и стоявшей у её предела старухи, с таким доброжелательным вниманием и участием слушавшей мои мысли о предстоящих исторических неизбежных массовых движениях и общественных переворотах.

После окончания Дерптского университета, когда я жил в Новой Ладоге, сколько помню, зимою 1896–1897 гг., я узнал из письма Марьи Ива-

новны о смерти Веры Тихоновны. Я помнил постоянную тревогу и заботу Веры Тихоновны о том, как устроится без неё жизнь Марьи Ивановны, и, посоветовавшись с А. В. Мартыновым, который, так же как и я, хорошо знал обеих женщин, написал М. И. письмо с предложением приехать в Новую Ладугу и занять место заведующей хозяйством (или кастелянши) в земской больнице. Она уклонилась от этого, предпочтя остаться в Дерпте и помогать своим эстонским клиентам.

Прошло много десятков лет после окончания мною университета в Дерпте-Юрьеве. И вот сейчас, набрасывая эти воспоминания о своеобразных условиях быта и обстановки, происшествиях и событиях, да и вообще, обо всем содержании моей жизни того периода, испытываю желание увидеть и старый Дерптский парк «домберг», в котором разбросаны там и сям университетские здания — анатомического института, глазной клиники и клиники внутренних болезней, университетской библиотеки и патологического института, и обсерватории, где несколько ночей провёл я с моим другом Швабе, с непередаваемым восторгом созерцая в телескоп кольца Сатурна или гористый пейзаж Луны. Хочется осмотреть старое здание университета, Ратушу и Рыцарскую улицу. Так хотелось бы увидеть, каким стал новый Тарту, занявший то место, которое ему по праву и по историческому долгу принадлежит — место крупного центра науки и культуры Эстонии.

III. НАЧАЛО ОБЩЕСТВЕННО-САНИТАРНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1896–1917)

Новая Ладога (1896–1898)

В январе 1896 г., получив свидетельство об окончании медицинского факультета со званием врача в уже Юрьевском университете, я приехал в Петербург. Мне хотелось несколько месяцев поработать в одной из больниц для получения некоторого практического опыта и затем отправиться куда-нибудь на работу в качестве земского врача. Теперь, много лет спустя, когда я вспоминаю о двух месяцах, проведённых мною тогда в Петербурге, я не могу понять, как могло вместиться в этот короткий срок столько разнообразных явлений и начинаний, оказавших значительное влияние на весь дальнейший ход моей жизни.

С первых же дней по приезде началась моя работа в Обуховской больнице бесплатным сверхштатным ординатором — палатным врачом в терапевтическом отделении. Заведовал им тогда Нечаев. Каждый день я тщательно осматривал и обследовал больных и производил различные исследования (мочи, мокроты) и докладывал затем при обходе доктору Нечаеву. Волновался я очень много: меня смущала трудность постановки уверенного и определённого диагноза. Я очень огорчился, когда, выслушав моё сообщение о результатах обследования больного и о моём предположительном диагнозе, главный врач, не проверяя мои данные, продолжал свой обход, переходя к следующей кровати. Я искал ответа на свои сомнения в разделах руководств по специальной патологии, обращался за советом к другим таким же добровольцам, бесплатно работавшим в соседних палатах. Таким образом завязывались новые знакомства.

Один из новых знакомых врачей ввёл меня в кружок, имевший связь с несколькими рабочими Шлиссельбургской заставы. На меня была возложена задача по вечерам и в воскресные дни заниматься с рабочими, помогать им разбираться в началах политической экономии, в содержании только что появившихся в печати работ Плеханова (Бельтова) и других изданий.

Меня познакомили с А. Н. Потресовым¹, через которого можно было получать литературу: «Neue Zeit» и другие немецкие издания. Независимо от этого кружка, я по предложению одной моей дерптской знакомой — учительницы городской школы Веры Геннадиевны Коледниковой — провёл пару довольно многолюдных собраний работниц. Один раз — на частной квартире на Васильевском острове, а другой раз — в школьном помещении. Мои доклады на этих собраниях были о рабочем движении, о рабочих организациях в передовых странах, о растущей исторической роли и задачах рабочего класса. Эта возможность непосредственного соприкосновения с рабочими захватывала меня и заставляла добросовестно готовиться к предстоящей беседе, доставать и прорабатывать соответствующую литературу.

Необходимость иметь для существования заработок заставила меня обратиться по рекомендации профессора М. А. Дьяконова к Ивану Андреевичу Дмитриеву², начавшему в то время (февраль 1896 г.) издавать «Общественно-санитарное обозрение». Иван Андреевич произвёл на меня обаятельное впечатление своей отзывчивостью и внимательным отношением к моим планам, к моему желанию закрепиться на работе в Петербурге. Он поручил мне готовить рефераты по вопросам санитарного дела и гигиены из немецких, французских, швейцарских и других специальных санитарно-гигиенических журналов, составлять небольшие обзоры и извлечения из новых изданий по школьной гигиене, по социальному страхованию, по санитарному законодательству. Работа эта обеспечила мне заработок в 20–30 рублей в месяц. Это уже давало мне возможность оплатить комнату в Орловском переулке и, хотя и не очень регулярно, обедать в дешёвой столовой «Паштетная» в Гусевом переулке.

С увлечением и с большим интересом я прочитывал и осваивал издания, которые передавал мне Иван Андреевич для реферирования отмеченных им статей. Однако надо мной, как Дамоклов меч, висела обязанность явиться в Медицинский департамент для получения назначения куда-либо «по казённой линии» отбывать службу — полтора года за каждый год получения мною казённой стипендии в Дерптском университете в 1892–1895 гг. Иван Андреевич начал хлопотать, чтобы вместо состоявшегося уже тогда назначения меня на казённую службу на должность уездного врача в Новоград-Волынском, мне было бы разрешено служить в Санкт-Петербургском губернском земстве в должности санитарного врача по Новоладожскому уезду, где в то время свирепствовала эпидемия натуральной оспы и не прекращалась уже в течение двух-трёх лет эпидемия сыпного тифа.

Когда однажды в начале марта я зашёл к Ивану Андреевичу с очередной порцией рефератов, он предложил мне подготовиться к отъезду в Новую Ладугу на должность земского санитарного врача. Перспектива прервать

¹ Потресов (Старовер) Александр Николаевич (1869–1934) — член Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса; с 1900 — член редколлегии «Искры»; с 1903 — один из лидеров меньшевиков; после Октябрьской революции — в эмиграции.

² Дмитриев Иван Андреевич — видный деятель общественной медицины. Более 20 лет руководил санитарным отделом Петербургской губернской земской управы.

заполнившую меня без остатка петербургскую жизнь, уехать в глухой уезд для неведомой мне работы земского санитарного врача не могла меня обрадовать. Но Иван Андреевич настойчиво убеждал меня в том, чтобы я принял предлагаемое им мне место. Только этим я мог спасти себя от неизбежной необходимости в принудительном порядке отправиться на должность «казённого чиновника» — уездного врача. В то же время в земстве передо мною, говорил Иван Андреевич, откроется возможность вести полезную для населения работу вне бюрократических пут, проявлять общественный почин, знакомиться и изучать условия народной жизни. Не без горечи я видел правоту доводов Ивана Андреевича и понимал неизбежность принять его предложение. Много раз во всей моей жизни потом я чувствовал глубокую признательность, вспоминая терпеливые и настойчивые советы Ивана Андреевича вступить на путь общественно-санитарной деятельности в качестве земского санитарного врача.

Ещё более двух недель после этого я захлёбывался во всё более захлёстывавших меня волнах моей кратковременной петербургской жизни, готовясь в то же время к отъезду в Новую Ладугу. Я тщательно знакомился с трудами съездов земских врачей, с отчётами санитарных врачей и инструкциями для их деятельности. Старался запастись подходящей литературой, руководствами, материалами. Нужно было как-то решить вопрос о поездке в зимних условиях на лошадях за 150 вёрст от Петербурга. Задача эта была нелёгкая, т. к. у меня не было зимнего пальто. По полученным указаниям друзей я нашёл в одном из трактиров на Шлиссельбургском тракте возвращающегося в Новую Ладугу обратного извозчика с крытыми санями и в двадцатых числах марта пустился в путь-дорогу до Шлиссельбурга по тракту, а затем из устья Невы по прочному ещё льду старого канала Петра Первого. В первом же письме из Новой Ладуги я описывал впечатления от Шлиссельбургского тракта с его крупными заводами.

Возница мой оказался известным и единственным в Новой Ладогe извозчиком Алексеем, который в кругу своих немногочисленных городских клиентов известен был под наименованием «Ладожской газеты». Он был всегда до мелочей осведомлён обо всех событиях в городе и даже обо всех интимнейших происшествиях в жизни, правда, очень узкого круга уездного «общества»: исправника, председателя уездной управы, городского судьи, следователя и уездного врача. Чтобы быть в курсе всей городской жизни, утром, отправляясь в управу, председатель садился на дрожки к Алексею и коротко приглашал его: «Говори!» Алексей ровно в десять минут пути до управы делал полный обзор жизни, подробную новоладожскую хронику за истекшие сутки: кто у кого и до которого часа был, кто приехал или уехал и, конечно, все драматические, трагические и просто пикантные события скудной и убогой жизни затхлого чиновничьего захолустья.

Умудрённый местным жизненным опытом, Алексей был глубоким пессимистом и считал совершенно неизбежным для всякого нового человека в Новой Ладогe либо войти в круг этих местных вершителей судеб, делить с ними все вечера, ладить с ними, либо уезжать из города, ибо «всё равно иначе съедят». И Алексей привёл целый перечень молодых новых служащих, которых «съедали», т. е. выживали из Новой Ладуги. Мои откровен-

ные презрительные замечания, что я совсем не подхожу и не соответствую вкусам новолодожского болота и не нуждаюсь в обществе его заправил, а еду, чтобы работать, лично Алексею очень импонировали, нравились, но приводили его к бесповоротному заключению и прогнозу: «Ну, значит, к нам не надолго, съедят беспременно...»

В Новой Ладоге я прежде всего познакомился с моим предшественником по должности санитарным врачом Иличем. Резкий и горячий по темпераменту серб, он ввиду развития натуральной оспы и тяжести протекания её в старообрядческих посёлках (Немятое, Глярково и др.), требовал немедленного принятия решительных мер, вплоть до оцепления этих посёлков военным кордоном и принудительного поголовного оспопрививания. Его напугало появление многих случаев «чёрной» оспы, быстро заканчивавшихся смертью, и выводил из равновесия упорный отказ старообрядцев от прививки, из-за чего он предпочёл уйти с должности санитарного врача и остаться в Новой Ладоге вольнопрактикующим врачом. Илич горячо доказывал мне несбыточность и опасность моего плана временно самому поселиться в Немятом среди старообрядцев, лично организовать там помощь и уход за тяжёлыми оспенными больными, привлекая в качестве ухаживающего персонала подходящих лиц из местных женщин, уже перенесших раньше оспу, и попытаться добиться добровольного согласия на прививку вакцины всем, кто ещё оспой не болел. «Ничего из этого не выйдет, а коли будете там без охраны, добром для вас не кончится». Я и не пытался переубедить горячего, доброжелательно ко мне относившегося Илича.

Через день я побывал в Немятове во многих избах, познакомился с местными рыбаками, пораспросил, где бы мне можно было снять на время комнату. Затем, поселившись в одной семье, где как раз были больные оспой, я стал систематически обходить все дома, один за другим, настойчиво разъясняя, что никто не имеет права делать прививки против воли или тащить больных насильно в больницы, но если кто-нибудь сам попросит, я лично сделаю им прививку. Обойдя в течение нескольких дней все дома, познакомившись в длительных беседах с населением, я с большим удовлетворением мог убедиться, что в некоторых семьях родители склонны привить ещё уцелевших от натуральной оспы детей, но их останавливает боязнь неодобрения со стороны одной очень авторитетной среди старообрядцев начётчицы, пожилой почтенной женщины. Я отправился к ней, долго вёл с ней спор на богословские темы, разумеется в самом мирном тоне. На её твёрдое заявление, что «воспица» ходит от Господа Бога, я обратил её внимание на кощунственность такого мнения о Боге: не одни же болезни и беды от Бога, а всё — от Бога, следовательно, и средства против болезней тоже от Него. Долго вёл я благочестивые пререкания с нею, отвергая вздорные рассказы о «печати Антихриста». В конце концов, она с довольно благочестивым оттенком в голосе заявила: «Да уж, сказывали, что тебя не переспоришь!» Когда в одной из изб собралось несколько матерей, с которыми я вёл разговор об устройстве временной больнички для лучшего ухода за больными и, разумеется, и для большей изоляции больных от ещё не болевших оспой, пришла упомянутая выше «главная» у них начётчица и по моей просьбе подтвердила, что она не противится прививкам:

«Ну, да уж, прививай!». А что это не больно, я тут же показал на себе, сделав прививку самому себе.

Так в Немятове безо всякого шума я провёл намеченную программу мер против распространения натуральной оспы. Несколько больше времени и терпения потребовало проведение таких же мер в более отдалённом от Новой Ладogi староверческом крупном посёлке Низино, но и там, в конце концов, дело наладилось и в дальнейшем при обходе каждого дома удалось провести предохранительное оспопрививание.

Характерно, что когда на следующий год я был проездом в Низине и воспользовался случаем, чтобы обойти избы и привить вновь родившихся и тех, кто остался ещё не привитым, то возражений против вакцинации уже не было. «Прививай, ведь уже и в прошлом году прививал».

Под впечатлением оспенной эпидемии и проведённых против неё мер, которыми началась моя деятельность санитарного врача, я во всей моей дальнейшей работе уделял много внимания оспопрививанию, обучал прививкам фельдшеров и «сельских сестёр», и сам всегда производил поголовные ревакцинации в сельских школах всякий раз, когда делал санитарные обследования учебных заведений. Оспе была посвящена моя первая эпидемиологическая работа, напечатанная в 8-м номере «Вестника общественной гигиены» за 1897 г. Правильной постановке оспопрививания я уделил специальное внимание много позднее в «Очерках земского врача» («Санитарное дело» за 1913).

Мне кажется, что успехи мои в осуществлении широкого оспопрививания среди старообрядческого населения приладожских посёлков вытекали не только из моей искренней заинтересованности и убеждённости в пользе и необходимости этой меры, достигались не только тем, что я с увлечением, не утомляясь повторениями и внося много драматизма, рассказывал историю эпидемий натуральной оспы, о калечении ею людей, становившихся от оспы нередко слепыми, рассказывал историю открытия оспопрививания и борьбы за его признание и распространение, но, главным образом, моему успеху содействовало то, что я всегда непосредственно переживал горе и болезни других людей, как свои собственные. У меня не было, а потому и проявляться не могло, выделения себя над окружающими, ощущения, что это чужая беда людей, которые в чём-то по своим понятиям, по своим примитивным условиям ниже меня. Этого чувства у меня никогда, с самого раннего детства не было, я его просто не понимаю. Поэтому, мне кажется, мои настаивания, мои иногда горькие, а подчас и жёсткие упрёки и проповеднические призывы принимались людьми без обиды, без неприязни и озлобления, вытекающих обычно из естественного желания человека отстоять себя.

В связи с опасением повторения холерной эпидемии, очаги которой в Новоладожском уезде располагались вдоль водных путей сообщения, в местах скопления судорабочих, и распространялись особенно среди «погонщиков» по каналам, губернское земство поручило мне произвести санитарные осмотры мест погрузки и выгрузки дров, ночлегов погонщиков и вообще ознакомиться с санитарными условиями жизни рабочих на водных путях и особенно на приладожских каналах. После открытия навигации я объехал приладожские каналы. Систематически, путём осмотров и опросов, выяс-

нял и составлял описание жизни рабочих, санитарной обстановки на «гонках» (плотах), на баржах, а также выяснял число погонщиков, их возрастнополовой состав и места, откуда они приходят наниматься на работу.

Выяснялись исключительно тяжёлые, просто безотрадные условия их жизни: невероятная скученность в местах ночлегов, невыносимое, совершенно нетерпимое в санитарном отношении состояние грязных дворов и навесов для лошадей, тянувших баржи. Среди этих лошадей нередко были случаи падежа от сибирской язвы, среди погонщиков было немало заболеваний сыпным тифом. В самой Новой Ладоге я осмотрел не только постоянные дворы, где «приставали» погонщики, но и очень много дворов по окраинам города, где так же ютились и ночевали приезжавшие со своими лошадьми «на тягу» крестьяне из отдалённых волостей уезда. Рассматривая свой промысел погонщика, как временную, в их сознании, отлучку из дома, они мирились с какими угодно неудобствами и грязью в местах, во дворах и помещениях, где они «приставали»: ночевали в грязных надворных постройках без постельных принадлежностей и пр., довольствовались невероятно низким жизненным уровнем. Осмотры и обследования убогих условий их жизни и быта при отходе на летний промысел укрепляли во мне понимание, что улучшение в их обстановке может быть обеспечено только при условии роста у них сознания своего положения, повышения у них самих требований и запросов к своим хозяевам и к содержателям постоянных дворов. Но в качестве противоэпидемических мероприятий приходилось, во что бы то ни стало, добиваться хотя бы некоторого упорядочения санитарной обстановки.

Я послал в губернскую земскую управу, санитарным отделом которой ведал Иван Андреевич Дмитриев, подробный отчёт обо всех осмотрах мест скопления судорабочих, погонщиков, рабочих по сплаву дров и леса, проведённых мною в течение весны и лета, в котором указывал, что при существующих условиях никакие меры, вроде открытия на лето временных больничек, не могут предотвратить опасности развития эпидемий в местах скопления во время навигации и летнего сплава массы людей в таких исключительно тяжёлых условиях питания, ночлега и вообще быта. Нужно разработать план более широких санитарно-противоэпидемических мер по упорядочению условий сплава дров и леса и движения барж по каналам и рекам — Волхову, Сяси, Ояти, Паше и др. — в уезде.

Позднее, не без влияния настойчивой постановки вопроса об антисанитарных условиях на реках и каналах в Новолодожском уезде и вообще на водном транспорте И. А. Дмитриевым и М. С. Уваровым¹ перед Медицинским департаментом, была направлена специальная правительственная комиссия во главе с крупными представителями водного транспорта для проверки на месте обстановки и установления, действительно ли она даёт основание для тревоги насчёт эпидемической опасности. Я получил по телеграфу предписание из губернской управы сопровождать эту чиновную комиссию при её работе в моём санитарном округе.

¹ Уваров Михаил Семёнович — ученик Эрисмана, учёный-гигиенист, возглавлял санитарную службу Московской губернской земской управы.

Комиссия в составе десятка чиновных особ в мундирах совершала своё путешествие по приладожским каналам на великолепном пароходе «Озёрной» — с обширной кают-компанией, буфетом, столовой и всеми удобствами. В составе комиссии был, как её истинный вдохновитель, М. С. Уваров, умевший всегда держать себя авторитетно и достаточно независимо. По долгу службы врача при начальнике округа водных путей сообщения был в комиссии Фраткин, акушер по специальности. На пароходе господствовал дух субординации и чинопочитания. Исключение было допущено лишь в отношении меня. При всякой остановке парохода у пристаней, шлюзов или в местах производства работ я настойчиво добивался согласия почему-то очень ко мне благоволившего начальника этой экспедиции посмотреть лично, в составе всей комиссии, условия быта и труда погонщиков, выгрузчиков леса, плотчиков брёвен, связывавших брёвна в «гонки» (плоты) и т. д. Меня всякий раз поддерживал М. С. Уваров. Другие члены комиссии были люди «мундирные». На всё у них был ответ: «Как угодно Его Превосходительству».

Насколько я теперь вспоминаю, на председателя комиссии, так же, как и на М. С. Уварова, производило, как они об этом не раз говорили, большое впечатление то, что я, совсем ещё недавно назначенный земский санитарный врач, не имеющий отношения к водному транспорту и береговой его области, с такой деловой осведомлённостью докладываю обо всех подробностях условий быта, работы, отдыха и питания рабочих в данной отрасли хозяйства, сообщаю итоги цифровых обобщений, сведения из заборных книжек рабочих в лавках хозяев и пр. Особое же удивление их вызывало то, что при всякой стоянке в Новой Ладоге или в Сясьских Рядках у берегов Волхова, или на реке Паше я показывал, как уже хорошо мне известные, все закоулки и задние дворы с навесами и сараями для погонщиков, с харчевнями и постояльми дворами. Но ведь я всё это осматривал и обследовал в течение двух–трёх предшествующих месяцев не только по «долгу службы», а как человек, захваченный интересом к изучению развёртывающегося передо мною непосредственного примера эксплуатации рабочих. Между прочим, в связи с работой в составе комиссии в моей памяти сохранился один, казалось бы, совершенно посторонний эпизод.

По прибытии «Озёрного» в Новую Ладogu время до обеда было предоставлено для отдыха. Я вспомнил, что за несколько дней до этого, когда я уезжал для встречи парохода, из-за отсутствия в это время в городе больницы врача я был позван по поводу начавшихся родов к жене одного рыбака, немолодой женщине, очень болезненной на вид. У неё были очень слабые схватки, по временам совершенно прекращавшиеся. Теперь я забежал узнать о её положении. Оказалось, что уже три дня её состояние оставалось без изменений. У меня явилась мысль воспользоваться присутствием в составе комиссии доктора Фраткина, очень крупного и известного акушера, и просить его посмотреть роженицу. Но он в комиссии был подчинён начальнику, без ведома которого считал недопустимым отлучаться с «Озёрного». Тогда я обратился к начальнику, упирая на то, что дело идёт о жизни больной женщины, и получил разрешение для доктора Фраткина. При осмотре роженицы оказалось, что надежды на благополучные роды

без акушерской помощи очень мало. А в городе никого из врачей нет. Доктор Фраткин решил немедленно произвести операцию наложения высоких щипцов. Я тотчас же принёс из больницы акушерский набор и вызвал акушерку. Расширив оперативно шейку матки, доктор Фраткин при слабом наркозе с изумившей меня быстротой произвёл эту далеко не легкую операцию и извлёк живого младенца.

Мы вернулись на пароход ещё задолго до обеда. Как потом оказалось, вдогонку за доктором Фраткиным на судно пришёл муж этой женщины, счастливый отец первенца и принёс необычайной величины лосося. Невзирая на все попытки отказаться от этой оплаты, лосось был оставлен на пароходе и спешно приготовлен поваром к обеду. Поданный на огромном блюде, он стал «гвоздём» стола. Я рассказал о заслугах доктора, за которые в награду приплыл к нам на пароход лосось.

На время навигации на каналах в Новоладожском уезде открывались три небольших ведомственных больнички для судорабочих. Общее заведение ими было в руках государственного уездного врача. Для непосредственной работы в больницах приглашались обычно студенты четвёртого года обучения, с курсов лекарских помощниц. Это были молодые энтузиастки дела медицинской помощи, передовые, революционно настроенные представительницы женской молодёжи, боровшиеся за доступ женщин к медицинскому образованию. Работая в больничках для судорабочих, они стремились вести просветительскую работу среди обращавшихся за врачебной помощью судорабочих, плотовщиков и погонщиков, а также охотно, разумеется, без ведома уездного врача Плаксина, собирали всякого рода материалы о положении труда на водных путях, об обстановке и условиях жизни рабочих. Очень часто я прибегал к их помощи при проведении некоторых обследований и сборе материалов о заболеваемости рабочих. Они охотно давали мне сведения и сами нередко обращались ко мне за советами по поводу возникавших у них предположений об обследованиях санитарных условий быта или планов улучшения организации медицинской помощи на реках и каналах.

Больницы для судорабочих на канале Петра Первого в Новой Ладогe находились рядом с домом, в котором я сразу по приезде поселился у некоей Марии Андреевны. Здесь я прожил весь срок своего пребывания в городе. В мае или начале июня 1896 г., когда моё внимание было сосредоточено на заболеваниях натуральной оспой, меня позвала одна женщина посмотреть её тяжело больную оспой дочь. В то время в самой Ладогe, по данным врача городского участка, заболеваний оспой уже не числилось. В очень убогой обстановке, в комнате почти без мебели, на деревянной кровати лежала девочка лет десяти. Уже второй день она не могла говорить. Оспенная сыпь на всём теле и, особенно на лице, слилась и налилась кровью. Больная трудно дышала. Я попытался осторожно очистить ей полость рта и нос от запекшейся крови. Слизистая глотки от сыпки была отёчна и кровоточила. Это был уже не первый случай «чёрной» геморрагической оспы, который я видел в эту эпидемию. Все случаи описаны мною в статье «К эпидемиологии натуральной оспы», напечатанной в «Вестнике общественной гигиены» (№ 8 за 1897 г.). Я был убеждён, что больная уже нахо-

дится в бессознательном состоянии от асфиксии и старался утешить мать, горько страдавшую при виде умирающей дочери. Девочка повернула своё лицо к матери и перекрестилась. Осторожно очистив рот больной пальцем, я затем случайно слегка оцарапал его занозой в изголовье кровати. Придя домой, я промыл царапину карболовым раствором. Через несколько дней я должен был уехать в одну из дальних волостей и пробыл там, занятый санитарными осмотрами, два-три дня. На возвратном пути я заболел. Поднялась сильная головная боль, жар. Приехав домой, я слёг. Позванный врач заявил, что пока сказать что-либо определённое о моей болезни нельзя. Тревожно было, что заболевание началось как раз на 11–12-й день после моего посещения больной девочки, которая вскоре умерла. На второй и третий день температура у меня поднялась выше 40 градусов, я впал в забытие. Когда дня через два пришёл в сознание, у моего изголовья сидела одна из лекарских помощниц из больницы для судорабочих, В. Г. Косарева. От неё я узнал, что у меня был участковый врач, когда вечером накануне появилась густая точечная сыпь, и признал заболевание натуральной оспой. Но к утру вся сыпь побледнела и исчезла. Для меня было несомненным, что у меня было abortивное заболевание натуральной оспой, сорванное действием прививок, которые я делал себе несколько раз, пока имел дело с оспенными больными.

Глубокой признательностью был я проникнут к лекарской помощнице, продежурившей около меня неотлучно два или три дня, пока я не пришёл в сознание. С этого началось моё знакомство со студентками, работавшими в больницах для судорабочих.

В то же лето 1896 г. я заинтересовался обследованием положения рабочих на плитных ломках, расположенных на берегах Волхова от Старой Ладуги до Дубровки. Эта работа была отражена в моём докладе на губернском съезде врачей, а затем и в статьях, напечатанных в журналах «Новое слово» и «Жизнь»¹. Основная занимавшая меня мысль, вытекавшая из наблюдений над плитоломами, выражена в одном из положений моего доклада: «Если машина при капитализме обращает рабочего в придаток к машине, то отсутствие машин обращает в машину самого рабочего».

Немало лет прошло с тех пор, как ездил я по берегам Волхова, как ходил по крутым спускам, обследуя условия работы, труда и отдыха, быта плитоломов. Я вымерял «очисты» и вынутую плиту. Рассчитывал в кубометрах и тоннах огромные массы передвинутых мышечными усилиями плитоломов тяжестей, поднятых на 10–15 метров со дна скрытых «очистей» на высоту уступов, где складывалась плита или производились отвалы «фризы» и земли. Я старался составить себе хоть в самом грубом приближении представление о некоторой части затрачиваемой людьми энергии на этот титанический сизифов труд, чтобы выяснить, какое количество калорий должно было усваиваться и сколько фактически усваивалось плитоломами из их ежедневного пищевого пайка. При полном отсутствии механизмов, приво-

¹ Литературно-политические журналы сначала либерально-народнического направления, а с 1897–1898 — органы «легальных марксистов». В них печатались также Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, сотрудничал М. Горький.

димых в движение за счёт использования природных источников энергии, единственным источником энергии была та часть переваренной и усвоенной пищи, которая затрачивалась плитоломами на мышечную работу. Переварить эту пищу, выработать из неё поражавшие своими размерами количества живой энергии для совершения чисто механической работы — это была существенная часть производственной техники в плиточном промысле. Но было также ясно, что рабочие служат своему хозяину-нанимателю не только тогда, когда они принимают пищу в обед и ужин, но и когда усваивают её в часы отдыха и сна. Я и сформулировал это в выводных положениях своего очерка «Санитарно-экономическое положение плитоломов»: плитолом работает на своего хозяина и тогда, когда он спит или отдыхает. Отсутствие машин в плиточном промысле принижает рабочего до состояния простого механизма для выработки нужной хозяину промысла механической энергии.

Рядом, непосредственно мимо «очистей» и плитных ломок с гулом и грохотом проносились и бились в Волховских порогах неисчислимые количества необходимой энергии, которую человек мог бы покорить себе силой своего ума и тем освободить себя от рабского приниженного положения, а свои силы направить на высшее проявление человеческой мысли, культуры, науки. Тогда же обо всём увиденном я писал: «На расстоянии нескольких вёрст тянутся целые горы выломанного плитняка, их гребни поднимаются на 10 сажен, за ними виднеются горы вывезенной из «очистей» земли. И вся эта гигантская работа совершена не титанами, не механизмами, а мускульной силой рабочих. Издали доносится гул бьющегося в порогах, низвергающегося с них Волхова. Мощно и стремительно несётся он у самых ломок, но вся эта вольно и бесплодно уносящаяся энергия падающей воды не покорена ещё человеком, не поступила ещё к нему на службу, не выполняет за него всей его тяжёлой, чёрной, грубо механической работы, выпадающей здесь на долю рабочих, выполняемой ими примитивными орудиями».

Только после Октябрьской революции сбылись тогдашние мои мечты. Когда я сейчас пишу эти строки, нередко передо мной встают картины прежнего Волхова в его порожистой части — от Михаила Архангела и Званки вниз на 10–20 километров. Здесь Волхов пересекает мощные, многометровой толщины, слои девонской плиты. У самого уреза воды по узкому бечевнику плелись длинной цепью, одна за другой, впряжённые в лямки и хомуты лошади. Они тянули вверх, против бурного течения, мелкие суда паузки. Баржи ходили из Старой или Новой Ладоги до Ильи Пророка. Здесь кладь с них перегружалась на небольшие, легко управляемые паузки. Опытный лоцман проводил, лавируя между камнями, такую посудину через пороги. Её тянули лошади за верёвки, отходившие от толстого каната, привязанного к паузку. Каждая из верёвок оканчивалась хомутом. Паузки тянули десятки лошадей, погонщики не шли за ними по узкой тропинке бечевника, а сидели верхом. Вернее сказать, не погонщики, а погонщицы, ибо это всегда были молодые девушки — отважные, привыкшие к строгой дисциплине, к опасности и риску, девушки-амазонки. Каждая была вооружена острым ножом. Напрягая все силы, лошади преодолевали напор быстро несущейся воды. Медленно, под крики погонщиц и гул волн, продвигался

вверх по течению между порогами паузок. Не всегда дело оканчивалось благополучно. Паузок мог попасть в слишком быстрый поток, непреодолимый для силы десятка или двух-трёх десятков лошадей. Их погоняют, побуждают... Ещё минута, другая — и паузок преодолет поток, выйдет из смертельной опасности, но вот напор воды пересиливает, лошади начинают подаваться назад, ещё миг — и их втянет в воду, паузок понесётся вниз, его разобьёт в щепки, погибнут и все кони. Погонщицам нужно спастись самим и спасти лошадей. Если в такой момент хотя бы одна лошадь выбыла из строя, то и все остальные подверглись бы смертельной опасности быть втянутыми в кручу порогов. Нужно освободить лошадей от лямок, всех до одной одновременно, повинуясь мгновенно команде атамана. Раздаётся условная команда, и ножи всех амазонок-погонщиц, длинной лентой растянувшихся по линии бечевника, с силой, с размаху перерубают все верёвки сразу. Лошади освобождаются, они, как и погонщицы, спасены. Гибнет лоцман, в щепки разбивается паузок и на многие километры вниз по реке разметает по воде кладь, бывшую в нём. Товары подбирали и ловили далеко от места аварии.

Такие несчастия случались не каждый месяц и не каждый год, но они всегда угрожали погонщикам и лоцманам. Это не останавливало их повседневной трудовой жизни... И когда я вспоминаю свои объезды и обходы плитных ломок, перед моим взором встают картины берегового бечевника с вереницами смелых амазонок-погонщиц, рисковавших каждую минуту своей жизнью для обогащения гостинопольских купцов, потомков новгородских богатых «гостей», каким был Садко.

После Октябрьской революции самая первая гидроэлектростанция была сооружена именно на Волхове. Это отбросило в область воспоминаний все описанные мною картины нерационального использования человеческого труда. Силы природы были поставлены на службу человеку. Разрушительная энергия, бывшая в порогах Волхова, служит теперь для приведения в движение сотен тысяч станков и машин, позволяет населению передвигаться на трамваях, троллейбусах и в электропоездах, пользоваться электричеством. А благодаря шлюзам созданы условия для безопасного судоходства.

В связи с обследованием условий жизни различных рабочих на берегах Волхова и в Старой Ладогe я столкнулся с проблемой условий и отдыха их в праздничные дни. Абсолютно никаких намёков на учреждения для развлечения или увеселений рабочих не было. Плитоломы после изнурительного тяжёлого труда «от зари до зари» в праздничные дни либо спали, либо, гораздо чаще, целый день чинили свою обувь и рукавицы, которые так быстро протирались и рвались в каменоломнях. Без рукавиц же стиралась кожа на ладонях. От тяжёлой работы изнашивалась не только одежда, но и живые ткани организма — мышцы и кожа. Нужно было не только постоянно чинить и подшивать брюки и рубашки, но и переваривать и усваивать большие количества пищи (белков и жиров) для восстановления живой ткани организма, его мышц и кожного покрова.

Единственным удовольствием было потребление водки, но и это проходило в крайне первобытной обстановке: не было даже помещений, где

люди могли бы встречаться, развлекаться игрой или какими-либо ещё формами организованного общения. Взятая из казённых винных лавок водка выпивалась тут же, где-нибудь у забора, прямо из бутылки, стоя. Опьянев, бедолаги оставались лежать на берегу.

Разумеется, по условиям полицейского режима не могло быть и речи об организации какого-либо клуба для рабочих или для общественных кружков. В этих условиях и пришла мысль воспользоваться казённым «комитетом трезвости», который, по крайней мере на бумаге, должен был существовать под главенством исправника и других чиновников, как некоторый фиговый листок для прикрытия политики опаивания народа «казёнками». Исправник и земский начальник очень охотно разрешили мне под вывеской «комитета трезвости» устраивать народные гулянья подле Старой Ладogi. Пользуясь помощью учащейся молодёжи, приехавшей на лето к родителям, мне удалось организовать вокальные выступления солистов и хора, наладить подвижные игры. Сам я каждое воскресенье на этих гуляньях выступал с публичными лекциями-беседами на санитарные темы: о мерах предупреждения некоторых болезней, о значении улучшения и оздоровления условий быта, о здоровом отдыхе. Разумеется, исправник имел за всем наблюдение. На гулянья для рабочих всегда командировался им пристав или урядник.

Гулянья эти имели значительный успех у рабочих. Иногда удавалось на одно-два воскресенья достать «панораму», устроить бенгальские огни, пустить ракеты. Всё это делала молодёжь — находящиеся в окрестностях на отдыхе учащиеся старших классов гимназий и два-три молоденьких студента, которые выступали и солистами. Однако я не имел возможности отдавать слишком много времени этому полезному начинанию, а без настойчивого содействия, без постоянных просьб и напоминаний дело не двигалось. В августе, с отъездом юных добровольцев из учащейся молодёжи, дело совсем заглохло.

Значительную помощь в проведении некоторых санитарных мероприятий и обследований оказывали ещё кое-где оставшиеся в уезде со времени холеры 1893–1894 гг. санитарные попечители.

Особенно деятельную помощь оказывала при моих санитарных осмотрах в Гостинополье, где были большие скопления судорабочих, Елизавета Михеевна, широко известная в Новоладожском уезде под именем «тёти Лизы». Пожилая женщина, ведущая самостоятельно своё хозяйство, она была умелым и авторитетным местным общественным деятелем, любила свой посад Гостинополье, много работала и способствовала его благоустройству. «Посадский сход» выбрал её в 1897 г. «посадским головой». Губернатор отменил эти выборы, т. к. женщина не могла быть «головой». Но практически она правила посадом, т. к. сход отказался выбирать другое лицо. Это была настоящая «Марфа Посадница».

Ладожский период моей жизни помимо поглощавшей меня общественно-санитарной и начавшейся систематической научно-литературной работы в журналах «Научное обозрение», «Общественно-санитарное обозрение», «Вестник общественной медицины и гигиены» и в «Земских сборниках» в моей памяти тесно связан с заботами об образовании и вос-

питании моей младшей сестры Евгении¹. Трудное материальное положение вынудило отца отказаться от мысли дать ей гимназическое образование. Она оставалась на хуторе, с родителями. Мысль об этом служила для меня предметом постоянного беспокойства. Впрочем, лучше всего эта сторона моей жизни видна из следующих страниц воспоминаний моей сестры:

«Мой брат Захар начал со мной заниматься ещё с 1892 года. Каждое лето, приезжая домой на вакации, он систематически проходил со мной гимназический курс. Но помимо занятий он уделял много времени беседам со мною на разные темы. Когда он приезжал летом, мы с ним работали в отцовском фруктовом саду и это положило основание моему увлечению естественными науками, — сперва собиранием гербария и определением растений, а затем и вообще изучением окружающей природы. В этом отношении огромное влияние имел на меня Писарев, впервые с увлечением прочитанный в 1895 г. Всё виденное служило нам темами продолжительных бесед. Постепенно, год за годом, рамки наших занятий расширялись; зимой шла та же работа, но только заочно. О ней можно судить по сохранившимся у меня письмам брата Захара. Я писала ему аккуратно каждую неделю — подробный отчёт о том, что я делала, что читала, о чём думала. И надо удивляться тому бесконечному терпению, с которым он не только читал мои ребяческие письма, но и подробнейшим образом отвечал на них. В те далёкие времена, благодаря тяжёлому гнёту самодержавия, душившему всякое проявление стремления к свободе в украинском народе, невольно первый естественный протест против гнёта был окрашен довольно ярко в национальный цвет...

...Захар привёз мне из Киева несколько украинских книжек. Читал мне стихотворения Леси Украинки. Особенно врезалась мне в память украинская колыбельная песня Галицкой Украины, где говорится в обращении к ребёнку: «Будеш цілий вік як той чорний віл, у ярмі та в неволі...» Этого было достаточно, чтобы в моей юной душе запылал целый пожар ненависти к угнетателям «вильной Украины» — самодержавным панам. И Захар давал правильный путь моему негодованию, указывая, что «паны» всех национальностей одинаково угнетают народ... Он очень любил украинский костюм, и я всё лето одевалась так же, как все наши «дивчата» на селе.

В 1895 г. зимой я получила от Захара в подарок две только что появившиеся на русском языке книжки: «Происхождение семьи...» Энгельса и «Очерки и этюды» Каутского. Надпись гласила: «Дорогой Женечке для прилежного изучения». И я действительно много раз прочла эти книжки. Они сразу расширили мой умственный горизонт и пробудили глубокую жажду знания. Около этого же времени он прислал мне несколько номеров

¹ Евгения Григорьевна Френкель (по мужу Левицкая) (1880–1961) — с 1903 вместе с мужем Константином Осиповичем примкнула к большевикам. В 1918–1919 работала в Библиотечном отделе ЦК РКП(б). В 1926–1929 — зав. отделом издательства «Московский рабочий». С 1929 заведовала библиотекой МК партии — до 1939, когда, после ареста и казни её зятя И. Т. Клейменова, одного из первых разработчиков реактивного оружия, была отправлена на пенсию. Подробнее о её жизни, работе и дружбе с М. А. Шолоховым см.: Приложение № 5.

«Орловского вестника» с напечатанной статьёй К. Левицкого «Ремесленник и пролетарий». Мне статьи очень понравились, и я в письме к брату так сформулировала своё настроение по поводу неё: «Как бы я хотела много знать, чтобы понимать, что делается на свете!» Это письмо я, уже будучи женой Константина Осиповича Левицкого, случайно нашла в его бумагах... Чтобы доставить удовлетворение молодому автору, Захар дал ему это письмо, а он его сохранил.

...Мне шёл шестнадцатый год, и передо мной вставал вопрос, что же я буду делать дальше? Ясно, что, живя на хуторе, я учиться не смогу, а потому надо во что бы то ни стало уехать. Конечно, первый проект был — уехать в Дерпт к Захару. Но где же взять денег? Захар жил на 25 рублей, которые он получал в качестве стипендии. На эти деньги вдвоём не проживёшь... В 1896 г. Захар окончил университет и занял место санитарного врача в Ладогской Петербургской губернии. Как только он устроился на новом месте, то начал настойчиво звать меня к себе, обещая помочь подготовиться к выпускному гимназическому экзамену. Мои старики и слушать не хотели о моём отъезде. «Как ты поедешь одна?» — с ужасом говорила мама, которая уже много лет дальше нашего уездного города никуда не ездила... А отец категорически заявил, что не даст паспорта. Не менее категорически я ответила, что поеду... Две недели не говорил со мною мой строгий «батько», как мы его называли... И сдался. Подавая мне новенькую паспортную книжку, он примиряюще сказал: «Ну, что ж, хочешь делать по-своему, — делай!» Мы помирились, и я начала поспешно готовиться в дорогу. Моя мама проливала потоки слёз, готовя мне незатейливое «приданое» в дорогу. А я ног не чуяла от радости, что, наконец, моя заветная мечта исполнилась и я еду к Захару.

Жутко казалось ехать одной, ведь до 16 лет я безвыездно жила на хуторе, среди полей и садов «благословенной» Украины. Пугливо озиралась я на людей, с которыми столкнулась в пути, но любопытство мышонка, попавшего на волю, брало верх, и к концу путешествия я уже с жаром излагала «свои взгляды», главным образом из Писарева, какому-то молоденькому студенту, с которым мы так славно пели под стук колёс наши грустные украинские песни на площадке вагона... Вот и станция Волхов, где по уговору должен был встречать меня Захар. Крепко обнялись мы с ним, отныне он заменял мне и родных, и наш милый хутор, о которых я не раз потихоньку всплакнула дорогой.

Пересели мы на пароход, и я с восторгом смотрела на невиданную мною великолепную панораму: высокие каменистые берега, поросшие густым лесом; шумящие, покрытые белой пеной пороги, луга с яркими весенними цветами. Был май и кругом всё зеленело, цвело и благоухало. Я с наслаждением вдыхала чудесный лесной воздух, полный одуряющих ароматов цветов и трав...

Моя жизнь в Ладогской губернии продолжалась до февраля 1898 года.

...Наш скромный домик, весь закрытый старыми развесистыми липами, окнами выходил на старый Петровский канал, за которым расстились бесконечные болота со сверкающими кое-где озёрами, так называемыми «перемычками», покрытыми кочками и поросшие мелким ивняком, голу-

бикой, брусникой и клюквой. Светлыми майскими вечерами мы с Захаром уходили в лес за ландышами или на его маленькой лёгкой лодочке уезжали за Волхов, туда, где шумела лесопилка, и откуда тянуло запахом свежих смолистых досок. И, возвратившись после прогулки, ещё долго сидели у окна, замороженные волшебным светом белой ночи, струившимся точно матовое серебро, под трели бесчисленных соловьёв, заливавшихся в кустах за каналом. Но самым большим моим удовольствием было катанье в бурю по Ладожскому озеру, такому мрачному и сердитому. Когда маленький тихий городок скрывался из глаз, а кругом, кипя и бурля, поднимались и опускались громадные волны с белыми гребнями, и наша лодка, распустив, как птица, белые паруса, мчалась вперёд, — каким восторгом наполнялась душа и как не хотелось снова возвращаться в прозаическую обстановку захолустного провинциального городка...

С Захаром мы были почти неразлучны. Он делился со мной своими впечатлениями от поездок по деревням, по фабрикам и заводам, где он старался всячески улучшить санитарные условия жизни рабочих, читал мне свои доклады и статьи, которые я, его неизменный секретарь, всегда переписывала. Вначале провинциальная публика как-то даже не верила, что мы — брат и сестра. Слишком необычной казалась им наша горячая привязанность друг к другу. Мы прекрасно уживались, несмотря на различие наших характеров, хотя за мою «дикость» и резкость, и злой язычок мне частенько приходилось выслушивать от него строгие нотации. Беседы с ним и его указания книг для чтения бесповоротно определили мои симпатии. И уже к концу первого года моей жизни в Ладогe я была хотя и не очень сведущей, но, тем не менее, убеждённой и горячей «марксисткой». Прочитанная книга Бельтова (Плеханова) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», философская сторона которой в те времена, конечно, совершенно ускользнула от меня, раскрыла передо мной такие перспективы, что у меня, что называется, дух захватило... Правда, Захар находил, что надо предварительно изучить историю и вообще накопить фактический материал, но я не могла строго следовать его советам и рядом с Ключевским и другим «материалом» поглощала, хотя и не совсем усвояемые, но такие увлекательные книги, как Бельтова и статьи из «Нового слова».

Одновременно я готовилась под руководством Захара к экзамену за семь классов гимназии. Скучно было зубрить катехизис или богослужение. Не менее тоскливо втискивать историю Ключевского в рамки гимназических «возможностей», но я всё это мужественно преодолевала, видя перед собой заветную цель — поступление на Высшие женские курсы.

Летом в больничку для судорабочих рядом с нашим домом приехала на практику курсистка-рождественка. Я быстро познакомилась и подружилась с ней. У неё часто гостили подруги-курсистки из Питера. Они относились ко мне с ласковой снисходительностью старших сестёр, а я тянулась к ним, как к первым людям из того мира, куда я так стремилась. Часто мы проводили целые часы, сидя на крыльчке при свете непотухающей зари. Они рассказывали о петербургской жизни, а я строила планы своей будущей деятельности, делилась впечатлениями от прочитанных книг и своими новыми мыслями...

Летом 1896 г. приехал работать в Ладожский уезд в качестве ветеринарного врача один из близких друзей Захара по Дерпту Владимир Николаевич Малянтович. Со свойственной мне общительностью я очень быстро установила с ним хорошие дружеские отношения и во многом была с ним даже более откровенна, чем с братом Захаром, который был слишком строг и ригористичен, а Владимир Николаевич и сам был не прочь посмеяться и подшутиться. На меня он смотрел как на младшую сестрёнку, часто журия меня за “резкость, дикость и прямолинейность”, — эти смертные грехи моей юности. Он жил верстах в 30-ти от Ладоги в старой заброшенной усадьбе на берегу быстрой, порожистой реки Сяси. Дом был старый, деревянный — “дом с мезонином” — и с верхнего балкона открывался великолепный вид на реку, на дремучий лес по берегам, на весёлые полянки с массой цветов и на мрачные плитные ломки, таким грубым пятном выделявшиеся на молодой зелени лесов и лугов. И я с удовольствием проводила время у него, наводила порядок в старом доме, собирала окаменелости на плитных ломках и возвращалась домой с целыми охапками разнообразных цветов, которыми всегда увлекалась сверх меры.

Этим же летом приезжал к нам погостить и другой приятель Захара — Виргилий Леонович Шанцер, о котором я много слышала от брата и Владимира Николаевича. Этот был с виду очень “сурьезный”, и я немного побаивалась его, но, присмотревшись, увидела, что это только одна видимость, а на деле “знаменитый” Виржиль — тоже простой и хороший парень. И на другой день мы с ним уже шагали по лесу, дружески разговаривая и собирая цветы и грибы. Впрочем, собирала только я, ибо Виргилий по близорукости мог собирать только яркие, красные мухоморы и очень огорчился, когда я отказывалась присоединить к своей добыче его “красивые” грибы...

А поздней осенью приехал и третий друг Захара — Константин Осипович Левицкий. Имя «Костика» часто упоминалось в беседах Захара с друзьями. Кроме того, я читала статьи Левицкого в “Орловском вестнике” — провинциальной марксистской газете 1896 года. Понятно, с каким интересом ждала я его приезда. И он сразу завоевал все мои симпатии. Спокойное лицо, ласковые голубые глаза, волнистые кудри, даже его украинская «сивая» шапка как-то удивительно гармонировала с моим представлением о нем, которое составилось под впечатлением рассказов его друзей. Я даже присмирела в его присутствии. Я так привыкла говорить всем откровенные дерзости, смеяться и подтрунивать над всеми. За мою молодость, беззаботность и ребяческое оживление, которое я вносила своим шестнадцатилетним задором в серьёзный мужской мир, окружавший брата, мне всё прощалось... Но с “Костиком” я как-то не могла взять свой обычный тон, и мы чинно сидели за столом, пили чай и вели разговоры о прочитанных книгах, о моих занятиях и планах на будущее... Потом мы с Захаром поехали провожать его в Питер. Я впервые попала в столицу. Захар занимался служебными делами, а мы с Костиком, как я мысленно уже называла его, осматривали город, ходили по музеям и в театр, гуляли. И неделя, проведённая с ним вместе, создала какую-то невидимую связь между нами...

Ярким воспоминанием осталась в моей памяти старая рюриковская крепость на берегу Волхова... Огромная, полуразвалившаяся, с толсты-

ми стенами, с окнами-бойницами и с башнями по углам, — она царила над всею окрестностью, возвышаясь на высоком берегу реки. В шёпоте трав и зелёных кустарников, покрывавших её старые стены, в шуме волн, разбивавшихся о крутой берег, чудились поэтические сказки и легенды о былых боях, о полудиких славянах, скользивших в своих лёгких челнах по широкой реке, о их покорителях-варягах... Но, заглушая рокот волн, проносится чёрный, закопчённый пароход и своим резким свистом нарушает очарование старой крепости...». (Из «Тетради воспоминаний» Е. Г. Левицкой)

Одним из крупных событий в это время была для меня поездка в Москву в августе 1897 г. на Международный медицинский съезд. В Москве я не был с февраля 1890 г., когда прямо из Бутырской тюрьмы был выслан в сопровождении жандарма с пакетом, на котором значилось: «Черниговскому губернатору, с приложением студента Зах. Григ. Френкеля». С тех пор Москва сильно изменилась. Она предстала передо мною, залитая лучами августовского солнца. Огромные просторы Манежа против здания университета, того самого Манежа, из которого нас провели под конвоем казаков в Бутырскую тюрьму, теперь были местом записи на съезд, получения членских билетов и программ общих собраний и секций. Здесь толпились не сотни, а тысячи врачей, съехавшихся на съезд из разных концов мира и всех городов и губерний нашей родины.

Ещё в пути из Петербурга в Москву, в вагоне поезда, я познакомился с таким известным учёным, как Жак Бортильон из Парижа и профессор Эрб¹ из Праги. Я случайно оказался с ними в одном купе. Оба они совсем не владели русским языком, и я помогал им в качестве переводчика, а заодно слушал оживлённый рассказ Бортильона-младшего о его плане добиться единой для всех стран номенклатуры и классификации причин смерти, без которых невозможно научно определить санитарное состояние каждой отдельной страны. Без сравнения нельзя правильно оценить значение статистических санитарных показателей, а сравнение невозможно без единой, одинаковой классификации причин смерти.

Большой торжественностью было обставлено открытие съезда в Большом театре. После большого числа приветственных речей с огромным вниманием был заслушан замечательный доклад И. И. Мечникова о завоеваниях медицинской и биологической науки в борьбе с наиболее страшными бичами человечества — с эпидемиями чумы и холеры. Доклад Мечникова² звучал как гимн науке, которая одна оказалась способна путём прививок и сывороток освободить человечество от таких болезней, от которых бессилен был освободить его естественный отбор на протяжении десятков тысяч лет.

¹ Эрб Вильгельм (1840–1921) — немецкий врач, один из основоположников невропатологии.

² Мечников Илья Ильич (1845–1916) — выдающийся русский биолог и патолог, один из основоположников сравнительной патологии, эволюционной эмбриологии, иммунологии. С 1888 — в Пастеровском институте (Париж), лауреат Нобелевской премии.

Моё внимание было сосредоточено в секции гигиены на докладах Гюппе и Гертнера¹ по гигиене воды, Буйвида — по дезинфекции, Жбанкова² — о состоянии и основах земской медицины и др. Для иностранных гигиенистов были устроены экскурсии по Москве и Московской губернии для ознакомления с санитарно-гигиеническими учреждениями и устройствами. Мне было поручено сопровождать группу, в которой были французские, немецкие и английские профессора гигиены, в Мытищи — для осмотра водопровода и ряда земских больниц. В Мытищах московский городской голова предложил гостям завтрак. Вместо шампанского в бокалах была налита мытищинская ключевая вода. Городской голова провозгласил тост за процветание и развитие гигиенических наук. С огромным интересом осматривали зарубежные учёные земские участковые больницы, которые в статье Ф. Ф. Эрисмана³, вышедшей перед съездом, были названы главным каналом проведения в массы населения гигиенических знаний. Для зарубежных светил было полной неожиданностью оснащение сельских больниц такими санитарными устройствами, как канализация и поля орошения. Показывая ряд сельских больниц группе немецких учёных, я сам получил огромное удовлетворение от знакомства с лучшими больницами Московского земства.

Между заседаниями были организованы встречи земских врачей с приезжими санитарными врачами, гигиенистами. На эти встречи приходил и И. И. Мечников. Мне участие в заседаниях гигиенической секции, поездки для санитарных осмотров, знакомство и общение со многими врачами и учёными с гигиенических кафедр дали очень много.

В январе 1897 г. я принял деятельное участие в подготовке и проведении первой народной всероссийской переписи в Новоладожском уезде: участвовал в подборе счётчиков, в проработке переписных формуляров и инструкций, в проверке результатов переписи и в общих ориентировочных подсчётах и сводках. Вся эта работа служила для меня очень ценной практической школой освоения техники народных переписей и возможных методов использования материалов переписи для санитарно-гигиенических исследований и обобщений. Появилась возможность составить ориентировочные данные о количестве населения по волостям и по некоторым населённым пунктам с распределением по полу с выделением детского возраста. Эти данные, между прочим, были мною положены в основу составления картограммы распространения сифилиса по отдельным волостям и населённым пунктам уезда.

Поражённость населения сифилисом в некоторых волостях — например, в Шахновской, откуда особенно много работников уходило на лет-

¹ Гюппе Ф. — микробиолог из Праги, профессор; Август Гертнер, профессор Йенского университета — исследователи состава питьевой воды.

² Жбанков Дмитрий Николаевич — известный врач, деятель земской медицины, эпидемиолог и статистик.

³ Эрисман Фёдор Фёдорович (швейцарец Гюльдрейх Фридрих) (1842–1915) — профессор Московского университета, основоположник научной гигиены в России. В 1896 был уволен из университета по политическим мотивам. Член Социал-демократической партии Швейцарии.

ние заработка, была исключительно велика. Порой возникало впечатление о поголовной поражённости населения этой болезнью. Проявления её из-за отсутствия систематического противосифилитического лечения носили исключительно тяжёлый характер. Всё население, даже в самых глухих деревнях Шахновской или Субботинской волостей знало, что облегчение может наступить при приёме иодистых препаратов. Поэтому если даже ночью приходилось проезжать по многим сёлам, то из домов выходили люди и убедительно просили дать им «иодовой соли». Достать иодистый калий в Новолодожской аптеке было невозможно. Его не было обычно не только на фельдшерских пунктах, но и в земских лечебницах, где запасы иодистого калия быстро истощались.

Но было совершенно невозможно отказать людям в просьбах дать «иодовую соль», когда приходилось приезжать для санитарного обследования, для осмотра школ и т. д. Насколько удавалось, я приобретал иодистый калий в петербургских аптеках и аптечных складах, развешивал его пакетами по 4 грамма и давал для растворения порошка на бутылку воды и приёма по три–четыре ложки в день. Впрочем, не было никакой надобности объяснять, как принимать иодистый калий — все хорошо это знали. Вспоминаю поразивший меня случай целой эпидемии свежего сифилиса. Я получил от участкового врача сообщение, что по полученным им карточкам фельдшерского извещения в одной небольшой деревне — всего в 17 дворов — Шумской волости развилась эпидемия натуральной оспы. Налицо имелось семь или девять больных. Но в то время оспы в уезде уже не было. Я поехал по последнему санному пути (это было в 1897 г.). Обследовав больных, я убедился, что никакой оспы нет и в помине. Эскулап из ротных фельдшеров за оспенную сыпь (!) принял свежую популёзную сифилитическую сыпь. Обойдя все дворы этой глухой заброшенной деревни, я нашёл более двадцати заболевших свежим сифилисом. Оказалось, в октябре, после навигации, вернулся в деревню один отец семейства, проживший несколько месяцев на стоянке судна в Петербурге, где он и заразился сифилисом. В январе уже вся его семья была с явлениями болезни: мокнущие папулы на губах и пр. А в феврале–марте заболевание перешло к соседям. Удручающая картина целого эпидемического очага бытового сифилиса! У меня остался на всю жизнь неизгладимый ужас от такой беззащитности населения вследствие полного отсутствия близкой осведомлённой медицинской помощи. Даже ротный фельдшер, признавший сифилис за оспу, заехал в деревеньку только случайно со своего пункта, отстоявшего от неё на 10–12 километров.

Естественно, у меня всё более крепло убеждение в необходимости для меня, как санитарного врача, настаивать на развитии сети приближенных к населению, надлежаще организованных земских участковых больниц, нормальной сети сельских лечебниц. Я с большим сочувствием отнёсся к идее одного из старых земских врачей, работавшего в Гостинополе (где теперь находится Волховская гидроэлектростанция) — Петровского об организации специальной школы — курсов для подготовки из молодых сельских девушек медицинских сестёр и санитарок. В случае эпидемических заболеваний это позволило бы найти на месте подготовленный персонал для ухода за больными во временных инфекционных больницах. Кроме того, и

в обычное время в деревнях были бы сёстры, которые помогали бы участковым врачам в их санитарно-просветительской работе, способствовали бы более своевременному извещению о подозрительных заболеваниях.

Опыт устройства такой школы — общины сельских сестёр-санитарок был осуществлён при содействии очень интеллигентного священника в селе Покровском в восьми километрах от Ладоги. Было принято 10–12 девушек, которые обучались уходу за больными в Новолодожской больнице, а занятия по освоению необходимых знаний о строении и отправлениях организма, о болезнях вообще и специальных болезнях в особенности проводили с ними врачи-добровольцы в общежитии, устроенном для них в Покровском. В зиму 1897–1898 гг. занятия в этой общине систематически вёл и я. Несколько девушек, прошедших двухлетнюю подготовку, получили свидетельства на звание «сельских сестёр-санитарок». Это был первый опыт моей преподавательской работы.

Хочется вспомнить и о моих школьно-санитарных осмотрах. С возобновлением после летних каникул занятий в сельских школах осенью 1896 г. мне казалось неотложно необходимым провести сплошное оспопрививание всех детей, чтобы исключить всякую возможность распространения натуральной оспы через школы. Для ускорения дела я лично объехал школы во всех волостях и провёл там оспопрививание. Предварительно я производил поголовный осмотр учащихся, занося результаты осмотра в специально разработанный анкетный лист. Затем дети собирались в один класс и в присутствии учительницы я беседовал с ними о тех нарушениях здоровья, которые были мной обнаружены во время осмотра. Объяснял, чем могли быть вызваны эти нарушения, и как можно было бы их предупредить. Особенно я старался объяснить необходимость вторичной прививки против оспы всем, у кого со времени первой прививки прошло более шести лет. Затем вызывал охотников привить себе оспу, а потом проводил прививку всем поголовно.

Через уездную управу школы оповещались о дне моего приезда заранее. Приезд санитарного доктора был большим днём в школе. В неё собиралось много родителей, желавших получить совет и лекарство против того или иного заболевания. На осмотр школьников, беседу и прививки уходил обычно целый день, а порой приходилось завершать дело и на следующий день, а вечером нужно было обойти всех тех, кто приходил ко мне в школу за врачебной помощью. То, что я не лечащий, а санитарный врач, во внимание не принималось. В избы, куда я заходил, набивалось много народа, и нельзя было отказать во внимании больным, которые по много часов ожидали своей очереди. До полного изнеможения осматривал я больных, раздавал им бывшие со мною порошки, преимущественно иодистый калий, мазь от чесотки и пр. А рано утром на заранее заказанной почтовой зимней кибитке выезжал в соседнюю волость, в другую земскую или в гораздо более убогую церковно-приходскую школу.

При глубоком снеге по узкой зимней дороге использовались почтовые сани, запряженные «цугом»: одна лошадь впереди другой. Спешившие в школу дети должны были залезать в снег, пропуская кибитку. С весёлыми шутками, с радостью забирались они ко мне в сани, заполняя их до отказа.

Ямщик не возражал и не ворчал, т. к. знал, что получит достаточную оплату от меня за это. В неумолчном говоре детей, из их ответов на мои вопросы я успевал узнать очень много о школе, о ходе занятий, об «учителке», обо всех школьных горестях, недостатках и нуждах. А потом нередко замечал, какое удивление вызывала у учительницы моя осведомлённость о делах в школе. До сих пор у меня оживает светлое чувство радости, когда вспоминаю эти утренние зимние поездки в школы отдалённых волостей, когда я подвозил детей, спешивших в школу из деревни за два, три, а то и за пять километров. Им всё хотелось осмотреть: мой походный ящик-аптеку, мой бинокль, в него обязательно и по несколько раз смотрел каждый из забравшихся ко мне в сани ребят. Расставались мы при подъезде к «ямской земской почте», а через час-другой встречались в школе большими друзьями.

Так же, как о делах в сельских школах, я заранее получал разностороннюю информацию из самых надёжных источников — от детей. Так много позднее — при моих экскурсиях и санитарных осмотрах отечественных и зарубежных городов — я, по старой своей новолодожской привычке, получал самые полные и ценные сведения о самом городе, его санитарном устройстве и достопримечательностях у всё знающей и всем интересующейся гурьбы уличных малышей.

За двухлетний период жизни и работы в Новолодожском уезде я не по литературе, не из бессмертных «Мёртвых душ» Гоголя и не из сатиры Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина хорошо и всесторонне узнал нескончаемую галерею типов дореволюционной России, как до-, так и пореформенной: помещиков разных формаций (Зеленин, Шаховская, Исполоваты и Демор), купцов-лесопромышленников, спаивавших шампанским уездного исправника, и наезжавших из губернии чиновников. Наряду с типом уездного врача С. В. Плаксина я узнал и земских врачей северных губерний...

Удивительным образом в Новолодожском уезде 1896–1898 гг. сохранялись в неприкосновенности нравы дореформенной России. Исправник, получавший по службе годовой оклад жалования не более 1500 рублей, все жаловался, нисколько не стесняясь, что ему не хватает его доходов в 8–10 тысяч рублей в год на жизнь! Эти вполне нормированные дополнительные доходы он получал при объездах крупных лесопромышленников, судовладельцев и купцов. От одних при его посещении или приезде пообедать он получал в конверте «за визит» 500 рублей, от других — 200 или даже 100: «Звезда бе от звезды разнствует во славе».

Чиновника особых поручений, приехавшего от губернатора расследовать в Доможирове жалобу на неправильность сдачи с торгов в аренду волостью рыбной ловли, принимал и кормил обедом ответчик, рыбопромышленник, на которого и поступила жалоба; после «на счастье» своего гостя он вытащил невод с заранее подготовленными в нём лососями и осетрами. У озадаченного своим «счастьем» чиновника тут же купил его богатый улов за страшную сумму в 1 000 рублей начальник судоходной дистанции Иорс, получавший оклад в 600 рублей. Этот Иорс устраивал балы для своих дочерей, обходившиеся ему не в сотни, а в тысячи рублей. Свои «доходы» он получал от перепродажи дров. С каждой баржи, гонки или

дровника, проходивших мимо его квартиры, бросали к его ногам несколько полен. «С мира по нитке» получались сотни кубометров дров. Вот и обеспеченный доход!

Дружба с набивавшимися ко мне в кибитку школьниками закреплялась тем, что я раздавал им яблоки, которые возил с собой для питания в разъездах. Я брал хлеб и яблоки. Тогда в Новой Ладоге яблок в продаже не было, я получал их осенью и зимой посылками из дома, с Черниговщины. В деревнях Новоладожского уезда, в отличие от некоторых уездов Новгородской губернии, садов вообще не было и, угощая ребят, я убеждал их посадить яблони у себя возле дома. Сохранить до весны косточки из съеденных яблок и посадить их в землю, а когда деревца подрастут, привить их. Рассказывал, как это делается. Рассказывал, как сам, будучи в их возрасте, вместе с братом развёл целый питомник таких сеянцев, а теперь вот угощаю яблоками, выросшими на тех деревьях.

Непосредственное наблюдение тех трудностей, с которыми сталкивались дети при посещении школы, когда им приходилось добираться до неё несколько километров, а во время осеннего ненастья или зимних вьюг и морозов оставаться ночевать в самой школе на полу, побудило меня настойчиво добиваться организации в школах «горячего приварка» и устройства при школах хотя бы небольших оборудованных помещений для ночлега детей. На эти цели нужны были земские ассигнования и нужно было «мобилизовать» учителей, чтобы они, в свою очередь, привлекли к организации горячего питания родителей и местных жителей вообще. Сама собой возникла мысль обосновать необходимость горячих завтраков в сельских школах соображениями противоэпидемическими, для поднятия сопротивляемости детских организмов инфекции и привлечь к помощи санитарных попечителей.

Моё личное, можно сказать, вынужденное участие в родовспомогательной помощи в тяжёлых, часто уже запущенных случаях родов знакомяло меня с совершенно безотрадным состоянием акушерского дела. В качестве первой меры казалось особенно важным открыть родильное отделение при Новоладожской больнице, но придать ему характер совершенно обособленного учреждения, чтобы устранить боязнь оказаться при родах в непосредственной близости от больных. Благодаря поддержке, которую встретила эта идея у заведующего Новоладожской больницей А. В. Мартынова¹, такой родильный приют в отдельном небольшом доме на больничной усадьбе был устроен в 1897 г. Работа этого приюта быстро наладилась и стала развиваться. В целом этот почин имел большое показательное значение, и получила признание необходимость при всякой земской больнице открывать родильный приют.

Странным образом с моей работой в качестве санитарного врача в Новоладожском уезде, в этом наиболее заброшенном и отсталом по развитию врачебно-медицинского дела уезде Санкт-Петербургской губернии, у меня связываются воспоминания о моей акушерской практике. В самой Новой

¹ Мартынов А. В. (1868–1934) — известный хирург и учёный, автор многих новых методов операций («операция Мартынова» и др.).

Ладоге было только три врача: заведующий земской больницей — сначала это был доктор Марки, хороший специалист, не уклонявшийся в случае необходимости от оперативной помощи при родах; после него был мой товарищ по Московскому, а затем и по Дерптскому университету, хирург по специальности и оригинальный, своеобразный человек А. В. Мартынов; участковый врач, всегда бывший в разъездах и не пользовавшийся благосклонностью среди населения, немолодой уже Роте-Розен — большой барин, делавший из себя чиновника; и правительственный врач С. В. Плаксин, сносившийся с другими врачами официально — «за номером таким-то» и умевший так поставить дело, что когда за отсутствием всех врачей его звали на тяжёлые роды или к умирающему больному, уездного врача «дома не было, он уехал в уезд на судебно-медицинское вскрытие». В таких случаях встревоженная судьбой роженицы акушерка Софья Власьева, исключительно душевный человек и опытная в своём деле, направляла гонцов или чаще прибегала сама за мной и требовала идти или ехать с нею, т. к. предстоит операция, а она делать её права не имеет. Разумеется, уклоняться было совершенно недопустимо, и приходилось по много часов, а то и целые сутки бывать на родах и в неизбежных случаях, например, при поперечном положении плода или при начавшемся кровотечении при предлежании детского места производить поворот на ножку. А однажды при запущенном поперечном положении с выпадением ручки пришлось прибегнуть даже к эмбриотомии¹.

Судьба была как-то милостива ко мне, и все 20 случаев моих вынужденных выступлений в качестве акушера окончились благополучно. Но признаю, что я страдал при родах не меньше, чем сама роженица, переживая её боли и схватки, тем более что далеко не всегда имелась возможность прибегнуть к достаточно глубокому наркозу. От природы я наделён излишней, вероятно, чувствительностью к страданию других, но не лишён и очень большой выдержки, когда это нужно. Не могу не сказать откровенно, что из всех сторон деятельности и работы в моей жизни, оказание врачебной помощи при родах давало наибольшее удовлетворение. Непосредственное радостное чувство облегчения, когда раздавался первый крик новорождённого, а настрадавшаяся долгими мучениями роженица становилась счастливой матерью, оставалось светлым воспоминанием после каждого моего выезда на роды. Да к тому же ещё сознание, что только щипцы или поворот могли в данном случае спасти две жизни, говорило, что работа была не напрасна. Я даже в журнале «Акушерство и гинекология» поместил, сколько помню, заметку о казавшихся мне особенно тяжёлыми случаях. Эти выезды на роды омрачались только одним: мне пытались платить в той или иной форме за врачебную помощь. Это меня глубоко оскорбляло и волновало: я, ведь, чувствовал себя земским общественным врачом и не допускал мысли, что моя человеческая отзывчивость расценивалась на сребреники. Я, безусловно, иногда в резкой, угловатой форме отвергал, не принимал или возвращал обратно всякую мзду. Огромным облегчением было, когда

¹ Удаление плода по частям через естественные родовые пути при невозможности родов естественным путём.

в трудных случаях удавалось вызвать на роды А. В. Мартынова. Он, как хирург, был невозмутимо спокоен, и у него можно было учиться выдержке.

Хочется упомянуть и о некоторых происшествиях, случившихся со мною в годы, проведённые в Новолодожском уезде.

Осенью 1896, а также зимой и весной 1897 г. я очень много времени отдавал непосредственному ознакомлению с постановкой медицинской помощи в отдельных врачебных участках. В большинстве из них не было больниц. Врачи ограничивали свою работу только амбулаторным приёмом и выездом на фельдшерские пункты по вызовам. Заболевшие эпидемическими болезнями — сыпным тифом, оспой, скарлатиной — оставались на дому или иногда перевозились из отдалённых волостей в заразное отделение в Новую Ладугу. Для меня была совершенно очевидна неотложность решения абсолютно необходимой задачи: обеспечение каждого врачебного участка надлежаще оборудованной лечебницей с операционной, родильным отделением и, непременно, с заразным баракком и с отделением для сифилитиков.

Выезжая к заболевшим оспой, сыпным тифом и другими эпидемическими заболеваниями на места и непосредственно знакомясь с тяжёлым положением населения, с его нуждами в элементарном санитарном и культурном обслуживании, я выработал в себе привычку, — вернее, она сама собой выработалась и укоренилась во мне: всякие цифры о числе заболевших воспринимать в их конкретном содержании, видеть за ними всю убогую обстановку в избах, всю неизбежную нужду и терпеливо переносимое горе в семьях, где происходили десятки и сотни заболеваний. Это нашло отражение в моём докладе, составленном для первого проходившего при мне земского собрания весной 1897 г., — об эпидемиях заразных заболеваний и о положении земского медицинского дела в уезде. Обширный доклад, представленный мною в управу, я снабдил наглядными таблицами, диаграммами и специальной картограммой распространения по волостям сифилиса. Я призвал земство сделать первые шаги для борьбы с сифилисом путем расширения врачебной сети с участковыми лечебницами и внедрять среди населения хотя бы крупницы цивилизации и культуры через народные земские школы. Секретарь уездной земской управы Сукнев воспринял мой доклад, как украшение обычно тощей книжки печатавшихся к уездному собранию отчётов и докладов. Поэтому мой отчёт был напечатан со всеми диаграммами и картами, но земское собрание не вынесло никаких постановлений по моим предложениям, да и едва ли кто-нибудь из гласных (посовременному — депутатов) этого одного из наиболее отсталых уездных земств прочитал мой доклад. Но для поощрения нового санитарного врача уездное собрание постановило наградить меня золотыми часами. Так это было в Новолодожском уезде в обычае, а награждённый должен был выразить свою благодарность. Но вместо этого я заявил, что решительно и безусловно не принимаю подарка, что работаю я из интереса к делу, а наградой за работу для меня было бы содействие со стороны собрания врачебно-санитарному делу, а не личный мне подарок. Это заявление я сделал, очевидно, в такой решительной форме, что оно было сочтено за оскорбление земскому собранию. Об этом было сообщено, как передал мне потом Иван Андреевич Дмитриев, в губернскую управу.

Насколько слабо была поставлена участковая сеть в Новолодожском уезде, можно судить по следующему случаю. Весной 1897 г. я первый раз ехал на губернский съезд земских врачей. На почтовой станции Шум, что в 15 км от Новой Ладogi, пока меняли лошадей, меня позвали спешно в соседнюю, отдельно расположенную избу, где находилась только что вынутая из колодца женщина, пытавшаяся покончить с собой. Утопленнице нужна была срочная помощь. Послали на пункт за фельдшером, но его всё не было. Оказалось, что извлечённую из колодца утопленницу было уже не спасти. Все довольно длительные попытки искусственного дыхания и пр. были безрезультатны. Но в это время в сенях дома в куче картофеля была обнаружена женщина с окровавленной головой. Она рассказала, что родственница пыталась ночью её убить с целью взять у неё деньги. Не найдя таковых, она закопала пострадавшую, чтобы скрыть преступление, в кучу картофеля, посчитав её мёртвой. Когда же раненая, придя в себя, стала стонать и звать на помощь, преступница выбежала из дома и бросилась в колодец. Вместе с прибывшим фельдшером, пользуясь лишь имевшейся у него карболовой кислотой да свежeproкипяченной водой, мы вымыли все раны, удалив волосы, засыпали повреждения иодоформом. Некоторые лоскуты ран пришлось зашить. Наложив повязку из прокипячённых полотенец, я отправил пострадавшую на почтовых лошадях в Новую Ладogu. К моему изумлению, когда я через две недели вернулся в город, доктор Мартынов сообщил мне, что больная благополучно поправляется. Раны заживали у неё без нагноений.

Странное, трудно передаваемое, даже страшное и мучительное состояние сознания пережил я однажды в конце зимы 1897 г. Несколько дней я находился в эпидемическом районе, пытался организовать временную больничку в крестьянской избе для сыпнотифозных больных, подыскивал подходящий ухаживающий персонал. Наконец, пустился в обратный путь. Проехав на перекладных два почтовых перегона в сильнейший мороз, поздно ночью прибыл в Старую Ладogu. Оставался последний небольшой перегон в 12 км, и я попросил на почтовой станции поскорее закладывать лошадей. Через несколько минут меня вёз на хорошей паре в лёгких саних сам староста почтовой станции, привыкший хорошо получать от меня «на чай». Дорога лежала по Волхову. Сани быстро спустились на реку, и мы понеслись у высокого правого берега. Закутываясь от обжигающего мороза в воротник шубы, я видел, как мы миновали крутые спуски к Волхову, как уже позади осталась Покровская церковь, и мы подъезжали уже по ровной глади к Новой Ладoge. Предвкушая скорое возвращение домой, отдых в тёплой комнате, я закрылся поплотнее воротником тулупа. Прошло около часа. Мы давно уже должны были приехать на место, но лошади неслись с прежней быстротой. Я открыл воротник и сквозь ночную темень увидел слева от нас очертания каких-то гор, стал всматриваться: мимо нас проносились крутые спуски с лестницами к причудливым замкам, какие-то заросли. Ничего подобного в нижнем течении Волхова нет, только низины Новой Ладogi, да бесконечные просторы льдов Ладожского озера. Не во сне же я вижу крутизну береговых высот слева! И это состояние совершенно необъяснимого, невозможного было острым, мучительным страда-

нием, пока вокруг всё продолжало происходить совершенно непонятное... И в тот же миг всё мучительное исчезло, когда я понял, что мы мчимся уже обратно в Старую Ладогу и проезжаем мимо плитных ломов на правом берегу. Я встряхнул крепко спящего ямщика, который незаметно успел изрядно выпить при отъезде. «Где мы едем?!». Но лошади уже взбежали на берег и привезли нас обратно на станцию, из которой мы выехали два часа назад. В Новой Ладоге они объехали вокруг острова и, не замедляя хода, вернули нас в Старую Ладогу!

Весьма поучительным для меня было участие в Санкт-Петербургском губернском земском съезде врачей весной 1897 г. Чтобы отстранить от председательства на нём казённого, назначенного губернатором губернского врачебного инспектора Корнилова, губернское земство, по ходатайству съезда, просило возложить председательство на С. М. Лукьянова¹. Он был тогда директором Института экспериментальной медицины. Ежедневно в течение двух недель терпеливо высиживал он до поздней ночи на заседаниях не только общих собраний, но и секций. В заключительном заседании в зале Дворянского собрания (ныне Филармонии) я, считавшийся тогда самым беспокойным, «крайним», от речей которого председателю приходилось ограждать и охранять съезд во избежание ударов со стороны начальства, счёл необходимым выразить благодарность С. М. Лукьянову за труд председательства, за его объективность и внимание к земским работникам и за терпеливое отстаивание свободного обсуждения. Наука, представителем которой являлся С. М. Лукьянов, несовместима с подавлением неугодных мнений, к нам в его лице она подходит с тщательным изучением, взвешиванием, вниманием...

И вот, через 30 лет, в 1927 г. мне пришлось вновь увидеть С. М. Лукьянова в роли председателя учёной конференции, посвящённой памяти Вирхова². После того, как он побывал обер-прокурором Святейшего Синода, после революции он вновь стал профессором по патологической анатомии в Институте усовершенствования врачей и пользовался заслуженным уважением и почётом, как подлинно выдающийся русский учёный. В роли председателя учёных конференций С. М. Лукьянов проявлял изумительную добросовестность. Заседание памяти Вирхова было очень торжественным. Первым был доклад ученика Вирхова Ф. Я. Чистовича³. Я сделал доклад о Вирхове, как провозвестнике социальных устремлений в медицине. Я сравнивал его с горной вершиной человеческого познания. «Вершины гор раньше озаряются светом восходящего солнца». К моему сожалению, этот мой доклад, как и большинство других моих работ этого периода, не

¹ Лукьянов С. М. — выдающийся патофизиолог, профессор и директор Института экспериментальной медицины (1894–1901).

² Вирхов Рудольф (1821–1902) — немецкий патолог и общественный деятель, иностранный член-корреспондент Петербургской АН.

³ Чистович Фёдор Яковлевич (1870–1942) — патологоанатом и судебный медик, профессор, заведующий кафедрой судебной медицины в Военно-медицинской академии и в Петербургском женском медицинском институте; с 1922 — ректор этого института.

появился в печати. Замечательна была заключительная, большая и вдохновенная речь С. М. Лукьянова о заветах Вирхова людям научного познания.

Я подошёл после заседания, чтобы выразить ему признательность за вызванное его речью глубокое волнение, но совершенно неожиданно, увидев меня, он меня обнял и, как было принято встарь, трижды поцеловал — «за искренность и правдивость» моей речи о Вирхове, за её «добросовестность», как он сказал. Я напомнил С. М. Лукьянову о моей благодарности ему на пороге моей общественной жизни в 1897 г. После этого заседания я всякий раз передавал или пересылал ему оттиски своих работ по социальной гигиене и свою книгу «Общественная медицина и социальная гигиена». Теперь в беседе со мною по поводу посланных ему моих работ С. М. Лукьянов коснулся их содержания. Он очень внимательно читал их, так же как и мою статью о проблеме старости, и высказал поразившую меня в его устах мысль об общественных коллективах, как о «меторганизациях» и об интеллекте, как о проявлении жизни меторганизмов¹.

Вспоминаю, что моя речь о Вирхове начиналась словами Гёте:

Hinaufgeschaut! — Der Berge Gipfelfriesen
Verkünden schon die feierlichste Stunde;
Sie dürfen früh des ewigen Lichts geniessen,
Das später sich zu uns hernieder wendet...

А там, в горах, седые великаны
Уже румянцем вспыхнули по краю.
Они встречают день завидно рано,
А к нам он приближается позднее.

(пер. Б. Пастернака)

Она была тепло встречена присутствовавшими на конференции моими сотрудниками А. Я. Гуткиным², С. И. Перкалем³ и другими, считавшими, что социальная гигиена на этом учёном форуме была поставлена на должную высоту.

Летом 1898 г. выяснилась возможность для моего перевода из Новой Ладоги на работу в той же должности санитарного врача в пригородном участке Петербургского уезда «по Невскому тракту». В каждом уезде СПб губернии, кроме Петербургского уезда, губернское земство имело для осуществления санитарного надзора и оказания влияния на развитие всего земско-медицинского дела, находящегося в руках уездных земств, по одному санитарному врачу. Сама логика вещей и очевидные запросы и интересы обслуживания санитарных нужд уезда, успех мероприятий против эпидемий, борьбы за здоровье людей и контроль за нарушениями этого здоровья

¹ «Мета» («мет») — первая составная часть слов, обозначающая переход к чему-либо другому, перемену состояния, превращения. В данном случае — признание непознаваемости факта, явления; указание на то, что находится за пределами опыта.

² Гуткин А. Я. — заведующий кафедрой школьной гигиены в ленинградском Санитарно-гигиеническом институте.

³ Перкаль Самуил Исаакович — преподаватель и ассистент кафедры социальной гигиены во 2-м Ленинградском медицинском институте.

заставляли санитарных врачей губернского земства в уездах, хотя они непосредственно подчинялись губернской управе, руководимой И. А. Дмитриевым, основное своё внимание направлять на улучшение и развитие участковой сети. Без обеспечения каждого участка больницей с родильным отделением, позволявшей врачам оказывать хирургическую и акушерскую помощь нуждающимся, молодой врач, поступивший на земскую службу, не мог совершенствоваться в своей специальности. Естественно, наиболее способные и нужные для дела врачи стремились уйти из врачебных участков, где не было больниц. Участки пустовали. У уездных управ развивалась привычка довольствоваться видимостью роста земской сети. Нужно было во что бы то ни стало содействовать строительству участковых земских больниц, хорошо оснащенных необходимыми зданиями, усадьбами, оборудованием, инструментарием, аптечными средствами, вспомогательным персоналом. Для этого необходимо было систематически воздействовать на земскую управу, на земских гласных, на земское собрание. Организационной формой, инструментом для оказания такого воздействия и для воспитания у самих врачей чувства ответственности в качестве активных участников дела, а не земских наёмников, послужили специальные советы при земской управе, систематически собиравшиеся и обсуждавшие все вопросы врачебно-санитарного обслуживания населения.

Самым главным достижением своей двухлетней работы в Новоладожском уезде я считал налаживание деятельности такого санитарного совета. Это было очень нелёгкое дело! Затхлый, барско-канцелярский дух и стиль земской управы в Новой Ладогe не мирился даже с малейшим проявлением настойчивости со стороны «подчинённых» земских наёмников-врачей. Управа не созывала заседаний врачебно-санитарного совета, игнорировала его постановления, не вносила его предложений на земские собрания. Положением о земских учреждениях 1892 г. вся административная тактика губернаторов, опекавших земство, направлена была на бюрократизацию этого органа, на придание ему характера господствующей инстанции во всех делах хозяйства, в которой ведущую роль играли люди, владевшие имуществом, — торговцы, промышленники и помещики. Близкие же по всему содержанию своей работы к массам земские врачи, были так называемым «третьим элементом», наёмниками, а не ответственными за своё дело участниками обслуживания нужд народа. Между прочим, в одной из моих статей в «Общественно-санитарном обозрении» (№ 5 за 1897 г.) нашла отражение одна из самых острых стадий борьбы за обеспечение работы врачебно-санитарного совета при Новоладожской управе. В статье говорилось: «За последнее время в земстве идут пререкания между управой и земскими врачами на тему об «избранниках» — цензовая управа — и наёмниках — «третий элемент» — об обязанности последних не принимать близко к сердцу интересы того дела, для которого они пошли в земство на службу, и о праве «избранников» не чувствовать морального общественного долга выслушивать людей, знающих и отстаивающих интересы дела, которым они непосредственно заняты. Не может, не должно быть у земской управы мелочного властолюбия там, где на первом месте стоит забота об успехах земского медицинского дела».

Уездная управа оказалась очень чувствительной к упрёку в печати по её адресу со стороны представителя «третьего элемента». В тогдашней обстановке можно было настаивать на признании санитарного совета исключительно как совещательного органа управы. Но сама обязанность управы «совещаться» с ним должна была вести к признанию, что земство действует и должно действовать не по прихоти дворянского недоросля Де Мара (председателя управы), а в соответствии с выяснившимися на врачебно-санитарном совете запросами дела.

Разработанное мною и утверждённое земским собранием положение об уездном земском врачебно-санитарном совете до известной степени служило хоть некоторой опорой для регулярной работы этого «совещательного» при управе органа. В какой-то степени это была зародышевая форма тех санитарно-эпидемических советов, за организацию и правильную постановку деятельности которых при санэпидстанциях приходится теперь, спустя, 70 лет, вести настойчивую борьбу.

Петербургский уезд был наиболее экономически мощным по сравнению с остальными семью уездами Петербургской губернии, по составу своих гласных — наиболее влиятельным, а потому и не поддававшимся руководству губернского земства. Здесь был свой уездный санитарный врач — доктор Пассек, который, состоя на службе уездного земства, как и все врачи в Петербурге, совмещал эту свою работу с врачебной практикой и другими службами. Губернское земство, лишённое влияния на развитие врачебно-санитарной сети, удержало, однако, в своих руках специальный надзор за соблюдением требований обязательных постановлений по санитарной части в пригородах Петербурга. Эти пригороды, расположенные по основным трактам, ведущим в столицу — Шлиссельбургскому, Московскому, Нарвскому и Выборгскому, были густо и совершенно хаотически застроены домами для рабочих множества промышленных предприятий. Все эти дома строились в качестве «доходной статьи» предприимчивыми домовладельцами для сдачи под жильё для рабочих за пределами городской черты, следовательно, формально вне города. Поэтому пригороды, хотя и были непосредственным продолжением города и в полицейском отношении находились в ведении СПб градоначальника, в области благоустройства и местного хозяйства к городу не относились, а считались в ведении земства. Но никаких, даже самых зачаточных, органов своего, а не общеуездного, местного благоустройства или городского, поселкового хозяйства не имели.

Мне предложили осуществлять земский санитарный надзор за промышленными и торговыми предприятиями, домами и дворами в так называемом тогда «Петергофском пригородном участке». Он простирался от Нарвских ворот и Екатерингофа до Стрельны включительно — по Нарвскому тракту; и от Московских ворот до Средней Рогатки — по Московскому шоссе. Здесь, следовательно, на первый план выдвигались задачи не санитарно-организационные, а санитарно-технического характера и, прежде всего, меры по промышленному и фабричному санитарному надзору.

Зимой 1897 г. приезжала погостить в Ладогу к моей сестре работавшая перед тем до конца навигации в больничке для судорабочих курсистка по-

следнего курса Любовь Карповна Полтавцева. Родилась она в городе Ново-зыбкове Черниговской губернии в 1870 г., в семье купца 2-й гильдии (т. е. со средним капиталом) Карпа Ивановича Полтавца, который впоследствии изменил фамилию на Полтавцев. Мать Любви Карповны — Михалина Антоновна Сикорская происходила из обедневшей польской дворянской семьи. По окончании Новозыбковской женской гимназии с золотой медалью Любовь Карповна прошла специальные классы немецкого языка и получила звание учительницы по этому предмету. С 1891 по 1893 г. она была учительницей в земской школе Мглинского уезда Черниговской губернии, а в 1894 г. отправилась в Петербург для получения высшего образования. Здесь поступила на высшие медицинские Рождественские курсы и занималась у Петра Францевича Лесгафта¹.

Очень инициативная, оригинальная, смотрящая на всё бодро, самостоятельно. Я помню, в последние месяцы — в сентябре и октябре Любовь Карповна часто присоединялась к нашим прогулкам на лодке по Волхову, в Сосновый Бор на другом берегу реки, где мы собирали рыжики, грузди и последние осенние цветы. У меня гостил мой очень близкий друг по последним годам в Дерпте — Виргилий Леонович Шанцер. Позднее он был одним из руководителей московского вооруженного восстания 1905 г. Это были прогулки, полные молодого весёлого смеха и милых шуток Любви Карповны по адресу Виргилия Леоновича, сильно близорукого, принимавшего сухие листья за кучки грибов, увлекавшегося спором до того, что наталкивался на незамеченный пенёк, никогда не унывавшего сангвиника.

Когда открылась навигация 1898 г., Любовь Карповна по моим настойчивым приглашениям приехала навестить меня. К этому времени я остался в Ладоге один. Сестра Женя в Полтаве держала экзамен за курс гимназии на аттестат зрелости. Всю необходимую ей помощь и заботы о ней взял на себя брат Сергей. Он был тогда преподавателем физики и математики в Полтавской женской гимназии.

В этот весенний приезд Любви Карповны мы решили, что я к осени перееду на работу в Петербург, а она на всё лето уже взяла на себя обязательство по окончании курсов лекарских помощниц поехать в Сибирь для медицинского обслуживания переселенцев, сопровождать их партии по Оби.

Во время пребывания у меня Любви Карповны я написал статью о переписке молодого Карла Маркса со своей будущей женой и перевёл только что появившиеся тогда в печати письма Маркса и передал в «Научное обозрение»², где благодаря Любви Карповне этот материал и был помещён в 1898 г. В течение всего лета мы активно обменивались письмами, и я испытывал тревогу, если почему-либо долго не приходило писем из далёкой Сибири. В письмах мы окончательно решили соединить наш дальнейший жизненный путь.

¹ Лесгафт Пётр Францевич (1837–1909) — выдающийся русский педагог, анатом и врач, основоположник научной системы физического воспитания и врачебно-педагогического контроля в физической культуре.

² Научный и общественно-политический журнал, издававшийся в 1894–1903 в Петербурге. В нём сотрудничали В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, К. Э. Циолковский.

Ранней весной 1897 г. ко мне в Ладугу приезжал повидаться со мною брат Сергей. Я возил его, большого любителя природы, страстного охотника, специально занимавшегося в Киевском университете геологией, бывшего участника и даже руководителя геологических экскурсий, по самым интересным местам Новоладожского уезда. Показывал ему очаровавшие меня берега Волхова в районе порогов и плитных обнажений; ездил в леса по реке Сяси; в чащи зарослей по узкой щели реки Шальдихи, крутые берега которой сложены из девонских и ниже лежащих силлурийских плитняков; возил его на парусной лодке по бурным волнам Ладожского озера, — но я не мог завоевать его внимания и восторгов к окружающей меня природе. Скучным и однотонным казалось ему бледное, белесоватое северное небо. Не идущими ни в какое сравнение с южными дубовыми рощами, с их богатой, буйной подбивкой цветами, не могли идти, на его взгляд, бедные и убогие ладожские леса. Он не разделял и отказывался понимать моё восхищение северным ландшафтом, природой, везде неисчерпаемо богатой своими видами, своим непостижимым для меня обаянием. Перед тем, как окончательно оставить Новоладожский уезд, я воспользовался кратковременным отпуском и навестил своих родителей.

После окончания университета я первый раз побывал на родине. Мне определённо хотелось не только увидеть отца и мать, привязанность к которым у меня всегда была очень глубока, неизмеримо крепка, но и доставить им некоторое удовлетворение видеть меня врачом, особенно моему отцу, который с такой настойчивостью и решимостью, преодолевая все трудности и помехи, определил нас в гимназию и поставил на путь к университетскому высшему образованию. Я привёз в подарок брату неразлучного спутника моих новоладожских прогулок, моего великолепного сеттера Нерона. Впрочем, в качестве охотничьей собаки он оказался мало пригодным. Слишком много страсти вкладывал он в охоту, гоняясь за утками и другой дичью, вместо холодной выдержки.

Вернувшись в Новую Ладугу, я довольно быстро подготовил к сдаче свои дела в уездном земстве, собрал и взял с собою накопленные материалы и в августе уехал в Петербург. Уезжая, я с грустью покидал мои комнаты в доме с зелёными ставнями на Старой Канаве. Глубокую признательность увозил я к заботливой и великодушной своей хозяйке Марье Андреевне. Она помогла мне устроиться с квартирой и в Петербурге, когда после тщетных попыток и поисков нашёл я, наконец, квартиру из двух комнат и кухни в пределах моего нового санитарного участка на Химическом переулке за Нарвской заставой, рядом с Тентелевским химическим заводом, во втором этаже деревянного дома.

Покидая Новую Ладугу, я невольно задавал себе вопрос, в какой мере выполнил я те задачи, которые выдвигались передо мною в процессе работы, что дал я санитарному делу в Новоладожском уезде и что получил, каким опытом обогатился сам? Основной пробел в моей работе состоял в том, что я не охватил своей деятельностью самый город Новую Ладугу: не проводил в нём систематического осмотра всякого рода предприятий торгового и промышленного характера, таких, как булочные и хлебопекарни, места торговли съестными припасами, ремесленные мастерские. Правда,

все эти предприятия были незначительных размеров и играли очень малую роль в условиях снабжения населения здоровыми пищевыми продуктами.

Так же точно не включил я в число своих задач изучение и улучшение личного благоустройства и жилищного строительства. Не успел я осуществить и многое другое, чем планировал заняться в последующее время, но покинул уезд раньше, чем смог выполнить свои планы. Отсрочить отъезд из Новой Ладogi означало бы потерять представившуюся возможность воспользоваться освободившимся местом санитарного врача в промышленном пригороде Петербурга.

Наиболее ценным опытом, которым обогатила меня работа в Новой Ладoge, было реальное представление о бедствиях и страданиях, причиняемых натуральной и «чёрной» оспой и её эпидемическим, или вернее эндемическим распространением при отсутствии правильной организации противооспённых прививок. Понимание огромного ущерба здоровью населения от натуральной и «чёрной» оспы заставило меня серьёзно отнестись к выработке системы оспопрививания и практическому её проведению в жизнь земской врачебной организацией. Эта система, за которую я настойчиво боролся в последующей моей санитарной работе, в очень сжатой форме выражена в моей книге «Очерки земского врачебно-санитарного дела» (СПб, 1903 г.). Сейчас высказанные в книге положения кажутся само собой разумеющимися, но в то время, когда они писались, они являлись новым словом, нуждавшимся в признании и внедрении в практику.

Петербург, Новгород (1898–1902)

Исходя из опыта, приобретённого в Новой Ладoge, намечал я задачи, которые предстояло решать в Петербурге. Но новая обстановка, новые условия, новые задачи вызвали у меня сомнения, сумею ли я справиться, окажусь ли достаточно подготовленным, пригодным для новой работы.

Прежде всего, представлялось мне, необходимо ознакомиться, путём непосредственного обхода и сплошных осмотров, со всеми частями моего санитарного участка, со всеми фабриками, заводами, мастерскими и торговыми предприятиями на его территории и тщательно изучить все доступные печатные и отчётные материалы о населении. Опыт работы в Новоладожском уезде научил меня, что для большей эффективности санитарного надзора необходимо постоянно иметь перед глазами подробную карту всех населённых пунктов с имеющимися в них лечебными, акушерскими и фельдшерскими учреждениями, промышленными предприятиями, почтовыми станциями и пр., а также реками, каналами, пристанями и другими местами скопления рабочих, которые должны учитываться в работе санитарного врача. Не сразу, а постепенно я для личного пользования составил и сам вычертил такую карту уезда. Теперь для ориентировки в своём районе я пытался достать план пригородного участка в губернской или уездной управе. Но плана в таком масштабе, чтобы можно было

на него наносить отдельные здания, в земстве не было. Случайно я увидел такой план в кабинете полицейского пристава, пригласившего меня, как санитарного врача, принять участие в обсуждении вопроса об отведении места для крупных складов старого тряпья, собиравшегося тряпичниками во всём Петербурге. Я попросил дать мне для ознакомления этот план на вечер, до утра. За ночь я успел перерисовать план на кальку с нанесением на неё всех улиц, водных протоков, промышленных предприятий и жилых домов. План этот много облегчил мою работу в участке, и я постоянно и настойчиво рекомендую санитарным врачам изготавливать для своей работы план района своей деятельности. Ежедневно и систематически, по много часов, занимаясь поуличным осмотром всего участка, я в короткий срок хорошо узнал его.

Тщательное изучение заявлений и проектов возведения новых домов, а также открытия, расширения и капитального переустройства промышленных предприятий; неоднократные последующие осмотры этих объектов совместно с инженером земской управы, а затем составление заключений с внесёнными нами в проекты изменениями; ежеутреннее рассмотрение всех присланных карт-извещений о случаях эпидемических заболеваний, направление персонала для производства квартирных дезинфекций и госпитализации заболевших (в большинстве случаев я лично навещал все квартиры, производил сам на месте все прививки) — таков был далеко не полный круг моих обязанностей. Все стороны моей работы, а также её объём, количественные показатели были освещены в моём отчёте за 1898 г., изданном губернской управой в сборнике трудов санитарных врачей. Этот отчёт даже сейчас представляет своеобразный интерес, т. к. отражает яркий контраст между нынешним состоянием Кировского района, с его поистине грандиозными площадями, магистралями, домами культуры, школами, жилыми массивами и парками, и прежним убогим, безысходно загрязнённым состоянием этого района конца прошлого века, когда он носил название пригородного земского Петергофского участка Петербурга.

Возмутительной, выведившей меня из равновесия стороной деятельности санитарного врача была неизменно повторявшаяся попытка торговцев, промышленников и домовладельцев дать мне взятку. Эту взятку присылали на квартиру или пытались так или иначе сунуть в руки. Рассматривая всякую такую попытку прежде всего как невыносимое тяжкое оскорбление мне, как общественному работнику, я на это реагировал остро, спускал оскорбителей (в буквальном смысле!) с лестницы, бросал им в лицо подлые четвертные билеты и, наконец, стал подавать в суд жалобы на тяжкие нанесенные мне оскорбления, представляя при этом полученные письма с вложениями в качестве вещественных доказательств. Я лично выступал как истец, как пострадавший и как обвинитель, и добился, что мировой судья Головушкин приговорил директора Триумфальной мануфактуры к трём месяцам тюрьмы. Присланное мне письмо «со вложением ста рублей» и просьбой, чтобы я «не усмотрел» свалки нечистот, на которой уже была начата постройка домов для рабочих, оказалось веской уликой. Потом, в порядке апелляции с участием дорогого стоившего фабриканту присяжного поверенного, заключение было заменено штрафом в 300 рублей.

Но мне судебный процесс дал возможность публично в самых резких словах заклеить презренную попытку оскорбить общественного земского работника поднесением взятки.

В самом Петербурге среди полицейских и городских санитарных врачей было бытовым явлением «принятие благодарности», т. е. взятки, от владельцев различных осматриваемых заведений, и не так легко было отбить охоту перенести эту практику и по отношению к земскому общественному работнику. Должен сказать, что за два года работы в самом захолустном Новолодожском земстве ни одного случая попытки «благодарности» или взятки не было. Был такой генерал-майор медицинской службы, всесильный член Петербургской управы и председатель её санитарной комиссии Оппенгейм, который счёл нужным обратиться ко мне с наставлением, чтобы я не ругал и не прогонял взяточников, а их приношения передавал бы в кассу благотворительного общества помощи бедным. Я выслушал этот конфиденциальный совет «слишком горячему молодому врачу», а когда открылось заседание, попросил слова и публично рассказал о недостойном, унижающем звание врача совете, данном мне председателем.

Вскоре после моего приезда в Петербург ко мне приехала моя сестра Евгения, а вслед за нею и мой ближайший друг по гимназии и университету К. О. Левицкий. Сестра делала настойчивые, но безуспешные попытки поступить на Высшие женские курсы и после неудачи поступила на курсы Лесгафта, а К. О. Левицкий с моей помощью искал какой-нибудь работы или службы. Совершенно неожиданно для себя я увидел сближение между моей юной, неопытной сестрой — ей едва исполнилось 18 лет! — отзывчивой, полной самых лучших стремлений к знанию, к самостоятельной общественной работе, и, на мой взгляд, уже достаточно испытавшим в жизни, более чем тридцатилетним и имевшим уже сына, К. О. Левицким. Я был глубоко взволнован, чтобы не сказать — потрясён своим открытием и наблюдениями. Мне казалось, что большая ответственность и вина лежит на мне. Я поговорил с К. О., но увидел, что он, как и моя глубоко любимая сестра, на дело смотрят совершенно иначе, чем я. Скажу, что во всей последующей жизни, до самой смерти Константина Осиповича в 1919 г., это была ничем не омрачённая взаимная привязанность, скреплённая истинной дружбой, уважением, любовью и товариществом, семейная пара.

Осенью вернулась из своей летней временной службы Любовь Карповна, и мы оформили наши отношения¹. Из Химического переулочка мы переехали на Нарвский проспект, в квартиру из одной комнаты и кухни. Мне было 29 лет, Любви Карповне — 28. Мы вступали в период полного развёртывания наших жизненных сил и способностей. Я был чрезмерно поглощён в это время изучением своего участка, уходил с утра на осмотры, заходил на час-другой в санитарную комнату, где обычно ждал меня мой помощник — фельдшер, и затем вновь отправлялся в какие-нибудь отда-

¹ 1 ноября (по старому стилю) 1898 молодые венчались в церкви Политехнического института. Поручителями (свидетелями) были кандидат прав К. О. Левицкий и один из братьев Любви Карповны — студент Технологического института Иван Карпович Полтавцев.

лённые пункты. Несколько случаев дифтерита в Средней Рогатке побудили меня произвести опыт предохранительного введения противодифтерийной сыворотки всем детям в соседних домах. Сыворотка тогда стоила довольно дорого. Пришлось просить разрешения на расход в управе. Затем надо было проследить, в какой мере можно было считать результаты этой пассивной иммунизации против дифтерии успешными. Не было ли каких-либо просмотренных случаев заболеваний.

Только вечером возвращался я домой в нашу новую квартиру. Любовь Карповна придала ей уют, что при наших более чем ограниченных средствах было делом далеко не лёгким. Дешёвые стулья, купленные на Александровском рынке, продолжают и теперь, через семьдесят лет, обслуживать меня. Чтобы не поступать на службу и не бросать хозяйство, Любовь Карповна стремилась обеспечить себе возможность работать дома. Она систематически делала переводы для некоторых медицинских журналов: по детским болезням, по зубоврачебному делу. Перед сдачей в печать переводы проходили мою редакцию. Помню, редактор «Научного обозрения» Филиппов предложил мне взять на себя перевод двух, в то время только что вышедших, немецких книг для издания их в виде приложения к его журналу. Это были «Введение в философию» Эйслера и «История развития мелкой промышленности в немецких странах». Перевод сделала Любовь Карповна. Под её именем он и был напечатан, мне принадлежал только редакционный просмотр. Работа над переводами была ценна, разумеется, и с точки зрения самообразования.

Много забот в нашу жизнь в эти первые месяцы внёс следующий случай. Однажды я осматривал общежитие для временных рабочих. Большинство из них отсутствовали, были на работе. В прохладном помещении бросились в глаза исключительная запущенность, грязь. На нарах внизу сидел мальчик лет шести и девочка двух-трёх лет. Сопровождавший меня дворник объяснил, что ночевавшая в общежитии мать этих детей накануне умерла, по-видимому, «от чахотки». Дети остались беспризорными, никаких родственников у них нет. Никто о них не заботится, и он не знает, что с ними делать. Я переговорил с детским приютом, находившимся неподалёку. Там мест не было, и принять детей решительно отказались. Мне ничего не оставалось делать, как привести их к себе домой.

Немало труда стоило моей Любви Карповне отмыть детей, кое-как устроить их на ночлег. На следующий день пришлось обеспечить детей, какой ни на есть, одеждой. Усиленные хлопоты, поездки в благотворительные учреждения... Любовь Карповна побывала в Комитете для беспризорных и покинутых детей, была на приёме у сенатора Герарда — всё безуспешно! Лишь недели через две мне удалось поместить девочку в детский приют, а мальчик Ваня прожил у нас всю зиму, и лишь весной его взял к себе на воспитание один из санитарных попечителей — Хивловский.

Уход за Ваней был сложен, мальчик не был здоровым, надо было позаботиться о его лечении. Ребёнок был «золотушным», с разными сыпями на худеньком тельце, страдал ночным недержанием мочи. Хлопоты по уходу за ним и заботы о его дальнейшей судьбе — всё это легло на плечи Любви Карповны, но я ни разу не видел и не слышал от неё признаков недоволь-

ства. Напротив того, бодро и с полной верой в то, что всё устроится к лучшему, она после каждой неудачи намечала и предпринимала новые шаги.

Ни Иван Андреевич и никто из моих друзей и знакомых не знали о моей женитьбе. Как-то вечером зашли ко мне на новоселье братья Аркадий и Михаил Николаевичи Рубель¹. Их изумлению не было предела, когда я представил их моей жене. С тех пор и до самой смерти Аркадия Николаевича Рубеля он оставался в числе неизменных друзей Любови Карповны.

Главным образом для практики во французском языке мы в ту зиму довольно систематически посещали по настоянию Любови Карповны Михайловский театр², на сцене которого играли в то время видные французские актёры. К нам обычно присоединялись Аркадий Николаевич Рубель и близкий друг Любови Карповны Варвара Николаевна Болдырева, брат которой — Василий Николаевич³ был в то время начинающим физиологом у Ивана Петровича Павлова. В поздние часы после возвращения из театра, где мы смотрели не одни только классические пьесы Мольера и Расина, но и такие лёгкие вещи, как «Les maris de Leontine», за чашкой чая в нашей уютной квартире на далёком Нарвском или Рижском проспекте долго раздавался неудержимый смех и остроумные французские каламбуры Любови Карповны и наших друзей.

В эту зиму я стал сотрудничать в начавшем выходить в то время журнале «Начало»⁴, а также был приглашён Михаилом Семёновичем Уваровым взять на себя ведение постоянных отделов в «Вестнике общественной гигиены» и в «Общественной медицинской хронике». В то же время по поручению И. А. Дмитриева я должен был готовить к предстоящему VIII губернскому съезду врачей доклад о постановке изучения влияния фабрик и заводов не только на здоровье работающих на них рабочих, но и на здоровье окружающего населения. На основании непосредственного, изо дня в день, знакомства, наблюдения и изучения условий жизни всего населения в районе Путиловского завода, в кварталах и улицах, прилегающих к крупному химическому предприятию или таким типичным фабрикам, как Екатерингофская и Триумфальная мануфактуры, у меня сложился взгляд, что для выяснения вопроса о влиянии на здоровье населения фабрик и заводов недостаточно изучения только условий труда, особенностей производства

¹ Аркадий Николаевич Рубель — фтизиатр, организатор санаториев и кумысолечебниц в Башкирии. Михаил Николаевич Рубель — санитарный врач Придворной медицинской части в Гатчине (1898–1904), участник Петербургских санитарных съездов.

² Михайловский театр в Петербурге был открыт в 1833. С конца 1870-х до 1917 в нём играла постоянная французская драматическая труппа. После Октябрьской революции — Малый театр оперы и балета.

³ Болдырев Василий Николаевич (1872–1946) — гастроэнтеролог, в Институте экспериментальной медицины под руководством И. П. Павлова изучал физиологию пищеварения; сотрудничал с отделением по изготовлению противодифтеритной сыворотки. После Октябрьской революции выехал за рубеж.

⁴ Ежемесячный научно-политический и литературный журнал (Петербург, 1899, 5 номеров). Редакторы П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. Н. Калмыкова. Орган «легального марксизма». Печатались также В. И. Ленин и Г. В. Плеханов.

и его вредности на самих этих фабриках и заводах. Необходимо всестороннее изучение воздействия промышленных предприятий на весь уклад жизни в прилегающей к ним населённой местности, учёт притока жителей из сельских районов, скученности в квартирах и домах, жилищной эксплуатации населения, складывающегося бытового и культурного обихода, возникающего и формирующегося в фабрично-заводских районах. Именно в таком направлении и был составлен мой доклад: как обоснование «нового подхода и новой программы работы санитарных врачей» в этой области. Я побывал у Дементьева¹, автора книги «Фабрика, что она берёт и что она даёт населению», чтобы услышать его мнение по поводу составленной мной программы, несколько отличающейся от постановки вопроса московским исследователем Ф. Ф.Эрисманом. Дементьев особенно оттенял практическую необходимость такой новой программы ввиду ревнивого оберегания высшей администрацией — Министерством торговли и промышленности — фабрик и заводов от общественных и, прежде всего, от земских органов.

Несмотря на то, что Дементьев с большим вниманием отнёсся к моим идеям и очень интересовался дальнейшей судьбой доклада, у меня всё-таки осталось чувство полного разочарования в нём: он совершенно не соответствовал моему представлению о санитарном враче первого призыва, ближайшем сотруднике Ф. Ф.Эрисмана. Его домашняя обстановка менее всего напоминала условия быта и домашнего обихода земского врача, а скорее говорила об устремлениях к быту сановного чиновника.

Большое место в моей памяти о работе в Петербурге в 1900 г. занимают воспоминания об участии в подготовке и проведении городской переписи населения в Петергофском участке. Петербургская городская дума утвердила руководителем всей организации переписи профессора А. А. Кауфмана². По его приглашению я принял на себя заведование переписью в моём санитарном районе. В течение двух-трёх месяцев велись подбор и подготовка переписчиков из числа студентов Университета, Военно-медицинской академии и Женского медицинского института³. Они изучали отведённые им участки, обходили каждую квартиру, каждый огород или склад, где были жилые помещения, составляли предварительные списки, проводили разъяснительные беседы, затем ежедневно собирались группами у меня для подробного выяснения встретившихся вопросов по толкованию предложенных переписных формуляров и инструкций. У ряда

¹ Дементьев Евстафий Михайлович (1850–1918) — врач, статистик, публицист. Автор санитарных исследований рабочего быта, сотрудник фабричной инспекции в ведомствах финансов, торговли и промышленности, с 1911 врач в Министерстве путей сообщения. Сторонник энергичного вмешательства государственной власти в регулирование социальных отношений в промышленном производстве. Упомянутый Френкелем очерк Дементьева содержал обобщение материалов, собранных в ходе статистических исследований в 1880-е гг., издавался в 1893 и 1897.

² Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919) — экономист и статистик, заведовал статистическим отделом Петербургской городской управы; профессор кафедры политэкономии и статистики Петербургского университета; кадет.

³ Об отношении полиции к переписи и переписчикам см.: Приложение № 6.

заведующих переписными пунктами возник план в связи с переписью выяснить ряд вопросов социально-экономического порядка, не включённых в официально утверждённую программу, а именно: о размерах ежемесячного заработка рабочих, о действительной (а не по паспорту) связи их с деревней и сельскохозяйственными работами, сколько за год отправляют в деревню денег, когда были в последний раз в деревне, имеют ли там семью, имеют ли здесь, в городе, независимо от этого, фактическую семью и детей, а также некоторые другие вопросы, важные для освещения процесса формирования промышленного пролетариата и фактического быта рабочего класса. Счётчики при приёме официальных переписных листов должны были заполнить лично отдельный листок, на котором стояла лишь порядковая нумерация одиннадцати выработанных нами вопросов. Разумеется, состав счётчиков был подобран из передового, революционно настроенного студенчества, хорошо знакомого с незадолго вышедшей до этого книгой Плеханова и его полемикой с Воронцовым («В. В.»)¹. Они охотно затрачивали дополнительный труд на заполнение дополнительных карточек, содержавших ответы на выработанные нами вопросы. При подведении итогов переписи выяснилось, что посылка денег в деревню снижала жизненный уровень рабочего. Это было не исключение, а общее правило. Таким образом, в официальных личных переписных листках ответы отражали не фактическую степень разрыва с деревней и перехода в состав класса промышленных рабочих, а искажённое, отстающее от жизненной практики субъективное сознание выходца из села.

«Ваше главное занятие» — гласил вопрос переписного листа. И обычный массовый ответ на этот вопрос был — «хлебопашество». А из наших дополнительных вопросов выяснялось, что он — рабочий Путиловского завода, уже не первый год, имеет 40 рублей ежемесячной зарплаты, что он уже 5, а то и 10, и даже 15 лет как покинул деревню, на сельских работах не бывал, но держит там «надел»; у него там живёт семья, которой он посылает в год 100–200, а то и больше рублей, а здесь живёт временно «один», хотя при этом не отрицает, что двое-трое детей фактической сожительницы — это его дети.

Подготовка к переписи, потом сбор и обработка дополнительных материалов составляли основное содержание моей жизни в течение трёх-четырёх месяцев. С утра и до поздней ночи в нашей квартире на Рижском проспекте (на углу с нынешним проспектом Газа) непрерывно бывали целыми группами счётчики-переписчики. Любовь Карповна терпеливо переносила эту утомительную сутолоку. Ласково принимала увлечённую, захваченную интересом к переписи молодёжь, давала справки, разъяснения, выслушивала их рассказы и наблюдения, иногда до глубины души волновавшие самих рассказчиков, поила их чаем. Помню, какую трагедию пережила одна студентка, переписчица домов по Лейхтенбергской улице, когда

¹ Воронцов Василий Павлович — представитель либерального народничества. В своей книге «Судьбы капитализма в России» (СПб., 1882) утверждал, что капитализм в России явление «наносное». См.: Мокшин Г. Н. Василий Павлович Воронцов. Вопросы истории. 2003. № 9.

целый ряд этих домов оказался заселённым девушками, жившими здесь в публичных домах. Нужно было писать ответ в графе о занятиях, и счётчица выслушивала раздиравшие ей душу рассказы о том, «как дошли до жизни такой» и исписывала целые тетради об их судьбах, быте и унижении.

В результате переписи был собран большой материал глубокого социально-экономического и социально-гигиенического значения. Но, к сожалению, ни мне, ни другим заинтересованным в этих результатах участникам программ не удалось в дальнейшем обработать весь этот материал. Вскоре начались в Петербурге события весны 1901 года, а затем я и многие мои соратники подверглись административной высылке из столицы.

Ещё одним видом моей общественной работы было участие в организованной при Вольно-экономическом обществе¹ комиссии «Помощи в чтении больным и бедным». Организация и довольно быстрое развитие деятельности этой комиссии были результатом всё более широких поисков таких форм просветительной общественно-политической деятельности, которые ускользали бы от бдительного ока петербургской охранки, круто расправлявшейся со всякой попыткой просветительной работы среди населения и, в особенности, среди рабочих². Комиссия собирала через своих членов и путём рассылки писем к издательствам и авторам книжные пожертвования, принимала также и денежные средства, прочитанные газеты и журналы. Под руководством более деятельных членов комиссии, в числе которых был и я, добровольцы из среды учащихся составляли библиотечки для рассылки в участковые земские лечебницы для чтения больным, посылали в деревни газеты, из отдельных журнальных статей составляли сборники по наиболее острым вопросам рабочего движения и направляли их по запросам отдельным лицам и кружкам рабочих. Это была кропотливая, требовавшая большой затраты времени работа. Но число добровольных молодых сотрудников в этом движении всё возрастало.

Библиотечками по разным вопросам общественной жизни, экономики, социальной гигиены и санитарного дела, рабочего движения снабжались очень многие уезжавшие на летнюю работу, на временную службу в земстве студенты и студентки. Вся эта работа протекала, как одно из направлений деятельности комитета, председателем которого был Пётр Францевич Лесгафт. Заседания этого комитета происходили у него в институте, но склад поступавших книг был в Вольно-экономическом обществе, на нынешней 4-й Красноармейской улице. Как ни мало вяжется это с образом очень требовательного не только к другим, но и к себе, рационалиста и борца за последовательность Петра Францевича, но, к моему изумлению,

¹ Вольное экономическое общество (ВЭО), одно из старейших в мире и первое в России экономическое общество, формально независимое от правительственных ведомств. Учреждено в Петербурге в 1765. В разработке его конкурсных тем и задач принимали участие выдающиеся учёные, литераторы; общество вело большую научную деятельность. Ликвидировано в 1919.

² В действительности ни одна из форм общественно-политической деятельности от бдительного ока петербургской охранки не ускользала, она была в курсе деятельности своих поднадзорных.

состоявший у него на службе рассыльный, который у нас бывал, величал Лесгафта без всяких возражений с его стороны «Ваше Превосходительство», т. к. Лесгафт состоял в чине действительного статского советника. Тогда я как-то выразил изумление по этому поводу и заметил, что не следовало бы проявлять чинопочитание в нашей среде, но получил ответ, что это делается согласно воле Петра Францевича. Бывают же странные и трудно-понимаемые вещи!

В 1900–1901 гг. мне часто приходилось бывать на собраниях сотрудников некоторых журналов у А. М. Калмыковой¹ в её квартире на Литейном проспекте рядом с пользовавшимся тогда большой известностью книжным складом. На этих собраниях находили самый живой отклик и обсуждение все события общественной жизни. Здесь встречались довольно далёкие друг от друга по своим социальным воззрениям представители оппозиционных кругов от Ф. И. Родичева², Дмитрия Ивановича Шаховского³ и В. В. Хижнякова⁴ до С. Н. Прокоповича⁵ и гораздо более радикальных представителей тогдашней литературы. Всех объединяло нараставшее понимание общественного подъёма, недовольство атмосферой политического застоя, стремление к раскрытию путей для организации широкого движения новых передовых сил.

Весной 1899 г. в холодный дождливый день мне пришлось осматривать вместе с инженером уездной земской управы места, которые предполагалось отвести для строительства каких-то мастерских у деревни Автово и в районе побережья в направлении к Путиловскому заводу. Дул пронизывающий порывистый ветер с взморья. Несколько часов ходили мы по открытым со взморья местам. Одетый уже по-весеннему, я сильно промёрз. В результате заболел пневмонией, осложнившейся плевритом. Только через месяц стал я вставать, но оставалась большая слабость, сильный кашель и поты. Аркадий Николаевич Рубель напугал Любовь Карповну, что у меня начинается лёгочный туберкулёзный процесс. Лично у меня настроение

¹ Калмыкова Александра Михайловна (1849–1926) — участница революционного движения с 1880-х, народница, учительница. В 1889–1902 её книжный склад в Петербурге был явкой социал-демократов. Оказывала денежную помощь «Искре». После Октябрьской революции работала в системе Наркомпроса.

² Родичев Фёдор Измайлович (1854–1932) — земский деятель, юрист. Один из лидеров кадетов; во Временном правительстве министр по делам Финляндии. Белоэмигрант.

³ Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939) — князь, земский деятель, публицист. Один из лидеров кадетов, депутат 1-й Государственной думы; в 1917 г. министр государственного призрения Временного правительства; в 1918 — один из руководителей антисоветского «Союза возрождения России».

⁴ Хижняков Василий Васильевич (1871–1949) — военный, затем земский санитарный врач, публицист, политический деятель (марксист, затем трудовик), зачинатель и организатор кооперативного движения в дореволюционной России и в советское время.

⁵ Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) — идеолог «экономизма» в социал-демократии, член «Союза освобождения». В 1917 — министр торговли и промышленности Временного правительства. После Октябрьской революции выслан.

было бодрое, я был убеждён, что скоро поправлюсь. Меня, как больного, стал навещать по приглашению Любови Карповны А. И. Яроцкий, которого, как хорошего клинициста, рекомендовал И. А. Дмитриев.

С этого началось наше знакомство с А. И. Яроцким, продолжавшееся много лет. По настоянию А. Н. Рубеля и Яроцкого я должен был уехать в Крым. Но я убедил Любовь Карповну вместо этого уехать со мною на хутор к моим родителям — в Попенки Черниговской губернии. Много радости доставил наш приезд родным, но немало и слёз было пролито моей матерью, когда она узнала от Любови Карповны о том, что скрывали от меня, но что без колебаний утверждали и Рубель, и Яроцкий, а именно, что дело идёт у меня о туберкулёзном процессе. Мать заставляла меня пить стаканами свежие сливки. Вопреки всяким запрещениям я занялся работами в саду. Для устранения тени от разросшейся молодой сосновой рощи, закрывавшей с юга наши яблони и другие фруктовые посадки, я принялся за выкорчёвывание сосен. Вскоре я настолько увлёкся этой достаточно трудной работой, что по три-четыре раза в день приходилось сушить промокшую от пота одежду и менять бельё. Через месяц я совершенно забыл о своей болезни, а затем прекратился и кашель. В августе мы вернулись в Петербург, я чувствовал себя вполне окрепшим и здоровым, чтобы нести всю нагрузку сутолочной петербургской жизни. Каждый день, по много часов, проводил в своём санитарном участке на осмотрах, до поздней ночи писал заключения на всякие проекты строительства и прочитывал большие связки земской санитарной информации для составления общественно-санитарной хроники в «Вестнике общественной гигиены». Эта работа была мне передана М. С. Уваровым, ставшим фактическим редактором «Вестника». Кроме того, я продолжал вести отдел иностранного санитарного законодательства.

Сильную тревогу вызывали у меня предстоящие, как мы думали, в сентябре роды нашего первого ребёнка. Всю зиму ещё в первый период беременности Любовь Карповна беспредельно сильно страдала от мучительной и неукротимой рвоты. Несмотря на все рекомендованные специалистами меры и средства, это мучительное, принимавшее угрожающий характер страдание продолжалось до самого лета. На хуторе, к счастью, рвота прекратилась. Когда я возвратился на работу, мы с Любовью Карповной предпринимали прогулки для поддержания её бодрости и здоровья. После одной из таких прогулок (мы были в Летнем саду и вернулись на финском «легковом» пароходике по Фонтанке домой) у Любови Карповны начались родовые схватки. Возобновилась неукротимая рвота. Утром я в тревоге обратился к доктору Фраткину, жившему неподалёку, просил его помощи. Он захватил с собой целый чемодан, бывший у него, по-видимому, всегда наготове. После тщательного обследования он нашёл, что нужно ещё запастись терпением. Однако непрерывность изнуряющей рвоты заставила его признать положение угрожающим. Он немедленно превратил меня в ассистента, хотя я беспокоился почти до беспамятства; со спокойной твёрдостью приказывал мне давать хлороформ, подавать ему инструменты, молчать и держать себя в руках. С тем же искусством, которое поразило меня два года назад в Новой Ладогге, он произвёл операцию наложения щипцов. Всю дальнейшую работу повивальной бабки выполнил затем в течение положен-

ного срока я. До конца жизни я храню в своём сердце самую глубокую признательность доктору Фраткину, этому суровому на вид человеку, умевшему своим благодетельным искусством, не словами, а делом облегчить страдания, выручить из смертельной беды попавших под её удары людей.

Родилась с полным весом моя первая дочь, составившая в течение многих последующих лет основной предмет наших забот, тревог, наших напряжённых усилий, планов и дум. У меня всегда вызывали глубокое внутреннее преклонение и почитание проявления высокого понимания материнского долга у Любви Карповны. С исключительной систематичностью изучала она всю литературу по уходу и воспитанию детей, Невзирая на все свои недомогания, проводила последовательно кормление грудью и наблюдение за дальнейшим развитием ребёнка. Чтобы позднее учить языкам и дать хороший выговор, всю зиму она брала уроки разговорного языка у французженки; настолько серьёзно и всесторонне знакомилась с литературой по воспитанию и уходу за детьми и критически её перерабатывала, что смогла позднее вести по этим вопросам профессиональную журнальную работу.

Много времени отдавал и я возвращению нашего первенца. Это ведь особый, трудно передаваемый мир переживаний отцовства и возникновения на наших глазах нового человеческого сознания. Через год, зимою 1900–1901 гг., помню, я при малейшей возможности подолгу гулял с ребёнком там, где воздух был почище, у взморья. С санками я уходил довольно далеко от устья Невы, от Лоцманского острова. Тут однажды случилось совершенно непредвиденное происшествие. Был чудесный февральский или мартовский день. Лёд на Неве был только слегка покрыт снегом. Можно было уезжать с санками в любую сторону. Увлечённый радостными восклицаниями своей полуторагодовалой дочери при быстром беге санок, я не заметил, что по нашему адресу со стороны, противоположной Васильевскому острову, раздавались предупреждающие окрики и команды и только когда раздался выстрел, понял, что часовой, стоявший подле спущенного осенью на Неву со стапелей Балтийского завода корабля, в беспокойстве предупреждал меня о том, что я прошёл какую-то условную границу охраны. По его требованию я должен был стоять неподвижно, пока он вызвал какого-то воина, подошедшего к нам с оружием в руках. Он тщательно осмотрел санки, седока в них и меня и проводил нас до линии стоящих на льду вех. Вся эта процедура удлинила нашу воскресную прогулку на целый час и причинила некоторую тревогу матери, нарушив положенные сроки питания дочки.

Из всех исключительных, представляющихся теперь просто невероятными, проявлений неблагоустройства и антисанитарного состояния за Нарвскими воротами меня больше всего поражало положение дела с водоснабжением. Во всех дворах, густо застроенных двухэтажными деревянными домами с «угловыми» квартирантами-рабочими вода для питья и хозяйственных потребностей забиралась вёдрами из бака, вкопанного в заболоченную почву двора. В этот бак вода подавалась под очень слабым давлением по деревянным сверлёным трубам из реки Екатерингофки после принятия ею огромного количества фекально-хозяйственных вод из Обводного канала, реки Ольховки и других сточных протоков так называе-

мой Болдыревской водокачки. Эта вода была настолько грязна, что каждый день, когда жильцы разбирали из бака всю воду, на дне его оставался 10–15-сантиметровый слой зловонной жижи, которую лопатами выбрасывали во двор. И такую «болдыревской» водой снабжалось столичное население участка за Нарвской заставой.

Как-то, идя на заседание санитарно-технической секции Общества охраны народного здоровья, чтобы сделать доклад о состоянии благоустройства в моём пригороде Петербурга, я взял с собой большой сосуд воды из такого пресловутого бака. При демонстрации этой воды все специалисты были убеждены, что им предъявлена канализационная сточная жидкость, и с трудом могли поверить, что такой водой пользуются люди для хозяйственно-питьевых целей.

Круг посещавших нас знакомых значительно расширился в связи с моей работой на переписи населения 1900 г. и благодаря встречам в редакции журнала «Жизнь»¹. Само собой как-то сложилось, что для сбережения времени мы бывали дома по вечерам только в среду. Среды стали привычным днём встреч у нас людей довольно разнообразных кругов. Заходила молодёжь из бывших сокурсниц Любви Карповны. Из числа наиболее заинтересовавшихся изучением населения участников переписи постоянно бывали Колтановские, статистик Караваев², В. В. Хижняков, П. П. Маслов³, В. Я. Богучарский⁴, В. И. Шарый, О. Бражникова и др. «Среды» проходили в оживлённых разговорах о новых литературных явлениях и течениях, о планах и предположениях отдельных участников, об их специальных работах. Помню, как делился своими впечатлениями от поездки в Берлин доктор Вербов, акушер. В Берлине он побывал на рабочих собраниях, на которых слушал А. Бебеля, в профсоюзах, и был, казалось, разочарован: участники этих собраний были самыми обыкновенными рабочими, не отличавшимися по своему культурному уровню от хорошо знакомых ему петербургских рабочих. Именно это и вызывало у рассказчика бодрость: значит, и мы можем быть уверены в успехе политического движения среди рабочих.

Кто-то из постоянных участников наших сред предложил для внесения некоторой системы в пёстрые разговоры и беседы подавать каждому записку, какой вопрос сделать предметом обмена мнениями в данный вечер, а затем общим голосованием выбрать один из предложенных вопросов и обязать каждого высказать по нему своё мнение, опираясь не на предварительное штудирование материалов, литературы и чужих взглядов, а исходя из запаса своих представлений и мыслей. Одно из начинаний, высказанных

¹ Литературно-политический журнал, издавался в Петербурге в 1897–1901; в Лондоне и Женеве с 1902. Орган «легальных марксистов».

² Караваев Вячеслав Фёдорович — земский статистик. Занимался статистикой движения землевладения в России в Министерстве финансов. Автор многих трудов (очерки по 52 земским губерниям).

³ Маслов Пётр Павлович (1867–1946) — экономист, академик АН СССР; в 1904 на IV съезде РСДРП выступил с меньшевистской программой муниципализации земли. После Октябрьской революции занимался политэкономией социализма.

⁴ Богучарский Василий Яковлевич (Базилевский Б., Яковлев В. Я.) (1861–1915) — историк, издатель-редактор журнала «Былое».

мною в качестве предложения, к общему изумлению вылилось в ближайшее воскресенье в довольно широкое проявление общественной активности.

Шла обычная весенняя выставка художников-передвижников. На ней, между прочим, привлекал к себе внимание репинский портрет Л. Н. Толстого во весь рост. Портрет стоял в нижнем зале. Как раз накануне нашей очередной среды было опубликовано постановление Синода об отлучении Л. Н. Толстого от церкви. Высказано было предложение найти способ общественного реагирования на эту реакционную затею, предпринятую с целью подорвать моральный ореол писателя.

Я предложил явиться всем присутствующим ровно в два часа в ближайшее воскресенье на выставку и увенчать цветами портрет Толстого, с тем чтобы публика могла выразить своё сочувствие соответственной овацией. Но для того, чтобы полиция не смогла принять предупредительные меры и не удалила портрет с выставки, мы должны были не разглашать свой замысел. В то же время каждый из присутствующих на среде должен был подготовить 5–10 человек, с обязательством для них пригласить с собой ещё по 3–5 человек. С принесёнными в незаметных пакетах цветами мы пришли в воскресенье на выставку.

Было много совершенно незнакомой публики. Были и случайные, даже «высокопоставленные», посетители. К полудню в залах выставки стало необычайнолюдно, даже тесно. Когда стрелка подошла к двум часам, наши знакомые дамы приблизились к портрету Толстого и убрали его цветами, у рамы пристроили букет и венок из роз. Совершенно неожиданно цветы (букеты гиацинтов, роз, нарциссов, сирени — всего, что удалось закупить в цветочных магазинах на Литейном и Невском проспектах), густым дождём посыпались с верхней галереи выставки. Зал и хоры гремели от аплодисментов. Всё это вылилось в шумную большую манифестацию, смысл которой был всем понятен. Многие спешили пойти за цветами, чтобы поддержать нас. Об этом на следующий день писала даже газета «Новое время» — чиновничий шовинистический орган «чего изволите».

Летним отпуском 1901 г. я воспользовался, чтобы побывать в Крыму. Поездка в конце июня была облегчена для меня, никогда не бывавшего в курортных местах, тем, что помощь в устройстве на 1–1,5 месяца в Алушке оказала Е. А. Колтоновская, обычно проводившая там летние месяцы. Первый раз в жизни я видел горы, хотя это и были только горы Южного берега — Ай-Петри, Яйла, Медведь у Гурзуфа и скалистый берег у Симеиза. Я много ходил пешком, взбирался один на Ай-Петри из Симеиза, из Алушки; поднимался на Яйлу из Ялты; всюду ходил без проводников. Особенное восхищение вызвал у меня буковый лес и третичные сосны у Исара.

В Ялте я побывал у П. П. Розанова¹, бывшего тогда ялтинским санитарным врачом. Несомненно, он был одним из наиболее передовых и всесторонне образованных наших первых общественных санитарных врачей-пироговцев. С ним я был лично знаком по работе на совещании санитарных врачей при правлении Пироговского общества весной того же

¹ Розанов П. П. — в 1880-е земский статистик в Нижнем Новгороде. Затем ялтинский санитарный врач и врач А. П. Чехова. Автор многих научных трудов.

1901 г. в Москве. Ему принадлежала заслуга организации в Ялте санитарного городского дела: он поставил вопрос о правильной очистке города, строительстве в нём канализации и водопровода, о врачебном обслуживании населения.

Он познакомил меня со всеми сторонами своей деятельности. Между прочим, я помню, он настойчиво звал меня навестить А. П. Чехова, жившего тогда на своей даче по пути к Исару и водопаду Учан-Су. Когда мы собрались осуществить это посещение и зашли в окружённый садиком небольшой дом Антона Павловича, оказалось, что тот накануне спешно выехал в Москву, не успев предупредить П. П. Розанова, как своего врача.

Дорога в Ялту лежала из Петербурга по железной дороге через Севастополь, а оттуда до Ялты на небольшом пароходе, державшемся недалеко от берега. Все богатые виды Южного берега Крыма, обрамлённые причудливыми горами, впервые раскрывались перед моим взором. Между прочим, воспользовавшись временем до отхода парохода в Севастополе, я успел съездить в Херсонес и подробно осмотреть раскопки, с изумлением останавливаясь перед вскрытыми керамическими трубами и канализационными колодцами.

Довольно рискованный случай, по тогдашним временам, произошёл со мной при одной из моих прогулок из Алупки на Яйлу. Поднявшись через «Хаос», в котором с такою наглядностью можно было видеть каменные громады, скатившиеся при обвале верхних кражей гор, до гребня Яйлы, где-то в районе Ай-Петри я, не придерживаясь никаких тропинок, спустился через камни ущелья и стремнины, держась за кусты, надеясь где-то пересечь верхнее шоссе и уже по нему дойти до Алупки. Но кусты и заросли становились всё гуще и непроходимее; где-то ниже, как будто уже недалеко, слышны были звонки, мне казалось проезжавших по верхнему шоссе почтовых экипажей, и я, преодолевая все трудности, спускался в их направлении. Но в самой густой чаще, спустившись с крутизны, натолкнулся на густое проволочное ограждение, тянувшееся в обе стороны. Подняться вверх, назад, сил у меня не было. Выломав несколько веток и собрав камни, я, насколько мог, приподнял нижнюю колючую проволоку и лёжа прополз, в конце концов, под нею, надеясь, что я попаду на верхнее шоссе. Я был в полном изумлении, когда увидел перед собою на поросших густой травой склонах, среди разбросанных, отдельно стоящих дубов, стадо тучных коров с колокольцами на шее. Звон этих колокольцев был принят мною за колокольчики почтовых тарантасов. Ко мне быстро приблизился лесник в специальной форме, крайне удивлённый моим появлением здесь. Он объяснил, что я попал на Ливадийскую ферму, вход на которую безусловно запрещён. К моему счастью, сторожевые собаки не услышали, как пробирался я через проволочные ограждения, а то бы мне пришлось совсем плохо. Как нарушителя запрета страж этот доставил меня в охранный пункт, где я должен был подробно изложить весь маршрут моей весьма необдуманной, по их мнению, и рискованной прогулки, проверили все мои документы и после некоторой задержки провели меня к выходу и отпустили с миром, посоветовав больше по незнакомым местам без проводников не ходить.

По возвращении из Крыма я погрузился в выполнение своих запущенных за время отсутствия обязанностей санитарного врача. Накопилось

несколько требовавших специальных осмотров дел по открытию шерстомойной фабрики, тряпичных складов и других предприятий. Нужно было также спешно готовить для очередного номера «Вестника общественной гигиены» статьи по санитарному обозрению и иностранному санитарному законодательству.

Неожиданно ночью у меня был произведён жандармский обыск, и мне было объявлено постановление Департамента полиции (Зволянского) о немедленной высылке из Петербурга в Новгород. В квартире был оставлен околоточный, который должен был сопровождать меня до вокзала¹.

Это было тяжёлое испытание, обрушившееся на мою семью. Со спокойной выдержкой приняла на себя всю тяжесть создавшегося положения незабвенная спутница моей жизни (с 1898 по 1948 гг.) Любовь Карповна. Она в то время ожидала рождения нашей второй дочери, а на руках у неё была двухлетняя — первая дочь. Так как приставленный ко мне околоточный не позволил мне выйти из квартиры, то Любовь Карповна побывала в земской Управе, передала все бывшие у меня деловые бумаги, повидалась с Иваном Андреевичем, который обещал дать мне письмо к председателю Новгородской губернской земской управы, успела в редакции «Вестника общественной гигиены» взять для меня новые издания для составления очередного санитарного обзора. На моё ходатайство об отсрочке высылки на несколько дней Департамент полиции ответил отказом. И вечером того же дня я на велосипеде, в сопровождении на извозчике Любви Карповны и восседавшего с нею околоточного, отправился на тогдашний Николаевский вокзал и налегке (сдав в багаж велосипед) отбыл в Новгород. Тяжко было оставлять Любовь Карповну одну с ребёнком и с огромным количеством поручений по невыполненным делам. Только её энергия и бодрая, ровная настойчивость помогли ей спешно справиться с ликвидацией квартиры и со сбором средств, чтобы через короткий срок приехать ко мне в Новгород.

Новгород 1901–1902 годов. Томительны были первые дни пребывания моего в Новгороде. Я остановился в единственной в городе гостинице на центральной площади у самого Кремля. Это был, скорее, шумный трактир или постоялый двор, а не гостиница. В отведённой мне комнате ни днём, ни вечером, до поздней ночи нельзя было заниматься из-за непрестанно доносившегося разгульного пения и гармоника. Я уезжал на велосипеде на целый день на берег Ильменского озера. Гуляя в густом сосновом бору, случайно увидел однажды одинокий деревянный скит без дверей, с небольшим лишь оконцем, в которое передавали для богоугодного отшельника свои приношения приходившие по протоптанной в чаще тропинке богомолки.

Меня угнетала тревога о положении оставшейся в Петербурге Любви Карповны. Вскоре я получил от неё полное бодрых советов письмо. От Ивана Андреевича получена была ею для меня рекомендательная записка к председателю Новгородской губернской земской управы Н. Н. Сомову. Я немедленно отправился в губернскую управу. Н. Н. Сомов предложил мне начать работать в Колмовской больнице для душевнобольных, где имелось место ординатора.

¹ Документы охраны см.: Приложение № 7.

Первые дни я знакомился с больницей, старался освоить и выполнить все обязанности дежурного врача, тщательно изучить истории болезни в наблюдательном отделении, заполнить очень подробные формуляры для вновь помещаемых в больницу душевнобольных, которых привозили из Новгорода или из более отдалённых уездов. Все свободные часы я заполнял изучением руководств и трудов по психиатрии, которые можно было найти в больничной библиотеке. Прошло немного дней, и я с головой ушёл в изучение больных наблюдательного отделения.

Кроме директора Крумбуллера в Колмовской больнице, рассчитанной на 300–400 больных, был ещё только один врач — Фонфрикен, ведавший мужским отделением. Насколько было возможно, я старался расспрашивать его о больных и их болезнях, стараясь учиться у него, как у опытного врача-психиатра. Но оба психиатра — и Крумбуллер в женском отделении, и Фонфрикен в мужском — были чрезвычайно перегружены работой, и им не оставалось времени вести со мною длинные разговоры, к тому же, сколько я теперь вспоминаю и понимаю, я был очень критически настроенным, строптивым и несговорчивым учеником.

Вскоре мне предложили полностью взять на себя работу по ведению всего дела в отделении «для слабых и неопрятных больных». Отделение это помещалось в особом деревянном двухэтажном здании с асфальтированными полами. В нём было безотрадно мрачно и грязно. Во всех палатах стоял неприятный запах от большой скученности и нечистот. Было 85 больных — мужчин, неспособных уже к работе, страдавших поносами, умиравших от дизентерии и туберкулёза. Переводили в отделение таких больных, которые признаны были «психиатрами» совершенно безнадежными и, по мнению врачей, их жизнь была лишь бременем и для них, и для государства, и для земской кассы, для которой их содержание было лишь безрезультатной тратой скудных земских средств без всякой надежды на возвращение их к прежней деятельности. Поэтому и паёк их был уменьшен до 14 копеек в день вместо 26 копеек в других отделениях. Больных держали на голодном пайке и, в полном соответствии с этим, они ускоренно гибли. Ежедневно в отделении умирали 4–6 «слабых и неопрятных» больных.

Целые дни, да правду сказать, и ночи я оставался на отделении, добросовестно исследуя и изучая больных. Здесь были тяжёлые эпилептики, были прогрессивные паралитики, были ослабевшие хроники после паранойи, был меланхолик с безусловным отказом от приёма пищи и питья. Его насильно кормили через желудочный зонд. Был тяжёлый кататоник, которого на руках поднимали и сажали на стульчак, открывали и закрывали ему рот. Десятка полтора больных мочились и испражнялись под себя, а один паралитик тащил себе в рот свои собственные испражнения.

Из хорошо изученных уже мною отчётов некоторых больниц и клиник я знал, что при правильном уходе можно избежать всех этих явлений, можно устранить весь этот смрад и придать отделению вполне пристойный клинический вид. Чтобы обеспечить надлежащее проветривание, я следил, чтобы весь день и ночь были открыты фрамуги. А чтобы больные не мёрзли, побывал в губернской управе и убедил лично её председателя, внимательного Н. Н. Сомова отпустить из вещевого земского склада несколько

десятков меховых тулупов. Заодно уж я подробно ознакомил передового просвещенного земца Н. Н. Сомова с причинами катастрофического вымирания больных от голодания — вследствие недокармливания. Неслышанно высокая больничная летальность в отделении Колмовской больницы (13–14 %) — это ведь фактически было результатом попустительства, граничащего с преднамеренным ускорением вымирания больных от недокармливания. Губернская управа разрешила мне сравнить расход на питание больных до уровня других отделений, т. е. увеличить рацион вдвое.

Первоначально средний персонал (фельдшеры, надзиратели, уборщик) составил мне глухую оппозицию. Виданное ли дело, неопрятному больному, прогрессивному паралитику Садкову, с неукротимыми и разрушительными наклонностями (за ночь он зубами и руками раздирает свою сорочку, простыню и наволочку на узкие полоски) и потому лежал на голых досках без сорочки, я надевал новую, чистую сорочку, давал ему новый матрац и новую простыню, и крепкое одеяло. «Ведь, всё равно, всё это он за одну ночь испортит». Но я сам часами просиживал у его постели, аккуратно, через каждые три часа, сажал его на ночной горшок, пока не наступало испражнение или мочеиспускание. Прodelьвал это со всеми другими неопрятными больными. Через немного дней у всех этих неопрятных больных установился прочный рефлекс: вслед за посадкой на стул с подставленным ведром незамедлительно следовал желаемый результат. Меньше стало работы с уборкой постелей; чище стал воздух в палатах, опрятнее больные.

Мало-помалу, по мере изучения мною каждого больного, я старался использовать сохранившиеся у них возможности к простейшим работам. Одни больные принимали участие в уборке палат, другие привлекались к подноске дров, к мойке посуды и т. д. Организованность во всём создавала упорядоченность, регулярность, порядок в жизни отделения. Это, в конце концов, облегчило труд ухаживающего персонала, исчезла глухая оппозиция и неверие в осуществимость и пользу всех вводимых мною новшеств. Доверие к новым порядкам, готовность отстаивать их возросла ещё и от того, что реже стали случаи смерти больных, так как при лучшем питании, при постоянном проветривании палат, при ежедневном пребывании на работе во дворе слабые больные становились более крепкими, переставали целые дни лежать, пристраивались к какому-нибудь делу.

Пока дом для главного врача пустовал, мне была отведена в нём квартира. Тогда оказалось возможным приехать ко мне Любови Карповне с нашей дочерью. При доме был прекрасный фруктовый сад с оранжереей. Мне удалось добиться разрешения взять из оранжереи кадки с комнатными растениями (олеандр, фикусы, филодендроны и пр.) для постановки их в отделение. Любовь Карповна привезла из Петербурга, по моей просьбе, много специальной литературы по вопросам организации психиатрической помощи, и я настойчиво пополнял свою недостаточную осведомлённость в этой отрасли врачебно-санитарного дела.

У меня складывалось мнение, что наиболее важным условием для правильной организации ухода за душевнобольными является такой подбор всего персонала, от врачей до простых служителей и уборщиц, при кото-

ром исключалась бы возможность отношения к душевнобольным не как к страдающим, попавшим в беду и вызывающим сочувствие сочленам человеческого общества, а как к тяжёлой обузе, к докучливому материалу, к бессознательным, злым нарушителям порядка, обихода, тишины, благополучия.

Персонал должен уметь сохранять в себе способность всегда видеть в душевнобольных — людей, вызывающих сочувствие и внимание к их несчастью. То, что я слишком много времени отдавал отделению, оставался там до поздней ночи, не раз в течение ночи проверял состояние дел; что я упорно и настойчиво сосредоточивал всё своё внимание на судьбе душевнобольных, на вопросах организации психиатрической помощи, вызывало большую, и думаю, вполне оправданную тревогу у Любови Карповны — не заслонит ли у меня эта узкая отрасль медицины более широкие общественные проблемы, общественные обязанности и перспективы. Её письма петербургским друзьям были полны этой тревоги.

По приглашению Любови Карповны из Петербурга к нам стали приезжать некоторые из друзей. Несколько дней гостил у нас Виктор Иванович Шарый, убеждавший меня не замыкаться, хотя бы и временно, в рамках отдельной узкой отрасли земской медицины, какую является помощь душевнобольным, а с прежней энергией искать путей, возможностей к поддержанию связей с передовыми общественными силами и с широким общественным движением. Помню, недели две гостила у нас Елена Дмитриевна Стасова¹, искавшая временного убежища, чтобы не быть в Петербурге. Часто приезжал удивительно милый доктор Николай Николаевич Штремер².

В Новгороде мы с Любовью Карповной бывали редко. Я был слишком поглощён задачей очеловечивания больных в моём отделении, изучением их и изысканием путей к возможным улучшениям психиатрической помощи. Вся наша жизнь протекала в Колмове. Только в семье Засечкиных мы изредка бывали. Там оживлённый интерес вызывали вопросы земской жизни, прохождение на губернском земском собрании докладов по школьному делу и земской медицине. Одна из сестёр Засечкиных работала в потребительской кооперации и горячо откликнулась на меры губернского земства по содействию развитию сельской кооперации. У Засечкиных мы встречались с земскими работниками. Там познакомился я впервые с Н. П. Малыгиным. В то время он был секретарём губернского земства и, если не ошибаюсь, не без моего влияния, решил тогда поступать на медицинский факультет Юрьевского университета, чтобы по окончании работать в земской санитарной организации. Вскоре своё намерение он привёл в исполнение. Вместе со своим близким другом, позднее ставшим первым прези-

¹ Стасова Елена Дмитриевна (1873–1966) — агент «Искры», участница революции 1905–1907 и Октябрьской революции; в 1918–1920 член ЦК РКП (б); в 1930–1934 — член ЦКК; член ВЦИК, ЦИК СССР.

² Штремер Николай Николаевич — врач Военно-медицинской академии; социал-демократ, член РСДРП, вместе со Стасовой доставлявший в Россию «Искру» и хранивший большевистскую литературу.

дентом Академии медицинских наук СССР Н. Н. Бурденко¹, он поступил на медицинский факультет Юрьевского университета. Ещё будучи студентом, работал по моему приглашению исполняющим обязанности земского санитарного врача Ветлужского уезда Костромской губернии, потом был там организатором санитарного дела, а затем заведовал санитарной земской организацией в Калуге и в Полтаве.

Довольно неожиданным было для меня сообщение председателя губернской Управы Н. Н. Сомова о том, что новгородский губернатор граф фон-Медем потребовал от него немедленного моего удаления со службы в Колмовской больнице. Земская управа возмутилась требованием губернатора. Н. Н. Сомов пытался говорить с губернатором, но получил от него формальный отказ, хотя и доказывал ему, что в Колмовской больнице вместо четырёх врачей, с моим устранением, при отсутствии главного врача, должность которого не замещена, останется только два врача, а приискать врача для работы в психиатрическом деле нелегко. Однако Н. Н. Сомов всё же настойчиво советовал мне побывать лично у губернатора и попытаться убедить его хотя бы временно оставить меня в покое и не прерывать моей столь усердной работы в больнице для душевнобольных.

Для меня ходить ко всякому начальству — это самая противная и мучительная задача, но делать было нечего. В один из приёмных дней, в часы, мне указанные, я был принят губернатором. Граф фон-Медем говорил далеко не безукоризненно по-русски. Я изложил ему свои соображения, по которым его распоряжение не может быть признано целесообразным и логически обоснованным. Ведь я целые дни работаю только среди душевнобольных. Совсем не общаюсь с теми или иными кругами населения. Следовательно, никакой противоправительственной пропаганды вести не могу. Высылка из Петербурга не имела целью лишить меня всяких средств к жизни. Она была вызвана лишь желанием устранить меня от общественно-политической работы и влияния в Вольно-экономическом обществе, на литературно-общественных собраниях и вечерах. Но, работая в Колмове, я в наиболее полной мере устранён от участия в общественно-политической жизни и лишён возможности вести какую-либо пропаганду. Совершенно нелогично, поэтому, для главы губернской администрации устранять меня из Колмова, ибо в самом Новгороде, куда я выслан, я буду иметь гораздо больше условий для проявления неугодного администрации влияния. Я излагал всё это спокойно, совершенно деловито и, мне казалось, убедительно. Однако никакого толка из этого не вышло. В своих репликах этот, как мне показалось, очень туповатый барон, заметил, что он, как представитель власти, не считает для себя возможным допускать к работе в земстве лиц, неугодных правительству. Но всё же более или менее любезно он обещал ещё подумать и дать окончательный ответ губернской земской управе. Думал он не очень долго, и вскоре губернская управа получила от него повторное требование о моём устранении с земской работы.

¹ Бурденко Николай Нилович (1876–1946) — хирург, один из основоположников нейрохирургии в России, академик АН СССР, главный хирург РККА.

Итак, восторжествовал наиболее простой принцип: «не пущать», не допускать. Он не требует никаких размышлений, и поэтому был господствующей формой руководящего участия государственной власти и её представителей на местах — «начальников» губернии — в земском строительстве, в земском обслуживании насущных нужд населения.

Пришлось искать квартиру в Новгороде. Не без труда была найдена в одном из домов на центральной площади небольшая, в две комнаты, квартира с кухней. Требовался ремонт. Незадолго перед новым годом я со своей небольшой семьёй выехал из Колмова. И сейчас, хотя прошло с тех пор уже более шестидесяти лет, я храню в своей памяти самую искреннюю признательность ко всему младшему персоналу моего отделения для слабых, неопытных и буйных больных. Фельдшер, надзиратели и все служители очень трогательно прощались со мною. Говорили и повторяли, что впервые себя настоящими людьми почувствовали, и работа им стала не в тягость. Давали обещания, что все новые порядки будут в отделении бережно поддерживать. Особенно неожиданным было для меня получение по почте коллективного письма «от сознательных больных отделения», в котором они общались, что узнали с большим огорчением о том, что я в больнице больше не работаю, и в простых, наивных словах отмечали, что во мне они находили и чувствовали отклики на их душевные боли и страдания.

Четыре месяца работы в Колмове оставили большой след в моём сознании и обогатили меня не только некоторыми знаниями и опытом в прежде очень мне далёкой отрасли земского медицинского дела — организации психиатрической помощи, но и расширили диапазон доступных моему внутреннему миру и сознанию чувств, мыслей и переживаний. Некоторые из них нашли отражение в статье о профессиональных вредностях труда врачей-психиатров, появившейся в печати уже в советский период.

От работы при переезде, при расстановке вещей в ещё не отремонтированной и нетопленной квартире у Любови Карповны начались, несколько раньше срока, роды. С изумительной душевной выдержкой Любовь Карповна относилась ко всем трудностям жизни. С товарищеской отзывчивостью пришёл по моему приглашению местный врач-акушер. Я ассистировал и заменял ему при родах акушерку. На свет явилась вторая дочь. Своё первое впечатление от неё я выразил в словах к матери, несколько разочарованной, что на свет явился не сын, для которого было уже заранее заготовлено имя, а опять девочка: «Хоть нос, как лопата, зато ума палата», — ответил я экспромтом. У нового жителя вселенной лоб действительно привлекал к себе внимание. И во всю последующую жизнь, независимо от моего сознания, этот явившийся в трудной жизненной обстановке член моей семьи занимал у меня где-то в подсознательной области особое место. Ей были посвящены в минуты особо трагические моей жизни мои письма в 1914 г., в дни катастрофы на фронте в Сольдау, с нею связаны самые острые переживания мои семь лет спустя. Весь январь и февраль начавшегося 1902 г. в низких комнатах первого этажа небольшого каменного дома на Новгородской площади прошли для меня в усидчивой журнальной работе.

Петербургские друзья помогли обеспечить для меня работу в «Больничной газете им. С. П. Боткина», в «Практическом враче», присылали

мне новые книги для составления рецензий в «Мир Божий»¹, «Русскую мысль»². Нужно было спешно готовить обзоры земских и городских санитарных изданий для «Вестника общественной гигиены». Огромную поддержку оказывала мне во всех работах Любовь Карповна, дружеским вниманием и заботами обо мне. Никогда не впадала она в уныние или боязнь за будущее, оставаясь всегда бодрой и деятельной.

Вскоре после родов под вечер неожиданно начался пожар в доме, тесно примыкавшем к нашему. Мы едва успели закутать детей и захватить наспех мои работы и кое-какое платье и ушли к Засечкиным. Только поздно ночью окончился пожар. Наш дом пожарные отстояли, но немало труда понадобилось, чтобы вновь привести нашу квартиру в обитаемое состояние.

Большим событием был приезд к Любви Карповне на целую неделю её близкого друга по Петербургу Варвары Николаевны Болдыревой. По окончании Женского медицинского института она работала на участке в Воронежском земстве. Вышла замуж за товарища по работе доктора Бражаса и теперь буквально была переполнена своим счастьем. Это счастье светилось в ней и отражалось в каждом её слове, в каждом движении. Оно как-то передавалось окружающим, становилось на сердце легче.

В конце февраля я получил совершенно неожиданно письмо от председателя Вологодской губернской земской управы В. А. Кудрявого³. Он спрашивал, как я отнесся бы к предложению занять место заведующего врачебно-санитарным бюро. По ходатайству вологодского губернского съезда врачей Вологодское губернское земское собрание внесло в смету ассигнование на создание такого бюро, и управа запрашивала меня, соглашусь ли я взять на себя работы по его организации. Я написал об этом И. А. Дмитриеву. Спрашивал его совета. От него узнал, что Вологодская губернская земская управа обращалась и в Санкт-Петербургскую, и в Московскую губернские земские управы с просьбой рекомендовать специалиста, и именно Иван Андреевич ответил в Вологду, назвав меня как желательного кандидата. По его сведениям, такую же рекомендацию послал, по поручению Московской земской управы, И. В. Попов.

У меня были внутренние колебания и неуверенность, сумею ли справиться с такой ответственной большой задачей и нежелание так далеко уезжать от Петербурга. Все эти сомнения, однако, уступили место заманчивому желанию развернуть более широкую деятельность, испробовать свои силы. Я ответил Вологодской управе своим согласием взять на себя работы по организации санитарно-статистического бюро. Но окончательное решение считал необходимым отложить до личных переговоров.

¹ Ежемесячный литературно-политический и научно-популярный журнал (СПб., 1892–1906). Позднее издавался под названием «Современный мир»

² Московский ежемесячный научный, литературный и политический журнал, издававшийся в 1880–1918. До 1885 — славянофильской, позднее умеренно-либеральной ориентации, после 1905 — фактически орган кадетской партии.

³ Кудрявый Виктор Андреевич (1860–1919) — председатель Вологодской земской управы, кадет. Депутат 1-й Государственной думы. Помогал политическим ссыльным, после Октябрьской революции назначен губернским комиссаром.

На службе в Вологодском губернском земстве (1902–1904)

Получив от Вологодской управы формальное приглашение прибыть в Вологду для личных переговоров, я выехал туда в марте 1902 г. Вологодский период деятельности (с марта 1902 по сентябрь 1904 г.) составил два с половиной года жизни. Мне тогда было 32–34 года.

Председатель Губернской земской управы В. А. Кудрявый, человек с высшим образованием, произвёл на меня сразу хорошее впечатление. Он внимательно выслушивал мои соображения и предположения о постановке и развитии деятельности губернского земства по объединению всей земской медицинской организации не путём распоряжений, а обслуживанием со стороны губернского земства общих запросов уездных земско-медицинских организаций, и, прежде всего, приведением в ясность и продвижением в жизнь постановлений последнего губернского съезда земских врачей; помощью отстающим уездам и временной помощью в борьбе с эпидемиями, когда сил местной участковой сети оказывается недостаточно; но, прежде всего, созданием при губернской управе такого органа (санитарного бюро или врачебно-санитарного отдела управы), который мог бы собирать из всех уездов, от всех врачей статистические материалы о характере заболеваемости, о причинах смертности и вообще о санитарном состоянии населения. При правильной разработке такого рода статистического материала губернное санитарное бюро сможет вооружать не только губернное земство, но и, прежде всего, непосредственных работников здравоохранения — участковых врачей и уездные медицинские организации точными показателями для сравнительной оценки санитарных условий, санитарного неблагополучия и эпидемиологического состояния своего участка, своего уезда по сравнению с другими участками и уездами и на основании такого сравнительного рассмотрения подходить к определению и постановке первоочередных задач по врачебно-санитарному делу. Мой план организации работы санитарного бюро встретил у В. А. Кудрявого полное одобрение. Он лишь указывал, что при этом нельзя забывать и задач, которые должны лежать на этом бюро, как на специальном отделе губернской управы, готовящем доклады, выносимые на рассмотрение губернского земского собрания и занимающемся устройством показательных или общегубернского значения лечебных учреждений. В первых переговорах моих в управе участвовал заведующий оценочно-статистическим бюро П. П. Румянцев¹. У нас оказались общие знакомые в Петербурге, и он пригласил меня временно остановиться у него.

В ближайшие дни я познакомился с рядом работавших в разных отделах губернской управы ссыльных. При их помощи подыскал себе квартиру и

¹ Румянцев (Шмидт) П. П. (1870–1925) — в социал-демократическом движении с 1890-х. В 1900–1904 состоял под надзором полиции в Вологде. После II съезда РСДРП большевик, делегат III съезда партии. В годы реакции отошёл от партийной работы, занимался статистикой. Участвовал в философских сборниках.

съездил в Новгород за семьёй. Квартира, снятая мною, оказалась неудобной и сырой, и мы окончательно поселились в большом деревянном доме с кухней в подвальном этаже, с тремя большими комнатами, верандой и палисадником, примыкавшим к дому с улицы. В этой сухой, здоровой, светлой квартире в доме старого купеческого строительства XVII–XVIII вв. мы прожили два с половиной года. Это был самый неомрачённый, полный напряжённой общественно-организационной и творческой работы период моей жизни.

Первым моим делом было налаживание санитарно-статистического бюро. Организационно оно являлось особым врачебно-санитарным отделом губернской управы, и ближайшей задачей его было обработать все оставшиеся после V губернского съезда земских врачей Вологодской губернии статистические материалы о земско-медицинской сети и об эпидемической и общей заболеваемости населения во всех уездах. Я обратился с письмом к каждому в отдельности участковому врачу с просьбой содействовать объединению врачебной сети и медико-санитарных учреждений всех уездов губернии в единую систему, обслуживающую общее дело — здоровье народа.

К письму были приложены бланки разработанной мною формы с отчётными данными о врачебной сети, её деятельности и распространении за отчётный месяц эпидемических заболеваний и просил ежемесячно присылать на этих бланках итоговые данные. Уже через месяц, сколько помню, откликнулись почти все земские участковые врачи. Мне удалось подготовить к выпуску первого номера врачебно-санитарного обзора Вологодской губернии обзор эпидемических заболеваний. В первые же месяцы я закончил редактирование и пополнение материалами недостающих сведений по нескольким уездам и выпустил в печатном виде «Труды V губернского съезда земских врачей Вологодской губернии».

Благодаря переписке у меня с самого начала сложились очень хорошие отношения, проникнутые взаимным доверием и уважением, со всеми земскими врачами уездов. Летом я объехал ряд уездов и лично познакомился со многими участковыми врачами. При этом я на месте подробно ознакомился в Великом Устюге с очень удачным опытом доктора Левицкого по ведению посемейно-поселковой записи в виде индивидуальной карты всех обращающихся в устюгскую больницу больных из города и уезда. За 15 лет эти карты составили бесценный материал для изучения местной заболеваемости и санитарного состояния населения.

Для получения разрешения на выпуск первого номера «Врачебно-санитарного обзора Вологодской губернии» мне пришлось лично побывать у вологодского губернатора Князева. В беседе со мною он очень хвалился тем, что в той сибирской губернии, которую он возглавлял прежде, он поддерживал самые лучшие отношения с политическими ссыльными. Не читая представленного мною сборника, он сделал разрешительную надпись, заметив: «Надеюсь, Вы меня не подведёте». Очень интересовался и расспрашивал меня о земских проектах улучшения санитарного и эпидемического положения губернии. Держал себя благожелательно, ни в малейшей мере не напоминая новгородского губернатора графа фон-Медема. Я об этом так

прямо и сказал ему, поддерживая разговор с ним в тоне совершенно неофициальном. Когда я уходил, он сообщил мне, что запрашивал Департамент полиции о возможности утвердить меня заведующим врачебно-санитарным бюро губернского земства и получил ответ, который мне тут же и показал. В нём директор Департамента полиции Зволянский кратко сообщал: «Допущение к работе в губернном земстве врача З. Г. Френкеля предоставляется на ответственность Вашего Превосходительства». «Ну, я не боясь взял это разрешение на свою ответственность», — закончил Князев.

Много раз пришлось мне заходить и после этого к Князеву за разрешительными надписями к выпуску последующих номеров «Врачебно-санитарного обзора Вологодской губернии». И всякий раз без всяких формальностей получал желательную резолюцию. Речи Князева при открытии губернских земских собраний в 1902–1903 гг. были деловиты, весьма благожелательны к передовым земским начинаниям и отличались особенно большим вниманием к вопросам здравоохранения и улучшения санитарных условий в губернии.

Совершенно необычно для губернатора было то, что он подчёркивал свой «демократизм». Осенью 1904 г., когда я приехал в Кострому и занял место заведующего врачебно-санитарным отделом Костромского губернского земства, однажды совершенно неожиданно он зашёл ко мне на квартиру (за несколько месяцев перед этим он был из Вологды переведён на должность губернатора в Кострому) и в тоне просто старого знакомого журил меня, что я не посетил его, а вот он, пожилой, меня навещает первым. Я с признательностью вспоминаю теперь благожелательное попустительство Князева, как губернатора, обязанного «тащить» и «не пушать», к прогрессивным земским начинаниям и лично ко мне. Но эти воспоминания омрачаются и перекрываются у меня более поздними тяжёлыми воспоминаниями о ноябре 1905 г., когда тот же костромской губернатор Князев стал попустителем черносотенного погрома и избиения полицией молодёжи, когда, разумеется не без согласования с ним был произведён у меня обыск и захват всяких земских бумаг. Вспоминаю также, что когда в 1906 г. колесо фортуны повернулось и я стал членом Государственной думы и однажды случайно лицом к лицу столкнулся с благодушно улыбающимся тогда уже генерал-губернатором Князевым, я не пожал его протянутой руки, а быстро прошёл мимо.

Первое же моё ознакомление с Вологодской губернией, с её огромными расстояниями от губернского центра до уездных земских организаций и медицинских учреждений, вызвало у меня желание иметь всегда перед глазами точную картину распределения всей медицинской сети по губернии. Пришлось преодолеть много трудностей, пока удалось составить удовлетворившую меня карту губернии с нанесёнными на неё всеми медицинскими учреждениями и с распределёнными по уездам и волостям всеми участковыми лечебницами, врачебными и фельдшерскими пунктами, а также с указанием фактически существующих в губернии путей сообщения — дорог и рек. При попытке определить, какую территорию занимает каждый из врачебных участков, следовало исключить сплошные, тянущиеся на многие десятки и даже сотни километров, лесные массивы и вообще пространства, не

имеющие ни одного населённого пункта. Врачебно-санитарной сетью нужно ведь обслуживать население, а не территорию саму по себе. Поэтому я выделил густой зелёной краской на карте пространства, совершенно лишённые населённых пунктов на протяжении более 30 км во всех направлениях. В таком виде карта и использовалась мною при всех последующих работах.

Губернский центр — город Вологда был более или менее тесно связан лишь с тремя-четырьмя уездами. Большинство же остальных уездов были настолько отдалены от центра, что ни о каком реальном их обслуживании такими учреждениями, как губернская больница, психиатрическая больница, больница для инфекционных больных и т. п., не могло быть и речи. В связи с этим уже в первый год моей работы в Вологодской губернии мне пришлось вплотную заняться очень сложным вопросом о губернской больнице, поставить вопрос об обязательности иметь отдельные больницы для города Вологды и для Вологодского уездного земства, а губернскому земству — взять на себя помощь всем уездам в развитии ими правильной сети лечебных учреждений, врачебных участков с собственными больницами и организовать междуездные врачебные участки, подняв их оснащение на уровень показательных участковых лечебниц губернского земства.

Совершенно очевидной представлялась необходимость открытия в отдалённой части губернии — для Усть-Сысольского, Яренского и Сольвычегодского уездов, отстоявших от Вологды дальше, чем отстоял от неё Берлин или Стокгольм, особую психиатрическую больницу-колонию. Для обоснования этих предположений я начал систематически собирать необходимые материалы, стараясь одновременно привлечь к этим вопросам внимание всей врачебной организации. К концу моей работы в Вологодской губернии мною были подготовлены подробно разработанные доклады о междуездных участках, а также по вопросу о децентрализации психиатрической помощи для VI губернского съезда врачей. В трудах VI съезда эти доклады и были затем напечатаны.

Все проводившиеся мною работы по установлению общей системы карточной регистрации заболеваний в губернии, по наблюдению и осуществлению мероприятий по борьбе с эпидемическими болезнями, по разработке материалов об умерших по группам приходов и волостей, нашли своё отражение не только в ежемесячных врачебно-санитарных обзорах и в моих докладах губернскому собранию и VI губернному съезду врачей, но также и в книге П. И. Куркина¹ «Санитарная земская статистика» (1903).

В 1903 г. Ярославское губернное земство устроило Выставку Северного края. Меня включили в экспертный совет по оценке организации земского санитарного дела в ряде земств, принявших участие в выставке своими экспонатами. Экспертный совет также составлял общий сравнительный очерк состояния земского врачебно-санитарного дела в губерниях Северного края. В наглядных больших красочных картах и диаграммах я попытался отобразить как санитарное состояние губернии и её отдельных уездов, так

¹ Куркин Пётр Иванович (1858–1934) — деятель санитарной статистики. С 1895 в течение 30 лет заведовал медико-статистическим отделом губернского санитарного бюро Московского земства.

и состояние и развитие сети земских медицинских учреждений. В Ярославле на выставке я много раз разъяснял содержание и смысл этих диаграмм. Это привлекало внимание посетителей. С этого началось моё знакомство с Ариадной Владимировной Тырковой¹, Дмитрием Ивановичем Шаховским и целым рядом земских работников и членов редакционного кружка газеты «Северный край».

Участвовать в экспертном совете Ярославское губернское земство пригласило М. С. Уварова и Ивана Андреевича Дмитриева из Петербурга и Ивана Васильевича Попова и Петра Ивановича Куркина из Москвы. В течение ряда дней мы совместно изучали и обсуждали представленные на выставку материалы и все имевшиеся в печати отчёты, доклады, сборники и издания, помогавшие дать оценку по объективным показателям (с учётом количества населения) положения земской медицины и санитарного дела во всех северных губерниях. Для меня напряжённая работа в этом экспертном совете под руководством П. И. Куркина и М. С. Уварова была настоящей школой. С тех пор у меня сложились самые тесные дружеские отношения с незабываемым Петром Ивановичем Куркиным, не прерывавшиеся до самой его смерти. Его обаятельный образ, всегда дышавший внутренней силой, цельностью, правдивостью и глубоким пониманием сложных общественных положений и задач, живёт и никогда не потускнеет в моём сознании.

Для работы в санитарно-статистическом бюро, которым я заведовал (я предпочитал именовать его врачебно-санитарным отделом) была привлечена мною Юлия Григорьевна Топоркова. Она оказалась очень ценным помощником при налаживании всего так называемого делопроизводства и установления необходимой дисциплины и распорядка деятельности отдела. Много внимания я уделял составлению библиотеки санитарно-статистических и земских медицинских изданий. О приобретаемых или присылаемых в обмен книгах, сборниках и трудах я лично делал небольшие заметки во «Врачебно-санитарном обозрении». Это облегчало участковым врачам обращаться в отдел с просьбами о высылке им соответствующих изданий. Всю переписку по этой части вела Юлия Григорьевна.

Большую организационную работу пришлось вести при налаживании всё расширявшейся деятельности врачебно-санитарного отдела. Нужно было обеспечить получение от каждого участкового врача текущих ежемесячных сведений о всех сторонах их работы в участках. Я разработал форму отчёта для отправки его на обычной почтовой открытке с несложной таблицей, заполняемой цифровыми данными. Мне кажется, в этой лаконичной «форме» впервые в земской практике удалось мне заменить всю сложную прежнюю переписку по собиранию сведений от врачей. Сопоставление и сведение воедино полученных цифр давали возможность еже-

¹ Тыркова (в замужестве Вильямс) Ариадна Владимировна (1869–1962) — журналистка, писательница. Участвовала в организации кадетской партии, член её ЦК с 1906 года. Гимназическая подруга Н. К. Крупской. После Февральской революции руководила кадетским бюро печати, член Петроградской городской думы. После разгрома армии Деникина выехала с мужем-англичанином в Англию. См.: *Шелохаев В. В.* Ариадна Владимировна Тыркова // Вопросы истории. 1999. № 11–12.

месячно освещать санитарное состояние губернии, распространение по участкам заразных заболеваний и оказание населению врачебной помощи — амбулаторной, поликлинической, стационарной и участковой. Письмо с просьбой доставлять аккуратно сведения и бланки открыток с таблицей на них были разосланы во все участки. Поуездная и общегубернская сводки печатались мною во «Врачебно-санитарном обзоре Вологодской губернии» в таком виде, что каждый врач не только видел все сведения по своему участку, но и привыкал сопоставлять объём и содержание своей работы с работой других врачебных участков и постоянно чувствовать себя живым звеном в общей врачебно-санитарной сети губернии.

Сводка получаемых сведений, рассылка бланков, заготовка огромного количества карточек для записи амбулаторных и коечных больных, работа по получению от многих сотен церковных приходов сведений о родившихся и умерших и т. д. требовали помощи хотя и немногочисленных, но сознательно интересующихся делом сотрудников. Юлия Григорьевна Топоркова оказалась именно таким помощником. Она в то время отбывала ссылку в Вологде. Я был знаком с нею ещё в Петербурге по её деятельности в Обществе помощи политическим заключённым и ссыльным, встречался с нею на собраниях у Александры Михайловны Калмыковой. Юлия Григорьевна отличалась исключительной выдержкой и организованностью во всякой работе, за которую она бралась. С большим интересом и пониманием относилась она ко всем сторонам деятельности отдела, когда мне удалось получить разрешение губернского начальства о допущении её к службе в качестве моего помощника по делопроизводству.

Летом 1903 г. ко мне в Вологду приехал один из петербургских знакомых — Леонтий Леонтьевич Бенуа¹, с которым я часто встречался у А. М. Калмыковой. Он сообщил, что для налаживания издания за границей печатного органа, рассчитанного на распространение в земских кругах, необходимо помочь Юлии Григорьевне выехать из вологодской ссылки в Штутгарт. Это удалось осуществить после отъезда Бенуа из Вологды. Тоненькая, худощавая Юлия Григорьевна перед отходом поезда зашла к нам. С помощью Любви Карповны она переделась в заранее приготовленное для неё платье пожилой купчихи с широкой юбкой и большим платком на плечах. С железнодорожным билетом и чемоданом в условленном вагоне её ожидал Д. И. Золотов. Перед отправкой поезда, как всегда, жандарм обошёл вагон за вагоном, внимательно всматриваясь в лица отъезжающих, специально проверяя, нет ли среди них поднадзорных ссыльных. Наряженная купчихой Юлия Григорьевна совершенно не вызвала его подозрений. Так благополучно добралась она до Петербурга, а там на парусной яхте Бенуа доставил её к проходившему шведскому пароходу. Из Стокгольма затем Юлия Григорьевна переехала в Штутгарт, где и оставалась до 1906 г. Розыски её в Вологде начались только через неделю после её отъезда, когда мы уже получили от неё открытку из Стокгольма.

Нелегко было заменить Юлию Григорьевну соответственным работником в нашем бюро... Успешнее других работал в качестве моего помощ-

¹ Сын архитектора Леонтия Николаевича Бенуа.

ника С. Ф. Галюн, приглашённый мною на должность эпидемического врача. Порученное ему обследование и описание Пальмской волости, куда он был отправлен по поводу распространения там тифозных заболеваний, он выполнил. Эту его работу я тщательно отредактировал. Она была напечатана в виде особого приложения к «Врачебно-санитарному обозрению Вологодской губернии».

Из местных вологодских врачей наиболее выдающимся и оригинальным был Авенир Алексеевич Снятков¹. Он был глубоким знатоком флоры, фауны и геологии Вологодской губернии. Свой летний отпуск из года в год он использовал для ботанических экскурсий в отдалённые уезды Вологодчины. Из них он систематически привозил пополнения для своих обширных коллекций, в особенности по части гербариев. Если я не ошибаюсь, он был членом-корреспондентом Академии наук. С большой готовностью Авенир Алексеевич откликнулся на мой почин приступить к организации Вологодского краеведческого музея. В 1903 г. был организован специальный совет Вологодского местного музея. В него кроме А. А. Сняtkова мне удалось привлечь управляющего государственным имуществом Сущевского, Д. С. Богданова и нескольких земцев. За отсутствием помещения мы на первое время стали собирать экспонаты по геологии и палеонтологии, размещая их на площадках главной лестницы в губернской земской управе. Наше собрание очень скоро удалось пополнить ценнейшими палеонтологическими находками. В размывах и оползнях и при постройке земских дорог было найдено много бивней и зубов мамонтов, два крупных черепа ископаемого носорога. Благодаря Сняткову появились целые коллекции птиц. Среди них были крупные экземпляры арктической совы, филинов, совок и др. Особенно ценны были геологические материалы по межледниковому периоду. В подвальных помещениях губернской управы я разместил коллекции сельскохозяйственных экспонатов. Снопы сена, льна из Устюгского и Никольского уездов, хмеля из Тотемского уезда и пр., оставшиеся после сельскохозяйственной выставки, устроенной губернским земством.

Ценным пополнением зарождавшегося краеведческого музея стали образцы пород и геологических находок, собранные одним молодым геологом, отбывавшим в Вологде ссылку, — В. А. Русановым². Летом 1903 г. он получил разрешение отправиться в экспедицию в крайнюю северо-восточную часть Вологодской губернии, проплыл на лодке по протокам Печоры, обнаружил выходы нефти на реке Ухте. Привёз и передал для будущего музея собранные коллекции минералов, в том числе кварцевые обломки с включением золота, остатки и окаменелости ископаемых животных, бивни и зубы мамонта и другие ценные экспонаты. За неимением специальных помещений и музейного оборудования я разместил их пря-

¹ Снятков Авенир Алексеевич (1855–1920) — врач, ботаник, один из создателей краеведческого музея в Вологде.

² Русанов Владимир Александрович (1875–1913?) — русский полярный исследователь. В 1907–1911 совершил ряд экспедиций на Новую Землю, в 1912 руководил экспедицией на судне «Геркулес», пропавшей без вести. Следы её пребывания на островах в Карском море обнаружены в 1934.

мо на открытых полках на площадках главной лестницы. Для популяризации планов устройства местного музея я очень часто показывал и объяснял земским служащим и случайным посетителям пока ещё очень скудные, но интересные первые поступления. Это вызывало интерес, особенно у некоторых молодых любителей природы. И музей стал обогащаться коллекциями чучел птиц и кое-каких местных зверей (выхухоль, хорьки, лисицы), коллекциями насекомых (жуков, вредителей культурных растений) и особенно чудесными коллекциями бабочек, собранными учениками старших классов гимназии.

Наиболее ценным обретением музея, однако, были коллекции сортов льна, собранные из разных районов Вологодской губернии для сельскохозяйственной выставки. Вокруг работ и планов по развитию музея мало-помалу складывался круг активных сотрудников. На почве общего интереса к исследованию и познанию природы у меня сложились близкие отношения с рядом местных энтузиастов, среди которых, помимо уже упомянутых А. А. Сняtkова и Суцёвского был также Николай Яковлевич Масленников.

Значительное место в моей вологодской жизни занимало моё участие в организации и непосредственном проведении летних педагогических курсов губернского земства для учителей сельских школ. Каждый год на средства, специально ассигнуемые для этого губернским земством, устраивались шестинедельные курсы. На них съезжались учительницы из всех уездов губернии. Душой курсов был приезжавший из Петербурга известный педагог Александр Петрович Нечаев¹. Он умел вызывать у учителей и учительниц большое желание к расширению знаний и педагогического кругозора. Я лично читал в качестве курса «школьная гигиена» общие основы физиологии и гигиены школьного возраста. К лекциям я готовился с большим увлечением, и это моё увлечение передавалось чуткой и восприимчивой аудитории молодых педагогов.

Самой крупной моей работой в вологодский период была подготовка VI губернского съезда земских врачей. Главной задачей при его подготовке было составление в каждом уезде коллективного, проверенного и всесторонне обсуждённого делегатского доклада о состоянии, нуждах и планах дальнейшего развёртывания всего земско-медицинского и санитарного дела в уезде. Я разработал программу и форму табличных сведений о всех сторонах медицинского и санитарного дела по каждому врачебному участку за каждый год.

Сам я лично на основании статистических и отчётных врачебно-санитарных данных за 1902–1904 гг. составил полный общий очерк состояния медицинского обслуживания населения и развития земского врачебно-санитарного дела в целом по губернии. Особый доклад я подготовил по губернской больнице и по участию губернского земства в развитии участковой сети путём организации межездных участковых больниц и специальных пособий маломощным уездным земствам на создание участковых

¹ Нечаев Александр Петрович (1870–1948) — основатель первой в России Лаборатории экспериментальной педагогической психологии. Профессор, автор ряда работ по детской психологии.

лечебниц. К съезду мною был разработан также доклад о децентрализации в губернии психиатрической помощи путём устройства психиатрической больницы-колонии в восточной части губернии, а при уездных земских больницах специальных психиатрических отделений для острых нервно-психических заболеваний.

Состоявшийся в августе 1904 г. съезд протекал в условиях исключительно активного интереса к дальнейшему развитию земско-медицинского и санитарного дела со стороны как делегатов из уездов, так и всех других участников, в том числе многочисленных земских деятелей (председателей и членов управ и гласных). Незадолго перед открытием съезда умерли Е. А. Осипов¹ и А. П. Чехов. Я посвятил свою первую речь на съезде их памяти. В ней я попытался обрисовать их значение для развития русской культуры и их заслуги в создании общественного и морального типа русских врачей.

К концу съезда окончательно созрело моё решение перейти на работу в Костромское губернское земство для организации и заведования губернской санитарной организацией. Но я совершенно ясно отдавал себе отчёт, что лучших, более благоприятных условий для успешной общественной земско-медицинской деятельности, чем были у меня в Вологде, ожидать было нельзя. Атмосфера товарищеского взаимного уважения и поддержки всех намечаемых мною мер со стороны всех участковых врачей вносила бодрую уверенность и вызывала творческий подъём в работе.

Прощаясь после съезда с его участниками — делегатами четырнадцати уездов, я высказал, как глубоко ценю я сложившуюся в работе обстановку и в то же время указал, что не считаю себя вправе уклониться от предложенной мне в Костроме более трудной и более широкой задачи создания губернской санитарной организации.

Совсем необычным с точки зрения отношений со стороны влиятельных представителей тогдашнего земства в других губерниях к «третьему элементу», т. е. к земским служащим — врачам, статистикам, агрономам, учителям было участие в прощальном товарищеском вечере, устроенном земскими врачами по случаю моего предстоящего отъезда в Кострому, ряда влиятельных земских гласных. Один из них, председатель Грязовецкой управы В. Н. Брянчанинов, по просьбе собравшихся был даже председателем на этом вечере. Он открыл общую беседу обзором моей работы и отметил, что губернское земское санитарное бюро благодаря моему интересу и любви к медицинскому делу, моему уважению и товарищескому отношению к участковым врачам, смогло объединить разрозненные медицинские учреждения всех уездов обширной губернии в тесно связанную, воодушевленную преданностью земскому врачебно-санитарному делу единую организацию. Он закончил чрезмерно хвалебным выражением уверенности в том, что и в Костроме отнесутся к моей работе с таким же пониманием и признанием, как в Вологде, и что от Костромы по всей великой реке Волге

¹ Осипов Е. А. (?–1904) — земский санитарный врач, гигиенист, один из создателей русской школы изучения физических состояний и заболеваемости на основе санитарно-статистических методов исследования и демографических данных.

пойдёт намечавшийся тогда, в 1904 г., подъём земского и широкого общественного движения.

А. Н. Брянчанинов представлял собою оригинальную фигуру в дворянской среде. Человек необычайно большого, прямо монументального роста, он обладал незаурядным ораторским даром, с увлечением отдавался чтению русских писателей, отказался от открывавшейся перед ним карьеры губернатора. Говорили, что он одно время был пострижен в монахи и чуть было не сделался архиереем, но потом круто изменил курс своей жизни, вернулся к себе в усадьбу, отдался земской культурной работе и сделался председателем Грязовецкой уездной управы, и готов был примкнуть к демократическому движению, начавшему в то время проникать в некоторые земские круги Вологодской губернии. Последнее могло быть связано со всё более увеличивавшимся числом политических ссыльных, среди которых были А. В. Луначарский¹, А. А. Богданов (Малиновский)², доктор В. Д. Ченькаев из Саратовской губернии, В. А. Кистяковский³ и многие другие. С обществом политических ссыльных в постоянном общении находились влиятельные земские деятели, например, председатель губернской управы В. А. Кудрявый, губернские гласные Масленников, Лавров и другие. Они бывали на вечерах, где выступали с докладами и рефератами находившиеся в ссылке литературные работники. Среди последних был и такой нововременский писатель, как А. В. Амфитеатров⁴, очутившийся в Вологде за свой фельетон «Господа Обмановы», под которыми он изобразил дом Романовых. В Вологде Амфитеатров бывал со своей женой у нас, мы с Любовью Карповной были у него с ответным визитом. Гораздо более интересным было для меня знакомство с А. А. Богдановым (Малиновским). Во время своей вологодской ссылки Богданов начал работать врачом в Кувшиновской больнице-колонии для душевнобольных и вследствие вакантности места директора фактически исполнял его обязанности. Глубоко вздумчивый, всегда ровный, привлекавший к себе своей исключительной скромностью, Александр Александрович встретился в психиатрической больнице со многими из тех проблем, которые так глубоко волновали меня в Колмове.

В качестве отдыха от своих социально-экономических работ и от обязанностей врача-психиатра Богданов любил заниматься астрономией и имел даже у себя телескоп. Вместе с Любовью Карповной мы бывали у ведшего очень уединённую жизнь в Кувшинове А. А. Богданова. Но ещё более близкими были наши отношения с Владимиром Дмитриевичем Ченькаевым, который жил в ссылке вместе со своей свояченицей. Нас обоих

¹ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) — первый советский нарком просвещения, писатель, философ, академик АН СССР.

² Богданов (Малиновский) Александр Александрович (1873–1928) — революционер, врач, экономист, философ. В 1898–1909 — большевик, затем — отзовист. С 1926 — организатор и директор Института переливания крови, погиб, производя на себе опыт.

³ Кистяковский Владимир Александрович (1865–1952) — физико-химик, академик АН СССР.

⁴ Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) — писатель, фельетонист. После 1920 — эмигрант.

интересовало развитие земско-медицинского дела, изучение заболеваемости, вопрос о введении карточной регистрации первичных обращений за врачебной помощью, постановка работы санитарно-статистического бюро, налаживание деятельности санитарных советов и пр. Ченькаевы часто бывали у нас. В марте 1903 г. Владимир Дмитриевич оказал акушерскую помощь при рождении моей младшей дочери Валентины¹.

Почти десять лет спустя, в 1912 г., во время заграничной поездки я навещал жившего в то время в Париже В. Д. Ченькаева. Он по-прежнему живо откликался на все течения и события русской общественной жизни. Как практический врач с большим опытом, Владимир Дмитриевич имел практику в одном из периферийных районов Парижа и, конечно, тосковал по земской врачебной деятельности, но перспективы на скорую возможность вернуться на родину он в то время ещё перед собой не видел.

В Вологде в 1904 г. был в ссылке Степан Иванович Радченко², которого я хорошо знал в Петербурге по его работе в рабочих кружках. В Вологде он был нашим близким другом. Мы с Любовью Карповной поддерживали постоянное общение с несколькими ссыльными, работавшими в губернском земстве в отделе статистики: Саммером³, который после Октябрьской революции был председателем Губисполкома; Дреллингом, Марией Дидрикуль и со многими другими.

Деятельность и жизнь в Костроме (1904–1909)

После VI Вологодского съезда земских врачей я стремился ускорить редактирование и печатание его трудов и подготовку всего необходимого для осуществления решений съезда по организации изучения движения населения (общей и детской смертности, рождаемости, брачности) по волостным районам, т. е. по группам приходов, приблизительно совпадающим с волостями, и других. Только после издания всех трёх томов трудов VI съезда я считал возможным переехать из Вологды в Кострому. Посещение Костромы для окончательных переговоров с губернской управой вызвало у меня восхищение самим городом, его живописным расположением на склонах и верхней террасе волжского берега, открывавшимися из города замечательными видами на заволжские дали.

В губернской управе не чувствовалось особого интереса к предстоящему развёртыванию работы. Её председателем оставался более чем вось-

¹ Валентина Захаровна родилась 21 марта по ст. стилю (2 апреля — по новому).

² Радченко Степан Иванович (1869–1911) — участник революционного движения, инженер. Один из организаторов и руководителей Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса, член ЦК РСДРП. С 1906 от партийной работы отошёл.

³ Саммер Иван Адамович (1870–1921) — член РСДРП с 1897. В революцию 1905–1907 секретарь Русского бюро ЦК, один из руководителей вооруженного восстания в Казани.

мидесятилетний П. В. Исаков, достаточно далёкий от всяких передовых течений или стремлений к расширению круга земской деятельности, к прокладыванию путей для новых земских начинаний. Однако он со вниманием выслушал мои соображения о более целесообразной организации противоэпидемических мероприятий, о распределении расходов на врачебно-санитарное дело между губернским и уездными земствами, об учреждении должностей санитарных врачей для согласованного проведения постоянной санитарной работы в уездах, об издании губернским земством обзоров и материалов по санитарному изучению губернии.

Год был выборный. Предстояли выборы управы на новое трёхлетие, и старому земскому председателю, по-видимому, казалось не бесполезным выступить перед собранием с докладом, который мог бы привлечь внимание новых гласных. В связи с этим управа выразила желание, чтобы я ускорил переезд в Кострому. Однако мне удалось осуществить это только в начале осени. Поселились мы в нижнем этаже в доме Москвина на верхней волжской террасе, недалеко от спуска к Волге в Губернаторском переулке.

Я начал свою работу с наиболее полного собрания материалов о санитарном состоянии Костромской губернии, о положении и развитии в ней земско-медицинского дела. В первые же недели мною был подготовлен, напечатан и разослан всем врачам первый выпуск «Врачебно-санитарного обозрения Костромской губернии». Предстояло подготовить созыв совещания при губернской управе представителей уездных санитарных советов для перехода к созданию постоянного губернского совета, объединяющего и направляющего всю земско-медицинскую организацию.

Была осень 1904 г. и до Костромы докатывались волны подъёма общественного движения. На проходивших в губернской управе совещаниях я познакомился с заведующим земской статистикой Корсаковым и другими земцами передовых воззрений. Совещания не ограничивались уже только узкими рамками текущих земских задач, а систематически начинали связывать возможность успешного развития всех местных дел и удовлетворение местных нужд с необходимостью коренных преобразований во всём строе, в укладе государственного управления.

Существенно важным в моей работе было принятие губернской управой разработанного мною положения о губернском санитарном совете и созыве его первого заседания 15 ноября 1904 г. На нём была утверждена предложенная мною же программа проведения в ближайшее время очередного губернского съезда врачей, который не созывался в Костроме уже в течение шести лет. Однако революционные события 1905-го и последующих годов не дали возможности подготовить и провести этот съезд раньше 1908 г. Общее направление мыслей и общественных устремлений в кругах передовых земских врачей конца 1904 г. нашло полное отражение в ходе и постановлениях Пироговского противохолерного съезда в марте 1905 г. в Москве.

Последние месяцы 1904 г. прошли для меня в напряжённой работе по составлению докладов по проблемам развития врачебно-санитарного дела в губернии к очередному Костромскому земскому собранию, предстоявшему в январе 1905 г. В них я обосновывал необходимость заблаговременно приступить к проведению широких мер против угрожавшей эпидемии

холеры. Я считал основной задачей переход от временных, экстренных мер к созданию постоянной врачебно-санитарной организации, опирающейся на развитую сеть врачебных участков с надлежаще оборудованными больницами, отделениями для заразных больных, способствующей самодеятельности населения в проведении оздоровительных мер (санитарные попечительства). Я считал необходимым также широко развернуть работу по санитарному просвещению.

Особый доклад был посвящён организации в Костромской губернии сети лечебно-продовольственных пунктов в местах скопления речников, судорбочих и рабочих, отправляющихся на временные заработки, занятых «отходными» промыслами. Все доклады по санитарному делу, составленные мною в декабре 1904 г., были напечатаны отдельным выпуском. По постановлению земского собрания осуществление содержащихся в них предложений и стало основой моей профессиональной работы в 1905 г.

Было увеличено число уездных санитарных врачей, налаживалась систематическая работа губернского и уездных санитарных советов, Участие в их заседаниях давало возможность детально знакомиться с работой врачебно-санитарной сети на периферии и получать непосредственные сведения о личном составе земских медицинских работников. В Кинешме выдающуюся роль играл молодой инициативный председатель управы П. П. Калачёв, а среди участковых врачей выделялась замечательная по своей хирургической и организаторской работе Ольга Стратониковна Яковлева. В связи с отсутствием больницы на её участке она приспособила, затрачивая на это своё жалование, операционную в крестьянской избе. В 1905 г. для участия в уездных врачебно-санитарных советах я выезжал в Юрьевец, в Макарьев, в Галич. Для помощи в организации работы созданных в 1905 г. попечительств я несколько раз выезжал в посёлок Большие Соли, где принимал участие в заседаниях попечителей.

Налаживание работы санитарных попечительств в условиях не прекращавшейся опасности развития холерной эпидемии была наиболее доступной — с точки зрения полицейских преград — формой общественной работы по поднятию самодеятельности населения и по участию врачей в культурно-просветительной работе. Нараставшее в 1904–1905 гг. оживление общественной жизни оказывало влияние на увеличение числа и расширение деятельности попечительств, которые стали включать в круг своих мероприятий открытие местных потребительских обществ, кредитных товариществ, кооперативных складов и лавок.

Перешедший на работу в Кострому из Московского земства Александр Сергеевич Дурново — молодой, энергичный участковый врач Большесольского участка с увлечением занимался делами своего попечительства. Ему удалось вовлечь в эту работу ряд очень деятельных выдвиженцев из крестьян. Возникла тесная связь санитарного попечительства с кооперативным движением. Я помещал обширные подробные отчёты об оживлённой деятельности Большесольского попечительства во «Врачебно-санитарном обозрении...». Однако в 1906 г. костромское жандармское управление и его вдохновитель товарищ прокурора — известный П. Н. Кошуро-Масальский разгромил молодое, начинавшее жить большесольское общественно-

кооперативное движение. Доктора Дурново и нескольких кооператоров-крестьян арестовали и долго томили в тюрьме с явной целью терроризировать местное население и земскую интеллигенцию.

Летом 1905 г. с большим успехом шла организация разработанной мною сети лечебно-продовольственных пунктов в местах скопления рабочих на пристанях по Волге: в Кинешме, в Юрьевце и по её притокам — Ветлуге и Унже, в Макарьеве и Шарье. Для работы в этих пунктах были приглашены студенты-медики последних курсов преимущественно из Медицинской академии и Женского медицинского института. Работа на этих пунктах состояла в организации ночлежных помещений, столовой, чайной и в оказании амбулаторно-врачебной помощи. Одновременно велась большая санитарно-просветительная и культурная работа.

Это был 1905 год! С большим подъёмом, не жалея сил, не щадя своего здоровья трудились на лечебно-продовольственных пунктах приглашённые нами студенты и студентки (Людмила Васильевна Мороз, Ушаков, Каберидзе и целый ряд других). Они пропускали в сутки по тысяче и более рабочих, обследуя их, отделяя здоровых от больных, оказывая медпомощь, ведя санитарную и культурно-просветительскую работу. Увлечение миссией добрых дел помогало молодым работникам преодолевать огромные организационные трудности и вести напряжённую «вахту» по пятнадцать и более часов в сутки. И вот в самый разгар этой работы Кошуро-Масальский с жандармами предпринял рейд, произвёл обыски в поисках революционной литературы и арестовал всех заведующих лечебно-продовольственными пунктами. Как только губернская управа получила об этом телеграмму, немедленно, по моему представлению, были посланы другие находившиеся в Костроме студенты, которые оказались вполне достойными заместителями своих предшественников.

Кошуро для устрашения произвёл обыск и у меня. Любовь Карповна проявила при этом необыкновенную выдержку. Обыск у меня по замыслу и под непосредственным руководством и с личным участием товарища прокурора Кошуро-Масальского проведён был с подчёркнутой крикливостью и давлением. Квартира была оцеплена пешей и конной полицией. Жандармы и с ними сам Кошуро-Масальский копались с вечера и всю ночь до утра, перетряхивали детские кроватки и кухонную утварь, подушки, мебель, перелистывали каждую книгу. В предъявленном ордере было указано, что обыск должен быть произведён у меня, а не у моей жены. Поэтому Любовь Карповна решительно и настойчиво требовала, чтобы её комнаты и её вещи обыску не подвергались. Но, невзирая на спокойную и твёрдую позицию Любви Карповны, товарищ прокурора отдал распоряжение копать и искать повсюду. Он потребовал, чтобы была раскрыта личная шкатулка Любви Карповны, но получил твёрдый отказ: «Шкатулка с моими личными инициалами, в ней мои интимные письма, и я не хочу, чтобы в них копались чужие, грязные руки». В конце концов, Масальский сделал оформленное постановление: «Призвать слесаря для вскрытия ларца», ввиду отказа дать ключ от него.

В томительном ожидании вся жандармская сила оставалась без действия, пока полиция не отыскала в городе глухой ночью слесаря. Привезённый, наконец, какой-то мастер, неумелый и напуганный, долго возился

с ларцом, но всё-таки взломал пружину и открыл крышку. Шкатулка была... пуста! В ней лежали лишь обручальные кольца. Даже жандармы, к огорчению Кошуро, не смогли удержаться от взрыва смеха над разочарованным представителем прокурорского надзора.

Среди разных бумаг по распоряжению Кошуро-Масальского у меня был захвачен черновик доклада губернского предводителя дворянства П. В. Шулепникова, который тот оставил вечером у меня с просьбой ознакомиться и дать ему утром некоторые справки. На открывшемся Губернском дворянском собрании предводитель с глубоким возмущением сообщил о бесчинстве Масальского, захватившего при обыске его доклад. Попутно он описал бесчинства помощника прокурора и в отношении лечебно-продовольственных пунктов. Неслыханным в летописях таких архаических учреждений, как дворянское собрание, было единогласное постановление обратиться в Министерство юстиции с ходатайством о немедленном переводе Масальского из Костромской губернии, как оскорбившего предводителя дворянства и, в его лице, всё костромское дворянство. Всё это происходило в начале октября. Революционные события и явившийся в их результате октябрьский манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», провозгласивший гражданские свободы и создание Государственной думы, положили конец всем прокурорским замыслам и делам.

Но через несколько дней после октябрьского манифеста в Костроме, как и во многих других городах, произошли погромные избиения молодёжи, подготовленные и организованные черносотенной организацией «Союз русского народа» при благосклонном участии местных полицейских властей.

Ярко встаёт в памяти картина, которую мне пришлось видеть ночью после того, как днём на площади в Костроме было первое шествие молодёжи с плакатом учащих семинарии о манифесте 17 октября. Съехавшиеся на базар крестьяне, подстрекаемые полицией, напали на манифестантов. Ночью ко мне постучался околоточный, он просил меня поехать с ним в полицейское управление, чтобы оказать помощь умирающему. Я прибыл в полицию. Там в комнате исправника находились несколько окровавленных, стонавших юношей, избитых и израненных. Я потерял самообладание, стал громко упрекать полицейских чинов за бесчеловечное отношение к людям, требовал, чтобы раненые были немедленно отправлены в больницу. Исправник Каковский был, как поляк, не очень благосклонно настроен к «чёрной сотне» «Союза русского народа». Он насильно вывел меня через особую дверь и настойчиво просил удалиться. «Вы ничего не понимаете и не видите, скорее уходите!»

Я отправился не домой, а в «общественное собрание» (клуб). Там всегда были дежурные старшины. Я по телефону обратился к губернатору Князеву, описал ему весь ужас виденных мною избитых и израненных юношей и просил его распорядиться об отправке их в больницу. Всё это было, разумеется, совершенно необычно. Губернатор растерянно и достаточно сухо «поблагодарил за сообщение». Он действительно отдал распоряжение о переводе избитых в больницу, где я их и увидел на следующий день.

В течение нескольких дней циркулировали слухи, что погрому подвергнется со стороны какой-то «чёрной сотни» моя квартира. Но дальше разговоров дело не пошло. Слишком очевидно и широко нарастало освободительное движение. Оно как-то самоchinно стало проявляться даже в том, где и в чём его менее всего можно было ожидать. В Костроме, как во всяком губернском городе, ещё с гоголевских времён, существовал клуб, по своему уставу именованный «общественным собранием». Его подлинным содержанием была игра в карты, в пределах допускаемой законом степени азартности. Кроме карточной игры, в клубе процветал буфет и имелись мало кого интересовавшие библиотека и читальня. Но с 1904 г. сначала понемногу, а затем всё более заметно стал нарастать интерес именно к клубной библиотеке. Обычно пустые в прежние годы обширные залы читальни стали местом, куда заходили не карточные завсегдатаи, а служащие губернского земства, адвокаты, врачи и прочие «разночинцы». В соответствии с возросшими запросами клубная администрация, имея на это ранее не использованные средства, расширила список получаемых газет, журналов и вновь выходящих книг. Совет старшин, подчиняясь духу времени, стал устраивать литературные вечера. Уже не для еженощной игры в карты, а для пользования библиотекой и кабинетами для чтения стали вступать в клуб новые члены. И однажды, при очередном переизбрании совета старшин клуба в его состав были избраны популярные в городе присяжные поверенные Огородников и Доброхотов, земцы и врачи. В числе их, к немалому моему изумлению, оказался и я.

Совершенно чуждый буфетным и карточным делам, я старался оправдать оказанную мне честь и доверие содействием расширению культурно-просветительной стороны в жизни и деятельности клуба. В нём были организованы публичные лекции на злободневные общественно-политические темы, которые читали приглашённые из Москвы профессора и литераторы (Шершеневич¹, Гольцев² и др.). Вскоре весь центр тяжести клубной жизни переместился в эту новую область.

В этот период окончательно сформировались и определились мои политические взгляды, и я сделал свой выбор относительно партийной принадлежности. Я не считал для себя приемлемым стать, как моя сестра Евгения, её муж и мой друг Константин Осипович Левицкий и брат мой Яков, на сторону революционных марксистов, в особенности большевиков. В это время формировались другие партии, которые были мне ближе по своим задачам и методам борьбы.

В 1904–1905 гг. вокруг журнала «Освобождение»³ возникла нелегальная политическая организация «Союз освобождения», объединившая

¹ Шершеневич Габриэль (Гавриил) Феликсович (1863–1912) — правовед, профессор Казанского и Московского университетов; один из ведущих идеологов и автор программы кадетской партии, депутат 1-й Государственной думы.

² Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) — правовед, литератор, публицист, сотрудничал в «Русских ведомостях» и «Вестнике Европы», в «Русской мысли»; земский деятель.

³ Еженедельный журнал либерального направления, 1902–1905 (Штутгарт, Париж), 79 номеров, редактор П. Б. Струве.

представителей интеллигенции и земских либералов. Во многих городах появились отделения этой организации. «Союз освобождения» ставил своей задачей добиться установления в России конституционной монархии, введения всеобщих выборов, равенства всех людей перед законом, невзирая на их национальность, расу, пол, вероисповедание и сословную принадлежность, а также защиту интересов трудящихся и т. д. Председателем «Союза освобождения» был избран земский деятель И. И. Петрункевич¹. Я принял активное участие в создании «освобожденческого» кружка в Костроме. В разгар революционных выступлений 1905 г. «освобожденцы», как нас тогда называли, приняли на своём съезде программу, включавшую требования принудительного отчуждения части помещичьей земли и передачи её крестьянам, введения 8-часового рабочего дня и т. д. После опубликования в июне 1905 г. закона об учреждении высшего законосовещательного представительского органа России — Государственной думы и положения о выборах в неё, «Союз освобождения» высказался за участие в работе первого российского парламента и за создание на основе своего «Союза» совместно с «Союзом земцев-конституционалистов» Партии конституционных демократов (кадетов) или Партии народной свободы. Я стал одним из организаторов ячейки кадетской партии в Костроме. А на стороне большевиков самое активное участие в революционных событиях этого периода приняли мои братья Яков и Сергей, а также Левицкие².

После октябрьских событий 1905 г. (всероссийская политическая стачка; волнения в армии и на флоте, крестьянские выступления и т. д.) запросы на обсуждение злободневных общественно-политических вопросов стали проявляться не только в Костроме, но и в ряде других наиболее затронутых кооперативным движением сельских местностях. С такими запросами обращались в книжный склад губернского земства, которым ведала замечательно преданная идее культурного просвещения населения А. Дм. Лапотникова. Она сумела сгруппировать вокруг себя молодых сотрудников, составлявших библиотеки для сельских кредитных и сельскохозяйственных кооперативов, для потребительской кооперации, для возникавших среди сельской молодёжи кружков самообразования. Лапотникова апеллировала к чувству долга всякого интеллигента перед народом, когда в соответствии с поступающими к ней с мест просьбами обращалась с указанием на необходимость выехать и прочесть лекцию или провести собрание в том или ином сельском центре. В ноябре и декабре 1905 г. мне тоже пришлось выезжать по указанию Лапотниковой для лекций о задачах земства, а также о задачах переустройства государственного строя.

Один из таких выездов мне особенно памятен. Это было во второй половине декабря. Нужно было отозваться на просьбу кружка молодых клиентов книжного склада в селе Минском о проведении у них собрания о

¹ Петрункевич Иван Ильич (1843–1928) — земский деятель, юрист, организатор земских съездов 1870-х гг., один из лидеров кадетов, редактор газеты «Речь». После 1917 — эмигрант.

² О революционной деятельности в этот период брата Захария Григорьевича — Якова см. архивные документы в Приложении № 4.

задачах государственного переустройства. Я выехал под вечер. Извозчик, мой большой приятель, преданный передовому общественному движению, в пути при начавшейся метели сбился с дороги. Довольно долго мы плутали и лишь поздно вечером заехали в Пушкино, где пришлось заночевать. На следующий день — это было воскресенье — всё же я добрался до Минского и провёл собрание. Народу собралось полная изба, слушали с большим интересом, завязалась очень оживлённая беседа. В это время в избу вошла группа возбуждённых пожилых крестьян, которые громко потребовали, чтобы я сказал, кто я такой, откуда приехал, кто меня прислал. Я спокойно ответил на их вопросы. Тут мне передали, что привезший меня извозчик настойчиво просит меня выйти к нему во двор. Когда я вышел, он решительным тоном, хотя и вполголоса, сказал, что моя шапка и шуба уже у него в санях, и что я должен немедленно идти задворками к ним. Я пытался его успокоить, обратить в шутку его чрезмерную настороженность, но он решительно потащил меня за постройки, провёл к саням, где нас ждал один из молодых строителей собрания, и лишь только мы сели в сани, без дороги, через заснеженное поле выехали за деревню. Только после того, как мы выехали на большую дорогу, уже далеко от села, извозчик рассказал мне, в чём дело. В ожидании собрания у нескольких известных в селе черносотенцев собралась целая группа их единомышленников из других сёл. Пока я делал доклад, они ходили по избам и созывали людей, чтобы расправиться с приезжим смутьяном. Им удалось собрать большую толпу на берегу Волги. Они кричали этой толпе, что со смутьянами теперь расправа короткая: топить их в Волге! Мой извозчик был свидетелем, как принялись рубить большую прорубь в реке у спуска дороги. Тогда он прибежал и, посоветовавшись с хозяином избы, где было собрание, решил немедленно увезти меня другой дорогой из села. Когда мы приехали в Кострому, возница мой облегчённо вздохнул и благословил судьбу за то, что мы благополучно выбрались из беды.

На других собраниях в Шунге, в Самети, где мне приходилось выступать, черносотенные группы угрожающе собирались у избы, где шло собрание, бросали в стены камни, но разбегались, когда участники беседы организованно выходили, чтобы дать им отпор.

В начале 1906 г. при отборе выборщиков для избрания на губернском съезде членов в Государственную думу я оказался в числе избранных от города Костромы. Помню, как в день заключительного заседания губернского съезда выборщиков рано утром ко мне на квартиру совершенно неожиданно пришла целая группа, человек семь-восемь, пожилых крестьян-выборщиков от более далёких уездов — Кологривского, Макарьевского и других, и один из них от имени всей группы обратился ко мне с сообщением, что они хотели бы меня выбрать в члены Государственной думы, так как, слушая выступления на съезде, они увидели, что я понимаю народные нужды и крестьянское дело, но «вот говорят, что ты еврейского происхождения. Не томи наши души, скажи: жид ты или не жид?»¹. Я ответил, что в

¹ Атеист по мировоззрению, Захарий Григорьевич был крещёным и во всех до-революционных документах числился лицом православного вероисповедания.

Государственной думе я честно и настойчиво, насколько хватит сил и умения, буду отстаивать те взгляды, которые развивал в своих выступлениях на губернском съезде. Но я должен быть уверен, что я опираюсь на согласие со мною моих избирателей, а в числе моих основных убеждений стоит признание полного равноправия всех граждан, независимо от их происхождения и веры. Поскольку они такого равноправия не признают, задавая мне свой вопрос, то я прошу их за меня не голосовать.

Невзирая на это, все они, по-видимому, подали голос за меня, т. к. в числе избранных от губернии членов первой Государственной думы оказался и я.

После избрания в члены Государственной думы нас приветствовали в костромском клубе (общественном собрании) и в губернском земстве. Всего от Костромской губернии в Думу были избраны шесть человек. Из них двое — от крестьян: П. Д. Горохов (52 лет) и И. В. Замыслов (32 лет); один депутат — от рабочих : А. И. Смирнов (25 лет); один земский деятель от дворян — П. А. Сафонов (38 лет) и двое представителей разночинной интеллигенции: присяжный поверенный Н. А. Огородников (34 лет) и, наконец, — я. Мне тогда было 36 лет. Все шестеро представляли одну и ту же партию — кадетскую. По инициативе Николая Александровича Огородникова мы, вновь избранные члены Думы, обратились по телеграфу к графу Витте, бывшему главой правительства, с требованием вернуть из ссылки и выпустить из тюрем всех тех, кто оказались выбранными в члены Думы.

После выборов я продолжал вести свою обычную работу в земстве. Только за неделю до открытия Государственной думы, намеченного на 27 апреля, мы выехали из Костромы. Чтобы попасть на вокзал, нужно было переправиться через Волгу. У переправы при спуске с Молочной горы собралось много народа, чтобы проводить нас. Среди собравшихся были приехавшие на рынок крестьяне, были кооператоры из Самети и Шунги, но было много и горожан, земских служащих и участников предвыборных собраний. Когда паром начал отчаливать, последнее напутственное слово сказал один молодой крестьянин-кооператор: «Стойте крепко за народное правое дело, не страшитесь никаких угроз, мы всем народом постоим за своих посланцев. Ни один волос не упадёт с вашей головы, не допустим этого». С парома в ответ неслись наши благодарности за доверие: «Всё, что в наших и ваших силах, всё, что сможем для пользы народа, постараемся сделать». Паром всё удалялся от берега, уклоняясь вниз, сносимый течением.

Потом мы ехали в поезде. Как живо встают в моей памяти эти минуты! Я смотрел из окна вагона на мелкие поросли ольхи и ивняка, на болота, поросшие тощими соснами, на редкие разработки торфа. Удастся ли увидеть вместо этой тощей, убогой картины бесконечных пространств «неудобной», бросовой земли осушенные пространства лугов и возделываемых полей, «устроенные» леса, рациональную добычу торфа? Доживу ли до такого времени? Ближайшее будущее казалось неясным, смутным...

По приезде в Петербург на первое время я остановился вместе с другими депутатами от Костромы. До начала работы Думы шла организация фракций, в том числе фракции депутатов, примыкавших к Конституционно-демократической партии. Я принял деятельное участие в налаживании её работы. Ближайшими и несомненными, в моих глазах, задачами, стоявшими

ми перед Думой, как законосовещательным органом, было установление и упрочение фундамента политической свободы и равноправия людей без различия социального положения, пола, нации и расы. Это требовало не только настойчивого труда, но и известного опыта, знаний. Мне казалось, что мои усилия более всего будут плодотворны при объединении их с силами наиболее авторитетных знатоков конституционных основ, таких, как Ф. Ф. Кокошкин¹, Г. Ф. Шершеневич, Л. И. Петражицкий², М. М. Винавер³ и другие деятельные члены фракции партии кадетов.

Как и в предыдущие, 1892–1903 гг., я понимал первостепенное значение работы по объединению рабочего класса, по созданию и развитию той силы, которая в борьбе с абсолютизмом и реакцией в состоянии будет нанести по ним решающие удары. Но успеху этой борьбы могло содействовать на каждом её этапе также и ослабление опор, поддерживающих прочность самодержавного строя. Одною из существенных опор царизма и реакции была политическая отсталость, инертность близких к народным крестьянским массам местных людей, объединявшихся вокруг земского дела, поднявшихся до отстаивания интересов устройства местной жизни (местного дорожного строительства, земской школы, врачебно-санитарного дела, агрономии, кооперативного движения), защиты их от произвола и подавления со стороны бюрократического строя. Эти местные силы нужно было из опоры самодержавия сделать силой, борющейся с ним. Именно это осуществлялось в то время путём мобилизации аморфных групп, не способных примкнуть к более решительным революционным течениям. Помочь этим группам усвоить уроки борьбы за политическую свободу, закрепить их отход от самодержавного строя — таково было то реальное дело, которое делалось в то время в 1-й Государственной думе Партией народной свободы.

По своей земской деятельности я лично знал наиболее искренних, честных и демократически настроенных людей из кадетской партии, таких, как М. М. Винавер и Дмитрий Иванович Шаховской.

Ещё до открытия заседаний Государственной думы состоялся ряд заседаний фракции кадетов. К ней примкнули представители «национальных меньшинств» (татарского народа Казанской губернии, Крыма, украинцы и другие). Между прочим, вспоминается случай, показывающий, как обострённо было стремление к национальному равноправию и как чутко реагировали представители малых народов на подчас бессознательное третигование высококультурными представителями великорусского народа сограждан иной национальной принадлежности. Это было на первом со-

¹ Кокошкин Фёдор Фёдорович (1871–1918) — юрист, публицист, редактор газеты «Новь»; преподаватель Московского университета. В 1917 государственный контролёр Временного правительства. Убит анархистами.

² Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931) — юрист, профессор Петербургского университета. Один из редакторов журналов «Право» и «Вестник права». На II съезде кадетской партии избран в ЦК. В 1918 эмигрировал в Польшу, был профессором Варшавского университета.

³ Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) — присяжный поверенный; председатель гражданского отделения Юридического общества; член ЦК кадетской партии, депутат 1-й Государственной думы.

брании фракции кадетов, на котором собралось уже более сотни членов Думы. Временно председательствовал старейший по возрасту Иван Ильич Петрункевич. Ф. И. Родичев, характеризуя в своём выступлении реакционные действия правительства, назвал их «татарщиной». Вслед за речью Родичева слово попросил один из членов Думы от Казанской губернии. Он, как и его соплеменники, был в национальном костюме. Поднявшись, он прочитал на французском языке протест против допущенного Родичевым оскорбления татарского народа: «Je regrette profondément que le nom de notre nation prononcé ici dans une épithète si malheureuse, si odieuse».

До открытия Государственной думы оставалось немного дней. Шла напряжённейшая работа по организации и подготовке выступлений членов фракций. В составе кадетской фракции было значительное число представителей земств, в том числе, между прочим, известный организатор секции общественной медицины на Пироговских съездах врачей Василий Иванович Долженков¹. Многие знали меня по участию в земских съездах и по работе в земствах Петербургской, Вологодской и Костромской губерний. При избрании бюро фракции, оказавшейся в Думе самой многочисленной, я был избран секретарём². Мне пришлось вести очень большую организационную работу по подготовке и созыву собраний фракции, по записи вновь вступивших во фракцию членов и пр. В то же время в качестве секретаря фракции я в составе её президиума постоянно участвовал в выработке проектов всех её предложений и формул перехода к очередным делам, вносимых фракцией на рассмотрение Государственной думы, а также проектов постановлений. На меня было возложено ведение переговоров и согласование общих выступлений в Думе с партиями трудовиков и социал-демократов. Нужно сказать, что депутаты от польских губерний организовались в отдельную думскую фракцию «представителей Польши». С этой фракцией мне пришлось довольно часто встречаться, чаще всего — по их инициативе, реже — по поручению нашей фракции.

Первым делом, требующим согласования, был вопрос о президиуме Думы. Весьма нелегко было добиться единодушия по кандидатурам заместителей председателя и секретарей. По обнародованному правительством порядку открытие Думы должно было начаться 27 апреля 1906 г. слушанием «тронной речи» царя, и только после этого Дума должна была приступить к выборам председателя и всего президиума. Вместо того чтобы самому царю прибыть в Государственную думу и прочитать там свою речь, каждый из членов Госдумы получил именное приглашение явиться в Зимний дворец для слушания «тронной речи». В указанный час я пришёл ко входу с набережной в Зимний. После тщательной проверки документов с подчёркнутым внешним почтением члены Думы собрались в зале нижнего этажа, а затем в сопровождении придворных чинов проведены в большой зал для торжественных царских приёмов. Очевидно, не случайно, а с расчётом показать

¹ Долженков Василий Иванович (1842–1918) — организатор секции общественной медицины на Пироговских съездах врачей; земский и общественный деятель, лидер кадетов в Курской губернии.

² Вопросы истории. 1990. № 5. С. 103–104.

мощь царской власти и её опоры — воинской силы, нас провели через анфиладу залов, где происходили упражнения под командой великих князей отборных дворцовых и гвардейских воинских команд. Бряцание оружия, блеск и лязг шашек под громкие команды офицеров, не обращавших никакого внимания на проходивших «народных избранников», должны были вызвать у членов Думы чувство бессилия перед монаршей властью.

В Тронном зале для членов Госдумы были отведены места слева от царского трона; справа стояли члены Государственного совета в раззолоченных парадных мундирах с лентами и орденами; за ними размещался Сенат, а впереди, у трона, густой толпой собрались придворные чины и министры. Члены Государственной думы были в обычной гражданской одежде: украинские крестьяне — в свитках и поддѣвках с поясами, иные депутаты от национальных групп — в своих традиционных одеждах. Немногочисленные депутаты от «рабочей курии» и многие другие были просто в пиджаках. Но были среди депутатов Думы и те, кто имели придворные чины. Они явились в соответствующих мундирах. Придворные дамы различных рангов были в парадных туалетах с открытыми плечами и шеей. Среди них было немало пожилых. Стоявшие близ меня депутаты — трудовики, крестьяне, с которыми я уже успел познакомиться на заседаниях фракции, не без любопытства смотрели на придворных в раззолоченных костюмах и, не стесняясь, делились впечатлениями. Высокий украинец говорил своему соседу: «Дивись, яка гладка! Не на наши гроши таки годовани...». Вызывали удивление выхоленные плечи и шеи женщин. О них говорили: «Гладкие, як годовання свині».

В проходе между членами Государственной думы и членами Государственного совета, сопровождаемый придворными чинами разных степеней, несшими царские регалии, шёл Николай II в военной форме и императрица — молодая, стройная дама. Николай, казалось, ни на кого не смотрел, взор его был направлен вперёд, в свободное пространство. Поднявшись по ступенькам к трону, он принял и надел на голову поданную ему корону, сел, взял из рук министра свиток пергамента, развернул его и с разученными приёмами декламации прочитал свою тронную бессодержательную речь, выпячивая всюду собственное «я» и сделав особое ударение на «лучших людей». «Я собрал вас, лучших людей...» и т. д. В момент, когда он закончил последние слова «Да поможет Господь мне и вам!», — грянули с хор оркестры и раздалось «Ура!» среди придворных, правительства и членов Государственного совета; стоявшие же слева депутаты Государственной думы сохраняли безмолвие. Оркестры не прекращали заполнять весь зал оглушительными звуками в предупреждение, как мне казалось, на всякий случай, каких бы то ни было попыток ответа на тронную речь.

Выйдя из дворца, члены Думы спустились с невской набережной на подготовленные речные пароходы и направились по реке к Таврическому дворцу. Был яркий солнечный день. Необычно ранняя, тёплая весна уже одела в свежую зелень Летний сад. На набережных были видны толпы народа, приветствовавшие делегатов Государственной думы. Но вот пароход прошёл под Литейным мостом и, держась ближе к Арсенальной набережной, поплыл мимо Центральной Выборгской тюрьмы, где томились политические заключённые. Через решётки во всех окнах простирались руки.

Заключённые махали платками. Неслись сотни голосов: «Амнистию! Амнистию!». Этот же возглас доносился и с набережной, где собирались всё увеличивавшиеся группы народа, местами стоявшие плотной стеной.

Пароход подошёл к специально устроенной пристани у Потёмкинской улицы. Густые цепи собравшихся петербуржцев громко приветствовали членов Государственной думы, подносили им букеты цветов, раздавались не смолкавшие возгласы «Амнистию!». Трудно было двигаться в плотной толпе возбуждённых людей, теснивших нас со всех сторон. Невыносимо было сознавать, что мы являемся участниками торжества открытия первого в России парламента — Думы, в то время как те, чьими усилиями и самоотверженной борьбой было достигнуто самое рождение этой Думы, сидят за решёткой, изнывают в тюрьмах, несут судебные кары, либо отбывают ссылку за свою деятельность, которая теперь уже перестала быть противозаконной, т. к. она была направлена на завоевание того, что стало новым законом.

Мы вошли во двор Таврического дворца, заполненного всякого рода стражей: военной, полицейской и новыми думскими сторожами. Из вестибюля депутаты, как новые хозяева, разошлись по многочисленным залам дворца. В одном из верхних залов собралась наша многолюдная кадетская фракция. Обсуждался порядок предстоящего первого заседания. По регламенту (повестке) оно ограничивалось только открытием и выбором председателя. Сам собою возник вопрос о том, чтобы Дума в первом же заседании провела закон об амнистии. Но все юристы, включая С. А. Муромцева¹, разъяснили, что, прежде всего, должны быть проведены выборы председателя. Только в следующем заседании можно избрать комиссию по выработке в порядке думской инициативы законопроекта об амнистии. С точки зрения закона о Госдуме и парламентской процедуре это было убедительно. Но в то же время было совершенно ясно, что Дума должна единодушно откликнуться на всеобщее ожидание амнистии, что население будет возмущено её равнодушием ко всеобщему его требованию.

После убедительных, спокойных разъяснений таких авторитетных юристов, как Ф. Ф. Кокошкин, В. Д. Набоков², С. А. Котляревский³ и, наконец, сам С. А. Муромцев, исход предстоящего голосования казался predetermined в смысле переноса обсуждения вопроса об амнистии до начала нормальной работы Госдумы. Но у меня было совершенно твёрдое сознание недопустимости для Думы не откликнуться сразу на требование об амнистии. Мне всегда было трудно решиться говорить в большом собрании, но тут во мне говорило чувство долга, поэтому при всём понимании необходимости соблюдать процедурные рамки, уже после того, как решено

¹ Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) — юрист, публицист, земский деятель, профессор Московского университета. Один из лидеров кадетов.

² Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) — профессор, юрист, публицист, член ЦК кадетской партии; редактор-издатель «Вестника партии народной свободы» и др. изданий. В 1917 — управляющий делами Временного правительства, после Октябрьской революции эмигрант.

³ Котляревский Сергей Андреевич (1873–1940) — профессор, публицист, член ЦК кадетской партии.

было перейти к голосованию, я настойчиво попросил слова и со всею твёрдостью, на какую был способен, выразил убеждение, что, невзирая на всю вескость юридических соображений, мы должны найти форму для выражения своего единства с населением в требовании народной совести. В книге М. М. Винавера о 1-й Госдуме отмечен этот момент, когда под влиянием выступления самого молодого из членов партии кадетов (моего) уже решённый вопрос был перерешён. И. И. Петрункевичу, как старейшему члену Государственной думы, было поручено взять слово до начала выборов председателя и заявить, что голос народной совести об амнистии громко звучит и Дума его разделяет.

Звонки во всех залах Таврического дворца возвестили об открытии заседания Думы. Ложи правительства были заполнены целиком. По поручению императора Николая II председатель Государственного совета прочёл указ об открытии Думы и предложил приступить к подаче записок по выборам её председателя. Им единогласно был избран С. А. Муромцев. Когда он поднялся на председательское место, с ораторской трибуны раздалась звучащая глубокой искренностью речь Петрункевича: «Первым словом, которое должно прозвучать с этой трибуны, должно быть выражение голоса всего народа об амнистии!». Весь зал огласился возгласами «Амнистия!», несшимися со всех сторон.

Когда смолкли эти клики, С. А. Муромцев спокойным, но властным голосом предложил думским приставам очистить места и проходы от посторонних лиц. Такими посторонними лицами были высокие чиновные «особы», всякого рода сановники, которых приставы не осмеливались беспокоить. Теперь они были вынуждены подчиниться требованию председателя. Слово Муромцева было глубоко продумано. «Кланяюсь Государственной думе...», — начал он свою речь. Строго взвешивая каждое слово, он обещал хранить и отстаивать достоинство, авторитет и права Думы, развивать её полномочия, вытекающие из её природы, как представительного органа, ответственного перед избирателями, блюсти законные права каждого депутата. Трудно представить себе лучшего, более справедливого, более спокойного, выдержанного и авторитетного председателя, чем С. А. Муромцев. Среди взволнованного моря речей, кипевших страстными обличениями правительства, его произвола и беззаконий, среди бурного выплеска требований о его отставке, гневных взаимных обвинений впервые встретившихся лицом к лицу враждебных социально-политических групп и партий он возвышался, как невозмутимый, твёрдый кормчий, умевший сохранять правильный курс. С момента избрания председателем Муромцев устранился от участия в жизни кадетской партии, вышел из фракции, чтобы полнее представлять всю Думу и исключить поводы к каким бы то ни было обвинениям в неодинаковом отношении и внимании ко всем членам Думы и их группировкам.

После окончательного оформления президиума ряд заседаний был посвящён составлению и принятию ответа на «тронную речь» царя. Государственная дума ответила развёрнутой программой неотложных, коренных законодательных работ, которые она ставила перед собой: установление законов о правах граждан, о неприкосновенности личности, о свободе слова и печати, о праве на проведение собраний, о неотложном принятии

закона о земельной реформе, пересмотре бюджета. Это была трудная задача — выработать такую программу, которая могла бы быть принятой внутренним большинством.

После многих дней общих прений была выбрана комиссия с пропорциональным представительством в ней фракций, для составления ответа царю. В её состав входил и я. Несмотря на срочность работы по окончательному согласованию единой редакции ответа, у нас уходило очень много времени на обсуждение поправок и предлагаемых новых вариантов. В последнем заседании комиссии окончательное редактирование ответа было поручено В. Д. Набокову, мне и представителю трудовиков И. В. Жилкину¹. Просидев над этой работой всю ночь, ранним утром мы отдали её в печать. Главную работу по редактированию выполнил В. Д. Набоков. Он был блестящим мастером слова и опытным редактором, который в течение многих лет вёл вместе с И. В. Гессеном² влиятельный прогрессивный общественно-юридический журнал «Право».

Было раннее тёплое утро, когда мы выходили, закончив эту работу, из Таврического дворца. Набоков предложил не расходиться, а проехать в Сестрорецк, чтобы освежиться морским купанием.

Общее собрание Думы приняло согласованный ответ на тронную речь и избрало особую комиссию, которая должна была передать этот ответ по назначению. Прошло немало дней, пока в президиум Думы поступил ответ на его запрос о назначении даты передачи документа. Ответ был крайне негативный. В нём указывалось, что постановление Госдумы должно направляться через соответственные правительственные учреждения. Когда председатель огласил этот ответ, то, по предложению Набокова, было принято решение, в котором отмечалось, что значение принимаемых Думой документов заключается в особой важности их содержания, а не в способе их передачи адресатам. После этого Дума перешла к очередным делам.

К этому времени в Государственной думе уже широко развернулась работа многочисленных комиссий. Инициатором большинства законопроектов была кадетская фракция, поскольку в её рядах находилось наибольшее число депутатов, подготовленных для законотворческой работы. Если в парламентах других стран всю подготовительную работу обычно ведут министерские чиновники, то у нас при вполне обрисовавшейся обструкции со стороны правительства вся черновая работа легла на плечи самих депутатов. Работы было так много, что мы не имели отдыха; приходилось есть на ходу и систематически недосыпать.

¹ Жилкин Иван Васильевич (1874–1958) — сотрудник ряда петербургских газет. Депутат 1-й Государственной думы от Саратова, член ЦК трудовой группы. Осуждён за подписание Выборгского воззвания. После освобождения отошёл от политической деятельности, занимался журналистикой. После Октябрьской революции — в руководстве Союза писателей, сотрудник различных культурно-просветительских учреждений.

² Гессен Иосиф Владимирович (1866–1943) — публицист, адвокат, один из основателей кадетской партии, бессменный член её ЦК. Редактировал издания «Народная свобода», «Речь», «Право». После Октябрьской революции — в эмиграции. С 1921 издавал «Архив русской революции».

Наиболее многолюдной была выбранная Думой с пропорциональным представительством фракций комиссия по решению земельного вопроса, работавшая под председательством М. Я. Герценштейна¹. Я был избран в эту комиссию так же, как до этого — в комиссию по подготовке законопроекта об органах местного самоуправления², в комиссию по рассмотрению законопроекта о собраниях.

Основным вопросом, обсуждавшимся в Думе, был вопрос о земельной реформе. Ещё до постановки его в повестку дня правительство направило депутатам специальное сообщение о невозможности проведения земельной реформы за счёт частных владений. В ответ на это Дума приняла декларацию, в которой подтвердила своё намерение добиться принудительного отчуждения земель в пользу малоземельных крестьян. Тем самым окончательно определилась несовместимость позиций правительства и высшего представительного органа по этому коренному вопросу. Дума стремилась к подлинному ограничению самодержавия и справедливому, действительному решению аграрной проблемы. А правящая верхушка рассчитывала обойтись одной только видимостью земельной реформы.

Прения по аграрному вопросу были чрезвычайно бурными и затянулись почти на три недели. Своё мнение высказали свыше 150 ораторов. Существовало два основных проекта аграрной реформы: нашей фракции — «записка 42-х» и фракции трудовиков — «записка 104-х». И в том, и в другом проекте предлагалось создать земельный фонд. Но кадетская фракция выступала за сохранение права собственности на землю, за выкуп её по справедливой оценке и наделение ею крестьян в пределах продовольственной нормы, а трудовики, следуя лозунгу «вся земля всему народу», предлагали наделить крестьян землёю по трудовой норме, а решение вопроса о размерах и условиях оплаты за отчуждение частновладельческих, удельных, казённых, монастырских и прочих владений предоставить самому народу на местах.

Третий проект был предложен самой крайней левой группой депутатов, из представителей социалистических партий. В первом параграфе их «записки 33-х» провозглашалось: «Всякая частная собственность на землю в пределах Российского государства отныне совершенно уничтожается». На заседании Думы 8 июня я выступил с критикой этого проекта и высказался против передачи его на рассмотрение аграрной комиссии. Я считал, что приведённое выше заявление левых послужило бы во вред земельной реформе, т. к. могло запугать население, вызвать в нём страх, что у него отнимут ту землю, которой он располагает, а дадут ли ещё новую, на каких условиях, в каком количестве и какую — это ещё вопрос. В проектах же «42-х» и «104-х» говорилось, что «не только надельные земли, но и купчие

¹ Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) — юрист, профессор политической экономии; гласный Московской городской думы, один из авторов программы кадетской партии.

² Опыт своей работы в земствах и изучения проблемы местного самоуправления Френкель обобщил в книге «Волостное самоуправление». В 1999 в связи с реформой местного самоуправления книга была переиздана по заказу Министерства региональной политики РФ.

земли, которыми крестьяне владеют в пределах трудовой нормы, останутся на условиях такого же владения, как и теперь, в полной неприкосновенности». И мы, кадеты, и трудовики, говоря об отчуждении земель, имели в виду только латифундии, только земельную собственность, превышающую известный максимум земельного владения, такую земельную собственность, которая служит в руках её теперешних владельцев орудием закабаления крестьян, а не орудием поднятия сельскохозяйственной культуры¹.

Кроме меня, с критикой проекта «33-х» выступили ещё несколько членов кадетской партии и, в конце концов, он был отвергнут огромным, подавляющим большинством Думы².

Помимо перечисленных выше, я состоял членом таких постоянных думских комиссий, как комиссия по контролю за выполнением государственного бюджета, по предварительному рассмотрению вносимых Думой запросов и по организации библиотеки для обслуживания депутатов справочными и другими источниками и материалами. Библиотечная комиссия была очень немногочисленна. А дело предстояло нелёгкое: в самый короткий срок не только оборудовать залы для библиотечного фонда и для работы депутатов, но и приобрести все необходимые законодательные, справочные и статистические издания, энциклопедии и пр. Председателем комиссии был М. М. Ковалевский³, я же нес секретарские обязанности. Каждый день утром и в часы перерывов в думских заседаниях я старался быть в библиотечной комиссии, чтобы ускорить работу по заполнению штата платных сотрудников, для изучения заявок на книги и материалы от разных комиссий и отдельных депутатов, для составления списков изданий, подлежащих закупке. Днём обязательно заходил на часок-другой Ковалевский. Меня поражала его изумительная память и знание всякого рода материалов не только по экономической истории, но и по статистике, географии, земельному вопросу и пр. То, что у меня отняло бы целые часы на справки в энциклопедиях и библиографических справочниках, он просто перечислял по памяти с указанием года издания, и тут же давал дополнительные советы

¹ Полный текст выступления З. Г. Френкеля см.: Государственная дума. Созыв I. Сессия I. Стенографич. отчёты. СПб. 1906. Т. 2. Стб. 1145–1146.

² В работе В. И. Ленина «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов» в разделе «Кадеты» говорится: «Итак, кадеты против какой бы то ни было формы общественного пользования землёй, против безвозмездного отчуждения, против местных земельных комитетов с преобладанием крестьян, против революции вообще и особенно против крестьянской аграрной революции»; «Особенно значительны в этом отношении прения в 1-й Думе по вопросу о направлении аграрного проекта 33-х (об отмене частной собственности на землю). Кадеты (Петрункевич, Муханов, Шаховской, Френкель, Овчинников, Долгооруков, Кокошкин) бешено нападали на передачу *такого* проекта в комиссию... кадеты и правые 140 голосами против 78 провалили сдачу проекта в комиссию» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 358–359).

³ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — правовед и историк, социолог эволюционистского направления, профессор Московского и Петербургского университетов; академик (1914); издатель журналов «Вестник Европы», «Запросы жизни», газеты «Страна». Один из создателей Партии демократических реформ.

на какие источники по данному вопросу следует рекомендовать обратить особое внимание. Всё это он делал без всяких передышек, сразу, не теряя времени, невзирая на своё постоянно затруднённое дыхание и несколько отяжелевшие от полноты движения. Работать с ним было легко и приятно, т. к. он вкладывал самый живой интерес во все возникавшие вопросы и проявлял энциклопедическую осведомлённость.

Как секретарь думской фракции, я составлял печатавшиеся в «Вестнике партии народной свободы» еженедельные обзоры деятельности фракции в Думе, в её общих собраниях и во всех комиссиях. Чем негативнее становилось отношение правительственных кругов, особенно правящей верхушки, к Государственной думе, чем враждебнее и непримиримее отвечало правительство на все её запросы по поводу царившего в стране административного произвола и незаконных действий властей, чем грубее и отрицательнее относилось оно к законодательной думской инициативе, тем яснее и настоятельнее становилась задача укрепления связи фракций с населением, поднятия его интереса к работе Думы. Необходимо было добиваться одобрения народом выдвигаемых Думой требований законодательного разрешения земельного вопроса, признания законов о равноправии и о правах граждан.

Многие депутаты выехали в свои избирательные округа, чтобы сделать доклады своим избирателям о требованиях Думы и о затруднениях, которые она встречает в своей деятельности. Я и мои товарищи — депутаты от Костромской губернии сразу же после открытия Думы начали поддерживать общение и связь с жителями Костромы и других городов губернии¹, приезжавшими в Петербург или жившими в столице на заработках. Потом мы поместили в газетах письмо с обращением к костромичам. Указывая в нём свой адрес, мы сообщали, что каждое воскресенье с 4-х до 7-ми часов вечера мы даём отчёт о своей работе в Думе и подробно знакомим с намечаемыми планами. В Петербурге жило очень много костромичей, среди них сезонные рабочие — паркетчики, плотники, строители, ремесленники-шапочники и др. Уже в первое воскресенье после опубликования нашего письма в газетах на нашу квартиру явилось несколько десятков земляков. Беседа с ними носила очень оживлённый характер. Положение в Думе вызывало большой интерес. Из-за крайней тесноты мы перенесли место встречи с земляками в обширное помещение районного клуба на 6-й Рождественской улице. И это помещение оказалось совершенно переполненным. Это было уже в июне. Я сделал подробный вступительный обзор деятельности Думы за май и начало июня. Последовали многочисленные вопросы и наши разъяснения. В конце состоялись очень толковые высту-

¹ Из материалов Департамента полиции следует, что, получив 6 июля 1906 телеграмму из Кинешмы о возможности учинения там погрома, депутаты от Костромы Огородников, Сафонов, Френкель, Замыслов немедленно известили об этом председателя Совета министров Столыпина. К чести последнего тот в тот же день направил телеграмму костромскому губернатору с требованием принятия самых энергичных мер подавления бесчинств в самом их начале. (ГАРФ. ДП. Ф. 102. Д. О. О. 1906. Оп. 236. Д. 550. Т. 2. Д. 34).

пления костромичей, одобряющих требования и предложения Государственной думы. Явившейся полиции мы заявили, что это вполне законное общение членов Думы со своими избирателями. Отчёт об этих собраниях я поместил в газете «Речь». Однако, когда в следующее воскресенье граждан собралось ещё больше, так что они не смогли поместиться в зале и стояли у открытых окон (зал помещался в первом этаже), совершенно неожиданно, без предупреждения, появились конные жандармы и разогнали всех собравшихся. Нас, депутатов, не тронули, но и не обращали внимания на все наши протесты против незаконных и произвольных действий жандармов. Так оборвалась в Петербурге удачно развивавшаяся попытка мирного общения избирателей со своими посланниками в парламент.

На местах, в далёких от столицы губерниях, дело заканчивалось далеко не так безобидно. Так, в Умани Киевской губернии приехавший из Петербурга депутат Думы — врач по профессии — был арестован во время своего доклада о работе законодателей. Он оставался в тюрьме до роспуска Госдумы, а затем оказался в ссылке в Восточной Сибири и только после Октябрьской революции смог вернуться к своей медицинской работе.

Перед лицом всё более наглядного бессилия Думы у некоторых провинциальных депутатов зарождались чисто обывательские настроения: а нельзя ли помочь делу непосредственным обращением за помощью к самому Николаю II? Говорили, что председатель Думы Муромцев имеет право личного доклада царю и при первом (и единственном!) своём докладе произвёл на Николая II благоприятное впечатление. Как-то рано утром в июне я прогуливался в Таврическом саду. Я не заметил, что по дорожке, ведущей в Таврический дворец, направлялся своей медлительной походкой наш председатель. В тот момент, когда я остановился, здороваясь с ним, подошёл, очевидно, лично знакомый с ним один из членов Думы из Поволжья.

«Сергей Андреевич, — без всяких предисловий обратился он к Муромцеву, — простите, но меня волнует вопрос, — почему Вы не используете своего права личного доклада царю? Может быть, Вы повлияли бы...»

Как всегда невозмутимый, Сергей Андреевич спокойно и не торопясь ответил: «Но, позвольте, допустим, что я получил бы аудиенцию на десять-пятнадцать минут... А придворное окружение, враждебное Думе, воздействует на такого же, как они сами, Николая всё время, все дни. Какое же значение могло бы иметь моё мимолётное воздействие?» Этот ответ был дан с полной серьёзностью, и Сергей Андреевич продолжил свой путь.

7 июля заседание фракции в Государственной думе затянулось до поздней ночи. Когда я проходил по Кирочной улице и вышел на Литейный проспект, моё внимание было привлечено необычным движением войск. Непрерывной цепью двигались пехота и артиллерия в направлении к Таврическому саду. Когда я проходил через Марсово поле, чтобы пройти по Троицкому мосту и попасть в Денежный переулок, где мы жили в то лето, я видел, как войска шли в Павловские казармы. У меня невольно возникла мысль: не к добру так спешно вызваны из лагерей войска. Очевидно было, что правительство что-то замышляет.

Белая петербургская ночь сменилась свежестью раннего утра, когда я входил в свою квартиру. Я рассказал открывшей мне входную дверь жене

о зловещем ночном передвижении войск. Учитывая всю обстановку, сложившуюся в отношениях столыпинского правительства с Государственной думой, мы не сомневались, что вызов войск в Петербург связан с решительными действиями правящих кругов против избранной народом законодательной власти. Вышедшие утром газеты подтвердили наши опасения. Указом правительства Дума была распущена с нарушением закона о ней. Срока новых выборов назначено не было.

Строго говоря, в конституциях большинства стран предусматривается право роспуска парламента верховной властью, так что ничего из ряда вон выходящего в этом не было. Но в России в 1906 г. Дума, рождённая революционными событиями 1905 г., только-только приступила к созданию самих основ конституционного строя! Поэтому преждевременный её роспуск означал возвращение к самодержавию и, следовательно, к дальнейшему нарастанию революционной борьбы. Вот почему роспуск 1-й Думы для партии кадетов, выступавшей против революционных мер в достижении демократических свобод и за эволюционный путь развития государства, имел особое значение, требовавшее принятия неотложных мер.

Я отправился в Таврический дворец. Ворота и калитки во двор Государственной думы были заперты и охранялись военными часовыми. Во дворе стояли орудия. Стража заявила, что приказано никого не пропускать во двор. Я встретил на улице нескольких коллег-депутатов, находившихся в таком же недоумённом состоянии, как и я. Посетив на дому некоторых членов президиума фракции, я узнал о намерении организовать сбор членов Думы для обсуждения создавшегося положения и вытекающих из него задач.

Часам к 11-ти было решено организовать обсуждение положения в обстановке, обеспечивающей возможность всестороннего его взвешивания без риска насильственного разгона собрания. Начались переговоры о возможности собраться членам Думы в Выборге. Мне, как секретарю фракции, было поручено договориться о том, чтобы собрание в Финляндии провести совместно с фракцией трудовиков.

Было около часа дня. Вместе с П. Н. Милюковым¹ мы отправились в бюро фракции трудовиков. Мы ехали по довольно пустынным улицам, сохранявшим полное спокойствие. Павел Николаевич с укоризной в голосе посетовал на поразительное равнодушие населения к происходящему:

— Сами камни мостовых на парижских улицах уже устремлялись бы на баррикады. Люди собирались бы, шумели, действовали бы, чтобы отстоять добытую борьбой свободу!

Не так скоро сговорились между собою трудовики. Получив от них сообщение о согласии их ехать в Выборг, мы вернулись на совещание нашей фракции, где уже рассматривались первоначальные проекты общего постановления собрания членов Государственной думы. Высказывались самые различные точки зрения: от предложения «составить эпитафию» по

¹ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк, публицист. Один из организаторов партии кадетов, член её ЦК. Редактор газеты «Речь». В 1917 — министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьской революции — эмигрант.

поводу кончины Думы (депутат Гредескул¹) до призыва не подчиняться указу о роспуске и продолжать работать и даже умереть, если Думу будут разгонять штыками (депутат Долженков). Однако П. Н. Милюков охладил страсти своим заявлением о том, что кадеты — не революционеры, а члены оппозиционной парламентской партии, поэтому должны подчиниться указу монарха и готовиться к новым выборам. Общее постановление собраний членов Думы выработать так и не удалось.

Тем временем пришло сообщение о согласии предоставить помещение для совещания в Выборге. Нужно было немедленно выезжать. Президиум фракции признал необходимым по избежание возможного задержания на Финляндском вокзале, чтобы С. А. Муромцев, слишком хорошо всем известный по внешности, отправился бы не с указанного вокзала, а проехал бы на извозчике до одной из загородных станций. Мне пришлось передать эту просьбу Сергею Андреевичу. Я застал его дома в его кабинете. Он с обычным своим спокойствием кратко ответил:

— Так, а, ведь, может быть, было бы сейчас нужно, чтобы я был убит или схвачен?

По-видимому, в этом высказанном вскользь замечании отразилось раздумье председателя Думы о том, как, какими действиями могло бы быть разбужено общественное, действенное, активное отношение к насильственному разгону Государственной думы.

На следующий день в большом зале Выборгской гостиницы начались совещания всех приехавших членов Думы. По единодушной просьбе председательствовал Муромцев. Рядом с ним заняли места Ф. Ф. Кокошкин, князь Д. И. Шаховской и князь Пётр Дмитриевич Долгоруков². В большой тесноте и давке трудно было с полным вниманием относиться к происходящим дебатам. Казалось, что многие речи в сложившейся обстановке были излишни. Бессилие Государственной думы перед насильственным разгоном было очевидным. Ясно было и отсутствие активной поддержки со стороны населения, полное отсутствие надежды на организованный отпор общественных сил правительству. Но в то же время совершенно несомненными были необходимость и долг членов Думы осудить и клеймить действия правительства как беззаконие и произвол и призвать население не оказывать поддержку такой власти. Это, в конце концов, и было сделано. Единодушно было принято и подписано собравшимися депутатами, составлявшими преобладающее большинство всего состава Думы, обращение к населению, вошедшее в историю как «Выборгское воззвание», за которое все его подписавшие — более двухсот депутатов — были осуждены и понесли кару в виде тюремного заключения и потери политических прав.

Заседание кончилось поздно ночью. К утру был изготовлен экземпляр воззвания для подписи. Кроме профессора С. А. Котляревского, который

¹ Гредескул Николай Андреевич (1864–1930) — юрист, член ЦК кадетской партии; профессор петербургского Политехнического института. После Октябрьской революции преподавал в ленинградских вузах.

² Долгоруков Петр Дмитриевич (1866–1945) — земский деятель. Один из лидеров «Союза земцев-конституционалистов». Член ЦК кадетской партии.

никак не мог преодолеть мучивших его юридических сомнений с точки зрения государственного права, и ещё кое-кого из представителей местных «лучших людей», все члены Думы, приехавшие в Выборг, поставили собственноручно подписи под этим обращением, взывавшим лишить доверия и поддержки правительство, незаконно разогнавшее выборный орган, до тех пор, пока не будет выполнен закон о созыве новой Государственной думы.

Возвращаться в Петербург решено было не поодиночке, а всем вместе, организованно. Для этого отъезд отложили до следующего дня. Подлинная причина задержки не могла тогда быть разъяснена. А она состояла в следующем. Прибывшие из Петербурга представители социал-демократического комитета сообщили, что в столице готовится манифестация встречи на Финляндском вокзале возвращающихся депутатов Думы под лозунгами об отмене указа о её разгоне. Потому-то и необходимо было прибыть на Финляндский вокзал не разрозненно, а в значительном составе, представляющем президиум Думы и её влиятельные фракции. Один из приехавших внедумских авторитетных социал-демократов доверительно сообщил, что к прибытию поезда придёт не менее 40 тысяч рабочих Шлиссельбургского тракта. Поскольку парламентские средства защиты парламентского строя и прав Государственной думы были уже исчерпаны, то депутаты не должны были отнимать у внедумских сил возможности проявить поддержку народным избранныкам.

Отъезд состоялся в конце следующего дня. Члены трёх подписавших «Выборгское воззвание» фракций (кадетов, трудовиков и социал-демократов) проявили выдержку и дисциплинированность. Раньше всех поспешили уехать только Котляревский и Михаил Стахович¹. Но, когда поезд точно в назначенный час прибыл в Петербург и члены Государственной думы вышли на платформу, там не было никаких признаков готовящейся встречи. Было только несколько больше, чем обычно, «стражей порядка». Построившись внушительной группой, мы вышли на совершенно пустую привокзальную площадь и медленно прошли по Симбирской и Нижегородской улицам. На последней я услышал единственный возглас приветствия Государственной думе из уст ехавшего в извозничьей пролётке земца В. В. Хижнякова. Но не успел он закончить возглас «Да здравствует Государственная дума!», как с двух сторон на пролётку вскочили откуда-то появившиеся охранники и куда-то увезли его. Члены Думы проследовали через Литейный мост и ввиду совершенного отсутствия каких бы то ни было признаков обещанной «внушительной мощи внедумских сил» мирно разошлись.

После возвращения из Выборга я пробыл в Петербурге ещё недели две. Было несколько совещаний членов нашей думской фракции. Одно из них, между прочим, было организовано в Териоках на даче, в лесу. Хотя место и час совещания держались в секрете, всё же на нём появился фотограф

¹ Стахович Михаил Александрович (1857–1915) — земский деятель, публицист, кадет, один из организаторов «Союза 17 октября», в дальнейшем член Государственного совета.

Булла, которого некоторые подозревали в связях с охранкой. Он сделал для нас снимок, хранящийся у меня до сих пор. Теперь он уже стал подлинно историческим.

Вернувшись в Кострому, я продолжал вести активную работу в местной ячейке кадетской партии, а в октябре 1906 г. был кооптирован в состав её ЦК.

Вынужденный в течение некоторого времени оставаться дома, так как формально, по требованию губернатора, управа не могла считать меня земским служащим, я усиленно занимался подготовкой к печати текущих выпусков «Врачебно-санитарного обозрения Костромской губернии». В то же время с большим интересом и вниманием я собирал и изучал все доступные материалы о холерной эпидемии, принявшей в то время исключительно большой размах в Петербурге. Насколько это было возможно в Костроме, я изучал также исторические материалы о холерных эпидемиях в России с 1829 г. Среди появившейся в то время литературы о холере особенно выделялась общественно-гигиеническим направлением чрезвычайно талантливо написанная книга Н. Ф. Гамалея¹.

...В 1907 г. я за подписание «Выборгского воззвания» вместе с другими членами 1-й Государственной думы был приговорён Особым присутствием Санкт-Петербургской судебной палаты к четырёхмесячному заключению в тюрьме.

Эти четыре месяца — с июня по сентябрь 1908 г. — тянулись нескончаемо долго, и в моей памяти этот, казалось бы, такой короткий срок встаёт как долгая, томительная пора жизни².

Получив повестки о явке в определённый день в Костромское полицейское управление, мы, четыре члена 1-й Думы, подписавшие воззвание: Пётр Алексеевич Сафонов, Иван Васильевич Замыслов, Николай Александрович Огородников и я, пришли и, по выполнении ряда формальностей, были оттуда отправлены под конвоем городских и отряда конных жандармов пешком по центральной улице в находившуюся на окраине горо-

¹ Гамалея Николай Федорович (1859–1949) — микробиолог, почётный член АН СССР, академик АМН СССР. Открыл бактериолизины, возбудителя холеры птиц, значение дезинсекции для ликвидации сыпного и возвратного тифов.

² 9 июня 1908 г. начальник Костромского губернского жандармского управления доносил об устроенном 13 мая в помещении костромского общественного клуба обеде в честь членов 1-й Думы, которым предстояло отсидеть несколько месяцев в тюрьме: «На банкете, в речи, обращённой к З. Г. Френкелю, было особенно подчёркнуто желание костромичей видеть его опять на работе в Костромской губернии, т. к. он был отстранён по требованию администрации от должности заведующего санитарным отделением. Салфетки перед приборами Огородникова и Френкеля были продеты в серебряные массивные кольца с надписями». На кольце Захара Григорьевича было выгравировано: «У порога тюрьмы перед расплатой за мужественное исполнение долга. Члену 1-й Гос. думы З. Г. Френкелю от признательных костромичей». А на подаренном через день подстаканнике было написано: «В сочувствии Ваших друзей черпайте бодрость и веру в добро и людей! От санитарных друзей-сослуживцев. Кострома. 15 мая 1908 г.». Эти знаки внимания и поныне хранится у потомков Захария Григорьевича. (ГАРФ. ДП. Ф. 102. Дел-во 4. Оп. 117. Д. 136. Л. 8).

да тюрьму. Весть о том, что в тюрьму ведут очень популярных в то время в городе бывших членов 1-й Думы, каким-то образом разнеслась повсюду, и улица была совершенно запружена народом. Раздавались дружеские приветствия, трогательные ободрения и пожелания здоровья. Через цепь конвоя нам бросали цветы. Среди приветствовавших нас мы видели крупные фигуры губернского предводителя дворянства П. В. Шулепникова и председателя губернской земской управы, его брата И. В. Шулепникова¹; были земские служащие, учительницы. Но была и густая толпа горожан, которых мы каждого лично не знали. О неожиданной, самопроизвольно возникшей демонстрации узнал губернатор А. П. Веретенников, являвшийся предводителем костромского отдела черносотенного «Союза русского народа», и по его распоряжению на улицу, по которой нас вели, прибыла казачья сотня, находившаяся в Костроме в связи с введённым в городе незадолго перед тем чрезвычайным положением. Этот слишком уж парадный эскорт замкнул наше шествие, когда мы подходили к тюрьме... За нами закрылись тюремные ворота. В тюремной конторе нас заставили снять с себя всю одежду, остригли и переодели в тюремные летние штаны, державшиеся на одной пуговице.

Нас поместили в одиночную камеру, в которой поставили четыре койки без матрацев, с голыми досками, без одеял. Свои постели нам взять не разрешили. Это было специальное издевательство над бывшими членами Государственной думы, изобретённое губернатором Веретенниковым, незабвенным инженером водопроводного дела и гласным Петербургской городской думы, человеком ничтожным и мелочно-мстительным, который для вящего нашего унижения приказал переодеть нас в одежду каторжан и лишить всех обычных тюремных послаблений, которые обычно предоставлялись политическим заключённым. При тесноте камеры воздуха в ней на четырёх человек не хватало. Рама была выставлена и унесена. Ночи в июне стояли холодные, и мы невыносимо страдали от холода. Обо всём этом нам удалось сообщить «на волю». По телеграфным требованиям некоторых горожан все злостные мучительства, измышлённые Веретенниковым, были вскоре отменены. Нам разрешили вернуть наше платье и получить из дома постель. Но до получения этого распоряжения из главного тюремного управления, куда была направлена наша жалоба, губернатор попытался доставить себе удовольствие видеть нас, членов Думы, в положении покорённых. В качестве победителя он в сопровождении «свиты» из тюремных надзирателей явился к нам в камеру. Обычная команда «встать!» прозвучала впустую. И без того мы стояли, каждый занятый своим обычным делом. Я штудировал увесистый том отчётов государственного контроля, приспособив его к довольно высоко расположенному какому-то случайному выступу на стене, другие делали гимнастику, согреваясь от холода. Никакого видимого эффекта появление самого начальника губернии не произвело. Он тоном великодушного

¹ Братья Иван Васильевич и Павел Васильевич Шулепниковы — общественные и земские деятели. По своим политическим взглядам примыкали к кадетам. В 1912 И. В. Шулепников был избран депутатом 4-й Гос думы.

победителя спросил, имеются ли у нас жалобы. В ответ Н. А. Огородников сказал: «timeo danaos et dona ferentes». На этом посещение губернатора и закончилось. Как потом передавал начальник тюрьмы, Веретенников хотел за этот ответ посадить Огородникова в карцер, но начальник тюрьмы, который по нашей жалобе в Главное тюремное управление уже получил приказ о возвращении нам платья и одеял, запросил это управление вновь, следует ли ему приводить в исполнение приказ о карцере, и получил ответ о ненужности этого.

Из костромской тюрьмы я отправил письмо Л. Н. Толстому по поводу его восьмидесятилетия. В нём я рассказал о том, что вечером того дня, когда мною была передана для отправки по телеграфу поздравительная записка, нам, отбывавшим современное рабство в тюрьме, пришлось пережить неизгладимую душевную боль от сцены приготовления к смертной казни, по-видимому, не без циничного умысла приведённой в исполнение именно 28 августа, в день юбилея писателя. Окно камеры приговорённого — рабочего Голубева, 36 лет, осуждённого, кажется, за нападение или убийство тюремного надзирателя, было единственным, которое можно было видеть из моей камеры. Он постоянно перекликался со мною. Три месяца, с 8 июня ожидал он приведения приговора в исполнение. «Душа его за это время, — писал я Льву Николаевичу, — раскрылась к любви и добру. Он искал внутреннего мира. Ни одной службы в тюремной церкви не пропускал он. С каким-то нездешним примирением и мягкостью стал относиться он ко всем: и к стражникам, и к арестантам. Каждое утро первыми звуками, будившими меня, были доносившиеся через всегда открытое окно моей камеры его приветливые пожелания и ободрения, которые он постоянно обращал ко мне, стараясь своим сочувствием и указанием на людскую неправду облегчить, как только мог, неприятности пребывания в тюрьме для членов первой «народной Думы». И мне было нестерпимо стыдно слушать от него это ободрение. По ночам его преследовали кошмары. Он часто во сне соскакивал со страшным криком с койки, бегал по камере, потом приходил в себя, и в тишине ночи я слышал, как он кричал ко мне, что ему делать, чтобы избавиться от кошмаров. Что мог я отвечать ему? С болью и жгучим стыдом слушал я, врач по профессии, его рассказы о самочувствии. Разумом я знал, что, в конце концов, приговор будет выполнен, но вся душа не способна была вместить эту мысль, это чувство. Когда он с удивительным мужеством говорил о предстоящем ему давлении, не знаю, в чём, — в тоне ли его голоса или в чём другом, — я ощущал, однако, у него твёрдую уверенность, что этого никогда не будет, этого не может быть.

И вот, поздно вечером, в то самое время, когда в городе в большом зале собралось, как мне теперь передают, более тысячи человек, чтобы чествовать того, кто является украшением и живой совестью народа, чей голос только что смутил покой примирившихся с изо дня в день происходящими смертными казнями, наш тюремный двор наполнился вооружёнными людьми. Лязгнули железные запоры камеры Голубева. Вошедшее начальство велело ему поскорее собираться в путь, из которого не возвращаются. До меня доносилось каждое слово: «Зачем же вы меня мучили целых три

месяца?» — с плачущим упрёком простонал Голубев. И вслед за этим точно не его, а чей-то посторонний голос, скорее вопль, полный неизъяснимой тревоги, разодрал тишину ночи и проник в неведомые изгибы души каждому заключённому: «Товарищи, меня уже ведут!»

Лязг кандалов вот уже во дворе. Ведут мимо окон всех камер. Тюрьма, притихшая, точно вымершая, вдруг огласилась криками прощания из многих окон. Изумительна степень приспособляемости людей к своей профессии: чинно и спокойно большая компания людей всякого положения, начиная от обыкновенных русских крестьян, одетых в форму стражников и солдат, и кончая священником, доктором и помощником прокурора, берут с собой простого доброго человека Голубева, этого неозлобленного и с размягчённой душой человека, уводят его вместе с собою за город и там так же чинно, методически удавливают его. А в это время начальство тюрьмы чинило расправу с теми, кто осмелился крикнуть последнее «прощай» своему, аки агнец на заклание ведомому, товарищу по совместной жизни в тюрьме. Один ли, два ли только человека из всей камеры кричали “прощай”, — это по принятым в тюрьме порядкам — безразлично для тюремного начальства: вся камера (двадцать пять — тридцать человек) подвергаются экзекуции — переводятся на карцерное положение.

Смертная казнь нисколько не беспокоила душевной ясности стражи. «Не убивай, да не убиен будешь», — сказал мне в пояснение своего спокойствия один из стражников, совсем не дурной, обыкновенный деревенский человек. «Голубев убил, и правильно, что его повели убивать». А друга Голубева, молодого арестанта Ушакова, за то, что он крикнул через окно «прощай» тотчас же стража, по остроумной находчивости наказующего начальства, увела из общей камеры в ту одиночку, откуда только что вывели ещё не вышедшего со двора Голубева. И вот, как Ушаков объяснил утром, чтобы заглушить острую душевную боль от мысли, что он брошен на ещё тёплое ложе Голубева, физическим страданием, он зажигает на себе рубашку, и его нечеловеческие вопли и стоны от боли, вызванной ожогом, несутся из камеры Голубева, в то время как последний исповедуется в тюремной конторе у явившегося к нему священника.

Таковы впечатления, которых не забыть мне на всю жизнь, отравившие мне день Вашего юбилея, когда душа так полна была желанием уйти в себя, внутри себя искать царствия божия. 12-IX-1908 г.»¹

До сих пор с нестёртой потоком времени болью обиды и унижения вспоминаю я ожидание свиданий (один раз в неделю через две решётки, между которыми ходил тюремный надзиратель) с женой и моими маленькими дочерьми, кричавшими мне радостные слова привета. Вспоминаю

¹ Письмо произвело большое впечатление на Л. Н. Толстого. В день его получения он прочитал его всем собравшимся за обеденным столом. Френкелю он ответил 7 ноября: «Пожалуйста, простите меня, уважаемый Захар (отчество не вставлено), за то, что не поблагодарил Вас за Ваше поздравление и хорошее содержательное письмо. Старость и нездоровье отчасти оправдывают меня. Поздравляю Вас с освобождением и желаю Вам всего хорошего» (Литературное наследство. М., 1939. Вып. 37–38. Ч. 2. С. 389–391).

«прогулки» под наблюдением стражи в небольшом тюремном дворе. Эти прогулки состояли в хождении быстрым шагом по дорожке от стены до стены. В этих условиях заметить зелёную былинку или сорвать её доставляло большое удовольствие. Постепенно из собранных в тюремном дворе растений у меня составилась необычный гербарий. Отчасти мне помогали в собирании растений мои товарищи по Думе: Сафонов, Огородников и Замыслов. Первую половину срока, как я уже упоминал, мы находились все вместе в одиночной камере, и вся жизнь у нас должна была протекать только на койках, которые служили и местом для сна, и местом для непрерывного дневного пребывания: и столовой, и рабочим, и письменным столом. В такой обстановке производилась засушка растений нашего гербария, чем и объясняется его техническое несовершенство. Раз в день нас выгоняли на прогулку в тюремный двор, в котором раньше имелась кое-какая растительность, старательно уничтоженная по приказанию губернатора Веретенникова, чтобы она не скрашивала мертвящего однообразия тюремной обстановки. Под надзором часовых и следовавшего по пятам надзирателя ежедневно члены Думы должны были в течение получаса безостановочно ходить вдоль двора от стены до стены. Стража тщательно выщипывала всякую былинку, всякий росток на дворе. Губернатор сделал в своё время нагоняй тюремщикам за обнаруженные во дворе кустики («тюрьма — не дача!»). Двор был обнесён высокой каменной стеной, вымощен камнем, посыпан песком. Казалось, неоткуда было на нём взяться живой растительности, но природа брала верх над тупой человеческой злобой, и как ни смотрели сторожа, как ни выскабливали они появлявшуюся зелень, всё же среди камней — то у самой тюремной стены, то у полусгнившего сруба выгребной ямы, то в трещине в углу ограды успевали укрыться от их взоров некоторые растения, доставлявшие особую, трудно постижимую для людей, не бывавших в подобном положении, радость прогуливавшимся. Усмотреть такую травку во время прогулки, успеть её сорвать и принести с собой в камеру — это скрашивало однообразие наших дней и давало им известное содержание.

Постепенно возникла мысль собрать все те виды растений, которые неведомыми путями перебирались через высокую тюремную стену и в самых неблагоприятных условиях приспособлялись к скудной обстановке. Первоначально целью составления гербария было моё желание подарить его по выходе из тюрьмы одной из моих дочерей. Дежурные сторожа, наблюдавшие через окошечко в двери камеры из коридора днём и ночью за нами, по-видимому, не находили ничего подозрительного в том, что заключённый после прогулки тщательно расправлял растения и вкладывал их среди листов в единственный большеформатный том, допущенный среди книг в камеру («Приложения к отчёту государственного контроля за 1904 год»). Том этот вместе с растениями я клал на ночь под доски кровати, что заменяло пресс.

Вторую половину срока заключённые костромские депутаты провели в одиночных камерах, в которые были переведены благодаря своему постоянному настаиванию на этом, и то только после того, как по нашей просьбе член новой Государственной думы от Костромской губернии, наш близкий

друг Пётр Васильевич Герасимов¹ лично ходатайствовал об этом в министерстве. После размещения в одиночках прогулки уже происходили в заднем тюремном дворе, где администрация могла меньше опасаться появления высшего начальства и поэтому пробивавшаяся зелень уничтожалась не так тщательно. Здесь же в углу помещалась и баня, куда раз в две недели ходили заключённые. У её подгнивших стен с южной стороны удавалось всякий раз захватить два-три вида новых растений.

Семена растений, принадлежащих к семейству сложноцветных и некоторые другие виды, снабжённые пуховками, несомненно, заносились ветром. Но гораздо большее число видов заносилось голубями, галками, воронами и воробьями на лапках, а отчасти и оставались не переваренными в их помёте. Птиц же этих на тюремном дворе всегда было огромное количество. И они до такой степени привыкли к дружелюбному отношению со стороны заключённых, что в ранние утренние часы, пока тюрьма ещё спала, залетали целыми стаями в открытые окна камер. Птицы до такой степени привыкли получать у меня корм, что бесцеремонно садились на стол, на кровать и даже мне на плечи во время обеда. Это вызывало немалое удивление тюремной стражи. Даже галки осмелели настолько, что влетали в камеру и садились на подоконник. Осторожнее других до конца оставались вороны и один грач, ежедневно прилетавший под моё окно и упорно ожидавший, пока я не бросал ему остатки пищи. Он стремился перехватить брошенное ещё в воздухе, отбивая его у галок и ворон. Нужно сказать, что окно моей камеры выходило на глухую часть заднего двора и через него удавалось высматривать появлявшуюся то в одном, то в другом уголке зелёную травку, которую затем во время прогулки нужно было изловчиться сорвать. Всякая попытка во время прогулки сойти с дорожки, а в особенности приблизиться к стене вызывала у стражи тревогу, раздавались окрики и угрозы со стороны надзирателей. Признаюсь, стараясь быть в отношении стражи совершенно лояльным, я часто подолгу не решался на то, чтобы нарушить правила прогулки и, отскочив с пути, сорвать интересующее меня растение. В этих случаях Сафонов или Огородников проявляли гораздо большую решительность. Свои находки они затем передавали мне. Не могу не вспомнить с благодарностью того самого несчастного рабочего Голубева, о котором я писал Л. Н. Толстому. Закованный в кандалы, он совершал прогулки на том же самом уединённом заднем дворе, где гуляли, только в иные часы, и мы. Как и все обитатели тюрьмы, он с глубоким уважением и удивительной предупредительностью относился к необычным сидельцам — членам Думы. Из своего окна он видел, как мы тайком срывали зелёные былинки, и чтобы облегчить это дело для нас, стал срывать в наиболее удалённых от дорожки местах интересовавшие нас растения, т. к. на него, уже приговорённого к смерти, окрики и угрозы стражников стрелять не действовали, ему терять уже было нечего. Сорванные растения он оставлял на дорожке, по которой после него ходили мы.

¹ Герасимов Пётр Васильевич (1877–1919) — присяжный поверенный, издатель газеты «Костромская жизнь», редактор газеты «Костромич»; депутат 3-й и 4-й Дум; кадет, кооптирован в ЦК в 1917. Расстрелян «за антисоветскую деятельность».

На листах, на которые наклеивались растения, у меня были сделаны отметки, какие из них попали в мой гербарий только благодаря трогательно-му вниманию этого человека, проводившего свои последние дни в смертельной тоске и тревоге в ожидании казни. Отметки эти были вырезаны тюремным смотрителем, задержавшим мой гербарий. Так же были вырезаны им и все отметки о времени и месте нахождения каждого растения.

Первое время каждую неделю, а затем — время от времени у нас производились тщательные обыски. Но мои растения не вызывали особого подозрения и благополучно оставались у меня. Они были систематизированы по семействам и родам, в том именно виде, в каком они находятся в настоящем собрании¹. Только при последнем обыске, накануне выхода на свободу гербарий был отобран вместе со всеми книгами, письмами и тетрадями. К моему несказанному удивлению, когда в момент выхода из тюрьмы мне вернули обратно в конторе все отобранные вещи и книги, гербария среди них не оказалось. Как ни торопился я ускорить желанную минуту своего превращения из тюремного инвентаря снова в человека, я не мог не сделать тут же попытки добиться возвращения моей коллекции. Обратившись к тюремному смотрителю, я настаивал на своём праве получить обратно гербарий, но все мои требования были тщетны, и в ответ я получил решительное заявление, что гербарий конфискован и будто бы уничтожен.

Через несколько дней после выхода из тюрьмы за дело возвращения моего гербария взялся опытный адвокат Николай Александрович Огородников. Он съездил, уже в качестве не подневольного обитателя, а свободного защитника моих прав, к смотрителю и выяснил, что гербарий ещё не уничтожен. Но, в конце концов, и он получил такой же отказ вернуть его, как и я. Тогда он обратился к губернскому тюремному инспектору. В соответствии с полученными от него указаниями я подал прошение в главное тюремное управление и, в конце концов, после длительной проволочки, мне удалось вернуть гербарий, хотя и в изуродованном виде. Смотритель в своём письменном отзыве о невозможности вернуть моё собрание привёл совершенно нелепое основание об опасности выпускать из тюрьмы топографические данные, заключавшиеся в отметках о месте находки растений. Точно тюремный двор был крепостью, а указания на выгребные и помойные ямы в нём приравнивались к сведениям о размещении крепостных орудий и верков². Впрочем, изувечившие мои листы с растениями многочисленные вырезки, если и уменьшили ботаническую ценность гербария, то зато увеличили его полицейско-бытовой интерес, являясь характерным штрихом, обрисовывающим бессмысленно тупую и мелочную систему издевательств, с которыми нам пришлось иметь дело в тюрьме.

Вторая половина отбываемого срока, несмотря на всё обострявшуюся тоску по семье, на невыносимо мучившее желание увидеть солнце, небо, зелень деревьев и кустов (окна тюрьмы были заслонены сверху и с боков досчатыми ширмами), протекала легче, чем первая. Пребывание в одиноч-

¹ После смерти Захара Григорьевича гербарий был передан одной из его внучек в краеведческий музей в Вологде.

² Верки — различные оборонительные сооружения в крепости.

ных камерах позволяло сосредоточиться и заниматься без помех. В камеру было разрешено передать научную литературу. Я успел тщательно изучить пять или шесть томов Кальмета «L'épuration biologique des eaux d'égouts», медицинскую микробиологию Колле и др. монографические издания. Большим утешением были многочисленные письма и открытки друзей, знакомых и совсем незнакомых людей со словами приветия, внимания, ободрения или просто с видами моря, природы... Но в день освобождения все тетради, всё написанное, даже книги, в которых были какие-либо пометки, были задержаны для просмотра. Только вечером увидел я ожидавшую меня в канцелярии жену. Дома же меня ждали несколько представителей костромского общественного собрания, земства, несколько врачей. На память была вручена стоящая и сейчас перед моими глазами на письменном столе серебряная оправа для памятной книжки. На её верхнем краю изображена Государственная дума (Таврический дворец), а на нижнем — костромская тюрьма. На доске выгравировано одним из костромских гравировщиков приветствие и пожелание дожить до полного расцвета демократии в нашем отечестве. Вот эта надпись:

«Члену первой Государственной думы от костромичей 9 сентября 1908 года. Приветствуем Вас в день Вашего освобождения из тюрьмы! Имя Ваше и Ваших товарищей, членов первой Государственной думы, неразрывно связаны с делом мужественного и стойкого отстаивания народных прав. Самоотверженная, проникнутая любовью к родине деятельность Ваша навсегда запечатлится в народном сердце и народной памяти. Пройдут суровые годы безвременья. Благодарная страна, посылая в Таврический дворец своих избранников, вновь назовёт ваши испытанные уже, оправдавшие доверие народа, имена. Вместе с Вами мы верим в славное будущее нашей родины. Пусть же эта вера смягчит Ваши тяжкие воспоминания прошлого, яркой незакатной звездой озарит намеченный Вами путь к торжеству права и правды!»

Губернатор запретил мне служить в земстве. Поэтому я принялся на дому за большую работу по анализу и текстовому освещению материалов о движении населения в Костромской губернии за 15 лет. Этот материал был положен в основу написанной осенью 1908 г. работы «Холера и оздоровление городов». Работа была напечатана в виде статей в «Русской мысли», а затем вышла отдельным изданием. Я прочитал об этой своей работе доклад в помещении костромского клуба с демонстрацией многочисленных карт, картограмм и диаграмм о распространении холеры. Он вызвал оживлённый интерес среди костромских врачей. Появился ряд очень благоприятных рецензий о работе.

Но в это время вновь в мою судьбу вмешался губернатор Веретенников. Как и во время своей службы в Киеве, он и в Костроме организовал черносотенный кружок из нескольких приехавших с ним чиновников и стал издавать костромской орган «Союза русского народа». В этом совершенно безграмотном, откровенно погромном листке одна за другой стали появляться статьи клеветнического характера, специально направленные против прогрессивно настроенных служащих земства, причём главным средством для их очернения стало постоянное и назойливое утверждение, что

они живут не своим умом, а якобы опутаны и одурачены мною, всемогущим «жидом», которому они во всём следуют. Никакого впечатления и действия эта слишком уж глупая и безграмотная стряпня в Костроме не производила. Но вскоре после этого я получил по почте в конверте с сургучными печатями приговор «каморры¹ народной расправы» «Союза русского народа». Между двух листков бумаги был вложен чёрный крест, а приговор, написанный печатными буквами, гласил, что каморра постановила подвергнуть бывшего члена Государственной думы З. Г. Френкеля смертной казни и что постановление это будет приведено в исполнение в случае, если в течение краткого времени названный Френкель не покинет пределов Костромы и Костромской губернии.

Я показал этот приговор знакомым, демонстрировал его в клубе. Спустя несколько недель я получил официальную повестку, приглашавшую меня явиться к губернатору для личных переговоров. Он принял меня в своём кабинете. В самой вежливой форме он сообщил мне о принятом им решении выслать меня из Костромы, т. к. он находит, что я пользуюсь чрезмерно большим авторитетом среди влиятельных кругов населения в Костроме и в губернии, и это не совместимо с его видами на общеполитическое руководство во вверенной ему губернии. Поскольку он не хотел бы причинять экономических затруднений моей семье, он пригласил меня, чтобы лично посоветовать мне самому уехать из города. Тогда в любом другом месте я смогу устроиться на работу в земстве. Если же я сам не уеду, он будет вынужден выслать меня на основании «положения о чрезвычайной охране».

Я выслушал этот его любезный совет и ответил тоже в самом любезном тоне, что не вижу решительно никаких оправданий и оснований для его решения выслать меня из Костромы; что я считаю такую высылку проявлением грубого произвола, поступком вредным, неправомерным и несправедливым. За свои действия я несу высшую моральную ответственность перед своей общественной совестью. И я ни в каком случае не сделаю соучастником в его дурном и совершенно незаконном проявлении произвола и не облегчу ему выполнения его неправомерного дела. Я показал специально взятый с собою мой «смертный приговор» от имени «каморры народной расправы» и заявил, что его решение о высылке так же несправедливо и служит проявлением того же произвола, как и этот самочинный злодейский документ. Вид вынужденного из кармана «приговора» вызвал у Веретенникова некоторое смущение. Он стал рассказывать что-то об угрозах со стороны «революционных групп» ему в бытность его киевским губернатором, из-за чего он с тех пор всегда имеет при себе заряженный револьвер. При этом для большей наглядности он поднял со стола револьвер. Затем он пустился доказывать правомерность своего стремления оградить коренное русское население Костромского края от «еврейских» направлений и влияний. Я повторил в совершенно твёрдой форме своё заявление, что из Костромы я ему в угоду не уеду, а за свои действия он должен будет нести всю ответственность.

¹ Каморра — наименование тайной бандитской организации на юге Италии в XVIII–XIX вв.

На этом закончился наш «любезный» обмен мнениями. После этого ещё месяца два я продолжал жить в Костроме. Как-то, когда я поздно вечером возвращался на набережную Волги, где я тогда жил, ко мне подошёл один из местных спившихся «бывших» людей (золоторотец) и стал мне настойчиво советовать не ходить в глухое время по спускам к набережной. «Против тебя подговаривают. Далеко ли до греха». В тоне его была искренняя тревога. Я ответил ему, что никогда я никому ничего плохого не сделал, так чего же мне бояться?

В апреле, когда на Волге начались первые подвижки льда, ко мне явился полицейский надзиратель с приказом губернатора о высылке из Костромы и сообщил мне, что через два-три часа на лодке под его контролем меня переправят через Волгу, т. к. о выполнении приказа он должен немедленно доложить губернатору. Он ушёл готовить лодку. Моя жена Любовь Карповна быстро собрала меня в дорогу. С небольшим чемоданом я перешёл Волгу по стоящему ещё льду и уехал в Москву.

Незадолго до этого к нам приехала серьёзно больная сестра моя Софья. Прекрасный хирург, костромской врач Крюков¹ прооперировал её. С горькою тоской покинул я Кострому после часового свидания в больнице с очень слабой ещё после операции сестрой.

Только пять лет спустя, в 1913 г., я ещё раз побывал в Костроме, занявшей на всю жизнь в моём внутреннем мире большое, неизгладимо важное для меня место. Немного лет моей жизни (с сентября 1904 по апрель 1909 г., т. е. пять с половиной лет в возрасте 34–40 лет) было связано с пребыванием и деятельностью в Костроме, но это были годы наиболее интенсивного, многостороннего и захватывающего развёртывания моих сил и моего сознания.

В Костроме я узнал людей, внутренняя сила, обаятельная цельность и красота личности которых живёт в моей душе и не померкнет, пока я остаюсь в живых: Иван Васильевич и Павел Васильевич Шулениковы, Михаил Михайлович Крюков, Александра Дмитриевна Лапотникова и многие, многие другие. Там я нашёл друзей, светлый образ которых озаряет лучами подлинного испытанного счастья весь последующий путь мой. Это в первую очередь Николай Александрович Огородников.

С Костромой связаны и глубоко запавшие мне в душу эстетические впечатления: близкие и далёкие виды волжских берегов, уютные особняки и храмы, зелёные улицы. Отрывал ли я на минуту глаза от работы, сидя у своего письменного стола, выходил ли утром из дома или возвращался при закате солнца домой, я смотрел на широкую гладь Волги, на которую выходили окна нашей квартиры. Я ловил взором далёкие перспективы сёл с их церквями, полей и лесов, раскинувшихся на противоположном высоком берегу. Частые, летом почти ежедневные прогулки и переезды на лодке с моими малыми детьми и их друзьями на тот берег Волги, поездки по Волге в Пушкино и в Плёс, в Кинешму и Юрьевец — и везде, всегда — встречи с людьми, близкими по делу, по настроениям, по искренней, честной предан-

¹ Крюков Михаил Михайлович (1864–1927) — известный хирург, автор оригинальных методик (симптом Крюкова при заболевании печени).

ности и службе народу. Всё это оставило глубокие следы на всю жизнь на моём внутреннем мире, отложилось в душе.

Мой отъезд из Костромы без спасательной лодки и без сопровождения околоточным надзирателем был причиной большого беспокойства для моей семьи. Не доверяя тому, что я мог перейти Волгу при начавшейся подвижке льда, полиция искала меня повсюду в городе, установила дежурство у моей квартиры.

В Москве тем временем я пытался найти литературный заработок. Но, прежде всего, посоветовавшись с юристами, я написал жалобу на Веретенникова и направил её в Министерство внутренних дел. В ней я с полной объективностью изложил признаки совершенной неспособности Веретенникова сколько-нибудь осмысленно держаться на губернаторском посту. В жалобе отражены многие характерные черты произвола власти в провинции в столыпинский период. Текст жалобы был напечатан в тогдашних петербургских газетах. Но напрасно я ждал хотя бы какой-нибудь реакции на мою просьбу о защите от произвола. Только год спустя, когда я жил уже в Петербурге, мне было вручено полицией под расписку постановление министра по моей жалобе на Веретенникова: «Оставить без последствий». Однако, хотя и несколько позже, чтобы не ронять губернаторский престиж, Веретенников был всё-таки снят с должности губернатора.

В Москве я оставался недолго. Для временного заработка я воспользовался предложением «Русских ведомостей»¹ и «Русского слова»² написать в виде корреспонденций несколько очерков о санитарном устройстве крупных приволжских и некоторых других городов в связи с опасностью возобновления летом 1909 г. холеры.

Холера приняла уже сильное развитие ещё с осени 1908 г. Я побывал в течение апреля в Самаре, Казани, Саратове, познакомился всюду с состоянием водоснабжения, виделся с руководителями санитарных организаций. Из близких к Москве городов я побывал в Рязани и Калуге. Результаты этих поездок также вошли в работу «Холера и оздоровление городов». Сотрудничал в журналах «Начало», «Новое слово», «Жизнь», «Мир божий». В мае 1909 г. я переехал из Москвы в Петербург.

Снова Петербург (1909–1914)

Период жизни в Петербурге в 1909–1914 гг. отличался от моей жизни в Вологде и в Костроме тем, что основное содержание моей деятельности не было связано с одним стержневым занятием, с работой земским санитарным врачом, с постоянным ощущением себя частью земского строительства,

¹ Одна из крупнейших русских газет (М., 1863–1918). Программа: политические и экономические реформы. С 1905 передана кадетам. После Октябрьской революции закрыта.

² Ежедневная либерально-буржуазная газета. 1895–1918. Издатель И. Д. Сытин. Закрыта советской властью за антибольшевистскую пропаганду.

земским человеком, одним из сотоварищей по борьбе за развитие земского дела. Вырванный административным произволом из работы в Костромском губернском земстве, я нашёл в Петербурге сначала занятия в городской санитарной комиссии. Здесь не было атмосферы содружества и товарищества в общем труде, а на всём лежал отпечаток казённо-бюрократического чиновничества, и я не чувствовал дружеской поддержки в попытках создать печатное издание для объединения санитарной городской организации или в стремлении положить начало коллегиального органа наподобие земских санитарных советов. Но среди специалистов здесь я ближе узнал целый ряд лиц, серьёзно преданных своей специальности.

В Петербурге имелись виды на некоторые литературные работы, в частности, Дм. Дм. Протопопов¹ предлагал постоянное сотрудничество в журнале «Городское дело». Кроме того, ко мне, как к автору брошюры «Холера и оздоровление русских городов», обратился председатель С.-Петербургской санитарной комиссии В. О. Губерт с предложением взять на себя налаживание мероприятий по борьбе с холерой в столице. В предварительных переговорах со мною по этому вопросу Губерт согласился с моими соображениями о придании общественного, а не бюрократического характера проводимым мерам и об издании печатного органа, который бы освещал текущие задачи и итоги деятельности всей санитарной организации за каждый период.

Такое печатное издание должно было способствовать объединению всех звеньев городской санитарно-противоэпидемической организации и облегчать общественный контроль за её деятельностью. Но на деле вся обстановка в городской санитарной комиссии была совершенно не такая, как в земских санитарных организациях. Атмосфера канцелярско-бюрократического чиновничества и субординации чрезвычайно затрудняла успех дела. Сама колоритная фигура самовластного председателя комиссии Губерта менее всего внушала мысль об общественной, коллективно работающей организации. Самовосхваление, реклама, грубое попрание достоинства подчинённых ему санитарных врачей — таковы были характерные черты Губерта.

В отношении ко мне он старался держаться либерально, хотел казаться простым, предупредительным, оказывал содействие всякому общественному начинанию. Он, по-видимому, очень дорожил (и даже видел какую-то выгоду для себя в том), чтобы я работал в его кабинете, где для меня был поставлен отдельный письменный стол. Мне казалось, что в нём живёт незаглушённая потребность, хотя бы иногда быть искренним, каяться в своей грубости, даже жестокости в обращении с людьми. Ему чрезвычайно импонировала моя прямота и резкость в отзывах о его тщеславии, генеральской заносчивости. Наблюдая его, я в то же время ценил его настойчивость, темперамент в работе. Если ему нужно было напечатать статью, составить

¹ Протопопов Дмитрий Дмитриевич (1864–1918) — присяжный поверенный, литератор, издатель журналов «Финляндия», «Волостное земство», «Городское дело», «Земское дело»; член ЦК и секретарь Петербургского городского комитета партии кадетов.

отчёт, он заставлял работать других, но и сам не прерывал работу, всю ночь напролёт перечитывал корректуры. Какая-то неукротимая сила и жажда к выдвижению, к карьере, тщеславие — были в нём основной пружиной. Во всём, что бы ни делалось, ни писалось, приоритет должен был быть обеспечен за ним. Но я видел и ценил в нём способность проявлять стремление помочь попавшему в беду человеку, отдаться чистому и бескорыстному делу помощи больным детям, удручённым горем матерям. Организовав в Обществе охраны народного здоровья отдел летних колоний для туберкулёзных детей, он с искренним благожелательством и вниманием часами выслушивал матерей при отборе детей в эти колонии, исследовал детей, лично оказывал всевозможную помощь. Иногда, впрочем, мне казалось, что в его отношении ко мне играет роль всё то же его стремление к саморекламе. Вот, мол, какие люди работают с ним, с Владиславом Осиповичем Губертом — не только чиновные генералы, но и члены 1-й Государственной думы, гонимые правительством за всеми признаваемую неподкупность, общественную чистоту и безупречность.

Помню случай, когда, занимаясь за своим столом, я был невольным свидетелем, как отвратительно, по-генеральски грубо и неприлично распекал он старшего санитарного врача, явившегося к нему с докладом. Сам он сидел в кресле, а докладчик стоял перед ним. Он не выслушивал никаких доводов, а кричал, называл делаемые предложения глупыми и, наконец, приказал врачу замолчать, уходить и выполнять, что приказано.

Когда старший санитарный врач, который, впрочем, и сам примерно в таком же стиле, по-петербургски, а не «по-земски» принимал своих подчинённых, вышел, я собрал свои бумаги, подошёл к Губерту и совершенно спокойно сказал, что ухожу и больше работать в городской санитарной комиссии не буду, т. к. не желаю подвергаться риску попасть в такое недостойное положение, в каком только что был старший санитарный врач. Губерт реагировал на моё заявление совершенно неожиданным припадком раскаяния. Прямо молил меня не уходить, не бросать начатого дела. Бранил свой характер, каялся в своей несдержанности, распушенности. Согласился впредь выслушивать все доклады и предложения не единолично, а в президиуме совещания организации врачей. В состав такого президиума тут же просил войти меня.

Со второй половины 1909 г. удалось наладить регулярный выход двухмесячных обзоров, охватывавших все стороны деятельности учреждений и совещаний С.-Петербургской городской санитарной комиссии, которые издавались в виде «Материалов к отчёту санитарной комиссии за 1909 год». Это делало все виды деятельности всех санитарных служб доступными общественному контролю и взаимной критике, приучало и городских санитарных врачей к критической оценке своей работы и к постоянной проверке правильности и обоснованности поставленных перед ними задач и планов, т. е. вело к первым шагам перехода от бюрократически-чиновничьего отношения к санитарному надзору — к общественному санитарному строительству.

В каждом выпуске давался возможно полный и всесторонний статистический материал о показателях санитарного состояния населения, об инфекционной заболеваемости по частям и участкам города; давались

табличные материалы о деятельности санитарных врачей по жилищно-санитарному надзору (за дворами, домами, квартирами, прачечными и пр.); по надзору за промышленными и торговыми предприятиями; об амбулаторном обслуживании населения; о надзоре за состоянием ночлежных домов. Последней группой врачей руководили К. В. Караффа-Корбут¹ и Н. Ф. Гамалея. В ней были такие врачи, как Крыжевский, Гарон и др.

Очень подробный обзор давался о деятельности городской лаборатории, её бактериологического и санитарно-химического отделений, по исследованию пищевых продуктов и воды.

В особом отделе давались сведения о деятельности городских изоляционных убежищ и об итогах работы родильных домов. Большое внимание уделялось мерам по контролю за водоснабжением. За 1909 г. было издано три составленных мною двухмесячных обзора и за 1910 г. — четыре. Независимо от работы по изданию этих обзоров, всё время, пока в городе были холерные заболевания (с 9 июня по ноябрь), в конце каждого дня я к вечеру составлял ежедневный бюллетень о холере в Петербурге, в котором давалась точно проверенная сводка за день всех сведений о холерных и подозрительных по холере заболеваниях, о числе холерных больных, поступивших в больницы, обо всей противохолерной работе.

С ноября 1909 и в течение всего 1910 г. взамен этого ежедневного холерного листка под моей редакцией составлялось и рассылалось еженедельное печатное издание, носившее название «Краткие сведения о деятельности С.-Петербургской городской санитарной комиссии». Кроме табличных данных за каждую неделю в них помещались текстовые обзоры. Составление этого еженедельника размером от одного до двух с половиной печатных листов требовало от меня постоянного личного общения с руководителями различных учреждений. На этой почве у меня составилось хорошее знание положения дела в больницах и санитарных организациях города, а также личное знакомство со многими ведущими санитарными работниками Петербурга (В. И. Яковлев, В. П. Кашкадамов², Тылинский, Посадский и др.).

Характерным для Губерта поступком было помещение в вышедшем под его фамилией отчёте о холере в виде отдельной главы написанного мною и с сохранением моего авторства очерка «Холерная эпидемия в 1909 году в Петербурге в графических изображениях». При этом, как опытный плагиатор, Губерт, поместив в качестве своей статьи мою работу, сделал в ней подстрочное примечание: «При составлении графических изображений свой труд и знания приложил З. Г. Френкель, за что приношу ему благо-

¹ Караффа-Корбут К. В. — санитарный врач, философ, автор трудов по проблемам, стоящим на стыке науки и идеологии (биологии, генетики, антропологии, этнографии), входящим в так называемую супернауку («Komplexwissenschaft») — евгенику.

² Кашкадамов Василий Павлович (1863–1941) — гигиенист, работал у И. П. Павлова, руководил работой по борьбе с чумой; приват-доцент Женского медицинского института в Петербурге, профессор гигиены в Государственном институте медицинских знаний. В 1904–1918 занимал различные посты в Петербургском санитарно-эпидемиологическом бюро.

дарность». Фактически же я не только составил графики, но и написал всю статью, которую он перепечатал без каких бы то ни было изменений и добавлений.

В конце лета 1909 г. я получил письмо от сестры о тяжёлом состоянии здоровья отца. После случайного ранения пальца ноги у него началось нагноение и угрожала гангрена. Я взял временный отпуск, Губерт очень отзывчиво отнёсся к моей беде. Я приехал в Попенки. Отец был в полном сознании, хотя и лихорадил. На стопе действительно обозначились явления гангрены. По совету моего товарища по гимназии земского врача Яроша, навещавшего тогда отца, я немедленно отправился в Киев. Там разыскал рекомендованного Ярошем профессора-хирурга и упросил его немедленно ехать со мною в Попенки. Ему это было очень трудно, но он всё-таки после рабочего дня в клинике выехал со мною.

Была прохладная звёздная ночь, когда мы ехали на лошадях из Остра. Не без удивления я обнаружил, что мой спутник-хирург не хуже меня ориентируется в звёздном небе: он называл созвездия и с глубоким интересом отдавался созерцанию мирового пространства над нами. Обследовав отца, он объявил ампутацию голени неизбежной и посоветовал перевезти отца для операции в земскую больницу в Козелец. На следующий день он уехал. Я старался, насколько мог, его отблагодарить. Невыносимо больно и жалко было мне отца. Он, невзирая на свой восьмидесятилетний возраст, проявил удивительное мужество. Я обнимал его голову и переживал все его мысли и чувства, как мои собственные, я ощущал себя его частью, его продолжением.

Дело с операцией несколько затянулось. Я должен был вернуться в Петербург. Операция прошла благополучно. После возвращения отца из больницы трудное дело ухода за ним, перевязок, заказа для него специального кресла, в котором он целые дни передвигался по усадьбе, взяла на себя моя сестра Соня, которой помогала девочка-подросток лет 12–13 из деревни, специально нанятая, чтобы возить кресло. Когда летом 1910 г. я навещал отца, я был поражён, как любовно ухаживала эта девочка за ним. Отец платил ей за этот внимательный, терпеливый уход трогательной нежной привязанностью. Она усаживала его в кресло, передвигала его по дому, возила его по усадьбе. Когда его зрение утомлялось, и ему было трудно читать, она часами читала ему вслух газеты, журналы, новые сельскохозяйственные книги.

Лето 1909 г. мы прожили на Старопарголовском проспекте в Лесном во временно свободной квартире профессора Политехнического института П. Б. Струве¹. В это время на Большом Сампсониевском проспекте (в советское время он назывался проспектом Карла Маркса) строился новый дом № 87. Нам нравилось местоположение этого дома на половине дороги от Лесного до города. Дом был окружён обширными ягодными садами. К осени мы сняли в этом доме квартиру в третьем этаже, выговорив при этом

¹ Струве Пётр Бернгардович (1870–1944) — экономист, философ, историк, публицист. Теоретик «легального марксизма», один из лидеров кадетов, редактор журналов «Освобождение», «Русская мысль». После 1917 — эмигрант.

право устроить на прилегающем участке небольшой садик для собственного пользования. Как только закончилось строительство, мы переехали в эту квартиру, в которой прожили до лета 1914 г., когда смогли перейти в свой дом, построенный на Васильевской улице в Лесном (с середины 30-х до середины 60-х гг. она называлась улицей Отдыха, а ныне это — Светлановский проспект).

Возможность осуществить постройку этого дома первоначально появилась в связи с получением некоторой суммы гонорара за вышедшие в 1913 г. в издательстве К. Рикеро мои «Очерки земского врачебно-санитарного дела». Остальную необходимую сумму мы получили в кредит под вторую закладную. Много труда и забот вложили мы с женой в постройку собственного дома. Особенно много волнений переживала в связи с заботами по постройке дома Любовь Карповна. В нём она прожила всю дальнейшую свою жизнь до самого дня своей смерти 13 июня 1948 г.

В первые месяцы 1910 г. немало затратил я времени и труда на изучение экспонатов обширной выставки по борьбе с пьянством, устроенной при Русском обществе охраны народного здоровья Комиссией по борьбе с алкоголизмом. Главным двигателем при устройстве этой выставки был всё тот же Губерт. Но в настоящем смысле душою и вдохновителями выставки были известные борцы с алкоголизмом — доктора Григорьев и Новгородцев. На меня были возложены нелёгкие обязанности секретаря экспертной комиссии по оценке всех экспонатов выставки. Пришлось писать проекты постановлений по экспонатам каждого из учреждений, давших для неё материалы. Особую ценность представляли практические материалы отдела Государственной винной монополии (казённой продажи вина) и работы финского профессора Ляйтинена. Замечательно наглядную большую, собственноручно выполненную таблицу выставил В. В. Подвысоцкий¹: «Изменения в ганглиозной нервной клетке коры головного мозга» (по препарату, изготовленному из коры головного мозга умершего от опоя).

В экспертной комиссии пришлось работать совместно с Иваном Андреевичем Дмитриевым, Дмитрием Петровичем Николаевским и др.

С 1910 г. я принимал регулярное участие в заседаниях редакционной коллегии журнала «Городское дело», редактором которого был Л. А. Велихов², и журнала «Земское дело», редактировавшегося В. С. Голубевым³.

¹ Подвысоцкий Владимир Валерьянович (1857–1913) — профессор патолог, эндокринолог, директор Института экспериментальной медицины в Петербурге (1905–1913); организатор Русского отдела на Международной гигиенической выставке в Дрездене (1910–1911) и генеральный комиссар Всероссийской выставки по гигиене (1912). Создал научную школу патологов и микробиологов.

² Велихов Лев Александрович (1875–1940?) — юрист, кадет, депутат 1-й Государственной думы. Один из инициаторов издания журналов «Земское дело» и «Городское дело», участник Первой мировой войны; в 1915 вошёл в состав Военной комиссии Думы. После Октябрьского переворота преподавал в вузах Новочеркаска и Ростова-на-Дону. В 1938 арестован и осуждён на восемь лет лагерей. Дальнейшая его судьба неизвестна.

³ Голубев Василий Семенович (?–1911) — писатель. До 1894 — в ссылке в Восточной Сибири за пропаганду среди рабочих. Вступив на земскую службу, редак-

Фактической направляющей и руководящей силой в обоих журналах был Д. Д. Протопопов, один из членов издательского кружка, составленного рядом общественных деятелей, вложивших часть своего капитала в издание этих журналов.

Во второй половине лета выставочный комитет Южнорусской областной выставки, устроенной Екатеринославским земством, пригласил меня в состав экспертного совета по оценке экспонатов. Поездку в Екатеринослав (Днепропетровск) я совместил с отпуском. Всей семьёй мы приехали в Попенки. Оставив там двух младших дочерей, мы с Любовью Карповной и старшей дочерью Зиночкой, тогда уже десятилетней девочкой, поехали в Екатеринослав. От Киева до Александровска (с 1921 г. — Запорожье) мы плыли на пароходе, а оттуда ехали по железной дороге. Из Александровска мы съездили осмотреть пороги, переехали на остров Хортицу, осмотрели те места, где 15–20 лет спустя была сооружена Днепровская гидроэлектростанция.

Выставка Южного края представляла для меня огромный интерес. Там были впервые выставлены тракторные плуги и крупные сельскохозяйственные орудия, предназначавшиеся для сельской кооперации. Специально изучив все экспонаты, отчёты и издания по земской медицине уездных и губернских земств Екатеринославской, Харьковской и других губерний, я составил их сравнительный обзор и оценку. Из Екатеринослава мы проследовали на пароходе в Одессу. По пути, в Херсоне, провели исключительно жаркий день у Евгения Ивановича Яковенко. При своей квартире он устроил и хорошо обставил санитарную лабораторию и отдавал много времени исследованиям воды и почвы. По его почину в городе, в школах, у пристани были поставлены фонтанчики для питья воды.

В Одессе я виделся с Николаем Петровичем Василевским, познакомился со всей постановкой Одесской городской санитарной организации и с разработкой заболеваемости, осматривал поля орошения; несколько раз подолгу осматривал Одесскую южнорусскую выставку. Из Одессы мы вернулись в Попенки и, пробыв там несколько дней, возвратились в Петербург.

В Попенках я видел в последний раз свою мать. Как всегда, она несла огромную работу по хозяйству. Я не видел человека более трудоспособного, трудолюбивого и доброго, чем наша мать. С раннего рассвета до поздней ночи она была непрерывно занята. Сама стирала бельё, мыла полы, месила в деже тесто и пекла хлеб на всю неделю, стояла помногу часов у русской печи. Она не только стряпала и обед, и ужин, но и готовила пойло для коров и свиней, доила коров и в то же время каким-то образом находила силы, чтобы успеть работать в огороде: выбирать огурцы, полоть, окучивать и т. д.

Нас, детей, было десять, но мать любила всех одинаково глубоко, нежно, деятельно. Расчёсывала, мыла в корыте. Когда приходило время кому-нибудь из нас уезжать, мать заранее горевала, украдкой плакала безутешно. Мы старались утаить от неё день отъезда, чтобы меньше причинять ей горя.

тировал орган Саратовской управы «Земская неделя». С 1904 редактировал ряд изданий в Петербурге, с 1908 — член редколлегии «Земского дела».

Со вниманием выслушивала наша мама все наши, ей одной доверяемые рассказы о неудачах и угрожающих неприятностях, ободряла и старалась внушить надежду, а сама роняла при этом слёзы. И на этот раз мой отъезд со всей моей семьёй после недолгого пребывания вызвал слёзы и огорчение матери. К тому же, она незадолго перед тем простудилась и жаловалась на боль в ухе. Вскоре по возвращении в Петербург я получил телеграмму, что болезнь матери приняла чрезвычайно серьёзный характер. Когда приехал из Козельца врач, больная была в тяжёлом забытьи и, не приходя в сознание, скончалась. Причиной смерти врач признал нарыв в среднем ухе, прорвавшийся внутрь и вызвавший воспаление мозговых оболочек.

Составление одного за другим выпусков «Материалов к отчёту СПб городской санитарной комиссии», а затем еженедельного «Бюлетеня...» я рассматривал как замену печатного периодического органа для объединения работников и всех учреждений санитарного дела Петербурга в единую организацию, отдающую силы борьбе за успехи своего общего дела. Летом 1909 и в 1910 г. ещё продолжалась в столице холерная эпидемия и эпидемия возвратного тифа. Оживлённый интерес среди санитарных работников вызвал пресловутый закон о принудительном оздоровлении Петербурга. Этот закон, проведённый Столыпиным через законопослушную 3-ю Государственную думу, служил в одно и то же время для посрамления самого принципа самоуправления, «не способного», якобы, двигать даже местное благоустройство. В то же время столыпинское правительство стремилось нажить на «принудительном оздоровлении Петербурга» политический капитал деловитости.

В городской санитарной комиссии постоянно происходили совещания по развитию мер против эпидемий, по изучению холеры, по улучшению контроля за наличием холерного эмбриона в невской воде, по обеспечению работающих по берегам Невы каталей и грузчиков кипячёной водой, по более действенному санитарному наблюдению за появлением эпидемических заболеваний в ночлежных домах. И хотя все эти совещания, комиссии и подкомиссии носили характер обычной бюрократической возни и шумихи, но всё же кое-кому приходилось заниматься составлением «записок», отчётных докладов, научных сообщений и пр. Такими работниками были В. П. Кашкадамов, В. И. Яковлев и привлечённый Губертом в качестве консультанта Н. Ф. Гамалея. Он незадолго перед тем приехал из Одессы. Там он научно освещал задачи работы по борьбе с холерой и по предупреждению чумы, когда вся эта работа велась под руководящим командованием черносотенного градоначальника Зелёного. Вместо таких крупных санитарных деятелей, как Н. П. Василевский, П. Н. Диатроптов¹ при Зелёном подвизался надёжно черносотенный Кияницын. Заслугой Н. Ф. Гамалея явилось настаивание в Петербурге на необходимости внимания городской санитарной комиссии к организации и поддержанию рационального сани-

¹ Диатроптов Пётр Николаевич (1859–1934) — гигиенист и микробиолог, один из организаторов санитарно-бактериологического дела в России. В 1910 — профессор Высших женских курсов в Москве, затем — кафедры общей гигиены в МГУ, с 1928 — председатель учёного совета Наркомздрава.

тарного контроля и надзора в ночлежных домах. Вместе с выдвинувшимся в это время инициативным молодым гигиенистом К. В. Караффа-Корбутом, Гамалея стал во главе специально созданной группы врачей по санитарному надзору за ночлежными домами. В эту группу вошли несколько молодых энергичных работников, многие из которых позднее выдвинулись в разных отраслях врачебно-санитарной деятельности. Среди них был Яков Осипович Крыжевский, ставший в советский период видным организатором и научным работником в области борьбы с туберкулёзом.

Ещё в 1909 г. у Н. Ф. Гамалеи и К. В. Караффа-Корбута возникла мысль издавать специальный санитарно-гигиенический журнал в Петербурге. Совместными их усилиями эта мысль была осуществлена и с начала 1910 г. журнал стал выходить регулярно. Он, конечно, имел коренное отличие от «Общественного врача», как органа общественно-санитарного направления во всей организации врачебного и санитарного дела в России. Не похож был этот новый гигиенический журнал и на официальный орган Управления главного врачебного инспектора, фактическим редактором которого был М. С. Уваров, — «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины», хотя многие сотрудники этого «Вестника», да и сам М. С. Уваров, стали сотрудниками «Гигиены и санитарии». Особенностью последнего журнала было полное отсутствие политической направленности. В этом смысле журнал был совершенно «аморфным образованием». Полезной стороной его деятельности было, однако, то, что он создал возможность и способствовал появлению в печати статей многих молодых санитарно-гигиенических специалистов. Это помогло им затем выработать в себе навыки и стремление к литературно-научной работе. В недрах редакции «Гигиены и санитарии» зародилась мысль осуществить издание большого коллективного русского руководства по гигиене.

В письме за подписью Гамалеи, полученном мною в мае 1910 г., с предложением взять на себя составление одного из отделов в этом печатном руководстве указывалось, что в состав редакционного комитета русского «оригинального коллективного руководства по гигиене» вошли: Н. Ф. Гамалея, К. В. Караффа-Корбут, В. П. Кашкадамов, Н. Н. Костямин¹, С. А. Новосельский², М. С. Уваров и др. Объём издания был определён в 60 печатных листов большого формата со многими иллюстрациями. Была разработана программа, и часть разделов была уже распределена между редакторами. К сожалению, этот проект так и не был осуществлён, но времени на обсуждение подробных программ, на совещания и переговоры было затрачено немало.

Когда в 1910 г. требование санкт-петербургского градоначальника об устранении меня, как политически неблагонадёжного, от службы в городской санитарной комиссии положило предел моей работе в качестве ре-

¹ Костямин Н. Н. — профессор-гигиенист, эпидемиолог, участник борьбы с холерой в Одессе и других городах юга России. В 1921–1922 — ректор Медицинского института в Одессе.

² Новосельский Сергей Александрович (1872–1953) — один из основателей отечественной санитарно-демографической статистики, академик АМН СССР.

дактора издания «Отчёты и труды городской санитарной комиссии и её учреждений», я целиком ушёл в работу в становившемся в то время на ноги журнале «Земское дело», издателем и главным редактором которого, так же, как и журнала «Городское дело», был Д. Д. Протопопов.

Участие в редакционных заседаниях этих журналов привело к сближению с рядом таких работников, как Голубев, фактически редактировавший «Земское дело», Л. А. Велихов, Б. Б. Веселовский¹ и др. Помимо статей по вопросам земской медицины и санитарного дела я иногда писал передовицы для очередного номера журнала или составлял разделы хроники. Так, в апреле 1910 г. к открытию в Петербурге XI Пироговского съезда врачей мной была написана передовая статья о значении пироговских съездов в развитии земской медицины. Мне кажется, в этой статье впервые было дано обобщение подлинного значения пироговских съездов и правления Пироговского общества для формирования и объединения в единую общественно-санитарную организацию работников земской медицины, как системы и науки по лечебно-профилактическому обслуживанию здоровья населения.

Смерть Голубева была тяжёлым ударом и потерей для журнала «Земское дело». Для меня было большой неожиданностью решение редакционного совета предложить мне редакторство журнала. На основании этого решения Д. Д. Протопопов пригласил меня на должность редактора (с платой по 150 рублей в месяц). Таким образом, с конца 1910 г. мне пришлось много времени отдавать редактированию журнала. Книжки «Земского дела» выходили два раза в месяц. Нужно было редактировать все поступающие статьи и вести большую переписку с авторами о сокращениях и изменениях, вносимых при редактировании; не только составлять лично для каждой книжки хронику с откликами и заметками редакции по поводу более важных явлений текущей земской жизни, по поводу правительственных распоряжений, законодательных проектов, но и наряду с этим напряжённо обдумывать составление следующего номера, обеспечение его статьями, обзорами, критическими заметками о вновь выходящих книгах.

Часто приходилось обращаться к известным в соответствующей отрасли земского дела авторам с просьбой дать статью для журнала. Составленный номер я выносил на утверждение редакционного собрания. Много времени отнимало чтение корректурных гранок, а затем окончательная сверка сверстанного номера и получение разрешения на его выпуск.

Во многих земствах, даже губернских, а не только захолустных уездных, у кормила стояли черносотенные заправилы, пришедшие в земства после разгрома революционного движения 1907–1908 гг., чтобы не развивать и не расширять земское дело, а сокращать его. Но и в таких земствах — под напором «низов» — в экономической области, в дорожном строительстве, в строительстве таких земских предприятий, как черепичные и кирпичные или цементные заводы, дело продолжалось. Я тщательно собирал все сведения о росте низовых запросов к земствам и в связи с этим о безостановочном росте земских бюджетов, невзирая на реакционно-погромные

¹ Веселовский Борис Борисович (1880–1954) — историк земства и экономики городского хозяйства, краевед, публицист. После 1917 — профессор МГУ.

устремления новых земских хозяев из дворян типа курских Марковых или екатеринославских октябристов.

Нужно было поддерживать и укреплять бодрое упорное отстаивание задач земского строительства и сплочение вокруг этих задач уцелевших в земствах рядов «третьего элемента». В передовых статьях и в подборе материала для хроники земской жизни, в анализе и обзоре земских бюджетов я сосредоточивал внимание на не прекращавшемся, всё более возраставшем и усиливавшимся росте требований «низов» к земству. По составу своих хозяев и по своей архаической избирательной системе и организации земство не отвечало растущим требованиям культурно-хозяйственного устройства сельской жизни, местной жизни вообще. Я старался внедрить мысль, что не запросы неотвратимого экономического развития ступают перед отсталостью земского строя, а этот самый строй не устоит перед напором низовых сил и всё более широких проявлений растущей силы низов. Эта мысль пронизывала все страницы каждой книжки «Земского дела», несмотря на все трудности цензурных условий и на все соображения осторожности боязливого издательства. За годы редактирования журнала я систематически изучил организацию местного самоуправления и местных финансов, а также вопросы развития потребительской и кредитной кооперации и страхового дела. Это фундаментальное знание указанных вопросов было мною положено в основу вышедшей уже после Октябрьской революции в 1924 г. книги «Задачи местных волостных органов в деле развития благоустройства».

Почти одновременно с началом работы по редактированию «Земского дела» началась и другая моя деятельность, на несколько лет серьёзно захватившая моё внимание и сама оказавшая большое влияние на последующие этапы моей жизни. По предложению Ивана Андреевича Дмитриева на меня была возложена комиссией Пироговского общества разработка программы Всероссийской выставки по гигиене и врачебно-санитарному делу и составление доклада XI Всероссийскому Пироговскому съезду с обоснованием этой программы. Работая над докладом, я исходил из накопленного мною довольно значительного опыта участия в разработках и подготовке музейно-выставочных материалов для привлечения более широкого внимания к очередным задачам врачебно-санитарного дела, к вопросам организации земской медицины, к разным разделам гигиены и оздоровления условий жизни населения.

Ещё в бытность санитарным врачом в Новоладожском уезде, так же, как затем в Нарвском участке в Петербурге, в Вологде и т. д., я всегда видел, как оживлялось внимание участников земских собраний и публики, присутствовавшей на обсуждении моих докладов, если мне удавалось сопроводить свои выступления показом основных их положений на картограммах, на ярких наглядных диаграммах и показательных таблицах.

В ходе подготовки Всероссийской гигиенической выставки встал вопрос об участии России в Международной гигиенической выставке в Дрездене. Правительственным комиссаром по устройству Русского отдела на Дрезденской выставке был назначен профессор В. В. Подвысоцкий — директор Института экспериментальной медицины. В национальном русском отделе этой выставки предполагалось представить экспонаты всех ве-

домств и министерств, связанных с организацией общественного здоровья, в том числе, по предложению В. В. Подвысоцкого, впервые должны были участвовать и земские организации.

Первоначально это предложение В. В. Подвысоцкого было встречено и правлением Пироговского общества, и земскими врачебно-санитарными организациями отрицательно. Причина крылась в том, что в постоянном отстаивании интересов своего врачебно-санитарного дела от административных притеснений, урезываний и запретов у земских передовых деятелей выработалось отрицательное отношение ко всяким выступлениям «казённой» государственной медицинской организации. Уже сама идея совместного выступления на выставке рядом с «казённой» медициной настораживала руководителей многих земских врачебно-санитарных организаций.

Тем не менее, в выставочном комитете была создана специальная группа по устройству отдела русской общественной медицины. В неё вошли профессор С. С. Салазкин¹, И. А. Дмитриев, а в качестве секретаря этой группы был привлечён я. На меня легла львиная доля организационной работы. В губернские земства был направлен призыв принять участие в подготовке материалов по земской медицине. Много усилий пришлось затратить, чтобы преодолеть негативное отношение земцев к выставке и убедить их принять в ней участие. Мною были направлены личные письма ко многим деятелям земской медицины, не раз пришлось выезжать на заседания санитарных советов и в личных переговорах убеждать в важности и значении показа достижений русской общественной медицины. Незаменимую помощь в поддержании постоянного порядка во всё возрастающей переписке с земствами, в составлении статистических таблиц, в проверке подсчётов оказывала моя сестра Саша — Александра Григорьевна Черноголовко². Она тоже окончила Рождественские курсы Лесгафта по специальности акушер-фельдшерица.

Много усилий потребовала разработка плана и программы организации и работы русского отдела, налаживание получения экспонатов с мест. По моему предложению было организовано рабочее бюро (счётчики и чертёжники) для разработки обобщающих материалов по всем губерниям и их художественному оформлению. Руководить этим бюро было поручено мне. При отборе и систематизации получаемых материалов я стремился отразить не только достижения земской медицины в отдельных губерниях, но и показать всю земскую медицину в целом.

¹ Салазкин Сергей Сергеевич (1862–1932) — биохимик, профессор Женского мединститута (1898–1911), общественный деятель. Был народником, участвовал в революции 1905–1907; входил во Временное правительство; ректор Крымского университета в Симферополе (1918–1924), профессор 1-го Медицинского института (1925–1931). С 1927 — директор Института экспериментальной медицины.

² Александра Григорьевна (1875–1924) жила в Петербурге, растила пятерых детей. Её муж Григорий Николаевич Черноголовко — обладатель прекрасного голоса — пел в Мариинском театре, но затем из-за болезни преподавал в гимназии. В 1917 семья выехала, как обычно, на лето в Попенки, но в условиях начавшейся Гражданской войны вернуться в Петроград не смогла, а переехала в Киев. В 1924 Александра Григорьевна умерла от туберкулёза.

Зима в Петербурге в тот год оборвалась необычно рано. В феврале вместо привычных для петербуржцев суровых морозов началась оттепель. Она затянулась. Было настолько тепло, что стали опасаться за прочность льда на Неве. Твёрдо помню это потому, что я очень интересовался, как будет прокладываться от новой фильтроозонной станции на Петербургской стороне у Сампсониевского моста водовод для подачи воды в сеть Выборгской стороны. Звенья его укладывались и соединялись на льду. Из опасения внезапного ледохода работы эти были прерваны, и я не видел самого процесса спуска водовода на дно реки через прорези льда. Но в начале апреля возобновилась морозная погода, и я с семьёй (т. е. с Любовью Карповной и тремя дочерьми — 8, 10 и 12 лет) уезжали из Петербурга, имевшего зимний вид, в Дрезден. На вторую ночь мы переехали границу. Рано утром, задолго до полного рассвета, всматриваясь через окно в открывавшиеся виды чужой страны, я обратил внимание, что деревья покрыты хлопьями снега, но вскоре убедился, что деревья белы не от снега, а от того, что были в полном цвету черешни, миндаль и сливы.

В Берлине нас встретил инженер Иван Карпович Полтавцев, брат Любови Карповны, который, получив в 1906 г. разрешение на выезд из сибирской ссылки за пределы России, уже несколько лет жил со своей семьёй в столице Германии. Там он организовал свою техническую контору. Мы пробыли у Полтавцевых всего два или три дня. Вместо зимнего пейзажа, который мы покинули в Петербурге, в Берлине всюду зеленели газоны, цвели тюльпаны и нарциссы. Город казался нарядным и опрятным. Его благоустройство вызвало у меня не только интерес, но даже зависть. Пробуждалось желание добиться такой же чистоты и благоустроенности в наших городах. Невзирая на кратковременность остановки, я всё же успел побывать в окрестностях Берлина недалеко от Гафельского озера на полях орошения Шарлоттенбургской канализации, тогда ещё не объединённой с Берлинской канализацией.

Нужно было торопиться в Дрезден. Там уже заканчивалась постройка Русского павильона. Спешно шла отделка внутренних помещений, и началось развёртывание выставочных отделов. Для размещения отдела земской медицины предназначался верхний этаж — скромные горницы под высокой крышей русского терема.

Для размещения экспонатов Земского отдела, которым я непосредственно ведал, пришлось использовать каждый уголок, каждый квадратный метр. По мере развёртывания моих сводных графиков и таблиц, наглядных картограмм я разъяснял всем моим сотрудникам и приходившим выставочным работникам содержание и особый смысл каждого экспоната. Это привело к тому, что ещё задолго до открытия Русского отдела публика постоянно собиралась и слушала мои разъяснения. Если я видел, что среди слушателей были люди, не знающие русского языка, я переходил на немецкий.

Окончание устройства и официальное открытие Русского павильона на Дрезденской выставке произошло со значительным опозданием (почти на целый месяц). Некоторым утешением для нас было то, что другие павильоны (английский, французский) были открыты с ещё большим опозданием. Благодаря архитектурной оригинальности Русского павильона, построенного в стиле московских теремов, яркости его расцветки, а может

быть и благодаря энтузиазму молодых объяснителей, русский отдел привлёк к себе значительное внимание.

По соседству с русским был открыт японский павильон. Японцы не пожалели средств на пышное и не лишённое тонкого вкуса художественное оформление своих экспонатов и выставочных помещений. Вскоре после открытия нашего отдела и временного отъезда В. В. Подвысоцкого в Петербург, в служебное помещение к нам зашёл секретарь японского отдела. Молодой немецкий врач-гигиенист передал желание профессора Такаки, известного микробиолога, ректора Токийского университета, являвшегося правительственным комиссаром японского отдела Дрезденской международной выставки, познакомиться с нашим отделом. Условились, что Такаки будет в нашем павильоне на следующий день в четыре часа. К сожалению, на следующий день я должен был на короткое время отлучиться из нашего павильона, меня несколько задержали, и я пришёл на семь минут позже условленного срока.

Профессор Такаки с женой (немкой) и с двумя секретарями был уже в нашем павильоне и осматривал научный отдел Института экспериментальной медицины со знаменитой павловской собакой на первом плане. Я очень просил меня извинить за невольное и непредвиденное опоздание, и после представления меня жене Такаки провёл гостей по всем разделам Русского павильона. Наконец мы поднялись по лестнице в «земские антресоли». Я старался разъяснить сущность земской медицины, всё её общественно-санитарное профилактическое построение и значение, останавливаясь на наших скромных моделях, фотографиях, диаграммах. Было видно, что Такаки слушает мои пояснения с большим вниманием. Уходя из земского отдела, он, пожимая мне руку, сказал: «Нечто подобное вашей земской медицине хотел бы я ввести в Японии». Затем он пригласил меня познакомиться со всей экспозицией японского павильона.

В назначенный день, точно минута в минуту, в условленное время я вместе с Любовью Карповной прошёл в японский павильон. Нас попросили подождать в канцелярии. Ровно через семь минут вышел Такаки и с большой предупредительностью провёл нас по всему отделу. С особенной подробностью он остановился на «культуртрегерских» заслугах японцев на острове Формоза. Японцы научили там детей употреблять при еде посуду, ложки и вилки, умываться по утрам, вообще прививали гигиенические навыки в основанных ими школах. Демонстрируя прекрасно выполненные муляжи кушаний и дневных рационов японских рабочих и крестьян, Такаки настаивал, что нормы потребления жиров и белков европейскими физиологами, гигиенистами и диетологами чрезвычайно, по его мнению, преувеличены. При этом, вероятно, не бралась во внимание огромная разница в климате наших стран. С большой любезностью отвечал Такаки на вопросы Любови Карповны о положении в Японии охраны материнства и младенчества и о санитарных мероприятиях по охране детей после грудного возраста¹.

¹ Интерес Любови Карповны не был праздным. Она профессионально занималась проблемами материнства и младенчества, постановкой обучения в средней школе и задачами физического воспитания детей. По всем этим вопросам она регулярно печатала статьи в газетах и журналах.

В Дрездене мы жили в пансионе фрау Вундерлик на Бюргервизе. Каждый день, направляясь в «Большой парк», где находилась выставка, я вновь и вновь испытывал восхищение благоустроенностью и красотой художественного оформления этой центральной части города. Массивное, тяжёлое своеобразие ратуши, зелёные аллеи, окаймлённые магнолиями, платанами, буками и кустами айвы. Широкие изумрудно-зелёные поляны с прудами, на которых величаво плавали лебеди. С природной красотой так удачно сочетались большие скульптурные группы ведущих хоровод граций и муз классической древности; от них дорога шла до королевского дворца Бюргервизе мимо одиноко стоящих вековых дубов и пышных цветников. Всё это, невзирая на большое число пешеходов и посетителей, всегда поражало безукоризненной чистотой и свежестью. Нельзя было не видеть, какое большое воспитательное и культурно-эстетическое воздействие оказывало всё это благоустройство на публику, особенно на детей.

Что особенно привлекательно было в дрезденских парках, садах и бульварах — это обилие певчих птиц. Зяблики и чёрные дрозды привыкли, что люди их не обижают, а, наоборот, подкармливают, бросая крошки или даже специально продаваемый повсюду в ларьках корм для птиц. Не успеешь присесть на скамейку, как к тебе направляются красивые, с жёлтым клювом, чёрные дрозды, а с веток деревьев слетают зяблики. По большим полянам бегали похожие на зайцев крупные кролики.

В дачный период (июль–август) мы жили в Вейксдорфе (несколько станций от Дрездена). Это деревня, девушки которой, дочери местных крестьян, работали преимущественно на шоколадных фабриках в Дрездене. Вокруг — прекрасные места для прогулок: леса с озёрами, перемежающиеся с полями и лугами. Мы сняли мезонин в одной из дач, обедали в крестьянской семье по соседству, а по воскресеньям — в ресторане подле железнодорожной станции. Каждый день я по железной дороге ездил в Дрезден на выставку.

Наши три дочери быстро сдружились с детьми соседнего врача и с другими деревенскими детьми, причём гораздо скорее, чем на уроках немецкого языка, овладели запасом слов, необходимым для общих игр и проказ на улице. Они быстро усвоили, что при прогулке по полевым межам и дорогам нельзя срывать ни одного колоска, за этим следила полевая полиция; что нельзя на улицах и на дороге поднять упавшую с дерева грушу, т. к. это «неприлично», «непристойно», стыдно — одним словом — «s'ist doch unanständig», как объяснил мне порядочный «головорез» — уличный мальчишка, отвечая на мой вопрос, почему он не берёт упавшие с дерева груши. Грушевыми деревьями были обсажены все дороги и улицы. Оказалось, что все эти деревья сдавались сельским обществом в аренду садоводу, которому и принадлежал весь урожай плодов. Только он собирал опавшие плоды и ухаживал за деревьями.

Удивляли нас и другие обычаи местного населения. Прежде всего, стойко сохранявшиеся привычки к общности и взаимосвязи между людьми, без разделения на «своих» и «чужих». Идя по улице, приходилось непрерывно отвечать на приветствия: «доброе утро», «добрый день» и т. д. Через два-три дня все соседи были уже, очевидно, осведомлены кто мы, куда и зачем

я езжу... Подходя к железнодорожной станции, я вижу, что могу опоздать к поезду, ускоряю шаги, но слышу спокойное приветствие сторожа, занятого подметанием дорожки: «Добрый день, доктор! Не спешите. Ещё есть время. Ещё целая минута». Откуда он уже знает, что я спешу к дрезденскому поезду? Почему называет меня доктором? — недоумеваю я, выражая ему на ходу благодарность за внимание.

Быт жителей саксонской деревни существенно отличался от быта русских деревень. В Вейксдорфе был свой уличный сторож, подметавший улицу, собиравший весь сор и конский навоз с дороги. Последний он использовал в качестве удобрения уличных посадок из фруктовых деревьев. Имелся в деревне и свой «ассенизационный обоз», два-три раза за лето вывозивший на поля и луга нечистоты из выгребных домовых уборных. Было и своё водоснабжение — хорошо оборудованные буровые колодцы с насосами.

При нас после уборки скошенного сена луга были политы нечистотами, вычерпанными из придомовых выгребных ям. На несколько часов воздух был отравлен сильнейшим зловонием. На возмущение Любви Карповны, жаловавшейся на невозможность прогулок, наш хозяин с совершенно невинным видом и без удивления по поводу «вздорных», на его взгляд, претензий, заявил: «Да ведь это же просто удобрение! Ничего более».

Разлитые по скошенному лугу нечистоты, разумеется, нельзя запахнуть, поэтому понадобилось несколько дней, чтобы они окончательно минерализовались и перестали издавать зловоние. Зато после этого трава для второго укоса (отава, как говорят на Украине) стала быстро и пышно разрастаться, и луг ласкал взор свежей густой зеленью.

Вскоре после возвращения из Вейксдорфа в Дрезден я случайно встретился с В. Я. Богучарским и возобновил с ним знакомство, начавшееся ещё в 1898–1902 гг. в редакционных собраниях журналов «Новое слово» и «Жизнь». В Дрездене в 1911 г. Богучарский, сколько помню, работал над материалами по истории развития социальных отношений в известном книгохранилище Goschesammlung. В свободное время он часто бывал у нас. Он познакомил Любовь Карповну с интересными окрестностями Дрездена и их описанием в воспоминаниях у Тургенева и других русских писателей. Занятый ежедневно на выставке, я не имел возможности воспользоваться знанием местных достопримечательностей и книжных собраний В. Я. Богучарского.

К началу школьных занятий Любовь Карповна должна была уехать с детьми в Петербург, а я, оставшись один, свободное от выставки время употреблял на составление и печатание брошюры на немецком языке о земском отделе. Она вышла на прекрасной бумаге с очень хорошо воспроизведёнными снимками и графиками. Много труда было положено на составление общего путеводителя по русскому отделу. Разумеется, общий официальный каталог нужно было и с внешней стороны оформить надлежаще. Художественную сторону издания взял на себя лично сам Владимир Валерьянович Подвысоцкий, который, несомненно, был одарён хорошим вкусом. Кстати, именно по его замыслу в центральном вестибюле Русского павильона была помещена выполненная Юлией Свирской (племянницей В. В. Подвысоцкого) грандиозная скульптура «Россия» — в виде спокойно

и величаво восседающей, опираясь на государственный герб, могучей русской женщины с символически отброшенным на пол мечом.

Выход в свет официального каталога не снимал с очереди составления и издания объяснительных записок и специальных каталогов для отдельных составных частей и групп русского отдела. С усердием и настойчивостью занимался я составлением такого общего объяснения к отделу земской медицины, за организацию которого нёс ответственность. Только в августе удалось мне закончить немецкий текст объяснительного очерка к земскому отделу. Для его своевременного издания (в Дрездене) мне пришлось много часов провести в типографии, так как русского корректора в ней не было. Хотя и мучила меня неуверенность в правильности моего немецкого текста, однако распространение вышедшего, наконец, в свет моего “Das russische Semstwomedicinanwesen” имело большой успех.

Появившиеся в дрезденской газете заметки об интересе, вызванном представленной в русском отделе организацией бесплатного лечебно-профилактического обслуживания, а затем и выход из печати моего описания земской медицины, были причиной обращения ко мне профессора Зонрея с просьбой дать для издаваемого журнала статью о лечебно-санитарных мероприятиях земств. Его желание было мною выполнено.

Среди случайных слушателей моих объяснений в земском отделе Русского павильона иногда бывали проезжавшие через Дрезден путешественники из числа представителей литературных кругов тогдашнего Петербурга. Помню, как-то по окончании моей лекции одной из групп экскурсантов ко мне подошёл пышущий здоровьем, цветущего вида С. А. Венгеров¹ и говорил мне о неожиданности для него узнать о некоторых очень глубоких по своему смыслу и содержанию явлениях русской действительности здесь, в Дрездене.

В другой раз после моих объяснений в долгую беседу по поводу построения моего рассказа экскурсантам вступил П. Б. Струве. Он сообщил, что уже несколько раз слушал мои пояснения и всякий раз удивлялся, зачем я затрачиваю так много сил, чтобы всегда строить изложение по-другому, по-новому. Ведь это же ненужное расточительство сил! Следует составить один раз то, что мне нужно объяснить, и придерживаться этого текста. Я должен сознаться, что такого совета я не мог ни понять, ни признать. При изложении мною владеет содержание, а за формой я не гонюсь.

Вспоминается мне приезд в Дрезден для изучения гигиенической выставки Николая Ивановича Тезякова², оборвавшийся в самом начале в связи с трагическим известием о внезапной смерти его жены. Утром я встретил его, только что приехавшего, в Русском павильоне, успел бегом ознакомить с «земскими антресолями», в экспозициях которых были использованы прекрасные фотографии, присланные Саратовским губернским земством,

¹ Венгеров Семён Афанасьевич (1855–1920) — историк литературы, библиограф. Автор монографий о многих русских писателях, составитель многотомных биографических и библиографических словарей.

² Тезяков Николай Иванович (1859–1925) — земский санитарный врач, один из организаторов советского здравоохранения. Труды по демографии, социальным болезням и др.

т. е., следовательно, самим Тезяковым. Возвратясь в свою рабочую комнату, я среди полученной почты нашёл адресованное мне письмо одного из саратовских сотрудников Николая Ивановича с известием о внезапной смерти его жены, произошедшей в пути на юг Донской области, куда она поехала навестить родных.

Только на следующий день я смог после предварительной подготовки передать эту весть Николаю Ивановичу. Нельзя забыть тех потрясения и горечи, которые были вызваны известием у Николая Ивановича. Этот крепкий, постоянно деятельный, энергичный, сильный человек как-то сразу осел, замолк, точно парализованный. Конечно, он немедленно уехал из Дрездена туда, где умерла его жена. Глубина его горя без слов передавалась всем нам, провожавшим его.

Но через два-три месяца мне рассказали приехавшие из Саратова коллеги, что в свой город он вернулся не один. На похоронах жены он познакомился с сельской учительницей, которая сопровождала его в Саратов для того, чтобы помочь удручённому горем Николаю Ивановичу при устройстве его дел. Лет десять спустя, когда Николай Иванович работал уже в Наркомздраве РСФСР в качестве одного из организаторов санаторно-курортного отдела, при поездках в Москву для участия в различных совещаниях при НКЗ, на которые меня приглашал нарком Н. А. Семашко¹, мне приходилось пользоваться гостеприимством Николая Ивановича и останавливаться у него. У меня оставалось впечатление исключительной взаимной привязанности и дружбы между Н. И. и его новой супругой. Даже в тяжёлых бытовых условиях 1920–1922 гг. она создавала для него атмосферу внимательной заботливости, тёплого дружеского участия, уюта и покоя.

В связи с приездом в город главнокомандующего японской армии генерала М. Ноги японский отдел устроил в его честь парадный обед. Он состоялся в королевском дворце. Приглашения на обед были разосланы в каждый национальный отдел выставки на имя его главы или, при отсутствии такового, на имя его заместителя. Хотя я официально никакой должности в русском отделе не занимал, но поскольку постоянно давал там объяснения, читал лекции, меня знали в других павильонах. Знали и как внимательно знакомившегося и интересовавшегося их выставками и экспонатами, а отчасти, может быть, и в связи с некоторым ореолом бывшего члена 1-й Государственной думы. Одним словом, Такаки считал, что если в Дрездене отсутствует Подвысоцкий, то я являюсь его заместителем, и приглашение было прислано лично мне. Я было принял решение уклониться от совершенно несвойственного мне положения участника в таком официальном банкете. Но находившиеся в то время в Дрездене В. А. Левицкий², П. И. Куркин

¹ Семашко Николай Александрович (1874–1949) — один из организаторов советского здравоохранения, академик АМН СССР и АПН РСФСР. Участник революции 1905 (Н. Новгород), Октябрьской революции (Москва). С 1918 нарком здравоохранения РСФСР. Член президиума ВЦИК. С 1930 на преподавательской работе.

² Левицкий В. А. — гигиенист и санитарный деятель, внесший большой вклад в развитие гигиены труда.

и Н. И. Тезяков настойчиво требовали, чтобы я испил выпавшую на мою долю горечь участия в чужом пиру. Моё отсутствие будет истолковано как недоброжелательность к Японии, говорили мне. Пришлось подчиниться злой участи. Но я твёрдо заявил, что если и пойду, то всё равно наряжаться во фрачную пару (напрокат) не буду.

Так я и пришёл на обед в назначенный час в сюртуке. Во дворце пришлось перенести все официальные представления. Я присоединился к группе уже знакомых мне учёных, занялся оживлённой беседой, а когда раздалось громкое приглашение занять места в обеденном зале, я хотел, было, усесть скромно подальше, в конце стола, в глубине зала. Но распорядитель — немецкий секретарь японского отдела, громко на весь зал завопил: «Aber Herr Frenkel, Sie erkennen ihre nationale Fahne nicht an...» («Господин Френкель, вы не узнали ваш национальный флаг...»), и я вынужден был занять место в центре стола, как раз против усаженного с другой стороны рядом с Такаки генерала Ноги, а рядом со мной был посажен заведующий английским отделом. Некоторым утешением для меня было то, что кроме меня без фрака был всё же ещё один представитель — китаец.

После тягостного, затянувшегося напряжённого пребывания за торжественным столом я с облегчением после обеда присоединился к коллегам на открытой террасе дворца, где за отдельными столиками был сервирован кофе. Дождавшись первой возможности, я выбрался, наконец, из этой вынужденной и не свойственной мне обстановки.

Земский отдел с его очень скромным помещением и не менее скромной экспозицией, судя по заметкам в немецких газетах и по отзывам посетителей привлекал к себе непропорционально большое внимание. В нём видели «новое слово» в деле здравоохранения. Было поэтому вполне естественно, что в суворинском «Новом времени» появилась статья доносительно-натравливающего характера, в которой устами некоего «посетителя международной выставки из России» высказывалась горечь обиды, что на выставке слишком заметную роль играет не «коренной» русский человек, а какой-то опальный — бывший член 1-й Думы, представитель земского «третьего элемента», да ещё носящий «одиозную фамилию». Мне было неприятно думать о том, как больно это отразится на Подвысоцком. Но к его чести я должен сказать, что, возвратившись в Дрезден, он ни одним словом не помянул это в общении со мной.

С пребыванием в Дрездене связаны у меня воспоминания о нескольких интересных поездках. В июле разделы выставки по водоснабжению и канализации осматривал известный строитель многих наших водопроводов, автор проектов канализации в Варшаве и Петербурге, Самаре и других городах — Линдлей¹. По его инициативе и под его руководством была организована экскурсия для осмотра головных сооружений незадолго перед этим начавшей действовать дрезденской канализации, мест спуска в Эльбу сточных вод и для поездки выше по реке от места спуска до города Мейсе-

¹ Линдлей Вильям — английский гражданский инженер, крупный специалист по проектированию и сооружению водопроводной и канализационной сетей в различных городах России.

на, чтобы наблюдать видимые признаки загрязнения и разные стадии самоочищения такого мощного водотока, как река Эльба. Интересно было ознакомление с опытами очистки сточной воды на лугах, прилегающих к усадьбе головных устройств дрезденской канализации. Разбрызгиватель и прибор для дождевания распылял в виде мельчайшего дождя сточную воду, прошедшую через сита Ринша. Разумеется, этот дождь сточной жидкости не вызывал никакого зловония, ибо на луговых полянах шли процессы аэробной минерализации. Мы осмотрели станции, устье головного коллектора, мощные потоки канализационных вод, прохождение их через вращающиеся диски сит Ринша с узкими щелями-прорезями (не шире 2 мм), осмотрели выпуски в канал, направлявший сточные воды на дно к середине Эльбы. Затем, пересев на катер, проплыли по реке к месту, где сточные воды смешиваются с водами Эльбы, и стали спускаться вниз по течению. Вскоре в быстрых потоках речной воды стали виднеться комья, лоскуты и белые полосы коагулировавшихся под воздействием жёсткой воды органических веществ. Вода была мутна от этих хлопьев.

При подходе нашего катера к берегу обычно собирались группами обитатели живописных домиков, разбросанных в садах. По-видимому, они принимали нашу экскурсию за какую-нибудь городскую комиссию. С горечью и обидой говорили они, как обездолила их дрезденская канализация. До выпуска в Эльбу сточных вод у них всегда бывали дачники, купались в реке, гуляли вдоль берегов, а теперь дачи пустуют, берега заливаются, для купания непригодны. Воочию убеждались мы, что при выпуске в большую реку нечистот недостаточно туалетной очистки их через сита, что необходимы гораздо более глубокие степени очистки предварительным орошением лугов и полей или с помощью биофильтров. Чем дальше вниз по Эльбе мы спускались, тем жалоб становилось всё меньше.

Интересен был способ судоходства по этой реке. Течение её настолько быстрое, что вверх, против него, большие баржи шли, пропуская через вал на палубе (при помощи лебёдки) цепь, поднимаемую со дна реки. Когда мы подходили к Мейсену, на реке уже не было видно следов и последствий принятых ею вод дрезденской канализации. Дома и дачи тонули в виноградниках. По берегам видны были купающиеся. Жалобы на обездоление дрезденской канализацией уже не повторялись. Процессы самоочищения реки на этом расстоянии уже можно было считать закончившимися.

Небольшую поездку из Дрездена я предпринял в саксонский горный городок Фрейберг. В нём находились свинцовые рудники. Интересны были геологические коллекции Горного института, расположенного в городе. С железнодорожного вокзала, чтобы проехать к Горному институту, я сел в трамвайный вагон. Меня удивило отсутствие в нём кондуктора. Плату за проезд каждый должен был сам, без напоминаний, опустить в ящик при входе в вагон. Трамвай не мог бы окупаться, если бы помимо водителя нужно было содержать ещё и кондуктора. Если кто-либо забудет опустить плату за проезд, другие пассажиры напомнят ему, чтобы не был забывчив, пояснил мой сосед, видя моё изумление, как это без кондуктора...

В Горной академии я осмотрел богатейшие коллекции минералов и образцов геологических пород, ознакомился с устройством рудников, в кото-

рых добывались свинцовые руды, и взял несколько образцов красивых крупных кристаллов углекислых соединений кальция и свинцовых соединений. Небольшой городок горняков был особенно привлекателен своим благоустройством. В центре его вокруг пруда очень живописно разбросаны были группы деревьев и кустов. Никаких оград вокруг этого городского сада не было. На пруду плавали белые и чёрные лебеди, подплывавшие к берегу при приближении людей. Прохожие обычно бросали им куски булки. Очень чисто содержимые улицы, обрамлённые палисадниками у всех домов.

Интересна также была поездка в город Хемниц — крупнейший центр машиностроительной промышленности Саксонии. Помимо осмотра городского водопровода, замечательного тем, что в нём сделана первая попытка в Германии увеличить дебет грунтовых вод инфильтрацией в питающие водоносные слои в грунте речной воды, накачиваемой насосами в специальные инфильтрационные колодцы, была предпринята, благодаря любезности заведующего водопроводом, довольно отдалённая экскурсия на одно из самых крупных водохранилищ в Германии. Оно образовалось в результате сооружения запруды поперёк огромного оврага, которая обеспечила накопление в вышележащей долине огромного запаса воды из специально охраняемых водосборных районов. Забираемая из этого водохранилища вода была основным источником хемницкого водопровода. В то время водоснабжение из запруд только прокладывало себе путь в практике обеспечения водою крупных городов, в нашей стране в результате устройства под Москвой Рублёвского водохранилища в 1913–1914 гг. было усилено питание Рублёвского водопровода.

Но самой интересной и оставившей у меня яркие впечатления и воспоминания была поездка в Мейсен на большом, предоставленном саксонским правительством пароходе с членами Международного конгресса по жилищному вопросу. Более 600 членов конгресса из разных стран Европы, Америки и Азии приняли участие в этой поездке, чтобы по приглашению города Мейсена посетить этот, один из древнейших городов Германии, известный своим знаменитым собором, строившимся в течение нескольких столетий, и ещё более знаменитым фарфоровым заводом, а также виноградниками.

В Мейсене члены конгресса были встречены гражданами и членами магистрата на центральной площади города. В своей речи бургомистр заявил, что мейсенцы высоко ценят сотрудничество людей разных стран в области науки и улучшения условий жизни, особенно по лучшему разрешению жилищного вопроса, по лучшему строительству и благоустройству городов и жилищ в них. Во время этого приветствия бургомистра живописные группы молодых девушек в белых нарядных платьях разносили на подносах чаши с мейсенским вином и угощали приезжих гостей. Особо подчёркнутым было внимание к французам, весьма оппозиционно настроенным по отношению к Пруссии и кайзеру Вильгельму. Тем самым население Мейсена хотело демонстративно подчеркнуть своё несочувствие угрозам Вильгельма по адресу Франции в связи с незадолго перед этим нашумевшей отправкой в Алжир немецкого броненосца «Ачадир».

На приветствия мейсенцев гости ответили речами на разных языках. Официальных представителей от России в конгрессе, к сожалению, не

было. После осмотра города и отдыха в гостиницах, вечером члены конгресса в полном составе осматривали огромный, подавляющий своими размерами собор, в котором в разных его этажах гостей встречали певцы и хоры граждан, выступали и отдельные солисты. Был также осмотрен и фарфоровый завод, а затем в обширном зале одного из зданий, примыкающих к недостроенному собору, был дан банкет с многочисленными речами и обильными угощениями. В полночь организовано было шествие жителей с факелами для торжественных проводов членов конгресса от городской ратуши по длинным спускам, ярко освещённым праздничной иллюминацией, к пароходу. Всё было устроено, чтобы показать, что немецкий народ ценит культуру и международное общение и что саксонцы ничего общего не имеют с прусским бронированным кулаком.

По приглашению одного из профессоров-гигиенистов Пражского университета я предпринял кратковременную поездку из Дрездена в Прагу Чешскую. Прагу-Злату я осмотрел как турист, в один день. Особое внимание привлекли исторические памятники этого города. Из предприятий по санитарному обслуживанию города я осмотрел только городской водопровод, забиравший воду в то время на реке Млава из труб, спущенных в скважины под дном реки. Эти «профильтрованные» через песчаные слои дна, просочившиеся речные воды очень мало были похожи на хорошую питьевую воду. По своей цветности они были больше похожи на слабый чай. В гостеприимной семье пригласившего меня в Прагу профессора я услышал много рассказов о недоброжелательности и вражде профессоров немецкого университета в Праге к профессорам Чешского университета. По-видимому, национальная вражда мешала всякому научному сотрудничеству и общению.

Довольно длительное моё пребывание в Дрездене (с апреля по октябрь 1911 г.) дало мне возможность основательно изучить все отделы Международной гигиенической выставки. Результатом этого изучения стал ряд научных статей в журнале правления Пироговского общества «Общественный врач».

Мне кажется, мой очерк материалов на Дрезденской выставке по планировке и застройке городов был первой работой в нашей санитарно-гигиенической литературе о значении и гигиеническом содержании планировки и застройки населённых мест, как основы их благоустройства. Всестороннее описание Дрезденской выставки и её иностранных павильонов было составлено мною и напечатано в приложении к календарю для врачей на 1912 г., издававшемся в Петербурге К. Риккером под редакцией П. И. Булатова. Ряд очерков и обзорных материалов о Дрезденской выставке был помещён мною в журналах «Городское дело» и «Земское дело».

Во многих отделах выставки на собранных в них материалах читались целые систематические курсы лекций выдающимися специалистами. В частности, мною был прослушан курс лекций профессора Гентсмера (Gentsmer) по планировке городов. У меня даже завязалось личное знакомство с Гентсмером, который очень интересовался всякими сведениями о возникновении планировочной науки в России. Прослушаны были также лекции по охране от промышленных отравлений профессора Лемана.

Очень интересны были лекции, проведённые представителями санитарной организации Московского губернского земства В. А. Левицким — об охране труда в промышленности и П. И. Куркиным — о всех статистических материалах, сгруппированных в специальном отделе выставки в общем павильоне, носившем название «Статистика» (демографическая и санитарная). Отдел этот был устроен и находился в заведовании Е. Ресле¹. П. И. Куркин дополнял свои статистические обзоры демонстрацией и разъяснениями статистических таблиц (диаграмм и картограмм), бывших в других павильонах, в том числе и в павильонах отдельных государств. Отчасти содержание лекций П. И. Куркина при экскурсиях по выставке было отражено в его очерке «Мировая демографическая и санитарная статистика», напечатанном им в «Общественном враче».

В своих очерках о Дрезденской гигиенической выставке и её необычных обширных материалах известный русский статистик П. И. Куркин, между прочим, рассказывал о впечатлении, которое он получил от того земского отдела в Русском павильоне, устройством которого я был непосредственно занят: «Если германские павильоны выставки можно сравнить с богато обставленными образовательными музеями, предназначенными для того, чтобы проводить научные знания в широкие массы населения; если павильон Франции с его картинами, цветами... с его ласкающими взор искусственно-желтоватым освещением, скорее всего, наводит на мысль о резиденции просвещённого буржуа-мецената, знающего цену наукам; если в павильоне Японии вы чувствуете себя как-то особенно комфортабельно для изучения представляемой здесь выставки — ввиду необычайной практичности, тонкого соблюдения перспективы в распределении и размещении экспонатов; если в павильоне Швейцарии вы попадаете в кабинет почтенного, умного и успешно на своём веку потрудившегося учёного, всесторонне изучившего все условия своей маленькой и благословенной богом родины, то столь же определённые ориентировочные впечатления возникают при посещении земского отдела на антресолях Русского павильона. Чувствуется, как будто вы вошли в жилище молодого учёного, занятого серьёзным и глубоким исследованием. Тесное, скромное жилище, со слабым намёком на комфорт; отсутствие декорации, выставочных приманок и игрушек; всё как-то особенно, пуритански скромно. Взамен того — значительность и серьёзность содержания. Молодой учёный, полный творческой инициативы, энергии, пытливого духа, имея перед собой непочато-широкие горизонты работы, собрал в своём скромном жилище, в мансарде, обширные коллекции, нужные для исследования, и систематизировал их в продуманном порядке. В процессе исполненной работы уже выведены некоторые закономерности, намечаются интересные поучительные выводы, выясняются, может быть, новые пути... Всё здесь свежо, оригинально, необычайно просто и серьёзно. Работа — в ходу; она ещё очень далека от конца; предстоит ещё много потрудиться, положить массу сил, энергии, чтобы выйти на широкую дорогу; впереди — далёкий путь;

¹ Ресле Е. — немецкий социал-гигиенист, тесно сотрудничавший в 1920-е с органами советского здравоохранения.

молодой учёный, может быть, состарится, поседет над своей работой. Это возможно, но он всё же доведёт её до конца...

Центральное положение в земском отделе занимают обширные серии диаграмм и картограмм о развитии и состоянии врачебно-санитарного дела земской медицины в стране. И эти диаграммы З. Г. Френкеля, без сомнения, как нельзя лучше достигают своей цели. Перед зрителем проходит картина развития русской земской медицины, написанная рукою мастера, выдающегося работника в области этой медицины, призвавшего русское земство на эту выставку и положившего массу неустанного талантливого труда для организации отдела»¹.

Подлинной наградой, дававшей удовлетворение и пробуждавшей новые стимулы к работе, было неослабевавшее внимание, с которым всегда обновлявшаяся аудитория, состоявшая не только из приезжавших из земской России санитарных врачей и медицинских работников, но и представителей самых различных кругов общественности зарубежных стран (особенно славянских) слушала мои многочисленные разъяснения и лекции по материалам выставки, а эти объяснения я давал ежедневно, читал лекции по общественной медицине на немецком, французском и русском языках в течение почти полугода. Желающих послушать лекции было так много, что мне приходилось читать их по несколько раз в день. Из немалого числа писем, которые поступали ко мне в то время по поводу моих разъяснений, приведу небольшую выдержку из длинного письма (от 24.07.1911 г.) известного нашего бактериолога Виктора Ильича Яковлева, заведующего Петербургской городской лабораторией: «С большим удовольствием слушал Вашу почти 3-х часовую лекцию о земской и городской медицине и от души порадовался за общее для всех слушателей признание увлекательности Вашей беседы. Слушая Вас, я думал, какой бы увлекательный профессор гигиены вышел из Вас, если бы судьба не увлекла Вас в иную сторону... Ваши лекции, которые Вы читаете с таким подъёмом, верою, знанием, производят на всех — это я слышал от многих — сильное впечатление и удовлетворение... Желаю Вам душевного удовлетворения, как награды за Ваши огромные труды».

Ещё большее удовлетворение давало мне более длительное и близкое общение во время выставки с долго остававшимися для изучения её материалов Ф. Ф. Эрисманом, П. И. Куркиным, Д. К. Заболотным², В. А. Левицким, Н. И. Тезяковым и другими деятелями научной гигиены и нашего русского общественного санитарного дела.

Многие встречи на Дрезденской выставке ярко запечатлены в моей памяти. Как-то в июне или начале июля, когда комиссар Русского отдела Владимир Валерианович Подвысоцкий после того, как этот отдел в основном был уже оформлен и уклад жизни и распорядок в нём окончательно сложились,

¹ Общественный врач. 1912. № 3. С. 295.

² Заболотный Даниил Кириллович (1866–1929) — один из основоположников русской эпидемиологии, академик АН СССР, академик и президент АН УССР. Создал учение о природной очаговости чумы, доказал идентичность бубонной и лёгочной чумы. Организатор Института эпидемиологии и микробиологии Украины.

надолго уехал в Петербург, утром я находился в рабочем кабинете, разбираясь в новых полученных материалах. В комнату неожиданно вошёл седой, с молодым лицом, Фёдор Фёдорович Эрисман. Мы все давно ждали его появления в Дрездене, но его приезд из Парижа всё откладывался. По старой, оставшейся от Москвы привычке Фёдор Фёдорович дружески расцеловался и тотчас же предложил показать ему отдел земской медицины. Не без некоторого трепета я знакомил его с общественными достижениями, общесводными моими картограммами, со схемами и плакатами, в которых я пытался наметить и обрисовать существо русской земской системы внутреннего слияния санитарно-профилактических задач с лечебным обслуживанием населения. Ф. Ф. Эрисман с вниманием слушал объяснения и смотрел экспонаты. Он был по праву признан одним из вдохновителей и строителей русской общественной медицины и общественной гигиены.

Фёдор Фёдорович изучал всю Дрезденскую выставку несколько дней. По почину Д. К. Заболотного состоялось чествование его русскими врачами. Оно вылилось в удивительно тёплое дружеское общение соратников и товарищей Фёдора Фёдоровича по общественной медицине с новым поколением. Д. К. Заболотный, идя на вечер, скупил в каком-то цветоводстве пышные розы, которые при шумном одобрении поднёс Фёдору Фёдоровичу и Петру Ивановичу Куркину. Мне пришлось по желанию коллег в приветственном слове выразить признательность Фёдору Фёдоровичу за всё, чем обязана ему русская научная гигиена и медицина.

Заканчивая эти отрывочные воспоминания о пребывании в 1911 г. в Дрездене, хочу упомянуть ещё об одном кратковременном знакомстве. В конце лета внимательно осматривал материалы земской медицины приехавший из Киева санитарный врач водно-санитарного надзора Тритшель¹. Он подолгу оставался в павильоне, вплоть до его закрытия вечером. Я старался пояснить ему и источники, откуда были извлечены основные статистические материалы демографического и статистического характера, и мотивы выбора того или иного способа составления диаграмм и обобщений. Непосредственный интерес киевлянина к материалам выставки вызвал у меня симпатию к коллеге-земляку. После целого дня работы мы выходили вместе и несколько раз предпринимали довольно отдалённые прогулки за город, смотрели оживляющуюся вечером жизнь в рабочих районах, куда спешили их жители на велосипедах, причём многие женщины везли детей в корзинах за спиной. Два-три раза конечным пунктом нашей прогулки был огромный памятник, высившийся над господствующим над всею местностью холмом. Это был «Бисмарковский памятник», представляющий собой некую полубеседку на невероятно огромных гранитных колоннах. Ежегодно в «Бисмарковские дни» сюда стекались немецкие приверженцы бисмарковского бронированного кулака, фанатизируемые националистами и реакционерами отсталые слои бюргерства и крестьянства, увлекаемые идеей германской экспансии.

¹ Тритшель Карл Генрихович (1849– ?) — киевский земский врач-гуманист, педагог и учёный-патолофизиолог, профессор кафедры патологии и терапии; автор ряда работ и методик (симптом Тритшеля).

Было что-то зловеще-мрачное в этом массивном, зовущем к объединению для агрессии, для похода, для нападения на другие народы «Бисмарковском памятнике» в окрестностях Дрездена, такое же отталкивающее и чужое всему дрезденскому культурно-художественному окружению и настроению, как и новый тогда (1911 г.) памятник тому же Бисмарку в центре города, установленный близ городской ратуши. В тяжёлой каске, опираясь на рукоять шпаги, Бисмарк олицетворял своею грузной самоуверенной неподвижностью бездушную грубую силу прусского экспансионизма. Этот монумент был бы уместен среди других — таких же на известной берлинской Зигесаллее, но никак не в Дрездене с его подлинно художественными памятниками немецким певцам борьбы за свободу, с его одухотворёнными скульптурными шедеврами, олицетворяющими красоту музыкальной гармонии, с его всемирно известным Цвингером¹, собравшим в своих залах мировые сокровища живописи.

Все впервые приезжавшие земляки наши, как бы ни был кратковременен срок их пребывания в городе, непременно уделяли время, чтобы посетить Цвингер и, уж во всяком случае, посмотреть Мадонну Рафаэля. По непреодолимой строптивости моего характера именно поэтому, чтобы не подчиняться общему голосу, не быть во власти предвзятых избитых мнений, я не спешил в первые месяцы быть в Цвингере. Меня укоряли, даже стыдили: «Как, работая уже чуть не два месяца в Дрездене, Вы до сих пор всё ещё не смотрели Рафаэлеву Мадонну?!» И вот как-то уже летом я направился, наконец, в Цвингер.

Несколько часов смотрел я картины первого крыла, пока не вошёл в угловой зал с немногими удобными креслами у стены и одною единственной картиной. Это была Рафаэлева Мадонна со взором на своего младенца и с неизъяснимым выражением тихого упоения и спокойствия, веявшего от младенческих ангельских ликов вверху полотна. Я забыл об избитом, общепринятом мнении и оставался долго в этом зале, пока, к моему огорчению, не подошёл ко мне кто-то из выставочных знакомых, чтобы поздороваться и перекинуться банальными словами восхищения. Незадолго до окончательного отъезда из Дрездена я выделил целый день, чтобы провести его в Цвингере. Тогда уже поразъехались выставочные знакомые, и никто не мог помешать мне оставаться один на один с самим собою перед картинами, которые могли захватить моё внимание. Долго оставался я в угловом зале с картиной Рафаэля. Однако вновь я не пережил моего первого очарования и обаяния от полотна, память о котором была ещё так свежа.

Вернувшись после полугодичного пребывания в Дрездене уже довольно поздней осенью в Петербург, я должен был целиком отдаться делам по выпуску нескольких запоздавших выходом книжек журнала «Земское дело», перепиской с редакциями «Городского дела» и «Общественного врача», где были помещены мои очерки по разным отделам Дрезденской выставки. В то же время были сделаны первые шаги к собиранию и составлению экс-

¹ Комплекс дворцовых павильонов (1711–1722), позднее барокко. Разрушен в 1945 американской авиацией, восстановлен в 1955–1962. Музеи фарфора, олова и др.

понатов для Всероссийской гигиенической выставки, и мною велась переписка в этом направлении с земствами.

В. В. Подвысоцким передан был мне полученный им в конце 1911 г. из Дрездена художественно выполненный диплом — высшая награда — «Ehrenurkunde für Wissenschaftliche Mitarbeit» за научное сотрудничество по осуществлению Международной гигиенической выставки.

По материалам этой же выставки зимою 1911 г. я сделал в «Соляном городке» в Русском техническом обществе¹ специальный доклад о планировке городов. Сколько я знаю, этот доклад был первой попыткой привлечь у нас внимание технической, санитарной и архитектурной мысли к разработке планов не отдельных зданий и ансамблей, а целых городов в интересах соответствия планировки населённых мест требованиям гигиены и дальнейшего их благоустройства.

Важнейшим событием 1912 года была поездка моя в качестве руководителя специальной экскурсии санитарных врачей в Германию, Бельгию, Англию, Францию, Швейцарию и Австрию для изучения санитарного благоустройства западноевропейских городов, ознакомления с водопроводами, канализацией, жилищным строительством, больницами и другими учреждениями, обслуживающими здоровье населения. Начиная с 1906 г. становились всё более популярными частные поездки в каникулярное время представителей интеллигенции, в особенности преподавателей, за границу — в Германию, Италию, Швейцарию и Францию — с учебными и культурно-просветительскими целями.

Учебный отдел московского Общества распространения технических знаний, невзирая на большие препоны со стороны столыпинского правительства в 1905–1911 гг., широко поставил организацию совместных поездок больших групп учителей и других лиц среднего интеллигентного круга для ознакомления с культурными условиями западноевропейской жизни и преимущественно с художественными богатствами крупных городов Европы. От 1 500 до 2 000 образованных людей ежегодно знакомились с историческими памятниками и художественными сокровищами Запада, включёнными в программу круговых турне. В Берлине, Вене, Мюнхене, Дрездене, Риме, Париже и Лондоне действовали бюро созданной Учебным отделом хозяйственной организации, которые нанимали на лето для русских экскурсантов целые отели, устраивали для них особые столовые и пр. В каждом из названных крупных городов с конца мая до начала августа Отдел содержал по несколько опытных руководителей, на обязанности которых лежало ознакомление экскурсантов с данной страной, со всем тем, что в художественном, историческом или культурном отношении заслуживало особого внимания путешественников.

Каждое турне продолжалось обыкновенно от 4-х до 5-ти недель. Отдельные группы в составе 50–70 человек направлялись по одному из выра-

¹ Императорское Русское техническое общество (РТО) — ведущее научно-техническое общество России. Основано в Петербурге в 1866. В конце XIX — начале XX в. помещалось на Пантелеймоновской (ныне Пестеля) улице — в «Соляном городке».

ботанных Учебным отделом маршрутов: или в Англию через Берлин с возвратом через Париж, или в Италию и Швейцарию через Дрезден и Мюнхен с возвратом через Вену, или в Париж с попутным пребыванием в некоторых из вышеназванных городов. Включая все расходы по проезду на железных дорогах и от вокзалов до гостиниц, а также проживание в пансионатах в течение всех 5 недель, путешествие обходилось каждому туристу в 185 рублей.

В последние 2–3 года среди участников этих поездок стало всё увеличиваться число врачей, особенно состоящих на общественной земской и городской службе, которые не удовлетворялись общеобразовательным содержанием экскурсий и выражали желание использовать своё пребывание в той или иной стране для ознакомления с медицинскими учреждениями и с основами организации городского благоустройства в Западной Европе. Значительный рост санитарных организаций в земствах и городах, пополнение их большим числом специалистов, заинтересованных в овладении опытом работы врачебных учреждений и ознакомлении с самой постановкой санитарного благоустройства на Западе подал мысль деятелям Учебного отдела в 1912 г. организовать первый опыт заграничной поездки специально для санитарных врачей.

Бюро загранпоездок взяло на себя заботы о получении разрешения на выезд, оформлении заграничных паспортов с визой, по составлению общих маршрутов и по хозяйственному устройству в Берлине, Лондоне и Париже. Во время Дрезденской выставки при содействии этого Бюро на ней побывало, между прочим, несколько десятков таких экскурсий, в состав которых, однако, входили преимущественно учителя и учительницы городских и земских школ. Обычно экскурсии направлялись по традиции в Италию — смотреть памятники классического искусства в Риме, либо красоты природы в Неаполе. Проезжая Дрезден, путешественники делали остановку, чтобы увидеть всесветно известную Рафаэлову Мадонну. Через Дрезден же направлялись экскурсии и в Швейцарию, куда туристов влекли красоты Альп, Баденского и других горных озёр, достопримечательности Цюриха, Риги-Кюльма, Люцерна, а по пути — как преддверие настоящей Швейцарии — осматривались окрестности Дрездена, Саксонская Швейцария, горные местности по северному течению Эльбы.

Несколько раз приходилось мне указывать представителям экскурсионной организации на нежелательность ограничивать экскурсии только ознакомлением с памятниками и достижениями искусства в области архитектуры, живописи, скульптуры и на необходимость ознакомления туристов с лучшими образцами благоустройства населённых мест, с санитарно-техническими достижениями, жилищным строительством и т. д. И вот Московское экскурсионное бюро в мае 1912 г. обратилось ко мне с предложением пересмотреть план и программу специальной экскурсии для санитарных врачей в Лондон через Берлин продолжительностью до полутора месяцев. Составленный мною проект программы поездки включал в себя ознакомление с общей планировкой, водоснабжением, канализацией, озеленением, жилищным делом, ночлежными домами, больницами и детскими учреждениями в Берлине, Брюсселе, Лондоне, Париже, Базеле, Цюрихе и в Вене. С частичными поправками мой проект был принят, и Бюро просило

меня взять на себя непосредственное руководство экскурсией в конце мая и июне 1912 г. Состав участников экскурсии был ограничен 10 санитарными врачами (из Петербурга, Москвы и Оренбурга).

Из Москвы мы направились через Смоленск в Варшаву, где по моему замыслу нужно было ознакомиться с водопроводной станцией и её образцовыми фильтрами (медленная фильтрация) на р. Висле и канализацией. Хотя в нашем расписании на Варшаву выделялся лишь один день, нам всё же удалось, благодаря содействию известного общественного деятеля, возглавлявшего всё врачебно-санитарное дело в Варшаве — доктора Поляка, осмотреть не только водопроводные и канализационные сооружения, но также и лучшие улицы польской столицы, а для сопоставления с ними и наиболее неблагоустроенные и переуплотнённые районы города, населённые еврейской беднотой. Осмотрено было нами и известное художественностью своих насаждений Варшавское кладбище «Повонски».

В Берлине я вновь пользовался гостеприимством брата Любови Карповны — Ивана Карповича Полтавцева и его жены, руководившей всем делом производством его «Русской инженерно-технической конторы», — Марии Михайловны. Это облегчило мне предварительные телефонные переговоры с руководством всех тех учреждений, осмотр которых входил в наш план. Мы осмотрели крупнейший в Берлине ночлежный дом, оставивший тяжёлое впечатление своими почти тюремными порядками и жестоким обращением с ночлежниками. Об острой потребности пролетарского населения такого крупного промышленного центра, как Берлин, в обширных парковых пространствах мы могли судить, когда в первый же воскресный день после приезда направились рано утром вместе с целым потоком рабочих и их семейств на трамваях и по подземке в Грюнвальд и к берегам Гафельского озера. Там в сосновом лесу и на озёрных берегах на сотнях и даже тысячах гектаров в праздничный день удовлетворяли своё стремление вырваться из города на зелень сотни тысяч жителей Берлина. При этом поддерживались образцовая чистота, нигде не видно было никакого мусора или остатков пищи. Всё выбрасывалось не куда попало, а в аккуратные, подвязанные к стволам деревьев корзины. Если же и появлялась брошенная бумажка, то старушки из домов престарелых протыкали её железным прутом и выбрасывали в корзину. На солнечных полянах тысячи детей принимали солнечные ванны, а на затенённых площадках устраивались танцы и хороводы. Переплыв на лодке через озеро Гафель, мы осмотрели один из участков полей орошения, занимавших 800 гектаров. Внешняя осушительная канава отводила с полей чистую воду в озеро Гафель.

Осмотрели мы и станцию биологических фильтров, принимавшую сточные воды из отдельно-канализованной части Шарлоттенбурга, идущие с заводов по изготовлению смазочных масел.

В Берлине мы затем выезжали в несколько городских имений, земли которых использовались под поля орошения для очистки вод берлинской канализации. Осматривали мы и все Erholungsheim (дома отдыха), устроенные в этих городских имениях для обеспечения находившихся в них детей обильным молочным питанием. При этом молоко доставлялось за счёт города от коров, получавших зелёный свежий корм (траву) с полей орошения.

В верхнем (почти чердачном) этаже Берлинской ратуши мы тщательно ознакомились в недоступных для общего обозрения музейных складских помещениях с многочисленными моделями всякого рода санитарно-технических установок, коммунальных зданий, больниц, школ и пр. Знакомство с материалами этого музея облегчило нам затем выбор тех предметов, которые необходимо было осмотреть в натуре. В Шарлоттенбурге мы специально провели несколько часов в загородной школе, где занятия велись на открытом воздухе, ознакомились с режимом сна и труда, с отбором детей...

Вот уже несколько десятков лет прошло с тех пор, когда мне пришлось руководить этой экскурсией, но как ярко встаёт передо мною всё виденное тогда, как переживается моя тогдашняя жажда увидеть новое, проверить, отобразить в отчётах... Возвратясь в Петербург, я поместил ряд статей в нескольких журналах, в которых рассказал обо всём виденном и изученном во время поездки¹.

Чтобы сберечь больше времени на выполнение программы осмотра в Лондоне, мы не задерживались в других городах Германии и направились в порт Ост-Энде в Лондон. Лишь в столице Бельгии — Брюсселе сделана была остановка, чтобы получить общее представление о планировке главных городских площадей и, прежде всего, центральной площади и сосредоточенных вокруг неё монументальных зданий (ратуши и др.), а также о памятниках искусства. От застройки же кварталов в центре и на окраинах у нас остались лишь самые беглые впечатления.

Самым выдающимся и замечательным, с чем познакомились мы в Брюсселе, были исключительные по мощности и по удачной организации крупные производственные предприятия рабочего кооператива «Вперёд», который был детищем и главной опорой бельгийской социалистической партии. Мы осмотрели хлебопекарный завод этого кооператива. Это был самый большой по объёму производства и наиболее совершенный по санитарно-технической оснащённости и далеко идущей механизации производственных процессов завод из всех существовавших тогда хлебозаводов. Хорошо выпеченный по предварительным заявкам хлеб (каждый сорт изготовлялся в соответствующем цехе завода) развозился затем в особой бумажной обёртке во все части города, во все рабочие кварталы и доставлялся утром в каждую рабочую квартиру. Развозили хлеб в безукоризненных по устройству и чистоте содержания ящиках-фургонах. Движущей силой для каждой тележки-фургона была крупная сильная собака, бежавшая не впереди, а под фургоном, так что видно было её только спереди, но не с боков. Мы осматривали помещение для нескольких сотен этих рабочих собак. Каждая из них имела своё особое отгороженное и со скрупулёзной чистотой содержимое отделение.

Кроме хлебозавода рабочий кооператив содержал центральный пищевой склад и его филиалы, а также центральную рабочую столовую, поставленную в санитарно-гигиеническом отношении совершенно безупречно, несмотря на чрезмерно многочисленную клиентуру.

¹ Земское дело. 1912. № 13а-14; Городское дело. 1912. № 15-16; Русский врач. 1912. № 32.

Первое впечатление от Лондона, которое надолго остаётся в памяти — это невероятная, трудно вообразимая напряжённость уличного движения на основных его улицах. Непрерывными потоками несутся нескончаемые вереницы автобусов, троллейбусов, трамваев и отдельных экипажей. Представляется, что все эти несущиеся экипажи, двухъярусные автобусы, люди на имперIALах, трамваях, автомашины с их шофёрами охвачены каким-то безумием движения. Ни в Берлине, ни в Париже такого впечатления от уличного движения не создавалось. Немыслимым представлялось пересечь этот поток движения, когда нужно было перейти улицу. Облегчалась эта задача, однако, тем, что в местах перехода, у перекрёстков потоки движения разграничивались так называемыми «островками спасения» — возвышающимися над полотном улицы на несколько сантиметров узкими площадками, на которых можно было посередине проезжей части приостановиться, чтобы уловить благоприятный момент для перехода к следующему «островку». Но главным условием, обеспечивающим безопасность уличного движения для пешеходов, являлась строгая дисциплинированность всего транспорта. Лишь только «Бобби» подымет руку, всё экипажное движение останавливается, чтобы пропустить пешеходов или транспортные потоки с пересекающихся улиц. Очень большое значение имели также весьма распространённые на лондонских улицах хорошо устроенные подземные переходы, в которых обычно размещались и уличные уборные с умывальниками, где можно было также почистить обувь и одежду. Давно пора было бы подумать об устройстве таких совершенно безопасных и для детей, и для стариков подземных переходов и у нас. Например, при пересечении Невского и Садовой, чтобы пройти от Гостиного двора к Публичной библиотеке.

Уже с первого дня пребывания в Лондоне я стал посещать Гайд-парк, чтобы лучше понимать устную английскую речь. Там всегда шли какие-нибудь собрания, митинги. Оратор становился на свой разборный стул или устраивался на поставленной для него помощником кафедре и начинал речь, которая вскоре привлекала слушателей. Раздавались реплики, выступали возражающие. В одном месте проповедовали «свободное христианство», в другом — социализм. Невзирая на малочисленность слушателей, упорно каждый вечер в определённом месте выступал против вивисекций оратор из «Общества охраны животных» и т. д. Всё это были профессиональные ораторы. Говорили отчётливо, просто, не скороговоркой, без пафоса, с большой выдержкой и спокойствием. Не смущаясь и без горячности, удачно парировали они реплики из среды слушателей. Очень скоро удавалось начинать схватывать и понимать их речь, несмотря на крайне недостаточное, только книжное знание у меня английского языка.

А рядом с этими митингами в вечерней тишине весьма идиллическое впечатление производили стада овец, прилёгшие на лужайках между деревьями Гайд-парка и тихо жевавшие свою жвачку. В Гайд-парке, как и в других крупных лондонских парках (Регент-парк и др.), овцеводство поддерживалось для содержания в порядке газонов. Вместо регулярной стрижки густых посевов травы их давали подгрызать овцам, а испражнения овец в виде сухих катышков не вызывали видимого засорения газонов. Благодаря тщательному уходу и постоянной поливке орошением и дождеванием

лондонские газоны обращали на себя внимание своей постоянно свежей, изумрудной зеленью.

Когда я собирался в экскурсию, Д. К. Заболотный дал мне письмо, адресованное д-ру Фарару в Лондоне — члену комиссии по противоэпидемическим мероприятиям и очень настойчиво рекомендовал мне повидать его. По словам Д. К., он хорошо знал санитарные учреждения Лондона и мог оказать содействие в ознакомлении с ними. Приехав в Лондон, я побывал у Фарара. Оказалось, что он незадолго перед этим получил высокое назначение в Local Government Board (в муниципальном управлении). Там меня сначала приняли делопроизводитель и старший санитарный врач. Расспросив о цели визита, они передали меня, наконец, по назначению. Фарар проявил ко мне исключительное внимание: тут же составил подробный план осмотров учреждений санитарного назначения, посоветовав начать их с главной инфекционной больницы Лондона, при этом сразу же позвонил главному врачу этой больницы профессору Томсону. Затем он порекомендовал провести целый рабочий день в одном из санитарных округов Лондона и вновь тут же написал рекомендательное письмо. Держал он себя просто и буквально обворожил меня любезностью. Когда я собрался уходить, он пригласил меня пообедать у него на следующий день. Я благодарил и решительно отказывался, ссылаясь на нежелание беспокоить его и на то, что я в дорожных условиях связан обязанностями руководителя экскурсии. Все мои возражения не помогли, он дал мне свою визитную карточку с точным адресом и сказал, что будет ждать меня совсем запросто к обеду.

В тот же день я со своей экскурсией успел ещё побывать с 3 до 6 часов в Тотнемской больнице. Это довольно далёкая окраина Лондона. Когда, выйдя из автобуса, мы направились по указанной нам улице целой группой в 11 человек, вокруг нас образовался целый рой уличных мальчишек. Их больше всего привлекала седая борода д-ра Орлова и бороды ещё двух участников экскурсии. Подростки — мальчишки и девочки подбежали к бородатым россиянам, блеяли козами, показывая на бороды. В этой глухой окраине Лондона иноземцы, очевидно, были в диковинку, и вид бородатых людей вызывал сенсацию. А у нас вызывало удивление то, что в Лондоне, в этом мировом центре, оказались возможны такие проявления некультурного поведения и некрасивого отношения к приезжим на улице.

Калитка в больницу оказалась закрытой. Хотя мы прибыли точно в 3 часа, как было условлено. На наш стук калитку открыл нам высокий коротко стриженный человек. Я вручил ему письмо Фарара, адресованное профессору Томсону. Взяв письмо, он пригласил нас в контору и предложил всем расписаться в книге. Затем, раскрыв конверт, пробежал письмо и пригласил нас следовать за ним. Не без удивления я должен был убедиться в том, что это был не швейцар, а сам профессор Томсон. К нашему большому удивлению, он владел немецким языком и познакомил нас со всей системой обнаружения и доставки заразных больных в эту общегородскую инфекционную больницу. В ней всегда были свободные кровати, а иногда и целые отделения. Из 1 200 штатных коек в момент нашего посещения занято было только 660.

Профессор Томсон прежде всего показал нам отделение для вновь поступивших больных — с внутрипалатной изоляцией. Эту систему он ввёл вместо системы боксов. У каждой кровати в этой большой палате находился отдельный рукомоЙник для мойки и дезинфекции рук. Подходя к кровати, врач или ухаживающая за больным сестра надевали имеющийся у каждой кровати чистый халат, мыли руки и только после этого исследовали и вообще касались больного. Не движением общего в палате воздуха, а соприкосновением с больным руками, через одежду или через халат могут переноситься патогенные начала, и внимание персонала к устранению этого главного пути внутрибольничного заражения только ослабляется, когда привыкают, полагаются на стеклянные перегородки боксов, а не на самое строгое выполнение мер, устраняющих передачу прикосновения. Палатная сестра при системе внутрипалатной изоляции с неумолимой строгостью следит за выполнением описанных выше правил.

Проф. Томсон показал нам отделение с боксами, которые были перестроены для других целей, и заявил, что после отказа от боксов случаев внутрибольничной инфекции стало не больше, а гораздо меньше, — они даже совсем перестали наблюдаться. С видимым чувством гордости Томсон показал нам окружённый садом и цветниками двухэтажный дом, служивший квартирой для 12-ти врачей-интернов, с хорошо обставленной общей столовой, общим библиотечным залом, верандой и отдельными просторными и уютными комнатами для каждого врача-интерна. На мой вопрос об условиях оплаты врачей, проф. Томсон сообщил, что врачами-интернами могут быть только люди холостые, они обязаны жить при больнице, отлучаться могут только в свои свободные дни. Квартира, стол и всё обслуживание обеспечивается врачам бесплатно, а жалованье — 120 фунтов в год. Извиняясь за, возможно, нескромный вопрос, я спросил, каковы условия службы главного врача. Последовал ответ: «Как главный врач и я получал также 120 фунтов, но не в год, а в месяц, Ограничения относительно семьи и отлучек из больницы на главного врача не распространяются». Общее впечатление, оставшееся от нашего осмотра этой инфекционной больницы, было очень благоприятным. Приятны были безукоризненная чистота, порядок и отсутствие казарменности. Дисциплина поддерживалась авторитетом врачей и уважением к ним, как и к главному врачу, всего персонала.

На следующий день с 9 утра мы были в Санитарном бюро Вестминстерского округа. Очевидно, благодаря карточке с запиской на ней Фарара руководитель здравоохранения в этом центральном районе Лондона познакомил нас со всем распорядком и особенностями санитарной деятельности и проведения противоэпидемических мер, показал дезинфекционную станцию, дал печатные годовые отчёты и обзоры санитарного состояния Вестминстерского участка.

С большой неохотой думал я о неизбежности к 7 часам вечера быть у Фарара в связи с его чрезвычайно любезным и таким настойчивым приглашением обедать у него. Уклониться было тем более невозможно, что необходимо было поблагодарить его за такое внимательное, благодаря его рекомендациям, отношение к нам в Тотнемской больнице и в Вестминстерском санитарном бюро.

Не без труда разыскал я улицу и дом, указанные в визитной карточке Фарара. Улица была с домами-особняками и садами. Дом с указанным номером имел пышный парадный подъезд, мало похожий на вход в частную квартиру. Пришлось всё же войти, так как другого входа не было. Ливрейный швейцар, когда я назвал фамилию Фарара, провёл меня через ряд залов в большую комнату, где меня встретил Фарар и представил довольно многочисленным гостям.

Тут только понял я, что Фарар пригласил меня «пообедать с ним» не на своей квартире, а в клубе. Это был аристократический клуб. На стене висел список его членов, в котором первым красовалось имя короля Англии — Эдуарда. Дамы и мужчины — гости Фарара проявили интерес к совершенно необычному на этот раз гостю. Мой потрёпанный в экскурсии костюм так мало гармонировал с обстановкой в этом клубе! Многие дамы и джентльмены довольно сносно говорили по-немецки и по-французски, и я мог поддерживать с ними разговор. «Что больше всего понравилось Вам в Лондоне?» — любезно обратилась ко мне одна из дам, чтобы проявить ко мне внимание. Не задумываясь, я ответил: «Гайд-парк, и притом не его аллеи и лужайки, не его газоны и стада овец, а постоянно проходящие в нём под открытым небом собрания и свободные обсуждения самых различных вопросов этики, социальных и политических проблем». Я рассказал, что каждый вечер в те несколько дней, что я провёл в Лондоне, я спешил в Гайд-парк, чтобы, слушая там ораторов, научиться понимать английскую речь. Я свободно читал английские книги и журналы, но совершенно не схватывал тексты, когда их вслух читали другие. Чтобы понимать, мне нужно было видеть напечатанное, но в Гайд-парке, к моему удивлению, я стал понимать выступающих там в спорах людей. Между прочим, я выразил восхищение умением простых людей говорить очень плавно, ясно и убедительно. В Гайд-парке нет искусственного пафоса, форсирования звука и эмоций. Моя собеседница заметила на это, что далеко не все англичане владеют ораторским даром, но в Гайд-парке выступают только умелые пропагандисты и одарённые ораторы. Мне она посоветовала не рассказывать в Лондоне, в так называемом «хорошем (приличном) обществе», что я слушал ораторов в Гайд-парке, так как это признаётся совершенно неприличным для «человека общества».

Меня стали расспрашивать о «русских нигилистах», но были разочарованы моим ответом, что времена тургеневских нигилистов типа Базарова в России давно прошли, что наша интеллигенция разделяется по политическим направлениям, так же, как и в других передовых странах. Я процитировал слова Некрасова: «Нигилист — это глупое слово. Но когда ты под ним разумел человека прямого, кто не любит живиться чужим, кто работает, истины ищет, не без пользы старается жить...» и пр. Элементы нигилизма теперь легче найти в Англии в поведении суфражисток, а не в России, где философский материализм и социально-политическое направление не представляются в таких экстравагантных формах, как великосветский суфражизм в Англии.

Затем разговор перешёл на всех заинтересовавшую тему о русском земстве, о его достижениях в организации народной школы, народной медицины и особенно об агрономических и экономических земских начинаниях.

Этот интерес послужил поводом для меня рассказать об объёме и формах работы русского земства в том виде, как я изложил это в вышедшем одновременно на русском и английском языках «Русском номере Times» 1912 г.

Только вернувшись в Петербург, я получил разгадку, почему столько любезности проявил ко мне Фарар. Даниил Кириллович Заболотный со свойственным ему юмором объяснил мне, что Фарар этим «отомстил» ему, Заболотному. В конце лета 1908 г. Фарар был в Петербурге и заболел холерой. С Заболотным он был знаком ещё по совместному изучению чумы и холеры в Индии. Узнав о болезни Фарара, Даниил Кириллович навестил его в «Европейской» гостинице, принял все меры к осуществлению изоляции и лечения. Одним словом, Фарар считал Даниила Кирилловича своим спасителем. А так как я передал ему письмо от Заболотного, то он из благодарности к нему проявил внимание ко мне и заставил меня попасть в довольно томительное для меня положение на обеде в его клубе.

В Лондоне мы побывали в одной из наиболее густонаселенных беднотой частей города — в Шордиче, где ознакомились с работой мусоросжигательной печи. Без всяких промежутков и без каких бы то ни было «защитных зон» среди плотно застроенных кварталов построена эта Горсфолевская печь. Сжигается мусор из экономических соображений при недостаточно высокой температуре. Выгружается ещё не совсем сгоревший, сильно дымящийся, не окончательно обратившийся в шлак, а лишь обуглившийся мусор. Рабочие остаются всё время в дыму. Дым стелется по двору, но эта сторона дела никого не беспокоила. Предприниматель доволен тем, что получающаяся при сжигании избыточная тепловая энергия идёт на нагревание воды, а идущие на снабжение соседней бани горячая вода и пар поднимают доходы предприятия. Особых забот об охране от дыма рабочих и окружающего населения мы так и не видели.

С большим интересом один из воскресных дней мы провели в Лондонском ботаническом саду (Кюгардене) с его великолепными аллеями и с полной свободой ходить не обязательно по дорожкам, а и по газонам, и по зарослям. Мы отдали также дань осмотру нашумевшего в то время «города-сада» Лечворта, а в окрестностях Лондона — рабочего посёлка, построенного по типу «города-сада» — с узкими жилыми улицами, очень красиво обсаженными персиковыми деревьями.

Большое впечатление осталось от посещения Вестминстерского аббатства с его в самом соборе находящимися надгробными плитами и памятниками. Врезалась в память надпись на могильной плите И. Ньютона, полная гордости за мощь человеческого ума: «Sibi congratulentur mortales tale tantumque exsistisse humani generis decus» («Пусть смертные возрадуются, что на свете существовало такое великолепное украшение рода человеческого»), и выражающая безутешную скорбь о гении скульптурная группа над гробовой доской Шекспира.

После Лондона мы несколько дней провели в Париже, где, разумеется, прежде всего, посетили Пастеровский институт. Работавший в нём Илья Ильич Мечников показал нам не только лаборатории, но и зал с гробницей Л. Пастера. В довольно долгой беседе с нами Илья Ильич выражал сомнения, можно ли в отсталых в культурном и техническом отношении русских

городах применить те достижения, которые мы видели в Берлине, Лондоне и Париже. С большою нетерпимостью и некоторым раздражением человека, не привыкшего слышать возражения, он отнёсся к моим замечаниям, что ни в Лондоне, ни тем более в Париже мы решительно ничего не видели и не могли видеть, что по уровню техники и санитарно-техническому совершенству стояло бы много выше того, что есть у нас. Поля орошения Московской или Одесской канализаций не хуже, а по существу лучше устроены и правильнее эксплуатируются, чем сдаваемые в аренду орошаемые участки парижских полей; больница Клода Бернара¹ в Париже по организации и постановке обслуживания инфекционных больных не выше, а ниже Боткинской больницы в Петербурге. Небольшие земские больницы на практике доказывают, что они могут осуществлять и осуществляют все лучшие мировые достижения санитарной техники и больничной гигиены; безукоризненно оборудованные операционные, хорошо устроенное водоснабжение и канализация и образцово работающие поля орошения или иные очистные сооружения у нас устраиваются в десятках земских больниц, и нам полезно учитывать новые приёмы и установки зарубежной техники для возможного применения у нас. На русскую действительность Мечников смотрел глазами высокомерного западноевропейского учёного, и это сквозило во всей его беседе.

При осмотре крупнейшей Парижской больницы имени Клода Бернара нельзя было подавить чувство изумления, — как можно было выбрать такое неудачное местоположение для лечебного учреждения — между двумя железнодорожными линиями, в местности, лишённой каких бы то ни было древесных насаждений. По сравнению с Тотнемской больницей Лондона крупнейшая и пользующаяся наибольшей известностью Парижская больница производила впечатление учреждения, содержащегося неопрятно. В Лондоне, как и у нас, главным ответственным лицом, направляющим всю жизнь больницы, был врач. При всей простоте, с которой держал себя при обходе больницы профессор Томсон, чувствовалось, как непререкаем его авторитет в глазах как низшего, так и самого высокого персонала. В Парижской больнице правили и направляли её деятельность не главный врач и не врачи вообще, а администрация в лице директора (не врача) и его помощников. А французская администрация, как мы имели случай убедиться в других случаях, проникнута бюрократическими нравами и приёмами приказного ведения дела.

Отдавая дань обычной программе осмотров Парижа, мы, разумеется, побывали в Соборе Парижской богородицы (Нотр-Дам де Пари), в Версальском парке и дворце, спускались в знаменитые крупные водосточные каналы парижской общесливной канализации, прошли по одному из таких каналов от Севастопольского бульвара до ливнеспуска, выведшего нас к Сене. Действительно заслуживали внимания осмотренные нами двухъя-

¹ Бернар Клод (1813-1878) — французский физиолог и патолог, профессор Коллеж де Франс. Один из основоположников экспериментальной медицины и эндокринологии, иностранный член Петербургской АН. Автор ряда блестящих открытий и 180 научных работ.

русские подземные резервуары воды, приходящей в Париж из отдалённых на многие десятки километров ключей в бассейне реки Луары. Над этими подземными бассейнами высится покрытая зеленью гора, а в самом парке, на его прудах плавают стаи красивых птиц (гагары, нырки, лебеди и пр.).

Парижское санитарное хозяйство — общеславянская канализация, утренний уличный туалет со спуском в уличные водостоки всякого мусора, остатков, отбросов из лавчонок и уличного смёта для того, чтобы потом всё это вылавливать, выбирать и выделять на станциях предварительной очистки сточной жидкости в Клиши перед выпуском воды на поля орошения, не производили того впечатления рационально построенной, экономически целесообразной системы, какое оставила у нас система санитарного благоустройства Берлина. В Париже преобладала погоня за показной стороной, за внешним благоустройством.

Неделя, проведенная после Парижа в Цюрихе, благодаря дружескому вниманию и непосредственному руководству Фёдора Фёдоровича Эрисмана, обогатила нас знакомством с образцовой стройной системой санитарно-гигиенического благоустройства города. Фёдор Фёдорович в многочасовых беседах исчерпывающе обрисовал нам систему санитарного дела в Швейцарии, системы благоустройства и жилищно-коммунального обслуживания населения. Он принял личное участие в экскурсиях и показывал нам снабжение крытого рынка холодильными установками, водопроводную станцию с префильтром и фильтрами, хорошо налаженную систему очистки города с использованием шлаков на мусоросжигательной станции для изготовления строительных шлакоблоков и плит. Фёдор Фёдорович показал нам народную столовую, рабочий клуб, дом культуры с безалкогольными напитками и целые кварталы рационально построенных домов с квартирами для служащих и рабочих коммунального хозяйства. Во всех этих учреждениях, так же как и в осмотренной нами по совету Эрисмана детской больнице и в школах, санитарно-гигиеническая сторона их содержания и режима была тщательно продумана и проводилась в полной мере. Во всём видна была систематическая забота о создании наиболее благоприятных гигиенических условий, наиболее здоровой обстановки. Гигиеническая теория и знание не расходились здесь с делом, с практикой. Нельзя было не видеть в этом и не ощущать влияния большой обаятельной, цельной личности замечательного гигиениста и редкого по душевной глубине и одарённости человека, каким в действительности был Фёдор Фёдорович Эрисман, долгие годы стоявший в первом ряду творцов и создателей нашей русской общественной медицины последней четверти XIX столетия.

Наше пребывание в Цюрихе мы завершили поездкой на вершину Риги-Кюльм, с которой смотрели восход солнца и фиолетово-изумрудные дали Фирвальдштетского озера. Потом был утомительный спуск по горным стремнинам к Люцерну. Там провели только ночь и на следующий день вернулись в Цюрих, где в последний раз провели несколько часов с Фёдором Фёдоровичем.

В Мюнхене главным предметом нашего внимания был, разумеется, немецкий Музей техники и науки — это величественное творение немецкого гения. Даже для самого общего ознакомления с десятками его главных

отделов, таких как, например, геологический отдел и все отрасли горного дела, с воспроизведёнными в натуральную величину подземными штольнями, выработками, механизмами, понадобилось бы много недель, а не те три-четыре дня, которые мы могли уделить этому исключительному по своим размерам и содержанию собранию технического инженерного и строительного творчества. Пребыванием в Мюнхене мы воспользовались для ближайшего знакомства с Баварским гидротехническим отделом по организации сельских групповых водопроводов и для осмотра грандиозных биологических прудов и всех вообще сооружений по очистке сточных вод мюнхенской канализации.

После Парижа и Мюнхена Вена, в которой мы провели всего три дня, не оставила яркого впечатления. Но там мы, между прочим, побывали на заседании австрийского парламента. Шумный зал, в котором отдельные группы депутатов ведут между собою громкие разговоры. Многие ходят от одной группы к другой. Довольно долгое время не понимаешь, что, собственно, происходит в зале. С трудом, наконец, выясняется, что с председательской трибуны называют имя очередного оратора. Стенографистки бегут в тот конец зала, где подымается и начинает говорить оратор, а в зале продолжают шум, разговоры, ходьба. Назавтра из газет узнают, кто и о чём говорил. Собственно и побывали мы в этом парламенте только для того, чтобы увидеть воочию этот оригинальный разноязычный, так мало импонирующий государственный орган, не столько объединяющий, сколько восстанавливающий друг против друга чехов и немцев, поляков и украинцев.

В Вене мы осмотрели отдельные части того «внешнего зелёного пояса», который при дальнейшем своём осуществлении должен был охватить Вену со всех сторон, раскинувшись по живописным окрестным возвышенностям. Мы осмотрели крупнейшую психиатрическую больницу и центральный дом для покинутых детей.

Как я уже упоминал, вернувшись в Петербург, я под свежим впечатлением подвёл итоги этого опыта кратковременной и чрезмерно насыщенной непосредственными наблюдениями экскурсии в своих журнальных статьях. В них я пытался не только обрисовать значение экскурсии для расширения кругозора санитарных врачей и повышения уровня их специальной подготовки, но и отчасти подойти к систематическому изложению собранных материалов. К сожалению, к работе в этом направлении я подошёл только в «Русском враче», но затем к ней больше не возвращался, и она осталась только запланированной, но не выполненной. В ноябре я получил от О. Винтера из Учебного отдела московского «Общества распространения технических знаний» письмо с просьбой отредактировать составленный по моим статьям в журналах общий обзор содержания и значения заграничного турне санитарных врачей, осуществлённого летом 1912 г. под моим руководством. Просьба эта была мною выполнена, запрошенный очерк был напечатан в отчёте Учебного отдела за 1912 год.

Отсылая О. Винтеру этот очерк-отчёт, я приложил к нему составленный мною проект маршрута для новой ознакомительной поездки земских и городских санитарных специалистов, которую я предлагал организовать летом 1913 г. и которая могла бы служить дополнением и завершением первой.

В плане предусматривалось в течение двух месяцев отвести 6 дней для осмотра Москвы, 4 дня — Варшавы, 2 дня — Хемница, 6 дней — Берлина, 6 дней — Гамбурга, 6 дней — Стокгольма, 3 дня — Гельсингфорса и 6 дней — Петербурга. Однако вторая задуманная экскурсия не могла быть осуществлена летом 1913 г., так как уже осенью-зимой 1912 г. окончательно выяснилось, что в течение всего лета 1913 г. в Петербурге будет проходить Всероссийская гигиеническая выставка, а в 1914 г. всякая мысль о возможности зарубежных экскурсий сама собою отпала в связи с надвигавшейся войной.

В спешных работах по подготовке экспонатов и строительству павильонов Всероссийской гигиенической выставки незаметно проходили последние месяцы 1912 г. Для поддержания внимания и энергии у обширного круга привлечённых к работам представительств, ведомств, многочисленных учреждений, санитарных организаций, земств, городов и кафедр служил специальный печатный орган — «Известия Всероссийской гигиенической выставки». Владимир Валерианович Подвысоцкий согласился с моим предложением использовать по примеру издания земских врачебно-санитарных хроник опубликование периодических печатных обзоров всего, что делалось, проектировалось, намечалось и осуществлялось на быстро расширяющемся фронте работ по подготовке к выставке. Нужно было тратить много времени, чтобы собрать все сведения о ходе работ, чтобы отслеживать и обобщать все дискуссии, проходившие в многолюдном Выставочном комитете и в самых разнообразных комиссиях и подкомиссиях.

Душой и основной движущей силой всей этой сложной машины был В.В. Подвысоцкий. Как правительственный комиссар он получал и распределял кредиты. Не имея никакой спецбухгалтерии, вёл по ходу дела всю финансовую отчётность, созывал и председательствовал в Выставочном комитете, привлекал к работам архитекторов и художников, ежедневно бывал на развернутом строительстве выставочных павильонов на Петровском острове.

Мой день начинался, обычно, с посещения Владимира Валериановича в его квартире в Институте экспериментальной медицины. Я получал от него всякого рода поручения, передавал ему материалы, подготовленные для доклада Комитету, отчёты, подробно делился с ним всеми сведениями о ходе подготовительных работ по специальному земскому отделу и павильону. Помню, какое впечатление непоправимого удара произвела на меня болезнь Владимира Валериановича.

Как обычно, я зашёл к нему утром и застал его ещё в постели. У него была высокая температура. Он передал мне ряд поручений и затем совершенно неожиданно сказал: «Для меня дело кончилось...». Мои возражения не производили на него никакого впечатления. Когда я уходил, он, прощаясь, сказал: «А выставка должна быть доведена до конца и без меня». Через несколько дней Владимира Валериановича не стало.

Его смерть переживалась мною как глубокое горе. Помню речи у его гроба. Речь Ивана Петровича Павлова¹ начиналась словами: «Если по

¹ Павлов Иван Петрович (1849–1936) — крупнейший отечественный физиолог, создатель учения о высшей нервной деятельности и новых подходов и методов физиологических исследований. Академик АН СССР. Нобелевский лауреат.

старому мудрому правилу перед лицом окончившейся жизни нужно в одних случаях молчать, а в других — говорить, то здесь можно, здесь должно говорить...». Отметив, что памятником Владимиру Валериановичу всегда останется его широко известное «Руководство общей патологии», научные труды, его ученики, Иван Петрович сказал, что одарённость Владимира Валериановича не ограничивалась областью науки, он стремился к более широкой общественной деятельности и проявил себя как блестящий организатор во всех делах, которые на него возлагались (руководство научным журналом, организация Одесского медицинского факультета, русский отдел на Международной гигиенической выставке в Дрездене, заслуживший очень высокую оценку). Указав на кипучую деятельность Владимира Валериановича по подготовке Всероссийской гигиенической выставки, Иван Петрович убеждённо заявил, что «всё давало основание верить в её полный, даже больше — блестящий успех, а гигиеническая выставка — ведь это благодатный посев в широкую человеческую массу доступных сведений из могущественного отдела медицины — медицины предупредительной». Общую чертою Владимира Валериановича Иван Петрович считал, что он «во всех положениях жизни оставался неизменным, а это — многостоящая черта между нами, которые так легко и недостойно меняемся в различных положениях и отношениях. Поистине поразительны были во Владимире Валериановиче его доброта и отзывчивость. Он не помнил зла». Особо отметил Иван Петрович, что Владимир Валерианович был «в высшей степени живой человек, — как в слове, так и на деле. Эта живость была особенным проявлением его личности, действительным выражением его неутомимой деловой энергии. Великая основа и краса человеческого общежития — общественное благо», — закончил Иван Петрович, — «которое складывается из таких частиц пользы и добра, какие вносил во все свои дела Владимир Валерианович, за которые его окружала общая любовь, а теперь так велика печаль утраты»¹.

Моё отношение к Владимиру Валериановичу, моё восхищение его деятельной, цельной, многогранной, благородной личностью отразилось в слове его памяти на заседании микробиологического общества, состоявшемся через несколько дней после его смерти².

В Выставочном комитете и среди достаточно широкого круга людей, участвовавших в подготовке выставки, господствовало мнение, что со смертью В. В. Подвысоцкого сама собою решается судьба выставки. Кто же мог заменить директора Института экспериментальной медицины? О Григории Витальевиче Хлопине³ многие из заведующих отделами не хотели и слушать, считая, что своим генеральством он оттолкнёт некоторых, что он не будет считаться со всем тем, что уже сделано при В. В. Подвысоцком и с тем направлением, в котором намечена выставка. Я лично твёрдо

¹ Русский врач. 1913. № 18.

² Там же.

³ Хлопин Григорий Витальевич (1863–1929) — гигиенист, заслуженный деятель науки РСФСР. Труды по проблемам водопровода и канализации, гигиене труда в горной промышленности и гигиене умственного труда.

был убеждён в необходимости закончить подготовку к выставке, продвигая её по рельсам, проложенным Владимиром Валериановичем. В Выставочном комитете сидели все представители ведомств, генералы, я же был там скромным, нечиновным земским человеком, да к тому же ещё — опальным «выборщиком», членом разогнанной Государственной думы. Поэтому я был очень удивлён, когда получил письмо от Главного врачебного инспектора Малиновского, который сообщал, что в интересах дела он хотел бы лично поговорить со мной по делам Всероссийской выставки.

При личном свидании он прямо поставил вопрос: как быть с выставкой? Если она должна быть, то кого лучше представить к назначению Правительственным комиссаром? Я ответил, что, оставляя в стороне все другие соображения и руководствуясь только интересами дела, нужно решительно заявить, что выставка будет открыта в срок, в том виде, в каком она готовилась при Подвысоцком, а для устранения борьбы самолюбий назначить на его место не кого-либо из конкурирующих претендентов, а чисто делового представителя, одного из работников Главной врачебной инспекции — П. И. Булатова. Я указал при этом, что П. И. Булатов вполне приемлемое лицо для Пироговских врачебных кругов и для земских санитарных органов.

Вскоре, к немалому удивлению ряда сановных представителей гигиены и санитарного ведомства и к ещё большему изумлению самого П. И. Булатова, последовало опубликование Высочайшего повеления о назначении вместо скончавшегося В. В. Подвысоцкого на пост Правительственного комиссара по устройству Всероссийской гигиенической выставки помощника главного врачебного инспектора Булатова.

Нужно сказать, что в дальнейшем не было никаких поводов или оснований сомневаться в целесообразности такого решения. Вопрос о необходимости большой выставки гигиены для развития в стране санитарного благоустройства был настолько важен, что это обеспечивало содействие делу многих общественных организаций.

Благодаря денежным пособиям от Московского, Харьковского, Саратовского и других губернских земств удалось добиться постройки павильона специально предназначенного для Земского отдела. Между крыльями этого павильона оставался замкнутый двор. Мне пришла мысль использовать этот двор для некоторых показательных громоздких устройств, применение которых в практике земского санитарного строительства было особенно важным. Посредине двора на очень высоких металлических фермах поставлен был ветряной двигатель. Он приводил в движение насос, забиравший воду из колодца, выкопанного тут же. Колодец служил в то же время для наглядного показа загрязнённости в Петербурге грунтовой воды из верхних слоёв. Воду эту можно было накачивать также насосами разных систем вручную.

Публике разрешалось не только осматривать, но и при желании пробовать насосы, качать ими воду и рассматривать струи желтоватой почвенной воды, степень и пути загрязнения которой освещены были на выставленных тут же таблицах. Вода, поднятая из колодца в небольшой бассейн ветряным двигателем, вытекала из него по наклонной трубе и приводила в действие гидравлический таран. По напорной трубке тараном вода по-

давалась выше крыши павильона и стекала с крыши по водосточной трубе к лотку с дождеприёмником.

На наружных стенках павильона и его крыльев были натянуты многометровые полотна с нарисованными на них молодыми художниками из числа студентов, помогавших мне в оборудовании земского павильона, видами и схемами сельских водопроводов с таранными установками. В то время уже более десятка таких сельских таранных водопроводов было устроено в Нижегородской губернии земским гидротехническим бюро. Проводя экскурсии, я всякий раз выходил во внутренний дворик, чтобы обратить внимание посетителей на насосы, гидравлический таран, воздушные турбины и другие действовавшие простейшие технические устройства, которые при содействии земских санитарных организаций могли бы получить более широкое распространение в сельском благоустройстве через кооперации.

Постепенно гигиеническая выставка стала привлекать к себе всё более широкое внимание. Гвоздями её, как и в Дрездене, считались отдел Института экспериментальной медицины с известной «павловской» собакой и земский отдел, где изо дня в день я давал объяснения и читал для санитарных врачей лекции о земской медицине, санитарной организации и санитарном благоустройстве. В Земском павильоне выступали с объяснениями и приезжавшие на выставку руководящие работники земского врачебно-санитарного дела: из Москвы — П. И. Куркин, А. В. Мольков¹, В. А. Левицкий; из Екатеринослава — А. Н. Меркулов, А. Л. Смидович; из Саратова — Терякин; из Новгорода — Мандельштам. Благодаря энергичной помощи последнего Новгородское губернское земство построило во дворе общего Земского павильона свой отдельный небольшой павильон, в котором установлена была действующая дезинфекционная камера и работающий станок, изготовлявший песочно-цементную черепицу, а также целая экспозиция гончарной черепицы, выпускаемой земскими черепичными заводами как безопасное в пожарном отношении и наиболее отвечающее санитарным требованиям покрытие для крыш зданий.

Как-то, уже к концу выставочного дня мне сообщили, что выставку осматривает министр финансов В. Н. Коковцов², бывший тогда одновременно председателем Совета министров. После довольно беглого осмотра других павильонов и всего главного отдела выставки он пришёл в Земский павильон, и я более или менее систематически провёл его по своему отделу. Я обратил его внимание на плакат о земских бюджетах, на котором земство было представлено в виде плакучей берёзы, свисающие ветви которой давали народу «земскую медицину», «земскую народную школу», «земскую агрономию», «земское дорожное дело» и т. д., а корнями своими получала она земские доходы от земельного обложения, от промышленности и пр. Весь бюджет всех 40 губернских и 430 уездных земств, обеспечивавших основное

¹ Мольков Альфред Владиславович (1870–1947) — один из основоположников гигиены детей и подростков в СССР, заслуженный деятель науки. Разработал гигиенические основы и нормативы детских учреждений.

² Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943) — граф, министр финансов (1904–1914), председатель Совета министров (1911–1914). После 1917 — эмигрант.

обслуживание культурных, санитарных и хозяйственно-технических нужд сельского населения, составлял всего лишь 250 млн рублей, то есть меньше одной двадцатой части правительственного бюджета.

Коковцов в довольно полемическом тоне стал высказывать упреки земству, что оно отдаёт мало внимания и средств основам народного благополучия — дорожному делу, противопожарным мерам. Я, разумеется, не остался в долгу и стал ему показывать успехи земской техники — экспонаты Харьковского, Московского, Нижегородского губернских земств по водоснабжению, разрезы буровых скважин и пр. «Это вы показываете, а вот забыли о том, что только казённая винная монополия во всей стране позволила ввести впервые при водочно-очистительных заводах целую сеть буровых артезианских колодцев и тем продвинуть в практику у нас артезианское водоснабжение», — съязвил Коковцов. Немало удивлён был он, когда вместо ответа я попросил его посмотреть на соседний стенд, где находились тщательно собранные мною материалы по бурению на воду и по постройке артезианского водоснабжения. Среди этих материалов было представлено значительное число разрезов артскважин при очистных заводах в Новгороде, при зданиях казначейств (в Курске и других городах). «А что касается водочной монополии, — заметил я, — то артезианской водой не заливаются вред народному здоровью и хозяйственное разорение, проистекающее от «казёнок».

Эта полемика в любезных тонах не мешала, однако, Коковцову с большим вниманием знакомиться с земскими экспонатами. Сопровождавшая Коковцова его жена несколько раз шёпотом просила меня поскорее увести его из павильона, так как он сильно утомился. В это время высокий гость осматривал оборудование операционных участков земских лечебниц и в полушутливом тоне бросил мне: «Ну, вот видите, — я, ведь, как владелец имения, так же «земский плательщик», однако этими операционными пользуются только крестьяне, ваша земская медицина, ведь, не для нас. А вот дороги, просеки и мосты земские, которые нужны всем земским плательщикам, — в каком они состоянии?» Поскольку Коковцов назвал себя «земским плательщиком» Новгородского земства, я предложил ему заглянуть в отдельный павильон этой губернии. Невзирая на протесты его супруги, он пошёл туда и с большим интересом стал рассматривать дорожную карту, картограммы и диаграммы врачебной сети и санитарных учреждений своей губернии. Потом поднимал и испытывал на вес черепицу, заметив при этом: «Хороший обжиг, а как мне понадобилась черепица, так прислали не такую, а никуда не годную». Эти полушутливые нападки на земство не помешали тому, что, уходя, Коковцов пожелал всем успеха.

Ещё будучи членом Бюджетной комиссии 1-й Государственной думы, я добросовестно изучил все материалы, поступавшие в эту комиссию от Министерства финансов, и на заседаниях, в которых Коковцов всегда принимал участие, мне приходилось не раз обращаться к нему с вопросами и высказывать некоторые несогласия. В начале работы той Думы министры относились к членам Бюджетной комиссии с известным вниманием. Надо сказать, что и теперь, являясь главой правительства, Коковцов также держал себя без бюрократической заносчивости.

Во время работы гигиенической выставки дружеские отношения сложились у меня с Александром Николаевичем Меркуловым. В то время он был главным врачом губернской земской больницы в Екатеринославе. Благодаря его энергичной помощи рядом с Земским павильоном был построен большой деревянный барак, в котором была оборудована показательная земская участковая больница с хорошо оснащённой операционной, предоперационной и перевязочной, с новейшей системой водоснабжения (горячей и холодной водой), с образцами специальной мебели, приборов и аппаратуры, начиная с операционных столов и автоклавов, до кушеток и шкафов. Описание этой показательной операционной и её оборудования было издано отдельной брошюрой. Позднее, уже в советский период, я не раз объезжал с Александром Николаевичем, по просьбе наркомздрава Н. А. Семашко (в 1921–1922 гг.) санатории для костнотуберкулёзных больных в Московской области и мы вспоминали совместную работу на выставке в 1913 г.

До поздней осени работа на выставке поглощала почти всё моё время. Там происходили нередко интересные встречи с приезжавшими в Петербург земскими деятелями и представителями городов. Помню, как много важных материалов о детских учреждениях в посёлке для рабочих и о фабричной больнице при своей фабрике доставил нам Александр Иванович Коновалов¹, как несколько раз приходил он для осмотра земского отдела, слушал мои лекции и в беседах со мною выставлял свои «передовые» взгляды. Кажется, не без его влияния был у меня на выставке и тогдашний Костромской городской голова — директор Товарищества костромских фабрик Шевалдышев. Он очень интересовался вопросами городского водоснабжения. Построенный в Костроме новый ключевой водопровод очень скоро стал давать ненадёжную, загрязнённую воду. Шевалдышев просил меня посмотреть на месте и выяснить причины. Я обещал ему, что как только позволит мне время, побываю в Костроме.

Живо встаёт в памяти, с каким волнением я приехал в Кострому, в которой не бывал с 1909 г. Выйдя с вокзала, я взял извозчика, который, к немалому моему удивлению, повёз меня, не спрашивая, к Николаю Александровичу Огородникову, моему старому другу. Оказалось, извозчик узнал меня, как бывшего члена 1-й Государственной думы от Костромы.

Рано утром на следующий день меня навестила Королёва, хозяйка дома на берегу Волги, в котором мы жили в 1905–1909 гг. Она узнала о моём приезде от всё того же извозчика, просила непременно зайти к ней и посмотреть, как она бережёт устроенный мною во дворе садик, как выросли посаженные мною кусты и деревья. С большой признательностью за её внимание я, разумеется, побывал в том доме, где прошли незабываемые годы моей костромской жизни. Днём я отправился с Шевалдышевым в район постройки захватных колодцев и сборного бассейна ключевой воды и обнаружил совершенно элементарные ошибки, допущенные при выполне-

¹ Коновалов Александр Иванович (1875–1948) — крупный текстильный фабрикант, лидер партии прогрессистов в 4-й Государственной думе. Министр торговли и промышленности во Временном правительстве. После 1917 — эмигрант.

нии проекта каптажных сооружений, так как водосборный бассейн оказался совсем неограждённым от стока в него поверхностных вод.

В последние недели работы выставки и после её закрытия я участвовал в деятельности экспертной комиссии в качестве её секретаря. Её председателем был назначен Г. В. Хлопин. Как всегда, комиссия рассматривала предварительно подготовленные проекты отзывов и подробно мотивированных заключений об экспозициях и заслугах организаций и отдельных участников выставки. Подготовка же и формулировка заключений и постановлений экспертной комиссии лежала преимущественно на мне. Много вечеров приходилось мне работать вместе с Григорием Витальевичем на его квартире. Другой был подход к работе у Г. В. Хлопина, нежели у В. В. Подвысоцкого. Владимир Валерианович делил работу на части, одну выполнял сам от начала до конца, другую — только заслушивал, не затягивая и не откладывая. Г. В. Хлопину нужно было всё подготовить и доложить для подписи. Неотложность, быстрота, немедленность в завершении и выполнении начатого не были при этом повелительной необходимостью, как это было во всём укладе работы Владимира Валериановича.

Все экспонаты, не взятые обратно с выставки после её закрытия, а также все обширные коллекции и общеобзорные графики (картограммы, диаграммы, планы, схемы, фотографии, чертежи и картины) послужили материалом для продолжения выставки по гигиене, санитарному делу и здравоохранению, развёрнутой в новом здании Биржи труда, построенном на Петроградской стороне против Народного дома. Получить временно это здание для создания в нём будущего музея удалось благодаря благожелательному отношению городского головы — Ивана Ивановича Толстого¹. Опять пришлось затратить неисчислимо много труда и времени, чтобы вновь последовательно развернуть экспозиции и наглядно показать современное санитарное состояние населения и отразить всестороннее гигиеническое обслуживание его организациями здравоохранения. И опять в течение всей зимы 1913–1914 гг. я пользовался всеми выставочными материалами для изложения основ общественной земской медицины и общественного построения санитарного обслуживания населения. В течение зимы не раз приводил на мои лекции своих слушательниц Александр Аркадьевич Кауфман, читавший статистику на Бестужевских курсах.

Один из частых посетителей, присутствовавший на моих демонстрациях, Сергей Гогель², секретарь Учёного совета Психоневрологического института, обратился ко мне с предложением читать курс «Общественное санитарное дело» на юридическом факультете этого института. Я согласился и с ноября 1913 г. начал читать разработанный мною курс «Санитарное состояние населения, основы санитарного дела и организация здравоохранения». Учёный совет Психоневрологического института избрал меня доцентом с оплатой

¹ Толстой Иван Иванович (1858–1916) — юрист, археолог. Секретарь и помощник председателя Русского археологического общества (1885–1900), министр народного просвещения (1903–1906). В 1913 — городской голова Петербурга.

² Гогель Сергей Константинович (1860–1933) — юрист, профессор Петербургского университета. С 1920 в эмиграции.

200 рублей — не в месяц, а в год! Слушателями моими были студенты 4-го курса юридического факультета. Я много готовился к каждой лекции, обдумывая и увязывая их содержание с основами курса «государственного права». Раскрывая зависимость здоровья людей от экономических и социальных условий, я старался показать и способы правильного контроля за здоровьем населения путём статистического учёта заболеваемости и постоянным наблюдением за естественным движением населения, контроля над общей и детской смертностью, за смертностью в отдельных возрастах и от отдельных причин.

Ввиду приближавшегося 50-летнего юбилея русского земства потребовалось ускорить подготовку моей книги «Очерки земского врачебно-санитарного дела» и печатавшегося под моей совместно с Б. Б. Веселовским редакцией «Юбилейного земского сборника». Этот сборник, печатавшийся в издательстве О. Н. Поповой, содержал большое число портретов земских деятелей и отличался прекрасным оформлением. Значительную часть труда по сборнику нес Б. Б. Веселовский, — человек выдающейся литературной трудоспособности, однако весь материал и в рукописях, и в наборе (в гранках) просматривал также и я. Кроме того, я должен был дать исторический обзор за 50 лет зарождения и развития земской медицины. Этого я так и не успел сделать, а вместо этого поместил статью по основному неразрешённому вопросу земской медицины — о создании приближенной к населению сети земских врачебных участков с участковыми больницами.

С юбилеем земства связана была моя поездка в Новгород по приглашению губернской земской управы для прочтения лекции о значении полустолетней деятельности русского земства в развитии культуры, санитарного и хозяйственного благополучия народа. Для иллюстрации лекции я привозил с собою множество составленных мною ещё для гигиенической выставки картограмм и диаграмм. Лекция собрала большое число слушателей и прошла с большим успехом. Я встретил там из прежних знакомых — Засечкиных, которых не видел более 10 лет.

Одним из проявлений моей общественной работы в Петербурге было председательствование в родительском комитете Лесновского коммерческого училища в 1909–1916 гг., т. е. в те годы, пока в этом училище обучались мои дочери. Училище считалось наиболее передовым по методам преподавания и одним из первых по совместному обучению детей обоего пола. Я близко узнал жизнь школы и прилагал немало усилий, чтобы вносить улучшение в отношения педагогов и учащихся. Мне, например, претили элементы отеческой опеки и неравноправность в отношении к учащимся некоторых педагогов, в частности, обращение их к ученикам на «ты». Школа заслуживала тем большего внимания, что при совместном обучении мальчиков и девочек между ними были очень хорошие товарищеские отношения, и на высоком уровне поддерживался интерес к усвоению знаний. Широко поставлен был экскурсионный метод преподавания. Под руководством таких педагогов, как А. Я. Закс¹, Т. В. Боч,

¹ Закс Артемий Яковлевич (1878–1938) — педагог, методист внешкольной работы. Возглавляя Бюро школьных экскурсий Наркомпроса (1923–1930), директор Института методов внешкольной работы (1923–1931).

Б. Е. Райков¹, предпринимались отдельные экскурсионные поездки учащихся по Волге, в Крым, на Кавказ.

Поскольку дети учились в Лесном², мы с Любовью Карповной решили переехать жить в этот красивый зелёный район столицы. Помимо красоты этого уголка сохранившейся близ огромного города природы нас тянуло в Лесное желание поселиться поближе к школе дочерей, чтобы обеспечить им, тем самым, наиболее благоприятные условия для их здоровья. И вот в 1913 г. у нас с Любовью Карповной, наконец, созрело решение построить свой дом в Лесном.

Принимая тогда, на 44-м году своей жизни, решение о строительстве собственного дома, я исходил также из того, что это даст мне давно лелеемую возможность систематически работать в саду и огороде при доме и осуществить непосредственно у себя некоторые из тех санитарно-технических устройств, за которые я постоянно ратовал в своих лекциях, докладах, журнальных статьях. Не говорить, а делать на деле — это мне казалось особенно необходимым в Петербурге, где и в санитарное дело, и в вопросы благоустройства вносилось чисто чиновничье отношение. Дом, в котором я прожил 45 лет, должен был показать практическую осуществимость рационального индивидуального строительства. Он сразу замысливался с черепичным огнестойким покрытием, с автономной канализацией и миниатюрным полем орошения для очистки сточных вод, со своим грунтовым водоснабжением, обеспечивающим устройство раковин, ванны, промывной уборной, с полным обезвреживанием почвенным способом и компостированием домового мусора и проч. Цветник, огород и сад давали возможность демонстрировать необходимую взаимосвязь жилища с открытым окружающим пространством, позволяли на деле проводить вынесение жилища под открытое небо. Таким образом, за отсутствием в Петербурге другой возможности показать передовые для того времени приёмы санитарного благоустройства малоэтажных индивидуальных домов (черепичное покрытие, бетонитовая обкладка стены пустотными камнями вместо оштукатуривания, бетонные полы с красивым плиточным покрытием в коридоре, прихожей и т. д.) — всё это я систематически демонстрировал, уже живя с семьёй в Лесном. Поскольку благоустройство отдельного дома не должно и не может быть оторвано от благоустройства всего посёлка, в период 1914–1917 гг. я был инициатором учреждения, а затем председателем Общества благоустройства в Лесном, которое подготовило и осуществило ряд проектов в деле благоустройства.

Итак, в 1913 г., ещё до наступления зимы, на гонорар, полученный от издательства за «Очерки земского врачебно-санитарного дела», были закуплены брёвна и другие лесные материалы, которые были перевезены с Громовской лесной биржи на уже закреплённый к тому времени участок

¹ Райков Борис Евгеньевич (1880–1966) — педагог-методист и историк естествознания, заслуженный деятель науки РСФСР, член АПН РСФСР (1945).

² Лесное в те годы было пригородом Петербурга, на Выборгской стороне. И ныне это самый зелёный район города, а в начале XX в. это была дачная местность со сплошными лесами, от которых ныне остались прекрасные парки.

земли размером 590 квадратных саженей¹. Земля была куплена через Банк Общества взаимного кредита с уплатой в 40 лет по 220 рублей в год.

Много труда и забот вкладывала в начавшееся строительство Любовь Карповна. До начала морозов были сложены из кирпича столбы для возможности с ранней весны приступить к плотницким работам. Четыре плотника из Костромской губернии подрядились начать рубить дом с марта 1914 г.

Точно в намеченный срок костромские плотники Василий и Макар вместе с двумя товарищами начали тесать хорошо высохшие за зиму брёвна и уже в марте на расчищенных от снежных заносов кирпичных столбах стал быстро расти сруб (четыре сажени на 5 саженей и примыкающий к нему 4 сажени на 3 сажени)² с дверными и оконными проёмами. Никаких техников или архитекторов на постройке не бывало. План был составлен окончательно Любовью Карповной с моим лишь консультативным участием. Разрешение на постройку и соответствующие разрешительные надписи на плане были получены в Уездной земской управе без всякого затруднения. Архитектурное оформление осуществлялось на месте плотниками с участием Любови Карповны и моим. Высота фронтона была определена, так сказать, «опытным путём»: Макар устанавливал, много раз меняя высоту, сбитый из досок фронтон, пока, наконец, и он, и я, и Василий в один голос признали один из вариантов наиболее удачным. К маю постройка дома вчерне была закончена. Спешно велись работы по внутреннему оборудованию.

Мне казалось особенно важным на опыте показать возможность, в крайнем случае даже при отсутствии общего водопровода и канализации в данном районе, создать автономное водоснабжение для кухни, уборной и ванны с последующим отведением промывных и грязных вод для очистки на придомовом «поле орошения». В ванной комнате были вбиты на глубину около 7 м трубы с засасывающим воды абиссинским колодцем. Накачка воды из колодца производилась вручную в бак из клёпаного железа, установленный на чердаке. По тонкой полудюймовой трубке вода подавалась оттуда в клозетный бачок, в ванную комнату и в кухню. Из уборной и раковин вода отводилась в подвешенную под домом отводную трубу, выведенную по поверхности до небольшого участка (8 x 12 м), разбитого на узкие грядки, и распределялась между ними по бороздам. Вокруг этого самодельного «поля орошения» была выкопана канава около 1 м глубиной, на дне её проложена деревянная труба с отростками вверх метра на два. Дренажная вода выводилась в уличную канаву. После засыпки канавы отростки (отводки) кверху служили вентиляционными трубами для усиления аэрации почвы под орошаемым участком. Число борозд между грядами было достаточно, чтобы чередовать выпуск воды в них по дням недели. Каждая борозда работала раз в неделю. Очень скоро, однако, я убедился, что загнивания в борозде не происходит, и при более частом спуске сточной воды перестал соблюдать очередь работ борозд. Вообще я пришёл к выводу, что на таком малом участке, как наш, для минерализации органических веществ сточных вод односемейного дома нормы суточной нагрузки могут быть во много

¹ Около 15 соток.

² Общая площадь дома в 1-м этаже составляла около 150 кв. м.

раз превышены ввиду постоянных перерывов в поступлении воды в борозду. Это ведёт к постоянному поступлению, засасыванию воздуха не только с гребня грядок, но и с борозд. Именно для увеличения вентиляции почвы я и добавил вытяжные стояки из дренажной трубы. Столбы пара из них в морозные дни показывали, что цель их постановки достигается вполне и, следовательно, вместо более тёплого воздуха с глубины полуметра или метра в почву поступает из борозд, когда в них нет воды, холодный наружный воздух, а в тёплое время движение воздуха идёт в обратном направлении. Но и в том, и в другом случае достигается цель усиления проникания через почву воздуха, необходимого для аэробных процессов.

Пока шло строительство дома, и даже ещё раньше, чем оно началось, я в ранние утренние часы в течение всего лета приезжал на велосипеде на свой участок и выкорчёвывал заросли, валил сосны, расчищая места для посадки плодовых деревьев и некоторых многолетних кустов. Ещё в 1912 г. была посажена мною целая дюжина яблонь, закупленных в питомниках Регеля¹. Это был для меня поначалу прямо титанический труд: вырыть для каждого саженца яму, заполнить её вместо песчаного грунта землёй и навозом, посадить и поливать посадки. Нелегко было подавить чувство обиды и горечи, когда уже после того, как все деревца принялись, приехав как-то на рассвете, чтобы их полить, я с изумлением обнаружил, что все яблони выкопаны и унесены. Только после того, как участок был огорожен и на нём уже шли строительные работы, я вновь посадил два ряда яблонь на прежние места.

Обработка участка требовала тяжёлого постоянного труда. Вся семья несла эту ношу, но, естественно, более тяжёлые работы по подготовке участка, рытью ям для посадок, устройству «поля орошения», по прокладке канав падали на мужскую силу. Я втягивался и привыкал к этой работе. Она становилась для меня привычной. В течение всей последующей жизни мой день начинался в ранние утренние часы выполнением с 4–5 часов до 8–9 часов всех дворницких работ по участку. Перекапывание гряд, подсыпка дорог, выемка для этого песка, посадка и пересадка деревьев и пр. — все эти утренние работы прерывались необходимостью спешить в 8.30–9 часов утра уезжать в редакцию, на лекции. После тяжёлой физической работы приходилось неизбежно полностью менять не только бельё, но и всю промоксную одежду. После ванны, переодевшись, я спешил «на службу».

Этой регулярной физической работе в часы, когда все ещё спят, по видимому, обязан я выработавшейся у меня выносливостью, а в позднейшие годы, когда мне шёл шестой, седьмой и восьмой десяток лет жизни — замедлением процессов старения и предупреждением одряхления,

¹ Регель Эд. Л. — известный швейцарский учёный-ботаник, был выписан для руководства Императорским ботаническим садом в Петербурге. Создатель многих придворных парковых и садовых ансамблей. Имел и свои садоводства, питомники, в частности, в Удельном парке и в Лесном, откуда и приобретался посадочный материал Захаром Григорьевичем, а позднее его младшей дочерью — Валентиной Захаровной. Редчайшие грунтовые азалии, выведенные Регелем, утраченные Петербургским ботаническим садом, но сохранившиеся в саду внука З. Г. Френкеля — Константина Саввича Самофала, были вновь переданы в Ботанический сад в 1998.

несмотря на чрезвычайную перегрузку работой за письменным столом, на недисциплинированность и несоблюдение регулярности и должного порядка и ритма в жизни. Если я и теперь, на 94 году, ещё сохраняю полную трудоспособность, выносливость и могу не устраниваться ни от какой работы и не ослаблять запросов к моему организму, то я не могу приписать этого ничему другому, кроме как регулярному, по несколько часов утром, ежедневному физическому труду на «Полоске»¹, да ещё, пожалуй, отращиванию, непреодолимому отращиванию к бессмысленным, на мой взгляд, непостижимо идиотским самоотравлениям табаком и алкоголем.

Хочу повторить, что главным побудительным мотивом у меня при строительстве «Полоски» было стремление показать преимущества применения тех нововведений, которые я отстаивал в качестве редактора «Земского дела» и в моих статьях в «Городском деле». Мне казались пустыми фразами отговорки, что наша задача «строить города-сады в головах людей», как говорил Д. Д. Протопопов. Нужно на деле показать, насколько это доступно, возможно, целесообразно.

Отстаивая значение внедрения огнестойкого черепичного покрытия, я приобрёл в Новгородском земстве черепицу и оплатил проезд мастера для покрытия ею крыши дома. И это позволило мне доказать практические преимущества такого покрытия перед покрытием железом с постоянной необходимостью возобновлять окраску и профилирование².

Таким же новаторством было применение вместо штукатурки внутри дома простой обивки стен пропитанными известью, песком и цементом полосами самой дешёвой мешковины и оклейка затем стен обоями по этой обивке. Более пятидесяти лет служила эта обивка, а все считали, что дом внутри оштукатурен.

В июне мы переселились в новый дом. На «Полоску» зачастили наши друзья и знакомые. Нередко заходил живший неподалёку в Лесном же, в незадолго перед тем построенном своём доме В. Г. Тан (Богораз)³. Для него неожиданным было то, что, оставаясь редактором журнала и выполняя постоянно срочную журнальную работу, я в утренние часы копал осушительную канаву, выкорчёвывал пни, занимался уборкой строительного мусора и т. д. Помню, с каким наивным удивлением узнал он, что несколько грядок со свежими посадками, окружённые общим валиком и внешней дренажной канавой, — это поле орошения», на которое выведены стоки из домово́й уборной... Даже удостоверившись, что в борозде лежат экскременты, он никак не мог примириться с тем, что нечистоты не издадут никакого зловония... Пришлось наглядно преподать передовому работнику литературы

¹ Дом с садом были названы «Полоской», и это название красовалось на фронто́не дома, потому что под усадьбу была куплена «полоса» леса.

² Черепичная крыша перенесла без единого ремонта лихолетье революции, Гражданской войны, а главное — блокады, во время которой осколками зенитных снарядов были слегка повреждены несколько черепиц.

³ Богораз Владимир Германович (псевдоним — Н. А. Тан, В. Г. Тан) (1865–1936) — этнограф, писатель. В начале 1880-х — один из организаторов «Народной воли», в 1889–1898 — в сибирской ссылке. С 1921 профессор ряда ленинградских вузов. Создатель письменности для народов Севера.

некоторые элементы «санпросвета». Но через несколько дней я прочитал в газете фельетон Тана, озаглавленный «Цинциннаты на болоте»¹. В нём он с преувеличенным драматизмом рассказывал, как недавний «законодатель», член Государственной думы, копает каналы и осушает болото...

Первая мировая война (1914–1916)

В мае и июне 1914 г. мне часто приходилось бывать в Институте экспериментальной медицины в связи с заботами о размещении оставшихся от Всероссийской выставки экспонатов. В то время уже в июне повсюду начались лесные пожары. Горели леса и торфяники в окрестностях Петербурга. Гарью и дымом был пропитан воздух в самом городе. Помню, какое удивление вызвали у меня слова С. К. Держговского, исполнявшего временно обязанности директора Института, когда в разговоре со мною он между прочим высказал своё мнение, что все эти лесные пожары — дело рук немцев, что горящие леса и торфяники — подготовительные меры к их военным планам. Мне показалось это плодом обывательского воображения. Однако спустя два-три месяца, когда немцы захватили часть Польши от Калиша до Млавы, я не раз вспоминал его слова.

14 июня 1914 г. я получил повестку из мобилизационного отдела явиться в качестве младшего врача запаса в воинское присутствие на Загородном шоссе. Мне было 45 лет, и я мог бы оспаривать правильность моего призыва, но ощущение общей беды, надвинувшейся на весь наш народ, устраняло у меня даже самую мысль о каких-либо шагах для более рационального использования меня, чем в качестве младшего военного врача. Я явился в мобилизационную часть. Довольно долго толкался в разные двери. Наконец, в одной из комнат мне указали на стол, за которым сидел военный писарь, вручивший мне призывную повестку — явиться в ближайшие дни в Новгород в распоряжение дивизионного врача.

Сборы были недолгие. Через два дня я был в Новгороде. Дивизионный врач Ларисов, выглядевший стариком, принял меня весьма любезно. Дал мне назначение младшим врачом дивизионного лазарета и поручил сформировать роту носильщиков. Мне были выданы подъёмные на обмундирование и на покупку лошади, а пока мне была предоставлена обозная лошадь на случай выступления в поход.

Вместе с полками, укомплектованными наскоро обмундированными, только что призванными из запаса солдатами мы очень скоро выступили из Новгорода. В течение двух или трёх дней в пешем строю прошли по шоссе до Чудова, чтобы там грузиться в воинский эшелон и отправляться по железной дороге к месту формирования армии, предназначенной для вытеснения из Польши немецких войск, занявших к тому

¹ Цинциннат, римский патриций, консул (460 до н. э.), диктатор. Согласно преданию, в жизни Цинциннат был образцом скромности, доблести и верности долгу.

времени (вторая половина июля) Млаву, Прасныш и продвигавшихся к Новогеоргиевской крепости. Идя по Новгородскому шоссе в Чудово, мы на ходу осваивали военные порядки. Получали приказ с точным указанием маршрута и места стоянки. Для обеспечения места ночлега высылали квартирера. Первый ночлег был в большом селе у шоссе. Солдаты разместились по дворам и избам. Врачи дивизионного лазарета на своих походных матрацах ночевали в просторном крестьянском доме, где заботами наших денщиков был приготовлен обед и чай. Я пытался добросовестно найти какое-нибудь полезное дело. Осмотрел вверенную мне роту носильщиков, весь имеющийся инвентарь (носилки, шины, перевязочный материал), начал заниматься обучением приёмам переноски раненых и т. п.

В конце июля, после недолгого периода формирования учреждений дивизии в районе Новогеоргиевской крепости, начался наш поход в направлении Млавы и Сольдау. Пехотные полки и вслед за ними наш дивизионный лазарет и дивизионные госпитали двигались по маршрутам, точно указываемым в ежедневно получаемом каждым подразделением приказе. Дневной переход составлял обычно 40–60 км. Ночёвки устраивались либо в опустевших помещичьих имениях, либо в польских деревнях.

Всюду, пока мы шли по местам, ещё не побывавшим в руках немцев, нам легко удавалось купить все необходимые продовольственные продукты (яйца, молоко, творог и пр.). На более долгий срок мы задержались во Млаве, которую немцы оставили без боя. Комната, в которой я провёл несколько дней, занята была до меня в течение месяца немецкими лейтенантами. Мы аккуратно платили хозяйке дома наличными деньгами за всё, чем пользовались: за чай, молоко и т. д. С обидой и огорчением показывала мне хозяйка-полька расписки, данные ей вместо денег немецкими офицерами. По её словам, немцы были очень требовательны, вели себя «по-барски, как приличные господа». Расписки на немецком языке гласили: «Подлежит оплате русским правительством такой-то гражданке такая-то сумма за доставленное продовольствие». Эти издевательские расписки наивная полька принимала и берегла.

Дальнейшее продвижение наше от Млавы до границы и далее до Сольдау проходило уже по совершенно опустошенной местности с разрушенными деревнями. От домов оставались только дымовые трубы. Жители в большинстве своём разбежались, но после отхода немцев начали возвращаться на свои пепелища. Противник спешно очистил не только нашу пограничную область, но и все близкие к границе свои населённые пункты. Возвратившееся население польских деревень устремилось в немецкие опустошённые посёлки, и мы видели по всем дорогам, как поляки всех возрастов несли из покинутых немцами домов всякую утварь, гнали свиней и скот.

Мы переходили границу в жаркий августовский день. На большом протяжении растянулись и рассеялись по песчаной холмистой местности, по просёлочным дорогам наши обозы и тыловые части. Я шёл пешком со своей ротой носильщиков. Жара, пыль, невыносимая усталость. Но вот мы уже подошли к пограничным столбам. И неожиданно солнце стало необычно тусклым, Наступили вечерние сумерки. Все люди как-то притихли. Но вскоре вечерние сумерки вновь сменились светлым летним вечером с

солнцем, склонившимся к закату. Это было почти полное солнечное затмение 8 августа 1914 года.

Первая наша остановка на ночлег после перехода границы была в немецком городке Илово (Восточная Пруссия), километрах в десяти за нашей границей. Город был совершенно пуст. Никаких разрушений, никаких следов войны. Чистые улицы и дворы. Аккуратные, точно новые дома. Трёхэтажное школьное здание с благоустроенным школьным двором и садом. И ни одной души местного населения. По городу были развешены распоряжения немецкого командования — всем без исключения жителям покинуть город, не увозя с собой никакого имущества, к 2 часам дня, а мы вошли в город часов в 7. В домах на столах оставалась обеденная посуда. В печах стояли кастрюли с неостывшей пищей. Приказ о немедленном оставлении города был дан внезапно и выполнен с точностью.

Осмотрев несколько домов и дворов, мы выбрали для ночлега школьное здание. Врачи разместились в жилых комнатах нижнего этажа с отдельным лестничным ходом, обставленных уютной мягкой мебелью и комнатными цветами. Для ночлега команды отведены были классные комнаты. Школьные парты оставались составленными в глубине классов, а на полу была навалена солома. Пока я распределял помещения в нижнем этаже, я увидел, как из окон верхнего этажа полетели разные предметы: чучела птиц, витрины, приборы. Я бросился наверх и увидел, как с десяток солдат с каким-то диким азартом ломают мебель, рвут показательные таблицы, разбивают приборы, топчут гербарии, выбрасывают в окна чучела. Это был какой-то бешеный экстаз разрушения. Не действовали мои призывы к совести, к разуму, к стыду этих призванных из запаса и, следовательно, не молодых уже людей, одетых в солдатскую форму. «Смирно! Стройся! — закричал я. Рефлекторно, реагируя только на эту команду, люди остановились в ряд подле меня. Стараясь быть особенно доходчивым, я объяснил недопустимость хулиганского разрушения научных наглядных пособий, которые могли бы с пользой служить просветительным целям. «Понимаете, какой позор падёт на русских воинов от вашего бессмысленного буйства?» — «Так точно, Ваше Высокоблагородие!». Но, не успев спуститься вниз, как из окон третьего этажа вновь посыпались обрывки, обломки и куски музейных наглядных пособий и слышался звон разбитого стекла. Только утром мне стала ясна причина буйства, до этого дня очень дисциплинированных и тихих людей. В немецких пустых квартирах они нашли алкогольные напитки и без всякого удержу успели напиться допьяна.

Поздно вечером, когда я устраивался спать на диване в одной из комнат квартиры учительницы, я вдруг явственно услышал придавленные стоны из-под кровати за ширмой. Хотя раньше, чем разводить нас по комнатам, квартирьер тщательно осматривал с солдатами все закоулки, тем не менее, я вызвал дежурного дневального и попросил посмотреть под кроватью за ширмой, откуда неслись стоны. Там оказалась забившаяся в самый угол собака. Солдаты весело смеялись, вытаскивая её из-под кровати. Мопс только жалобно стонал, из глаз его катились слёзы. Я приготовил еду, ласково угощая его. Он не прикасался к пище, продолжая мрачно скулить. Вся его поза

и вид выражали безутешное горе и такое отчаяние, какое доступно только глубоко чувствующим людям. В письмах с фронта к моей тогда одиннадцатилетней дочери Лёле¹ я рассказывал о разных типах собак, которых я наблюдал во время похода, описал я и этого мрачного меланхолика мопса. Это был исключительно ярко выраженный образец собаки с сильными тормозными реакциями. Даже самый сильный «безусловный» пищевой рефлекс при виде придвинутой к его морде мясной еды не мог преодолеть овладевшей им тормозной реакции, вызванной непосредственным горем и тоской по покинувшей его хозяйке.

Ярким контрастом с этой съёжившейся и окаменевшей от жизненной катастрофы собакой была дворняжка, приставшая накануне к одной из повозок нашей роты носильщиков. Мы проходили мимо совершенно уничтоженной польской деревни. Торчали только оставшиеся от печей стояки дымовых труб. Откуда-то выбежала с лаем поджарая собачонка. Ездовой поманил её куском хлеба. Она весело вскочила на козлы, виляла хвостом, лизала нового хозяина, а когда мы остановились на привале, она уже рьяно охраняла его, ласкалась, точно долгие годы, а не несколько лишь часов жила с ним. Это был тип легкомысленного сангвиника, не особо задумывающегося над бедой и легко переходящего к новому безмятежному настроению. Эта собака напоминала мне гоголевского Ноздрёва.

В Илове мы простояли два дня. Этот приграничный посёлок очень мало походил на польские сёла и небольшие города типа Млавы, где мы стояли до перехода через границу. Там нигде не было мощёных улиц, не было тротуаров. Смешно было и думать о водопроводе и канализации. Ночуя в семье польского хлебороба, я страдал от того, что не было при этом неплохом в целом доме никакой уборной. Когда утром я вышел в поисках уборной, я с изумлением увидел, что в сенях (без настила и пола) в углу было несколько куч испражнений. Хозяйка убирала их лопатой и выносила за дом на грядку, а угол засыпала свежей землёй и песком.

В Илове же дома были городского типа, с палисадниками, с проведённой в них водой. Проезд на улице был шоссирован, а пешеходные полосы имели вид удобных аккуратных набивных тротуаров с обсадкой деревьями. В школе была очень чисто содержимая дворовая уборная; подставной плоский ящик выдвигался, как на рельсах, на деревянных брусках. В него засыпали торф, запас которого хранился тут же, под навесом. Ящик опорожнялся на вскопанные, подготовленные для посадки грядки в школьном саду. Вокруг ящика не видно было ни грязи, ни луж. Можно сказать, всё поражало аккуратностью и чистотой, которая, очевидно, воспитывала привычку к чистоте и у школьников.

Из Илова мы двинулись по хорошему приграничному прусскому шоссе в Сольдау, откуда немецкие войска отступили неожиданно, при первом же натиске нашей дивизии и полка казачьей кавалерии. Шоссе было обсажено фруктовыми деревьями. С досадой видел я, как ехавший рысью по обочине кавалерист с ловкостью упражнялся в том, что шашкой, не замедляя бега лошади, рассекал один за другим молодые стволы деревьев.

¹ Так звали в семье младшую дочь — Валентину Захаровну.

Перед нами по этой дороге прошли уже пехотные полки, преследовавшие отступающего противника. Глухое чувство возмущения против немцев, разоривших наши польские деревни, стихийно проявлялось у наших солдат. Вот, по дороге — усадьба, рядом с нею у шоссе пивная и буфет. Мебель не увезена из домов. Проходя мимо, солдаты забегают в помещения, со звоном и громом разбивают зеркала, прилавки, ломают бесцельно мебель. Где-то в сарайчике осталась откормленная свинья. Догоняя ушедшую вперёд роту, два солдата тащат наспех отрезанные свиные окорока.

Впервые перед глазами обнажается до конца подноготная военных будней. Перед самым Сольдау мост через реку оказался взорванным. В короткий срок шедшие впереди нас солдаты соорудили переход через речушку, использовав для этого пять-шесть срубленных придорожных старых тополей. Перед этим самодельным мостом — большой затор людей, повозок, солдатских кухонь и пр. И удивительно: когда неделю спустя мы отступали под сильным артиллерийским обстрелом из Сольдау, переправа через речку оставалась в прежнем виде! Технические и сапёрные части в царской армии стояли на низком уровне, вернее, я их нигде ни разу не видел, следов их деятельности не было заметно.

Мы вошли в Сольдау в жаркий августовский полдень. Город был покинут населением совершенно внезапно. В разных местах на стенах домов расклеены были приказы немецкого командования о немедленном, в течение двух часов оставлении города. В магазинах, лавках, учреждениях и квартирах всё оставалось нетронутым. Как и в Илове, кое-где в квартирах на столах оставался обед. Водопровод в городе, однако, был остановлен. Водопроводные краны в квартирах, на улицах, в водоразборах были открыты, но вода не шла.

Мы выбрали на окраине города вновь отстроенное больничное учреждение. Это была довольно крупная частная, богато обставленная лечебница с обширным благоустроенным двором, с хорошо оборудованным хирургическим отделением, операционной, с большими запасами белья и другого госпитального инвентаря и аптечных средств. В особом крыле клиники находились несколько запертых палат для инфекционных больных. Многие помещения оказались закрытыми. Получив приказ о немедленной подготовке помещения для развёртывания следовавшего за нами военного госпиталя, мы разыскали в одном из соседних домов укрывавшуюся там кастеляншу больницы и предложили ей сдать ключи и весь больничный инвентарь под расписку. Она подняла шум, кричала, что всё это — частная собственность и т. д. Так как из всех врачей изъясняться по-немецки мог только я один, то я объяснил этой почтенной даме, что она не ориентируется в обстановке, что, получив приказ о срочном развёртывании перевязочного пункта и подготовке всех помещений под военный госпиталь, мы должны это сделать немедленно, и если мы не получим ключей, то вынуждены будем взломать все двери, замки и шкафы. Она возражала мне, угрожая всяким начальством. Но, в конце концов, увидев, что двери взламываются, она всё-таки указала, где были спрятаны все ключи. Мы немедленно вывесили над больницей флаги Красного Креста, подготовили перевязочные, операционную, палаты.

Непреодолимую трудность представляло отсутствие воды. Из кранов вода не шла, запасов её нигде не было. Вблизи не оказалось ни одного колодца. Пришлось идти почти за километр к реке Сольдау, берега которой представляли собой поросшее осокой болото. Кое-как наладили доставку воды вручную и принялись за её кипячение. К ночи нам доставили первых раненых. От них мы узнали, что наши полки продвинулись уже вёрст на 15 за Сольдау к городу Уздау, но дальнейшему продвижению мешает сильный артиллерийский обстрел.

В течение следующих дней раненые к нам не поступали. Мы имели возможность ознакомиться с городом и положением в нём. Всё больше и больше прибывало в город наших воинских частей. Повсюду ходили группами солдаты, бродили в одиночку отдельные офицерские чины, санитары, военные писаря и чины нестроевых команд. Большинство магазинов на главных улицах были раскрыты или разбиты. Всюду люди запасались вином, утоляли жажду пивом. Кое-где уже встречались пьяные. Время от времени из окон верхних этажей и с крыш раздавались выстрелы и прохожие бежали под укрытия. У меня возникла мысль попытаться обследовать водопровод и попытаться запустить его. Стояла сильная жара. Томила жажда. Так необходимо было дать людям возможность помыться после похода, освежиться от пыли и пота. Я доложил обо всех своих соображениях дивизионному врачу д-ру Ларисову, которому я был подчинён. Он сухо ответил мне, что на военной службе нужно ждать приказов и выполнять их и что нечего мешаться не в своё дело. На мой вопрос, а могу ли я обратиться к вышестоящему начальству, пока нет работы в лазарете, он с некоторым неудовольствием сказал: «Пишите рапорт в штаб дивизии». Я написал рапорт. Изложил, как трудно обслуживать санитарные нужды без воды, указал на опасность появления в это время года среди солдат дизентерии, брюшного тифа и т. д. Ввиду знакомства моего с водопроводным делом я просил разрешить мне заняться осмотром водопроводной сети и станции, чтобы выяснить, нельзя ли возобновить подачу воды. С этим рапортом я пришёл в штаб. Там отнесли к нему с большим вниманием и направили меня в штаб корпуса, где я так же встретил отзывчивость и внимание. Были вызваны из какой-то сапёрной части два дорожных мастера, с которыми я направился к коменданту города. Его я встретил на улице. Это был полковник Басов, человек с окладистой русой бородой. Во время похода к Млаве мне пришлось провести вместе с ним одну из ночёвок в польской крестьянской избе. Тогда он оказался очень интересным собеседником. До поздней ночи обсуждали мы с ним различные литературные темы. Он хорошо знал и тонко ценил Тургенева и Толстого, а также Короленко, Чехова и даже Горького. Теперь я рассказал ему об острой необходимости попытаться поправить дело с водоснабжением. В его присутствии мы открыли несколько уличных контрольных колодцев, в которых оказались открытыми пожарные краны. Вода стояла в колодцах без напора. Нужно было повсюду закрыть краны и пожарные затворы. Басов озабоченно заметил, что с этим нужно спешить. Мы совершенно бессильны против уже начавшихся в городе пожаров. «Причину вы видите», — сказал он, указывая на группу совершенно пьяных солдат. — «Всюду в магазинах вино, а результат налицо».

Басов организовал специальные команды, которым было поручено систематически уничтожать склады и запасы вина. Он был без шашки, но с камышовой палкой в руке, на которую он опирался, так как прихрамывал на одну ногу. В это время из магазина вышли несколько солдат. Он подозвал их и, не повышая даже голоса, скомандовал «Смирно!», после чего приказал первому в ряду вывернуть карманы. Оттуда вывалилось несколько часов. — «Снимай рубашку!» За пазухой оказались взятые в магазине дамские чулки, сорочки и пр. «Снимай штаны! Ложись!». Басов передал свою палку ближайшему к нему солдату и приказал бить ею лежащего.

Я ушёл вперёд, чтобы не видеть этой отвратительной, унижительной сцены. Она длилась долго. Эта процедура была проделана по порядку со всеми четырьмя задержанными солдатами. Такой «отеческий» метод полковник Басов применял многократно, пока не наладил сторожевое охранение и не ввёл военные патрули. При встрече со мною, видя, очевидно, моё негодование, он спокойно сказал: «Я должен был за мародёрство отдавать под трибунал или расстреливать на месте. Я вышел из положения, как мог».

С данными мне помощниками я обошёл ряд улиц близ водопроводной станции, проверил, закрыты ли краны. Затем мы приступили к осмотру самой станции. В машинном отделении выяснилось, что из артезианской скважины вода поднималась при помощи эрлифта, но воздушный компрессор бездействовал. Он приводился в движение газовым мотором, а газа в газгольдере не было. Газовый завод, составлявший с водопроводом единое предприятие, был остановлен. Печи, подогревавшие реторты для отгонки газа, были погашены. Мы поднялись по винтовой лестнице наверх. В водопроводной башне я натолкнулся на какие-то загадочные немецкие козны. Верхнее отделение башни было забито соломой. Поверх толстого слоя соломы горела длинная свеча, нижний конец которой был вставлен в солому. Очевидно, когда свеча догорела бы до соломы, та должна была бы загореться.

Мы немедленно загасили свечу, тщательно осмотрели все закоулки, нет ли там ещё каких-либо следов злоумыслия, затем заперли своим замком вход в башню. После нескольких часов обследования я убедился, что моих технических знаний не хватает, чтобы пустить в ход газовый завод и газомотор. Я отправился в штаб и подробно доложил обо всём обнаруженном на водопроводе. В штабе я узнал, что, оставляя свечи в соломе, немцы уже вызвали пожары в разных концах города. Густой чёрный дым с чердаков домов, видный издали, служил сигналом и ориентиром для артиллерийских обстрелов, проводимых противником.

Вечером того же дня я стал свидетелем неожиданной сцены нарушения дисциплины солдатами. Когда в девять часов вечера по обычному сигналу трубача солдаты собирались на вечернюю молитву, и послышалась команда снять шапки, в нескольких местах слышались брань, пьяные возгласы. Солдаты оставались в шапках. Было немало пьяных. За нашим госпиталем в спуске к реке были установлены орудия мортирного батальона. Ночью нам начали непрерывно подвозить из расположения стоявших впереди полков раненых. Это была страшная ночь. Хирург целую ночь и утро следующего дня без отдыха производил сложные операции: ампутировал конечности,

тампонировал после соответствующих полостных операций. Мы, другие врачи (включая меня), делали перевязки, промывали раны, ассистировали при операциях. Все кровати оказались занятыми. Пришлось класть раненых во дворе.

В довершение всего у нас по-прежнему не доставало воды. Начался обстрел. Рвались шрапнели, и это затрудняло поднос воды из реки. По существу, работа шла автоматически. Никакого приказа нам дано не было. Укладывая раненых во дворе, я видел, как мимо нас уходили отступающие войска. Везли орудия, шла пехота, наконец понеслась казачья конница. Во двор зашёл весь в поту большого роста какой-то офицер, судя по погонам — артиллерийский полковник, обратился ко мне, прося пить. Я показал ему на заполненный ранеными двор. «А что вы тут мешкаете?» — сказал полковник Бек. «А что же нам делать? Ведь мы никакого приказа не получали!» «Какой там приказ!» — ответил он. — «Ведь ночью все штабы ушли, не до вас им было. Грузите раненых и скорее уходите, пока сзади есть прикрытия».

Я немедленно доложил об этом дивизионному врачу Ларисову. Старик был не вполне трезв, однако сразу оценил положение, увидев уходящих мимо нас казаков. Полковник Бек, уходя, посоветовал уложить раненых в телеги, освободившиеся от мешков муки, привезённых ночью. Всё продовольствие было свалено в поле в кучи, мы уложили раненых в наши 32 носилочных повозки и в 193 телеги и двинулись из Сольдау по той же дороге, по которой неделю назад вошли в город. Был жуткий момент, когда показалось, что мы не сможем взять всех раненых и придётся нескольких наиболее тяжёлых оставить, а с ними и кого-нибудь из врачей. Раненые молили не оставлять их. Ларисов приказал бросить жребий, кому из нас, младших врачей, оставаться. Но в это время мы остановили несколько полковых повозок, ехавших по дороге. Я настойчиво потребовал, чтобы они заехали во двор и взяли раненых.

По той же временной переправе через р. Сольдау, сооружённой из наспех сваленных придорожных тополей, вышли мы из города. И здесь глазам представилась страшная картина беспорядочного отступления самых разнообразных воинских частей и формирований. Тянулись артиллерийские части; неслись на рысях группами и в одиночку, обгоняя пехотные батальоны, кавалеристы; по дорогам и без дорог, куда ни глянь, тянулись обозы, кухни, шла без строя и в строю пехота.

Мы шли на Илово. День был жаркий, всё было окутано пылью. Я шёл пешком, отдав свою двуколку для раненых. Перед нами в разных местах рвались снаряды. Казалось, что мы идём прямо на обстреливаемые перед нами площади. Снаряды рвались всё чаще. Солдаты роты носильщиков кое-где отбегали от вереницы наших двух с лишним сотен телег, на которых лежали и сидели беспомощные люди, требовавшие наблюдения. Я обходил все телеги. Спокойно и дружески разговаривал с ранеными, стремясь вызвать у них презрительные насмешки над теми, кто метался из стороны в сторону, теряя спокойствие. Ведь совершенно же ясно было, что убежать было совсем некуда: мы были видны со всех сторон и являлись хорошей целью для обстрела. Нужно было выполнять приказ об отступлении в Илово, где была

приготовлена стоянка на ночь. Но там, впереди, где должно было показаться Илово, вздымались к небу столбы чёрного дыма от пожаров, вызванных артиллерийскими снарядами.

Я видел, как в разных местах офицеры — пешие и на лошадях — собирали солдат, у которых были винтовки, вели их поодаль от дороги и развёртывали цепи. Но кое-где солдаты подымались и бежали к дороге, чтобы смешаться с беспорядочными массами отступающих.

Настоящая паника началась как-то неожиданно и сразу охватила всё поле и все дороги, по которым шли преимущественно обозы и нестроевые части. По дороге, в сопровождении ординарца, быстро пронёсся рысью офицер, повторявший громко и внятно команду о развёртывании охранных стрелковых цепей слева от дороги, откуда, по-видимому, была опасность появления немецкой конницы. В этой команде слышны были слова «немецкая конница слева». Передние обозы понеслись, за ними безудержно бросились бежать, кто во что горазд, все, кто только мог. Я по своему характеру отношусь к людям робким, но всякая бессмысленная паника вызывает у меня непреодолимое чувство отвращения и презрения. Я пытался стоять, удерживать, стыдить.

Когда я увидел, как офицер шашкой пытается обрубить построения лошади, запряжённой в парную телегу, я с двумя нашими солдатами из роты носильщиков пытался его удержать, стыдил его, как презренного труса. В конце концов, мы отобрали у него шашку. Он производил впечатление обезумевшего, невменяемого человека. Мимо нас в хаотическом беспорядке неслись военные повозки, с которых на ходу выбрасывали ящики и утварь. На дороге оставались телеги без лошадей. Это была самая отвратительная и унижительная картина, какую только можно было себе представить. К счастью, обстреливаемая артиллерией площадь была неглубокой и, выйдя из-под обстрела, мы ещё засветло добрались до Илово. Здесь постепенно собирались разбитые паникой отступавшие и находили свои части.

Придя позже других врачей (так как я был без лошади), я воспользовался всеми удобствами подготовленного ночлега. Наши линейки и телеги с ранеными были, к счастью, целы. Нужно было с утра передавать раненых в подошедший поезд. Но утром произошло нечто гораздо худшее, чем то, что я видел по дороге из Сольдау.

Когда на восходе солнца я вышел умываться, совсем невысоко, сверкая в лучах только что взошедшего солнца, приближался дирижабль. По обыкновению отовсюду началась стрельба из винтовок и револьверов. Дирижабль пролетел прямо над нашими головами и, пролетая над железной дорогой, сбросил один за другим два крупных разрывных снаряда. В это время я увидел, как вынеслась на поляну артиллерийская батарея, как быстро были отведены лошади, и начался обстрел дирижабля. Снаряды рвались то впереди него, то сбоку. Круто развернувшись, дирижабль скрылся за лесом. Вечером, когда мы были уже в Млаве, привезли 12 немецких военнопленных, в том числе одного врача из этого дирижабля. Дирижабль подбили, и он снизился в расположении нашей казачьей части. Вагоны с ранеными не пострадали. Были разрушен путь и погнуты от взрыва рельсы, уничтожен служебный вагон.

Пока я рассматривал повреждение поезда, оказывается, пробуждённые взрывами обозники и другие солдаты, в том числе и наша рота носильщиков, бросились бежать по дороге на Млаву. Разыскав нескольких оставшихся, я с ними к вечеру добрался до города, где мы оставались несколько дней, пока наводился порядок, формировались собравшиеся части и т. д.

Затем нашему лазарету приказано было направиться через Прасныш к Йоганесбургу, куда переброшен был один из полков нашей дивизии. Через два или три дневных перехода мы вышли на дорогу, с двух сторон которой было непролазное болото, из которого торчали завязшие пушки, военные повозки, снарядные ящики... Это были следы катастрофического отступления корпуса генерала Иванова. Здесь мы получили приказ вернуться по дороге к Праснышу. На этом пути все наши линейки (каждая на четверо подвесных носилок) были заполнены ранеными. Когда мы выходили из леса в 5–8 км от Прасныша, по обочинам и по самой дороге двигались и ползли раненые. Их было много. Мы взяли столько, сколько было возможно, и должны были с болью проходить мимо остальных раненых, умолявших о помощи. Нас торопили, так как перед нами спешно рыли окопы и развёртывали передовое охранение.

Придя в Прасныш, где находился штаб корпуса и были развёрнуты передовые госпитали, мы передали им привезённых раненых, и у меня возникла мысль попытаться ещё до ночи вывезти хотя бы часть тех раненых, которые остались в зарослях леса и по дороге. Я отправился к дивизионному врачу Ларисову и просил его разрешить взять линейки и спешно поехать за ждущими помощи солдатами. Он по-солдафонски наорал на меня, чтобы я ждал приказа и не совался, куда мне не приказано. Позднее он в более сдержанном тоне объяснил, что каждую минуту может придти приказ выслать линейки в другое место и что же он сможет тогда ответить? Смиловившись, наконец, он сказал, что если я настаиваю, то я должен идти в штаб корпуса и просить разрешения там. В штабе корпуса дежурный очень доброжелательно выслушал меня и сказал, что ночью, вероятно, придётся уходить из Прасныша, но до ночи я могу взять линейки (фургоны для раненых) и, если найдутся добровольцы, отправиться с ними за ранеными. Со всею мыслимой спешностью я доложил об этом дивизионному врачу. Я был чрезвычайно обрадован, когда со мною пожелал отправиться один из врачей дивизионного госпиталя доктор Казицкий. Из роты носильщиков набралось достаточно солдат, и с четырьмя фургонами мы вдвоём на верховых лошадях выехали из Прасныша. Нас пропустили через окопы, уже занятые передовым охранением и казачьими патрулями, но нам не пришлось ехать далеко, так как очень скоро мы до предела заполнили наши фургоны и с горестной болью, невзирая на просьбы и мольбы остающихся других раненых, благополучно вернулись в город.

Ночью действительно получен был приказ оставить Прасныш и двигаться к Носаржевскому лесу. В этом вековом сосновом бору мы разбили палатки и, по полученному нами приказу, простояли, сколько помню, недели две. Работы не было. И днём, и ночью до нас доносился гул орудий. По дороге мимо нас проходили воинские части: на впервые появившихся санитарных автомашинах Красного Креста провозили раненых, а мы всё не по-

лучали приказа к выступлению. Осень (конец сентября) была тёплая, стояли ясные солнечные дни, и мы, не отходя далеко от палаток, гуляли по лесу, гонялись за белками, слушали вместо птиц взвизгивания проносившихся на излёте где-то высоко между ветвями ружейных пуль. Наконец пришёл приказ двигаться в Радзинин, где мы получили почту, а через неделю были переброшены (уже во время заморозков) в Варшаву, на Мокотовское поле. Там в ночное время приходилось организовывать вынос раненых.

Располагались мы в больших овечьих сараях. Сена на подстилку было достаточно. И тут я заболел. Сначала, думалось, гриппом или катаральной пневмонией. Случались дни, когда вся рота была занята. Я оставался один в сарае, пока коллеги не возвращались с дежурства. И вот тогда во время обстрелов, когда мне видны были рвущиеся снаряды, я переживал отвратительное чувство жуткого подсознательного страха. До тех пор при обстрелах в Сольдау и под Праснышем я совсем не ощущал страха, так же, как не боялся во время бурных волн на Ладожском озере. Сознание, что никакие мои действия изменить ничего не могут, порождало полное спокойствие фаталистического безразличия. Всё равно ничего изменить нельзя, следовательно, это меня, моего поведения не касается: «храни спокойствие в трудных обстоятельствах...» — по эпикурейскому совету Горація.

Болезнь моя затягивалась, и меня направили в госпиталь. Когда в Варшавском военно-санитарном бюллетене в числе эвакуированных с фронта раненых и больных был назван также и я, меня разыскал и навестил в эвакогоспитале заведующий варшавской санитарной организацией доктор И. В. Поляк. Он хорошо знал меня по Пироговским съездам, а также по Дрезденской и Всероссийской гигиеническим выставкам. По настоянию Поляка, я был перемещён в госпиталь Красного Креста, организованный в Варшаве на средства, собранные еврейской общиной. Он бесплатно обслуживался врачами-специалистами и добровольно работавшими в нём в качестве простых военных сестёр милосердия дамами из кругов еврейской варшавской интеллигенции. Это был очень крупный госпиталь, прекрасно оборудованный и до мелочей тщательно, удобно и уютно организованный. К больным относились с большим вниманием и заботливостью.

По консультации со специалистами у меня была определена плевропневмония. Меня часто навещал доктор Поляк, в госпиталь доставлялись газеты и журналы. Наконец, температура стала снижаться, но ещё долго оставались большая слабость и сильное потение. По заключению эвакуационной лечебной комиссии я подлежал эвакуации в тыл, так как из-за неустойчивости температуры и остающегося плеврита болезнь моя надолго делала невозможным возвращение на работу в условиях фронта. В начале ноября 1914 г. я был эвакуирован в военно-санитарном поезде в Москву, а оттуда направлен в Петербург в распоряжение начальника Военно-санитарного управления Петербургского округа.

Я приехал домой, к семье, на нашу «Полоску» 9 ноября. После ранних морозов в Петербурге стояла дождливая погода. Мне был дан отпуск на два месяца. Дома, несмотря на слабость, я стал постепенно работать во дворе. Нужно было срочно заканчивать устройство погреба, налаживать работу канализации и переводить на зимний режим поле орошения.

Как только я оправился и смог бывать в городе, я поделился всеми моими впечатлениями и мыслями по поводу положения на войне с Иваном Андреевичем Дмитриевым, а также со своими товарищами по кадетской партии П. Н. Милуковым, Д. Д. Протопоповым и А. И. Шингарёвым¹. Мне казалось необходимым рассказать о некоторых, на мой взгляд, существенно важных выводах, сложившихся у меня за пять месяцев непосредственных наблюдений и опыта службы в качестве работника низового звена устаревшей бюрократической военно-санитарной машины. Мне казалось также необходимым добиться признания неправильности муссирования во всей нашей печати точки зрения, будто бы бесчеловечные жестокости, попрание всякой гуманности, вероломство и варварство, разрушение и нарушение всех достижений культуры не присущи самой войне, не её фактическое содержание, а только допущенные немцами «зверства». Я рассказывал о польских и немецких деревнях, о школах и других общественных зданиях, разрушенных артиллерией, о сжигании складов продовольствия и жилых домов, о дорогах, по которым тянутся толпы изгоняемых («эвакуированных») из прифронтовой полосы женщин, детей, стариков, о насильственном (и неизбежном) отнятии скота и продовольствия утомлёнными и голодными солдатами, об установке тяжёлой нашей артиллерии часто в непосредственном соседстве с развёрнутыми госпиталями и т. д. Неизбежный ответный обстрел артиллерийских позиций противником изображается тогда не как обычное проявление сущности войны, а как «нарушение» якобы существующих её правил и необычное зверство. А все приёмы допросов захваченных «языков»! Война срывает всякий покров приобретённой и с таким трудом воспитанной культуры и гуманности и обнажает звериные нравы вышедшего из привилегированных сословий офицерства и даже врачей. Я рассказывал о повседневном привычном «мордобое» офицерами нижних чинов. Нужно всю силу просветительного воздействия литературы направить против самой войны, как той формы варварства, которая абсолютно несовместима с существующим уровнем народного сознания и культуры.

Все мои доводы по этому пункту, невзирая на признаваемую собеседниками полную верность и глубокую искренность моих наблюдений, не находили у названных выше моих собеседников никакого отклика. Они отклонялись простым замечанием: «Это вопросы не практической политики». Другой мой вывод был — о недостаточности и непригодности военно-бюрократических медицинских учреждений для санитарного и врачебного обслуживания и самой армии, и прифронтовых полос с эвакуированным населением, с массами беженцев, и потому о необходимости неотложно и спешно организовывать соответственные общественные учреждения, оснащённые современными техническими средствами и методами

¹ Шингарёв Андрей Иванович (1869–1918) — земский деятель, врач, публицист, один из лидеров кадетов. Депутат 2-й–4-й Гос. дум. В 1917 министр Временного Правительства. Зверски убит вместе с Ф. Ф. Кокошкиным матросами-анархистами в больнице. См.: *Френкель З. Г.* Основной мотив общественной и политической деятельности у А. И. Шингарёва и Ф. Ф. Кокошкина // *Русский врач.* 1918. № 2.

общественно-санитарной работы. Этот вывод не встречал возражений, и потому признавалось вполне своевременным сосредоточивать внимание на этой проблеме в журналах «Земское дело» и «Городское дело», а также в газетах и кругах Государственной думы.

С оставшимися на фронте моими сотрудниками и сослуживцами, а в особенности с моим денщиком, который был для меня самым дорогим товарищем и другом, поддерживались у меня отношения путём переписки. Они ожидали скорого моего возвращения, но дело повернулось по-иному.

Фронтовой опыт привёл меня к выводу, что главное условие против эпидемической опасности в армии — это не только проведение иммунизации прививками, но, прежде всего, исчерпывающе полная противоэпидемическая обслуженность прифронтовой полосы и районов формирования войсковых частей, направляющихся к фронту. Такая обслуженность требует организации сети общедоступной врачебной помощи (по типу участковой медицины с участковыми же лечебницами), поэтому общественным организациям (земскому и другим союзам) следует взять на себя выполнение этой задачи. В то же время, в этой полосе должны быть хорошо оборудованные прифронтовые тыловые больницы и госпитали для разгрузки военных госпиталей. Во всех областях и городах следует организовать всесторонне оборудованные в санитарно-техническом отношении крупные эвакуогоспитали. Они должны организовываться с учётом их последующего послевоенного использования для обслуживания населения. Чрезвычайно важна разработка проектов водоснабжения и канализации городов. Некоторые из этих взглядов были обоснованы мною в особой записке, а позднее вошли в мою статью, напечатанную в «Общественном враче».

Я подробно излагал все эти соображения Ивану Андреевичу Дмитриеву. С полной откровенностью рассказал ему о безнадежном бюрократизме военно-санитарной службы, связанности военных врачей субординацией и опутывающими всякое живое проявление инициативы уставами и приказами. Иван Андреевич уже занимался в это время организацией «Земского и городского союза для помощи раненым и больным воинам»¹. У него возникла мысль добиться через начальника Военно-санитарного округа назначения меня на работу в столице в том или ином военно-санитарном учреждении, с тем, чтобы я принял участие в деятельности областного петербургского комитета «Союза городов» по осуществлению системы предлагаемых мною форм помощи общественных организаций военно-санитарному ведомству.

По просьбе Ивана Андреевича, приказом начальника Военно-санитарного округа я по выздоровлении должен был явиться в Главный петербургский Николаевский военный госпиталь для работы в лаборатории клинической диагностики. Госпиталь находился на Суворовском проспекте. Главным врачом лаборатории был доктор Окунев, а старшим вра-

¹ Сокращённо «Земгор», объединённый комитет Земского и Городского союзов, создан 10 июля 1915 для помощи правительству в организации снабжения русской армии. Октябрьскую революцию встретил враждебно, в январе 1918 упразднён декретом Совнаркома.

чом отделения клинической диагностики и бактериологии был призван из запаса М. М. Гран. Его помощниками были доктор Ширвинд и я. Кроме того, в лаборатории работали студенты последнего курса Военно-медицинской академии.

В лабораторию нужно было являться без опоздания к 9 часам утра. В это время происходило распределение присланных на исследование из всех отделений госпиталя материалов между отдельными врачами, причём М. М. Гран, сверх своей доли исследований, во всех более ответственных или сложных случаях консультировал и проверял исследования и других врачей.

При наличии в госпитале более трёх тысяч больных число присылаемых на исследование мокроты и мочи вновь поступающих в госпиталь больных было очень велико. Пробы мокроты и мочи у них отбирались студентами под непосредственным контролем врачей. Мокрота от каждого больного обязательно исследовалась на присутствие в ней туберкулёзных палочек, диплококков пневмонии, стрептококков и пфейферовских бактерий.

Лабораторные врачи наравне со всеми другими врачами госпиталя несли в порядке общей очереди суточные дежурства. Обычно работа в лаборатории заканчивалась к 3 часам дня. Из лаборатории я направлялся в Областной комитет Всероссийского союза городов. По мере увеличения числа больных и раненых, эвакуируемых с фронта, мест в тыловых госпиталях для их размещения не хватало, и земский и городской союзы взяли на себя задачу открывать в помощь военному ведомству временные госпитали. Помимо ассигнования земствами и городами специальных средств на оборудование и содержание госпиталей, необходима была ещё и большая организационная работа по подысканию, приспособлению и оборудованию помещений под госпитали, по снабжению их необходимым инвентарём, медикаментами, подбору врачебного и прочего персонала. Для руководства этой огромной работой был создан врачебно-санитарный отдел Областного комитета Союза городов и при нём, в качестве специального рабочего органа — справочное санитарно-техническое бюро. Я был приглашён для устройства этого бюро и последующего руководства его работой.

Как было упомянуто выше, все врачи Главного (Николаевского) военного госпиталя поочерёдно несли суточные дежурства, во время которых обязаны были один-два раза в течение ночи обойти все отделения и палаты этого огромного учреждения для контроля над ухаживающим персоналом, оказания неотложной помощи в экстренных случаях; должны были проверить работу дезинфекционной камеры, принимать поступающие пищевые продукты (молоко, мясо, рыбу, хлеб и пр.), вести работу в приёмном покое и т. д. По истечении суток дежурный врач должен был составить отчёт. Для большей конкретности приведу случай сохранившуюся среди моих бумаг запись о таком дежурстве:

«Дежурный ординатор: лекарь З. Г. Френкель.

Пятница, 27.Ш.1915. Принял дежурство в 2 часа дня. С 2.30 до 3.30 — осмотр прачечной. Принято 52 пуда грязного белья. Загружены две паровые камеры по 10 пудов для мягких госпитальных вещей. Забучивание белья

с прибавлением на ведро 12 золотников¹ соды и скипидара. Дезинсекция. В верхнем этаже здания прачечной в помещении прачек обнаружены две большие прачки: 1)...суставной ревматизм, подозрение на Lues; 2) ...эпилепсия (после припадка).

С 4 до 4.30 — Проба ужина в госпитальной кухне и осмотр продуктов.

5 часов — Эпилептический припадок в палате № 22.

С 5.30 до 6.30 — Приём больных в приёмном покое (один из них с подозрением на брюшной тиф).

С 6.30 до 7 — Осмотр мяса, сметаны, сала и овощей на кухне и в подвале.

С 8 до 9 — Опять припадки (тяжёлая истерия) в палате № 22.

С 9 до 11.30 — Обход палат №№ 100-106, 23-25, 60-67. Тяжело больные, 1 — с подозрением на рожистое воспаление, один — крупозное воспаление.

С 11.30 до 1 ч. ночи — Сильное зловоние в клозете на 3 этаже.

С 5.30 до 6.30 утра — Приём и исследование молока. Уд. вес 1030, жирность — 3,3–4,3». И т. д.

Для меня выполнение обязанностей по дежурству представляло большой интерес, так как позволяло ознакомиться со всей структурой и организацией дела в военном госпитале, со всеми его санитарными службами, а также и потому, что при передаче сведений о моих наблюдениях и распоряжениях во время дежурства в разных отделениях, я имел случай лично познакомиться со многими врачами (Блюменау, Аствацатуров, Омельченко, Крогиус и др.).

Работа в лаборатории Николаевского госпиталя была прервана неожиданной для меня командировкой в Двинск для организации и проведения лабораторной работы во временном госпитале для сыпнотифозных больных, открытом осенью 1915 г. в связи со значительным развитием тифозных заболеваний на Двинском фронте. Для меня эта очень ответственная работа была облегчена благодаря большой опытности командированного вместе со мной доктора Ширвинда. Наряду с больными сыпным тифом в госпиталь направлялись в значительном числе также больные с брюшным тифом. Мне представлялось совершенно необходимым познакомиться непосредственно с условиями пребывания и питания солдат в окопах и на передовых позициях, откуда поступали больные. Для этого я воспользовался своим близким знакомством ещё по Костроме с уполномоченным Земского союза Г. Н. Юницким. Однажды с разрешения военного начальства я объехал с ним на его машине наши передовые позиции. Не доезжая до окопов, мы выходили из машины и по укрытым ходам сообщения проходили в передовые траншеи, осматривая всё их устройство. Несколько раз при приближении к окопам появление нашей машины вызывало обстрел. Снаряды взрывались, подымая огромные чёрные столбы земли и дыма, то перед нами, то довольно далеко сзади, когда мы уже шли по окопам. Мы прошли к землянке командира. Это был призванный из запаса студент-математик. В условиях позиционной войны он готовился к государственному универ-

¹ Пуд = 16,38 кг; золотник = 4,266 г.

ситетскому экзамену. Ознакомившись с условиями смены частей, их снабжением и условиями их обслуживания, мы к вечеру вернулись в Двинск. Только после почти полного прекращения эпидемической волны сыпнотифозных заболеваний мы были отозваны в столицу.

Из-за недостатка пептона, необходимого для снабжения бактериологических лабораторий средами, в лаборатории Главного военного госпиталя было налажено изготовление пептона из мяса путём длительного вываривания его в слабых растворах серной кислоты и последующего отмывания. По распоряжению главного врача я был привлечён к этим работам. Затем в течение летних месяцев мне поручен был контроль за работой по месячному выдерживанию мясных консервов в обширных термостатных камерах с ежедневной проверкой установленного в них температурного уровня, а также санитарный контроль за военно-продовольственными складами в холодильниках. В ходе этих работ я ознакомился с условиями санитарного контроля в некоторых отраслях продовольственного обеспечения армии.

Моя деятельность в Вологодском и Костромском губернских земствах по организации врачебно-санитарного обслуживания населения научила меня идти не бюрократическим путём (когда сначала устанавливаются и утрясаются штаты, инструкции, положения), а всегда начинать делать непосредственную живую работу по удовлетворению уже выяснившихся и требующих осуществления запросов. Я старался привлечь к выполнению этой работы имеющихся налицо подходящих работников, отвечающих по своей подготовке и общественной направленности данному делу. Только в процессе роста и развития деятельности, возрастания загрузки основных помощников привлекались сотрудники для конкретных определённых нужд. Так я вёл работу и теперь — в областном комитете Союза городов.

На всех этапах развёртывания работы санитарно-технического бюро возникавшие проблемы и перспективы расширения организации обсуждались коллективно сотрудниками бюро и представителями тех организаций и учреждений, запросы которых обслуживались, — разумеется, с привлечением сведущих специалистов в данном деле. При такой организации работы само собою складывалось некоторое основное ядро заинтересованных в ней работников; речи не могло быть о раздутых штатах, исчезал всякий риск появления хотя бы в зародыше бюрократизации дела.

Первым к работе в санитарно-техническом бюро я привлёк Дмитрия Валентиновича Нагорского. Инженер по образованию, Дмитрий Валентинович вёл в Политехническом институте курс строительного дела и по оборудованию зданий отоплением, водоснабжением и канализацией. Инициативный, подвижный, он очень интересовался внедрением новейших приборов и технологий в отопление и санитарное оборудование военных госпиталей, временных больничных и других военно-санитарных учреждений. Он охотно выезжал в прифронтовые районы для непосредственного руководства лучшим устройством госпиталей. Дмитрий Валентинович был сыном В. Ф. Нагорского, одного из организаторов земского ветеринарного дела в С.-Петербургской губернии. На основании первых его удачных опытов по оказанию помощи в обеспечении водою временных госпиталей им было составлено руководство, которое я поместил в одном из выпусков

«Материалов...» бюро. Быстро увеличивалось число заявок о помощи в составлении проектов и планов постройки и оборудования в прифронтовой полосе и в тылу госпиталей, бань и прачечных, дезинфекционных установок. Пришлось вскоре привлечь в помощь Дмитрию Валентиновичу архитекторов, инженеров и других специалистов.

Особенно много заявок на техническую помощь по строительству в прифронтовой полосе и в глубоком тылу было там, где размещались госпитали. Узнав о том, что в одном из военных эвакуогоспиталей в Петербурге работает весьма квалифицированный врач из Москвы Яков Юл. Кац, я пригласил его работать по совместительству у нас в бюро. С его участием у нас сложилось деятельное ядро, совместно решавшее все возникавшие дела и сообща намечавшее новые начинания. Поставив перед собой задачу содействовать рациональной постановке мероприятий по предупреждению и борьбе с эпидемическими заболеваниями в Петербургской губернии, в особенности в местах развёртывания военных госпиталей, мы с Як. Юл. Кацем считали, что основным условием для всякой рациональной противоэпидемической работы является создание на местах общедоступной врачебной помощи, устройство сети участковых лечебниц с инфекционными отделениями и с использованием общественной самодеятельности. Мы обратились во все города, уезды и к участковым врачам с письмом, в котором обосновали необходимость присылки в наше бюро регулярных сведений о работе врачебно-санитарных учреждений и об эпидемических заболеваниях.

Для выездов на места при появлении эпидемических заболеваний, не только для обследований, но и для созыва на месте врачебных совещаний и выработки плана всех возможных предупредительных мер, на работу в бюро была приглашена Екатерина Ильинична Мунвез (тогда носившая фамилию по мужу Эльштейн)¹. Перед тем она заведовала военно-санитарным поездом, вывозившим раненых и больных воинов из прифронтовой полосы. Приглашая Екатерину Ильиничну на работу в бюро, я учитывал хорошее знакомство её с участковой земской медицинской работой, так как до войны она служила земским участковым врачом в Пермской губернии, а раньше работала эпидемиологом.

Отчёты Я. Ю. Каца и Е. И. Мунвез о каждом выезде в районы и города и о проделанной ими там работе редактировал обычно я, после чего они печатались в текущих выпусках «Материалов врачебно-санитарного отдела и санитарно-технического бюро Областного комитета Союза городов».

Для помощи в организации на местах санитарно-просветительной работы в нашем бюро имелось много накопившихся постепенно показатель-

¹ Мунвез Екатерина Ильинична (1881–1962) родилась в Минске в семье купца-землевладельца. С 19 лет в семье не жила по идейным соображениям. В России, как политически «неблагонадежная», в вуз поступить не смогла, окончила Цюрихский медицинский институт в Швейцарии. Вскоре после знакомства с З. Г. Френкелем стала фактически его второй женой. В сентябре 1919 у них родился сын Илья, которому З. Г. дал свою фамилию. Но из первой своей семьи он не ушёл. Только после смерти Любви Карповны в 1948 г. стал жить с Е. И. Мунвез одной семьей.

ных таблиц, моделей, плакатов, снимков, диапозитивов и пр., прежде всего тех, которые можно было приобрести в Москве, в Пироговской комиссии по распространению гигиенических знаний (при правлении Пироговского общества). Главными работниками этой комиссии были А. В. Мольков и А. П. Молькова.

Дальнейшим шагом в развитии деятельности бюро по санитарному просвещению было приглашение для заведования передвижной выставкой по гигиене и борьбе с эпидемиями Е. Песковой, которая раньше вела эту работу в Екатеринославском земстве. Она с большим энтузиазмом, не щадя своих сил, занималась развёртыванием и работой передвижной выставки. Помещённые мною в «Материалах...» отчёты Е. Песковой представляют большой интерес для истории санитарно-просветительной работы врачебно-санитарной организации Северо-Западной области.

Много труда потребовалось на устройство плавучего госпиталя на баржах, буксируемых по рекам и каналам Мариинской системы¹. В летний период госпиталь занимался эвакуацией больных и раненых в далёкие от железных дорог города. Чтобы избежать размыва берегов каналов, передвижение судов по ним допускалось только очень медленное. Поэтому из Петербурга в Кириллов или Вытегру эвакуированные доставлялись около месяца. Сама собою возникала мысль, чтобы этот срок был использован не только для перевозки, но и для лечения. Чтобы добиться затраты наименьших средств на строительство самих судов, по совету моего близкого друга Ивана Васильевича Замыслова, бывшего члена 1-й Государственной думы от крестьян Варнавинского–Ветлужского края, были ранней весной куплены за ничтожную сумму стоявшие на Невке и предназначенные уже на слом две очень крупные по размерам баржи, на которых до войны перевозили из Астрахани в Петербург соль. В санитарно-техническом бюро были разработаны проекты постройки и оборудования на этих баржах госпиталя, предназначенного для лечения и доставки больных и раненых в города, расположенные по берегам рек и каналов.

Идея использовать водные пути для эвакуации и лечения раненых воинов принадлежала члену Областного комитета Союза городов В. В. Милютину, выступившему с докладом по этому вопросу в начале лета 1915 г. Эта идея показалась мне очень удачной и важной, и я напечатал доклад Милютина в III выпуске «Материалов...» за июнь–июль 1915 г. В том же выпуске было напечатано также моё сообщение о значении скорейшего осуществления проекта постройки плавучих госпиталей с приложением разработанных проектов такого госпиталя на 240 мест (на двух баржах) с операционными и всем оборудованием.

После покупки барж за весну и начало лета было выполнено строительство и полное оборудование плавучего госпиталя. Организационный талант, умение и настойчивость проявила при этом Екатерина Ильинична, на которую был возложен медицинский контроль над этим проектом. По

¹ Искусственный водный путь, соединяющий Волгу с Балтийским морем. Начал сооружаться ещё при Петре I. Часть каналов (канал) того времени сохранились до сих пор.

окончании оборудования госпиталя был подобран весь персонал от санитаров и санитарок, поваров и сестёр до заведующего врача. При отборе раненых и больных преимущество отдавалось самым ослабленным из них, с вялым затяжным течением заживления ран и восстановления здоровья.

Законтрактованный Союзом городов буксирный пароход повёл обе баржи вверх по Неве, а затем — по приладожским каналам и реке Свирь. Недели две спустя после начала рейса при одной из моих поездок я догнал плавучий госпиталь, стоявший у берега. В роще прогуливались наиболее окрепшие выздоравливающие раненые и больные. Другие лежали и сидели на верхних палубах и в палатах при открытых окнах, пользуясь тёплой летней погодой. Врачей поражало необычно скорое улучшение здоровья их подопечных и вполне благоприятное течение раневых процессов.

Тщательно ознакомившись со всеми условиями, сложившимися в первые же недели на плавучем госпитале, из разговоров с больными и персоналом, я пришёл к неожиданному для самого себя убеждению, что среди причин отмеченного всеми благоприятного результата на первое место следует ставить вовсе не физиотерапевтические воздействия природных условий, а преимущества в организации питания, ухода и врачебного наблюдения за больными на плавучем госпитале сравнительно с госпиталями в Петербурге. Провизия закупалась на месте (свежие яйца, молоко, птица, рыба, овощи и пр.). Порции не терпели ущерба, так как ни повара, ни санитарки, ни другой персонал не могли уносить готовую пищу, чтобы подкармливать своих домашних. Никакое совмещение ни для врачей, ни для прочего персонала не было возможно. Весь персонал жил на тех же баржах и, естественно, отдавал на обслуживание и наблюдение за больными гораздо больше своего времени. Устанавливалась атмосфера сближения с ранеными и постоянного внимания к ним.

Лето 1916 г. памятно мне тем, что с самого его начала и до конца августа я оставался в Лесном на нашей «Полоске» один. Любовь Карповна приняла предложение комитета Союза городов взять на себя организацию и устройство крупного госпиталя санаторного типа на южном берегу Крыма в Судак для выздоравливающих воинов, перенесших операции после тяжёлых ранений или больных туберкулёзом. У нас весною пробыл несколько дней Александр Николаевич Меркулов, один из наиболее энергичных деятелей Центрального комитета Союза городов по устройству военных госпиталей. Это была его мысль — устроить госпиталь на южном берегу Крыма. Озабоченный подбором надёжного персонала, он настойчиво убеждал Любовь Карповну взять на себя руководство организацией и ведением всего хозяйственного дела. Дав своё согласие, Любовь Карповна, с присущей ей тщательностью, стала готовиться к предстоящей работе: посещала лучшие госпитали Союза городов в Петербурге, знакомилась с постановкой в них хозяйства, с оборудованием помещений и инвентарём, изучала соответственные инструкции и отчёты и пр. Она решила взять с собою в Судак всех трёх наших дочерей, как только закончатся их занятия в Лесном коммерческом училище, где они учились.

В то лето я как-то особенно сильно загружен был работой. Ранними утрами (с 5 часов, а то и раньше) я торопился выполнить неотложные

очередные дела в саду . Это была непреодолимая нужда и потребность. Ей я отдавался, пока всё было погружено в сон. Затем, наскоро приняв ванну, спешно готовился к работе, копался в справочниках, писал черновики. Каждый день с 9 часов утра я должен был три-четыре часа работать в лаборатории Николаевского военного госпиталя, а остальную часть дня отдавал санитарно-техническому бюро. Деятельность последнего сильно разрасталась. Нужно было готовить вопросы к съезду представителей городских комитетов Северной области, принимать участие в разработке типовых проектов госпиталей и их санитарно-технического оборудования, постоянно консультировать по поступавшим с мест вопросам по организации противоэпидемических мер в местностях и городах, где были открыты госпитали и другие учреждения Союза городов. Приходилось также участвовать в наблюдении за оборудованием ещё двух плавучих госпиталей на баржах.

Возвращаясь после рабочего дня на «Полоску», я имел возможность в длинные летние дни ещё часа два-три, до 10–12 часов вечера, так же, как и утром, предаваться работе в саду: окапывал яблони, оправлял грядки малины, удалял сорняки, пересаживал кусты, ухаживал за огородом (грядками цикория, помидоров, фасоли, бобов) и цветниками.

Ко мне несколько раз заходил профессор Георгий Степанович Кулеша, в то время с большой любовью устраивавший цветники и сад на участке подле своего дома в Лесном. У него уже были прекрасные штамбовые и вьющиеся полиантовые розы, а я только пытался их развести на «Полоске». Зато у меня было несколько сортов замечательной малины. Они обильно плодоносили благодаря тому, что я каждый вечер поливал их водою из дренажного колодца, куда собиралась вода с полей орошения.

Г. С. Кулеша в то время занимал должность главного санитарного врача водных путей Санкт-Петербургского округа. Он с большим интересом отнёсся к моему маленькому полю орошения. Его поражала простота устройства и безукоризненная работа собственноручно мною устроенного и обслуживаемого поля орошения (площадью не более 80 кв. м). У него зародилась мысль устроить такое же поле орошения для очистки сточной воды дома для рабочих и служащих на водоподъёмной станции ключевого водоснабжения подле Тайцев (Орловские ключи). Водою этого водопровода снабжалось Царское Село. Чтобы избежать загрязнения района питания Орловских ключей, из каптажных¹ колодцев которых забиралась вода, нужно было сточную воду отвести в сторону и подвергнуть надёжной очистке. Надеюсь получить согласие на осуществление этого проекта начальника С.-Петербургского округа путей сообщений (это был крупный генерал), Г. С. Кулеша привёз его ко мне на «Полоску», чтобы показать поле орошения в действии. Генерал воочию смог убедиться в санитарных достоинствах моей системы для очистки домовых сточных вод. Затем в ближайшее воскресенье рано утром Г. С. Кулеша заехал за мной на машине и попросил отправиться на водопроводную станцию в райо-

¹ Каптаж — инженерно-технические сооружения, обеспечивающие доступ к подземным водам с поверхности земли.

не каптажа Орловских ключей для составления на месте предложений об устройстве поля орошения.

Это была очень интересная для меня поездка. По пути я впервые ознакомился с Пулковскими высотами. Недолгая остановка в Пулкове всё же позволила полюбоваться сверху, из парка у Обсерватории (от которого после немецкого нашествия не осталось ни одного дерева), на Пулковский меридиан. На Орловских ключах в каменном двухэтажном доме половина верхнего этажа была занята лабораторией и музеем гидробиологических культур, собранных при изучении ключевых вод и сохранявшихся заведовавшей лабораторией сотрудницей профессора Кулеши. Сточные воды из дома для рабочих и служащих подавались эжекторной¹ установкой инженера-сантехника К. Д. Грибоедова² вверх на заболоченный луг, где выпускались без всякой очистки.

При подробном ознакомлении с местными условиями и материалами гидрогеологических обследований и съёмок, у меня составилось предположение о возможности устроить поле орошения с инфильтрацией в борозды между грядок, с устройством отвода очищенных вод в сторону от направления подземных потоков, питающих каптажные сооружения для сбора ключевых вод. Для подробного составления проекта поля орошения я привлёк работавшего под моим руководством молодого инженера Марголиса. Мне пришлось ещё несколько раз побывать на Орловских ключах, когда там уже осуществлялся наш проект устройства поля орошения — летом 1917 г. Грядки между бороздками использовались под огородные культуры. Увы! После немецкого нашествия от этого санитарно-технического культурного сооружения не осталось и следа! Приехав на станцию ключевого водоснабжения города Пушкина (Царского Села) в 1950 г., я не нашёл прежнего поля орошения, а сточные воды скопились прямо в заболоченном лугу.

Живо вспоминается мне и более отдалённая поездка на машине в то лето с Георгием Степановичем для осмотра больниц для судорбочих на приладожских каналах в Кобоне и Новой Ладоге. Когда-то, в 1896–1898 гг., я тратил целые сутки, чтобы попасть из Петербурга в Новую Ладогу. Теперь на хорошей машине мы через два-три часа уже пересекали речонку Шальдиху, струившуюся по слоям обнажённых девонских плитняков, с густыми зарослями ольхи по берегам.

Мне вспомнились мои весенние прогулки по этим береговым зарослям двадцать лет назад. Вспомнилось, как однажды я долго наблюдал ворону, которая сидела на склонившейся к воде ветке ольхи. Она терпеливо высматривала подымавшуюся вверх против течения рыбу, и когда та проплывала в тонком слое воды над оголённой плитой, быстро бросалась с ветки в воду и вытаскивала трепещущую рыбу. С нею она улетала. Либо, не успев захватить добычу, подняв хвост, делала попытку пройти по плите в мелкой струе

¹ Эжектор — отсасывающий аппарат, применяемый в струйных насосах.

² Кстати, нынешний канал Грибоедова (бывший Екатерининский) соорудил также К. Д. Грибоедов, именем которого он и назывался. После Октябрьской революции канал присвоили имя писателя и дипломата А. С. Грибоедова.

воды, но затем опять взлетала на повисшие над водою ветки и пристально всматривалась в воду. Помню, как приковало к себе моё внимание тогда это наблюдение.

На полпути до Новой Ладоги на старом Петровском канале в Кобоне мы осмотрели больничку в старом здании постройки петровской эпохи (на старой канаве Петра I) и затем приехали в Новую Ладогу, посмотрели деревянное здание новой больницы для судорабочих, разместившуюся на обширной песчаной площадке за «новой канавой». Здесь вполне можно было бы устроить поле орошения и организовать использование его под огород.

Мы успели на машине вернуться к вечеру обратно. Никогда не забыть мне жуткого недоумения, когда, подъезжая к «Полоске», я не увидел двухэтажного деревянного дома, стоявшего как раз против нашей калитки. В течение года дом этот пустовал. Теперь его спешно приспособляли под небольшой госпиталь для эвакуированных воинов. Было непостижимо, куда же он мог исчезнуть в течение одного дня?! Я вышел из машины и побежал не на «Полоску», а на место, где ещё утром был двухэтажный дом. Там были лишь остывающие зола, угли, да небольшие кучи покрытых копотью кирпичей. На «Полоске» я узнал, что пожар произошёл в обеденный перерыв. Делавшие срочную работу в воскресный день плотники, подгонявшие рамы и двери, ушли на обед, не оставив никакого сторожа. День был жаркий. Сухая июльская жара держалась уже несколько недель. Пожар увидели лишь тогда, когда весь дом был в огне. Пожарных гидрантов в Лесном не было. Пока приехали пожарные бочки и привезли воду из Круглого пруда, пожар успел уничтожить сухой деревянный дом, построенный без фундамента, «на столбах». Ветер был северо-восточный, дым и пламя несло в противоположную сторону от «Полоски». Но всё же остававшаяся одна в доме домработница Евлаша набралась страха.

По моей работе в земстве я всегда был сторонником огнестойкого строительства. Наш деревянный дом на «Полоске» был покрыт сразу, при постройке, гончарной черепицей, а стены предполагалось оштукатурить. Но на это всех наших скудных ресурсов не хватило. Теперь, под свежим впечатлением от пожара в таком близком соседстве, я решил немедленно сделать менее опасной в пожарном отношении, по крайней мере, ту стену, к которой у нас внутри дома примыкала спальня и обе детские комнаты. К моему большому огорчению, прямо против этой стены на расстоянии всего лишь 15 м новый застройщик Богданов построил своего рода «высотный дом» (хотя и деревянный) по проекту архитектора Грабе в стиле северонорвежской готики. На следующий же день я побывал в мастерской по изготовлению бетонных плит и пустотелых бетонных блоков. Там согласились быстро изготовить пустотелые бетонные плиты (10 см толщиной). Недели две спустя их привезли на «Полоску» и прикрепили к стене. Весь мой расход по осуществлению этого защитного покрытия стены в 10 м шириной и 4,5 м высотой составил около 200 рублей. В полной исправности стоит это прикрытие, по красоте не уступающее самой лучшей штукатурке, не потребовавшее ни разу никаких поправок, ремонта и окраски, и поныне, то есть уже более 50 лет.

За лето мне удалось скопить несколько сот рублей, и я до возвращения Любови Карповны, надеясь заслужить её одобрение за мои строительные улучшения, купил на лесном складе дешёвые доски и постлал их лагом на просторном чердаке, чтобы ещё больше отеплить потолки в комнатах, защитить чердак от пыли и создать полную возможность держать его в чистоте. На чердаке под черепичной крышей, высоким и светлом благодаря большим окнам в торцах, я устроил из дюймовки большие закрывающиеся книжные шкапы для размещения книжных и журнальных накоплений. Они и теперь служат своему назначению. Однако, к моему удивлению и большому огорчению, по возвращении Любови Карповны мои строительные новшества не встретили одобрения; напротив, я заслужил лишь упрёки за ненужную расточительность.

В 1916 г. у нас возобновились дружеские отношения с семьёй Александра Фёдоровича Никитина. После переезда из Нижнего Новгорода в Петербург Александр Фёдорович окончательно сосредоточил свою работу на кафедре гигиены в Институте усовершенствования врачей. Он был ближайшим помощником Григория Витальевича Хлопина и на этой кафедре, и во врачебно-санитарном отделе Министерства народного просвещения. Я очень ценил составленную А. Ф. Никитиным книгу в помощь санитарным врачам: «Практическое руководство по способам санитарно-технических обследований и основных санитарно-гигиенических исследований». Затем Александр Фёдорович переключился на исследования по школьной гигиене. Его книга по гигиенической оценке учебников положила у нас начало гигиеническому нормированию печатных изданий вообще и в особенности школьных учебников и литературы для детей. Жена Александра Фёдоровича — Мария Максимовна Бокаушина была близким другом Любови Карповны. Ещё в 1895–1896 гг. они вместе учились на курсах лекарских помощниц у Лесгафта. Я тоже хорошо знал её по летней работе в больнице для судорабочих в Новой Ладоге. Среди большого числа студенток, сменявших друг друга на работе в Новолadoжской больнице, Мария Максимовна выделялась своим живым деятельным характером, самостоятельностью и прямоотой в суждениях. Теперь она много внимания отдавала своим детям. Все её девочки были примерно одного возраста с нашими старшими дочерьми. Любимцем в семье был младший мальчик дошкольного возраста.

У Никитиных в дни приёмов мы встречались с Николаем Абрамовичем Викдорчиком и его сестрой Елизаветой Абрамовной. У них же мы познакомились с В. Н. Катиным-Ярцевым. Он был доцентом при кафедре болезни уха, горла, носа в Военно-медицинской академии, при кафедре В. И. Воячека и консультантом в нескольких госпиталях. Производил впечатление знающего и уверенного в себе специалиста; со студенческих лет сохранились у него связи с социал-демократическими левыми кружками. Когда сейчас я вспоминаю о нашем знакомстве с Катиным-Ярцевым, у меня встают в памяти волнения и трагический ужас, пережитые мною и всей нашей семьёй после операции по удалению аденоидных носоглоточных разражений осенью 1916 г. у нашей дочери Лидиньки.

Ей было тогда 14 лет, она часто страдала ангинами, а аденоидные разражения затрудняли у неё дыхание и вызывали головные боли. Катин-Ярцев

после тщательного обследования посоветовал хирургическое удаление этих разражений. Операцию произвёл он сам лично. Присутствовала и помогала ему при операции Екатерина Ильинична. Лидинька, решившись на операцию, перенесла её стоически. У меня не было убеждения в неизбежной необходимости операции. Я не мог подавить в себе волнение и сострадание к Лидиньке. После операции, прошедшей, по его мнению, совершенно благополучно, Катин-Ярцев уехал, а Екатерина Ильинична осталась — больше для спокойствия Любви Карповны и моего.

Через несколько часов, невзирая на все меры, кровотечение из оперативной раневой поверхности настолько усилилось, что больная невольно заглатывала большое количество крови. Это вызвало сильную рвоту с кровавыми сгустками. Проглатывание кусочков льда не помогало, рвотные движения и напряжение её ещё больше усиливали потерю крови. С трудом по телефону удалось связаться с Катиным-Ярцевым. Он был очень удивлён. Всё, что он мог предположить, — всё было уже перепробовано. Потеря крови была так велика, что Лидинька явно слабела. Было невыносимо мучительно видеть и переживать безысходность положения. У меня были минуты полного отчаяния. Только к утру кровотечение прекратилось. Совсем ослабевшая Лидинька была в полузабытье. Всё это время оставалась у меня тревога, что опять возобновится рвота сгустками крови. Надежду и самообладание мои поддерживала Екатерина Ильинична, всю эту бесконечно тянущуюся тяжёлую ночь дежурившая у постели больной. Только исподволь оправились Лидинька от последствий потери крови. У меня во всю последующую жизнь не изгладилась боль и смертельная тревога этой ночи.

С последними месяцами 1916 г. связаны гнетущие воспоминания и о моём заболевании тяжёлой глазной болезнью, в результате которой я в течение почти двух месяцев был лишён зрения. Поздней осенью я выкапывал в лесных зарослях молодые самосейные ели и переносил их для посадки вдоль забора «Полоски». Мне хотелось создать из елей, когда они разрастутся, живую зелёную защитную полосу для сада и дома с северной стороны. При этой работе я поранил еловой веткой с иглами правый глаз. Задета была и роговица. В амбулатории глаз промыли, и впустили несколько капель атропина. По-видимому, у меня была какая-то повышенная чувствительность к атропину. Сильнейший конъюнктивит и боли долго не поддавались никакому лечению. Наконец, недели через две или три, я смог вернуться к работе в лаборатории Главного военного госпиталя. После нескольких дней работы, состоявшей преимущественно из приготовления и микроскопирования препаратов из мокроты для выявления пневмококков и коховских палочек, с таким трудом излеченный конъюнктивит возобновился и сразу же принял необычно тяжёлый характер. Встревоженная Любовь Карповна устроила мне приём у Беллярминова, а затем у Н. И. Андогского. Оказалось, у меня краевой кератит¹. Болезнью были поражены оба глаза. Применение атропина резко ухудшило положение. Воспаление затянулось надолго. Мне приходилось оставаться в комнате без света и

¹ Воспаление роговой оболочки, вызванное попаданием пневмо-, гоно-, стафило-, стрептококков и других вирусов и микробов.

носить повязку на глазах. Неустанный уход, промывка мне глаз, заботы и тревоги, поездки со мною на приёмы к глазным врачам — всё это легло на плечи Любови Карповны. Были дни, когда казалось, что у меня развивается паноптальмит¹. В то же время мучили ревматические боли в суставах. Только с февраля болезнь стала отступать. Вопреки требованиям навещавшего меня систематически доктора Ерёмича, настаивавшего на строгом постельном режиме, я стал вставать, преодолевая боли в ногах, общую слабость и резкое ослабление зрения, начал выходить во двор, разгребать снег, колоть и носить дрова.

Я чувствовал большую признательность к исключительно внимательному, благожелательному доктору Ерёмичу, принявшему горячее участие в постигшей меня беде, и не хотел вызывать его недовольства нарушением безусловных требований о соблюдении постельного режима. Всякий раз, ожидая его прихода, я лежал в постели. Я пытался убедить его, что движения, занятия — это необходимое условие жизни организма, питания его тканей, венозного и лимфатического оттока; что только благодаря занятости достигается отвлечение от болей. В его глазах врача-специалиста — это были вздорные соображения строптивого пациента, и он с удовлетворением указывал как, благодаря назначенному им постельному режиму, состояние моё улучшается. Оно, действительно, быстро улучшалось, но только в меру всё более полного перехода моего к работе во дворе. В связи с этим шло улучшение аппетита, самочувствия и общего настроения.

Некоторое улучшение зрения позволило мне перейти к ликвидации запущенности в делах по подготовке к печати материалов Технического бюро и докладов по врачебно-санитарному отделу областного комитета к предстоящему съезду уполномоченных городов Северо-Западной области. Основную задачей представлялось мне тогда закрепление и дальнейшее развитие тех методов и результатов, которые наметились в разрешении санитарно-технических и строительных нужд городов области — осуществлении профилактических мероприятий; предупреждении и борьбе с эпидемиями путём постройки общественных бань, бань пропускного типа, прачечных и дезинфекционных установок, правильной постановке ассенизационного дела в лазаретах, госпиталях, больницах и во всём городе. Вместе с тем, уже вполне выявилась беспомощность городов, с их крайне отсталым и низким уровнем благоустройства и всего коммунального хозяйства, в разработке планов и проектов технически правильного разрешения самых основных вопросов местного санитарного благоустройства, таких, как организация водоснабжения, постройка центрального водопровода или переход от вывозной системы удаления нечистот к устройству сплавных канализаций и пр.

Нужно было закрепить и расширить эту сторону деятельности Союза городов путём втягивания таких его учреждений, как врачебно-санитарный отдел и санитарно-техническое бюро, в обслуживание не только нужд, вызванных войной, но и других постоянных нужд городов и их населения. Отстаивание этой точки зрения красной нитью проходило через составлен-

¹ Острое гнойное воспаление всех тканей и оболочек глаза.

ный мною к съезду отчёт о деятельности врачебно-санитарного отдела и нашего бюро и в докладе о таком строительстве учреждений Всероссийского союза городов, чтобы они сохраняли своё значение для обслуживания не только экстренных нужд военного времени, но и постоянно растущих нужд санитарного благоустройства городов и обслуживания их населения после войны.

В то время (это было начало 1917 г.) на съезде областного комитета городов деятельное участие в его работе принял А. В. Луначарский. Он оказал поддержку моим предложениям. Доклад мой был помещён в виде руководящей статьи в «Общественном враче» (№ 1–3 за 1917 г.). В ней нашли отражение те мысли и стремления, которые лежали в основе всей моей работы и связывали в единую дружную товарищескую группу основное ядро работников санитарно-технического бюро и врачебно-санитарного отдела (И. А. Дмитриев, З. Г. Френкель, Д. В. Нагорский, Я. Ю. Кац, Е. И. Мунвез).

В это время в связи с расширявшейся деятельностью учреждений Петроградского областного комитета Союза городов начали зарождаться и складываться несколько новых отраслей обслуживания жертв войны и намечавшихся уже в то время нужд послевоенного времени. Всё возрастающее число выписывавшихся из госпиталей оперированных раненых, инвалидов ставило вопрос об их трудоустройстве и, прежде всего, о восстановлении полной или частичной их работоспособности.

С энтузиазмом преодолевала все трудности в работе по созданию для каждого увечного и оперированного соответствующего протеза сотрудница хирурга Н. А. Вельяминова — Изабелла Ипполитовна Черномская. Врачебно-санитарный отдел областного комитета Союза городов создал для неё возможность развернуть изумительное творчество в организации мастерской по изготовлению, при участии самих увечных, оригинальных, индивидуально приспособленных самых разнообразных протезов. После необходимого обучения пользованию этим протезом бывший часовщик, например, потерявший кисти обеих рук, возвращался к своей профессии; рабочий той или иной мастерской мог вернуться к своему мастерству. После своего выздоровления я несколько раз посещал учебную мастерскую по изготовлению протезов, и всякий раз уносил глубокое уважение к творческому подъёму и неутомимой борьбе за бережное отношение к человеческой личности Изабеллы Ипполитовны.

Среди эвакуированных в тыловые госпитальные учреждения были также душевнобольные, которые требовали дальнейшего лечения и наблюдения в специализированных больницах (колонии, патронаж, диспансеры). Но, как известно, все наши земские и немногие городские, да и казённые учреждения для душевнобольных были ещё до войны переполнены сверх всякой меры. Поэтому врачебно-санитарным отделом областного комитета была организована особая комиссия под руководством Петра Петровича Кащенко¹ для разработки всех вопросов о влиянии войны на психическую

¹ Кащенко Пётр Петрович (1858/59–1920) — русский психиатр и деятель земской медицины. Труды по социальной психиатрии и организации психиатрической помощи.

заболеваемость и для практического создания необходимых учреждений. Воспоминания о трудностях при оказании психиатрической помощи ещё во время моей работы в новгородской Колмовской больнице для душевнобольных в 1902 г. побудили меня принять самое деятельное участие в работах комиссии, возглавлявшейся П. П. Кащенко. В её состав Пётр Петрович сумел привлечь видных психиатров того времени — Смелова и др.

Но особенно большую активность развернул специально выделенный отдел помощи эвакуированным из армии туберкулёзным больным. Руководить этим отделом был приглашён А. Я. Штернберг¹. Чтобы не держать туберкулёзных больных долго в эвакуационных госпиталях, был открыт ряд учреждений санаторного типа. Под такие санаторные больницы были оборудованы пустовавшие в то время по реке Волхову «военные городки» — прежние Аракчеевские казармы. Помню, для осмотра уже открытого первого такого санатория и для решения вопроса о возможности устройства крупной туберкулёзной больницы в Селищенских казармах на берегу Волхова, я должен был принять участие в поездке вместе с А. Я. Штернбергом. Выехав поздно вечером из Петербурга по железной дороге, мы на станции Волхов пересели на пароход. Утро было свежее. Через широкое окно общей верхней каюты мы наблюдали восход солнца. Прибрежные поросли уже оделись густою зеленью. Широкий простор зеленевших лугов и далёкие, уже тёмные от молодой зелени леса вызвали чувство освежившейся к новой жизни природы, и я как-то невольно вслух произнёс стихи Гёте:

Des Lebens Pulse schlagen frisch lebendig,
Ätherische Dämmerung milde zu begrüßen;
Du, Erde, warst auch diese Nacht beständig
Und atmest neu erquickt zu meinen Füßen,

Признаюсь, я был немало удивлён, когда А. Я. Штернберг продолжил дальше это место из 2-й части «Фауста» Гёте:

Beginnest schon, mit Lust mich zu umgeben,
Du regst und rührst ein kräftiges Beschliessen,
Zum höchsten Dasein immerfort zu streben...²

Я считал А. Я. Штернберга хорошим клиницистом и большим специалистом по лечению туберкулёза, но никак не ожидал встретить в нём ценителя поэзии, смелых и глубоких философских обобщений Гёте. Но он, как я легко убедился из дальнейшего разговора, знал не только первую часть «Фауста», но и вторую, которую он не третировал шаблонно, как более слабую по силе и глубине творческого замысла и выполнения. С этого

¹ Штернберг А. Я. (?–1927) — создатель специализированной больницы для больных лёгочным туберкулёзом; организатор и директор Научного института туберкулёза в Ленинграде.

² Опять встречаю свежих сил приливом Ты пробудила вновь во мне желанье
Наставший день, плывущий из тумана. Тянуться вдаль мечтою неустанной
И в эту ночь, земля, ты вечным дивом В стремленье к высшему существованью.
У ног моих дышала перевозданно.

(пер. Б. Пастернака)

началось моё более близкое знакомство с А. Я. Штернбергом, продолжавшееся вплоть до его смерти.

Главным врачом уже открытого на Волхове туберкулёзного санатория оказался Я. О. Крыжевский, которого я знал ещё с 1910 г., когда он был ночлежно-санитарным врачом, сотрудником Н. Ф. Гамалеи и К. В. Караффа-Корбута по организации санитарного надзора за ночлежными домами. Пока А. Я. Штернберг занимался исследованием больных и консультациями по поводу назначений им, я ознакомился с помещением и усадьбой санатория. Значительная часть усадьбы была занята густыми зарослями ольхового молодняка. Для прогулок больных имелась лишь небольшая дорожка на прилежащей к зданию части двора. Я попробовал в натуре наметить дорожку достаточной протяжённости и интересную по планировке. Это мне удалось сделать без большого труда. По намеченной мною трассе без особых усилий и затрат можно было с помощью самих больных создать хорошую дорожку с местами для отдыха в беседках. Мне хотелось на живом примере показать возможность организации прогулок больных и пребывания их на открытом воздухе даже в трудных условиях. К сожалению, и А. Я. Штернберг, и его ученики недооценивали значение санитарно-гигиенических условий и, прежде всего, прогулок, отдыха и занятий на открытом воздухе среди приятных и ласкающих глаз природных видов.

При осмотре Селищенских казарм (одного из самых крупных Аракчевских городков) пришлось убедиться в необходимости слишком крупных затрат для переустройства их под благоустроенное современное больничное учреждение, тем более для туберкулёзных.

Февральский переворот и Октябрьская революция (1917–1918)

В связи с длительным моим пребыванием на Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1911 г. и последующими поездками за границу, а вслед за тем начавшейся мировой войной я на довольно длительное время отошёл от активной работы в кадетской партии. Только в мае 1916 г. ЦК партии Народной свободы вновь восстановил со мной тесную связь и призвал к активным действиям. Это было обусловлено тем, что именно тогда при обсуждении хода предварительных действий по подготовке к избирательной кампании в 5-ю Государственную думу среди членов ЦК распространилась мысль об увеличении числа кадетских депутатов в этой Думе за счёт возвращения к политической жизни «выборжцев» — членов 1-й Госдумы, которых некогда лишили права вновь избираться в парламент. Возникла мысль о создании для них (т. е. нас, осуждённых по Выборгскому процессу) цензов путём амнистии или изменения соответствующих статей в избирательных законах, чтобы официально выставить наши кандидатуры. Предполагалось подготовить такие цензы для Ф. Ф. Кокошкина,

князя Д. И. Шаховского, Н. А. Гредескула, М. М. Винавера, князя Урусова¹, П. А. Садырина² и меня. Хотя быстро провести это через действующую Думу не удалось, я вновь начал активно участвовать в политических акциях кадетской партии.

Приближался 1917 год. Неудачи на фронте, постоянные дополнительные мобилизации, начавшие уже давать о себе знать продовольственные затруднения в связи с перегрузкой железных дорог военными перевозками, а затем и наступившим полным расстройством системы сообщений, — всё это вызывало глухое, всё растущее недовольство. Нарастало внимание к отражению общего неудовлетворения в речах и спорах в Государственной думе, к поискам выхода из ухудшавшегося у всех на глазах положения на фронте и в тылу. Стихийно падала в низах уверенность в устойчивости, во всеилии попечительного начальства. Я помню, что даже в военном госпитале в нашей лаборатории возникали вольные разговоры с критикой правительственных распоряжений и с одобрением наиболее острых обличительных речей думской оппозиции. Однажды даже во время такого разговора один из санитаров из числа выздоровевших раненых подал реплику:

— Ничего тут не поделаешь, сам царь служит опорой всего расстройству и на фронте, и в государстве.

На эту реплику последовал ответ:

— Значит, и царь слетит, а без него дело можно выправить.

В середине февраля³ в Петербурге начались уличные собрания. Идя в санитарно-техническое бюро из своего Лесного, где я жил, я видел, как жандармы и казаки разгоняли манифестацию на Невском у Публичной библиотеки и Гостиного Двора. В 20-х числах февраля добраться из Лесного в город стало трудно, а затем и совсем невозможно — останавливались трамваи. Пришли известия, что в Государственную думу пришёл в полном порядке целый полк и отдал себя в распоряжение выделенного Думой Комитета, что в городе всюду идут собрания, в которых участвуют военные — солдаты и офицеры; что группы манифестантов арестовывают министров и пр. Я отправился в город пешком. На Сердобольской было очень нелегко пройти по Выборгскому шоссе к Сампсониевскому проспекту. Артиллерией обстреливали каменный дом, в котором засели офицеры с воинской частью, пришедшей усмирять присоединившихся к народу солдат. Густые толпы людей двигались к центру города. На Сампсониевском проспекте у Бабурина переулка с чердака дома через слуховое оконце по двигавшимся массам велась пулемётная стрельба. Она то прекращалась, то вновь возоб-

¹ Урусов Сергей Дмитриевич (1862–1937) — князь, историк, общественный деятель. Был губернатором в ряде губерний, сторонник городского и земского самоуправления, депутат 1-й Государственной думы, осуждён по делу о «Выборгском воззвании». В марте 1917 назначен товарищем министра внутренних дел. После Октябрьской революции лишён гражданских прав, восстановлен в них в 1929. Неоднократно подвергался арестам, заключению, преследованиям. В последние годы жизни работал бухгалтером.

² Садырин Павел Александрович, депутат 1-й Госдумы, из крестьян, инженер-агроном, кооптирован в ЦК кадетской партии в 1917.

³ Здесь и далее Захар Григорьевич приводит даты по старому стилю.

новлялась. Пришлось проходить, прижимаясь к стенам домов, чтобы не попасть под обстрел, как приходилось это делать на фронте, в Сольдау. Тут же образовалась дружина добровольцев, занявшая все выходы из дома и организовавшая захват полицейского, производившего обстрел. На Литейном проспекте люди двигались плотными массами по тротуарам и у тротуаров. По мостовой проносились грузовики с группами солдат, присоединившихся к народу. Их встречали приветствиями.

В санитарно-техническом бюро и областном комитете рассказывали много непроверенных слухов об аресте министров, об образовании думского Комитета. С трудом возвращался я среди той же давки домой, в Лесное. Ещё продолжался артиллерийский обстрел казармы, где засели не сдававшиеся офицеры.

Совершенно созрело у меня осознание того, что происходит революция, а не просто демонстрации. Что нужно всё, что только возможно, сделать, чтобы обеспечить условия для жизни выбившихся из привычной колеи людей. Нужно накормить эвакуированных больных и раненых в госпиталях, достать, во что бы то ни стало достать, хлеб для населения. Ведь все лавки были закрыты. Из города в Лесное, например, не было никакого подвоза.

Придя домой, я рассказал всё, что видел собственными глазами и узнал по слухам. Вместе с моею женой Любовью Карповной мы прошли по улицам Лесного. Был уже поздний вечер. Из города возвращались разрозненные группы людей, возбуждённых, охотно делившихся всеми впечатлениями дня, всем, что видели, о чём слышали. Вопрос о том, что будет завтра, забота о том, куда, как следует направлять ход событий — не занимал никакого места во всех этих рассказах.

Возвращаясь домой, мы встретили несколько отбившихся от своих частей солдат. Это были преимущественно молодые новобранцы. Днём они самовольно ушли из казармы, в которую превращена была не работавшая во время войны обойная фабрика (на Малой Объездной улице), целый день оставались без еды, а теперь опоздали и к ужину. Больше всего их мучил страх перед наказанием за самовольную отлучку и голод. Мы позвали их к себе. Любовь Карповна быстро наладила чай и мобилизовала приварок, какой только можно было сделать в поздний ночной час. Они ушли, поевши, когда уже рассветало, — эти простые деревенские парни, чрезвычайно признательные за дружеское «соседское» внимание к ним, но в то же время растерянные, с боязнью кары, которая могла их ожидать.

Становилось всё более очевидным, что совершается, происходит революционный переворот. Как неудержимо прибывающие весенние воды взламывают лёд, сковывающий мощные потоки реки, и вешние воды непреодолимо уносят глыбы и куски разбитого льда, разрушают береговые укрепления и все зимние дороги по льду, так стихия народного недовольства крушила устои государственного устройства царской России. 2 марта Николай II отрёкся от престола. Следует признать, что в ходе этих революционных событий кадеты приняли самое активное участие в формировании новых органов власти. В основном их усилиями в день отречения царя было сформировано Временное правительство и налажена деятельность его первого кабинета.

Для выполнения всей программы жизнеобеспечения населения кадетская партия считала необходимым создать соответствующие новые местные органы управления. 7 марта 1917 г. ЦК партии постановил довести до правительства сведения о необходимости выработать в срочном порядке положение о выборах в Петроградскую городскую думу на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Я был включён в комиссию по составлению законопроекта о новом городском положении Петрограда. Вместе со мною в эту комиссию вошли С. Ф. Ольденбург¹, Л. А. Велихов, Н. Н. Глебов², М. М. Новиков³ и др.

Первой заботой, вставшей перед нами, было обеспечить питание больных и раненых в госпиталях, помочь налаживанию питания детей в школах и дома, выяснить возможность восстановления и поддержания снабжения населения хлебом. Все последующие дни я был поглощён организацией совещания лесновского комитета Союза городов, лесновской комиссии благоустройства, родительского комитета в Коммерческом училище и другими «местными» делами. На собрании в Коммерческом училище с участием некоторых профессоров Политехнического института была выработана программа действий и избрана исполнительная комиссия во главе с Г. Н. Бочем, взявшим на себя обязанности наблюдения за безопасностью и устранением нарушений порядка в нашем пригороде. Кроме того, мне удалось через областной комитет Союза городов добиться подвоза для госпиталей и для снабжения населения муки и некоторых других продуктов из продовольственных запасов Союза городов.

Тем временем под влиянием реально складывавшейся в стране и в Петрограде обстановки, главным образом, того, что с созданием большевистскими советами всех уровней фактически в России сложилось «двоевластие», в партии кадетов развернулась борьба за корректировку её стратегии и тактики. Первое важное изменение произошло на пленарном заседании ЦК кадетской партии и парламентской её фракции с участием членов партии из Госсовета и из прежних составов Госдумы, состоявшемся 10–13 марта. На нём было принято постановление предложить очередному съезду изменить параграф Программы, который касался формы правления в России. Вместо парламентской монархии наша партия признала необходимость установления в стране демократической республики⁴. В связи с взятием курса на создание в стране демократической республики кадеты провозгласили Временное правительство единственной исполнительной и законодательной властью страны, отдавая советам лишь роль совещательного

¹ Ольденбург Сергей Фёдорович (1863–1934) — востоковед, профессор Петербургского университета; член Государственного совета; в мае 1917 вошёл в состав ЦК кадетской партии; министр народного просвещения во Временном правительстве.

² Глебов Н.Н. — член IV Государственной думы от кадетской партии, до Февральской революции член Государственного совета, петербургский городской голова.

³ Новиков М. М. — член IV Госдумы от кадетской партии, профессор-зоолог, последний выборный ректор Московского университета. После Октябрьской революции выслан из России.

⁴ На очередном VII съезде партии (25–27 марта по старому стилю) предложенные изменения были внесены в программу.

органа при правительстве. Главной же задачей правительства должно было стать доведение России до законно выбранного Учредительного собрания. Однако несколько человек, присутствовавших на VII съезде партии, включая меня, Д. И. Шаховского и Н. В. Некрасова¹, высказались за объединение всех демократических элементов, включая, в частности, достижение соглашения с меньшевиками и эсерами. В своём выступлении Д. И. Шаховской говорил, что после того, как кадеты встали под республиканское знамя, перед нами открылись возможности для широких совместных действий, заключения блока на выборах в Учредительное собрание, различного рода соглашений с другими партиями. Однако наше предложение не было принято.

На одном из заседаний ЦК в это время было решено кооптировать в его состав меня, В. Д. Набокова и ряд других бывших активных его членов. На заседании ЦК 29 марта меня избрали в состав Агитационной комиссии по распространению партийной литературы, чтению лекций и ведению популярных бесед среди крестьян. В своём выступлении на этом заседании я предложил организовать представительство кадетской партии на предстоящем в Москве 4 апреля Пироговском съезде с целью сближения с более левыми течениями в решении продовольственного вопроса и в вопросе о форме правления².

В начале апреля я снова поднял вопрос о сближении с «левыми» на заседании ЦК. Но, несмотря на то, что меня поддержали М. М. Винавер, В. Д. Набоков, В. А. Оболенский³ и представители нескольких комитетов из провинции, руководство партии во главе с П. Н. Милюковым вновь категорически отвергло курс на сближение с другими партиями. Создание двух противостоящих в вопросах тактики группировок вызвало в партии некоторое подобие кризисной ситуации. После того, как 2 мая ЦК принял решение об участии кадетской партии в правительственной коалиции с социалистами, П. Н. Милюков подал в отставку с поста министра иностранных дел.

Несмотря на это, в самой партии Милюков по-прежнему пользовался большим влиянием, предопределявшим многие решения ЦК. В частности, из-за противодействия Павла Николаевича и его сторонников нашей группе, считавшей сотрудничество с Петроградским Советом единственным средством обеспечения мирной эволюции в России, нам не удалось добиться соответствующего решения.

Выступая за укрепление связей с меньшевиками и эсерами, я в то же время считал необходимым содействовать созданию и укреплению новых

¹ Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — инженер, депутат 3-й и 4-й Государственных дум, кадет, масон; в 1909–1917 — член ЦК партии кадетов, левого её крыла. Был в составе Временного правительства. После Октябрьской революции сотрудничал с советской властью, но несколько раз арестовывался и в 1940 — расстрелян.

² Содержание выступлений З. Г. Френкеля на заседаниях ЦК см.: Протоколы Центрального комитета Конституционно-демокр. партии. В 6 томах. Т. 1, 3. М., 1994.

³ Оболенский Владимир Андреевич (1869–1905) — князь, земский деятель, депутат 1-й Государственной думы, член ЦК кадетской партии (1917).

органов местного самоуправления — городских и районных дум, видя в них противовес деятельности большевистских советов. 6 мая я заявил на заседании ЦК о необходимости разработки совместно со специалистами полной «Муниципальной программы партии кадетов», и на следующем заседании ЦК 25 мая представил ряд тезисов, которые могли быть положены в основу такой программы конкретно для Петрограда. Основой для этих тезисов послужил уже приобретённый мною к тому времени опыт практической работы, которую я вёл одновременно со своей партийно-общественной деятельностью.

Ещё в середине марта я получил предложение от только что сформированного Временного правительства (с Г. Е. Львовым¹ во главе) принять на себя обязанности помощника правительственного комиссара в Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Комиссаром был назначен член Государственной думы В. И. Алмазов². Личные переговоры с ним показали полную возможность ликвидировать всякие верховнокомандные функции Управления и передать средства на развитие учреждений и деятельности общественных организаций земского и городского Союзов по созданию объединённых коллегиальных советов.

Приняв назначение, я получил освобождение от работы в лаборатории военного госпиталя. Систематическое подробное ознакомление с Управлением верховного начальника врачебной и санитарной части, которым руководил принц Ольденбургский, вызвало у меня изумление совершенно неоправданным объединением в одном ведомстве абсолютно не имеющих между собой ничего общего учреждений. Наряду с Институтом экспериментальной медицины в нём числились торфяные разработки или завод для изготовления клюквенного экстракта, заводы в Темрюке, крупные санитарно-эвакуационные госпитали и эвакуационные пункты, а также всякого рода учреждения для сверхвнезапного и сверхтайного контроля. Были даже специальные осведомительно-разведывательные организации во Франции и в некоторых других странах, содержащиеся непосредственно «Верховным начальником санитарной части», совершенно независимые от Министерства иностранных дел или военного ведомства. Было много высших чинов — генералов для особых поручений, состоявших при Ольденбургском, коротко они назывались «Ольденсосы». Все эти чины, все эти учреждения и предприятия, возникшие по изволению и приказу принца Ольденбургского, содержались по сметам и бюджету Управления начальника врачебной и санитарной части. Также по личному его изволению выдавались пособия и субсидии на содержание дополнительных должностей при санитарных, лечебных и учебных учреждениях самых различных ведомств и организаций.

¹ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, земский деятель, крупный помещик; депутат 1-й Государственной думы; председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей «земгора». В марте–июле 1917 — глава Временного правительства. После Октябрьского переворота — белоэмигрант.

² Алмазов Василий Иванович (1857–?) — земский врач, надворный советник, член Саратовской городской управы (1905–1910), член 4-й Государственной думы. Тесть академика АН СССР А. Н. Бакулева.

Легко было в первые же дни ликвидировать штаты состоящих лично при Верховном начальнике генералов. Все они, тотчас же, были откомандированы в военное ведомство. Легко было расформировать или передать в Управление железных дорог целый личный поезд, всегда стоявший наготове для принца Ольденбургского, или передать для обслуживания нужд госпиталей 12 из 14 легковых автомашин, числившихся при Управлении верховного начальника. Но, лишая поддержки учреждения и предприятия или ликвидируя их, как бы ни были случайны причины их возникновения, нужно было самым внимательным образом изучать каждый конкретный случай, чтобы решить, что сделать с учреждением, куда его передать и т. д. Пришлось создавать комиссии с включением в них надёжных сведущих людей. Я старался личным осмотром учреждений, подробным выяснением дела на совещаниях со всем низовым персоналом и рабочими предварительно готовить вопрос для окончательного его решения в созданном, с согласия В. И. Алмазова, коллегиальном органе — «Совещании при Комиссаре Верховного управления санитарной части».

По просьбе руководства противочумными лабораториями я выезжал на фронт, где были развёрнуты эти лаборатории; несколько раз был на заводе по изготовлению клюквенного экстракта и уксусной кислоты; много времени затратил на изучение всех отраслей хозяйства по разведению и обработке лекарственных растений, по добыче сырья для получения препаратов бора, брома, йода, серы, фосфора. Всё это я делал раньше, чем могло быть принято решение о передаче в надёжные руки соответствующих предприятий и о ликвидации ненужных расходов.

Особой осторожности требовали дела по отпуску средств на содержание госпиталей, лазаретов и других военно-санитарных учреждений на фронте и в прифронтовой полосе. Кто только не являлся с ходатайством о выделении средств на содержание больных и раненых воинов! Все эти дела и ходатайства рассматривались у нас непременно в совещании с участием работников финансовой части и представителей соответствующих учреждений. Сметы приходилось освобождать от всяких скрытых преувеличений и ненужных «штатных единиц», а самые учреждения передавать при всякой возможности в ведение общественных организаций.

Мало-помалу окрепли и приобрели значительный авторитет периодические совещания при комиссаре Верховного управления для обсуждения вопросов организации в центре и на местах всего врачебно-санитарного дела. В состав этих совещаний были привлечены представители Управления главного врачебного инспектора, земского и городского Союза, губернских врачебно-санитарных организаций, правления Пироговского общества и пр. Персонально представителями были А. Н. Сысин¹ (Союз городов), П. Н. Диатроптов (Пироговское общество), Н. Н. Бурденко и др. Председателем совещаний был Алмазов. На этих совещаниях был разработан проект замены комиссара Временного правительства кол-

¹ Сысин Алексей Николаевич (1879–1956) — гигиенист, один из организаторов и первый руководитель санитарно-эпидемиологического дела в СССР, академик АМН СССР.

легиальным выборным органом — Центральным врачебно-санитарным советом. Для избрания его был созван Всероссийский съезд представителей местных и центральных общественных врачебно-санитарных советов и врачебно-санитарных организаций. Съезд состоялся в августе во дворце Ольденбургского — у Летнего сада. Председателем Центрального врачебно-санитарного совета был избран П. Н. Диатроптов, заместителями председателя — я и Н. П. Василевский, секретарём — М. Г. Рафес¹. В постоянное бюро Центрального врачебного совета были введены представители крупнейших врачебно-санитарных организаций (Бурденко, Сысин и др.).

П. Н. Диатроптов, Л. А. Тарасевич² и я были уполномочены съездом изложить перед Временным правительством единодушное постановление Всероссийского съезда о замене комиссара Временного правительства, совещания и управления при нём Центральным врачебным советом, избираемым на Всероссийском съезде представителей общественных врачебно-санитарных организаций, с возложением на президиум съезда в составе председателя, двух его заместителей и секретаря, а также членов постоянного бюро всех прав, обязанностей и задач, которые лежали на назначенном комиссаре Временного правительства по Управлению верховного начальника врачебно-санитарной части.

Временное правительство в это время стояло за учреждение отдельного Министерства народного здравоохранения. Поэтому вопрос об учреждении вместо этого предполагаемого министерства Центрального врачебно-санитарного совета, опирающегося на авторитет и доверие общественных объединённых врачебно-санитарных организаций, был передан на решение юридической комиссии.

На заседание юридической комиссии Временного правительства, проходившее в Мариинском дворце, были приглашены как представители Центрального врачебного совета Диатроптов, Тарасевич и я. Докладывавший дело председатель комиссии, от лица Временного правительства заявил, что передача всех функций, лежащих на комиссаре Временного правительства и на Управлении верховного начальника санитарной части, Центральному врачебному совету, не назначаемому правительством, а избираемому независимыми от правительства съездами общественных организаций, совершенно невозможна. Это, якобы, несовместимо с государственно-правовым началом полноты ответственности, лежащей на правительстве. Вслед за Владимиром Дмитриевичем Набоковым ещё более категорически отрицательно высказались против Центрального врачебного совета один за другим численно преобладавшие в комиссии юристы и учёные — представители го-

¹ Рафес М. Г. — врач, меньшевик, член ЦК Бунда, перешедший затем к большевикам. Активный участник установления советской власти на Украине; в 1920-х секретарь Дальневосточного бюро Исполкома Коминтерна; в 1930 назначен директором учебного комбината Магнитостроя; автор многих работ по истории еврейского революционного движения в России.

² Тарасевич Лев Александрович (1868–1927) — микробиолог, один из организаторов борьбы с эпидемиями в годы Гражданской войны, академик АН УССР.

сударственного права — Нольде¹, Кокошкин и др. Ни П. Н. Диатроптов, ни Л. А. Тарасевич не желали выступить против авторитетных юристов и считали вопрос провалившимся во Временном правительстве.

Вся тяжесть защиты проекта и концепции Центрального врачебно-санитарного совета легла на меня. Я был совершенно убеждён, что в интересах бесперебойной работы всей системы санитарно-эвакуационного и противоэпидемического дела на фронте и в тылу, в очевидных интересах раненых и больных воинов необходимо строить управление и развитие врачебно-санитарной работы, опираясь на единые врачебные местные советы. С полным сознанием своей правоты я заявил, что реальные жизненные интересы населения, ограждение страны от эпидемий и обеспечение медицинской помощи в конкретных условиях времени, при неустойчивости самого Временного правительства, требуют возложения всего здравоохранительного дела на избранный Центральный врачебно-санитарный совет, опирающийся на местные такие же советы и организации. Интересы самого дела не могут приноситься в жертву юридическим соображениям; существо не должно страдать от недостаточного умения и гибкости юридической мысли, неспособной найти соответствующую обобщённую формулировку под фактически уже существующее учреждение, отвечающее запросам условий времени. Я сослался на плодотворную практику губернских врачебно-санитарных советов в передовых губернских земствах. На слишком самоуверенное и заносчивое заявление профессора барона Нольде о юридической безграмотности принятия Центрального врачебного совета в систему правительственных органов, я ответил твёрдым и решительным требованием к юристам — не вредить большому жизненно важному для населения делу, а показать свою «грамотность» по существу, в понимании живых жизненных явлений и своё умение подчинять форму содержанию. С огромным удовлетворением мы, уполномоченные Центрального врачебного совета, услышали заключение председателя (В. Д. Набокова), что юридическая комиссия не будет возражать против предоставления Центральному врачебному совету полномочий и кредитов, которые предоставлялись комиссару Временного правительства.

Как ни был я поглощён своими профессиональными делами, я не оставлял в течение всего этого бурного лета 1917 г. и политической деятельности.

В середине июня на заседании ЦК кадетской партии вновь был поставлен вопрос о её коалиции с другими партиями. Милюков требовал выхода кадетов из коалиционного правительства, ссылаясь на то, что зависимость министров-социалистов от Петроградского Совета мешает Временному правительству стать «твёрдой властью». Я же в своём выступлении вновь указал на принципиальную разницу между меньшевиками и эсерами, с одной стороны, и Лениным — с другой, в связи с чем коалиция с первыми казалась мне вполне допустимой. Но и на этот раз моя точка зрения была

¹ Нольде Борис Эммануилович (1876–1948) — барон, профессор, юрист, директор 2-го департамента МВД, товарищ министра иностранных дел в царском и Временном правительствах; главный консультант кадетской партии; с 1916 — член её ЦК.

признана «согласительской». Изрядная часть кадетского руководства призывала усилить давление на «согласителей» и требовала даже насильственного установления диктатуры партии Народной свободы. Решено было разделить территорию страны на округа, возглавляемые кадетскими комиссарами, которые должны были противостоять советам. 19–20 июля на заседании ЦК обсуждался вопрос о возможности установления открытой кадетской диктатуры. Но среди большей части членов ЦК возобладали голос разума. Я был среди тех, кто вновь высказался за сохранение пока коалиции, так как брать на себя полную ответственность за управление страной, не имея прочной поддержки в армии и на флоте, было бы, по моему мнению, безумием. Я продолжал заниматься конкретными делами, направленными на оказание реальной помощи населению.

Ограждение населения от опасности распространения эпидемий, охрана здоровья, предупреждение болезней и помощь больным — это настолько очевидные для всех неотложно-первоочередные и общепризнанные, постоянные нужды и задачи, что всю область организации общественного санитарного дела в период острой политической борьбы нужно было, как я был убеждён, изъять из подчинения и оградить от влияния партийно-политической розни и непримиримой политической борьбы. Огромным достижением Всероссийского съезда врачебно-санитарных организаций и учреждённого на нём Центрального врачебного совета я считал организацию коллегиальных авторитетных органов для координирования и ведения всего здравоохранения, включая и обслуживание военных и эвакуационных госпиталей во всей стране, на общественных началах.

11–12 августа ЦК партии Народной свободы собрался в Москве. На этом заседании обсуждались вопросы о войне и мире, о власти. Я старался привлечь внимание к насущным нуждам народа и вновь обосновать важность конкретных мероприятий. Многие мои коллеги по партии продолжали надеяться на восстановление порядка в стране путём укрепления существующего правительства. Я же в своём выступлении настаивал на том, что нельзя совмещать самостоятельность областного самоуправления с подчинённостью различным органам власти на местах. Правительство не может оставаться зрителем. «Обилие “комиссаров”¹ всех спутало; нам нужен губернатор, стража, — говорил я. — Я боюсь милиционера. Наш старый строй управления — не карточный домик...».

При обсуждении в ЦК политического положения, сложившегося к 20 августа, я предупреждал, что большевики что-то готовят: в Кронштадте требуют раздачи запасного оружия и боевых патронов для каких-то выступлений².

¹ Захарий Григорьевич имел в виду, что комиссаров на местах имели и кадеты, и советы.

² О том, что происходило в Кронштадте, Захарий Григорьевич мог узнать от служившего там генерала Александра Николаевича Козловского, с которым Френкели дружили семьями. Впоследствии, в 1921, генерала обвинили в причастности к руководству антибольшевистским мятежом. Но ему удалось скрыться и по льду Финского залива перебраться в Финляндию. Семья Захария Григорьевича помогла перебраться туда к нему одной из его дочерей. Остальные же члены семьи Козловских были репрессированы и многие погибли.

Вскоре после Всероссийского съезда врачебно-санитарных организаций, однако, на Украине стало давать о себе знать всё возраставшее украинское сепаратистское националистическое движение. Появились признаки угрозы возникновения розни в объединённых санитарных организациях. Когда в Петрограде было получено уведомление о созыве в Киеве в половине октября 1917 г. 1-го Всеукраинского врачебно-санитарного съезда, мне казалось безусловно необходимым участие в нём представителя Центрального врачебно-санитарного совета, чтобы при принятии на Украине национальных форм работы (например, переход на украинский язык в делопроизводстве и издательском деле) сохранить по существу единство общественного направления и содержания самой санитарной деятельности, единство основных начал и задач строительства системы здравоохранения.

П. Н. Диатроптова в Петрограде не было. Он окончательно переехал в Москву. Мои товарищи по Врачебному совету настаивали, чтобы в Киев поехал я. Я приехал в столицу Украины накануне открытия съезда. Остановился у своего друга ещё по 1-й Государственной думе — Л. Н. Яснопольского¹. Летом 1916 г. он работал в Петербургских финансово-статистических учреждениях, а поскольку в то время Любовь Карповна с детьми были в Судаче, у меня были свободные комнаты в нашем доме в Лесном, и Л. Н. Яснопольский в течение двух-трёх месяцев жил у нас с молодой женой и ребёнком. Он приглашал меня, если я буду в Киеве, остановиться у него. Воспользовавшись этим приглашением, так как в то время в Киеве о месте в гостинице нечего было и думать, я остановился у него.

На съезде, проходившем в здании университета, сколько помню, господствовала украинская речь. Распорядительницы в украинских костюмах просто и непринуждённо давали ответы на мои вопросы, говорили и заполняли листки на чудесном украинском языке, к которому так привык я с раннего детства и который отзывался во мне чем-то родным, тёплым. Собрание открылось и велось на украинском языке. Своё приветственное слово от Центрального врачебно-санитарного совета я, однако, говорил на привычном мне, да и всем собравшимся, — русском. Главным содержанием моего выступления было обоснование необходимости направить все усилия на укрепление и широкое развитие того общественно-санитарного направления, начала которого были выкованы в совместной борьбе на всероссийских пироговских съездах, которое развивалось, преодолевая тёмные силы царского абсолютизма, помещичьей реакции и мертвящего бюрократизма, которое жило и крепло в Херсонской, Харьковской, Екатеринославской, Подольской организациях. Эти же выпестованные практической работой начала пробилась к жизни в молодой Полтавской и Киевской санитарных организациях, как и в Костромской, Рязанской и Калужской, и теперь должны укрепиться и идти к широкому расцвету в объединённой украинской, как и в нашей общей российской организации, — с объединёнными областными и местными врачебно-санитарными советами и с Центральным советом. Радостно было, что на съезде не обнаружилась

¹ Яснопольский Леонид Николаевич — юрист, специалист по политэкономии; один из основателей русской национальной финансовой школы.

какая-либо рознь и не выпячивался узкий украинский национализм. В следующие дни работа сосредоточилась в комиссиях.

Мне захотелось воспользоваться свободными часами, чтобы навестить моих сестёр в родовом хуторе Попенки, если бы удалось достать для поездки автомашину. Последний раз я был в Попенках в 1910 г. С тех пор прошло уже семь лет, и кто знает, представится ли ещё когда-либо возможность повидать старших сестёр, продолжавших жить в родительском доме после смерти отца.

Я рассказал о своём желании Леониду Николаевичу Яснопольскому. Он посоветовал обратиться с просьбой дать на несколько часов машину к стоявшему во главе транспортной санитарной службы доктору Тритишелю. Я вспомнил о моём дрезденском с ним знакомстве. По телефону я попросил доктора Тритишеля предоставить мне для поездки за 50 км автомашину, разумеется, только в том случае, если это не связано для него с какими-либо неудобствами.

Ранним утром следующего дня я выехал на машине через Дарницю по Черниговскому шоссе до Гарбузина, а там по просёлку, по которому столько раз приходилось пешком «прогуливаться» в давние годы юности, и вскоре мы выехали к Попенкам.

Странное чувство какого-то волшебства испытал я, подъезжая к нашему дому. Ведь я привык, что из Киева к нам нужно было ехать целый день. Всю ночь на пароходе, а потом несколько часов на лошадях. А тут — не успели мы выехать на машине из Киева, как уже повернули из Гарбузина на просёлок и сразу уже в Попенках! Это было такое же чувство чего-то сверхестественного, как то, которое я испытал несколько лет спустя, когда из Сочи, вместо того, чтобы двое-трое суток добираться по железной дороге до Москвы, я на самолёте, вылетев утром, после обеда был в Москве и ездил в метро.

В момент, когда я так неожиданно-негаданно вошёл в попенковский дом, старшей сестры Веры дома не было. Она не вернулась ещё из школы, в которой была учительницей. Земская школа в Одинцах находилась километрах в четырёх от Попенок. Ходить туда и обратно пешком ежедневно — это был немалый труд, но на машине для этого понадобилось не более десяти минут. Эта неожиданная встреча была такой светлой радостью! С любовью показала Вера мне свою школу, отпустила детей, и мы направились домой. В моём распоряжении оставалось не более двух часов. Они пролетели незаметно за обедом в разговорах о новых деревенских настроениях, о смутных, неясных перспективах ближайшего будущего, о тягостях надвигающейся осени и зимы. Сестре было уже почти 60 лет. Но она была полна энергии, бодрости и надежд.

К вечернему заседанию съезда я успел вернуться без опоздания. Следующий же день провёл у Авксентия Васильевича Корчака-Чепурковского, который в то время очень много внимания отдавал украинскому культурно-национальному движению. В его семье в домашнем обиходе была украинская речь, но я говорил так, как и раньше всегда при встречах с Авксентием Васильевичем, пользуясь привычной русской речью. С большим удовольствием познакомился я в тот раз с детьми (сыном и дочерью) Корчак-

Чепурковского, с которыми встретился затем только через 20 лет, когда они были уже видными работниками гигиенической науки и санитарной статистики.

Возвращение в тогдашний Петроград в двадцатых числах октября запомнилось мне на всю последующую жизнь. С большим трудом удалось пробиться на своё место в набитом до отказа вагоне. Но в пути, особенно в Могилёве, а затем в Витебске двигавшиеся в Петроград самодемобилованные не просто переполнили вагон, забили все проходы, но заполнили даже уборные, входные площадки, ступеньки и крыши вагона. Не было никакой возможности двинуться с места, не говоря уже о том, чтобы воспользоваться уборной. В такой обстановке благополучный приезд, наконец, в Петроград показался прямо каким-то чудесным спасением...

За время моего отсутствия прошло несколько заседаний ЦК кадетской партии. В соответствии с принятыми на них решениями кадеты вошли в состав Временного совета Российской республики (Предпарламента) — представительного органа всех российских партий до созыва Учредительного собрания¹. В этом совете кадеты получили большую часть мандатов. Среди избранных в него оказался и я.

В Предпарламенте были созданы различные комиссии по выработке мер для борьбы с анархией, по обороне, иностранным делам, продовольственная, по урегулированию труда и хозяйства, санитарная и др. Но основной целью Предпарламента было, конечно, предотвращение вооружённого восстания, революции.

На заседании ЦК 1 октября, когда обсуждался порядок выборов и выдвижения кандидатов в Учредительное собрание, было предложено выдвинуть мою кандидатуру либо от Чернигова, либо от Вологды. Но и Учредительное собрание постигла та же участь, что и Предпарламент. Оно было разогнано большевиками.

Много усилий и времени отнимала у меня и работа в качестве гласного Центральной городской думы Петрограда, куда я был избран от пригорода столицы — Лесного. В Городской думе я старался, по мере своих сил, добиться решения всё тех же проблем, что и в совете при Временном правительстве, то есть организации снабжения населения столицы продовольствием и оказания ему медицинской помощи; обеспечения в городе порядка. В условиях фактического двоевластия и не прекращающейся политической борьбы между фракциями различных партий достижение этих целей требовало огромных усилий². Этому муниципальному органу приходилось решать проблему городского бюджета, сбора налогов, повышения квартплаты для изыскания средств на городское хозяйство, на содержание больниц, госпиталей и лазаретов, на приобретение тёплых вещей для бедных и раненых и т. д. Бурные дискуссии между представителями различ-

¹ Был распущен большевиками 25 октября 1917.

² Тексты выступлений З. Г. Френкеля на заседаниях в городской думе см.: Стенографические отчёты Петроградской городской думы созыва 1 августа 1917 г. Т. 1–3. Единственный сохранившийся машинописный экземпляр хранится в Отделе рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки в Петербурге.

ных фракций проходили на заседаниях, посвященных обсуждению работы Всероссийской комиссии по выборам и результатов выборов в Учредительное собрание. Следует отметить, что наиболее активно и наступательно вели себя в думе большевики — А. В. Луначарский, Д. З. Мануильский¹, М. И. Калинин² и др. Вопросов и проблем было столько, что дума заседала не только днём, но часто и ночи напролёт.

Запомнился драматический момент попытки полного разгона думы 20 ноября 1917 г. Во время заседания, на котором обсуждался вопрос о безработице, прямо во время выступления одного из гласных вдруг раздался сильный шум и зал заполнился матросами и красногвардейцами с ружьями наперевес. Вооруженные люди демонстративно щёлкали затворами. Не испугавшийся председательствующий призвал аудиторию к спокойствию, и выступавший оратор начал было продолжать свой доклад, но вторгшиеся военные вновь подняли сильный шум, крича: «Разойдитесь! Разойдитесь!», из-за которого слушание выступавшего стало невозможно.

Потрясая револьвером, командовавший отрядом матрос потребовал, чтобы все вышли. Оратор попробовал объяснить ему, что дума обсуждает важный вопрос о мерах борьбы с безработицей, которая, между прочим, грозит и солдатам, когда они вернутся с фронта. В ответ матрос заявил, что он действует по предписанию Военно-революционного комитета, который приказал немедленно прекратить заседание и очистить помещение думы. В противном случае, уже через 5 минут они применят оружие. После этого председателю не оставалось ничего, как предложить гласным разойтись. Хотя многие из гласных отказались подчиниться декрету о роспуске Городской думы и некоторое время продолжали проводить нелегальные заседания, однако в силу разворачивавшихся в столице и в стране, в целом, событий 10 января 1918 года дума прекратила своё существование³.

Одновременно с Центральной городской думой большевики угрозой оружия приступили к разгону и всех районных дум, в том числе, и нашей

¹ Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959) — член КПСС с 1903. В описываемый период являлся членом Петроградского ВРК. В дальнейшем секретарь Исполкома Коминтерна (1928–1943); в 1944–1953 зам. председателя Совета народных комиссаров (Совета министров), член ЦК КПСС в 1923–1952; депутат Верховного совета СССР в 1937–1954; академик АН УССР (1945).

² С М. И. Калининым Захарий Григорьевич был знаком с первых шагов своей общественно-революционной деятельности в Петербурге в 1899. (см.: Приложение № 5). По воспоминаниям его старшей дочери — З. З. Шнитниковой, изложенным в её письме к Г. М. Маленкову в январе 1955, летом 1917, когда Временное правительство пыталось арестовать лидеров большевиков, М. И. Калинин скрывался у работавшего в этом правительстве З. Г. Френкеля в его доме на «Полоске». И позднее, когда они вместе работали в Лесном, Калинин часто приходил к Захарью Григорьевичу «советоваться и учиться приёмам общения и руководства массами» (Упомянутое письмо хранится в домашнем архиве Самофалов).

³ Деятельность думы фактически не прекратилась: после перевыборов, организованных советскими властями 28 ноября, дума работала в другом составе (председатель — А. Н. Винокуров). См.: Петербургская городская дума. 1846–1918. СПб., 2005. С. 372–374.

лесновской. Не имея сил противостоять вооружённому насилию, после нескольких попыток ареста гласных, районные думы также вынуждены были прекратить свою работу. Вся муниципальная власть в Петрограде окончательно перешла в руки советов.

В феврале 1918 г. я формально передал дела Центрального врачебно-санитарного совета уполномоченным Совета народных комиссаров из Смольного, в числе которых были, насколько могу вспомнить, С. И. Мицкевич¹ и М. И. Барсуков², и полностью переключился на работу в Областном комитете Союза городов.

¹ Мицкевич Сергей Иванович (1869–1944) — историк, публицист, один из организаторов советского здравоохранения, врач; социал-демократ с 1893, большевик.

² Барсуков Михаил Иванович (1889–1974) — один из организаторов советского здравоохранения, руководитель санитарного отдела Петроградского ВРК.

IV. НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВЕТСКИЕ ГОДЫ

1918–1929

В областном комитете Союза городов продолжалась работа санитарно-технического бюро, выполнявшего проекты строительства заразных отделений, дезинфекционных учреждений. Бюро вело также консультативную работу по вопросам водоснабжения, канализации и благоустройства, по противоэпидемическим мероприятиям.

По просьбе городского головы Старой Руссы весной 1918 г. я выезжал в этот город для рационального решения вопроса о расширении водоснабжения. Ввиду отсутствия в нём гостиницы я пользовался гостеприимством городского головы Глинки. Это был оригинальный человек, любивший Старую Руссу, хорошо знавший её нужды и горячо желавший поднять её благоустройство. Я воспользовался пребыванием в этом городе не только для подробного изучения его водоснабжения из загородных родников и ознакомления со знаменитым Старорусским курортом с его мощными, бьющими на 18 м выше земной поверхности из буровых скважин солёными минеральными источниками. Путём обследования на месте и извлечения из материалов городской управы я собрал необходимые сведения для санитарного описания Старой Руссы по программе, перед тем одобренной Союзом городов. Программа эта, после организации 18 июля 1918 г. Наркомата здравоохранения и перехода в его ведомство учреждений Союза земств и городов, была утверждена Наркомздравом, и я получил из его санитарного отдела формальное поручение в спешном порядке произвести обследование городов Северо-Западной области с точки зрения выявления их первоочередных нужд по санитарному благоустройству.

Вспоминается один бытовой штрих, связанный с моим отъездом из Старой Руссы. К тому времени в Петрограде сложилось очень тяжёлое положение с продовольствием. Мы не могли достать хлеба, не было также у нас никакой муки и крупы. Заботливая семья Глинки предложила мне при отъезде взять с собою килограмма два клеверных семян. Небольшой запас этих семян оставался у них после весеннего сева. В Старой Руссе хлеба тог-

да тоже не было, и утром к чаю подавались лепёшки из мелко истолченных клеверных семян с небольшим добавлением муки.

На «Полоске» Любовь Карповна размачивала клеверные семена и добавляла их к сушёному картофелю. Не знаю, насколько увеличивалась от этого питательная ценность лепёшек из измельчённых сухих овощей, но, насколько я мог наблюдать «визуально» (без лабораторных исследований) на собственном опыте, зёрнышки клевера выходили в испражнениях не переваренными, в целом виде.

Кроме Старой Руссы мною были обследованы и описаны также города Новгород, Псков, Вологда, Череповец, Шлиссельбург, Ямбург (переименованный затем в Кингисепп). Материалы обследований по каждому городу были мною переданы в санитарный отдел Наркомата здравоохранения.

Поездки в то время были сопряжены с большими трудностями. Подолгу простаивали поезда в пути. Даже имея билет, нелегко было попасть в переполненные вагоны. Но тяжелее всего было хоть как-нибудь наладить питание. Из дому брать с собой было нечего, на «Полоске» не было ни хлеба, ни сухарей. Любовь Карповна варила похлёбку из сушёных овощей, из них же делала лепёшки, перемолов их в мясорубке и поджарив на сковороде. Когда удалось заготовить позднее, летом 1919 г., корм для коз, добавлялось по стакану козьего молока. Я обкашивал траву на улицах, во дворах и на участках, где травой не интересовались. Мои дочери обламывали ветки бузины, черёмухи и берёзы, связывали их в пучки, сушили на чердаке и заготавливали на зиму. Весною и зимой вечерами я отправлялся с санками в лес, где валяли берёзы на топливо для Лесного института, и садовыми ножницами нарезал целые самодельные сани прутьев. Потом, падая от усталости и истощения, тащил эти сани на «Полоску». Козы, при отсутствии другой пищи, полностью съедали эти прутья.

Опыт первой голодной зимы 1918–1919 гг. многому научил нас. Ближайшим же летом все наши цветники вокруг дома были обращены в огород для картофеля, капусты, турнепса, бобов и кормовой свёклы. Личный опыт заставил меня со вниманием отнестись к работе Комиссии по развитию огородов, которая возникла ещё в 1917 г. при областном комитете Союза городов, Я принял в работе этой комиссии деятельное участие. Председателем комиссии был профессор-агроном П. В. Будрин¹, в неё были привлечены студенты агрономических курсов.

Поездки для обследования санитарного состояния городов и определения их готовности к борьбе с эпидемиями были начаты летом 1918 г. в связи с тревогой, вызванной появлением холеры в Петрограде. Мне казалось очень важным в тогдашних условиях полного отсутствия ремонта домов и всего санитарного благоустройства пробудить в населении инициативу по оздоровлению дворов и домов. В городе спешно были организованы домовые комитеты, и даже издавался специальный печатный орган — «Домовый

¹ Будрин Пётр Васильевич (1857–1939) — профессор, в 1902–1905 директор Ново-Александровского сельскохозяйственного института; с 1908 — директор Харьковской селекционной станции; председатель Комиссии по организации селекционных опытных станций в России.

комитет». В этом журнале я поместил летом 1918 г. статью «Об участии домовых комитетов в борьбе с холерой» (№ 18, август 1918). Как известно, невзирая на все трудности того времени в Петрограде, быстрое налаживание на водопроводах хлорирования воды существенно повлияло в самом начале на прекращение распространения холерных заболеваний.

При санитарном обследовании городов, разумеется, прежде всего, приходилось выяснять условия водоснабжения и намечать меры по его улучшению. При поездке в Псков, кроме того, я непосредственно ознакомился с работой общедоступной амбулаторной врачебной помощи для обеспечения своевременности выявления заболеваний, а также с санитарным надзором за продажей продуктов на рынках. В Пскове ещё был завоз молока, мяса, печёного хлеба и ржаных пирогов из деревень, поэтому туда приезжали многие жители Петрограда для покупки или, главным образом, обмена съестных припасов на одежду и утварь.

При поездке в Ямбург я навестил врача местной земской больницы Петра Николаевича Прохорова, которого знал ещё по совместному участию в съездах земских врачей Санкт-Петербургской губернии 1896 и 1899 гг. П. Н. Прохоров был автором «Биологических основ медицины». Он защитил этот труд как докторскую диссертацию в Военно-медицинской академии. Прохоров был земским врачом-новатором. Он построил артезианскую скважину для больничного водопровода, сконструировал особый прибор для дезинфекции насыщенным паром. Был энергичным, отзывчивым человеком, в силу чего пользовался большой популярностью. Теперь я застал Петра Николаевича сильно ослабевшим после тяжёлой и длительной болезни. Он со слезами рассказывал о трогательном внимании и заботе о нём бывших пациентов, приносивших ему молоко и яйца из отдалённых деревень. В основном это были вылеченные им когда-то крестьяне. Они навещали его, когда узнали о его тяжёлой болезни. Его очень тревожили вопросы нарушения обучения в сельских школах и рост детской безнадзорности. С тяжёлым чувством расстался я с Петром Николаевичем, понимая полную невозможность создать для него необходимые условия для выздоровления.

Когда теперь я пытаюсь восстановить по памяти всё содержание моей жизни в первые годы после коренного перелома в ходе истории страны, вызванного Октябрьской революцией, я убеждаюсь в отсутствии отчётливой хронологической последовательности в своих воспоминаниях о многочисленных изменениях и новых направлениях в деятельности, которой я был занят. Скажу одно: я не отказывался ни от какой работы, которую мне предлагали.

По предложению заведующего дорожной врачебно-санитарной частью доктора С. Е. Шрейбера¹ я занял место одного из его помощников и очень много времени отдавал санитарному надзору за железнодорожными мастерскими и жилищными условиями их рабочих. Особенно, помню,

¹ Шрейбер Семён Ефимович (1865-?) — эпидемиолог, врач-гигиенист; начальник Вилюйского медико-санитарного отряда Якутской комплексной экспедиции АН СССР 1925–1930 гг.

я заинтересовался рабочим посёлком, находившимся в самом Петрограде между путями Варшавской железной дороги и территорией «Красного треугольника» (прежней российско-американской резиновой мануфактуры). Он состоял из нескольких десятков одноквартирных домиков с небольшим садом при каждом из них. Домики были расположены по речке Таракановке, весь расход воды в которой состоял из нечистот и сточных вод «Красного треугольника» и вышележащих промышленных предприятий. Этот посёлок я подробно описал в «Железнодорожном вестнике». В это же время по приглашению К. В. Караффа-Корбута ежедневно в послеобеденные часы я работал вместе с ним в только что складывавшемся Отделе труда, во главе которого был поставлен вышедший из рабочей среды Н. И. Иванов, позднее назначенный заведующим отделом коммунального хозяйства.

Я разработал программы санитарного обследования промышленных предприятий Петрограда и области и систему санитарного надзора за их состоянием с участием уполномоченных от рабочих и профорганизаций. К. В. Караффа-Корбут в это время составлял одно за другим руководства по профессиональной гигиене. Они издавались Отделом труда. В них с достаточной полнотой излагались и все требования санитарного благоустройства, как рабочих помещений, цехов и мастерских, так и дворовых участков и всей окружающей предприятия территории.

Тогда же по приглашению В. М. Бехтерева¹ я выполнял обязанности учёного секретаря в возглавлявшемся им и инженером Прейсом Институте научной организации труда². Тогда был период увлечения «научной организацией труда». Всюду шло изучение трудовых процессов путём разложения входящих в их состав отдельных движений и выявления их рационального сочетания и целесообразной последовательности с целью получения наибольшего эффекта. В. М. Бехтерев привлёк в комиссию по изучению труда представителей разных специальностей. Наряду с гигиенистом Я. Л. Окуневским³ были профессора Л. П. Шишко⁴, Д. С. Зернов и др. Заседания комиссии были очень частыми. По предложению В. М. Бехтерева было начато изучение труда работников интеллектуальных профессий: врачей, артистов и пр.

Помимо составления журналов и отчётов об общих заседаниях и заседаниях комиссии мне поручалось участие в комиссионной работе по

¹ Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) — выдающийся невролог, психиатр и психолог. Создатель научной школы. Основатель рефлексологии. Организатор и руководитель Психоневрологического института и Института по изучению мозга и психической деятельности.

² Здесь автором допущена некоторая неточность. В 1918 по инициативе В. М. Бехтерева был организован Институт по изучению мозга и психической деятельности, в составе которого была организована специальная Лаборатория труда, где велось экспериментальное изучение влияния труда на личность, на её нервно-психическое состояние.

³ Окуневский Я. Л. — доктор медицинских наук, специалист по проблемам военно-морской гигиены.

⁴ Шишко Л. П. — профессор Технологического института, крупный специалист по архитектуре, коммунальной гигиене и строительству.

обследованиям на местах. Пришлось несколько раз участвовать в расследовании причин массовых нервных заболеваний, которые принимались за отравления сернистым газом, среди работниц на заводах «Светлана» и «Красный треугольник»¹. Исследованием специальных токсических примесей в воздухе был занят Я. Л. Окуневский. Я старался выявить недостатки общегигиенической обстановки труда, питания и быта, которые могли подрывать силы и сопротивляемость организма и создавать предпосылки для массовых заболеваний. На «Красном треугольнике» мне было поручено статистическое изучение санитарных показателей состояния здоровья работниц. Это была довольно трудоёмкая работа. Никаких помощников у меня не было. Сделанный мной по результатам этой работы доклад в Институте труда был затем напечатан в виде статьи в «Московском медицинском журнале».

В Институте труда изучалась организация работы во многих профессиях, в которых были заняты и мужчины, и женщины. Чтобы рекомендовать нормативы, нужно было учитывать различное влияние трудовых процессов на женщин и на мужчин. В связи с этим я попытался осветить вопрос об особом влиянии и отражении некоторых видов труда на здоровье женщин. Соответственная работа моя была напечатана в журнале «Врачебное дело».

Обычно при исследовании производительности и интенсивности труда совершенно недостаточно учитывалась лимитирующая роль энергетического баланса, определяемого пищевым снабжением. Заинтересовавшись этим вопросом, я настойчиво собирал материалы и наблюдения для освещения этого кардинального условия поддержания работоспособности. В 1919–1920 гг. я сделал ряд докладов в комиссии о лимитирующем влиянии калорийности питания на производительность труда.

Оставшиеся от Всероссийской гигиенической выставки материалы по г. Петербургу по моей просьбе сохранялись в помещении областного комитета Союза городов, а после Октябрьской революции были вместе с библиотекой губернского земского врачебно-санитарного отдела переданы развёртывавшейся библиотеке и музею по санитарному просвещению (на ул. Пролеткульта). Там в то время работал И. А. Дмитриев и недолгое время С. А. Новосельский².

По просьбе студентов последнего курса Психоневрологического медицинского института я прочёл несколько лекций об основах общественной медицины и санитарного дела в земствах и городах и о задачах и приёмах построения врачебно-санитарного обслуживания населения в новых условиях после революции.

Ещё до Первой мировой войны, с осени 1913 г. я был избран Учёным советом Психоневрологического института преподавателем и читал для

¹ Это сообщение привлекает к себе внимание тем, что подобное массовое нервное заболевание произошло в декабре 2005 в Чечне. Его также поначалу приняли за отравление.

² Новосельский С. А. — крупный специалист по проблемам смертности населения Петербурга–Ленинграда, руководитель Отдела демографической и математической статистики. Один из создателей Института демографии в 1930.

студентов юридического факультета курс «Общественная медицина и санитария». Теперь возник вопрос о возобновлении чтения этого курса для оканчивающих студентов-медиков. Готовясь к этому, я сделал всё, чтобы обобщить дореволюционный опыт организации врачебной помощи и санитарного обслуживания, выработанный в процессе развития в России общественной медицины, и выявить новые возможности, возникшие после революции. В самых тяжёлых условиях зимы 1918–1919 гг., при отсутствии топлива, продовольствия и электрического освещения, я упорно работал над выполнением этой задачи. Я хотел, чтобы весь богатейший накопленный опыт мог быть передан новому советскому здравоохранению, чтобы он мог быть использован и в самой подготовке советских врачей. В ряде лекций, прочитанных в Институте усовершенствования врачей, я изложил мои соображения о сущности социально-профилактического направления и о значении опыта общественной медицины. Как раз в то время этот институт приступил к изданию собственного органа — «Архив клинического института для усовершенствования врачей», и в первом его томе была напечатана обширная моя работа «Общественная медицина как наука и как предмет преподавания в высшей медицинской школе и в институтах для усовершенствования врачей». Само развитие и прогресс медицины, как науки, подводит её ко всё возрастающему сосредоточению внимания на вопросах предупреждения болезней, их профилактике. А в условиях народной власти в государстве открывалась практическая возможность перестройки всего здравоохранения и обслуживающей его медицинской науки на началах социальной профилактики и социальной гигиены. Меня глубоко волновала мысль об историческом долге работников прежней общественной медицины, их обязанности передать свой бесценный опыт новым поколениям врачей, облегчить усвоение ими этого опыта уже в процессе учёбы в медресах.

В те годы (1917–1923) сложились очень дружеские личные отношения у меня и Любови Карповны с Г. С. Кулешей¹ и его семьёй. Он жил в Лесном в собственном доме и вместе с Марией Андреевной, своей женой, много работал в своём саду. Выращенные им розы разных сортов вызывали изумление, так же как исключительные по своим качествам сорта земляники, крыжовника и других ягодников. Георгий Степанович был любителем фотографии, причём одним из очень немногих в то время мастеров цветной фотографии. Во время научной командировки в Индию по изучению холеры он сделал очень много превосходных цветных снимков пышных ярких роз и других тропических цветов. На своих докладах и лекциях он часто демонстрировал их восхищённым слушателям. Обычно среди этих снимков, как бы случайно, оказывались снимки его сада в Лесном с крупными яркими розами. И он изумлял слушателей объявлением, что не только в Индии, но и в Петрограде вырастают такие дивные цветы. Для их культивирования нужны лишь любовь и трудолюбие. Мы с Любовью Карповной обменивались с Георгием Степановичем и Марией Андреевной лучшими сортами наших георгинов и малины.

¹ Кулеша Георгий Степанович (1866–1930) — доктор медицинских наук, профессор, патологоанатом.

Г. С. Кулеша занимал кафедру патологической анатомии в Государственном институте медицинских знаний (ГИМЗ). Так стал называться прежний медицинский факультет Психоневрологического института. В разговорах с Георгием Степановичем я не раз развивал мысль о своевременности введения преподавания профилактических основ общественной медицины на медфаках. Георгий Степанович вполне соглашался со мною. Для меня было, однако, довольно неожиданным сообщение Кулеша о том, что по его предложению дирекция и Учёный совет ГИМЗ поручили ему переговорить со мною о принятии на себя обязанности преподавания общественной медицины. Я выполнил все указанные мне формальности и приступил к чтению лекций.

Одновременно я участвовал в заседаниях Учёного совета ГИМЗ, в котором часто вместо В. М. Бехтерева председательствовал тогда А. В. Гарвер. С Александром Владимировичем Гарвером я встречался в 1914 г. в совместных военных походах в Восточной Пруссии. Не раз пришлось нам ночевать в одной избе и проводить часы в беседах, в которых Александр Владимирович любил не то в полушутливой форме, а может быть и всерьёз прибегать к научной терминологии для самых обычных житейских явлений и к высоким принципиальным философским положениям, когда дело шло о самых простых вещах.

В 1918–1920 гг., в период наиболее тяжёлой послевоенной разрухи, было трудно в Петрограде издавать научные труды по медицине. На одном из заседаний Учёного совета я предложил составлять в машинописном виде сборники научных трудов ГИМЗ. Один экземпляр такого сборника передавать в Рукописный отдел Публичной библиотеки и признать за авторами помещённых в нём работ право ссылаться на них, как на опубликованные труды. Предложение это было принято, и, на мою беду, я был выбран секретарём редакции сборника. Это потребовало от меня большой траты времени: и днём, и дома по ночам приходилось читать и редактировать многочисленные статьи, которые вскоре стали поступать от преподавателей ГИМЗ. Среди них было немало залежавшихся в разных редакциях и не стоящих печатания опусов. Но отказ от их включения в сборник также требовал от меня помимо затраты времени на их прочтение и на разговоры с авторами, ещё и письменного отзыва. Меня лично очень мало устраивало включение в эти сборники моих работ, накопившихся в те годы, по развитию социально-профилактического направления в медицине. Не для будущих исследователей собирал я материал. При написании работ я руководствовался стихийно овладевшим мною стремлением помочь новой подымавшейся молодой силе встать на верный путь, избежать ненужных шатаний и ошибок, воспользовавшись уже накопленным опытом санитарного направления в медицине. Мне хотелось выпустить в помощь молодым строителям советского здравоохранения работу в виде изданного отдельным выпуском пособия.

Летом 1919 г. работавший в то время у меня помощником недавний выпускник медфака ГИМЗ доктор И. М. Блюмкин уезжал на юг. Проездом он остановился на несколько дней в Харькове. Я просил его побывать в посёлке Высоком, где жил мой брат Сергей, от которого я давно не имел

вестей. Блюмкин взял с собой оттиск моей статьи из «Архива Института для усовершенствования врачей». Он ознакомил с ней одного из сотрудников возникшего в Харькове медицинского издательства. По желанию последнего он оставил оттиск в редакции, с тем, чтобы в случае возможности выпустить его отдельным изданием при условии моего предварительного согласия на это. Каково же было моё изумление и возмущение, когда я, без всякой предварительной переписки со мною, получил изданную в Харькове издательством «Научная мысль» в 1922 г. мою работу с достаточно невежественным предисловием, переделанным заглавием, с изменениями и сокращениями в тексте. Я реагировал резким письмом, в котором указал на полную недопустимость такого самовольного обращения с чужим трудом. Из полученного ответа было видно, что за издательскую работу взялись люди с какими-то троглодитскими представлениями, что они не нуждаются ни в какой согласии автора на изменение его работы. Была очевидна бесполезность продолжения каких-либо объяснений с ними. Только много позднее, в 1926 г., представилась возможность издать в расширенном и обработанном мною виде эту работу.

Институт усовершенствования врачей в Петрограде издавал труды своих сотрудников через старое издательство П. П. Сойкина. Оно-то и приняло от меня мою работу и в очень короткий срок выпустило её под заглавием «Общественная медицина и социальная гигиена». Над этой темой работал я и в последующие годы. В 1926 г. эта работа вышла в Ленинграде отдельной книгой. Огромным удовлетворением для меня было получение по поводу её выхода письма от тогда уже заслуженного деятеля науки Петра Ивановича Куркина. Так как в нём отражены те настроения и мысли, которые владели мною при работе над книгой, то я не могу отказать себе в удовольствии привести хотя бы в сокращённом виде это письмо, тем более что в ряде рецензий (А. Н. Сысина, И. А. Добрейцера и др.) совсем не затронуты стороны, отмеченные Петром Ивановичем:

«Москва, 17 апреля 1926 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Захарий Григорьевич!

Получил я Вашу книгу «Общественная медицина и социальная гигиена» и не мог оторваться от неё, пока не дочитал её всю до последней строчки. Большое, огромное спасибо Вам за эту книгу в её существе, за то, что Вы её написали и напечатали. В этом чувстве благодарности к Вам, я убеждён, ко мне присоединятся все общественные работники земского периода... Немалою заслугой перед историей, перед исторической правдой является выяснить значение прошлого, связь его с настоящим, преемственность идей. И никто, конечно, не мог сделать этого лучше в нашей области общественной медицины, чем это сделали Вы. И я должен Вам теперь откровенно сознаться, каким-то образом я ожидал от Вас именно такой книги, и именно от Вас и ни от кого другого. Никто из нас, оставшихся пока от прежней полосы истории, не мог сделать этой работы глубже, сильнее и в то же время короче. Нужно ли говорить, как была необходима эта книга для восстановления исторической справедливости, которая нарушается целый ряд лет ежедневно изобретателями... старых истин и ловкими людьми, пользующимися неосведомлённостью аудитории... Наше положение

давних общественных работников было поистине трагически невыносимо... Теперь книга Ваша развязывает наш узел. Невыносимого положения, о котором я сказал выше, больше нет. Для всех должны быть ясны... завоевания общественной медицинской мысли, их значение для настоящего... Вероятно книга Ваша... заденет кого-то... Но самое главное, это то, что Вами сделано большое дело, нужная работа, которая создаёт действительный прочный надлежащий фундамент для дальнейшего правильного построения социальной гигиены в нашей стране. Параллелизм и сопоставления с зарубежными странами также и в этой исторической области весьма поучительны для характеристики нашего построения... Работа написана так легко, удобопонятно, что, конечно, очень скоро сделается настольной книгой у теперешних общественных врачей...».

Замечу здесь же, что после выхода в свет этой книги я систематически продолжал работать над углублением и расширением её содержания, чтобы, в случае возможности нового её издания, оно было бы не только общим введением к курсу социальной гигиены, но и законченным сжатым историческим обзором развития этой науки в нашей стране. К моему глубокому сожалению возможности напечатать этот мой труд не представилось. Когда в наиболее тяжёлый период осады Ленинграда зимой 1941–1942 гг. нельзя было не отдавать себе отчёта в неизбежности ухода из жизни в любой момент из-за голода и дистрофии, я считал своим долгом привести в порядок свои работы. В результате само заглавие книги было сформулировано так: «От приказной медицины к земской и от общественной медицины к социальной гигиене и советскому здравоохранению».

20–26 мая 1918 г. я принял деятельное участие в первом после Октябрьской революции широко организованном съезде по выяснению положения медицинского дела и санитарных нужд на местах. Он был созван новгородским Советом по почину оказавшихся в этом Совете энергичных бывших земских врачей — А. Г. Куркутова и Т. И. Ярошевской. Приглашение принять участие в этом съезде получил я — как заведующий санитарно-техническим бюро областного комитета Петроградского Союза городов, и санитарный врач Николай Петрович Василевский.

Программа Новгородского губернского съезда по делам народного здоровья включала в себя следующие вопросы:

Организация губернского Отдела народного здоровья, круг его ведения и компетенций;

Установление связи, порядка сношений и взаимной осведомлённости Губотдела и уездных и городских медико-санитарных советов и волостных управлений;

Доклады делегатов с мест о современном состоянии врачебно-санитарного дела в уездах;

Порядок и формы регистрации заразных болезней; медицинская и санитарная статистика;

Организация борьбы с заразными болезнями;

Борьба с детской смертностью;

Борьба с туберкулёзом и сифилисом;

Организация на местах участковых санитарных попечительств;

Постановка аптечного дела в губернии;

Утверждение положения и состава губернского Санитарного совета при Отделе народного здравия, введение института поуездных санитарных врачей;

Выборы специалистов (заведующего Санитарным бюро, его помощника, заведующего судебно-медицинской частью, химика-фармацевта и т.д.;

Выборы коллегии губернского Отдела народного здравия;

Обсуждение вопроса о легализации самостоятельной деятельности фельдшеров.

Съезд оказался очень многолюдным. Среди делегатов от уездных медицинских учреждений преобладали фельдшеры, как выдвинутые революцией низовые работники, считавшие себя прежде в пригнетённом положении, поскольку лишены были равного с врачами права участия в губернских врачебно-санитарных съездах. Теперь многие фельдшеры в уездах сделались заведующими отделами здравоохранения и членами уездных советов депутатов. Стремление фельдшеров к отстаиванию своих политических, гражданских и социальных прав, к уравниванию их с правами врачей мешало правильно решать вопрос о назначении для руководства врачебным делом, больницами и медицинскими участками врачей, обладавших, конечно же, большим организационным и общественно-санитарным опытом и более высоким уровнем специальной подготовки. Часть фельдшеров на съезде пыталась сплочённо выступить против самого ценного принципа общественной медицины — высокой квалифицированности медицинской помощи населению, которая должна была оказываться врачами и под их руководством. Нужно было дать фельдшерам возможность получать врачебную подготовку, дать им преимущества при поступлении в медвузы, а не решать дело непосредственным назначением их на должности заведующих врачебными участками.

Куркутов был старым, опытным врачом, авторитетным в глазах всех участников съезда. Чтобы ярче показать нелепость назначения фельдшеров на все руководящие должности, он обратился к съезду с вызвавшим общую весёлость и смех ходатайством «переквалифицировать» его в фельдшера. Мне и Николаю Петровичу Василевскому, опираясь на многолетний опыт оказания населению врачебной и санитарной помощи, приходилось терпеливо разъяснять значение очередных задач по восстановлению и развитию сети врачебных участков, по их оборудованию, по созданию основ правильной санитарной организации и по скорейшему осуществлению санитарного благоустройства в городах и населённых пунктах.

Напряжённая работа на съезде, общение с новыми низовыми силами, выдвигавшимися на руководящую работу на местах, будили бодрость и вызывали у меня, как и у других участников съезда, воодушевление и подъём сил. Я считал, что этим и выполняется задача и долг наш содействовать передаче опыта земской медицины новому советскому здравоохранению. С чувством признательности вспоминаю проявления и на общих собраниях съезда, и в комиссиях большого внимания к моим предложениям об укреплении участковой врачебной сети, о социально-профилактическом направлении и сущности общедоступной квалифицированной врачебной

помощи и о необходимости изыскания путей к санитарному благоустройству населённых мест.

Вспоминаю, что наряду с вопросами организации медицинской помощи населению меня очень занимали мероприятия по санитарному благоустройству городов, в частности, очистки их путём устройства полей запахивания отходов и нечистот. В связи с этим я ознакомился с организованным уже в то время в Новгороде коммунальным огородным хозяйством, осматривал находившиеся в очень хорошем состоянии парники с огородной рассадой. Помидорную рассадку мне предоставили даже для Петроградской огородной организации, в которую я в то время входил.

Высказанные мною на новгородском съезде настойчивые призывы и обоснования необходимости технического благоустройства городских центров привлекли к себе внимание. В результате этого я получил от председателя Череповецкого Совета депутатов приглашение приехать (в июне 1919 г.) на первый съезд Советов вновь организуемой Череповецкой губернии, чтобы выступить с докладом и лекциями о благоустройстве Череповца, о постройке в нём водопровода и канализации. В адресованной мне телеграмме была просьба привезти с собой для чтения лекций по моему выбору и «других учёных». Я предложил поехать со мной ректору Политехнического института Д. П. Рузскому¹. Я тогда читал в этом институте курс гигиены на строительном факультете.

Нас очень тепло встретили в Череповце. Я прочитал в общем собрании три лекции по основным вопросам благоустройства, а Д. П. Рузский — специальную лекцию о значении, условиях и возможности постройки канализации в Череповце. В день открытия съезда было организовано торжественное, с пением Интернационала, шествие съехавшихся из всех районов губернии участников собрания. Во вступительной речи к депутатам председатель разъяснил сущность и значение пролетарской революции, которая передала в руки трудового народа всю государственную власть и открыла ему все пути к овладению наукой и культурой, благосостоянием, которые до революции были доступны только господствующему классу.

Кроме лекций, в свободное от заседаний время нам предоставлена была возможность давать справки и разъяснения по сельскому и городскому благоустройству и организации врачебно-санитарного дела. В течение 10–12 дней нашего пребывания в Череповце были всесторонне обсуждены основные проекты переустройства водоснабжения, постройки канализации, улучшения в планировке города. Эти проекты были составлены городским инженером и техниками. При осмотре на месте оказалось возможным внести в них ряд улучшений и изменений, облегчающих их скорейшее осуществление. Эта работа велась с воодушевлением именно благодаря сознанию, что наши предложения принимаются к безотлагательному воплощению.

¹ Рузский Дмитрий Павлович (1869–1937) — главный инженер по постройке канализации в С.-Петербурге; зам. председателя Русского технического общества, профессор, с 1919 — ректор Политехнического института; масон, отстранён от руководства институтом. В 1921 уехал за границу, с 1925 — профессор Загребского университета.

Невзирая на все продовольственные трудности того периода, мы видели, как организованный коммунальный совхоз заготовил некоторые запасы продуктов для тех рабочих, которых предполагалось привлечь к строительству канализации. При нашем отъезде нам в качестве оплаты было выдано по пуду муки и по килограмму сала, масла, крупы и сахара. Это был невиданный «гонорар»! Но донести на себе от Московского вокзала в Лесное эту ценную кладь было нелегко, ведь при тогдашнем голоде мы поддерживали жизнь, то употребляя случайно сохранившиеся семена клевера, выпекая из него некий суррогат хлеба, то, питаясь наварами из сухих овощей, смешанных с сухими листьями. Но я уже писал, что для моей семьи большой поддержкой служило молоко нескольких коз, выращенных Любовью Карповной. Привезённые из Череповца продукты доставили домашним большую радость. Дмитрий Павлович Рузский, придя к нам на «Полоску» на следующий день после приезда, рассказал о таком же удовольствии, вызванном в его семье череповецким пайком.

Но не этот гонорар был главной наградой за наш напряжённый двухнедельный труд. Большой, неизмеримо большей наградой был испытанный нами энтузиазм предстоящего великого строительства, владевший трудовыми массами, от которых съехались на Череповецкий съезд эти сотни рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, с таким глубоким вниманием слушавших воодушевляющие речи партийных руководителей и с такою деловитостью проявлявших готовность безотлагательно приступить к практическому осуществлению планов переустройства жизни.

Ну, а на «Полоске» шла тем временем трудная борьба за выживание. Каждое утро мне нужно было незаметно выполнить ряд совершенно неотложных работ: убрать сарай и загородку, где ночевали козы, чтобы эта работа не легла на более слабые женские плечи. Нужно было привести в порядок поле орошения, вскопать очередную грядку и оправить борозду; нужно было выкорчевать один-другой пень, чтобы заготовить на ближайший день топливо. Всё это я спешил проделать в самые ранние часы, чтобы затем успеть, приведя себя в порядок, пробежать километра два до Политехнического института и без опоздания прочитать двухчасовую лекцию для студентов-выпускников строительного отделения. Среди них немногие обнаруживали особый интерес к вопросам планировки и благоустройства населённых мест и к санитарной технике. Это были только единицы, а я, особенно после участия в Череповецком съезде, постоянно находился под действием мысли о необходимости, о безусловной неотложности подготовки многочисленных технических кадров для практического осуществления переустройства санитарно-технического оборудования и благоустройства населённых мест.

И начинать надо было со столицы. Ведь благоустройство Петербурга до революции имело по преимуществу чисто внешний, показной характер. Три-четыре парадных улицы, такие, как Невский проспект, Гороховая или Вознесенский проспект, по которым царь ездил на вокзал, были вымощены весьма дорогой, хотя и очень недолговечной, торцовой деревянной мостовой и поддерживались в порядке постоянной работой дворников. По вечерам они были залиты ярким электрическим светом, а в то же время даже

на этих «парадных» улицах, как и во всём городе не было упорядоченной уличной канализации, роль её исполняли прогнившие деревянные трубы, пропитывавшие всю почву нечистотами. Все сточные колодцы также были деревянные, без подвесных ёмкостей, так что зловонный, гниющий осадок из них при чистке выкладывался прямо на мостовую, и в центре в каждом дворе были скопления нечистот в выгребных и помойных ямах.

Все прилегающие к «парадным» улицам переулки и улочки были замощены булыжником и имели узкие негодные тротуары. По этим жилым улицам целые дни стояли грохот и стук от ломового движения, которое искусственно оттеснялось сюда запрещением ломовым извозчикам проезжать по улицам сквозного и прямого сообщения — по Невскому, Гороховой, Литейному, Загородному и другим проспектам.

Наконец, глубокий казённо-полицейский отпечаток на всём благоустройстве дореволюционного Петербурга лежал и вследствие методов его проведения. Оно велось не по плану, а по приказам градоначальника, по понуждению околоточных и приставов, от которых откупались подачками и непременно «подарками» к праздникам, а также по отдельным, разовым постановлениям Городской думы. Ими все требования общего благоустройства даже самых многолюдных улиц возлагались на отдельные домовладения и их дворников.

Отсутствие единой планомерной организации во всём, фрагментарное благоустройство улиц десятками тысяч отдельных домовых хозяйств вело к чрезвычайной пестроте и ненадёжности дела, к невероятно неэкономному, нехозяйственному в общегородском масштабе расходованию средств. При поливе не- или плохо мощёных улиц из шлангов и поливных тумб расходовалось невероятно много воды, разрушались мостовые от выбиваемого сильными струями песка. Ремонт улиц производился против каждого дома отдельно, разными материалами и разными мастерами. Неизбежным было со стороны каждого дома стремление подешевле отделаться от этой полицейской повинности. Отсюда — недолговечность строительства, деревянные трубы на улицах клались без общего уклона, а на иных участках и с обратным уклоном, только бы внешне выполнить требования...

Вся эта казённо-полицейская «марафетная» культура дореволюционного Петербурга, стремившаяся к недолговечному внешнему лоску, стояла в вопиющем противоречии с требованиями подлинного благоустройства и с уже имевшимися техническими возможностями XX в. В ещё более кричащем противоречии стояла она с величавым наследием «царственного» благоустройства Петербурга, которое проводилось под руководством замечательных мастеров, строителей и художников в век Петра, Екатерины и Александра, когда город строился и украшался не для «чёрного люда», а как императорская вотчина. Тогда оделись в прочный гранит берега Невы и каналов, заложен был Летний сад с его знаменитой решёткой, и Михайловский парк; тогда выросли все архитектурные, пленяющие туристов ансамбли, устроены были знаменитые площади — Сенатская, Исаакиевская и Дворцовая, возведены десятки величественных зданий.

К сожалению, современный период унаследовал от дореволюционного не приёмы долговечного строительства по единому плану, а лишь поддер-

жание внешнего казённо-приказного благоустройства. Только в самые последние годы перед революцией начали намечаться новые хозяйственно-технические пути для достижения в столице современного благоустройства. Только непосредственно перед войной и во время войны выработан был план постройки общей канализации, общей системы замощения улиц, очистки и приведения в порядок водоёмов и каналов, постройки здорового водоснабжения, устройства ряда новых крупных садов и т. д.

Однако в послереволюционный период пришлось не только ставить сразу во всём объёме широчайшие цели общего благоустройства на всей территории города, но и вырабатывать, что гораздо труднее, новые пути и целесообразные приёмы их достижения, начать целенаправленную подготовку квалифицированных специалистов.

На санитарно-техническом отделении строительного факультета Политехнического института в то время очень активную роль играли архитектор-художник Карпович¹ и профессор Дубелир², которых я близко знал ещё по совместной работе в редакциях журналов «Городское дело» и «Земское дело». Я много говорил с ними о необходимости создания более широких возможностей для подготовки инженерно-технического персонала, вполне понимающего значение и задачи переустройства населённых мест, их благоустройства и планировки. Ещё в начале 1918 г. в статье «Сущность и задачи общего городского благоустройства», напечатанной в № 1 московского журнала «Врачебно-санитарное обозрение», я дал общее определение, в чём должно состоять благоустройство населённых мест. Основным отправным положением в ней была мысль о том, что в новых послереволюционных условиях любой город, населённое место должны стать общим удобным, хорошо технически оборудованным для производственной, социальной и культурной жизни коллективным жилищем. Город для всего трудового населения должен быть таким же удобным, безопасным и здоровым жилищем, как отдельная квартира или отдельный дом для каждой семьи.

Этот взгляд на общее благоустройство населённых мест лежал в основе всей моей работы в Музее города, начавшейся в 1918 г. Устройство в этом Музее Отдела коммунальной и социальной гигиены стало делом, которому я отдавал на протяжении первых пятнадцати лет советской власти больше всего сил и времени, которому посвятил все свои способности, всю жажду к созиданию, к творческому труду. А начиналось всё так. В конце лета 1918 г. я получил письмо от совершенно не знакомого мне до тех пор архитектора Л. А. Ильина³ с приглашением принять участие в частном совещании инициативной группы лиц, разрабатывающих проект устройства в Петрограде

¹ Карпович Владислав-Оттон Станиславович (1872–1937) — теоретик архитектуры, пропагандист малоэтажного строительства, председатель Ленинградского общества архитекторов, профессор строительного факультета Политехнического института.

² Дубелир Георгий Дмитриевич (1874–1942) — инженер-градостроитель, учёный. Внедрял в застройку городов идеи городов-садов (Киев, Крым); выдающийся деятель транспортной науки и техники, профессор Политехнического института.

³ Ильин Лев Александрович (1889–1942) — в 1925–1938 главный архитектор Ленинграда, автор проекта его Генерального плана.

особого музея для наглядного отображения и освещения всех сторон истории, современного состояния и перспектив дальнейшего развития города, как очага промышленности, культуры, науки и искусства.

В то время меня очень заботила судьба чрезвычайно ценных материалов гигиенической выставки 1913 г., остававшихся в разных местах в известной степени на моём попечении. Это были не только мои общие сводные материалы по земскому врачебно-санитарному делу, но и очень дорого стоившие санитарно-технические установки, модели водопроводных и канализационных сооружений, макеты зданий, графические планы и фото городских больниц, посёлков, санаториев, школьных зданий, учреждений пищевого обслуживания (боен, холодильников, рынков и т. д.). Огромную часть этих материалов составляли хорошо разработанные проекты строительства перечисленных объектов, не осуществлённые, невзирая на всю их необходимость, вследствие отказа в ассигнованиях со стороны городских властей. После революции, когда само трудовое население стало хозяином всего городского дела, неотложно необходимо было ознакомить его с основными нуждами городского благоустройства. Я считал, что именно для этого нужно было развернуть все имеющиеся наглядные материалы и пользоваться ими, как наглядными пособиями для просвещения широких народных масс. Также это необходимо было и для подготовки технических работников городского хозяйства. И вот именно тогда, когда я вынашивал эти планы, я и получил приглашение на совещание по разработке проекта устройства Музея города.

Первоначально эти совещания происходили у Л. А. Ильина, в его особняке на Крестовском острове. У меня складывалось впечатление, что ни сам Л. А. Ильин, ни другие участники инициативной группы толком не представляли себе о создании какого музея должна была идти речь. Они говорили, что это должен быть такой музей, каких ещё никогда и нигде в мире не было и нет, что предметом экспозиции должен стать *сам город*, а средствами экспозиции — искусство в его высших достижениях; что в музее должны найти яркое художественное отображение зарождение и развитие в городе зодчества, архитектуры, скульптуры, театрального искусства. Это были люди, совершенно лишённые понимания и чувства реальности, нужд масс городского населения. Я пытался спустить их планы с туманных высот служения искусству на реальную землю нужд городского хозяйства, потребностей населения в благоустройстве, в здоровых жилищах и улучшенном быте и, во всяком случае, на признание необходимости иметь в Музее города самостоятельный отдел «Население города, охрана и обслуживание его здоровья». Я изъявил готовность поставить и развивать именно такой отдел в Музее города.

В результате ряда совещаний было представлено соответствующее ходатайство в Совет комиссаров Северной Коммуны¹, находившийся в

¹ «Союз коммун Северной области» — административно-территориальное объединение в Советской России в 1918: Петроградская, Новгородская, Вологодская, Псковская, Олонецкая, Архангельская, Северо-Двинская и Череповецкая губернии.

Смольном. Ходатайство благосклонно было встречено Луначарским. Он лично принял и выслушал инициаторов. В совет по устройству Музея было введено несколько лиц, лично известных в Смольном, в том числе доктор Жихарев для заведования отделом охраны здоровья населения города и пожилая дама — для заведования отделом народного образования. В «Известиях Совета комиссаров Северной коммуны» был опубликован специальный «Декрет об учреждении Музея города и передаче навсегда в его ведение Аничкова дворца со всею его усадьбой».

При осмотре Аничкова дворца наиболее сохранившимся оказалось главное здание. Все остальные строения, не занятые жильцами, были в полуразрушенном состоянии, с провалившимися полами, осыпавшейся штукатуркой. Главное здание, как представляющее наибольший интерес, с крупными залами, выдержанными в классическом стиле, было Л. А. Ильиным, считавшим себя директором-устроителем музея, предназначено под развёртывание Отдела архитектуры города. Отдельное строение в глубине усадьбы, требовавшее наименьшего ремонта, было сразу определено для размещения в нём «Музея старого Петербурга», управление которого согласилось перевезти свои фонды в усадьбу Аничкова дворца и считать его частью Музея города. Для отдела «Охраны здоровья городского населения» были предоставлены помещения в наиболее разрушенном здании слева от портала, которое выходило на Фонтанку. Прежде чем размещать или собирать в нём экспонаты, нужно было восстановить провалившиеся полы. Чтобы не оттягивать дела, я воспользовался двумя комнатами освобождённой в соседнем флигеле квартиры и стал сносить в них из разных учреждений сохранившиеся модели, планы, фотоснимки, диаграммы и прочий музейный материал.

В одной комнате я разбирал материалы, а в другой — расставлял и развешивал отобранное. Доктор Жихарев считался заведующим отделом, но в этом деле он ничего не понимал, никакого участия в работе не принимал и не очень мешал созданию отдела.

Техническую работу по восстановлению и обновлению моделей помогал мне выполнять мой прежний сотрудник по подготовке экспонатов для Русского павильона Дрезденской выставки и для Всероссийской гигиенической выставки модельный мастер, столяр и муляжист И. А. Ильин. Во время чтения лекций на строительном факультете Политеха я для наглядности проводил некоторые занятия с демонстрацией моделей водопроводных и канализационных сооружений и больших планов городов в помещении, где занимался разборкой материалов в Аничковом дворце. Некоторые слушатели стали добровольно приходить и помогать мне в работе по устройству отдела. В свою очередь я помогал своим помощникам в выборе тем для дипломных проектов и подборе литературных источников. Моё увлечение идеей о такой планировке и застройке городов, которые обеспечивали бы равное для всего их населения благоустройство, удобства, здоровье, безопасность и культуру жизни, и мой энтузиазм передавались и моим молодым добровольцам-сотрудникам.

С первых же шагов подготовительных работ по устройству отдела фактически велась экскурсионная работа, посетителям излагались планы

дальнейшего развёртывания отдела. В отличие от музейных учредителей-архитекторов, которые считали, что главным предметом экспонирования должны быть здания, архитектура, т. е. сам город, я задавался вопросом, — а что же такое в основе своей город? И настойчиво выдвигал тезис о том, что на первом плане в изучении, познании и музейном экспонировании, отображении города должно быть население. Динамика населения, его развитие является первопричиной строительства и украшения города. Должны быть освещены в первую очередь пути и источники познания населения Петрограда, показана его численность, состав и изменения, в нём происходящие. Для большей наглядности я приводил сравнение города с рекой.

Когда говорят о любой реке, на чём, прежде всего, останавливают внимание? Разумеется, на мощности, на размерах реки, на её ширине, глубине, скорости её течения. Исследуются речное русло, берега, их характер. Изображается извилистость русла, перемены в направлении течения, повороты и образуемые рекою острова, отмели, перекаты. Однако ведь не берега, не русло, не дно образуют реку, а вода, которая проносится по руслу. Это она составляет само существо реки. Это вода несёт на себе суда и лодки. Вода в своей толще и в своих то ниспадающих и покрывающихся зыбью, то движущихся ровными струями, то покрывающихся пенистыми волнами живых массах создаёт истинную красоту реки. Только она связывает в одно целое весь ландшафт прибрежных лугов и лесов, круч и широких пляжей. Это в воде развивается вся жизнь реки. Да и сами берега со всеми их образованиями: с пойменными низинами и террасами, скалистыми ущельями и обрывами — всё это только продукт работы воды, заключающейся в ней энергии.

Совершенно тем же, чем вода для реки, является людская масса, население для города. Когда описывают город, останавливают внимание, прежде всего, на его расположении, на его улицах, площадях, садах и парках, монументальных зданиях и жилых домах, на фабриках, заводах, мостах, на его благоустройстве и хозяйстве. А между тем, всё это лишь отражение и продукт деятельности людей, которые и есть существо города, его истинное содержание.

Когда мы смотрим на реку, отдаёмся красоте её широкой глади, любим её течением или меряем взглядом её ширину и глубину, думаем ли мы о том, что в каждый миг перед нами уже не та вода, что протекала в предыдущую минуту? Вода течёт, уходит и заменяется другою, но основные причины, определяющие количество проходящей воды в каждый конкретный момент, продолжают действовать и в последующие моменты, и изменчивая текучесть воды не мешает нам полагаться на наши измерения ширины и глубины реки и этими измерениями характеризовать жизнь проносящейся массы воды.

При поверхностном взгляде город представляется нам сочетанием зданий и площадей, домов и улиц. А между тем, его существо — это его население. Оно, как вода в реке, имеет живой меняющийся состав, находится в процессе постоянной смены. Каждый миг некоторая часть населения выбывает — умирает или уезжает, другая часть вновь появляется в составе жителей города, рождается, вырастает или прибывает извне. Как мощность текущего перед нами потока мы определяем его шириной и глубиной,

быстротой течения, так и население города определяем его численностью, устанавливаемой при народных переписях, характером его расселения, т. е. отношением его массы к занимаемой площади или всей территории города, к построенным жилым домам и к их ёмкости, плотностью и скученностью¹, его возрастно-половым составом и теми изменениями в нём, которые происходят от смертей и рождений (естественное движение населения), а также от прибытия и выбытия (иммиграция и эмиграция, или механическое передвижение, переселение населения). Оба последние изменения — и естественное, и механическое движения населения устанавливаются соответственно поставленными, постоянно ведущимися записями и их учётом, т. е. текущей статистикой.

Чтобы сохранить хронологию, посвящу несколько страниц событиям личной жизни. Выше я рассказал о поездке моей в Череповец по вызову председателя губисполкома в мае 1919 г. Должен сказать, что я с тем большей готовностью откликнулся тогда на это приглашение, что оно совпало с моим неотступным стремлением найти возможность поехать именно в этот город, чтобы повидаться с Екатериной Ильиничной, которая ждала от меня ребёнка. Выписавшись из больницы, она уехала весной 1919 г. из Петрограда, приняв место второго врача в череповецкой губернской больнице. Меня охватывало беспокойство о состоянии здоровья Екатерины Ильиничны. Я не знал её дальнейшие планы.

По приезде в Череповец я разыскал Екатерину Ильиничну и познакомился с главным врачом больницы, под началом которого она работала. Доктор Стрельцов был хорошим хирургом, но держал себя не совсем обычно, казался большим чудаком. С ним жили два его младших брата. Они собирались поступать в Политехнический институт и очень интересовались условиями жизни его студентов. Знакомство с доктором Стрельцовым продолжалось у меня в течение нескольких лет. Поступившие в Политехнический институт оба его брата некоторое время были частыми посетителями «Полоски». Приезжавший их навещать доктор Стрельцов также обычно останавливался у нас. Это было в годы, когда никакой возможности остановиться в гостинице не существовало.

В конце августа 1919 г., преодолев все транспортные трудности, Екатерина Ильинична, не останавливаясь в Петрограде, проехала в Москву. Там она остановилась у самого близкого ей человека — Марии Александровны Тумаркиной, работавшей в специальной глазной больнице и жившей в Замоскворечье вместе с двумя своими сёстрами. Мой сын Илья родился в сентябре 1919 г. в родильном отделении Морозовской больницы. Трудное было то время для матери и ребёнка, очень скудны возможности питания для матери. Ребёнок голодал от недостатка материнского молока. Достать его для прикорма было невозможно. Мучительно трудно вспоминать мне и теперь, много лет спустя, о тревогах и волнениях в ожидании вестей из Москвы.

Поездка в Москву без специальной командировки осенью 1919 г. была невозможна, и мне только уже зимою удалось приехать и добиться

¹ Плотность — число душ на 1 гектар; скученность — число душ на 1 комнату в среднем, или число квадратных метров жилплощади на душу.

в ЗАГСе, чтобы была заполнена в документе о рождении Илика соответствующая графа об отце с моею собственноручной подписью. Это было совершенно бесспорное право ребёнка, чтобы его документ о рождении был оформлен так же, как документы других советских граждан. Но это было также и моё отцовское право, в оформлении которого только что зарождавшаяся загсовская бюрократия пыталась мне отказать. Я совершенно был убеждён в своей правоте и, в конце концов, заставил считаться с моим правосознанием.

Выписавшись из родильного отделения, Екатерина Ильинична временно жила у М. А. Тумаркиной, но как только оправилась, усиленно начала искать место врача вне Москвы, где легче было бы как-нибудь прокормиться и ей, и сыну. Теперь вообще невозможно представить себе, с какими трудностями, лишениями и прямо героической решимостью была сопряжена тогда поездка из Москвы для ознакомления с условиями предлагавшейся работы. Уже после моего отъезда из Москвы Екатерина Ильинична взяла место врача в Бородине — заведовать участковой больницей и вести ежедневный приём в амбулатории с выездами также к больным в окрестные сёла. В суровых зимних условиях пришлось переезжать из Москвы по железной дороге, а затем от станции — на лошадях. Огромная загруженность амбулаторной работой, частые выезды к больным, необходимость доставать хотя бы самое скудное пропитание — всё это было возможно только благодаря тому, что удалось найти деревенскую девочку в качестве няни.

Из-за лекций и работы по созданию Отдела коммунальной и социальной гигиены в Музее города я смог только в апреле 1920 г. вновь побывать в Москве и получить через московский губздравотдел направление для поездки в Бородино. На рассвете я вышел на станции. Расспросил, как пройти до Советской участковой больницы, и, не теряя времени, пустился в путь. Несколько километров дорога проходила по полю Бородинского боя, и я без путеводителя при восходе солнца проходил от памятника к памятнику, прочитывая надписи на обелисках и мемориальных досках. Подошёл, наконец, к речке и, пройдя ещё несколько километров, увидел парк и рядом с ним здание, в котором, по моему предположению, могла помещаться участковая больница. Ни одной живой души в такой ранний час нигде не было видно. Спросить не у кого. Утренний холод, усталость, да, пожалуй, ещё и неприятное чувство голода не очень располагали к терпеливому ожиданию, пока повыше подымется солнце. У запертых ворот я без всяких приключений перебрался через ограду. Долго стучался у первой входной запертой двери в каменный дом. Безрезультатно. Стал обходить дом и заглядывать в окна. Зимних рам уже не было. В довольно большой комнате я увидел через стекло кого-то спящего на кровати, а подле кровати детскую постель. Я сильно постучал в окно. Проснувшись Екатерина Ильинична подошла к окну. Никакой подоконник не помешал мне войти в комнату раньше, чем удалось найти и добудиться дежурного сторожа. Я провёл в Бородино несколько дней.

Помногу часов, пока Екатерина Ильинична была занята амбулаторным приёмом, сидел я на высоком обрывистом берегу реки, за которой расстилалась мягкая весенняя зелень луга, видны были избы ближайшей деревни.

Я был не один. Тёплое солнце ласкало моего уже полугодовалого сына, которому я срывал ветки ивы с распутившимися нежными листочками и пушистыми «котиками». Он уже начинал улыбаться, а срываемые для него ветки, листья и цветки пока что, увы, развлекали только меня.

Другой мой приезд в Бородино состоялся в начале июня. За два-три месяца жизненные проявления тогда уже девятимесячного сына значительно расширились и сделались гораздо более оживлёнными и интенсивными.

Памятен мне отъезд из Бородина в июле. Рано утром опять вышел я на Бородинское поле. Опять перед моими глазами, вблизи и на километры вдаль высились памятники великого Бородинского сражения. На станции узнал, что поезда на Москву со вчерашнего дня не было, что попасть на него очень трудно, много пассажиров на станции ждут уже целые сутки. Но мне, во что бы то ни стало, нужно было возвращаться в Петроград, так как истекал срок моей командировки. Я набрался решимости как-либо попасть в поезд. Однако решимость эта не привела ни к каким результатам. Когда поезд остановился, миновав станцию, я успел добежать до него и даже пробежать вдоль всех вагонов, но все они, все ступеньки были плотно забиты людьми. Все эти счастливицы, едва державшиеся на ступеньках, были глухи к мольбам и просьбам пропустить в вагон. Да и куда в вагон, когда там людям стоять тесно и двинуться невозможно! С отчаянием смотрел я на удалявшийся состав с висящими на ступеньках и плотно заполненными проходы людьми. Что было делать? Возвращаться обратно? После переговоров со станционными служащими я узнал, что есть надежда на прибытие внеочередного теплушечного состава. В течение нескольких часов прогуливался я подле станции, подсаживался к группам таких же, как и я, чающих появления поезда. Наконец он появился. Раздвижные двери во всех вагонах были закрыты. Попытки открыть их были безуспешны, изнутри их удерживали люди, плотно, до отказа заполнявшие теплушки. Кое-как мне удалось, несмотря на сопротивление, просунуть руку в слегка раздвинутую в одном вагоне дверь и с огромными усилиями подняться. Поезд уже начинал двигаться, и я умолял впустить меня. Откуда-то из глубины вагона раздался неожиданно голос, называвший меня по имени и отчеству, и твёрдо, решительно требовавший впустить меня в вагон. По голосу узнал меня оказавшийся в толпе пассажиров Артемий Яковлевич Закс, замечательный педагог, зам. директора Лесновского коммерческого училища, хорошо знавший меня как председателя родительского комитета. Как мог узнать Артемий Яковлевич мой голос, хотя в течение двух-трёх лет мне не приходилось с ним встречаться? Как могла у него появиться мысль обо мне здесь, вдали от Петрограда? Для меня это и сейчас представляется непостижимым. Как бы то ни было, только благодаря этой сверхъестественной случайности я доехал до Москвы, а оттуда, хотя и с опозданием на два дня, добрался до Петрограда.

Осенью Екатерина Ильинична переехала в Петроград. Остановилась у сестры. Илику уже было больше года. Я помогал носить его в консультацию для обеспечения ему карточки на получение молока. Стойко преодолевая все трудности тогдашнего положения, Екатерина Ильинична переехала ещё до наступления зимы в Старый Петергоф, где приняла на себя заведо-

вание детской инфекционной больницы. В отдельном небольшом деревянном домике при больнице была квартира для врача.

Нелегко было добраться из Лесного до Балтийского вокзала, а затем до станции Старый Петергоф. Я проделывал этот путь каждую неделю, оставался обычно с Иликом все праздничные дни. У меня сохранилось несколько тетрадей с наблюдениями за развитием «второй сигнальной системы» у Илика (на втором и третьем году жизни) и за первыми признаками зарождения складывавшейся его человеческой личности.

Когда выпал снег, я смастерил самодельные санки (купить или заказать в то время было невозможно). Не без опаски садился сначала Илик в этот «экипаж», но затем превозмог свою робость, привык и всякий раз, когда я приезжал, мы отправлялись с ним в отдалённые, иногда многочасовые и рискованные прогулки: к Бобыльску и взморью, или в занесённый снегом парк, к пустовавшему Английскому дворцу.

В марте 1921 г. Екатерине Ильиничне с Иликом пришлось в течение почти двух недель пережить полный перерыв сообщения с Петроградом, совершенный отрыв от всех близких людей и все ужасы фронтовой обстановки во время ликвидации Кронштадтского восстания. Снаряды морских линейных кораблей и кронштадтских батарей в течение нескольких дней проносились над больницей, в которой на это время приютилась Екатерина Ильинична с сыном. От разрыва снарядов были разбиты все оконные стёкла. В помещениях гулял ветер, было холодно, жутко. Только после окончательной ликвидации кронштадтской эпопеи восстановилось движение поездов, и мне удалось приехать в Старый Петергоф.

В апреле уже были возможны пешие прогулки с Иликом, он к этому времени уже научился «неутомимо» ходить. Держа его за руку, а чтобы сказать правду — держа его на руках, я совершал длинные прогулки к морю, где над береговыми поляньями носились стаи диких уток, а в разбросанных в стороне от дороги отдельных мызах мы видели гоготающих гусей, козу или свиней. В иные из этих довольно отдалённых мыз не раз ходил я и один, без Илика, чтобы достать для него два-три стакана молока. Для Екатерины Ильиничны это была очень трудная задача. После тяжёлого рабочего дня, в осеннее ненастье и в зимнюю стужу ей приходилось ходить по округе, чтобы выменять бутылку молока за какие-нибудь принадлежности платья. Что мог сделать я, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить ей эту задачу? Когда у нас на «Полоске» были козы, и каждый получал по стакану молока после утренней и вечерней дойки, я собирал свою долю в чистую бутылочку, как бы для того, чтобы выпить его с куском хлеба вместо завтрака на работе, и привозил это молоко сыну. Многими часами, пока Екатерина Ильинична была в больнице, Илик оставался на открытом воздухе, пока я заготавливал топливо для плиты из сухих веток, оставшихся в местах вырубки деревьев, или вскапывал в апреле и мае землю под посадку картошки.

Чтобы использовать мои еженедельные поездки в Старый Петергоф для моей работы, я согласился взять предложенное мне санитарным врачом Ходатом место врача в специальном детском доме для дефективных детей школьного возраста. Большим общественным бедствием в тот период была беспризорность детей, уезжавших с поездами, под кузовами ва-

гонов, скрывавшихся в городских трущобах, в канализационных колодцах. Нередко эти беспризорники были участниками всяких правонарушений, носителями детской преступности. Устраивались многочисленные облавы для их поимки и помещения в детские дома и специальные учреждения для дефективных. Одним из таких учреждений и была в Старом Петергофе «школа-приют для дефективных». Врач школы должен был посещать время от времени эту обитель для принятия мер противоэпидемического характера (прививки), для надзора за санитарным благоустройством помещений и самого школьного участка и для участия в заседаниях совета школы. За это врач мог получать частично продовольственный паёк.

Не без колебаний принял я эту работу. Я посоветовался с профессором Грибоедовым¹. Несколько недель добросовестно штудировал литературу о дефективных детях и учреждениях для попечения, воспитания и обучения их. Несколько раз побывал на заседаниях совета школы, настойчиво добивался улучшений в санитарной обстановке помещений для детей, вёл беседы о соблюдении мер личной гигиены с одной из старших групп воспитанников. Но вскоре я решил окончательно отказаться от этой должности. Воспитатели и директор школы были сторонниками крутых дисциплинарных мер и вместо атмосферы доверия к воспитателям, педагогам и врачу у детей было затаённое злобное чувство мести и вражды. Преодолеть эту атмосферу можно было бы только настойчивой, долгой работой, прежде всего, с воспитателями, но об этом совершенно и думать было нельзя без смены директора. Взвесив свои силы и возможности, я пришёл к выводу о необходимости отказаться от работы в этом детдоме.

В ноябре 1921 г. Екатерина Ильинична переехала из Старого Петергофа в Володарское (бывш. Сергиево), заняв место врача детского учреждения. Отведённая для неё квартира имела отдельный вход, но состояла всего из одной довольно просторной комнаты. Чтобы навещать Екатерину Ильиничну и Илика, мне нужно было из Лесного трамваями добираться до Нарвских ворот. Оттуда уходил трамвай к «Красному путиловцу», а там, доехав до «Красного кабачка», сесть в загородный трамвай, с большими перерывами ходивший до Стрельны. Когда напряжение тока в сети было слабое, трамвай останавливался, и последние несколько километров нужно было идти пешком.

Поездки в Володарское заставляли познать все трудности транспорта и были подлинной школой выносливости и терпения. В то же время они обогащали знанием подлинной обстановки и условий городской жизни. Екатерина Ильинична предпочла переехать из Старого Петергофа, чтобы не работать в инфекционной больнице в постоянной тревоге подвергнуться опасности заразить Илика.

Недолгое пребывание в Сергиеве вскоре сменилось для Илика на долгие годы жизнью в более благоприятных условиях в Детском Селе², куда

¹ Грибоедов Адриан Сергеевич — профессор психиатрии, организатор и руководитель Невропатологической клиники в Петрограде (1920).

² Так было названо в 1918 бывшее Царское Село. В 1937 Детское Село было вновь переименовано — в город Пушкин.

Екатерина Ильинична перешла на работу по устройству и заведованию санаторием для малышей (с мая 1922 г.). Начались годы чрезвычайно напряжённой для неё работы. Я же в те же годы был поглощён развёртыванием Отдела коммунальной и санитарной гигиены в Музее города, занят подготовкой к лекциям в Медвузе (ГИМЗ) и Институте усовершенствования врачей, руководством экскурсиями, подготовкой к печати ряда работ, в связи с чем мне приходилось много работать в Публичной библиотеке. Но в выходные дни я отрывался от всех этих дел и от работы на «Полоске» и переносился в другой мир, в мир сказочной красоты детскосельских парков, в мир впитывания вечных непостижимых, загадочных и захватывающих природных движений. По существу, гуляя с Иликом, я вновь переживал вместе с ним те дни, когда «нам новы все впечатленья бытия». Приведу здесь некоторые выдержки из сохранившихся моих записей.

«20 мая – 30 июня 1922 г. — Илик с мамой живут в чудесном помещении на берегу нижнего пруда в Детском Селе, среди великолепных дубов, лип, клёнов и сосен. Из окна комнаты — пленяющая картина: на зелени луга среди нескольких групп островов у самого берега пруда пасутся коровы и козы. В пруду постоянно плещутся десятки купающихся детей. За прудом на пригорке группы высоких деревьев, аллея из лиственниц, а дальше на горе среди зелени белеют стены дач.

...Здесь Илик проявляет гораздо больше самостоятельности, чем в Сергиеве. Сам убегает в другой конец дома на кухню, сам выходит во двор... Во время прогулок в парке Илик пробирается со мной ко всем перепадам воды из прудов по камням, хорошо уже знает статую Геркулеса, спящей Ариадны, Фавна и др. Знает в лицейском саду статую «Пускина». ... Систематически я ходил с Иликом далеко в лес, в направлении Павловска. Мы собирали грибы, ловили бабочек, стрекоз и лягушек.

Когда Илик с Екатериной Ильиничной приезжали в Петроград, чтобы погостить у тётки, я встречал их у вокзала, и мы гуляли пешком по Невскому от Литейного. По сути Илик вполне сознательно рассматривал в окнах магазинов игрушки и выставленные товары, а на улице — лошадей и особенно «моторы» и машины. ... Когда Илику до 3-х лет ещё не хватало двух месяцев, по развитию умственных способностей он подходил (во многом) скорее к ребёнку пяти-шести лет, однако оставался отнюдь не напичканным интеллигентским «скороспелкой», а прелестным, здоровым, естественным ребёнком... Он рано запомнил все стихотворения, которые я ему рассказывал перед сном: «По синим волнам океана», «Трубадура» и «Русалку, и «Песнь о соколе», и «Песнь о вещем Олеге». При гостях он читал их с экспрессией, подражая мне...».

Что касается семейной жизни моей на «Полоске» с Любовью Карповной, то с 1923 г. связано у меня такое воспоминание. 14-го ноября того года исполнилось 25-летие нашей с ней совместной жизни, и Любовь Карповна устроила в узком кругу близких родственников вечер. У меня сохранился листок из настольной записной книги Любови Карповны, на котором я написал посвящённое этому дню стихотворение. Первые буквы 12 строк этого стихотворения раскрывают само посвящение: «Любе от Захара». Приведу этот случайно уцелевший листок:

«Любимому другу и спутнику жизни
Юности радость вернуть бы хотел.
Бодрость и мудрая жизни покорность
Есть наш завет и удел.
Осени дни средь ненастья дождливого
Также и радость сулят.
Знойного лета цветам упоительным
Астры на смену спешат.
Хризантемы красой обворожительной
Ароматный жасмин заменяют.
Роз не жалеют, привлекают цветы своим
Ароматом, но жалят шипы тем большей...»

На вечер к нам приехал из Москвы брат Любви Карповны — Иван Карпович Полтавцев с женой Марией Михайловной. Иван Карпович за вечерним чаем вспомнил о прежних наших встречах в 1898 г. в Петербурге, в 1903 г. — в Сновске и в 1911–1912 гг. — в Берлине, рассказывал, что у него сложилось впечатление о знании моём наизусть большого числа творений Пушкина и Некрасова. Он попросил прочитать без подготовки какие-нибудь лирические стихи того и другого поэта. Исполняя его желание, я сказал первое пришедшее мне на ум непревзойдённое по красоте и силе лирического вдохновения стихотворение Пушкина «Я помню чудное мгновенье», а в качестве образца некрасовской лирики сказал его «Три элегии» («Ах, что изгнание, заточенье, — захочет, выручит судьба»). Я не был уверен, помню ли я это довольно длинное стихотворение, но, начав говорить, к немалому своему изумлению, благополучно, без заметных запинок, сказал все три части этой элегии. Читая его, я не вкладывал в него никаких автобиографических намёков и был глубоко огорчён тем, что Любовь Карповна с нескрываемым неудовольствием отнеслась к этому моему семейному «эстрадному выступлению».

Но вернёмся к моей профессиональной деятельности. Как и во многих других случаях, я не могу по памяти точно установить, в котором году был первый после Октябрьской революции санитарно-технический съезд. Но в памяти встают у меня связанные с этим съездом яркие, интересные картины и события. Очень хорошо помню, что съезд начался в Баку, в апреле, и был очень хорошо организован. В распоряжение участников для поездки на Шоларские источники был предоставлен Баксоветом специальный поезд. А закончил свою работу съезд в Тифлисе, где его участников чествовали обедом на только что начавшемся строительстве Земо-Авчальской ГЭС на реке Куре. Обед проходил в обширном сарае, только что построенном для размещения рабочих, начавших прибывать на строительство плотины. Сооружение ЗАГЭС происходило в 1923–1926 гг. Из этого можно заключить, что съезд мог проходить либо весной 1923 г., либо в 1924 г., но не позднее.

Первый раз видел я Баку. Весь город, а не только Чёрный город, где были нефтеперегонные заводы, был окутан чёрным дымом, будто мрачная стена стояла над домами. Дым заполнял, пронизывал весь воздух. Причудливый вид городу и окрестностям придавали бесчисленные вышки нефтяных скважин. До открытия заседаний съезда в ранние утренние часы я обходил

разные части города. И Старую крепость, где люди жили в тесной каменной застройке, как в муравейнике, и вползавшие на горы татарские лачуги среди кладбищ и каменных нагромождений, и новые «европейские» кварталы в районе Бакинского совета и в районах, примыкавших к Морской набережной, и новейшую застройку Арменикенда. Но, разумеется, я вновь и вновь возвращался к Биби-Эйбату и подолгу оставался там. Там велись работы по бурению новых скважин и работали, отводя нефть и изливая ручьи бросовой воды, нефтяные скважины. Заходя в квартиры, в жилища разных рангов, от отдельных мелких построек до новых жилмассивов, я, прежде всего, убедился, что стоявший чёрной пеленой в городе дым происходит не от заводских труб, а из тысяч дымоходов, выходящих из жилищ рабочих. Уходя с работы домой, все рабочие несли с собой ведёрки с нефтью, которой отапливали свои квартиры. Их отопительные приборы и плиты были крайне примитивны, совершенно не обеспечивали сгорания нефти, и большая её часть уходила из дымоходов в виде чёрных мрачных туч. Казалось, это вопрос ближайшего времени: для экономии нефти устроить в городе теплоэлектроцентрали, сплошную теплофикацию и газоснабжение всех жилых помещений, чтобы ликвидировать задымление воздуха. Во многих домах в городе встречались колодцы, но вода в них была солёная и для питья непригодная. Баку снабжался водой из горных Шоларских ключей (в 186 км от города). Собранный там каптажными сооружениями (по проекту Линдлея) вода поступала в Баку по самотечному бетонному водоводу. На нём, по-видимому, произошли какие-то повреждения, вследствие чего в годы, предшествовавшие съезду, стали обнаруживаться признаки ухудшения качества воды. Очень остро стоял в Баку вопрос об ускорении строительства канализации. Проект её был разработан местными инженерами.

Собирая санитарно-технический съезд в Баку, его организаторы рассчитывали подвергнуть всесторонней оценке и экспертизе проекты строительства в городе канализации и коренного улучшения Шоларского водовода. Гвоздём съезда был выезд на головные сооружения этого водовода и осмотр его всеми участниками. Для этого нам был предоставлен специальный поезд. Прибыв на Шоларские ключи, мы осмотрели великолепные по замыслу и выполнению каптажные и водосборные сооружения и заслушали заключения производивших экспертизу комиссий. Совершенной неожиданностью для нас был сервированный на горной лужайке на коврах обед с большим количеством местных вин. К обеду пришли большими группами гостеприимные хозяева — жители соседних сёл в национальных костюмах, с оркестрами и хорами. Они обратились к съезду с приветственными речами на азербайджанском языке. С ответной речью на тюркском языке выступил Д. С. Черкес. Обед вылился в непринуждённое дружеское общение участников съезда с празднично одетыми жителями. На лугу развернулись разные виды самодеятельного искусства — народные кавказские хороводы, песни, музыка и пляски.

На обратном пути поезд останавливался в тех местах, где были обнаружены разрушения водовода. Члены съезда осматривали их и выслушивали заключения специальной комиссии о причинах разрушений. На одном участке водовод был временно выключен для ремонтных работ. Вода пере-

давалась на время ремонта по напорной трубе. Вместе с несколькими другими членами съезда под руководством известного специалиста по бетону профессора Байхова я прошёл весь выключенный участок, протяжением в несколько сот метров, внутри водовода для непосредственного ознакомления с характером разрушений от просачивания сульфатных грунтовых вод и способами ремонтных работ. Вся поездка прошла очень оживлённо.

По прибытии в Тифлис я, как всегда, воспользовался случаем, чтобы ознакомиться со столицей Грузии, в которой никогда прежде не бывал. Сады были в это время в полном цвету. Голубоватые кисти глициний украшали стены многих домов. Палисадники придавали красоту широким улицам.

На съезде были сделаны доклады о состоянии тифлисского водопровода и о проекте его коренного переустройства за счёт переноса водозабора на несколько десятков километров выше до впадения Арагвы, со взятием подрусловых горно-грунтовых вод. Все участники съезда отправились на Куру, на водопроводную станцию с оригинальными, довольно примитивными устройствами для введения в воду коагулянта путём протекания воды из реки через особого устройства корзины, заполненные кусками твёрдого коагулянта. Участники съезда были приглашены ознакомиться также с только что начавшимися тогда работами по сооружению крупнейшей в то время Земо-Авчальской ГЭС. После осмотра работ и ознакомления по чертежам со всем проектом, в бараке, служившем столовой, состоялся обед с участием руководящего инженерно-технического персонала строительства и большого числа рабочих — с речами и тостами, отражавшими глубокий и искренний энтузиазм, охвативший не только строителей, но и всех нас, видевших своими глазами зарождение одного из величавых проявлений мощи человеческого гения и силы, направленной коллективной воли и организованного массового труда. Замечательной стороной этого самопроизвольно возникшего банкета, как и обеда на коврах среди горного луга с участием жителей горных аулов, было полное отсутствие самонадеянности на племенную рознь или какого бы то ни было чувства национального превосходства. Все ощущали себя одинаково нужными участниками великого коллективного дела общенародного возрождения и строительства.

По окончании съезда обратный путь в Петроград я совершил вместе с группой других членов съезда через Батуми. Здесь я провёл всего лишь один день. Но и в этот один день имел возможность убедиться в коренной разнице климата (по степени влажности) в Баку и в Батуми. Пока я прогуливался по улицам и набережной Батуми, разглядывая его субтропическую растительность, я два раза должен был спастись в подъездах домов от непродолжительного, но внушительного ливня. Краткость пребывания и стремление как можно больше посмотреть за один день, да, пожалуй, ещё и усталость стали причиной стёртости восприятия особенностей природы Батуми.

Такие же неяркие впечатления остались у меня и от Кутаиси, где я пробыл несколько часов, от реки Риони, от низменной, почти заболоченной долины у самого города, от огромного разрушающегося храма со своеобразным куполом. В то время ещё не было гидроэлектростанции на Риони и о строительстве Рионгрэса ещё не было и речи.

Полный восстанавливающий отдых получил я на пароходе, на котором проплыл от Батуми до Туапсе. В Туапсе провёл всего один день, употребив его на прогулки в окрестностях по склонам гор, покрытым ярко цветущими азиями. Успел побывать в хорошо оборудованном здании морских ванн и воспользоваться подогретой морской ванной. Из Туапсе вернулся в Петроград поездом.

И на съезде, и на обратном пути в беседах с инженерами, заведовавшими водопроводными сооружениями и строительством канализации в разных городах, я заручился обещаниями, что по возвращении они вышлют чертежи, планы и проекты прежних и вновь строящихся или проектируемых коммунальных и санитарных сооружений для нашего Музея города. Так, всякое участие в съездах и конференциях по коммунальному строительству, всякая моя поездка или экскурсия содействовали обогащению и пополнению становившихся все более обширными коллекций и собраний экспонатов Отдела коммунальной и социальной гигиены.

Как уже было сказано выше, поначалу были отобраны и отремонтированы некоторые сохранившие своё значение модели и материалы, относящиеся к благоустройству городов. Первоначально они были размещены в шести комнатах одного из задних флигелей усадьбы Аничкова дворца. В 1919 г. Отдел получил в своё распоряжение здание, в верхнем этаже которого были вскоре восстановлены 15 комнат для размещения наших экспонатов. При переименовании мною Отдела охраны здоровья в Отдел коммунальной и социальной гигиены его задачи были расширены: он должен был показать «с возможно полной наглядностью и полнотою все те стороны в жизни городов, их благоустройстве и коммунальном хозяйстве, которые ближайшим образом отражаются на социальном здоровье или имеют своим предметом достижение улучшений в санитарном состоянии города, либо обслуживание санитарных нужд его населения».

Только с лета 1920 г. оказалось возможным приступить к систематическому восстановлению помещений, освобождённых в отведённом для Отдела здании. После периода 1918–1921 гг. эти помещения находились в полуразрушенном состоянии. Во время наступления на Петроград Юденича внутригородская линия обороны была создана по правому берегу Фонтанки и все отведённые для нас помещения были завалены мешками с песком с амбразурами между ними. После разгрома Юденича нам пришлось немало потрудиться, чтобы очистить помещения от земли и песка. В 1923 г. из нескольких комнат второго этажа и бывших над ними мансард оборудован был библиотечно-читальный зал. Этот зал в два света, с верхней открытой галереей для книжных шкафов, украшен был портретами главнейших учёных и деятелей в области коммунальной и социальной гигиены (Петтенкофера¹, Эрисмана, Пирогова, Вирхова, Осипова, Янсона и др.).

В 1924–1925 гг. путём уничтожения антресолей, удаления многих простенков и пролома капитальных стен все выходящие на Фонтанку помещения первого этажа были объединены в один общий выставочный зал

¹ Петтенкофер Макс (1818–1901) — немецкий гигиенист, основоположник экспериментальной гигиены, президент Баварской АН.

с удобными и приспособленными специально для размещения соответствующих экспонатов отделениями. Этот образовавшийся из полутора десятков мелких, низких, полутёмных, а отчасти и совершенно тёмных, без всяких окон антресольных помещений, закоулков и переходов — новый обширный, хорошо освещённый, освобождённый от загораживавших окна разгородок и полов зал с высокими сводчатыми потолками представлял собой, в сущности, восстановленную аркаду бывшего здесь когда-то в первоначальной постройке Дж. Кваренги гостиного двора с выходящими в неё торговыми помещениями. В этом зале, между прочим, по моей просьбе, была под руководством инженера В. И. Паншина построена в одной из ниш модель в натуральную величину разреза петроградской улицы с её булыжным верхним покрытием, откосами, примитивными лотками и поливной тумбой, узенькими тротуарами, отмоستками, пожарным стендером и всеми подземными сооружениями — деревянной и — более новой — бетонной канализацией, старыми петровскими водопроводными трубами и современными водопроводными магистралями, электрическими кабелями, газовыми трубами, контрольными и др. колодцами. Здесь же специально приспособлены были простенки для размещения наиболее крупных планов канализации и водоснабжения, таких, как общий проект канализации Петрограда, планы существующей канализационной сети Москвы, Киева, Харькова, план водопроводной сети Петрограда, Одессы и проч. Тогда я так был поглощён строительством и развитием музея, что каждый экспонат, которым удавалось обогатить наш Отдел, был для меня целым событием и до сих пор не изгладился в моей памяти.

После коренного переустройства нижнего этажа и приспособления его для музейных потребностей экскурсии последовательно проходили через все помещения по принципу одностороннего движения, без столкновения с встречным потоком экскурсантов.

Развёрнутые в залах Отдела экспозиции призваны были показать социально-экономические факторы расселения жителей города и неизбежное их отражение на всех формах городского благоустройства и на физическом благополучии, на здоровье, заболеваемости, смертности и развитии населения. С этой точки зрения рассматривались последовательно план и застройка населённого района (города, посёлка), характер его домов и квартир, оборудование улиц, обеспеченность свободными пространствами и зелёными насаждениями, влияние этих условий на состояние воздуха, воды и почвы.

Всесторонне и наглядно обрисовывались при этом социальные отрасли коммунального хозяйства, направленные на санитарное благоустройство города: вся система и все сооружения по очистке городов; канализация и обезвреживание сточных вод; захоронение и кремация; водоснабжение и очистка питьевых вод, их озонирование и хлорирование, а также ключевое, артезианское и запрудное водоснабжение, городская водопроводная сеть и водомерное хозяйство. Так же подробно освещалась важнейшая для здоровья и жизни населения область общественного питания и коммунальных предприятий: организация снабжения городов продовольствием — мясом, рыбой, молоком, хлебом и пр. Широко были представлены материалы о го-

родских рынках, базарах, бойнях, холодильниках и пр. Сюда же входили, между прочим, и богатые коллекции муляжей и наглядных материалов известного мясного музея имени магистра ветеринарных наук М. А. Игнатьева¹, и вновь устроенные под руководством профессора М. Д. Ильина стенды о снабжении городов рыбными продуктами, и, наконец, собрание экспонатов Ленинградского союза потребительских обществ (ЛСПО) с крупными моделями молочных ферм, хлебопекарных заводов и пр. Несколько залов были посвящены средствам ограждения населения от эпидемических болезней — паразитарных тифов, холеры, чумы и пр. В них были сгруппированы наглядные материалы (модели, планы, снимки, чертежи) городских бань и прачечных, так называемых пропускных бань и других, предназначенных для той же цели учреждений, врачебно-наблюдательных станций в портовых городах и пр. Сюда же примыкали наглядные материалы по изображению жилищных условий тех групп населения, которые заслуживают особого внимания с точки зрения ограждения городов от эпидемической опасности — судоремонтных и портовых рабочих, ночлежников, обитателей коечно-каморочных и угловых квартир.

В Отделе были собраны обширные материалы, отображающие предпосылки возникновения в городах так называемых социальных болезней, а также мероприятия в области социальной профилактики и борьбы с ними. При этом предметом изучения и экспонирования являлись не человеческий организм и его здоровье (это входило в задачу музея губзддрава), а город и его население, как социально-экономическая и коммунально-хозяйственная организация. Среди экспонатов на первом плане стояли материалы по Ленинграду, однако всюду они сопоставлялись с однородными материалами других наших и иностранных городов, в особенности таких, достижения которых в области санитарного благоустройства и гигиены представляли наибольший интерес.

Экспонаты Отдела составляли следующие 16 групп:

1. Город как общее жилище и его влияние на социальное здоровье, с подгруппой санитарно-демографических данных о населении городов.

В эту группу входили крупные модели разных видов изолированного, отдельно расположенного человеческого жилища, как первой противоположности городского и сельского расселения. На макетах легко воспринималась чрезвычайно важная для правильного понимания сущности городского благоустройства идея, что жилищем служит не только постройка, но и окружающее её место, где люди в благоприятную погоду отдыхают, даже едят и спят, и где значительную часть времени под открытым небом остаются дети.

В модели целой деревни резко выступала внутренняя связь жилищ и очевидный факт, что не только каждый двор и усадебное место являются органической частью жилища каждой семьи, но и лежащая между рядами изб или домов улица. Другими словами, жилище людей — не отдельная

¹ Игнатьев М. А. — инициатор открытия в 1882 в Петербурге первой в России станции по исследованию мяса на трихинеллез; основал Городской мясной музей, где проводил занятия с ветеринарными и медицинскими врачами по мясоведению.

изба или хата, а весь посёлок, и требования благоустройства должны распространяться не на отдельные дома, а на всё население.

Ещё нагляднее этот вывод напрашивался при сопоставлении модели отдельно расположенного жилища с большой моделью типовых многоэтажных домов современного города. На последней было отчётливо видно, что жилищное благоустройство достижимо только на основе общегородского благоустройства при наличии современных домов и уличной сетей городского водоснабжения и канализации, а также достаточного количества пространств, садов, парков. На моделях многоэтажных жилых корпусов легко демонстрировалось неизбежное увеличение оторванности живущих в верхних этажах от окружающей местности, невозможность для них часто бывать среди зелени, на земле. Исправить это могло только создание целесообразного плана города с разделением на районы по их назначению и с выделением *специальных жилых микрорайонов* с преобладанием невысоких (в 2–3 этажа) домов, с густой сетью детских и спортивных площадок и наличием поблизости зелёных массивов¹.

Все эти положения подтверждались большими графическими таблицами и диаграммами. На одной из них прослеживалась смертность в Петербурге с 1764 по 1926 г. в связи с основными демографическими и социально-экономическими факторами и с развитием санитарно-технических сооружений коммунального хозяйства. Такие же диаграммы наглядных графиков имелись по Москве, Берлину, Вене, Стокгольму, Цюриху и другим крупным городам мира.

II. Санитарные нормы планировки и застройки городов и других населённых пунктов.

К этой группе экспонатов относилась коллекция планов рабочих посёлков, строившихся в разных районах СССР, и удачных с точки зрения разрешения санитарных задач проектов и планов немецких и английских рабочих посёлков. Много внимания уделено было выяснению санитарного значения свободных пространств и зелёных насаждений в общем плане города и при отдельных жилых домах. Влияние густоты застройки на здоровье населения было отражено в таблице, в которой сопоставлялись густота застройки кварталов и уровень смертности в них от туберкулёза. С другой стороны, показывалась необходимость и в жилых районах, именно в санитарных интересах, придерживаться такой застройки по густоте, которая делала бы возможным оборудование района общим водопроводом и всеми другими элементами благоустройства.

III. Санитарная сторона жилищного вопроса и санитарные требования к жилищу.

В этой группе экспонатов наиболее instructивными были десять оригинальных таблиц о санитарном устройстве жилищ. На них наглядно показывалось влияние окраски стен на освещённость жилища, взаимосвязь куба-

¹ То есть уже в те годы Захарий Григорьевич отстаивал идеи создания так называемых «спальных районов» и коттеджных малоэтажных посёлков в черте города — того, к чему Москва и Петербург только-только приблизились в конце XX — начале XXI в.

туры и вентиляции, приёмы санитарной обработки углов, карнизов и печей в квартирах (для устранения пыли), устройство полов и стен для избежания сырости, значение расположения квартир на одну или на две стороны и т. д.

IV. Санитарное благоустройство и оборудование улиц.

К этой группе экспонатов относилась модель разреза благоустроенной улицы современного европейского города с палисадниками, широкими тротуарами, полосами газонов и ездовой замощённой частью. Прямую противоположность составлял представленный поперечный разрез петроградской улицы с её узкими тротуарами, отсутствием палисадников у домов. В Отделе была собрана коллекция образцов материалов замощения улиц и моделей мостовых, типичных для Петрограда.

V. Очистка городских улиц и площадей, удаление и обезвреживание сухого мусора и отбросов.

В залах были выставлены новейшие для того времени образцы автоматических тележек для уборки улиц берлинского типа; модель типовой мусоросжигательной станции системы Горсфала и модель построенной накануне войны Василеостровской мусоросжигательной станции в Петрограде. Из новых к тому времени способов обезвреживания мусора был также представлен в чертежах итальянский метод «мокрого сжигания» в камерах Беккари. К этой же группе относились образцы фургонов для вывоза мусора мюнхенского типа и др., а также материалы по фекалепроводу и устройству городских свалок.

VI. Кладбищенское дело и кремация.

Сюда относилась интересная цельный зал модель проекта крематория в Петрограде, разработанная в 1919 г. архитектором Джороговым. Были разборные модели кремационных печей, спроектированных проф. Правдзиком. Ввиду предстоявшей в ближайшем будущем постройки крематория в Петрограде и возросшего интереса к кремации у коммунальных работников, группа кремации быстро расширялась новыми экспонатами, приобретаемыми при содействии Отдела благоустройства Ленгуботкомхоза. Устроитель московской выставки по кремации Гвидо Бартель согласился дать нашему Отделу копии своих материалов, наглядно рисующих устройство крематориев в городах Западной Европы. Были планы и снимки первого в СССР действовавшего уже крематория в Москве.

К этой же группе относились экспонаты о городских моргах и кладбищах. Между прочим, Отделом была составлена коллекция планов советских и иностранных городов с расположением на них кладбищ.

VII. Канализация и очистка сточных вод.

Эта проблема была представлена в Отделе особенно широко и наглядно. Помимо планов канализации Лондона, Берлина, Парижа и многих других западноевропейских городов, в экспозициях были представлены планы канализационной сети важнейших городов СССР. Кроме довоенных проектов канализации Петрограда (Д. П. Рузского и др.), у нас имелся проект уже строившейся в те годы канализационной сети. Исключительную ценность представлял рельефный план Петрограда и дна Невской губы. Они наглядно показывали весь рельеф территории города, все существующие уклоны и условия дренажа почвы.

Очистка сточных вод представлена была на моделях полей орошения, на многочисленных моделях биологических установок разного типа. Из новейших материалов выделялся проект строившейся в то время в Москве районной станции по очистке сточных вод по методу активного ила и продувания, а также чертежи новой системы очистки сточных вод в Мюнхене путём применения очистных биологических прудов с хорошо поставленным рыбным хозяйством.

VIII. Водоснабжение, очистка и обезвреживание питьевой воды.

К этой группе принадлежали модели, чертежи и графические материалы, характеризующие дело водоснабжения, как в городах СССР, так и на Западе. Крупнейшей моделью по очистке воды являлась модель фильтро-озонной станции на Петроградской стороне. Она показывала как очистку воды, так и её обезвреживание озонированием, которое производилось до 1922 г. Тут же демонстрировались образцы озонаторов Сименс-Гальске и другие приборы. Вместо озонирования после 1922 г., как известно, у нас, как и во многих других городах Европы и особенно Америки, стало применяться хлорирование. Наглядно был представлен метод обезвреживания воды просвечиванием ультрафиолетовыми лучами кварцевых ламп. К истории разработки проектов улучшения водоснабжения в Ленинграде относилась самая крупная модель, представляющая рельефный план ключевого района, так называемого силурийского плато, с расположением на нём проектируемых водоснабжающих сооружений. Тут же демонстрировались образцы фильтров — английских, американских, незатопляемых и напорных.

IX. Мясное снабжение города.

С точки зрения социальной гигиены налаживание массового снабжения населения доброкачественными продовольственными товарами играет чрезвычайно большую роль, особенно мясом — путём устройства скотоперегонных дворов, открытия и содержания боен и организации подвоза мясных продуктов. При этом выдвигается на первый план чисто санитарная задача: обеспечение поставки доброкачественного мяса от здоровых животных. Для осуществления этой задачи требовались сложные формы санитарно-ветеринарного надзора, тесно связанного с устройством и ведением коммунальных боен. По богатству материала, полноте и законченности программы эта группа экспонатов составляла самостоятельный раздел мясного Музея. Главная часть входивших в его состав экспонатов изготовлена была под руководством известного знатока мясного дела магистра ветеринарных наук М. А. Игнатьева художницей-скульптором А. Л. Шмидт.

Мясной Музей помещался до 1921 г. при городских бойнях и передан был в наш Отдел при переходе боен в ведение коммунального хозяйства. Экспонаты этой группы помимо посетителей Отдела служили предметом внимания специальных работников в области пищеведения.

X. Снабжение города рыбой и рыбными продуктами.

Группа эта была создана под руководством известного специалиста в этой области проф. М. Д. Ильина.

XI. Снабжение городов хлебом, молоком и другими продуктами.

Эту группу составляли экспонаты о городских рынках, холодильных складах, молочных фермах и хлебопекарных заводах, а также обо всех дру-

гих видах пищевого снабжения. Сюда входили переданные Отделу Ленинградским союзом потребительских обществ (ЛСПО) коллекции моделей, картин, снимков, муляжей и образцов, отражающие важнейшие типы учреждений по общественному снабжению. Особенно наглядно представлены были хлебопекарное дело и снабжение молоком: модели первого хлебозавода, механических хлебопекарных печей, частной хлебопекарни, модели крупных молочных ферм и пр.

ХII. Бани и прачечные в городах.

В группе имелось несколько моделей бань, коллекция планов существующих и вновь строящихся коммунальных бань и прачечных в городах СССР, планы и чертежи общественных прачечных и народных бань с бассейнами для плавания в некоторых зарубежных городах.

ХIII. Ограждение городов от эпидемий и заразных болезней.

В качестве ограждения населения от заносных эпидемий в группе имелись модели наблюдательных и пропускных станций и карантинных учреждений.

В группе ХIV экспонировались учреждения и устройства, направленные на поднятие *физической культуры в городах и на укрепление здоровья детского населения*. Детские площадки, стадионы, новые подходы к строительству школьных зданий.

Группа ХV включала в себя материалы, характеризующие *влияние крупных фабрично-заводских предприятий на санитарное состояние городских районов* (современная экология).

И, наконец, в группе ХVI были представлены материалы о *распространении в городах социальных болезней* и об общих основах санитарного обслуживания населения в городах и во внегородских местностях.

Успешное пополнение Отдела коммунальной и социальной гигиены многими весьма ценными экспонатами по водопроводному делу связано в моей памяти с именем главного инженера Ленгорводопровода Константина Павловича Коврова. Это был крупный специалист своего дела, постоянный активный участник всесоюзных технических съездов. Большой опыт практической работы сочетался у него с постоянным теоретическим интересом и освоением новых достижений в его специальности по литературным источникам. Он был усердным читателем получавшихся в Отделе, а позднее — в Научно-исследовательском институте коммунального хозяйства (НИИКХ) периодических изданий на английском, французском и немецком языках. Стремление к развитию коммунального хозяйства в Ленинграде составляло жизненный интерес Константина Павловича. Он был предан своему делу, любил его. Благодаря ему к нам в Отдел мало-помалу перекопывали целые коллекции, например, водомеров, специально смонтированных для музейного экспонирования, крупные фасонные части, задвижки, образцы крупных деталей фильтро-озонной установки, эмульсеры, озонаторы и пр. Все эти модели и образцы изо дня в день служили материалом для показа и объяснения студентам и коммунальным работникам для облегчения усвоения ими необходимых санитарных и технических знаний.

Отдел пополнялся экспонатами также в результате моих поездок в Москву, где был Музей социальной гигиены, основанный при содействии нарको-

ма здравоохранения Н. А. Семашко его сотрудником по кафедре социальной гигиены А. В. Мольковым. При музее была мастерская по изготовлению моделей и приборов. Я принимал участие в выработке списка и проектов моделей, в оценке изготовленных макетов, собранных коллекций.

Вскоре Музей города перешёл в ведение вновь сформированного отдела коммунального хозяйства Петросовета: нам поручалось готовить материалы к докладам в исполкоме, нас приглашали для консультаций, на заседания комиссий по разработке проектов. Благодаря этому я всесторонне ознакомился с планами и работами по городскому благоустройству.

Во главе коммунального хозяйства Петросовета был поставлен после Михаила Ивановича Калинина — Н. И. Иванов, хорошо мне знакомый по совместной с ним работе в 1918–1921 гг. в отделе труда, которым он тогда заведовал. Преемственно перешёл под его начало весь состав служащих прежней городской управы и городских комиссий — водопроводной, строительной и пр.

В дореволюционной Петербургской управе господствовали бюрократизм, чиновничество и субординация, а не дух товарищеского сотрудничества, преданности делу и отстаивания своего профессионального достоинства. Новый руководитель должен был перевоспитывать персонал прежнего её аппарата, а вместо этого он сам попал под влияние угодливых чиновников. Было жалко и горько видеть, как вышедший из рабочей среды руководитель усваивает нравы прежнего управского начальника. Как-то я получил приглашение зайти к нему для консультации. В обширном кабинете за столом, поставленным посередине комнаты, в министерском кресле сидит Николай Иванович. Подхожу, здороваюсь. Он начинает разговор, не предложив мне сесть, да и стула у стола нет. Я извинился, сказав, что сначала поищу стул, а то ведь неудобно говорить стоя, когда он сидит. Вышел за дверь, взял свободный стул, принёс его и стал подробно излагать данные о канализации в Петрограде. В ходе разговора понадобилась справка из канализационного отдела. Николай Иванович нажимает кнопку и просит вошедшего служителя пригласить заведующего нужным отделом. Входит крупный специалист инженер А. А. Рейнеке. Он, стоя, даёт разъяснения, а Николай Иванович тоном начальника даёт ему «задания». Поздоровавшись с А. А., я приношу ему стул, пояснив, что нельзя нам вести разговор, когда двое сидят, а один стоит. А. А. обратился к Н. И. с просьбой разрешить ему сесть. После обсуждения вопросов, предложенных Н. И. Ивановым, он предложил мне сделать доклад на заседании секции коммунального хозяйства Петросовета о благоустройстве города и необходимости новых приёмов оборудования улиц.

К этому же времени, к началу 20-х годов, относится активное моё участие в журнале «Вопросы коммунального хозяйства», возникшем при отделе Петросовета. Мысль об издании этого журнала зародилась первоначально у работников Музея города. В ряде статей на страницах этого журнала я освещал те вопросы городского благоустройства, которые поднимались посетителями музея во время моих объяснений и лекций. Рационализация оборудования улиц, создание около жилых домов газонов и палисадников, переход от булыжных и деревянных мостовых к асфальтобетонным и мел-

кобрусчатым, устройство вместо «откосников» поребриков, правильная система озеленения улиц и жилых кварталов, — всё это были насущные вопросы, требовавшие большой, настойчивой борьбы с укоренившейся в Петрограде рутинной. Отсталая техника и устаревшее оборудование улиц в Петрограде, а также полное отсутствие во многих районах города таких основных общегородских сооружений, как рациональная канализация и здоровое водоснабжение, нашли подробное отображение в моей книге, изданной в 1923 г., — «Петроград периода войны и революции». Издание этой книги стоило мне большого труда из-за множества препятствий.

Когда при Музее города были открыты курсы, превратившиеся затем в Институт коммунального хозяйства со специальным отделением для командированных из разных городов ответственных работников данного профиля, я много времени отдавал чтению лекций и целого курса по «основам общего городского благоустройства», по коммунальной и социальной гигиене. По настоянию слушателей эти лекции были подготовлены к печати и изданы в 1926 г. в Москве под заголовком «Основы общего благоустройства городов». По выходе в свет книги в печати появились очень благоприятные рецензии о ней. Очень быстро тираж разошёлся. В связи с большим спросом на эту работу я приложил много труда на дополнения и улучшения текста и на подготовку её ко второму изданию. Закончен был уже набор книги, я выправил гранки, но в это время произошла смена высшего руководства Наркомата. Издание было приостановлено, а затем отменено.

В Отделе коммунальной и социальной гигиены кроме меня и модельного мастера Ив. Ильина была ещё только одна «штатная единица» — должность делопроизводителя. Замещалась она не по моему выбору, а дирекцией Музея. По опыту моей прежней общественной работы я не сомневался, что мой интерес к делу, моё постоянное объяснение значения, цели и смысла работы постепенно вызовут и воспитают у моих помощников понимание и интерес к работе. Так сначала было и на этот раз. Ко мне была направлена из дирекции секретарём дочь известного театрального деятеля Теляковская. Будучи постоянным свидетелем того, что и я, и приходившие ко мне студенты и преподаватели сами делали все работы по расстановке и развешиванию экспонатов, по уборке музейных помещений, она скоро также стала проделывать все эти работы, не ожидая, когда придёт служитель или уборщица. Входя во все нужды и задачи Отдела, она стала настоящим товарищем по работе. Привлекла из круга своих знакомых добровольных сотрудниц — художниц.

Главную часть работы по обеспечению экспонатами и по оборудованию Отдела выполняли добровольцы, преимущественно из числа студентов. При Отделе сложился и всё более расширялся кружок в основном из студентов курсов по коммунальному хозяйству, для которых я проводил систематические лекции. В состав кружка вошли многие из слушавших мои лекции санитарных врачей и студентов-медиков. На заседаниях кружка слушались и обсуждались работы по санитарному обследованию районов города, доклады приезжавших на коммунальные курсы из разных городов заведующих комхозами и членов горсоветов по проектам планировки городов, по нуждам водоснабжения, жилищного строительства и пр. Вно-

симые предложения вызывали желание у молодых работников, как можно скорее, добиться их осуществления. Например, при обсуждении проблемы развёртывания жилищного строительства в Ленинграде понадобилось выяснить на плане города места и районы наибольших разрушений, наглядно показать образовавшиеся пустыри, которые можно было бы обратить в новые сады и скверы. Я предложил силами кружка обследовать обстановку конкретно на местах и внести исправления на плане. Казалось, что эта работа потребует много времени, много недель или даже месяцев. Но молодые кружковцы разделились на 8 или 10 пар и на следующий же день со старыми планами в руках начали в разных частях города обход кварталов. Начиная обход квартала вместе, оба участника каждой пары расходились затем в разные стороны. В результате в течение нескольких дней работа была завершена, и мы направили свои выводы и предложения в органы исполнительной власти. Многие предложения были учтены в практике планирования и строительства.

Обычно участники экскурсий для получения более подробных сведений по тем или иным вопросам заходили в нашу рабочую комнату, где я и мои помощники вели работу по подготовке новых экспонатов, по отысканию нужных сведений в специальных изданиях, в статистических сборниках, справочниках и пр. В беседах с такими посетителями не только мы отвечали на их вопросы, но нередко и они обогащали нас очень важными сведениями. Так, одна посетительница рассказала, что для музеев можно отбирать очень ценные и даже редкие книги в складах, куда свозятся издания и библиотеки из реквизируемых богатых квартир, в которые вселяются семьи рабочих из переуплотнённых и подвальных помещений. Я ознакомился с одним из таких складов в доме на Фонтанке. Подолгу разбирал я там книги и составлял список пригодных для нас изданий. В большинстве случаев разрешение на передачу в Музей отобранной литературы получалось без больших проволочек. Среди огромных книжных накоплений в этом складе были остатки богатейших книжных собраний крупных чиновников, врачей, инженеров. Как ни горько было думать о несправедливо ужасной участи бывших владельцев этих книжных, культурных сокровищ, за их счёт удалось пополнить библиотеку Отдела изданиями по статистике, по врачебно-санитарному законодательству, ценными трудами из библиотек Рейна, Владиславлева¹ и др.

Так же вошла в жизнь Отдела и назначенная к нам дирекцией Музея Елизавета Ивановна. Оставшись вдовой с несколькими детьми после смерти мужа, служившего одним из дворников дворца, она продолжала жить в дворцовой усадьбе в доме для дворцовой прислуги и тоже входила во все дела, во все чаяния и беды Отдела. Трудное было тогда время. Но Елизавета Ивановна оказывала незаменимые услуги в обеспечении нас кипятком для чая, а иногда помогала достать к чаю даже сахар и сухари.

Своими заботами Елизавета Ивановна облегчала и жизнь нашего старика Василия Тимофеевича. От неё я узнал, что тот страдает от затруднений

¹ Владиславлев Игнатий Владиславович (1880–1962) — известный библиограф, составитель и издатель библиографических ежегодников.

при глотании пищи. Из расспросов старика я с большим беспокойством пришёл к заключению о возможности в данном случае рака пищевода. Убедил его пойти на приём к Николаю Николаевичу Петрову¹ в Мечниковскую больницу. С Николаем Николаевичем я предварительно говорил и просил его помочь нашему сотруднику. После обследования, ввиду всё более нараставших явлений непроходимости пищевода Петров произвёл весьма трудную операцию, которая прошла удачно. Но общее состояние старика было очень тяжёлое, и, к общему нашему горю, он скончался спустя три дня после операции.

В 1924 г. я разработал программу, а затем руководил обследованием распространения туберкулёза среди рабочих завода «Большевик» (бывш. Обуховского), в связи с чем несколько раз осматривал все цеха завода и дома для рабочих. Обследование проводил Петроградский научно-исследовательский туберкулёзный институт под моим непосредственным руководством. В то время я заведовал Отделом социальной патологии этого института. Мы ставили своей целью выяснить степень и характер распространения туберкулёзных заболеваний и сопредельных с ними патологических состояний, обычно отмечаемых как перибронхиты, среди рабочих и связь этих заболеваний с условиями профессии, жилища, питания и, в особенности, с предшествующими влияниями нарушенного питания и привычных условий жизни в период войны и революции.

Клиническая часть программы обследования была составлена А. Я. Штернбергом и профессором-рентгенологом А. Я. Кацманом, а санитарная (социально-гигиеническая) часть — мною. В ходе обследования заполнено было 3439 карт, на каждого рабочего в отдельности. Все вопросы, относящиеся к жизни, выяснялись путём опроса, производившегося группой специально инструктированных слушателей курсов коммунального хозяйства, прослушавших перед тем у меня курс социальной гигиены. Тщательное клиническое исследование каждого рабочего после этого производилось специалистами-фтизиатрами туберкулёзного института при участии рентгенолога А. Я. Кацмана. В результате общего анализа сводных таблиц этого исследования я составил несколько серий наглядных таблиц и графиков для Отдела коммунальной и социальной гигиены. В них содержалась настолько ценная информация, так наглядно выступали закономерности возникновения заболеваний, что после ликвидации Отдела коммунальной и социальной гигиены в Музее города все эти серии диаграмм были взяты кафедрой социальной гигиены 2-го Ленинградского медицинского института.

Собирание коллекций, изготовление новых экспонатов и материалов для музея шли рука об руку с ведущейся с первых дней и не прекращавшейся ни в какой период его жизни деятельностью по демонстрации их и использованию для широкой просветительной работы, для содействия в

¹ Петров Николай Николаевич (1876–1964) — выдающийся хирург, один из основоположников отечественной онкологии, создатель научной школы, академик АМН СССР, основатель и руководитель Ленинградского онкологического института, автор первого капитального труда по онкологии на русском языке.

подготовке медицинских, санитарных и коммунальных работников, а также для справочных целей. С экспонатами Отдела знакомились представители самых разнообразных кругов и профессий — от рабочих городских предприятий и крупных ленинградских заводов до педагогов, инженеров и врачей, от работников домовых санитарных служб и домоуправов до представителей районных и городских властей. В Отделе проводились систематические курсы по основам благоустройства и социальной гигиене: в 1921–1923 гг. — для студентов университета, для жилищных инспекторов, санитарных врачей, диспансерных сестёр, слушателей курсов командного состава милиции, педагогов и т. д. С 1924 г. я систематически читал в Отделе курс лекций по городскому и сельскому благоустройству, по коммунальной и социальной гигиене для коммунальных работников и студентов коммунального техникума и высших коммунальных курсов, а также, особо, — для санитарных врачей, приезжавших из всех республик и краёв СССР в Государственный институт для усовершенствования врачей. Такие же курсы читались в Отделе для студентов муниципального отделения 1-го Политехнического института, для студентов ГИМЗ, для лекарских помощников, для ветеринарных врачей, для слушателей курсов домоводства и пр.

В то же время с каждым годом расширялась справочно-консультативная деятельность Отдела. Запросы по разным отраслям благоустройства и гигиены поступали даже из далёких краёв: Владивостока и Барнаула, Самарканда, Баку, Минска, Саратова и других городов Союза. Изо дня в день я показывал наглядные материалы всё возрастающему числу посетителей, разъяснял допущенные в привезённых ими проектах ошибки, объяснял и обосновывал необходимость и возможность применения в наших городах приёмов и технологий благоустройства.

Для изготовления наглядных экспонатов при Отделе была налажена модельная мастерская. В ней под моим непосредственным руководством сделаны были по запросам с мест для многих городов копии целого ряда моделей и приборов, выставляемых у нас. Помню, что мы изготовили несколько устройств по очистке сточных вод и благоустройству жилкварталов для Краснодара, для Бакинского колхоза; приборы Гальтона — для МГУ, для Московского института социальной гигиены, для Владивостокского педвуза, для Казани, Харькова, Минска, для многих институтов в Ленинграде. Постоянно приходилось по заявкам разных учреждений изготавливать за их счёт копии с многих составляемых Отделом графических таблиц и целых серий диаграмм, в частности для Харькова, Казани, Минска, Петрозаводска и других городов, для ряда учреждений в самом Ленинграде (для Профилактического института им. З. П. Соловьёва, такого же института ГИМЗ и пр.).

Интенсивный рост справочно-консультативной работы превращал Отдел фактически в центр, объединявший в Ленинграде научную и научно-практическую работу в области коммунальной и социальной гигиены. В тесной связи с Отделом развивалась и деятельность ленинградского Отделения Всероссийского общества социальной и экспериментальной гигиены, собрания которого, так же, как и заседания Учёного совета этого общества проходили в стенах Отдела.

В 1925 г., сколько помню в феврале, я получил, как заведующий кафедрой социальной гигиены в Ленинградском государственном институте медицинских знаний (позднее 2-й ЛМИ) — официальное приглашение от Белорусского наркомата здравоохранения приехать недели на две в Минск для организации в Белорусском медицинском институте (БМИ) кафедры социальной гигиены и для прочтения узловых лекций, с тем чтобы дальнейшие занятия после моего отъезда проводили ассистенты, а я вновь приехал бы в начале летнего перерыва занятий в ГИМЗе для контроля за правильностью ведения занятий и проведения экзаменов. Одновременно я получил сообщение от наркома здравоохранения Н. А. Семашко, что ввиду незамещения кафедры социальной гигиены в БМИ следует оказать необходимую помощь в налаживании занятий на этой кафедре и в «порядке шефства» выполнять эту задачу впредь до тех пор, пока не найдут подходящую кандидатуру на замещение должности профессора по данной дисциплине.

В связи с этим приглашением и поручением наркома я в 1925, 1926 и 1927 гг. по два раза в год ездил в Минск и читал в течение 10–12 дней лекции последнему курсу медфака, а также участвовал в проведении практических занятий по санитарной статистике, занимался организацией и проведением совещаний с молодыми преподавателями (ассистентами) по кафедре социальной гигиены.

Поездка в Минск была связана с пересадкой в Витебске. В первую же поездку я воспользовался остановкой, чтобы разыскать С. А. Глебовского, моего сотрудника по земству в Костромской губернии в 1907–1909 гг. В описываемое время он заведовал водно-санитарным надзором по Западной Двине. Сергей Александрович уговорил меня остаться на один день в Витебске, чтобы познакомиться с начавшей складываться там советской организацией здравоохранения. Как раз вечером того же дня предстояло заседание местного врачебного общества. На нём стоял доклад о постановке борьбы с туберкулёзом на социально-профилактических началах. Я очень был связан временем, но считал невозможным не воспользоваться случаем непосредственного знакомства с практическими условиями и ходом перестройки врачебно-санитарного дела в крупном городе. И я не раскалялся в своём решении.

Доклад делал, насколько помню, доктор Незлин. В затянувшемся до поздней ночи обсуждении очень большой интерес вызывали вопросы изучения туберкулёза, как социальной болезни, и о постановке работы тубдиспансера по оздоровлению условий жизни, труда и быта в тесной связи с работой санитарной организации, с деятельностью коммунальных органов по жилищному строительству и санитарному благоустройству города. Настойчиво выдвигалась задача улучшения продовольственного снабжения, питания населения.

На следующее утро у С. А. Глебовского собрались несколько санитарных врачей и работников здравоохранения Витебска. Санитарный врач Зарембо рассказал о нуждах и положении водопроводного дела в городе.

В Минске я познакомился с работниками белорусского Наркомздрава, проводившими одновременно занятия на кафедре социальной гигиены —

докторами Смулевичем и С. Р. Дегтярём. Смулевич занимался налаживанием санитарной статистики при Наркомздраве, а Дегтярь — организацией промышленно-санитарного надзора. Они были внимательными слушателями моих лекций. Каждый день я обсуждал с ними все стороны прочитанных за день лекций и излагал им программу предстоящих чтений, выслушивал их замечания. На практических занятиях по санитарной статистике Смулевич и Дегтярь разрабатывали со студентами материалы по замеру роста, веса, объёма груди, мышечной силы и спирометрии. Измерения, запись их результатов и разработку карт проводил каждый студент под общим контролем преподавателя. Отвечая на приглашения, я побывал в гостях у обоих сотрудников по кафедре. На меня произвёл хорошее впечатление доктор Дегтярь. У него было ценнейшее собрание литературных источников, пособий и материалов по общественной медицине, по санитарному исследованию предприятий и по гигиене труда.

Очень интересной для меня была вторая поездка в Минск в летнее время, в июне. В Витебске в этот раз я осмотрел водопровод, несколько часов гулял по крутым берегам Западной Двины. Меня очень занимала идея о возможности превращения этих крутых склонов в интересный парк с хорошо продуманной системой креплений, дренажа и разбивкой на склонах двух или трёх ярусов продольных дорожек с подпорными стенками и сетью косых соединяющих дорожек. Такой береговой парк, с его древесными посадками для закрепления откосов от размыва мог бы служить естественным расширением существующего вокруг дворца парка. Успел осмотреть в Витебске я и Музей истории города.

Я прочитал в очень сжатые сроки лекционный курс по социальной гигиене, социально-профилактическим основам советского здравоохранения и провёл экзамен на выпускном курсе. Подробно ознакомился с городским водопроводом Минска и проектом его расширения за счёт новых глубоких артезианских скважин. Минск, при значительно развитой водопроводной сети, никакой канализации не имел. Клозетные воды собирались в выгребные ямы. Из них спускались прямо на улицы и отводились открытыми канавками и лотками вдоль тротуаров по уклону в реку Свислочь. По-существу, улицы города с их лотками играли роль «полей орошения», с тою разницей, что на полях орошения распределяются не загнившие и, следовательно, и не издающие зловоние канализационные воды и потому поля орошения не издают дурного запаха; в уличные лотки спускались из выгребных ям загнившие, с отравляющим запахом клозетные фекалии. Чтобы хоть несколько ослабить зловоние, выпуск фекальной жидкости в уличные лотки производился в ночные часы, а днём временно приостанавливался. Но это, конечно, не меняло дела. Неотложность строительства канализации в городе с отводом стоков до их спуска в Свислочь, на очистные сооружения, была настолько очевидна, что уже в 1926–1927 гг. спешно шла прокладка коллекторов. Из главного коллектора сточные воды, по напорной чугунной трубе, должны были передаваться в коммунальный совхоз (более чем за десяток км), где должны были очищаться на полях орошения.

Во время прокладки коллектора по улице Немиге (по берегу когда-то протекавшей там реки Немиги), по-видимому, траншея прорезала либо

какое-нибудь кладбище, либо место исторической битвы. С землёю из траншеи выбрасывались части скелетов. Человеческие черепа, пожелтевшие от времени, валялись на улице. Мы подобрали несколько черепов для антропологических измерений.

Очень «поучительные» работы велись в центральном городском сквере по очистке засосавшегося поглощающего колодца, в который отводились сточные воды из приёмников для нечистот (типа Шамбо) от уборных городского театра. Колодец углублён был на десяток метров до крупнозернистого песчаного слоя. Поначалу песок легко и безотказно «принимал» осветлённую (перегниванием в Шамбо) сточную воду. Но затем произошло то, что всюду происходит с поглощающими колодцами: подстилающие и окружающие дно колодца слои песка заилились. Вода перестала просачиваться. Колодец переполнился. Его начали «чистить». Откачали загнившую жидкость и стали вычерпывать со дна песок, пропитанный осадками фекалий. Весь сквер был залит потоками загнившей сточной жидкости. Но всё дело было в том, что слой крупнозернистого песка, который принимал kloзетную воду, был тот же самый, из которого брали грунтовую воду неглубокие буровые скважины минского водопровода!

Мне никогда не приходилось прежде бывать в городах «черты оседлости» и близко знакомиться с жилищно-бытовыми условиями, в которых живут бедные еврейские семьи. По усвоенной издавна привычке ранние утренние часы — с 5–6 часов до 8–9, в новых местах, которые я посещал, я с интересом воочию знакомился с обстановкой, бытом и благоустройством жителей. Я обошёл все улицы в районе нижнего базара и не мог подавить в себе тяжёлого чувства, возникшего от картин беспредельного убожества и нищеты, скученности и неблагоустройства в районах, заселённых мелкими ремесленниками, торговцами и неизвестно как перебивавшимися семьями еврейской бедноты. В условиях планового социалистического хозяйства, казалось мне, можно было ожидать, что наличие в Минске тысяч людей, нерационально расточающих свою рабочую силу на мелкую торговлю или мелкое ремесло, должно было поставить вопрос об открытии там предприятий (трикотажной или обувной фабрики, завода, производящего металлические изделия или ещё чего-то в том же духе) для создания рабочих мест и поглощения этой рабочей силы.

В те годы белорусским Наркомздравом издавался ежемесячный журнал «Белорусская медицинская мысль». По просьбе редакции я дал в него статью «Социально-профилактическое содержание деятельности участкового врача». Она была напечатана в книжке журнала, вышедшей в июне 1927 г.

Трудно это было, при тогдашней (в 1925–1929 гг.) моей занятости и, казалось, превосходившей все мыслимые границы перегрузке работой в Музее города, в Институте коммунального строительства, в Институте для усовершенствования врачей, во 2-м Ленинградском мединституте и в других учреждениях, — отрываться два раза в год на целые две недели для поездки в Минск, но, в общем итоге, эти поездки и вся консультационная работа в белорусском Наркомздраве оставляли чувство не напрасно затраченных усилий, так как они обогащали меня новыми впечатлениями и наблюдениями.

Доктор Дегтярь был одарён большой настойчивостью к систематическому обобщающему научному труду. Вскоре он занял кафедру гигиены труда в Ташкентском мединституте, а затем был несколько лет профессором гигиены труда в Новосибирском медвузе.

Доктор Смудевич под моим руководством освоил ведение статистики общей заболеваемости. Для изучения русской литературы по этой специальности (трудов Е. А. Осипова, П. И. Куркина, Н. И. Тезякова и др.) он был прикомандирован на некоторое время к нашему Отделу в Музее города в Ленинграде. Ему, несомненно, принадлежит заслуга осуществления первого после Октябрьской революции опыта организации в Белоруссии статистики общей заболеваемости, с собиранием всего материала карточной регистрации первичной обращаемости, его проверки, разметки и статистической разработки и, наконец, его научного освещения в обширном труде, который был защищён в качестве докторской диссертации.

Совершенно неожиданно в апреле 1958 г. мне удалось вновь увидеть Минск, когда я приехал туда для участия в выездной сессии Академии медицинских наук. Перед моими глазами предстал совершенно новый Минск, мало чем напоминающий убогий город «черты оседлости». Теперь это был современный центр республики с полумиллионным населением, с огромным числом промышленных предприятий, с множеством высших учебных заведений, с собственной Академией наук, с широкими проспектами, хорошо оборудованными улицами, не уступающими лучшим улицам Ленинграда. И всё это было результатом всего лишь одного послевоенного десятилетия восстановления города!

Хорошо сохранились в памяти впечатления от поездки в Москву летом 1926 г. Свой летний отпуск Екатерина Ильинична решила провести с Иликом в Отузах, на южном берегу Крыма между Судак и Феодосией. В Москве я побывал с Иликом у моей сестры Евгении. Мне очень хотелось показать ей моего сына. В это время со своей дачи у станции Удельная по Казанской железной дороге приезжал наш старший брат Яков. Он был одним из пионеров по устройству дачного посёлка для пенсионеров. На своём участке он успел раскорчевать от порослей небольшую часть земли под огород и, как первые плоды своего труда, привозил огурцы, какой-то невиданной породы помидоры и фигурные тыквы.

Целый день водил я своего семилетнего сына по Москве, побывал с ним в Зоологическом саду, в Парке культуры и отдыха. Прогуливаясь по берегу Москвы-реки, мы вышли в Нескучный сад и дальше по свободным от застройки холмистым берегам направились к Воробьёвым горам. Оттуда видна была вся Москва. И я, помню, впервые заметил, что нет золотого купола храма Христа Спасителя¹. Я слышал, что снимают совершенно бездарный, к тому же так неудачно поставленный памятник царю Александру III, и даже порадовался этому, но мне казалось прямо непонятным и невероятным это начавшееся разрушение величавого по своей благородной простоте, внушительного архитектурного памятника победителям в войне 1812 года. Это была явная, нелужная ошибка.

¹ Храм был окончательно взорван в 1931. Но купол был разрушен уже к 1926.

Из Москвы Екатерина Ильинична с Иликом продолжили путь в Крым, а я направился в Одессу для участия во Всесоюзном санитарном и бактериологическом съезде.

Съезд проходил в здании бывшей одесской Биржи. Как всегда, я охотно участвовал в организованных для участников съезда экскурсиях: на водопроводную станцию, на поля орошения. Подробно осмотрел одесскую больницу и ознакомился с организацией лечебно-профилактического обслуживания детей.

По окончании съезда я пароходом добрался до Феодосии, а оттуда отправился на две недели в Отузы. В Феодосии подробно ознакомился с карантинном и всеми его учреждениями. Меня давно интересовали сохранившиеся в этом городе остатки древних водопроводных сооружений. Я осмотрел несколько колодцев с каменной отделкой. На дне каждого из них находился выход гончарной трубы, приводившей воду от одного из имевшихся за городом на обращённых к морю склонах широких и длинных складов камня. Это были усечённые пирамиды по 5–6 м высотой. Внутри такой пирамиды камень, остывший ночью, не успеваешь нагреться, и бризы, дующие с моря в течение дня, проникая внутрь вала, отдают часть своей влаги, конденсирующейся на более прохладной поверхности камней, и эта вода стекала по трубам в колодцы. Теперь, разумеется, этой воды не хватало и вопрос шёл об устройстве нового водопровода.

В Отузах мы с Иликом гуляли вдоль берега моря, собирали образцы интересных камней и крымских растений. В одну из таких прогулок мы зашли довольно далеко от Отуз и любовались большим, высившимся над морем белым каменным зданием с широкими застеклёнными проёмами. Заинтересовавшись, мы взобрались к зданию по крутому береговому склону. Оказалось, это был Крымский институт — научно-исследовательское учреждение для всестороннего изучения природы Крыма. Здание было завещано специально для института одним из практиковавших на южном берегу Крыма врачом. Неожиданно выяснилось, что в это время в нём работал Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, исследовавший крымские минеральные породы. Я воспользовался случаем, чтобы узнать у Франца Юльевича о некоторых непонятных мне формах камней и пород, которые возбудили моё любопытство при прогулках от Отуз до Коктебеля. Мы с Иликом подробно рассматривали разнообразные институтские коллекции — крымских насекомых, растений, образцов пород и пр. Чтобы детальнее ознакомиться с этими коллекциями, мы побывали затем в Коктебеле ещё два или три раза.

В двадцатых числах сентября, ранним утром уезжали мы из Отуз. Путь до Феодосии, километров 20–25, пролегал по северокрымской однообразной равнине. Привыкнув за две–три недели к ласковому теплу южного берега, мы сильно намёрзлились от холодного, пронизывающего ветра в опустевшей степи. В Феодосии провели целый день. Осмотрели остатки стен Генуэзской крепости. Я успел осмотреть Музей картин Айвазовского и собрание археологических древностей Феодосии.

Май 1927 г. памятен мне по участию в XIV или, считая с возобновления съездов после Октябрьской революции, во II санитарно-техническом съезде, проходившем в Харькове. Воспользовавшись пребыванием в этом

городе, я навестил Сергея Николаевича Игумнова. Несколько лет я его не видел, но он мало изменился, сохраняя все черты лучшего представителя передовой русской, широко образованной демократической интеллигенции. Талантливый и глубоко знающий руководитель общественно-санитарного дела, он не сумел войти всеми своими способностями и силами в начинавшую по-новому строить и жить систему советского здравоохранения. Он, видимо, тосковал, не находя настоящих путей, чтобы отдать полностью свой литературный и общественно-устроительный талант и опыт делу подготовки советских работников здравоохранения. Расставаясь с Сергеем Николаевичем, я уносил чувство большой горечи, что остается далеко не в полной мере втянутым в строительство новой общественной жизни такой искренний, глубокий и талантливый работник передового Пироговского руководящего ядра, как С. Н. Игумнов.

На съезде рассматривались вопросы о строительстве крупнейших санитарно-технических сооружений и в самом Харькове, и в Москве, и в Ростове. Большинство деятелей прежнего периода включались в работу по решению новых задач. Энергично работал на съезде избалованный своим генеральским положением в дореволюционное время Всеволод Евгеньевич Тимонов. Довольно неожиданно на съезд прибыли французские инженеры, приехавшие с какими-то проектами. Когда они вошли в зал заседания и предъявили президиуму письмо из Москвы о допуске их к работе на съезде, В. Е. Тимонов, как член президиума, приветствовал их блестящей речью, сказанной экспромтом на превосходном французском языке. Своё специальное образование проф. Тимонов получил в высшей инженерной школе в Париже.

Председателем организационного комитета съезда являлся Д. С. Черкес. Это был выдающийся инженер. По его проекту и под его руководством в Харькове были построены канализация и станция очистки сточных вод. Подобно С. Н. Строганову, возглавлявшему и развивавшему московскую школу исследователей проблемы очистки сточных вод в Люберецкой лаборатории и очистной станции, Д. С. Черкес в Харькове создал ведущий центр на станции биологической очистки, устроил опытные осадочные бассейны, аэротанки и аэрокоагулятор, иловые площадки разной конструкции, даже «биологические очистные пруды». Всё испытывалось и это импонировало инженерам. Не было только полей орошения, так как это мало привлекало к себе инженерную фантазию.

В тот период мне очень хотелось непосредственно ознакомиться с бытом и условиями труда шахтёров, а также рабочих на заводах Донбасса. На лекциях мне постоянно приходилось касаться задач изучения и оздоровления условий труда при подземных работах. Недопустимым казалось мне ссылаться только на мои личные впечатления дореволюционного времени да на литературные данные, не оживляя лекций новыми материалами, отражающими послереволюционные условия. Д. С. Черкес дал мне письмо к председателю облисполкома в городе Сталино¹, которого он знал лично, с просьбой оказать мне содействие в осмотре шахт, заводов и жилищного

¹ До 1924 — Юзовка, с 1924 по 1961 — Сталино, ныне — Донецк.

строительства. Я познакомился с участником съезда — санитарным врачом из Сталино, центра угольной и металлургической промышленности Донбасса. Он обещал мне помочь на месте. После съезда мы вместе поехали в Сталино, где я и прожил у него несколько дней. Это был очень знающий санитарный врач, хорошо знакомый с системой водоснабжения Донбасса, с жилищными условиями горняцких посёлков, как прежних, так и новых. Ещё до революции он изучал жизнь шахтёров и знал безысходно тяжёлые условия их труда и жизни в таких посёлках, как прежняя Юзовка. Он умел ценить все улучшения в строительстве новых шахт. Его радовали успехи в реконструкции прежней Юзовки, на его глазах становившейся крупным благоустроенным городом. Весь свой опыт и знания деятельного бывшего земского врача он перенёс в работу санитарного врача советского времени, стремившегося добиваться оздоровления условий работы в шахтах и жизни в посёлках, опираясь на новые органы местного управления и профессиональных объединений.

В первое же утро ещё до начала рабочего дня я обошёл прежние юзовские кварталы со всеми характерными чертами их планировки, скученностью жилья и неблагоустроенностью. Осмотрел также новый механизированный завод по изготовлению огнеупорного кирпича. Потом вместе с моим гостеприимным хозяином целый день провёл на Сталинском металлургическом сталелитейном заводе. Наблюдал выпуск выплавленного чугуна из новой грандиозной доменной печи. Меня предупреждали о необходимости надеть предохранительные очки. К сожалению, я легкомысленно игнорировал эти советы. Раскалённая добела жидкая металлическая лава потекла, заполняя сеть борозд, предназначенных для приёма плавки. Невиданное мною прежде зрелище захватило меня, и я долго наблюдал, как появляются признаки наступающего охлаждения, не обращая внимания на утомление глаз от ослепительного света и невыносимой жары от тепловых лучей. Ещё большее утомление зрения испытал я при довольно длительном осмотре бессемеровских печей.

Я встретил на заводе работавших на нём санитарными врачами бывших моих слушателей в ленинградском ГИМЗе. С ними я обошёл всю территорию завода, чтобы показать, как можно было бы упорядочить пользование дворовыми местами, установив рациональное отведение места для складов сырья, угля, шлака и других отбросов. Я пытался показать возможность устранения хаотического загромождения территории хламом и отходами, чтобы выделить часть двора для устройства озеленённого места для минутного отдыха и пребывания на открытом воздухе рабочих.

На следующий день утром я ехал на тарантасе с моим любезным хозяином по степной дороге на Лидийскую угольную шахту. Я смотрел на степь, словно сквозь битые стёкла. Плохо разбирал далёкие предметы. Тогда я подумал, что у меня конъюнктивит от вчерашнего утомления зрения ослепительным светом расплавленного металла.

Мы выполнили все требования при спуске в шахту, переоделись в брезентовые горняцкие костюмы, взяли вручённые нам лампы с сетками. Сколько помню, спустились мы на глубину 180 м. Потом долго шли по главным ходам, прижимаясь к стенке, когда мимо нас проносились вагонетки с

углём. В этой шахте вагонеты передвигались уже тягою электровозов, а не обречёнными на вечную каторгу и гибель лошадьми. В других копиях ещё работали раз и навсегда спущенные под землю лошади. Они там и жили в подземных загонах. «Выдаваемый на гора» конский навоз составлял в то время на каждой шахте такую же непрременную особенность местного пейзажа, как и огромные, в десятки метров высотой, конусообразные «сопки» из породы, выламываемой и удаляемой при проходе стволов, штреков и забоев. Несколько часов я внимательно присматривался к работе шахтёров и врубовой машины в забоях, выслушивал рассказы рабочих в минуты их отдыха. И начал испытывать всё нарастающее чувство какого-то томления от пребывания под землёй, как в преисподней. Всё явственнее оформлялось подсознательное желание поскорее выбраться наверх, «на-гора». Наконец, по запутанным, как мне казалось, бесконечным ходам мы пустились в обратный путь к подъёмному стволу шахты. Пришлось долго ждать, пока заканчивались работы по подъёму непрерывно подвозимого угля. Невзирая на работу целой системы мощных насосов, откачивающих воду, сверху всё время падали струи и потоки, от которых меня не спасал и брезентовый костюм. Я имел время и возможность, чтобы ознакомиться на практике с проблемой «уборных и писсуаров», или проще — с условиями для отправления рабочими естественных надобностей в шахте, с приёмом ими пищи во время работы. Особенно крупным техническим достижением было наличие мощной нагнетательной вентиляционной системы, создававшей ощутимое движение свежего воздуха в подземных ходах и целые вихри и бурю при открывании для пропуска вагонетов ворот, перегораживавших в разных местах проходы.

Выход из подъёмника на дневной свет вызвал чувство физиологического удовольствия. Пока мы переоделись и обмылись в бане, стало уже вечереть. Возвращение в тарантасе по открытой степи при склонявшемся к закату солнце доставляло никогда ранее неиспытанное чувство радости от широкого раздолья, от бесконечного небосклона и всегда остающегося недостижимым далёкого горизонта. Очевидно, нужно попасть в глубокое подземелье, чтобы, выбравшись из него, испытать физиологическое удовольствие от дневного света и простора.

Несколько дней спустя, возвратясь домой, я ехал в Пушкин. Пристально всматривался я в привычные пейзажи Пулковского направления. Там всегда я видел две радиомачты. Но теперь их не было! Я достал бинокль и, к своему удивлению, обнаружил, что мачты стоят на месте. Я понял, что мною утрачена прежняя способность видеть. Н. И. Андогский определил потом у меня начавшееся образование центральной катаракты обоих глаз вследствие крестообразных небольших трещин в центре хрусталиков. Это был жестокий результат необдуманного длительного наблюдения без защитных очков ослепительно ярко светившего раскалённого чугуна.

В течение многих лет я страдал повторявшимися приступами болезни желчных путей. Без видимой причины наступали боли в области печени, часто они становились невыносимо сильными, сопровождалась рвотой. Каждый раз такой приступ тянулся несколько дней. Я выполнял советы врачей, пил Карлсбадскую воду или раствор карлсбадской соли, делал горячие

припарки. Когда невыносимо мучительные боли ослабевали, я принимался за работу в саду, на огороде. Помню, в самую горячую пору подготовки к открытию выставки в Дрездене я, пересиливая боли, продолжал работать. Владимир Валерианович Подвысоцкий советовал мне во избежание повторения приступов соблюдать строго одно правило — приёмы пищи производить небольшими порциями и почаще, много раз в день (через каждые два–три часа) — для устранения закупорки желчного протока при воспалительных состояниях. Я не раз вспоминал, что не выполняю этого совета в периоды, когда бывал увлечён какой-нибудь работой. Например, устройством Отдела коммунальной и социальной гигиены Музея города, разработкой курсов лекций и т. д. В эти периоды обычно я уходил из дома утром, часов около девяти. Перед этим часа три я работал по двору или в огороде, затем должен был спешить помыться и переодеться. Наспех с большим аппетитом съедал всё, что было на столе, и потом в течение всего дня и вечера о еде больше не думал. Но, возвратившись поздно ночью домой, съедал ожидавший меня обед.

В период 1918–1937 гг. приступы желчной болезни мучили меня чаще и сильнее. Помню, один раз приступ затянулся. Екатерина Ильинична убедила меня зайти в Обуховскую больницу к Ивану Ивановичу Грекову¹ (после высылки из Москвы мы были товарищами по Дерптскому университету). Осмотрев меня, Иван Иванович нашёл ущемление желчного камня. Не говоря мне ни слова, вышел из кабинета, а затем вернулся и сообщил, чтобы я раздевался, так как он считает операцию абсолютно неотложной. У меня были свои соображения о неотложности многих дел на «Полоске», в Музее, в ГИМЗе. Я решительно отказался от операции. Невзирая на настаивания Грекова, ушёл из больницы, преодолевая боли, потом пешком добрался в Лесное. Вопреки предписаниям о длительном постельном режиме, два–три дня спустя начал работать во дворе, а затем перешёл к обычному своему перенапряжённому образу жизни.

Когда общие условия жизни стали более благоприятны, я получил отпуск для лечения грязевыми горячими ваннами и минеральными водами. В начале сентября 1927 г. я приехал вместе с Любовью Карповной в Ессентуки. Мы легко получили комнату в курортной гостинице. Несколько дней ушло на выполнение клинических и лабораторных исследований, и курортный врач назначил мне полный курс грязевых процедур и ванн, велел два раза в день пить из определённого источника воду. Ранним утром я по привычке занимался прогулками и наблюдениями в городе и на его окраинах, сохранивших характер южного украинского или казацкого села или местечка — с огородами, выходящими рано утром из каждого двора на зов рожков коровами, с плетнёвыми стенками сараев, облепленными сухими кизяками, с лужами на улицах и во дворах, с выходом улиц на широкий пыльный «шлях». Ближайшие окрестности Ессентуков малоинтересны. Однообразная степная равнина. Но в центральной курортной части улицы

¹ Греков Иван Иванович (1867–1934) — выдающийся хирург, специалист по хирургии лёгких, сердца, кровеносных сосудов, лечению ран. Предложил метод обеззараживания операционного поля.

были оборудованы, как в большом городе. Много новых крупных зданий. Большой курортный парк.

Любовь Карповна очень хорошо организовала наше питание. В частной столовой, где мы обедали, мы познакомились с рядом местных работников. Между прочим, живший по соседству заведующий малярной станцией сообщил мне интересные наблюдения о том, что местом зимовки и выплода малярного комара на Кавказе служат дупла в старых деревьях. На дне дупла собирается вода, у входа и у стенок дупло зарастает мхом. Когда я заходил к этому товарищу, моё внимание привлекала очень быстрая серая собака, то ласкавшаяся, то уносившаяся и вновь прибегавшая. Оказалось, это был молодой волк. Маленьким волчонком товарищ взял его у лесника, спасая его от истребления. Выкормил и воспитал его. Он был трогательно привязан к хозяину и слушался его.

В свободный от процедур день я побывал в Пятигорске, чтобы осмотреть ключевое зональное водоснабжение города. Главный инженер тамошнего водопровода Вагшуль познакомил меня с планами и отчётными данными водопровода, а затем проехал со мной до горы Юца, где мы осмотрели каптажные сооружения мощного горного ключа и трубопровод, по которому вода самотёком подавалась в резервуар для нижней зоны и в верхнюю зону Пятигорска. Трудно описать красоту вида, открывающегося с горы Юца и со всего степного предгорья на Пятигорск и на гору Машук. Далеко не молодой, удивительно симпатичный и душевный инженер Вагшуль оставался на скромном месте водопроводного инженера в Пятигорске и отказывался от очень заманчивых предложений перейти на службу в Москву, по его словам, только потому, что не мог лишиться себя радости по утрам отдаваться созерцанию красоты пятигорских горных пейзажей.

В следующий свободный день я приехал в Пятигорск с Любовью Карповной. Вместе осматривали мы город и его сады, подымались на гору Машук. Были у памятника на месте гибели гениального двадцатисемилетнего Лермонтова в 1841 г. от выстрела жалкого ничтожества Мартынова¹. Посетили музей в доме, где жил поэт.

Кроме Пятигорска я побывал в Железноводске, где осмотрел горячие источники, а также в Кисловодске, где познакомился с его знаменитыми бальнеологическими ценностями и прославленными местами для прогулок.

В Ленинграде редко имел я время, чтобы бывать в кино, и потому, вероятно, с такою яркостью сохранилось в памяти наше с Любовью Карповной посещение в Эссентуках кинотеатра. Шла картина «Станционный смотритель» по Пушкину. Я на себе испытал, какое непреодолимое чувство гнева, возмущения и острого желания борьбы со всякими последышами знати, со всякими привилегиями господствующих классов рождается от этого фильма.

У меня не хватило выдержки довести до конца назначенный мне курс лечения, и мы уехали из Эссентуков, чтобы совершить путешествие по

¹ Думается, что упоминание Мартынова и его оценка здесь не случайна, так как младшая дочь Захария Григорьевича во время написания им мемуаров была замужем за потомком этого Мартынова.

Военно-Грузинской дороге до Владикавказа (потом переименованного в Орджоникидзе, а ещё позднее — в Дзауджикау, пока он, наконец, не стал вновь Владикавказом), до Тбилиси, а оттуда проехать по железной дороге в Баку. Мне было переслано в Ессентуки приглашение из Баксовета приехать для участия в экспертизе проекта расширения и перепланировки города Баку. На станции Минеральные Воды нужно было пересесть на поезд, идущий во Владикавказ. Позади остались навсегда запечатлевшиеся виды Пятигорья. Вместо отдельно стоящих гигантских лакколитов¹ — «у врат Кавказа на часах сторожевых великанов» — перед нами показывались горные цепи самого Кавказа.

Во Владикавказе мы пробыли один-два дня. Чудесный городской парк, прорезанный бешено несущимися потоками Терека. Я успел осмотреть открытые песчаные фильтры медленной фильтрации городского водопровода и только ещё начинавшиеся тогда работы по улучшению дорожного замощения. Рано утром выехали мы в извозчичьей коляске парой по Военно-Грузинской дороге. Всё величие и красоты горных видов, открывающихся при путешествии по этой дороге, всем известны по бесчисленным описаниям. На полпути на почтовой станции Казбек (на высоте более 2 км) возница наш кормил и поил лошадей; мы обедали. Ко мне подошёл местный врач. Он всего лишь год назад окончил 2-й ЛМИ, слушал мои лекции, с увлечением рассказывал о своей работе в горных аулах, о поездках верхом летом для оказания помощи пастухам, ушедшим в высокогорные луга со стадами овец. В бинокль хорошо видны были в разных местах на далёких горных лугах стада овец.

Со станции Казбек начинается восхождение к вершине Казбека. Снежный массив вершины казался таким близким, однако восхождение требовало одного-двух дней. Врач-кавказец проявлял много искренней, почти детской радости от совершенно неожиданной встречи на своём участке со мною. При прощании с нами он давал много советов, на какие достопримечательности следовало обратить особое внимание в оставшейся части пути до Тбилиси.

Нужно сказать, что виды горных цепей и снежных вершин, крутых стремнин и скал, внезапно открывавшихся далёких зелёных долин одинаково приковывали к себе внимание. В одном месте у дороги бил мощный высокий фонтан. Начинался спуск к Тбилиси. Мы заехали в один из придорожных постоянных дворов, чтобы дать отдых лошадям. При въезде во двор, несколько в стороне, был привязан на цепи к столбу очень крупный горный медведь. Он становился на задние лапы, ревел и охотно брал бросаемые ему куски хлеба.

Недалеко от Тбилиси в сумерках вечера мы видели на Куре огни Земо-Авчальской гидроэлектростанции. Она уже работала. Мне нужно было спешить в Баку и потому в Тбилиси мы не смогли побыть достаточно времени. В немногие проведённые там дни мы успели ознакомиться с главнейшими

¹ Особый вид гор, образовавшихся в результате внедрения в земную кору расплавленной магмы и приобретших при застывании караваяобразный вид (Медведь в Крыму, Машук и Бештау на Кавказе).

достопримечательностями города. Подымались на фуникулёре на взгорье, смотрели на памятник на могиле Грибоедова и т. д.

В Баку мы приехали в начале октября, но там стояла нестерпимая жара. Работать в середине дня было трудно, поэтому с 12 до 16 часов делался перерыв. Предварительное ознакомление и изучение проекта развития и планировки Баку, выполненного под руководством А. П. Иваницкого¹, затруднялись отсутствием полного переписанного экземпляра. Приходилось знакомиться с огромным разрозненным плановым и проектно-графическим материалом и выслушивать разъяснения сотрудников А. П. Иваницкого. Сам он к назначенному для экспертизы сроку не приехал. В ранние утренние часы, а иногда и в часы дневного перерыва мы с Г. Д. Дубелиром объезжали последовательно одну за другой части города, добирались на промыслы с их посёлками, смотрели в натуре, в какой мере в проекте учтены местные природные условия. У Г. Д. Дубелира, привыкшего исходить из практических инженерно-расчётных соображений, часто возникали очень рациональные простые решения. При осмотре нами, например, части города, носящей название Арменикент, когда мы обошли несколько улиц, разбивающих всю эту новую, уже хорошо застроенную часть города на несколько рядов небольших прямоугольных кварталов, Г. Д. Дубелир высказал мысль, что без всяких сложных построений здесь следует просто закрыть, т. е. изъять из общего пользования, каждую вторую улицу. Таким образом, будет достигнуто укрупнение кварталов. В каждом квартале появится свободное пространство для внутриквартальных детских площадок и садов, а для города уменьшится сеть улиц, требующих расходов на замощение и постоянный ремонт мостовых.

При объезде промыслов я с радостным чувством видел успехи, достигнутые в строительстве домов для рабочих. Была совершенно очевидна ненужность проектирования единой с городом Баку канализационной системы для этих отстоящих от него на десяток и более километров посёлков. Обширные пространства, прилегающие к Баку на Апшеронском полуострове, являлись необрабатываемой пустыней вследствие недостатка влаги. Конечно, нужно было при устройстве канализации в городе направить сточные воды на орошение этих пустынных земель, как это и предлагалось на съезде 1923 г. Вместо этого за Чёрным городом, недалеко от берега моря, были построены огромных размеров двухъярусные отстойники со спуском прошедшей через них сточной воды со всеми содержащимися в ней удобрительными веществами в Каспийское море. Только известное предубеждение у нового поколения инженеров против применения орошения в качестве способа одновременного обеззараживания и использования удобрительной ценности сточных вод помешало окончательно принять решение применить в Баку поля орошения и повело к крупным затратам на содержание огромных железобетонных отстойников.

Мы пробывали в Баку до середины октября. Жара не прекращалась, и мы ежедневно купались в морских купальнях у набережной нового городско-

¹Иваницкий Александр Платонович (1881–1947) — архитектор-градостроитель. Проекты генеральных планов рабочего посёлка в Баку, Архангельска, Иванова, Ростова-на-Дону и др.

го сада. Неприятной особенностью купаний в Баку служил остающийся, невзирая на все меры, тонкий слой нефтяных загрязнений на поверхности морской воды. Почти у центральных улиц города начинались поднимающиеся довольно круто вверх по каменистой лестнице старые кладбища. Уже тогда был утверждён проект превращения этих пустырей в сады и парки. Дело затруднялось недостатком пресных вод для поливки посадок. С устройством нового водопровода эти затруднения были устранены.

В самом конце 1928 г., с 3 по 9 декабря, я совершил поездку в Москву. Вот отдельные выдержки из моего отчёта о ней:

«В течение шести дней, проведённых в Москве, участвовал в 4-х общих заседаниях постоянного бюро водопроводных и санитарно-технических съездов и в комиссионных работах по подготовке справочника для коммунальных инженеров. Внёс и развил предложение о необходимости особого доклада на предстоящем 15–21 мая 1929 г. съезде об инженерном оборудовании улиц и об уличных покрытиях в крупных городах.

По окончании заседаний постоянного бюро (3–5 декабря) принял участие в работах Всесоюзной конференции при МВТУ о подготовке коммунальных инженеров (5–8). Выезжал в Рублёво для осмотра там вновь сооружаемых водопроводных зданий, фильтров и бассейнов. Осмотрел при этом в подробностях Музей по водоснабжению при Рублёвской станции. Отобрал для Музея города чертежи, планы и некоторые издания, которые по соглашению с главным инженером будут переданы Отделу коммунальной и социальной гигиены (7 декабря).

Подробно ознакомился с Санитарно-гигиеническим институтом и Музеем при нём Мосздравотдела (Пятницкая ул., 1), получил для Отдела издания Института и условился об изготовлении копий геологических разрезов артезианского водоснабжения Москвы и Московской губернии.

Осмотрел сад отдыха и культуры, устраиваемый Москомхозом в бывшем Нескучном саду, и подробно ознакомился с устроенной в бывшем манеже этого парка выставкой десятилетия советского здравоохранения. По утрам все эти дни работал в Государственном институте социальной гигиены (Кудринская пл., 1) по отбору моделей, изданий, графиков и других материалов для их дублирования в нашем Отделе. По этому поводу вошёл в предварительное соглашение с директором Института об изготовлении дубликатов моделей и графиков на льготных условиях с рассрочкой уплаты в течение года.

Ознакомился с проектами водопроводов и канализационных сооружений, выполняемых при ВСНХ Водоканалом, и отобрал материалы для пополнения коллекций Отдела коммунальной и социальной гигиены. Заручился согласием инженера З. Э. Шишкина и проф. Н. А. Кашкарова¹ о передаче этих материалов Отделу безвозмездно.

В Главном управлении коммунального хозяйства ознакомился с материалами, поступающими в отдел благоустройства (по планировке городов, канализации и водоснабжению), и возбудил вопрос о передаче части этих

¹ Кашкаров Н. А. — инженер-строитель, профессор кафедр железобетонных и каменных строительных конструкций в институтах Астрахани, Томска и др.

материалов Музеею города. Получил принципиальное согласие на это заместителя начальника Главупркомхоза М. Д. Царёва и инженера Порфирьева.

В личных переговорах с заведующим Горкомхозом Ярославля Бутусовым получил согласие от него на пересылку для Отдела материалов по водоснабжению, по проекту перепланировки и канализации Ярославля. Таким же согласием о предоставлении материалов для Отдела заручился в Комитете по водоохранению и от заведующих водопроводами городов Баку, Астрахани, Сталинграда».

Между прочим, вспоминаю, как во время пребывания в Москве члены постоянного бюро были приглашены проф. Миловичем¹ осмотреть гидравлическую лабораторию в Шувалове (под Москвой, у Тимирязевской академии). Это было импозантное трёхэтажное здание, в котором протекал мощный поток воды, подаваемый на 3-й этаж при разных уклонах на разном русле и при разных условиях приводил разные приборы и турбины в действие. Проф. Милович давал пояснения, а затем на киноленте показал образование наносов, размывов, отмелей. Это было шедевром наглядности! На ужине, который был устроен семьёй Миловича, по просьбе председателя Павла Семёновича Булова я экспромтом сказал первый тост за хозяина. Я начал его словами Гёте о том, что природа крепко хранит свои секреты, и человек, будь он хоть дважды магом, не может их постичь, но вот мы видим, что Гёте не прав: проф. Милович сорвал покров тайны с процессов природы, заставил её раскрыть свою сокровенную работу. Закончил я пожеланием дальнейших успехов проф. Миловичу в раскрытии и покорении наукой гидравлических сил природы для успехов отечественного строительства гидроэлектростанций. Вечер у Миловичей затянулся. Он был интересен оживлёнными рассказами дочерей и жены профессора обо всех трудностях строительства и оборудования грандиозной гидравлической лаборатории, которое было осуществлено ещё при жизни Ленина, при его прямой поддержке.

При закладке здания строители натолкнулись на заваленную мраморную глыбу сфинкса, когда-то вывезенного графом Шуваловым из Египта. Но у сфинкса не было головы, и найти её при раскопках не удалось. Дочь Миловича, профессиональный художник-скульптор по образованию, вылепила голову для статуи, и она была поставлена у входа в здание лаборатории. Сделаны были небольшие гипсовые слепки этого сфинкса. Когда поздно ночью мы уезжали от Миловичей, один из этих слепков был поднесён мне на память. Немало труда стоило мне перевезти его с очень громоздким, массивным пьедесталом, который я вынужден был оставить в Москве. Сфинкс этот долго стоял, с его загадочной развёртывающейся гиперболической эмблемой на груди, в моей аудиторной комнате в Отделе коммунальной и социальной гигиены, а после окончательной гибели остатков этого, такого дорогого мне

¹ Милович А. Я. — зав. кафедрой гидравлики Московского сельскохозяйственного института. Инициатор строительства и руководитель Лаборатории гидравлических установок (1924–1931), которая приняла активное участие в проектировании и исследовании гидроэнергетических сооружений первых пятилеток и оросительных систем.

Отдела, вокруг которого, как я когда-то мечтал, должна была расти дальше и развиваться моя деятельность и моих товарищей по работе, подаренный мне слепок сфинкса, олицетворяющего природу, был привезён мне одним из друзей на «Полоску». Он и сейчас стоит в моём кабинете в Пушкине и напоминает о полной энтузиазма работе в 1918–1929 гг.

В 1928 г. мне удалось осуществить первую учебно-образовательную поездку за границу студентов, изучавших коммунальное хозяйство. Мысль об экскурсии в Германию возникла у группы выпускников Высших курсов коммунального хозяйства после ознакомления их с моим очерком в журнале «Городское дело» о заграничной поездке санитарных врачей, состоявшейся в 1912 г.

В состав группы должны были войти 20 человек. Руководить экскурсией поручалось мне, время пребывания — июнь-июль. Составленная мною программа была представлена в НКВД ещё в начале 1927–1928 учебного года. Она предусматривала подробное ознакомление с благоустройством и коммунальным хозяйством в 16 немецких городах: Штеттине, Берлине, Лейпциге, Дрездене, Хемнице, Нюрнберге, Мюнхене, Штутгарте, Мангейме, Франкфурте-на-Майне, Кёльне, Дюссельдорфе, Эссене, Дортмунде, Бремене и Гамбурге. Однако формальности по получению загранпаспортов, а затем виз на въезд в Германию, невзирая на полную своевременность разрешения со стороны НКВД, потребовали слишком много времени, и поездка смогла состояться только в августе. В связи с этим пришлось сократить длительность экскурсии с двух месяцев до одного и сократить также список городов. Число участников экскурсии было уменьшено с 20 до 11.

Я согласился руководить поездкой только при условии, что все хлопоты по получению заграничного паспорта будут с меня сняты. Но когда паспорта были готовы, возникли затруднения с получением виз в германском консульстве. Все десять студентов настойчиво просили меня лично ходатайствовать о даче виз. При всём моём нежелании обращаться в консульство, я не мог отказать своим слушателям, и с партийным руководителем экскурсии Мишиным пошёл на приём. Там консул, хотя и в учтивой по отношению ко мне форме, категорически заявил, что визы будут даны только в том случае, если я дам слово, что участники экскурсии не будут заниматься политической агитацией (!). Я объяснил, что я всего лишь научный руководитель экскурсии, что в программу её входит только изучение коммунальных и санитарных устройств и учреждений, что каждый из моих слушателей может дать соответствующее обязательство сам за себя, а в мои задачи это не входит. На это мне было заявлено, что если я не дам за всех требуемого обещания, визы никому не дадут. На этом наше свидание закончилось. Узнав о содержании разговора, все студенты настойчиво просили меня поручиться за них. Пришлось второй раз с партийным руководителем экскурсии побывать в консульстве и дать обещание, что участники учебной экскурсии будут воздерживаться от политической агитации во время пребывания в Германии, тем более, что ни один из них не знает немецкого языка. После этого визы всем были даны.

Чтобы запечатлеть в сознании участников экскурсии наиважнейшие проблемы и запросы, которые предъявляются ходом и развитием отече-

ственного коммунального хозяйства к использованию зарубежного опыта, я организовал для всей группы за две недели до отъезда ряд экскурсий по Ленинграду, Москве и окрестным городам. Специальная программа осмотров охватывала все те стороны жизни, благоустройства и коммунального хозяйства наших городов, которые должны были стать предметом изучения при поездке по Германии.

В ходе экскурсий по Ленинграду надо было выработать порядок осмотров в каждом городе. Экскурсанты должны были выработать у себя привычку смотреть на всякий город, как на единый организм, и при осмотре отдельных устройств и учреждений всегда воспринимать их, как часть этого организма.

Цель поездки за границу заключалась не в самом по себе ознакомлении с Германией, не в изучении её экономики и культуры, её условий жизни и коммунального хозяйства в её городах, а в том, чтобы непосредственно увидеть именно те технические приёмы и достижения в области благоустройства и инженерного оборудования населённых мест, которые могли быть полезны и в нашем хозяйстве.

Мы не имели времени на выискивание теневых сторон, дефектов и изъянов, на изобличение социальных противоречий в чуждой по своему политическому строю стране. Мы должны были сосредоточить своё внимание на тех достижениях немецкого коммунального хозяйства, на тех технических возможностях в осуществлении благоустройства, которые отвечали бы нуждам пока ещё отсталого коммунального хозяйства в СССР. Поэтому полезно было конкретно ознакомиться с характером и содержанием идущей у нас коммунально-хозяйственной работы, с её условиями и потребностями, в свете которых особенно полезным мог быть заграничный опыт. Именно этой цели и должны были служить наши экскурсии по Ленинграду.

Первая экскурсия должна была дать комплексное представление о городе, как о коллективном коммунально-хозяйственном организме, ознакомиться с основными чертами его планировки и перспективами дальнейшего его развития. На это потребовался целый день. Экскурсия началась из центра города, от здания бывшей Городской думы и Гостиного Двора через Думскую линию, Банковский переулок, Мариинскую линию, Апраксин Двор, по Садовой, со всеми её рынками — Гостиным, Апраксиным, Сенным, Б. Александровским и др., вплоть до торговой площади Тургенева. Это район преимущественного сосредоточения торговли, обслуживающей не отдельные части Ленинграда, а весь город. В ходе осмотра его центральной части было обращено внимание на намечающийся сдвиг интеллектуального и административного центра к районам прежнего наибольшего сосредоточения государственных учреждений — от Чернышёвой площади, Александринского театра, улицы Росси и Публичной библиотеки к улице Пролеткульта, до Русского музея и далее до площади Урицкого и через Дворцовый мост на Васильевский остров в район Академии наук и Университета.

При этом достаточно рельефно обрисовывалось значение Марсова поля с прилегающими к нему Летним и Михайловским садами, как района центрального парка Ленинграда, к которому примыкает с запада деловой

район — банки Невского проспекта, Гостиный Двор, Апраксин рынок, Мариинская линия и вся улица 3-го июля (Садовая ул.) с выходящими на неё рынками и торговыми улицами. С севера — район интеллектуальной жизни, а с востока и юго-востока — жилые районы: Литейный проспект, Московская и Рождественская части, Петроградская и Выборгская стороны. Гранича с обширными водными пространствами Невы у начала Фонтанки, канала Грибоедова и Мойки, этот центральный парк, несомненно, является основным внутренним свободным пространством с незагрязнённым воздухом. Широкою водною полосой Невы и её рукавов он связывается с водным простором Финского залива и с зелёными площадями Аптекарского, Каменного, Елагина и других островов. Отчётливо виделась необходимость последующего устройства системы зелёных полос в направлении к периферическим паркам — Удельному, Сосновке, Полуострову и др.

В ходе всех экскурсий по Ленинграду я обращал особое внимание на убогое оборудование улиц, почти сплошь покрытых тогда булыжною мостовою, без уличных посадок, без газонов и палисадников у домов, с изломанными тротуарами, и, в особенности, на чрезвычайно отсталую технику работ по устройству мостовых даже из диабазы и деревянных торцов, на полную нерациональность расположения на самой ездовой части, а не под тротуарами трапов дождеприёмных и смотровых колодцев, на крайне недостаточную прочность оснований мостовых, на совершенно неправильную заделку швов и т. д.

При осмотре главного ленинградского центра снабжения пищевыми продуктами (Сенной рынок и торговые ряды Горсткиной улицы) обращало на себя внимание отсутствие рельсовой связи рынков с общей сетью железных дорог. Невозможность доставки продуктов непосредственно к рынкам в товарных вагонах, необходимость перегрузки их на авто- и гужевого транспорт, вели к загромождению этим транспортом всех прилегающих к рынкам улиц. В связи с этим ярко вырисовывалась необходимость подвода ветки железной дороги от Детскосельского вокзала через Фонтанку к «чреву» города. Точно так же выявилась нерациональность расположения в городе центральной молочной станции — в Сапёрном переулке, вдали от рельсовых путей. Неоднократная перегрузка и доставка молока с вокзалов гужом сильно удорожали этот продукт первой необходимости.

Осмотр районов нового жилищного строительства выявил, что, как при строительстве крупных домов на Выборгской стороне, так и при возведении небольших деревянных домов в районе Лесного, отсутствовали дешёвые способы подвоза строительных материалов, не было механической подачи их на стройках многоэтажных домов, полностью отсутствовало какое бы то ни было благоустройство дворов, не было в них садов и зелени. Не было также никакой системности в застройке, она велась разбросанно, в отрыве от уже благоустроенных улиц и районов.

Перед началом каждой экскурсии я подводил итоги предшествующих осмотров и делал общие выводы о необходимости практического использования более высокой техники и рационализации дела. Такой порядок сохранился и в экскурсиях по немецким городам с расчётом на 10–12-часовой рабочий день.

Таким образом, осмотры в Ленинграде имели целью обнаружить те технически отсталые приёмы строительства и благоустройства, которые желательно было бы устранить и заменить применением более совершенной западной техники, лучшими приёмами организации работ. В Германии же, наоборот, мы должны были сосредоточиваться не на выискивании отсталых участков их городского хозяйства, не на раскрытии их ошибок, устранять которые не наша задача и не наша печаль, а на знакомстве со всеми положительными сторонами их строительства и благоустройства, которыми нужно и можно было бы воспользоваться у нас.

Фактическое пребывание наше за границей продолжалось 37 дней — с 31 июля по 7 сентября. За это время посещены были 11 городов. Осмотры велись как в этих городах, так и в их окрестностях. Переезды из одного города в другой отнимали очень мало времени, часто не более чем обычная поездка на трамвае или в автобусе в городе. Так, из Берлина в Лейпциг мы добирались 2 часа, из Штеттина в Берлин — менее 2 часов, а из Кёльна до Дюссельдорфа — менее часа и т. д., а самые длительные переезды: из Дрездена в Нюрнберг, из Штутгарта в Кёльн и из Эссена в Гамбург отняли всего по 4–5 часов и делались ночью, так что не отражались на числе экскурсионных дней. Приехав в новый город, мы тотчас же принимались за работу.

Из Ленинграда мы отплыли на пароходе «Алексей Рыков» 28 июля и прибыли вечером 31 июля в Штеттин (Щецин) — портовый город с населением в 250 тыс. человек. Пароход совершал свой первый пробный рейс. Кроме нас на нём находилась небольшая группа партийных работников, направлявшихся в Германию для службы в учреждениях торгпредства. Во время рейса нас привлекли к устройству вечера для довольно многочисленной пароходной команды. Устроители хотели посвятить вечер А. М. Горькому, в связи с его предстоявшим в те дни возвращением в Москву из Италии. Библиотеки на судне ещё не было, и никаких произведений Горького или о нём под рукою не оказалось. По просьбе устроителей я согласился сказать вступительное слово о писателе и об отражении в его литературной деятельности этапов развития нашей революции. Мне пригодилось в моём импровизированном докладе знание наизусть горьковской символической «Феи», «Песни о Соколе» и «Буревестника».

Из трёхдневного нашего путешествия по Балтийскому морю в памяти осталось одно очень благополучно окончившееся приключение. В первый же день пути я познакомился с капитаном парохода. Это был молодой, очень культурный и обходительный человек, в разговоре немногословный, но внимательно слушавший собеседника. К концу второго дня путешествия мы попали в полосу густого тумана; белой непроницаемой пеленой окутывал он наше судно и всё вокруг. Даже у самого борта не было видно воды. Капитан всё время оставался на верхнем мостике. Корабль, замедлив ход, шёл, не переставая издавать тревожные гудки. И вдруг прямо у самого нашего борта оказался шедший полным ходом наперерез нам, без всяких гудков и прожекторов огромный океанский корабль. По команде капитана наш пароход круто дал задний ход. Вплотную, борт о борт с нами, прошёл мимо нас встречный корабль. От внезапного толчка свалилась мебель, попадали, отделавшись, к счастью, лишь ушибами, мно-

гие из пассажиров, но благодаря бдительности нашего капитана всё обошлось благополучно.

Благодаря предварительному письму из ленинградской организации ВОКС (Общество культурных связей с заграницей) в Штеттине проявлено было к нам внимательное отношение со стороны местного представителя ВОКС и секретаря нашего консульства. С чрезвычайной любезностью и предупредительностью отнеслись также и в Штеттинском магистрате к нашему желанию ознакомиться с важнейшими отраслями коммунального хозяйства, благоустройства и жилищного строительства в этом городе. По распоряжению бургомистра Пика, в наше распоряжение были выделены автомобили и под руководством городского архитектора мы ознакомились с системой замощения и оборудования улиц, их очистки, ремонта и поливки, с городской канализацией и очистными станциями, с городским гаражом, со свалками для домового мусора, уличных сметок и осадка из трёх имеющихся в городе очистных станций канализации с установками движущихся сит Ринша.

Осмотрели мы и зелёные насаждения в городе: бульвары, скверы, городской сад в центре, на месте бывшего кладбища, знаменитое новое кладбище-парк более чем в 200 десятин и так называемые «колонии садов-беседок». Большое впечатление произвела техническая оснащённость обширной Штеттинской гавани, обустройство улиц с их чудесными мостовыми из ровных гранитных брусков с залитыми асфальтом пазами, либо из прессованного асфальта или асфальтобетона. К благоустройству улиц Штеттина следует отнести и нарядные самопрокидывающиеся при опорожнении урны для окурков и бумаги у краёв тротуаров и подземные уличные уборные и писсуары, и красивые газоны, по которым проходили трамвайные пути, и обилие цветов — пышные розарии, и удобные скамейки в скверах, на бульварах и на улицах, а также — хорошо налаженную систему машинной уборки и поливки улиц.

В Берлин мы приехали вечером 1 августа и пробыли в нём почти две недели. Так же, как и в Штеттине, в первый день нашего приезда очень ценную помощь в устройстве и осуществлении плана осмотров оказали представители ВОКС и служащие нашего торгпредства. До 13 августа мы знакомимся с замощением берлинских мостовых, с текущим ремонтом асфальтовых, мелкобрусчатых и мозаичных мостовых, с системами оборудования улиц, распределением их ширины на тротуары, газоны, палисадники и ездовую полосу; с подземными уличными сооружениями, с системой зелёных насаждений, с парками (Тиргартен и новые парки в Темпельгофе, Целлендорфе и Грюнвальде), с бульварами, скверами, садами, уличными посадками, с многочисленными и разнообразными колониями рабочих садилов и садов-беседок, с берлинскими полями орошения и имеющимися на них осадочными бассейнами и очистными прудами, с одной из новейших водопроводных станций, оборудованной наиболее совершенными техническими средствами.

И в Берлине, и в его окрестностях (Целлендорфе и Бритце, Даалеме, Фишталгрунде, Темпельгофе и Шпандау, Вильмерсдорфе и др.) нам удалось не только ознакомиться с общей планировкой, застройкой и благоу-

ройством районов жилищного строительства, но и с внутренним оборудованием и обстановкой рабочих жилищ, в которые мы входили благодаря общительной приветливости их обитателей. Мы осмотрели также берлинский центральный рынок, к которому была подведена железнодорожная ветка на эстакадах, и некоторые из районных рынков. При экскурсиях пешком в окрестностях Берлина мы ознакомились с благоустройством окраинных районов и нескольких деревень с чудесными загородными мелкобрусчатыми мостовыми на ведущих к городу дорогах, с широким развитием лодочного спорта на озёрах и с народными купальнями на них.

Но больше всего времени и внимания мы посвятили грандиозной выставке питания, устроенной берлинским муниципалитетом, и осмотру интересных с точки зрения городского благоустройства, жилищного строительства и коммунального хозяйства берлинских музеев, таких, как-то: Музей путей и средств сообщения, Музей охраны труда (с постоянной выставкой по обеспечению благополучия рабочих) и Музей по канализации и питьевому водоснабжению при Прусском институте по гигиене воды, почвы и воздуха (о последнем я напечатал подробную статью в 11-м номере журнала «Коммунальное дело»).

В Берлине специально для нас прочёл доклад архитектор Александр Клейн, давший в двухчасовой беседе много ценных разъяснений по технике и организации современного немецкого жилищного строительства. Там же к нашей экскурсии присоединился проф. М. А. Дыхно¹, заведовавший в то время гигиеническим институтом в Казани. В дальнейшей поездке по Германии мы совершали осмотры вместе с ним в Дрездене, Мюнхене и Гамбурге.

Мне хотелось воспользоваться пребыванием в Германии, чтобы познакомиться с А. Гротьяном² — наиболее известным и авторитетным специалистом по социальной гигиене в Германии. Он был автором незадолго перед тем вышедшего большого труда и ряда статей по этой дисциплине и соредактором крупной немецкой энциклопедии по этой же проблеме. Мне хотелось познакомить Гротьяна с развитием социальной гигиены в российских медресах и обратить его внимание на неоправданную переоценку им влияния наследственности на формирование массовой заболеваемости. Я считал, что Гротьян неправильно истолковывает некоторые демографические показатели, особенно относящиеся к воспроизводству, не учитывая их временный преходящий характер. Я по телефону просил Гротьяна назначить время, когда я мог бы посетить его на кафедре. Но он просил меня зайти к нему домой, побеседовать за чашкой чая. Дома он принял меня запросто, очень интересовался положением вопросов демографической и санитарной статистики в нашей стране, внимательно выслушал

¹ Дыхно Михаил Александрович — крупный учёный в области социальной гигиены, автор первого отечественного учебника по этому предмету; основатель и директор институтов общественной и социальной гигиены в Смоленске и Ростове-на-Дону; декан третьего Московского медицинского института.

² Гротьян Альфред (1869–1931) — немецкий социальный гигиенист, активно работавший в созданном ещё в 1906 «Обществе расовой гигиены», по убеждениям — социалист.

все мои замечания и возражения на его социальную патологию. Он произвёл на меня впечатление простого, искреннего человека, без «цеховой» учёной заносчивости.

В Лейпциге мы пробыли три дня, подробно знакомимся с замощением улиц такими типами мостовых, каких не встречали в Берлине: из очень твёрдых искусственных брусков и кубов из шлаков медеплавильных заводов, из пропитанных и хорошо просмоленных деревянных брусков и из клинкерного кирпича и пр. Как и в других городах, мы интересовались всеми деталями оборудования и благоустройства улиц, уличным освещением, машинным мытьём и уборкой улиц ночью; скверами, садами, посадками и газонами, уличными туалетами и т. д. Подробно осмотрели загородный парк и Лейпцигский городской лес, с его вековыми, поразительными по размерам, дубами и знаменитым поросшим лесом холмом, образовавшимся на месте свалок городского мусора. Кроме того, мы осмотрели очистную станцию Лейпцигской канализации, грандиозное новое здание кассы социального страхования со всеми сосредоточенными в нём учреждениями (число членов кассы превышало 250 тыс. человек, а годовой бюджет превышал 25 млн. марок); народную библиотеку и читальню, здание Лейпцигского магистрата, кладбище с крематорием и памятником битве народов. Побывали на обширной выставке оборудования гостиниц, столовых, народных домов, чайных и пр. Выставка была размещена на территории и в павильонах Лейпцигской ярмарки. Посетили мы и крупнейший в Европе знаменитый Лейпцигский вокзал.

В Дрезден мы прибыли 15 августа и оставались до 21 августа включительно. Главным предметом нашего изучения в этом городе была выставка «Технический городок». Она подробно описана мною в январской книжке журнала «Гигиена и эпидемиология» за 1929 г. Как и в других городах, в Дрездене нас занимали вопросы благоустройства и оборудования улиц, регулирования уличного движения, очистки улиц и города в целом. Переходы через улицы с сильным движением отмечены там прямо на мостовой белыми полосами, автомобили паркуются не у тротуаров, а по водоразделу движения — на серединной линии проезжей части.

Кроме выставки «Технический городок» мы осмотрели городскую канализацию и очистную станцию в Кадовице, поля запахивания мусора, образцовую по устройству и содержанию дрезденскую бойню с холодильниками, знаменитый Большой дрезденский парк с его богатейшими садовыми устройствами и цветниками, стадион, спортивные площадки и плавательные бассейны, строительство домов поселкового типа, крематорий и кладбище, здание городского магистрата и музея в нём, «Немецкий музей гигиены», а также окрестности Дрездена — Лошниц-Блязевиц, город-сад Геллерау и многие другие.

В Нюрнберге (22 августа) мы ознакомились с общей планировкой и оригинальной застройкой этого интереснейшего не только с исторической точки зрения, но и по-современному высоко развитым коммунальным хозяйством города. Кроме того, были осмотрены: центр города с его колодцем в 70 м глубиной, замком и музеем, кольцевой бульвар на месте крепостной стены, знаменитые фонтаны и образцовая народная баня с

плавательным бассейном. В Нюрнберге обучение плаванию — обязательный предмет школьной программы.

В Мюнхене (23-26 августа) главным предметом нашего внимания был, разумеется, «Немецкий музей» с его неисчерпаемыми по богатству коллекциями по всем отраслям техники. Нас в особенности интересовали отделы, посвященные постройке и оборудованию дорог и улиц, водоснабжению и специальному сельскому водоснабжению, канализации, освещению и строительству. В Мюнхене мы подробно ознакомились с большой выставкой «Техника в применении к оборудованию жилища и домашнего очага». Осматривали мы также систему зелёных насаждений и особенно известный Английский парк с его ландшафтной планировкой и обилием быстро несущихся красивых шумных горных рек и каскадов.

Очень интересным был осмотр очистных сооружений мюнхенской канализации в Гросляпене (эшмеровские установки, компостирование осадков, получение газа, устройство биологических очистных прудов, лаборатория и завод для механического машинного производства бетонных коллекторов большого сечения). Чтобы получить разрешение на эту экскурсию, я обратился по телефону в Управление канализации. Мне ответили, что осмотр всей системы очистных сооружений сопряжён с большими транспортными трудностями. Только раз в день рано утром туда отправляется поезд. Мне посоветовали обратиться лично к директору управления очистки. Я позвонил и услышал в ответ — быть в 7 часов утра всей группе на месте отправления специального рабочего поезда. Прибыв по указанному адресу, мы были приятно удивлены исключительной предупредительностью дирекции: в наше распоряжение был предоставлен на целый день отдельный вагон. Благодаря сопровождению одного из инженеров мы смогли очень обстоятельно ознакомиться со станцией предварительного осветления сточной воды в двухъярусных отстойниках. Осадок из них компостируется с плотными отбросами, доставляемыми из Мюнхена на автомашинах службой очистки города. Готовый компост идёт на удобрение лугов и полей, а осветленная сточная жидкость поступает в рыбные пруды в имении Гросляпен. Несколько часов мы провели в специальной химической лаборатории.

В Штутгарте кроме общего благоустройства города, его мостовых и улиц были осмотрены городские парки с их рыбными прудами, работы по регулированию водных протоков и реки, посёлок новых жилых домов разной архитектуры, «небоскрёб» в 16 этажей и многое другое.

В Кёльне нам была оказана большая любезность со стороны магистрата. Директор орготдела коммунального хозяйства составил для нас целую программу осмотров. Бургомистр прочёл нам двухчасовую лекцию о развитии самого города и городского хозяйства, о планировке Кёльна и крупных коммунальных сооружениях. В течение двух дней специальный автобус возил нас по городу и его окрестностям, благодаря чему мы смогли очень подробно осмотреть занимавший примерно такую же площадь, как Ленинград, Кёльн, хотя население его было в два с лишним раза меньше (всего 700 тыс. человек). Мы на месте ознакомились с ведущимися в то время работами по расширению кёльнской канализации, с прокладкой новых коллекторов за

Рейном в туннелях. По главным коллекторам мы совершили целое подземное путешествие пешком. Вся система очистки города, собирание и удаление мусора, его утилизация и сжигание на новой, лишь в 1928 г. пущенной в ход мусоросжигательной станции, были нами внимательно изучены.

С особым интересом смотрели мы в Кёльне обширное коммунальное жилищное строительство, о размерах которого могут дать представление следующие цифры: в 1923 г. было построено 735, в 1924 г. — 2 114, в 1925 г. — 2 803, в 1926 г. — 3 803, в 1927 г. — 4 600 и в 1928 г. — 4 800 квартир. В окрестностях Кёльна на месте недавно ещё мощных фортов, взорванных в 1922–1925 гг. союзниками, разбивались парки и леса, чтобы оградить город от дыма Рурского угольного бассейна, создавалась огромная сеть спортивных площадок с бассейнами для плавания и устройствами для всех видов спортивных состязаний.

Огромный интерес представлял также осмотр учреждения для социального попечения о престарелых и инвалидах, одной из наилучшим образом оборудованных в Европе воздушных гаваней, художественных и исторических достопримечательностей Кёльна — Кёльнского собора, здания ратуши и т. д. Я выше не упоминал о такого же вида осмотрах в других городах, скажу здесь, что мы были и в Национальном музее в Берлине, и в знаменитых художественных галереях Дрездена, Мюнхена и других городов.

В Дюссельдорфе мы осмотрели за два дня замечательный городской парк с его прудами, обилием лебедей и декоративных уток, с большим фонтаном ключевой воды и с участками красивого букового леса среди парка в центре города. Осмотрели также центральную рыночную площадь на берегу Рейна, центральную молочную станцию.

Кроме того, мы успели подробно познакомиться в Дюссельдорфе с образцово поставленной системой уборки улиц и очистки города от мусора, с городским гаражом автомашин по уборке улиц, а также с коммунальным жилищным строительством, посетили новый немецкий государственный музей рационализации хозяйства и изучения общества.

В Эссене мы бегом осмотрели город и его район, занятый крупновскими заводами, а также центральный район, где в то время велась большая перепланировка с постройкой современных огромных зданий, крупновские посёлки для рабочих и парк, разбитый на месте крупновского кладбища.

В Гамбурге, где мы пробыли всего лишь неделю, мы осмотрели производившиеся в то время работы по теплофикации города. Шла реконструкция центральных частей города, строился туннель под Эльбой и портом, служивший главной артерией сквозного автомобильного и пешеходного движения. Мы осмотрели пользующийся мировой известностью Гамбургский порт для океанских кораблей. Затем изучили систему гамбургского водоснабжения, переходившего в то время от речной воды к ключевой. Из других экскурсий в Гамбурге упомяну: осмотр большого ночлежного дома, огромного (на 3 тыс. призываемых) дома для инвалидов и хроников, осмотр чарующего сказочной красотой планировки Ольсдорфского кладбища (парка и леса в 360 десятин), нового городского парка с цветниками, зелёными лугами, детским искусственным пляжем с молочным пунктом, парков в Альтоне, посёлка по типу города-сада «Вансбек». Были также по-

сещены Гамбургский музей промышленности, известный Гамбургский институт гигиены и зоологический парк, снабжавший всю Европу зверями.

После возвращения в Ленинград я изложил общий ход экскурсии и выводы о значении её, как метода подготовки коммунальных работников, на заседании совета Высших курсов коммунального хозяйства в присутствии всех студентов. Затем мой доклад и выводы о том, что могла дать и что в действительности дала поездка по Германии, были напечатаны в осеннем выпуске сборника «Коммунальная мысль» за 1928 г. По специальному приглашению наркома внутренних дел я сделал подробное сообщение о результатах нашего ознакомления с коммунальным хозяйством и жилищным строительством в Германии на заседании плановой комиссии под председательством В. Н. Толмачёва¹ 3 октября 1928 г. При этом, по предложению наркома, комиссия признала необходимым издать особую брошюру для коммунальных работников о результатах нашей поездки в связи с её большой практической ценностью и поучительностью.

В издании предполагалось осветить материалы по отдельным областям жилищного строительства и по благоустройству населённых мест. По вопросам о новых течениях и практических достижениях в области социально-гигиенического обслуживания населения мною сделан был доклад в ленинградском Обществе социальной и экспериментальной гигиены. Довольно значительные собрания литературы, планов и других графических материалов я передал в Отдел коммунальной и социальной гигиены Музея города.

11–17 мая 1929 г. в Ростове-на-Дону проходил Всесоюзный водопроводный и санитарно-технический съезд с секцией планирования и благоустройства городов.

В Ростове я остановился у доктора Киршмана Якова Сигизмундовича. Я близко знал его ещё по работе в Костромском губернском земстве в 1905–1909 гг. По специальности глазник, он в то время заведовал глазной больницей в Макарьеве. По моей инициативе там был создан лечебно-продовольственный пункт для судорабочих, на службу в котором была переведена мною из Кинешмы Людмила Васильевна Мороз. Тогда они и познакомились, поженились. Позднее они уехали из Макарьева. Яков Сигизмундович обладал всеми качествами для учёной карьеры, и в Ростове занял место ассистента, а затем доцента по кафедре глазных болезней, ведя одновременно работу в глазной больнице. Людмила Васильевна заведовала туберкулёзным диспансером в Ростове. Супруги были связаны единством своих политических взглядов, но, главное, их связывало исключительно глубокое, редкое взаимное уважение одного к личности другого.

Перед моим приездом в Ростов Яков Сигизмундович и Людмила Васильевна только что переехали в новую квартиру в одном из корпусов очень крупного кооперативного жилмассива. Организации и строительству этого жилмассива Киршманы уделяли много внимания и с увлечением знакоми-

¹ Толмачёв В. Н. (1886–1937) — в январе 1928 — феврале 1931 возглавлял НКВД РСФСР. В ноябре 1932 арестован, отсидел 3 года в спецлагерях. В сентябре 1937 арестован вторично и приговорён к расстрелу. В 1962 реабилитирован.

ли меня со всеми достижениями благоустройства в квартире и на участке. Людмила Васильевна познакомила меня с работниками Дома санитарного просвещения в Ростове, во главе которого стоял профессор Кокин. Он предложил мне прочесть курс лекций для санитарных врачей и работников санитарного просвещения о сущности, содержании, значении и задачах общего благоустройства населённых мест. Осуществить это предложение было нелегко, так как с 9 часов утра и до вечера я был занят на заседаниях секций и в работе комиссий съезда. Поэтому я предложил пять или шесть моих лекций назначить в ранние утренние часы, до заседаний съезда и до начала работы самих слушателей. Мне были наиболее удобны часы с 6 до 8 утра, но так как это казалось слишком экстравагантным, то лекции проходили с 7 до 9 часов утра.

Погода в Ростове стояла майская, упоительная. Мне предложили проводить лекции не в закрытом помещении, а на открытом воздухе. Была устроена «аудитория» в саду при Доме санитарного просвещения: поставлены вокруг стола скамьи и стулья и обеспечена для лектора классная доска с цветными мелками. Этот курс лекций в ранние утренние часы оставил у меня самые приятные воспоминания.

На секции планировки городов на Ростовском съезде уже давало себя знать засилье, а точнее, превалирование точки зрения архитекторов, подменяющих задачу создания удобного для жизни и деятельности здорового и безопасного жилища стремлением к так называемому «художественному оформлению города», к красоте общего облика, его площадей и ансамблей. На эту архитектурно-художественную концепцию общего плана города передвигалось главное внимание; архитектор-художник оттеснял санитарного врача и инженера; санитарный врач привыкал идти на поводу у архитектора-планировщика и подчинять задачи создания наиболее благоприятных условий для обеспечения здоровья населения принципу архитектурно-художественной концепции плана города. Это было началом того положения, когда всё большие средства стали тратиться не на рациональное удовлетворение жилищных нужд и решение неотложных проблем благоустройства и удобств жилищных условий, не на строительство жилья в соответствии с имеющимися материальными возможностями, а на разработку проектов осуществления в будущем заманчивых в художественном отношении пресловутых монументальных ансамблей.

Я пытался на съезде поднять значение санитарно-гигиенической стороны при разработке проектов планировки и перепланировки населённых мест и при фактическом строительстве. Это было основным мотивом моих выступлений и резких столкновений с главным докладчиком на секции планировки А. П. Иваницким. В течение многих последующих лет приходилось вновь и вновь призывать к поднятию значения санитарного врача и инженера-санитарного техника в вопросах проектирования и строительства населённых мест. В целом ряде докладов — на Всесоюзном санитарном съезде 1947 г., на заседаниях Санитарно-гигиенического общества и т. д. — выдвигал я это требование, развёртывая его примерно в следующих положениях. Определяющая и ведущая цель планировки и застройки населённых мест — возможно более полное удовлетворение потребностей населения в

здоровых, удобных жилищных условиях, в удобных, экономически наиболее доступных, технически наиболее совершенных средствах и путях общения и сообщения; обеспечение обслуживания населения сетью общественных учреждений — культурно-образовательного, учебно-воспитательного, хозяйственно-бытового, врачебно-санитарного и социального характера. Архитектурно-художественное оформление населённого места в целом или его отдельных частей должны осуществляться в пределах обеспечения прежде всего благоустройства, а не как самодовлеющие цели. Санитарные врачи и гигиенисты, инженеры и жилищно-коммунальные работники должны отстаивать и добиваться признания первостепенной важности санитарно-гигиенических и социально-культурных требований при планировке, строительстве и восстановлении населённых мест.

Все свободные от заседаний и лекций часы я использовал для участия в экскурсиях, для осмотра жилищного строительства для рабочих Аксайского завода. Два дня ушли на тщательное ознакомление с новым жилым посёлком для рабочих Сельмашстроя и на осмотр этого первого крупного завода социалистической промышленности. Он производил огромное, скажу прямо, радостное впечатление налаженностью всего производства, ощущавшимся подъёмом и дисциплиной труда. Такое же захватывающе радостное чувство позднее переживал я при осмотре Сталинградского тракторного завода, на котором летом 1931 г. я провёл целый день, а ещё позднее — Горьковского автомобильного завода.

Дни, проведённые в Ростове, оставили у меня бодрящее впечатление от бившей ключом реконструкционной работы. Только что введённая в строй новая водопроводная станция с новаторскими улучшениями в конструкции скорых фильтров и методов коагуляции и хлорирования была особенно подробно осмотрена и при общей экскурсии, и повторно при моём посещении в одиночку. В это время в Ростове велись большие работы по созданию народного парка и по озеленению старых частей города.

Сейчас, когда я вспоминаю обо всём увиденном в Ростове, у меня перед глазами встал один мимолётный штрих, минутное впечатление, с такою неизбывною болью сохранившееся в памяти, невзирая на прошедшие с тех пор многие десятилетия. Мы осматривали бойню для экспорта мяса. В отделении, где производился убой лошадей, случайно мой взгляд остановился на старой лошади белой масти, стоявшей в очереди на убой. Лошадь смотрела на окружающее своими умными глазами. По всему телу её пробегала нервная дрожь. Из глаз выкатились слёзы. Подошедший боец с размаху нанёс ей удар молотом в лоб, но лошадь не свалилась, а лишь понуро низко опустила голову, подставив лоб для второго безжалостного смертельного удара. Это была мимолётная сцена, сотни раз повторявшаяся в течение дня для бойца, но для не зачерстневшего от подобных зрелищ человека она осталась глубоким незаживающим рубцом. И сейчас, по неведомой внутренней связи, она вызывает у меня терзающую мысль об ужасе смерти, пережитом гостеприимным, кротким хозяином квартиры, в которой я тогда остановился — таким деликатным, умным, талантливым Яковом Сигизмундовичем Киршманом. Во время оккупации Ростова немцами в 1942 г. он получил повестку о явке на «убой» от гитлеровских людоедов, как и многие

тысячи и даже миллионы евреев. Многие годы угнетено было сознание и всё существо Людмилы Васильевны этой не вмещающейся в человеческое сознание трагедией.

После окончания съезда я решил проехать в Сочи, где раньше никогда не бывал, чтобы посмотреть южную природу Черноморского побережья, и оттуда, чтобы не терять времени, пролететь в Москву на самолёте. План этот был полностью осуществлён. В Сочи я успел побывать и купаться на Ривьере, осмотрел парки, проехал в Мацесту, совершил прогулку по ущелью и среди утёсов, и на рассвете 29 мая вылетел в Москву. Это было моё первое путешествие по воздуху. Оторвавшийся от земли самолёт набирал высоту над морем. Было яркое, солнечное утро. Море казалось с высоты фиолетовым, прозрачным, так что чувствовалась вся его толща до самого дна, а в противоположную от моря сторону тянулся зелёный горный ландшафт, над ним высилась белевшая снегом горная вершина. Вся эта картина вызывала беспредельное восхищение. Казалось, что даже в горле спирало дыхание, и ясно помню, что в сознании у меня возникла мысль, что если бы произошла воздушная авария, то созерцание неземной, невыразимой красоты не было бы куплено чрезмерно дорогой ценой, хотя бы этой ценой была самая гибель.

Только час-другой после начала полёта начинаешь ориентироваться в расстилающемся внизу и впереди ковре: начинаешь видеть вместо мелких разбросанных камешков и кирпичей пасущихся коров и лошадей. В Тихорецкой самолёт приземлился, чтобы сдать и взять почту. С аэродрома в Ростове я успел позвонить Киришманам. От Ростова до Харькова мы летели без посадки. До Ростова в кабине я был один, но там подсели четыре американских инженера, летевших после консультаций на Сельмашстрое. Над Донбассом нас сильно трепало в воздухе, и привычные к этому новые спутники спали, похрапывая в своих креслах, а я напряжённо всматривался в безграничные просторы. В Харькове — обед. Дальнейший перелёт до Москвы по расписанию должен был быть беспосадочным. Однако в пути произошла какая-то порча в моторе. Лётчик благополучно приземлился на ржаном поле где-то в районе Орла. Мы вышли из самолёта и в течение двух часов наслаждались тёплым солнечным днём среди полевого простора. Из Орла пришла машина, по существу, можно было воспользоваться ею, чтобы добраться до станции и ехать в Москву поездом, не подвергаясь риску новой непредвиденной посадки в поле. Но тут лётчик заявил, что мотор в порядке, он исправил мелкую поломку. Мои молчаливые спутники не обнаруживали никакого беспокойства и я, следуя их примеру, вернулся в кабину.

Очень интересны планы городов с высоты: собор и площадь в центре города и несколько расходящихся или пересекающихся улиц, а все кварталы, точно квадраты и прямоугольники на шахматной доске. Всё пространство до Москвы, расстилающееся внизу, было заманчиво интересным. Легко узнавалась Тула с её заводскими трубами, линии железных дорог, реки, но после внепрограммного спуска под Орлом над всем господствовало желание поскорее благополучно завершить это волшебное путешествие. Ещё задолго до заката солнца я в бодром настроении ехал на автобу-

се от Сокольнического аэродрома в центр столицы. Успел навестить сестру Женю и вечерним поездом отправился в Ленинград.

Осенью того же, 1929 г., свободные от лекций дни октябрьских праздников я использовал для поездки в Керчь. Андрей Григорьевич Малиенко-Подвысоцкий¹, с таким искренним энтузиазмом помогавший мне в налаживании дела в Отделе коммунальной и социальной гигиены Музея города, деятельный участник кружка благоустройства и заграничной экскурсии, по окончании Института инженеров коммунального строительства был направлен, как бывший крымский стипендиат, на должность областного инженера коммунального хозяйства в Крыму. С большой энергией он обследовал положение и нужды коммунального благоустройства в городах области. В то время в связи с расширением и реконструкцией металлургического Керченского завода вопросы водоснабжения и развития жилищного строительства и благоустройства в Керчи приобретали особое значение. Со свойственной ему напористостью Андрей Григорьевич настаивал на скорейшем практическом продвижении этих вопросов. Но местные коммунальные работники и инженеры, ссылаясь на трудности увеличения подачи воды из местных источников, настаивали на том, что решить вопрос о водоснабжении Керчи можно будет только после обеспечения подачи воды из Кубани. Трудности представлял и вопрос о строительстве канализации, и о выборе места для спуска сточных вод и другие вопросы планировочного характера. Андрей Григорьевич обратился ко мне с просьбой приехать в Керчь и на месте обсудить ряд проблем, связанных с благоустройством города. Я согласился, и Андрей Григорьевич обещал встретить меня на станции Джанкой. В дороге я заболел ангиной, довольно тяжёлой, с высокой температурой. Я был очень обрадован, когда в Джанкое меня разыскал в поезде Андрей Григорьевич. Его дружеская забота очень меня ободрила. Устроив меня в гостинице, он добыл горячей воды для полосканий и компрессов. Меня очень тревожило, что из-за болезни я не в состоянии буду работать. Всю ночь провозился я с припарками. Утром боль в глотке ещё усилилась, но затем гнойник, очевидно, прорвался, мне стало настолько лучше, что я смог отправиться с Андреем Григорьевичем к председателю Горисполкома, ознакомился с проектами и отчётными материалами, а в послеобеденные часы совершил прогулку по городу.

На следующий день я смотрел Октябрьскую манифестацию — шествие от горы Митридата до исполкома, а также погулял с Андреем Григорьевичем по городу, посмотрел раскопки на горе Митридата, одну из гробниц и музейное собрание искажённых, вытянутых в длину черепов. Было начало ноября, но снега на земле не было. Доцветали поздние осенние цветы. Я собрал целый ассортимент цветущих растений на склоне горы.

Застройка Керчи произвела на меня своеобразное впечатление. Всюду преобладали малоэтажные каменные дома с очень толстыми стенами из местных ракушечных известняков. Дома и дворы обнесены толстыми ка-

¹ Малиенко-Подвысоцкий Андрей Григорьевич (1899–1980) — ученик и многолетний сотрудник З. Г. Френкеля. Инженер, архитектор, специалист по коммунальной гигиене. Часто упоминается только по второй фамилии.

менными же оградами с железными воротами. При переходе от частного домостроительства к коммунально-хозяйственному, исполкомовскому, и вообще к рациональному жилищному строительству для скорейшего удовлетворения всё более острой нужды в жилье, самоочевидной была первоочередная надстройка вторых и третьих этажей и использование в качестве строительного материала никому не нужных каменных оград вокруг отдельных домовладений, а также переход от усадебного типа построек к организации жилых кварталов с укрупнением их за счёт обращения излишне густой сети переулков во внутриквартальные сады и скверы.

Целый день заняла у меня поездка на Керченский металлургический завод. Реконструкция шла полным ходом. Одна из новых домен уже была готова. Устраивался обширный обогатительный цех. Завод расположен у Керченского пролива, примерно в семи километрах от Керчи. Подле завода построен был жилой посёлок для рабочих. К сожалению, он был далёк от образца «социалистического жилого городка», не было даже элементарных забот об уличных посадках и прочем благоустройстве.

Интересна была поездка мимо горы Митридата по южному берегу Керченского полуострова в направлении к Феодосии, для осмотра мест, которые керченский горисполком намечал для постройки домов отдыха. По пути я заходил в пещерные ходы, тянувшиеся на сотни метров под землёй, в местах выработок мелкоракучечного строительного плитняка. В том же районе внимание привлекала действующая глинисто-грязевая сопка, выбрасывавшая клубы горячего пара, грязи и газа. Гуляя в окрестностях Керчи, я обратил внимание на питание родниковых источников и на солончаковые земли, непосредственно примыкающие к городу. Возникла мысль об их возможном использовании для устройства почвенной или прудовой системы очистки сточных вод керченской канализации в целях разгрузки портовой бухты от чрезмерного фекального загрязнения. Все впечатления от осмотров и ознакомление с отчётными и проектными материалами облегчили мне участие в совещаниях, которые состоялись в отделе коммунального хозяйства для обсуждения проектов благоустройства города.

Уезжая, я увозил с собою много материалов по проектам благоустройства и развития этого замечательного своей тысячелетней историей города для обогащения Музея города, и, прежде всего, Отдела коммунальной и социальной гигиены. Но ещё больше я увозил с собою впечатлений о своеобразных природных условиях этого причудливого, сложного города с его стариной, современностью и широчайшими перспективами дальнейшего развития.

В 1929 г. по просьбе наркома Семашко я организовал при нашем Отделе в Музее города особую группу для помощи образованному в Москве комитету по участию СССР в гигиенической выставке в Дрездене в мае-сентябре 1930 г. Мы готовили электрифицированную карту СССР с обозначением разноцветными лампочками городов с канализацией и очистными сооружениями сточных вод, центральных водопроводов и пр. В качестве приложения к этой карте я хотел составить альбомы снимков и чертежей имеющихся и запланированных сооружений по канализации и водоснабжению. Пользуясь пребыванием в Керчи, я обратился к пред-

седателю Крымского совнаркома с просьбой предоставить показательные материалы по канализационным и водопроводным сооружениям в Керчи и других городах Крыма (Симферополе, Ялте, Феодосии и др.). Полученные материалы вошли в подготовленную Отделом карту, которая экспонировалась в Дрездене.

1930–1938

В 1930 г. исполнилось 13 лет непрерывной моей работы в Отделе коммунальной и социальной гигиены. Все эти годы деятельность отдела непрерывно расширялась, охватывая всё более широкий круг проблем. Наряду с вопросами оздоровления территории Ленинграда систематическое освещение постепенно находили в отделе и вопросы снабжения города продуктами питания. Ограждение населения от болезней, алкоголизма, туберкулёза, эпидемических заболеваний, развитие сети общедоступной поликлинической и больничной помощи и т. д. — всё это выливалось в единую систему построения благоустроенного здорового города.

На материалах отдела коммунальные работники, техники и инженеры учились видеть значение всех сооружений и устройств коммунального хозяйства для жизни и здоровья населения, научились понимать жизненную важность соблюдения санитарных требований к коммунальному и жилищному строительству, а врачи и санитарные деятели учились понимать важность научного подхода к делу. Благодаря кропотливому труду и постоянному поиску новых форм работы отдел понемногу, шаг за шагом, приобрёл известность и начал пользоваться любовью учившихся в нём молодых специалистов коммунального хозяйства и санитарного дела. Об этом говорили многочисленные письма, получаемые от участников экскурсий.

Из памяти моей не изглаживается до сих пор чувство горечи, охватившее меня, когда в 1929 г. новый заведующий Леноткомхозом И. Г. Рудаков, человек, совершенно далёкий от понимания существа и задач благоустройства и коммунального хозяйства, прислал распоряжение сократить наш отдел и превратить его во вспомогательное подразделение Леноткомхоза. Я отстаивал в Смольном существование отдела, лично сам выступал в Ленсовете, добился приёма у державшего себя сатрапом Рудакова, пытался разъяснить ему дело, но успеха не добился. Свои распоряжения он оставил в силе, невзирая на многочисленные ходатайства и письма в Ленгорисполком от тех, кто знал и ценил наш отдел.

Для меня прекращение дальнейшего развития Отдела было крушением дела, в которое я вкладывал все свои силы. Большую поддержку доставили мне письма, полученные в это тяжёлое для меня время от товарища по работе в земстве Петра Ивановича Куркина. Вот одно из них от 2 сентября 1930 г.:

«Глубокоуважаемый и дорогой Захар Григорьевич, Вы поверите, без долгих объяснений, той тяжёлой печали, которая охватила здесь всех нас,

Ваших старых и молодых друзей и почитателей, при известии о разгроме Вашего Отдела коммунальной и социальной гигиены Музея города. Первые известия в этом направлении нам привёз сюда тов. Бен. Но как-то не верилось его сообщению, не хотелось верить. Теперь — это совершившийся факт, и Вы не можете сомневаться в том, что все мы испытываем по этому поводу поистине боль и горе, как при потере чего-то близкого, ценного и дорогого...

Я должен сказать Вам, глубокоуважаемый и дорогой учитель советской санитарной молодёжи, что, конечно, и эта молодежь разделит с нами, стариками, скорбь и печаль при виде разрушенного невеждами полезного дела, созданного Вашим трудом и Вашими руками. Однако смирится ли она, эта молодёжь, с Вашим решением о том, что “теперь для Вас и многих других работников коммунальной и социальной гигиены закрыт путь к дальнейшей работе наглядного закрепления достижений в области познания социального здоровья...”. Испытываю большое сомнение по этому пункту... Он нуждается — в интересах того дела санитарного просвещения... в большом смягчении. Положение, скорее всего, требует, чтобы Вы всё же оставались на созданном Вами «славном посту». К этому, я думаю, присоединятся все Ваши друзья и почитатели — и старые, и молодые... Весь Ваш П. Куркин».

По настоянию моих сотрудников и товарищей по работе в отделе, в числе которых, помню, был Андрей Григорьевич Подвысоцкий, я вновь обращался к влиятельным членам Ленисполкома с просьбой об отмене решения Рудакова. Но даже благожелательный отклик на моё сообщение одного из членов ЦК, не помог делу. Когда пришли выполнять приказ об освобождении помещения отдела, я ушёл из Музея и не был там всю зиму. Читал лекции по коммунальной гигиене в Институте для усовершенствования врачей (ГИДУВ), а по социальной гигиене — и в этом Институте, и во 2-м Ленинградском медицинском институте, не пользуясь для иллюстраций богатейшими коллекциями составленных мною санитарно-демографических таблиц и других показательных материалов, которые, как ненужный балласт, были сданы в кладовую Музея города и числились там «инвентарём».

Под влиянием многочисленных заявлений в Ленисполком о недопустимости разрушения работы отдела коммунальной и социальной гигиены, тогдашний директор Музея Ятманов, по указанию Исполкома, обратился ко мне с письмом, в котором просил меня вернуться работать в отдел. В результате последовавшей переписки, в которой мне обещана была возможность развернуть в новом помещении основную часть материалов бывшего отдела, я с марта 1931 г. приступил к его восстановлению, правда, в очень урезанном и ограниченном виде. Пришлось вновь тратить неизмеримо много труда и времени, чтобы разобрать книги, справочные, исторические и наглядные материалы, наладить библиотеку. Вокруг отдела вновь стала возрождаться жизнь. Я вновь начал читать в нём лекции врачам и студентам. В помещении отдела проходили заседания Ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества (ЛОГО) и кружка благоустройства, развивалась работа по демонстрации музейных материалов, проводились экскурсии.

Однако уже с лета 1931 г. значительную часть своих планов по созданию единого деятельного центра, объединяющего все разделы гигиены — общей, социальной, коммунальной — я стал связывать не с развитием отдела в Музее города, а с начавшимся строительством Сектора гигиены в Институте экспериментальной медицины (ИЭМ). К созданию этого Сектора я и был приглашён. Одновременно в начале 30-х годов я совершил много интересных научно-познавательных поездок по стране.

Весной 1930 г. я получил приглашение от Архангельского городского и областного исполкомов приехать для участия в разработке плана благоустройства и оздоровления города, а главный санитарный врач Мурманской железной дороги К. О. Поляков пригласил меня в качестве гигиениста-консультанта этой дороги осмотреть существующие и строившиеся посёлки на всех станциях, в особенности на станции Медведь и в самом Мурманске. У меня явилась мысль объединить эту поездку с поездкой в Архангельск по Белому морю из Кеми.

В то время в Архангельск в качестве коммунального инженера был назначен Андрей Григорьевич Подвысоцкий, у которого возник целый ряд предложений о проведении там крупных санитарно-мелиоративных работ и о пересмотре плана всего благоустройства города.

Эта летняя моя поездка состоялась сразу, как только наступил летний перерыв лекций в Государственном институте медицинских знаний (ГИМЗ) и в ГИДУВе. К. О. Поляков имел в своём распоряжении вагон-лабораторию. В этом вагоне нашлось место и для меня, и для Н. П. Сангина, который в то время работал при мне на положении аспиранта.

По пути мы довольно подробно ознакомились с масштабным строительством железнодорожного посёлка у станции Петрозаводск. Там уже заселялись четырёхэтажные дома капитальной постройки, а никакой канализации сооружено не было из-за нерешённого вопроса — куда выпускать сточные воды, хотя можно было без труда, имея проведённую воду, строить канализацию и временные поля фильтрации или орошения.

Очень сложные проблемы оказалась в Мурманске. Значительная часть нового жилого фонда для рабочих рыбного треста построена была на глубоком торфянике. Здесь очень трудно было рассчитывать на осушение дворов и всей территории лишь с помощью уличных боковых канав. Строительство на вышележащих террасах связано в Мурманске с необходимостью проламывать улицы через лежащие поперёк гранитные гряды. Озеленение города, его улиц и кварталов, наталкивалось на предвзятое убеждение, будто в высоких северных широтах ни плодовые деревья, ни липа, тополь или дуб не растут. Однако во время своих многочасовых прогулок я убедился, что при рациональном использовании местных условий можно было бы многого достичь в благоустройстве города. Огромные песчаные холмы при подходе железной дороги к Мурманску срывались экскаваторами для прокладки рельсовых путей. Естественно было наладить вывоз этих отвалов песка по временно проложенным рельсам на торфяники рыбного города. Мурманск находится под действием мощных океанских приливов и отливов. При отливе на сотни метров обнажается дно морских прибрежных отмелей, примыкающих к припортовой и привокзальной части. Накопив-

шийся и постоянно наносимый на эти береговые отмели песок с илом и водорослями мог бы служить великолепной добавкой к торфяникам, чтобы превратить их в цветущие сады.

На одной из окраин Мурманска, совершенно случайно, я увидел двор, густо обсаженный здоровыми рябиновыми деревьями. Оказалось, это акклиматизационная станция. Но ни санитарный врач, ни инженеры и архитекторы-проектировщики с ней не были знакомы. А нужно ли было искать лучшие посадочные породы для улиц, чем рябина? Внимание руководящих сил Мурманского исполкома было поглощено в то время строительством нескольких зданий (гостиницы, порта), а мы больше задавались вопросами внутриквартального жилищного благоустройства, вопросами коренного разрешения водоснабжения из больших горных озёр, вопросами канализации. По этим вопросам удалось провести с местными технико-санитарными работниками интересные совещания.

При отъезде из Мурманска у нас возник вопрос о пополнении запаса путевого продовольствия, которое у нас истощилось, а надежда купить свежую рыбу оказалась несбыточной. Розничной или рыночной продажи не было. Мы уже собрались в наш санитарный вагон и ожидали первого отходящего поезда, который мог бы взять наш вагон. Было время отлива. Море ушло далеко от железнодорожных путей. В бинокль я заметил далеко в море появившуюся рыбацкую лодку под большим парусом. По-видимому, неслась она к берегу. С разных сторон спешили люди к тому месту, куда направлялась лодка. Она подошла к берегу, и в бинокль было видно, как собравшиеся начинают один за другим расходиться, унося с собой рыбу. Рыбакам не позволено было продавать рыбу в частные руки, они должны были сдавать весь улов на государственный приёмный пункт. Очевидно, пользуясь поздним ночным часом и отливом (хотя было уже за полночь, но солнце стояло над горизонтом) один из рыбаков продавал только что пойманную рыбу. Наиболее молодой из нас — Н. П. Сангин, пренебрегая риском, что в любой момент может подойти поезд и наш вагон прицепят к составу, отправился к лодке. Расстояние оказалось гораздо больше, чем казалось в бинокль. Приходилось обходить лагуны. Но вот я вижу в бинокль — из лодки летит к Сангину рыба. Проходит несколько времени. Мы видим, как, нагнувшись вперёд, молодой инженер волочит сзади какую-то добычу. Наступает острый драматический момент. Подходит долгожданный поезд. Все засуетились, чтобы изготovitься к прицепу. А ещё довольно далеко подает всякие знаки, машет руками, очевидно, надсаживаясь, взывает о подмоге, Сангин. Но зова и криков его не слышно, лишь видно, как, выбиваясь из сил, он пытается ускорить своё движение... А тут говорят, что наступают конец отлива, что вся эта равнина сейчас на наших глазах превратится в море. Кто-то бежит на помощь к Сангину, и когда вагон наш уже на прицепе, к общей зависти и немалому нашему изумлению наш аспирант втаскивает в вагон «пикшу». Рыбак продавал рыбы только целиком, не рубил на части. Самая малая, какая у него оказалась, была длиною в целый метр. И эту почти пудовую тяжесть Сангин волочил целый километр по песчаному берегу! Нам срочно понадобились хотя бы элементарные знания по сравнительной анатомии, чтобы выпотрошить рыбину. Общее изумление

вызвала своими размерами печень, которая не вместились даже в самую большую кастрюлю, которая была в небольшой кухне нашего санитарного вагона. Понадобился ещё противень. При поджаривании печени получилась целая кастрюля трескового жира и очень вкусные котлеты. Вообще продовольственный вопрос был одною рыбиной блестяще разрешён.

По пути из Мурманска мы остановились у станции Апатиты, где велись обширные работы по строительству новой железнодорожной ветки и расширению станции. Время было трудное. И всё же, во что бы то ни стало, нужно было осуществлять противоэпидемические меры. После целого дня осмотров мы зашли пообедать в столовую для землекопов и строительных рабочих. Мы уже осмотрели несколько подобных столовых, знакомясь с условиями пищевого снабжения рабочих. Эта столовая, как и другие, помещалась во временной лёгкой постройке, в длинном сарае из неотёсанных досок. Но в отличие от других столовых, в этой столовой были покрыты светло-голубой клеёнкой, стены убраны ветками хвои, на каждом столе стоял букетик цветов. Это были ветки каперского чая со спиреей и можжевельником. Обед подавала прислуга в чистых белых передниках. Порядок, чистота и забота об уюте и красоте стояли в таком контрасте с условиями и возможностями того времени, что мне захотелось отметить это. После обеда я попросил дать книгу для записи посетителей. Таковой не оказалось, и тогда я попросил книгу для жалоб. Это вызвало у обслуживающей наш стол девушки сильнейшее беспокойство. Книга для жалоб была ею принесена, но вместе с книгой пришёл и сам заведующий (он же и шеф-повар). Мы дали ему прочитать в жалобной книге похвалу, подписанную двумя врачами и инженером, за чистое содержание полов и столов, за убранство можжевельником и хвоей стен, за заботу о некоторой красоте и пожелание, чтобы примеру этой столовой последовали и все другие столовые для рабочих. Оказалось, что этот устроитель столовой только недавно стал выселенцем в Заполярье, а до этого он работал в прежнем Петербурге в ресторане Палкина, и, как профессиональный пишевик, проявлял свои привычные навыки ресторанный работника.

В Кеми мы с Сангиным простились с К. О. Поляковым, оставили гостеприимный санитарный вагон и прошли на пристань, чтобы пароходом плыть в Архангельск. Пароход опаздывал, его не было видно в море, но его ждали с часу на час. Мы расположились на берегу «студёного моря». Время тянулось. Н. П. Сангин уже достал где-то удочку, приманку и предался рыболовной страсти. Когда, наконец, пришёл пароход, нам, не без преодоления самых неожиданных препон удалось познакомиться с капитаном и при его благожелательном заступничестве приобрести билеты для проезда в Архангельск с питанием наравне с судовой командой. Забрались мы в каюту на подвесные койки и предались отдыху.

Поздним вечером пароход отвалил от причала. Ветер был свежий, всё более усиливающийся. Мой спутник оказался достаточно чувствительным к качке и через несколько часов приятного морского покачивания вынужден был искать помощи и убежища на палубе. На следующий день мы несколько раз приближались к изумрудно зелёным берегам и заходили в длинные узкие горловины, чтобы принять десяток-другой широких бочек с сёмгой,

которую подвозили на лодках поморы, вернее — поморки. Так как мужчин вообще на лодках не было, то и гребли, и управляли, и ловко подавали бочки из прыгавших по волнам лодок крепкие поморки, очень часто с одним, а то и с двумя детьми.

Пожалуй, ни в Крыму, ни на Черноморском побережье Кавказа не найдётся видов, более захватывающих своею причудливою красотою, чем Кандалакшская Губа. Пароход держит курс прямо к высоким берегам, покрытым лесом. Лес покрывает и гору, высящуюся за обрывами береговой линии. Неожиданно открывается узкая полоса моря, рассекающая берег, и по этой полосе между зелёных гористых берегов всё дальше пробирается пароход. Своеобразный вид имеет впадающая в Губу река Нива. Широкий и мощный поток её падает по каменному руслу с явно выраженным наклоном к морю. Ударяясь о береговые камни и утёсы, река рокочет среди своих лесистых берегов. Тогда (в 1930 г.) ещё не были построены и не строились на этой причудливой заполярной реке Ниве перегораживающие и сковывающие её русло плотины, и мощь энергии стремительно падающих её вод ещё не была поставлена на службу народного хозяйства. Полные воды реки неслись с какой-то спокойной невероятной быстротой по наклонному ложу под рокот и говор воды. Именно рокот, а не рёв и не шум, как рёв водопадов или шум морского прибора.

В Кандалакше пароход имел длительную стоянку. Я и мой спутник Сангин решили пройти от пароходной пристани по берегу реки километра два вверх, чтобы посмотреть места, предназначенные для развёртывания уже запланированного тогда будущего обширного промышленного и железнодорожного строительства.

Наше путешествие затянулось, и нужно было торопиться обратно к пароходу. Уже слышен был его первый гудок. Я предложил сократить путь, спрямив его: идти, не держась берега реки. Но моему спутнику казалось, что это уведёт нас в сторону, и он настаивал на возвращении по береговой тропинке. Времени на споры не было, и я быстро пошёл по сокращённому пути, а он по старому. Когда я пришёл к пароходу, уже готовились снимать мостки. Я сильно тревожился, просил помедлить, не сниматься с причалов, и был обрадован, когда, наконец, после тревожных пароходных гудков увидел бегущего Сангина.

Весь следующий день при безоблачном небе, но свежем беломорском ветре пароход наш шёл вдоль южного берега Кольского полуострова. Временами он настолько приближался к берегу, что всё на нём было видно без бинокля. После протяжного, но мощного гудка у берега можно было заметить какое-то движение. Казалось, что стая уток плывёт наперерез курса парохода. Они обрисовывались всё яснее. Вскоре стало видно, что это не утки, а лодки, быстро резавшие волны под сильными ударами вёсел в руках крепких проворных поморских женщин, не чувствительных к пронизывающему холодному беломорскому ветру. Они быстро сдавали свои бочки с сёмгой и подхватывали спускаемые им тюки для их рыболовецких колхозов, успевая в то же время держать вёслами прыгающую лодку, ткнуть детям гостинцы, и метким, крепким словцом вызвать общий смех над каким-нибудь зазнавшимся грубяном из судовой команды. Всякий раз поведение

детей, иногда совсем малых, в этих треплющихся на волнах лодках вызывало моё изумление их закалкой.

В Архангельск мы прибыли ранним утром. Нас там ждал А. Г. Подвысоцкий. В гостинице была подготовлена комната. Оставалось ещё часов 7–8 до начала рабочего дня, и нам было предоставлено это время для «отдыха после утомительного пути». Но путь-то был освежающий, укрепляющий, а не утомительный. И лишь только мой спутник уснул, я ушёл, чтобы путём личных впечатлений оживить все мои сведения и представления об Архангельске, о торфяниках, на которых проложены без необходимых мелиоративных мер его улицы, о его «безнадёжно заболоченных» ближайших окрестностях. Все имеющиеся в печати старые и новые материалы о санитарных условиях Архангельска и лесопильных заводов его района, а также отчётно-статистические материалы, какие только можно было получить по Архангельску, я проштудировал дома, перед поездкой. Впечатления мои при первой многочасовой прогулке по Архангельску в одиночку, когда внимание не отвлекается разговорами со спутниками, были очень ярки и поучительны. Я вышел из гостиницы на улицу, мостовая которой состояла из отборных тёсаных сосновых брёвен. Это было явное безумие и очевидное финансовое вредительство. Ведь в Архангельск из далёких краёв пришли брёвна, как предмет нашего обеспеченного экспорта, это была наша валюта, а её употребляли здесь на мостовую, которая быстро растрясалась в силу неравномерной осадки мощных слоёв торфа, подстилающего улицу. На улицах не было глубокого дренажа, прорезывающего весь слой торфа до дна, и отводящего грунтовые и верховые воды. Я вышел до конца улицы за город. На торфяниках кое-где были кустарники ползучей берёзы, и тут же были обширные свалки вывезенного, очевидно, из каких-то складов, мороженого и отчасти подгнившего картофеля. Были свалены целые десятки тонн. Но ведь мороженный картофель можно было перемыть, размолоть и сделать из него весьма ценный картофельный крахмал, а вместо зловонных свалок фекальных нечистот на торфяниках можно было устроить торфо-фекальные компосты и употреблять компосты затем для удобрения капустных грядок. Такие бесхозяйственные «мелочи» бросались в глаза повсюду.

В 12 часов в Облисполкоме началось довольно многолюдное заседание с участием технического и санитарного персонала, на котором обсуждался план благоустройства и оздоровления Архангельска. Участвуя в нём, я имел возможность не раз сослаться на мои личные наблюдения в городе, на виденные мною на глубоких окрестных торфяниках остатки прежних рациональных мелиоративно-осушительных сооружений, на совершенно нерациональное расположение и содержание ассенизационного обоза, который я успел осмотреть при моей утренней прогулке.

Несколько последующих дней было у меня занято участием в поездке на катере вверх по Северной Двине для выбора места забора воды новым архангельским водопроводом. Как и Мурманск, Архангельск подвергается действию морских приливов и отливов, и нужно было установить место, не только ограждённое от береговых, промышленных и других загрязнений, но и лежащее по течению выше возможного влияния морских приливов.

Два или три дня заняли поездки в Соломбалу и Матоксу, чтобы на месте вновь и вновь продумать рациональные меры жилищного благоустройства для посёлков, построенных на низких, трудно ограждаемых от заболачивания островах, с огромными накоплениями древесных обрезков и опилок. В Архангельске и в районе его лесопильных заводов шло большое строительство. На нём работали недавние мои слушатели с инженерно-строительной квалификацией. Они объединялись вокруг А. Г. Подвысоцкого, были полны желания содействовать развитию рационального благоустройства, вносили в это дело много энтузиазма. Но сами условия строительства были очень трудны. Дело упиралось в необходимость предварительного осуществления нескольких основных мелиоративных сооружений крупного масштаба. Таких, как прорытие поперечного канала через всю толщу торфяника, с выпуском дренажных вод ниже Архангельска; значительной подсыпки галечника и песка со дна Северной Двины и др. Но даже маленькие достижения в благоустройстве свидетельствовали о внимании молодых работников к этому делу. Так, на площади вокруг Облисполкома были посажены ряды местного шиповника, обильно усеянные цветами. Получилось впечатление хорошо приспособленного к северным условиям городского розария.

Не могу не упомянуть об архангельском доме Петра I. Это большая изба, в которой сохранилась вся обстановка быта и труда «мастерового» царя.

По вечерам мы собирались вместе: санитарные врачи и инженеры санитарного благоустройства и до позднего часа сообща обдумывали и обсуждали все подробности и возможности достижений в решении вопросов местного благоустройства.

Путь из Архангельска в Ленинград мы проделали по железной дороге. Остановка в Няндоме была использована мною, по просьбе местного врача, для осмотра целого посёлка длинных бараков Няндомского лагеря для раскулаченных выселенцев. Бесплезно раздражать и беречь сознание оставшимися от этого лагеря впечатлениями. Такие же впечатления были получены на следующий день в Вологде, когда я захотел посмотреть старую церковь за мостом через реку Вологду. Но церковь была превращена во временный лагерь. В несколько ярусов громоздились в ней нары выселенцев, направляющихся в Архангельск. Там мы уже видели их земляков, медленно копавших и переносивших землю...

В Вологде я ознакомился с детищем доктора Лебедева — его полями ассенизации. Здесь воочию можно было убедиться, каких больших результатов добиваются люди при настойчивости и интересе к делу.

Из предыдущего моего повествования можно видеть, насколько привлекали моё внимание организация и руководство учебно-научными экскурсиями для непосредственного ознакомления с благоустройством населённых мест, для изучения санитарно-технических сооружений, устройства и деятельности учреждений здравоохранения. Особенно много крупных экскурсий для показа и освоения опыта начавшегося широкого развёртывания строительства и благоустройства городов было проведено мною в 1931 г. Обычно в выездные экскурсии со студентами или санитарными врачами я отправлялся, как уже упоминал, во время летних перерывов в лек-

ционной работе. Но в 1931 г. оказалось возможным уже с ранней весны осуществить очень крупную экскурсию с прослушавшими весь курс моих лекций руководящими работниками коммунального хозяйства из разных городов СССР.

Ввиду раннего весеннего времени начала экскурсии, из Москвы маршрут направлялся прямо на юг — через Брянск в Киев, за которым следовала Одесса с осмотром полей орошения и портовых сооружений. Из Одессы намечалась поездка морем с относительно короткими остановками в Севастополе и Ялте, затем — Новороссийск, Ростов-на-Дону и Харьков. Круговая поездка заканчивалась возвращением из Харькова в Москву, с тем, чтобы дополнительно осмотреть в столице те виды коммунального строительства и благоустройства, которые были недостаточно представлены в предыдущих городах.

Экскурсия была рассчитана на 23 дня. Мы выехали из Ленинграда 5 апреля, а закончилась наша поездка в Москве 28 апреля.

В Москве в самом начале экскурсии целый рабочий день был затрачен на тщательное ознакомление (с записями и конспектами) с материалами Коммунального музея, помещавшегося в то время в Сухаревой башне. В 1931 г. в Москве числилось 2 млн 700 тыс. жителей. Такси в городе было 251, грузовой транспорт состоял из 338 машин, а в гужевом транспорте насчитывалось 778 лошадей. Как трудно сейчас поверить этим, кажущимся мизерными, цифрам! Но передо мною путевая тетрадь экскурсии со строго проверенными извлечениями из отчётных данных за 1930–1931 гг., наглядно представленных в Московском музее коммунального хозяйства. Стоит привести ещё ряд цифр, которыми характеризовалось развитие Москвы и её хозяйства в 1931 г., и сравнить эти цифры с современным состоянием Москвы.

Итак, в Москве тогда насчитывалось 1 525 трамвайных вагонов; 176 автобусов; длина уличной водопроводной сети составляла всего 783 км, а канализации — 621 км¹.

Целый день занял у нас осмотр Кожуховской станции очистки сточных вод — первой крупной очистной станции у нас, работающей на полную мощность с применением продувания и активированного ила в аэрокоагуляторах, с выделением ила во вторичных отстойниках и с последующей конечной очисткой сточной воды после вторичных отстойников в аэрофильтрах. Осмотрена была нами по пути к Кожуховской станции и главная насосная станция Московской канализации у Спасской заставы с обратным выпуском в канализацию выделенного ила после его прохождения через дробилки. Осмотрена была также новая районная баня с большим плавательным бассейном и душевыми установками.

В Киеве мы пробыли всего четыре дня. Осмотрели планировку города с резко выраженным рельефом и водоснабжение — не только речное, но и артезианское. Снег с улиц был убран, сколки льда с тротуаров и с ездовой части уличного замощения сложены аккуратно штабелями на газонной полосе. Сделано было это вследствие недостатка городского транспорта для

¹ Москва. Развитие хозяйства и культуры города. Статист. сборник. Изд-во «Московский рабочий», 1958.

вывоза сколков и снега. Под лучами апрельского солнца снег и лёд быстро таяли, вода сбегала по лоткам и уличным водостокам. Очевидна была полная целесообразность такого использования весенней лучистой солнечной теплоты для таяния грязного снега и льда, не прибегая к бессмысленной нерациональной ленинградской затее снеготаялок, задымляющих и затуманивающих воздух городских улиц и дворов и без нужды увеличивающих расход топлива. Приятно было видеть на многих киевских улицах палисадники, прилегающие к стенам жилых домов, киевские брусчатые мостовые и сооружения по отводу ливневых (дождевых) вод с улиц, а также работы по глубокому дренажу и укреплению от оползней крупных склонов Владимирской горы.

Несколько дольше мы пробыли в Одессе. Выезжали на поля орошения, на лиманы. Осмотрели водоочистную станцию Чумки с её медленной фильтрацией воды через песчаные английские фильтры. Вода проводилась по трубопроводу из Днестра (за 45 км). В Одессе уже не было и последних остатков зимы, которые мы оставили, уезжая из Ленинграда.

Путь на пароходе из Одессы до Новороссийска, с остановками в Севастополе и Ялте, продолжался несколько более двух суток. В Севастополе мы успели побывать в знаменитой панораме, получить общее впечатление от благоустройства улиц, познакомиться с жилыми улицами, с лестницами на более крутых уклонах. Были в полном цвету сады с миндалями и черешнями. В Ялте успели прогуляться по приморским улицам, по городскому саду и обрывистым склонам. Мы отдыхали от экскурсионного внимания к коммунальному строительству и благоустройству и полной грудью вкушали очарования весны южного берега Крыма. Поездка по морю дополнила этот кратковременный, но такой восстанавливающий силы и бодрость, отдых.

В Новороссийске никогда раньше я не бывал, и поэтому всё в нём вызвало у меня большой интерес. К сожалению, новороссийские цементные заводы, вызывавшие огромное запыление воздуха, в то время не были снабжены надлежащими пылеуловителями. Производил огромное впечатление своей необъятностью Новороссийский порт. В одной прибрежной части шли дноуглубительные работы с отвалом (рефулированием) песка для подсыпки предназначенных к застройке участков. Намытый песок ложился таким плотным слоем, что отпадала надобность выжидать целый год, пока уплотнится, сядет подсыпка. Очень интересно было в натуре посмотреть, где будут осуществляться намеченные крупные мероприятия по «инженерной подготовке территории» путём дренажа и подсыпки заболоченных мест, образования соединения разделённых между собою нижней двух частей города.

Из Новороссийска поездом мы проехали в Ростов, где за пять дней выполнили всю предусмотренную мною программу. Осмотрели новый водопровод и обширные работы по благоустройству города, созданию центрального городского парка, а также новое жилищное строительство для рабочих Ростсельмаша.

После Ростова наша круговая экскурсия повернула прямо на север. Мы провели пять дней напряженных учебно-экскурсионных работ в Харькове, бывшем в то время столицей УССР. Являясь центром развития промышлен-

ности, связанной с восстановлением и всё ускоряющимся ростом тогдашней главной всесоюзной кочегарки — Донбасса, Харьков был средоточием огромного жилищного строительства. Украинский Гипроград в Харькове творил широкие проекты реконструкции и расширения города. Разрабатывались планы коренной санитарной мелиорации для оздоровления его территории. По моему плану в Харькове мы должны были ознакомиться с проектно-планировочными работами и осмотреть реально осуществляемое оздоровление территории, регулирование рек и водоёмов, жилищное строительство для рабочих в самом городе и в посёлке при Тракторстрое; осмотреть новое оборудование, замощение и благоустройство улиц; сооружения по зональному водоснабжению, ключевому и из артскважин; осмотреть образцово построенную главную канализационную станцию и всю систему биологической очистки сточных вод, а также сеть новых народных бань с плавательными бассейнами. Программа эта была полностью выполнена.

Работая над «архитектурно-художественным оформлением» проектов, наши планировочные руководящие работники слишком увлекаются созданием архитектурных ансамблей и пр. Всем этим мало-помалу заслоняется и отодвигается на второй план аксиома, элементарная и самоочевидная мысль, что город и все его части строятся не для того, чтобы любоваться их планами или архитектурными красотами, а для возможно более полного удовлетворения жилищной нужды, для обеспечения удобствами жизни, для создания надёжных санитарных условий, ограждающих здоровье всего населения.

Когда мы осматривали вновь построенные кварталы домов для рабочих, мы совершенно не интересовались — красив ли был план, а смотрели, прежде всего, устранены ли условия заболачивания и сырости территории, обеспечено ли пользование дневным светом, достаточно ли удобны входы в жилища, доступна ли для детей зелень, хорошо ли размещены детские учреждения и, разумеется, прежде всего, были ли удобны квартиры, хорошо ли они были оборудованы водопроводом, канализацией, газом. Одним словом, решающее значение имело не архитектурно-художественное оформление плана, а основные жизненные, хозяйственные и санитарные запросы и потребности и их удовлетворение, т. е. соображения технико-экономические и хозяйственно-санитарные. При трезвом отношении к жизненным потребностям людей, при действительном, а не словесном внимании к человеку, не было бы места гипертрофированному развитию архитектурно-планировочных учреждений с их проектами планировки, которые часто не оказывали никакого влияния на реальное строительство. Оно в них и не нуждалось. Так было с планировочными работами по Архангельску и Петрозаводску, по Харькову, и на глазах у всех — по Ленинграду, где памятником такого художественно-планировочного расточения огромных средств остаётся незаконченное грандиозное здание Дворца Советов невдалеке от незадолго перед тем, по другой, общепланировочной концепции, перенесённой сюда колоссальной скотобойни — мясокомбината.

Огромное впечатление оставил осмотр строительства Харьковского тракторного завода и рабочего посёлка при нём. Уже достраивались двух-

этажные здания для детских садов с пандусами вместо лестниц на второй этаж. По не проложенным ещё и не замощённым дорогам подвозились и сваливались стройматериалы для будущих зданий. В отдельных законченных производственных помещениях станки и машины стояли по местам, а часть залов была превращена во временные аудитории со скамьями, расположенными амфитеатром: там шла подготовка рабочих. Они готовились к работе на этом новом гиганте социалистической промышленности. Всё было охвачено энтузиазмом созидания. Нельзя было не ощущать этого подъёма, этого пафоса строительства нового общества.

И всё же вполне законны были сомнения — нужно ли было относить это строительство на 15, а не на 5 км от города, что потребовало дополнительных затрат на сооружение подъездных путей, почему не были сначала построены и оборудованы главные улицы, по которым можно было бы развозить стройматериалы без риска вывалить их по пути, почему не проложены были сначала уличные коллекторы и другие трубопроводы, а их укладывали после постройки корпусов зданий и домов, загромождая землёй из открытых траншей всю ширину улиц и создавая на строительной площадке первобытный хаос, и т. д.

Для осмотра станции биологической очистки сточных вод харьковской канализации нам пришлось от конечной остановки трамвая идти пешком километра два-три. По сторонам дороги, сколько видно было глазу, простирались глубокие пески, невозделываемые пустыри. Как-то не вязалось и не мирилось со здравым смыслом, почему, зачем в этих условиях понадобилось сооружать искусственные фильтрующие пласты биофильтров, затрачивая огромные средства на подвоз и сортировку шлаков и кокса, когда все песчаные пустыри могли бы быть обращены в поля орошения, а при последующем осмотре нами иловых площадок и огромных накоплений ила в виде целых свалок, сам собою напрашивался вопрос — почему этот ил не используется в качестве удобрений для обращения пустырей в огороды и луга.

Мне не хочется сейчас вспоминать в подробностях обо всех впечатлениях, вынесенных из экскурсии по Харькову с его тремя знаменательными реками — Лопань, Харьков и Нетечь. Их трудно забыть, эти реки: харьковчане метко рисуют их одной фразой — «Хоть лопни, Харьков не течёт». Тогда уже были построены вроде небоскрёбов два здания у новой круглой площади, к которой проведена прорезная улица, с огромными затратами разрабатывались проекты, которым, подобно московскому сказочному сталинскому Дворцу Советов, никогда не суждено было осуществиться...

Такой же продолжительной, как весенняя, была в том же 1931 г. и другая, проведённая мною в обычное каникулярное время экскурсия с оканчивающими студентами Института коммунального хозяйства. Эта экскурсия по маршруту Москва-Харьков-Ростов-на-Дону-Сталинград-Саратов-Горький началась 8 июля с осмотров в Москве, причём при составлении плана осмотров я старался охватить все стороны благоустройства и жилищно-коммунального строительства уже в Москве, где можно было показать наиболее поучительные и образцовые сооружения и устройства, как по планировке и застройке новых жилых массивов (Сокольники, район Брестского вокзала), так и по уличному благоустройству (асфальтобетон-

ные мостовые на Мещанской улице, клинкерная на Софийке), городское озеленение (Парк культуры и отдыха), по водоснабжению (Рублёвский водопровод и Истринское водохранилище), по канализации и очистке сточных вод, сливную станцию, мусорообезвреживание, городскую крупную механизированную станцию и пр. Последующие осмотры в Харькове и Ростове должны были дать не столько дополнительный, сколько сравнительный материал для критической оценки. Сталинград был включён главным образом для ознакомления с крупнейшей уже осуществлённой новостройкой социалистической промышленности — Сталинградским тракторным заводом. Затем следовала поездка на пароходе по Волге от Сталинграда до Ярославля и Рыбинска (с остановками в Саратове, Куйбышеве, Горьком, Костроме), как экскурсии для отдыха после напряжённой работы в учебном году и при учебной поездке по предыдущим городам.

Я всегда стремился, чтобы ответственность за выполнение плана экскурсии, за максимальное учебное использование и усвоение опыта строительства делили со мной, как руководителем, также все её участники. Для ведения всей финансово-хозяйственной стороны экскурсии выбирался хозяйственный комитет для забот о помещении и продовольствии, об обеспечении группы железнодорожными и пароходными билетами, о транспортных средствах передвижения в городах и т.д. Этот хозорган ведал также всеми вопросами, связанными с покрытием расходов, изысканием средств, раскладками и текущими расходами.

В Москве экскурсанты на этот раз, ввиду каникулярного времени, имели возможность остановиться в общежитии для студентов в Лефортовском городке. Этот студенческий городок, только что законченный строительством, состоял из пятиэтажных зданий казарменного типа, размещённых длинными параллельными линиями на участке, лишённом всякого озеленения. Каждый этаж прорезался сквозным коридором по всей длине огромного здания и лишь в одном конце этого коридора имелись уборная и умывальник. С тщательного осмотра и критической оценки планировки и «благоустройства» этого городка и началась наша учебная экскурсия.

Один из следующих дней мы провели на Рублёвской водопроводной станции. Благодаря содействию работавшего там доктора Муската мы не только осмотрели все сооружения основной станции, но также и новые дополнительные фильтры для очистки воды Истринского водохранилища, а также хорошо устроенный посёлок домов для водопроводных рабочих. Поздние вечерние часы я проводил у незабвенного Петра Ивановича Куркина. Он проявлял живейший интерес к моим рассказам обо всех наших осмотрах. В утренние часы до начала наших осмотров, я успевал бывать в Институте им. Ф. Ф. Эрисмана, где профессор И. Р. Хецров¹ знакомил меня с работами, ведущимися в разных отделах и лабораториях Института.

¹ Хецров Илья Романович (1887–1938) — выдающийся учёный, внесший большой вклад в проблему охраны окружающей среды. В начале 1930-х был профессором кафедры коммунальной гигиены 1-го Московского медицинского института и заведовал Отделом водоохраны и канализации Института им. Эрисмана. В 1938 был арестован как «участник террористической организации микробиологов» и расстрелян.

В Харькове мы также остановились в студенческом общежитии где-то у большого парка на окраине города. Пользуясь чудесной летней погодой, в ранние утренние часы я всё предварительное ознакомление студентов с благоустройством Харькова провёл в виде лекций на открытом воздухе.

Пока мы были в Харькове, я поздно вечером уезжал в пос. Высокий к брату Сергею, а среди дня старался найти время, чтобы побывать в Украинском институте гигиены, в котором вели в разных отделах работу санитарные врачи прежней Харьковской и Екатеринославской губернских врачебно-санитарных организаций и выдвинулись также молодые санитарно-гигиенические силы.

В Ростове мы оставались недолго и уже 18 июля прибыли в Сталинград. Уже тогда твёрдо определена была перспектива роста и развития Сталинграда, как одного из крупнейших узлов социалистической промышленности. На десятки километров по берегам Волги запланировано было строительство промышленных гигантов и связанных с ними жилищных массивов. Вступивший уже в строй Сталинградский тракторный завод был одним из первых звеньев в намеченном плане. Сам город Сталинград в своей центральной части тогда ещё не переменил окончательно своего прежнего облика купеческого поволжского города. Наряду с видным зданием прежнего городского театра и строящимися многоэтажными каменными зданиями, тут же начиналось необозримое множество небольших деревянных домов по склонам оврагов, без всяких садов. В центральных частях уже велись древесные посадки по улицам, некоторые площади уже были засажены деревьями, но ввиду недостаточных поливок и ухода все эти посадки имели чахлый вид, с увядшими, засыхающими листьями. Собор на центральной площади служил гаражом для грузовых машин. В городе лишь дома с крупными учреждениями (больницы, учебные заведения, всего не более 300–350 домов) были присоединены к водопроводу и канализации. Самая смелая фантазия не могла тогда нарисовать осуществлённой уже теперь величавой Волжской набережной, на многие километры оборудованной и одетой в гранит и украшенной посадками.

Был жаркий июльский день, когда утром мы прибыли к воротам Тракторного завода и ожидали пропуска для его осмотра. Очевидно, в то время изо дня в день шёл всё нарастающий поток экскурсий для осмотра начавшего работать гиганта социалистической индустрии. Естественно, занятым организацией и налаживанием нового сложного дела производственникам все эти экскурсии мешали работать. В конце концов, было принято решение временно приостановить допуск экскурсий. Участники нашей экскурсии с этим не хотели смириться. Пришлось часа два-три ждать, пока оформится допуск. Чтобы с пользой употребить время, мы отправились на берег Волги, выше Тракторного завода, чтобы посмотреть место забора воды новым водопроводом. Жара вызвала естественное желание освежиться купанием в Волге; кое-где у берега стояли баржи. Купаясь, мы пользовались полосой реки, в которую попадали нечистоты из вышестоящей баржи. После купания пришлось, чтобы обсохнуть, на несколько минут подставить спины под солнечные лучи. Этого было достаточно, чтобы получились солнечные ожоги, дававшие о себе знать в течение нескольких последующих дней.

Подробный осмотр Тракторного завода принёс нам большое удовлетворение. Цеха были оборудованы хорошо работавшей вентиляцией. Сборочный цех — это огромный завод с главным конвейером, на котором на глазах у зрителя зарождается и растёт, отделяется и снабжается всеми частями и, наконец, сходит с конвейера, на собственных колёсах выкатывается во двор новоиспечённый «Сталинец». Особенно приятно было благоустройство нового заводского двора: все пешеходные дорожки были по сторонам обсажены цветами, зеленью, подсолнечником. Всё было предусмотрено для поддержания чистоты.

Двадцать лет спустя, в 1951 г., я снова был в Сталинграде для участия в сессии Академии медицинских наук СССР, посвящённой вопросам содействия великим стройкам коммунизма. Это было всего лишь восемь лет спустя после разрушения Сталинграда при его героической защите от гитлеровских захватчиков. По праву он стал средоточием паломничества из всех стран мира также и для того, чтобы увидеть величайшие сооружения Волго-Донского пути, на глазах у всех возникающую Сталинградскую гидроэлектростанцию, на полную мощь работающие уже промышленные гиганты — завод «Баррикады», Сталинградский тракторный завод, а также сооружённые и сооружаемые величавые набережные, изумительные площади, сады и парки, архитектурные ансамбли и здания. И мне не хочется восстанавливать в памяти, каким был Сталинград тогда, в 1931 г. Все мои впечатления того времени потускнели и стёрлись, уступили место и перекрыты новыми впечатлениями. О них речь будет в своё время.

Путешествие по Волге в июле 1931 г. оставило у меня яркие впечатления могучих природных красот и видов Жигулёвских, Горьковских, Костромских, Ярославских высот и ещё более захватывающих видов русских бескрайних родных заволжских и заокских просторов лугов, сёл и лесов; величавой панорамы, открывающейся с высоты Нижегородского кремля, с террас городов Плёс, Кострома, Ярославль. Однако вся работа по разгрузке и погрузке, вся техника водного транспорта вызывали невыносимую горечь воспоминаний о прежнем купеческом волжском быте: вместо кранов и механизмов мы видели, как и встарь, лишь одну машину — грузчика. Крючники надрывались под тяжестью огромных ящиков и тюков, а потом валялись пьяными в грязи, как во времена купеческого благополучия драм Островского, бывших не столько комедиями, сколько подлинной трагедией прежних волжских городов.

Как особую полосу моей жизни в советский период я вспоминаю годы, когда был привлечён к организации и налаживанию работы Отдела гигиены, профилактической медицины и здравоохранения в только что тогда создававшемся Институте экспериментальной медицины (ИЭМ).

Социально-гигиеническое направление в медицине и сама социальная гигиена к началу 30-х годов пользовалась вниманием ведущих партийных кругов. Очень чуткий к складывающейся конъюнктуре Лев Николаевич Фёдоров¹, бывший в то время директором Института экспериментальной

¹ Фёдоров Лев Николаевич (1891–1951) — крупный физиолог, академик АМН СССР, в 1931–1932 — директор Института экспериментальной медицины (с 1934 — директор ВИЭМ).

медицины, задумал учредить в нём специальный Сектор гигиены в составе трёх отделений: социальной, коммунальной и общей и экспериментальной гигиены. Несколько раз Л. Н. Фёдоров заходил в Отдел социальной и коммунальной гигиены Музея города и предлагал мне взять на себя заведование отделением социальной гигиены и в то же время стать во главе всего Сектора гигиены. При этом Л. Н. Фёдоров не предоставил мне право наметить кандидатов на должности заведующих отделениями общей и коммунальной гигиены, а сам уже пригласил на должность заведующих подотделами экспериментальной и общей гигиены Н. В. Колосову-Красовскую, а отделом коммунальной гигиены — А. И. Штрейса¹ и Н. З. Дмитриева. Разумеется, я должен был считаться с этими назначениями, как с фактом. Довольно много такта и настойчивости понадобилось для того, чтобы наладить организацию регулярных совещаний по выработке общего плана работ для всех отделений Сектора гигиены.

Большой ошибкой Л. Н. Фёдорова, было учреждение в составе Института самостоятельного Отдела санитарной статистики, которым заведовал Е. Э. Бен². Сектор гигиены в целом и особенно отделение социальной гигиены, конечно, не могли выполнить своих научно-исследовательских задач без опоры на санитарно-статистические данные о влиянии внешней среды на заболеваемость и смертность населения, без разработки соответствующих статистических материалов о санитарном состоянии населения. «Современная гигиена без санитарной статистики не может жить» (Флюгге). Я поставил перед собой задачу путём переговоров с Е. Э. Беном добиться его регулярного участия в совещаниях гигиенического сектора. Однако тот опасался, что тем самым будет умалена его полная самостоятельность, интересы которой были для него ближе и понятнее, чем соображения о полноте задач единого Сектора гигиены в составе ИЭМ. Он посещал эти совещания не очень регулярно и с сугубым подчёркиванием полной независимости и обособленности Отдела санитарной статистики от Сектора гигиены. Своим ближайшим помощником по отделению социальной гигиены я пригласил Б. Ф. Дидрихсона³.

В течение летних месяцев 1931 г. мы закончили общие организационные работы по устройству Сектора гигиены. Все три отделения размещены были в комнатах 2-го этажа нового здания по Лопухинской улице на берегу Большой Невки. Обычно я из Лесного пешком по Флюгову переулку приходил к перевозу и, переехав на лодке через реку, попадал в наше здание.

В 1930–1932 гг. научно-исследовательские институты (не исключая и ИЭМ) стремились вводить в свою программу разработку ряда тем на до-

¹ Штрейс Альберт Иванович — зав. научно-исследовательской лабораторией коммунальной гигиены Ленинградского горздравотдела. Занимался проблемой загрязнения воздуха и воды водоёмов.

² До ИЭМ Е. Э. Бен заведовал отделом социальной патологии и статистики в Туберкулёзном институте.

³ Дидрихсон Борис Фёдорович (1896–?) — до ИЭМ был сотрудником кафедры социальной гигиены 2-го Мединститута. В трудах учёного алкоголизм рассматривался в свете влияния его на производительность труда.

говорных началах с советскими практическими и проектными организациями. На Сектор гигиены возложено было изучение процессов самоочищения воды в Невской Губе. Это было необходимо для определения места выпуска сточных вод и степени их очистки при выпуске в Невскую Губу. Кроме этого, ряд договорных тем относился к изучению санитарных условий в периферических районах Ленинграда и в его пригородах. В качестве общей темы, объединяющей всю санитарно-гигиеническую тематику, связанную с потребностями развития и переустройства Ленинграда, я взял на себя составление санитарно-демографического очерка населения города, его численного развития и санитарного состояния. Работа эта являлась естественным продолжением моих работ, вышедших отдельными книгами — «Петроград периода войны и революции» (1923) и «Население и благоустройство Ленинграда» (1928). Теперь я с особой подробностью изучал исключительное по размерам и скорости возрастание численности населения Ленинграда, вызванное переходом страны к колхозному строю (1929–1931). Во всей истории человечества ни в Европе, ни в Америке такого огромного и быстрого роста населения ни в каком городе не было. И именно этот опережающий все возможности нового строительства приток сельского населения, не привыкшего к городскому укладу жизни, являлся причиной трудностей в борьбе за поднятие санитарного состояния города. Работу мою я озаглавил «Динамика населения, социальное здоровье и задачи коммунально-жилищного строительства в Ленинграде на пороге второй пятилетки». В законченном виде она была напечатана в виде первой статьи в майской книжке «Архива биологической науки» (изд. ВИЭМ). Но после выхода сигнального экземпляра этой книжки, статья была изъята из неё по предложению цензора. Привожу несколько предварительных замечаний, предпосланных этой работе в Трудах ВИЭМа:

«Предмет, на который нацелены все научно-исследовательские работы по медицине, — человеческий организм, его физиология и патология, его болезни и их лечение. Но человеческий организм, как и всякий иной объект исследования и изучения, нельзя познавать изолированно от окружающей среды, а лишь в естественной и необходимой связи с нею. ...К познанию человека и всех проявлений его жизнедеятельности, к раскрытию тех закономерностей, которые существуют в соотношениях между организмом, его развитием и всеми идущими из внешней среды воздействиями, современная медицина может идти, только применяя объективный метод научного наблюдения, стремясь всюду и во всём, где возможно, идти по пути эксперимента. На этом основном пути развёртывается научная работа Института, всё равно, идёт ли вопрос о физико-химических и биологических процессах в пробирке, колбе или термостате, ведутся ли исследования на опытных животных, или изучение направлено на самые сложные проявления высшей нервной деятельности человека, на познание движущих сил и всего механизма человеческого поведения — этого “тончайшего соотношения организма с окружающей средой, понимаемой в самом широком смысле этого слова” (академик И. П. Павлов) <...>.

...Человеческий организм не стоит непосредственно и изолированно, так сказать, один на один, лицом к лицу с природой. Все материальные

условия для своей жизни человек получает через посредство общественных производственных процессов. В них он всегда является лишь соподчинённой молекулярной частицей сложной общественно-социальной среды. А все производственные процессы, вся экономика являются продуктами жизни не отдельного человеческого организма, а человеческих коллективов; не индивидуальными, а социальными процессами; не экономикой человеческого организма и не продуктом ума, воли и силы человека, а социальной экономикой, продуктом социальной жизни. Здесь стык и взаимное проникновение исследований экспериментальных, физиологических и биологических, направленных на изучение человеческого организма, и исследований социально-экономических, направленных на изучение социальной среды».

Одною из важных задач Сектора гигиены ВИЭМ я считал содействие более глубокому внедрению в разработку вопросов медицины социально-профилактического подхода. Очень охотно принял я поэтому приглашение Л. Н. Фёдорова участвовать в неофициальных совещаниях его с некоторыми наиболее авторитетными работниками ВИЭМ об общем направлении работ Института. Совещания эти не были регулярными. Постоянным участником в них, сколько помню, был А. Д. Сперанский¹, работавший в то время над подготовкой к печати его книги о «нервной трофике». Както, возвратясь из Москвы, Л. Н. Фёдоров сообщил о необходимости поставить для научной разработки в ВИЭМ вопросы по изучению процессов старения в целях изыскания и освещения возможных путей к замедлению этих процессов, к их задержке и предотвращению. О желательности целенаправленного изучения этих вопросов в таком научно-исследовательском учреждении, как ВИЭМ, высказана была мысль в беседе за чашкой чая у А. М. Горького в присутствии Сталина².

¹ Сперанский Алексей Дмитриевич (1888–1961) — патолог, академик (1939). В 1928–1934 зав. отделами патофизиологии ИЭМ в Ленинграде и общей патологии в ВИЭМ в Москве.

² Как показывают недавно открытые документы, предложение создать Всесоюзный институт экспериментальной медицины первым выдвинул А. М. Горький. Сделал он это летом 1931 под влиянием книги Б. Рассела «Научное предвидение». Перевод некоторых глав этой книги он обещал выслать Сталину и наркому здравоохранения М. В. Владимирскому (см.: Новый мир. 1987. № 9. С. 185–189). Известно, что Горького всегда волновала идея победы над смертью, и он постоянно разрабатывал её в своём творчестве. Предложение А. М. Горького было одобрено, и в утверждённом в 1931 положении перед ленинградским ИЭМ была поставлена задача «научно-практического руководства социалистической реконструкцией здравоохранения, изучение вопросов охраны труда работников промышленности и социалистического сельского хозяйства, оборонной тематики» (см.: Вопросы истории. 2003. № 12. С. 144). Но фактической целью экспериментальной работы этого исследовательского центра было изучение процессов жизнедеятельности организма, изнашиваемости органов и тканей и других вопросов, связанных с той же конечной целью — победить смерть человека, достичь его реального личного бессмертия. Несомненно, это лично интересовало не только Горького, но и Сталина, которые были озабочены сохранением, прежде всего, элиты общества. Иначе к этому относился З. Г. Френкель.

Л. Н. Фёдоров высказал предположение о созыве Учёного совета Института и постановке на нём вопроса об изучении старения и борьбы со старостью. Я указал на значение правильного понимания социально-демографического содержания и значения вопроса о старости и о социально-профилактическом направлении всей системы борьбы со старением в связи со всем построением советского здравоохранения и советской медицины. Совещание признало необходимым, чтобы на Учёном совете ВИЭМ общие вводные доклады к постановке изучения в ВИЭМе проблемы старости и борьбы со старением поручено было сделать мне и проф. М. П. Тушнову¹.

Готовя свой доклад, я сосредоточил основное внимание на том, что при решении проблемы удлинения продолжительности жизни в социалистическом обществе должно учитываться неуклонное удлинение срока всё усложняющейся подготовки и требующей длительного времени выработки специальных навыков у людей. Не продление жизни одряхлевших и уже ослабленных стариков, а лишь удлинение средней продолжительности активной жизни с 35–40 лет до 50–60, а затем и выше — до 70–75, может привести к удлинению среднего периода трудового использования навыков и специальной подготовки с 20–25, до 40–50 лет. Только на этом пути должна решаться проблема подготовки кадров в социалистическом обществе, а для удлинения средней продолжительности жизни, прежде всего, нужно уменьшить смертность и заболеваемость в ранних возрастах, нужно устранить причины массового вымирания людей от социальных болезней, от инфекции. Не о специфических сыворотках или «жизненных эликсирах» для продления жизни стариков, а о трезвом, построенном на профилактических основах народного здравоохранения, применении мер охраны жизни и здоровья широких масс населения от самого раннего периода их жизни, укрепления этого здоровья созданием благоприятных условий быта (жилья, питания, труда, физической культуры) нужно сделать достоянием широких масс трудового населения доживание не до 50 лет, а до 70–85 лет с сохранением творческих трудовых сил. Такая задача даже не соприкасается с вопросом о каком-то фантастическом продлении жизни за пределы совершенно очевидной для всех существующей теперь возможной для людей длительности жизни до 100 и даже более лет.

Познакомив проф. Тушнова с моими положениями, я был особенно обрадован тем, что у него не вызывает никаких возражений мой подход к проблеме удлинения жизни и борьбы с преждевременным старением. В этом именно направлении и был сделан мною доклад на Учёном совете ВИЭМ. Затем доклад этот в расширенном виде был сделан мною в общем собрании Ленинградского санитарно-гигиенического общества и напечатан в «Советской врачебной газете» (1934. № 16). В течение 1934 г. положенные мною в основу доклада соображения были всесторонне обоснованы и изложены в книге, представленной в дирекцию ВИЭМ для издания. Однако к этому времени отношение Л. Н. Фёдорова к социально-гигиеническому

¹ Тушнов Михаил Павлович — профессор Казанского ветеринарного института, с 1931 — сотрудник ленинградского ИЭМ.

направлению изменилось, и сам собою вопрос о возможности издания книги ВИЭМом отпал. Я передал рукопись книги в издательство Академии наук. Руководивший в то время издательством академик Надсон¹, ознакомившись с рукописью, предоставил мне возможность расширить санитарно-демографические статистические материалы в книге. Однако «редактирование» работы затянулось и только в 1939, а затем в 1945 г. книга увидела свет в издании ленинградского ГИДУВа, а в 1949 г. вышла в урезанном виде в издании АМН СССР.

Одной из форм участия отделения социальной гигиены в подготовке санитарных и научно-гигиенических кадров служили лекции по основам профилактического построения всей системы здравоохранения, а также чтение курса социальной гигиены и санитарной статистики для аспирантов, подготавливаемых к научно-исследовательской деятельности в разных отраслях медицины. Кроме того, по моему почину в ВИЭМ был внедрён ещё один метод поднятия квалификации санитарных кадров — путём проведения совещаний и занятий с приезжающими в Ленинград экскурсиями санитарных врачей из Украины, Белоруссии и других республик и областей Советского Союза, а также заключительных конференций по очередным вопросам санитарного дела с циклом санитарных врачей, заканчивавшихся в ГИДУВе. В свою очередь, такие заключительные конференции с санитарными врачами с периферии обогащали Сектор гигиены ВИЭМ сведениями о ведущихся на местах санитарно-гигиенических исследованиях, нередко требовавших более широкого гигиенического статистического изучения и обобщения. То есть открывался и поддерживался путь к связи науки и практики.

Обычно каждая конференция начиналась сообщением участников нашего Сектора о санитарно-гигиенических учреждениях Ленинграда и их участии в работах санитарных врачей. Доклады эти делали А. И. Штрейс, Н. З. Дмитриев и я. А затем периферические врачи сообщали о положении санитарного дела в их районах, областях или городах и о более значительных санитарно-гигиенических исследованиях, ведущихся у них на Украине, в Харькове, Киеве, Одессе, в Белоруссии и пр. Попутно затрагивались вопросы о недостатках постановки циклов по подготовке или усовершенствованию врачей.

В 1933 г. развернулась работа по составлению Сектором гигиены заданий на строительство специального здания для размещения всех лабораторий и вспомогательных учреждений (библиотеки, музея и пр.) для всех трёх отделений Сектора с учётом дальнейших перспектив их развития. Сведённые в один общий проект строительства, эти задания отражали, по существу, план перспективного развития всех основных отраслей гигиены: экспериментальной и общей, гигиены коммунальной, гигиены труда и профессиональной гигиены, гигиены питания и пищевых продуктов, гигиены школьной и детских возрастов вообще, гигиены социальной и санитарной статистики. Подготовленный Сектором гигиены перспективный план был

¹ Надсон Георгий Адамович (1867–1940) — микробиолог, академик АН СССР (1929).

предметом специального обсуждения на заседаниях ленинградского отделения Гигиенического общества с привлечением представителей всех гигиенических кафедр и санитарно-гигиенических институтов, имеющих в Ленинграде. После длительных осмотров на плане города и на природе был выбран обширный участок примерно на полпути к Мечниковской больнице, с хорошим рельефом и благоприятными топографическими условиями. Составлявшие проект архитекторы во главе с Рудневым видели свою главную задачу в составлении архитектурного ансамбля, производящего сильное впечатление. Предполагалось главное здание нового ВИЭМа соорудить не менее, чем в 12–14 этажей, так как при этом якобы достигается наиболее удобная и близкая связь между собою размещаемых поэтажно отделов и вспомогательных учреждений. Мне представлялось совершенно ненужным и нарушающим связь с окружающими садами такое нагромождение отдела на отдел. При этом крайне затруднялась подача воды на верхние этажи и устройство теплофикационных, канализационных и всех других трубопроводов. Крайне затруднялось для отделов размещение в саду своих вспомогательных и опытных устройств (вивариев и пр.). Борьба с архитекторами была упорная и не сулила окончательного успеха, так как создание выдающегося архитектурного ансамбля с доминирующим высотным зданием импонировало дирекции и покорило сердца учёных — биологов, далёких от санитарно-гигиенических и планировочно-хозяйственных соображений.

В 1934 г., когда с ещё большим напряжением продолжалась работа по обсуждению грандиозного строительства целого архитектурного городка для ВИЭМа и шла уже заготовка необходимых строительных материалов, вдруг совсем неожиданно стало известно принятое в Москве решение о перемещении ВИЭМа со всеми предстоящими на его строительство ассигнованиями — в Москву. На запрос дирекции о согласии переехать вместе с ВИЭМом в Москву я не мог дать утвердительного ответа, так как был связан с работой в Ленинграде в качестве профессора во 2-м Ленинградском медицинском институте и в ГИДУВе, а также в Институте коммунального хозяйства.

С учреждением в Ленинграде научно-исследовательского Института коммунального хозяйства (ИКХ), как особого технического подготовительного консультативного органа Ленинградского городского совета по разработке вопросов коммунального строительства и коммунального хозяйства, я был приглашён в него консультантом по вопросам гигиены и санитарного благоустройства. Именно в качестве консультанта этого института мне пришлось долго и настойчиво отстаивать необходимость разработки всех технических и инженерных вопросов коммунального хозяйства города не в отрыве, а в комплексе со всем уровнем местного благоустройства и с ближайшими перспективами его рационального развития. Одним из первых вопросов, которым занят был институт, стал вопрос о строительстве в Ленинграде канализации. Ввиду особой сложности строительства канализации в наиболее нуждающихся в ней центральных частях города (между Невой и Обводным каналом) инженеры института предлагали Ленсовету начать строительство не там, а, прежде всего, на территории будущего

расширения города — на всей Выборгской стороне, где можно без помех городскому движению развернуть прокладку главных и уличных коллекторов. Я возражал, считая, что в первую очередь следует заняться центральной частью города, и обосновывал эту точку зрения во всех инстанциях, куда переносили этот вопрос, — на заседаниях объединённых инженерно-технических работников и в Горздраве, в собраниях санитарных врачей и в общесоюзной экспертной комиссии. Хотя при голосованиях я оставался в одиночестве, я вновь и вновь доказывал, что огромные затраты на сооружение канализационных коллекторов на Выборгской стороне является для всех очевидным омертвлением капитала. Мне доставило большое удовлетворение, что удалось добиться появления в печати моей статьи об очерёдности строительства.

Прошло немало лет, но и в конце 50-х — начале 60-х годов очередь до строительства канализации на Выборгской стороне так и не дошла. Осуществляется первая очередь работ по сооружению главного коллектора канализации центрального района между Невой и Обводным каналом, сооружён перехватывающий канал по набережной Фонтанки.

Вспоминается и другой случай, когда среди большого числа авторитетных архитекторов, планировщиков, инженеров и других специалистов, отстаивая простое, совершенно несомненное положение, мне пришлось остаться в единственном числе и отстаивать правильное решение в течение ряда лет. Я имею в виду обсуждение в Ленгорисполкоме проекта развития Ленинграда в направлении Удельной–Озерков–Полюстрово. После подробного доклада по проекту, разработанному планировочным отделом, выступил А. А. Жданов¹ с заявлением, что весь проект должен быть коренным образом переделан. Он отвергал всякое строительство в направлении на Озерки и Удельную и считал, что развитие Ленинграда должно идти на юг, до Пулкова и вверх по правому берегу Невы. После этого все сторонники и участники, и сами авторы плана, доложенного главным архитектором города Л. А. Ильиным, стали вносить предложения в развитие и в поддержку указаний А. А. Жданова. Попросив слова, я сказал, что по долгу совести профессионального работника, в течение ряда лет специально занимающегося вопросами благоустройства Ленинграда, я должен указать на отрицательные стороны развития города в южном направлении по Московскому шоссе и перемещения его центра в направлении к Средней Рогатке и мясокомбинату. Обширные пространства за Московскими воротами до Средней Рогатки малопригодны для жилой застройки вследствие отсутствия естественного дренажа и обратных уклонов по направлению к городу, значительной заболоченности и крайней загрязнённости территории, в течение многих десятков лет служившей местом свалки городских отбросов и нечистот. Неблагоприятный очень слабо выраженный рельеф создаёт значительные трудности для последующего осуществления канализации, передвижение центра города со строительством грандиозного Дворца Советов на далёкой периферии шло бы в разрез с основным

¹ А. А. Жданов (1896–1948) в 1934 являлся секретарём ЦК, одновременно — секретарём Ленинградского обкома и горкома ВКП(б).

значением и характером Ленинграда, как выхода к морю с фактически замечательным обширным центром от Смольного до Адмиралтейства и нынешнего Дворца Труда.

Мне была предоставлена возможность обстоятельно изложить свои соображения. Никаких возражений не последовало, но, в соответствии с указанием А. А. Жданова, было сформулировано решение строить Дворец Советов в районе Московского шоссе с перенесением туда основного центра города и главного жилищного строительства. После этого в течение второй половины лета и осени 1935 г. в Отделе планировки под руководством Л. А. Ильина шла спешная переработка всего проекта планировки Ленинграда с полным отказом от строительства в наиболее здоровых песчаных и сухих территориях Лесного и с переносом нового центра города в район строительства Дворца Советов.

По поручению Института коммунального хозяйства я принял деятельное участие в комиссии по выработке системы мелиоративных мер для оздоровления территории в районе Московского шоссе, отводимых для жилой застройки. В комиссию кроме меня вошли А. И. Штрейс, Н. З. Дмитриев, Р. А. Бабаянц¹. Мы объездили весь район, установили места бывших свалок с накоплениями не переработавшихся ещё отбросов и мусора, наметили сеть дренажных сооружений и мер для ускорения процессов минерализации накопленных нечистот и отбросов на местах бывших свалок. С чувством горечи и обиды вспоминаю я и сейчас неудачу, постигшую меня, когда я попытался объективно и добросовестно осветить вопрос о планировочном центре Ленинграда и перспективах развития жилищного строительства в городе и отправил написанную мною статью в редакцию «Социалистического города». Статья была очень быстро набрана и в сверстанном виде прислана из Москвы с сообщением, что она идёт в очередном номере журнала. Затем мне был прислан и сигнальный экземпляр журнала с этой статьёй. Однако, к моему большому разочарованию, статья так и не увидела света, а построенный потом Дворец Советов на далёкой периферии города, куда перед тем была вынесена городская бойня и построен колоссальный мясокомбинат, теперь служит архитектурным памятником ненужному расточению средств при подхалимстве архитекторов и попустительстве своевольства временщиков и сатрапов. У римлян было мудрое правило — «*festina lente*» (поспешай медленно); русская же пословица гласит: «Семь раз отмерь, один раз отрежь!»

При крупных, требующих многомиллионных затрат, строительствах особенно преступно забывать об этой тысячелетней мудрости в тех случаях, когда дело не идёт о сооружениях, неотложно нужных для производственных целей или для выполнения важного народно-хозяйственного плана. А здесь ведь дело шло о Дворце Советов, который должен был заменить Таврический или Мариинский дворец или даже Смольный, которые только что были замечательно восстановлены и своими обширными поме-

¹ Бабаянц Рубен Амбарцумович (1889–1961) — гигиенист и санитарный деятель, член-корреспондент АМН СССР. Возглавлял отдел гигиены воздуха в лаборатории по изучению загрязнений г. Ленинграда.

щениями ещё на десятки лет вперёд способны были удовлетворять потребности в залах для заседаний и работ советов.

Работа Института коммунального хозяйства стала разрастаться и развиваться в теснейшей связи с деятельностью и строительством во всех отраслях коммунального и городского благоустройства, когда во главе Института был поставлен молодой, энергичный партийный работник И. М. Маврин. Знакомясь с поступавшими на разработку вопросами коммунального строительства и благоустройства, он внимательно выслушивал специалистов, устраивал коллективные обсуждения. На разных стадиях разработки вопроса организовывал проверку, когда работы шли под руководством приглашённых лиц. По его почину был учреждён Учёный совет ИКХ под председательством заместителя директора. По приглашению Маврина в течение нескольких лет (1933–1936) эту должность занимал я.

В то время одной из наиболее интересовавших меня тем, которые разрабатывались в Институте, была выработка типовых проектов жилых квартир, домов и целых кварталов. Разрабатывавшую эту тему бригаду возглавлял Ю. Г. Кругляков¹. Благодаря серьёзному интересу к проблеме жилого квартала, правильному пониманию внутренней связи квартиры с организацией квартала, планом, расположением и назначением всех зданий в квартале, Ю. Г. Круглякову удалось объединить в руководимом им отделе очень деятельную группу опытных работников, среди которых помню старого архитектора Н. С. Бродовича и ряд молодых работников — Е. Н. Бубнова, Соколова и др. На основе необходимого учёта экономических показателей не только строительства, но и последующего использования и содержания, были «методом экспериментального проектирования», а также тщательным повторным исследованием условий эксплуатации построенных уже жилых массивов и кварталов, определены и разработаны типы жилых кварталов и типовые проекты домов с безусловным исключением так называемых «коммунальных квартир».

Одной из мер, осуществление которой я в качестве заместителя директора ИКХ по научной части придавал существенное значение, было обеспечение получения библиотекой Института всей как нашей советской, так и новейшей зарубежной коммунальной, инженерно-строительной и санитарно-технической литературы. В этом отношении в те годы (1933–1938) удалось добиться получения основных английских, американских, французских и немецких периодических изданий. Каждый мой день в Институте я начинал просмотром вновь полученных журналов и изданий и отметкой в них всего, что могло иметь прямое или косвенное отношение к разрабатывавшимся в ИКХ задачам и вопросам. Это давало иногда возможность осуществить опытную проверку выдвигаемых у нас или в зарубежной практике новых методов. Так, в 1936 г. я обратил внимание работавшего в нашем техническом отделе инженера-энергетика Чернышевского на статьи об очистке воздуха от аэрозолей (табачного и другого дыма) путем коагулирующего действия ультрачастотных (ультразвуковых) волн.

¹ Кругляков Юрий Гадалевич — профессор, доктор экономических наук, занимался проблемами комплексной реконструкции жилых кварталов.

Инженер Чернышевский готовил предварительное освещение вопроса о получении генератора ультразвуковых волн. Отсутствие средств, а затем отъезд Чернышевского из Ленинграда на родину — в Саратов и перерыв в моей собственной работе в Институте (1938–1939) помешали выполнить эти опытные работы.

В те же годы второго и третьего пятилетнего планов развития народного хозяйства в СССР была учреждена в Москве при СНХ СССР Академия коммунального хозяйства (АКХ). По приглашению дирекции этой Академии я несколько раз принимал участие в заседаниях по выработке программы её работ и для согласования работ Ленинградского ИКХ и Московской Академии. В составе привлечённых к работе в Академию коммунального хозяйства я встретил специалиста по водоснабжению профессора инженера Н. А. Кашкарова; профессора Николая Михайловича Ушакова — специалиста по очистке сточных вод; крупнейшего у нас авторитета по вопросам биологической очистки С. Н. Строганова; в качестве консультанта по вопросам коммунальной гигиены и санитарного благоустройства А. Н. Сысина¹ и др. В первые годы своей деятельности АКХ содействовала организации нескольких широких всесоюзных конференций по проблемам, связанным с осуществлением многочисленных крупных новостроек, предусмотренных пятилетними планами. Первой такой обширной по числу участников и по многочисленности представленных в ней научных, научно-исследовательских, производственных, коммунальных и санитарных учреждений была конференция по охране атмосферного воздуха жилых районов и населённых мест от промышленных загрязнений дымом, копотью, пылью и вредными газами. Съезд этот происходил 23–26 мая в Харькове. Доклады к съезду, с подведением итогов разрозненных загрязнений воздуха предприятиями, подготовлены были в основном кафедрами гигиены в Харькове, под руководством В. А. Яковенко², и других районах Украины под общим руководством Украинского института коммунальной гигиены (А. Н. Марзеев); в Москве — Институтом коммунальной гигиены Наркомздрава СССР (А. Н. Сысин), Институтом имени Эрисмана (Берюшев) и по поручению АКХ — Институтом газоочистки, в Ленинграде — Отделением гигиены ИЭМ (Н. В. Колосова-Красовская).

Главным организатором съезда в Харькове был проф. В. А. Яковенко. Заслугой съезда было то, что к поставленной на нём проблеме было привлечено внимание правительственных органов и широкой общественности. По поручению Ленинградского ИКХ я участвовал в Харьковском съезде и входил в его президиум. По окончании форума я с Альбертом Ивановичем Штрейсом и с ещё одним участником съезда проехал в Днепропетровск, чтобы ознакомиться с тяжёлым задымлением атмосферы тамошними заводами и с постановкой работ по изучению воздушных загрязнений в этом городе.

¹ Сысин Александр Николаевич (1879–1956) — гигиенист, один из организаторов и первый руководитель санитарно-эпидемиологического дела в СССР, академик АМН СССР.

² Яковенко В. А. — профессор Украинского института коммунальной гигиены, преподаватель Киевского университета.

Другой целью нашей поездки в Днепропетровск было желание отсюда проехать в Запорожье на Днепровскую гидроэлектростанцию, работавшую тогда уже на полную мощность. Мы хотели осмотреть и жилищное строительство в Запорожье. Весь этот план был нами выполнен. Мы провели целый день в рабочем посёлке завода имени Петровского. Воздух был в этом посёлке настолько задымлён, что с непривычки уже через несколько часов пребывания начинала болеть голова.

Поездка паромом по Днепру была прекрасным отдыхом после напряжённой работы на съезде и целого дня осмотров в Днепропетровске и окрестностях. Вызывало удивление почти полное отсутствие пассажиров на большом пароходе, совершавшем регулярные рейсы по Днепру. Начавшаяся в конце мая прекрасная погода, замечательные украинские виды, открывавшиеся то на одном, то на другом берегу, возможность по пути посмотреть вошедшую в строй первую великую стройку социализма — Днепрогэс и обузданный ею Днепр в самом бурном месте его течения, — всё это, казалось, должно было вызвать приток туристов на днепровские пароходы. Мешало этому, по-видимому, отсутствие почина у паромного управления и хозяйственников речного транспорта по организации предоставления для паромных пассажиров.

В Запорожье я прежде всего ознакомился с уже заселёнными рабочими и их семьями домами на левом берегу Днепра. Все они построены были ещё в период строительства Днепровской ГЭС за счёт средств, отпущенных государством на сооружение этой первой великой гидроэлектростанции. Вопросы экономичности строительства и последующей дешёвизны эксплуатации недостаточно интересовали проектировщиков, которых воодушевляла мысль создать жилой посёлок «социалистического типа»: с широкими, хорошо озелёненными улицами, двухэтажными домами на 4–6 квартир, с обширными дворами, предназначенными для спортивных упражнений и цветников. При обсуждении этих проектов на планировочных конференциях и при демонстрации их студентам и санитарным врачам на моих лекциях, я настойчиво указывал на игнорирование в этих проектах первого требования жилищного строительства и благоустройства — учёта экономичности строительства в интересах скорейшего сооружения такого количества благоустроенных жилищ, которого хватило бы не для немногих избранных семейств, а для всех семей трудящихся, для всего населения. А для этого необходимо было увеличивать плотность застройки. Разрывы между отдельными домами уменьшать настолько, чтобы удешевить проведение водопроводных и канализационных магистралей и ездовых полос на улицах.

И вот перед нами был фактически осуществлённый и освоенный трудовым населением «образцовый соцгород». Улицы были обсажены молодыми липами. Как известно, пересадка взрослых деревьев стоит очень дорого, и в первые годы деревья требуют большого ухода (поливки, подрезки, рыхления и пр.). Пока эти расходы покрывались из государственных ассигнований, всё шло как будто хорошо, но когда потребовалось содержание тротуаров и уход за посадками оплачивать за счёт местных средств жилотделов, дело пошло хуже: кое-какие деревья стали засыхать, цветники оказались заброшенными, тротуары имели выбоины, были грязны, ули-

цы пыльны. Обширные дворы совсем неблагоустроены, пыльны, так как содержание штата дворников непосильно для двух–четырёх рабочих семейств. Одним словом, при первой же моей утренней прогулке я вынес впечатление, что на практике подтвердились вред и ненужность планировочных «излишеств». Легко можно было видеть, насколько правильнее было бы проектировать квартальную стройку с 3–4-этажным строительством, с плотностью заселения 250–350 человек на гектар; с палисадниками, прилегающими непосредственно к домам, с устройством детских учреждений — яслей, детских садов внутри квартала и с разбивкой всей остающейся от общественных устройств внутриквартальной площади под садово-огородные участки.

Неизгладимое впечатление осталось от Днепрогэса. Устанавливалась последняя гидротурбина. В течение дня мы несколько раз переходили по плотине, перегораживающей Днепр, с левой стороны, на которой в доме бывшего управления Днепростроем нам было предоставлено помещение, на правый берег, где строился целый город с гостиницей для интуристов, почтамт, и уже работал, а отчасти достраивался, ряд металлообрабатывающих заводов. Некоторые из этих заводов, потребителей электроэнергии Днепрогэса, нами были осмотрены.

Ещё одна выездная конференция, организованная при содействии Академии коммунального хозяйства летом того же года, прошла на строительстве крупнейшей в то время гидроэлектростанции на Волге. Управление этой стройки предоставило помещение для заседаний — только что отстроенный в посёлке для рабочих народный дом и театр, а также помещения для проживания членов конференции и паром для сообщений с Ярославлем. У меня осталось впечатление, что инициатором и душой организации этой конференции был П. К. Агеев¹. Получив через АКХ приглашение принять участие в конференции, я подготовил доклад о значении проведения санитарной мелиорации территории, отводимой для строительства посёлка или города.

Я приехал в Ярославль в день открытия конференции, но не сразу нашёл пристань, от которой отходил паром к Волгострою, а когда нашёл её, то паром уже ушёл, и мне пришлось ждать следующего рейса. Часы ожидания я употребил на прогулку по всегда пленявшей меня верхней Волжской набережной и посмотрел перестройку в центре города. Пропустив открытие конференции и первые доклады, в том числе и доклад А. Н. Сысина о санитарных требованиях при строительстве крупных гидростанций и посёлков для их строителей, я вошёл в переполненный зал как раз тогда, когда председатель сообщил, что следующий доклад будет мой.

Я всегда тщательно готовлюсь к своим выступлениям; в последние дни перед докладом, теряя всякое спокойствие, многократно просматриваю составленный мною конспект и необходимые числовые и справочные заметки, но никогда во время доклада не вынимаю из кармана и не имею перед собой никаких шпаргалок. Поэтому, идя на доклад, я мысленно проверяю

¹ В описываемый период П. К. Агеев был начальником коммунального сектора Всесоюзной государственной санитарной инспекции.

себя, ясна ли у меня вся последовательность развития и изложения мыслей и материалов. Таким образом, мне не нужно напряжение памяти, а только напряжение мысли, новое продумывание и аргументирование основных излагаемых положений во время выступления. Это поддерживает внимание слушателей. Я считаю большим недочётом, что в советский период из-за постоянной боязни обвинения в отступлении от директив развилась привычка не мыслить, не отдаваться потоку живых теснящихся аргументов, а читать слово в слово по тетрадке или шпаргалке. Это понижает значение коллективного обсуждения. И на этот раз моё опоздание не поставило меня в трудное положение, и несколько более чем часовой доклад был выслушан с ободряющим меня вниманием. Труды конференции не были изданы. Но этот мой доклад я напечатал несколько позднее в гигиеническом сборнике ГИДУВа.

Утром на следующий день П. К. Агеев показал мне двухэтажные жилые дома для рабочих, построенные по одному типовому проекту. В посёлке действовал водопровод, вода могла быть проведена во все дома, а, следовательно, возможно было устроить и сливные уборные с отводом канализационных вод для утилизации на поля орошения на окружающих посёлок песчаных пустырях. Вместо этого водою пользовались из водоразборов, а уборные во всех домах были устроены по типу так называемых люфтклозетов. И, разумеется, в летнее время в квартирах ощущался дурной запах из уборных. В санитарной технике на строительстве таких высших достижений современной культуры, как гидроэлектростанции, это совершенно нетерпимо. В посёлке были построены прекрасно оборудованные здания бытового и культурного обслуживания (столовая, театр, баня, детские учреждения, библиотека-читальня). По окончании конференции управление строительства показало её участникам уже произведённую часть земляных и гидротехнических работ и подробно объяснило план всего строительства. Весь инженерно-строительный коллектив Волгостроя производил впечатление работников, спаянных единством большой, захватывающей всех общей задачи.

В часы, свободные от заседаний, я вместе с несколькими другими членами конференции побывал в летнем лагере пионеров, детей рабочих и служащих Волгостроя. Удачно выбранное у опушки роши среди окружающих лугов место для лагеря имело вполне целесообразно устроенные летние помещения — спальни, столовую, большой зал для игр, веранды. Дети держали себя дружелюбно и непринуждённо. Несколько групп детей возвращались с пучками собранных растений и букетами цветов, другие собирались на речку — ловить рыбу. По предложению руководительницы дети собрались на лугу и дружно приветствовали нас, как гостей. А. Н. Сысин ответил приличествующим в таких случаях обращением к детям. Когда я одной из групп старших детей стал называть собранные растения и рассказывать признаки таких семейств, как мотыльковые, губоцветные, крестоцветные и сложноцветные, которые оказались в собранных ими пучках растений, нас окружили и младшие дети, которые закидали меня вопросами, как называется каждый из цветков. Затем начались общие игры и пение. Вместе с детьми мы приняли участие в обеде и познакомились с продукто-

вым снабжением в лагере. По-видимому, удачно подобранный руководящий персонал этого лагеря не стеснял ребят чрезмерным обилием правил, наставлений и требований. Во всяком случае, мы вынесли от довольно продолжительного нашего посещения лагеря хорошее впечатление.

В бодром настроении, вызванном дружной работой конференции и господствовавшим среди всего инженерно-технического персонала трудовым подъёмом, уезжали мы на пароходе Волгостроя в Ярославль. Из Ярославля я проехал по Волге до Рыбинска, чтобы оттуда возвратиться в Ленинград.

В Рыбинске я имел несколько часов до отхода поезда для осмотра этого города, в котором мне никогда прежде не приходилось задерживаться. Из разговоров со встретившимися мне в Рыбинске работниками коммунального хозяйства я узнал, что Рыбинск живёт в лихорадочном ожидании окончательного решения вопроса, где будет строиться Рыбинская гидроэлектростанция. А вопрос этот был связан с дальнейшей судьбой того Волгостроя в районе Ярославля, под впечатлением от обилия успехов строительства которого я находился. Мне казалось немислимым, чтобы могла развернуться постройка целого городка с театром, жилыми постройками вместо преодолевшего уже столько трудностей и потребовавшего уже таких огромных затрат труда и средств Волгостроя под Ярославлем. Ведь не могло же быть начато такое огромнейшее строительство без выяснения перспектив его дальнейшей судьбы. И я испытал чувство боли и горя, когда год спустя узнал, что Ярославский Волгострой заброшен, опустел и целый посёлок жилых домов и зданий для культурного и бытового обслуживания населения никем не утилизируется. Вновь вспомнил я римскую мудрость — «*festina lente!*» Спешить нужно, ни в коем случае не замедляя осуществления планов, но... нельзя забывать: «Семь раз отмерь, а потом режь на отмеренном месте!»

В августе 1932 г. я совершил ещё одно путешествие на север. На этот раз с сыном. Я ехал по делу — для осмотра недавно законченной в Кемии крупной больницы Мурманской железной дороги вместе с санитарным врачом этой дороги К. О. Поляковым. У меня явилась мысль воспользоваться этим случаем, чтобы из Кемии проехать с Иликом в Хибиногорск, побывать с ним на туристской станции в горах Заполярья, посмотреть апатитовые разработки, горное озеро, вернуться на пароходе в Свирьстрой, куда звал меня С. И. Перкаль, а затем пароходом по Свири, Ладожскому озеру и Неве вернуться в Ленинград.

В Кемь мы приехали под вечер и прямо с вокзала пришли в новое крупное здание больницы. Здесь, пока К. О. Поляков договаривался с главным врачом об устройстве на следующий день подробного осмотра всего строительства и оборудования больницы с участием инженера и моим, как консультанта по больничной гигиене и санитарному благоустройству, я с большим интересом слушал рассказы молодых врачей, моих слушателей, недавно окончивших 2-й ЛМИ, о том, как идёт их работа в поликлинике и больнице, в какой мере находит в их работе отражение того социально-профилактического направления и диспансерного построения врачебной помощи, о котором так много приходилось говорить мне

на лекциях и занятиях. Меня очень интересовало, были ли с их стороны попытки рационально поставить учёт заболеваний и статистическое изучение заболеваемости и её связей с местными условиями, какова была на практике работа их по оздоровлению «условий труда и быта». Попутно я узнал о некоторых существенных недочётах вновь построенной, хорошо архитектурно-оформленной больницы: полное отсутствие больничного сада и благоустроенных мест для прогулок и пребывания на открытом воздухе, отсутствие при больнице библиотеки, сырость и целые лужи грунтовой воды в подвальных помещениях и пр.

Во время утренней прогулки с Иликом мы обошли всю больничную усадьбу с большим участком, вполне пригодным для устройства хорошего огорода, но заболоченным вследствие отсутствия проточного пруда с выпуском воды в протекающую близ больницы реку Кемь. Затем мы спустились по каменистому береговому склону к реке. Как легко можно было бы украсить посадками деревьев этот имеющий сильный уклон к реке косогор! Какой прекрасный прибольничный сад можно было бы устроить на нём, укрепив некоторые спуски подпорными стенками. Камни для подпорных стенок подвозить не понадобилось бы. Они всюду имеются на месте, под ногами. Недалеко за больничной усадьбой манили к себе своим причудливым видом каменные глыбы и голые каменные холмы, диабазовые, гранитные лбы. Мы с Иликом взобрались на один из самых крупных гранитных массивов — голый, как будто стёсанный гранитный лоб, величиной в многоэтажный исполинский дом. Он был испещрён глубокими царапинами и бороздами, тянувшимися параллельно, в одном и том же направлении с северо-запада на юго-восток. Глядя на них, как бы читаешь одну из страниц относительно недавней геологической истории данной части Карелии. С севера двигались неизмеримой толщины ледниковые массы, которые стёрли и унесли все лежавшие над древнейшими гранитными породами напластования. Движение этих масс, трение камней, вмёрзших в нижние их слои, оставляли царапины и целые борозды на гранитных массивах. С тех пор прошли десятки, сотни тысяч лет, изменился климат, ледники остались только далеко на северо-западе (например, в Гренландии); моря и океаны с тех пор не покрывали Карелии и не образовали над оголёнными гранитными лбами геологических покровов из осадочных пород. И вот мы стоим, попираем своими ногами, видим собственными глазами поцарапанную ледниками поверхность гранитных «лбов». Мы были под обаянием беспредельности времени, неисчислимости ряда веков, которые протекли над этими гранитными гольми глыбами.

Днём я осматривал строительство больницы, водоснабжения и прочих сторон её санитарно-технического оборудования. Сырость подвального этажа нужно было устранять не одним цементированием полов в подвалах, а рациональным устройством вокруг всего здания кольцевого дренажа с отводом грунтовой воды под уклон к реке. Для очистки сточной воды больничной канализации можно было устроить поле орошения.

В послеобеденные часы мы успели съездить с Иликом на автобусе в город Кемь, походить по улицам и получить впечатление от этого небольшого заброшенного старого городка, с полным отсутствием современно-

го городского благоустройства. В Кеми мы простились с К. О. Поляковым. Дальнейший путь я продолжал с сыном по Мурманской железной дороге до станции Апатиты и далее на открытом грузовике, так как ещё не была закончена железнодорожная ветка, до Хибиногорска, который потом, после гибели С. М. Кирова в 1934 г., был переименован в Кировск.

В Хибиногорске мы зашли к А. А. Садову, к которому у меня был ряд поручений из ВИЭМа. Садов заведовал работами бактериологической лаборатории в Хибиногорске по изучению особенностей развития бактериальной флоры инфекционных болезней в Заполярье. Я должен был передать ему некоторые приборы, реактивы и среды. А. А. Садов, замечательно симпатичный, тонко образованный научный работник (занимавший позднее — с 1938 по 1942 г. кафедру эпидемиологии в ГИДУВе) оказался очень гостеприимным и заботливым хозяином. Невзирая на значительные жилищно-бытовые трудности в то время в городе, выраставшем со сказочной быстротой в заполярной тундре, Садов устроил нам ночлег у себя и руководил своими советами в составлении плана моих осмотров и экскурсий, а также и моей работы, как представителя Сектора гигиены ВИЭМ. В течение дня я осмотрел уже возведённые крупные объекты первой очереди: обогатительную фабрику, здание бани, дома управления и стройконтор, больницу и общежития. Познакомился с проектами планировки и дальнейшего строительства. На состоявшемся совещании в управлении строительства было решено устроить на следующий день в помещении клуба мою лекцию о планировке и благоустройстве социалистического города, воздвигаемого в Заполярье.

Во время вечерней прогулки по окружающим предгорьям мы с Иликом побывали во многих землянках, где ютились и жили раскулаченные выселенцы из Украины. Большинство из них работали на строительстве города, дорог, фабрики и рудников; молодые рабочие и подростки обучались и готовились к работам на обогатительной фабрике. В августе было ещё тепло, и жизнь шла вокруг землянок. Тут были и сложенные временные кухонные очаги, столы и скамейки. Только ещё устраивавшиеся выселенцы уже думали о создании грядки для посадки лука, для разведения весной огорода. Настроение было не угнетённое, а скорее бодрое. Снабжение необходимыми припасами в это время только что было налажено.

Целый следующий день у меня был занят ознакомлением в Управлении строительства с проектами и планами, дополнительными осмотрами городского центрального парка, первых жилых кварталов, а также обдумыванием предстоящей лекции. Илик был предоставлен самому себе. В 8 часов вечера, отправляясь на лекцию, я посоветовал ему ложиться спать, чтобы с раннего утра на следующий день отправиться со мною на туристскую экскурсионную базу, а оттуда дальше в горы на станцию Академии наук.

Большой зрительный зал клуба, когда я пришёл, был заполнен слушателями. Я начал с указания огромного значения, которое имеет правильное строительство и полное благоустройство Хибиногорска, как одного из первых вновь строящихся у нас по хорошо разработанному плану городов. Затем я рассказал о способах решения основных вопросов планировки и благоустройства в условиях Хибиногорска, об оборудовании улиц, о со-

хранении оставшихся ещё деревьев арктического леса и т. д. Лекция моя транслировалась громкоговорителями по всему городу. Когда, по окончании лекции, я отвечал на многочисленные вопросы, я с изумлением увидел у входа за группой слушателей Илика. Услышав мой голос, доносившийся с улицы из громкоговорителя, он вышел на улицу, узнал, откуда идёт передача, нашёл клуб и вошёл в зал к концу лекции.

Ранним утром на следующий день мы на автобусе проехали несколько километров на туристскую базу. Устроились там с питанием, спустились к ключу и горному ручью со студёной, как лёд, водой; прогулялись по диким горным стремнинам, насмотрелись на приковылавшие к себе виды горного озера у нависшего над ним чёрного, как ночь, горного кряжа, а после обеда проехали на горную станцию Академии наук. Осмотрели там образцы горных пород и коллекции минералов, а потом пешком прошли обратно на туристскую базу. Отдаваясь по пути полному упоению свободными движениями, сбегали с холмов, спрямляли путь, карабкаясь на крутой подъём, когда дорога огибала его; собирали и знакомые, и новые для нас цветы и травы арктической флоры. Не раз оборачивались и подолгу не отрывали глаз от изумительно красиво замыкавшего долину у подножия гор здания с башней горной станции Академии наук и большими белыми пятнами снежных накоплений в горах. Линия снегов в Арктике проходит ведь на относительно небольшой высоте. Всё же мы обрадовались, когда после одного из поворотов дороги увидели вдали перед собой туристскую базу, прилепившуюся у склона к озеру. До этого по временам закрадывалась неуверенность, не сбились ли мы с дороги, слишком самонадеянно пустившись без проводника в обратный путь в незнакомой волшебной стране за Полярным кругом.

Переночевав на базе, мы на следующий день в автобусе проехали до горы, где ведётся добыча апатитов. Взбирались на неё. Были поражены пышной растительностью в долине, ограждённой с севера и востока высокими стенами горного кряжа и открытой прямо на юг, откуда в июне и июле не только днём, но и поздним вечером и задолго до нашего привычного раннего утра, шлёт свои живительные лучи заполярное солнце.

Уезжали мы из Хибиногорска ночью. Нам посчастливилось сесть в первый поезд, отходивший прямым рейсом через станцию Апатиты.

На обратном пути мы сделали большую и чрезвычайно интересную остановку на Свирьстрое, куда давно и настойчиво звал меня С. И. Перкаль, чтобы посоветоваться по вопросам о санитарных мерах для улучшения водоснабжения и об упорядочении обезвреживания нечистот для рабочих-строителей Свирской ГЭС. Происками Мариампольского¹ С. И. Перкаль, занимавший должность преподавателя при кафедре социальной гигиены, которой я заведовал, был сначала командирован на Свирьстрой в качестве временного санитарного врача в связи с развитием там эпидемии дизентерии, но затем оставлен там на более длительный срок.

Пребывание на Свирьстрое было для меня во многих отношениях исключительно интересным. Посёлок расположен на высоких песчаных хол-

¹ Мариампольский А. П. — ректор 2-го Ленинградского медицинского института в 1930–1931.

мах, поросших стройным густым сосновым лесом. Широкие просеки заняты улицами и прилегающими к ним с двух сторон жилыми, по большей части многоквартирными двухэтажными деревянными домами. Замечательные по своей стройности и высоте сосны придают местности своеобразную красоту. Обширные пространства оставлены по проекту планировки для главной городской площади с размещением на ней общественных зданий, театра и примыкающего к площади будущего парка. На улицах перед домами оставлены широкие полосы для палисадников и газонов. Там, где квартиры в домах заняты семьями украинских строителей, приехавших из Днепропетровска, палисадники были обсажены ягодниками, кустами и заняты огородными грядками с цветами среди овощных культур. На глубоком песке, благодаря обильному удобрению навозом от имеющихся у этих семей коров, дали большой урожай огурцы, тыква, свёкла, подсолнечник, горох, бобы и другие овощи. В то же время сочная зелень этих палисадников на улицах служила их украшением. На других улицах, где таких палисадников не было, непосредственно к окнам подходили пыльные полосы песчаных дорог.

Полное удивление у меня вызвала поездка на места для вывоза нечистот из посёлка; в нескольких километрах от жилья в песчаных массивах были выкопаны траншеи в два-три метра шириною, куда сливались вывозимые бочками нечистоты из выгребных ям жилых домов. Ничего более бессмысленного и нелепого в санитарном отношении нельзя было себе представить. Гниющие отбросы, естественно, издавали отвратительное зловоние и служили местом выплода мух, которые в качестве бесплатных седоков приезжали в посёлок на обратном ассенизационном транспорте.

Казалось бы, так просто и естественно устроить на свободных от застройки просеках в посёлке компостирование нечистот с присыпкой их торфом или сухим сметом и последующей утилизацией компоста и его запахивания. Но, разумеется, от посёлка на такой крупной новостройке, как Свирьстрой, при наличии центрального водоснабжения, можно и нужно было безоговорочно требовать проведения воды в дома, устройства в них надлежащих уборных с промывными бачками и отведением сточных фекальных вод путём канализации на соответствующие очистные сооружения (в данном случае — на поле орошения). Предпосылкой для того, чтобы подобное требование всегда и всюду, где это нужно, выполнялось, нужно считать наличие некоторых элементарных знаний и навыков у нашего строительно-технического и санитарного персонала. Бросилось в глаза, что по всем дорогам, по которым фекалии отвозились на свалку, в разных местах росли среди дороги помидоры, на иных кустах виднелись уже и плоды. Это результат проливания по дороге из ассенизационных бочек фекалий, в которых всегда находится огромное количество семян.

Во время нашего пребывания на Свирьстрое главный инженер строительства ГЭС Г. О. Графтио¹ был в отъезде. Мне было отведено помещение в одной из комнат его квартиры. Заведовала квартирой и вела всё хозяйство в ней домработница — пожилая шведка, очень культурная и умевшая

¹ Графтио Генрих Осипович (1869–1949) — учёный-энергетик и инженер, один из пионеров отечественного гидроэнергостроительства, академик (1932).

каким-то образом наладить и неукоснительно поддерживать строжайшую дисциплину и скрупулёзный порядок при всех условиях, или, точнее, независимо от окружающих трудных условий. Тогда в начале 30-х годов, это ещё особенно ощущалось в виду того, что мы как-то отвыкли от обстановки заграничных пансионатов с их уютом и строго соблюдаемым укладом жизни.

Мы каждый день заходили с Иликом к С. И. Перкалю. Для этого нужно было пройти по главной просеке до другого конца посёлка. Он снимал квартиру во втором этаже деревянного дома. В его комнате господствовал первобытный хаос. Книги и бумаги были навалены и на чайном столе вместе с посудой, и на стульях, и даже на полу. Всей этой обстановке в комнате вполне соответствовал и распорядок жизни, который не регулировался и не дисциплинировался привычными нормативами.

Главным инженером-механиком на строительстве был инженер Филимонов, которого я хорошо знал, когда он несколько лет перед тем был студентом Политехнического института и часто бывал у нас на «Полоске» (в то время я читал лекции по гигиене населённых мест в Политехе). Он с большой предупредительностью в течение многих часов показывал мне уже выполненные части циклопических сооружений, все ведущиеся полным ходом работы и рисовал те части общего плана грандиозной гидроэлектростанции, которые были ещё только на кальках и на синьках, да в головах руководящих инженеров. Мы с восхищением смотрели работу башенных экскаваторов. Было приятно видеть, как просто, по-товарищески отдавал мимоходом распоряжения Филимонов, и каким большим авторитетом пользовался этот молодой инженер у бригадиров и рабочих.

В этот же день я подробно осматривал действующий водопровод, снабжавший питьевой водой посёлок Свирьстроя с многотысячным населением, и проект переноса водозабора в будущий «верхний бьеф», выше плотины, когда она будет сооружена. Контроль за хлорированием вёлся дежурившими специально для этого санитарками «на глаз», но на деле пришлось убедиться, что осевшая на стенках стеклянной трубки хлористая известь маскировала и скрывала от глаз отсутствие струи дезинфицирующего раствора. После сооружения плотины вода в верхнем бьефе должна была стоять на десяток метров выше, и найти и устроить место для будущего захвата воды до постройки плотины можно было с большим удобством. Мне казалось, что для успешной работы санитарного врача дальнейшее развитие благоустройства посёлка Свирьстроя было очень благодарным делом, а содействие превращению этого временного посёлка в хорошо распланированный и санитарно-технически оснащённый новый город — увлекательной задачей. Я горячо доказывал это в моих разговорах с Самуилом Исааковичем, но он оставался глух ко всем моим доводам. Ему хотелось поскорее освободиться от навязанной ему командировки и вернуться к работе на кафедре.

Путь от Свирьстроя в Ленинград мы с Иликом совершили на пароходе. После недолгих остановок в Лодейном Поле и Свирице («Вознесенье»), судно в течение всей ночи и утра пересекло Ладожское озеро. Я не сомкнул глаз, впитывая новые впечатления. Илик же проснулся лишь утром, когда пароход уже подошёл к устью Невы. Кругом — и впереди, и с боков

клубился непроницаемый белый туман. Только когда солнце поднялось и разогрелся воздух, он стал кое-где разрываться. Мы увидели скопившиеся у входа в Неву барки, окрылённые парусами на высоких мачтах. Когда пароход вошёл в Неву и с двух сторон начали развёртываться всё новые виды: то Текстильный комбинат у Шлиссельбурга, то Дубровские электростанции, то, наконец, начиная от Ижоры, непрерывная цепь заводов и предприятий, тут уже было не до сна. И когда с пароходной пристани у Охтинского моста мы трамваем, а потом по железной дороге приехали в Детское Село, и Илик вернулся, наконец, домой, ему было вдоволь материалов для подробных рассказов о своём десятидневном путешествии со мной в Заполярье.

Весною и летом 1933 г. я был более всего поглощён подготовкой и организацией выставки на базе Отдела коммунальной и социальной гигиены Музея города в Аничковом дворце, в связи с истекавшим 15-летием Октябрьской революции. Нужно было в единой яркой наглядной картине показать не только уже осуществлённые начатки нового благоустройства Ленинграда после революции (центральное водоснабжение, канализация, рациональное замощение проездов, освещение улиц), но и запечатлеть вполне обрисовавшиеся к этому времени новые задачи, глубоко менявшие всю перспективу развития Ленинграда. В моём понимании также настоятельно, как общепризнанные требования благоустройства, теперь уже стояло и самое переустройство основных кварталов города, в которых фактически живёт, и на многие пятилетки вперёд ещё будет жить главная масса населения города.

В качестве руководства для ознакомления с выставкой и пособия для работы экскурсоводов я составил очерк «Достижения и проблемы коммунально-жилищного хозяйства Ленинграда». Он был издан в виде хорошо иллюстрированной отдельной брошюры научно-исследовательским Институтом коммунального хозяйства, в ведение которого перешёл незадолго перед тем Музей города. В этом очерке отдельная глава была мною отведена проблеме неотложного поэтапного переустройства кварталов. Строительно-экономическое исследование этой проблемы было проведено Ю. Г. Кругляковым в НИИКХе. Целый ряд докладов о результатах изучения и обоснования возможности осуществления реконструкции кварталов и о значении этой задачи был сделан и в НИИКХе, и в ВИЭМе лично мною, а также Ю. Г. Кругляковым и Б. Ф. Дидрихсоном. С большим интересом и вниманием относился ко всей работе, развёрнутой вокруг организации выставки, директор НИИКХа И. М. Маврин. В качестве награды за большую работу мою в НИИКХе, в особенности в связи с организацией выставки, он добился премирования меня участием в экскурсии ударников предприятий и учреждений Ленинграда по осмотру только что открытого летом 1933 г. Беломорско-Балтийского канала и по поездке в Хибиногорск для осмотра апатитовых разработок и строительства нового социалистического города.

Это была исключительная по богатству содержания поездка. Хотя был только ещё август, но в Ленинграде стояла отвратительная погода. Чуть успевало небо очиститься от тучи, из которой только что лил неприятный холодный дождь, как порывистый ветер гнал новое облако, закрывавшее солнце, и снова начинался густой дождь. Изрядно промокший под лив-

нем спешил я на пароход, стоявший невдалеке от Охтинского моста. Незадолго перед тем первый рейс по только что законченному Беломорско-Балтийскому каналу на этом пароходе совершил сам И. В. Сталин с С. М. Кировым. Это придавало неуловимый оттенок романтической заманчивости и приподнятого интереса к предстоявшей экскурсии и в то же время вселяло уверенность в полной налаженности и надёжности передвижения на нашем, на вид довольно невзрачном, хотя и свежоокрашенном пароходе. Правда, вместо десятка или двух десятков рабочих-ударников, премированных за усердную успешную работу инженеров, строителей и служащих, их набралось полторы–две сотни. Все помещения были переполнены, не для всех нашлась верхняя или нижняя полка для сна. Однако всем хватило чая и закуски.

Пройдя Неву, мы уже ночью вошли в Ладожское озеро. Пароход изрядно трепало, пока он пересёк озеро поперёк, чтобы войти в реку Свирь. Вскоре с огромным интересом мы смотрели величавую стройку на Свири, гораздо более крупную, чем Волховстрой, — ГЭС Свирь II. Спокойно преодолевал пароход достаточно мощное течение реки Свири, несущей в Ладожское озеро избыток вод вышележащего Онежского озера. Нам показывали места уже намеченного будущего строительства последующих гидроэлектростанций на Свири. Чем ближе продвигались мы к Онежскому озеру, тем сильнее было течение реки, и наш пароход со всё большим трудом бился, чтобы преодолеть его напор. В районе Подпорожья, подходя к порожиистой части Свири, пароход наш, видимо, перестал преодолевать течение. Падение воды было заметно на глаз. По временам нас начинало сносить вниз. Пароход подошёл вплотную к луговому берегу, закрепился. Были сброшены на берег мостки, и мы смогли выйти на луг и в лесные заросли, как раз в том месте, где позднее, в третьей пятилетке, начато было строительство самой мощной из трёх Свирских электростанций. Пока наш пароход ожидал вызванного на подмогу мощного буксира, я успел пробраться в густую чащу зарослей берегового леса. Наряду с зарослями ольхи здесь было очень много рябины. Густая, тучная луговина изобиловала, как и по берегам Волхова, жёлтой чиной, белыми метёлками высокой спиреи, крупными стеблями валерианы. Вообще, по первому впечатлению, луговой растительный ландшафт имел привычный для меня вид Новоладожских зарослей на торфяных лугах в районе плитняковых ломок от Званки до Старой Ладogi.

Прибывший мощный буксир с лёгкостью протащил нас вверх через порожиистую часть Свири, и мы вышли, наконец, в Онежское озеро. Несколько часов довольно разнообразная публика экскурсантов с удовольствием оставалась на палубе под греющими ещё лучами августовского солнца. К вечеру мы подходили к Петрозаводской пристани. Завидев пароход с экскурсией ударников, местные профсоюзы вышли навстречу с оркестром. В Петрозаводске наша экскурсия осмотрела работавший в три смены заново оборудованный крупный мебельно-деревообрабатывающий комбинат, побывала в центре города.

В самом лучшем настроении мы вернулись на наш пароход. В 7 часов вечера он взял курс на Повенец, где мы должны были войти в устье Беломорско-Балтийского канала. Но, по-видимому, наш капитан взял

неверный курс: вдали на востоке показались поросшие сосновым лесом островки. Ночью совершенно неожиданно наш пароход сел на подводные камни. Чем больше усилий делалось, чтобы пройти каменную подводную гряду, тем прочнее врезался пароход на камни, тем громче раздавались удары камней о его днище. Наконец мы прочно застряли. Сначала это вызвало тревогу, почти панику. Проходили часы, пароход кренило ветром, его тянули лебёдками за канаты к заброшенным далеко вперёд со спущенных шлюпок якорям. Положение не улучшалось. Ночью ветер усилился. Волны били в борт судна. По временам казалось, что камни, на которых сидел пароход, с такой силой таранят днище, что неизбежно вызовут пробойны. В трюмах работали матросы.

Вся ночь прошла в тревоге и беспорядочной сутолоке. Нас успокаивали, что дана радиограмма о помощи. Проходили ещё часы за часами, дело близилось уже за полдень — о помощи не было никакого слуха. На шлюпках перевезли часть пассажиров (оказавшихся на судне женщин и детей) на ближайший поросший соснами остров. Посадка и выход из шлюпок при изрядном шторме и захлёстывавших волнах вызывали много смеха и немало страха. Прошло уже более полусуток с момента, как мы наварались на камни и бьёмся в бессильных попытках вырваться из беды — и никакой помощи многолюдной экскурсии ценных работников, инженеров. И это не в безбрежном океане, а на небольшом Онежском озере, в нескольких часах плавания от Петрозаводска или на расстоянии двух-трёх лётных часов от Ленинграда! Свежий ветер гнал с запада всё более высокие валы волн. Одному из строительных рабочих из состава экскурсантов пришла удачная мысль подвести длинные кругляки брёвен под дно парохода и прокатить судно по этим брёвнам. Были отряжены на шлюпках добровольцы на остров. Одна за другой валились стройные сосны и на верёвках подтягивались под носовую часть, когда она вздымалась от набегавшей волны. Заработали лебёдки, и при общем ликовании наш пароход скатился с камней!

Пока пароход стоял несколько часов в Повенце, затерявшемся среди глубоко вклинившихся в северный край озера каменных грив и гряд, я успел найти на одной из окраинных улиц избу, в которой проживала одна с двумя малыми сыновьями Фаня, дочь Александра Карповича, брата моей жены — Любови Карповны. Она приехала в Повенец к своему мужу, занимавшему в Повенце должность директора школы. Это была удивительно трогательная, не терявшая никогда бодрости, трудолюбивая семья. Когда мужа не стало, Фаня, имевшая звание учительницы, как окончившая Новозыбковскую женскую гимназию, заменила в школе мужа и одна вела всю школьную работу. В то же время у неё на руках были её сыновья и всё семейное хозяйство. Как всегда неунывающая, деятельная, скорая. Я успел с её мальчиками выйти через огород и прилегающий луг в окружающий «лес». Это были густые поросли ольхи, а между ними целые холмы галечника и торфяные болота.

К вечеру наш пароход отвалил от пристани и вошёл в первый шлюз Беломорско-Балтийского канала. Пароход принял на борт нескольких инженеров — участников строительства канала, и в их числе одного и главных его строителей. Это был человек крупного роста, с открытым, умным ли-

цом и неторопливой речью. В течение нескольких часов он знакомил собравшихся в общей столовой каюте экскурсантов с проектом канала и со всеми трудностями, возникавшими при его строительстве. Только предостережение строителям возможности отступить, когда это было неизбежно, от утверждённого проекта и преодолевать напряжением творческой инициативы некоторые непредвиденные или неправильно учтённые условия позволило всё же одержать в последнем счёте победу над суровой природой и осуществить водный путь между Балтийским и Белым морями. Об этом думал ещё Пётр I, не один раз принимавшийся за это дело.

Шаг за шагом излагал нам рассказчик ход практических мероприятий по подготовке и организации работ. Сама собой становилась понятна неизбежность в этом беспредельно смелом строительстве на ходу заменять предусмотренные проектом металлические конструкции каменными или деревянными, и, вообще, больше рассчитывать на местные материалы, а не на такие, которые пришлось бы ждать месяцы или даже годы. Только решимость и воодушевление, которые вызывались отношением к строителям и к самому делу С. М. Кирова, не дало затянуться и зачахнуть этой стройке.

Нам были показаны в чертежах, зарисовках, фотоснимках и схемах все главнейшие сооружения — плотины и каменные или железобетонные грандиозные шлюзы со всеми их механизмами, образовавшие водохранилища и расширившиеся до размеров целого моря прежние скромные озёра. Затем, в течение последующих двух дней, мы подъезжали и непосредственно сами обходили и осматривали каждое сооружение. Не ускользали от нашего внимания и обнесённые колючей проволокой лагерь и бараки для рабочих, выполнявших все эти циклопические постройки¹.

Смотрели мы также тогда ещё необитаемые домики для будущих рабочих и служащих по эксплуатации канала. Одна мелочь настолько поразила меня тогда, что и сейчас я не могу не сказать о ней. Это неосмысленное упорство наших инженеров и архитекторов, проектирующих и строящих жилые дома без водопровода и канализации! Вместо них ставились колонки на улицах и устраивались выгребные ямы при уборных для собирания и приёма нечистот. У шлюзов, у сливных плотин по берегам канала всюду очень живописно на возвышенных площадках или у верхнего бьефа были разбросаны каменные дома на одну-две семьи. Вокруг каждого дома и ниже его по отметке оставалось сколько угодно свободного пространства; кое-где не столько в натуре, сколько, конечно, на плане — предусмотрена разбивка цветника или посадок, а у дома, обязательно примыкая к его фундаменту, — яма с бетонными или каменными стенками и люком, или крышкой для очистки и выгреба черпаком накапливающихся и загнивающих нечистот. Почему не предусматривалась подача воды из колодца, из буровой скважины или ключа для напорного водоснабжения, для устройства ванны или душа, для крана над раковиной в кухне, для подачи в промывной бачок

¹ Описывая это путешествие в 1953, Захарий Григоревич не решился подробнее остановиться на том, что основной рабочей силой на этой «социалистической» стройке были заключённые, большую часть которых составляли не уголовники, а невинно репрессированные представители «классово чуждых» слоёв населения.

над сиденьем в уборной, как к этому теперь уже привыкли? Зачем у каждого жилья задерживаются, скапливаются, гниют, а затем при вычерпывании издают зловоние и отвозятся куда-то нечистоты, а не отводятся непосредственно и без всякого отстоя, без ямы, по трубе на 25–30 м от дома на небольшую площадку в 60–100 кв. м — в борозды между грядками? Этого ни один из архитекторов толком не объяснит. Он действует по старинке. Всюду сколько угодно торфа, но даже попытки вместо выгребной ямы устанавливать выдвижной ящик с засыпкой торфом нигде не было видно. Господствовала рутинка!

С огромным интересом провели мы несколько часов во время ночной остановки нашего парохода у пристани подле посёлка в сельском клубе, наслаждаясь выступлением кружка самодеятельного вокально-музыкального и театрального искусства.

Целый день пароход, как по морю, проходил затем по озёрам и по образовавшимся вследствие подпора плотинами водохранилищам. Местами из воды выступали верхушки сосен, которые своевременно не были вырублены. Потом несколько часов мы шли по каналу и поздно вечером вышли, наконец, из него. Пройдя по бушующим морским волнам, пароход пришвартовался у причала будущей морской пристани в будущем городе Беломорске, который должен был стать северным окончанием Беломорско-Балтийского канала. Там теперь большой и оживлённый город. Но тогда всё это было ещё в проекте. И сойдя с парохода, мы по прибрежному пустырю, на котором бушевал пронизывающий сыростью холодный резкий ветер, добрались до одиноко стоявшего поезда, чтобы продолжить путь до Кандалакши и Хибиногорска, который был намечен конечным пунктом экскурсии ударников.

Вот мы и в Заполярье. Поезд уже подъезжает к Хибиногорску. Глубоко внизу, как молочно-белая лента, вьётся река Белая, выходящая в Хибиногорске из горного озера Вумчорр. Слева, как чёрная мрачная стена, высятся над городом голые каменистые обрывы горного кряжа Кукисвумчорр. У озера видны трубы и здания завода по переработке апатитов и нефелиновых пород. Справа — утопающие в светлой зелени возвышенности, обращённые склонами на юг. Мы проехали далеко за город и остановились на базе для туристов. Здание с обширной столовой и спальнями с многочисленными кроватями. За зданием — крутые обрывы и спуски к горному ручью и ключам. Вместе с И. М. Мавриным, оказавшимся в пути очень интересным собеседником и общительным спутником, мы тотчас по крутым горным тропинкам добрались до холодных ключей, чтобы освежиться и поразмяться. В этот день мы осмотрели обогатительную фабрику, изготовляющую из апатитов концентрат фосфорной кислоты, ознакомились с флотационным методом, применявшимся на фабрике. Измельчённая порода, после отделения от неё обогатённого апатита и нефелина, мощным потоком спускалась в озеро у выхода из него реки Белой. Именно эта масса белой мути — отходов производства — и делала реку белой, хотя она и вытекала из горного озера с кристально-чистой водой. Осматривая грандиозное строительство Хибиногорска, трудно было представить себе, что всё это выросло, выстроено за два-три года, что ещё в 1929 г. здесь была мало-

доступная первобытная полярная тундра, а теперь перед нами высились многоэтажные здания, работали машины, разбивался на месте арктической тундры городской парк.

Общая экскурсия для осмотра горных разработок в этот день была назначена на более поздние послеобеденные часы, а вся первая половина дня была предоставлена для отдыха на базе. Воспользовавшись свободным временем, я захотел побродить один и попробовать пробраться повыше по склону гор. На этом склоне сохранялась арктическая лесная поросль, виднелись характерные арктические ели с широкой юбкой веток внизу у самой земли и высоким, как столб, стволом с прижатыми к нему короткими веточками. Тысяча гектаров этого прилегающего к туристской базе горного склона была выделена уже тогда советским правительством, как заповедник под арктический ботанический сад.

Поднявшись через полосу лесных зарослей, я вскоре стал продвигаться вверх между каменными грядками и глыбами, покрытыми приземистыми ветками стелющейся берёзы, местами с обилием кустов черники с крепкими деревянистыми ветвями, густо усеянными крупными, как чёрная смородина, ягодами. Обилие влаги, стекавшей с камней и из-под камней, способствовало разрастанию повсюду лишайников. Я упорно пробирался всё выше, обходя чрезмерно заболоченные впадины и стремясь выйти на открывавшиеся ещё выше впереди меня свободные прогалы. Совершенно неожиданно на одну из открытых полей выбежала откуда-то небольшая с серо-жёлтой шерстью собака, а вслед за нею ещё две поменьше. Не обращая на меня никакого внимания, они весело гонялись друг за другом. Совершенно не отдавая себе отчёта в том, что я за два-три часа ушёл уже достаточно далеко от базы и нахожусь уже в полосе заповедника, где никакого жилья нет, я как-то автоматически решил, что в том месте, откуда выбежали эти собаки, есть какая-либо изба или будка и направился в том направлении, довольно долго тщетно пытаюсь напасть на след какой-нибудь тропинки. Стали встречаться целые поляны осыпей, покрытые как будто насыпанной щебёнкой. Попытка моя пройти по такой поляне вызывала движение щебёнки под ногами, при этом начинали двигаться и лежащие выше её слои. Какой-то тревожный шорох слышен был и сзади. Я благоразумно решил пуститься в обратный путь, испытав какое-то незнакомое мне чувство жуткой неуверенности от этого возникавшего вокруг меня шороха приходивших в движение от моих шагов осыпей камушков.

Когда я вернулся к обеду на базу, меня старались убедить, что без проводника уходить вверх выше полосы леса, туда, где начинаются осыпи, небезопасно, а что за собак жёлтой выцветшей масти я принял, очевидно, выводок лисиц, которые людей в заповеднике не боятся, так как там не допускаются никакие виды охоты, да и вообще поводов забираться туда ни у кого нет.

Огромный интерес вызвала у нас экскурсия на апатитнефелиновые рудники в горе Кукисвумчорр. Сама эта гора, высотой почти равная всем известной горе южного побережья Крыма — Ай-Петри, состоит из апатитнефелиновой руды с содержанием до 40 % фосфорной кислоты в апатитах и более 20 % окиси алюминия в нефелинах. Ежедневно в опреде-

лѐнные часы от Кукисвумчорры несѣтся канонада от взрывов частей горы, которые затем разбиваются, дробятся на куски, грузятся прямо в железнодорожные составы и доставляются на обогатительную фабрику. Кроме открытых выемок и разработок мы осмотрели и целую систему врезающихся в разных местах в самое сердце горы штреков и закрытых шахт, оснащённых всеми видами новейших механизмов. Общий вес горы Кукисвумчорр определяется в 300 млн тонн, что составляет более 15 % всего мирового запаса аппатитов. Мы осмотрели также, в общих чертах, и посѐлок горняков. С трудом можно было представить себе, что все грандиозные сооружения горы Кукисвумчорр с подвесными транспортными дорогами и хорошо оборудованными шахтами, с железнодорожной станцией и посѐлком выросли за три – четыре года.

Последний день пребывания нашей экскурсии в Хибиногорске я употребил для ознакомления с планами и фактическим ходом планировки и застройки города, с постройкой городской бани, нескольких уже законченных многоэтажных домов (хотя оставались ещё многочисленные землянки и бараки); с новым строившимся зданием больницы; с положением в городе очистки его от плотных отбросов и нечистот. В ознакомлении со всем жилищно-коммунальным строительством и работами по благоустройству города принял участие вместе со мной также и И. М. Маврин. С восхищением познакомились мы с настойчивой борьбой и упорной работой молодого врача, заведовавшего хибиногорской больницей (по фамилии, если память мне не изменила, Блюменфельд), по устройству компостирования и запахивания для обезвреживания вывозимых из больницы и из других городских жилых зданий нечистот и фекалий. Накопленные за прежние два года на свалках нечистоты, по настоянию этого не санитарного, а больничного врача, пересыпались и хорошо перемешивались с добывавшимся на тех же свалках торфом, и штабеля такого торфо-фекального компоста, после их перепревания в течение нескольких месяцев, шли на удобрение разработанного по настоянию доктора огорода для выращивания свежих овощей. Скороспелая репа дала настолько обильный урожай, что ею не только полностью удовлетворена была больница, но чисто вымытая, круглая, как красивые яблоки, репа была пущена Нарпитом в продажу в уличных ларьках и имела большой спрос среди рабочих заполярного города. Население называло эту репу яблоками доктора Блюменфельда. На тех же удобренных торфо-фекалиями заполярных огородах дала прекрасный урожай в конце августа скороспелая картошка, несмотря на очень краткий период роста (не более 9 недель — июль–август).

Довольно неожиданной для меня была в 1933 г. поездка в Донбасс — в Сталино. Как член Постоянного бюро всесоюзных водопроводно-санитарно-технических съездов, я получил повестку о необходимости прибыть в этот город 24–26 сентября для участия в специальной выездной сессии расширенного состава бюро.

При отъезде из Ленинграда всё говорило о вступившей в свои права осени. Но уже к югу от Москвы, после Тулы, виды из окна вагона напоминали скорее жаркое лето — поля с ещё не отцветшей гречихой, деревья с густой зеленью, без пожелтевших полос. Приехав накануне открытия

сессии, я, прогуливаясь по городу, совершенно не узнавал тех мест, которые я видел и подробно осматривал всего лишь несколько лет тому назад. В 1927 г. я мог ещё видеть во многих кварталах узкие прогоны с выходами из задворков, характерные для прежнего рабочего посёлка Юзовки. Теперь я шёл по улицам большого современного города с пятиэтажными домами, с выдающимися зданиями Горного института.

Сессия Постоянного бюро была открыта в зале заседаний Облисполкома. Главная задача — оказать научно-техническую помощь специалистов исполкому центра Донбасса в осуществлении крупных санитарно-технических мероприятий для ограждения здоровья горняков. В работах сессии непосредственное и активное участие принял Президиум Облисполкома. Для того чтобы положить конец постоянному угрожающему развитию водных инфекций (брюшного тифа, паратифа) в связи с ненадёжным водоснабжением из реки Кальмиус, в кратчайший срок построены были каптажные сооружения для захвата воды из посёлка Кипучая Криница в полусотне километров от города и проведена оттуда маннесманновскими цельнотянутыми стальными трубами в Сталино. Это грандиозное сооружение было незадолго перед тем закончено, и мы выезжали на место для осмотра и заключения о желательных мерах обеспечения зоны водоохраны. При этой поездке к Кипучей Кринице в одной машине с нами ехал председатель Облисполкома. Мы проезжали через степные селения. Всюду мы видели картины ужасающего бедствия — охватившего Украину голода. Во многих домах окна были заколочены. Большая часть полей оставалась незасеянной. Год был тяжёлый, урожая не сняли. Обессилевшие от голода люди умирали или разбрелись. Но, к сожалению, уныния у облисполкомовских работников не было и следа.

В 1930–1935 гг., работая в Ленинградском институте коммунального хозяйства, я входил в состав областного экспертного совета по рассмотрению и выдаче заключений обо всех проектах крупных построек и перестроек в Ленинградской области: зданий общего пользования, коммунальных предприятий, водопроводов, канализационных сооружений, оборудования улиц, и особенно — проектов застройки и планировки новых рабочих посёлков при предприятиях и перепланировки городов. Обсуждение многочисленных проектов в заседаниях экспертного совета поглощало немало времени, но ещё больше времени уходило у меня на тщательное предварительное ознакомление с каждым проектом. При докладах в экспертном совете преобладала архитектурно-художественная точка зрения. На мой взгляд, чтобы создать людям условия для удобной и здоровой жизни, нужно, прежде всего, соответственно оборудовать и оздоровить саму территорию, предусмотреть все условия для беспрепятственного стока верховых вод, для понижения уровня стояния грунтовых вод, для устранения заболоченности и пр. У архитекторов же, не знакомых с учением о благоустройстве городов, эта сторона дела не находила достаточного внимания. На каждом проекте я вступал в борьбу с уклоном к излишествам в проектировании. Работа в экспертном совете брала много времени, но я с большим удовлетворением вспоминаю теперь о ней, десятилетия спустя, так как у меня оставалось сознание, что работа эта не оставалась безрезультатной.

Со времени учреждения при Ленгорздравотделе специального Института социальной гигиены и организации здравоохранения, который вскоре, при наступившем в СССР закате престижа социальной гигиены, сохранил сокращённое название Института организации здравоохранения, меня постоянно приглашали на проходившие в нём заседания и для дачи консультаций по вопросам («темам»), передаваемым в институт для «научной» разработки. Руководили институтом молодые малоопытные в деле организации здравоохранения врачи. Для определения состояния медицинских учреждений требовалось проводить обследование больниц и их оборудования, их расположения в плане города, обеспеченности их больничным двором и садом. Это обследование во второй половине 1934 и в 1935 гг. было проведено мною в сотрудничестве с А. Г. Малиенко-Подвысоцким по подробно разработанной нами программе. Обследование выявило совершенно нетерпимую картину кричащего разрыва между общепризнанными требованиями больничной гигиены и благоустройства и фактическим тяжёлым положением дела. При этом поражало равнодушие руководящего больничного врачебного персонала к обстановке, в которой пребывают в больницах госпитализированные больные. Даже в клиниках ГИДУВа и 1-го Ленинградского медицинского института в палатах на койку вместо 7–8 имелись в среднем только 3–4 кв. м, полностью отсутствовала забота о вентиляции и т. д. Со всем этим больничные врачи вполне свыклись и мирились, и в такой же равнодушии к гигиеническим условиям воспитывались студенты и новые молодые врачи.

В ряде докладов и в моей статье, которую удалось поместить в «Советской врачебной газете» (№ 15, 1935 г.), я стремился обратить внимание органов здравоохранения и врачей на недопустимое неблагополучие с состоянием у нас больничной гигиены и на необходимость добиться коренного улучшения в санитарном благоустройстве и санитарно-техническом оборудовании больниц. Я настойчиво возвращался к этому на заседаниях учёных советов 2-го Мединститута и ГИДУВа. Удалось добиться, что в ГИДУВе каждый семестр устраивались лекции для всех циклов, как санитарных, так и клинических, по больничной гигиене и больничному благоустройству. Эти лекции предоставлено было читать мне.

Много вреда улучшению гигиенического состояния больниц и самой возможности пробудить ответственное чувство у органов здравоохранения за больничное благоустройство причиняло глупое стремление цензуры и самих редакций медицинских изданий не допускать никаких указаний на недостатки и низкий уровень санитарного благоустройства больниц. Редакция харьковского журнала «Врачебное дело» больше года оттягивала печатание посланной мною статьи об обследовании больниц, якобы, как писала редакция, «по независящим от неё причинам». Когда же, наконец, статья была напечатана, из неё оказались вычеркнутыми все фактические данные о недостатках. А в «Гигиеническом сборнике ГИДУВа», вышедшем под моей редакцией, цензор-врач, невзирая на все мои отстаивания, устранил табличку сопоставления результатов обследования ленинградских больниц из статьи А. Г. Малиенко-Подвысоцкого.

Подавляющее большинство больниц в Ленинграде было построено задолго до революции. Естественно, что после революции их нужно было

перестраивать или заменять вновь построенными в соответствии с принятыми новыми нормативами. Показ на основании точного обследования недостатков старых больничных кварталов был необходимым условием для правильного их переустройства. Но цензор Сагалович во всём искал недопущенное преуменьшение заслуг и достижений революции и, на всякий случай, для собственной перестраховки из исследования убирал все указания на такое неудовлетворительное состояние, которое говорило о неотложности его устранения. Такой цензор скатывался до фактического осуществления положения, нарисованного Т. Г. Шевченко, когда «все молчат бо благоденствие».

После ликвидации Сектора гигиены и Отделения социальной гигиены в ВИЭМе, по моему предложению в Институт организации здравоохранения при Ленгорздравотделе была передана библиотека книг и периодических изданий по социальной гигиене и санитарной статистике, а книги и периодика по коммунальной гигиене и санитарному благоустройству были переданы в начинавшую тогда свою работу Лабораторию по коммунальной гигиене, которая позднее расширилась и обратилась в научно-исследовательский Институт гигиены (1934–1937).

В 1935 г. закончилось первое послереволюционное десятилетие деятельности возобновленного в 1924–1925 гг. в Ленинграде Общества гигиенистов и санитарных врачей. (До 1919 г. в Петербурге деятелей здравоохранения, гигиены и санитарной техники объединяло Общество охранения народного здоровья). С большим подъёмом и единодушием подведены были итоги жизни и большой работы Общества за десятилетие на собрании Общества 9 марта 1935 года. Собрание было очень многолюдным и оживлённым. В течение всего первого десятилетия, как и в два последующих десятилетия (до 1953 г.), я был председателем Общества. За десятилетие 1925–1934 гг. из 119 заседаний Общества я принял участие в 116, причём на тридцати из них выступал в качестве докладчика. Когда в 1924 г. довольно многочисленная группа санитарных врачей и представителей гигиенических кафедр обратилась ко мне с предложением о выдвижении моей кандидатуры в председатели Общества, я дал на это согласие, но при обязательном условии, чтобы прежний председатель Общества охранения народного здоровья, наиболее авторитетный в то время гигиенист Г. В. Хлопин, которого многие не хотели видеть председателем из-за его «генеральства» и, как им казалось, «высокомерия», был избран пожизненным членом и почётным председателем Общества гигиенистов. Это условие было принято: Г. В. Хлопин был избран почётным председателем, а председателем правления избрали меня.

Очень скоро сложилось активное ядро руководящих работников, в состав которого вошли Павел Иннокентьевич Левин¹, А. И. Штрейс, Г. Я. Бельский, Ярошевская, несколько позднее, после возвращения из ссылки в Среднюю Азию — Г. И. Дембо, главный инженер ленинградского водопровода К. П. Ковров и др. В первые же годы удалось очертить круг основных проблем санитарного дела, гигиены и благоустройства: осуществления коренного переустройства и расширения водоснабжения в Ленинграде;

¹ Левин Павел Иннокентьевич (1866–1939) — химик, профессор.

строительства рациональной канализации (Ш. К. Чижов, А. В. Врублевский и др.); санитарной мелиорации территории города (А. С. Никольский и др.); ограждения от наводнений (профессор Советов); планировки городского жилищного и школьного строительства; переустройства и оздоровления старых кварталов; оздоровления больничных кварталов; решения проблемы снабжения населения города молоком, мясом, овощами; строительства хлебопекарных заводов, фабрик-кухонь и пр.

Ко всем этим вопросам, также как и к вопросам организации санитарного дела и здравоохранения, охраны материнства, младенчества и детства, вызвано было и постоянно поддерживалось внимание рядовых санитарных врачей и широких кругов работников гигиенических кафедр и институтов. Наряду с этим Общество пробудило деятельный интерес к теоретическим вопросам гигиенической науки, к успехам научно-исследовательских работ в области раскрытия зависимости здоровья населения от условий социальной среды и быта.

Неослабно занимали внимание Общества проблемы борьбы с туберкулёзом, алкоголизмом и другие вопросы социальной патологии и социальной гигиены. В этот период я считал своей обязанностью каждый год выступать с обзором важнейших успехов за год в области научной гигиены и практического санитарного дела и оздоровления населения, как в нашей стране, так и за рубежом. Мой обзор привлекал многочисленную аудиторию и пользовался большим вниманием. Для его составления я систематически прочитывал из месяца в месяц нашу и зарубежную литературу, в том числе непременно все научные журналы и газеты, а также до десятка различных санитарно-инженерных и научно-гигиенических немецких, английских и американских периодических изданий.

В двадцатую годовщину смерти Ф. Ф. Эрисмана, друга и товарища Е. А. Осипова по строительству нашей общественной медицины и одного из основателей у нас кафедры современной научной гигиены, я выступил с докладом о нём в ленинградском Гигиеническом обществе и очерк мой «Эрисман, как выразитель высшего гигиенического синтеза» удалось напечатать в «Ленинградском врачебном журнале» в 1936 г.

Много труда затратил я, стараясь убедить работников советского здравоохранения и теоретиков советской социальной гигиены добиваться включения в обнародованный в 1936 г. проект Конституции СССР особой статьи: наряду со ст.ст. 118 и 119 о правах гражданина социалистического общества на труд и на отдых — также «права на здоровье». Ни доклад мой по этому вопросу в Ленинградском отделении Гигиенического общества, ни письма, посланные моим влиятельным друзьям, никакого видимого действия не оказали. Но я и теперь остаюсь при твёрдом убеждении в правильности моего предложения.

В 1935–1937 гг. в работах ленинградского Института коммунального хозяйства заметное место занимали обследования ведущегося в широких размерах школьного строительства в целях выработки планировочно-строительных нормативов и обеспечения необходимого благоустройства и оборудования школьных зданий, участков и кварталов. Я принимал очень активное участие в этих обследованиях.

При проектировании школ труднее всего было добиваться соблюдения нормативов о школьных садах, площадках и об озеленении прилегающих участков. При обследовании вновь построенных зданий в разных частях города, особенно в периферических его районах (Полюстрово, Лесном, на Петроградской стороне), но также и в некоторых центральных районах, бросались в глаза полное отсутствие внимания и заботы как у строительных организаций, так и у школьного ведомства и органов коммунального хозяйства, к вопросам благоустройства окружающей территории. В осеннюю слякоть и в весеннюю распутицу, идя в школу, дети вязли в грязи, попадали в лужи и, естественно, это отражалось на загрязнении раздевалки и других школьных помещений. Я настаивал на том, что устройство хотя бы нешироких, в 1–2 м шириной пешеходных полос, хорошо ограждённых от затопления лужами и грязью, должно считаться задачей при всех условиях наиболее неотложной. Отстаиванию первоочерёдности безотлагательного строительства тротуаров на жилых улицах и изложению нехитрой техники и механизации в этом деле я посвятил специальную статью в изданном ЛИКХ сборнике «Строительство Ленинграда» (1938. № 1).

Лето 1936 г. памятно тем, что я, наконец, осуществил давно задуманный мною план навестить вместе с сыном Иликом моих старух-сестёр в Остре. После такого трагического крушения Попенковского гнезда¹, Вере восстановлена была в конце концов её пенсия народной учительницы. Вместе с Соней жили они в Остре, в уступленной им небольшой комнате в домике бывшей сослуживицы Веры по работе в земской школе. Вера упорным трудом обратила в огород с несколькими грядками прилежавшую к окнам жилья часть двора и здесь же держала несколько ульев. Пчёлы были её страстью, и в трудное время мёд выменивался на кусок хлеба. Я не представлял себе, как могла жить Вера, с её неукротимой неуёмной потребностью в общественной работе, в оторванности от школы, в вынужденном уединении. У нас установились полные взаимного уважения постоянные отношения, поддерживаемые регулярной перепиской. Правда, письма — обстоятельные и подробные, согретые тёплой лаской, писала Соня. Вера всегда в письмах была немногословна. Я с неизменной регулярностью посылал едва покрывавшую потребность их скромной жизни сумму — 300–350 рублей в месяц. И так же регулярно Екатерина Ильинична снаряжала и отправляла далёким «старухам» посылки: два–три килограмма муки и сладкое. Вера, никогда в жизни ни от кого не принимавшая помощи, полагаясь только на свой труд и личный трудовой заработок, примирилась с необходимостью и рассматри-

¹ С началом коллективизации проживавшие на хуторе Попенки Вера Григорьевна и Софья Григорьевна подверглись жестокому преследованию со стороны местных властей. Несмотря на активное участие их братьев и сестры Евгении в революционном движении, их хозяйство (4 десятины под садом и огородом) было объявлено «помещичьим, кулацким»; Веру Григорьевну лишили пенсии, обеих сестёр лишили избирательных прав и, наконец, 18 сентября 1931 они в 24 часа были выселены из родного дома и вынуждены были скитаться по съёмным комнатам в г. Остре. Лишившись средств к существованию, старые женщины сильно бедствовали, особенно во время ужасного голода на Украине в 1932–1934 и смогли выжить только благодаря помощи Захария Григорьевича и посылкам Евгении Григорьевны.

вала присылку денег от меня, как небольшую прибавку к слишком скудной пенсии народной учительницы, прибавку, выплачиваемую из того же народного источника одним из тех, на кого она тратила свою трудовую энергию в лучшие годы своей полной самоотречения и ригоризма жизни.

Путешествие с Иликом всеми видами транспорта — на аэроплане, на пароходе, по железной дороге, через Москву и Киев, из Киева по реке Десне в Остёр, чтобы остаться там одну-две недели — было запланировано мною, как награда сыну за успешное окончание средней школы, которое обеспечило ему поступление без экзаменов в Электротехнический институт. Ярко встаёт в памяти свежее солнечное июльское утро, когда мы подъехали к аэродрому и не обнаружили на поле ни одной транспортной авиамашинны. Кроме нас ни одного пассажира не было. После выполнения обычных формальностей нас проводили к маленькому самолёту. Мы вошли в двухместную кабину с небольшими окнами с двух сторон и ещё меньшим оконцем в полу впереди ног. Совсем молоденький военный лётчик помещался непосредственно перед нами. Когда машина понеслась по беговой дорожке и незаметно оторвалась от земли, Илик, не отрываясь, смотрел в оконце, стараясь ориентироваться в открывавшейся картине местности. Мир волшебной сказки наяву. Мы несёмся на ковре-самолёте. Внизу под нами необъятная по своим размерам географическая карта. Синеют озёра среди густой зелени лесных порослей. Извивается лентой рассекающая их река. Прямой линией выделяется железная дорога. То перед нами, то сбоку бежит серое пятно тени от нашего самолёта...

Лётчик оказался очень общительным товарищем, он часто оборачивался к нам, указывая вперёд, говорил что-то, но шум мотора совершенно заглушал его голос. Часа через полтора мне показалось, что мы уже пронеслись над станцией Бологое и большими озёрами. Надвигалась и заволакивала небо туча. Лётчик обернулся и указал рукой вверх. Очень скоро мы погрузились в туман, а затем над нами засияло солнце и голубое небо, а внизу не видно было ничего, кроме белого полога тумана. Лётчик торжественно показал знаками, что он пронзил тучу и идёт над нею. До спуска на Московском аэродроме прошло с момента нашего вылета ровно 3 часа. В 10 часов мы уже ехали на автобусе по Москве. Пройдясь по центральной части столицы и осмотрев новые здания, мы затем на метро приехали на Казанский вокзал и отправились на дачу к моей сестре Жене.

При всех моих поездках, независимо от их целей, я всегда старался воспользоваться представлявшимися возможностями непосредственно, путём личных осмотров и наблюдений тщательно знакомиться с новым строительством жилых и общественных зданий, сооружений по санитарной технике, благоустройству и на месте собирать сведения о достижениях нового строительства. И в данном случае, ещё составляя план моей поездки, я предусмотрел воспользоваться тремя-четырьмя днями нашего пребывания в Москве для осмотра при содействии Института гигиены им. Эрисмана и Академии коммунального хозяйства всего нового столичного строительства.

Намеченную программу я выполнил во всём объёме. Я осмотрел грандиозные гидротехнические сооружения, построенные в связи с открытием канала Москва-Волга, перепланировку набережных Москвы-реки и по-

стройку новых мостов; осмотрел несколько зданий новых школ, побывал в Парке культуры и отдыха, где подробно ознакомился с детским городком, с общедоступным душевым павильоном. Слишком много понастроено зданий и дорог в передней части Парка им. Горького, так что утрачивается впечатление, прежде всего, именно «парка». Только в далёкой части сохранились парковые аллеи бывшего Нескучного сада.

После подробного осмотра строительства Центрального театра Красной Армии я выезжал на станцию Яуза для ознакомления с работой опытных установок для обезвреживания городских домовых отбросов камерным способом. Бросилось в глаза накопление целых гор перегноя, выгруженного из камер. Самотёком перегноя никто не разбирает; об организации этого дела своевременно не подумали. Целый день был потрачен мною на изучение некоторых отделов замечательной строительной выставки на Фрунзенской набережной.

Свободное от осмотров время я проводил вместе с Иликом на даче у сестры на станции Удельная Московско-Казанской железной дороги, примерно в часе езды от Москвы. От вокзала до дачи приходилось минут двадцать идти по лесной дорожке. Дача располагалась на участке елового леса. Нас с Иликом разместили в небольшом летнем помещении, состоявшем из одной комнаты. В этой постройке летнего типа жил до смерти мой старший брат Яков. Как участник кооператива застройщиков дачных участков, он был пионером разбивки огорода, на котором выращивал замечательные огурцы, помидоры, землянику. На отведённом ему, как пенсионеру, участке он построил временное помещение, утеплил его и жил в нём не только летом, но и зимой. Свободную от леса часть участка он собственноручно разделил под ягодник и огород. Но мне не удалось свидеться со своим старшим братом: незадолго до нашего приезда, переходя железнодорожные пути, он попал под поезд. После его трагической смерти разработку его участка продолжала его дочь — Маруся Лодыгина. Сестра Женя проводила на даче летнее время. Несмотря на то, что кооператив состоял из интеллигентных старых революционеров, никаких следов коллективного благоустройства в дачном посёлке не было. Дороги были не замощены. Питьевую воду забирала из колодца своими вёдрами и вручную носили по дачам.

В кругу семьи моей сестры мы провели около недели. Отдыхали на траве среди елей, раза два участвовали в довольно отдалённых прогулках в лес за грибами и цветами. Затем, вернувшись в Москву, приобрели билеты на самолёт, отлетающий на рассвете.

Путешествие из Москвы до Киева на большом самолёте при чудесной лётной погоде прошло незаметно быстро. От аэродрома в Броварах под Киевом на автобусе мы проехали по новому мосту через Днепр в Киев. На пароходной станции на Днепре, на Подоле, мы запаслись билетами для проезда в Остёр на Десне. Оставив вещи на речном вокзале, мы пошли смотреть город. Поднялись на Владимирскую гору. Стояла нестерпимая июльская жара. Преодолевая изнеможение от жары и усталости, от лишённой сна ночи и чрезмерно насыщенного впечатлениями утра, мы добрались по круто поднимавшимся в гору улицам до дома, где жил Авксентий Васильевич Корчак-Чепурковский. К счастью, Авксентий Васильевич оказался дома. За

полтора–два десятка лет, что я его не видел, он сильно постарел и ослабел. Но он очень оживился при старых воспоминаниях о Пироговских съездах, интересовался всеми, кто ещё оставался в живых. Узнав, что мы направляемся в Остёр, он обещал приехать, чтобы обстоятельно и подробно поговорить о Пироговском наследии и новой советской социальной гигиене.

Из широкой глади Днепра, пароход, держась больше противоположного Киеву берега, незаметно вышел в мутные белые воды Десны. На рассвете пароход остановился у причала пристани в Остре.

Мы провели всего лишь немногим более недели тихого счастливого отдыха у сестёр. Упорной работой Вера, которой было уже около 80 лет, преодолевала все трудности и трогательно создавала уют для Сони и радушный приём для нас. Вера была в курсе всех нужд, всех мелочей и условий жизни окружающих остёрских «простых» людей. Я с интересом знакомился с новой жизнью когда-то захолустного уездного городка.

Вскоре после приезда я с сыном предпринял путешествие по хорошо мне известной со времён детства дороге от Остра до Козельца (около 16 км). По её сторонам мы видели несколько вновь насаженных колхозных садов. Но на том месте, где когда-то был наш, примыкавший к дороге сад, обсаженный густым рядом белых акаций, где стоял дом, сарай, клуня, где была аллея из пирамидальных тополей, пруд — одним словом, где были «Попенки», и где похоронена была так неустанно, от рассвета до поздней ночи работавшая моя мать, где был затем похоронен и мой отец, — там было совершенно голое пустовавшее поле (толока), поросшее мелкой сорной травой. Только оставшийся колодец напоминал о когда-то бывшем здесь жильё. В то время (1936 г.) незадолго зародившийся в этом месте колхоз ещё не окреп настолько, чтобы перейти к рациональному сельскому хозяйству — освоению прежних усадебных земель. С ноющей болью обошёл я вдоль и поперёк ту земельную площадь, с которой было связано у меня столько воспоминаний, и на которой не осталось никаких следов прежней, безвозвратно канувшей в прошлое жизни.

Мы прошли затем пять километров по этому же Остёрскому шляху до Козельца. Там я посмотрел собор постройки елизаветинского периода и подле него почтовую контору, где когда-то во времена русско-турецкой войны 1878 г. я с жадным нетерпением получал «Сын Отечества» и «Голос», чтобы вычитать вести о ходе войны. Прошёлся и по уцелевшей улице до «гребли» (плотины), по которой ходили мы в городскую школу. Зашёл в один из домов, где жила переселившаяся из Борок бойкая когда-то Варя Закревская¹, оказавшаяся теперь старой обездоленной одинокой вдовой.

¹ Представительница семьи графов Закревских, в одном из поместий которых в Борках служил когда-то управляющим отец Захария Григорьевича — Григорий Андреевич Френкель. Как свидетельствуют документы Киевского охранного отделения, в 1904 г. дочь помещицы Закревской Вера и её муж Сорокин имели тесные связи с Киевским комитетом РСДРП, одним из руководителей которого был старший брат Захария Григорьевича — Яков Григорьевич, и участвовали в распространении нелегальной марксистской литературы, а в усадьбе в Борках была явочная квартира (см.: ГАРФ. ДП. Ф. 102. Дел-во О.О., 1904. Оп. 232. Д. 5. Ч. 3. Л. А. Л, 83).

На этом закончилась моя экскурсия в давно умершее, ушедшее в царство теней, прошлое, обратившееся в *umbra et humus* (в тень и прах) по Го-рацию; в то прошлое, которому никакая фантазия и никакое поэтическое вдохновение не вернёт живой крови жизни.

Авксентий Васильевич Корчак-Чепурковский, как он и обещал, приехал с одним из своих близких товарищей по Украинской Академии наук. Мы провели вместе целый день в Остре, ходили перед обедом купаться в Десне, катались на лодке, гуляли по задесненским заливным лугам с такими характерными разбросанно высящимися на этих лугах «осокорями» (яворами). В Остре в то время отдыхал на даче тогдашний президент Украинской Академии наук Александр Александрович Богомолец¹. Корчак-Чепурковский не оставлял мысли перетянуть меня из Ленинграда в Киев, о чём говорил со мною и несколько раз писал также и Д. К. Заболотный. Но я отвечал на это категорическим отказом.

Для того чтобы повидаться со мною, приехал в Остёр к сёстрам брат мой Сергей. Как в далёкие годы детства, мы каждый день ходили купаться в реке Остре, но теперь мы уже были не 7–15-летние мальчики, а всего уже навидавшиеся и испытывшие в жизни, но ещё полные сил и неутомимого желания работать люди, приближавшиеся к 70-летнему возрасту (мне шёл уже 67-й год, а Серёже — 69-й). С трогательной привязанностью и любовью относился Серёжа к сёстрам, особенно было о чём вспоминать нам с Верой, которая в годы нашей учёбы в Козельце заменяла нам нашу мать.

После 1936 г. я больше уже не виделся с Серёжей, и до меня мало доходило вестей о последних годах его жизни. Только в 1955 г., в связи с моим 85-летием, я получил письмо от старшей из внучек Сергея, в котором она писала:

«Уважаемый Захар Григорьевич! Вы, вероятно, не помните девочку, которую Вам приходилось видеть более двадцати пяти лет тому назад, когда Вы приезжали в Харьков и гостили у Вашего брата в Высоком посёлке. С тех пор прошло много перемен. Тогдашняя маленькая девочка уже сама имеет 2-х девочек, закончила медицинский институт и работает коммунальным санитарным врачом, занимается планировкой населённых мест и охраной атмосферного воздуха в Харьковской области. Этой девочкой была я.

Может быть Вам, имеющему позади большой путь врача, учёного, деятеля санитарно-гигиенического дела, будет приятно получить приветствие от молодого врача, только недавно вступившего на этот путь.

Сообщаю Вам о последних годах жизни моего дедушки и бабушки и об их семье. Последний раз Вы видели брата в 1936 году — за 4 года до его смерти. Последние годы он всё время болел. Ему нужно было закончить операцию, связанную с удалением простаты. Первый этап этой операции он сделал, но от последующих этапов категорически отказался. Очень боялся операции. Разрастание простаты и послужило причиной постепенно-го угасания организма, в конце концов, приведшее к тяжёлой уремии.

¹ Богомолец Александр Александрович (1881–1946) — патолого-физиолог, академик. С 1932 президент АН УССР. С 1942 вице-президент АН СССР.

Последний год жизни его был омрачён ещё тем, что он почти полностью потерял зрение (катаракта), даже увеличительное стекло, кроме очков, с помощью которого он пытался читать, не помогало ему, это подкосило его морально.

У него появилось какое-то безразличие ко всему, так несвойственное его глубокой натуре, необыкновенно большой душе, пылливому уму натуралиста. Мне легко писать Вам так о нём. Только тот, кто не знал его близко, счёл бы, может быть, мои слова за идеализацию и высказывание не беспристрастно, но Вы ведь знали его больше меня, ближе знали его внутренний мир, и у Вас эти слова найдут отклик. Для меня и прежде, и теперь облики дедушки и бабушки являются идеалом лучшего; и впоследствии людей, подобных им, я уже не встречала.

Но буду продолжать. Единственное, что несколько развлекало деда — это радио. Он слушал радиопередачи сначала сидя у письменного стола, а затем лёжа в постели, причём до последнего дня он был уверен, что войны не может быть. Умер он 17 апреля 1940 г. — 72 лет.

Лидия Борковская».

Большим горем для меня в 1938 году была ошеломившая своею неожиданностью смерть Саввы Артёмовича Самофала. Известие о его смерти и предстоящем дне его похорон получено было мною из Воронежа в марте от дирекции воронежского Лесокультурного института.

В качестве профессора этого института и декана факультета Савва Артёмович в течение нескольких лет со свойственной ему настойчивостью и энтузиазмом отдавал свои силы не только научно-исследовательским, но и организационным работам по устройству самого института и подъёму общественной и культурной жизни студенчества и преподавательского персонала. Насколько высоко ценил я Савву Артёмовича, как человека науки и как выдающуюся высокими качествами личность, видно из моей телеграммы, посланной в институт на полученное извещение о смерти Саввы Артёмовича:

«Воронеж, Лесокультурный институт, директору Рычкову

Потрясён и глубоко опечален безвременной кончиной выдающегося учёного, исследователя, биолога, замечательного человека, верного сына народа профессора Саввы Артёмовича Самофала. Искреннее соболезнование Институту по поводу этой невозполнимой утраты. Пусть неумирающий обаятельный образ неутомимого исследователя, всегда воодушевлённого творческой синтетической мыслью, монолитного честного большевика-общественника с несгибаемой волей к упорному труду, поднявшегося из подлинной народной толщи до высших ступеней научного творчества и общественно-политической культуры, остаётся живым ведущим примером для смены.

Профессор, доктор медицинских наук
Захарий Френкель».

Моё знакомство, скоро перешедшее в основанную на глубоком взаимном уважении дружбу, с Саввой Артёмовичем имело более чем десятилетнюю давность. В начале лета 1925 г. произошёл совершенно неожиданный для меня разговор со мной младшей нашей дочери Лёли, бывшей тогда студенткой Лесотехнической академии, о том, что она хотела бы познакомить

меня с одним из ассистентов Лесного института С. А. Самофалом, которого они считают очень оригинальным и серьёзным человеком, вышедшим из народной среды и с которым у неё складываются дружеские отношения¹.

Не скажу, чтобы при первом знакомстве с С. А. Самофалом он произвёл на меня значительное впечатление. Однако позднее, когда после женитьбы на моей дочери Савва Артёмович жил в одном с нами доме, я открыл в нём человека далеко незаурядного. Его мысли постоянно были заняты глубоким и беспристрастным анализом и обобщением всего, что он осваивал в науке, в философии и в развёртывавшейся вокруг него жизни. Помимо чтения лекций он заведовал в Лесотехнической академии станцией по отбору лучших семян. Но собственными опытами и статистико-математической проверкой результатов выращивания сосны и дубов из семян отборных и менее качественных, он убедился в решающем значении более счастливых условий последующего развития растений. Его называют Мичуриным в лесоводстве. Из своих опытов он сделал выводы для культивирования растительных организмов, аналогичные взглядам социальной гигиены в её борьбе с так называемым «социальным дарвинизмом» и «евгеникой». Савва Артёмович привлекал меня своей прямоотой и мужественным смелым характером. И я искренне считал его одним из лучших своих друзей.

Предвоенные годы (1938–1941). Арест и заключение

Уже в 1937 г., но особенно в 1938 г., всё чаще, всё непонятнее и неожиданнее становились случаи внезапного ареста и заключения в «Большой Дом» (БД)² партийных и непартийных работников советских учреждений, научно-исследовательских институтов и преподавательского персонала. Каждый день называли всё новых и новых лиц. Я не верил всяким слухам, считал, что молва всегда раздувает и преувеличивает тревогу.

¹ Савва Артёмович Самофал родился в 1885 в бедняцкой украинской семье. Рано остался сиротой, был подпаском. В 9 лет один ушёл в Харьков. Был певчим в церковном хоре, работал в лесничестве. Затем поступил и с отличием окончил лесную школу, где его заметил профессор В. Д. Огиевский и пригласил к себе в Петербург. Там С. А. экстерном сдал экзамены за курс гимназии и поступил в Лесотехническую академию. Учёба была прервана начавшейся 1-й мировой войной. Окончив школу прапорщиков, С. А. попал на Северо-Западный фронт, дослужился до звания штабс-капитана. За мужество и боевые заслуги был награждён орденами Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира. В 1918 вернулся к учёбе, но вскоре был призван в Красную Армию. Воевал на разных фронтах, кончил службу в 1922 в должности начальника Разведуправления Северо-Кавказского фронта. Только в 1923, в возрасте 38 лет, С. А. закончил Лесотехническую академию и сразу активно занялся научно-преподавательской работой. За короткий срок он стал признанным учёным-лесоводом. Став профессором, он с 1931 до своей смерти в 1938 заведовал кафедрой лесных культур в Лесокультурном институте в Воронеже.

² Так в Ленинграде в годы репрессий называли здание НКВД на ул. Воинова (Шпалерной).

Однако для меня несомненным был совершенно уже невероятный арест Б. Ф. Дидрихсона. Супруга его со страданием рассказала мне, как пришли к ним, произвели обыск, не нашли ничего предосудительного, но тем не менее арестовали и увели в БД, не предъявив никакого обвинения и не сказав вообще, за что и для чего. Борис Фёдорович был искренний почитатель Сталина, восхищался советскими успехами, с внутренним умилением говорил о великом переломе и социалистических достижениях, закрепляемых под сталинским руководством. Ещё более непостижимым стал столь же неожиданный арест директора 2-го Ленинградского медицинского института Вольфсона — преданного члена ВКП(б), с энтузиазмом проводившего всегда и все директивы партийных органов. Затем последовал арест заведующего Горздравотделом — спокойного, настойчивого партийного работника Богена. Говорили об аресте таких законопослушных профессоров ГИДУВа, как Велановский, Цукерштейн и др. Аресты и заключение в БД с каждым днём ширились и захватывали всё новые круги. Говорили, что берут и увозят в Большой Дом людей без всякой связи с их взглядами и деятельностью: директоров заводов и просто рядовых инженеров, профессоров и случайных научных сотрудников. Нельзя было ничего понять. Говорили, что все держат наготове чемодан со сменой белья, одеялом и подушкой на всякий случай. От природы я не беззаботный аркадский пастушок, я всегда жду всего худшего, но на этот раз у меня ни разу не проскользнула мысль, что беда может свалиться и на мою голову...

Я весь без остатка отдавался профессорской работе в рамках общих заданий и директив; со всею добросовестностью работал в Институте коммунального хозяйства по разработке вопросов санитарного благоустройства Ленинграда. В течение многих лет все мои сотрудники, ученики, как и все вышестоящие работники, видели мою преданность делу социалистического строительства и готовность без устали работать. Одинаково и директор НИИКХа И. М. Маврин, и директор ГИДУВа Н. А. Виноградов, мой бывший ученик по 2-му ЛМИ, близко видевшие и знавшие мою работу, ценили не только мои знания, но и мою заинтересованность в успехе социалистического строительства.

Летом 1938 г. Любовь Карповна с моей старшей дочерью Зиной и внучкой Любочкой были в Крыму для обеспечения противотуберкулёзного лечения, в особенности Любочке. Возвращаясь после рабочего дня на «Полоску», я после короткого послеобеденного отдыха по многу часов отдавался работам в саду и огороде. Всё домашнее хозяйство вела оставшаяся со мной на «Полоске» моя младшая дочь Лёля. В конце июля и затем в августе в Ленинграде стояла невыносимая жара. Воскресенье я обычно проводил в Пушкине у Екатерины Ильиничны, совершая прогулки по паркам и в окрестностях с Иликом. Как-то после лекции очередному циклу санитарных врачей в ГИДУВе в конце июля я торопился на трамвае по Кирочной улице, чтобы пересесть у Литейного на автобус к Витебскому вокзалу. Я обратил внимание, что при попытке выйти из трамвая меня сильно зажали со всех сторон несколько вскочивших через переднюю площадку молодых людей, которые затем, оттолкнув меня в дверь вагона, сами в вагон не вошли. Когда я затем хотел посмотреть на часы, чтобы проверить, не

опаздываю ли я к поезду, оказалось, что петля моего жилета, через которую было продето кольцо цепочки от часов, прорезана и ни часов, ни массивной цепочки не было. В течение многих десятилетий была у меня привычка так, по-старому, носить часы. Самые часы были мне дороги как подарок, сделанный в память первого пребывания нашего за границей. Мне сразу стала ясна вся процедура ограбления у меня часов. Я вспомнил, что когда я поднялся, чтобы выйти через переднюю площадку, сидевшие подле меня развязные молодые люди быстро устремились к выходу через заднюю дверь. Это именно они вскочили при остановке вагона на переднюю площадку, зажали меня, проталкивая народ в вагон, успели прорезать петлю, захватить часы и быстро скрылись за углом Литейного проспекта.

У меня нет пристрастия к вещам, но эта потеря сильно испортила мне настроение. Вернувшись в понедельник с работы на «Полоску», я принялся проверять себя, не забыл ли я часы, уезжая в субботу. Их, конечно, ни на столе, ни в ящиках не оказалось. В то время, как я всё ещё был занят поисками, в комнату вошёл какой-то человек в сопровождении двух других. Он предъявил приказ об обыске у меня и о моём аресте. Обыск он производил в высшей степени поверхностно. Очень мало интересовался бумагами, тетрадями, папками, взял мой паспорт и предложил следовать за ним. Я понимал злую мою участь. Моя самоотверженная милая Лёля твёрдо и настойчиво пререкалась с посланцем Большого Дома, старалась потом влить хоть луч надежды в моё сознание, трогательно ободряла меня, следуя долго за извозчиком, на котором меня увозили. Никогда не забыть этих минут расставания 20 июля 1938 г., когда я покинул Лёлю одну на «Полоске».

В Большой Дом меня ввели со Шпалерной улицы в отделение, где под охраной тюремной стражи ожидало уже несколько таких же, как и я, постигнутых злым жребием. У стола снимал оттиски пальцев приставленный к этому делу распорядитель. Он подозвал меня грубым окриком, после изъятия у меня из карманов всего, что там было (кроме носового платка) и составления описи, в которую были внесены и отобранные у меня очки, срезал все пуговицы от пиджака и брюк, так что штаны мне пришлось поддерживать рукой; выдернул из ботинок шнурки и заставил меня сделать оттиск пальца на особом, покрытом печатной краской, листке.

Обращение его со мною вызвало у меня воспоминание о работе бойцов в зале для убоя скота. Ему совершенно безразличны были всякие мои чувства и недоумение от неожиданности совершаемых со мною и моим туалетом процедур. Затем я был поставлен в один из стоявших у стены фанерных шкапов. Дверь шкапа захлопнули. На все мои вопросы следовал окрик: «Жди!». Прошло мучительно долгое время (более часа), я изнывал от жажды и жары. Наконец дверь шкапа отомкнули и тюремный страж, предшествуемый тем самым чином, который привёз меня из дому, провёл меня по лестницам и коридорам к камере, в которую я был помещён.

Камера была переполнена заключёнными, стоявшими тесными группами вокруг столов и сидевшими вплотную друг к другу на скамьях вдоль стен. Было невыносимо душно. Казалось, что в этой давке и сутолоке нельзя прожить и часу, и я бы не мог поверить никому, что в этих условиях протянутся дни и ночи моей жизни в течение восьми нескончаемо длившихся месяцев

моего существования, полного невообразимых мучений и растаптывания последних намёков на человеческое достоинство.

Лязг железных засовов и замков тяжёлой двери стих, и я с моим небольшим тюком (подушка, лёгкое одеяло и летнее пальто, смена белья и кусок хлеба)¹ остался стоять, за неимением места, где бы можно было сесть, окружённый задававшими мне самые различные вопросы моими собратями по несчастью. Их всех интересовало, что пишут в газетах, что делается в институтах, знают ли, что здесь бьют неповинных людей. Один из говоривших при этом успокоительно добавил: «Ну, вас-то, конечно, бить и калечить при допросе не будут, ведь вы уже старик (мне было 69 лет), да ещё и профессор, хотя заявляли другие — в соседней камере сидит профессор уже 73-летний, а его бьют, это — как кого».

Нашлись милосердные души, которые достали стакан воды и занялись устройством для меня места где-либо на скамейке, чтобы мне можно было положить вещи и сесть. Эту помощь мне оказал Александр Александрович Штакельберг². Услышав мою фамилию, он подошёл ко мне, сказал, что хорошо меня знает по рассказам своего отца, работавшего в Музее города. Сам Александр Александрович — зоолог Академии наук — толком не знает, по какому поводу он уже довольно давно находится в БД; думает, что причиной является его фамилия. Он переговорил с сидевшими на одной скамье научными работниками П. Н. Берковым³ и с Д. Д. Максutowым⁴ и с их согласия я был втиснут на ту же скамейку.

Поздно вечером я был вызван «к следователю». Мне заданы были вопросы для заполнения анкеты: где я работал, в каких именно институтах, с какого года читаю лекции, о моём семейном положении и пр. Никаких указаний, за что я арестован или какое предъявляется мне обвинение, сделано мне не было. Когда меня вернули в камеру, мои соседи с тревогой спрашивали, не били ли меня. Нет, меня ни о чём не допрашивали, а довольно сухо и мирно предложили дать сведения для заполнения анкетного листа.

Всю ночь доносились раздражающие душу вопли и крики, и я без объяснений понимал их причину и смысл. Но подсознательно у меня откуда-то непроизвольно явилась надежда, что я буду избавлен от этих мук. Я, ведь, ни с кем никаких знакомств не поддерживал, все силы со всею искренностью отдавал советскому строительству; неизбежно, непременно выяснится вся нелепость, необоснованность каких бы то ни было подозрений в отношении меня, и меня отсюда выпустят.

¹ По воспоминаниям Валентины Захаровны, делавший обыск сотрудник НКВД не велел З. Г. Френкелю брать с собой никаких вещей, но один из охранников шепнул ей: «Соберите, соберите какие-нибудь вещи, пригодятся...».

² Штакельберг Александр Александрович — российский энтомолог, в 1920–1942 работал в Зоологическом музее АН СССР.

³ Берков Павел Наумович (1896–1969) — литературовед, член-корреспондент АН СССР.

⁴ Максutow Дмитрий Дмитриевич (1896–1964) — оптик, член-корреспондент АН СССР, специалист по астрономической оптике. Изобрёл менисковые оптические приборы (телескоп Максutowа).

Несколько дней на допрос меня не звали. Я успел освоиться с совершенно кошмарной обстановкой. В набитой людьми до невероятного переполнения камере было более 140 человек. Был один водопроводный кран с раковиной для умывания. И рядом, тут же, открыто, находился один на всю камеру гончарный приёмник, заменявший сиденье, для испражнения. Была постоянная длинная очередь, чтобы сесть на это сиденье. Для меня было настоящим истязанием публично сесть и выслушивать нетерпеливые упрёки и требования прервать испражнение, чтобы дать возможность воспользоваться тем же устройством накопившейся очереди тех, кому нужно только помочиться.

В течение всего дня в камере то и дело происходили перебранки между отдельными обитателями, вызванные теснотой и неизбежными в этих условиях столкновениями. Бранные слова самого грязного и отвратительного характера постоянно висели в воздухе. Большинство заключённых курили и за неимением табаку часто дымили, набивая поднимаемые с пола окурки всяким мусором. Воздух был совершенно невыносим, но окна были наглухо закрыты. Приходилось ложиться на грязный, заплёванный пол, чтобы вдохнуть более свежую струю воздуха, прорывавшуюся из коридора через щель под дверью. Несколько первых дней у меня совсем не было ощущения голода и позыва на еду. От постоянного потения хотелось пить, и я испытывал безграничную признательность Александру Александровичу, делившемуся со мною несколькими имевшимися у него кусками сахара, когда в камеру приносили кипяток.

На скамье у стены, поближе к тёмному углу, сидел сосредоточенно глядевший вниз с опущенной головой один из товарищей, которого старательно заслоняли спереди, чтобы его не видно было наблюдавшему через глазок в двери тюремщику. Человек с опущенной головой постоянно был занят шитьём. Иголка была предметом строго запрещённым, при систематических обысках в камере за обнаружение у кого-либо иголки следовало наказание в виде целого ряда лишений, а иголка конфисковывалась. Но длительным трудом из какого-либо куса проволоки сооружалась новая иголка, нитки выдёргивались из полотенца, и Филимонов умело начинал опять оказывать неоценимые услуги товарищам своим мастерством. Я познакомился с Филимоновым и изложил ему моё горе: из-за срезанных пуговиц на штанах я вынужден был непрерывно сидеть, так как при вставании и ходьбе штаны сваливаются. Он сделал из оторванных от моего одеяла кусочков материала мягкие пуговицы и пришил их так, что можно было наладить поддержание штанов, как на помочах, и ходить не боясь, что они свалятся. В этой жизни, полной лишений и сведённой до самого низкого уровня, это было огромным благодеянием. Филимонов был мастером на «Красном путиловце». Он был старым партийцем и считал, что он, как и многие другие, совершенно без всякой вины посажен и сидит уже много месяцев, но что партия, в конце концов, доберётся до тех вредителей, которые орудуют в БД, — поэтому надо проявлять выдержку и не поддаваться угрозам и мучениям, и, ни в коем случае, не подписывать всяких вздорных, выдуманных показаний.

Прошли два или три первых дня пребывания в этом не вмещавшемся в моём сознании кошмарном адском сновидении. Утром язг открываю-

щегося дверного замка и окрик тюремного стража: «Френкель, к следователю!». Пробираюсь через густую массу заключённых, прохожу к двери. Надзиратель выводит меня в коридор. Меня осматривают, обыскивают все карманы и передают ожидавшему уже в коридоре «следователю», — тому же самому, с серым лицом и кавказской фамилией человеку, который уже снимал с меня допрос для заполнения анкетного листа.

Теперь он, не торопясь, шёл на несколько шагов впереди, а непосредственно вслед за мною шёл надзиратель. Мы прошли длинный коридор, поднялись несколько маршей по лестнице, затем опять шли по коридору, в котором у стены стояли повсюду небольшие фанерные шкапы. Когда впереди показался шедший нам навстречу заключённый, сопровождавший меня стражник открыл ближайший шкафчик и втокнул в него меня. Так простоял я лицом к стене несколько минут, пока следователь не приказал вести меня дальше — в боковую комнату, куда он вошёл. У окна в этой комнате стоял стол, за которым сидел, по-видимому, канцелярский служащий. Когда дверь за мною закрылась, следователь совершенно неожиданно для меня обратился ко мне с самою бессмысленною бранью: «Ну, ты, б..., теперь ты, б..., мне говори, что ты, б..., делал против советской власти?!» Как всегда в моей жизни в наиболее критические моменты, я с полным самообладанием ответил, что ничего против советской власти не делал, а вполне сознательно и добросовестно работал и работаю в соответствии с указаниями советской власти, на пользу советского строительства. Следователь быстро подошёл ко мне и оказавшейся в его руках линейкой, осыпая меня самой грязной бранью, стал наносить мне удары по шее, по лицу. Несколько раз он бил ребром линейки, потом нанёс кулаком сильный удар спереди по рту, по-видимому, чтобы заглушить дикие вопли, бессознательно мною издававшиеся. Я упал на пол, и он пинал меня ногою; затем, так как у меня изо рта шла кровь, подал мне стакан воды, чтобы я прополоскал рот. У меня был вышиблен зуб на нижней челюсти... «Это тебе для того, чтобы ты понимал своё положение и написал всё, что от тебя требую. А будешь упираться, так в куски тебя здесь разобью. Ты не думай, что с тобой буду церемониться, что ты, б..., какой-то особый, так как о тебе понадобилось распоряжение самого Молотова. Ночью тебя, как падаль, в помойную яму выбросим...», — и т. д., и т. д. Всё это уснащалось непрерывным потоком бранных слов. Мне было приказано стоять «руки по швам, прямо». Прошёл час, другой, меня мучила жажда, боль во рту и смертельное утомление. Время от времени следователь кричал на меня, приказывал стоять навытяжку. Наконец он на минуту вышел из комнаты. Сидевший у стола протоколист торопливо дал мне несколько глотков воды и посадил на табурет, но, заслышав шаги, поскорее убрал табурет.

Так простоял я весь день. Вечером произошла смена следователей. Место моего палача занял другой. Позднее я узнал его фамилию — Леонтьев. Он строгим, крикливым голосом приказал мне изложить все свои проступки и вредную деятельность против советской власти. На моё заявление, что я никакой антисоветской деятельностью не занимался и никаких проступков не совершал, он грозно заявил мне, что за такой мой отказ сознаваться он мог бы меня без всяких разговоров пристрелить и для

устрашения поднял револьвер и потряс им в воздухе: «Жаль на тебя пулю тратить, я тебе расшибу череп рукоятью». Затем он приступил к допросу. Потребовал назвать фамилии всех моих знакомых, которые бывают у меня на квартире или которых я навещаю. Я ответил, что в гости сам ни к кому не хожу, так как занят своими научными и исследовательскими работами, а встречаюсь только с сотрудниками по кафедре и в институтах. По его настоянию я должен был назвать фамилии этих сотрудников: ближайшего сотрудника Дидрихсона и других участников, работавших вместе со мною в Музее города, доктора С. А. Дружинина. Он требовал вновь и вновь называть всех знакомых. Всю ночь продержал он меня без всякого отдыха у стола, а утром его сменил прежний «следователь». Этот опять повторил своё то же самое требование ко мне сознаться во всех моих преступлениях против Октябрьской революции и против советской власти. Он развернул принесённый с собою альбом членов 1-й Государственной думы. Перелистывая его, кричал: «...ты, б..., покажи, кто из них входит теперь в тот центр, из которого ты получаешь директивы, показывай, каких меньшевиков и кадетов ты теперь объединяешь...». Я совершенно добросовестно объяснил, что более 25 лет ни разу ни одного из членов 1-й Государственной думы не видел и ни от кого из них ни разу не получал писем. Он стал по порядку указывать портреты думцев. Случайно, это оказались портреты людей давно умерших. Да и что удивительного — я был одним из самых молодых членов Думы, мне тогда исполнилось 36 лет, — возраст, дававший пассивное право быть избранным, а подавляющее большинство членов Думы были старше меня на 20–30 лет. Теперь бы они уже были стариками по 90 лет и старше, а до этого возраста люди редко доживают.

Следователь потребовал, чтобы все свои показания я изложил собственноручно. Дал мне бумагу и перо. Я писал всю вторую ночь. Изложил мою работу в советских учреждениях, подробно указал на отсутствие даже косвенных каких-либо у меня сведений или отношений с сочленами моими по 1-й Государственной думе и т. д. Вторую ночь продолжался допрос. Утром следователь прочитал исписанные листы моих бесхитростных и абсолютно правдивых показаний, изодрал их в куски и приказал писать новые, а пока поставил к стене, угрожая новыми побоями. Не видно было никакого выхода. Мною овладело тупое отчаяние и какое-то сумеречное состояние, точно в тяжёлом сне. Я попытался разбить себе голову ударом о стену. Череп оказался крепким. Но меня отодвинули подальше от стены и заставили продолжать стоять. Однако самому моему палачу, по-видимому, наскучило дальнейшее мучительство, он приказал провести меня в уборную «оправиться». Там мне стражник дал воды освежить лицо и голову, а когда меня привели к следователю, он послал того же стражника принести мне из буфета бутылку молока (очевидно, он понимал, что боли во рту не позволят мне принять другую пищу).

Сколько я могу восстановить в моём сознании всю обстановку этих дней, мне кажется, я был в каком-то полузабытьи. Около 60 часов непрерывного необычного напряжения, страдания, обращения со мною как с убойной скотиной, погружали меня в какой-то сон наяву. Помню, что молоко я выпил сразу всю бутылку и по предложению «следователя» на

четвертухе бумаги написал отрицательные ответы на поставленные мне вопросы: никто никогда меня не завербовывал ни в какую вредительскую, либо противосоветскую организацию. Я старался работать, как добросовестный советский служащий. Не могу придумать за собой вины. Приняв мой листок, «следователь» заявил: «Ну, это всё мы ещё увидим» и приказал меня отвести в камеру, где я отсутствовал уже более двух суток.

Когда двери камеры открыли, и я был впущен в неё, вид у меня был, очевидно, такой, что никто из товарищей по несчастью меня ни о чём не спрашивал. Участиливо привели меня на моё место, и я залез под скамейку, меня скрыли ноги сидевших. Там я пролежал до команды «спать». При этой команде в камере началось, как всегда, светопредставление: все скамейки составлялись в два яруса, одни укладывались рядами внизу, другие на скамейки наверху. Всё стихло, и в наступившей тишине под скамейкой я сделал попытку задушить себя, перевязав горло носовым платком. Но мой незнакомый мне сосед, лежавший рядом под скамейкой, ещё не спал. Он стал тихонько меня уговаривать и успокаивать, точно сам переживал моё отчаяние. Его покровительственное сочувствие вызвало у меня неудержимые слёзы...

Следующий день я сидел между моими соседями без желания поделиться с ними моим бедственным положением. Мне представилась бесповоротно predetermined моя участь: не могут же меня выпустить после всего того, что надо мною проделывалось. Значит, не сегодня, так завтра, меня не оставят в живых, или, в лучшем случае, куда-нибудь ушлют так, что ни моя семья, никто из близких, ничего больше обо мне не услышат и не узнают, как ничего не услышали мы о Дидрихсоне или профессоре Эрисмановского института коммунальной гигиены И. Р. Хецрове и других.

Меня в течение нескольких дней не звали на допрос. Целый день и ночь было тревожное тягостное настроение. Вот откроется дверь и опять начнутся бессмысленные мучения. Ничего, хоть отдалённо похожего на какое-то обвинение, выдумать мои палачи просто не способны, по своей полной безграмотности. Все они на один лад подготовлены только к невероятно грязной брани и бессмысленному мучительному издевательству и битью. Впереди никакого просвета. Приходилось жить только непосредственными минутами и часами, пока я остаюсь среди таких же беспомощных, попавших в беду, как и я.

Многие были здесь в этом положении долгие месяцы. Вплотную рядом со мной на скамье сидел человек небольшого роста, проявлявший живое внимание ко всякого рода раздорам и взаимным ссорам и перебранкам между собою нервно возбуждённых товарищей по несчастью. Он вмешивался в эти ссоры, сопровождавшиеся взаимной унижительной и недостойной грязной бранью, спокойно выслушивал обе стороны и с невозмутимым спокойствием убедительно произносил своё осуждение тому или другому. Чувствовалось огромное моральное и интеллектуальное превосходство этого человека над спорившими. Меня удивило, как хватает у него интереса, чтобы с таким вниманием относиться к проявлениям возбуждённости окружающих. Я познакомился с этим моим соседом. Это был Павел Наумович Берков, научный университетский и академический работник, человек с глубоким гуманитарным, по-видимому, филологическим обра-

зованием. В один из последующих дней после вечерней еды в камере наступила тишина и П. Н. Берков, по общему желанию, тихим, но внятным голосом (чтобы не вызывать внимания наблюдавших через глазок тюремщиков) рассказывал о наиболее выдающихся русских писателях и поэтах. Поражало его знание произведений всех наших писателей. Он целыми страницами цитировал Толстого, Тургенева, Достоевского и Некрасова. В камере, ведь, не было ни одной книги, ни клочка бумаги, ни карандаша. Всё изложение плавно лилось у Павла Наумовича прямо из его памяти, из которой он безотказно извлекал все нужные ему цитаты в его тщательно продуманном построении. В этом Дантовом аду вызвать такое внимание к образам Пьера или Левина, к творческому гению Толстого и Пушкина, и всё это — так вдохновенно и с глубоким знанием связать с революционным мировоззрением — было каким-то сказочным чудом возвеличения человека, человеческой личности и человеческого достоинства среди грязных, зловонных волн омерзительного унижения и душения человека.

С волнением и слезами признательности слушал я в этой обстановке талантливую лекцию. В следующие дни я ближе познакомился с П. Н. Берковым. Так же, как и я, он не мог никакими догадками объяснить себе причину тогда уже довольно длительного своего содержания в БД. На допросах он подвергался ещё более чем я, изнурительным и мучительным приёмам, чтобы заставить его измыслить какую-либо версию своей виновности перед советской властью. Так как он был перед арестом в научной командировке в Вене, то от него добивались, чтобы он признал себя виновным в доставке в Австрию недозволенных сведений из СССР. Его так же заставляли часами стоять, опираясь о пол пальцами рук и ног. Это причиняло страдание до потери сознания. В конце концов, он написал длинное и обстоятельное признание, в котором приписал себе деяния дипломата какой-то французской повести наполеоновской эпохи, причём все лица, которым производилась мнимая передача сведений, были названы именами персонажей этой повести. После этого его перестали тиранить, и дело пошло на оформление для окончательного приговора. Забегая вперёд, упомяну, что при пересмотре дела несколько месяцев спустя, Павел Николаевич рассказал всё это пересматривающей инстанции, была произведена сверка его «признаний» с литературным оригиналом начала XIX в., и Павел Николаевич был освобождён и возвращён к чтению лекций в Ленинградском университете.

В следующие дни, в те же часы и в той же обстановке, состоялась лекция Павла Наумовича о древнейшей египетской письменности, о литературе древнего Китая и Индии. За отсутствием карандаша и бумаги я не мог запечатлеть мою признательность, как одного из слушателей Павла Наумовича, но я ему на словах сказал посвящённый ему мною акростих:

Бор таинственный дремучий
Ель зелёную ветвистую взрастил.
Распростёрши ввысь свой рост могучий,
Корни вширь меж сосен вековых пустишь,
Одевает ель зелёными ветвями
Великанов сосен стройные стволы.

Павел Наумович сразу же расшифровал акrostих и скрытый в нём образ взрастившего на великих творениях тысячелетней истории человечества живого творчества современной литературы, надиктовал мне на память, к сожалению, мною забытый и не восстановленный, его акrostих по моему адресу.

В один из вечеров, когда Павел Наумович сделал перерыв в своих лекциях по истории мировой литературы, камера наша, с её населением более чем 140 человек, с большим интересом слушала рассказ инженера — строителя гидростанции А. И. Радченко о его путешествии по Швеции и впечатлениях его о Стокгольме и других городах этой страны. Вскоре после возвращения из командировки он, как и многие другие инженеры, попал в БД. Он глубоко возмущался ничем с его стороны не вызванными обвинениями и отказывался от сочинения каких бы то ни было измышлений и самообвинений. Он уже длительный срок переносил издевательства. По-видимому, это был хороший специалист в узкой отрасли инженерного строительства, но достаточно примитивный и мало разбирающийся в вопросах общественно-политических. В своём живом изложении впечатлений туриста от шведских городов, он попутно, между прочим, утверждал, что в Ленинграде пришло в упадок всё его бывшее санитарное благоустройство; что раньше в Ленинграде были хорошие мостовые и лучшие санитарные условия, а после революции благоустройство города пришло в полный упадок.

Когда он окончил, я попросил разрешить мне, как специалисту, много лет занимающемуся вопросами благоустройства города, внести некоторые поправки и осветить гигиеническое положение Ленинграда. Я указал, что до Октябрьской революции в прежнем Петербурге было лишь показное внешнее благоустройство, и оно ограничивалось только центральными частями города, где жила лишь знать и более богатые слои населения (купцы, высшие чиновники и пр.), а в тех частях столицы, где жили рабочие, — за Нарвской заставой, на Шлиссельбургском тракте — улицы совсем не имели никакого благоустройства, утопали в грязи. В этих частях города не было ни водопровода, ни уличных труб для отвода грязных вод. Я сослался на мои печатные отчёты и доклады 1898–1902 гг. и ряд позднейших работ о холерных и брюшнотифозных эпидемиях в Петербурге. Только после революции появились в Ленинграде благоустроенные мостовые, не булыжные и негодные в санитарном отношении деревянные, а брусчатые и асфальтобетонные. Водопроводная сеть охватила все части города и вода стала подаваться обезвреженной. Да и все показатели санитарного состояния населения резко улучшились: не стало холерных эпидемий, резко сократился брюшной тиф, показатель смертности снизился с 23–25, почти вдвое, до 13–14 на тысячу населения. Увеличилось число и доступность городских садов, появилась сеть детских учреждений. Трудно всё благоустройство осуществить единовременно, сразу; но сделано после революции уже чрезвычайно много и разработан вполне реальный обширный план строительства во всех отраслях благоустройства и жилищного строительства. Точное знание положения, фактические данные, которые я сообщал в ответ на скептические замечания инженера Радченко, устраняли у слушателей всякие сомнения в том, что в советские годы начался и всё шире развёртывается

процесс коренного и всестороннего благоустройства города и жилищного и коммунального строительства.

Раздышка моя от допросов продолжалась недолго. Меня опять вызвали в утренние часы. Допрашивал Леонтьев, тот самый, который ночью угрожал мне, что рукояткой револьвера разобьёт мне череп, если я не назову имена и фамилии всех моих знакомых. На этот раз он предложил мне сесть за отдельный столик, на котором стояла чернильница и лежал листок бумаги, и написать ответ на вопрос о голубях: кто мне привозил или приносил голубей, сколько и когда. Вопрос был так бессмыслен и так явно нелеп, что я просто не мог понять его. Я ему объяснил, что никаких голубей у меня не было, и я не могу понять, чего он от меня хочет. Он быстро подошёл к столику, за которым я был посажен, и стал наносить мне удары по лицу и плевать мне в глаза. На мои вопли вбежал тюремный страж, у которого я просил дать мне воды, чтобы помыть лицо. К моему удивлению, на этот раз стражник, не спрашивая разрешения у следователя, поправил сваленный на пол стул и быстро принёс чашку воды и помог мне умыться. «Следователь» предложил мне выпить принесённое по его распоряжению молоко. Его предложение осталось без всякой реакции. С грубой, общепринятой у этих палачей бранью, он приказал мне написать ответы на вопросы о голубях. Я написал, что голубей не разводил, никто никаких голубей мне не приносил и не привозил. После этого я был отправлен в камеру. Оказалось, что в камере были слышны мои вопли. Предложенные мне вопросы о голубях не вызвали удивления у моих товарищей по камере. Мне разъяснили, что следователь имел в виду почтовых голубей, чтобы пришить мне построенное на этом обвинение.

Ночью меня опять повели на допрос. Этот допрос тянулся долго. Сначала его вёл молодой парень — Фалин. Он долго и много говорил, вернее не говорил, а кричал, укоряя меня за то, что тридцать лет тому назад я был членом 1-й Государственной думы. Следовательно, теперь я должен ответить за все «провинности» фракции, к которой я принадлежал, и должен раскрыть все пути, которыми поддерживаются сношения с бывшими членами Думы. Я очень спокойно разъяснил, что решительно и безусловно ни с кем из бывших членов Думы не поддерживаю никаких связей и не знаю, живы ли они и если живы, то где находятся в данное время.

Затем Фалин передал меня какому-то другому следователю, и меня повели в подвальный этаж. Там допрос продолжался с обычными приёмами продолжительного стояния. При этом из-за перегородки всё время неслись душераздирающие крики избиваемого. Мне кажется, от утомления я впал в какое-то остоленение, что-то отвечал, писал какое-то показание, упоминая в нём медицинскую газету «Lancet», которую обычно просматривал в Публичной библиотеке. Утром меня повели куда-то в верхний этаж, и там меня допрашивал какой-то более важный и не столь молодой чин по фамилии Кудрявцев, как мне сказал об этом сидевший рядом с ним и о чём-то ему докладывавший Фалин.

Это была уже вторая ночь, как меня непрерывно передавали из рук в руки для допроса. По существу мне не было предъявлено никакого обвинения и ни о чём определённо меня не допрашивали. Здесь опять вновь и

вновь меня изнуряли и измочаливали долгим, бесконечным стоянием, с наблюдением, чтобы я не приближался и не опирался как-либо о стену. Наконец, силы покинули меня. Я беспомощно повалился на пол. Строгими окриками и приказами тюремному стражнику поставить меня, ещё на несколько часов продлили моё стояние. Потом я свалился на пол и мне, как особую милость, предоставлено было остаться в забытьи. Потом я услышал окрик: «Теперь довольно, вставай!» Я осмотрелся и не сразу понял, что я в той же комнате, на допросе. Но обоих моих допрашивателей я не узнал. В полумраке комнаты мне казались они людьми с длинными бородами. «Вы знаете, где вы и кто с вами говорит?». Эти двое почему-то обращались непривычно — на «Вы» и не сопровождали своё обращение ко мне принятыми здесь омерзительными бранными словами. Меня допрашивал «следователь» Фалин, но он был без бороды. Нечего фантазировать, и теперь никакой бороды нет. Было утро, тянулся мучительный, бесконечный день, я всё стоял. Казалось, что мучителям до меня нет никакого дела. К Кудрявцеву приходили подчинённые и вышестоящие лица, вели с ним разговор, а меня, как мебель, то отодвигали подальше в угол, то ставили поближе. Меня спрашивали о журнале «Lancet», то совершенно бессвязно о Государственной думе 1-го созыва. Так как от полного изнеможения глаза у меня стали закрываться, то ко мне был приставлен большого роста крепкий служитель, не в тюремной форме (по-видимому, какой-то страж, проходивший «производственную практику»), которому поручено было раздвигать и поддерживать открытыми веки моих глаз. Вероятно, он считал меня в чём-то виноватым и потому без всякого человеческого сожаления производил эти процедуры, иногда при этом приговаривая вполголоса: «Будешь знать, будешь помнить, что советской власти вредить нельзя». Я неизменно повторял, так же вполголоса, что никогда и в помыслах не имел вредить советской власти, а всегда работал на пользу того дела, которое мне советским правительством поручалось.

Вечером этого дня меня вернули в камеру, и я забылся под скамейкой в тяжёлом сне. После этого меня довольно долго не звали на новые допросы. Изрядно ослабевший, я страдал сильными болями в кишечнике и непрерывными позывами к испражнению. В это время среди заключённых были распространены заболевания дизентерией. Однажды ночью меня вызвали с вещами. В закрытом грузовике вместе с несколькими другими заключёнными проехали через Литейный мост на Выборгскую сторону и через двор Выборгской тюрьмы провели меня в больницу БД, устроенную в отдельном доме. После обычных процедур приёмного покоя я был помещён в одной из палат второго или третьего этажа. В палате соблюдался всё тот же строгий тюремный режим, вёлся постоянный надзор через глазок тюремным надзирателем. Кроме меня было занято ещё 14 коек. Моим ближайшим соседом оказался совсем ослабевший, по-видимому, немец — инженер литейного завода на Выборгской стороне, совершенно сломленный от свалившейся на него невзгоды, решительно не понимавший, в чём его вина, для чего и почему его держат в заключении. У него осталась дома одна, на произвол судьбы брошенная больная старуха-жена, и это постоянно мучило и тревожило его. Он был набожным лютеранином и утром молился

подле своей постели. При утреннем врачебном осмотре и опросе врачом я с эпическим спокойствием рассказал, как валялся на допросе на асфальтовом полу, как подвергался побоям и обо всей обстановке в камере. Женщина — врач, по-видимому, хорошо знала меня, как профессора 2-го Ленинградского медицинского института, но не проявляла никакого внимания к моей чрезмерно выраженной ослабленности. Она назначила мне лечение бактериофагом и старалась, как можно меньше времени задерживаться у моей постели, чтобы, как мне казалось, не навлечь на себя подозрений.

После обхода ко мне подошёл один из больных. Это был профессор ЛИКСа Карпович, читавший также лекции санитарным врачам по строительной гигиене в ГИДУВе. Я хорошо знал его по работе в Музее города и на курсах коммунального хозяйства. Он был любителем-садоводом и жил в своём небольшом доме в Новой Деревне, где у него был замечательный небольшой придомовый ягодно-фруктовый садик и цветник. Он был несколькими годами старше меня. Теперь я долго не мог узнать его, так он изменился, постарел и исхудал. Он едва слышным шёпотом рассказывал об испытанных страданиях при так называемых «допросах» и о полном своём недоумении, почему на него, всегда такого корректного и законопослушного советского учёного-архитектора, свалилось такое бедствие. Он уже довольно долгое время находился в больнице после длительных «допросов». Так же, как и сосед мой по койке, старик-инженер, как оказалось, швед, и Карпович страдал от неизвестности, что случилось с его очень пожилой и слабой женой, оставшейся после его ареста совершенно беспомощной. Карпович рассказал мне о многих больных нашей палаты. Особенно выдающимся по своим знаниям и таланту, по словам Карповича, был лежавший всё время закрытый с головой одеялом главный инженер завода «Электросила» (кажется — Ефремов)¹. Второй раз после допросов, его, избитого и измученного, помещают в больницу. Как и все другие, он решительно не знает за собой никакой вины. По делам проектирования электрогенераторов большой мощности он имел научную командировку в США, и по возвращении оказался в БД. Когда он стал поправляться, он по просьбе соседей рассказал, как его избивали в подвале, требуя, чтобы он написал о своих вредительских замыслах; но это до такой степени оскорбляло его цельную профессиональную честь увлечённого энтузиаста, талантливого инженера-учёного, что никаких требуемых от него наветов на себя он не сочинял, невзирая на нещадные побои.

Скажу тут же, что позднее, почти год спустя, когда я продолжал работать в качестве профессора в Ленинграде, я случайно в трамвае был окликнут одним пассажиром — Жешко, которого я не узнал, но который сказал мне, что лежал в больнице вместе со мною, когда там был также главный инженер «Электросилы» Ефремов. Я поинтересовался его дальнейшей участью. Так же, как и говоривший со мною инженер «Электросилы»

¹ Ефремов Дмитрий Васильевич (1900–1960) — С февраля 1938 находился под следствием в органах НКВД, в июле 1941 освобождён и назначен зам. директора «Электросилы» и зав. кафедрой Политехнического института. После войны — министр электропромышленности СССР.

Жешко, по его словам, главный инженер вернулся и продолжает свою деятельность на своём заводе. С горечью упомяну о печальной кончине профессора Карповича, который умер в общей камере БД, куда его перевели из больницы.

Был уже конец августа или начало сентября, когда я первый раз попал в больницу. У меня было бесповоротное внутреннее чувство, что после всего, что было со мною и свидетелем чего я был в БД, для меня нет никакого будущего и потому, по совету Горация, мне оставалось лишь заполнять все оставшиеся мне минуты проявлениями доступной нам внутренней жизни, осмысливанием и переживанием неисчерпаемых запасов накопленных в разные периоды жизни впечатлений. За тщательно затянутыми марлей и замазанными белой краской окнами тюремной больницы стояли золотые дни начавшейся осени. В такие дни я так любил в течение многих лет отдаваться непосредственным восприятиям всегда манивших к себе красот парков, менявших свой зелёный общий фон на яркие наряды золота и пурпура осени. И я предложил Карповичу, которого я знал, как тонкого ценителя оттенков расцветки в архитектурных творениях, мысленно прогуляться по паркам Павловска и Детского Села, Стрельны и Петергофа и, не сходя с больничных кроватей, отдать созерцанию их осенних красот, заставляя ожить отложенные в нашей памяти отпечатки и следы прежних впечатлений, и тем преодолевать сумрак и потёмки беспросветности нашего положения. Карпович не раз слышал от санитарных врачей и от студентов Коммунального института, как увлекались и ценили они экскурсии по паркам Детского Села и Павловска под моим руководством. Он переговорил с несколькими больными, и в послеобеденные часы, в полной тишине тюремной палаты, я предложил перенестись, следуя за моим рассказом, на стрелку Елагина острова, полюбоваться новым, недавно разбитым цветочным оформлением береговой полосы и тёплой туманной далью моря, прогуляться по аллеям до Елагина дворца и затем, с лёгкостью мысли, перенестись на скамейки перед белой колоннадой архитектурного творения Кваренги и посмотреть, в лучах вечернего солнца, на разбросанные на лужайке, замыкающейся гладью пруда, отдельно стоящие могучие дубы и склонившиеся над водою серебристые ветки ивы. Часа два мы мысленно прогуливались по Александровскому парку города Пушкина и с разных точек смотрели на тонкие колонны Камероновой галереи и остановились на террасе, бывшей когда-то зимней катальной горкой, со всеми её копиями классических скульптур, любясь вечерним видом на Большой пруд, обрамлённый сказочными парковыми пейзажами. Наша мысленная прогулка по Детскосельскому и Павловскому паркам, куда добрались мы по Дубовой аллее и по Верхней Павловской дороге, не отрывая глаз от блестящих среди береговых зарослей вод Нижнего пруда, следуя за моим изложением, тянулась дня три.

На смену этой прогулке пришли, вызвавшие ещё больший интерес и общее внимание, рассказы главного инженера «Электросилы» (Ефремова) о заповеднике наибольших великанов среди древесных пород всего мира, произрастающих в калифорнийских горных лесах: о веллингтониях и секвойях высотой до 120 метров. С захватывающим интересом слушали

мы рассказы о путешествиях этого образованного инженера, о посещении им знаменитейшей во всём мире Калифорнийской астрономической обсерватории. В следующие дни мы слушали рассказы других товарищей по больничной палате — одного кинооператора и киноартиста, рассказавшего об интересных киносъёмках, а затем — рассказ строителя ленинградского Мясокомбината. Тяжёлые испытания, перенесённые этими людьми, привели их в тюремную больницу.

Я не успел ещё вполне оправиться от моей болезни, как для допроса меня привели из больничной палаты в специальную комнату в подвальном помещении, где ожидал меня уже известный мне следователь — Леонтьев. Он довольно долго томил меня расспросами о знакомстве моём с рядом людей, фамилии которых я слышал в первый раз. Никогда и нигде я с ними не встречался. Что мог я сделать, если я действительно не знал их, а он вновь и вновь настойчиво добивался, чтобы я «сознался» в знакомстве с ними. Следователь вызвал немолодую женщину — врача больницы и спросил её, можно ли меня уже взять из больницы для производства следствия. Невзирая на всю мою слабость, она при мне тут же ответила утвердительно. На следующий день я был в закрытом фургоне возвращён в БД и помещён в прежнюю камеру.

У меня погасли последние остатки надежды на лучшую долю. В камере тем временем стало ещё теснее вследствие добавления новых обитателей, но, увидев профессора Беркова, А. А. Штакельберга и других прежних соседей по месту на скамье, я почувствовал облегчение, точно вернулся к родным. Среди вновь втиснутых в нашу камеру по соседству со мною оказалось несколько очень заинтересовавших меня людей. Андрей Петрович Ковалевский¹, светлый блондин с молодым задумчивым лицом, стройный и подвижный. Востоковед, работник Академии наук. Его почти каждый вечер вызывали к «следователю». Утром он возвращался, мылся под краном и сосредоточенно и молчаливо сидел после утреннего чая. Переживая вместе с ним его состояние после длительного пребывания у «следователя», я как-то невольно старался чем-нибудь выказать ему сочувствие, предлагая ему оставшийся у меня кусок сахара и пр. Для него было непостижимой загадкой, почему и для чего оторвали его от учёных работ по востоковедению и подвергают таким бессмысленным и жестоким «допросам»: «С каких пор завербован? Кем завербован?» и т. д. Он работал над изучением истории древнеарабской культуры и письменности. Ко всему, что с ним происходило, он стал относиться со стоической выдержкой. Поближе познакомившись со мною, он рассказал, что в то время, когда «следователь» бил его ремнём по спине, он старался отвлечь своё внимание от болевых ощущений сосредоточенным напряжённым восстановлением в своей памяти целых страниц древнеарабских рукописей.

Охотно делился он со мною своими домашними горестями — тяжёлой неизлечимой болезнью жены (рак). Весь уход за нею и всё домашнее хо-

¹ Ковалевский Андрей Петрович (1895–1969) — историк-востоковед. Работал в Музее этнографии, с 1935 — в Арабском кабинете Института востоковедения. В 1938 был осуждён и провёл 6 лет в Пермских лагерях. С 1949 работал в Харькове.

зьяйство вела не терявшая жизненной бодрости сестра жены. Андрей Петрович вспоминал о многолетних своих путешествиях в юности, которые он совершал вместе со своей матерью по берегам Адриатического моря, о продолжительной жизни с нею в Сербии. Он охотно отозвался на предложение в тихие вечерние часы занимать население нашей камеры лекциями по истории Востока. Меня не покидало удивление, когда многими часами я слушал плавно излагаемую им заглушенным голосом историю древнейшей арабской письменности; причём он по памяти приводил целые страницы из древних памятников. Днём, готовясь к вечерней беседе, он сидел в сосредоточенном обдумывании, а ведь никаких справок или пособий у него не было, да и карандаша и бумаги, как и иголки, в природе нашей камеры не существовало.

Всплыв в нашей камере, как Лоэнгрин, А. П. Ковалевский был потом переведён от нас, и ни тогда, ни после до меня не доходило никаких вестей о судьбе этого взлелеянного и так замечательно воспитанного широко образованной любящей матерью работнике Отделения востоковедения Академии наук СССР.

На другом конце нашей пристенной скамьи новым обитателем камеры оказался инженер-электрик А. И. Розен. Он работал референтом по вопросам электроснабжения в Смольном и так же, как и все его соседи, недоумевал, что могло послужить причиной злой участи, приведшей его в БД. В нашу камеру он был переведён из тюремной больницы, где провёл несколько недель на инсулиновом лечении вследствие сахарного диабета. В качестве диетического лечебного средства он получал листы и части коченей капусты. Мы как лакомство съедали получаемые от него кусочки свежих капустных листов. Розен производил впечатление очень знающего инженера и хорошо образованного человека в более широком смысле. Он тоже охотно отозвался на приглашение заполнить часы тихой беседы рассказом о состоянии и перспективах электроснабжения Ленинграда. Через несколько дней он предложил очередную «тихую беседу» свою посвятить не инженерным вопросам, а поэзии Тютчева, которого он высоко ценил за свежесть образов. Для иллюстрации тех оригинальных сторон поэтического творчества, за которые он ценил Тютчева, он на память декламировал много стихотворений поэта. Среди них, между прочим, было небольшое стихотворение, посвящённое декабристам. Мне претила в этом стихотворении самовлюблённость, бездушность Тютчева.

В стихотворении «14-е декабря 1825» внимание Розена привлекли такие образы, как «вечный полюс вековечных льдов» и несоизмеримость с ним «скудной капли» горячей крови человека; как «железная зима» и пр. Мне не приходилось раньше читать или слышать это стихотворение Тютчева, но к самому поэту у меня всегда было отношение, как к человеку, мне чуждому, враждебному по духу. Ночью, мучимый бессонницей, я пытался слово за словом восстановить в памяти приведённое Розеном стихотворение. В результате настойчивых усилий мне, в конце концов, в долгую, нескончаемо тянущуюся тюремную ночь это удалось. Вот это стихотворение:

Вас породило Самовластье,
И меч его вас поразил, —
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор Закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена —
И ваша память от потомства,
Как труп в земле, схоронена.

О, жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.

А параллельно со стихами Тютчева, вызвавшими у меня не восхищение образами, а отвращение и глубокое негодование черствостью поэта и ничтожеством его молчалинской ограниченности, у меня стих за стихом сложилось другое стихотворение, которое я постарался закрепить в памяти. Утром я подсел к Розену и вместо стихотворения Тютчева сказал ему следующий мой вариант посвящения памяти декабристов:

Востали вы на самовластье,
Но меч его вас поразил.
И царь с кровавым сладострастьем
Вам смертный приговор скрепил.
Презрев поклёп о вероломстве,
Народ чтит ваши имена,
И память ваша для потомства,
Как светлый дар, сохранена.

Вы пали жертвой мысли смелой;
Вы мнили за собой увлечь
Сердца людей России целой,
Чтоб самовластие пресечь.
Отвага ваша надорвала
Завесу страха и оков.
И путь к свободе указала
Для страхом скованных рабов.

Когда-то Тютчев с самомнением
Вас в безрассудстве укорял,
И вам бесславное забвенье
Навек в потомстве предрекал.
Плохим пророком оказался
Певец безмолвия и льда!
Завет его не оправдался.
От «льда» его нет и следа.

А память ваша средь народа
Пышней, чем прежде, расцвела.
Поэзия борцам свободы
Венец бессмертия сплела.

Розен страдал сахарной болезнью и постоянно получал инсулин. На моих глазах однажды он впал в тяжёлое коматозное состояние. Вызванный врач всё же не отправил его в больницу. Один из таких приступов окончился смертью этого талантливого молодого инженера-физика.

В долгие тоскливые ночи этой тюремной осени 1938 г. часы мучительной бессонницы я заполнял иной раз составлением и закреплением в памяти акrostихов, посвященных характеристике ряда лиц, душевная ценность которых здесь передо мною раскрывалась. Я уже говорил, с каким глубоким волнением слушал я серию бесед о Лермонтове и Пушкине, о Гоголе, о Льве Толстом, Тургеневе и Достоевском большого знатока русской литературы П. Н. Беркова. Без всяких заметок и записок, в полутьме, тихим ровным голосом, с изумительной проникновенностью, в течение многих дней обрисовывал Павел Наумович литературные типы, замыслы и творчество русских писателей. Перед слушателями вставали яркие образы, созданные великанами русской и мировой литературы, которые ожили и овладевали нашим сознанием.

Помню моё радостное чувство, когда после внезапного вызова на допрос вернулся маленького роста молодой доцент, специалист по ядерной физике. У меня не сохранилось достаточно отчётливо память о целом ряде очень заинтересовавших меня тогда молодых научных работников, которые приняли участие в ведении бесед образовательного характера в такой необычной обстановке. Не помню я и фамилии упомянутого молодого физика, который был, по-видимому, доцентом Ленинградского университета. Он занимался изучением строения атомного ядра разных элементов и вопросами ядерной энергетики. У меня осталось впечатление от его бесед по этим проблемам, что это был далеко не заурядный физик, талантливый и весь захваченный открывавшимися перед ним закономерностями в связях физических и химических свойств элементов со строением атомных ядер. Без всякого карандаша и бумаги он с изумительной наглядностью строил коррелятивные графики свойств и строений ядра, раскладывая спички на подушке или одеяле. Помню, что я ему посвятил акrostих, отражавший моё восхищение сосредоточенностью и силой его ума и возмущение неожиданным перерывом научных исследований, перемещением из исследовательской лаборатории в БД. Его интересовали открывающиеся перед его пытливым умом закономерности, а не то, что именно он, а не кто-то другой, их открывает.

Другой физик, прошедший серию «тихих бесед» по оптике, по устройству телескопов и об астрономических открытиях, полученных благодаря новым усовершенствованным телескопам, был крупный учёный в области оптики Дмитрий Дмитриевич Максutow. Он был новатор и изобретатель, конструктор телескопов. Он также весь был захвачен своими новыми оптическими конструкциями, но при этом, когда он излагал свои построения,

невольно чувствовалось, что его захватывает сама мысль, что это не кто-нибудь другой, а он, именно он, сделал данное конструктивное изменение и открытие.

Однажды, вернувшись с допроса, молодой доцент физик молча, не проронив ни слова, собрал свои вещи (подушку, одеяло, мешок с бельём) и вслед за тем был вызван вновь из камеры, по общему мнению, — «на волю». Тогда же и Д. Д. Максutow на несколько месяцев исчез из нашей камеры. Но оказалось, что он просто был переведён в Выборгскую тюрьму, а затем вновь возвратился в нашу камеру. Много позднее, уже после освобождения, я виделся с ним, он бывал у нас на «Полоске», и я с моей дочерью бывал у него дома на Петроградской стороне. Он вскоре получил за свои открытия в области оптики Сталинскую премию и был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Глубокое дружеское чувство унёс я к А. А. Штакельбергу, всегда выдержанному, доброжелательному. Заполняя часы томления, я обучался у него правильному произношению английских слов, так как, хотя я читал много лет все нужные мне английские труды и издания, но никогда не интересовался правильным произношением, а довольствовался чтением «на глаз». Александр Александрович много раз говорил мне на память стихи Байрона, и я запоминал их строфу за строфой. С его слов я выучил наизусть поразительно подходившее к нашему положению трагическое стихотворение А. Толстого о Василии Шибанове. Так и до сих пор сохраняется оно в моей памяти, как напоминание о мучительном беспросветном пережитом пребывании в БД. Чем мог навлечь на себя А. А. Штакельберг тяжёлую напасть испытаний в БД? Сколько я могу теперь понять, — тем, что среди зоологов всего света он был известен как надёжнейший знаток и специалист по отряду насекомых, к которому принадлежат мухи. И к нему постоянно обращались с запросами исследователи из различных стран по поводу установления новых открываемых видов и разновидностей двукрылых мух. Его большая и постоянная корреспонденция этого рода могла возбудить подозрения, и на всякий случай его из лаборатории и музея Академии наук СССР переместили на долгий, более чем годовой срок, на «испытание» в БД. Перед тем, как попасть в нашу камеру, А. А. много месяцев провёл в более изолированной камере, где он сидел вдвоём с профессором ГИДУВа терапевтом Е. И. Цукерштейном. Из рассказа А. А. я узнал, что проф. Цукерштейн не только хороший клиницист по внутренней медицине, но и широко образованный человек.

Не могу не вспомнить ещё об одном знакомстве моём в камере БД. Моё внимание привлек сквозившей в каждом слове его «тихой беседы» любовью, преданностью своей науке — физиологии молодой физиолог, если не ошибаюсь, один из ассистентов И. П. Павлова по кафедре физиологии в Военно-медицинской академии — А. В. Загоруйко. Я имел много вынужденного досуга, чтобы близко познакомиться с этим молодым выдающимся экспериментатором и был очарован его душевной чистотой и правдивостью, его общественной направленностью и глубокой связью с научными исканиями, которые составляли неотделимую часть его интимного внутреннего мира. Когда прошли и для него мрачные дни испытаний, и он вер-

нулся к научной работе в Институт физиологии АН СССР, он вспомнил обо мне и навел меня на «Полоске», а впоследствии в дни моего 85-летнего юбилея обрадовал меня дружеским приветствием.

Помню, как заинтересовала меня беседа об образовании, составе и жизни почвы, проведённая научным сотрудником Института почвоведения АН СССР Григорьевым. Он очень давно уже находился в заключении, во всяком случае — больше года, и производил впечатление человека малообщительного, замкнутого. В часы, когда все в полудремотном состоянии плотно сидели на своих местах на скамьях, Григорьев одиноко ходил взад и вперёд по среднему проходу от обеденного стола — через всю камеру — до унитаза и обратно. Мне не удавалось познакомиться с ним, но из его лекции («тихой беседы») у меня составилось впечатление, что он серьёзный исследователь в области изучения почвы. Когда уже в период начавшегося пересмотра «дел» какой-то контролёр в присутствии тюремного начальства опрашивал в камере каждого заключённого, сколько времени прошло после ареста, и когда был последний допрос, Григорьев с невозмутимым спокойствием сообщил, что сидит уже давно (кажется более двух лет), но ещё ни разу на допрос его не вызывали. Это вызвало изумление даже у привыкшего ничему не удивляться дознавателя. Он сделал себе какие-то пометки о Григорьеве. В ту же ночь я слышал ляг открывающейся двери и крик тюремного надзирателя: «Григорьев, к следователю!». Но и после этого ход «дела» Григорьева не ускорился, он продолжал своё безмолвное существование среди нас и регулярное передвижение по среднему проходу камеры. Я так и не знаю о дальнейшей его судьбе, когда и как вернулся он к своим исследованиям и изучению биологических процессов в почве.

Не помню я фамилий целого ряда главных инженеров различных заводов, на более или менее продолжительные сроки попадавших в нашу камеру. Один из них, имевший на скамье место недалеко от меня, крепкий жизнерадостный человек, не знавший решительно никакой за собой вины, мечтал, чтобы поскорее, куда угодно, хоть в Магадан, его сослали, только бы иметь возможность видеть восход солнца, лесные или степные дали, а то он весь отдался заводу и не имел времени вкушать жизнь, не бывал в кино, никогда не ездил отдыхать... Он знал только одну задачу — поднять завод. А теперь он был бы умнее: ходил бы в театры, не пропускал бы новых фильмов, одним словом, полноценно жил.

К периоду наиболее частых поступлений в нашу, до крайнего предела переполненную камеру (октябрь–ноябрь 1938 г.) всё новых обитателей, относится памятное мне появление главного инженера какого-то завода с необычной, а потому и запоминающейся фамилией — Нищий¹. Это был человек немолодой. Вечером он так громко стонал, что соседи его стали вызывать тюремного надзирателя и просить вызвать врача и спешно отправить стонущего и плачущего больного в лазарет. Проходили, однако, часы, а никакого врача не присылали. Зная, что я врач по образованию, товарищи

¹ Это был главный инженер малого завода им. Ворошилова Остехбюро. Его действительно били по голове ключами, он умер от менингита. См.: *Эфрусси Я. И.* Кто на «Э»? М., 1996. С. 91.

попросили меня посмотреть больного. Инженер Нищий был в сознании. Он сообщил, что при утреннем допросе «следователь» сильно бил его по голове и в грудь и что стонет он от сильной боли в груди. На мой вопрос, не было ли рвоты, он отвечал отрицательно. Мне казалось, что он не успокоился ещё от сильного нервного потрясения. Кое-как соседи по скамье потеснились, и больного удалось уложить на ней и окружить возможным в таких условиях вниманием. Ему давали тёплое питьё. Крови при кашле не было. Всю ночь он не терял сознания, горько жаловался на судьбу, говорил, что не знает за собой никакой вины, всегда работал добросовестно. К утру он потерял сознание, на вопросы не отвечал. Врач явился позднее, когда больной уже не обнаруживал никаких признаков жизни. Было вызвано тюремное начальство. Многие заключённые, несмотря на угрозы, называли следователей убийцами, просили унести тело погибшего из камеры. Только через несколько часов, наконец, тело унесли. Нет нужды говорить о тяжёлом угнетённом состоянии подавленности, близкой к отчаянию, в котором в тот день были заключённые.

На некоторый срок меня как-будто забыли, к «следователям» не вызывали. Среди заключённых передавались какие-то смутные слухи об устранении Ежова и о назначении в Ленинград нового начальника ОГПУ. Люди жадно желали и ждали смягчения обстановки и облегчения своей участи. Но прежние приёмы «следователей» оставались без изменения. В этом я убедился, когда как-то утром взглянул на исполосованную кровоподтёками спину вновь помещённого в нашу камеру врача А. А. Исаева. Его я знал ещё по работе по оказанию помощи больным и раненым воинам в 1916–1917 гг. Вернувшись с допроса, А. А. Исаев обмывался, сняв сорочку и обнажив свою спину до пояса. Было жутко и больно видеть на его спине следы кровавых измывательств. «Неужели и вас?» — невольно вырвался у меня вопрос. «Ремнём», — ответил он.

В конце зимы возвратился от «следователя» один молодой военнослужащий с распухшим от побоев лицом и кровоподтёками. В период, когда особенно оживились разговоры об изменении в благоприятную сторону тюремно-следовательского режима, мы в нашей камере были свидетелями фактов прямо противоположного рода. К нам был помещён юноша, арестованный по подозрению в участии в какой-то подпольной организации. Под вечер его взяли на допрос. Всю ночь на нём его избивали палкой. В камеру утром его не привели, а принесли. Он лежал настолько беспомощным, что мы отпаивали его чаем, а вечером его опять увели на допрос...

К концу 1938 г. как будто заметно стало какое-то смягчение обстановки. Разрешили раз в месяц заказывать, покупать за счёт тех денег, которые были по описи взяты при заключении в БД, на определённую сумму — булку, сахар, колбасу, лук и чеснок. Но в то же время с особой тщательностью производились поголовные обыски во всей камере — разыскивались и отбирались иголки, деньги, карандаши, всякие ремешки, стёкла и пр. Один раз обыск носил особенно brutальный характер. Часа в два ночи в камеру зашло значительное число надзирателей. Приказано было всем встать и, не одеваясь, выйти в коридор. Из коридора без всякой одежды нас ввели в пустую камеру, где приказали снять даже нижнее бельё, и тюремные охранни-

ки подвергли каждого так сказать телесному обыску: заставляли раскрыть рот, осматривали и ощупывали всё тело, сопровождая всё это грубыми окриками. Только через несколько часов вернули нас в камеру, где все наши вещи и скудные постельные принадлежности валялись в беспорядочных кучах после «осмотра» их в нашем отсутствии. Никаких объяснений или хоть слухов о причинах, вызвавших эти унижительные процедуры, ни у кого не было.

Потом наступило заметное смягчение надзора. Тогда по почину нескольких физкультурников из числа товарищей по камере была организована по утрам, после того, как камера была нами убрана и скамейки расставлены по местам, «зарядка» гимнастикой с маршированием и бегом. По команде одного из бывших военных спортсменов или инструкторов по физкультуре, имевшихся среди нас: «На зарядку становись!», подавляющее большинство обитателей камеры становилось в ряд; открывались при этом все форточки, и проделывался весь цикл гимнастических упражнений. По возрасту я был, кажется, самым старшим из числа тех, кто аккуратно принимал участие в организованной коллективной зарядке. Один-два раза надзиратели входили в камеру и, угрожая всякими карами, требовали немедленного прекращения занятий, но требование это уже не было столь настойчивым, чтобы абсолютно и надолго выполнялось. Через день-два зарядовая гимнастика в строю возобновлялась.

После нового года было несколько случаев вызова из камеры «с вещами», относительно которых у нас складывалось мнение, что дело шло об освобождении. По вечерам теперь уже систематически проводились «тихие беседы». В камере оказался один пушкинист, мастер художественного слова. Несколько вечеров он читал нам наизусть такие крупные произведения, как «Евгений Онегин», «Граф Нулин», «Медный всадник». Меня поражала память и подлинно художественное чтение этого мастера слова. Я познакомился с ним и много часов днём слушал в его исполнении стихи Пушкина. Некоторыми из них, например — «Погасло дневное светило», «На море синее вечерний пал туман» и т. п. я даже обогатил свою память. Но, к сожалению, я не удержал в памяти ни имени, ни отчества, ни фамилии этого молодого, хорошо воспитанного и образованного человека. К счастью, его не долго держали в БД. Через несколько недель он был вызван «с вещами», по общему убеждению для выхода на волю.

В «тихие вечерние часы» его заменил преподаватель (профессор) танкового дела из военной академии, довольно долгое время совершенно незаметно занимавший место на одной из скамеек в тёмном углу камеры. По просьбе поддерживающих «тихие часы», он прочитал сначала несколько лекций о роли танковых частей в современном военном искусстве. А когда в камере не стало пушкиниста, он начал читать наизусть прозу Пушкина. С истинным умением, я бы сказал — проникновенно, просто и задушевно прочёл всего «Арапа Петра Великого». Я думаю, никакой артист не мог бы лучше прочесть этот замечательный образец пушкинской прозы. Подлинное величие Петра Великого в его истинно артистическом, совершенно лишённом внешних обычных сценических приёмов, чтении обрисовывалось с захватывающей силой... В следующие вечера так же мастерски про-

читал он «Капитанскую дочь», затем «Метель» и «Барышню-крестьянку». Я не знаю, насколько дословно говорил он без суфлёра и печатного текста эту поэтическую прозу Пушкина, но впечатление оставалось, что слушаешь чтение томов прозы. Как память может хранить такие большие произведения! Один вечер был заполнен им чтением (также наизусть!) «Хаджи-Мурата» Льва Толстого. Прошло с тех пор много лет, но у меня живо встаёт воспоминание, как будто я не слышал чтение «Хаджи-Мурата», а видел этот персонаж на сцене или в натуре.

Когда запас добровольных участников «эстрадных» выступлений был исчерпан, устроители «тихих бесед» стали настойчиво обращаться к другим обитателям камеры с предложением поделиться рассказами из своей жизни или иным подходящим материалом. Я несколько вечеров занял изложением вопроса об удлинении средней продолжительности жизни, о том значении, которое этот вопрос приобретает в условиях открывающихся в социалистическом обществе возможностей и перспектив по улучшению медицинского обслуживания, предупреждению и лечению болезней, охране детства. Кроме бесед по вопросам специальной области моего изучения, я два или три вечера посвятил рассказам о наиболее интересных происшествиях, свидетелем которых я был за мою уже и тогда долгую жизнь.

После довольно продолжительного перерыва опять начались вызовы меня к «следователю». На этот раз был опять новый дознаватель. Держал он меня каждый раз довольно долго. Но к истязаниям, к бессмысленным побоям и брани не прибегал. Иногда мне даже казалось, что ему было как-то неловко, точно он совестился сам, задавая совершенно нелепые вопросы. Он, по-видимому, собрал от своих осведомителей во 2-м Ленинградском медицинском институте и в Горздраве самые разнообразные слухи и сведения о моих лекциях, об исключительно большом уважении, с которым ко мне относились студенты. Он спрашивал меня, почему же против меня выставляются обвинения? «Скажите, какие, и я покажу вам их вздорность», — отвечал я. — До сих пор ни одного конкретного указания мне не было сделано».

На следующую ночь — опять вызов, Всё тот же вчерашний следователь, но в комнате стоит какой-то человек. «Знаете ли вы этого человека, когда и где вы его видели?». Я внимательно взгляделся в него: «Нет, я не помню, чтобы когда-либо видел этого человека». Его называют по фамилии, которой я также никогда не слышал. Да и он заявляет, что тоже не видел меня никогда. Что мою фамилию он, очевидно, приписывал другому лицу. Этого заключённого уводят, а вместо него вводят немолодого, на вид болезненного и запуганного человека. Следователь спрашивает, знаю ли я вошедшего. Внимательно всмотревшись, я решительно заявляю, что не знаю его и никогда раньше не видел. Тогда следователь читает собственноручные показания приведённого, что в первые годы после Октябрьской революции, в 1918 или в 1919 г., он видел меня (называется моя фамилия, имя, отчество) среди выступавших на контрреволюционном собрании, на Каменном острове. На вопрос следователя приведённый с каким-то запуганным видом подтверждает, что показание писано им собственноручно, и он подтверждает его правильность. Я повторяю, что на Каменном остро-

ве ни на каких собраниях не был. На мой вопрос, знал ли допрашиваемый меня до того и встречал ли когда-нибудь после того, приведённый отвечал сбивчиво. Я ещё раз настойчиво повторяю, что ни на каких собраниях на Каменном острове не бывал. Следовательно как будто по какому-то делу на время выходит из комнаты. Приведённый на очную ставку подходит ко мне и умоляюще убеждает меня пожалеть его и подтвердить записанные показания. Ведь за это дадут какие-нибудь 5 лет, он готов идти на что угодно, только бы кончились все его здешние мучения. Всё равно, говорил он, и вас будут здесь держать, пока не будет составлено какое-нибудь обвинение. Вошёл следователь. Опять тот же вопрос и такой же мой категорический отрицательный ответ, который я тут же подтвердил письменным заявлением. Доносчика уведят, а на смену ему вводят доктора С. А. Дружинина, санитарного врача Петроградской стороны, жившего на Удельной. Он года два или три был моим добровольным сотрудником по устройству Отдела коммунальной и социальной гигиены Музея города. По моей просьбе он охотно занимался подготовкой наглядных экспонатов по химическому и бактериологическому контролю за питьевой водой.

«Вы знакомы?». «Да, разумеется». Мы радостно жмём друг другу руки. «Подтверждаете ли вы», — задаётся вопрос доктору Дружинину, — «что З. Г. Френкель критиковал в разговорах с вами советское правительство и партию ВКП(б)?» Доктор Дружинин с весёлой усмешкой отвергает это: «Что за вздор! Никогда ничего подобного не было...». «Но, может быть, вы слышали, что в разговорах с другими лицами были у З. Г. Френкеля недоброжелательные выпады против партии и правительства?» Доктор Дружинин: «Что за чушь. Ничего подобного не было». После подписания протокола об этой очной ставке меня уведят в камеру. Через несколько месяцев, когда доктор Дружинин после выхода из БД пришёл навестить меня, как всегда полный бодрости, он с неисчерпаемым юмором рассказывал об этой очной ставке, на которой, по его словам, я слишком углублялся в философию, утверждая, что критика отдельных мероприятий может способствовать устранению случайных ошибок и совсем не возбраняется и т. д. А когда меня увели в камеру, то ответы ему на все эти соображения были сформулированы следователем в форме обычной кулачной расправы.

Спустя несколько дней ночью я опять был вызван к «следователю». На этот раз состоялась очная ставка с Андреем Григорьевичем Малиенко-Подвысоцким. Он решительно и твёрдо отрицательно отвечал на все вопросы следователя, не слышал ли он от меня критических замечаний и выпадов против советской власти и по поводу проводимых ею мероприятий? Когда я после бесконечного повторения и настаивания вновь и вновь со стороны следователя на этих вопросах указал, что при разборе планировки города или вопросов строительства и благоустройства я мог отмечать неудачные и неправильные решения и обосновывать необходимость устранения недостатков, необходимость учиться на выявлении ошибок, учиться, чтобы лучше работать на пользу поставленных партией и правительством задач, Андрей Григорьевич заявил, что он ни разу не слышал в моих выступлениях и высказываниях никаких намёков на антисоветские мысли. Андрея Григорьевича увели. С невыносимой остротой я почувствовал бес-

смысленность трагизма, всего, что развёртывалось только что перед моими глазами: Андрей Григорьевич — энтузиаст, всеми своими помыслами преданный социалистической революции, зачем он томится и подвергается мучительным допросам, очевидно, как и я, в течение уже многих месяцев?.. Мне стало невыносимо тяжело, и я почти не владел собой, с горечью неудержимо повторял это в лицо следователю, хотя и понимал полную бесцельность своих слов... Что могло дать метание бисера перед свиньями...

«Следователь» не ответил мне обычной бранью и побоями, а предложил мне написать и подписать мои ответы на вопросы, поставленные мне при очной ставке, а затем распорядился отвести меня в камеру.

Проходили дни и недели, опять наступил длинный перерыв в вызовах меня на допросы. Постепенно я переключил свой интерес на восприятие только того, что непосредственно было вокруг меня в изолированной от всего мира камере с её населением, несколько поредевшим и в то же время подновившимся новыми обитателями.

Меня заинтересовал пожилой, скорее даже старый румын, очень мало понимавший русскую речь и с трудом умевший высказать по-русски занимавшие его мысли. Несколько лучше он понимал по-немецки. Он исходил родную Румынию, стремясь найти поддержку у трудового народа своим взглядам на причины нужды и угнетения трудящихся. Эти причины он видел в том, что люди не получают правильного воспитания и образования в общих школах. В таких школах все должны обучаться не только грамоте, но и основам социальной этики, пониманию и усвоению учения об общественном долге, о добре. Христианство, по его мнению, устарело, не способно по своему содержанию руководить людьми в современных условиях. Он был хорошо знаком с учением Льва Николаевича Толстого, но и это учение его не удовлетворяло. Оно не разрешало основного вопроса, как на деле, реально, создать действительные предпосылки для того, чтобы все люди имели равные возможности и условия, чтобы жить «трудами рук своих» в организованном сотрудничестве и содружестве с другими людьми. Его воодушевили вести о широком размахе и успехах колхозного строительства в СССР после 1919–1933 гг. Чтобы ознакомиться практически с колхозами и колхозным строем, он ходил по Украине, был в Московской области, побывал в лучших колхозах Ленинградской области. С горечью он рассказывал, что люди в колхозах не проникнуты пониманием значения общественной нравственности, не стоят на том высоком уровне уважения к личности, к правам своих сотоварищей по коллективному хозяйству, не проникнуты пониманием добра и правды, которые должны связать людей в общем труде и во всей построенной на коллективных началах жизни. Главное, чего не понимают и что должны и, скорее всего, могут понять люди в социалистической стране, это то, что непременно в школах нужно прочно поставить обучение пониманию добра и зла, т. е. усвоению хорошо разработанной системы взаимоотношений и поведения людей общества, построенного на основах правды, честности и уважения к человеческому достоинству всех его членов.

Я внимательно выслушивал его рассуждения и речи, иногда довольно путанные и всегда проникнутые проповедническим духом. В них я улавливал

следы старческого ослабления критического познания, некоторые элементы какой-то простонародной религиозной веры в высшую силу «правды и добра», но, во всяком случае, я не мог себе объяснить, за что и зачем находится в БД этот старик — искатель правды на земле. Его отношение ко всему, что он мог наблюдать и испытать в БД, было созерцательным и совершенно лишённым даже самонаименования на обличение. Я ни разу не слышал от этого старика жалоб на постигшую его достаточно горькую участь.

Долгое время на ночь я получал место для сна на верхнем ярусе скамеек, которые особым способом составлялись в два яруса, чтобы каждый мог хотя бы во сне вытянуть свои ноги: одни — на полу, другие — на первом ярусе скамей, а третьи — на втором. Рядом со мною было отведено место одному из новых обитателей нашей камеры. Это был человек лет сорока пяти. Когда советский строй окончательно окреп и твёрдо установился после успешно законченной первой пятилетки восстановления промышленности, у нас началась вторая пятилетка — социалистической реконструкции хозяйства. Многие эмигрировавшие ещё задолго до революции в США евреи вернулись в СССР. Они твёрдо верили в установление в нашей стране общественно-политического равенства всех граждан, независимо от рода и племени. Кое-кто из бежавших от национального угнетения и несправедливости, от нищеты и политических преследований там, в США, во время благоприятной конъюнктуры выбились из нужды, устроились в качестве мелких ремесленников, имели свою слесарную или починочную мастерскую, обзавелись постепенно набором инструментов или даже штамповочным или точильным станком. Иные из круга таких еврейских эмигрантов, принадлежавшие раньше к революционным подпольным социал-демократическим кружкам, считали, что они по своим убеждениям должны вернуться в свою прежнюю родную страну и включиться в работу по строительству социализма. Им рекомендовалось при возвращении привозить с собою все свои инструменты и все имевшиеся у них орудия производства.

К числу таких вернувшихся по зову в СССР со всем своим оборудованием из США евреев-эмигрантов принадлежал и мой сосед по ночлегам. Прежде чем заснуть, он каждый вечер вспоминал и рассказывал мне о своей тяжёлой жизни до эмиграции, об участии в одном из городов черты оседлости в подпольном революционном кружке; об удачном побеге через границу, о долгих скитаниях, пока в Гамбурге не смог сесть на корабль для эмигрантов. Об очень тяжёлых годах в Америке, когда ему приходилось выполнять всякую работу, какую он только мог найти. Наконец, он устроился мелким ремесленником по починке посуды и утвари, потом завёл свой токарный станок, штамповочную машину. Считал себя настолько обеспеченным, что выписал к себе всю семью. Но когда пришла весть о полной победе пролетарской революции в России, он решил вернуться на родину. Здесь он вступил в производственный кооператив, отдал в него всё привезённое с собой своё оборудование. Когда он попал в БД, ему это казалось непостижимым недоразумением. Он молил и плакал перед «следователями» и тем самым ещё более ухудшал своё положение. Постоянно мучила его мысль о семье. По его словам, в такое же положение, как и он, попали и некоторые другие вернувшиеся из эмиграции члены производственного

кооператива. Я не знаю, какая судьба постигла в дальнейшем этого надломленного постигшей его бедою человека.

Проходили первые месяцы наступившего 1939 года. После довольно длительного перерыва я был вновь вызван к «следователю». На этот раз по первому впечатлению мне показалось, что произошла какая-то большая перемена в порядках ведения следствия. Мне предложено было сесть. Новый «следователь» производил впечатление какого-то вышестоящего начальника. Он сказал, что у него имеются показания против меня не каких-нибудь мало разбирающихся в деле людей, а вполне уважаемых учёных, даже академиков, о том, что я вёл антисоветскую деятельность, и что лучше всего будет, если я сам подробно и самокритично об этом расскажу. Я ответил решительным категорическим заявлением, что никакой противосоветской деятельности я не вёл и никаких противосоветских высказываний нигде не делал. Что, напротив, добросовестно работал по выполнению задач, лежащих на мне, как на советском служащем и профессоре. Что решительно всё, что до сих пор предъявлялось мне на допросах, было совершенно бессмысленным измышлением. Один из следователей допрашивал меня о моих разговорах с академиком И. Ю. Крачковским, но я никогда не говорил с ним и совершенно с ним не знаком. Другой следователь (Леонтьев) бил меня по лицу и угрожал разбить мне голову, заставляя сообщить, кто привозил мне голубей, но я никогда никаких голубей не держал, и это измышление я, по совести, считаю бессмысленным бредом. Я утверждаю, что и новые обвинения, выдвигаемые теперь против меня, ложны.

Много часов подряд этот новый «следователь» повторял, что у него есть достоверные показания против меня, но я вновь и вновь повторял, что это какая-то вздорная клевета и измышление. В конце концов, следователь приказал мне стоять, пока я не сознаюсь, но, не добившись моих признаний, через несколько часов приказал увести меня в камеру.

Несколько дней спустя, ночью, я был вызван на «очную ставку». За большим столом сидели человек шесть. Меня вызвали к столу, и следователь задал мне вопрос, знаю ли я сидящего в кресле и с улыбкой смотревшего на меня человека. Я взглянул на знакомое мне лицо и узнал в нём профессора Вл. Як. Курбатова. На вопрос следователя я ответил, что хорошо знаю Курбатова по совместной работе в 1919–1930 гг. в Музее города. Очень ценю его книги по истории архитектуры Ленинграда и по парковому делу. По предложению следователя Вл. Як. Курбатов, приятно улыбаясь, стал подробно рассказывать, что в Учёном совете Музея города я и профессор Щупак часто выступали с критикой мер, предлагавшихся дирекцией, и что однажды в 1920 или 1921 г. я зашёл к нему летом в Павловске и просил разрешения остаться ночевать у него, так как в Петрограде идут по ночам аресты среди интеллигенции. Но он, Курбатов, якобы отказал мне. В Музее города, в Отделе, которым я заведовал, по словам Курбатова, я собирал всякого рода материалы, не подлежащие огласке, чтобы такими материалами могли пользоваться зарубежные посетители. На мой вопрос, какие же это были материалы и какие сведения из них можно было извлечь во вред нашему государству, Курбатов указал на огромный мясной музей им. Игнатьева. На предложенный мне руководившим «очной ставкой» следова-

телем вопрос, подтверждаю ли я показания Курбатова и что я могу сказать по их поводу, я без всякого раздражения ответил, что все эти показания являются каким-то совершенно неосмысленным бредом. Я, действительно, один-единственный раз был у Курбатова в 1920 или 1921 г. в Павловске, во время экскурсии по ознакомлению с художественными памятниками Павловского парка. Курбатова я считал знатоком истории парков и поинтересовался узнать его мнение, что заслуживает подробного ознакомления в этом парке. Но ни о каком «политическом убежище» я его не просил. Это плод какой-то большой фантазии, а что касается музея им. Игнатьева, то он состоял из прекрасно выполненных ещё в 1911–1913 гг. коллекций образцов мясных продуктов, употребляемых в народном питании. Эти коллекции остались от Всероссийской гигиенической выставки. А первоначально они были экспонированы в Русском павильоне Международной гигиенической выставки в Дрездене. В Музей города они были переданы по решению Ленгорисполкома. Только болезненно расстроенная фантазия могла связать с этими коллекциями муляжей по гигиене питания какие-то бредовые подозрения.

Тут по моему адресу посыпались со стороны следователей окрики, что я оскорбляю проф. Курбатова, что я за это буду подвергнут особому взысканию и пр. «Да что же это такое?» — с изумлением ответил я. — «Все вы вместе с проф. Курбатовым обрушиваетесь на меня, совершенно ни в чём не повинного; мне предъявляются какие-то измышленные обвинения, и никто меня не защищает от оскорбительных подозрений, а когда я добросовестно отвечаю, мне угрожают!»

Старший из следователей потребовал, чтобы я извинился перед Курбатовым. Я заявил, что в мои намерения не входило оскорблять Курбатова, и я могу лишь высказать сожаление, если мои выражения оказались для него обидными... Долго ещё тянулись эти тягостные пререкания. Наконец, мне дали подписать протокол «очной ставки», в который были занесены мои заявления и ответы. После этого старший следователь обратился ко мне с предложением проститься по-дружески с Курбатовым и подать ему руку. Я заявил, что форма прощания с этим человеком — моё личное дело, и идти к нему с рукопожатием я не считаю нужным, а заставлять меня никто не имеет права.

Приведённый в камеру, я долго не мог подавить своего волнения. На следующий день я опять был вызван к «следователю». Он встретил меня словами: «Ну что, вы теперь видите, что против вас имеются показания известных почтенных учёных?». С полной откровенностью я ответил: «Да ведь вы же сами видите всю несостоятельность показаний Курбатова против меня. Он большой знаток архитектуры и паркового дела и, может быть, хороший профессор коллоидной химии, но по своим общественно-политическим взглядам он не подымается выше уровня щедринской газеты «Чего изволите». Ведь все его показания — это пустой ребяческий лепет». С тем я и был отправлен обратно в камеру.

Опять потянулись долгие дни и ночи жизни в нашей, всё ещё имевшей более сотни невольных жителей, камере, хотя скученность населения в ней заметно поредела. На время обо мне как будто опять забыли. Выносливость моего организма, по-видимому, стала падать. На руках и на груди

появилась какая-то мелкая эксудативная сыпь, говорившая о расстройстве вазомоторной системы. Мои ближайшие соседи записали меня на приём к тюремному врачу. Я был отправлен вновь в больницу на Выборгской стороне. Здесь было несколько лучшее питание. Ежедневно я стал получать облучение кварцевой лампой. Недели через две сыпь исчезла, и меня вновь вернули в прежнюю камеру.

Как всегда, неожиданно ночью меня разбудили и повели на допрос. На этот раз по какому-то незнакомому коридору я был приведён в просторную комнату, посредине которой за отдельным столом сидел, по видимому, какой-то высокий начальник, а с двух сторон, на поставленных рядами стульях, сидели несколько десятков лиц, среди которых я узнал некоторых «следователей», которые хорошо пригляделись мне во время проводимых ими допросов. Мне предложено было сесть на стул, на довольно значительном расстоянии от стола. После ряда предварительных анкетных вопросов начальник (о котором сидевший сзади меня тюремщик сказал мне, что допрос ведёт сам Гоглидзе¹) спокойным ровным голосом спросил меня, в чём я обвиняюсь и в чём состоит моё дело. В таком же спокойном тоне я отвечал, что я по совести не знаю, за что меня арестовали и в чём меня обвиняют. При первом же допросе я заявил, что добросовестно работал, как профессор, во 2-м ЛМИ и в ГИДУВе, но меня за этот ответ допрашивавший меня следователь — указал я на него рукою — избил и требовал, чтобы я собственноручно написал подробно о моей антисоветской деятельности. Но я не занимался противосоветской деятельностью, поэтому, сколько меня затем ни били, сколько ни угрожали, ничего не мог сочинить такого, что удовлетворяло бы этого следователя. Потом несколько дней другой следователь (я указал рукою на него) заставлял долгим стоянием и побоями написать, кто и откуда привозил мне голубей в Лесное, где я проживаю. Но я никаких голубей не держал, никто ниоткуда мне их не привозил и потому никакими понуждениями желаемого ответа я дать не мог. Я рассказывал обо всём этом спокойно, точно рассказывал о каком-то сне, а не о горькой для меня действительности. Подробно и с таким же эпическим спокойствием рассказал я о допросе в подвале, об «очных ставках» и о последней из них — с профессором Курбатовым, и закончил словами: «Так толком я и не знаю, по какому обвинению я арестован. Но зато я твёрдо и безусловно знаю, что я честно и добросовестно выполнял все свои обязанности советского специалиста, профессора».

Когда я замолчал, в водворившейся полной тишине начальник не в тоне официального решения или резолюции, а скорее в виде реплики на мои последние слова, но достаточно чётко сказал: «Вы свободны и получите возможность продолжать вашу профессорскую работу». Один из сидевших за мною «следователей», как раз тот, который с самого начала безжалостно избивал и истязал меня, предложил мне следовать за ним. Я полагал, что меня поведут обратно в камеру. Но, пройдя несколько переходов, он

¹ В описываемое время комиссар государственной безопасности 2-го ранга Сергей Арсеньевич Гоглидзе был начальником Управления НКВД Ленинградской области.

спустился по лестнице и передал меня тюремной страже, сделав какое-то указание. Меня привели в соседний коридор. Дойдя до последней двери в этом коридоре, сопровождавший меня приказал часовому открыть её. Меня впустили в совершенно неосвещённое помещение. Дверь за мною закрылась на засов. Я ошупью обошёл вдоль холодных обмёрзлых стен. По моему соображению, было уже 2 или 3 часа ночи, я был без пальто. Очень скоро сильно промёрз. Покрыться было нечем. От усталости хотелось прилечь или присесть. Мне стало ясно, что до утра мне не вынести холода, я неизбежно замёрзну в этом нетопленном карцере. Но ведь слова высокого начальника (Гоглидзе) пробудили у меня надежду, что меня должны освободить, а не заморозить в карцере. Я начал громко стучать в дверь. Часовой без брани объяснил мне, что до утренней смены он ничего не может сделать. Я требовал, просил его, чтобы он доложил старшему или кому-то из начальства, что меня по какому-то злему умыслу, против приказа главного начальника, заперли сюда. От холода у меня зуб на зуб не попадал. Часовой же настоятельно повторял, что он ничего сделать не может...

Я сел на пол, чтобы отдохнуть. От холода и отчаяния я громко выл. Опять стал стучать в дверь, до боли в кулаках. Мысль, что меня заморозят в отместку за мои показания, вызвала у меня какую-то стихийную решимость преодолеть создавшееся положение. Я поднялся и стал быстро ходить, чтобы согреться, и непрерывно, до полной усталости, делал гимнастические упражнения, повторяя их вновь после короткой передышки. Проходили часы. Собрал все силы, я продолжал свои движения для согревания.

Наконец застучали засовы двери, и новый часовой поставил передо мной кружку и чайник с кипятком. Ещё через час меня вывели «на прогулку», в узенький сектор, ярко освещённый утренним солнцем. Через полчаса мне принесли из камеры мой узелок с подушкой, одеялом, пальто и остатками хлеба и сахара. Мне дали возможность оправиться и умыться, а затем меня «с вещами», т. е. с узлом в моих руках повели в какое-то хорошо оборудованное помещение, в котором очень любезный молодой человек сообщил мне, что начальник госбезопасности поручил ему непосредственно доставить меня ко мне домой. Но для выхода из ДПЗ требуется выполнить ряд формальностей. Это займёт час-другой времени. Я могу располагать диваном, если хочу отдохнуть. Он любезно предложил мне помыться, выпить чашку кофе. Очень учтиво занимал меня разговором. Я подробно рассказал ему о проведённой мною ночи после беседы, на которой он, как оказалось, присутствовал, — в холодном сыром карцере, о моих физкультурных усилиях, чтобы не замёрзнуть. Я просил его передать начальству все эти «мелочи» и особенно дать указания «следователю», который называл себя Леонтьевым, чтобы при допросах он отказался от своих приёмов плевать в лицо допрашиваемым.

Мне было, наконец, предложено расписаться в получении отобранных при аресте частей туалета, часов, очков и других предметов, а также подписать обязательство не разглашать ничего о том, что я видел и чему был свидетелем, находясь в ДПЗ. Мы вышли через коридор и вестибюль на Шпалерную улицу (улицу Воинова) и сели в ожидавшую у подъезда просторную машину.

Трудно, пожалуй, даже невозможно, передать чувства и мысли, охватившие меня при виде Невы, открывающихся с Литейного моста перспектив далёких набережных и обрамлявших их знакомых зданий, при взгляде на синеву небесного простора. В пути я попросил сидевшего рядом со мной любезного молодого человека оказать мне помощь в возвращении мне взятых у меня при обыске нескольких десятков толстых тетрадей моих дневников, которые мне нужны для пользования имеющимися в них библиографическими заметками и извлечениями, а также рукописей подготовленных к изданию Академией наук СССР моей книжки «Об удлинении жизни и активной старости». Я получил обещание, что эта просьба моя будет выполнена. Мы проехали в Лесное с Муринского проспекта по Б. Объездной улице и остановились у калитки на Васильевской улице. Навстречу мне выбежала первой к калитке Лёля. Девять месяцев назад перед этим она бежала за извозчиком, на котором меня увозили с «Полоски», посылая мне вдогонку полные тоски и горя ободрения и обнадеживания, и теперь она оказалась первым родным человеком, которого я увидел после многомесячного пребывания в «обители печали, боли и горя». Провожавший меня «любезный» молодой человек зашёл в дом, чтобы сдать меня непосредственно с рук на руки моей семье.

Был первый день Пасхи, на столе стояли куличи, яйца и пасха. Только большим усилием воли я сумел овладеть собою... Я рассказал о вызове ночью к начальнику Государственной безопасности и обо всём, что произошло после этого. Зиночка высказала предположение, не связан ли наступивший, наконец, благоприятный поворот в моей безотрадно тяжёлой участи с её письмом в ЦК партии, которое она не доверила почте, а в результате настойчивых попыток и усилий вручила лично одному из работников Секретариата ЦК. Она разыскала и показала мне оставшуюся у неё копию этого письма. Ознакомившись с содержанием письма, я не мог отрицать, что непосредственная правдивость его содержания, если оно действительно было прочитано кем-либо из ответственных и влиятельных работников, могла сыграть спасительную роль.

Привожу дословно это письмо:

«В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

Товарищи! В ночь на 20-е июля 1938 г. арестован был мой отец, Захарий Григорьевич ФРЕНКЕЛЬ. Ему предъявлено обвинение, по словам ленинградского прокурора, в контрреволюционных действиях.

Этот арест такая невозможная ошибка и в то же время настолько жестокое оскорбление для моего отца — человека кристальной честности и всей душой, до совершенного, абсолютного слияния сроднившегося с нашей Советской Родиной и с нашей советской действительностью, — что я решила обратиться к Вам, товарищи. Помогите разъяснить ошибку, снимите жесточайше-порочащее обвинение с человека, всей своей семидесятилетней жизнью доказавшего, что для него честность, неподкупность, прямота, мужественная беспристрастность — есть сама его жизнь.

Помогите же и скорее, так как весь ужас ареста и подозрения в такой гнусности могут быть губительными для моего отца, ведь он стар и часто немощен, а удар слишком тяжёл. Представляю, как он — такой до сокро-

веннейшей глубины души правдивый и искренний — должен быть придавлен невыносимой, бесчеловечной тяжестью такого обвинения. Сама я давно кончила школу и ВУЗ, давно стала взрослой и рассматриваю и оцениваю отца совершенно объективно. Да и он, несомненно, настолько большой человек и настолько неповторимый, что никакой субъективности в оценке его быть не может. Он слишком глубок, самобытен, содержателен и до конца правдив всегда — так что даже отдалённая тень в его честности — кажется чудовищной ошибкой.

Именно только ошибкой может быть арест Захария Григорьевича. Потому то с такой надеждой жду, что Вы сможете это быстро разъяснить.

Ошибка со стороны, но для него это — удар! Ведь если обвинение и меры пресечения исходят от той власти, против которой борешься, как было не раз с отцом в царской России, тогда это тяжесть чисто физическая, которую надо перенести. Но когда обвинение и арест исходят от тех, кто ощущается, как свой, как родной и необходимый, — тогда они становятся настолько болезненными, настолько ужасными, что сомневаешься в самой возможности перетерпеть, пережить этот ужас.

Для моего отца вся наша советская действительность с самого начала не только принята, как существующая, но сделалась плотью и кровью его самого. Он всем своим существом и всем духовным обликом уже неотделим от нашей Родины, нашего строя и нашего правления. И при такой его сущности — ужасно, бессмысленно, тягчайше-оскорбительно предъявленное ему обвинение!

В самые первые месяцы Октябрьской революции, без какого-либо колебания или раздумывания, а просто и естественно отец стал работать только с Советской властью. У него не было перерыва в работе, как не было и обсуждения — куда и с кем идти. Весь его духовный склад подсказывал ему только одну дорогу — с Советами. Он сразу и окончательно, с 17-го года рвёт со всем, что могло ещё связывать его с прежним, дореволюционным, с друзьями по партийной работе. И он же настолько прям и твёрд в полном признании одного пути, что все колебавшиеся и раздумывавшие в те годы резко начинают отделяться от Захария Григорьевича, так как он — «красный». Для него же уже в это время ясно, что только в полной отдаче всего себя, всех своих сил и способностей одной Советской власти и в полном признании внутренней необходимости для страны твёрдого руководства единой партией — партии большевиков — только в этом может быть смысл жизни. Отец и работает с этими взглядами, отдаваясь с головой своему творчеству. Он строит в Ленинграде Отдел коммунальной и социальной гигиены Музея города, который скоро становится тем центром научной мысли по санитарии и гигиене коммунального хозяйства, куда стекаются врачи со всего Союза и где они — у отца, в его Отделе, находят знание и помощь во всех вопросах.

Сколько подлинного энтузиазма вносит отец всегда в свою работу, сколько настоящего горения и одушевления, что это всюду находит отклик, и он многих людей, может, самостоятельно и не нашедших бы себе дороги, увлекает на тот же путь — путь упорного, огромного труда, но труда ярко освещаемого и осмысленного идеей: всё — для страны, для народа, для этого строя. Это — период создания, по инициативе моего отца, Коммунальной

академии, куда съезжаются руководящие низовые партийные работники коммунального хозяйства, и где на лекциях Захария Григорьевича знакомятся с тем одухотворённым трудом, которым одним Захарий Григорьевич считает оправданной человеческую жизнь. Сколько писем, многими десятками, получал и получает отец от своих учеников с благодарностью именно за то, что он показал им «смысл жизни» и «радость советской работы». При развернувшейся в те годы, 1923–27-й, научно-педагогической работе, когда отец ведёт преподавание во многих ВУЗах, он, как всегда, как всю свою жизнь, прям и строг к себе и к своим публичным выступлениям, в которых он, — ни при каких обстоятельствах, никогда не допускает кривизны или недомолвок. Поэтому он часто в глазах большинства товарищей по научной работе, всё ещё, может быть, продолжающих выжидательную политику, остаётся слишком «левым». Это годы моего студенчества, и я как сейчас помню настороженное отношение к нему профессуры из-за слишком ясно выраженной его непартийной «партийности», из-за слишком прямо и открыто высказываемых им симпатий к новому строю.

Затем моему отцу пришлось пережить гибель его творческого детища — закрытие и разрушение созданного с такой любовью и с таким блеском Отдела коммунальной и социальной гигиены при Музее города. Это было очень тяжело и оставило в нём глубокий, незаживающий след, но, тем не менее, не уменьшило в нём любви к жизни и к своей стране, не сломало ни его энергии, ни его желания работать. Он весь отдался своей педагогической работе, одновременно проводя огромный труд над исследованием вопроса о старости. В этой области со свойственной ему глубиной Захарий Григорьевич создал совершенно новое понимание «старости» вообще и процесса старения человека, как члена общества, в частности. Соответственно вполне законченно оформившемуся у него пониманию общества, как коллектива, с тем или иным общественно-экономическим строем, им трактуется и проблема старости. Опять-таки, эта трактовка проблемы старости так нова и настолько необычна, что труд его о старости всё ещё не напечатан. Люди, лишённые его прямооты и его смелости в самостоятельной оценке всего существующего, всё боятся дать разрешение на напечатание книги — вдруг «что-нибудь не так», и они будут в ответе!

Отец не знал никогда в жизни, не знает и теперь, этого страха за себя, за своё мнение. Чем бы это ему ни грозило, он всегда честно и открыто высказывает своё мнение. В этом он стоит, несомненно, головой выше той части современной интеллигенции, которая не вышла ещё из старых, до-революционных времён. Он не взвешивает, угодно ли или негодно начальству и власть имущим будет его мнение, а высказывает его так, как он внутренне убеждён, что правильно.

И это было всегда одинаково: в 1914 году, призванный в действующую армию, он одел пустую кобуру и бутафорную шашку, так как всегда считал войну недопустимой. Из-за этого у него были большие неприятности. Но когда их воинская часть бежала под Сольдау, он — врач — останавливал бежавших обезумевших от страха людей. Он выдерживал выговоры, но не пользовался на фронте лошадью, пока в утомительных переходах измученные солдаты шли пешком, и сам шёл вместе с ними в рядах.

Так же и теперь: в любых общественных вопросах отец прямо высказывает своё мнение, совершенно не считаясь с тем, кому угодно так, а не иначе говорили.

Думаю, что вот это-то ровное и до крайности нелицеприятное отношение и могло создать отцу врагов, которые по недомыслию могли в смелой честности отстаивания своих взглядов увидеть мерзость преступления. Для Захария Григорьевича не существует разницы в разговоре и в обращении с самыми молоденькими из студентов-первокурсников и с самым высокопоставленным начальством из Наркомата или директором какого-либо учреждения. А такое отношение, надо признать правду, слишком ещё редко у нас и вызывает изумление, а зачастую может перейти и во вражду. Но, зная отца долгие годы в его отношениях с людьми, всегда поражаешься именно этому смелому признанию равноправия всех без исключения.

В личной жизни Захарий Григорьевич скромен до пуританизма. Он никогда не разрешал устроить ему ни одного чествования, ни одного юбилея. Сейчас, когда люди всё ещё падки до юбилеев, до наград, до признания их заслуг, когда кругом получают ордена и звания, отец всегда и от всякого выдвижения его отказывался. Я не знаю ни одного случая в жизни, когда бы он, даже в узком семейном кругу, сказал о своих заслугах или о своих достоинствах. Личная скромность его беспредельна. А достоинств у него ведь очень много. Сила и глубина его ума ставит его в ряд с наиболее выдающимися людьми нашей эпохи и только не знающая границ скромность делает его “рядовым учёным”.

Он заслуживает исключительного внимания и по размаху и широте образованности, культурности, и по совершенно необычайной для его возраста живости восприятия и захваченности всей идущей сейчас жизнью и по полной, убеждённой слитности с существующим новым социалистическим строем.

Нет такого события в жизни нашей страны, на которое отец не откликнулся бы с живостью юноши. Выполнение плана по заготовкам, по добыче угля — волнует его больше, чем любое событие его личной жизни. И всякая наша, советская, победа радует его с глубиной, доступной только до конца преданному, до конца проникнутому пафосом современности, человеку. Дома, в семье, где человек может быть сам собой, он живёт всё теми же радостями для всей страны. Я не видела его никогда недовольным, брюзжащим, судачащим впустую. Он всегда полон буквально юной энергии, брызжущей силы и стремления работать, работать, не покладая рук, для процветания страны. Он без малейшего недовольства готов на любые личные лишения, лишь бы это диктовалось интересами общего, народного блага.

Внутреннее содержание отца, особенно трогательное и прекрасное в нём, пришедшем в послереволюционную жизнь уже давно сложившимся человеком и сумевшим не только понять и оценить, но и себя, свою жизнь соединить и сочетать с нашей действенной и творческой действительностью — совершенно, абсолютно невозможно согласовать, сблизить со всем ужасом подозрения в нечестности, в злоумышлении против его страны!

Только поэтому это чудовищное, выдвинутое против отца по несомненному заблуждению обвинение, даёт мне смелость обратиться к Вам и взывать к Вашей защите.

Очень прошу сообщить мне, получили ли Вы моё настоящее письмо и что возможно тут сделать, когда произошло такое роковое недоразумение. Ничем иным арест моего отца не может быть, в этом порука — вся его жизнь, от начала и до последнего, настоящего дня.

Зинаида Захарьевна ШНИТНИКОВА (урожд. ФРЕНКЕЛЬ)»¹.

¹ Разумеется, никакого ответа на это своё с точки зрения сегодняшних наших знаний о тех событиях наивное письмо Зинаида Захаровна не получила. Одновременно с Захарием Григорьевичем был арестован и её муж, замечательный учёный, профессор, ученик и соратник академика В. И. Вернадского — Арсений Владимирович Шнитников, крупнейший специалист по многовековым и внутривековым ритмам земли. Обладая энергичным и решительным характером, Зин. Зах. не могла пассивно реагировать на необоснованный арест отца и мужа. Она деятельно и бесстрашно боролась за их освобождение: звонила, ездила в Москву, писала письма во все инстанции. Наконец, она написала и приведённое в воспоминаниях Захария Григорьевича письмо в ЦК партии и сумела проникнуть в здание ЦК (что вызывает сомнения) и передать это письмо лично в руки сотруднику Секретариата. Однако предположение Захария Григорьевича, которое разделяли почти все члены его семьи, о том, что именно такое убедительное ходатайство могло послужить причиной его освобождения, вызывает большие сомнения. Действительно, тогда все домашние наивно верили, что можно было с помощью таких призывов к справедливости вытащить людей из кровавой мясорубки массовых репрессий. Это в то-то время, когда даже у большинства членов Президиума ЦК (у Калинина, Молотова, Ворошилова, Будённого и др.) сидели жёны, дети и другие члены их семей. В действительности, причины освобождения З. Г. Френкеля, А. В. Шнитникова, их соседа — профессора, преподавателя политэкономии Сергея Александровича Оранского и других их знакомых крылись в другом.

Они стали понятны лишь после того, как перестройка открыла доступ к секретным документам партии и правительства того времени, которое теперь можно назвать не просто «культом», а «террором» личности Сталина. Начало 1938 явилось апогеем развязанного им насилия, когда оно уже совершалось не в порядке каких-либо кампаний (против троцкистов, бухаринцев и др.), а по инерции, даже, можно сказать, по стихийно возникшей закономерности: в органы НКВД потоком шли доносы от карьеристов, стремящихся занять лучшие должности, отправив в застенки тех, кто их занимал; многие арестованные, не выдержав истязаний, оговаривали и себя, и знакомых, сослуживцев, порождая тем самым «соучастников» и т. д.

К середине 1938 репрессии достигли таких масштабов, что Сталину стали докладывать о катастрофическом положении с кадрами в хозяйстве, в армии и науке. Именно поэтому он решил несколько ослабить репрессии, свалив, как всегда, ответственность за них на непосредственных исполнителей и, в первую очередь, на Ежова и его подручных, обвинив их в «перегибах», «злоупотреблениях» и «превышении власти». Он назначил заместителем Ежова Берию, который уже с сентября–октября 1938 г. стал фактически управлять аппаратом НКВД, а с декабря Ежов был окончательно отстранён от должности; в органах началась чистка ежовских кадров. Именно поэтому ни Захарий Григорьевич, ни Арсений Владимирович не успели получить никаких приговоров, не были осуждены, их «дела» были прекращены на стадии следствия. А в марте 1939 состоялся XVIII съезд партии, после которого был освобождён не только ряд учёных, конструкторов, военных, находившихся под следствием, но и реабилитированы некоторые невинно осуждённые люди. И действительно, одновременно с Захарием Григорьевичем и Арсением Владимировичем домой вернулись и Сергей Александрович Оранский, и другие их знакомые. Так что дело было совершенно не в письме Зинаиды Захаровны.

После прочтения этого письма вызванное им чувство отразилось в написанном акrostихе:

Зловеще над нами потёмки сгустились,
И мы в непроглядную мглу погрузились.
Нет мочи, нет силы сносить униженья...
Отбросивши страх, позабыв все сомненья,
Через рвы и сквозь сети густых заграждений
К несбыточной цели ты будешь стремиться,
Аварий стихия не может страшиться!

Насколько я мог позднее узнать обстоятельства, предшествовавшие моему освобождению из Большого Дома, благоприятную роль сыграли показания и отзывы обо мне ряда лиц, которых вызывали для дачи сведений обо мне в БД, в том числе — особенно директора Научно-исследовательского института коммунального хозяйства И. М. Маврина. Он очень хорошо знал меня по продолжительной совместной работе, я был его заместителем по научной части. Так же объективно отзывались обо мне профессора К. Н. Шапшев¹, Н. К. Розенберг и др.

Потребовалось значительное время для того, чтобы хотя бы в какой-то степени зажили физические и моральные раны, нанесённые мне во время пребывания в Большом Доме. Тем не менее, постепенно жизнь вошла в своё привычное русло, и я вернулся к своим прерванным занятиям и интересам.

В воспоминаниях, относящихся к 1939 г., расскажу об удовлетворении, оставшемся у меня от подробного ознакомления в начале августа с крупным пригородным совхозом в Новой Деревне, сельскохозяйственные успехи которого были основаны на рациональном использовании городских нечистот и мусора. Отправляясь для осмотра полей, ягодников и компостных штабелей этого совхоза, я взял с собой моего тринадцатилетнего внука Котика Самофала, сына моей младшей дочери и её безвременного умершего мужа Саввы Артёмовича Самофала. Подсознательно казалось мне, что он будет продолжателем жизненного дела его замечательного отца в познании биологических закономерностей растительного мира.

Более 900 га посевной площади и ягодников — чёрной смородины и малины были в прекрасном состоянии. Компостирование осуществлялось в виде простого складирования городского мусора штабелями в 1–1½ метра с прикрытием их до созревания землёй. Перепревший мусор использовался вместо навоза для обогрева парников. В совхозе имелись два посёлка для рабочих. К сожалению, обсадка дорог фруктовыми деревьями совхозом не была осуществлена. Зимой на каждый гектар выгружалось по 1 000 т фекалий. Это обеспечивало превосходные урожаи капусты, свёклы, моркови. Котик с большим интересом осмотрел вместе со мною все стороны и отрасли этого хозяйства. Особенное внимание его привлекли боль-

¹ Шапшев Константин Николаевич (1885–1942) — профессор кафедры гигиены, зам. ректора Пермского университета; с 1934 одновременно работал в ленинградском ГИДУВе.

шие участки земли, занятые кустами чёрной смородины с кистями крупных ягод, величиной с вишню.

Я редко посещал кино, поэтому у меня осталось в памяти, что вечером в тот же день я со старшей внучкой Любочкой (дочерью моей средней дочери Лидиньки) смотрел на экране «Сорочинскую ярмарку» и был изумлён высокой техникой цветного фильма.

В тот год, в июле–августе–сентябре, по утрам я много, больше, чем всегда, работал в нашем придомовом саде и огороде. Больше, чем всегда, я был во власти непреодолимого желания оставаться под открытым небом, работать, копать, обрабатывать землю.

В августе в течение двух недель я пробыл в Москве, изучая новое крупное строительство. Осматривал построенную новую Ленинскую библиотеку, перестроенные два квартала улицы Горького (от Охотного ряда и гостиницы «Москва» до площади Моссовета). Пешком обошёл также и другие районы города, где велось строительство, связанное со сломом домов в старых кварталах — вплоть до площади Маяковского. Осмотрел площадь, где раньше был Страстной монастырь, а также весь район Останкина. Обошёл все задворки строительства Сельскохозяйственной выставки.

При первом общем её осмотре мне показалось, что очень слабо организованы посещаемость и обслуживание посетителей. Не было ещё общего путеводителя, каталога, сколько-нибудь путного плана размещения экспозиций. Не было возможности изучать выставку для командированных: не существовало никаких сезонных или недельных входных билетов. Зато имелось слишком много дорогостоящего «художественного оформления». Потом я несколько дней целиком посвятил осмотру Сельскохозяйственной выставки и всё более поражаюсь неисчерпаемым её содержанием. Поучительны были на ней ветряные двигатели Херсонского завода; автоматические управления гидроэлектростанции; павильон Сибири с железнодорожным поездом на ходу; узбекистанские фруктовые сады; конезавод Курской области; передвижное, дневное кино; подвесная дорога для доставки корма скоту; автомашины с газогенераторами в отдельном павильоне механизации; амурская, сибирская и арктическая флора.

Между прочим, ещё тогда я отметил, что следовало бы на выставке организовать специальные отделы по сельскохозяйственному использованию городских и других отбросов, отвести целый павильон для показа итогов анализов, моделей, планов устройства парниковых хозяйств на помойном мусоре; показать поля запахивания и закапывания; компостирование мусора и отбросов; использование всех видов ила в сельском хозяйстве. Нужно было устроить специальный отдел сельского водоснабжения: устройство сельских водопроводов, каптаж ключей, артезианских скважин, запруд; показать механизмы для водоснабжения, гидравлические тараны и их применение для сельского водоснабжения, показать колодцы всех видов и др. Показать также жилищное строительство в колхозах и совхозах. Подобно яслям (имевшимся на выставке) следовало бы построить участковые сельские лечебницы с огородом, садом, полями орошения и пр. Следовало бы добавить особый отдел зеленых насаждений и зелёных массивов в городах и показать в нём: 1) фруктово-ягодное использование городского озелене-

ния; 2) огородно-овощное, тепличное и оранжерейное хозяйство городов, в том числе — цветочное; 3) лесопарки вокруг городов; 4) механизацию работ в городском садово-парковом деле; 5) борьбу с вредителями; 6) озеленение школ, лечебных и других учреждений; 7) городские питомники.

В этот же период я осматривал посёлок для выселенцев из реконструируемой Москвы, сады и огороды дачников у станции Удельной Московско-Казанской железной дороги. Осмотрел новые центральные площади и вновь построенные мосты — Москворецкий, Устьинский, Б. Каменный, набережные в Замоскворечье и другие вновь построенные набережные. Сильное впечатление оставила поездка на пароходе по Москве-реке и по каналу до Химок и Химкинского речного вокзала.

В 1939 г. на одном из заседаний Ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества некоторые его члены — А. Я. Гуткин¹, Р. А. Бабаянц, А. И. Штрейс, М. Л. Иоффе и др. — подняли вопрос о том, чтобы отметить на специальном заседании Общества истекавшее в конце года моё 70-летие (как председателя Общества). Я просил правление и Общество не поднимать этого вопроса и вообще не отмечать никакой юбилейной даты, связанной с моей деятельностью. Я настаивал на этом моём желании в особенности потому, что меня ещё не оставили, ещё свежи были воспоминания, связанные с пребыванием в Большом Доме, закончившимся только 9 апреля 1939 г.

Несколько месяцев спустя, знакомясь в правлении Всесоюзного общества гигиенистов в Москве, работавшем под председательством Н. А. Семашко, с материалами заседаний правления ленинградского отделения Общества, я обратил внимание на запротоколированное моё нежелание устраивать юбилейное чествование. Но, тем не менее, мне было приятно получить по поводу этого личные письма от Николая Александровича Семашко и Альфреда Владимировича Молькова. Мне кажется, имеют интерес следующие слова из письма Н. А. Семашко:

«...Из протокола я узнал о Вашем 70-летию. Горячо поздравляю Вас и желаю Вам “остаться самим собой до тех пор, пока в состоянии работать и жить”. От души желаю, чтобы это продолжалось многие и многие годы. Крепко жму руку. Н. Семашко. 28.П.1940 г.».

Альфред Владиславович Мольков в своём письме от 29.П.1940 г. писал: «Глубокоуважаемый Захар Григорьевич! Узнав из присланной стенограммы о том, что Вам стукнуло (увы!) 70 лет, я не могу отказать себе в удовольствии выразить живейшую радость, что указанный рубеж Вы переходите в состоянии далеко не исчерпанных жизненных сил, бодрости, живейшего участия в советской стройке, причём окружённый общей любовью и уважением.

Радует меня и то, что Вы ни на йоту не изменили своей установке свободного и независимого мыслителя и общественного деятеля, и что Вы учите окружающую Вас молодёжь самокритике и призываете её к рациональному использованию дореволюционного и зарубежного опыта.

¹ Гуткин А. Я. — профессор, зав. кафедрой школьной гигиены в ленинградском Санитарно-гигиеническом институте, занимался проблемами благоустройства детских учреждений.

Вот это обстоятельство, что именно только мы, т. е. люди нашего с Вами поколения, можем говорить этим языком и что нас, хотя и не всегда охотно, всё же слушают, — значительно смягчает мою обиду на то, что я родился не в 1900 году, а на 30 лет раньше».

В последнем предвоенном году (1940 г.) я много усилий отдавал работе во 2-м ЛМИ для обновления и расширения курса моих лекций по социальной гигиене на обоих факультетах — лечебном и санитарном. Тогда уже сильно давало себя чувствовать стремление сверху подменить социальную гигиену более узким понятием организации здравоохранения. Это приходилось учитывать при составлении программ. На фактическом построении и содержании моих лекций это не отражалось, так как для обоснования организации здравоохранения и всей системы его учреждений нужно было научиться исходить из познания социального здоровья и умения руководствоваться его показателями. Между прочим, в преподавании санитарной и демографической статистики для студентов санитарного факультета я использовал курс математической статистики и опыт её преподавания Борисом Ивановичем Карпенко в Политехническом институте. Много внимания отдавал я также успешному ходу подготовки диссертационной работы Татьяны Степановны Соболевой о детской смертности, её социально-гигиеническом значении и системе борьбы за её снижение в сельских районах. Защита диссертации Татьяны Степановны прошла вполне успешно в ноябре. Она оказалась активным помощником по поднятию общественной работы кафедры, по организации кружка социальной гигиены и т. п.

Большим успехом в 1940 г. было издание редактируемого мною гигиенического сборника в ГИДУВе. Мне было приятно, что удалось напечатать в нём мою статью о санитарной мелиорации территории населённых мест, а также значительный по объёму мой очерк «Санитарное благоустройство Детского Села» и содержание моей экскурсии с санитарными врачами, посвящённой вопросам планировки и благоустройства. Удалось, со значительным трудом по преодолению цензурных препятствий, поместить и очерк А. Г. Малиенко-Подвысоцкого о положении больничной сети и санитарного строительства, а также о недостатках больниц в городе Ленинграде.

Другим вопросом, который занимал меня в 1940 г. в ГИДУВе, был вопрос о создании помещения для гигиенических кафедр путём надстройки двух этажей над гигиеническим корпусом во дворе Института. Пришлось устранять препятствия на пути к разрешению надстройки, а затем согласовывать требования всех кафедр и выделить помещение для кафедры школьной гигиены, которую давно уже нужно было иметь в ГИДУВе. Специальные лекции по строительству и оборудованию школ и по школьной гигиене систематически, из года в год, читал по моему приглашению для цикла жилищно-коммунальных врачей А. Я. Гуткин. Свои курсы школьной и общей гигиены он читал и циклу санитарных врачей.

Разумеется, для того, чтобы лекции по школьной гигиене для санитарных врачей могли быть обставлены наглядно-показательными материалами и могли проводиться надлежаще, необходима была организация кафедры с соответствующим помещением, штатом помощников и лабораторией. Всё это очень тщательно было обосновано в моём докладе в дирекцию. Со сво-

ей стороны дирекция вполне разделяла мои доводы, но Ю. А. Менделева¹, ревниво оберегавшая монопольное право Педиатрического института быть единственным очагом подготовки кадров для медико-санитарного обслуживания детских возрастов, успешно добивалась в Наркомздраве СССР отклонения проекта об учреждении в ГИДУВе кафедры школьной гигиены. Я смотрел на это, как на временную неудачу, и в проекте размещения гигиенических кафедр считал, безусловно, необходимым предусмотреть помещение для школьной гигиены.

Много труда было положено А. Г. Малиенко-Подвысоцким для составления эскизных проектов надстройки и перестройки гигиенического корпуса. Было, в конце концов, получено утверждение кредитов на строительное проектирование, но вся эта работа пошла насмарку в связи с войною, и теперь, через десятки лет, проект надстройки находится дальше от своего осуществления, чем когда бы то ни было раньше.

В 1940 г. настойчивее, чем в предыдущие годы, я прилагал все мои усилия в ленинградском НИИКХе, чтобы сдвинуть с мёртвой точки дело практического осуществления некоторых легко доступных мер по благоустройству жилых улиц и кварталов в Ленинграде. Директор Института И. М. Маврин согласился обойти со мной все жилые кварталы между Литейным проспектом и Лиговкой, и я на месте имел возможность показать полную практическую выполнимость закрытия ряда переулков и улиц (Озёрного пер., Ковенского, Митавского, Виленского и др.), включением их в укрупняемый квартал, и создания таким путём внутриквартальных садов и свободных озеленённых пространств. Легко было на месте убедить в полной возможности, не откладывая в долгий ящик, а фактически выполнить целую систему оздоровительных мер по реконструкции и благоустройству жилых районов города в интересах удобства жизни и поднятия здоровья населения. К сожалению, из-за войны до сих пор дело это не сдвинулось с мёртвой точки, а лишь перекрывается глыбою планировочного пустословия и красноречия.

Приятное воспоминание осталось у меня от деятельного участия в жизни кафедры социальной гигиены 2-го ЛМИ находившегося в конце 1940 г. во временной командировке санитарного врача из Владивостока — доктора Рудника. Это был партийный человек, действительно отдавший все силы, чтобы претворять в жизнь открывавшиеся возможности социалистической перестройки общества. Он вполне понимал и разделял моё стремление отстоять на лекциях по социальной гигиене и в работах кружка социально-гигиенический подход к задачам борьбы с туберкулёзом, которая в директивных указаниях Наркомздрава СССР уже мало-помалу подменялась точкой зрения проведения противоэпидемических мер при открытых формах этой болезни.

В последние месяцы 1940 и в начале 1941 гг. я с увлечением был занят изучением материалов по организации ухода, лечения и питания больных,

¹ Менделева Ю. А. — профессор-педиатр. В 1925–1949 — ректор и одновременно зав. кафедрой социальной гигиены женщины и ребёнка Педиатрического института.

анализом общего состояния больничного хозяйства в лечебных учреждениях Ленинграда. Особенно тщательно изучал я отчётные материалы по наиболее крупным больницам — Мечниковской и Эрисмановской. Всю организацию дела в них я попытался осветить и представить наглядно в нескольких сериях графических таблиц, которые были воспроизведены Институтом здравоохранения.

Наиболее интересным для меня событием в конце 1940 г. была поездка по поручению дирекции ЛНИИКХа в Выборг вместе с Ю. Г. Кругляковым, чтобы ознакомиться с разрушениями, нанесёнными городу в ходе советско-финляндской войны и оказать помощь в организации восстановительных работ. После заключения мирного договора с Финляндией наша граница отодвинулась далеко на север от Ленинграда, и Выборг стал городом Ленинградской области. Немедленно начались работы по его восстановлению. Нам было поручено оказать содействие в вопросах планировки и благоустройства города. Ставшие во главе временных коммунальных организаций лица и назначенные им в помощь инженеры и техники очень благожелательно отнеслись к нашему приезду. В течение нескольких дней мы имели возможность осмотреть весь город, сооружения по водоснабжению, оценить состояние фактического жилого фонда и т. д. Некоторые районы Выборга были сильно разрушены артиллерийским обстрелом. В центральных же его частях многие крупные дома и промышленные предприятия не пострадали.

Огромный интерес представляло ознакомление не только с происшедшими в Выборге разрушениями, но и с оригинальным отражением в его облике разных исторических периодов его жизни. Период принадлежности Выборга к царской России запечатлён одним из центральных участков города — с русской церковью, губернаторским домом и зданием присутственных мест, как в любом прежнем губернском городе. Памятником старого шведского периода является крепость и прилегающий к ней район. Короткий период порабощения Выборга американским процветанием отмечен несколькими шестиэтажными домами для контор и служащих целлюлозно-бумажных предприятий, с доведённой до высших степеней капиталистической рационализации малометражных жилищ с механизированным обслуживанием бытового благоустройства (лифты, вода, газ, электричество и т. д.).

После осмотра нами двух городских водопроводов, ряда домов разного типа, городских улиц, площадей, садов и парков, а также хода ведущихся работ по восстановлению города, мы провели ряд совещаний с местными специалистами. Они очень приветствовали организованную помощь со стороны ЛНИИКХ. С одобрением была высказанная мною мысль о желательности устройства выставки работ по восстановлению Выборга, с показом на ней всех архитектурно-планировочных материалов о положении дела до начала восстановительных работ и на всех последующих их этапах до полного завершения реконструкции, а равно и всех проектов и показательных материалов по подготовке планов дальнейшего архитектурно-инженерного и санитарно-технического развития Выборга.

Одобрена была также моя мысль об организации специальной службы (или бригады) по выявлению, учёту, собиранию, сортировке, размещению

и распределению всякого рода строительного материала и предметов оборудования, погребённых под развалинами общественных зданий и жилых домов в самом Выборге и в ближайших его окрестностях. К числу таких материалов могли относиться не только кирпич, тёсаный гранит, плиты и другие стеновые материалы, но, прежде всего, железные и деревянные балки, трубопроводы, двери, оконные рамы, паркетные полы, раковины и пр. При извлечении всех этих материалов следовало тщательно разыскивать непокрытые водопроводные трубы для ликвидации большой утечки воды из городской водопроводной сети, о чём свидетельствовали недостаточный напор воды и отсутствие её в верхних этажах.

Бросалось в глаза, даже при беглом ознакомлении, полное отсутствие механизации при разборке полуразрушенных зданий, полное отсутствие применения обычных в теперешней практике механизмов. Ни одного деррика, ни одного экскаватора на этих работах не было видно. Отсюда — медлительность и недостаточная безопасность работ. Сама собой становилась ясной задача — наладить применение современных механизмов типа экскаваторов с грейферами, подъёмников, дерриков и т. п. для уборки территории города от развалов и угрожающих падений стен и частей зданий.

Я предлагал совершенно не вводить в проекты восстановления и первоочередной застройки те обширные пространства (несколько тысяч гектаров), которые прежде были застроены небольшими домами, а теперь представляли собой беспорядочные кучи развалин, а для устранения их наводящего уныние вида произвести на всём этом пространстве лишь минимальные работы по устройству нескольких сквозных дорог и дорожек и по расчистке более свободных участков для посадки кустарников и вьющихся растений (хмель) для декоративного закрытия руин.

В предвоенный период неотступно занимали меня вопросы о переустройстве кварталов, в которых фактически обитает основная масса трудового населения Ленинграда. В ноябре 1940 г., за полгода до начала бедствий войны и блокады, я разработал проект устройства в городе показательного «нового квартала». Этот проект был представлен мною в Институт коммунального хозяйства, как лучшая форма организации постоянной жилищно-строительной выставки. Привожу основные пункты этого проекта, так как в них отражался круг тех, казалось бы, элементарных требований, за проведение в жизнь которых я в течение всего периода с 1918 г. вёл неустанную борьбу.

Устройство строительной выставки должно было преследовать следующие цели: 1) привлечь внимание строящих организаций, строителей и всех соприкасающихся со строительством общественных организаций к лучшим, наиболее рациональным, экономичным, архитектурно и технически наиболее удобным и совершенным образцам, проектам, планам и приёмам как проектирования, так и самого осуществления строительства; 2) широко показать мощь, размах и характер нового строительства в условиях советского решения жилищной проблемы; 3) облегчить обмен опытом практического строительства разным организациям; 4) взаимно ознакомить действующие в СССР строительные предприятия, как между собою, так и со всеми подсобными и техническими службами, а также с источниками

получения и изготовления строительных материалов, готовых частей, конструкций, оборудования и пр.; и, наконец, 5) выявить требования к строительству жилищ, к его формам, к планам оборудования квартир, жилых и общественных помещений со стороны разных групп трудового населения.

Все эти цели, по уже имеющемуся опыту строительства показательных домов наиболее эффективно достигаются, когда сама строительная выставка является не собранием графических — плановых и художественно-архитектурных материалов и моделей, а образцом фактически осуществленного строительства, объектов, готовых к последующему практическому использованию их для жилья и размещения учреждений коллективного пользования.

В качестве опыта такого рода замены строительной выставки показательным комплексным строительством я предлагал разработать в программе строительства 1941 г. в Ленинграде проект застройки экспериментального нового квартала размерами в 6–8 га.

К сожалению, вероломное нападение фашистской Германии на нашу страну и последующая ожесточённая борьба не на жизнь, а на смерть с мощным агрессором, беспримерная по потерям, жертвам и разрушениям блокада Ленинграда похоронили этот и многие другие мои замыслы.

V. ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА. 1941–1945

Моим воспоминаниям о жизни в течение не длительного, но катастрофически тяжёлого периода варварского нападения на нашу страну немецко-фашистских орд я хочу предпослать документальные выдержки из повседневных записей и сохранившихся дневников за 1941–1944 гг.

Записи и дневники ведутся мною уже десятки лет, как вспомогательное средство для последующего выполнения поставленных перед собою задач и лежащих на мне обязательств. Эти записи предназначались только для самого себя. В них тщательно устранены всё и всякие соображения, кроме единственного — точного соответствия их воспринимаемой мною тогда действительности.

Выдержки из записей в дневниках

1941 г.

22 июня. Воскресенье. Утром я был в Пушкине — в Коммунальном садоводстве, покупал рассаду. Уходя из питомника, услышал по радио ужасную, потрясающую весть о начавшейся войне с Германией, о нападении без всякого объявления войны гитлеровской авиации на Севастополь и Киев, Одессу и Минск.

27 июня. На заседании О[бщест]ва гигиены я предложил резолюцию о готовности всех его членов отдать все без остатка свои силы для пользы военно-санитарного дела. Вместо стоявшего в повестке дня моего доклада об исторических параллелях в деятельности двух гигиенических о[бщест]в — Пироговского в России и American Public Health Association в США, я сообщил об основном содержании возможного содействия гигиенического общества для охраны здоровья в период войны.

20 июля. Во время утренней прогулки заметил следующие меры для поддержания условий санитарного благоустройства Ленинграда:

1. Сбережение школьных парт, выброшенных теперь из школ во дворы, прямо под открытое небо.
2. На свалках и во дворах собирать металлолом и железо оград.
3. Организовать обслуживание детей-дошкольников питанием и уходом.
4. Организовать школьные бригады для спешной заготовки на зиму ягод и грибов.

Нужно учесть неизбежное резкое снижение рождаемости с мая 1942 г. вследствие мобилизации мужчин в июне–июле 1941 г. Соответственно уменьшение родовспомогательных организаций и взамен того меры к максимальному сбережению и укреплению детей возраста 0–4 лет.

Необходимо установить формы взаимосвязи и координации работы общегражданских и военно-санитарных лечебно-профилактических и санитарно-профилактических учреждений.

5. Наиболее важны меры к поднятию питания населения путём мобилизации местных ресурсов (огородно-садовое, овощно-ягодное), использование для этого площади, свободной от застройки, внутри кварталов, а также вообще в самих населённых местах и их окружении, рыболовство и пр.

6. Нужно проводить санитарно-технические меры по очистке города, канализации, ассенизации, водоснабжения, жилищного благоустройства.

7. Произвести санитарно-статистические работы по сравнению состава больных (Ленинграда и области) за III квартал (июль–сентябрь) 1941 г. и за тот же период предшествующих лет (1938–1940) по возрасту, полу и по формам болезней в больницах и по обращаемости в поликлинической сети.

Выяснить влияние особых условий военного времени на характер заболеваемости, смертности и летальности путём анализа соответственных материалов, врачебных свидетельств о причинах смерти.

8. Привлечь внимание к вопросам рационализации и максимальной целесообразности, бережливости и экономии в хозяйственном обслуживании, снабжении всей сети лечебно-профилактических учреждений в городе и в селениях (лекарственное, аптечное, бельевое хозяйство, банно-прачечное, пищевое снабжение, топливо, персонал и пр.). Особое внимание регистрации, документации и отчётности в лечебно-профилактических и санитарных учреждениях в военных условиях.

23 июля. С 2 до 4 часов — осмотр двух школ, занятых для размещения зачисленных в армию добровольцев. Во дворе школ свалены под открытым небом парты. Двор обеих школ остаётся неблагоустроенным.

24 июля. 12–3 ч. ГИДУВ, написал записку о немедленном устройстве резервного водоснабжения (колодцы, запасной пруд), а также об устройстве навесов для школьных парт и водопроводных сооружений.

3–5 ч. 2-й ЛМИ. Разборка архива кафедр для выделения того, что должно быть эвакуировано и что подлежит уничтожению.

28 июля. Дежурил на кафедре до 8 ч [асов] веч[ера]. Прочитал «Химическая служба на участке МПВО».

1 августа. В первой моей лекции во 2-м ЛМИ наметил сказать: Об исключительности времени, когда приступаем к занятиям. Все усилия, на ка-

кие мы способны, все средства — на отражение врага, на борьбу с нависшей над нашей родиной опасностью, на оборону, поддержание здоровья и сил народа. Но в то же время нужно в более короткие сроки подготовиться заменить тех, кто призван в ряды армии, нужно спешно вооружаться знаниями. Вы должны стать достойными имени советского врача в такое трудное время. Что же такое советский врач, в чём его особые отличительные качества? — Он — организатор народного здравоохранения, советской медицины, которая впитала в себя всё лучшее, всё наиболее ценное из периода развития нашей общественной медицины. Это медицина, обслуживающая здоровье всего трудового населения.

9 сентября. В 7 час. утра отправился на дежурство во 2 ЛМИ, по пути — воздушная тревога, отсиживался в «щели». Затем ползком пробрался на ул. Восстания. В часы дежурства прочёл очередную лекцию 4-му курсу о сел[ьском] врачебном участке (с 10 до 12 часов). В течение всего дня с небольшими перерывами — повторные воздушные тревоги. С трудом добрался вечером до дому.

10 сентября. Весь день воздушная тревога. Много часов понадобилось, чтобы добраться до ГИДУВа. Вечером дома. Во время вечерней тревоги часть времени по приказу провёл в канаве (в «щели»).

13 сентября. С шести часов утра засыпал землёю ямы подле «щели», выравнивал подходы к ней и одерновывал. Работал затем на огороде до 11 часов. Доработался первый раз за всё лето до чего-то вроде сердечного припадка: стало не по себе, закружилась голова, тахикардия. Но потом всё прошло, и я продолжал копать. Боль в области сердца оставалась долго.

22 сентября. Из-за воздушной тревоги только вечером поздно добрался до дому.

7 октября. Время проходит, как в тяжёлом сне. Завтра, как сегодня. Сегодня, как вчера. Во вторник дежурил с 8 до 12 во 2-м ЛМИ. С 9 утра до 12 час. читал лекцию группе 4-го курса о сел[ьском] врач[ебном] участке. Чрезвычайно трогательны для меня заботы обо мне помощников по кафедре — С. И. Перкаля и Т. С. Соболевой. Постоянное чувство голода направляет мысль на поиски возможности пообедать. Обед без карточек — только первое. В понедельник виделся с Иликом. Милый, хороший, жизненный.

8 октября. К 10 час. утра — поездка в Зубоврач[ебный] институт для починки протеза нижней челюсти, сломавшегося при жевании корки ещё в понедельник.

9 октября. Ужас, невыносимая боль — немцами занят Орёл, бои идут за Крым (Мелитопольское направление) и Вязьму.

23 октября. ...Ночью прочёл сильную, заслуживающую внимания и всяческого распространения статью Ал. Толстого из «Красной Звезды» — «Кровь народа». Звучат не менее искренние ноты, чем в статье о Москве несколько дней назад, но написана сильнее и больше отражает глубокий смысл исторической преемственной ответственности. Привёл в порядок начало моего текста к работе о ранней детской смертности.

26 октября. С 3 до 7 пешком в Электротехническую академию. Виделся с Иликом. Окончил перечитывание 3-го т[ома] «Войны и мира». На этот раз внимание при чтении приковано было как раз именно к тем тягучим

рассуждениям о войне и массовых движениях, которые не привлекали к себе внимание прежде.

29 октября. ГИДУВ, с 3 до 5. Внёс предложение в дирекцию прочитать курс по оборудованию и санитарно-гигиеническому содержанию больниц и военных госпиталей.

30 октября. ...Удалось утолить невыносимое чувство голода двумя тарелками рисового супа и полной тарелкой каши.

31 октября. ГИДУВ. Подкрепил силы в столовой. Получил тарелку (полупорцию) соевых бобов (очень питательных) и макарон. Большое удовольствие утолить сосущее чувство голода. Получил карточку на ноябрь в столовую. По пути домой на трамвае № 38 — задержка в пути. Пришлось идти. Пришёл в 8 часов вечера.

7 ноября. Утром в 6 часов прослушал убежд[ающую], отчётливую, как всегда, речь Сталина. Речь замечательная по ясности построения: 1. Отсутствие для немцев войны на два фронта. 2. Но — бесплодность аргументов об опасности революции. 3. Гитлеризм — не национальный и не социальный, а реакционный империализм.

Причины немецких успехов на фронте: большая, чем у нас, подготовленность и преимущество в вооружении (танки, авиация, артиллерия), но есть основания к изменению соотношения сил в нашу пользу: 1. Тыл у нас ближе и крепче. 2. Красная Армия в процессе войны становится кадровой. 3. Неизбежность появления 2-го фронта. 4. Выравнивание в числе танков, авиации и артиллерии.

13 ноября. Вчера, в среду, терпеливо проделал в Доме учёных всю процедуру для получения права на обед. Простоял в трёх очередях, в одной из них — для получения пропуска в столовую. В общем, потратил на это 3 часа, но поесть ничего не удалось, требовались продуктовые карточки, которых у меня с собой не было. Унизительнейшая, гнусная процедура убивания сил и времени тысяч учёных.

14 ноября. Весь вечер и ночью — непрерывно повторяющиеся воздушные тревоги. Под гром взрывов и стрельбу зенитных орудий возвращался вечером пешком от Флюгова пер. Зарево пожаров. Сотрясение от сброшенных бомб. Усталость и неутолимое мучительное чувство голода убивают способность к работе. Утром сегодня, после тревожной ночи, в 6 ч [асу] у[тра] — опять воздушная тревога. Опять гром зениток и сотрясение взрывов. На дворе — холодный, леденящий ветер. Зарево пожаров на Петроградской и Выборгской сторонах. У горизонта полосами поднимаются чёрные тучи. Безотрадно холодно, пусто. В 7 ч [асов] — отбой в [оздушной] т[ревоги], но в 8 ч [асов] утра опять выматывающее душу завывание сирен, возвещающее о новом налёте.

15 ноября. С 11.30–2 ЛМИ. Затем отправился в Мечниковскую больницу на лекцию. По пути — воздушная тревога. Замёрз, ослабел. После тревоги приехал в Мечниковскую больницу, в павильон 33. Аудитория пустая.

19 ноября. Утром обычный круг работ (с 6.30). Затем — попытка поездки во 2 ЛМИ для переговоров с Т. С. Соболевой по вопросу Гос. мед. издательства. Поездка тягостно неудачная — полное нарушение трамвайного движения, воздушные тревоги. Ни Т. С. Соболевой, ни С. И. Перкаля на ка-

федре нет. Усталость и мучительное чувство голода. Но в столовую проникнуть не мог из-за огромной очереди. Кроме того, кроме водянистого «супа» без круп и овощей, но с отрезом талона из карточки на 25 гр. крупы — там ничего нет. Право на получение стакана чаю по столовой карточке передал служительнице по её просьбе (у неё двое детей). Неуютно, холодно, пусто. С 3 до 4.30 ГИДУВ. Возвратился домой на № 38 трамвая в 6.30 вечера. Воздушные тревоги начались после 7 ч[асов] вечера. Дома — немного писал введение к работе по 2 ЛМИ о ранней детской смертности. Ночью — закончил 4-й т[ом] «Войны и мира». Написан он был в 1867–68 гг. Последняя чисто философско-теоретич[еская] глава (философия истории) включает в себе характерные для Л. Н. Толстого рассуждения о существовании власти. Чем меньше непосредственных действий, чем дальше от непосредственной активной деятельности, тем больше власть. А далее широкие обобщения о свободе и необходимости с элементами диалектического разрешения по типу завоеваний математики дифференциальных и интегральных исчислений и анализа бесконечно малых. Я решил осилить до конца.

20 ноября. В столовой Дома учёных теперь пустовато. «Обед» едва ли покрывает калории, истраченные на пешее хождение до Дома учёных от Невского: с вырезкой талонов на крупу (по 25,0 гр.) в пределе подаётся (без ножей и вилок, но на отдельной тарелке и с ложкой) 1 тарелка кислых щей без приправки, т. е. вода и немного кислой капусты — $10 \times 4,1 = 41$ кал[ория] и 2 небольших «сырника» без творога — $20 \times 4,1 + 20 = 100$ кал[орий]; 1 стакан почти совершенно не сладкого чая — $8 \times 4,1 = 32$ кал[ории], всего — 170 кал[орий]. Хлеба вместо дневной порции в 200 грамм с сегодняшнего дня выдаётся только 125 гр. Если половину этого съесть за обедом, т. е. 62 гр., то это в пределе может дать ещё 36 кал[орий], т. е. в лучшем случае $1/5$ того, что нужно получить за обедом при обычной мужской ходьбе. Лучше не ходить и сберечь свои 100 калорий.

22 ноября. Как обычно, работал во дворе. Затем колот дрова, заправил печи, разметал снег. Отпил три крупных ветви от дуба подле водомерной будки. 4 — 4.30. Сел на трамвай № 38, который в течение более чем 2 часа возил по Кировской и Литейному, по ул. Восстания и Некрасовской, по ул. Жуковского к Летнему саду, по Кировскому проспекту и т. д.; а затем на № 26 без воздушных тревог в 7.30 вернулся домой.

23 ноября. Трагические впечатления от неожиданного прихода с мешком, в поисках пищевых крох для ребёнка, архитектора, автора «Планировки промышленного города» С. П. Покшишевского. «Кашка» — остатки мусорной ямы. Подкормился лепёшкой из отрубей. Вечером написал новую редакцию добавления в предисловии к моей книге об «удлинении жизни». В нём отмечалось значение выхода книги в условиях, сложившихся в Ленинграде. Вероломное нападение на Советский Союз разбойничьих гитлеровских орд сняло с очереди и отодвинуло на отдалённый план вопросы и дела мирного творческого строительства науки и жизни, вынудило сосредоточить все силы и средства на непосредственных задачах отражения врага. Однако определённый строй понимания демографических процессов и проблем в нашем обществе, их увязка мною с историко-материалистическим, социально-экономическим и философским миро-

пониманием, лежащим в основе содержания моей книги, представляет актуальную ценность в сложившихся исключительных условиях, когда руки фашистских агрессоров занесены над нашей культурой, грозя её уничтожением. Издание книги об удлинении, умножении сроков жизни людей в Ленинграде, когда над ними нависла угроза удушения голодом, холодом, непрерывными бомбардировками с воздуха и обстрелами артиллерией, было бы особенно знаменательно и служило бы показателем незыблемости воли к сохранению и утверждению советской культуры, уверенности в победе, в окончательном разгроме вражеских сил.

25 ноября. Утром — темно, нет электричества, не действует водопровод, стоит трамвай. Попасть в город нельзя. Приводил в порядок и дописывал несколько листов (6 страниц) введения и обоснование работы о ранней детской смертности. В 12.30 появился свет, но тотчас же началась воздушная тревога. После отбоя я пошёл к трамваю, но его не было. Вернулся в 6 часов.

26 ноября. Доехал на трамвае только до Литейного и опять воздушная тревога. Пешком до 2-й Советской. Во 2-м ЛМИ с 2 до 4.30. Пешком из 2 ЛМИ в ГИДУВ. Был у зам. директора, получил копию отзыва комиссии о моей книге. В 5.30 опять воздушная тревога. Пешком из ГИДУВа, через Литейный мост в Лесное, под вой и гул пушек, при отсутствии электричества. Пришёл домой в 8.30 усталый, голодный.

27 ноября. Мучительные волнения от слёз, горя, импульсивности внучки Любочки¹, стремительно убежавшей из дома, не съев ничего. Только поздно вечером вернулась. Попала под артиллерийский обстрел и взрывы бомб. Ужас бессилия что-либо узнать о ней и помочь ей перекрывает в течение всего дня и вечера сознание. Отсутствие света не дало возможности работать. Бесконечная воздушная тревога. Радио молчит. Исполнил желание Т. С. Соболевой и С. И. Перкаля — подготовил для них мои фотографии с надписями. Вечером и ночью (до 2 ч.) лежал в полной темноте. Работать нельзя за отсутствием света.

28 ноября. Весь день просидел дома. Ходил в очередь для получения «хлеба» по карточкам на 4 души на 2 дня (8 пайков = 1200 грамм). По дороге не в силах был удержаться, съел привесок в 50 гр. Горьковатый, непечённый, но как бы хотелось съесть весь килограмм! Немного писал литературную часть к работе о ранней детской смертности (о мёртворождаемости). Обстреливается немецкими дальнобойными орудиями Выборгская, Петроградская сторона и район центра города.

1 декабря. Необходимо во что бы то ни стало наладить в городе захоронение всё нарастающего числа умирающих от голода. Ведь это возможно: при смертности 100 на тысячу в год, т. е. в десять раз большей обычного в месяц, это значит 300 тыс. в год или до 1 тыс. захоронений в день. Грузовик

¹ Дочь средней дочери З. Г. Френкеля — Лидии Захаровны от первого брака с Вадимом Жаковым. Непосредственно перед началом войны окончила 10-й класс. Когда её мать с братьями и семья младшей дочери З. Г. — Валентины Захаровны были эвакуированы, Любочка осталась с дедом, бабушкой Любовью Карповной и старшей дочерью З. Г. — Зинаидой Захаровной в Ленинграде.

может взять 12 за один раз, 8 раз в день, т. е. 100 захороненных; в пределе, следовательно, нужно не более 10 грузовиков. Употребить для этого поливочные автоцистерны, сняв самые цистерны с шасси, но нельзя оставлять неделями лежать умерших в квартирах и на улицах. Немедленно открыть временные кладбища, всюду, где были они раньше закрыты, а также в городских парках и на пустырях. Захоронить, как в Лондоне, — по несколько в одном гробу. Организовать от треста бригаду для захоронения в каждом районе. Проявить в этом не словесность, а элементарную дееспособность. В более глубоких частях траншей и щелей, где почва не загрязнена, устроить заглубление ещё на 2–3 метра для дренажной воды и для использования этой воды в случае экстренной надобности (пожар, при остановке водопровода). Чтобы не предоставлять самотёку вырубку деревьев и слом заборов на топливо, спешно осмотреть в каждом районе и выделить подлежащее слому. Написать об этом в Исполком.

2 декабря. 23 ч. 30 мин. Прошёл день тяжкого раздумья в полной оторванности, в одиночестве. Просматривал мои тетради за три года — с 1939. Как нищенски скудно содержание дня теперь, в последние два–три месяца, по сравнению с прошлым годом. Просмотрел бегло всю книгу мою о старости, как части общего динамического комплекса жизни и творческого процесса О[бщест]ва. С болью ощущаются все искажения, внесённые разнужданным разгулом тупой, презренной, жалкой, более чем подлой, убогой цензуры типа Сагаловича. Не потеряло жизненных соков желание моё всё же ещё пытаться выпустить книгу, расширить её, сделать вставки. Их так много созрело уже у меня в голове. Восстановить хотя бы некоторые из купюр, внесённых идиотом и негодяем Сагаловичем. Какое-то субкортикальное¹ самосохранение отводит меня от мыслей о бедных моих сёстра-старухах. Где они? Что с ними? Если их уже нет в живых, как прошли последние дни их жизни в Остре? Какие ужасы и мучения выпали на их долю?! Светлая радость моих недавних свиданий с Иликом теперь кажется таким безвозвратным счастьем. Его отлёт и марш из Ленинграда — в далёкий тыл на учёбу — вносит опустошение в содержание моей жизни.

5 декабря. Утром был на Михайловской², ул. Герцена, 3/5. Пешком от Ланской домой с корзиной. Ослабевший наш пёс Норд — близок к издыханию. До конца дня я дома — потрясающий артиллерийский обстрел. Вечером по радио статья Николая Тихонова. Написал ему свою солидарность.

7 декабря. Работа во дворе. Голодно, холодно, серо. Непрерывный гул и сотрясения от орудийной стрельбы. Написал в окончательной редакции письмо «Отклик на выступление по радио Тихонова». Вечером мне передали о смерти Ник. Алекс. Крысова — от голодного истощения. Давно ли многообещающий корабельный инженер, которому я написал акrostих «Корабль в море выплывает» и т. д. — и такая скучная, серая, но тем страшнее и трагичнее смерть упавшего духом, ослабевшего от голода и отсут-

¹ Подкорковое.

² На углу Михайловской ул. и Площади Искусств в старинном здании находилась квартира дочери Захара Григорьевича — Лидии Захаровны, уехавшей в эвакуацию.

ствия душевной опоры человека хорошего, мягкого, но без направляющей сильной воли, который, как я писал о нём в 1920 г.: «тщетно град взыскует горний». Ноющее и казнящее чувство вины, что я не проявлял к нему чуткости и внимания в последний месяц, когда он приходил на «Полоску», как я теперь понимаю, за всяческой поддержкой. Бесповоротно — в этом тоска и ужас непоправимости.

Темно, гул орудий. Можно только лежать и думать, не закрепляя мыслей, не обращая их в умственную работу. А кругом атмосфера напряжённого нервного недовольства, возбуждённости, придирчивости... Вечером зашёл беженец Егор Козлов. Он устроился в ветеринарной лечебнице — убивает доставляемых собак и др[угих] животных и продаёт их части.

8 декабря. Вследствие снежных заносов и метели трамваи не ходили. Просидел весь день и вечер в полутьме и полной темноте дома с заколоченными окнами. Принудительное безделье. Периостит верхнего левого альвеолярного отростка. Невыносимо больно и познабливает.

9 декабря. Вышел из дому. Пошёл до Сердобольской ул., пути трамвайные не расчищены, тока нет. Пустился в путь пешком, чувствую себя совсем больным. Ушёл недалеко. Стало ясно, что до города не дойду. Повернул обратно, через парк, к Английскому проспекту. Трудно. Отдохнул, постоял. Приналёг, но от изнеможения потемнело перед глазами. Подумал — пришёл конец, такой неинтересный, пустой. С трудом, всё же отлежавшись на снегу, дотащился до дома...

Непрекращающийся гул артиллерии, Ужасные проявления голода. Как быть дальше? Встаёт неотступный вопрос — о конце.

Вечером неожиданно появилось электрическое освещение. Воспользовавшись, ночью писал дополнения к работе и пересмотрел отчёт Института здравоохранения за 1939 год. Нужно извлечь данные о возможности восполнения воспроизводства населения за счёт сокращения абортот.

Всю ночь сильная боль, воспаление надкостницы альвеолярного отростка верхней челюсти. Озноб. Отёчность щеки.

10 декабря. Неподходящее, прямо гиблое дело быть больным в этих условиях! Утром прорвался электрический свет. Тепло закутав щеку, вышел во двор. Трамвай стоит. В город при моём ознобе, недомогании не приходится и думать добираться. Любочка из очередей и поликлиники принесла вести, от которых стынет кровь. Разговоры об антропофагии¹.

От Совет[ского] Информбюро по радио радующая и вселяющая надежду весть о разгроме немцев у Тихвина и занятия нами города. Нехудые вести из-под Москвы, из-под Тулы и Калинина.

Итак, вопреки твёрдому решению добираться пешком в город, придётся сидеть дома. Зиночка прямо героиня труда и решимости. Вчера пешком добралась при всех её недугах и хворях до своей службы, а оттуда — на Михайловскую², где и ночевала.

¹ Людоедство.

² После того, как квартира Зинаиды Захаровны на Провиантской ул. (близ зоопарка) была разрушена немецкой бомбой, она часто из-за затруднений с транспортом жила в пустующей квартире сестры.

Целый день — определённо болен, периостит верхней челюсти, озноб, крайнее угнетение. Под вечер приехали из Секретариата и сообщили о предоставлении мне и семье 4-х мест в самолёте для эвакуации. Вылет 12 декабря. Как трудно решиться. Это очень сложно... Ночью на несколько часов был дан электрический свет.

11 декабря. Невзирая на недомогание был в ГИДУВе. Обратном пешком. Совсем изнемог. Осматривал приёмный покой в ГИДУВе, у Андрея Григорьевича. Бесконечно он милый и заботлив обо мне. Единственный (после Саввы Артемьевича Самофала) человек, которого я считаю искренним другом, и его дружбу очень ценю. Путь от ГИДУВа домой занял более трёх с половиной часов.

12 декабря. В течение двух часов (до пота) разгребал от заносов дорожку. Невыносимая боль в области воспалённой надкостницы. Отёчность и опухоль резко увеличились. Когда появилось (хотя и очень слабое) электрическое освещение, написал точные указания к набору книги о старости и разметил все вставки, как дополнения в конце книги.

13 декабря. Целый день дома. Озноб. Отёк левой щеки. Невыносимая боль. Сильные колики и понос. Дурнота. Работал через силу во дворе. Дописал о детской смертности. Разбирал до поздней ночи мои работы и намечал заведомо утопические планы их продолжения и окончания «е. б. ж.»¹ в течение 1942–1945 гг.

14 декабря. Утром — обычная порция дворовых работ. Собака Норд погибает. Парализованы обе пары конечностей. Впечатление — агония. Днём продолжал разбор рукописей, оттисков и всяких материалов. Невыносимая пустота и тоска... Кругом тяжело, отчуждённость².

15 декабря. Сильный мороз (ниже 22 градусов С). Трамваи не ходят. Чувствую себя изнеможённым и слабым. Решимости пуститься пешком в город не хватает. Отёк левой щеки уменьшился. Дело явственно идёт на улучшение, но всё время озноб, разбитость. В нынешних условиях, раз уж обессиливаешь, нужно быть готовым к концу. Дома более чем ужасно: Зиночка тяжело, мучительно страдает от нарывов, температура до 39 градусов. Я не способен ничем облегчить её положение.

Весь день разбирал свои оттиски и материалы, и хотя кажется (и совсем серьёзно об этом думаю), что погибну так же скоро и неприметно, как погиб такой, казалось, полный жизни и сил пёс Норд, но всё же на случай «е. б. ж.» в голове складываются планы тех необходимых для будущего расцвета жизни работ, которые, кроме меня, не составит никто. Если бы удалось разобраться с материалами, я бы хотел, чтобы после того, как меня не станет, они были переданы единственному другу, к которому у меня полное доверие, — Андрею Григорьевичу Подвысоцкому и Татьяне Степановне Соболевой.

При теперешней массе ежедневно умирающих от голода ничего не остаётся, как использовать для временного захоронения траншеи и щели в

¹ Если буду жив.

² Причиной семейного разлада с Любовью Карповной, дочерью и внучкой, несомненно, являлась продолжающаяся многие годы прочная связь З. Г. с его фактически второй семьёй — Екатериной Ильиничной и сыном Ильёй.

скверах, садах, пустырях, с тем чтобы вслед за восстановлением транспорта, ещё до оттаивания или летнего нагревания почвы вывезти трупы после массового изготовления стандартных гробов на загородные кладбища. При перекладывании в лёгкие гробы всю обувь и одежду снимать, пропускать через дезкамеры и передавать для снабжения беженцев...

16 декабря. Как вчера, утром с 7.30 до 10 выполнил нагрузку дворничьих работ. Разгребал снег, носил дрова, готовил растопки. Трамваи стоят, и у меня опять мучительная нерешительность пуститься пешком в город. Смогу ли преодолеть?

17 декабря. Путешествие в город было удачное. Дошёл до станции Ланской, поездов не было, но случайный № 33 привёз по маршруту 38-го и в 13.30, т. е. всего через два с половиной часа, был в институте (ГИДУВ). Мрачная обстановка — всё затемнено, а освещение электрическое выключено. Пусто в канцелярии, на кафедре никого, заперто. Потом увиделся со всеми работниками кафедры. Предстоит эвакуация Института в Иркутск. Андрей Григорьевич бодро деятелен. Не говорит о невзгодах, фактически работает, устраивает Приёмный покой, облегчает для меня положение в условиях голодного существования. Добираться во 2 ЛМИ не хватило сил и решимости. Ушёл к трамваю № 38 в 15.15. До 16.15 сесть не удалось. Пошёл пешком. Нужно пройти 16 остановок трамвая. Пустился пешком, не зная, дойду ли. Начиная со второй половины пути уже было утомительно. Вспотел. Упарился. Путевые впечатления: в полутьме — беременная (на 6 месяце) пешком из Пороховых. Идёт так же замедленно, как и я. Разговорились. У Флюгова пер. — юноша лет 20–22, смертельно усталый, везёт в Политехнический институт на финских санях отца — ещё бодрого, лет 60–65, инженера-профессора. Из района Технологического института вышел в 11 часов утра, до Флюгова везёт (без пищи и питья) уже 7 часов, не знает, довезёт ли, и по какой дороге идти в Политехнический... Выбился из сил. К 8 часам вечера я добрался домой, мокрый от пота, смертельно усталый. Гуманное отношение ко мне Зиночки, но чёрствость и ожесточение со стороны Любви Карповны и пассивно-безразличное, или, пожалуй, даже недружелюбное отношение со стороны Любочки, а ей так много места принадлежит в моей душе, в моих чаяниях ещё со времени, когда она замелькала ранним весенним анемоном-первоцветом для Лидиньки. Я тогда после рождения Любочки выразил в стихотворении Лидиньке зарождавшееся моё отношение к внучке («Ветер листик с лещины сорвал молодой» и т. д.). Интересно было бы восстановить это моё стихотворение, отражавшее мои тогдашние тревоги и страдания за Лидиньку и бессознательный перелом моих возродившихся с первым весенним теплом надежд на её «первоцвет» — мою внучку.

19 декабря. Утром и днём много работал во дворе. Исправил двери в сарае, убрал собаку, дрова и растопки.

20 декабря. Утром — работа во дворе около 1 часа. С 11 до 14 была у меня Соболева, принесла из 2 ЛМИ 440 руб. Я решил в ближайшие дни собрать воедино все мои работы о Петербурге–Петрограде–Ленинграде для нового расширенного и переработанного издания моей книги «Петроград периода войны и революции», под заглавием «Петербург–Петроград–Ленинград за

50 лет (1892–1942). Санитарно-технические и санитарно-демографические очерки»; либо — «Санитарно-технические и санитарно-демографические очерки. Петербург–Петроград–Ленинград за столетия», включающие в себя три революции и две мировых войны. В качестве материалов для этой книги могут служить мои работы: «Петроград периода войны и революции», 1924 (отд. книга), «Благоустройство и население Ленинграда» (изд. 1928 г.), «Перспективы развития Ленинграда во второй пятилетке» (отд. работы), «Врачебно-санитарное дело Ленинграда» (отд. статьи в сборнике), большая статья «Санитарный очерк Ленинграда», статьи о канализации Ленинграда и очередности её строительства, статьи об общей и эпидемической заболеваемости в Ленинграде, «Планировка Ленинграда», статья 1935 г., мои описания экскурсий по Ленинграду.

21 декабря. Весь день дома, дворовые и комнатные работы. В течение второй половины дня и вечера — вплотную был занят «Мемуарами» И. А. Дмитриева. Написал заметку о них для передачи в Рукописный отдел Публичной библиотеки.

22 декабря. Утром — обычный круг работ во дворе и по дому в темноте. Окончательно оформились у меня мысли о первом периоде зарождения форм и содержания деятельности земских врачей. Нужно сделать извлечения из «Мемуаров» Ив[ана] Андр[еевича] Дмитриева. С 11 часов — сборы в пешее путешествие в город, в оба института. Если доберусь до города, нужно непременно взять для работы таблицы и настаивать на проталкивании дела с изданием Госмедиздатом книги об «Удлинении жизни» и о передаче в Публичную библиотеку воспоминаний Ив. Андр. В ГИДУВе переговорить с Андреем Григорьевичем об эвакуации Отдела и снабжении кадров, об издании моей книги.

На путешествие не хватило решимости, остался дома. Автоматически вся программа переносится на следующий день.

23 декабря. Утром, пока темно, работал во дворе и по дому. В 10.30 вышел пешком в город. Пытался разузнать о поездах со станции Ланской. Неизвестно, не то будет поезд, не то нет. Трамвай стоит в пути. Ток появился, но пути занесены и замёрзли. Прошёл от конфетной фабрики по проспекту Маркса пешком до Клинической улицы, оттуда через Литейный мост пешком в ГИДУВ. Всё расстояние: от дома до ГИДУВа составляет 10 км. Назад вышел из ГИДУВа в 16.20, в пути 4 раза сидел на улице по 15 минут, в пути пробыл 3 часа 20 минут. Домой пришёл в 19.40. Первое, что узнал в ГИДУВе — о смерти и похоронах Алекс. Алекс. Ашихмина. Смерть от голода витает кругом, но всё же смерть молодого, выдающегося по организованности, систематичности и подготовке Алекс. Алекс. меня сразила и привела в уныние. От многокилометрового путешествия я смертельно устал. Не думал, что смогу вернуться пешком в тот же день. Но, сообразив трудность ночёвки в холодной и тёмной аудитории, без клозета, без надежды утром что-нибудь съесть, решил идти пешком домой. В обратном пути совсем изнемог. Ночью читал (когда появилось электричество) «Мемуары» Ив[ана] Андр[еевича].

24 декабря. Разбитость после вчерашнего 20-километрового дневного марша (считая в оба конца). Утром с натугой обычная работа: ставни от-

крыл, принёс дрова в кухню и для двух печей и пр. Днём закончил разборку случайных остатков моего личного архива. Жалко уничтожить хотя бы эти жалкие остатки переписки. Просматривая, переживаешь протекшую безвозвратную жизнь. Во второй половине дня заготовил корзину растопок. Весь день, весь вечер и ночь чувство ноющего голода Ощущение безысходности. Не выжить. Картошка и всё другое на исходе. Последние остатки сухарей. Но это так безнадежно мучительно и деградирующе унизительно — алкать. Заметно стали падать силы. Двигаться трудновато. Ноги слабо держат и худо действуют. Сон потерян. Но голова работает без усталости. Планы для работы рождаются, развёртываются, оформляются, мысли занимают и увлекают.

Голод и полная невозможность утолить его ощущается как затягивающаяся на шее петля. Выхода не видно. Кругом — смерти и смерти. Преимущественно мужчин. Несут без гробов, везут на санках, — куда ни пойдёшь. Завтра 25 декабря. Если доживу, будет мне полных 72 года. Просижу дома, идти нет сил, а сообщения никакого. Трамваи замёрзли и замерли. Хотелось бы закончить «Мемуары» Ив. Андр. и 2) написать письма Жене и Марусе, Лидиньке, Лёле, Котику, Круглякову, Екатерине Ильиничне...

25 декабря. В 10 час. пришла Т. Ст. Соболева. Принесла поздравительное послание от сотрудников кафедры с исполнившимися мне 72 годами и весть об увеличении хлебной выдачи на 100 гр. (с 250 по 1-й категории до 350, а для иждивенцев со 125 до 200 гр.). Это известие как объективное подтверждение ослабления или разрыва, либо — прорыва кольца блокады вызвало в доме большую радость. Татьяна Степановна подняла вопрос о разработке темы «Демографические сдвиги в условиях осаждённого города». Я написал в учебную часть записку в обоснование этой темы. Сообщила о возбуждении в Горкоме партии дирекцией вопроса о выдаче мне рыбьего жира и глюкозы. А у меня горький привкус — много внимания и чести, а от активной деятельности — отодвигание; значит — ценят, хорошими словами балуют и жалуют, но в моей работе особой нужды не видят: и без неё, т. е. без моей работы — худо не будет, обойтись можно. Но я хочу условий и возможности работать, действовать, а не бессодержательного и пустого занятия — срезания купонов с нажитого капитала, с признания заслуг. Будет что кушать, и я буду проявлять активную работу и почин, буду преодолевать все трудности для развития, совершенствования, углубления и расширения подготовки настоящих леч[ебно]-сан[итарных] профкадров.

Весь день и вечер прошёл в обстановке улучшающихся бытовых условий: электрический свет и вода — без перерыва весь день. Хорошо топлены две печи, хлеба съел 350 гр. Во второй половине дня — кофе с замечательным пирогом из отсева из месетки, изготовленным Зиной, и мясное — из трупа собаки. Чувство голода заметно ослабело и не мешало обдумывать программы и планы больших будущих работ и внимательно штудировать «Мемуары» Ив[ана] Андр[еевича] Дмитриева. Их не успел закончить и к часу ночи. А кругом атмосфера гиперестезии: слёзы, упрёки, укоры. И жалко, и больно, и полное бессилие помочь. Всё даёт обратные результаты. А параллельно всему животное чувство голода. Всегда, день и ночь, после еды — ещё обострённое, ещё мучительнее, чем до еды. Так

остро одно желание, вытесняющее всё красочное, тонкое, сложное сплетение стремлений, чувств, желаний, переживаний высшего порядка, одно алиментарное¹ неукротимое желание — поест хлеба, целую краюху, целый батон! Всё глохнет, тускнеет, обращается в скудную пустоту по сравнению и под плетью этого «безусловного» голоса организма. Высшая нервная деятельность принижается до уровня её у несчастного нашего пса Норда, так же устремлённого на зов организма к еде, как и я.

26 декабря. Сегодня ночью электричества не было. Сон бежал от меня. Между прочим, пробежал мысленно все этапы моей жизни. Как складывалась моя личность: совокупность приёмов действия и поведения; и переживания, мысли, стремления, их сопровождающие. Сколько полных захватывающего интереса и драматизма положений! Сколько богатых содержанием встреч в жизни с людьми первого ранга — с драгоценными алмазами и самоцветами человеческого мира: Лукьянович, Анна Ник. Деген-Ковалевская, Ник. Александрович Огородников, Иван Васильевич Шулепников, Кокошкин, Пётр Иванович Куркин, Подвысоцкий Влад. Валериан, Савва Артемьевич Самофал и др. Писать систематические воспоминания или заметки — этого я не могу: неисчерпаем материал и, главное, у меня нет желания всё и все положения освещать и фиксировать. Этого я сделать не смогу. Есть слишком много событий, дел и явления, которых касаться или устанавливать и документировать не могу. Но всё же думаю, что следует завести отдельную папку для отрывочных моих некоторых воспоминаний и заметок.

28 декабря. Ни утром, ни днём, ни ночью не было электричества. При моём слабом зрении у письменного стола работать не мог. Обычный круг утренних работ в полной темноте (принёс дрова со двора, заправил печи, устроил место для сбора золы из печей на удобрения). Поражает выносливость и энергия Зиночки по отстаиванию нашей жизни от голодной смерти. При её болезнях она много раз и подолгу стоит в очередях. За 45 руб. купила на рынке 100 гр. хлеба. За такую же сумму с придачей двух пачек табаку — одну небольшую кормовую свёклу, из которой Любовь Карповна сварила сегодня свекольный суп, выменяла свои платья на 1 получку масла, была в ветеринарной лечебнице, купила 100-граммовую шоколадную плитку за 110 руб. с вещевой придачей, стояла на 20-градусном морозе часами в очередях. А в доме — атмосфера напряжённого страха и боязни взрывов слёз и рыданий у Любви Карповны. Она всё отдаёт нам: и свою часть хлеба (из 125 гр.!), и кусочки сахара и пр. Поэтому питание её особенно подорвано, а на почве нервной дистрофии — раздражённость, отсутствие торможения, лёгкая общая возбудимость — слёзы, рыдания, как в период голода 1919–1920 гг. Сегодня — при ослепительно красивой погоде — мороз до 17–20 градусов, иней, ещё свежий чистый снежный покров. Я оставался во дворе не только утром, но и днём: получал пенсию, был на почте, где, однако, открыток не достал; работал в сарае и пр. и, наконец, вечером — просто прикован был красотой зимнего неба с Венерой, Луной и Юпитером. Но такое пребывание на дворе обостряет чувство голода до невыносимости, до полного подавления способности владеть и управлять собою.

¹ Алиментарный — пищевой, обусловленный питанием.

29 декабря. Утром — с 8 до 9 час. выполнял работы дворника. Затем ходил к Круглому пруду узнавать об очередях. Между бараками повсюду у входов вылиты помой и нечистоты. Очевидно, канализация замёрзла. Неуютно. Холодно. Мучает голод до совершенного отчаяния. Днём идти в город нет решимости и сил, но нет моральной силы переносить попреки со стороны Любови Карповны, [так] что всё равно нужно идти в институты и там добиваться улучшения положения с питанием или с эвакуацией, или с чем угодно... Решил завтра пуститься в путь пешком, хотя и чувствую, что сил не хватит проделать марш в 20 километров и при том — бесцельно. Ни днём, ни вечером, ни ночью нет света. Ни писать, ни читать не удаётся. Систематически пересматриваю сохранившиеся в памяти обрывки событий и периодов за всю жизнь. До гимназии — отец, Яша, Вера, Лукьянович, Лукашевич, Мостищи, отец Антоний, отец Семён Слободской..., 1 марта 1881 г. и т. д. Потом останавливаюсь на людях периода гимназии. Война 1877–78 гг., пленные турки. Милый дружественный «Осман-Паша», Чайковский, Закревские, Солодкий, дядя Миша.

Написал открытку Шафрану и большое письмо Лидиньке. Без света — тяжело. Окна зашиты досками для предохранения стёкол от осколков и взрывных волн.

30 декабря. Обычные работы в темноте. Затем с 10 до 12 — в очереди у Круглого пруда. Тщетное ожидание. Возвратился с пустым ведром. Гробы, смерти. В очереди и на улицах картины голодных, понурых, раздражённых людей и особенно ослабленных мужчин. Характерно, что пухнут, слабеют, падают и умирают больше мужчины, чем женщины. Результат уравнительного пайка, а мужчины и ростом, и весом больше женщин. Устал, хочется поесть. Радио бездействует. В 15.30 — неожиданная радость, зажглись электрические лампочки. Нужно спешить использовать свет: 1) написать письмо сестре Жене, Лёле, Вишневым; 2) подготовить для переписки страницы из «Мемуаров» И. А. Дмитриева; 3) тщательно пересмотреть текст и написать выводы к моей работе о детской смертности. Увы, тока не стало через четверть часа. Днём обрубил ветки ели для Любочки и Зиночки. Дом погружён в полную тьму, но среди ночи в 2.30 (уже, следовательно, 31 декабря) дан снова. Нужно подвести итоги по тетрадям 1941 года о выполнении и невыполнении, об остающихся на повестке дня работах и задачах по кафедрам.

31 декабря. Утро без света. Сумрачно, тяжело. Обычный круг работ. С 7 часов до 9 утра во дворе и по дому. В итоге — истекающий сегодня год принёс неизмеримые бедствия, ужасы, разочарования. Голодный и холодный мрак, нет желания подводить итоги.

Просмотрел том II — Geiger. Ursprung der menschlichen Sprache und Vernunft, 1872 (Т. I–1868)¹. Представляет интерес. Знал ли И. П. Павлов эти исследования о зависимости разума, рассудка от образования слов, когда он строил свою систему «сигналы сигналов», которые вырабатываются условными рефлексам, вторую сигнальную систему действительности? Ни утром, ни днём, ни вечером нет ни электричества, ни радио. Вода

¹ Гейгер. Происхождение человеческой речи и разума.

у нас, исключительно благодаря моему отоплению, не замёрзла. Новый Год — ёлка (срубленная мною ветка). Поражающая активность Зиновки, всё устроившей после того, как она пешком ходила в город. Сильная артиллерийская канонада. Гул и сотрясение. Ночью в 1 час (уже в 1942 году) появился свет. Что же остающееся в памяти оставил по себе жестокий, кровавый для нашей родины 1941 год, разметавший на тысячи километров моих детей¹, разбивший всю общественную жизнь, рассеявший и унесший друзей, близких, товарищей по работе? Что особенно необходимо исправить, доделать, восстановить в 1942 году?

Приятное лично для меня в первую половину года: 1) Выход под моей редакцией сборника по гигиене, посвящённого К. Н. Шапшеву; 2) Появление в «Советском врачебном журнале» моей статьи о старости; 3) Поездка моя в Выборг; 4) Удачно проведённый весенний цикл по коммунальной гигиене; 5) Мой доклад и лекция «Исторические параллели: Пироговское общ[еств]о и Amer[ican] Publ[ic] Health Assoc[iation]».

1942 г.

1 января. В час ночи появилось электричество. Непрерывный гул артиллерийской канонады и рвущихся снарядов. Это не позволяет хотя бы на минуту забыть, что мы — в осаждённом городе, на фронте. Чувствую себя ослабевшим, изголодавшимся, в состоянии несвойственной мне депрессии, сомневаюсь, доживу ли до будущего года. Как бы то ни было, самое первое, перекрывающее все другие мои желания — чтобы 1942 год был годом полного и бесповоротного разгрома немцев, полного восстановления у нас социалистического строительства в 16 союзных республиках в границах мая 1941 г., а для меня лично — чтобы мне, пока ещё жив, увидеть вышедшей из печати в неурезанном виде мою книгу о старости.

2 января. Когда же и как выйти мне из моего вынужденного сидения дома? Невыносима больше эта оторванность от всего мира: ни радио, ни газет, ни людей, ни света! Так уже двое суток, нет ни света, ни радио. И надежды на скорое улучшение положения иссякают и слабеют. Всё та же артиллерийская стрельба целую ночь.

3 января. В 7.30 утра неожиданно после трёх дней темноты загорелись электрические лампочки. Посветлело на душе. ...Был в очереди за хлебом (часа два) на пр. К. Маркса. Много характерных для голодной осады штрихов. Сплошным потоком люди пешком (в 7 ч. утра) идут по Выборгскому шоссе из города на Удельную и в Озерки. Идут вяло, медленно, ослабевшие от недостатка энергетических источников для организма (от 200 гр. для ижд[ивенцев], до 350 — 1-я категория хлеба, а это всего 600–700 калорий, вместо 2 700–3 000, т. е. $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{3}$ того, что нужно). Характерные выра-

¹ Лидия Захаровна с младшими сыновьями находилась в Красноярске, куда был эвакуирован электротехнический завод № 327, на котором работал главным инженером её муж — М. А. Спицын; Валентина Захаровна с сыновьями выехали в первые месяцы войны в Пермскую (Молотовскую) область, где начальником лесовозной железной дороги работал её муж Л. А. Быстревский.

жения — не «умерли» от голода, а люди «падают» от голода (аналогично падежу скота). Мрут особенно мужчины, паёк ведь не учитывает их больший вес тела и большую потребность в калориях для поддержания баланса (работа сердца при большем росте и весе!). Мрут дети. Только что умерли двое детей — Алик и его сестра — в соседнем доме. Их нечем было кормить. Милый Алик ещё два дня тому назад заходил к Любочке, а она ему носила кусочек лепёшки из дуранды¹. Смерть реет над нами всеми.

4 января. В 3 ч. дня пришёл Андр[ей] Григ[орьевич]. Он доставил мне радость, как самый близкий, родной человек. Просил его выполнить ряд поручений, передал письмо и новогодний акrostих Екатерине Ильиничне и для Е. А. Свет не дали больше ни днём, ни ночью. Вода остановилась. Радио молчит. Газет нет. Впереди — надвигается ещё более тяжёлая полоса...

5 января. Утром с 7 до 9 часов выполнял тяжёлую работу по разгреба-нию снега. Водопровод не действует, я много труда употребил, чтобы в траншее ломом пробить лёд к воде. Безуспешно. Что из невыполненного в 1941 году (из тетрадей № 1 и № 2) хотелось бы оставить на очереди для 1942 года, в случае, если останусь в живых, и условия будут сколько-нибудь милостивы? 1. Написать вып. II объяснений к графикам (графики, как путь к познанию и пособие для преподавания социальной гигиены, санитарно-демографической статистики). 2. Добиваться издания моей книги «Удлине-ние жизни и активная старость» и в течение всего года осваивать всё новые материалы, писать добавления (для второго издания). 3. Добиться напеча-тания набранной уже статьи «Благоустройство школьных участков». 4. На-писать статью «Сельская врачебная сеть и благоустройство сельских лечеб-ниц». Тема очередная: «Динамика причин смерти в преклонных возрастах (80 и б[олее] лет) в Л[енинграде] после революции и обусловленность изменениями социального состава доживающих до преклонных возрас-тов». ...За отсутствием света — ни днём, ни вечером писать было невозмож-но. Только к двум часам немного успел набросать для «Старости» о жизни Толстого. Днём немецкая артиллерия обстреливала Лесной парк. Любочка попала под обстрел, лежала где-то у почты. Зиночка достала 200 гр. очень плохого хлеба за 60 руб. За целый день — никаких выдач по карточкам не было. Давно бы и мы уже покончили с жизнью, если бы не сохранившиеся с осени трупы собак. Можно ли было тогда думать, что они сыграют эту спасительную роль! День прошёл мрачно, беспросветно — без воды, электри-чества, радио, газет. Ниоткуда никаких вестей. Последние вести в газете от 31 декабря, а сегодня уже окончилось 5 января... При полусвете отбирал оттиски для Т. С.

6 января. Утро — с 6.30, с 7 до 8.30 — надворные работы. Затем в полу-тме отбирал оттиски моих работ. В 11 часов (до 13) была Т. С. Соболева. Записка от А. Г. Подвысоцкого о предложении профессора Фридлянда мне лечь в госпиталь. Т. С. сообщила, что я 1-й кандидат в «Дом восстановления сил» — в «Асторию». Ни туда, ни сюда я не хочу. Здесь я всё же до некото-рой степени живу, а там буду лишь инвентарём. Т. С. принесла 570 руб. моей

¹ Дуранда — смесь жмыха и шелухи от злаковых, предназначавшаяся до войны для скота.

зарплаты. Её формулировка темы для её докторской диссертации — «Демографические сдвиги в осаждённом городе». Точнее было бы — «Сдвиги демографических показателей в осаждённом городе». Сообщения из 2-го ЛМИ унылые: подвалы залиты, уборных нет, нет света, молчит радио, всё замёрзло. Наша бойкая и бодрая лаборантка Ожигова на грани гибели от голода. Перкаль в явственном маразме. Люди мало проявляют интереса ко всяким вестям. Последние газеты от 1 января.

...Вода замёрзла. Попытки Любви Карповны оттаять — безуспешны. Выдач по карточкам Зиночке не удалось получить никаких. Её впечатления о вымирании преимущественно мужчин на заводах, в очередях дополняют картину маразма осаждённого города. Поведение обречённости и обречённых, покорённых, не волнующихся слухами и надеждами. Особенно презренно и позорно поведение всех коммунальных организаций. В самом деле — почему не организуются бригады для восстановления водопроводов в домах, трамвая, света (блоковые станции); топливо — от вырубки деревьев, заборов, домов; организация захоронений и пр. Если инициативных людей, таких, как Г. Я. Рабинович, отстранять и утратить, то это ускоряет наступление прострации и маразма в городе. Вечером зашёл сосед проф. С. А. Оранский и сообщил, что на улице он слышал от «О. Ж.» (одной женщины), что «О. В.» (один военный) передавал, что он слышал по радио (не по трансляционной сети, которая бездействует) сообщение в нашей сводке о завершении окружения нами Мги... Пока ни света, ни воды, ни трамвая, ни радио.

7 января. Утром в темноте работы по двору. Затем — только начал писать (о пессимизме старости), как неожиданно пришёл с финскими санками Андр[ей] Григ[орьевич], чтобы везти меня в ГИДУВ, в госпиталь. Беспредельное великодушие. Дирекция уже отвела мне койку, не спросив у меня. Но у меня нет решимости, нет воли. Лицо отекает. Усталости особой не чувствую, но голод — непереносимо мучительный, особенно во время еды и после еды. Приём пищи — это только разжигание голода, т. к. вместо 1 000–1 500 обычных калорий за обедом получается: 100 гр. хлеба — 200 кал., суп — 150 кал., каша, мясо — 150 кал. Всего 500 калорий. Это максимум, т. е. $\frac{1}{4}$ того, что нужно, а в суточном пайке в общем около 1 200 калорий, то есть $\frac{1}{3}$ необходимого, а где достать ещё $\frac{2}{3}$, ведь исхудание дошло до предела? И вот — «люди падают» — ходовое выражение! Умирают теперь масса. На дровнях везут не гробы, а штабеля мертвецов! Город под знаком смерти, смерти мужчин, детей, а теперь уже и женщин. Я, несомненно, каждую минуту на очереди. Так лучше последние дни и часы жить по-привычному, а не в госпитальном плену. Мне бы всего нужно было добавить 200–300 гр. хлеба и сахару 60–100 гр., но ни дирекция Института, ни горком этого для спасения меня, как единицы кадров, по безнадежному бюрократизму сделать не могут, но могут по «блату» поместить без особых показаний на койку в военный госпиталь, чтобы там подкормили. Вот корень всего того маразма, в котором находится городское хозяйство: связанность всех безнадежным бюрократизмом. И потому город и все мы стоим под знаком смерти, как стадо овец, пригнанных на бойню и стоящих перед своей очередью. Больше месяца, как нет полочки сахара, крупы и всего остального, хотя карточки

выданы. Бесконечно тронут активностью и готовностью помочь Андр[ея] Григ[орьевича]. Но пока решил остаться дома ещё на неделю, если доживу. После ухода Подвысоцкого я работал во дворе. Пробрался под дом, где отогревал замёрзшую водопроводную трубу для оттаивания. Безуспешно, хотя работал часа два. После этого голод ещё невыносимее. Вечером — с 8 до 11 — ужасающая артиллерийская стрельба. Темнота, нельзя ни писать, ни читать. Любовь Карповна при свете керосиновой лампы вслух читала Тана — из американских его рассказов. Это очень, очень скрашивает общий мрачный колорит. У ленинградцев просыпается тяга из города в глушь, в деревню; очень характерно в этом отношении сегодняшнее посещение бывшей домработницы Мани. Теперь уже совсем нет надежды ни на восстановление трамвая, ни на электричество, ни на радио. Любочка принесла с работы из Лесотехнической академии «Ленинградскую правду» за 3–4 января.

8 января. Перспективы всё мрачнее. Голодная петля затягивается всё туже. Убрал снег на чердаке. Работал под домом, но безрезультатно. Продолжать попытки восстановления водоснабжения нельзя. Сегодня, чтобы получить воду, Любовь Карповна тратит топливо на таяние снега.

9 января. Работал много днём во дворе (колол дрова), был на чердаке. Весь вечер и ночь — без света. Атмосфера и перспективы — беспросветны. Голод, в особенности после еды, терзает невыносимо... До сознания доходит, что неизбежна гибель, следует ли её отдалять и тем удлинять мучения? Не лучше ли ускорить неизбежный конец?

Ни газет, ни радио. Со стороны населения — полная пассивность, покорная неподвижность, безынициативность. Это бесспорный результат всей системы недоверия, боязни перед проявлением самообслуживания и предусмотрительности, бережливости. Очевидно, к плановому хозяйству должна быть сделана добавка (как в колхозах приусадебное хозяйство) о развитии самодеятельности в некоторых областях организации потребления и личного хозяйства, с полной и абсолютной гарантией для планового социалистического хозяйства (производства и организованного распределения) в основных отраслях. Нужно наряду со стахановским движением, с соцсоревнованием заботиться о культивировании ценных качеств личности — инициативности, почина, упорства и настойчивости в преодолении жизненных помех на пути, отсутствие боязни того, как посмотрит всякого рода начальство; привычки не ждать разрешения и благословения всяческих инстанций, а действовать самому, действовать сразу, быстро, маневрировать и тем мобилизовать все мельчайшие местные возможности и создавать более благоприятный фон для рационального построения и общего плана, и с бюрократизацией населения, с ростом у населения навыков к социальному иждивенчеству. Наряду с государственной организацией снабжения должен быть гарантирован простор для подлинной потребительской кооперации всех видов и разветвлений (огородные кооперативы, молочные кооперативы, общества захоронения, кассы и пр.). Во всяком случае, картина тупой безынициативности, покорности и обречённости вымирающего населения в осаждённом Ленинграде должна заставить руководство задуматься, должна привести к внесению необходимых поправок в систему

жесткой опеки и недоверия. Такие поправки, улучшая качество населения, только облегчат и укрепят основы всей социальной системы.

10 января. ...Мучительно думаю, почему ко мне такое недружелюбное отношение дома... Все призваны к тому, чтобы... исправлять во всём меня. Особенно больно такое отношение со стороны Любочки, на которую у меня всегда хватало самой любовной ласки, жаления, дружбы. С такою радостью будил у неё первые проблески интереса к архитектуре (поездки с нею по Ленинграду), интереса к активному восприятию и освоению природы (её опыт устройства личного уголка в саду), к начинаниям по общественной работе...

11 января. 8–10 утра. Работал во дворе при морозе 25 градусов. Кано-нада непрерывная, но, как будто более отдалённая. Разбросал дорожку к ветлечебнице для подвоза воды. После утреннего приёма пищи голод обостряется, прямо разрывающий душу и помрачающий волю. Съел последние сухарики из аварийного зашитого мешочка.

12 января. Обычные работы с 7 до 9 утра в полной темноте по дому и по двору. Ввиду полного выхода из строя водоснабжения и канализации — новая забота — утром выносить грязную воду и фекалии. Написал письмо заведующему Горздравохранением В. С. Никитскому об угрожающей мне смерти от истощения от голода. Для окончания начатых работ необходимо продлить жизнь питанием: 45 граммов в день рыбьего жира и столько же глюкозы. Во всём Лесном замёрзли колодцы и водозаборы. Ужасные, раздирающие душу сцены. Истерика с Любовью Карповной. Я привёл в порядок заброшенный колодец. Достал 4 ведра воды. Для нас лично — дело благополучно разрешено, но какой паралич коммунального хозяйства! Кано-нада продолжается.

О составленной мною программе докторской диссертации Т. С. Со-болевой о демографических сдвигах в осаждённом Ленинграде: Детальный анализ изменений по месяцам за 1941 и 1942 гг. всех имеющихся материалов массового учёта в Ленинграде: 1. Количество населения по отдельным возрастно-половым и социально-профессиональным группам; число прибывших в Л[енингра]д, выбывших из Л[енингра]да. Учёт количества населения по продовольственным карточкам. 2. Количество продовольственных грузов, прибывавших и распределявшихся между населением. Особо выделить потребление организованных групп населения (госпитали, приюты, дет[ские] учреждения). Общественные столовые и общественное питание. 3. Перевозка пассажиров — трамваи, троллейбусы, автобус. Пригород[ные] ж[елезные] д[ороги]. Динамика всех этих явлений в месячном разрезе. 4. Особо детальному разбору подвергнуть ход эвакуации из Л[енингра]да детей и сосредоточение в городе беженцев из пригородов, области и других мест, их оседание по частям города. Внутригородские переселения. 5. Общественные работы, окопы, щели, траншеи, уборка картофеля. 6. Замирание внутригородского транспорта и рост энергетической нагрузки на население от пешеходного сообщения. 7. Динамика жилищных условий: скученность. Жилищные условия разбомблённых домов. Общий энергетический баланс в связи с неотопляемостью жилищ и пешим хождением. 8. Степень покрытия пищевым снабжением запросов на траты

энергии. 9. Влияние на нервно-псих[ическое] состояние воздушных тревог и бомбардировок. 10. Брачность и разводы (по возрастным разрезам). Рождаемость, зачатия, мертворождения, аборт, детская смертность — по причинам, месяцам жизни и календарным месяцам. 11. Смертность детей. Помесячное изменение по причинам смерти, связь с условиями снабжения и питания (отдельно по полу). 12. Смертность мужчин и женщин в возрастных и календарных подразделениях. «Падёж» мужчин, пожилых и старческих групп населения. Причины, связь с калорийным балансом. 13. Сравнения с данными 1918–1921 гг. 14. Особый анализ данных о населении госпиталей. 15. Сопоставления динамики данных по всем пунктам. Выводы из этих сопоставлений о причинной связи. 16. Общие выводы о предстоящей в отношении населения политике для смягчения демографических последствий осады. 17. Данные о заболеваемости населения и о деятельности внебольничной и больничной сети.

Особые разделы: А. О туберкулёзе (заболеваемость и смертность) в связи с изменениями снабжения и изменениями степени ослабленности. «Новые» туберкул[ёзные] заболевания, туберкул. диспансеры. Окопные работы и туберкулёз. Обострения в протекании старых случаев. Летальность и её динамика в разных возрастах и в разных группах. Б. Эпидемические болезни. Заболевание и смертность, Динамика показателей. Летальность. Сыпной и брюшной тифы. Дизентерия. Детские инфекции. В. Нервно-психич[еская] заболеваемость по данным диспансеров, поликлиник (внебольн[ичной] сети). Специальный анализ о душевнобольных психиатрических больниц, о летальности среди них от разных форм. Г. Насильственные смерти. Убийства и самоубийства.

Методологическая часть: Критика основных материалов, анализ степени полноты и надёжности всех данных о населении, о смертности, о заболевании, о туберкулёзе, об эпидемических заболеваниях, причинах смерти по диагнозам при жизни и патолого-анатомических вскрытий. Изменения полноты и надёжности данных по периодам с мая 1941 по разные сроки 1942 г. Обзор всего того: 1) что было сделано для охраны жизни и здоровья населения; 2) что могло бы быть сделано, но было упущено.

Важнейшим источником для определения изменений в численности населения должно быть изучение материалов по ежемесячной выдаче карточек. Это же изучение должно быть проведено и для определения количества питательных веществ.

13 января. ...Т. С. устроила приём меня в «дом отдыха» в «Асторию» через 1–2 дня. Принесла «Ленправду» за 10 января и печальные вести о полной остановке всего из-за недостатка горючего. Тяжёлая, мрачная картина замирания или уже даже смерти города вследствие осады, морозов, связанности личного (частного) почина.

14 января. Мороз — около –30 градусов. Мучительно хочется есть. Безнадёжно. Обычный круг работ во дворе. Сегодня нужно: 1) Подготовить все вещи для возможного отъезда в дом отдыха (!) в «Асторию». 2) Отобрать книги и работы с собою. 3) Подготовить для Т. С. не переданные ей ещё оттиски. 4) Написать письма. 5) Наносить воду, наготовить дрова. День такой же бесперспективно тяжёлый, как и предыдущие.

15 января. Утром с 8 до 10 часов — дрова, вода, растопки, вынос грязи, уборка. С 10 до 12 окончательно подготовил всё к отъезду из дому в «Асторию», но транспорта нет. Томительное ожидание. Зиночка взяла у почтальонши на 15 мин[ут] «Ленправду» за 11 и 13 января.

Отобрал материал для работы «Исторические параллели: Пироговское общество и American Public Health Association». Всё, что возможно в Пироговском об-ве и общественной медицине — это, чтобы взять с собой в «Асторию», но, кажется, «Астория» только померещилась.

Ярчайшее проявление бюрократической связанности и воспитанной привычки ждать приказа, действовать по указке; в распределителях (лавках) вот уже три дня как получена мука (по 200 гр. на человека, крупа, масло и сыр) стоят на морозе (до -29 градусов) толпы в очередях и день, и ночь; но распоряжения о выдаче у заведующего нет, и умирающие (буквально!) от голода, уходят и опять приходят. Но заведующий не решается выдавать — не прислали предписания! Это результат недоверия к местным работникам, всесторонней опеки из боязни несоответствия людей системе. Нужно, чтобы война покончила с этой боязнью сверху всех низовых проявлений и почина, тогда откроются возможности использовать все местные и временные условия, силы, самодеятельность, почин, оборотливость и организационные и хозяйственные случайные, преходящие и меняющиеся конъюнктуры, — триада диалектического движения по развёртывающейся спирали.

Весь день и вечер — в бесплодном ожидании. Гул орудий. Темно, беспросветно. Неужели завтра то же, что и сегодня? Теперь уже мрут кругом не только мужчины, но и девушки. Женщины рассказывают, что хоронят по ночам, в городских скверах и садах, в траншеях и щелях, складывая умерших в два слоя.

16 января. ...В довершение всех бед — испортилась печь в моей комнате. Топить нельзя. Добавляется к страданию от голода ещё и неприятности от холода, а всё, что доносится извне — надвигающаяся смерть и омертвление.

17 января. Утром весь круг обычных работ. В 3 часа сантранспорт взял меня для доставки в госпиталь-оздоровитель для дистрофиков в «Астории». С большим трудом удалось дождаться Зиночку (из очереди), за ней ходила Любовь Карповна. Зиночка сопровождала меня. К 6.30 вечера доехали до «Астории». Помещён в палату для троих, вместе с очень отощавшим, уже умирающим. Получил обед. В этот день он был поразительный: на второе — котлета!

Одна общая комната — более тёплая, но всё же — жить можно только как на полюсе. Все в шубах, шапках, валенках. Так и ночью, не раздеваясь. К ночи погасло электричество и света уже больше не было. В совершенной темноте по незнакомым коридорам и лестницам. Ни воды, ни тепла, ни света. Очень много учёных разных рангов. Много профессоров-медиков.

18 января. Утром — темно абсолютно. Холодно. Очень голодно. Первый раз приём пищи утром только в 12 часов (одно яйцо, стакан кофе). Хлебом обвешивают (хлеб — 350 гр., масло — 40, сахар — 50, всё понемногу недовешивают; калорий: 700 + 365 + 405 = до 1470). Кроме того, 2 раза по рюмке вина — 30 кал[орий] + суп 100 кал[орий]. Кисель около

70 кал[орий], мясо или яйцо — 150 кал[орий]. Таким образом, весь суточный баланс равен 1 830 кал[ориям], т. е. меньше «основной» потребности при полном покое и в тепле, а здесь в холоде круглые сутки при температуре около +2 – +5 градусов и спускаться 3 раза с 5 этажа в абсолютно холодную столовую.

Навестила меня Зиночка, оставшаяся для этого ночевать на Михайловской (где лопнула труба в ванной и затопила квартиру).

Софроницкий¹ играл вечером много — Шопена, Шумана, Скрябина... Сильно и с большим настроением. В особенности голод мучает вечером. Полная и абсолютная неспособность управления госпиталя хоть как-нибудь наладить дело — то гоняют отощавших, обессилевших людей вверх и вниз — на 15 м (следовательно, при среднем весе с тёплой одеждой и валенками 80 кг x 15 м x 2 = 7 200 кг. метр совершенно излишней работы), то не умеют установить порядок получения пайка, неспособны даже наладить хотя бы по одной фитюлке на этаж — от лестницы, в качестве маячков и пр. и пр. Очень обострённые страдания от холода, от постоянного пребывания в тяжёлой зимней одежде, от нерегулярности и крайней скудности питания.

В общей комнате — как тараканы в полутьме, но при меньшем холоде, всегда с утра и до 11.30 вечера находятся 15–30 человек. Всего «оздоравливаемых» — 180 человек в двух верхних этажах. В трёх нижних этажах — столовая и квартиры ответственных работников. Много общих разговоров. Проф. П. А. Останков — судебный психиатр. Проф. П. Н. Ласточкин проявляет интерес к моей книге. Проф. Шполянский — акушер-гинеколог. Общий осадок от первых суток — какое счастье было бы оставаться дома, в Лесном. Там — разумная, человеческая жизнь и систематическая, осмысленная, целенаправленная работа. Здесь — какой-то тяжёлый мир бессмысленного безделья, убивания своего и чужого времени среди теней отощавших, пассивных людей. Приятно одно — атмосфера отношений между собою и всего поведения и обихода ввиду высокого интеллектуального уровня «оздоравливаемых» (оздоравливаемых от полного голодания неполным голоданием и охлаждением), вполне культурная, никаких поправок, нервных выходов, ни грубости, ни резкостей, ни своры. В этом отношении ничего лучшего ожидать нельзя.

Вечером в общей комнате у рояля Софроницкий. Рассказчик — известный артист Горин-Горяинов.

19 января. С питанием гораздо хуже, чем в предыдущие дни. Каша на блюде — меньше, чем на один прикорм грудному младенцу. То же и за обедом, и за завтраком, и за ужином. Ни яиц, ни мяса. Днём я взял в библиотеке биографию Радищева. Успел прочесть статью профессора С. И. Игумнова о Пироговских съездах. Вечером вовлечён был в совершенно нелепые споры о смертности и летальности с невежественным в этом вопросе Останковым. Поместили к нам в палату очень интересного человека (52 года) из сормовских мастеровых, партийный директор завода. Хороший, поло-

¹ Софроницкий Вл. Вл. (1901–1961) — пианист, заслуж. деятель искусств, профессор консерватории, лауреат Государственной премии.

жительный тип и притом — очень содержательный. Выбился в инженеры. Всем интересуется, инициативен и деятелен. Из-за порчи машины ходил ежедневно 14 км пешком, ослабел. К 19 января проел все талоны в столовой и полный дефицит на 11 дней питания. Интересен также и М. М. Голланд.

20 января. Полная темнота. Первый приём пищи — кофе и одно яйцо — только в 12 час. дня. Мучительный голод и угрызения совести от безделья. Сделал запись от 17–20 января в библиотеке в полутьме; чуть-чуть в щель ставни проникает дневной свет, электрического нет; сегодня ни воды, ни радио. Великолепные помещения, чудесные вестибюли и залы «Астории», высококультурный, ценнейший человеческий материал «оздоравливаемых» и такое удручающее, такое тёмное, беспросветное, полное обречённости и индийской неподвижности, пассивности, погружённости в нирвану, если не небытия, то во всяком случае приближения к небытию, настроение. Атмосфера, лишённая действенного начала, бодрого, боевого участия в жизни, в борьбе, в устранении всего, что «нам жить не даёт, держит рост молодой». А тут всё наоборот — «Ниже тоненькой былиночки нужно голову склонить, чтоб на свете сиротинушке как-нибудь свой век прожить».

Стало настолько темно, что писать невозможно, а я наметил на сегодня дописать вставку о таблице детской смертности и причинах ранней детской смертности за 1939–1940 гг.

Вся жизнь под аккомпанемент гула рвущихся снарядов и орудийной стрельбы. Весь день и вечер — под знаком налаживания дела В. С. Никитским. Первый раз сытный обед с 75 гр. курицы и ужин — 1 яйцо, кисель и кипяток. Вместо похищенной половины — 2/3 порции хлеба и масла я получил, вопреки моим возражениям, полную и потому — необычайная сытость, а соответственно и настроение... Только угнетает мысль об оставшихся на «Полоске» домашних и не попавших в эту холодную и тёмную обитель (между прочим, на 160 опекаемых здесь приходится 171 обслуживающих).

Вечером, с 9 до 11 часов — споры мои по городской архитектуре. «Арка Растрелли»... Я же думаю, что создатель арки — Росси¹.

21 января. Утром ни света, ни воды, ни завтрак не было. Только в 11 часов разнесли «сухой паёк» и талоны. Первая еда в 12 час. дня — 1 яйцо, но ничего горячего. Нет даже кипятка. Изголодавшиеся, отошавшие люди мёрзнут от холода. Чтобы съесть яйцо надо спуститься вниз, в столовую, где температура ниже 0 (мороз). Что же это за полная неспособность устроить лучше?!

Весь день и вечер прошли под знаком «волнующих и поднимающих» слухов о предстоящем увеличении хлебного пайка для всего населения до 500–400–300 гр. В комнате рядом с комнатой отдыха умер проф. А. А. Владимиров (80 лет). Поразительное во всём отсутствие желания и умения устраивать вполне устранимые неудобства. Люди блуждают в абсолютной темноте, спотыкаются на лестницах, пропускают время приёма пищи из-за отсутствия звонка и пр. и пр. За день успел прочесть из серии ЖЗЛ

¹ Арка, соединяющая два здания Главного штаба, действительно была создана К. И. Росси.

Жижко — «А. Н. Радищев» (род. 1749, ум. 1802, на 53 году). В прошении к Павлу I (1799 г.) он писал: « На 50-м году от рождения я не могу надеяться на долголетие дней моих. Горести и печали умалили силы естественные. Взглянув на меня, всяк сказать может, насколько старость предварила мои лета» (стр. 162).

Очень интересный и своеобразный человек проф. П. А. Останков. Его рассказы о Бехтерева, его воспоминания, его времяпрепровождение (игра в карты, но в то же время убеждённые нападки против курения, нападки на непонятный для него термин «летальность»).

22 января. Обычное тяжёлое положение утром. Полное голодание — до 12 часов, отсутствие горячей воды на ужин, как и на завтрак. Знакомство моё с Я. Я. — доцентом гигиены Педиатрического института. Полное разочарование во всяких надеждах на улучшение питания... Вечером очень много играл с увлечением (Шуман, Шопен, Шуберт) Софроницкий.

Мой визит к В. С. Никитскому. Держался как исключительно милый, обходительный человек. Много радости дало мне свидание у него с Е. Э. Бенем.

23 января. Днём — обход учреждения В. С. Никитским. Телефон во всём здании не работает, но как хочется услышать голос кого-либо из близких. Что с Иликом, с Е[катериной] И[льиничной], что на «Полоске»? Как они обходятся с водой и дровами? Скорее бы воскресенье и свидание с Зиной.

24 января. Добавка хлеба (50 гр.) до 400. Прорыв немецкого фронта и взятие обратно Холма и Торопца. Разговоры мои (воспоминания) о 1-й Гос. думе. Нина Александровна Никитская и ее исключительное, обзывающее радушие.

26 января. Тяжёлое состояние. В постели, как в берлоге. Звон и шум в ушах. Трогательное, обзывающее внимание со стороны Б. Б. Капранского, Хилова, Шполянского и др. Достали сульфидин. Дружеский уход. Узнала о моей болезни Н. А. Никитская. Десять раз приносила чай, кофе, сухари и пр. С её лёгкой руки значительно большая забота обо мне вспомогательного персонала, появились врачи. Одним словом, всё по благу. Температуры 38, вечером нелепое моё поведение.

27 января. Температура нормальная, явления колита не беспокоят. Но после сульфидина — отрыжка. Утром неожиданно пришёл Андрей Григорьевич Подвысоцкий. Тревожные вести о болезни Татьяны Степановны. В госпитале ГИДУВа — идеальные условия по сравнению со здешними.

28 января. Никто меня не навестил. Целый день писал записку заведующему Горздравотделом. После обеда — у Нины Александровны дописывал письма. Вечером передал записку Никитскому. Как всегда, он много обещает. Сказал, что будет переписана. Обещал дать машину свезти меня в Лесное.

30 января. Благодаря совершенно исключительной заботливости и любезности Н. А. Никитской — с нею (до Педиатрического института) и «Лерой» — проехал в Лесное. Глубокие заносы. Дома — неподдающийся никакому изображению ужас. Болезнь Зиной — тяжело больна. Глубоко взволнована. Как бесконечно они мне дороги и как бессилён я помочь!

Любочка искренне страдает. Слова — бесполезны, не нужны. Тяжесть положения, страдания — неизмеримы. Давать советы, просить, убеждать — совершенно бесполезно. Всё равно будут думать и действовать по-своему. Вернулся в госпиталь № 108 («Астория»). Здесь мне уже непереносимо тяжело среди безделья, курения, бессознательной симуляции, обломовщины, зоологической обнажённости инстинкта к еде, перевешивания и борьбы за 5 (!!)-граммов хлеба. Полное отсутствие света и днём, и ночью. Ходьба ощупью. Холод, голод, особенно обострённый после приёма пищи (блюде кашицы!)...

...Сменили чуть ли не весь персонал, а сущность в том, что и их нужно кормить, иначе — они сами кормятся.

31 января. Волнения о продкарточке. Изумительная любезность, заботливость Н. А. Никитской. Чем и как мне удастся отплатить? Интересные черты директоров завода — Свешникова, Голланда. Чудесный, жизненный, активный, культурный, обязательный человек профессор Хиллов.

1 февраля. Огромную и незабываемую услугу оказал мне Борис Борисович Копрянский, доставив карточки из 2-го ЛМИ. Об С. И. Перкале никаких вестей. Это очень меня тревожит и мучает. Из дому прислали письма Зиночка и Любовь Карповна. Письмо Любви Карповны глубоко меня растрогало. Как хотелось бы сделать всё, чтобы облегчить её положение, чтобы она увидела всю искренность моей привязанности к ней и к ним. Какой ценный, активный человек Зиночка, и сколько страданий выпадает на её долю за её неукротимую волю и желание поставить всё по-своему. Получил вечером обратно карточки за январь. Как переслать их в Лесное? О, как мне хочется прочь отсюда, из темноты, иждивенчества, безделья, вынужденного пустого времяпровождения.

3 февраля. На душе — пустота зияющая, серая. Пришибленность.

4 февраля. Утром надумал написать дополнительную записку для зав[едующего] Горздравом: 1) о пуске на трамвайной сети поездов с паровозами для перевозки продуктов и пешеходов. 2) О раздаточных пунктах в домохозяйствах 3) О рыбной ловле в Неве, в озёрах и прудах. 4) О подготовке бригад для выкопки в апреле мёрзлой картошки.

У меня является мысль о лекциях по специальностям в общей комнате перед обедом и в темноте.

В 9 часов — ужин (!) — блюде размазни и ничего больше. Вой и рыканье диких, изголодавшихся, наполовину пришибленных зверей. Выписывают без предупреждения. Новые — преимущественно молодые артисты. Вечером — принят мой проспект лекционных бесед. На завтра, после обеда — об активной старости. Не знаю, нужно ли и для чего?

Более часа играл Вл. Вл. Софроницкий (очень интеллигентный человек) — Листа — Картина Рафаэля «Обручение», опять — бравурный хорал Баха и пр.

Волнения и страсти в связи с голодным режимом и полным распадом последних намёков на какую-нибудь организацию хозяйства и обслуживания. Безнадёжная и бесповоротная неспособность, потому что все сёстры и «санитарки» — из музыканток и артисток — для пайка. Темно, холодно, без воды, очень мучительно от голода. С каждым днём всё хуже и безна-

дѣжнее. Обстрел по Фонтанке и по каналу Грибоедова. Письмо через Леру из дома.

5 февраля. Оторван от внешнего мира. В 11 час. слушал радио (внизу). Только в 12.30 дали стакан кофе. Если бы не Н[ина] А[лександровна], совсем бы и безнадежно отошел. На дворе сильный мороз, а в палате — теплее. Начал писать новую записку заведующему Горздравотделом. Обед — в шестом часу: пустые щи и немножко кашицы. Вечером до ужина — моя 2-часовая лекция «Перспективы удлинения жизни и советский гуманизм (элементы статистического измерения длительности жизни)». В темноте, но слушали внимательно.

6 февраля. Утром закончил читать чудесную статью К. И. Шидловского «Деятельность комиссий и правлений Пироговского об-ва».

...Е[катерина] И[льинична] принесла письмо от нашего Илика, отправленное с пути в Томск... В 2 часа был у Н[ины] А[лександровны], калорийный баланс только благодаря ей. Затем были доктора. Установлен срок моей выписки из госпиталя на 11 февраля, т. е. в среду на будущей неделе. Не хочется идти в общую комнату, где всё новая публика; оставшись в холодной палате, переживаю волнующие впечатления утреннего посещения Ек. Ил.

Атмосфера вокруг стала ещё мрачнее, ещё беспросветнее: ушли (выписаны) проф. К. Л. Хиллов (интересный, жизненный, с перспективой будущего человек) и проф. Г. М. Шполянский — человек устойчивый, жизненно-бодрый и активно благожелательный.

Перед обедом дописал мою вторую записку в Президиум Ленсовета и зав[едующему] Горздравотделом. После обеда с 7.30 до 8.30 — моя вторая лекция об активной старости выслушана была как-будто с вниманием и интересом.

Безнадежный паралич всего хозяйства в госпитале. Питание — одно сплошное издевательство. Обед — в точности в 5.30 — неполная тарелка щей (вода и следы капусты); после более чем часового сиденья в холодном, тёмном вестибюле — блюдец жидкой кашицы — в 6.40, и ещё через час, в 7.30 — стакан чаю (без сахара). Вечером, с 10.30 до 11.15 — Софроницкий играл Рахманинова, Шумана и пр. Разнёсся слух о прибавке завтра в городе по 100 гр. хлеба (500 — рабочим, 400 — служащим, 350 — иждивенцам). А вообще настроение безрадостное, как у смертников в осаждённом городе.

7 февраля. Пришла ко мне Зиночка. Много волнений. Радость свидания перекрывается тяжкими вестями с «Полоски».

8 февраля. С 1 часа дня у меня была Зиночка. Вновь и вновь развёртываются картины массовых смертей в городе, леденящие, угнетающие сознание. В 3 часа Зиночка ушла, чтобы уехать вместе с Ниной Александровной. Вечером, после ужина, с 8 до 9.30 третья лекция, которую прослушали с большим вниманием.

9 февраля. Атмосфера безнадежности и леденящего ужаса. Андрей Григорьевич — милый, родной, великодушный — принёс переписанную работу и хлеб от Ек[атерины] Ил[ьиничны], принёс настойчивые планы перехода в госпиталь ГИДУВа и эвакуации куда-нибудь в глушь, для работы. Он полон жизни и хочет жизнь сохранить, а здесь — смерть.

10 февраля. С раннего утра (с 4-х час.) электрический свет. Занялся сверкой переписанной моей работы о материнской и детской смертности.

11 февраля. Первый раз вышел из «Астории». Разыскал Сберкассу. Покупки в магазине канцелярских принадлежностей. Морская ул. и Невский завалены кучами снега и глыбами из амбразур окон. Заметённые снегом троллейбусы. Труп (в морской форме) у подъезда, недалеко от «Астории». Равнодушные прохожие говорят, что этот труп лежит уже не первый день.

Пришла Зиночка. Изменившееся настроение. Принесла хлеб. Я съел почти фунт и на себе испытал всю опасность удовлетворения голода до насыщения (тошнота, тяжесть).

12–13 февраля. Тяжёлая болезнь. Смертельная слабость. Усталость от беспрестанных посещений врачей, вызванных внезапным приходом ко мне В. С. Никитского.

14 февраля. Зиночка устроила все дела с получением для меня пайка и денег во 2-м ЛМИ. Тревожные сведения о Перкале. Продолжается моя болезнь и слабость.

15 февраля. Мне несколько лучше. Продолжается тошнота и дурнота. Картина полной дезорганизации в госпитале. Опять поток врачей, сестёр — всё без толку, бесцельно, бесполезно. Невмоготу больше вся эта бестолковщина. О, если бы добраться до дому и почувствовать себя человеком, а не завалю! Вчера и третьего дня весь я был полон ощущения гибели. Сегодня как будто брезжит надежда. Но смертельная слабость от истощения, поноса и рвоты. Полных 4 дня болезни, тяжёлой и изнуряющей, в организме, доведённом до края истощения. Целый день обстрел. Снаряды рвутся вблизи. Завтра хотелось бы написать письмо.

16 февраля. Несколько лучше. Смертельная слабость. Через силу попытался подняться. Прошёл в общую комнату — на солнышко. Читал С. Симона, Вольского. Был проф. Н. Ил. Блинов. Поел: утром кипяток с сухарями и маслом. Сам соорудил. Затем Екатерина Ильинична. Письмо от Илика со 112-километрового марша зимою в Череповец.

17 февраля. Ровно месяц, как я в этом бессмысленном состоянии... «Чи я живу, чи доживаю, чи так на свити волочусь». Размагничиваются все лучшие навыки, культивируются самые худшие, самые низменные иждивенческие типы поведения. Комнатный паразитизм.

Сегодня день утомительных посещений — был К. О. Поляков, пришёл (с вредной и ненужной для меня «старкой») А. Г. Подвысоцкий вместе с П. Г. Коваленко, потом Н. А. Никитская. Моя тревога, ввиду отсутствия вестей от Зиночки, всё возрастала. Наконец, только в 2 часа пришла Зиночка (пробыла до 6 часов). Много трудноразрешимых предположений, а я сильно ослабел. Первый раз поел досыта настоящий бульон.

18 февраля. Пришла Зиночка. Ужасно мучительно думать, что ей придется столько ходить и опять отправляться в трудный путь в Лесное. После обеда, через полтора-два часа — сильное напряжение и отчаянная боль во всём животе. Была старшая сестра по питанию. Нужно узнать, как её зовут и как фамилия. Обещает содействовать получению машины до Лесного. Через Зиночку обещает на завтра машину и Н. А. Никитская. Над всем — беспросветная, ужасная пустота.

19 февраля. ...Ощущение возвращающегося здоровья, но тем более тревожно заглядывание в будущее. Удивляет меня мрачно-безнадёжное отношение к предстоящему нам в 1942 году будущему у всех почти «иждивенцев» асторийского госпиталя.

20 февраля. Утром написал письмо Илику. С Н[иной] Ал[ександровной] на машине доехал до Невского в Сберкассе. Напрасно прождал в очереди два часа. Кассу опять перевели. Вернулся пешком в «Асторию». Слабоват. Картина смерти и разрушения города.

Окончательное решение о возвращении из госпиталя домой 21-го февраля в 4–5 часов на машине Никитского. — Обещание Н. А. Весь день и вечер — мучительное состояние тревоги, беспокойства, безысходности, а за общим столом — за обедом, ужином — отвратительные сцены зоологического стада во время кормления. Трудно допустить, что это не шакалы, а люди, упавшие ниже уровня звериного.

21 февраля. ...В 3.30 Нина Александровна позвала к поданному автомобилю. Выехал после обеда и в 5 часов — на «Полоске». Забор к Бедунковичам от улицы, вдоль спортплощадки — унесён. Дорожки засыпаны снегом. Мертво. За домом, против окна кухни, — намёрзшая куча выливаемых нечистот. С трудом достучался. Кока¹ очень слаба. Мало или почти совсем не ест. Явления атонии кишечника... Зиночка с трудом встаёт. Поел оставленные мне кусочки конской печёнки. Здоровье моё вполне удовлетворительно.

22 февраля. На мягкой чистой постели в Зиночкиной комнате проспал до 4.30 утра. В 8 часов утра вышел во двор, принёс дров. Не хочу ни о чём загадывать вперёд, жить только минутой, переживая процесс жизни. И всё же — до чего тяжело быть объектом властного проявления деспотического характера Зиночки, и это при признании всех её заслуг, всего её самопожертвования для меня и для Коки. Какая-то новая, оформившаяся уже черта в её отношениях: «Вы — старики, а мы с Любочкой — прямая вам противоположность». Особого рода фракционность, исключаяющая возможность дружеского простого обсуждения по существу. Дело зашло в абсолютный тупик. После обеда часа два был на дворе, раскладывал снег. Побаливает живот.

25 февраля. Желудок и кишечник направились. При обмывании горячей водой тела поражает крайняя степень истощения: руки, как плети; мышцы атрофированы на ногах, как верёвки, под кожей сеть вен. Резко изменённая форма живота: низ — горой, верх у подреберья загнут к позвоночнику. Отвратительный вид. Кожа сухая.

Утром с 8 до 9 час. — во дворе, разгребал снег, возился с дровами...

26 февраля. ...В 2 часа пришёл Подвысоцкий. Я безмерно встревожен вестью о болезни Екатер[ины] Ильин[ичны], написал письмо. Планы Андрея Гр[игорьевича] — приведение в образцовое состояние госпиталя ГИДУВа и о созыве ФЭБом госпитальной конференции. Настаивает на моей скорейшей госпитализации в ГИДУВ. Моё непреодолимое внутрен-

¹ Так называли Любовь Карповну внуки. Захария Григорьевича в семье называли Дидей.

нее отвращение к госпитализации. Стараюсь оттянуть до 5 марта. Планы А[ндрея] Г[ригорьевича]. о моём консультантстве в ФЭБ.

В 4 часа я почувствовал общую слабость, упадок сил. Во время обеда мне стало дурно. Вечером — повторная рвота горьковато-сладковатой водой. Понос и колики. Всю ночь понос, состояние полубредовое. Дистрофия.

27 февраля. Утром — болит живот нестерпимо. Решил переселиться. Убрал комнату и вышел во двор — вынес ведро, колол дрова. Как будто стало чуть легче. Выпил две чашки горячего чая с пшённой кашей (вместо хлеба).

1 марта. Тупик. Безволие. Нет сил принять решение о временном перемещении в ГИДУВ. Всё время возвращаюсь к мысли о необходимости настойчиво советовать Зиночке взять на помощь Всеву Шнитникова¹. Но следует учесть, какова будет атмосфера со стороны Любви Карповны точно, установить лимиты «поручений». Лучше всего ему устроиться для занятий в Политехническом или на «Светлане».

Вечером (до 12 час. ночи) артиллерийский обстрел как будто уменьшился, а днём по временам он доходил до ураганного. Полная изоляция от всего внешнего мира, серая пустота, а на дне, под тиной мёртвого болота — какое-то непреодолимое, стихийное ожидание. Сегодня, как вчера и как много времени уже, никаких проблесков, которые бы освещали возможности реализации ожиданий; всё безвыходно, безнадёжно мрачно, а стихийная сила подсознательного ожидания превозмогает.

3 марта. Окружающая атмосфера и настроение — предельно гнусные. Продолжал составление графиков, окончательно выяснилась необходимость написать заключительные выводы к работе о детской смертности.

14 марта. Пришла Т. С. Соболева. Жутко смотреть на её измождённое, отошавшее, состарившееся лицо. Точно не месяц, а десятки лет её не видел. Несвойственная ей пришибленность и замедленность. Часа три был занят с нею. Её интересует главным образом эвакуация кафедры... Решили просить эвакуировать нашу кафедру во вторую очередь. Смерть (!) Самуила Исаевича и, может быть, также Ожиговой. Половина состава всей кафедры. Случайно уцелела Татьяна Степановна, и ещё более случайно (после

¹ Всеволод (Всевоочка) (1925–1943) — сын Арсения Владимировича Шнитникова от первого брака. В начале блокады он жил с матерью, но уже к началу 1942 все родственники Всевы — мать (врач), бабушка, тётки — умерли от голода, и он остался один. Вскоре, однако, его вывезли в Волхов, а затем он переехал в Пермскую область, где находилась с семьёй Валентина Захаровна. В феврале 1943 его из 10 класса призвали в армию, направили в авиацию и после 2–3-х месяцев учёбы он сразу попал на фронт, где разворачивалась Курская битва. Во время одного из воздушных боёв самолёт Всевы был сбит над Орлом. По рассказам очевидцев, лётчику удалось посадить самолёт, и Всева до последней минуты стрелял по немцам из пулемёта. В конце концов они вытащили его, раненого, из кабины. После долгого допроса и пыток он скончался. Местные жители похоронили его и долго берегли его могилу, хотя не знали ни имени героя, ни части, где он служил. Только после войны Арсений Владимирович нашёл место гибели сына в селе Кутафино Орловской области, и на могиле Всевы соорудили памятник из обломков его самолёта. В местной школе была пионерская дружина имени Всеволода Шнитникова, существует школьный музей.

поноса от истощения) я. Нужно, однако, думать о сбережении кафедры и всего её содержания для будущего развития и расцвета в восстановленном нашем Ленинграде.

15 марта. Весь день в обычном темпе. Днём — ветеринарный врач Иванов. Головы не вешает, поддерживает свою ветлечебницу на необходимом уровне. Восстановил канализацию, оттаял водопровод, добыл сена, каменный уголь. При настойчивости и деловитости — всё удаётся!

16 марта. Только бы не приехал за мной Андрей Григорьевич, в стационар не хочется, как в тюрьму. Но выхода нет — все продовольственные ресурсы на исходе, а при отсутствии масла, сахара, круп, мяса — опять впаду в голодный маразм.

18 марта. Теперь уже мне невоготу, и я хочу вырваться в ГИДУВ, к Екатерине Ильиничне. Но как добраться и остаётся ли в силе предложение ГИДУВа и Андрея Григ. о госпитализации. Всё расстояние пешком — немыслимо!

Утром выполнил весь круг моих комнатных работ. Терзаюсь бесплодно страданиями Зиночки от флегмонозного воспаления клетчатки, но помочь ничем не могу... Конфликты из-за моих попыток вынести её грязное ведро или принести воду из колодца (это узурпировано Зиночкой захватнически)... Никаких продовольственных ресурсов в доме уже нет. Опять и опять мысли о дистрофической гибели, надвигающейся всё неотступнее и неизбежнее.

Первая половина дня — под знаком тщетного ожидания Андр. Григ. и сильнейшего нажима Любви Карповны, чтобы опять госпитализировался. Страдания Зиночки от флегмоны надрыдают душу; как самое унижительное оскорбление и обиду переживаю опеку и лишение меня права на «самоопределение» в моих действиях (отняты у меня лопаты, спрятано от меня ведро для зачерпывания воды из колодца). Из каких бы мотивов это ни делалось — фактически это проявление власти надо мною, которое переживается мною как мучительное оскорбление. Попытка договориться с Зиночкой о возвращении ведра безрезультатна. Непроницаемая стена двух разных психологий, двух разных отношений к людям. Показательная в этом отношении история с изголодавшимся мальчиком, пойманном у нас на чердаке — хотел похитить кусок собачатины. Спасаящее нас от голодной смерти собачье мясо приносит нам заведующий ветлечебницей. Беспросветно.

19 марта. ...Тоска предсмертная и беспросветная. Безволие и неопределённость.

20 марта. Неужели же бросать всё на произвол судьбы — все мои работы за 40–50 лет, все материалы, записи, ненапечатанные работы? Никаких сообщений с городом... Недостойное, унижительное положение опекаемого вытекает из того, что сам не добываю ничего — ни по карточкам, ни вне карточек. Буквально положение тургеневского Короля Лира из Курской губернии. Для меня «добывают», значит, меня кормят, а я — из милости опекаемый и, как все опекаемые, — ничего не стоящий человек.

21 марта. Покинутый, забытый, ненужный, лишний потребитель, да ещё к тому же непрерывно алчущий, как изголодавшийся пёс, — таково моё положение на «Полоске». Грядущее или смутно, или темно. Утром —

во дворе обычный круг работ. Затем — целый день занимался статистическими расчётами коэффициента повозрастной смертности и перепиской таблиц, а также допиской вставок в злосчастную «старость».

23 марта. Началась весенняя оттепель. Зиночка пешком была во 2-м ЛМИ и в ГИДУВе для скорейшего заточения меня туда. Принесла ужасные вести о Татьяне Степановне, она почти умирает. Перкаль погиб, Андрей Григ. уехал и с моего горизонта, во всяком случае, исчез. Татьяна Степановна выбывает из строя. Не остаётся ни одного сотрудника, с которыми я был бы связан взаимным доверием, одинаковым пониманием. Всё содержание моей жизни подсекается, вырубается, остаюсь пока я, как «голый пень среди равнины». Бывает, что и от пня пойдут побеги, но чтобы из побегов вышли дельные деревья — нужно ведь время, тепло, свет, питающая почва вокруг, защита от бурь, ураганов, ветров, пригибающих к земле и ломающих побеги, а защитной полосы нет.

26 марта. Писал текст к таблице доживания... Неизбежность подчиняться и направляться для госпитализации в ГИДУВ совершенно пришибла, угнетает и разбивает меня. Без руля и ветрил...

29 марта. Нахожусь в госпитале ГИДУВа. С 5 часов утра артиллерийский обстрел района госпиталя. Приказано укрыться в подвале. Но мы остались в палате.

30 марта. Замечаю резкое снижение у меня способности к преодолению затруднений, к осуществлению принятых решений, к подвижности и инициативности. Всё больше накапливается наблюдений, говорящих о растлевающем влиянии безделья при стационарном пребывании, о роли и значении трудотерапии и организованного трудового режима. ...В течение всего дня и особенно после обеда — гложащее, мучительное чувство голода. В 3 часа пришла Зиночка. Принесла мне хлеб, мясо (собачье), сахар, курагу — всё, что получено по карточкам. Очень меня огорчила этим, так как сами они имеют пищи ещё меньше, чем я здесь.

4 апреля. В госпитале полные неурядки с питанием. Как и вчера, утром — совсем нет чая. Хлеба вместо 600 гр. дали опять только 500 гр. На заявление ответ — просите у комиссара. Ясно, что при некультурной грубости его, к нему просить не пойду. Как и вчера, опять целый день мучительное чувство голода. Утром вместо каши дали тоненькие пластинки сыру, без чая, без кипятка. Вкусно, но чертовски голодно.

5 апреля. Утром мороз — минус 11 градусов. Вечером и ночью длительная воздушная тревога. Сильнейшее чувство голода. Непреодолимая стена бюрократической успокоенности, инерции, всё остаётся без всяких изменений, без самонаименьших улучшений, вполне доступных.

18 апреля. Завтра утром мой доклад в заседании Учёного совета ГИДУВа. Здесь, в госпитале, мне невыносимо тяжело оставаться. Будущее — беспрочно мрачно, такого же землисто-серого цвета, как лица женщин, с клюками бредущих по улице, едва передвигая ноги, со связками сосновых веток (витамин С!) в руке или подмышкой, среди залитых сегодня апрельским солнцем куч грязных, подтаявших осколков льда. Просыпается подсознательный зов к земле — копать, сажать, выращивать, устраивать, налаживать! — А как же с едой? На одном пайке не прокормишься и, пожалуй, ног не потянешь.

Но что сулит ближайшее будущее? Неужели опять воздушные тревоги, обстрелы, незнание следующего момента жизни — будет ли он?

19 апреля. Утром готовился к докладу. С 11 до 14 часов заседание Учёного совета. Я употребил на доклад полтора–два часа. Говорил медленнее и тише, чем мне было свойственно раньше. Но мысль работала без помех и затруднений. Были довольно оживлённые прения. Я отвечал мягко, по всем пунктам. Доклад имел достаточный успех. Много хвалебных тирад. Выбрана большая комиссия.

20 апреля. В городе — ул. Кирочная, Потёмкинская, Чайковского, пр. Чернышевского, ул. Восстания — бродят с палками, мешками и утварью отёкшие, отощавшие люди. Немало детей греются на солнышке у домов. Женщина, умирающая на улице. Рассказы о матерях, доводивших до смерти младших детей, отнимая у них пищу...

1 мая. Утром в 6 часов по радио первомайский приказ И. В. Сталина. Как всегда — оригинален, доходчив, мобилизует, укрепляет

Днём пришёл врач отделения Спиваков и быстро устроил мне выписку из госпиталя. Я написал и подал проф. Фридлянду записку о желательности скорейшего созыва конференции по благоустройству и подсобному хозяйству при госпиталях и больницах. Обратил домой — на «Полоску». После обеда и ужина отправился с чемоданчиком пешком через Кирочную, Литейный, далее через почти разведённый мост, сначала до Боткинской ул., потом до Ломанского пер., потом до Батениной ул. Здесь вследствие какой-то аварии стояли все трамваи. Часа два отдыхал в стоявшем вагоне. Наслушался бесчисленного количества душ леденящих рассказов о смерти от голода отцов, матерей, детей, о воровстве продуктов и карточек, о выбрасывании в ближайшие дворы тел отца и матери, о голоде, и опять о голоде, об эвакуации и наживании вещей... Дотащился на «Полоску» только в одиннадцатом часу. Одна нога отказывалась действовать. Болят плечи. Весь в поту. Женщины трёх поколений выглядят лучше, чем я опасался. Хуже других Зиночка. Сильно выросла за месяц Любочка. С большим аппетитом и до полного насыщения поел первомайские выдачи.

4 мая. Впервые совершенно ясно дошло до моего сознания, что острое враждебное отношение ко мне и ко всем людям у Любови Карповны — произвольно, лежит вне её воли и на него нельзя реагировать, а нужно — не замечать.

11 мая. Проявляю ровное, спокойное, благожелательное отношение к Любови Карповне, но сам являюсь предметом непрерывных выпадов, попреков невесть за что, с её стороны. Какое-то ничем не вызванное, немотивированное озлобление против меня, по-видимому, болезненное¹.

16 мая. Всю ночь и раннее утро непрерывная канонада. Дрожат окна. Слышны залпы с нашей стороны и разрывы снарядов. Не оставляют меня в покое вчерашние разговоры об антропофагии, как о бытовом явлении. Едят детей, матери боятся выпускать их одних на улицу. Воздушная тревога задержала отъезд в Институт...

¹ Критическое отношение к З. Г. со стороны близких, о чём он не раз упоминает, было вызвано его отношениями с Екатериной Ильиничной.

17 мая. С 5 час. утра — целый день с перерывами на приёмы пищи занят был уборкой сада и двора. Убрал веранду. Дотащил и приставил лестницу ко входу на веранду. Подсыпал и покрыл песком дорогу за домом и вокруг колодца. И за всю работу по уборке, подметанию и пр. — непрерывные упрёки и недовольство.

В 12 часов ночи до 1.30 — воздушная тревога с невероятно интенсивной работой зенитной защиты.

24 мая. Рассказы об антропофагии. Для измерения ужасов нет никаких масштабов, так же как нет никаких масштабов для степени озверения немецких бандитов гитлеровской своры. Как непрочна культурная оболочка людей! Самые жестокие, кровожадные звери — тигры и шакалы — крохотные овцы по сравнению с массовым «человеком» из фашистских оккупантов.

5 июня. Целый день на «Полоске» один. Изготовил себе обед из ревеня и берёзового сока. Ходил (с М. А. Оранской) на ст. Удельная, но и там рассады отдельным лицам не продают. По пути впервые посмотрел (снаружи) новую баню, школу, ясли и детсад. Капитальные, каменные, солидные, даже богатые здания. Какое бедствие и горе, что гитлеровская бандитская война прервала наше культурное строительство. Среди мелких деревянных домиков и дач на Удельной — каменные крупные постройки бани, детского очага, школы производят очень большое впечатление.

7 июня. Получены письма от Лёли, Котика, Лидиньки. Трудно удержаться от слёз и волнения. Как искренне болеет за нас непрерывно Лёля, и как деятельно хочется ей помочь нам.

8 июня. С 6 утра — вскопал на поле орош[ения] две грядки. В 1 час дня ходил в совхоз по Ланскому шоссе (у Нов[ой] Деревни) за рассадой (получить по накладной 50 (!), только пятьдесят штук рассады капусты. Проходил более трёх часов, был в двух совхозах, предъявляя договора, накладные, удостоверения, справки — всё впустую: без директора отпустить рассаду не решаются, а директор ушёл на оздоровительное питание. Картина безнадёжного омертвления дела, опутывания его паутиной бюрократизма. Вот во что обращают тупые исполнители живую мысль об организации помощи огородничеству рабочих и служащих, — это мёртвая петля из бухгалтеров, контролёров, директоров, контор, управлений и пр., затягиваемая наглухо на ростках дела.

22 июня. С 9 июня по сегодняшний день — от 10 до 12 часов в день копал грядки, полон, засаживал, убирал сад и огород. Делал тщетные попытки достать рассаду путями, доступными в обычном порядке советским гражданам. Напрасно. Рассады заготовлено — миллионы, но получить нельзя. По «блату» получил через Як[ова] Захаровича Матусевича по 100 штук капусты и брюквы. Посадил на полях орошения. Кроме того, 200 штук [достал] через дачников. Опять зря ходил в Удельную (достал только 65 штук брюквы). Приходится рассаживать прорываемую свёклу и пр.

23–30 июня. 23, во вторник, и 26, в пятницу, — был в инфекционной больнице им. Карла Либкнехта. Вид с Выборгской стороны на Смольный, на берег Невы, на прибрежную часть города — напоминает мирные картинки Костромы. В мучительно тревожное настроение вливается за порогом сознания некоторая успокоенность.

24 (в среду) и 27 (в субботу) — был во 2-м ЛМИ. Отдал в работу (для снятия копии) мои графики к работе о ранней детской смертности. Составлял их в феврале–марте, в условиях особенно тяжёлых последствий голодания, и с большим удовлетворением вижу, что на усидчивости и качестве интеллектуальной работы это не оставляло следов. Только на неспособности ходить были ясны и ярко выражены влияния крайнего истощения, но не на умственной работе. Даже, наоборот, переживалось особое возбуждение мысли, напряжённые размышления в бессонные ночи. Всё время работал с 5 утра до 11 часов вечера (с перерывами) на огороде. Рассадывал так и не достал никакой. После двух-трёх жарких дней (температура на солнце +45–50 градусов и более) помидоры взошли самосейные из семян в фекалиях в одной из борозд поля орошения. Начал их высадку. Рассаживаю всё время свёклу, репу и турнепс. Пересаживал самосейный картофель. Осталось из 20 незасаженных, приготовленных мною грядок теперь (30 июня) только — 5. Всего грядок мною вскопано, разрыхлено, удобрено около 70, из них засеяны мною: репой и турнепсом — 9, свёклой — 8, морковью — 4, картофелем (обрезками и высадками) — 8, капустой и брюквой — 10.

10 августа. Утром — 5 часов работал в огороде. Приготовил репу для Зиночки. Прорвал и рассадил репу и турнепс на первой половине грядок у калитки. Был позван Любовью Карповной пить чай, во время чая подвергся оскорблениям, причём было повторено в качестве брани, что я эксплуататор. Это даже и для патологической озлобленности переходит все пределы. Я ответил, что Л[юбовь] К[арповна] должна взять это ругательство обратно... Всё это при молчаливом отношении со стороны Зиночки и Л[юбови] В[адимовны]. Я ушёл, оскорблённый, униженный, молча. Подумать только — всегда стремлюсь и фактически выполняю все самые трудные, самые грязные работы (уборка фекалий, уход за полем орошения, колка и носка дров, вскопал все без изъятия грядки, унавозил их и пр. и пр.). Я каждый день на тяжёлой работе до пота и усталости с 4–5 час. утра до 8–9 вечера, когда все ещё спят, а вечером ложусь последний. На протяжении всей совместной жизни с этой женщиной я, покорный судьбе и раз сделанному выбору, отдаю весь свой заработок в её распоряжение, подчиняюсь всем, иногда большим для меня трудностям. Мягкость моего характера повела к тому, что она внушила и дочерям бессмысленную идею, что она владелица дома и участка, купленного и устроенного общими трудами. Терпеливо переношу все унижения, всю унижительную опеку по моему мягкотелому жалению, именно жалению. Но взамен — всё возрастающая несправедливость ко мне и всё растущая несдержанность. <...> В конце концов — неизбежно искать выхода из этого невыносимого, недостойного для меня положения.

12 августа. Угнетающе действуют сообщения о невероятно быстром продвижении гитлеровских полчищ к нефти, к Майкопу и Грозному. И всё же не колеблется вера и уверенность или страстная надежда, что с минуты на минуту наступит перелом.

20 августа. Целый день — с 4.30 утра до 9 час[ов] веч[ера], до усталости работал на «Полоске» (прорывал свёклу и посадил две новых грядки, пересаживал с большим комом земли помидоры). Внутренне терзался и изнывал безнадежностью.

21 августа. Тяжёлая установилась и держится обстановка для меня на «Полоске». Отчуждённость по отношению ко мне и ничем не мотивированная вражда — вот то, что я встречаю здесь от моих «близких». Весь мой неустанный, тяжёлый труд здесь вызывает только пренебрежение и стремление унижить меня, осквернить самые лучшие мои побуждения¹.

28 августа. С 15 до 18 часов — на заседании Учёного совета ГИДУВа. На защите докторской диссертации Полякова. Выступал в качестве официального оппонента. Выступление предварительно тщательно было обдумано и хорошо подготовлено. Со значительным содержанием — о ведущем значении санитарной техники в коммунальной гигиене, о роли крупных санитарных технических установок и, в частности, — механических прачечных, об использовании этнографического материала (музей Академии наук) для выявления разных стадий развития белья и его стирки и т. д. Всё это очень отчётливо и стройно было связано с общим заключением и с перечнем второстепенных недочётов. Но, взойдя на кафедру, я впервые за тридцать лет преподавательской работы вместо обычного подстёгнутого настроения и яркого хода мысли почувствовал недостаток содержания и вынужден был ограничиться только случайно пришедшими на мысль замечаниями, но диссертацию, которая была передо мною и в которой в тексте и на полях были все мои заметки, открывать мне не хотелось из-за плохого зрения. Диссертант остался, как он мне сказал, весьма доволен моим выступлением, но у меня осталось крайне неприятное чувство неудачно, плохо выполненного долга.

8 сентября. Радио у нас не действует. Газеты вот уже два дня не видел. Тоска беспросветная. Чем больше тружусь на огороде и по дому, тем более безжалостное, требовательное отношение ко мне Любови Карповны и дочери, и внуки. Полное внутреннее, отчасти внешнее, отчуждение. Вся жизнь во всём городе и по соседству с «Полоской» стоит под знаком ломки домов для заготовки дров на зиму. Переселяют в каменные дома, а деревянные идут на

¹ К сожалению, из-за подавленности семейными неурядицами, вызванными собственным нежеланием окончательно решить, какая из двух семей ему дороже, З. Г. не отметил в дневнике важное событие — приезд в командировку с фронта мужа Зинаиды Захаровны — Арсения Владимировича. 9-го августа Шнитниковы с Любочкой присутствовали на первом исполнении в Ленинграде 7-й симфонии Д. Д. Шостаковича. З. Г. собрал для них в саду букет из переживших зиму многолетников. «Букет получился чудесным... в блокаду!» — вспоминал Арсений Владимирович. — «Сама же Зинаида Захаровна написала вместе со мною дирижёру К. Элиасбергу записку с глубокой благодарностью за сохранение музыки в блокадном Ленинграде. Записку положили в середину букета. ...Можете себе представить, какой фурор произвел этот букет на улицах и в трамваях, да и в самом зале Филармонии. Ведь о зелени тогда думали только в аспекте её пригодности для еды!!! ...По окончании симфонии Люба нерешительно идёт к эстраде, где стоит Элиасберг, и протягивает ему букет. Он наклоняется, берёт цветы, пожимает Любе руку... Кругом все улыбаются, взволнованно аплодируют...». В течение всех послевоенных лет и до сих пор этот эпизод с вручением Любой букета Элиасбергу упоминается во всех статьях и фильмах, посвящённых первому исполнению 7-й симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде.

слом. Каждый должен заготовить 4 кубометра дров на сломе домов (из них 2 кубометра лично для себя). Травматизм. Обстрелы артиллерии и с воздуха за год осады произвели во много раз меньше разрушений, чем это кем-то надуманное саморазрушение. Тут какие-то элементы безумия или бесшабашного скудоумия. Разве хоть в бреду, год тому назад можно было представить себе такие, обычным тоном передаваемые сообщения. Приоткрывается калитка. Две девочки, старшей лет 16. «Продайте рябины». — «Ну, что вы, что за продажа». — «А как же, теперь всё за деньги. Вы меня знаете. Я сестра Вовы Шлезингера, мы — ваши соседи. Теперь я одна. Наш дом ломают, жду машины, чтобы перевезти вещи. Дали комнату на Невском. А вчера при сломе дома нашли голову мамы. Её, маму, съели зимой». — «Да что вы, быть этого не может!» — «Нет, это верно. И протокол составили. Вы разве не слышали? Ведь тех, кто съел маму, уже поймали и арестовали» и т. д... Вот такое содержание обыденной, привычной жизни.

12 сентября. Был в Институте для усовершенствования (ГИДУВ). Труп, а не живущий и борющийся организм. Нева с Охтинского берега. Виды русского города через Неву на Смольный монастырь и собор. Томительная пустота. Домой попал в 9 часов вечера.

14 сентября. Утром — выкопал ведро картошки, снял брюкву. Свёклы и турнепса — две тачки. Спил три подсохших рябины. Устроил под домом третий ящик с овощами. Ваня Савраскин — в пьяном, привычном для него состоянии. Разнуздан. С безмерным самомнением, развязан до наглости, но всё же есть какая-то симпатичная черта — любовь к труду, к справедливости и равноправию. Напился одеколоном.

15 сентября. Утром — 5.30. Заморозок. Ледяная корка на листьях капусты, помидоров и пр. Замёрзли огурцы, тыква, кабачки. Опять бандитское нападение на грядки турнепса. Выборочно похищены самые крупные экземпляры. Срезанная ботва навалена на грядки. Ввиду мороза, а больше в предупреждение хищений, целый день убирал «урожай». Снял 10 кабачков, 6 головок цветной капусты, полную чашку мелких огурчиков. Снял почти всю египетскую свёклу (около 1 п[уда]), более 2 пудов кормовой свёклы и около 1 пуда брюквы (самые крупные — более 2 кг каждая), до 6 кг кочанной капусты. После обеда окончательно выкопал картофель (три полных ведра) и снял более крупный турнепс. Осязательно ясно, что зиму не прожить с таким малым запасом овощей.

21 сентября. Продолжал весь день работы по уборке овощей. Была комиссия по осмотру нашего дома на слом. Одна за другой рвутся нити, связывающие меня с жизнью. Этой беды мне не пережить.

24 сентября. Весь день прошёл под грохот от слома Богдановского чёрного североскандинавского замка. Работал по уборке довольно скудных остатков урожая корнеплодов. Значительную часть изгрызли мыши, другую часть — разворовали. Собрал ещё ведро моркови, ведро репы и ведро мелкой свёклы. Бессмысленная вредительская система слома большого деревянного дома — ещё не съехали жильцы и не свезена вся мебель, в окнах — во весь проём зеркальные стёкла, в доме — дорогие дверные, оконные, печные, санитарные приборы, а крышу уже пробили и варварски руют и крушат трубы, рубероид, разные балки.

25 сентября. С утра убирал срубленные деревья рябины. С рябиной целая эпопея. Голодный запрос на ягоды. Невыносимо унижительна необходимость постоянно стягивать и гнать с деревьев женщин, постоянно устремляющихся на рябины, как раньше это проделывали свиристели, дрозды, рябинники и галки. Затем собрал большое ведро свёклы. Подготавливал к пересадке малину.

7 октября. С 11 до 14.30 Горздрав, научное бюро санитарной статистики. Обсуждение моего доклада о постановке изучения динамики демографических показателей в период войны. Решено созвать общее собрание Общества гигиены. С 14.30 — 2-й ЛМИ до 17 часов. Домой вернулся в 8.30 вечера. От Илинки чудесное письмо — вполне ответственного советского гражданина в беспредельно ответственное время.

9 октября. Целый день один на «Полоске». Осенняя уборка. На чердаке зашивал фанерой разбитые окна. Визит «уполномоченного» милиции. Всё обнюхивает, осматривает, ищет, а может быть это манера гоголевского городничего для активного воздействия на «преступления».

10 октября. Полдня ожидал возможности сесть в № 20, потом поехал в Озерки (своеобразная картина осени и разрушения, чудесный ландшафт) и только к 16 часам добрался до Финляндского вокзала. Домой попал наполовину пешком (аварии трамвая), измученный, усталый. Дома — безжалостно холодная атмосфера. На душе беспросветно серо. Сыро, холодно...

11 октября. Пока недостаточно светло утром — возился с колкой дров и заготовкой в сарае растопок.

29 октября. Один, как перст, на «Полоске». Холодно. Часа два отняла готовка из овощей и тушёнки супа с добавкой рябины, свёклы и нескольких сухарей. Насытился. А дела столько, что если бы была не одна, а две головы, и не две — десять рук, а часов, пока светло, не 5 (с 11 до 16.15), а вдвое больше — всё равно всего не переделать, самоугрыzenie.

В 18 часов прошёл через «городок бараков» на Лахтинской ул. (по пути за хлебом). Сплошное разрушение на топливо для части. Для скорейшего разрушения — механизация, ворота, стальные тросы. Остался лес стояков. Жутко смотреть.

2 ноября. С 15 до 17.30 — состоялось заседание Гигиенического общества. Моё вступительное слово посвящено было памяти умерших с конца 1941 г. членов Общества (К. О. Шашев, С. И. Перкаль, А. А. Ашахмин, А. А. Садов, проф. Волжинский). Добавлены сведения о смерти проф. 1-го и 2-го медицинских институтов Полякова; какие-то глухие, тревожные слухи о В. А. Углове. Затем минут 45 мой доклад на тему о демографической проблеме, порождаемой войной, и доклад Е. Э. Бена «Итоги лечебно-профилактической деятельности Ленинградского здравотдела за год войны». Присутствовали всего 20 лиц, но кроме Бена — это всё более или менее новые для Общества люди и привычных участников наших заседаний не было. Одни, видно, находятся на фронтах, а многих нет уже в живых. Вышел после заседания с Евсеем Эмануиловичем Беном. Он незлобивый, дружелюбный, милый человек. Свою душевную мягкость старается прикрывать иронией и шуткой. Настойчиво убеждал меня взять у него полкилограмма хлеба, так как по пути он в лавке взял на два дня 1 килограмм.

Огорчает меня безнадежное отсутствие душевной чуткости, раздражённость Любочки. С нею связывались у меня надежды на развитие её природной одарённости не в сторону банального эгоистического переживания, а в направлении чуткости к людям, тонкости и отзывчивости на их запросы. С 1 часа ночи до утра мучительное томление. Угнетает отсутствие света. Перебрал мысленно все возможности на ближайшие месяцы. Прихожу к тяжёлому заключению о трагически неизбежном конце. Никаких шансов пережить шесть месяцев холода, голода, темноты, беспросветности, пустоты вокруг¹.

3 ноября. Преследует и гнетёт чувство голода и ещё больше — всё нарастающий страх перед голодом.

7 ноября. Утром, при изрядном морозе (до 12 градусов) обычная работа по разыскиванию топлива. Со страхом смотрю на ничтожное количество дров (хватит на 2–2 ½ месяца при самом бережливом расходовании, а как дальше?). Во второй половине дня пришли Любовь Карповна и Любочка, переутомлённые, переудручённые тяжестью обстановки... Вечером — воздушная тревога.

9 ноября. В 12 часов собрался, чтобы попасть в город для переговоров о возможном издании книги о старости с Лавкой писателей. Воздушная тревога прервала путь. Прошёл пешком через Английский проспект к Ланской; здесь пошли трамваи. Доехал до Нейшлотского, опять воздушная тревога. Пешком до Финляндского вокзала. Ожидал на морозе часа два до конца тревоги. Впадал в отчаяние. Ни назад, ни вперёд. Только в 16 часов пошли трамваи. Доехал на № 30. Воспрянул духом от тёплого приёма в больнице им. Либкнехта². Домой добрался удачно, без воздушной тревоги. К моему изумлению — на «Полоску» вернулись все женщины 3-х поколений. Радость встречи, омрачающаяся раздражённостью.

10 ноября. Целый день на «Полоске», при наличии всего её населения. С натугой, преодолевая отвращение, писал весь день начало годового отчёта по кафедре 2-го ЛМИ.

11 ноября. Воздушная тревога с 9 часов утра продолжается вот уже 4 часа. Трамваи и вся деловая жизнь стоит. Даже лавки не торгуют во время тревоги. Какая бессмыслица. Только безнадежной тупостью или злостным вредительством может быть объяснено это самоистязание, которому подвергает себя город при воздушной тревоге. Зачем останавливать трамваи? Зачем публику заставляют часами находиться в безделье в подъездах? Почему автотранспорт может продолжать двигаться, а трамваи должны стоять? Никакого рационального ответа не придумать.

12 ноября. Опять воздушные тревоги помешали своевременному отъезду. Пешком прошёл всю набережную от Финляндского вокзала. Начи-

¹ З. Г. Френкель подолгу оставался на «Полоске» один, потому что в это время Зинаида Захаровна, работавшая учёным секретарём в Научно-методическом бюро санитарной статистики, по состоянию здоровья не могла ходить на работу пешком из Лесного и поселилась в квартире Лидии Захаровны на Михайловской. Там же стали проводить большую часть своего времени и Любовь Карповна с Любочкой.

² В этой больнице во время блокады работала Екатерина Ильинична.

нает [набережная] разрушаться от размыва. Никто никакого внимания. На заметку для Ленсовета: укрепление набережных. На Неве ледостав, но буксир пробивает лёд. Тишина в перерывы между канонадой. Безлюдье полное. От Илика успокаивающее о его здоровье и благополучии письмо и телеграмма. Домой добрался в полной темноте к 8 часам. В пути попал в яму с водой. Здания разобраны, а вода не заглушена. Водопроводная станция гонит воду и тратит топливо и ток впустую. На улице с боков целые ледники замерзающей воды. Как будто бы открывается, наконец, 2-й фронт.

22 ноября. Весь день на «Полоске», обычная нагрузка. Получил телеграфный запрос из ГИДУВа о доставке в понедельник списка трудов, автобиографии и заполненной анкеты. Эту анкету заполнял я уже раз двадцать. Каждый раз не меньше 10 часов. Кто были мои отцы и праотцы и пр.

25 ноября. Воздушная тревога помешала попасть в Институт здравоохранения. После мучительного ожидания трамвая, а затем изруганный и помятый в нём осатаневшими от злого голодного лая женщинами, всё же добрался.

27 ноября. Окна сотрясаются от канонады, Но это, кажется, наши посылают тяжёлые снаряды «к ним», а не «они» к нам. Два раза за короткий день воздушная тревога. В 5 часов уже темно. Света нет. Погружаюсь на 15 часов в абсолютную темноту. В доме — только мыши, крысы, курица и я. Вынужденное отупляющее безделье в темноте. Томительное ожидание рассвета. Придёт ли он, этот рассвет, или я его не дождусь? Лазал под дом. Там темно абсолютно. Щелей нигде не видно. Отоплил хорошо. Овощи целы.

28 ноября. Утром — совершенно один на «Полоске». Три часа упорной работы за дворника и за одну прислугу. На дворе метель. Берёт сомнение, ходят ли трамваи. С обычными трамвайными мучениями, изруганный злыми женщинами, всё же на № 18, пешком и на № 19 добрался до 2-го ЛМИ. Передал Т. С. Соболевой мои вставки к отчёту и текст одного дополнения для вставки цифр. Продовольственной карточки ещё нет. По пути во 2-й ЛМИ в трамвае виделся с Зиной. В давке и безумной тесноте не сразу узнал, но услышал её голос. Радостное волнение. Успели только перекинуться несколькими словами... Пешком до № 12. Через Охтинский мост трамвай не ходит. Вид на Неву с её взъерошенными ледяными торосами и пробивающимися, как в арктическом море, пароходами. Прошёл пешком до остановки на Охте № 10.

29 ноября. На «Полоске» — Любочка, раздражённая, неуравновешенная. Потом с большой нагрузкой пришла Любовь Карповна. Ужасно жалко её. Выразить ей сочувствие — это значит, на её языке, «проливать крокодиловы слёзы». Зиночка так и не приехала на «Полоску» из-за дистрофической размолвки с Любовью Карповной. Её привязанность, её любовь и самоотверженные заботы незаметно для неё самой превращаются во властное опекание, а не равноправное дружеское стремление к взаимному пониманию и толерантному признанию личности других. Получены московские газеты за 24–27 ноября. Замечательно изображение непостижимого героизма защитников Сталинграда в большой статье В. Гроссмана «Под главным ударом». С трепетным волнением ощущается где-то за пределами сознания близящийся перелом крупного масштаба...

1 декабря. Пока темно, обдумал до конца программу доклада на конференции 12 декабря: «Задачи здравоохранения в борьбе с санитарно-демографическими последствиями войны». 1. Население страны (популяция), как непрерывно обновляющийся поток, как живое объединение возрастно-половых групп, находящихся в процессе постоянного изменения личного их состава от нарастания возраста, но сохраняющих обычно со значительной устойчивостью своё численное соотношение и мощность в населении. 2. Значение известной устойчивости сохраняющегося возрастно-полового состава населения для народного здоровья, для развития народного хозяйства и для возможного его планирования. 3. Нарушения в возрастно-половом составе населения, происходящие вследствие войны: а) нарушения соотношения полов в воспроизводительном возрасте (18–49 лет) вследствие безвозвратных потерь на войне убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести, а также вследствие преимущественной гибели в военное время мужчин и в тылу, а не только на фронте; б) нарушение возрастного состава мужского населения вследствие ущерба в численности мужчин рабочего возраста от безвозвратных военных потерь; в) наиболее резко выраженный ущерб в численной мощности поколений войны вследствие огромного сокращения рождений, убыли от не родившихся ввиду падения рождаемости через 9–10 месяцев после начала войны на весь дальнейший срок её продолжения, с добавлением ещё 9–10 месяцев и после демобилизации армии. 4. Распределение убыли от не родившихся, во много раз превышающей убыль от безвозвратных военных потерь, не на 30 поколений (возрасты 19–49 лет), как убыль от безвозвратных потерь, а на 2–4 поколения «детей войны». Вызываемая этим «демографическая яма» и её сильнейшее отрицательное санитарно-демографическое значение. 5. Задача здравоохранения по ослаблению и борьбе с санитарно-демографическими последствиями войны и по устранению ущерба от «демографической ямы» для санитарного состояния населения: а) Система лечебных и санитарно-профилактических мер, направленных на замедление процессов старения, на продление жизни и активной трудоспособности, на ослабление патологической поражённости от болезней. Уменьшение этим путём запросов к численно ослабленным поколениям, родившимся в период войны, на замену выбывающего трудового слоя от преждевременного стгорания, изнашивания организма. б) Меры по особому сбережению детских групп для предупреждения их сокращения от смерти в детстве и для возможно большего укрепления их здоровья и дееспособности. в) Специальные задачи по сокращению убыли от не родившихся путём борьбы с недоношенностью, мёртворождаемостью, абортными и ранней детской смертностью.

2 декабря. Рождает малодушие и уныние режим темноты, холода и страха перед голодным днём. Не выдержать надвинувшейся и охватившей свою суровостью зимы — целых 120 (!) дней, один другого тяжелее, унылее, до первых проблесков апрельского солнца и нарастающих надежд вместе с пробуждением природы! Чувствую, как пригнетаются мысли, воля к жизни замирает, сознание подавляется, опутывается «робкой тишиной» перед зияющей пустотой.

3 декабря. Совершенно один на «Полоске». Нарубил и наколол натасканные в сарай материалы для дров. Двадцать лет тому назад в Петрограде кирпич заготавливался на развалинах домов, палат и храмов, а теперь тысячи «лесных» заготовок, вернее «заготовок» дров ведётся разборкой деревянных домов.

4 декабря. Впервые за зимнее время при очень слабом свете керосиновой лампочки занимался часа четыре вечером, а не томился без света (из-за отсутствия керосина) в бесплодных обдумываниях, без возможности систематически обрабатывать и облекать в письменную форму возникающие и складывающиеся мысли.

5 декабря. В 1 час дня отправился в город. Попал довольно удачно во 2-й ЛМИ. У вокзала опустил письма в Красноярск Лидинке и в Молотов Лёле и Котику. На кафедре меня ждал Влад[имир] Иосиф[ович] Шафран. Постарел. Он потерял на войне младшего сына, сам долго болел. Лежал в «Астории». Теперь занят планами озеленения пустырей, кварталов и ненужных улиц. К этому привлечена лаборантка кафедры коммунальной гигиены. Хочет, чтобы я составил программу «научно-исследовательской темы». Будут у меня 9-го декабря, в 2 часа. Передал в переписку «Задачи, остающиеся на очереди перед кафедрой соц[иальной] гигиены». Экзаменовал студентов 4-го курса. Обращает на себя внимание замедленный, заторможенный ход мыслей от дистрофии. Получил 19 килограммов овощей. Возвращался в трамвае № 9 в нечеловеческой давке и брани... Только благодаря валенкам в темноте смог добраться через сугробы на «Полоску». В таких условиях пешком, с грузом бутылок и банок вернулась и Любовь Карповна. Всё на запоре, а ключ потеряла. Заперт и керосин. Предстоит длительное томление в темноте. Завтра обязательно начну писать отзыв на диссертацию Скороходова.

6 декабря. На рассвете, а точнее — до рассвета Любовь Карповна ушла — уехала на Михайловскую за ключом. Пока темно, убирал комнату и на дворе колод, носил дрова. Прочистил от снежных заносов всю дорожку от обоих входов в дом с улицы. Днём начал читать работу Зиночки о переписи стационарных больных от 4 ноября 1942 г. Совершенно из ряда вон выходящее появление Любочки, усталой, раздражённой. Так закрепляются функциональные нервно-психические расстройства. Без торможения, без критического отношения к своим импульсивным порывам, выкрикам... У меня это вызывает ощущение абсолютного бессилия моих воздействий, взывания к рассудку и логике, попыток пробудить чувство совестливости... День, как все в начавшуюся зиму, — под гнётом неумолимо надвинувшейся тяжёлой тьмы на четыре месяца. Тьмы, холода и изолированности от всего мира.

7 декабря. Вьюга, метель, мороз. Без валенок, наполовину пешком, прошёл в ГИДУВ. Получил официальную бумажку о награждении. В Институте — хуже, чем в прошлом году. Тошно и холодно. Получил 2 литра керосина, по подписному листу дал для Вал. Петр. 200 рублей. Обсуждал на кафедре тематику научно-исследовательских работ на 1943 год. Вернулся с огромными мучениями и трудностями.

8 декабря. С утра обычный круг дворницких работ. Убрал снег с чердака, закрывал там пол досками. С половины первого до 6 часов поездки,

обратившаяся в пешее хождение, — от Финляндского вокзала до больницы им. Либкнехта. Радость душевного отдыха. Екат[ерина] Ильин[ична] посадила меня в трамвай.

11 декабря. Днём окончательно привёл в порядок черновик годового отчёта. Мылся в кухне в корыте. Вечером все без остатка запасы пищи, оставленные мне до субботы, съедены. В десятом часу, промокшая, голодная, прозябая явилась пешком от Финляндского вокзала Любочка, из-за сильного артобстрела трамваи не ходят. Оборваны провода. Идёт дождь, всюду большие лужи. Устала, разумеется, но всё было бы легче, если бы не упрямство, не истерическое самодурство её. Хлеба брать не хочет, по раз и навсегда предвзятому внушению.

12 декабря. Утром произвёл полную уборку квартиры. Добрался на № 18 и 9 до Некрасовской улицы, Далее пешком по Некрасовской, Маяковского и Жуковской. Ужасные последствия вчерашнего артобстрела. Окна все разбиты, крыши разворочены почти во всех домах, вплоть до больницы Раухфуса. Снаряд попал в роддом Снегирёва. На ул. Жуковского — разбитый трамвай, порваны провода. С 12 с половиной до 2-х с половиной отбирал графики для доклада. С 3½ до 4½ — мой доклад о демографических последствиях и борьбе с ними. Сделал доклад во весь голос, не вяло, но из-за боязни, что не хватит времени, всё самому казалось скомканным, в особенности после того, как получил от председателя записку: «Ваше время исчерпано». Потом прослушал 4 доклада об авитаминозе 1942 г. в Ленинграде. В абсолютной темноте с трудом добрался до Зиночки. Принят был очень радушно. По радио слушал все сообщения. Обдумал выступление для участия в прениях.

20 декабря. На «Полоске» более людно. Все, кроме Любочки. Она предпочитает быть одна на Михайловской. Почти весь день работал во дворе, с дровами. Просматривал главу о возрастном составе населения и о движении населения из моей книги о старости. Обдумывал, как связать это с дополнительной главой, которую хочу написать, — о «законе населения». Что вкладывается в это обозначение? Нет словесного выражения для ощущения зияющей бездны, вызываемого гитлеровским атавизмом варварского людоедства, охватившего миллионные массы немецкого стада убийц, палачей, организаторов и исполнителей тупоумных смердяковских замыслов истребления евреев — от младенцев до стариков. Сообщение об этом Информбюро, напечатанное в «Лен[инградской] правде», приводит к оцепенению. Всё нужно бросить и идти в качестве рядового против этих разбойников.

21 декабря. На дворе слякоть, промочил валенки. Работал через силу, без удовольствия. Всего ломит, тянет, познабливает. Перечитывал последние главы работы Урланиса «Закон населения». Спускался под дом — достал 2 ведра овощей. Крысы съедают до тонкой внешней кожуры избирательно — брюкву. Самые лучшие экземпляры съедены. Пропало столько моего труда! К вечеру появились резко выраженные явления желудочного катара. Написал четыре письма: Илику, Лёле и Лидиньке. Вокруг и внутри — серая пустота.

23 декабря. В Бюро санитарной статистики прочёл неумный отзыв о моей программе исследований связи демографических сдвигов с

соц[иально]-эконом[ическими] и коммун[ально]-бытов[ыми] изменениями в осаждённом городе некоей Менделевой (подлинно — «а судьи кто?!»). Не очень высокой пробы и влияния, замечания следов хвостом и угодливо-податливый ответ Бена о моей программе. Он мог бы, пожалуй, понять смысл и значение поднимаемого мною вопроса об экологическом исследовании диалектической взаимосвязи санитарно-демографических явлений («показателей») со всею сложной перемежающейся сетью изменений и явлений экзогенной¹ среды, да к чему?! — Лишнее беспокойство, не проще ли идти в колее начальственных эвфемических предудказаний. Всё равно против рожна не попрёшь. А так удобнее и без тревожащих разговоров, наставлений и пр. Это, собственно, житейская мудрость, свойственная старению так же, как старению свойственно поседение (такое сильное у Бена), и некоторые отношения из области флирта, свойственные — по Некрасову и Гоголю — «молодящимся старикам». Всё это у Бена одевается в безобидные, никого не раздражающие проявления скептицизма, благодушия и доброжелательности к людям.

Во 2-м ЛМИ получил два «предписания»: немедленно написать а) мой доклад и б) моё выступление в прениях на конференции 12–13 декабря. Таким образом, у меня неотложных письменных работ накопилось немало, а выполнять их почти никакой возможности нет. Днём — полутёмная серая мгла, а вечером и ночью — при свете керосиновой лампы (очень плохой керосин) работать я не в состоянии. В порядке неотложности нужно в ближайшие дни: 1. Прочитать вновь переписанную и переплетённую мою работу о детской смертности по материалам 1939–1940 гг. и вставить несколько графиков. 2. Написать автореферат моего участия в прениях на конференции (об авитаминозах, истощении от голода, отрицательного энергетического баланса. 3. Написать доклад «Задачи здравоохранения в борьбе с санитарно-демографическими последствиями войны». 4. Написать программу научно-исследовательских работ 2-го ЛМИ на 1943 г. 5. Написать программу научно-исследовательских работ ГИДУВа на 1943 г. 6. Написать отзыв на диссертацию Скороходова «История микробиологии в дореволюционной России». 7. Написать отзыв (предварительно проштудировав) на диссертацию Рязанова. 8. Написать А. Я. Гуткину обоснование темы об условиях организации режима трудовых процессов и занятий для пользующихся в стационарах.

25 декабря. Вечером — мирное пребывание за общим столом. От Зиночки получил подарки к 73-летию. Очень трогательно, но никуда не уйти — два внутренних мира без возможности взаимного понимания. От Т. С. Соболевой Любочка принесла приветственное письмо мне. В сумраке гаснущей лампы написал благодарности и мои новогодние пожелания. Томительные часы ночного пребывания в постели без света прошли в невесёлых воспоминаниях о протекшем ещё одном годе моей жизни. Их уже так немного остаётся у меня впереди, а в моём окружении — и близком, и более далёком — не видится идущих мне на смену дружественных сил. Растёт изоляция, всё более одолевает пустота, но не погасла надежда на лучшую обстановку для общения в труде, в подготовке людских кадров.

¹ В медицине — происходящий от причин, лежащих вне организма.

26 декабря. От Илика два письма из Куйбышева. Радостно переживать его внутренний рост и ощущать, что он — мой желанный заместитель в жизни. Прокладывает свои пути... Так хотелось бы теперь с ним свидеться, быть поближе.

31 декабря. На рубеже двух годов — 1942 и 1943-го я записал о растущей изоляции моей от окружающей жизни вследствие смерти и отъезда из Ленинграда многих близких, друзей и соратников, с которыми и через которых поддерживались связи с людской стихией. Это самое ужасное для меня наследие 1942 года, почти безнадежно непоправимое, так как теперь, когда мне уже полных 73 года, новые связи трудно возникают...

1943 г.

3 января. Тускло просвечивает через туманную облачность солнце. Непрекращающаяся канонада, по временам — где-то очень близко. Какая-то физическая слабость. Поработал с дровами не более часа, уже промок весь насквозь от пота. Одиночество и гложущая тоска, хотя питание эти дни почти достаточное.

6 января. Вернулся домой на трамваях №№ 19, 9, 18 и отчасти пешком вследствие порчи трамваев, только в 7 часов. С половины 8-го до 12 час[ов] ночи — воздушная тревога, непрерывный гул зениток. Ночью — вновь тревога.

7 января. Первую половину дня один на «Полоске». Читал Яковенко о кондиционировании воздуха. С 3 до 5 — пилил дрова. Вечером при полусвете лампы немного занимался. Колоссальное нападение крыс, не дающих покоя ни днём, ни ночью. Вечером в 8 часов воздушная тревога, грохот зениток. Мороз около -20 градусов. Необычайно красиво.

10 января. Чувство сильного недомогания. Холодно. Мороз -21 градус. В окончательном виде написал письма в «Лен[инградскую] правду» с обоснованием предложения о снятии цепей с пушек из ограды стасовского Спасского собора для постройки танков.

Большое огорчение доставляет мне (наблюдение со стороны) полное отсутствие у Любочки самоконтроля, работы над собой, самокритики, выработки приемлемого для жизни в коллективе поведения и характера реагирования. Дело представляется в этом отношении прямо безнадежным. Совершенно бесполезно предпринимать попытки остановить её внимание на этих вопросах, а она сама всё больше и больше себя в этом смысле запускает. Становится банально капризной, сосредоточенной на своих раздражениях девицей осаждённого Ленинграда.

В течение дня читал диссертацию Скороходова. Вечером написал письмо Лёле. Около 10 часов вечера — сирена воздушной тревоги, грохот зениток и в этот момент из печки со взрывом вылетела поставленная туда и забытая банка мясных консервов. Разрыв её был принят за взрыв бомбы. Осмотр чердака, стояка, а затем — трагикомизм был обнаружен.

14 января. Ходил в город из Лесного. Чувство усталости и полной развинченности. На обратном пути доехал до Финляндского вокзала, а потом

пешком до Бабурина пер. Артобстрелом испорчены пути. В домах на Нейшлотском и Бабурином вынесло стёкла и рамы.

15 января. Утром пилил дрова. Просматривал II том «Гигиены» (кондиц[ионирование] воздуха Яковенко, гигиена оборуд[ования] помещений Прокофьева). В 5 часов направился к Зиночке на Михайловскую, чтобы не зависеть от трамвая утром и поспеть к лекции. Воздушная тревога в пути, но дошёл благополучно. Обычное радушие и создание уюта Зиночкой. Воздушная тревога с 8 до 12 часов.

16 января. От Зиночки с Михайловской до Литейного пешком, затем до Кировной на трамвае № 9. Потом — пешком. Пришёл к 11 часам. Очень дружественное свидание с директором И. Л. Вейнбергом. Он удручён смертью отца (64 лет). Продолжает поддерживать надежду на возможность печатания моей книги в феврале. Очень бы мне этого хотелось, но вера в успех и выполнение обещаний у меня вся потеряна. Лекцию полуторачасовую провёл без перерыва, без утомления, с интересом, оживлением с моей стороны, при глухом безразличии немногочисленной женской аудитории. После лекции виделся с проф. Вас. Алекс. Соколовым. От директора узнал о необходимости мне лично говорить с Алексеем Фёдоровичем Коноваловым. На №№ 42 и 30 — к Ек[атерине] Ил[ьиничне]. Письмо от эвакуировавшейся д-ра Троицкой. От Илика писем нет. В 5 часов Ек[атерина] Ил[ьинична] проводила меня к трамваю. У меня ощущение, как у Гл[еба] Ив[ановича] Успенского, что меня «выправили». Дома вечером — очень милое письмо от Евгения Ал. Брагина. Ночью в темноте обдумывал программу ближайших работ: 1. Мёртворождаемость по месяцам 1940–1943 гг. (показатели, независимые от неизвестного количества населения). 2. Через пищевую Госсанинспекцию получить всю «калорийность» по месяцам (среднее взвешенное для 3-х категор[ий]). 3. Получить записи обо всех новорождённых по календарным месяцам 1941–1943 гг. 4. В Трамвайном управлении — количество перевезённых пассажиров по месяцам 1941–1943 гг. 5. Кратко написать обзор демографических данных за 1941–1943 гг.

17 января. На «Полоске» в доме очень холодно — не согреться. Целый день штудировал «Нормы проектирования медико-санит[арного] учреждения», изд. НКЗ, 1939. Во второй половине дня приехала (пришла) Зиночка. Хорошие вести с фронтов (Воронежск[ого], Сталинградск[ого], Северо-Кавказск[ого]). В сумерках, когда уже было невозможно читать в комнате, колот дрова на дворе. По обыкновению, после полуночи и до утра, бессонное пребывание в постели в ожидании света.

«My soul is dark...» (Байрон)

Душа моя мрачна...

Она страданьями напоена,

Томится долго и бесплодно...

Но страшный час настал,

Теперь она полна,

Как кубок смерти яда полон. (Лермонтов)

18 января. Утром, пока темно, квартирное самообслуживание. Потом на дворе расчищал проход от снега, колол дрова.

Окончил чтение «Норм проектирования мед[ико]-санит[арных] учреждений». Колебания перед принятием решения — отправляться ли в город (в Стоматологический институт и за пайком)?

19 января. Утром соседка принесла весть о сообщении Информбюро по радио ночью о том, что прорвана блокада! С трудно передаваемым волнением жал руку и благодарил принесшую эту весть. В 12 часов во 2-м ЛМИ. Читал лекцию 3-му курсу по госпитальной гигиене. В 1 час объявили общеинститутский митинг. Мне предложено было (от имени студенчества и парткома) выступить в числе других профессоров. Сам я не очень удовлетворён своим выступлением.

20 января. Поздно вечером при мерцающем свете керосиновой лампы написал для «Профилактики»: «Прорыв блокады — сигнал к ещё большему объединению, сплочению и напряжению сил». Закончил строфой из «Оды к юности» Мицкевича: «Давайте же руки, в нас дружная сила...» и пр.

21 января. Утром — утомительное самообслуживание. К 11 ½ часам приехал (отчасти пришёл) во 2-ЛМИ. Передал написанное для газеты «Профилактика». Лекцию по госпитальной гигиене с 12 ½ до 14 час. 10 мин. (без перерыва) провёл без усталости. С Р. А. Бабаянцем условился о ближайшем заседании Гигиенического об[щест]ва.

При возвращении домой у Финляндского вокзала меня застала воздушная тревога. После бесплодного ожидания конца тревоги при морозе в -22 градуса отправился пешком по Лесному проспекту, Литовской, Б. Сампсониевскому. У Флюгова — конец воздушной тревоги. После часового ожидания трамвая № 18 добрался домой в 6 ½ часов в нетопленную холодную квартиру усталый, измученный. Всю ночь с 11 часов вечера до 7 часов утра в темноте, от холода ни на минуту не уснул. Водопровод в кухне замёрз. Замёрзла даже вода в баке (в котле) под плитой. Канализация вышла из строя.

22 января. День выходной, как и 23 — суббота. Всё утро топил печь, чтобы согреть кабинет, и плиту на кухне, в надежде, что удастся оттаять замёрзший водопровод. Тщетно. Потом пилил и колол дрова до третьего пота. Получена почта: «Моск[овская] правда» за 18–20 января и «Лен[инградская] правда» за 21-е. Статья Ильи Эренбурга о возмездии за Ленинград. Душат слёзы. Интересна в «Правде» статья Тихонова (классический случай). Получил письмо от А. Я. Гуткина о встрече нового года на фронте. Днём читал (в русском переводе) Гиппократ о воздухах, водах и местностях (текст на греческом яз[ыке]).

23 января. Тяготы самообслуживания при замёрзшей канализации. Часа два работал во дворе (перетаскивал на чердак рамы, в сарай — брёвна и доски). Светлый солнечный день, но сильный холод. Несмолкающий гул орудий.

Составил повестку заседания Гигиенического об[щест]ва, предположительно на 3 февраля. Первым поставлено моё сообщение о плане развёртывания работы Об[щест]ва в первой половине 1943 г.

В ближайшее время попытаться через Е. Э. Бена, Р. А. Бабаянца, Т. С. Соболеву устроить предварительное совещание о согласовании научно-

исследовательской деятельности по гигиене, санит[арному] благоустройству и санит[арной] статистике с участием проф. Страшуна, Менделевой, Бабаянца, К. О. Полякова, нач[альника] Госсанинспекции Никитина, Бена, Френкеля. Написал памятку об этом для передачи через Зиночку Бену. Вечером до 3 часов ночи воздушная тревога и сильнейший артобстрел. Под домом работали Зиночка и Любовь Карповна: все овощи, заготовленные мною в двух ящиках на февраль и март, совершенно и до конца съедены крысами. Канализация под домом замёрзла. Через стыки выливается и затопляет подполье клозетная вода. Безотрадная перспектива в течение не менее 4-х месяцев оставаться без клозета и умывальника. Сегодня на оттаивание извездено много дров и бесконечно много труда Зиночки, но всё тщетно...

24 января. Утром — работы из-за отсутствия канализации. В 9 ½ часов вышел, чтобы ехать на лекцию в ГИДУВ. Мороз -24 градуса. Сразу сел на № 9, но у 1-го Мурунского около часа заняла возня из-за аварии. Наконец, двинулись, но у Флюгова под трамвай попала женщина. Длительная задержка. В 11 ½ часов вернулся домой. Замёрз. Упал духом. Всего пронизывает ощущение слабости и полного бессилия. Никуда больше не в состоянии двинуться. Это угнетает.

25 января. Утром большая работа с колодцем для воды. Водопровод окончательно и безнадежно замёрз — до июня! — на целые полгода. Разбил лёд в колодце. Устроил ведро для вытаскивания воды. Принёс 3 ведра. Приготовил в коридоре место для выносного судна.

С 11 часов воздушная тревога. В 13.30 вышел из дому, чтобы ехать в госпиталь. Тревога продолжается. Пришлось вернуться. Мороз -28 градусов. Упрёки и неодобрения со стороны Любви Карповны. Всё это окончательно меня обездоливает и лишает воли и силы тянуть так жизнь. После унижительной перебранки почему-то (для меня самого неясно — почему) на этот раз мною овладело чувство жаления не к себе, а к ней... Ведь ей, как и мне, уже больше 70 лет, и она задолго до рассвета весь день и до позднего вечера работает по дому и ведёт весь дом. На лице, у подбородка, складки старости. Зачем отягчать ей тягости старости моим отстаиванием своей личности. Всё равно для меня домашняя среда и обстановка — поле жизни не главное, а третьестепенное. У меня есть другие области проявления моей личности, есть области глубоких, радостных, светлых и согретых теплотой переживаний. И меня начинает наполнять, овладевать мною внутреннее, ранее до моего сознания не доходившее, жаление, воля к жалению, к устранению моего реагирования на неодобрения и упрёки, отягчающего положение. Я ощущаю это моё настроение, как переломное.

Воздушная тревога днём и вечером. Вчера вечером весь наш дом от крыши до основания колыхнулся от взрыва бомбы. Бомба эта была сброшена с немецкого самолёта в Лесном парке подле госпиталя.

Тяжело не иметь газет, вот уже четвёртый день. После обеда, когда начало темнеть, часа два работал во дворе и топил печи. Весь день вместо работы за письменным столом читал «Отверженных» Виктора Гюго. Необузданная и ничем не связанная фантазия в сочинении фабулы по типу уголовных романов. Редкие крупицы психологической наблюдательности

и правды. Непривычная и не устраивающая теперь читателя утрировка и нереальность поведения героев.

26 января. Тяготы замены канализации выносом горшка и черпаньем из колодца вместо переставшего работать водопровода. Вышли все распиленные дрова и приходится, за отсутствием пилы, действовать только топором. Полное одиночество на «Полоске». Любовь Карповна после службы уедет на Михайловскую. Провёл полную уборку всей квартиры и почувствовал, как это сложно и утомительно, а Любовь Карповна делает это каждый день утром перед отъездом на работу¹.

В половине второго дня очень удачно попал на трамвай № 9 и № 30. От Илика доставившее мне радость письмо. Он совсем уже прочно стоит и движется в жизни на собственных ногах². Полон упоения от общения с окружающими, от дружбы со своим комбатом, от своей инструкторско-преподавательской работы, от победного продвижения Красной Армии...

На обратный № 30 попал не сразу, а на № 20 — и совсем не попал. Добрался с огромным трудом на № 18 и домой приплёлся только после 8 часов, пробыв в пути и ожиданиях трамваев более двух с половиной часов. Один на всей «Полоске». До 2 часов ночи читал «Отверженных» В. Гюго, пока не прочитал до конца. Впечатление от второй части и конца такое же, как записанное выше. А всё же — живёшь под впечатлением прочитанного. Во всём доме грызут полы и стены, проедают портфели, шумят и звенят посудой крысы. Всю ночь воздушная тревога.

27 января. Поездке во 2-й ЛМИ помешала воздушная тревога: трамваи стоят, вся жизнь во время тревоги нарушается. Почему останавливают трамваи, мне совершенно непонятно. Ведь грузовики и автомобили продолжают своё движение, зачем же выключается ток днём, когда сверкания не видно? Весь день на «Полоске» я совершенно один, приходила только, взывая о помощи, глухая женщина из дома Оранских. К ней явились милиционер и двое с ним людей, топорами взломали двери во все запертые комнаты. Заявляют, что будут ломать дом. Ушли к домоуправу, а глухая, вся в крови от порезов разбитым стеклом, прибежала ко мне. А я? Что могу я сделать?

В 4 1/2 часа принесла почтальонша газеты — «Моск[овскую] правду» за 23–25 января и «Лен[инградскую] правду» за 26–27. Банальная и не яркая (отдаёт квасным патриотизмом) статья А. Толстого. Очень знаменателен привет в виде длинного письма лондонского лорд-мэра к председателю Ленсовета. Вечером вернулась Любовь Карповна, проведя 4 часа в трамвае из-за тревоги.

28 января. Утром — в полной темноте, в 7 часов ходил в «Горелый»³ за хлебом. Получил по двум прикрепленным карточкам (500 x 2) 1 килограмм белого хлеба за 1 руб. 90 коп. Очередь — более полусотни, преимущественно женщин. Обозлены, ругаются и грызутся, как в трамвае. Дома

¹ С начала 1942 Любовь Карповна работала преподавателем иностранных языков (сначала немецкого, а затем и английского).

² В это время Илье Захаровичу было уже 23 года.

³ Так назывался магазин, в котором жители «Полоски» получали продукты по карточкам.

всю уборку квартиры произвела Любовь Карповна. После её отъезда на работу я колос дрова. Принесли газеты: «Моск[овскую] правду» за 26 и 27 и «Лен[инградскую] правду» за 28-е. В моём понимании только теперь принимает подлинные размеры и значение Сталинградская стратегическая операция. Это — переломный удар, после которого начинается новая полоса — полоса подъёма и роста нашей наступательной силы. Это настоящий апофеоз стратегической мудрости, решимости и твёрдости Сталина. Рузвельт и Черчилль с их штабами десять дней думали, гадали и хорошо говорили и писали, а Сталин действовал, настойчиво, могуче и в действии, а не в словесности множил силу, значение и независимость от помощи союзников Красной Армии и Советского государства. Пожалуй, теперь союзникам нужно уже не для нас, а для себя поторопиться со вторым фронтом.

Получил письмо от Илика, хорошее, радушное. От Лидиньки и отдельно — письмо-открытку от её Василька. Поздно вечером получил часа на два лампу. При её полусвете прочитал в «Правде» все корреспонденции с Донского и Сталинградского фронтов.

29 января. В 7 ½ часов удачно сходил в «Горелый» за хлебом (получил на два дня белый «по прикреплению»). Погода мягкая, пасмурно. Может быть, благодаря сумрачному небу не будет воздушной тревоги. Потом часа три, четыре — домашняя уборка, топка моей печи, безуспешная борьба с крысами, всю ночь неистово шумевшими и грызущими книги и бумаги. К моменту отъезда к Зиночке — около 5 часов — воздушная тревога, которая с перерывами продолжалась до позднего вечера. Только после возвращения со службы Любове Карповны до моего сознания дошло, что я пропустил все сроки для получения продкарточки на февраль. Попытался выйти из дому, но почувствовал изнеможение, упадок душевных сил. Пульс (в 10 часов вечера) = 69–5, т. е. в некоторые минуты 4–5 выпадений. Малодушная боязнь, как попаду завтра в город. Тяжёлая тревога за Любовь Карповну...

Получив лампу (с 10 до 12 часов вечера), два часа занимался черновыми набросками о «Законах населения» (добавление к стр. 208 моей книги о старости и удлинении жизни). Думаю сделать ссылки из книги «Рост населения Европы».

31 января. С 7 ½ до 9 часов тщетно стоял за хлебом. Прикрепил карточки на 1-ю декаду на белый хлеб. Затем 2 часа тяжёлых дворницких работ. Нападает малодушное отчаяние и изнеможение. За отсутствием пилы рубил тупым топором берёзовые брёвна. Скоро наступило изнеможение, сильное потение. Вернулся к себе совсем ослабленным. Отлёживался. Вечером — длительная воздушная тревога. Ночью в темноте продумывал тему о стационарном населении, о возрастном составе стационарного населения (L x), о численности стац[ионарного] населения (T x), о среднем темпе смены поколений в стац[ионарном] населении (I x). Как построить аккумулятивную кривую возрастного состава стационарного населения.

1 февраля. Обычный круг работ утром по двору и по уборке в доме. Егор Иванович взял 100 руб. за то, что поточил пилу. С 1 ½ до 6 ½ — поездка на №№ 20 и 30. Телеграфные поздравления Жени, Лодыгиных и Ланиной со снятием блокады. Для нас эти поздравления слишком преждевременны.

Оказывается, я пропустил лекцию в субботу 30 января в ГИДУВе. Вечером — много планов, но ничего не выполнено.

3 февраля. Домой на «Полоску» вернулся в половине 7-го вечера. На дворе — оттепель. Женщины (трудармейцы) чистят тротуары, производят уличную сколку льда без дополнительного питания. Несомненно, это опять вызовет увеличение «падежа» людей.

6 февраля. На кафедре во 2-м ЛМИ новая сотрудница-лаборантка, тяжёлая дистрофичка. Лицо опухшее от отёчности. Пытался ей преподать приёмы вычерчивания диаграмм. Студенты 4-го курса призваны и лекции откладываются до апреля. Печатание книги моей ни с места! Т. С. Соболева получила вызов в Самарканд, кажется, и сама хочет уехать. От «прорыва блокады» легче не стало. Пешком, на №№ 12 и 10 и снова пешком добрался до б[ольни]цы Либкнехта, к Эк[атерине] Ил[ьиничне]. Домой вернулся в 7 часов. Застал оживлённо болтающую Любочку. Память у неё, очевидно, великолепная: сдала остеологию и синдесмологию. Задал ей ряд вопросов и убедился, что она хорошо знает. Потом приехала Зиночка. Обычная сварливость между дочерью и матерью. Коса на камень.

9 февраля. Утром — вынос нечистот, черпание воды из колодца, удаление золы из печей, дрова. Проводил в стационар Любовь Карповну. Подготовился к «поездке» в ГИДУВ в 11 часов. Оказалась воздушная тревога. Непрерывный артобстрел города с раннего утра продолжается весь день. Пережил воздушную тревогу до 2 часов. В 2 вышел — тревога продолжается. Опять вернулся и вынужден был остаться на «Полоске».

11 февраля. От Илика всё ещё нет писем. Целый день артобстрел разных частей города. На «Полоске» пусто. Холодно. Темно.

12 февраля. Всё утро ушло на самообслуживание (уборка, топка печи и пр.). Потом колол, возил и носил дрова. Только к 4 часам закончил работы дворника и принялся за материалы к диссертации Эльмановича. Вечером при свете свечи читал полученные газеты. За весь день только дважды поел: утром и в 5 часов съел прокисший суп и хлеб с куском свиного сала. Вполне сыт. Получил милое трогательное письмо от Лидиньки. Опять о снятии блокады, такое искреннее, наивное.

15 февраля. Целый день и вечер до поздней ночи сильнейший артобстрел. Осколки залетели на «Полоску». Обычный круг работ по двору и дому. Утомительная и изматывающая работа по разборке архивных материалов. Составлял опись их за 1939–1942 гг.

16 февраля. С 6 утра занялся хозяйственной уборкой. В 7 часов отправился слушать радио (сводку), но радиоточка молчит. Из-за вчерашнего артобстрела оборваны провода. Трамваи по той же причине не идут. Вернулся очень расстроенный. В 10 часов ушла пешком в город Зиночка, за ней Любочка. Зиночка в порядке её заботливой опеки всё приготовила мне до субботы — всё до мелочей — и хлеб, и сахар, и суп, и кашу, и овощи. Нагрузилась большим мешком за спиной — моё грязное бельё и пр. Невыразимо больно за неё и так хотелось бы снять с них часть тяжести и тягот. Когда она уходила, меня душили слёзы.

17 февраля. Совершенно один на «Полоске». Артобстрел несколько слабее. До 1 часа читал Гиппократ, русский перевод, изд. 1936 г.: клятва,

Закон, о враче, о благоприятном поведении, наставления... С 1 часа готовился к отправке на заседание Гигиенического общества в Педиатрический институт.

21 февраля. День, как и все предыдущие. Много времени и сил поглощает уборка квартиры (вымыл пол в одной комнате, колка дров, заправка печей). Только вечером пришла (от Финляндского вокзала пешком из-за воздушной тревоги) Зиночка, а за ней позднее и Любочка. Стараниями Зиночки пили чай и обедали (вечером) вполне благоустроенно.

23 февраля. Артобстрел в районе больницы им. Либкнехта. Шрапнели рвались на виду, перед окнами, над Невой. Из-за остановки трамвая не мог уехать домой, остался на ночь у Екатерины Ильиничны.

24 февраля. Утро в чудесной культурной обстановке: электричество, академическое издание Лермонтова. Прекрасный завтрак. В 8 утра попал в трамвай № 30. На «Полоске» совершенно один. В 2 часа встретился с Зиночкой. С 2 1/2 до 6 часов заседание у Ю. А. Менделевой. Обсуждался мой доклад. Нужно написать постановление Правления о штатах кафедр и о кооптации.

Вечером на «Полоске» один. Вёл безуспешную войну с крысами. Одолевают, грызут все двери. Подготовил к ужину 3 куска хлеба на столе. Отлучился на время в кабинет, вернулся, хлеб уже утащен. Ночью поднят был стуком. Искали из штаба к командиру дивизии живущего у нас, но не ночевавшего дома полковника.

25 февраля. Целый день неотлучно дома. Немного занимался. Пилил и колол дрова. Беспредельно расстроен гнусным варварством — весь день ломают дом Бедунковичей, невзирая на все ходатайства, слёзы, мольбы глухих старух, в нём живущих. Уже близится весна. Топлива кругом неиспользованного очень много. Теперь возможен уже подвоз торфа из Синявина, но бездушные мерзавцы-бюрократы делают своё подлое разрушение.

28 февраля. Без мучительного волнения и негодования не могу видеть разрушение дома Бедунковичей.

4 марта. В 12 часов воздушная тревога. Только к 3 часам добрался до Дома учёных. У набережной огромные корабли. Колоссальные разрушения замечательных домов с колоннадами в районе Круглого и Аптекарского переулков. Дом учёных — убогий, полупустой, жалкий. Внёс членские взносы (150 рублей). Столовая — харчевня в ночлежном доме или даже нечто много худшее. После двухчасового ожидания — борщ с «хряпой», совершенно несъедобный. Домой обратно на «Полоску» в 6 1/2 часов.

18 марта. Утром с 7 до 9 часов уборка комнаты и надворные работы. Осмотр «зруйнованного» Богдановского участка. Удручает картина бессмысленного разорения, разрушения и расточения. Поистине — унтер-офицерская вдова, которая сама себя высекала.

23 марта. Днём сломали наш забор. Ломают маленькую хибарку Бедунковичей. Отправился говорить с начальником бригады взломщиков и разрушителей. Весь двор среди груд снега и сколков льда завален книгами, рукописями, чертежами, альбомами. Вандалы были более милостивы. Разговоры бесполезны. Трудно отделаться от безнадежного отчаяния.

24 марта. Утром собирал и кое-как временно ставил забор. Готовил завтрак и обед. В 11 часов ходил в милицию для заверки учётного листка

(потратил на это полтора часа). Получил затем в «Горелом» хлеб. На № 18 и № 3 к половине второго дня — в Зубоврачебный институт. До половины третьего прилаживание отремонтированного протеза верхней челюсти с применением нового метода — нанесения на протез растворимой мастики. Кажется, чудесный метод. В хозяйственной части 2-го ЛМИ заверил учётный листок. На кафедре подготовил к сдаче в библиотеку «Больничное дело» и «Советское здравоохранение». День без осмысленного содержания. Пустое, ненужное никому барахтанье. «Не трать, куме, часу, спускайся до дна»?

Ночью, как и в предыдущие ночи, длительные, повторные воздушные тревоги, разрушенные дома на ул. Мира. Чрезвычайно дружно, интенсивно бьют наши зенитки.

25 марта. Вслед за заходом солнца — воздушная тревога. Защитная работа зениток всю ночь.

26 марта. Смотрел кино «Сталинград». Непостижима выносливость человеческих нервов. Обращает на себя внимание полное отсутствие на экране какой-либо санитарной тематики и слабо представлены сцены сдачи немецкого командования. Изумительно искусство кинооператоров и их смелость.

28 марта. Приезд Зиночки. Нагромождение всё усиливающихся в своей тяжести и невыносимости неприятных положений и известий. Резкое ухудшение здоровья Любови Карповны из-за недостаточного питания в госпитале, ошеломляющая неприятность у Любочки¹. Немилой становится «Полоска» с постылыми картинками разрушения вокруг: слева — дома Бедунковичей, а справа — Богдановых.

29 марта. К постановке темы (на 1943 год) по коммунальной гигиене — «Обследование внутриквартальных и других пустырей в жилых районах города и выработка на основе данных этого обследования плана восстановительных работ»...

30 марта. В 1 час вышел из дому, чтобы попасть к 3 часам на кафедру до заседания. На № 20 доехал почти до военно-медицинской клиники, но тут воздушная тревога. Прошёл через Литейный мост, у Кирочной не был пропущен из-за воздушной тревоги. Только к половине 4-го добрался, наконец, во 2 ЛМИ. Сильный артобстрел. Новая воздушная тревога. До заседания успел получить продкарту на апрель. Переговоры с Захарьевым о желательности постановки доклада о подсобных прибольничных хозяйствах. В 5 часов в актовом зале открылось заседание Гиг[иенического] об[щест]ва моим вступительным словом.

Вечером опять новая, четвёртая воздушная тревога и артобстрел. Ночевал на Михайловской. Зиночка, как всегда, несмотря на усталость и боли, всё наладила, обеспечила уют и покормила.

1 апреля. Боль и огорчение доставило мне созерцание ужаса разгрома на месте небольшой бани, дома и сада Вали и Толи Бедунковичей: бес-

¹ Имеется в виду отчисление Любы из медицинского института в конце 2-го курса из-за участия её в выпуске рукописного студенческого журнала, который был признан парткомом «крамольным».

смысленно какими-то вандалами сломлена, порублена на части большая серебристая ель, такая чудесная, стройная, красивая — порублена в куски, валяется в грязи.

3 апреля. Утром — наружные работы по ограждению и приведению в порядок «Полоски». Снег уже совсем растаял. Земля оттаяла сантиметров на 10. В момент, когда вышел, чтобы ехать в город, — воздушная тревога. Вновь занялся наведением порядка во дворе. Всё усиливается и нарастает ни на минуту не дающая покоя тревога за здоровье Любви Карповны и за Любочку. Ведь со среды, т. е. более трёх дней, от Зиночки никаких вестей. В 1 час — новая воздушная тревога. Не дождавшись её конца, отправился к трамваю. Только в 3-м часу кончилась третья [оздушная] т[ревога]. Было уже поздно и мало надежды попасть во 2 ЛМИ и ГИДУВ. Решил хотя бы поговорить по телефону. На № 20 и 30 в 4 часа доехал до больницы Либкнехта. У Екатерины Ильиничны — чистая, залитая солнцем, с видом на Неву и Смольный, комната. Подлинная культура быта, распространяющая вокруг себя атмосферу устроения, налаженности. Всё это окружение будит внутренние настроения душевного отдыха, точно как в болезни — рождается надежда на выздоровление. Точно перестаёшь чувствовать непрерывно преследующую развёрстую пустоту, бездну без всякого содержания.

Воздушная тревога одна за другой вечером, как и днём. Случайно в промежуток удачно вернулся на «Полоску». Ни Зиночка, ни Любочка не приехали. Ночное появление жильца, вызванное страхом перед крысами.

4 апреля. Часа три прилежно работал по уборке и наведению чистоты в квартире. Заготавливал дрова, топил печи. В 3 часа пришла пешком от Литовской улицы Любочка. Безуспешно ходил за хлебом. Воздушная тревога.

9 апреля. Вечером (в 11-м часу) неожиданно приехали Р. Н. Зельдович и Зиночка. Зельдович в кратковременной командировке с фронта. Большую радость доставило мне свидание с ним. От него узнал, что Кругликов не умер. Работает в Академии наук в Уфе. Зельдович в чине майора с орденами Красной Звезды и Красного Знамени.

10 апреля. Во 2-м ЛМИ узнал об окончательном отказе в отпуске бумаги на печатание моей книги о деятельной старости. Столько положено мною труда на эту книгу — и всё впустую, а ведь ценность её для укрепления идейных позиций советского государства совершенно очевидна и совсем не малая.

16 апреля. Весь день до вечера — ужасный обстрел из дальнобойных орудий. Снаряды непрерывно рвутся где-то неподалёку (по-видимому, в Лесном парке, на Пискарьёвке, на Охте). Непреодолимое моральное угнетение. Всю ночь одна за другой воздушные тревоги. От канонады невозможно заснуть. Всё небо в разрывах снарядов зенитных орудий.

14 мая. Целый день воздушная тревога.

15 мая. Утомляющая работа по вскапыванию грядок на «Полоске». Непрерывные воздушные тревоги. С 2 часов довольно удачно в перерыве между [оздушными] т[ревогами] проехал на №№ 18, 9 и 30 до больницы Либкнехта.

16 мая. С Зиночкой с половины 9-го пешком до Поклонной горы и до Лечхоза для обработки отведённого огородного участка в 170 кв. м. Про-

хладно. В пути пешком около 2 часов. Работали на огородах горздравцев до 4 ½ часов. Домой вернулись в полном изнеможении. На непросохшем задернованном овсяном поле вскопали $8 \times 6 = 48$ кв.м. Чрезвычайно много бытовых и природных впечатлений за этот день «колхозно-индивидуальной» работы. Полоска в 0,8 м шириной и 106 м длиной д-ра Бесова с женой. Бригада уборщиц и горздравской верхушки. Полная неподготовленность для обслуживания сотрудников Горздрава. Колоссальная затрата энергии для пешего преодоления огромного расстояния до отведённых огородов и пр.

17 мая. Отредактировал журнал заседания правления Л[енинградского] о[тделения] Гигиенического о[бществ]а. Вскопал у сарая две грядки. Был занят уборкой «Полоски». В город не мог поехать из-за непрерывно повторявшихся воздушных тревог.

20 мая. Объединённое заседание Гигиенического общества и Общества эпидемиологов — доклад о борьбе с грызунами В. А. Соколова. Поручено формулировать и представить в Ленгорздрав постановление. Моё дополнение: о постановке научно-исследовательских работ по биологии грызунов в Ленинграде (определить вес грызунов, время, место выкладки, выработки применяющихся средств к изменившимся условиям поведения и пр.).

30 мая. По существу — какая трагедия отправка на торфоразработки Любочки — болезненной, неуравновешенной, физически слабой, с тяжёлым заболеванием и в то же время богато одарённой интеллектуально. Подлинное расточение человеческих сил, способностей, возможностей эффективного использования людей. Попрание гуманности, издевательство над бережным отношением к людям, над целесообразной «расстановкой сил». Трагедия не только для Любочки, с её внутренним раздвоением, но и для меня при полном, отчётливом понимании совершенного бессилия помочь делу.

31 мая. Утром воздушная тревога. В 11 ½ часов отправился за хлебом. Опять воздушная тревога. В ожидании её окончания промаялся изрядно времени и потерял возможность попасть во 2-й ЛМИ на кафедру. Третий раз в[оздушная] т[ревога] около 5 часов. Не делаю того, что нужно. Обычное внутреннее самоугрызение. Жизнь без аромата жизни; тускло внутри, буднично, бесцветно, безвкусно, только глухая, придавленная тоска и томление, — будущее не рисуется никак...

23 июня. 4–8 часов. Тягостное и терзающее заседание Учёного совета во 2-м ЛМИ. Превышающий все масштабы грубой некультурности, невежества, отсутствия достоинства доклад директора Мееровича. Подлинное самовлюблённое подхалимство. По-видимому, никогда в жизни человек не слышал о достоинстве и добросовестности учёного. «Подпольный журнал» — жупел устрашающий, а ведь в действительности и намёка на что-либо похожее не было¹. Он, Меерович, будет «производить экзамен» каждого завед[ующего] кафедрой и пр. В тяжёлом, измученном состоянии, из-за воздушной тревоги пешком попал домой только в 11 часов.

¹ Здесь не в открытую, завуалированно Захарий Григорьевич рассказывает о том, как «прорабатывали» его за Любочку, которую обвинили в участии в выпуске якобы «подпольного журнала» и исключили из ЛМИ.

28 июня. Начинает в глубине тревожить и томить бессодержательное прозябание. Два дня уже свободны от воздушных тревог, но непрерывный гул орудий.

17 июля. 11 ½–12 ½ — в пути к Финляндскому вокзалу, а оттуда пешком, через мост, по Сергиевской, Фурштатской, Кировной. Тротуары и улица завалены разбитыми стёклами и обвалившимися карнизами. Всюду идёт уборка женщинами. Под артобстрелом, мимо сапёрных казарм, пришёл в ГИДУВ. Ужасные разрушения. В моём кабинете осколком снаряда пробита стена. С 1 часа начал лекцию. Цикл весь в сборе. Рамы в аудитории выбиты. После трёх, четырёх сильных разрывов артснарядов — лекция прекращена. С 2 часов до 6 часов — в бомбоубежище. Сырой тёмный подвал. Казалось, не будет конца обстрелу. С облегчением, как только кончился обстрел, поспешил пешком до Финляндского вокзала. На Боткинской сел на трамвай. Пришёл домой на «Полоску». Застал уже вернувшуюся Зиночку и Любовь Карповну. Точно вновь вернулся к жизни.

18 июля. Утром с 6 до 7 ½ часов — работал в огороде. С 8 ½ часов утра отправился с Зиночкой на огород в Лечхоз. От Озерковского кольца трамвая шли по берегу 1-го и 2-го озера. Чарующие виды. Станция гидрологическая Арс[ения] Влад[имировича]. В моём представлении он, её инициатор и устроитель, рисуется в ином, очень выгодном свете. Окучивал в течение 4 часов картофель. Обрато — мимо второго озера. Несметное число купающихся. У меня озеро, его волны пробудили давно неиспытанное желание искупаться, плавать в воде. Домой добрались в 6 часов.

3 августа. При сильном артобстреле Выборгской стороны и Дзержинского района добрался к 12 часам в ГИДУВ. Просил врачей подняться из бомбоубежища в аудиторию. Прочёл до 2-х часов лекцию по водоснабжению (жилищно-коммун[альный] цикл).

11 августа. С 4 до 9 вечера — 2-й ЛМИ. Заседание Учёного совета под председательством разнuzданного бурмистра — Мееровича. Как всегда, его тупое самодовольство и самовлюблённость ограниченного приказчика галантерейного магазина невыносимы. Непрерывный артобстрел.

21 августа. Артобстрел. Пешком до Троицкой, до Невского и от Нижегородской до Симбирской.

26 августа. За последние дни не могу преодолеть постоянной (с раннего ещё детства) болезни моей — негативизма — бессилия и неспособности приняться за выполнение того, что является неотложной, обязательной задачей. Под всякими предлогами и без предлогов — отлыниваю, откладываю, принимаюсь за что угодно, только бы не начать того, что обязательно нужно сделать. ...Так всю жизнь — обязательное дело выполняю только под плетью последней минуты срока ...и это подавляет, омрачает настроение.

3 сентября. Отвратительный день — от начала и до конца. Утром Иван Николаевич поймал мальчишку лет 16, укравшего много яблок. Один из надоевшей тройки. Свели в милицию. Длиннейшие протоколы. Только в 10 часов попал в трамвай. Трамвай из-за артобстрела был остановлен. С 11 до 6 часов — в Горздраве. Из-за артобстрела день пропал бесплодно. Около 7, после обстрела, пытался сесть в трамвай, упал на мостовую, расшиб себе оба колена. Вечером — полное бессилие, не мог ничем заниматься.

Всё то же состояние безразличия и разброда сознания. Получил открытку от Шистера.

5 сентября. Сегодня напишу письма, прежде всего — Илику. Ночью я вспомнил это. Вспомнилась замкнутая замыкающая колоннада. Купол над колоннадой и синева бездонного неба среди белесоватой зелени тянущихся к небу ветвей вековых тополей. Горячий, яркий свет июньского солнца. Мы оба на берегу Славянки, на мягком ковре густой травы. Я чувствую в этом родном мне, желанном мною маленьком моём сыне продолжение моего существа, моей жизни. И так непреодолимо желание, чтобы жизнь его была процессом развития, совершенствования того, что наиболее интимно дорого мне во мне. Когда это было? В котором году — теперь не установить даты. Думаю, что в 27 или 29 году, во всяком случае, это был один из самых счастливых моментов моей жизни...

14 сентября. Поездка на №№ 20 и 30. С 3 часов до 6 — ожидал окончания обстрела. Доехал обратно до Финляндского. В течение полутора часов переживал обстрел под лестницей. Домой шёл пешком, в темноте. Зарево большого пожара на Петроградской стороне.

21 сентября. Утром отредактировал очень неудовлетворительно составленный Е. Э. Бенем журнал заседаний гигиенического отдела от 1 июля. Затем работал во дворе: переносил дрова, убрал целую тачку турнепса и свёклы. Дома только один я. Много времени ушло на готовку обеда (накопал картофеля, сахарной свёклы и моркови, добавил зелёных помидоров — всё вместе обратил в тушёнку). С 2 до 5½ — поездка в ГИДУВ на заседание Учёного совета. Вечером уплатил за 2 кг муки 800 рублей.

22 сентября. Домой попал около 9 часов вечера. Тяжёлая ночь без сна, безнадежно мрачная перспектива надвигающегося анабиоза.

23 сентября. Утро до восхода солнца — холодное. Коченели руки. Со двора ушёл в кабинет. Написал письма сыну и двум дочерям. 2½ – 7½ — поездка на № 18 (от М. Сампсониевского до клиники пешком — мимо здания б[ывшего] Физиологического института И.П. Павлова) и на № 30. У Ек[атерины] Ил[ьиничны] — письмо от Илика. Дома вечером прекратился электрический свет. Заниматься стало невозможно. Весть о взятии Полтавы и Унечи.

25 сентября. С 10 утра до 3 часов — экзамен второй группы 4-го курса во 2-м ЛМИ. Мне передано из учебной части о моих лекциях 1-му курсу (новый набор): «Задачи врача и здравоохранения от Гиппократов до советского периода». 4, 5 и 8 октября, с 9 часов до 11. Артобстрел начался во время экзамена. С д-ром Шильган условился о прогр[амме] его диссертации во вторник.

6 октября. Работал над темой о режиме занятий для больных в стационарах. Первая лекция по организации здравоохранения 4-му курсу 2 ЛМИ (42 слушателя, на ул. Восстания). Домой вернулся с сильной болью в нижней челюсти (воспалены корешки). На «Полоске» — один, как перст. Впрочем, как в Ноевом ковчеге — есть всякая гадящая тварь, воющая, мяукающая, пишущая и кудахтающая. Энергии не хватило, чтобы всех покормить.

7 октября. Утром усиленная работа по сбору с огорода овощей (2 тачки свёклы, турнепса и капусты). Обычные сборы к отъезду. Получил чудес-

ную фотокарточку Илика. Днём была воздушная тревога. Вечером, из-за трамвайной аварии, вернулся на «Полоску» только в девятом часу. В доме совершенно пусто.

12 октября. С 2 до 8 часов — в пути в больницу Либкнехта (в следующий раз в понедельник 18 октября). Сильнейший, очень продолжительный артобстрел. Домой от Финляндского — пешком.

16 октября. Утром — один на «Полоске». Самообслуживание. С 1 часа до 3 — ГИДУВ. Начался обстрел, но я благополучно успел вернуться домой на трамвае. До поздней ночи — тяжёлый артобстрел. Вечером написал статью о Гигиеническом обществе.

1 ноября. Утром написал краткие биографические сведения о Боткине, к портрету его. Написал для стенгазеты о самостоятельной работе студентов. Во 2 ЛМИ был с 2 до 5 часов. В Бюро санит[арной] статистики — с 5 до 6 ч[асов]. Домой вернулся в полной темноте. Вечером света электрического не было, заниматься было невозможно. В темноте, без сна предавался безотрадным мыслям о всё более обездоливающей меня изоляции. Вокруг — безлюдье. При всей обывательщине С. И. Перкаля, в нём жили не только обломовские и чичиковские черты, но и благородные свойства интеллектуального работника. Он умел понимать и ценить оригинальные мысли и оригинальные проявления личности у людей. Об этом говорит и старательное, а отчасти любовное восстановление им интеллектуального облика и продукции мысли в целом ряде написанных им биографических очерков, которыми он постоянно был занят и всегда давал их мне на редакцию и для дополнения. Более 20 лет С. И. был постоянно «при мне», отчасти был своего рода мостом, через который выкатывались кое-какие мои мысли и доходили до меня иные суждения. Его не стало. Эта пустота не заполнена, так же как без всякого заполнения остаются места Андрея Григорьевича, Бориса Фёдоровича, Брауна, Круглякова, Зельдовича. Молодых всходов вокруг меня никаких нет. Личный друг — один единственный, но трудность сообщения и отдалённость делают общение несчастным.

15 декабря. 5½–7 часов — заседание Учёного совета 2 ЛМИ. Прекрасная диссертация об экспериментал[ьном] сифил[исе] (на кроликах)¹. Доклад самодовольной ограниченности (Мееровича) о впечатлениях от московских совещаний по здравоохранению. Не то Тартарен из Тараскона, не то герой Пиквикского клуба. И Капица. У Капицы совершенно верный взгляд: хотите подготовить из студентов самостоятельных работников, — избавьте от школярства. После заседания вышел в непроницаемую тьму. Пережил минуты совершенного отчаяния: не мог решиться, как и куда идти. Острое чувство полной ненужности, заброшенности, беспомощности. Со скоростью черепахи дополз до Пяти углов и на № 9 и затем 20 доехал до «Светланы». Добраться от «Светланы» до «Полоски» — целая сложная и мучительная эпопея. В совершенной темноте по скользким от гололедицы тропинкам, через грядки, спотыкаясь и падая, наконец, добрался домой.

¹ В 1940–1950-х проблема сифилиса в СССР была решена настолько кардинально, что преподаватели медвузов не всегда могли найти «настоящего» больного сифилисом, чтобы показать его студентам.

От напряжения при стремлении удержать равновесие и не свалиться в рывину появилась невыносимая боль и судороги в мышцах. Может быть, от переохлаждения в нетопленной комнате во время заседания Учёного совета — сильные боли в пояснице, в плечах и суставах.

16 декабря. Состояние и самочувствие настолько тяжёлое, что не было уверенности, что смогу добраться на лекцию. Однако, пересиливая нестерпимые боли, по скользкой дороге, в 10 часов отправился к трамваю, а затем изрядное расстояние пешком до Лаборатории коммун[альной] гигиены на ул. Мира. Лекцию с 11 до 13 часов провёл без особых затруднений.

По телефону Зиночка сообщила о новых задержках в решении вопроса об издании книги моей о старости. Теперь какому-то новому Петрушке не нравятся таблицы. Это до такой степени надоело, что я по телефону просил кромсать сколько им захочется, в меру их глупости и заячьего испуга. Всё равно книга не выйдет. Явится ещё новый дурак, глупее предыдущего. Конца этому не видно. С большими болями добрался до № 30. Был в б[ольнице] Либкнехта. Из-за артобстрела домой попал только в половине 5 вечера.

17 декабря. Попробовал применить систему «клин клином вышибать»: невзирая на боли в пояснице носил и колол дрова. Боли намного усилились. Целый день домашнее прозябание в одиночестве. Самообслуживание. Сон с перерывами. Боли то усиливаются, то, как будто, немного легче. Самочувствие пакостное. Сильное общее недомогание. Целый день обстрел. Тяжела полная оторванность — без телефона, без радио.

18 декабря. С отчаянием и ужасом перед беспредельной человеческой презренной подлостью и низостью читал показания низведённых до уровня гадов немецких убийц (на Харьковском процессе). Прав Л. Н. Симановский, что назвать их зверями — значит оскорбить зверей. Звери, собаки — это образцы недосыгаемо высокой нравственности по сравнению с ними, но как слабо написал об этом допросе Ал. Толстой. Неужели не найдётся достаточно знания и красок, чтобы заклеить на века эти Каиновы деяния перед всем человечеством. Удивительно, что на допросе не было задано ни одного вопроса для показа Каинова характера этих палачей. Слыхали ли они в детстве о том, что такое нравственный закон, слышали ли, что было Христианство, Христово учение, что были Гёте, Шиллер, Л. Н. Толстой и пр.? Есть ли у них братья, сёстры, дети, мать? Шевельнётся ли у них какое-либо чувство или человеческий инстинкт при мысли, что их мать, их ребёнка убивают на краю могилы? Их ответы могли бы помочь поднять обвинение на высоту шекспировских трагедий, придать ему характер обвинительного приговора от лица человечества, его истории на протяжении тысячелетий.

19 декабря. Весь день, как и всю ночь, по временам очень интенсивный, но временами затихающий артобстрел города. Иногда дрожат стены, звенят стёкла.

28 декабря. Всё утро приводил в порядок хозяйство. Перенёс в кладовку дрова, очистил от лишних ящиков комнату, унёс мусор, нарастил снизу клетку для петуха и пр. Потом крайне тяжёлое путешествие. Обстрел. Ток выключен. Усталый, больной, подавленный вернулся по скользкой дороге в полной темноте домой.

30 декабря. Утром общее сильное недомогание. Редактировал статью. В Горздраве просматривал материалы о вензаболеваниях. На пути из Горздрова упал и сильно ушибся (позвоночник, крестец). У Екатерины Ильичны начал писать обзор демогр[афических] нач[альных] материалов за годы войны. Артобстрел помешал отъезду. Только позднее уехал в Лесное. На «Полоске» был встречен обычным потоком незаслуженных упрёков. Мучительно тяжело и обидно. Чувствую себя совсем больным. С усилием добрался в холодную нетопленную комнату. Впереди только такая безотрадная перспектива. Ночью написал текстовые обзоры за ноябрь и за 2-ю декаду декабря.

1944 г.

1 января. Новый год встретил у Зиночки на Михайловской. У меня тяжёлое недомогание. На душе буднично. Мои новогодние пожелания те же, что и в прошлом году: возврат к жизни, свободной от осады. Полное изгнание оккупантов, суровый суд над гитлеризмом и его носителями, а лично для меня: издание книги, свидание с Иликом, Лёлей и Лидиной, сохранение работоспособности, летом побывать у Жени.

Просмотр записей в последней тетради за 1943 год оставляет впечатление бессилия моего выполнять задания, которые я перед собою ставлю. Из всей их массы всё же можно оставить в поле зрения некоторые и на 1944 год: 1. Использовать в качестве материала для отдельных статей дополнения к книге о старости (о Толстом, об изменении структуры причин смерти). 2. Написать о С. И. Перкале и организовать заседание, посвящённое его памяти, на кафедре. 3. Написать о значении режима занятости для больных (трудотерапия). 4. Написать «Благоустройство сельских лечебных учреждений». 5. Общий обзор (текст и графики) санитарно-демографических показателей по Ленинграду за 1940–1944 гг. 6. Состояние стационаров и стационарной помощи по отчётам больниц за 1943 г. и по однодневным учётам 1942–1944 гг. 7. Развернуть в текстовом обзоре материалы по истории организации здравоохранения, собранные мною на кафедре 2-го ЛМИ.

Задания ближайших дней: 1. Какой нарост тупого бессмысленного бюрократизма эта болотная тина никому ненужных анкет, переписка которых нагромождается и наваливается на ни в чём не повинных «граждан». 2. В тот же адрес написать «собственноручно» автобиографию. 3. Написать годовой отчёт за 1943 год по кафедре 2 ЛМИ, то же — по ГИДУВу.

Новый год начался для меня круто неблагоприятно: болезнь, сознание бессилия и неудач уже безнадежных с изданием книги, со всеми моими начинаниями.

2 января. У меня началась сильная боль в правом ухе. Боль стала непрерывной. Вспоминаю страдания Илика, а затем и операцию. Я на это не способен решиться. Всю ночь лихорадочная и ужасная боль. Мною полностью овладело ощущение тяжёлой болезни. Пульс 85–90.

3 января. Целый день в постели или на диване. Читать и писать трудно — конъюнктивит. Написал и передал на почту через Ел. Ал. письмо,

полное боли, тревоги, малодушия — Екат[ерине] Ильин[ичне]. Принимал для предотвращения менингитических явлений сульфидин и красный стрептоцид. Истопил печи. Зиночка осталась из-за меня на «Полоске». Её активная помощь и заботы наполняют меня признательностью. Она всегда так много делает для меня. Вторая половина ночи без сна. Состояние полудремоты. Унылые, не веселящие итоговые мысли. Возражать против конца права не имею — ведь уже 75-й год и всякая болезнь может рассматриваться как последняя.

4 января. Заботит мысль, как пройдёт заседание правления и Ленинградского отделения Гигиенического общества. Написал письмо Никитину. Пытался выполнить кое-какие меры по уборке комнаты, заправке печей. Ушли все. В доме я один. Пришибленный болезнью, слабостью. Совершенно неожиданно пришла Т. С. Соболева, узнавшая о моей болезни от Любочки. Пробыла часа два. Принесла два мандарина, хотела поработать по уборке квартиры, но я не допустил. Разговоры о делах кафедры и предстоящем сегодня заседании. Вечером приехала Зиночка. Принесла анкетные листы и запросы из Наркомздрава, сообщение о телефонном вызове в Горздрав (на 7 января). для получения грамоты Ленсовета. Рассказала о вялом ходе заседания правления и ЛОГО. Моё состояние не радостное. В ухе побаливает. Сильный звон и шум в ушах. Разбитость. Пульс 84–86.

6 января. Пульс утром 80, потом 86. Боли в ухе всё время не прекращаются. Состояние резко ухудшается при движении — заправке печи, уборке квартиры. Полное отчаяние: неужели поступать в госпиталь? Ни читать, ни писать — не в состоянии. С трудом просмотрел газету. Днём часто засыпал. На дворе бушует выюга.

21 января. Ночь спал плохо от боли в ухе. Утром (7 часов) пульс 65. Прodelал весь круг по утренней уборке комнаты и заправке печей. Глухота на правое ухо полная. Не затихающее внутреннее переживание гаснущих для меня путей к общению и участию в жизни: пропадает способность слышать, почти уже до конца погасла возможность пользоваться зрением для чтения, а кругом волнуется, вздымается огонь жизни. Чудесное отражение её в письме Екатерины Ильиничны, но я, как оставшийся после костра пепел, хотя ещё и не остывший, хотя ещё с жаром внутри, под спудом, но без поднимающегося над костром для всех видимого пламени.

Утром написал наброски конспекта добавлений к автобиографии — догимназический и гимназический период. Вложил в общую папку автобиографических материалов. С 11 до 2 часов ходил в милицию заверять стандартную справку. Инцидент с желчным обывателем во время ожидания. Серая, примитивная «очередь». Встреча с бывшим дворником Сергеем, теперь Сергеем Ивановичем. У него своё хозяйство, застройщик 1927 г., корова, цветник, сад, ягодник и пр. Со мной эта болезнь за 20 дней сделала тяжёлое для меня дело — оглох, почти полная потеря зрения, одряхлел, ослабел.

Вечером совершенно неожиданно по почину Т. С. Соболевой и Матусевича пешком (на трамвае до «Светланы») пришёл проф. Хиров. Исследовал. Много хороших полезных советов. Бесконечно обязательный человек.

22 января. Несколько лучшее самочувствие. Была Т. С. Соболева. Очень много дружеского внимания и услуг. Через неё передал стандартную справ-

ку и мою жалобу в дирекцию 2-го ЛМИ. Вечером пришёл Е. Э. Бен. Нельзя достаточно найти слов, чтобы выразить моё искреннее чувство признательности ему за такое дружеское внимание. В беде познаётся друг, а он действительно в действиях, а не на словах друг. Я так мало успел ему выразить внимания и признательности.

Ночью вновь нестерпимая боль в ухе. Пришли перегруженные ношами Зиночка и Любочка. Как хотелось бы мне видеть Зиночку в условиях, достойных её энергии, неиссякаемых усилий, а тут — только неудачи.

29 января. Неожиданно из ГИДУВа приехала А. Ис. Привезла много радости. Хочется вернуться в число здоровых. Получил газеты за три дня. Наше продвижение до Сиверской, Ямбурга, Чудова. Город Пушкин — мёртвая заминированная пустыня.

Продолжал чтение диссертации А. П. Омельченко. Она интереснее и содержательнее, чем я ожидал. Но он всё же не гигиенист, не санитарный врач, а больше юрист; насколько, однако, он основательный юрист, это — вне моей компетенции. К этой области правовых выкладок и построений я всегда был и остаюсь «хладен и нем».

2 февраля. Ухо болит, но к этому я уже привык. Дело стабилизировалось. Ходил в лавку за хлебом. С ужасом увидел, как я ослабел — насквозь промок от пота. Закончил просмотр диссертации Омельченко. В общем, это разные материалы, не сведённые в стройное единое целое. Всё так же взбалмошно, как и их творец; остроумное слово им владеет, а не наоборот. Для красного словца не пожалеет и отца. Начал писать своё заключение.

4 февраля. Совсем привык к болям в ухе, глухоте, слабости, как, очевидно, привыкают к своей немощности инвалиды. В этом состоянии нужно, пренебрегая болями и недомоганиями, пустить себя в оборот с завтрашнего дня. Утром, оставаясь больным в постели, вспомнил периоды и разные стороны моей оставшейся позади жизни. Кажется, многое заслуживало бы записи или восстановления, пока не изгладилось и не стёрлось в памяти.

14 февраля. Утром был проф. К. Л. Хиров. Но меня больше, чем ухо, мучает радикулит. Повременная совершенно бездонная боль, обращающая меня в воющее животное. Ничто не помогает и если это такое состояние наступающего конца, то лучше не тянуть, хотя так хочется ещё знать ближайшие стадии мировых событий и видеть картину возрождения жизни у нас. Так хочется повидаться с Иликом, Лёлей, Лидинькой, Женей. Написал и отправил им всем письма¹.

22 марта. С 9½ часов утра в Горздраве был в Бюро санитарной статистики], а затем осматривал выставку по военно-санитарному делу

¹ В одном из своих писем Евгения Григорьевна Левицкая сообщила Захарию Григорьевичу о том, что она получила из Остра письмо от дальней родственницы, в котором рассказывалось о последних днях жизни их сестёр — Веры Григорьевны и Софьи Григорьевны, которые оказались в оккупации. Вера Григорьевна заболела в 1941 и пролежала около года. Средств у них никаких не было, связь с родными, которые им помогали, прервалась. «Положение их было жуткое, — говорилось в письме. — После смерти Веры Григорьевны София Григорьевна тоже заболела и через два месяца умерла».

в Доме санитарной культуры. Оставляет смешанное чувство. Всё это красиво, но так мало вяжется с действительным положением. Нужно ли тратить столько средств и сил для красивого оформления? Чему должна учить и научить выставка? После осмотра выставки — поездка с нач[альником] Госсанинспекции для осмотра освобождённых от немцев мест. Удручает вид разгромленного Пулкова. Ужасны разрушения бывшей станции Александровка. Труд и созидательные творческие усилия поколений обращены в кучи развалин и хлама, в Детском Селе устояли только скелеты — стены, кое-где колонны архитектурных памятников. Всё вывезено, изломано, захламлено во дворцах. В Большом дворце, у церкви, — навоз от бывших здесь конюшен. Парки пострадали, но доступны восстановлению. Пока ещё не убраны мины. Нужно ли здесь восстанавливать жилфонд?

Омрачённое, близкое к отчаянию за человечество душевное состояние остаётся от всего этого зрелища безумных разрушений, от обращённых в мусор шедевров архитектурного искусства. ...Теперь совершенно очевидно при всяком направлении планировочных работ — восстановление, достройка зданий для их рационального использования: всё равно вода уже проведена, трамвай ходит, улица (Московское шоссе) замощена. Здесь должен при восстановлении остаться образец «линейной планировки».

Пушкин нужно восстанавливать под тем же углом, что и Московское шоссе, но самостоятельное значение Пушкина — это размещение в нём санаторно-курортных и некоторых научно-образовательных учреждений, устройство «городка для туберкулёзных» и др.

Первоочередные планировочные задачи в Ленинграде, однако, должны ни в какой мере не умаляться: рациональное использование территории центральных частей города, сосредоточение и окончание в кратчайшие сроки восстановительных благоустроит[ельных] работ здесь, в центре. Канализация центр[альных] районов; пустыри — обращать в скверы, под зелёные насаждения; упорядочение кварталов, внутренние зелёные резервы, обеспечение свободных пространств для детских, школьных, больничных и прочих учреждений; подвалы — ликвидировать, на 1 га — 750 жителей (самое большее 1 тыс.).

На этом я заканчиваю извлечения из моих записей в блокадных дневниках за 1941–1944 гг.

Дополнения к дневникам (1941–1945)

Приведённые в хронологической последовательности выдержки из более или менее случайных записей моих в дневниках периода блокады Ленинграда передают происшествия, обстановку и условия жизни того времени в том виде, как непосредственно тогда всё это воспринималось мною. В них были отражены впечатления, чувства, настроения, мысли, устремления и направления воли, которые тогда вызывались у меня условиями жизни — голодом, холодом, чувством оторванности от всей остальной страны, мас-

совым вымиранием людей в осаждённом городе. Теперь, когда я вспоминаю этот период по прошествии уже десятков лет, он встаёт передо мною не в виде нескончаемой томительной вереницы тяжких, мучительных переживаний, невыносимых беспросветных ночей и мрачных дней, полных лишений, неожиданных волнений, гаснущих надежд и падающих сил, не в виде мыслей, вызываемых картинами молчаливого горя и жалкой покорности беде, презренной пассивности, полного отсутствия разумной самодеятельности, а в виде обобщённого, последовательного потока событий и меняющихся условий, среди которых, не прерываясь, тянулась нить моей жизни, проявлялась личность, складывалась, формировалась направленность моих стремлений и действий, моих мыслей. Как известно, все понимали ещё в 1939 г., что Гитлер главный удар свой замышляет и неизбежно направит против Советского Союза, что только временно, пока он обеспечивает своё командное положение над Англией, он откладывает нападение на нашу страну. Тем не менее, когда по всей нашей западной границе, без всякого предупреждения, по правилам подлого разбоя, гнусного коварства гитлеровские полчища обрушились на нашу родину, когда фашистские самолёты стали громить Одессу и Севастополь, Киев и Минск, Псков и ряд коренных русских городов, — это произвело впечатление неожиданного бедствия. Меня, как и каждого, слушавшего по радио речь Молотова, охватывало желание немедленно действовать, искать возможности все свои силы отдать в распоряжение советских организующих и готовящих отпор сил. Действовать без промедления, невзирая на всё понимание огромности, безмерности надвигающихся ужасов. У молодёжи, у моего Илика это охватившее чувство нашло себе адекватное выражение в том, что, ни с кем не советуясь, он, как и другие студенты, поспешил записаться добровольцем в Советскую Армию¹. Я мог только напряжённо думать, как и в чём я могу приложить свои знания, свои силы, свою настойчивость, чтобы в чём возможно быть полезным для отпора. Отсюда напряжённое обдумывание мер для обеспечения санитарной безопасности, для поддержания условий питания населения, для подготовки необходимого санитарного персонала. Как председатель Ленинградского отделения Всес[оюзного] гиг[иенического] о[бществ]а, при единодушной поддержке всего правления Общества, я обратился к его членам с призывом взять на себя почин и приложить все усилия к проведению повсеместно санитарно-оздоровительных мер для предупреждения инфекций, для оздоровления условий быта и труда и, в особенности, для охраны здоровья детских групп. Мне казалось очень важным мобилизовать всё внимание, все силы Гигиенического общества вокруг санитарно-гигиенических задач, выдвигаемых и обостряющихся условиями военного времени. Но вслед за первым же собранием после начала войны было получено общее директивное указание о перерыве деятель-

¹ Добровольно ушёл вновь в авиацию крупный учёный, муж Зинаиды Захаровны — Арсений Владимирович Шнитников (он лётчиком воевал еще в Первую мировую и в Гражданскую войну); на второй день войны ушёл добровольцем друг и будущий муж Любочки Лев Спаринапте, прошедший всю войну на передовой. Оба они перенесли тяжёлые ранения.

ности нашего, как и всех других, Общества, чтобы не отрывать врачей от их военно-санитарных обязанностей.

В целях ускоренного выпуска врачей летние каникулы были отменены. В июле, августе, сентябре нужно было вести ежедневные занятия и читать лекции пятому курсу, чтобы подготовить ускоренный выпуск. В то же время организовались круглосуточные дежурства по очереди профессоров во 2-м Лен[инградском] мед[ицинском] институте. Через доктора С. И. Перкаля, ассистента каф[едры] соц[иальной] гиг[иены], ко мне обратилась дирекция фельдшерской школы с предложением организовать и проводить занятия по всем отраслям здравоохранения и санитарного дела для экстренного выпуска фельдшеров (на Б. Проспекте Петербургской стороны), чтобы подготовить их к санитарно-профилактической деятельности в условиях военного времени. Наряду с помощником по кафедре С. И. Перкалем я непосредственно читал лекции и вёл занятия с несколькими циклами фельдшеров.

В июле и августе было широко организовано привлечение всего трудоспособного населения к рытью окопов в окрестностях Ленинграда и вообще к работам по созданию оборонительных сооружений (противотанковых рвов и пр.). Очень многие из этих окопных работ оказались напрасными; при быстром продвижении немцев вырытые окопы совершенно не могли быть использованы для организации наших позиций. Эти массовые тяжёлые землекопные работы имели роковое значение как одно из условий очень скорого наступления истощения населения и последующего массового вымирания от недостаточного питания. Каждое утро из служащих, преимущественно женщин, так как мужчины в большинстве были призваны в армию, во всех учреждениях формировались бригады, направлявшиеся на указанные им сборные пункты, откуда велась отправка на окопные работы. Дневной паёк далеко не мог покрыть расходов организма на пешеходное передвижение и тяжёлый труд.

Немецким самолётам очень рано удалось разрушить и поджечь главные продовольственные склады и холодильники Ленинграда. Ещё в жаркие летние дни непроницаемой и зловещей стеной встал подымавшийся высоко над горизонтом бурый и чёрный дым над разбомблёнными главными складами, а в это время население города всё увеличивалось и нарастало от тянувшихся на телегах беженцев из всех окрестных местностей, на которые надвигались немцы. Вывезенные в начале лета на дачи детские учреждения возвращались в город, и теперь их нужно было спешно вывозить из него в более отдалённые и безопасные районы. Их отправляли в Горьковскую область, в Приуралье.

После гибели главных продовольственных складов и определившегося продвижения немцев на Ленинград от Пскова началась эвакуация из Ленинграда населения, некоторых заводов и учреждений, но в это время остававшиеся пути для эвакуации уже сужались с каждым днём. Не прекращавшиеся бомбардировки с воздуха вызвали распоряжение о рытье укрытий подле домов. Жители всюду копали так называемые «щели» — глубокие канавы с земляным покрытием. Жившая с нами на «Полоске» младшая дочь с двумя своими сыновьями — двухлетним Алёшей и тринадцатилетним

Константином¹ решила в конце июля уехать из Ленинграда в Молотовскую область, где в длительной служебной командировке (в Пожве на Каме) находился её муж Лавр Алексеевич Быстревский. Уезжала из Ленинграда также со своими двумя мальчиками — Андрюшей (8 лет) и Васей (5 лет) и средняя дочь — в Красноярск, куда эвакуировался из Ленинграда завод, где главным инженером был её муж Михаил Александрович Спицын. У меня ни на одну минуту не возникала мысль об эвакуации из Ленинграда. Мне казалось, что не может быть и речи о том, чтобы отделять свою судьбу от судьбы прочего населения города, от судьбы учреждений, в которых я работал (ГИДУВ, 2-й ЛМИ, Инст[итут] коммун[ального] хоз[яйства] и др.). Пытаясь теперь восстановить в моей памяти мои тогдашние, доходившие до сознания и подсознательные направления мысли, я прихожу к выводу, что у меня была какая-то стихийная уверенность, где-то не в логическом мышлении, а в каком-то смутном, упрямом и не сламливаемом настроении, что Ленинградом немцы не овладеют, а если такая катастрофа произойдёт, то это будет и моей личной жизненной бесповоротной катастрофой.

Пришлось подчиниться общим распоряжениям — выкопать «щель» и покрыть её метровой земляной насыпью. В оборудовании щели большую роль сыграл собиравшийся к отъезду Котик. Основой её послужила траншея, которую он со своими друзьями использовал, играя в «индейцев». Под руководством Арсения Владимировича Костя расширил и удлинил это укрытие, а я укрепил стенки досками и на полметра выше дна устроил помост, чтобы в случае подъёма грунтовой воды не приходилось бы сидеть в воде, и можно было бы её отливать.

Это, вообще, было сооружение, потребовавшее немалой затраты сил и труда. Таковую же щель при соседнем доме сделал проф. Оранский. Весь пустырь от трамвайных путей до проходной завода «Светлана» был вдоль и поперёк изрыт подобными же «щелями», только гораздо более капитально устроенными силами рабочих завода «Светлана». Как только вой сирен возвещал воздушную тревогу, повсюду по радио раздавался приказ всем немедленно укрываться в бомбоубежищах и в «щелях». Когда обстрел из орудий и воздушные налёты стали постоянным явлением, выполнение приказа о пребывании в укрытиях приводило к полной дезорганизации всей жизни в городе. Всякое сообщение о прорыве к городу немецких бомбардировщиков сопровождалось приказом об остановке всего транспорта и перерыве всех работ, так как все загонялись в убежища и укрытия. Независимо от бомбардировки это уже само по себе приостанавливало и дезорганизовывало всякую деятельность населения.

Продвижение немцев в направлении Пскова и Ленинграда было неожиданно быстрым. Ещё неожиданнее оказалось почти внезапное занятие немцами Детского Села совсем уже рядом с Ленинградом. До начала сентября я несколько раз после рабочего дня приезжал в Детское Село, чтобы оттуда вместе с Е[катериной] И[льиничной] ехать на свидание с Иликом, находившимся тогда во временных казармах. Под казармы обра-

¹ Захарий Григорьевич ошибается: в 1941 Алёше было 3 ½ года, а Косте — 15 лет. В 1943 г., в 17 лет, окончив 9-й класс, Костя ушёл в армию.

щались школьные здания. Упражнения и военная подготовка проводились на полигонах, а к вечеру сформированные из добровольцев воинские части возвращались в отведённые казармы. На дворе школы мы ждали встречи с сыном. Двор был захламлён и завален кучами парт, школьных столов и другой утварью. 10 сентября билетов на проезд до Детского Села на вокзале уже не выдавали. Позднее я узнал, что в это время производилась спешная эвакуация из Детского Села санаториев и больничных учреждений. Екатерина Ильинична использовала предоставленный ей автотранспорт для вывоза всего оборудования и инвентаря детского санатория, но оставила на произвол судьбы всё своё личное имущество. Проехать в Детское Село уже было невозможно.

Екатерина Ильинична временно поселилась у Вишневских на ул. Восстания. К этому времени Илик был направлен в Военную электротехническую академию связи им. Будённого. Вместе с Екатериной Ильиничной я несколько раз навещал Илика в общежитии академии в октябре и ноябре до эвакуации этой академии из Ленинграда в Томск, а затем в Барнаул.

По мере продвижения немецких армий в направлении к Ленинграду и занятия ими его ближайших пригородов — Гатчины, Детского Села и др., всё более стихийно население совхозов и колхозов со своим имуществом и скотом на телегах и по железным дорогам спешно устремлялось в Ленинград. Это скопление населения вызвало расстройство во внутригородском транспорте и в снабжении продовольствием.

Трудности и лишения первой военной зимы в Ленинграде после его окружения, блокады немцами нашли достаточное отражение в приведённых выше выдержках из моих записей и дневников. Уже в ноябре смерть от истощения, от голода казалась мне неизбежной. В связи с этим мне хотелось, пока ещё оставалось сколько-нибудь сил, привести в порядок важнейшие из работ, которыми в течение многих лет я был занят, и которые оставались неизданными. Для того, чтобы попасть на кафедру или на лекцию в Мечниковскую больницу (в павильон № 33) или на Очаковскую улицу, где я читал лекции студентам 4-го курса, приходилось проходить пешком более чем 10 километров (и столько же обратно). В общей сложности это требовало не менее 4–5 часов пешеходного марша. При дополнительной затрате на 1 час марша не менее 160–180 калорий, это означало в энергетическом балансе необходимость покрытия дополнительных 600–800 калорий или в переводе на хлеб — дополнительных не менее 300–400 граммов хлеба, а вся выдача по первой категории составляла только 250–300 граммов хлеба в сутки. Это не могло обеспечить даже основного энергетического баланса.

В результате уже к середине декабря преодоление пешком всего пути стало не под силу. В это время уже приходилось быть свидетелем нередких случаев, когда по дороге падал пешеход (преимущественно это случалось с мужчинами), и оставался затем лежать мёртвым. В силу ослабления сердечной мышцы от общего упадка питания обморочное состояние переходило в смерть. При возвращении пешком домой 19 декабря в морозный вечер первый раз за это время я почувствовал головокружение и на время потерял сознание. Придя вскоре в себя и отлежавшись на снегу, я всё же благополучно дошёл домой через несколько часов. Но после этого, в

связи с массовыми случаями смерти пешеходов в пути, пришлось более серьёзно отнестись к развившейся у меня резко выраженной аритмии пульса, сильнейшему исхуданию (потеря более 20 кг веса) и весьма значительному отёку голеней. Всё это, в связи с моим возрастом — 72 года — и некоторым появившимся подсознательным страхом перед большими пешими переходами заставило меня оставаться дома.

В это время во 2-м ЛМИ, где я заведовал кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения, на всех кафедрах персонал был занят разборкой всего инвентаря, книг, учебных пособий и архивов. При этом более обширная часть упаковывалась для передачи на хранение на складах для эвакуации из Ленинграда, другая часть отбиралась с тем, чтобы в случае эвакуации Института, подвергнуться уничтожению. Разборка и сортировка музейных и архивных материалов требовала чрезвычайно внимательного и критического отношения, потому что многие, на первый взгляд, малоценные материалы (статистические карты о заболеваемости за прежние годы, формуляры по обследованию жилищ, рабочих бюджетов и т. п.) могли оказаться крайне необходимыми для кафедры при проведении практических занятий со студентами.

В осенне-зимние месяцы разборка всех музейных материалов затруднялась не только отсутствием достаточного числа сотрудников, но и обстановкой, в которой проводилась эта работа — в тесном, неотапливаемом, плохо освещённом помещении.

Тяжёлое истощение от голода, приведившее к смерти, раньше всего наблюдалось мною среди ходивших на окопные работы. Расскажу об одном, глубоко запавшем мне в память, случае. В студенческие годы моих дочерей (в 1920–1925 гг.) у нас на «Полоске» бывало довольно много их товарищей, студентов Политехнического, отчасти и Лесного институтов. Это были годы коренного перелома в исторических судьбах и путях развития нашей родины. Раскрывались и развёртывались ещё неясные, смутно разгадываемые перспективы окончательного глубокого социального переворота. Среди мелькавших передо мною различно окрашенных представителей студенческой молодёжи большую симпатию вызывал у меня задумчивый, всегда погружённый в искание правды и правильных путей студент-кораблестроитель Коля Крысов. Он часто приносил свои стихотворения, которые он называл «дифирамбами». Однажды ему был поднесён написанный мною акростих, отражавший его искания «высшей правды и справедливости»:

Корабль в море выплывает,
Окрылённый парусами.
Лоцман путь не твёрдо знает,
Якорь бросит меж скалами.

К утру море тише станет,
Разорвутся в небе тучи,
И на море кротко взглянет
Синева небес далёких.
О! тогда корабль могучий
Выйдет на простор широкий.

По волнам сердитым моря,
Озарённым блеском молний,
Это судно, с бурей, споря,
Тщетно «град взыскует горний».

После 1923 г. я как-то потерял из виду так часто бывавшего у нас до этого Колю Крысова. И вот в тяжёлую пору блокады, почти двадцать лет спустя, в октябре 1941 г. я вновь увидел его на «Полоске». Он зашёл не один, а с милым мальчиком. Это был его сын, оставшийся после смерти матери на руках у отца. Николай Ал. работал в научно-исследовательском Институте по кораблестроению. Он сохранил свой прежний облик задумчивого, ищущего правду интеллигента. Когда начались окопные работы, он ежедневно по наряду принимал в них участие. Крайне недостаточный для покрытия основных энергетических трат рацион вызвал у него очень скоро сильное истощение, тем более, что он делил со своим сынком всё, что было, и в результате он погиб от дистрофии уже в декабре 1941 г. Та же судьба постигла и его милого бедного сыночка, умершего вскоре после смерти отца.

Невыносимое отчаяние и боль вызывала совершенно очевидная бесплодность тех окопных работ, рытья противотанковых рвов, которые раньше, чем их успевали окончить, оставались неиспользованными в тылу у немцев, неожиданно занявших Детское Село и всю прилегающую местность ещё в сентябре. При невозможности снабдить направляемых на окопные работы уже ослабленных недоеданием людей достаточным рационом питания, очень важно было снять с них часть энергетических затрат на хождение туда и обратно пешком, организовав подвоз. К сожалению, это не было учтено. Никакие окопные работы не могли помешать бомбардировкам с воздуха, и, видимо, по заранее точно рассчитанному плану немецкими авиабомбами были, прежде всего, разрушены колоссальные холодильники и продовольственные склады. В жаркие дни конца лета над городом стояло зловещее облако густого чёрного дыма от горевших запасов масла, жиров и всех вообще продовольственных запасов. Нельзя забыть ошеломляющего впечатления, произведённого попаданием бомбы днём в госпиталь, только что открытый в не совсем ещё законченном огромном здании Института лёгкой промышленности на Суворовском (Советском) проспекте. Под развалинами разрушенного и сгоревшего дотла здания погибли несколько сот (говорили — более 700) принятых уже в госпиталь больных и раненых и весь медицинский персонал, включая врачей. Это было ещё задолго до начала блокады города.

В ноябре и декабре 1941 г., лишившись возможности регулярно добираться до кафедры из-за всё более частых воздушных тревог и остановки транспорта, я во всё большей мере сосредоточивал внимание на таких кафедральных работах, которые можно было выполнять, оставаясь у себя дома. Ассистент кафедры Т. С. Соболева два раза в неделю вместо работы в институте доставляла мне необходимые материалы. Со своей стороны, всё рабочее время и все часы, пока был дневной свет, я посвящал выполнению научно-исследовательской работы по тематике кафедры и, прежде всего, разработке темы «Исследование причин высокой ранней детской смерт-

ности в Ленинграде на основе анализа статистико-демографических материалов за последние годы и за прежние периоды». Отдавая этой работе по 6–8 часов в день, я сумел без помощи сотрудников построить все выводные таблицы и рассчитать показатели по материалам о родившихся и умерших в городе за 1939 и 1940 гг. и затем провести сравнительный анализ с соответственно построенными мною показателями за прежние периоды по Ленинграду и по другим странам. Затем в течение января–апреля 1942 г. я составил более 40 аналитических графиков преимущественно типа гистограмм с двумя шкалами: по оси абсцисс в абсолютных цифрах и по оси ординат — в процентах.

Работа моя над темой о ранней детской смертности, о путях и мерах к её снижению продолжалась и в период моей госпитализации вплоть до конца апреля, чередуясь по времени с работами над другими темами. Получив в апреле в библиотеке ГИДУВа статистические материалы за 1939–1941 гг., я дополнил свою работу параллельным рассмотрением американских данных по борьбе за снижение детской смертности в США.

Работая над темой о сбережении жизни детей и укреплении их здоровья, я не рассматривал её оторвано от особых условий военного времени. Всякие сомнения и колебания относительно своевременности разработки этой темы во время Отечественной войны и необходимости замены её темой непосредственного оборонного значения устранялись директивными указаниями в передовой статье газеты «Правда» от 24 марта 1942 г. В ней было сформулировано требование: «Как бы мы ни были поглощены войною, забота о детях, об их воспитании остаётся одною из главных наших задач. ...Нужна помощь нашей общественности, чтобы оградить наше юное поколение от последствий войны... Политически близорук, ограничен и просто болтун тот, кто хоть на минуту подумает, что сейчас не до детей. Рассуждать так сегодня, значит не видеть дальше своего носа, не жить интересами нашей родины».

Всесторонний анализ демографических материалов о рождаемости и детской смертности, в особенности ранней младенческой смертности в Ленинграде за последние предвоенные годы и за более длительные прежние периоды, показал, что первое наиболее глубокое воздействие, пагубное последствие войны, заключается в численном сокращении поколений, родившихся в период войны и вслед за нею — более чем вдвое вследствие падения рождаемости в период войны и повышения ранней детской смертности от нарушения уровня санитарно-бытовых условий жизни. Отсюда — вся острая неотложность намечаемой в моей работе системы мер по сбережению жизни и укреплению здоровья родившихся численно сокращённых «поколений войны» и настойчивой санитарно-профилактической работе советского здравоохранения по борьбе с заболеваемостью и смертностью для замедления режима смены поколений.

К маю, благодаря пребыванию в течение месяца в стационаре (в военном госпитале в ГИДУВе) здоровье моё настолько улучшилось (опали отёки на ногах и почти исчезла аритмия пульса), что при постепенном возобновлении трамвайного сообщения я мог регулярно бывать во 2-м ЛМИ два раза в неделю, остальные дни вёл работу на дому. Моя работа в помещении

кафедры во все последующие месяцы 1942 г. состояла в приведении, прежде всего, в порядок самого помещения, освобождения его от нагромождений архивных и музейных материалов: в разборке в течение мая–августа оставшегося после смерти ассистента кафедры С. И. Перкаля и перевезённого из его квартиры на кафедру весьма значительного накопленного им за 20 лет материала.

С июля я читал лекции студентам 3 курса по разделам общей гигиены. Лекции проходили в Актовом зале бывшего Пажеского корпуса, занятого под госпиталь.

В ответ на официальный запрос из Москвы о проведённой мной в блокадном Ленинграде научной работе с 1941 по конец 1943 г. я сообщил, что:

1. Начатая в 1941 г. работа «О причинах ранней детской смертности в Ленинграде» была в законченном виде представлена летом 1942 г. в научную часть 2-го ЛМИ для передачи в Наркомздрав СССР, а затем — в ноябре 1942 г. была доложена мною в научно-методическом бюро санитарной статистики.

2. В течение всего периода Отечественной войны я не прерывал работу над находившейся в печати моей книгой «Об удлинении средней продолжительности человеческой жизни и активной старости». Ввиду вынужденной в связи с началом войны отсрочкой печатания книги я заново написал предисловие, а также ряд дополнительных глав. В литературно-обзорной части книги добавлена глава об отношении к трагедии кратковременности человеческой жизни русских поэтов (Г. Р. Державин) и писателей (Л. Н. Толстой), о бессилии философского догматизма Л. Н. Толстого преодолеть противоречие между творческим устремлением и неизбежностью смерти и о диалектическом разрешении этого противоречия на почве развития социальной организации человеческого общества. В аналитической части книги добавлены вновь написанные главы: 1) о влиянии на среднюю продолжительность жизни ранней детской смертности; 2) об изменении структуры причин смерти в связи с удлинением средней продолжительности жизни и преобладанием среди умерших лиц более пожилых возрастов; 3) о демографическом содержании так называемых «законов населения» и 4) о необходимости рассматривать определение предстоящей продолжительности жизни в разных странах, для разных демографических и социальных групп населения лишь как первоначальную стадию исследования, лишь как нахождение масштаба для дальнейшего углублённого анализа, для измерения степени отклонений в реальных условиях жизни от найденной средневзвешенной продолжительности предстоящей жизни.

3. Третьей темой, разработкой которой я был занят в трудное время блокады, являлся вопрос «о задачах здравоохранения в борьбе с санитарно-демографическими последствиями войны». Сущность демографических последствий войны сводится к неизбежному нарушению, искажению возрастно-половой структуры населения и образованию так называемой «демографической ямы». Явления эти наносят ущерб санитарному состоянию населения, жизнеустойчивости его и правильному развитию процессов воспроизводства. Задачи здравоохранения вытекают из необходимости замедлить в период войны всеми доступными санитарно-профилактическими

мерами и лечебно-профилактическим обслуживанием населения режим смены поколений. Доклады на эту тему были сделаны мною на научной конференции 2 ЛМИ 12 декабря 1942 г. и на заседании Л[енинградского] о[тделения] Всес[оюзного] Гигиенич[еского] о[бществ]ва весной 1943 г.

4. Много времени и труда было уделено мною разработке программы исследований влияния условий периода блокады Ленинграда на характер показателей состояния здоровья населения. Во всей мировой истории не было и не могло быть такой возможности для углублённого научного анализа связи изменений в состоянии здоровья населения с изменениями в условиях жизни в осаждённом крупном городе, с динамикой санитарно-демографических и хозяйственно-бытовых показателей, какая представлялась в Ленинграде в условиях планового хозяйства и всестороннего учёта всех социально-экономических и коммунально-бытовых факторов по месяцам. Разработанная мною обширная программа исследований в этой области была доложена мною в апреле 1942 г. на заседании Учёного совета Государственного института для усовершенствования врачей и осенью того же года на совещании научных консультантов Научно-методического бюро санитарной статистики.

5. В течение всего 1943 г. я работал также над построением и разработкой программы изучения проблемы обеспечения больниц и госпиталей Ленинграда необходимыми условиями для проведения в жизнь широко поставленной трудотерапии и системы занятости и функциональной дееспособности больных.

6. Систематической работой моей в условиях осаждённого Ленинграда была не только профессорско-преподавательская деятельность во 2-м ЛМИ, по заведованию кафедрой соц[иальной гигиены] и организации здравоохранения, и в Гос[ударственном] институте для усовершенствования врачей (ГИДУВ) по заведованию кафедрой жилищно-коммунальной гигиены, но и постоянное руководство деятельностью Ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества, председателем которого я продолжал состоять, и обзор которого во 2-й год Отечественной войны был мною составлен.

Хронологический обзор деятельности должен строиться и обосновываться не на зыбкой почве восстановления по памяти последовательности фактических данных о протекшем периоде, а на определённой документации, на материалах записей, произведённых в процессе самого развёртывания работы. Ввиду особенностей условий, созданных блокадой, когда были нарушены формы регулярной работы и общения сотрудников, смерти и длительной болезни некоторых из них, нельзя было положить в основу настоящего обзора ни текущую отчётность членов кафедры о ходе их работы, ни ежедневные записи, ведущиеся в качестве установленных форм принятой регистрации. Некоторой заменой официальных документов служат отчасти мои личные ежедневные записи в тетрадях-дневниках для заметок, рефератов и отчётов, приведённые выше в выдержках.

С тяжёлыми воспоминаниями о глубоких нарушениях питания и здоровья населения Ленинграда в период блокады, о трагическом ущербе самой численности населения, который наносила массовая смерть людей, нахо-

дившихся в возрасте расцвета сил, и катастрофическое падение рождаемости, у меня связано также и воспоминание об ущербе науке о населении и его санитарном состоянии. Развитие социальной гигиены, науки о социальном здоровье, как функции условий социальной жизни после Октябрьской революции, было связано с учреждением и укреплением кафедры социальной гигиены, немалой заслугой которой было теоретическое обоснование социально-профилактического построения всего здравоохранения. И вот как раз именно в период войны и блокады путём бюрократического приказа подрываются основные задачи названной кафедры. Циркулярным распоряжением Наркомздрава «кафедра социальной гигиены» переименовывается в «кафедру организации здравоохранения». Это изменение прочно вошедшего уже в жизнь в советский период названия кафедры имело целью поставить в центр внимания кафедры, выдвинуть на первый план в преподавании несколько другие вопросы — вопросы организации здравоохранения и практическое ознакомление студентов с устройством и формами деятельности лечебно-профилактических и санитарных учреждений. Фактически во все годы существования с самого своего открытия кафедра социальной гигиены 2 ЛМИ так именно и понимала свою задачу и ставила преподавание медикам социальной гигиены, как обоснование и систематическое освещение развития советского здравоохранения, его учреждений и всего строя и практики их деятельности. Изменение названия кафедры, разумеется, совершенно не должно было устранить из преподавательской и научно-исследовательской её работы всё основное содержание социальной гигиены, как науки о зависимости санитарного состояния населения от условий социального порядка и, прежде всего, непосредственно от форм, объёма и характера лечебного и санитарно-профилактического обслуживания населения. В этом смысле социальная гигиена в советском государстве есть наука о теоретических основах советского здравоохранения. <...> Поэтому и после переименования приходилось все усилия направлять, чтобы по всему содержанию действующей программы кафедра фактически оставалась кафедрой социальной гигиены и организации здравоохранения.

Отдавая себе полный отчёт о неизбежности прекращения жизни в кратчайший срок в условиях блокады, я считал своим долгом привести в возможно большую ясность и порядок собранные за многие годы материалы, программы и написанные уже части задуманных, систематически продвигаемых мною больших научных работ. Задача состояла в том, чтобы облегчить возможность в дальнейшем использовать начатых мною работ или их продолжение кафедрами организации здравоохранения, социальной гигиены и истории медицины. В декабре и январе работа по выполнению этой задачи была настолько продвинута, что оказалось возможным подробно ознакомить ассистента кафедры Т. С. Соболеву с планами и собранными в отдельные папки материалами по двум крупным разрабатываемым мною темам:

Первая. «От приказной медицины к земской медицине и от общественной медицины к социальной гигиене и советскому здравоохранению». Работа эта намечалась мною в двух томах. Подробная программа разработана

для 18 глав первого тома и для 17 глав второго. В числе материалов к этой работе собраны, между прочим, письма и очерки деятельности выдающихся строителей земской, общественной и советской медицины и многочисленные оттиски и рукописи уже подготовленных мною частей работы.

Вторая. «Санитарно-демографический очерк Ленинграда за полстолетия (1892–1942 гг.)» В соответствии с составленной подробной программой эта работа должна была объединить и систематизировать все напечатанные и подготовленные к печати мои труды по этой теме, начиная от вышедшей в 1916 г. книги «О реорганизации врачебно-санитарного дела в Петербурге», вышедшей в 1924 г. книги «Петроград периода войны и революции» (санитарно-демографический очерк), изданной в 1928 г. книги «Население и благоустройство Ленинграда» — и кончая работами о санитарно-демографических показателях населения Ленинграда и их социальной обусловленности, которые печатались в 1930–1934 гг.

Попутно при приведении в порядок моих бумаг я подготовил для передачи в Отдел рукописей Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина переданные мне, как заведующему кафедрой общественной медицины, в 1922 г. «Мемуары» известного общественно-медицинского деятеля И. А. Дмитриева, памяти которого была посвящена в 1926 г. моя книга «Общественная медицина и социальная гигиена». В самом конце декабря 1941 г. я составил для Отдела рукописей Публичной библиотеки сопроводительную записку об авторе «Мемуаров» и их литературно-исторической ценности.

Ко второй половине января 1942 г. истощение от голодания стало проявляться у меня в такой тяжёлой форме, что это повело к помещению меня в госпиталь для дистрофиков, открытый в бывшей гостинице «Астория». В этот госпиталь я был помещён благодаря заботам о сохранении профессорско-преподавательских кадров со стороны дирекции и парткома 2 ЛМИ. К сожалению, в тот период, когда я поступил в этот стационар, ввиду полной организационной беспомощности администрации госпиталя и неурядиц, царивших в нём, условия пребывания там были безысходно тяжёлыми. О них довольно подробно говорится в моих дневниковых записях. ...Сохранить жизнь мне посчастливилось исключительно благодаря самоотверженным заботам обо мне моей дочери, приходившей пешком из Лесного, чтобы принести мне котлетки из мяса погибшей от голода нашей собаки-овчарки, заботам бывшего аспиранта и ассистента кафедры социальной гигиены 2 ЛМИ доктора медицинских наук Е. Э. Бена, и особенно Н. А. Никитской, приносившей мне грелки и горячий кофе во время двукратного заболевания моего, казалось, безнадежно смертельного в моём возрасте (73 года) гемоколитом. Но пока здоровье в какой-то мере позволяло мне, я в течение месячного своего пребывания в стационаре составил и передал заведующему Горздравотделом записки о неотложности изменений и улучшений в организации стационаров-оздоровителей для дистрофиков и две записки о мерах для предупреждения и ослабления угрозы развития весной и летом массовой заболеваемости в Ленинграде. В феврале в общей комнате пребывания для оздоравливаемых я прочитал две лекции по вопросам санитарно-демографических исследований и три лекции о проблеме удлинения жизни и активной старости.

VI. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

1945–1947

В ближайшие после окончания войны годы развернулась интенсивная работа по залечиванию зияющих ран и страшных разрушений, оставшихся от блокады во всех сторонах жизни, во всех частях и уголках строительства Ленинграда. В этих условиях я продолжал свою профессорско-преподавательскую деятельность: читал лекции на лечебном и санитарном факультетах и руководил кафедрой организации здравоохранения во 2-м Медицинском институте, в Мечниковской больнице. В то же время всё увеличивалась моя лекционная нагрузка и в Институте для усовершенствования врачей. Здесь я не только проводил несколько циклов в год для жилищно-коммунальных санитарных врачей, но и читал специальные курсы по планировке и благоустройству, по восстановлению населённых мест, оздоровлению и санитарной мелиорации территории на циклах общесанитарных врачей, для врачей-эпидемиологов, а также читал курс гигиены больничных учреждений на клинических циклах.

Тогда же я отдавал много времени организации и работе методического отдела в Институте гигиены на улице Мира, ведущими сотрудниками которого были сначала А. П. Омельченко¹ и В. И. Шафран, а затем, после демобилизации — Б. С. Сигал². Мы работали над разработанным мною проектом устройства показательного квартала. В качестве председателя Ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества (ЛОВГО), я готовил все необходимые материалы для работы правления и заботился об освещении на заседаниях Общества текущих вопросов санитарного дела и гигиены. Кроме того, я систематически участвовал в работе консультативного бюро по санитарной статистике при Горздраве, которым

¹ Омельченко Александр Павлович — известный петербургский врач-психиатр и гигиенист, писатель, драматург, критик и публицист. Занимался проблемами психологии художественного творчества.

² Сигал Борис Самойлович — профессор, с 1946 заведующий кафедрой истории медицины ЛСГМИ. В 1949 заменил З. Г. Френкеля, возглавив объединённую кафедру организации здравоохранения и истории медицины.

заведовала моя дочь Зинаида Шнитникова. Как обычно, во все дни ранние утренние часы я отдавал физическому труду на «Полоске». Все эти работы и вся внутренняя моя жизнь в эти годы проходила под гнетущим постоянным воздействием мучительных тревог в связи с тяжёлой болезнью Любви Карповны и обострением туберкулёзного процесса у Любочки.

Значительным событием в этот период явилось избрание меня на первой сессии только что впервые учреждённой в 1944 г. Академии медицинских наук СССР (АМН) её действительным членом. Хотя при выдвижении кандидатур в члены АМН я стоял на первом месте в списках, выдвинутых не только ЛОВГО, но и советом консультантов Научно-методического бюро, и Учёного совета ГИДУВа, однако, я не придавал серьёзного значения этому выдвижению, так как считал, что в Москве решать будут те, для кого неприемлемо моё объективное отстаивание исторической преемственности у нас основ советского здравоохранения от общественного санитарного направления... И признаюсь, для меня было большой неожиданностью полученное в ноябре 1945 г. сообщение об избрании меня 30 октября действительным членом АМН СССР.

В январе 1946 г. я первый раз участвовал в сессии Отделения гигиены, микробиологии и эпидемиологии АМН. Сессия эта проходила с 23 по 31 января 1946 г. в Москве, в помещении Института гигиены труда. Организующим ядром секции в эту сессию была небольшая группа учёных, в которую кроме Н. А. Семашко входили всегда деловитый Ф. Г. Кротков¹; не всегда отдающий себе верный отчёт об относительном значении своего научного веса и заслуг перед советской медициной и советским здравоохранением И. Д. Страшун² и микробиолог Л. А. Зильбер³.

Я чувствовал потребность высказать признательность за моё избрание и истолковать это избрание, как проявление внимания к истокам общественно-профилактического направления, изучению и развитию которых посвящены были мои работы в течение десятков лет. С этого выражения моей благодарности я и начал своё выступление по первому отчётному докладу академика-секретаря Ф. Г. Кроткова. Между прочим, я указал на явный пробел в составе членов Отделения гигиены АМН в связи с отсутствием в числе его действительных членов С. Н. Строганова, ведущего выдающегося исследователя и наиболее авторитетного учёного в области гигиены обезвреживания и очистки сточных вод. То обстоятельство, что С. Н. Строганов не был врачом по образованию, не могло и не должно было служить препятствием к тому, чтобы своим участием в составе членов Отделения гигиены АМН он увеличивал бы авторитетность и компетен-

¹ Кротков Фёдор Григорьевич (1896–1988) — генерал-майор медицинской службы, гигиенист, специалист по гигиене питания, военной, авиационной и радиационной гигиене.

² Страшун И. Д. — видный организатор советского здравоохранения и крупный историк медицины; один из организаторов Российского научного общества истории медицины и первый его председатель; академик АМН СССР.

³ Зильбер Лев Александрович (1894–1966) — российский микробиолог и иммунолог. Заложил основы иммунологии рака.

цию АМН в существенно-важной области гигиены. Я напомнил, что, ведь, и Луи Пастер, и И. И. Мечников тоже по образованию не были врачами.

В этот мой приезд в Москву я познакомился ближе с очень симпатичными работниками Института гигиены труда — Зиновием Борисовичем Смелянским¹ и Л. К. Хоцяновым². Меня очень заинтересовала работа последнего по изучению смертности и рождаемости в одном посёлке Московской области. Побывал я и в Институте им. Эрисмана. С особым удовольствием познакомился с молодым учёным-демографом, автором книги «Население Европы за тысячу лет» — Б. Ц. Урланисом³.

В этот же приезд совершил я поездку с постоянным моим проводником по Москве — Женечкой Левицкой⁴ для осмотра новых станций московского метро по Измайловскому радиусу. Богатое архитектурно-художественное оформление станций столичного метрополитена у меня всегда вызывало восхищение. Охотно признаю и обоснованность, и уместность такого оформления в Москве, но со всею категоричностью возражаю против огромной дополнительной затраты средств на такое же дорогое оформление сооружений для массового пользования и в других городах, где нужда в сооружениях назрела, а большие затраты, связанные с их осуществлением, являются помехой и ведут к откладыванию в долгий ящик их осуществление.

Зима 1946 г. была суровой, с сильными метелями и вьюгами. По возвращении из Москвы после окончания сессии АМН каждый день торопился я попасть без опоздания на лекцию в Мечниковскую больницу. Добравшись на одном трамвае до берега Невы на Охте, приходилось здесь долго ждать другого трамвая, чтобы ехать ещё четыре-пять километров за городом по открытым пустырям и полям до больницы. Появлялся, наконец, трамвай желанного маршрута. Все бросались к переполненным до отказа вагонам. В невыносимой давке на площадке или подножке проезжал я эти тяжёлые километры, простуживался, изнемогал и всякий раз думал о возмутительной неадекватности этого вынесения далеко за город учреждения, в которое и обслуживаемые (студенты, больные) и обслуживающие (врачи, преподаватели, профессора) должны ежедневно проделывать туда и обратно путь в 10–15 километров. Слишком много было заседаний, учёных советов и во 2-м ЛМИ, и в ГИДУВе, и в Институте гигиены. Редкий день удавалось мне вернуться домой раньше 10–11 часов вечера.

Известное удовлетворение давали мне еженедельные заседания совета научных консультантов в Методическом бюро санитарной статистики при

¹ Смелянский З. Б. — специалист по профилактике промышленной токсикологии.

² Хоцянов Л. К. — академик АМН СССР, автор учебника «Гигиена труда» (М., 1958). Занимался развитием отечественных систем отопления и вентиляции для многоэтажного жилищного строительства.

³ Урланис Борис Цезаревич (1906–1981) — выдающийся отечественный демограф, автор фундаментальных исследований по проблемам народонаселения в России, СССР, в странах Европы и США.

⁴ Левицкая Евгения Игоревна — внучка сестры Захария Григорьевича — Евгении Григорьевны Левицкой.

Горздраве. Это была бесспорная заслуга моей дочери Зиночки, заведовавшей этим бюро, что в заседаниях по средам систематически освещались вопросы об использовании отчётных и демографических материалов для оценки санитарного состояния населения. Систематически обсуждались доклады С. А. Новосельского и его сотрудников по статистической методике, сообщения о ходе разработки и анализа годовых сводок отчётов учреждений здравоохранения и пр. Много труда вкладывал и я в составление общих обзоров годовых отчётов больниц и поликлиник Ленинграда, обзоров результатов однодневных переписей больных в стационарах, анализа паспортизации больниц и пр.

Работа в Методическом бюро и участие в заседаниях по средам были хорошей школой для моего нового молодого сотрудника М. Ю. Магарилы, аспиранта по кафедре организации здравоохранения 2-го ЛМИ. Руководство его подготовкой доставляло мне удовлетворение, так как он проявлял большой интерес к избранной им области, настойчивость и склонность к самостоятельному научному труду¹. В то же время он, как и другой сотрудник мой по кафедре организации здравоохранения в годы войны и в послевоенные годы — С. Е. Цеймах, располагал к себе своею правдивостью, искренностью, прямоотой и исключительной добросовестностью в своей общественной, учебной и научной работе.

В марте 1946 г. я получил приглашение явиться в Мариинский дворец, в Исполком Ленсовета, где мне была вручена грамота Заслуженного деятеля науки РСФСР.

В конце мая этого года состоялась общая сессия АМН в Москве. Пребывание моё на ней памятно мне потому, что благодаря Фёдору Давидовичу Маркузону² я имел возможность видеться, увы, в последний раз, с Николаем Петровичем Васильевским. Фёдор Давидович пригласил к себе Николая Петровича и приурочил к его приходу также и моё посещение. Николай Петрович сохранил всегдашний свой интерес к общественно-санитарному делу, добросовестно работал в одном из отделов промышленно-санитарного надзора, хотя его работе сильно мешало резкое снижение слуха и зрения. Он был искренне рад встрече со мной. Я напомнил ему о моём посещении его в Одесском санитарном бюро, созданном и руководимом им почти столетия тому назад, о выработанных им и одобренных Пироговским съездом основах правильного построения санитарного дела в городах; вспомнил и о нашей последней совместной работе в 1917–1918 гг. в Центральном врачебном совете. Николай Петрович живо интересовался нашими общими прежними знакомыми, большинства которых, если не всех, уже давно не было в живых. Это была последняя моя встреча с большим учёным. Расставаясь с ним, я уносил какое-то ноющее чувство.

¹ Впоследствии Михаил Юрьевич Магарил занимался проблемами долголетия, физиологии и патологии старости.

² Маркузон Фёдор Давидович (1884–1957) — сотрудник Института труда им. Обуха и Института им. Эрисмана, специалист по санитарной статистике и статистике социального страхования, статистике труда в целом. Автор многих трудов по этим проблемам.

Свободный от заседаний в АМН воскресный день я провёл на замечательной строительной выставке. В высшей степени ценные модели крупных восстановительных работ и неисчерпаемые богатства образцов оборудования, приборов, установок и механизмов на этой обширной, постоянно обновляемой выставке, к сожалению, мало использовались при подготовке строительного и санитарно-технического персонала.

Накануне моего отъезда из Москвы я получил письмо от Бориса Борисовича Веселовского, бывшего в то время директором Академии коммунального хозяйства. Он просил меня на следующий день сделать в Академии сообщение о ходе и задачах восстановления Ленинграда. Я охотно исполнил эту просьбу и подробно рассказал о гигантских размерах разрушений в Ленинграде, его зданий, учреждений, сооружений коммунального хозяйства, об образовавшихся во многих районах пустырях от сноса деревянных построек, а также и о фактически начавшемся и всё ускоряющемся ходе восстановительных работ. С горечью переживая бесплановость ведущейся застройки пустырей, я выдвинул ряд предложений о возможной рационализации восстановительных работ. Несколько часов тянулась оживлённая беседа, пока не настало время мне спешить на поезд. Но я вынес впечатление, что, к сожалению, в Москве, как и в Ленинграде, умами владеют, прежде всего, вопросы «архитектурно-художественного оформления» проектов и самого строительства, а не скорейшая, наиболее экономически и технически доступная реконструкция старых зданий и создание в них удобных и здоровых жилищных условий.

В это лето по приглашению ленинградского Дома санитарного просвещения я прочёл ряд лекций о задачах гигиены и благоустройства при проведении восстановительных работ в Ленинграде.

В сентябре же я был вновь приглашён в Мариинский дворец, где мне был вручён орден Трудового Красного Знамени в связи с 50-летним юбилеем моей общественно-санитарной работы (с 15 марта 1896 г. по 15 марта 1946 г.)

Конец октября и начало ноября я опять провёл в Москве на сессии АМН. В этот период, невзирая на чрезвычайную перегрузку заседаниями и работой в различных комиссиях, я, по настоянию Фёдора Давидовича Маркузона, навестил вместе с ним не выходявшего из дома после перенесённого инсульта Альфреда Владиславовича Молькова. За ним трогательно ухаживала Мария Николаевна. Альфред Владиславович с видимым вниманием и интересом слушал рассказы о делах в АМН. Он понемногу занимался или хотел думать, что занимается, собиранием материалов по истории советского здравоохранения (в основном фотоснимков и портретов). Тяжело и тоскливо становилось на сердце. Это было моё последнее свидание с А. В. Мольковым. Впечатления от свидания заслоняли собою прежний его образ — образ человека, упорно и неутомимо стремившегося пробудить и поддержать огонь служения делу оздоровления населения, делу воспитания кадров общественно-санитарных работников, борца за упрочение социальной гигиены и социально-профилактической системы советской медицины.

Последние месяцы в этом году протекали у меня в исключительно напряжённой лекционной работе и в составлении неотложных записок и

докладов. Внутреннее состояние моё характеризовалось в этот период пестрящими в моих тетрадях записями такого рода, как, например, запись от 19 ноября 1946 г.: «Среди самой неотложной занятости и напряжённого внимания перед докладами, основной фон моего самочувствия — ненадёжность здоровья, боли, отдающие в левое плечо, неуверенность в жизни, ни на минуту не оставляющее меня чувство неуловимо тонкой грани, отделяющей меня от конца жизни».

В декабре 1946 г. в Ленинград приезжал на несколько дней Н. А. Семашко. В то время он был занят подготовкой к печати и изданием небольшой работы, в которой подводил некоторые общие итоги развития и построения основ советского здравоохранения. Бесспорно, Н. А. Семашко, как первый нарком здравоохранения, имел совершенно объективные заслуги в строительстве системы советского здравоохранения на санитарно-профилактических основах. В своё время я подробно останавливался на этом в своей статье о районном медицинском участке¹. В ней показана историческая преемственность профилактических основ советского здравоохранения, явившихся продолжением санитарного направления, оформившегося со времени Е. А. Осипова и Ф. Ф. Эрисмана, М. С. Уварова, П.И. Куркина, В. А. Левицкого, С. Н. Игумнова² и других. После Отечественной войны Н. А. Семашко находился в той полосе жизни, когда он испытывал некоторую субъективную потребность обобщения итогов жизненной деятельности. Он с большой готовностью отозвался на моё предложение сделать доклад на тему о теоретических основах советского здравоохранения в Ленинградском отделе ВГО. Было спешно организовано заседание Общества в Большом зале Дома санитарной культуры. Собрание было очень многочисленно. Николай Александрович был встречен дружными аплодисментами. Открывая заседание, я напомнил об участии Н. А. Семашко в качестве наркомздрава в заседании нашего общества более 20 лет тому назад. Сам доклад его, однако, не вызвал надлежащего интереса. Николай Александрович читал его по отрецензированным листам и очень затянул это чтение.

Весь 1947 г. проходил для меня под знаком постоянных тяжёлых тревог за всё ухудшавшееся состояние здоровья Любови Карповны. На почве гипертонической болезни приступы её страданий от стенокардии и от лёгочных осложнений всё усиливались. Часто наступало удушье. Нужно было доставать подушки с кислородом. Любовь Карповна ослабела, оставалась одна в своей комнате, когда все уходили на работу. Много читала. Непрерывно и сосредоточенно думала и передумывала... Несколько раз при очень тяжёлом состоянии, по желанию больной, её помещали в больницу. Неусыпный уход мало-помалу давал результаты.

Мой день складывался так, что после ранних утренних часов традиционных хозяйственных работ я с 9–10 часов до 12–13 часов читал лек-

¹ Врачебная газета. 1929. № 21.

² Игумнов Сергей Николаевич (1864–1942) — земский санитарный врач, брат пианиста К. Н. Игумнова; участник борьбы с холерой, тифом, голодом. Заведовал санитарным бюро Харьковского губернского земства. Был также поэтом, публицистом.

ции в ГИДУВе, затем торопился на трамваях в Мечниковскую больницу на свою кафедру. Нередко приходилось оставаться там на заседаниях комиссий и Учёного совета до 9–10 часов вечера. Если же Учёного совета не было, то я торопился попасть (три раза в неделю) на ул. Мира в Научно-исследовательский институт гигиены; в нём я заведовал организационно-методическим отделом. Возвращаясь в 6–7 часов вечера с Петроградской стороны, я заходил к Любове Карповне в больницу. Сколько облегчения было, когда я видел, что больной лучше.

В январе 1947 г. у меня возродилась надежда добиться выхода в свет книги об удлинении средней продолжительности работоспособной жизни и деятельной старости в издании Академии медицинских наук. Вышедшее в 1945 г. издание этой книги очень быстро разошлось; меня оно не удовлетворяло совершенно произвольными, сделанными против моего желания, сокращениями при печатании. Тщательно разработанная мною программа социального обследования стариков для накопления хорошо проверенного материала об условиях, благоприятствующих более долголетней жизни и более длительному сохранению полной дееспособности, в издании была совсем выпущена без моего ведома и согласия.

Задавшись целью добиться переиздания книги в менее искажённом и изувеченном виде, я принялся за подготовку её к новому изданию. К лету эта работа была мною закончена, и мне удалось подписать договор с книгоиздательством Академии медицинских наук о переиздании книги в дополненном и расширенном виде. Я спешно сдал рукопись в книгоиздательство.

В моей работе над книгой меня воодушевляли многочисленные отклики на незадолго перед тем вышедшее в 1946 г. малотиражное издание ГИДУВа (2 тыс. экз.). В очень короткий срок всё издание разошлось, и ко мне стали поступать одно за другим письма от знакомых и совсем незнакомых мне санитарных врачей, и других советских людей с просьбой оказать им содействие в получении книги. Несколько выдержек из сохранившихся у меня таких писем могут объяснить моё стремление ускорить появление книги в новом, улучшенном издании. К большому моему огорчению, однако, новый вариант книги в издании АМН вышел только два года спустя. Причём, и на этот раз не в расширенном, а в ещё более урезанном и произвольно изувеченном при «редактировании» виде. Тем не менее, после выхода в свет нового тиража работы «Об удлинении жизни и деятельной старости» ко мне вновь стали поступать письма и заявления с просьбой оказать помощь в получении книги, потому что в книжных магазинах она мгновенно разошлась. Все такие жалобы я направлял в издательство АМН. Уже в 1951 г. я получил от издательства уведомление, что всё издание разошлось. Между тем я получал ещё более многочисленные запросы на книгу, не только единоличные, но и коллективные. Приведу несколько из случайно сохранившихся писем.

Из Новосибирска: «...С большим интересом мы, сотрудники кафедры общей гигиены Новосибирского мединститута и Института для усовершенствования врачей, прочли Вашу книгу. Долго её обсуждали. Всем нам, во главе с заведующим кафедрой профессором Пулькис В. А., она очень понравилась. <...> Хочется искренне поблагодарить Вас за то удоволь-

стве, которое получаешь, читая её. К сожалению, мы лишены возможности купить в личное пользование книгу. Всемирные усилия не увенчались успехом... Это побуждает обратиться с просьбой, если у Вас имеется к тому возможность, послать один экземпляр наложенным платежом. Иметь Вашу книгу желают все мои товарищи. Н. В. Михайлова».

Из Свердловской области: «От имени коллектива 32 врачей, работающих на крайнем севере Урала, среди которых много Ваших учеников, обращаюсь к Вам с просьбой дать указание о высылке для нас наложенным платежом Вашей книги «Удлинение жизни и активная старость». Все наши попытки получить эту книгу оказались безуспешными. А. Шапиро».

«Окажите содействие в получении книги «Удлинение жизни и активная старость», — писал зав. статистическим кабинетом Куйбышевского областного Института охраны материнства и младенчества.

«Обращаюсь с просьбой помочь получить Вашу книгу. До наших уральских мест она не дошла. Книга эта очень нужна. Город Молотов, проф. Ершов Г. Ф.».

Такая же просьба содержалась в письмах Г. М. Желябовского (Саратовский Мединститут), заведующего кафедрой организации здравоохранения В. М. Зайцева (Ижевский Мединститут), профессора А. Г. Хмаладзе (Тбилиси), профессора И. М. Булаева (Куйбышевский Мединститут), доцента Киселёва (Москва) и многих, многих других медицинских работников.

В послевоенные годы с особой остротой нарастал разрыв между общепризнанными элементарными требованиями больничной гигиены, вошедшими в советское санитарное законодательство, и всё более низко падавшим уровнем фактического больничного благоустройства, всё более ярко выступавшим отрицанием хотя бы минимальных гигиенических нормативов в устройстве и повседневном содержании больничных учреждений.

При изучении материалов проведённой в Ленинграде и в Ленинградской области паспортизации больничных учреждений, можно было убедиться, что только как очень редкое исключение соблюдается элементарное требование обеспечения в палатах минимума в 7–8 кв. м на одну кровать. Обычно же скученность в палатах достигает такой степени, что на одну кровать приходится в среднем всего лишь 4 кв. м, а в очень многих больницах и того меньше. Такое попрание требований больничной жизни приучает и врачей, и весь персонал по уходу за больными, и, что всего хуже, — и студентов-практикантов, к полному пренебрежению к созданию санитарно-гигиенической обстановки для больных, этой основы всего профилактического направления.

К полному забвению приходит среди лечащих врачей с такой убедительной простотой сформулированное ещё в 1876 г. в книге Е. А. Осипова «Об устройстве сельских больниц» положение: «Когда речь ведётся об устройстве лечебниц, сама собою должна разумеется гигиеническая обстановка для больных, за которой остаётся гораздо большая целительная сила, чем за медикаментами».

Анализ материалов больничной паспортизации в 1947 г. показал мне неотложность самой серьёзной борьбы с игнорированием больничной гигиены в клиниках и больницах. Вопрос этот постоянно волновал меня.

Помимо докладов в Научно-методическом бюро санитарной статистики, я сделал доклады о разрыве между требованиями гигиены и фактическим положением дела в больницах в ленинградском отделении Гигиенического общества, а затем на расширенном заседании Учёного совета ГИДУВа. Однако написанная мною статья на эту тему, посланная в редакцию «Врачебного дела», после долгих проволочек была возвращена по цензурным соображениям (с требованием исключить из неё фактические данные о разрыве между требованиями гигиены и положением дел в больницах). Каждый семестр я тщательно готовил и проводил общеинститутские лекции в ГИДУВе (для всех циклов) о значении и содержании гигиены больничного дела. Меня радовали проявления у моих слушателей понимания и интереса к созданию в больницах гигиенической обстановки.

В связи с подготовкой к новому изданию книги об удлинении жизни я вновь с удовольствием перечитывал одну из наиболее умных старых книг о старости — Ревейля. Его глава о нервной системе и органах высшей нервной деятельности очень созвучна экспериментально подтверждённому учению И. П. Павлова о центральной нервной системе, о коре головного мозга как органе выработки условных рефлексов, при посредстве которых устанавливаются временные связи организма с постоянно меняющейся внешней средой, с которой он составляет единство, черпая из неё всё необходимое для существования. Рецепторы, анализаторы, афферентная и эфферентная система — это то, что Ревейль называет системой «соотношения организма с внешней средой, со всем окружающим миром, в котором мы погружены». Меня занимал вопрос, знал ли И. П. Павлов и знают ли его сотрудники книгу и взгляды Ревейля?

В связи с моей сосредоточенностью на вопросах долголетия, у меня живой интерес вызвало в феврале 1947 г. письмо Ольги Авксентьевны Матюшенко (дочери Авксентия Васильевича Корчака-Чепурковского) об исполнении ему 90 лет. Вся его деятельность, как видного участника Пироговских съездов, организатора санитарного бюро в Бессарабской губернии и украинского гигиениста в советский период, протекала у меня на глазах и вызывала всегда большой интерес. Я сделал доклад в Научно-методическом бюро санитарной статистики о Корчаке-Чепурковском и его работах, и Бюро послало приветствие по поводу его 90-летия. Мне было приятно потом узнать, что это приветствие и моё личное дружеское письмо доставили удовольствие уже в то время оторванному от общественной работы юбиляру.

Как о невероятном курьёзе, совпавшем по времени с моим докладом о 90-летию Корчак-Чепурковского, упомяну, что один из слушателей моего доклада рассказал, будто бы в «Кабинете возрастной патологии» при Отделе судебно-медицинской экспертизы Ленгорздрава в то время был подтверждён случай вдвое большего, чем у Корчак-Чепурковского, долголетия, а именно — подтверждён возраст в 175 лет некоего Лемана. Было поразительно, что подобная явная нелепость совершенно пассивно повторяется, не вызывая возмущения. Я попросил из Отдела судебно-медицинской экспертизы подлинное дело и из него сделал извлечение о Михаиле Лемане, просившем удостоверить его возраст в 175 лет на основании пометки в его паспорте о дате его рождения в 1772 году. Эксперт

установил, что проситель имеет признаки очень пожилого возраста (облитерацию капилляров, складки и морщины), во всяком случае, более, чем 90 лет, а потому, сделал он вывод: нет оснований отрицать правильность записи о годе его рождения в 1772 г.». Я был возмущён этой нелепой, бессмысленной легендой. Познакомившись с Леманом лично, я записал свои впечатления в дневнике:

«Обследуемый — хорошо сохранившийся пожилой мужчина, довольно бодрый и живой. Читает без очков. Слышит хорошо. Прихрамывает на одну ногу. Говорит, что год рождения его 1772. Натурщик Академии Художеств, кустарь (по его словам), рисовал вывески, был электромонтёром. Хорошо, по его словам, помнит 1-е марта 1881 г. Обо всём другом — впечатление позднейшей заученности: Исаакиевский собор, наводнение 1824 г. («Медный всадник»). По физическому состоянию и интеллектуальному функционированию — человек лет 70–75, самое большее — 80. Был в эвакуации, а до апреля 1942 г. пережил всё тяжёлое время блокады и голода в Ленинграде (нужно этот период тщательно обследовать). В 1915 г. получил повестку явиться в воинское присутствие, как ополченец (в 143 года!?). Отец умер от туберкулёза. Помнит смерть матери. Давно умерли братья. Он один, по его словам, задержался в жизни. Просил посодействовать восстановлению у него телефона. Документов у него никаких достоверных нет. В паспорте записи с его слов. У меня не осталось никакого ясного впечатления — откуда и когда у него явилась фантазия стать 175-летним; был ли это индуцированный бред периода старческих причуд? В связи с чем он зародился и укрепился? В какой мере здесь «корыстная целевая установка» или слабоумие старческой изобретательной фантазии. Женат ли он? — Нет, он не женился, а «записался» в 1921 г. (когда ему было полтора года?) с «молоденькой» 70-летней женщиной, но ей и теперь что-то тоже вроде 75 лет (это очевидно нужно выяснить и обследовать). О супружеских отношениях: «...с нею — нет, нет, разумеется, об этом не было и речи, только некоторое хозяйственное удобство в жизни».

Вообще нужно обследование психиатра и Шерлока Холмса.

Затея свидетельствуемого — прослыть почти бессмертным. Я просил мою сотрудницу по Институту обследовать на дому условия жизни Лемана. Ей удалось найти в доме, где до войны 1941 г. жил Леман В. О., старую домовую книгу, где Леман записан родившимся не в 1772 г., а в 1882 г. Случайная ошибка при выдаче нового паспорта вызвала у Лемана глупую мысль прослыть 175-летним.

В марте 1947 г. я был командирован Ленинградским институтом коммунального хозяйства в Москву для участия в обсуждении в Госплане разработанного в ЛНИИКХе проекта ограждения города от наводнений. Основную часть проекта составляет сооружение дамбы от г. Ломоносова до острова Котлина и от Котлина до Лисьего Носа, с воротами для пропуска судов во время начального подъёма воды. Главные расходы в несколько сот миллионов рублей предусматривались в проекте на сложные металлические конструкции дамбы. Однако, при всех вариантах для ограждения от затопления при нагоне воды из моря, требовалась подсыпка низких частей Васильевского острова, Петроградской стороны, Кировского и некоторых

других районов на 1–2 метра. Расход на подсыпку составлял несколько десятков миллионов рублей.

Моё изучение подъёмов воды в Неве и затоплений более низких густо заселённых районов Ленинграда в 1908–1910 гг. оставило у меня убеждение, что фактически в осенние месяцы от нагонных затоплений больше всего страдает население от небольших подъёмов воды в 1 ½ – 2 ½ метра, крупные же наводнения с подъёмом воды до 3 ½–5 метров бывают относительно редко.

Очерёдность сооружения дамбы в проекте предусматривалась технически формально стройная: в ближайшую пятилетку постройка заводов для производства металлических конструкций и железобетонных изделий, затем строительство дамбы и, наконец, — через 5–10 лет — подсыпка. В Госплане я настойчиво отстаивал другую очерёдность: прежде всего, — осуществить подсыпку заниженных частей территории Ленинграда до отметок в 2–2 ½ метра над ординаром. Эта мера не требовала предварительного сооружения заводов и в то же время сама по себе давала огромный эффект, подымая санитарное состояние заниженных территорий и ограждая их от бедствий затопления и подтопления при ежегодных малых нагонных наводнениях.

С трудом удалось мне подвинуть инженеров-проектировщиков на пересмотр вопроса очерёдности развёртывания и осуществления проекта ограждения Ленинграда от наводнений.

Несмотря на то, что в первой половине 1947 г. я был чрезмерно перегружен научной и лекционной работой в двух институтах, составлением отзывов и выступлениями в качестве официального оппонента по докторским и кандидатским диссертациям (Векслера, С. П. Попова, Коломийцева и др.), я, тем не менее, охотно откликнулся на приглашение Р. Н. Зельдовича¹ выступить на конференции Института коммунального хозяйства с обобщающим докладом о задачах и перспективах развития коммунального строительства в условиях послевоенного восстановления.

Конференция проходила в ленинградском Доме архитекторов, в одном из известных пышностью художественно-архитектурной отделки прежних петербургских особняков. Я выступил против принижения значения коммунального строительства и хозяйства, как системы обеспечения реальных и первоочередных запросов населения на удобное, здоровое, технически хорошо оборудованное жилище, на всестороннее благоустройство населённых мест. Только при удовлетворении этих запросов следует думать об архитектурно-художественном оформлении всего города, отдельных жилых комплексов и каждого отдельного жилища. Жилищно-коммунальное, инженерно-техническое и санитарно-гигиеническое строительство и оборудование населённых мест — это такое же призвание, как и призвание художника и архитектора. Этими положениями было проникнуто моё определение задач и перспектив послевоенного восстановления Ленинграда.

¹ Зельдович Рафаил Наумович — доцент, заведующий кафедрой экономики и организации городского хозяйства в Ленинградском инженерно-экономическом институте.

Доклад мой собрал большую аудиторию, в которой было немало моих прежних слушателей 1923–1933 гг. по Институту коммунального хозяйства, и встретил полное понимание и одобрение. К моему большому удовлетворению, доклад был без всяких искажений напечатан в трудах конференции.

В течение весны и всего лета я руководил также подготовкой докладов ко Всесоюзному санитарно-эпидемическому съезду в Москве, намеченному Наркомздравом СССР на начало осени. Постановлением Наркомздрава я был включён в состав организационного комитета съезда. На заседании ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества (ЛОВГО) я предложил свой план подготовительных работ по организации съезда и мобилизации широкого к нему внимания санитарных врачей и гигиенистов. Общество выбрало комиссию из представителей гигиенических кафедр для обеспечения своевременной заявки и предварительного рассмотрения докладов к съезду. Руководство работой этой комиссии в течение всего лета поглощало у меня много времени.

В конце мая сильно ухудшилось состояние здоровья Любови Карповны. У неё была признана двусторонняя пневмония. Положение больной было настолько тяжёлым, что скорая помощь поместила её в Лесновский стационар на Новосильцевской улице. Ежедневно, возвращаясь домой, я навещал ослабевшую, но мужественно подчинявшуюся всем процедурам и сульфамидовому лечению Любовь Карповну. Выздоровление шло очень медленно. Лежавшие вместе с нею больные с трогательным вниманием относились к Любови Карповне и делились с нею своими житейскими горестями.

20 мая было получено известие о смерти А. В. Молькова. Он был одним из учредителей Гигиенического общества и председателем центрального правления. Вся его деятельность с конца 90-х гг. XIX в., как санитарного врача и председателя Пироговской комиссии по распространению гигиенических знаний, как директора Института социальной гигиены и организатора кафедры и Музея социальной гигиены, как крупного работника по школьной гигиене, прошла непосредственно на моих глазах. В экстренном траурном заседании ЛОВГО я попытался обрисовать неутомимую общественно-санитарную деятельность Альфреда Владиславовича и его заслуги перед отечественным здравоохранением.

В конце учебного года — 3 июля, я с обычным увлечением провёл экскурсию с закончившимся циклом жилищно-коммунальных врачей в гор. Пушкине. К экскурсии присоединились члены Гигиенического общества, в том числе А. П. Омельченко, профессора А. Я Гуткин и Н. З. Дмитриев, С. П. Попов и др. Участники этой экскурсии воочию могли убедиться в том, какие неисчерпаемые, редкие, замечательные возможности для создания благоустроенного, здорового жилищного комплекса для многих десятков тысяч людей остаются неиспользованными на территории лежащего в руинах гор. Пушкина, с его парками, канализацией, водопроводом, и как на пути к этому использованию стоит непреодолимая стена косности и бюрократизма.

На следующий день я выехал вместе с сотрудниками кафедры коммунальной гигиены — профессором К. О. Поляковым и доцентом А. Г. Малиенко-Подвысоцким и с членами кафедры общей и пищевой ги-

гиены ГИДУВа — Романовым и Даниловым в районный центр Оредеж для прочтения лекций и проведения шефской работы ГИДУВа над учреждениями здравоохранения этого района.

Эта поездка в Оредеж живо встаёт в моей памяти. Я тщательно подготовил весь план работы: мою лекцию об изучении санитарных условий и состояния здоровья населения в Оредеже и Оредежском районе; программу совещаний медицинских и санитарных работников района; темы для лекций сотрудников и пр. Многочасовой путь по железной дороге я предполагал использовать для коллективного обсуждения этого плана. Но случайно мне было дано ошибочное указание о времени отхода поезда. Около четырёх часов я попал на вокзал и узнал, что поезд уходит не в 4 ч. 15 минут, а в 4.05. Я поторопился на указанный номер платформы, и в то время, когда я был в нескольких шагах от поезда, он тронулся. Я бросился за ним. Понимая, в каком трудном положении окажутся товарищи, ожидавшие меня в одном из вагонов, я вскочил в последний вагон, с трудом догнав его. Это было чисто импульсивное движение. Только очутившись на ступеньке вагона, я отдал себе отчёт о недопустимости моего поступка. На этот раз дело окончилось благополучно. Получив вполне заслуженный нагоняй от проводника, я на первой же остановке успел пересест в следующий вагон, в котором и доехал до Оредежа в полном неведении, находятся ли в этом же поезде все остальные участники нашей шефской поездки.

В вагоне, в который я перешёл, мне предложил место случайно ехавший в нём профессор Е. И. Цукерштейн¹. Лично я мало был знаком с ним. Его выступления в Учёном совете ГИДУВа не всегда вызывали у меня положительное впечатление, но я слышал как-то отзыв о нём А. А. Штакельберга, проведшего в 1938 г. несколько месяцев в одной камере с ним в Большом доме, как о человеке широко образованном и умном. В качестве случайного спутника профессор Цукерштейн оказался очень общительным. Он много рассказывал о Д. Д. Grimme² и его жене Вере Ивановне (бывшей Дитятиной), с которыми я был лично знаком с 1894 по 1908 г. Совершенно новым был для меня его рассказ о тогдашнем директоре ГИДУВа Г. А. Знаменском. По словам профессора Цукерштейна, генерал-майор медицинской службы профессор Знаменский вскоре после его назначения на должность директора ГИДУВа, в 1946 г., в узком кругу знакомых говорил, что он считает своей задачей очистить от евреев профессорско-преподавательский состав Института: «Из ЖИДУВа сделать ГИДУВ». Впервые тогда мне стала ясна черносотенная антисемитская линия, проводившаяся Знаменским, когда он не допускал в аспирантуру некоторых представленных мною кандидатов.

По приезде в Оредеж мы остановились в доме для приезжающих, который заменял в этом райцентре гостиницу (типа прежних постоялых дворов). В двух-трёх комнатах — по несколько кроватей с чистым постельным бельём; общая умывальная и столовая, где в определённые часы можно было получить чай, обед, ужин. Порядок, чистота и убранство не оставляли желать

¹ Цукерштейн Е. И. — известный клиницист и учёный в области эндокринологии, внутренних болезней, диабета.

² Гримм Д. Д. — известный юрист, специалист по римскому праву.

лучшего. В то же время моё внимание было привлечено к отсутствию каких-либо признаков строительного и санитарного благоустройства. У входа в дом стояла лужа, и не было никаких лотков для отвода воды. В единственную для всего дома уборную нужно было пройти через узкий проход во дворе по глубокой грязи; обширная выгребная яма под стульчаком ничем не закрывалась и через отверстие в её содержимом видны были мириады личинок мух. Неудивительно, что во всех комнатах от мух не было спасения.

Улицы в Оредеже представляли собой необъятной ширины проезжие дороги, по сторонам которых беспорядочно были разбросаны дома. Сколько это создавало ненужных пустых разрывов, затрудняющих всякое благоустройство улиц. По привычке, я рано утром предпринял прогулку по окрестностям посёлка. На колхозном поле осмотрел гумно, подле которого стояли под открытым небом сельскохозяйственные машины. Посевы пшеницы густо поросли сорняком. За полем — мелколесье. Всё запущено, скудно.

После завтрака мы прошли пешком с К. О. Поляковым в районную больницу, удалённую более чем на 3 км от Оредежа и от амбулатории, и подробно осмотрели лечебные помещения и подсобное хозяйство. Колодец, откуда носят воду, — среди луга в низине, без сруба. Уборной во всём верхнем этаже больницы нет. В смысле гигиены — всё плохо, а заведующий, врач, как будто симпатичный, но без всякого понимания и стремления к больничному благоустройству и гигиене. В больнице много дистрофиков — детей и взрослых.

После совещания в Оредежском райздраве в доме партпросвещения прошла конференция врачей. Я прочёл лекцию о задачах санитарного благоустройства посёлка и учреждений здравоохранения. Затем был доклад Романова о пищевых отравлениях. Вечером мы осмотрели железнодорожную амбулаторию и родильный дом. А на заключительном совещании обсудили возможные меры для достижения благоустройства.

Возвращаясь из Оредежа, я несколько часов смотрел из окна вагона: привычная картина преобладания невозделанных пустырей, покрытых кое-где зарослями кустарников, неустроенного мелколесья и нераспаханной, впусте лежащей земли.

Летним перерывом в лекционной работе мне хотелось воспользоваться для непосредственного ознакомления с начавшимися, наконец, работами по строительству канализации в центральных частях Ленинграда. Ввиду сокращения ассигнований, работа велась только по сооружению перехватывающего коллектора по правому берегу Фонтанки. Чтобы избежать трудностей пересечения с многочисленными трубопроводами, заложенными на разной глубине (ливневая канализация, водопроводные магистрали, теплофикация, газопровод и пр.), коллектор прокладывался на глубине 12–18 м тоннельным способом. Велась щитовая проходка с закреплениями тубингов (по типу строительства тоннелей московского метро). В управлении строительства охотно пошли навстречу моему желанию осмотреть всё производство работ по проходке тоннеля. Главный инженер, считавший себя моим учеником, так как когда-то слушал мои лекции в ЛИКСе, вместе с другими руководителями строительства показали мне надземную станцию для замораживания грунтов, нагнетания воды в гидравлические

прессы, продвигающие щиты, компрессорную установку. Это был целый завод с разными цехами. Затем мы спустились на глубину 17 м и по готовой уже части тоннеля прошли несколько сот метров до работавшего щита. По пути знакомимся с механической откаткой вагонет с вынудой землёй и с откачкой воды. После заделки тубингов, бетонирования и облицовки сооружаемого канала сточные воды должны были самотёком пройти около 3 км. Затем у устья Фонтанки их надлежало поднять мощными насосами с глубины 17–18 метров и по напорным трубам сбросить в Невскую губу.

Сооружение тоннеля для перехватывающего канала — весьма сложное и дорогое дело. Требовалось соорудить мощную водоподъёмную станцию для поднятия сточной воды из глубины 16–18 м на станцию для выделения из неё ила. После этого по напорному илопроводу осадок (ил) должен был отводиться на поля у Стрельны, а сточная жидкость под напором спускаться в один из фарватеров Невской губы. Зачем же, думал я, спускать сточную воду в глубокий коллектор, чтобы она могла самотёком пройти два-три километра, а затем опять её поднимать? Не проще ли, по типу берлинской радиальной канализации, из разных мест, где сточные воды подходят к Фонтанке, сразу по напорным трубам направлять их на предназначенные для орошения земельные участки к югу и востоку от Ленинграда, с последующим выпуском уже дренажных чистых вод с полей, либо передавать сточные воды по напорным трубам (меньшего сечения) на поля совхозов и колхозов для удобрительных и поливных целей?

Хорошие воспоминания остались у меня от работы в качестве постоянного консультанта в 1947 г. в Областной санитарно-эпидемиологической станции, пока руководящую роль играли там Г. И. Оримович¹ и Л. Е. Ривин². Там сложился дельный коллектив молодых инициативных санитарных врачей, и мне казалось, что моя консультативная помощь не напрасна.

От постоянной напряжённой работы я отдыхал во время своих поездок в г. Пушкин. В годы, когда летом у Екатерины Ильиничны жил готовившийся к выпускным экзаменам в Академии Илик, я с ним предпринимал вечерние прогулки по парку, по берегу нижнего пруда и по соседним рощам и лугам. Как-то забывал я при этом обо всех трудностях, отдыхал от мучивших всегда тревожных вопросов. ...Точно не прошло после прежних моих прогулок с 10-летним сыном и недели, а ведь пронеслась целая историческая эпоха. От прежнего Детского села остались одни развалины, от санатория Дома учёных — ни следа. Через поросшие теперь сорняками его бывшие владения мы ходили прямо к коттеджам Всесоюзного института растениеводства (ВИРа). Стройные дубы аллеи соединительного парка были изувечены сплошь осколками бомб и снарядов, иные дубы свалились. От берёз и елей остались только пни, либо голые стволы. Среди зарослей местами зияли огромные воронки от взрывов авиабомб в 1–2 т (воронки — 16 м в поперечнике). Здесь стояла тяжёлая немецкая артиллерия, обстреливавшая

¹ Оримович Г. И. — специалист по детским инфекционным болезням, был начальником Областной госсанинспекции.

² Ривин Л. Е. — один из инициаторов и руководителей реорганизации санитарно-эпидемиологической службы в Ленинграде в 1945–1947.

Ленинград. Теперь эти воронки обратились в круглые пруды, окружённые вокруг валами вывороченного при взрыве песка. Эти воронки напоминали украинские «кружки» среди полей: круглые озёрки, глубокие настолько, что они питаются родниковой водой, не замерзают зимой и на них зимуют утки и гагары. «Не возникли ли эти «кружки» от падения метеоритов, болидов?» — фантазировал я, смотря на эти возникшие от падения бомб и крупных снарядов правильной формы круглые пруды.

До войны, во время прогулок в 1922–1940 гг. в соединительном парке по лужайкам у дубовой аллеи, по низинам, поросшим кустами ив и ольхи, в лесных опушках с елями и лиственницами меня всегда поражало неисчерпаемое богатство природы, разнообразие видов растений и цветов... Теперь же, в 1946–1952 гг., опять гуляя в привычных знакомых местах, искажённых глубокими воронками, мне казалось, что нет прежнего богатства природы, однообразна зелёная лужайка, не видно желтоголовиков и вероник, колокольчиков и горечавок. Нет и прежнего обилия бабочек и стрекоз, не слышно непрерывного пения зябликов, славок, певчих дроздов, а на опушке с поля не слышно всегдашнего пения жаворонков. Вся природа обеднела звуками, красками, неумолчным движением. Но, останавливаясь и сосредоточенно всматриваясь вокруг себя сквозь туманную лесную дымку, вслушиваясь и вдумываясь, я понял, что это сам я стал менее восприимчив, а не природа обеднела.

Изоляция от богатств и неисчерпаемости движений в природе произошла вследствие ослабления моего зрения и слуха. Я уже не вижу в траве мелких цветов и мелких бабочек. Нет прежней остроты слуха, нет прежней восприимчивости к таинственным шорохам, трепету листьев, жужжанию насекомых. Отмерла не природа, а я перестаю постепенно жить с нею — умираю я. Когда наступает смерть? Тогда только, когда прекратилось дыхание и перестало биться сердце, или много раньше — шаг за шагом, когда слабеет зрение, выпадает один, другой зуб, утрачивается тончайшая и затем более заметная чувствительность и отзывчивость, тускнеют восприятия — подвигается к своему завершению замирание и омертвление человека.

Лишь в памяти живут замечательные минуты радостного настроения от красоты вечерних картин на берегу нижнего пруда в парке ВИРа, со склонившимися до самой воды ивами над тихой гладью пруда, с тёмными силуэтами огромных лиственниц. Как часто ранним утром я проходил в полном одиночестве по береговой полосе нижнего пруда и вокруг полуразрушенного дворца Палей... <...>

Крупным событием в жизни санитарных организаций СССР, кафедр гигиены и в моей личной жизни был Всесоюзный съезд гигиенистов, санитарных врачей, эпидемиологов и микробиологов, проходивший в Москве осенью 1947 г. Съезд был очень многолюден и хорошо организован. Работал он в театральном зале Дома Правительства. Приятно было встретиться со старыми товарищами по санитарной работе и с выросшею новой молодой сменой гигиенистов и санитарных врачей. Прошло более полутора десятков лет после предыдущего всесоюзного санитарного съезда. В этот чрезвычайно затянувшийся межсъездовский период сильно поредели ряды прежних наиболее активных санитарных работников. Не стало Д. К. За-

болотного, М. М. Грана¹, Н. И. Тезякова, Л. А. Тарасевича², П. И. Куркина, С. Н. Игумнова, В. А. Левицкого, С. И. Каплуна³ и многих, многих других.

Полную активность и энергию в работе съезда проявляли Н. А. Семашко, А. Н. Сысин, А. Н. Марзеев⁴, Н. Н. Литвинов⁵ и хорошо сработавшаяся группа бактериологов, эпидемиологов и микробиологов — Л. А. Зильбер, И. И. Рогозин⁶ и другие.

Съезд внёс большое оживление и вызвал несомненный подъём в работе гигиенистов и санитарных врачей, способствовал объединению работы гигиенических кафедр, научно-исследовательских институтов и санитарно-эпидемиологических организаций, содействовал внедрению новой организационной основы всего санитарного и противоэпидемического дела путём создания сети санитарно-эпидемиологических станций и санитарно-эпидемиологических советов при них.

Лично я работал в специальной комиссии по выработке общего положения о санэпидстанциях и санитарно-эпидемиологических советах, председательствовал на одном из общих собраний съезда, был членом президиума и сделал доклад по коммунальной гигиене в период послевоенного восстановления населённых мест.

На банкете после съезда с большой речью выступил министр здравоохранения СССР генерал-полковник медицинской службы Е. И. Смирнов⁷. Главным содержанием его речи был призыв сосредоточить все усилия на объединении больниц с поликлиниками, что должно было обеспечить большую степень квалифицированности врачебной помощи, повышение квалификации самих врачей. А от этого выиграет и санитарное дело. В хоре последующих речей (Н. А. Семашко, И. И. Рогозин и др.) восхвалялась и превозносилась мудрость нового министра.

Пожелав Министерству здравоохранения успеха в скорейшем проведении этой реформы, я отметил, что единство амбулаторной и больнич-

¹ Гран Моисей Маркович — профессор, ученик Н. А. Семашко, один из старейших деятелей общественной медицины, социал-гигиенист, организатор здравоохранения, историк медицины.

² Тарасевич Л. А. — профессор, ученик И. И. Мечникова, специалист по иммунологии и лечению туберкулёза, его именем назван Государственный научно-исследовательский институт стандартизации и контроля медицинских биологических препаратов.

³ Капун Сергей Ильич (?–1943) — профессор, директор Государственного НИИ охраны труда, автор первых программ и пособий по охране труда; заведовал кафедрой гигиены труда на медицинском факультете 1-го МГУ (позднее 1-й ММИ).

⁴ Марзеев Александр Никитич (1883–1956) — профессор, специалист по коммунальной гигиене. Первым в стране начал изучать загрязнение атмосферного воздуха; в 1931–1956 был директором Украинского института коммунальной гигиены, которому было присвоено его имя; академик АМН СССР.

⁵ Литвинов Н. Н. — член-корреспондент АМН СССР, заведующий кафедрой общей гигиены и экологии (1958–1962), затем — директор НИИ им. Сысина.

⁶ Рогозин И. И. (1900–1973) — советский эпидемиолог.

⁷ Смирнов Ефим Иванович (1904–1989) — начальник Главного военно-медицинского управления (1939–1947, 1955–1960); министр здравоохранения СССР (1947–1953); академик АМН (1948).

ной помощи, понимание значения отбора на койку и проведение лечения больных в стационаре самими участковыми врачами всегда рассматривалось санитарными врачами как основная мера для полного выявления всех заболеваний и, тем самым, полного контроля за здоровьем населения. На почве этого контроля, на почве изучения характера обнаруженной заболеваемости и учёта заболеваний должна строиться вся система санитарной деятельности по оздоровлению условий, в которых обнаружены заболевания.

Министр очень усердно опустошал свой бокал в ответ на каждую речь, и это заметно сказывалось на ослаблении тормозных функций. Совершенно без всякого обоснования он разразился потоком злобных нападок на вредные земские традиции и предостерегал от следования земскому санитарному направлению. Позднее вся деятельность Е. И. Смирнова в качестве министра здравоохранения подтвердила отсутствие у него глубокого понимания сущности и значения санитарно-профилактических основ организации советского здравоохранения.

Летом и осенью 1947 г. я потратил много времени на тщательный разбор и составление отзыва в качестве официального оппонента на докторскую диссертацию Дмитрия Николаевича Лукашевича. Это был талантливый лектор, солидно знавший историю и значение санитарного просвещения, вознесённый до генеральского чина и до должности начальника Военно-медицинской академии. Проработав на кафедре организации здравоохранения и истории медицины много лет, он выбрал темой своего исследования историю возникновения и развития деятельности Красного креста до 1918 г. Его диссертация представляла собой солидный двухтомный труд и основывалась на глубоком изучении обширных материалов. Не знаю в точности, в какой связи фортуна повернулась спиной к Дмитрию Николаевичу. После представления мною и другими официальными оппонентами положительных рецензий защита довольно долго не назначалась, затем несколько раз по распоряжению из Москвы переносилась и откладывалась на неопределённый срок. Короче, в 1947 г. мы так и не дождались указаний о конкретном сроке защиты, а затем вопрос сам собой отпал вследствие неожиданной смерти Д. Н. Лукашевича.

Вспоминаю некоторые трения, возникшие у меня в связи с назначением меня официальным оппонентом по докторской диссертации О. М. Векслера «Судьба больных спондилитом». В основном это был патолого-анатомический и клинический труд, основанный на изучении обширных материалов ленинградского Института хирургического туберкулёза. Но автор поставил перед собой задачу также изучить и социально-гигиенические стороны проблемы поражения туберкулёзом позвоночника у людей. В связи с этим он пользовался статистическим методом и, в частности, устанавливал среднюю длительность течения разных стадий спондилита и касался при этом вопроса о средней продолжительности жизни при туберкулёзном поражении позвоночника.

Тщательно ознакомившись с диссертацией, я с полным удовлетворением отметил её крупные достоинства. Было очевидно глубокое знание автором исследуемого вопроса. Не вызывали сомнения литературные

достоинства, правильный социально-гигиенический подход и трактовка проблемы автором диссертации. Разумеется, я указал и на некоторые спорные и ошибочные методические приёмы в статистических построениях соискателя при исчислении средней продолжительности жизни спондилитиков, но в общем выводе давал вполне положительную оценку труда. Когда мой отзыв был уже готов, ко мне обратился профессор Е. Э. Бен с сообщением, что он вместе с другими представителями санитарной статистики — Л. С. Каминским¹ и С. А. Новосельским считают необходимым предупредить меня о невозможности допустить к защите труд Векслера ввиду неправильности применённого в нём метода исчисления средней продолжительности жизни спондилитиков. Я никак не мог согласиться с таким мнением. На совещании группы вполне авторитетных и уважаемых мною специалистов по санитарной статистике, я, выслушав все их доводы, просил их выступить с возражениями на диспуте при защите автором диссертации, моё же положительное заключение оставалось непоколебленным.

Нужно сказать, что защита Векслера в Учёном совете ГИДУВа прошла очень благоприятно. Диссертант проявил большой дар ясного сжатого изложения. Все три официальных оппонента единодушно высказались положительно о диссертации. К моему удивлению, ни профессор Е. Э. Бен, ни Л. С. Каминский, ни С. А. Новосельский участия в диспуте не приняли.

Очень много труда вложил я в 1947 г. в тщательный редакционный просмотр труда Богданова и Краковяка «Руководство по гигиене для специальных физкультурных вузов». При просмотре этой работы я по просьбе авторов не только прочитывал и вносил поправки в главу за главой, но каждый раз имел длительную беседу и давал советы обоим авторам. Помню, какое изумление вызвало у меня то, что в предисловии авторы ни слова не сказали о моей помощи в их работе над руководством.

Большое удовольствие доставило мне участие в ноябре 1947 г. в учредительном собрании ленинградского Общества садового плодовоговодства. Собрание было очень многолюдным. На призыв принять участие в работе Общества откликнулось много любителей-садоводов и энтузиастов озеленения города. Я подробно осветил значение включения плодовых деревьев в ассортимент насаждений на улицах и в общественных скверах и парках и затем принял непосредственное участие в работе соответствующей секции Общества.

Светлым пятном в моих воспоминаниях о 1947 г. остаётся большое впечатление, которое произвела открытая в ноябре в Михайловском манеже выставка восстановления ленинградской промышленности. Перед Михайловским манежем появилась высокая, построенная из металлических ферм башня-мачта, выставлены были крупные автобусы, троллейбусы и судна речного трамвая, производимые восстановленными ленинградскими

¹ Каминский Лев Семёнович (1889–1962) — профессор ГИДУВа, начальник отдела санитарной (затем — медицинской) статистики Наркомата здравоохранения СССР (1935–1943 гг.); с 1943 по 1956 — начальник кафедры военно-медицинской статистики ВМА.

заводами. А в самом манеже были показаны в действии станки и машины, насосы, гидротурбины, крупные радиолокационные установки и целые отрасли пищевой промышленности, точного машиностроения и пр. Много раз заходил я на выставку и всякий раз с огромным интересом и радостью убеждался в подлинных успехах и достижениях в восстановлении и реконструкции основных отраслей промышленности Ленинграда.

Много интересных впечатлений осталось у меня от поездки в декабре 1947 г. в г. Горький для участия в расширенных заседаниях Постоянного бюро водопроводных и санитарно-технических всесоюзных съездов. После смерти авторитетного, энергичного Павла Семёновича Белова¹, бывшего в советский период поистине душою в деле организации этих съездов, в течение многих лет они не созывались, и личный состав Постоянного бюро не переизбирался, оставаясь в том составе, какой был избран ещё до войны. За истекшие годы не стало таких видных деятелей Постоянного бюро, как Я. Я. Звягинский, В. Е. Тимонов, З. Н. Шишкин, П. Ф. Горбачёва. Жизнь Постоянного бюро, ставшего теперь ВНИТО водопроводных и санитарно-технических съездов, и издание его органа «Санитарная техника» поддерживались неутомимой работой Николая Ивановича Фальковского², благодаря которому в 1938 г. было созвано расширенное заседание Постоянного бюро совместно с Облисполкомом города Сталино для специального рассмотрения вопросов постройки нового водопровода и канализации в этом городе. Это заседание фактически вылилось тогда во всесоюзный съезд. Теперь Н. И. Фальковский вновь воспользовался обращением в Постоянное бюро за консультацией и экспертизой по расширению водопровода и по проекту канализации горьковских властей и осуществил совместные заседания Постоянного бюро с Облисполкомом и многочисленными научными и практическими специалистами г. Горького. В программу горьковского съезда были включены доклады крупнейших специалистов из Москвы — профессора В. Т. Турчиновича³ по новейшим течениям в очистке питьевых вод, С. Н. Строганова и ряда других. Центральное место отведено было докладам руководящих профессоров Института коммунального строительства в Горьком. Н. И. Фальковский приезжал в Ленинград, чтобы обеспечить участие ленинградских представителей Постоянного бюро в съезде. Моя поездка была облегчена большою любезностью главного инженера ленинградского водопровода В. И. Липкина. Все путевые заботы по получению билетов и пр. были с меня сняты. Вся поездка проходила совместно с ним и с инженером по канализации Г. Г. Шигориним.

¹ Белов Павел Семёнович (1874–?) — известный инженер, специалист в области проектирования, строительства и эксплуатации канализационных и санитарно-технических сооружений в СССР 1920–1930-х гг.; с 1919 — бессменный председатель Постоянного бюро водопроводных съездов и редактор их трудов.

² Фальковский Николай Иванович (1885–1952) — профессор, инженер-полковник, заведующий кафедрой водоснабжения и канализации Военно-инженерной академии им. Куйбышева.

³ Турчинович В. Т. — профессор, крупный учёный в области гидравлики, моделирования и технической очистки воды.

Мы приехали в Горький рано утром. Нас встретил уполномоченный от ВНИТО. В Большом вокзальном зале привлекла внимание скульптура А. М. Горького в годы его странствий. Нам был отведён номер из двух комнат в гостинице в центре города. Гостиница старой постройки, рассчитанная когда-то на участников Нижегородской ярмарки.

Чтобы использовать время до заседания, мы вышли посмотреть город. Переулок, где располагалась гостиница, упиралась в кремлёвскую стену. Широкий пролом в ней вывел нас в кремль. В отличие от Московского Кремля, в горьковском были обширные незастроенные пространства. Снег от продолжительной оттепели всюду стоял, и мы направились через незастроенный простор по направлению к Волге. По склонам у стен кремля местами зеленела трава. Внизу — необъятная Волга и заволжские дали. Мы находились на отметке 184 м над уровнем моря и на 120 м над Волгой. Осмотрели угловую башню с видами на ярмарочную часть за р. Окой. Прошли через весь кремль к памятнику Минину, затем через кремлёвские ворота, построенные в 1508–1511 гг., прошли к памятнику Чкалову. Великолепна набережная Волги с крупными зданиями Института и Краеведческим музеем в доме Рукавишникова. Я осмотрел этот музей на следующий день в промежутке между заседаниями. Интересно само здание, но ещё более интересны богатые материалы по истории города и его строительству, в частности — о пребывании в Нижнем Т. Шевченко и Н. Добролюбова и, разумеется, о позднейших нижегородских писателях горьковского периода.

Проходя по боковым переулкам и улицам в районе сквера с памятником Минину, мимо Педагогического, Сельскохозяйственного и Медицинского институтов, я обратил внимание на отсутствие в городе на тихих жилых улицах палисадников и придомовых газонов. Прямо к стенам домов примыкают тротуары. Все неудобства такого положения бросается в глаза в Горьком особенно наглядно. Очень многие дома имеют помещения в полуподвальных этажах. В заглубленных ниже поверхности тротуара нишах окон накапливаются уличный мусор, окурки, а регулярная очистка этих ниш затруднена.

Конференция (съезд), невзирая на то, что некоторые из докладчиков по программным вопросам не приехали (С. Н. Строганов, А. Н. Сысин), проходила очень оживлённо. Главные доклады о перспективах коренного переустройства водоснабжения Горького и горьковского промышленного комплекса, а также по проблеме канализации были подготовлены выдающимися местными специалистами — главным инженером горьковского водопровода Н. И. Трапезниковым и профессором горьковского Института инженеров коммунального строительства Пискуновым. Они внесли, помимо специального знания, непосредственный живой интерес к продвижению в жизнь правильного и скорейшего решения этих жизненно важных для населения вопросов.

Научное обсуждение было совмещено с награждением выдающихся работников премиями в связи с юбилейной датой существования водопровода. Мне пришлось председательствовать на этом заседании, и своё вступительное слово я посвятил вопросу о необходимости и значении совместной

работы в области санитарного благоустройства инженерно-технических и санитарно-гигиенических сил. Накануне обсуждения «водопроводных» докладов была организована поездка для осмотра водоочистой станции и мест забора воды из Оки.

Очень интересной оказалась экскурсия по лабораториям и другим учебно-вспомогательным учреждениям горьковского Инженерно-строительного института: осмотр гидравлической лаборатории, рентгеновского кабинета, архитектурно-строительного музея, физического кабинета, микробиологического кабинета и особенно музея и лаборатории по водоснабжению и канализации. Подобное ознакомление студентов с организацией практических работ и увязка этих работ с теоретическим преподаванием оставило у меня впечатление очень серьёзных достижений горьковчан в этом отношении.

Как теперь вошло в обыкновение, Облисполком устроил для участников конференции концерт с участием лучших оперных сил.

Подводя итог 1947 г., я отметил в своей записи в последний его день, что над всеми пережитыми в нём событиями стояло понимание, что самая большая ценность из всех доступных нам в нашей жизни ценностей, это близкие люди, наши друзья, а их с каждым годом оставалось у меня всё меньше. Ослабевают, стираются нити тесной внутренней взаимопринадлежности, а новых, свежих за десятки последних лет образуется мало. Это был самый трагический для меня итог истекшего года. И ещё, как общий внутренний, наполняющий и гложащий меня голос, — не столько ясное сознание, сколько преследующее меня смущение — огромная масса невыполненных задач, стоящих передо мною. Число их, их размеры растут беспощадно, а успеть их выполнить уже для меня непосильно!

1948–1954

Лето и осень 1948 г. связаны с наиболее тяжкими, невыносимо горестными переживаниями в личной жизни. С тех пор прошли уже десятки лет, но мысль восстановить в памяти долгую, полную волнений и тревог болезнь и последовавшую затем смерть Любви Карповны и глубоко волновавшие меня отношения дочерей между собой и по отношению ко мне, — даже сама эта мысль так тягостна и мучительна, что мне легче привести относящиеся к этому времени выдержки из повседневных записей в дневниках со 2 июня по сентябрь 1948 г., чем сосредоточиваться напряжённой работой памяти на восстановлении этой полосы жизни.

2 июня 1948 г. На заседании Научно-методического бюро санитарной статистики слушал прекрасный, составленный с большим пониманием доклад Зиночки о сессии Отдела гигиены и эпидемиологии АМН и о конференции по ликвидации санитарных последствий войны. После её доклада — моё сообщение о значении и содержании сессии Отдела гигиены и эпидемиологии АМН.

Дома беспросветно тяжёлая обстановка мучительного состояния Любови Карповны. Её страдания усугубляются невыносимо душной, жаркой погодой.

4 июня. По окончании государственного экзамена на кафедре проф. Владимира Андреевича Свешникова¹ он поехал со мной на машине в Лесное домой. Любовь Карповна в тяжёлом состоянии. Зиночка не отходит от постели тяжело страдающей мамочки.

6 июня. Утром рано и днём для отвлечения пытался работать в огороде. Вечер. Трудно понять, как уходит время. Со среды до сегодняшнего дня я не осознавал его течения. Три дня положение Любови Карповны непередаваемо мучительно тяжёлое. С таким трудом дышит! Воздуха не хватает. Дышать, оставаться жить всем существом стремится. Полностью ясное сознание. Кислород. Непрерывные впрыскивания камфары, кофеина. Ослабела, исхудала. Нет сил видеть её страдания, нечеловеческие томительные мучения.

8 июня. Утром пытался утомить себя физической работой, чтобы притупить беспредельное отчаяние. Непреодолима потребность в посторонней поддержке, помощи. Куда обратиться? Вернулся домой почти в невменяемом состоянии. Больная всё в том же положении, на краю жизни. Кажется, меня не узнала совсем. Настоящий человек — Зиночка. Не отходит от больной ни на минуту. Полное самоотречение. Таков человек не в желаниях или словах, а в делах. У меня не хватает внутренних сил, теряю способность управлять собою.

9 июня. В состоянии полного расстройств уехал утром в Мечниковскую больницу. Госэкзамены по терапии с 10 часов до половины пятого вечера, затем до 20 часов — заседание Учёного совета Санитарно-гигиенического медицинского института (2-го ЛМИ). В общем, слишком много всякой словесности и славословия и так мало объединяющего дела. Для меня это настоящая трагедия: отсутствие вокруг созвучно настроенного круга захваченных пониманием предстоящих задач и работ сотрудников. Пустота и безлюдье. Нет ни научных сотрудников, ни студенческого кружка. В ГИДУВе — только К. О. Поляков, в Организации здравоохранения — понимающий, думающий и милый С. И. Цеймах и порывистый, юный и чистый душой М. Ю. Магарил. Теперь я лишён общества А. П. Омельченко. Нужно обдумать возможность его вовлечения в работы кафедры ГИДУВа. После заседания Учёного совета из Мечниковской больницы уехал с В. А. Свешниковым на его машине на «Полоску» — к больной. Положение бедной, мучительно страдающей Коки без улучшения, без просвета. Изумляюсь, преклоняюсь перед цельностью, самоотречением, преданностью и самообладанием Зиночки.

11 июня. Утром — у больной дыхание частое, тяжёлое. Непрерывно — камфара, кофеин, кислород. Сознание отсутствует. Невыразимое страдание видеть так тяжело умирающую, перед глазами встаёт образ всегда бодрой, с твёрдой волей Любоньки.

Дома Любовь Карповну соборовал приглашённый откуда-то седой священник. У Зиночки последняя надежда потеряна, но с выдержкой и

¹ Свешников В. А. — крупнейший специалист в области судебной медицины.

самозабвением, с трогательной лаской и любовью она, не отрываясь, ухаживает за умирающей, уже не приходящей в сознание. И опять — такая трудная ночь.

12 июня. Не было сил и мужества возвратиться с госэкзамена. «Мама — в том же безнадежно тяжёлом состоянии».

13 июня. В три часа утра скончалась Любовь Карповна, после стольких страданий! Опустела «Полоска». Осиротела. Нет направляющей души. Всё бессодержательно, без цели, без смысла. Из дубовых веток, туи и белых роз я сделал венок, притупляя этой работой ужас боли. Туя и дуб были посажены мною, когда настойчивостью и почином Любви Карповны мы 35 лет назад начали строиться на «Полоске».

С 2-х часов до 4-х я был в Мечниковской больнице. Дома застал всех дочерей и внуков.

14 июня. Все практические заботы и хлопоты о подготовке похорон взвалены на Арсения Владимировича Шнитникова. Мне неловко, совестно и стыдно, что я от всего освобождён. Приехала Любочка. Неутешное терзающее горе. Лёва безропотно несёт огромный труд.

15 июня. На рассвете спилил большую ветку дуба и после долгих неудачных попыток сделал большой венок из её веточек. Вплёл белые розы и красные пионы. Лёля сделала из своих цветов большое покрытие. Любочка сплела гирлянду. Душат рыдания. Их невозможно подавить или заглушить. К 12 часам стали собираться посторонние. Пришли К. О. и С. И. Поляковы, Ал. Исаевна, неожиданно — Олимп. Яковл. Смирнова. От цикла слушателей — М. М. Ашмарина, Е. Я. Белицкая, Л. С. Каминский, соседние женщины, Лёлины подружки, А. Г. Подвысоцкий.

Прошли за гробом до Новой Деревни. На Серафимовском кладбище — за церковь, подле могилы первой жены Арсения Владимировича — Татьяны Владимировны Шнитниковой — похоронили. Было отпевание в кладбищенской церкви. Я не вошёл в церковь, не желая обращать в пустой обряд то, что при свободе верований может и должно быть выражением искренней веры и внутреннего признания — её исповедания. После того, как гроб опустили в глубокую могилу и над могилой насыпали землю и покрыли её цветами, наступило долгое тихое безмолвие.

Мне хотелось выразить в словах, обращённых к детям, внукам, друзьям и добрым отзывчивым людям, пришедшим выразить нам сочувствие, свои чувства. Казалось, что нужно дать смысл, содержание этому вниманию. Я хотел рассказать весь жизненный путь Любви Карповны — от работы народной учительницей до учёбы в Петербурге. Её бодрую решимость на всякую трудную работу. Её работу в Сибири в качестве фельдшерицы на переселенческих пунктах. Рассказать о том, что после нашей женитьбы она стала заниматься литературными и научными работами. В течение ряда лет сотрудничала в журнале «Научное обозрение», где вела отдел «научных новостей». В то же время в 1899 г. перевела с немецкого языка «Введение в философию» Eisler'a; книга эта в её переводе появилась в печати в 1899–1900 гг. в приложении к «Научному обозрению». Дейтельно сотрудничала в специальном зубоврачебном журнале «Вестник зубоврачевания», в котором в 1899–1904 гг. поместила целый ряд работ

по обзору иностранной зубоврачебной литературы и несколько более крупных переводных работ по зубоврачебной технике. В это же время Любовь Карповна сотрудничала по вопросам общественного призрения и народного образования в «Северном Курьере», а в 1906–1911 гг. сотрудничала в газете «Речь», где составляла обзоры для отдела «научных новостей» и поместила ряд корреспонденций из провинциальной жизни и очерки по вопросам образования. С 1911 по 1914 г. Любовь Карповна сотрудничала в «Русской мысли», где напечатала более десятка библиографических заметок, отзывов и статей по вопросам народного образования, по общественному призрению, по физическому воспитанию и по женскому вопросу. Доклад её «О постановке физического воспитания в средней школе» второму Всероссийскому съезду по женскому образованию был напечатан в 1914 г. в «Поволжском Вестнике» и помещён в Трудях упомянутого съезда. С 1913 по 1917 г. Любовь Карповна принимала самое деятельное участие в 14-м городском Попечительстве гор. Петрограда, где состояла председателем Комиссии по общественному питанию, председателем Комиссии по распределению городских стипендий в средние учебные заведения, а также председателем одного из районов на Выборгской стороне по обеспечению и помощи семьям запасных и т. д. В 1914 г., когда деятельность городского Попечительства прекратилась, Любовь Карповна работала организатором эвакуации голодных детей Петрограда в хлебные местности России.

Мне очень хотелось рассказать о преданности Любви Карповны труду в семье. Твёрдую направленность в воспитании и образовании дочерей, внучки. Родительский комитет... Общественная работа в Костроме... Педагогическая деятельность в школе для взрослых и в Педиатрическом институте после революции. Её доблестный труд в период обороны Ленинграда, отмеченный медалями, которыми Любовь Карповна дорожила. Её волю к труду, к постоянному овладению новыми областями: стенографией, журнально-газетной работой, языками. Во время блокады она овладела английским. Её твёрдая направленность и бодрое строительство окружающей обстановки должны жить и развиваться в трудовой выдержке, в бодрой, не допускающей уныния и ослабления жизненной деятельности, в участии в общей общественной работе взращённых ею молодых поколений... Но я не знал, уместно ли будет моё слово, и остался в подавленном молчании.

Вернулся на «Полоску». Но она показалась мне ненужной, пустой, и уйти от этого нельзя.

16 июня. Ранним утром — нет внутренних стимулов для работы в саду. Не могу заняться и за письменным столом. Как мельничные жернова в голове тяжело, непрерывно вращаются мысли, чувства, впечатления последних дней. Остановить их, прекратить работой невозможно. Дома меня охватил вчерашний ужас пустоты — бесповоротной, серой. А тут ещё — банально пошлые отношения между старшей и младшей дочерьми. Пытался забыться сном. Вышел в 8 часов вечера в сад, сажал, копал, поливал. Бессмысленно, бесцельно — до половины двенадцатого вечера. Принял ванну. Дрожание правой кисти и всей руки всё увеличивается.

19 июня. Ночью — непонятная для меня попытка Арсения Владимировича иметь какую-то «коренную» беседу о дальнейших перспективах «Полоски» и жизни на ней¹. У меня — полное внутреннее опустошение, потеряна основная пружина внутреннего механизма. Жизнь продолжается автоматически, без осмысленного регулирования, без перспективной направленности. Получил письмо от сестры Жени о смерти Сергея Петровича². Ужасно положение Маруси.

20 июня. Томительное прозябание. Возил тачкой шлак на дорожку, вскопал две грядки, засадил мелкий картофель. Целый день на «Полоске». Не хочется смотреть в расписание и в программу конференции Ленинградского института хирургического туберкулёза (ЛИХТа). Всё равно не пойду никуда. Всё серо, безразлично. Зиночка целый день провела на кладбище.

19 июля. Прозябание без угрызений. День, как и вчера, — без стержня.

Минают дни, минают ночи,
Заснули думы. Сердце спать...
Минае лито, шелестить
И не знаю, чи я живу, чи доживаю,
Поживле листьє, гаснуть очи.
Чи так на свити волочусь,
Бо вже не плачу, не журюсь...

23 июля. 40 дней истекло со дня смерти Любви Карповны. Освоить это недоступно сознанию. Жизнь без направляющей пружины. Реальность — бессодержательной пустоты — окрашивает все часы и минуты.

В 5 часов отправился в Пушкин. Там вечером, гуляя в одиночестве у Нижнего пруда, я ощущал какую-то особую, единственную привязанность к этой природе.

24 июля. В 7 часов утра проводил Илика на вокзал. Потом — к Орловским воротам (страшно пострадала дубовая парковая аллея верховой езды). От Орловских ворот прошел по парку с изумительными дубами до готических развалин («Чapelь»), затем по дороге к беседке Большого Каприза, к Камероновой галерее. Геркулес и Флора стоят опять на месте. Особой красоты виды на Большой пруд. Со всею отчётливостью ещё раз почувствовал необходимость включения в систему большого парка всех прудов до Нижнего включительно и дворцов — Владимирского, Палея и др.

¹ Захарий Григорьевич не знал, что в «отместку за двоежёнство» и, опасаясь, что он поселит на «Полоске» Екатерину Ильиничну с сыном, Любовь Карповна ещё в марте 1946 нотариально оформила завещание, по которому «Полоска» должна была полностью перейти в собственность только Зинаиды Захаровны и Лидии Захаровны. Хотя младшая их сестра Валентина Захаровна, овдовевшая в 1943, после возвращения из эвакуации жила на «Полоске», но она была «отрезанный ломоть». В отличие от матери и сестёр она не осуждала отца и этим вызвала их враждебное к себе отношение. Пытаясь лишить Захария Григорьевича права на владение «Полоской», Любовь Карповна тем самым лишала жилья и Валентину Захаровну с сыном.

² Ладыгин Сергей Петрович — художник, изобретатель лампочки накаливания («лампочки Ладыгина»); зять Якова Григорьевича Френкеля, муж его дочери Марии (Маруси).

27 июля. Много работал на «Полоске» в саду и огороде.

Очень мучает меня необходимость преодолевать отвращение и говорить с Зиной о неправильности её действий помимо меня и без того, чтобы меня осведомить, с формальным закреплением дома за ней. Это претит мне и для меня совершенно и, безусловно, морально неприемлемо.

29 июля. Утром — в огороде, выкопал 1 кг картофеля, закончил прорыжку моркови, поливал посадки. Алёша¹ принёс мне от А. П. Омельченко купленную для меня книгу Нагорного². Полная неспособность биолога Нагорного понять вопрос о «продлении жизни» в его реальном значении для населения страны в его историческом социально-экономическом значении с точки зрения не «клеточки», а общества, как развивающейся высшей организации, определяющей все условия и запросы к направлению жизнедеятельности составляющих его масс людей.

Целый день я был в полном плену у овладевшего мною желания оформить в память о Любви Карповне уголок у дорожки вдоль улицы, обсаживая его кустами роз и рудбекией.

Вечером читал Нагорного. Халтурщик, без внутреннего чувства научной и литературной добросовестности!

1 августа. Утром — в огороде: поливал, мотыжил, снимал горох, подкапывал картофель. Под гнётом внутренней пустоты, безволия, бессилия. Ликующий солнечный день! На небе ни облачка с утра и до вечера. А внутри у меня монотонно, серо, беззвучно.

6 августа. Был в нотариате. Непостижимая жестокость, несправедливость ко мне со стороны Зиночки. Сделаю всё, чтобы восстановить справедливость и правду — на пути, выбранном не мною. Впервые в жизни почувствовал осязаемо мучения старости...

7 августа. На «Полоске» меня гложет внутренний червь недоверия к своим «возможностям», ослабел. Сознание растущей изоляции (зрение слабеет, читать всё труднее, всё больше выявляется утомляемость).

10 августа. Мне кажется, во всей моей жизни у меня не было такого мучительного состояния. Утром — длительный разговор с Зиной, разговор, ничего не изменивший. Что бы и как бы ни происходило, она, как и Лёля, они обе — части моей собственной личности. Но я не могу быть в положении отданного на милость кого бы то ни было. Объективно — нет иного выхода, как обращаться к формальному восстановлению права, правды и справедливости³.

Днём пытался работать за письменным столом. После обеда по настоянию Лёли ездил с ней заказывать костюм на Невский. Дал Лёле нотариальную доверенность на ведение дела по владению домом на «Полоске». Затем навестил Лидиньку.

¹ Алексей Быстреевский — младший сын Валентины Захаровны, внук Захария Григорьевича.

² Нагорный А. В. — физиолог, профессор, зав. кафедрой биохимии Харьковского университета.

³ Захарий Григорьевич вынужден был обратиться в суд.

12 августа. Была на «Полоске» Татьяна Степановна. Сильно постарела. По-прежнему деятельна, по-прежнему — ценный общественный работник. Вечером был Мих. Юр. Магарил. Чистый душой. Добросовестный.

22 августа. Зиночка трогательно внимательна ко мне. Так хочется выразить ей признательность, добиться, чтобы она понимала, что при всех условиях, независимо ни от чего, моя привязанность к ней и чувство взаимосвязи неизменны и неколебимы. Но я не могу иначе действовать, как внешне, так и формально, я должен быть независимым, не опекаемым, я не могу не внести исправления в то, что ощущаю как несправедливость и неправду в отношении меня (с наследованием «Полоски»). По отношению ко мне хочу хоть частично того, что я в полной мере и, безусловно, выполняю нерушимо в отношении других.

Вечером были длительные, раздирающие мне душу разговоры Зиначки и Лидиньки со мною. Столько несправедливости, воспринимаемой мною как жестокость ко мне, со стороны Зиначки. С трудом занимался диссертацией Лукашевича. Вечером Зиначка, Арсений Владимирович и Наташа¹ уехали с «Полоски».

23 августа. Поздно вечером Шура привезла от Зиначки убийственное письмо. За что мне такое жестокое, свирепое горе?! Поздно ночью ещё более тяжкие разговоры с нею по телефону.

24 августа. Разговор с Зиначкой по телефону, а затем я поехал, чтобы встретиться с нею и идти по её просьбе с нею в наследственный отдел нотариата. Там, как на Голгофе, распинали меня такая заботливая, такая только обо мне пекущаяся родная дочь при моральной поддержке кроткой Лидиньки. Не выдержав, я ушёл, разбитый физически, изнемогающий, чтобы раздираться в одиночестве на «Полоске».

25 августа. Трудно мне. Стараюсь притупить отчаяние физическим трудом. Осмотрел выросший за годы советской власти Бабуринский сквер — с прудом, с бюстом Маркса, с огромными тенистыми тополями, дубами, липами. А 30 лет тому назад здесь была свалка.

В 5 часов — Нарсуд. Свидетели — Толя Бедункович (увы, теперь седой и лысый подполковник авиации Анатолий Георгиевич) и Андрей Григорьевич Подвысоцкий. Невыразимо больно. Вечером до 10 часов пробыл у меня Андрей Григорьевич. Ночь всю — приступы колики, от боли — грелки. Чувство безнадежной слабости и немощности.

30 августа. Утром отливал воду из борозд на поле орошения. Были у меня Магарил и Цеймах. Оба трогательно милые люди. По поручению кафедры: запинаясь и путаясь, М. Ю. Магарил сообщил, что кафедра хотела бы активно облегчить для меня всякие трудности. Но я и сам не знаю, — в чём и как.

9 сентября. Вместе с Борисом Ивановичем Карпенко и Лёлей был в Нарсуде с половины первого до 6 часов. Совершенно непонятная для меня озлобленность Зиначки против Лёли. Заявление написано с поражающим сутяжническим расчётом. И всё это мне приходится пережить. Горечь и омерзение оставляют в душе невыносимую боль.

¹ Наташа — дочь Арсения Владимировича и Зинаиды Захаровны Шнитниковых (по мужу Кузнецова).

Лёля добросовестно не понимает происходящего и так же, как и я, готова на какие угодно уступки. Ни мне, ни другим — ни одного дурного слова о старшей сестре, против неё, не говорит, но страдает, как и я, страшно¹.

Всё неотступнее и явственнее в глубине моего сознания в 1948 г. звучала гложущая меня тревога: преследующее меня ощущение огромной массы невыполненных задач, стоящих передо мною. Число их, их размеры растут беспощадно, а успеть их выполнить уже для меня непосильно!

И другое горькое сознание всё чаще омрачало моё настроение: люди — наши близкие, друзья, с которыми мы чувствуем взаимное понимание, уважение и единство, — самая большая ценность из всех доступных человеку ценностей жизни, и этой ценности теперь с каждым годом остаётся у меня всё меньше. Одни уходят из жизни, в отношениях с другими ослабляются, стираются нити тесной внутренней взаимопринадлежности, а новых, свежих за десяток последних лет уже не образуется. Это самый трагический в моём сознании итог истекшего 1948 г.

1949 г. начался для меня упорно державшимся общим недомоганием, а затем сильными болями в области сердца. Благодаря заботам А. Я. Гуткина меня навещал несколько раз специалист по болезням сердца из 2-го Медицинского института доцент Б. М. Шерешевский. По его мнению, для обеспечения клинического ухода и надлежащего режима меня необходимо было госпитализировать. Я предпочёл остаться дома, подчинившись на некоторое время требованию постельного содержания. Принимал назначенный мне курс диуретического лечения. В течение почти трёх недель я пользовался неусыпным уходом Лёли, остававшейся при мне неотлучно во время повторных сильных стенокардических болей.

Однако уже в конце января я должен был возобновить чтение лекций. По распоряжению Министерства, в ленинградском ГИДУВе был организован с конца января специальный курс лекций для руководителей кафедр биологии в медицинских институтах — с учётом мичуринского и павловского учения. Мною был прочитан ряд лекций о профилактическом направлении советского здравоохранения и об основном содержании гигиены — как науки о формировании внешней среды в интересах здоровья населения. Ввиду того, что я ещё не вполне оправился от болезни, дирекция каждый раз присылала за мной машину. С волнением узнал я во время моей болезни о смерти одного из наиболее деятельных членов правления ленинградского отделения Гигиенического общества, единственного представителя в правлении с инженерной компетенцией — Константина Павловича Коврова. Выше я много раз упоминал о его самоотверженном труде по руководству работой водопроводной станции Ленинграда. При этом он проявлял находчивость и инициативу, чтобы справиться в условиях послереволюционной разрухи с непреодолимыми, казалось, трудностями при проведении ремонта машин, в поддержании дисциплины труда при недостатке продовольствия для рабочих и т. д. Чтобы быть в курсе новейших достижений в

¹ Суд признал, что завещание Любови Карповны было составлено с нарушением закона и расторг его, признав за Захаром Григорьевичем право собственности на дом и имущество.

водопроводном деле, он тщательно изучал нашу и зарубежную санитарно-техническую литературу и знакомился с передовым опытом на практике во время командировок в Лондон и другие города. Вероятно в связи с этим он, как и многие другие ведущие инженеры в начале 30-х гг. попал в тяжёлую полосу подозрений и репрессий. Несколько лет он был оторван от Ленинграда. Но, как только ему разрешили вернуться, он вновь весь отдался делу коренного улучшения водоснабжения в Ленинграде, заняв место главного инженера «зоны водоохраны» городских водопроводов. В то же время он серьёзно был занят теоретическими работами по испытанию улучшений в очистке питьевых вод.

Я уважал и любил Константина Павловича не только за его преданность практическому делу и за его всегдашний интерес к науке, но и за его личные качества отзывчивого, благожелательного общественного работника, всегда готового прийти на помощь не на словах, а на деле.

Здоровье Константина Павловича сильно подорвалось ещё в голодные 1919–1922 гг. Тогда после целого дня инженерной работы он по вечерам до поздней ночи играл в духовом оркестре, за что получал натурой некоторые продукты питания. В результате он нажил себе эмфизему лёгких, которой страдал все последующие годы. Его смерть в начале 1950 г. была для меня неожиданной.

Директору Санитарно-гигиенического мединститута (бывшего 2-го Ленинградского мединститута) Д. А. Жданову пришла мысль устроить музей или постоянную выставку здравоохранения и гигиены для того, чтобы поднять интерес у студентов и облегчить им усвоение сущности профилактического направления советского здравоохранения и содержания всех разделов гигиены. Общий план и программу музея Д. А. Жданов поручил составить мне. Задача эта была нелёгкая, т. к. на небольшой площади нужно было расположить обширный по содержанию материал. Когда в конце концов программа и план работы по устройству музея были согласованы, вдруг оказалось, что заказывать необходимые экспонаты, модели, макеты или приборы отдельным мастерам нельзя и что всё оформление должно было заказываться в специальной художественной организации, что требовало затрат в несколько тысяч рублей. Я указывал, что весь проект уже у нас есть и ни одной копейки на это нам затрачивать не нужно. Оказалось, что в этом случае мы не сможем заказывать экспонаты. Считая такие явно излишние затраты средств неоправданными, я отказался участвовать в устройстве музея. Дирекция возложила всё дело сношений с художественными организациями на энергичного молодого ассистента М. Ю. Магарила. По моей просьбе он был командирован в Москву для ознакомления с порядком устройства и оборудования Музея гигиены 1-го Московского мединститута. С большой энергией и затратами героических усилий на преодоление трудностей, создаваемых художественной организацией, он в течение почти двух лет работал над созданием Гигиенического музея.

В связи с подготовкой экспонатов для этого музея решено было заказать скульптурному отделению Академии художеств бюст Ф. Ф. Эрисмана. Ко мне обратился скульптор, которому был передан этот заказ, с просьбой предоставить ему на время портреты Фёдора Фёдоровича. Я передал ему

имевшийся на кафедре довольно удачный портрет учёного и три фотоснимка разных периодов. Начав работать, скульптор несколько раз заходил ко мне на кафедру, просил у меня биографический очерк Эрисмана и воспоминания о нём. Затем он просил меня побывать у него в мастерской, чтобы сделать замечания о первом выполненном варианте слепка. Но потом на долгое время перестали поступать сведения о ходе его работы. Только спустя месяц или два я получил приглашение посетить мастерскую художника и дать письменный отзыв, насколько удовлетворительным может быть признан слепок, сделанный скульптором Рабиновичем. В той же убогой мастерской над прежним слепком теперь работала молодая женщина. Много раз после моих замечаний она переделывала слепок, пока, наконец, строгое лицо сухого немецкого профессора не озарилось доброжелательным выражением Фёдора Фёдоровича Эрисмана.

Женщина оказалась женой Рабиновича. Год тому назад он вернулся из ссылки после 1938 г., но без права жительства в Ленинграде. Поселившись в Луге, он возобновил свою работу скульптора в Академии художеств, наезжая время от времени в Ленинград. Но совершенно неожиданно его опять арестовали. Оставшись без всяких средств, с детьми, она сама, ещё очень молодой скульптор, взялась завершить работу мужа. Спустя месяца два экспертная скульптурная группа апробировала работу Рабиновича, и бюст Эрисмана по слепку был отлит в гипсе в нескольких экземплярах для ряда гигиенических кафедр и институтов в Ленинграде.

Очень много огорчений и волнений было внесено в мою жизнь в 1949 г. длительной болезнью Лёли. Ряд симптомов заставлял предполагать наличие у неё туберкулёзного процесса. По моей просьбе больную несколько раз навещал проф. М. Д. Тушинский, занимавший в то время должность главного терапевта города. Для окончательного определения диагноза он настоятельно советовал поместить Лёлю в клинику. Я имел возможность ознакомиться с фактическими условиями и обстановкой пребывания в этой клинике. Как далеко была эта обстановка от бережного отношения к больному человеку! После нескольких месяцев лечения в стационаре Лёля вернулась домой в том же состоянии, в каком туда поступила. Пока она лежала сначала в клинике проф. М. Д. Тушинского, а затем — проф. М. В. Чернуцкого, я каждый день, либо через день бывал у больной и видел весь склад жизни, весь процесс «клинического пользования больных», познавая его своими глазами и глазами самих больных.

В центре внимания клинических работников и курируемых студентов находилась лишь болезнь, её диагностика. Больной, как целостная личность, в конечном счёте, определяющая самую жизнь, не стоял на первом плане. Более того, всё внимание сосредоточивалось не на лечении, не на улучшении здоровья, а лишь на изучении и распознавании болезненных симптомов. Это в принципе не может не сказываться на отношении к больным подготавливающимся в клиниках новых поколений врачей. Я был бесконечно признателен М. Д. Тушинскому за его исключительную отзывчивость, за его активное стремление оказать помощь в чужой беде. Он был сердечным, хорошим человеком, но при всей его сердечности и преданности клинической медицине, он не прокладывал новых путей и не стоял на

позиции С. П. Боткина по отношению к целостному человеку, всегда связанному в нераздельное единство. Клиническая действительность в больнице Эрисмана не вызывала у меня, да и не могла вызвать большого удивления.

В течение мая и июня 1949 г., как и в предыдущие годы, я выполнял обязанности председателя государственной экзаменационной выпускной комиссии в Санитарно-гигиеническом мединституте (2-м ЛМИ). Я открывал каждое заседание госкомиссии и по многу часов присутствовал на самом экзамене. Благодаря участию во всех экзаменах у меня складывалось впечатление, что, невзирая на специальный санитарно-гигиенический профиль института, подготовка и знания студентов по клиническим предметам были несравненно более прочными и глубокими, чем по любому из санитарно-гигиенических предметов. В этом сказывался результат неизбежной самостоятельной практической работы в клиниках при курировании больных и отсутствие такой необходимой самостоятельной практической санитарной работы при прохождении гигиенических дисциплин. Поэтому нередко я испытывал мучительные колебания: совместимы ли ответы экзаменуемого с возможностью присвоить ему звание врача. Вспоминаю случай, когда, наоборот, пришлось отстаивать отвечавшую на экзамене от несправедливого решения. Отвечала очень робкая и смущающаяся, но достаточно знающая студентка. Во время её ответа вошёл и занял место среди членов экзаменационной комиссии директор института Д. А. Жданов. Смущение оробевшей выпускницы он принял за незнание и высказал по её адресу неодобрение. Когда после окончания экзамена члены комиссии согласовывали свои отметки, директор категорически потребовал, чтобы ей был поставлен неуд. Тщетно указывал я на некоторое замешательство и временную заторможенность отвечавшей, директор в тоне властного решения настаивал на своём. Я вынужден был обратить внимание на обязательность соблюдения правила о работе Государственной экзаменационной комиссии и поставил вопрос на формальное решение ею вопроса. Все три члена комиссии высказались против решения директора. С явным неудовольствием Д. А. ушёл.

Вслед за последним госэкзаменом я без проволочки, как обычно, составил обстоятельный отчёт о деятельности госкомиссии и высказал в нем ряд предложений о необходимости введения практической санитарно-гигиенической работы студентов в учреждениях Горздрава и обязательно в санитарно-эпидемиологической станции. На следующий день после окончания госэкзаменов в Доме культуры был торжественный вечер выпускников. Мне нельзя было уклониться от присутствия на нём. Открылся вечер речью директора. Речь была построена очень умно. Слушая эту хорошо построенную речь, я не мог постигнуть, как уживается с природной одарённостью и умом у директора примитивная бюрократическая ограниченность и самоуверенность. Совсем непредвиденно для меня первое слово после вступительной речи директора было предоставлено мне. Студенчество, по видимому, из-за титулов и званий, шумно приветствовали моё выступление. Я говорил как старший по возрасту, обращаясь к более молодому, вступающему в строй новому пополнению врачебно-санитарной рати. Нужно по

окончании образования продолжать учиться, но учиться не только из книг и от других, а учиться на собственном опыте, из раскрытой книги жизни, у самой практики.

Во время перерыва я незаметно ушёл, чтобы ехать в Пушкин. Была чудесная белая ночь. Волшебная красота Невы при переезде через мост, а в Пушкине — в густых аллеях полная очарования заснувшая красота природы. Всё прозрачно вокруг, всё таинственно безмолвно, загадочно, настороженно. Задумчивая тишина.

В конце июня, в период наибольшей занятости моей в Госкомиссии, мне пришлось оторваться на два дня для участия в Москве в расширенных заседаниях правления Всесоюзного гигиенического общества. Мне предложено было сделать доклад в связи с 25-летием работы Ленинградского отделения этого общества. Ленинградское отделение является старейшим из всех отделений ВГО. В течение всех 25 лет его существования я неизменно переизбирался председателем общества. В своём очерке о работе ЛОГО в советский период, затем напечатанном в журнале «Гигиена и санитария», я подробно показал, что Ленинградское отделение явилось фактически продолжением Русского общества охранения народного здоровья, учреждённого ещё в 1878 г. Фактическая справка моя относительно личного состава членов-учредителей ЛОГО, его секций и программы вызвала резкое замечание председательствовавшего В. А. Рязанова¹, заявившего, что гигиенические общества советского периода ничего общего не могут иметь с гигиеническими обществами дореволюционного буржуазного Петербурга. Тогда, в 1949 г., о преемственности современной научной деятельности с деятельностью передовых демократических сил дореволюционного периода говорить не полагалось. В своём заключительном слове я сделал надлежащую отповедь выступлению Рязанова.

Приятны мне воспоминания о посещении в мае–июне того же 1949 г. очень заинтересовавшего меня учебного учреждения для специальной подготовки и расширения образования председателей колхозов. Учреждение это было организовано по постановлению Леноблсполкома в Пушкине, в бывшем дворце Кочубея. Я охотно прочитал в нём сжатый курс общего благоустройства колхозного села или, точнее, планировки сельских населённых мест, санитарной мелиорации и оздоровления их территории, организации водоснабжения и обезвреживания путём правильного компостирования и использования для удобрения отбросов. На меня чрезвычайно ободряющее впечатление произвёл живой, активный интерес слушателей ко всем вопросам практического разрешения санитарно-оздоровительных задач в современных условиях сельского быта. Обилие и характер вопросов и замечаний, поступавших из многолюдной аудитории, говорили о том, что сообщаемые сведения и передаваемые знания не останутся мёртвым балластом. Мои беседы проводились в поздние вечерние часы, предназна-

¹ Рязанов Владимир Александрович (1903–1968) — в 1945–1952 зам. министра здравоохранения и главный санитарный инспектор РСФСР; с 1962 — директор Института общей и коммунальной гигиены им. Сысина АМН СССР, академик АМН, возглавлял Всероссийское общество гигиенистов и санитарных врачей.

ченные для культурного отдыха. Нужно считать существенным пробелом в программах и учебных планах учебных учреждений для подготовки специалистов, работающих в сельской местности, отсутствие в них курсов общего и санитарного благоустройства сельских населённых мест и жилищ.

Относительно короткий летний перерыв (конец июля и половина августа) в 1949 г. был использован мною для далёких поездок и экскурсий. В Лесном на «Полоске» шёл в течение этого времени большой ремонт всех помещений, который больше уже невозможно было откладывать в связи с разрушениями и полным отсутствием ремонта в период блокады и войны. Отказавшись от далёких летних экскурсий, я выполнил несколько давно уже задуманных мною осмотров в Ленинграде и его окрестностях.

С большим интересом я ещё раз осмотрел работы по сооружению щитовым способом главного перехватывающего канала в тоннеле вдоль правого берега Фонтанки для спуска в него канализационных вод общесплавной канализации центрального района Ленинграда. Щитовая прокладка там, где это нужно было по характеру грунтов (пльвуны), велась с предварительным замораживанием грунтов.

Два раза в течение лета я вместе с А. Г. Малиенко-Подвысоцким и группой санитарных врачей и работников Управления парков и дворцов осматривал вышедшие из строя сооружения самотечного Таицкого водовода, сооружённого почти два века тому назад для питания всей системы прудов и гидротехнических сооружений Пушкинских парков. Район Таицких ключей и значительную часть трассы Таицкого водовода в его тоннельной части и в районе открытых водоводов Баболовского парка мы обходили пешком. Между прочим, с большим сожалением я смотрел на замечательное творение гениального искусства — великолепный бассейн, выдолбленный из одного цельного колоссального гранитного массива, заброшенный в развалинах Баболовского дворца, куда очень редко могут добираться случайные единичные туристы. Почему бы не перевести этот замечательный, совершенно исключительный по своим размерам памятник гранитного искусства для украшения современных физкультурных сооружений Ленинграда. В своё время, два века тому назад, этот гранит был привезен из Финляндии.

Упомяну ещё о поездке в Мельничные ручьи и Всеволожское, где я знакомился с условиями дачного строительства и благоустройства, вернее, конечно, неблагоустройства посёлка. С большим интересом осмотрел я фруктовый сад единоличника, любителя-предпринимателя. Сильно плодоносящие сорта вишен (вывезенные из Казанской области) и яблони с необычайным урожаем. Удобряет — суперфосфатом. Самодельный водопровод для поливки фруктовых деревьев и ягодника. Такой же «доходный» сад и ягодник осмотрел я также в Лесном (Калачёва).

Нелегко перенёс я сделанное мне по телефону директором 2-го ЛМИ Д. А. Ждановым сообщение о назначении вместо меня заведующим кафедрой организации здравоохранения (социальной гигиены) В. С. Сигала ввиду недопустимости совмещения заведования кафедрой в ЛМИ с должностью профессора в Институте для усовершенствования врачей (ГИДУВ). А в организацию кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения во 2-м ЛМИ мною было вложено много труда и сил. Более 30 лет

я развивал кафедру, обогащал её показательными материалами и держал на высоком уровне, одновременно оставаясь профессором в ГИДУВе. Мне было тяжело видеть нарастающее свёртывание моей жизненной деятельности. День спустя после телефонного сообщения директора мне позвонил Б. С. Сигал. Желая по поговорке «и невинность соблюсти», он, говоря о предложении ему занять вместо меня кафедру, заявлял: «Поступлю, как Вы скажете». Я мог на это ответить, разумеется, только одно: «Поступать нужно не по моей указке, а как сам считаешь правильным».

1951 год был вторым годом девятого десятка лет моей жизни, и в то же время — вторым годом, когда вся моя профессорско-преподавательская работа ограничивалась только кафедрой коммунальной гигиены в ГИДУВе. До меня постоянно доходили волновавшие меня вести о развале после моего ухода из Ленинградского санитарно-гигиенического мединститута той кафедры организации здравоохранения (социальной гигиены и санитарной статистики), которую, камень за камнем, я строил в самые трудные годы (1920–1930) в Государственном институте медицинских знаний (ГИМЗе) и поддерживал на достигнутом уровне при всех испытаниях и превратностях судьбы, которым подвергался 2-й Ленинградский мединститут позднее, вплоть до осени 1949 г.

В 1950 и в 1951 г. лекционная работа моя в Институте для усовершенствования врачей расширилась за счёт специальных циклов санитарных врачей по охране атмосферного воздуха в городах, по охране водоёмов и по водоснабжению, а также врачей — руководителей санитарно-эпидемических станций. Кроме того, в 1951 г. я читал специальный курс лекций по санитарному оборудованию и устройству учреждений для душевнобольных на цикле врачей-психиатров. Благоустройство помещений психиатрических учреждений само по себе имеет значение, как лечебная мера в системе всего комплекса воздействий на самочувствие, выздоровление и поведение душевнобольных. Постоянно занятый мыслью о предстоящих лекциях, я, возвратившись домой, спешил навести необходимые справки в разных изданиях, составить таблицы, схемы, вновь и вновь прочитывал имеющиеся материалы и продумывал построение будущих лекций. Эта работа настолько заполняла моё время, что мало-помалу были совсем отодвинуты планы о намеченных ранее больших работах.

Меня серьёзно беспокоила мысль о том, что я совсем забросил все начатые в разное время такие большие работы по обобщению итогов развития общественно-санитарного дела в период 1864–1917 гг., как «От приказной медицины до земской и от общественной медицины до советского здравоохранения» и «Система местного благоустройства». Неужели всё, на что уже было затрачено мною столько труда, проникнутого сознанием важности моего понимания организации самодеятельности, обращенной на непосредственно окружающие местные условия и нужды, неужели все эти мои работы и мысли должны рассматриваться как ненужный хлам, не имеющий никаких шансов на использование, не стоящий завершения? «У меня иссякает вера, что я сам ещё найду время и силы, чтобы взяться вновь за эти работы, продвинуть их. И никого нет вокруг, кто бы понимал эти замыслы, кому эти начатые работы и их продвижение были бы жиз-

ненно нужны”, — эти строки я нахожу в моих ежедневных записях в начале февраля 1951 г.

Я непременно добросовестно готовился к лекциям, хотя всегда выступал только на такие темы, которыми много лет всесторонне занимался. От Общества по распространению научных и политических знаний я выступал в лектории Горкома на Литейном проспекте, в большом зале Военно-санитарного музея, а также в Доме офицеров. При этом я никогда не читал лекций по заранее написанному тексту. Продумав тщательно план выступления и подготовив все необходимые материалы, я подробно намечал для себя всю последовательность и аргументацию. И всякий раз ставил себе неперенным условием настолько овладеть темой, чтобы затем свободно, никогда не прибегая во время лекции к справкам и конспектам, излагать тему, отдаваясь ходу мысли. Только при этом условии лекция может оставаться продуктом непосредственного живого мыслительного процесса и вызывать в аудитории ответную работу мысли, порождающей вопросы и поддерживающей интерес и внимание. При этом совершенно исключается монотонность изложения.

В январе 1951 г. я выезжал в Москву, чтобы выступить в качестве официального оппонента на защите Н. Н. Литвиновым докторской диссертации в АМН. В своей работе он давал санитарно-гигиеническое обоснование новой планировки Сталинграда при его послевоенном восстановлении. Изучение положенных в основу диссертации материалов вызвало у меня сомнение в правильности выдвинутого автором положения о необходимости объединения всех населённых территорий вдоль Волги — от тракторного завода и рабочего посёлка при нём до Красноармейска и новых посёлков, возникших в связи со строительством головной части Волго-Донского канала, — в один город протяжённостью более 50 км. Меня не удовлетворяла организация самой защиты докторской диссертации в АМН. Я пытался придать своему выступлению характер диспута, другие же официальные оппоненты, особенно проф. Н. К. Игнатов¹, ограничились скучным прочтением напечатанного на машинке своего предварительного отзыва, как это в большинстве случаев вошло в практику в послевоенные годы. Защиты в АМН проходили не в открытом заседании Отделения гигиены, а перед специальной квалификационной комиссией с узким кругом участников, очень, кстати, неаккуратно являющихся на такие мероприятия. Постановление комиссии АМН теряет в авторитетности, так как в обычном канцелярском порядке идёт на утверждение в чисто бюрократическую инстанцию — ВАК. Совершенно очевидна нелепость такого порядка, когда защита и постановление самого высшего по своей научной компетенции в данной отрасли знаний учреждения, каким является АМН, проверяется ВАКом на основании случайного заключения его рецензента.

Интересной для меня оказалась поездка в апреле 1951 г. в Петрозаводск. После того, как этот город стал столицей союзной Карело-Финской республики, в нём развернулось широкое строительство. Моя поездка была вызва-

¹ Игнатов Н. К. — ученик Эрисмана, профессор кафедры общей гигиены 1-го Московского медицинского института.

на просьбой карело-финского министерства здравоохранения к ГИДУВу о командировании гигиенистов и эпидемиологов для участия в республиканском съезде врачей по развёртыванию сети санитарно-эпидемических станций и по организации компетентного санитарного руководства планировкой и жилищно-коммунальным строительством. В ранние утренние часы, до начала заседаний, каждый день я часа три-четыре (с 6 до 10 часов) пешком обходил не только центральные, но и окраинные улицы. Прежде всего, обращала на себя внимание разбросанность нового строительства по обширной территории города. Оно велось не комплексно, не целыми жилмассивами и кварталами, а отдельными зданиями на разных улицах, не имеющих канализации, без предварительной инженерной подготовки и санитарной мелиорации территории.

Помимо участия во всех заседаниях съезда и в совещаниях с руководящими работниками республиканского Минздрава, в свободные часы я прочитал цикл лекций по коммунальной гигиене и общему благоустройству населённых мест. Благодаря моим утренним обходам города я имел возможность широко пользоваться конкретными местными примерами для освещения неправильных приёмов планировки и застройки, для показа вредных в санитарном отношении последствий нарушений в подготовке территории для последующего строительства. Особенно разительный пример пренебрежения к требованиям предварительной подготовки территории предстал передо мною при осмотре завода по массовому изготовлению разборных домов. Дорога к этому крупнейшему предприятию, въезд в него, заводской двор буквально утопали в грязи из-за того, что не были своевременно выполнены работы по водоотведению. Несколько жилых домов были собраны для временного размещения рабочих и служащих, и дома эти поставлены были на заболоченной территории. Все такие недочёты могли бы быть предупреждены деятельностью предупредительно-санитарного надзора при лучшей подготовке санитарных врачей. Значительная часть этих врачей состояла из молодёжи, преимущественно из женщин. Они проявляли большую активность и остро выступали, изобличая бюрократизм, неотзывчивость и самоуспокоенность работников республиканского Минздрава и самого министра.

Однако я должен был торопиться вернуться в Ленинград, чтобы успеть подготовиться к отъезду на сессию Академии медицинских наук, которая была назначена на 20–24 апреля в Сталинграде со специальной программой: «Вопросы медико-санитарного обслуживания великих строек коммунизма». В Сталинграде в это время велись не только исключительно крупные по размерам и размаху работы послевоенного восстановления самого города и его промышленных предприятий, но он в то же время был средоточием мощных организаций по строительству Волго-Донского канала и по развёртыванию сооружений Сталинградской ГЭС. Сессия и была назначена не в Москве, а в Сталинграде для того, чтобы в обсуждении докладов могли принять участие работники местных санитарных и противоэпидемических учреждений. Я решил ехать на сессию, надеясь воспользоваться случаем, и ознакомиться непосредственно с великими стройками и с работами по восстановлению Сталинграда.

Поезд пришёл в Сталинград рано утром. Я зашёл в справочное бюро узнать, где происходят заседания сессии АМН или где можно об этом узнать. Мне сказали, что на вокзале никаких сведений о сессии АМН нет, посоветовали пойти в город и там узнать в справочной службе или в гостинице. С чемоданом в руках я отправился в указанном направлении. Но ни в городском бюро для справок, ни на стройках о сессии АМН ничего не было известно. Тогда я прибег к испытанному моему старому приёму — я обратился к группе игравших на улице детей. У них завязалась дискуссия: одни советовали повернуть обратно, двое других предложили идти с ними и, обогнув несколько строек, подвели меня к какой-то вполне отстроенной и обитаемой гостинице. В вестибюле я увидел группы членов АМН и узнал от них, что заседания сессии начались накануне, в субботу, и продолжатся в понедельник, а воскресенье оставлено для осмотра строек. Одни поплывут на пароходе, другие поедут на автобусах, нужно спешно решить, к какой группе примкнуть. Но мне, прежде всего, нужно было где-то оставить чемодан и переодеться, так как, хотя был ещё апрель, в Сталинграде было невыносимо жарко. С этим вопросом удалось покончить быстро. Я получил место в одной из комнат отведённого для членов АМН общежития, на ходу выпил там же чашку кофе и, возвратясь в вестибюль, встретил там П. К. Агеева, который предложил мне не примыкать ни к одной из экскурсионных групп, а воспользоваться любезностью главного инженера гидростроительства и поехать с ним на его машине, чтобы в один день осмотреть и строительство Волго-Донского канала с посёлками для рабочих, вспомогательными арматурными и бетонными заводами, и строительство Волжского узла канала, а затем ознакомиться со строительством ГЭС и беголо осмотреть основные районы, предприятия, сооружения восстанавливаемого Сталинграда. Не колеблясь ни минуты, я с благодарностью принял представившуюся мне возможность — целый день, с 10 часов утра до 10 часов вечера, провести в осмотрах с наиболее сведущим руководителем.

Проезжая по Сталинграду, мы видели работы по очистке территории города от развалин домов и нагромождений обломков зданий, разрытых мостовых и совершенно разрушенных целых кварталов и улиц. Повсюду полным ходом шли работы по очистке территории от развалин и по подготовке котлованов для возводимых новых зданий. Об этом говорили десятки самосвалов, вереницы грузовиков, стрелы экскаваторов и подъемных кранов, но нигде не бросалось в глаза скопление землекопов и чернорабочих. Технику и машины обслуживали единичные рабочие. В центре города на уже освобождённых от развалин площадях и частях улиц было возведено в разных местах немало крупных 5–6-этажных зданий. В одном месте уже был разбит новый бульвар и городской сад, радовавший глаз молодой весёлой зеленью.

Мы выехали из города на широкую, уже законченную постройкой прямую асфальтобетонную дорогу и на протяжении более десятка километров ехали по голой песчаной степи, а затем так же долго ехали по Красноармейску, необъятному по протяжённости пригороду, застроенному одноэтажными хибарками. По существу, это соседний со Сталинградом степной город. В планировочном отношении он может трактоваться как отдельный город, поскольку пространственно оторван от Сталинграда.

В Красноармейске работали крупные подсобные предприятия строительства Волго-Донского канала: крупный завод по изготовлению металлических конструкций и арматуры и механизированные бетонные заводы. Свежеизготовленный на них бетон подавался по трубам на строительство Волжской лестницы шлюзов. Мы подробно осмотрели работы на первом шлюзе, где заполнялись бетоном уже готовые каркасы шлюзовых камер. Сооружения эти производили сильнейшее впечатление своими колоссальными размерами. Сразу было видно, что только благодаря далеко шагнувшей механизации работ стала осуществимой мечта о таких гигантских сооружениях, как Волго-Донской канал. Благодаря тому, что мы ехали с главным инженером строительства, нас пропускали через проволочные заграждения к местам работ и в посёлки, где размещались заключённые, работавшие на строительстве канала. Они составляли более четырёх пятых (80 %) всего состава рабочих. За проволочными заграждениями они ничем не отличались от остальных работающих, так же свободно передвигались и подчинялись общим распоряжкам строительства, только не могли выходить за пределы проволочного заграждения. Когда мы подъезжали к входу в ограждённое пространство, у нас всякий раз проверялись документы, то же происходило и при выходе из «зоны».

Вполне рациональным и целесообразным на строительстве канала было использование для размещения строителей домов и посёлков, которые предназначались для будущих служащих и рабочих, которым предстояло эксплуатировать шлюзы и обслуживать канал. Посёлки имели свой водопровод и канализацию и вообще были благоустроены. Отстроены были также здания для больнично-поликлинического обслуживания. В течение нескольких часов мы успели осмотреть работы на строительстве трёх шлюзов и нескольких посёлков и отдельных домов для рабочих. Затем мы проехали несколько десятков километров по новой асфальтобетонной дороге, сооружённой параллельно строившемуся каналу. На всём её протяжении работали грейдеры, бульдозеры и экскаваторы по подготовке трассы канала и созданию его русла.

В течение нескольких часов мы наблюдали за работой огромного шагающего экскаватора. Это по существу целое заводское автоматически передвигающееся и автоматизированное в управлении сооружение, обслуживаемое всего восемью или десятью лицами технического персонала, а своей работой этот экскаватор заменяет полторы тысячи рабочих. Его более чем 70-метровая стрела непрерывно подымала ковш с 14 т грунта и отводила его за сотню метров. Здесь, у экскаватора, мы встретились с прибывшей экскурсией членов АМН, выехавшей раньше нас на автобусах. Было здесь целое скопление и других экскурсий. Но ведь и, действительно, было что смотреть и чем восхищаться! Вновь и вновь хотелось, не отрывая глаз, наблюдать, как вгрызается в грунт спущенный с конца стрелы ковш величиной с вагонетку; как, захватив почти тысячу пудов грунта, вагонетка описывает в воздухе большую дугу, высыпает на гребне вала свой груз и вновь возвращается и вгрызается в землю в точности в том месте, где нужно. Мы побывали внутри шагающего экскаватора, наблюдали его автоматическое «шагание» и не поехали дальше по трассе будущего канала до

Цимлянского моря и каскада шлюзов на Дону, а вернулись обратно к Красноармейску, проехали через весь Сталинград, осмотрели восстановленный и уже работавший полным ходом завод «Баррикада». По пути мы останавливались лишь на минуту, чтобы отдать дань благоговейного почитания и преклонения перед памятниками сверхчеловеческого героизма, выносливости, стойкости, решимости и мужества тех, кто ценою жизни положил здесь предел продвижению гитлеровской чумы и обеспечил начало победоносному нашему наступлению на запад, вплоть до Берлина.

С радостью увидел я восстановленный тракторный завод. Жилищный район подле него выглядел уже вполне благоустроенным. По примыкающим к Волге луговым просторам мы проехали несколько километров и осмотрели с относительно высокого берега реки обширную правобережную территорию, отведённую для строительства Сталинградской гидроэлектростанции. С. Р. Медведев¹ показал на чертеже и в натуре предполагаемый план всего необъятно большого строительства, а также подсобные сооружения (бетонный завод и пр.), к созданию которых только ещё начали приступать. Ни тени сомнения или колебаний в том, что, невзирая на огромность и сложность сооружения, оно будет выполнено в срок, как и Волго-Донской канал, как и ещё более грандиозное строительство Куйбышевской гидроэлектростанции, — так же, как был восстановлен ДнепрогЭС, как был построен канал имени Москвы и осуществлено, даже ещё при недостаточной (в 1931–33 гг.) механизации работ, сооружение Балтийско-Беломорского канала. Это настроение строительного дерзания, подъём и воодушевление явственно сквозили у всех строителей, как и у руководящего инженера. Нельзя было не ощущать этого настроения, глядя на беспредельный простор Волги, которая здесь, в этом месте, будет перегорожена по воле и сознательному замыслу человека для использования всей энергии, всей мощи этой реки.

Был уже поздний вечер, когда мы проезжали по разрушенным и восстанавливаемым кварталам Сталинграда. На освобождённых от руин кварталах в разных местах светились входы в световые проёмы подвальных помещений, в которых пока ещё жили вернувшиеся в свой город сталинградцы.

На следующий день, с 6 часов утра до 9 часов, до начала утренних работ сессии я подробно осматривал идущие полным ходом работы по восстановлению города. Почти законченный вид имели Волжские набережные с главным и рядом других спусков к реке. Набережная построена в два яруса: нижние просторные набережные с асфальтированным замощением, с причалами для судов, пологими, ведущими к пристаням и речным вокзалам лестницами и подъездами отделялись зелёными полосами с посадками от главной набережной, протянувшейся на много километров по верхней речной террасе высоко над Волгой. На её возведение не пожалели средств и нужно сказать, что набережная эта производит очень сильное впечатление. Залитая солнцем волжская ширь простирается до самого горизонта. Одетая в твёрдый бетон и камень, с примыкающими к ней монументаль-

¹ Медведев С. Р. — в описываемое время главный инженер Сталинградгидростроя.

ными зданиями, среди которых выдаётся вполне восстановленное огромное здание городского театра с передней и боковыми террасами. По своим размерам и оборудованию эта новая Сталинградская набережная не имела в тот момент равных себе ни в каком другом городе. Чудесная Волжская набережная в Ярославле, Муравьёвка в Костроме, величаявая набережная в Горьком, Днепровская набережная в Киеве, как и набережные Рейна в Кёльне невольно всплывали в памяти, когда я гулял из конца в конец по просторной верхней набережной Сталинграда, но все они были небольшими по сравнению с этой новой набережной, протянувшейся на много километров.

Большие работы шли по устройству крупного приволжского парка, подходившего к новой набережной. С прогулки вдоль этой набережной я начинал и все последующие дни моего пребывания в Сталинграде. Детальное ознакомление с подлинно великими работами по восстановлению города оставило у меня впечатление, что основной идеей этих работ является достижение монументальности. Вопросы организации внутриквартального благоустройства, скорейшего создания наибольших удобств в жилых районах города, обеспечение всего населения всесторонне обслуженными жилищами, — все эти вопросы, к сожалению, не были в центре внимания, не выступали на первый план.

На Сталинградской сессии АМН было уделено много внимания вопросам организации медико-санитарного обслуживания великих новостроек и постановке научных санитарно-гигиенических и физиологических исследований на них. Некоторые физиологи выдвинули более широкий теоретический вопрос — об акклиматизации к условиям в южных районах СССР (доклады профессоров М. Б. Маршака¹ и В. Ф. Широкого²). В ходе обсуждения я посчитал необходимым выступить, чтобы оттенить, что на новостройках в южных районах для защиты от тяжёлых климатических воздействий следует использовать все научные и технические достижения для создания адекватной среды для человека (ограждения от солнечного облучения в жилищах и местах труда, устройство тентов, душа, перерывы в работе и пр.). Краткую запись моего выступления см. в офиц. издании «Труды сессии 1951 г.» (С. 150). Высказанные мною в выступлении взгляды поддержала заведующая кафедрой гигиены в Сталинградском мединституте — Е. М. Деларю³.

В Сталинграде я познакомился с замечательным энтузиастом борьбы с одряхлением и болезнями при старении — Василием Ивановичем Орловым, настойчивым проповедником специально разрабатываемой им системы укрепления здоровья и продления жизни. Он обратился в Президиум АМН во время сессии с просьбой ознакомиться и дать отзыв об эффективности

¹ Маршак Моисей Ефимович — профессор-физиолог, специалист по детскому туберкулёзу.

² Широкий Василий Фёдорович (1903–1983) — профессор, с 1944 — директор Сталинградского мединститута, зав. кафедрой нормальной физиологии.

³ Деларю Елена Михайловна — профессор, с 1941 по 1961 зав. кафедрой общей гигиены и экологии Сталинградского мединститута.

его системы. Президиум направил В. И. Орлова ко мне, а меня просил ознакомиться с запиской Василия Ивановича и дать отзыв о его системе¹.

С возвращением после сессии АМН из Сталинграда у меня связано неприятное воспоминание о курьёзном проявлении опеки надо мною со стороны заменявшего президента АМН Н. Н. Жукова-Вережникова². На обратный отъезд нужно было в Секретариате сессии заказать билет либо на поезд, либо на самолёт. Я собственноручно записался на приобретение билета на самолёт и рассчитывал улететь утром. К моему удивлению, мне был куплен билет на поезд, так как вице-президент АМН, просматривая лист записавшихся на самолёт, рассудил, что незачем подвергать риску сердце человека старше 80 лет, и распорядился вычеркнуть меня из числа желающих лететь. Сделано это было без всякого согласования со мною. Таков уровень культуры, осуществления забот о членах АМН! Железнодорожный билет был куплен без моего поручения, возражать было поздно.

В Москве на Рязанском (ныне Казанском) вокзале, при моём возвращении утром из Сталинграда меня встретил П. К. Агеев, прилетевший накануне на самолёте. Он обрадовал меня тем, что уже получил для меня билет до Ленинграда на ночной поезд. Таким образом, в моём распоряжении в Москве был целый день. Я решил посетить строительство нового университета на Ленинских горах. Высотное здание с колоссальным шпилем, разумеется, своими размерами и высотой производило сильное впечатление. К нему вели широкие асфальтобетонные магистральные дороги; примыкавшие к зданию площади были одеты в гранит, украшены многочисленными монументами, их обрамляли обширные аллеи и сады с фруктовыми деревьями. Я с горечью вспомнил, как год назад, я видел грузовые машины, подвозившие стройматериалы и оборудование, увязая в разбитой, не мощёной дороге. Тогда удивлялся, почему стройка не начинается со строительства тех дорог и подводящих путей, которые предусмотрены на плане. Теперь капитальные асфальтовые и каменные дороги производили импозантное впечатление своей шириной, своей мощной сетью. Замечательным достижением благоустройства всей территории нового университета на Ленинских горах были обширные сады, примыкавшие к гигантскому зданию. Но невольно думалось, насколько же дешевле, удобнее, красивее было бы, если бы все факультетские здания и все общежития были живописно расположены в этих обширных, занимающих сотни гектаров, садах, а не были бы взгромождены на двенадцатые, двадцатые этажи с бесконечно более дорогими устройствами для сообщения, для связи с окружающей природой. Однако все удобства, вся подлинная красота, вся необходимая разумная экономия государственных средств и на строительство, и на последующее обслуживание — всё это принесено в жертву одному детерминирующему желанию произвести ошеломляющее впечатление, ослепить величием самого здания.

¹ К сожалению, в рукописи воспоминаний отсутствуют несколько страниц, так что система Орлова останется для нас неизвестной.

² Жуков-Вережников Николай Николаевич (1908–1981) — микробиолог и иммунолог, академик АМН СССР, её вице-президент (1949–1953).

По возвращении в Ленинград в начале мая мне пришлось сделать подробные доклады о Сталинградской сессии АМН по медико-санитарному обслуживанию великих строек коммунизма: сначала на международной научной конференции в ГИДУВе, затем в общем собрании членов Ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества и для врачей санэпидстанции Дзержинского района. Всюду я пытался передать аудитории всю глубину и силу впечатления, которое создаётся при созерцании меняющих самый облик природы замечательных по замыслу и размаху строек.

С весны и лета 1951 г. я стал непосредственно участвовать в устройстве нового дома и придомового участка в Пушкине (на улице Жуковского, 12). В 1949 г. Екатерина Ильинична освободилась от заведования детским санаторием, который был ею создан и восстановлен после войны. Невозможность найти в Пушкине квартиру и желание создать условия для возвращения в этот город сына с семьёй, получившего назначение в Харьков, подвинуло меня решиться на индивидуальное строительство. Участок в 600 кв. метров был отведён Пушкинским райсоветом на месте сгоревших и разрушенных строений. Заготовка бутового камня и старого кирпича из фундаментов прежних домов была начата ещё осенью 1949 г. Очень трудно было получить разрешение на постройку дома в архитектурном управлении Ленинграда. Там требовали, чтобы дом был не менее 15 м по фасаду, двухэтажный, с всякими ненужными архитектурными добавками (колонны и пр.). В конце концов, план был утверждён после переделки его одним из архитекторов Управления архитектуры Ленсовета. Для того, чтобы выполнить требование размеров не менее 14 м, к 10-метровому дому была добавлена 5-метровая добавка оштукатуренного дощатого вестибюля. Требование двухэтажности выполнено было мезонином в две комнаты. За неимением кирпича главным стеновым материалом стали шлакобетонные блоки. Все заботы и всё руководство строительством выпало на долю Екатерины Ильиничны. В 1951 г. сооружение дома в основном было закончено, и в нём с осени уже жили в наспех отделанных помещениях Екатерина Ильинична и Илья с женой и ребёнком. Моё участие в строительстве ограничивалось советами и финансированием, по 2–3 тыс. руб. ежемесячно в течение всего строительства и сверх того — сумма авторского гонорара за книгу об удлинении жизни и активной старости (30–35 тыс. руб.). При постройке, по моему настоянию, в отступление от утверждённого плана были добавлены два балкона в торцовых концах здания и противопожарная винтовая лестница, обеспечивавшая второй (запасной) вход в мезонин. Я сам осуществил в натуре планировку придомового участка, к которому было прирезано ещё 600 кв. м на правах долгосрочной аренды у Пушкинского коммунального отдела.

В течение весны, лета и осени 1951 г. мало-помалу я всё чаще в часы отдыха думал о превращении всего придомового участка во фруктовый сад с цветниками и многолетними посадками. Создание нового благоустроенного сада на месте захламлённой свалки требовало больших усилий и напряжения. Всю непосредственную работу я делил с Ильёй, который копал, возил тачкой землю, сажал и пересаживал кусты и деревья.

По привычке я работал преимущественно ранним утром, пока все ещё спали, — с 5–6 часов. Меня увлекала возможность не только задумать, но и самому осуществить планировку дорожек, посадок, грядок. От увлечения физическим трудом наступало здоровое утомление. С приятным изумлением я убеждался, что могу ещё хорошо переносить большую нагрузку физическим трудом. А по мере укрепления этой внутренней связи с новым домом, начала слабеть и тускнеть закреплённая почти сорокалетней давностью привычка к работе на «Полоске».

Много радости доставил мне приезд ко мне моей сестры Евгении Григорьевны Левицкой с внучкой Люсей (Ольгой Игоревной, дочерью её сына Игоря), в то время 14-летней школьницей, хотевшей увидеть в Ленинграде и его окрестностях все достопримечательности, о которых она так много слышала и читала. Приезд сестры совпал с перерывом в моих лекционных занятиях, и я систематически, каждый день, предпринимал экскурсии то в Пушкине и Павловске, показывая гостям замечательные парковые красоты, то в Ленинграде, полном достопримечательностей, то в Петергофе с его фонтанами, то на Елагином острове. Показывая художественно-архитектурные памятники Ленинграда, я сам освежал в своей памяти впечатления от первого знакомства с ними в давно ушедший в прошлое период моей жизни.

В августе в течение нескольких дней по предложению архитектора Ю. Г. Круглякова я осматривал вместе с ним новое парковое строительство на Крестовском острове. Целый экскурсионный день употребили мы на то, чтобы пешком обойти все части нового Приморского парка Победы и подробно познакомиться с законченным строительством Кировского стадиона, — грандиозного по размерам и величественного по архитектурным замыслам нового сооружения сталинского периода (архитектор А. С. Никольский). Несомненно, это сооружение перейдёт в века, как памятник строительства, завершённого вслед за окончанием второй Отечественной войны. Грандиозность и величие — вот основные мотивы, наиболее ярко характеризующие и стадион, и сам парк Победы. И вновь, ни экономия средств и сил, как при самом строительстве, так и при последующем содержании, ни удобство для постоянного доступного пользования сооружённых объектов населением не были в числе руководящих идей и задач при их проектировании. Поистине: «Ты и убогая, ты и обильная, Ты и могучая, ты и бессильная, Матушка Русь...»

В послевоенные годы, так же, как и в первые два десятилетия советского периода, я организовывал и руководил экскурсиями инженерно-архитектурного персонала и санитарных врачей в бывшее Царское Село (Пушкин) для критического освоения ими опыта осуществления общего и специального санитарного благоустройства в небольшом городе. При этом немаловажную роль играло изучение особенностей устройства знаменитых Царскосельских парков. Существенной стороной в этих парках является широкое использование гидротехнических сооружений для создания замечательного сочетания художественного и санитарного эффекта кристально чистых вод прудов и каскадов с красотой и оздоравливающим действием удачных парковых планировок. Чистота прудов обуславливалась

питанием их ключевой водой, проведённой из Таицких родников и ключей. Построенный ещё в XVIII в. водовод на главном протяжении представлял собой открытый канал, проходивший по парковым пространствам, но в наиболее ответственной части, где водовод пересекал высокую гряду, он на протяжении более четырёх километров шёл в тоннельном сооружении («минной галерее»). Ещё до немецкой оккупации в этой части водовода произошли значительные повреждения, но всё же через тоннель поступало достаточно ключевой воды для поддержания в прудах проточности, перепадов и каскадов. Немцы использовали некоторые из сооружений «минной галереи» для создания огневых точек, из-за чего пропуск ключевой воды через тоннель был совершенно нарушен. Пруды царскосельских парков обмелели, стали зарастать и утрачивать свою художественную прелесть и санитарные достоинства. На восстановление Таицкого водовода требовались значительные средства, которыми дворцово-парковое управление не располагало.

Ещё в июле с циклом санитарных врачей по водоснабжению и охране водоёмов, на автобусе ГИДУВа, я руководил экскурсией для осмотра Таицких ключей. Для решения вопроса о возможности восстановления Таицкого водовода необходимо было выяснить причины прекращения прохода воды через минную галерею. Я с большим интересом принял участие в обследовании и в обсуждении вопроса об организации восстановительных работ, в результате которых начало бы поступать достаточное количество ключевой воды для питания прудов. К сожалению, пока безрезультатно.

Летом 1951 г. я несколько раз показывал моим слушателям запущенный и захламлённый берег Невы в лучшей части её течения в Ленинграде, в районе Смольного, — участок левого берега от Охтинского моста, мимо Смольного и крупнейшего в Союзе учреждения для инвалидов-хроников (на 3,5 тыс. мест) до выхода к Неве проспекта и бульвара имени Чернышевского. Особенно замечателен участок неевского берега там, где к Неве примыкают задворки Смольного. Здесь с высокого берега открывается чудесный вид на широкий водный простор Невы в том месте, где впадает в неё с противоположной стороны река Охта. Высота берега позволила бы создать здесь набережные в два яруса: нижний — со спусками к лодочным и пароходным пристаням, с площадками, пешеходными полосами и прогулочными аллеями у береговых ограждений, и верхние набережные с широкими проездами и насаждениями, примыкающими непосредственно к остаткам старых парков, окружающих Смольный собор, один из крупнейших архитектурных памятников Растрелли, и с парками, окружающими Дом инвалидов. Разумеется, Дом инвалидов и больница для хроников, занимающие несколько кварталов этой прибрежной части центрального района Ленинграда, не должны оставаться здесь. Для правильной организации трудовой терапии и здоровой жизни хроников современные крупные учреждения для них должны быть вынесены за пределы города. Они должны устраиваться в хорошо оборудованных загородных имениях с многоотраслевым садово-огородным сельским хозяйством. Совершенно непостижимо, каким образом в этой лучшей части береговой линии Невы, в центре города, оставались эстакады для стоянки шаланд, наполняемых фекалиями,

с постоянным движением к ним ассенизационных цистерн, бочек асобо-за. В течение многих лет я обращал внимание на огромные планировочные возможности создания набережных и парковых устройств в этой части города — с включением в них всей системы зданий и садов прежнего Смольного монастыря, которые являются очень показательным и поучительным прототипом целой секции кварталов с застройкой только по краю квартала («рантовая» застройка украинских градостроителей). В 1951 г. я составил и направил в Ленсовет специальную записку с обоснованием необходимости устройства общедоступных набережных и парковых насаждений на протяжении от Охтинского моста до проспекта Чернышевского. Предложение это обсуждалось с моим участием в Мариинском дворце в конце лета 1951 г., причём решено было поручить архитектурному отделу разработать этот вопрос. К сожалению, я не знаю дальнейшей судьбы этого документа.

Как сложен и длинен путь от формулирования и обоснования, казалось бы, совершенно неотложных и необходимых мероприятий по благоустройству города до их практического осуществления! Я имел случай в этом убедиться во время экскурсии в начале зимы 1951 г. с циклом санитарных врачей по охране атмосферного воздуха от выбросов, создаваемых крупнейшей электростанцией Ленинграда, расположенной в густо застроенном и заселённом Смольнинском районе. Станция работала на низких сортах угля, с зольностью до 20 %. Ежедневно она сжигала более 1 000 т топлива и выбрасывала через свои дымогарные трубы более 100–150 т мельчайшей золы вместе с дымом. Этим дымом загрязнялся воздух в целом районе города. Изо дня в день в поликлиники обращались десятки людей с повреждением соединительных оболочек глаз попадающими в них частицами золы, выносимой из труб станции. Ещё в 1931 г., будучи заведующим сектором гигиены ВИЭМ, я составил подробную записку о том, что в связи с отказом вынести станцию, в соответствии с требованиями санитарного законодательства, на расстояние не менее 2-х км от жилых районов города, — на ней необходимо установить дымоочистители (электрофильтры Котреля). Записка эта была передана в Ленгорисполком. По решению Горисполкома была назначена комиссия. Несколько раз я был на 2-й ГЭС в заседании комиссии. Инженеры электростанции решительно отвергали возможность устройства электрофильтров. Местные условия не позволяли разместить бункеры для улавливаемой золы. В результате 2-я ГЭС осталась без дымоочистителей. Спустя несколько лет вновь было проведено тщательное обследование очистных устройств, и вновь — никаких практических результатов. Так дело тянулось до издания распоряжения Совета Министров об обязательности устройства дымоочистки на крупных электростанциях. Тогда в 1950 г. на 2-й ГЭС построили трубопровод через Неву, чтобы по нему под напором сильной струёй воды передавать улавливаемую из дыма золу вместе с размельчёнными котельными шлаками на свалку в заболоченной местности. На 2-й ГЭС приступили к устройству мультициклонов и электрофильтров. Во время экскурсии в ноябре 1951 г. мы осматривали уже действующие установки-мультициклоны и Котрели — на нескольких печках. На остальных велось спешно сооружение пластинчатых электрофильтров. Из труб выходили уже не тёмно-серые тучи пыли, а почти прозрачные струи дыма.

Таким образом, понадобилось 20 лет настойчивых действий со стороны санитарных организаций, чтобы добиться перехода к практическому осуществлению необходимых мероприятий вместо разговоров и оттяжек. Но наряду с чувством удовлетворения от того, что хотя бы и через 20 лет, но всё же, в конце концов, началось выполнение санитарных требований охраны здоровья населения, тяжело было видеть беспорядочное загромождение огромной территории электростанции складами топлива, старым хламом, железнодорожными вагонами, ожидавшими разгрузки и т. д. А на наши вопросы, зачем прибегли к дорогостоящей прокладке трубопроводов по дну Невы и удалению гидравлическим путём золы и шлаков на свалку в болото, когда эти материалы могли на месте служить ценным сырьём для получения крайне дефицитных строительных шлаков и заменяющих цемент вяжущих материалов, как это доказано исследовательскими работами Института коммунального хозяйства, мы получили чисто бюрократический ответ руководящих инженеров: «Наше дело давать электроэнергию и для нас зола и шлаки — это только отбросы, а не сырьё. Мы и удаляем эти отбросы наиболее простым для нас способом гидрозолоудаления. Да к тому же и для переработки золы и шлака в стройматериалы наша электростанция не имеет необходимой территории». Я напомнил, что для электрофильтров 20 лет руководители 2-й ГЭС не находили места, а когда оказалось неизбежным — место нашлось. Что же касается изготовления из золы и шлаков стройматериалов на самой ГЭС, то на это следовало бы смотреть всего лишь как на абсолютно оправданное устройство дополнительного производственного цеха. Советские инженеры и производственники должны быть не чиновниками, а расчётливыми хозяевами и не устраниваться от комплексного подхода к производственным задачам.

Мои спутники, молодые санитарные врачи, с увлечением слушали горячий спор мой с инженерами, к которым, как к специалистам, я относился с уважением. Симпатии санитарных врачей были не на стороне бюрократического узкого подхода к своим профессиональным задачам. Но все мы испытывали большое удовлетворение, что в интересах благоустройства города, охраны его атмосферы от загрязнения, для оздоровления населения осуществлено сложное, дорогостоящее санитарно-техническое сооружение.

Невзирая на мой уже более чем 80-летний возраст, я не показывал признаков утомления и не обращал внимания на сильные токи то горячего, то сырого и холодного воздуха в подвальных помещениях, то пронзительного холодного зимнего ветра, когда, выйдя из здания, мы довольно долго ходили по огромному захламлённому двору 2-й ГЭС. К моей беде, эта захватывающе интересная, сильно затянувшаяся зимняя экскурсия не прошла, как бывало всегда в прежние годы, безнаказанно для моего здоровья. В ближайшие дни меня мучили ревматические боли в пояснице и тазобедренных суставах, а затем начался упорный кашель. Меня навестил всегда отзывчивый и внимательный профессор Владимир Андреевич Свешников, сам ещё не совсем оправившийся от недавно перед тем перенесённой пневмонии. После тщательного выслушивания он нашёл рассеянные воспалительные очаги в обоих легких. Я проболел почти весь декабрь и на себе испытал как не годы сами по себе, а в связи с болезнями, от которых в эти годы нужно

благоразумно оберегаться, ускоряют старение и вызывают чувство старости. В моём сознании, как отметил я в дневнике, «оформилось, в связи с этой болезнью в декабре 1951 г., состояние наступающей старости».

В начавшемся новом 1952 г. я, как всегда, был поглощён составлением годового отчёта за истекший год по кафедре коммунальной гигиены ГИДУВ, годового отчёта о других работах и плана научных работ в начавшемся году для Академии медицинских наук, а также завершением моих отзывов, как официального оппонента, на диссертацию Гайсиной по истории попечения о душевных больных в России XVIII и начала XIX века и на диссертацию Хомутовой. Докторская диссертация последней об экспериментальной проверке санитарно-гигиенического состояния воздуха в больничных палатах и жилищах была интересна мне ввиду её практического значения, и я тщательно проверял все расчёты автора. В общем итоге, я дал положительный отзыв. Ниже я расскажу о совершенно неожиданном провале этой весьма основательной диссертации во время защиты её в Учёном совете из-за случайных, приводящих обстоятельств. В январе я заканчивал только первоначальный мой отзыв о ней.

Очень тщательно готовился я к проведению предстоящего специального цикла для санитарных врачей по охране водоёмов и по водоснабжению. Как всегда в начале года, я разрабатывал план докладов на заседаниях ЛОГО. Среди этих работ я не чувствовал привычного подъёма и прилива энергии. Временами мне приходилось преодолевать нараставшее чувство недомогания и хворости. 7 января я записал в дневнике: «Чувствую себя больным. Боюсь, что это болезнь с неизбежным летальным исходом, название её — старость. В первый раз это доходит до моего сознания с такой отчётливостью». Но... уже 23 января я прочитал в ЛОГО свой доклад о задачах и перспективах работы Общества в 1952 г., продолжавшийся более часа. Говорил я с подъёмом и без всякого утомления.

В конце января, возвращаясь из кино через пустыри и кварталы с развалинами домов по скользкой дороге, Екатерина Ильинична упала и сломала ногу в области лодыжки. На финских санках Илик довёз пострадавшую домой. Немало труда стоило вызвать скорую помощь. Прибыл врач, страдающий запоем, в нетрезвом виде. Крайне неумело положил ногу в лубки. Только утром удалось наложить гипсовую повязку. Вообще это было очень тяжёлое время, пока перелом стал подживать настолько, чтобы, опираясь на костыль, Екатерина Ильинична смогла передвигаться в гипсовой повязке.

Не могу не вспомнить и крайне тяжёлых неприятностей, которые я испытал около того же времени в связи с моим положением председателя Ленинградского отделения Всесоюзного общества гигиенистов. Старейшему по годам члену этого Отделения А. П. Омельченко исполнилось в январе 80 лет жизни и 50 лет общественной работы в Ленинграде в качестве санитарного врача. Незадолго перед этим директор НИИ гигиены М. Я. Никитин «сократил» должность научного сотрудника, которую занимал А. П. Омельченко. Нуждавшийся А. П. Омельченко занял место санитарного врача в районной санэпидстанции с окладом не 2 100 руб., как в Институте, а всего 900 руб. и теперь, оставляя работу в силу нездоровья, он получил пенсию не 1 000 руб., а только 400 руб. в месяц. На эту неболь-

шую пенсию прожить было очень трудно, поэтому в связи с его 80-летием я просил, чтобы Правление ЛОГО возбудило ходатайство о начислении пенсии А. П. не из оклада санитарного врача, а из оклада старшего научного сотрудника НИТИ. Но против этого был М. Я. Никитин. У него сквозила личная неприязнь к А. П. Омельченко, и против этого ничего нельзя было поделать. Составленное мною приветствие А. П. от Правления прошло без возражений, но я был очень огорчён несправедливым и необъективным отношением к вопросу об улучшении материального положения юбиляра.

В 1952 г. начало всё более отчётливо выявляться какое-то общее течение устранять и удалять с более видных должностей даже очень заслуженных работников, если они считались евреями или носили напоминавшие о еврейском происхождении имена и фамилии. Особенно эта тенденция проявилась после назначения на должность заведующего Горздравом присланного из Москвы Похвалина, который одного за другим снял с должностей главных врачей больниц, а также уволил даже таких ценных работников, как заместитель заведующего здравотделом Ю. А. Левин и зав. отделом эпидемиологии Горздрави И. М. Аншелес. Никаких ходатайств и представлений о приостановке этих вредных для дела здравоохранения действий, никаких возражений и разъяснений о несовместимости их со статьёй 123 Конституции ни от кого не последовало. Слишком прочно были усвоены уроки опыта всяких, даже самых лояльных проявлений критики появившихся новых тенденций, чтобы могла даже возникнуть самая мимолётная мысль сделать местом для такой критики собрания медицинских обществ.

Продолжая свою деятельность по снятию с ответственных постов в Горздраве советских людей с еврейскими или «подозрительными» фамилиями, Похвалин уволил двух руководящих работников из отдела скорой и неотложной помощи (доктора Муница и М. А. Месселя). Ещё задолго до увольнения последнего в секции статистики и здравоохранения был назначен его доклад — «Материалы о развитии деятельности Скорой помощи в Ленинграде». Совсем неожиданно в день заседания секции я получил вызов явиться в Горком партии к заведующей вопросами деятельности научных обществ. Я чувствовал себя не совсем здоровым и очень усталым после лекции. Казалось, если тому или иному работнику в Смольном нужно было говорить со мною, человеком 83-летнего возраста, как с председателем Общества, то он мог бы либо поговорить со мной по телефону, либо заехать в Институт или зайти на кафедру. Но у работников Горкома укоренились дурные нравы прежнего охранного отделения и начальственного чванства. Не желая, однако, навлекать какие-либо неприятности на Общество, я в назначенное время прибыл в Смольный. Проделав всю процедуру для получения пропуска, я был принят в рабочем кабинете заведующей отделом науки. Мне были заданы сначала вопросы о том, чем занимается Общество, какие доклады предстоят на его ближайших заседаниях. Я рассказал об организации Общества, указал, что постоянное согласование всей работы с партийным руководством осуществляется заместителем заведующего Здравоотделом М. Я. Никитиным; рассказал, что сам я, как председатель Правления, руковожу работой Правления и общими собраниями, что работа Общества идёт также в секциях, которыми руководят бюро секций

и члены Правления. От меня потребовали, чтобы назначенные на вечер этого дня доклады о развитии деятельности Скорой помощи в Ленинграде были сняты. Я пытался возразить, как трудно сделать это ввиду того, что заседание секции начнётся скоро, отменить его невозможно. Но требование об отмене заседания секции было повторено в категорической форме, с указанием, что иначе дело в отношении Общества будет передано для ведения в ином порядке.

Я поспешил на ул. Мира, где должна была заседать секция. Вместе с секретарём Правления С. А. Кечек я просил бюро секции отменить заседание, на которое уже начали собираться участники, а докладчика убедил снять свой доклад.

На последовавшем затем заседании Правления я заявил, что ввиду проявленного ко мне недоверия мне трудно выполнять обязанности председателя, и просил освободить меня от руководства Обществом. Ни одного голоса в поддержку и защиту достоинства Общества и его председателя в Правлении не поднялось. Впервые я ясно почувствовал желание не нести больше ответственности за развитие деятельности ЛОГО. При таком отношении Правления, в такой атмосфере бюрократической запуганности и угодливости всякая научная инициатива, всякая работа по подъёму научной общественной жизни останется безуспешной.

Одного мне было жаль, что за все 27 лет работы Общества ни разу не удалось осуществить издание Сборника трудов его членов или хотя бы отчёта или обзора деятельности Общества. Сколько раз поднимал я вопрос об издании трудов Общества! Много труда и времени тратил на редактирование стенограмм наиболее интересных заседаний Общества в годы наибольшего подъёма его деятельности, на составление сжатого изложения важнейших докладов, на обработку годовых отчетов и иллюстрирование их схемами и графиками. Были подготовлены издания к десятилетнему (в 1936 г.) и к 20-летнему юбилею (в 1946 г.) Общества, но мы не сумели преодолеть всех трудностей и преград, стоявших на пути к получению разрешения и фактической возможности издания. Бесплодным остался опыт организации и разностороннее содержание научной санитарно-гигиенической деятельности и жизни наиболее крупного и наиболее разносторонне и интенсивно жившего Отделения Всесоюзного общества за весь период 1924–1952 гг. Только в 1950 г. в статье в журнале «Гигиена и санитария» мне удалось отметить основные результаты деятельности ЛОГО за четверть века.

Как ни казалось мне неправдоподобным и невероятным мнение некоторых уважаемых мною профессоров (профессор И. Н. Шапиро и др.), что не только Знаменский, но и целая группа профессоров, членов Учёного совета, руководствуются в своих голосованиях не научными соображениями, а грубыми, тёмными расовыми предрассудками, недостойными культурного и просто порядочного человека, но мне пришлось убедиться в правильности этого мнения, когда я стал внимательно относиться к результатам тайного голосования при присуждении учёных степеней. Бывали случаи, когда диссертация со значительным числом отмеченных недочётов при голосовании получала только положительные записки, и в том же за-

седании, как это было, например, 22 апреля, диссертация, о которой оба официальных оппонента и целый ряд неофициальных рецензентов отзывались с исключительной похвалой (диссертация Черниловской) получила 5 отрицательных записок, как и в других случаях, когда автора исследования можно было заподозрить в еврейском происхождении. Хотя голосование было тайное, оно явно и непрерываемо свидетельствовало о тёмном, недостойном антисемитизме значительной группы голосовавших.

Очень много времени брала у меня работа в качестве официального оппонента над рецензированием диссертаций. Ещё в 1951 г. я получил приглашение дать рецензию на докторскую диссертацию Ю. А. Левина. Темой его работы был вопрос о построении классификации и номенклатуры болезней на основании опыта разработки больших материалов регистрации заболеваемости детских групп населения в Ленинграде. На изучение этого вопроса автор потратил много лет. Он полностью учёл глубокое изменение взглядов на этиологию заболеваний разных органов с точки зрения учения И. П. Павлова, проявил смелое новаторство в трактовке вопроса о построении номенклатуры (т. е. общего списка) болезней в соответствии с фактическими основными медицинскими специальностями. Из его большой двухтомной работы можно было убедиться, что он является глубоким знатоком проблемы и делает вполне обоснованные выводы. При защите диссертации 30 апреля 1952 г. все три официальных оппонента на основании всестороннего разбора работы давали вполне благоприятный отзыв о ней. Членами Учёного совета соискателю был задан длинный ряд вопросов об отнесении некоторых специальных и редких заболеваний к тому или другому разряду номенклатуры. С большой осведомлённостью диссертант давал подробные разъяснения на все вопросы. С такой же обстоятельностью Левин отвечал на все замечания неофициальных оппонентов. После многочасового заключительного ответа диссертанта, непосредственно перед голосованием, председатель (Д. Л. Жданов) обратился к членам Учёного совета с настойчивым призывом при голосовании не поддаваться красноречивым доводам официальных оппонентов, а поддержать его личное отрицательное отношение к диссертации. Это было совершенно необычное давление на Учёный совет. И казалось, что оно решит дело не в пользу диссертанта. Однако я с изумлением и уважением к Совету услышал сообщение счётной комиссии, что большинство голосов были утвердительными. Но это было только началом длительной борьбы Левина за положительное решение вопроса, борьбы, которая продолжалась до самой его смерти в 1962 г. ВАК отменил постановление Учёного совета Института, Левин обжаловал это решение ВАКа, доказав его неправильность. Ещё и ещё рассматривалось дело в разных инстанциях. В открытом бою побеждал учёный специалист, его доводы, но затем, при оформлении в недрах ВАК, брала верх антисемитская подлая предвзятость.

В течение всего 1952 г. я не чувствовал себя ещё совсем оторвавшимся от «Полоски». Я жил в привычной для меня комнате. На полках лежали материалы, над которыми я работал, и все мои начатые и ненапечатанные работы, в которые я вносил дополнения и поправки, часто просыпаясь ночью. В десятках папок лежали письма за многие годы. Справочники, книги,

сборники — с прокладками, моими отметками и записями — всё это было под рукою, на хорошо известном мне месте, было автоматически мне доступно, когда я обдумывал предстоящую лекцию или готовился что-либо писать. Но не только эта привычная для меня комната, в которой я привык жить, думать и читать, писать и готовиться к докладам, лекциям и конференциям, в которой я спал и просыпался с новыми мыслями утром, но также и сама «Полоска» — вся её территория — была местом постоянного приложения моего труда. Тут всё было обильно полито моим потом, когда я корчевал пни и сажал кусты и деревья; когда в тиши белых ночей, пока все спали, возил балласт и землю для подсыпки дорожек и поднятия заниженных мест; когда разделявал и вскапывал грядки, прокладывая борозды и дренажные канавки на поле орошения. Но всё более до сознания доходило, что всего, что я делал раньше, я уже делать не в силах. На всё и теперь передаю я средства, но распоряжаюсь средствами не я; от всего я исподволь всё более оттесняюсь. Одним словом, на «Полоске» для меня всё идёт как в тургеневском «Короле Лире». Всё глубже я понимаю и не могу подавить в себе переживаний тургеневского «Вшеда». Нарастание психологической надстройки «на бытовом базисе» схвачено Тургеневым с шекспировской естественно-исторической обнажённостью. В летних моих записях не раз встречаются такие, как, например, запись 13 августа: «Возвращаясь на “Полоску”, я впадаю в такое состояние, точно очнулся в давно отошедшей в прошлое окаменевшей обстановке, и кажется — всё это было когда-то, только не знаю, когда».

Осенний семестр был особенно загружен занятиями с двумя циклами санитарно-коммунальных врачей, руководителей санитарно-эпидемиологических станций. И на лекциях, и в постоянных беседах по поводу лекций, и на экскурсиях, и на производственных совещаниях, как всегда, я более или менее близко знакомился с каждым участником цикла, подробно обсуждал с каждым практические задачи и нужды санитарного благоустройства, которые вытекали из местных условий. К концу семестра каждый участник цикла представлял работу с подробным изложением санитарных условий города или района и с систематическим планом и очерёдность мероприятий по оздоровлению территории. В процессе выполнения этого плана неизбежно у каждого пробуждался интерес к своему району и к возможному проявлению своего авторского почина и творчества в поднятии уровня здоровья населения и созданию здоровой, удобной, хорошо налаженной жизни. Каждую работу я внимательно прочитывал и подробно обсуждал с автором, какие меры и в какой последовательности могли бы и должны были бы найти практическое осуществление в условиях данного города или района. Как всегда, на заключительном производственном совещании участников цикла с представителями всех кафедр, проводивших занятия на цикле, очень много говорилось со стороны курсантов о полученных ими знаниях и о расширении у них санитарного кругозора. Были искренние выражения товарищеской признательности работникам кафедры. Один из пожилых участников последнего цикла — санитарный врач города Майкопа — очень убедительно показал пользу и правильность постановки дела на цикле на своём личном примере. После более чем 15-летней санитарной

работы, сказал он, он впервые возвращается к месту своей службы с ясным планом и твёрдым сознанием значения санитарно-гигиенических оздоровительных мероприятий. На заключительных совещаниях с врачами-курсантами всегда присутствовал декан санитарного факультета Ф. Ф. Лебедев. И в этот раз от лица дирекции он поздравил курсантов с успешным окончанием цикла и пожелал им настойчивости в проведении в жизнь всех усвоенных на курсах знаний. При этом особенно восхвалялся я, как руководитель цикла и как неутомимый санитарный деятель, ничуть не ослабляющий темпов и объёма работы, невзирая на возраст.

В бодром, даже несколько повышенном настроении я вместе со всеми сотрудниками вечером на следующий день принимал участие в заседании районного санитарно-эпидемического совета в Пушкине. А возвращаясь после заседания, я был ошеломлён переданным мне сообщением, что из Москвы получено дирекцией распоряжение — устранить из состава профессуры ГИДУВа всех учёных еврейского происхождения, в том числе и таких наиболее авторитетных и пользующихся широкой известностью учёных, как профессор онкологии С. А. Холдин, профессор нейрохирург И. С. Бабчин, уролог И. Н. Шапиро, профессор акушерства и гинекологии А. Э. Мендельштам и другие. В списке удаляемых из института была и моя фамилия, и Полякова — второго профессора возглавляемой мною кафедры коммунальной гигиены. Известие это передавалось непосредственно со слов самого директора института проф. Н. Н. Мищука. Каким бы диким и нелепым оно ни казалось, в его достоверности сомневаться было нельзя. Меня охватило чувство презрения и отвращения к тем, от кого исходило это откровенно погромное распоряжение, и в то же время я испытывал непреодолимое чувство обиды и невыносимого, совершенно незаслуженного оскорбления.

Несколько большее место во всём содержании моей жизни после войны занимала работа с санитарно-гигиеническими циклами врачей, приезжающих в ГИДУВ из всех концов нашего Союза. Я попытался подсчитать по записям в моих дневниках число прочитанных мною лекций за последний — 1952 — год моей работы в ГИДУВе и число часов, затраченных мною на руководство экскурсиями с участниками циклов. Оказалось, что в 1952 г. мною было прочитано 370 лекций, прочитано и обсуждено с авторами 67 тетрадей работ, написано 5 рецензий на кандидатские и докторские диссертации; на защите этих диссертаций я выступал в качестве официального оппонента.

Естественно, что известие об отстранении меня от этой работы, находившей постоянную признательность и самый искренний отклик у слушателей и товарищей по кафедре, вызвало у меня чувство раскрывающейся передо мной пустоты, подействовало на меня парализующе. В самом начале января 1953 г. я был вызван к директору. Вместе с оказавшимся у него в кабинете деканом санитарного факультета Ф. Ф. Лебедевым директор Мищук стал говорить мне о глубоком уважении ко мне, о признании дирекцией моих заслуг в безукоризненной постановке дел на кафедре и о большом огорчении дирекции и деканата ввиду полученного из Москвы распоряжения о прекращении моей работы в институте. В самой категорической

форме я заявил, что заявление об уходе я сам не подам, так как рассматриваю устранение меня от работы как явное вредительство делу повышения квалификации санитарных врачей. У меня не вызвало никакого сомнения, что если директор Мищук и декан Лебедев так настойчиво говорят мне, что они признают пользу моей работы и её безупречность, то они должны, прежде всего, об этом говорить не мне, а написать о вреде распоряжения о моём отстранении тем, от кого это распоряжение исходит. Лебедев высказал предположение, что, воспользовавшись случаем, свои счёты со мной сводит зав. кадрами Минздрава Гукосян, которому я возражал, когда он хотел сократить должность специалиста — инженера по санитарной технике из состава сотрудников кафедры коммунальной гигиены. Гукосян, как чиновник НКЗ, проявил черты мелкого провинциального сатрапа. Спустя две недели ко мне на кафедру пришла, по поручению дирекции, одна из служащих и вручила мне мою трудовую книжку, в которой было записано, что я освобождён от должности профессора в Институте с предупреждением за 2 недели (вследствие сокращения штатов).

Проходили недели, но я не мог подавить в себе чувства незаслуженной обиды и унижения. Мне казалось, что это чувство должны были понимать и разделять вместе со мною и все члены правления Гигиенического общества, которые так единодушно в течение более чем 25 лет выбирали меня своим председателем. Не видя у правления Общества никаких проявлений обиды за меня, я сообщил, что в создавшихся условиях прошу меня освободить от председательства.

К 1953 г. относится первое моё знакомство с Борисом Георгиевичем Ходасевичем, частые встречи с которым в последующие годы вызвали у меня значительный интерес и внимание. Б. Г. Ходасевич, агроном по образованию, ещё до Отечественной войны работал директором одного из крупных совхозов и после пятнадцатилетней этой своей работы решил перейти к преподавательской деятельности по подготовке агрономических кадров и, в частности, по надлежащей организации преподавания сельскохозяйственной экономики. Для этого ему пришлось позаботиться о получении учёной степени кандидата сельскохозяйственных наук. Темой для работы он избрал вопрос об использовании всех отбросов, отходов и сточных вод крупных городов для извлечения из них необходимых удобрений для обеспечения широкого снабжения городов громоздкими продуктами сельского хозяйства, такими как овощи, картофель, молоко.

С точки зрения экономики сельского хозяйства совершенно неприемлемыми являются огромные транспортные расходы на доставку картофеля в Ленинград, например, из Воронежской области, которые подчас намного превышают всю сумму расходов на само производство картофеля. Ещё более наглядна неприемлемость такого положения при доставке из отдалённых областей в крупные центры капусты, моркови, свёклы и др. овощей. Устройство крупных животноводческих ферм вблизи крупных центров для снабжения их молочными продуктами делает необходимым выращивание огромного количества фуражных и силосных культур, чтобы избежать транспортных расходов на доставку их из отдалённых районов. Возделывание же фуражных и силосных культур, равно как и овощей, в относительно

близких к центрам потребления районах требует подвоза большого количества минеральных удобрений, что, в свою очередь, ещё более увеличивает транспортные расходы. Исходя из этих соображений, Ходасевич подошёл к необходимости определить, какое же количество удобрительных веществ можно получить без расходов на транспорт путём рационального использования выбрасываемых в реки сточных канализационных вод в больших городах.

Точные расчёты, произведённые им на примере Ленинграда привели его к выводу, что со сточными водами в городе выбрасываются такие главные удобрительные вещества, как нитраты, фосфаты, калий, кальций и пр. — в несколько раз большем количестве, чем подвозится по железным дорогам минеральных удобрений для всей Ленинградской области. Этот вывод настолько заинтересовал Бориса Георгиевича, что он потратил немало времени на поездку в Московскую область для ознакомления с опытом нескольких совхозов и колхозов, использующих сточные воды столичной канализации для удобрительно-поливных целей. В результате Ходасевич в ходе своего кандидатского исследования пришёл к выводу о необходимости шире осветить весь вопрос очистки городских сточных вод на полях орошения. Он обратился ко мне с просьбой ознакомиться с выполненными им уже частями его кандидатской работы и дать заключение, в особенности в той части, в какой дело соприкасается с санитарно-гигиеническими требованиями обезвреживания городских отходов и сточных вод.

Я с большим интересом ознакомился с очень большим материалом, собранным и отчасти уже обработанным Ходасевичем. Мне импонировала добросовестность автора в поисках путей использования огромной ценности удобрений, выбрасываемых с большим вредом для санитарного состояния водоемов. У автора везде сквозило едва сдерживаемое негодование к той лёгкости, с которой специалисты-канализаторы относятся к ненужному расходованию десятков и сотен миллионов рублей на устройство тоннелей вдоль Фонтанки и других рек для самотёчной передачи сточных вод к устью рек и к последующей напорной перекачке этих вод в Финский залив.

После целого ряда бесед со мною Ходасевич дополнил свои материалы рядом ссылок на развитие полей орошения для использования сточных вод Берлинской канализации, а также материалами о соответственном использовании сточных вод Парижа, Одессы и других городов. Я охотно согласился быть официальным оппонентом при защите его кандидатской диссертации, когда совет Сельскохозяйственной академии в Пушкине встал перед трудностью найти специалиста по санитарно-гигиенической стороне использования сточных вод для удобрительных целей. Со своей стороны я настоятельно советовал Ходасевичу включить в свою работу в качестве показательного примера возможность устройства земледельческих полей орошения на землях крупного Детскосельского совхоза с использованием для этого сточных вод канализации г. Пушкина.

Мой совет был принят автором, и разработка этого примера вошла в качестве особого раздела в его диссертацию.

На почве общего интереса к делу развивалось и расширялось моё общение с Ходасевичем. К сожалению, моя болезнь в 1954 г. помешала мне

выступить официальным оппонентом на защите Бориса Георгиевича. Дело ограничилось прочтением моего отзыва о его работе. Впоследствии знакомство с Ходасевичем стало ещё более тесным, он стал постоянным участником моих совещаний и бесед с А. Г. Подвысоцким. По нашему предложению он выступил летом 1954 г. с докладом в санэпидсовете Пушкинской СЭС о наилучшем разрешении вопроса об очистке сточных вод в Пушкине путём их отведения на сельскохозяйственные поля орошения Детско-сельского совхоза. На этом заседании я подробно обосновал санитарно-гигиеническую сторону дела.

В то лето в Ленинград приезжали агроном К. Е. Еремеев и А. И. Львович, стоявшие во главе той организации в Москве, которая отстаивала необходимость более широкого распространения сельскохозяйственных полей орошения в Московской области. Участником нескольких совещаний по этому вопросу, проходивших у меня в Пушкине, был и Ходасевич. В дальнейшем практически сложилась рабочая группа с участием Ходасевича, Подвысоцкого и моим, сосредоточившая постоянное внимание на продвижении в практику сельскохозяйственных полей орошения в Ленинграде.

Для полноты отражения моей жизни и деятельности после прекращения профессорской работы в ГИДУВе следует упомянуть о деятельности моей в 1953 г. в качестве действительного члена Академии медицинских наук СССР. Об этой деятельности я каждый год представлял подробный отчёт в Президиум Академии и в бюро Отделения гигиены, микробиологии и эпидемиологии АМН.

В отчёте за 1953 г., отметив сокращение моей консультативной работы по вопросам моей специальной научной компетенции, связанное с прекращением моей работы в ГИДУВе, я поднял вопрос о желательности предоставления мне соответствующей возможности иметь определённые консультационные часы в таком крупном институте АМН в Ленинграде, как Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ). К сожалению, это моё ходатайство не имело никакого успеха и никакого ответа. В Отделении ГМиЭ оно не обсуждалось.

Кроме консультаций я вёл научно-исследовательскую работу по проблемам старости, старения и долголетия. Необходимые для этих моих исследований статистические материалы о сдвигах в последние годы в возрастном составе населения разных стран и о динамике причин смерти в наиболее пожилых и старческих группах (65–74, 75–84, 85–99), ввиду невозможности для меня в Ленинграде иметь вновь публикуемые сборники по мировой демографической статистике, по моей просьбе в Москве извлекал и присылал мне доктор экономических наук Фёдор Давидович Маркузон.

Сохранилось письмо, присланное мне Маркузоном в мае 1953 г., после того, как он ознакомился с началом моих воспоминаний, над которыми я тогда работал:

«...Записки я прочёл с живейшим интересом... Разумеется, для меня полно интереса всё, что я мог узнать о Ваших переживаниях, начиная с самого раннего возраста, о Вашем окружении и членах Вашей семьи, в среде которой Вы росли и развивались.

<...> Развитие любви к природе, изображённое в Ваших записках, раскрыло мне многое в Вашем облике. Равным образом очень интересны очерки гимназических лет, окончания гимназии и Московского университета...

Исключение из университета, Бутырка, треволнения и, наконец, Дерптский университет — всё это очень, очень интересно...».

В лице Фёдора Давидовича я нашёл ценнейшего помощника в своей научно-исследовательской работе. На основании детального анализа и соответствующей обработки присылаемых им материалов мне удалось показать в нескольких сериях гистограмм закономерное нарастание, всё более усиливающееся с каждым дальнейшим годом жизни, в старческих возрастах после 75 лет (75–79, 80–84, 85–89, 90–94, 95–99 и старше) смертности от болезней сердца и сосудов.

На основании опубликованных новейших материалов о причинах смерти в старческих возрастах в ряде стран за 1949–1952 гг. я составил множество аналитических таблиц-графиков (гистограмм и диаграмм), выясняющих определяющие причины смерти в наиболее пожилых и преклонных возрастах. Считаю необходимым заметить здесь, что систематическое продолжение мною научно-теоретических работ с использованием новейших статистико-демографических материалов для изучения проблемы старости и удлинения средней продолжительности жизни относилось к программным работам АМН, включённым в пятилетний план Академии. О ней говорилось также в программе, утверждённой VII сессией.

Как к члену АМН, специально занимающемуся вопросами, относящимися к проблеме удлинения жизни и долголетия, обратилось ко мне в октябре Всесоюзное общество по распространению научных и политических знаний с предложением прочесть публичную лекцию на тему об удлинении средней продолжительности жизни и долголетии в СССР. 13 ноября 1953 г. я прочитал двухчасовую лекцию в лектории Общества в актовом зале Военно-санитарного музея в Ленинграде, во время которой продемонстрировал графики, составленные на основе данных мировой санитарно-демографической статистики за 1947–1952 гг.

1954–1967

В 1954 г. я составил программы работы специального кружка по изучению проблемы старости, старения и удлинения жизни при Ленинградском университете. В марте-апреле 1954 г. отредактировал рукопись работавшего под моим руководством Михаила Юрьевича Магарила под заглавием «Проблема удлинения жизни и деятельной старости», а в ноябре составил по заявке Общества по распространению знаний основные положения для проведения цикла лекций по проблеме удлинения жизни, сохранения трудоспособности в старости и трудоустройству стариков.

Весною 1954 г., когда выяснилось всенародное значение предстоящего открытия Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве, я воз-

будил перед Бюро Отделения гигиены, микробиологии и эпидемиологии АМН СССР вопрос о необходимости разработки программы организации на этой выставке специального отдела по охране здоровья и санитарно-гигиеническом обслуживании трудящихся в сельскохозяйственном производстве и всего сельского населения в СССР, как это было на 1-й Сельскохозяйственной выставке СССР в 1923 г., а также в соответствии с прочно установившимися прежними передовыми традициями выставок, проводившихся в 1903 г. (Северного края) и в 1910 г. (Южного края). В письме на имя академика-секретаря ОГМиЭ я обосновал необходимость привлечь к разработке этой программы следующие учреждения: 1) Институт гигиены труда АМН, 2) Институт здравоохранения имени Семашко, 3) Институт общей и коммунальной гигиены АМН, а также и другие институты. Хотя я не получил никакого ответа на это письмо, идеи мои были учтены и воплощены в создании обширного Отдела охраны здоровья населения на Всесоюзной гигиенической выставке. Ввиду огромного значения этого вопроса для самосознания санитарно-гигиенических работников СССР я продолжал работать над этой проблемой, используя весь свой опыт.

В 1954 г. вся моя жизнь и работа находилась под постоянной угрозой возобновления сильнейших стенокардических болей с сопровождавшими их явлениями одышки и сильной слабости. По предписаниям врачей я значительную часть времени должен был отказываться от всяких попыток выполнять обычные работы. Систематически навещала меня специалистка по сердечным болезням доктор Бабаева. Под её руководством я подвергался внутривенным вливаниям глюкозы с витаминами. В Пушкинской больнице снимали кардиограммы. Из опасения кровоизлияния ставили мне пиявки, после чего один раз я потерял большое количество крови, и это отразилось, по моему мнению, весьма неблагоприятно на моем здоровье. По временам, на несколько недель или даже на месяцы, я чувствовал себя лучше, но стоило поработать в саду, и опять наступали слабость и явления сердечной недостаточности.

Уклонившись от всяких юбилейных чествований в декабре 1954 г., организацией которых занималась особая комиссия Ленинградского гигиенического общества во главе с профессором Р. А. Бабаянцем, я согласился сделать в Обществе доклад на тему о содержании и путях осуществления благоустройства населённых мест в социалистических городах. Доклад был назначен на 22 марта 1955 г. в помещении Военно-санитарного музея. Но оказалось, что на этот день было перенесено юбилейное чествование!

Я застал длившийся довольно долго доклад председателя Общества профессора Н. Ф. Галанина. После этого доклада, в котором подробно излагалась деятельность Общества за 30 лет, на протяжении которых я был его председателем, выступил приехавший из Москвы А. Н. Сынин, говоривший о моей деятельности на посту заместителя председателя Всесоюзного гигиенического общества и о моей работе в качестве профессора социальной и коммунальной гигиены. Затем было зачитано большое число адресов, из которых меня особенно тронул адрес от инженеров коммунального строительства, бывших моих слушателей в институте и в Академии коммунального хозяйства

Не останавливаясь на более подробном описании этого чествования, ограничусь здесь сокращённой передачей некоторых полученных мною «адресов», писем и телеграмм. Телеграмма профессора Черкинско-го от 21 декабря 1954 г.: «По случаю 85-летия со дня рождения и 60-летия общественно-врачебной и научной деятельности прошу принять мой сердечный привет. Мракобесы поспешили оторвать Вас от любимого дела, но им не удалось и не удастся зачеркнуть Ваше творчество и Вашу большую роль в развитии гигиенической науки и санитарного дела. Желаю Вам, дорогой Захарий Григорьевич, доброго здоровья и успехов в обычном для Вас творческом труде».

В том же ключе были написаны телеграммы и письма от Ленинградско-го финансово-экономического института, от коллектива кафедры организации здравоохранения 2-го Московского государственного медицинского института, от Иркутского филиала Всесоюзного общества гигиенистов, от студенчества и профессорско-преподавательского персонала санитарно-гигиенического факультета Тбилисского медицинского института, а также множество личных посланий от отдельных учёных.

«...Ваши 85 лет нисколько не смущают нас, Ваших старых друзей, знающих Ваши неисчерпаемые ресурсы творческой энергии, — писал мне Ф. Д. Маркузон. — Мы ждём от вас дальнейшего подъёма на вершины науки, откуда открываются всё новые горизонты. Сочетание широкого кругозора крупного учёного и чуткого человека, болеющего за ближнего и дальнего — это редчайшее явление, весьма “малая вероятность”...».

«Поздравление Вас связывается с тем громадным вкладом, который Вы внесли в культуру народов нашего отечества. Ваш голос слышали тысячи Ваших учеников, Ваши книги и статьи изучали тысячи читателей, — и все они заражались духом творческого энтузиазма, творческих исканий и борьбы за улучшение жизни народных масс. В своём вдохновенном труде “Удлинение жизни” с силой мудреца, познавшего смысл человеческого существования, Вы писали о слиянии индивидуального существования, индивидуальной жизни с жизнью социального коллектива. И Ваша жизнь отдана была этому социальному коллективу. Душевно преданный и любящий Вас Б. Карпенко».

Вниманию, привлечённому к моей деятельности в связи с юбилейным чествованием в марте 1955 г., я обязан возникшим в связи с этим близким знакомством с внучкой моего брата Сергея, которая прислала мне свои воспоминания о своём дедушке и сообщение о своей деятельности в качестве санитарного врача. А позднее, уже в конце лета 1955 г., она гостила у нас в Пушкине вместе со своим мужем, и это стало началом продолжающегося с тех пор близкого нашего родственного общения и в то же время общения моего с нею как с инициативным, хорошо подготовленным и энергичным представителем Харьковской санитарной организации. Лидия Викторовна Борковская (её фамилия по отцу) являлась секретарём харьковского отделения Всесоюзного гигиенического общества и одновременно областным санитарным врачом по борьбе за чистоту атмосферного воздуха населённых мест и по планировке городов Харьковской области.

Не могу не помянуть здесь 1955 г. добрым словом за чувства радости и облегчения, которые я испытал в связи с возвращением из ссылки, тюрем

и гонений целого ряда лиц, ставших жертвами «культы личности» в 1937–1938 гг. Меня посетил вернувшийся после 13-летних злосключений бывший главврач Мечниковской больницы, а потом заведующий Ленгорздравом А. А. Захаров. После 18-летних тягостей пребывания то в тюрьме, то в ссылке вернулся к прежней своей работе в качестве доцента по экономической и социальной статистике в Политехническом институте Б.И. Карпенко. Он сразу весь отдался восстановлению знаменитого кабинета статистики имени А. А. Чупрова¹, который был организован и оставался в заведовании Б. И. Карпенко в течение советского периода вплоть до 1937 г. Благодаря содействию академиков Василия Сергеевича Немчинова², Станислава Густавовича Струмилина³ и других учёных, хорошо знавших Б. И. Карпенко и ценивших его труды, Борис Иванович получил возможность продвинуть в печати ряд своих работ по истории и теории статистики, а также с энтузиазмом трудиться над печатанием основных произведений своего учителя А. А. Чупрова. Интерес к научной жизни делали для меня чрезвычайно интересными регулярные приезды его ко мне в Пушкин. При этом он обыкновенно привозил новые труды по экономической и демографической статистике как нашей, так и зарубежной.

Полученный в середине 1955 г. из АМН 7-й выпуск демографического ежегодника содержал в себе богатейший материал народных переписей и исчислений населения 1945–1946 и 1950–1953 годов в странах Европы, Азии, Африки и Америки, а также статистические материалы о причинах смертности в тех же странах с разбивкой по пятилетним возрастно-половым группам, а равно построенные за период 1940–1950 и 1951–1953 гг. таблицы доживания (Life Table). Эти материалы дали мне возможность на основе их анализа подойти к выявлению некоторых демографических закономерностей, существенно важных при научном исследовании проблем удлинения жизни и борьбы с преждевременным старением. Я составил и вычертил множество новых диаграмм по доживаемости населения до старческих возрастов и по другим разделам демографической и санитарной статистики за весь послевоенный период до 1956 г., которые могли бы быть изданы в виде альбома.

Президиум АМН пересылал мне поступавшие в его адрес многочисленные запросы врачей о возможности получить советы и указания относительно изучения старости, борьбы со старением и о современном состоянии знаний об удлинении и продолжительности жизни. Ответы на эти запросы я направлял непосредственно обращающимся в АМН врачам.

Регулярно продолжалась у меня переписка с упорно работающим над проблемой предупреждения и замедления старения энтузиастом борьбы за удлинение жизни и сохранение трудоспособности в старости Василием

¹ Чупров Александр Александрович (1874–1926) — теоретик статистики и основатель математических методов в социологии, создатель научной школы.

² Немчинов Василий Сергеевич (1894–1964) — российский экономист и статистик, академик АН СССР. Сыграл большую роль в противостоянии Т. Д. Лысенко.

³ Струмилин (Струмилло-Петрашкевич) Станислав Густавович (1877–1974) — российский экономист и статистик, академик АН СССР.

Ивановичем Орловым, живущим в Сталинграде. Он настойчиво работал над расширением своей теоретической подготовки и в связи с этим постоянно нуждался в моих указаниях. Мне же было интересно, как он накапливал и расширял фактический материал наблюдений за замедлением процессов старения и за сохранением трудоспособности и устойчивости против заболеваний при приближении старости.

В связи с большим количеством запросов на строго проверенную научную литературу, я возбуждал перед Академией вопрос о необходимости переиздания моей книги «Об удлинении жизни и деятельной старости», изданной в 1949 г. и давно уже полностью разошедшейся, а также об издании в серии классических книг по медицине на русском языке замечательного трактата о старости, написанного членом французской Академии J. H. Reveille-Parise, «Traité de la vieillesse hygiénique, médical et philosophique»¹, вышедшего более 100 лет тому назад. Указывал я также и на своевременность издания у нас в интересах облегчения научно-исследовательской работы начинающих учёных по вопросам старения, удлинения жизни и охранения старости солидного Лейпцигского издания — книги профессора Макса Бюргера «Alter und Krankheit» («Возраст и болезни»).

На состоявшейся в Ленинграде в декабре 1955 г. межобластной научно-практической конференции по вопросам «врачебно-трудовой экспертизы и трудоустройства инвалидов» я выступил с докладом на эту тему в связи с удлинением жизни и борьбой с преждевременным старением. Краткие положения моего доклада напечатаны в брошюре «Тезисы докладов конференции» (1955 г.).

В целом, 1955 г. встаёт в моей памяти как год продолжающейся тяжёлой болезни после предынфарктного состояния и остающейся коронарной недостаточности и то ослабевающих, то вновь и вновь появляющихся стенокардических болей. Это нарушало привычный строй жизни, мешало обычным физическим работам, утомление после которых во всей предшествующей моей жизни вызывало затем устойчивое душевное состояние. Теперь всякий раз после работы в саду или в огороде наступали нарушения работы сердца, стенокардия, и это заставляло отказываться от наружных работ и все более и более придерживаться комнатного существования. И вот именно в этот период большой интерес вызвала у меня тщательная работа по анализу огромных материалов демографической статистики, сгруппированных по 60–80 странам мира в изданиях Демографического ежегодника ООН за 1954–1955 гг.

С такой полнотой и детальностью материалы переписей и исчислений населения большинства стран мира и соответственно сгруппированных всех других демографических данных никогда ранее не были доступны для их систематического, год за годом, изучения. В то же время вспомогательное значение получали для меня исчерпывающие библиографические данные в «Population Index». Это издание, так же как и Демографический

¹ Ревейлле-Паризе Ж. Гигиенический, медицинский и философский трактат о старости. Париж, 1852.

ежегодник ООН, я выписал и получал через книжный отдел Академии наук. По-прежнему регулярно продолжал присылать мне извлечения из периодических статистических изданий и, особенно, из ежегодников отдельных европейских стран Ф. Д. Маркузон. Я был захвачен стремлением придать возможно более наглядное выражение глубоких обобщений, которые у меня складывались и всё более укреплялись на основании изучения новейших обширных демографических материалов. В самой общей форме мой вывод сводился к пониманию определяющего значения снижения детской смертности в результате общего роста культуры народов. Неизбежным демографическим последствием этого является большая жизнеустойчивость людей на последующих возрастных ступенях, что, в свою очередь, обуславливает всё более отчётливо вырисовывающийся в последние годы процесс оттеснения вымирания людей на возраст неизбежного старения и старости.

Область этих моих работ составляла содержание моего общения с многими моими сотрудниками по санитарно-гигиенической работе. Я пытался, хотя бы частично, отразить ход моих работ в статьях, направленных в редакцию «Статистических записок» Академии наук. По этому поводу я вёл оживлённую переписку с Ф. Д. Маркузоном и с Б. Ц. Урланисом, редактором «Записок», но, в конце концов, из-за отсутствия параллельных материалов по СССР статья моя не смогла появиться в печати.

Моя тетрадь для повседневных записей за 1957 г., как обычно, начинается перечнем не исполненных задумок на 1956 г. и мечтаниями и надеждами на желаемые достижения в 1957 г. «В истекшем 1956 г., — записал я 1 января 1957 г., — не осуществлено ни одно (!) из моих больших желаний и планов поездок (ни в Дерпт-Тарту, ни в Нежин-Козелец, ни в Киев, ни по Волге — в Куйбышев и Сталинград). Не побывал, но всё ещё не окончательно утратил желание и надежду осуществить эти поездки, пока ещё воспринимаю окружающий мир своими глазами, пока не совсем ещё «взор мой угас».

Из небольших поездок я хотел побывать в 1957 г. у Любочки и Льва Андреевича Жаковых¹ и у Татьяны Степановны в Отрадном на Неве, а также в Зеленогорске, в Выборге, в Гатчине и Ораниенбауме. Из «роя мечтаний», которым я разрешаю веселить себя только в день Нового года, отмечу: огромным новым дополнительным побуждением к жизни и труду для меня было бы, в первую очередь:

1. Появление в печати моих воспоминаний о пройденном жизненном пути.

2. Печатание нового издания моей книги об удлинении жизни и действительной старости и т. д.

Но и сейчас, когда пишутся эти строки (1960 г.), т. е. через 4 года, эти пожелания и надежды не стали достижениями и исполненными замыслами, кроме поездки в Тарту, к Любочке и в районный совхоз «Гранит».

¹ Внучка Захария Григорьевича — Любовь Вадимовна с мужем и детьми жила на Карельском перешейке, где Лев Андреевич работал на ихтиологической станции на озере Пуннус.

В первые месяцы 1957 г. жизнь моя начала постепенно возвращаться ко всё более широкому общению с прежними товарищами по работе и со всё более расширявшимся кругом лиц, обращавшихся за консультацией по вопросам коммунальной гигиены, а также по вопросам выбора тем для диссертационных работ.

Однако совершенно неожиданно весь уклад моей жизни и работы был нарушен случайным падением при прогулке во дворе и происшедшим при этом переломе малой берцовой кости. Несколько дней прошло, пока на основании рентгеновского снимка был точно установлен перелом и положена гипсовая повязка. Очень много не только хирургической, но и дружеской помощи оказал мне молодой хирург-ортопед Анатолий Леонидович Капитонаки. На личной машине он несколько раз возил меня в больницу. Через несколько дней появились невыносимые боли под повязкой, которые заставили меня просить о временном снятии гипса. Вновь наложенная повязка лежала потом в течение месяца, и после её снятия, хотя и с некоторыми болями, пользуясь костылём, я уже мог выходить на кратковременную прогулку, ездил на машине в Ленинград и пробыл дня два на «Полоске».

В апреле предстояла сессия АМН. Эта сессия вызывала особый интерес в виду предстоящих перевыборов всего Президиума и выбора новых действительных членов и членов-корреспондентов Академии. Уклониться от поездки на эту сессию было очень трудно, но я не мог бы решиться на неё, если бы мне не предложила свою помощь Зиночка. Она не только взяла на себя все трудности организации самой поездки, но и сопровождала меня в Москву и в течение всей сессии — как на общих собраниях, так и на заседаниях Отделения гигиены — всегда была рядом.

Во время сессии в Минздраве состоялось специальное заседание под председательством Главного государственного санинспектора В. М. Жданова¹ по вопросу о ненужности многих санитарных стеснений, создаваемых ГСИ против более широкого развития земледельческих полей орошения. Мне кажется, что мои доводы и подробное освещение санитарно-гигиенических преимуществ почвенного обезвреживания путём сельскохозяйственного использования сточных вод вызвали некоторое изменение отношения к этому вопросу у В. М. Жданова, невзирая на упрямое и чрезвычайно настойчивое отстаивание стеснительных, ненужных санитарных ограничений со стороны ряда учёных и всей группы ГСИ.

Вспоминая о поездке в Москву в апреле 1957 г., я не могу не отметить с чувством признательности очень трогавшее меня внимание прежних друзей и близких людей. Приехав ранним утром 11 апреля в Москву, мы с Зиной были приятно удивлены и обрадованы тем, что на платформе нас ожидали Ирина Ивановна Полтавцева² со своей дочерью Ксаною. От неё мы узнали, что в зале ожидания на вокзале членов Академии ожидал уполномоченный, распределявший номера в гостинице и обеспечивавший машину для проезда.

¹ Жданов Виктор Михайлович (1914–1987) — российский вирусолог, академик АМН СССР, директор Института вирусологии им. Ивановского АМН.

² Племянница Любви Карповны, дочь её брата Ивана Карповича Полтавцева.

В предыдущие два года я из-за болезни не приезжал на сессию АМН и теперь при открытии заседаний 13 апреля в Доме Правительства на набережной Москвы-реки, в том самом доме, где 10 лет назад, в 1947 г. проходил первый после войны Всесоюзный съезд гигиенистов, я впервые увидел и познакомился с новым Президентом АМН хирургом А. Н. Бакулевым. Его речью открыта была сессия. Он произвёл на меня большое впечатление своей простотой и сквозившей в его речи добросовестностью, с которой он, видимо, относился к своему высокому, ответственному положению Президента Академии. В перерыве между заседаниями по настоянию Г. А. Баткиса¹ я лично был представлен А. Н. Бакулеву и имел с ним беседу...

Приятно было в перерывах между заседаниями встречаться и обмениваться приветствиями с целым рядом учёных. С удовольствием повидался я с Н. Н. Петровым², с которым после прекращения моей работы в ГИДУВе в 1953 г. я не встречался. Невзирая на свой более чем 80-летний возраст, Н. Н. выглядел лучше, более здоровым, чем 4 года назад. Впрочем, он на мои слова об этом ответил мне таким же любезным комплиментом по моему адресу.

Очень трудно было во время сессии найти время, чтобы навестить Ф. Д. Маркузона. Только 17 апреля после заседания мы (я и Зина) приехали к нему. Мы застали у него врача поликлиники, который был вызван кем-то из соседей по коммунальной квартире из-за тяжёлого состояния Фёдора Давыдовича, который страдал от мучительных болей в области печени и упорной рвоты. Вечером мы уехали от него с чувством большой тревоги от сознания полного нашего бессилия облегчить положение больного. Уже по приезде в Ленинград я узнал о смерти Ф. Д. Маркузона 20 апреля. А в июне я с горечью узнал, что вскрытие показало ошибочность предположения, будто в основе болезни лежало раковое поражение печени. Сильные боли и неукротимая рвота вызваны были ущемлением в желчном протоке камня, застойными явлениями в печени и перитонитом. Оперативное вмешательство при таком положении могло бы дать положительный результат. Но операция не была произведена из-за ошибочного диагноза. Возраст Ф. Д., его привычка к систематическому упорному труду, его неисчерпаемая страсть к общению с людьми, к оказанию им деятельной помощи, могли бы обеспечить для него ещё многие годы плодотворной работы и жизни, которая оборвалась так скоро после его 70-летия.

По окончании сессии Академии мы в течение ещё одного дня оставались в Москве, чтобы я мог воочию увидеть все те новые достижения, которые произошли за годы моей болезни. Прежде всего, мы осмотрели строительство стадиона в Лужниках, который играет теперь в жизни Москвы такую большую роль. Я специально познакомился с устройством закрытых бассейнов, а также со всеми планировочно-строительными рабо-

¹ Баткис Григорий Абрамович (1895–1960) — учёный, педагог, организатор здравоохранения, социал-гигиенист, автор многих трудов и учебников.

² Петров Николай Николаевич (1876–1964) — хирург, один из основоположников отечественной онкологии, создатель научной школы, организатор и руководитель Ленинградского онкологического института, член-корреспондент АН СССР, академик АМН СССР.

тами по обеспечению непосредственной связи района стадиона с новым мостом через Москву-реку для прямого соединения с обширными новыми районами на Ленинских горах и в окрестностях нового университета.

Мы ознакомились с огромным строительством в районе Сельскохозяйственной выставки. Оттуда мы проехали в теперешний город Бабушкин (прежний Лосиноостровский), чтобы навестить Полтавцевых. Район настолько изменился в связи с новым строительством, что мы с трудом нашли затерявшийся теперь между новыми улицами переулок с хорошо мне знакомым домиком Ивана Карповича и Марии Михайловны Полтавцевых. У калитки в этот дом стояла легковая машина «Москвич». Из-под неё в рабочем комбинезоне поднялась нам навстречу Ольга Ивановна Полтавцева. Она была занята спешным ремонтом своей машины. Я помнил её ещё маленькой девочкой 2–3 лет, всеобщей любимицей. Теперь это была цветущая женщина-инженер. При ремонте ей помогал сын лет двенадцати. Вместе со своей старшей сестрой — инженером-химиком, Ириной Ивановной, она жила в прежнем родительском домике, заполняя свой отдых работами в саду и огороде.

У нас уже были билеты на ночной поезд. Мы торопились, чтобы своевременно попасть в гостиницу и собраться к отъезду. Вечером по случаю первого дня Пасхи свободного такси мы найти не могли. К большому нашему облегчению в это время появилась Ольга Ивановна, приехавшая навестить нас перед отъездом. С уверенностью опытного шофёра она доставила нас без всякого опоздания на вокзал.

В начале 1957 г. возобновилось моё знакомство с Лазарем Ефимовичем Ривиным, начавшееся в Минске в 1926–1927 гг., когда я выезжал читать лекции в Минском мединституте. В послевоенные годы он несколько раз выступал в Гигиеническом обществе с докладом по важнейшим вопросам санитарного дела в Ленинградской области. По его инициативе я систематически выступал в областной санэпидстанции, которой руководил Ривин, по вопросам правильной организации санитарной статистики и организации исследования ущерба народному здоровью, нанесённого немецкой оккупацией Ленинградской области.

Теперь, когда я был оторван от повседневных забот и работ на кафедре и жил в некотором уединении в Пушкине, посещения Л. Б. Ривина доставляли мне радость. Он вводил меня в круг всех вопросов, которыми жила и волновалась «санитарная общественность» Ленинграда. Понятно моё огорчение, когда после нескольких его приездов было получено сообщение о его смерти от инфаркта миокарда.

В августе к нам в Пушкин приехала моя сестра Женя в сопровождении старшей своей дочери Маргариты¹. И после операции катаракты, Женя в значительной мере всё ещё чувствовала себя лишённой зрения, так как не могла долго читать или писать и относительно трудно ориентировалась при передвижении на улице.

¹ Маргарита Константиновна (1900–2000) — жена Ивана Терентьевича Клеймёнова (1899–1938), расстрелянного в 1938. Клеймёнов был одним из организаторов и руководителей работ по ракетной технике в СССР.

Я встречал Женю в Ленинграде на вокзале и уже тогда с полным пониманием переживал всю горечь так далеко зашедшего ослабления зрения. Новым в жизни Маргариты было полученное ею официальное уведомление о том, что при общем пересмотре дел периода «культы личности», и по личной просьбе писателя М. А. Шолохова, который дружил со всеми членами семьи моей сестры, погибший в 1938 г. муж Маргариты — Иван Терентьевич Клеймёнов, ученик Циолковского, начальник Газодинамической лаборатории и директор Реактивного научно-исследовательского института, полностью реабилитирован посмертно. И потому признана совершенно необоснованной и ничем не вызванной также многолетняя ссылка самой Маргариты, как жены погибшего. Ей возвращено было всё конфискованное имущество мужа, начиная от мебели и книг и кончая дачей в Удельной.

Маргарита трогательно ухаживала за матерью, но по несколько часов ежедневно проводила в Ленинграде. Её вечерние рассказы о впечатлениях от встреч и экскурсий вносили много оживления в нашу жизнь.

Большую роль в моей жизни в последние месяцы 1957 г. занимала моя работа по редактированию сборника по изучению заболеваемости в Ленинграде по данным анализа статистических материалов о выбывших из стационаров за 1956 г. По моей просьбе авторы отдельных материалов приезжали ко мне, и при их содействии я знакомился со всеми проведёнными статистическими работами по подготовке сборника.

Несомненным крупным достижением в больничной помощи являлось резкое снижение в тот период общей летальности в стационарах до чрезвычайно низкого уровня по сравнению со всеми предыдущими периодами (с 4–5 % до 1–2 %). С точки зрения интересующего меня вопроса о падении в пожилых и старческих возрастах общей жизнеустойчивости очень убедительным представляется нарастание летальности при всех болезнях в возрастах старше 40–50 и более лет. В период моих работ по редактированию сборника руководителем Научно-методического бюро санитарной статистики стала по приглашению Ленгорздрава моя дочь З. З. Шнитникова. По её предложению я сделал доклад на собраниях сотрудников Бюро с привлечением работников кафедр организации здравоохранения и врачей-статистиков городских учреждений о необходимости изучения детской смертности и о больших сдвигах в сторону её снижения в СССР и других странах.

Затем в Бюро прошло хорошо подготовленное специальное заседание, посвящённое памяти П. И. Куркина и его значению в первоначальном построении советской санитарной статистики. Заседание было приурочено к 100-летию со дня рождения Петра Ивановича. Основной доклад на нём сделал я. Я был рад встретиться на этом заседании со многими работниками в разных областях социальной гигиены в Ленинграде, которых не видел перед этим в течение нескольких лет.

В 1958 г. я продолжал поддерживать тесные отношения с санэпидстанцией Пушкинского района. Оттуда на моё заключение был передан проект застройки отдельными индивидуальными домами для рабочих Пушкинского совхоза территории по Московскому шоссе до Тярлева и дальше до реки Славянки, разработанный архитектурным отделом Лен-

совета. Никаких видимых забот о создании наилучших условий для стока верховых вод, для устройства водоснабжения и канализации в этом проекте предусмотрено не было. Планировочное дело и понимание задач подлинного благоустройства за последние два десятилетия успеха не имели. Да и в самой СЭС интерес к этим вопросам совершенно заглох. Я вспоминаю о бесплодных моих усилиях в течение многих лет с помощью лекций, докладов и участия в заседаниях поднять уровень знаний по вопросам планирования, застройки и благоустройства г. Пушкина и его периферических районов у санитарных и коммунальных работников Пушкинского горсовета и СЭС.

В марте 1958 г. я совершенно неожиданно получил почтовую посылку с тремя экземплярами моей книги о продлении жизни и деятельной старости в переводе на чешский язык. Я впервые узнал из этой посылки, что издание это появилось в Праге в 1953 г. в переводе Марии Янатковой с издания АМН 1949 г. (338 стр.). Никаких указаний, откуда и кем были посланы мне эти три экземпляра, не было. Естественно, я испытал горькое чувство обиды автора в связи с таким полным пренебрежением к его несомненному праву на свой литературный труд. Разумеется, если бы я был своевременно осведомлён о готовящемся издании моего труда в чешском переводе, я бы внёс некоторые дополнительные пояснения, которые были необходимы через три года, протекавшие со времени издания книги в Москве.

К весне 1958 г. состояние моего зрения вследствие продолжающегося развития катаракты обоих глаз настолько ухудшилось, что я полностью потерял возможность самостоятельно читать и делать какие бы то ни было заметки по поводу прочитанного. А между тем, потребность в непрерывном и регулярном поддержании интереса ко всей окружающей жизни и её отражению в литературе и, особенно, к систематическому поддержанию общения со специальным кругом книг и работ по областям знания, на которые простиралась моя общественная деятельность, у меня были настолько сильны, что я попытался обеспечить привычное ежедневное чтение мне вслух с помощью оплачиваемого сотрудника. Счастливая случайность помогла мне сделать в этом отношении исключительно удачный выбор такого человека. Недалеко от нашего дома в Пушкине поселился вышедший на пенсию после тяжёлой лёгочной болезни и перенесённого инфаркта врач-инфекционист Игнатий Борисович Коган. Круг его литературных и научных интересов оказался очень близким к моим научным запросам. С тех пор он регулярно в течение трёх часов ежедневно читал мне вслух всё, что появлялось в периодических изданиях Академии наук и АМН, а также в соответствующих изданиях по гигиене, санитарной статистике, социальным и экономическим наукам.

Игнатий Борисович был человеком широкого диапазона интересов к знаниям во всех областях современной физики, экономики, философии и пр. Но прослушивание читаемого, разумеется, не могло заменить мне собственного чтения и непосредственного продумывания информации, а также записи возникающих при этом мыслей. Отсутствие привычных путей поддержания внутренней жизни и её слияния с жизнью широкого человеческого коллектива постоянно усугубляло мучительные мрачные на-

строения, характер которых отражает, например, одна из записей в моём дневнике: «Оглядываясь на свою жизнь, горько чувствую, что дни мои текут без всякого планового содержания — впереди никакой перспективы; как увядающая трава в поздние осенние месяцы, как листья, спадающие на замёрзшую землю, падают один за другим мои дни...»

Наиболее значительным событием в моей жизни в 1958 г. было участие в очередной сессии АМН, которая проходила не в Москве, а в Минске с 12 по 20 апреля. Мне было трудно решиться на поездку в Белоруссию: давали о себе знать и прошлогодний перелом берцовой кости, и ослабление зрения почти до полной слепоты, и постоянная боязнь возобновления стенокардических болей, и общая слабость. Во всяком случае, один я не смог бы поехать, но Зиночке удалось получить кратковременный отпуск, и она взяла на себя все хлопоты по обеспечению билетами на поезд, по устройству жизни во время пребывания в Минске и по сопровождению меня на заседания.

К поезду, который отходил в Минск в утренние часы, сопровождал меня на такси Андрей Григорьевич. Беспересадочный вагон до Минска отходил от Московского вокзала. В пути он находился 32 часа! В нашем купе кроме нас ехал ещё один пассажир. Это был инструктор физкультуры и спорта — некурящий и культурный человек. Из его рассказов во время пути я с большим интересом узнал об организации содействия со стороны советских учреждений более широкому развитию физкультуры и спорта в нашей Ленинградской и других соседних областях. К сожалению, из-за какой-то задержки в пути более чем на четыре часа, в Минск мы прибыли только поздно вечером.

Из-за восстановительных работ на вокзале поезд остановился на путях в расстоянии более километра от него. В полной темноте было очень трудно пробираться между рельсами с нашим багажом, а носильщиков никаких не было. Неожиданно неоценимую помощь оказал нам профессор Г. Н. Удинцев, также ехавший на сессию АМН в сопровождении одного из своих ассистентов. Пробраться в помещение вокзала было очень трудно, так как всё здание было в лесах, никаких сходней на перрон найти мы не могли. Под начавшимся сильным дождём пришлось пробираться на привокзальную площадь, но там не оказалось никакого транспорта. Удалось, однако, получить доступ в один из залов ожидания.

Прошло довольно много времени, пока, наконец, настойчивость Зиночки не преодолела все трудности: была вызвана машина и мы приехали в новую крупную гостиницу «Беларусь». Нам был предоставлен номер с большим венецианским окном, выходящим на новую городскую площадь. Очень хорошо обставленная мебелью гостиница предназначалась для обслуживания интуристов.

Мы приехали в субботу и надеялись весь воскресный день посвятить осмотру города. При первой же утренней прогулке можно было убедиться, что от прежнего, довоенного Минска не осталось почти никаких следов. Улицы напоминали скорее лучшие центральные улицы Ленинграда с пятиэтажными домами, асфальтированными мостовыми и тротуарами, чем провинциальные улицы довоенного Минска.

Днём я позвонил профессору З. К. Могилевчику¹ и узнал, что заседания начнутся в понедельник, причём сессия будет проходить в здании обширного нового Театра профсоюзов. К вечеру в нашу гостиницу прибыли из Ленинграда профессора-гигиенисты Р. А. Бабаянц и Н. Ф. Галанин. По телефону все мы были приглашены профессором Могилевчиком провести у него встречу гигиенистов. Мне было приятно увидеть на этой встрече некоторых бывших моих учеников, слушавших 30 лет тому назад курсы лекций по социальной гигиене, которые я читал в Белорусском мединституте. В числе слушателей была и хозяйка дома, жена профессора Могилевчика. С большой признательностью она вспоминала тогдашние лекции. В большой комнате, в которой мы собрались, значительная часть была занята столами и витринами, на которых выставлены были адреса и подарки, подписанные Могилевчику в день его 60-летнего юбилея. Одна черта при посещении Могилевчика оставила у меня неприятное воспоминание: раньше, чем был подан чай, на столе появилась целая батарея бутылок пива и вина. Но, к сожалению, очень скоро хозяин, извинившись за отлучку, отправился за пополнением этих винных запасов ещё несколькими бутылками. Повидимому, это было привычное бытовое явление. Вскоре я, сославшись на нездоровье, отправился в гостиницу, но наши спутники, Бабаянц и Галанин вернулись только под утро. Старый бытовой уклад оказался сильнее гигиенической науки.

Из-за болезни А. Н. Бакулева работой сессии руководили вице-президент И. В. Давыдовский², П. Г. Сергиев³ и академик-секретарь В. В. Парин⁴. Основной доклад о перспективе развития медицинских наук в семилетке 1959–1965 гг. сделан был Давыдовским. При его обсуждении внимание сессии было сосредоточено на патолого-анатомическом и патофизиологическом изучении болезней и на возможно более полном применении всей современной аппаратуры в научной и клинической работе.

Два заседания были посвящены вопросам геронтологии и предложению Минздрава об организации Геронтологического института. Главным докладчиком по этому вопросу был заместитель А. А. Богомольца (Киев) проф. патофизиологии Н. Н. Горев⁵. При обсуждении его доклада было предоставлено слово мне. Вот выдержки из моего выступления: «...Начальный период научных работ о старости в нашей стране Н. Н. Горев

¹ Могилевчик З. К. — член-корреспондент АМН СССР, зам. заведующего санитарно-эпидемиологическим отделом Наркомздрава БССР, зав. кафедрой общей гигиены, затем — директор Белорусского медицинского института.

² Давыдовский Ипполит Васильевич (1887–1968) — заслуженный деятель науки, лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, специалист по патологической анатомии инфекционных болезней.

³ Сергиев Пётр Григорьевич (1893–1973) — паразитолог, эпидемиолог, академик АМН СССР.

⁴ Парин Василий Васильевич (1903–1971) — физиолог, один из инициаторов космической физиологии и физиологической кибернетики. Академик АН и АМН СССР.

⁵ Горев Николай Николаевич — академик АМН СССР, директор НИИ геронтологии АМН УССР.

связывает с деятельностью в России в половине 18-го столетия Иоганна Бернарда Фишера. Особую ценность его знаменитого труда “О старости и её ступенях и о болезнях в старости, их причинах и лечении” составляет разделение автором на ступени или стадии всего периода старости, начиная от преддверия или начального периода (60–70 лет), главного периода (70–80 лет) и до периода долголетия — от 90 лет и более. Фишера занимает вопрос о болезнях, свойственных старости или “приобретаемых в старости” и об их лечении.

В первой половине 19-го столетия у нас получило широкое признание учение макробиотиков, особенно работы Гуфелянда и вышедшая во многих изданиях книга Енгальчева “О продолжительности человеческой жизни”, в которой автор рассматривает задачу достижения здоровой старости в связи с условиями быта и с образом жизни русского народа, связывает её также с лечением заболеваний всеми доступными средствами

С точки зрения прослеживания у нас истории развития науки о продолжительности жизни и долголетию, необходимо указать на разработку и издание таблиц доживания и продолжительности жизни в России на основе таблиц смертности населения статистика Германа (1819 г.) и академика В. Я. Буняковского (1874 г.). Таблица выживания и продолжительности жизни Буняковского была опубликована в трудах Российской академии наук уже в период изучения старости и продолжительности жизни в России, называемый “Боткинским периодом”. Сергей Петрович Боткин был вдохновителем и руководителем большого числа авторов работ по клиническому изучению стариков и старости. Мне кажется, что по систематическому исследованию клиники старения и старости, по выдвиганию на первый план явлений со стороны центральной нервной системы, по глубокому чувству гуманности и внимания к человеческой личности стариков, работы школы Боткина отражают на себе влияние вышедшего в начале второй половины прошлого века классического труда, трактующего о старости, французского академика Ревейлле-Паризе. Этот трактат совмещает в себе клиническое, гигиеническое, историческое и философское изучение старости. Я считаю большим пробелом отсутствие до сих пор русского перевода этого замечательного, поистине образцового труда по геронтологии.

Следует добавить, что С. П. Боткин был не только замечательным клиницистом, отцом клинического нервизма, направившим внимание на изучение клиники старости, но он одновременно возглавлял комиссию по изучению причин смерти и по борьбе с высокой смертностью в тогдашней России.

Изучение старости и процессов старения нельзя ограничивать только клиническим, физиологическим и патологоанатомическим исследованием, а необходимо также расширить статистико-демографическим и санитарно-статистическим анализом. К такому выводу вплотную подошли работы С. П. Боткина.

Последовавший затем период конца 19-го и первых пятнадцати лет текущего столетия (1895–1917 гг.) в изучении проблемы старости и долголетия и во всём формировании взглядов на необходимость борьбы с преждевременным старением и за продление жизни — с полным основанием

может быть назван “Мечниковским периодом”. Под знаком основного широкого биологического обобщения борьбы с вредными инфекционными началами стояли и теоретические исследования старения, и изучение клиники старости, и профилактика старения.

Нужно отметить, что И. И. Мечников сформулировал существенно важное положение, что вся его система ортобиоза¹ может привести к устранению преждевременного старения и к продлению жизни до желанных пределов, до возраста, когда преодолевается дисгармония и наступает насыщение инстинкта жизни, но только при условии следования правилам ортобиоза с ранних периодов жизни и затем последовательно на всех её этапах. В то же время Мечников показывал, что удлинение жизни, даже за пределы ста лет, возможно лишь при устранении болезней в годы, непосредственно предшествующие старости. Поэтому увеличение числа стариков и их пенсионирование не будет ложиться тяжёлым бременем на население. С удлинением жизни будут и должны отодвигаться начальные сроки пенсионирования с 60–70 лет на несколько более поздние возраста.

Борьба с преждевременным старением, задача удлинения жизни, задача лечения болезней стариков и подготовки к этому врачебных кадров теперь получили признание, как очередные задачи здравоохранения.

Нужно присоединиться к заключению докладчика Н. Н. Горева о полной своевременности учреждения в составе АМН Института геронтологии, который будет способствовать объединению исследований и работ по борьбе с преждевременным старением, по всестороннему изучению вопросов старости и долголетия и по подготовке врачебных кадров для лечения болезней в глубоких старческих возрастах... Но очевидно, что новый институт должен будет располагать не только клиническими отделениями для изучения старости и для лечения болезней в старческих возрастах и экспериментально-биологическим отделением, но и достаточно мощным гигиеническим статистико-демографическим отделом с санитарно-статистическим подразделением по изучению причин заболеваемости, смертности и таблиц смертности.

Огромные возможности для изучения вопросов о численности населения в старческих возрастах в нашей стране и о порядке вымирания населения представляют общие переписи населения. На материалах разработки первой переписи 1897 г. были построены таблицы доживания и средней продолжительности жизни россиян, за что Академией наук была присуждена золотая медаль Сергею Александровичу Новосельскому. После Великой Октябрьской революции под руководством того же С. А. Новосельского и математика В. В. Паевского составлены и опубликованы новые таблицы доживания и продолжительности жизни для населения всего Союза в целом и по отдельным республикам, отдельно для городского и отдельно — для сельского населения. Это создало возможность точного познания закономерностей возрастного распределения силы смертности. Сейчас мы находимся накануне утверждённой советским правительством

¹ Ортобиоз — рациональный, разумный образ жизни, систематизирующее условие долголетней работоспособности человека.

всесоюзной переписи населения в 1959 г. Предстоит построение на таких же строго научных основах, как и в 1926–27 гг., новых таблиц доживания в нашей стране.

Задача изучения проблемы старости и долголетия в условиях социализма естественно встанет перед АМН и должна будет выполняться её новым Институтом геронтологии».

Это моё выступление состоялось 18 апреля 1958 г.

В перерывах между заседаниями сессии в обширном фойе происходили встречи и групповые совещания по отдельным вопросам. В совещании с представителями киевских и московских учреждений, занимающихся изучением старости и борьбы со старением я впервые познакомился с рядом лиц, хорошо мне известных по литературным работам. В то же время я принимал участие в совещаниях представителей гигиенических институтов. Мне было особенно приятно лично познакомиться с директором Минского НИИ санитарии и гигиены П. В. Остапеней, работы которого по применению в очистке сточных вод культур хлореллы¹, обладающих необычайно большой способностью к поглощению кислорода и образованию путём фотосинтеза органической массы, меня очень интересовали в последние годы. За время пребывания в Минске мне удалось ближе познакомиться с П. В. Остапеней. Два раза я побывал в возглавляемом им гигиеническом институте. Благодаря его исключительной любезности и под его непосредственным руководством мы ознакомились с огромным новым строительством в Минске, с новыми крупнейшими промышленными предприятиями города. С глубоким пониманием он раскрыл перед нами процесс непостижимо быстрого увеличения промышленного белорусского рабочего населения, которое сформировалось за 6–7 лет (1950–1957 гг.). Выпускники всех школ и техникумов республики шли на пополнение специальных кадров и технического персонала на многочисленных новостройках, какими явились построенные в Минске заводы грузовиков, мотоциклов, автомашин, химические, пенициллиновый и др. Благодаря этому Белоруссия получила свой передовой ведущий отряд социалистической промышленности, составивший основу её национального расцвета.

При осмотре центральной площади и главной, выводящей на Московский тракт, магистрали города бросалось в глаза, что в Минске оставались нетронутыми монументы Сталину, с именем которого в представлении всего местного населения связывалось быстрое восстановление и развитие Минска и всей БССР. В центре города импозантный монумент Сталину возвышается рядом с республиканским НКВД.

При поездке по Минску П. В. Остапеня показал нам весь район гитлеровского «гетто» — части города, выделенной для евреев, обнесённой специальными провололочными ограждениями.

По почину П. В. Остапени в последний день нашего пребывания в Минске я прочитал 2-часовую лекцию для врачей и студентов старших курсов по проблеме удлинения человеческой жизни и борьбе с преждевременным старением. Она состоялась в самой обширной анатомической аудитории

¹ Хлорелла — род зелёных водорослей.

Белорусского медвуза и вызвала, как видно было из многочисленных вопросов, значительный интерес.

На обратный путь в Ленинград на большом самолёте ИЛ-18 мы потратили всего два с половиной часа вместо 37 часов, проведённых в вагоне на пути в Минск.

Моя работа по изучению проблем старости в 1958 г. сосредоточивалась, главным образом, на исследованиях, базировавшихся на тщательном анализе обширных новых статистико-демографических материалов, опубликованных в ГДР, Чехословакии, Польше, Болгарии. В том же году при сотрудничестве с доцентом Т. С. Соболевой я направил в Президиум АМН СССР для помещения в «Вестнике АМН СССР» три очерка об оттеснении смертности на возрасты старения и старости. Все очерки были снабжены многочисленными диаграммами и таблицами. Печатание их в «Вестнике АМН СССР» представлялось мне желательным в качестве необходимой предпосылки для печатания подготавливаемого мною четвёртого очерка о всестороннем изучении причин смерти в старческих возрастах. Тем более что сделанные в них широкие обобщения являлись новыми как в нашей, так и в зарубежной литературе. По той же проблеме старости и попечения о стариках мною был сделан доклад на заседании Ленинградского научно-методического бюро санитарной статистики летом 1958 г.

По предложению оргкомиссии по созыву совещания по применению математических методов в биологии при Ленинградском университете в мае 1958 г. я выступил с докладом на тему «Проблема продления жизни и геронтология» (напечатан был в материалах совещания). Деятельное участие принял я и в подготовке к организации в Ленинграде научного Общества геронтологии и возрастной патологии. Причём на совместном заседании Института экспертизы трудоспособности и Научно-методического бюро санитарной статистики в сентябре 1958 г. я предложил и обосновал программу работ в этой области на 1959 г.

Помимо этого в 1958 г. я продолжал вести значительную консультативную работу как в письменной форме, так и в виде советов непосредственно обращавшимся ко мне научным работникам. В письменной форме даны советы об исследовании наиболее пожилых стариков (80 лет и старше) доценту кафедры гигиены Карагандинского мединститута П. С. Севбе, врачу Брестской СЭС Г. Л. Стриковскому, врачу из Тбилиси Г. В. Цицишвилли и энтузиасту в деле укрепления здоровья и продления жизни В. И. Орлову из Сталинграда. Личные же консультации по геронтологии и научным работам в этой области даны были приезжавшим ко мне из Москвы О. В. Васильевой, аспиранту Малахову и др. Кроме того, по запросу Учёного совета Минздрава РСФСР от 19 июля 1958 г. была составлена мною записка о программе работ по геронтологии и гериатрии для научных работников и практических врачей РСФСР.

В сентябре 1958 г. я прочитал лекции по вопросам возрастной гигиены и специальной гигиены детских возрастов на организованном Министерством здравоохранения РСФСР семинаре заведующих кафедрами и курсами гигиены детей и подростков медицинских институтов Российской Федерации, проходившем при Ленинградском санитарно-гигиеническом медицинском институте.

В 1959 г. я продолжал активно участвовать в подготовительных работах по организации и в первых шагах деятельности Ленинградского научного общества геронтологии и гериатрии. В докладе, сделанном на учредительном собрании, я обосновал значение и своевременность привлечения внимания врачей-клиницистов к вопросам геронтологии и гериатрии. А после утверждения общества, в первом его заседании 21 мая 1959 г. я выступил с докладом «Об увеличении старческих групп в составе населения и задачах их диспансеризации и социально-профилактического обслуживания».

Не оставлял я и свою консультативную работу. Подробные советы и заключения по проведению обследования стариков в Горийском районе Грузии, данные мною врачу Г. В. Цицишвили, помогли ему сделать в декабре 1959 г. доклад на заседании Ленинградского общества геронтологии и гериатрии о собранных и изученных им «Материалах о высоковозрастных жителях Горийского района и очередных задачах охраны их здоровья». За 10 лет Цицишвили обследовал в 120 сёлах 215 лиц с указанием на возраст 90 лет и старше. Но после тщательной проверки всех «долгожителей» по рекомендованным мною приёмам оказалось, что в возрасте 90 лет и старше среди них было около половины — всего 116 человек.

В 1959 г. я продолжал оказывать помощь в организации последовательных стадий изучения старческих групп населения профессору П. С. Севбо с кафедры гигиены Карагандинского мединститута и его ассистенту Шкулову.

На основе изученных мною за последние годы новых материалов по демографии и санитарной статистике во всех странах мира, я начал в 1959 г. в сотрудничестве с доцентом Т. С. Соболевой работу по расширению и дополнению новыми материалами моей прежней работы «Демография и санитарная статистика в графических изображениях», до того времени не изданной. Составлены были новые серии графиков о динамике возрастнополового состава населения СССР с распределением его по возрасту, полу и разделению на городское и сельское, с использованием материалов переписи 1959 г., а также и во всех странах социалистического лагеря, в странах Европы, Америки, Азии и в Австралии.

Я продолжал участвовать в собирании, анализе и санитарно-гигиеническом освещении материалов о развитии в СССР использования канализационных вод в так называемых «земледельческих полях орошения». По этой проблеме мною в сотрудничестве с постоянными участниками в этой работе доцентом Б. Г. Ходасевичем, доцентом А. Г. Подвысоцким и проф. Бабаянцем собирались материалы о работе имеющихся полей орошения (в Минске, Одессе, Харькове и др.). В итоге мы составили ряд записок для представления как непосредственно в проектирующие организации, так и в высшие инстанции и поместили несколько статей в органах печати («Ленинградская правда», «Гигиена и санитария», «Медицинский работник»).

9 апреля 1959 г. по приглашению дирекции Сельскохозяйственного института в г. Пушкине я участвовал в специальном совещании по вопросу об использовании сточных вод канализации этого города путём строительства земледельческих полей орошения в совхозе «Детскосельский». На этом совещании я сделал доклад на тему «Научные основы и значение

в свете задач семилетнего плана и XXI съезда КПСС проведения глубоких исследований вопроса о полном отказе от спуска канализационных вод в реки и водоёмы общего пользования и передаче их для сельскохозяйственного использования на землях колхозов и совхозов». Такого же рода доклад был сделан мною 19 ноября 1959 г. в специальном заседании, созванном Обкомом КПСС Ленинграда и Ленинградской области по развитию сельскохозяйственных полей орошения для очистки и утилизации сточных вод канализации периферических районов Ленинграда.

Из воспоминаний, связанных с 1959 г., особенно глубоким и нестираемым остаётся у меня воспоминание о поступлении в глазную клинику для операции катаракты и о непрерывном сужении круга возможных для меня работ вследствие почти полной потери зрения и очевидной невозможности прочитывать как всю текущую литературу, так и мои собственные записи. Сколько помню, в феврале и марте я относительно легко перенёс заболевание гриппом. Казалось, что грипп закончился, но вдруг неожиданно началась сильная боль в глазных яблоках и вызванная этим тяжёлая головная боль. Открылась неудержимая рвота, продолжавшаяся в течение целого дня. Это вызвало большое беспокойство Екатерины Ильиничны, которая организовала тщательное обследование терапевтом состояния сердечно-сосудистой системы и исследование невропатолога, давшего заключение о полном отсутствии у меня каких-либо указаний на заболевания, связанные с кровоизлиянием.

Через день или два после этого, оправившись, я попытался приняться за обычную работу, но с горечью обнаружил настолько сильное ухудшение зрения, что делу не помогли ни телескопические очки, ни увеличительные стёкла. Мою тревогу за полную потерю зрения разделяла со мною Лёля, и по её настоянию я был вместе с нею в Институте глазных болезней на Моховой улице. После тщательного обследования было установлено резкое прогрессирование катаракты обоих глаз, в особенности правого, которым я, собственно, и пользовался до тех пор при работе. Я довольно твёрдо решил не обсуждать вопроса о возможности операции катаракты. Пример весьма краткого срока пользования зрением для чтения и письма у сестры моей Жени после операции по удалению катаракты приводил меня к заключению, что не стоит подвергаться операции на девяностом году жизни, когда у меня иссякла уже надежда на сколько-нибудь длительный срок предстоящей жизни вообще.

Однако постепенно Лёле всё же удалось уговорить меня побывать у известного офтальмолога — профессора Тихомирова — и посоветоваться с ним. Вместе с нею я был принят Павлом Ефимовичем у него дома. Обследовав состояние катаракты, профессор очень настойчиво посоветовал, не откладывая произвести операцию на правом глазу, который всё равно уже никакого участия в зрении у меня не принимал.

Я воспользовался его предложением и поступил к нему в клинику в конце мая. Нужно сказать, что при всём моём нежелании пользоваться какими-либо привилегиями в клинике, мне всё же были созданы максимально мыслимые удобства и преимущества: отдельная палата со всеми удобствами — настольной лампой и радиоприёмником и т. д. Мне оказы-

валось исключительное внимание при больничном уходе и особое внимание со стороны как самого профессора, так и врачебного и ухаживающего персонала.

Но и в этом положении передо мною отчётливо и ясно вырисовались некоторые трудности и тяготы, неизбежные при лечении в стационаре. Первой и основной трудностью, представшей передо мною, было отсутствие занятости, проблема, чем заполнить своё время, остающееся совершенно свободным после врачебной консультации и больничных процедур. Этот вопрос встал передо мною тем более остро, что ни читать, ни писать по состоянию зрения я не мог. Но как же все остальные заполняют это время? Если они и не лишены зрения, то не у многих есть и хватит настойчивости всё время отдаваться чтению. Они неизбежно начинают привыкать к чрезмерно долгому, часто совершенно не показанному постельному пребыванию, томятся скукой, сосредоточивают своё внимание на всяких болевых ощущениях или даже мнимых болях, или начинают приобретать привычки занимать время всякими пустыми разговорами и пересудами с соседями по палате.

Первые дни я пытался занимать своё внимание восстановлением в памяти литературных произведений, затем отдельных отраслей тех знаний, на которых особенно было сосредоточено раньше моё внимание, или на разных разделах курса той или иной науки. Это хоть несколько смягчало страдание от вынужденного безделья. Естественно, что моё внимание привлек к себе весь вопрос о создании атмосферы занятости больных при помещении их в стационар, который у нас так мало привлекает к себе внимание клиницистов и всех вообще больничных врачей.

Гиппократ в своей обращенной к врачам статье «О благоприличном поведении» (ГИЗ, 1936, избр. тр.) говорит, что «где нет праздности, там нет и проистекающего из неё зла, ибо праздность и ничегонеделание ищут порочность и влекут её за собой. Напротив того, бодрость духа и устремление ума к чему-либо, приносит с собой нечто направленное к укреплению жизни».

В течение многих лет — с 1946 по 1952 гг. — я ежегодно по предложению дирекции Ленинградского института для усовершенствования врачей читал для всех циклов, как клинических, так и теоретических, лекции по гигиене больничного дела. В этих лекциях я, между прочим, останавливался и на вопросе значения для успеха лечения в больнице тщательного продумывания системы занятости больных. Так же, как организуется хорошо продуманная система питания больных и их лечение, так необходимо индивидуально для каждого из больных разработать круг мероприятий по достаточной занятости, дабы они не сосредоточивались на своей болезни. Как известно, в больничном деле некоторых зарубежных стран вопрос о занятости больных уже давно вошёл в повседневный обиход больничного уклада жизни.

В чём могли бы выразиться попытки более широкой постановки этого дела у нас? В практике детских больничных отделений уже осуществляются учебные занятия по школьной программе в случаях длительного отрыва ребёнка от школьного обучения, чтобы пребывание его в больнице не приве-

ло к отставанию от класса. Наряду с лечением организуются необходимые в условиях восстановления здоровья занятия физкультурой.

Несомненно, по примеру детских больниц аналогичные меры могли бы быть организованы и для больных всех других возрастов в направлении, прежде всего, усвоения ими знаний и навыков, полезных с точки зрения сохранения и укрепления здоровья и для оздоровления быта. На проводимых в определённые часы занятиях можно было бы преподавать больным начатки гигиенических знаний, знакомить их с мерами по оздоровлению быта и по личной гигиене.

Для некоторой части больных могли бы назначаться работы по уборке помещений, по уходу за комнатными растениями, за наружными цветочными посадками. Без особых затруднений для женских отделений могли бы быть выделены часы обучения и работы по шитью простейших принадлежностей детской одежды, починке больничного белья, вышиванию, вязанию, изготовлению некоторых мягких больничных принадлежностей. Для молодёжи возможно обучение переплётному делу, элементам рисования и чертёжных работ.

Этот ход мыслей я привожу здесь в качестве примера того настойчивого обдумывания, которым я пытался заполнить моё время и тем самым ослабить чувство мучительного томления от отсутствия личной занятости в положении принудительной «праздности». Я боялся, что пребывание в глазной клинике затянется. Но, к счастью, уже со второго-третьего дня после госпитализации задача заполнения моего времени была совсем устранена. Пользуясь разрешением профессора П. Е. Тихомирова, меня систематически стали навещать мои дочери, родные и ближайшие сотрудники. Причём на деле оказалось, что со мною оставались, читая мне вслух журналы, газеты и другие материалы, всё время, пока не наступали часы сна. Кроме пребывания у меня постоянно сменяющих друг друга родных, меня навещали каждый день мои прежние товарищи по учебно-преподавательской деятельности в институте, ныне заведующие кафедрами в нём: гигиены детства — А. И. Гуткин, эпидемиологии — В. А. Башенин, пищевой гигиены — М. З. Аграновский, коммунальной гигиены — А. И. Штрейс. Бывала у меня и зав. кафедрой организации здравоохранения доцент А. П. Махненко.

Меня живо интересовали все вопросы, волнующие сотрудников института в связи с новыми запросами подготовки санитарных врачей. Удалось продолжать также и постоянную мою работу по разработке санитарно-статистических материалов и по геронтологии благодаря продолжавшейся и в больнице помощи мне в этом Т. С. Соболевой. Кроме того, навещали меня и некоторые из приезжавших в Ленинград участников специальных гигиенических конференций. В том числе были у меня И. Д. Страшун, Г. А. Баткис. В беседе с последним я изливал все мои огорчения по поводу полного отказа мне в сведениях о судьбе посланных в АМН для печатания моих трёх очерков об общих закономерностях в ходе новейших демографических процессов. Помню, меня особенно огорчало полное безучастие к моим волнениям по этому поводу Г. А. Баткиса. Много позднее я с изумлением узнал, что именно у него и находились мои работы.

Так проходило время в клинике пока, наконец, не был назначен день моей операции. Во время самой операции после первой её стадии — иридактомии — проф. Тихомиров признал необходимым перенести вторую стадию, то есть самое извлечение катаракты на более отдалённый срок. После тяжело перенесённого мною послеоперационного периода я воспользовался согласием Павла Ефимовича на продолжительную отсрочку второй стадии операции и вернулся из клиники домой.

В 1959 г. значительное место в моей жизни занимала переписка и общение с рядом лиц, приезжавших ко мне в связи с моим девяностолетием. Ко мне обращались то с запросами о получении от меня более или менее полного списка моих работ, то с просьбой сообщить те или иные справки о моём участии в разных этапах развития санитарно-гигиенической деятельности, в осуществлении планов различных изданий, в строительстве и в работе учреждений здравоохранения.

Пожалуй, на первом месте среди воспоминаний об этой стороне моей жизни в 1959 г. справедливо будет поставить личное знакомство и последующую активную переписку с профессором С. С. Каганом¹. Ещё в начале года, во время проходившей в Ленинграде конференции по истории медицины, С. С. Каган навестил меня в Пушкине и высказал желание получить от меня материалы о моей общественной и научной деятельности, т. к. украинские организации и Украинское общество историков медицины поручили ему составить очерк моих работ в связи с 90-летием жизни и 65-летием деятельности, исполнявшимися в конце 1959 г.

Я вообще всегда был отрицательно настроен ко всякого рода чествованиям и юбилейным торжествам. И на этот раз я не преминул сказать об этом моём отрицательном отношении Кагану. Однако тот возразил, что, совершенно независимо от моего желания или нежелания, люди, изучающие историю развития советского здравоохранения, вправе ожидать не затруднений, а скорее помощи в их работах и исследованиях. Во всяком случае, я обещал, что постараюсь быть, в чём могу, полезным в их работе — предоставлением имеющихся в моём распоряжении сохранившихся материалов, записей, оттисков и списков моих работ.

С. С. Кагана я знал, как по его печатным работам (в частности, по его пособию на украинском языке по социальной гигиене), так и по встречам с ним на съездах и конференциях. В 1950 г. он выступил оппонентом мне при обсуждении моего доклада об итогах 25-летней деятельности Ленинградского отделения, в котором я был в течение всего 25-летия председателем. Не могу сказать, чтобы у меня оставались особенно приятные и располагающие впечатления от этих встреч. Но теперь в личной продолжительной беседе передо мною выступали иные черты личности, ранее не остановившие на себе моего внимания. Особенно мне было приятно слышать от С. С. Кагана очень благожелательные и согретые большим пониманием и отзывчивостью рассказы его о С. Н. Игумнове.

¹ Каган С. С. (1894–1965) — заведующий кафедрой социальной гигиены и ректор Днепропетровского мединститута, затем — Киевского института народного хозяйства, работал в Наркомате охраны здоровья УССР.

Говоря о С. Н. Игумнове, С. С. Каган обнаружил особую чуткость к пониманию тех трудностей, которые стояли перед тем в первый период становления советского здравоохранения. По моей просьбе С. С. обещал выслать мне написанную и изданную благодаря его содействию историю развития земского санитарного дела в девяти украинских губерниях. Обещание своё он аккуратно выполнил.

Нужно сказать, что в благодарность за присылку неизвестного мне раньше исторического труда о развитии земской медицины на Украине, я, в свою очередь, послал не только полный список моих работ, но и ряд оттисков некоторых из них. Одновременно я просил С. С. посмотреть в украинских библиотеках соответствующие главы моих «Очерков земского врачебно-санитарного дела», чтобы правильно представить себе иной подход к истории развития врачебно-санитарного дела у меня (на основе исчерпывающе полного статистического учёта учреждений и их деятельности) и у Игумнова, с особой полнотой прослеживавшего степень правильности взглядов у руководящих деятелей земской медицины в каждой губернии.

Однако я не смог послать С. С. мою книгу о долголетию и деятельной старости. Ни одного свободного экземпляра этой книги у меня не осталось. А переиздание её являлось лишь моим «*prim desiderium*» (благочестивым желанием). Но я рад был возможности послать имеющийся у меня экземпляр моей книги о волостном благоустройстве, изданной ещё в 1926 г.

Зато мне пришла мысль послать С. С. Кагану для прочтения и возврата затем мне рукописи первого тома моих записок и воспоминаний о пройденном жизненном пути. Очень скоро я получил ряд писем по поводу их от С. С. Кагана. В них я нашёл самое тёплое дружеское внимание и понимание, в которых, в конце концов, нуждается всякая человеческая деятельность.

В письме от 2 марта 1959 г. он писал мне: «Ждём от Вас с нетерпением биографических материалов, чтобы рассказать о Вас нашей молодёжи. Молодые гигиенисты знают Вас больше по линии коммунальной гигиены (от студентов, бывавших у Вас в Ленинграде на практике и от врачей-курсантов КИУВа по отзывам покойного А. Н. Марзеева и Д. Н. Калюжного), а надо бы в связи с возрождением социальной гигиены ближе познакомить их с Вашими работами по социальной гигиене, геронтологии и демографии».

В письме от 26 июля того же года С. С. Каган пишет: «...с удовольствием читаю Ваши искренние, полные жизни и неослабного интереса страницы. Но что бы Вы ни делали, где бы ни работали, в какой бы отрасли знаний ни читали бы лекций, Вы всегда остаётесь подлинным социальным гигиенистом в самом большом смысле этих содержательнейших слов... Нет советского здравоохранения без связи с предшествующей культурой...»

Из письма С. С. Кагана от 4 августа 1959 г.: «...Вы показываете, как создаются социальные гигиенисты, как возникает и развивается социальная гигиена как наука и как область практической деятельности, как противоречив и как сложен путь у советского социального гигиениста.

...Ваш жизненный путь, дорогой Захарий Григорьевич, поистине замечателен. Я многому научился из Вашего жизненного пути. К сожалению, я ближе познакомился с Вами только недавно и не смогу в полной мере поза-

имствовать Ваш мудрый опыт. Но пропагандировать его я смогу и почитаю это своим прямым долгом... Убеждён, что это нужно сделать во имя науки, во имя торжества социалистического здравоохранения».

Когда в декабре месяце я получил по телеграфу приветствие по поводу моего 90-летия от проходившего в то время в Львове Всеукраинского съезда обществ гигиены и от Всеукраинского объединения историков медицины, я подумал, что инициатором этих неожиданных для меня проявлений дружеского внимания мог явиться С. С. Каган и поэтому направил ему выражение моей признательности за моральную поддержку. Только из его ответного письма я узнал, что на съезде украинских гигиенистов инициатива принадлежала не ему, а В. М. Жаботинскому¹. В то же время С. С. Каган прислал мне текст доклада, сделанного им на съезде историков медицины. Из него я мог убедиться, как много труда затрачено было С. С. на проработку моих записок «о пройденном жизненном пути», а также и на анализ фактических материалов, заключающихся в моих работах и, разумеется, я испытывал при этом естественное чувство дружеской признательности. Всё же, значит, не совсем бесследно и напрасно затрачены усилия и работа на составление и продвижение в печать моих «трудов».

Не всё, конечно, в большом докладе С. С. Кагана в точности соответствовало детальным особенностям конкретного материала и некоторые из его выводов субъективно меня не устраивали. Так, обычное указание на мою принадлежность к мелкобуржуазной среде у меня не сочеталось с атмосферой искреннего презрения в нашей семье к мещанскому быту, с отвращением ко всякому филистерству и чиновничеству и примирительному отношению к угнетению и эксплуатации, не сочеталось также и с трудовым строем всей жизни в нашей семье, и с революционными традициями почитания борцов за свободу и равенство, таких как Герцен и Чернышевский, как Тарас Шевченко и др.

Не отвечавшим вполне исторической правде представлялось мне мнение С. С. Кагана, что только успехи развития советского здравоохранения заставили меня понять недостаточность земской медицины и невозможность на основе её развития достигнуть всестороннего оздоровления масс населения.

В июне и июле 1959 г. я получил несколько писем от профессора И. Д. Страшуна, в которых он сообщал о поручении ему со стороны бюро Отделения гигиены и эпидемиологии АМН подготовить доклад в связи с 90-летием моей жизни и некоторых мероприятиях по этому поводу, а затем Илья Давыдович сообщил мне о докладе его в Президиуме Академии и о постановлении Президиума об участии АМН в юбилейном чествовании и начале печатания уже в 1959 г. моих воспоминаний. По просьбе И. Д. я отправил ему необходимые справки и материалы, а также полный список моих работ. Очевидно, благодаря настойчивой работе И. Д. Страшуна Академия передала в Госмедиздат 1-й том моих записок. После оптимистического сообщения об этом у меня появилась даже легковёрная надежда

¹ Жаботинский В. М. — профессор, специалист по коммунальной гигиене. Автор многих учебников и пособий.

на возможность действительного печатания как записок, так и ряда моих работ «об общих закономерностях в изменении демографических процессов в новейшее время». К сожалению, я обманулся в своих надеждах на печатание моих работ, но в декабрьской книжке «Вестника АМН СССР» увидела свет очень благожелательная и, на мой взгляд, с правдивостью и пониманием составленная И. Д. Страшуном статья в связи с моим 90-летием.

В связи с этой датой я обменялся письмами с главврачом Костромского Дома санитарного просвещения А. Кадыковой, которая обратилась ко мне с просьбой сообщить полный список моих работ ввиду желания устроить показательную выставку их в связи с моим юбилеем. Получив этот список, она выслала очень заинтересовавший меня доклад заслуженного врача РСФСР С. Л. Зака. В нём очень подробно отражены были история возникновения и развития санитарной организации Костромского губернского земства и участие моё в этом развитии в первый период революции 1905 г. и в последовавшее за нею пятилетие. Меня особенно тронуло правдивое и исторически верное изображение развития земского врачебно-санитарного дела в Костромской губернии и роли отдельных работников описываемого периода.

Вопреки моим предположениям о придании скромного, товарищеского характера «празднованию» моего 90-летия, без моего непосредственного участия в нём, выбранная ЛОГО «юбилейная» комиссия приняла поручение Президиума АМН СССР и правления Всесоюзного гигиенического общества о проведении широкого чествования, назначив его на 2 декабря 1959 г. Правда, ещё летом у меня побывали представители юбилейной комиссии, избранной Обществом, для согласования вопроса о проведении «юбилея». Но ими была принята моя просьба вместо «юбилейного торжества» устроить просто очередное заседание гигиенистов и поставить на нём мой доклад. Была даже согласована тема доклада — «О значении санитарного благоустройства социалистических городов и их жилых кварталов».

Задолго до 25 декабря ко мне стали поступать письма и целые «адреса» от коллективов гигиенических кафедр и отдельных лиц в связи с предстоящим «юбилеем». А когда в день своего рождения я приехал на заседание Общества, то оказалось, что на него прибыли из Москвы представители АМН СССР, Всесоюзного гигиенического общества и ряда коллективов кафедр и институтов, а также представители от значительного числа учреждений гигиенических институтов из Харькова, Киева и других городов. Мне пришлось просить снять мой доклад и подчиниться фактическому течению дела, как это обычно бывает на такого рода мероприятиях.

Разумеется, меня волновали и вызывали чувство самой непосредственной признательности многочисленные выражения дружественного отношения ко мне неожиданно большого числа людей — бывших моих слушателей, сотрудников и соучастников в санитарно-гигиеническом строительстве и в педагогической работе. Но многие поздравления и «адреса» были для меня совершенно неожиданными, как, например, «адрес», подписанный В. Н. Старовским¹ от ЦСУ. Очень много было «адресов», соответствовав-

¹ Старовский Владимир Николаевич (1905–1975) — экономист, член-корреспондент АН СССР, начальник Центрального статистического управления.

ших уровню «юбилеев»: от отделений Всесоюзного гигиенического общества, от санфаков, кафедр организации здравоохранения, гигиены и т. д. Немало было и подлинно дружеских посланий с искренней товарищеской моральной поддержкой.

Насколько я был способен, я в заключительном слове выразил свою признательность за оказанное мне внимание и — в соответствующей форме — выразил своё желание устранить некоторые преувеличения, вытекавшие из самого благожелательного стремления и доброго отношения ко мне, но нарушающие древнее правило «*Amicus Plato, sed magis arnica veritas*»¹. Выражая благодарность за хорошие пожелания, я указал на необходимость не забывать о реальных пределах для размеров таких пожеланий, в частности, и для пожеланий долголетия и дожития до 120 и выше лет... Я лично был особенно тронут приездом в этот день из Москвы моего племянника по поручению всего коллектива друзей и родственников сестры моей Евгении Григорьевны Левицкой — Игоря Левицкого. Из телеграмм и писем, полученных в юбилейные дни, я узнал, что ещё более широко подготовленное чествование в тот день, 25 декабря, состоялось в других городах. В Киеве прошла научная медицинская конференция с докладами профессора С. С. Кагана, Д. Н. Калюжного и других коллег. В республиканской научно-медицинской библиотеке, а затем в зале, где состоялась конференция, была организована выставка моих трудов.

В Костроме на юбилейном заседании после доклада С. Л. Зака решили послать мне привет:

«...Мы рады, в числе других организаций, послать свой сердечный привет заведовавшему — в давно ушедшие годы — губернским санитарным бюро Костромского земства, бывшему узнику царских тюрем, неоднократно высылавшемуся бесправному представителю «третьего элемента» — земских врачей, а ныне, в советский период истории нашей родины, — действительному члену Академии медицинских наук СССР, заслуженному деятелю науки, профессору Захарию Григорьевичу Френкелю!

Мы от души рады в день 90-летия пожелать автору книги «Удлинение жизни и активная старость», единственному из ряда русских и советских исследователей проблемы старения, сумевшему в эпоху войн и революций остаться активным «долгожителем» — на примере всей своей жизни продолжать утверждать основной вывод своих работ о ведущей роли социального фактора в проблеме «долгожительства» — и продолжать дальше свои научные труды!»

Когда я думаю о моей жизни в 1959 г., то мне кажется, что главным отличием жизни в этом году от предшествующих лет было растущее сознание всё большей невозможности для меня непосредственного восприятия непрерывно изменяющейся окружающей действительности.

Определяющим условием в этом отношении была, прежде всего, полная потеря зрения. Она мешала мне участвовать в поездках на съезды, конференции, научные собрания. Не только экскурсии, но даже простые

¹ «Платон мне друг, но истина ещё больший друг» — (выражение восходит к Платону и Аристотелю).

привычные прогулки становились просто невозможными для меня без провожатого. Особенно чувствительно было отсутствие таких прогулок в очень ранние утренние часы. Прежде, если по утрам почему-либо неудобна была прогулка по городу, по отдалённым улицам, то в ранние часы (летом с 5–7 часов) я по привычке работал в саду и в огороде. Теперь это стало для меня невозможным, так как я не мог уже отличать сорняков от рассады, не мог оправлять грядки и клумбы, не мог подрезывать ветки и пр.

Оставалось, следовательно, по утрам пытаться заполнить время какими-либо домашними работами, либо настойчивым обдумыванием занимавших меня вопросов без возможности производить записи такого продумывания. Таким образом, происходила всё большая изоляция моя от широкого общения с людьми вообще и в частности с теми, на кого прежде постоянно распространялись мои педагогические воздействия, т. е. со слушателями, участниками проводимых мною занятий.

Естественно, что теперь даже простые встречи с прежними учениками, которые раньше казались обычным проявлением повседневной жизни и не привлекали к себе моего внимания и не оставляли более длительных следов в памяти, теперь вырастали для меня в гораздо более заметные события жизни. Вспоминаю, что летом 1959 г. я с большим удовольствием провёл беседу с группой студентов Ленинградского санитарно-гигиенического мединститута, проходивших практику при Пушкинской СЭС.

Между прочим, во время нашей беседы вошла приехавшая навестить меня Л. А. Брушлинская¹. Разговор продолжался с её участием о разработке и изучении в 1959–1960 гг. проблемы общей заболеваемости и о возможности использования результатов этой разработки для направления оздоровительных работ СЭС.

Другая возможность общения со студентами того же Санитарно-гигиенического мединститута возникла в октябре 1959 г. во время их встречи со мною, как старейшим из живущих в Ленинграде гигиенистов. Встреча была организована студенческим научным обществом (СНО). Ко мне приехали студенты 5-го курса и просили меня провести беседу о восстановлении на санфаках чтения лекций по социальной гигиене и санитарной статистике вместо предмета «организация здравоохранения». Правление СНО желало также, чтобы я рассказал об истории возникновения в Институте в первый период после Октябрьской революции кафедры социальной гигиены, а также о моём участии в разработке материалов по демографической статистике новейшего периода.

Во время довольно длительного путешествия на машине из Пушкина до Мечниковской больницы водителю пришлось менять колесо, и я опоздал на заседание СНО более чем на час. Как мне сказали, какая-то часть собравшихся слушателей разошлась. Однако всё же большой зал институтского клуба был достаточно заполнен. Мне доставила большую радость встреча с собравшимися для участия во встрече со мною профессорами профилактического цикла.

¹ Брушлинская Л. А. — специалист по санитарной статистике, ученица и соратница П. И. Куркина.

В приветствии мне было много благожелательных преувеличений относительно непосредственного моего участия в первые годы существования Психоневрологического института, а затем в период ГИМЗа и 2-го ЛМИ и в строительстве самого этого Института, а также кафедры социальной гигиены. Это заставило меня дать более точную справку о посильном скромном моём участии в разные периоды строительства Института и его организации.

После двухчасовой беседы я ответил на вопросы, заданные некоторыми из числа собравшихся студентов, причём я получил подтверждение того, что геронтология стала новым «модным» вопросом. Вопрос о геронтологии и гериатрии содержался в нескольких записках.

Заключительное слово председателя СНО достаточно полно и хорошо подвело итог этого общения старейшего из санитарных врачей и представителей профилактического направления советского здравоохранения с наиболее молодым поколением, вступившим на путь деятельности санитарных врачей.

В принятом на XXII съезде КПСС проекте программы развёрнутого строительства коммунистического общества и в неоднократных выступлениях Н. С. Хрущёва существо программы формулировалось в призывных словах: «За мир, труд, свободу, равенство, братство и счастье народа». Мне казалось необходимым восполнить зияющий пропуск в этом призыве вставкой в начальной его части, после слов «за мир», перед вторым лозунгом «за труд», призыва «за здоровье».

Эта вставка казалась мне, безусловно, необходимой не только потому, что сам мир, то есть отказ от войны, должен быть достигнут, прежде всего, для сохранения жизни и здоровья населения, как основная предпосылка для соблюдения всех достигнутых международных соглашений и мер по охране здоровья от массовых болезней, но и потому, что призыв к расцвету труда, к обеспечению права на труд для всего населения, обретает своё практическое значение только при гарантированном условии здорового развития сил и трудоспособности, только признанием, в связи с этим, за всем населением «права на здоровье».

Недооценка такого понимания мне стала особенно ясной, когда специальная небольшая моя работа по обоснованию необходимости включения в советскую Конституцию «права на здоровье» не смогла появиться ни в одном органе печати, куда бы она ни посылалась («Правда», «Гигиена и санитария», «Советское здравоохранение» и др.).

Вторым необходимым дополнением в кратком призыве, вслед за принятым в программе лозунгом «свобода, равенство, братство» я считаю вставку «разум» и «правда». В этих словах должны найти своё отражение признание рациональных и разумных основ всего построения коммунистического общества. Не вера или доверие какому бы то ни было авторитету, а разумное понимание всех сторон государственного строя, признание их соответствия с нашим разумом и критическим сознанием, признание их соответствия тому, что отвечает нашему общему чёткому пониманию правды.

Таким образом, весь лозунг должен гласить — «за мир, здоровье, труд, свободу, равенство, братство, разум, правду и счастье народа».

С точки зрения основ социально-гигиенических знаний мне казалось также необходимым более глубоко рассмотреть, как были отражены в программе проблемы социальной гигиены, сформулированные на XXII съезде КПСС.

К сожалению, несмотря на отстаивание авторитетными представителями кафедр организации здравоохранения включения в их программы проблем социальной гигиены и восстановления, в связи с этим, самого названия кафедр (не «организации здравоохранения», а «социальной гигиены и профилактического здравоохранения») кафедры по-прежнему оставались односторонними, с исключительным вниманием к задачам организации и форм медицинских учреждений, а не к выявлению и анализу социально-гигиенической обусловленности здоровья населения и общих социально-гигиенических задач.

В новой программе КПСС было отражено первостепенное значение, с точки зрения социальной гигиены, глубоких мероприятий по оздоровлению воспроизводства поколений с затратами широких средств на охрану материнства и младенчества.

Но целый ряд статей в «Советском здравоохранении» и других периодических изданиях оставил у меня впечатление далеко недостаточного понимания их авторами проблем социальной гигиены в новой программе КПСС. Особенно неожиданными для меня были соображения Б. Д. Петрова о том, что широкие профилактические основы здравоохранения, сформулированные ещё при Ленине на VIII съезде, уже устарели, именно поэтому не нашли такого полного отражения в новой программе.

Тщательный анализ программы с полной убедительностью опровергал это утверждение и показывал всю необоснованность специальных пожеланий об удержании профилактических основ прежней программы VIII съезда. Такое пожелание было принято украинской санитарной организацией.

Вместе с Т. С. Соболевой мы пришли к заключению о необходимости включить в нашу общую работу в начале 1962 г. составление очерка «О социально-гигиенических проблемах программы КПСС 1961 г.». К сожалению, статья эта не была нами написана. Мне удалось лишь подготовить лекцию и затем сделать её магнитофонную запись, осуществлённую проф. Е. Я. Белицкой и другими сотрудниками кафедры организации здравоохранения и других кафедр Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института 23 сентября 1961 г. Запись этой лекции была затем заслушана студентами этого института.

После окончания моей работы над первыми тремя книгами мемуаров мне очень хотелось опубликовать их. В то время в издательстве Академии наук СССР появился ряд воспоминаний о жизненном пути деятелей науки разных специальностей. В них освещалась историческая эпоха, в которой протекала и формировалась их жизнь, общественная и научная деятельность. Я принял совет своей дочери Зинаиды Захаровны Шнитниковой и передал в Издательство АН СССР всю рукопись своих воспоминаний с просьбой ответить мне на вопрос о возможности их издания.

Позднее я узнал, что в Президиуме АМН СССР в 1958 г. было получено письмо вице-президента и главного учёного секретаря АН СССР академика

Александра Васильевича Топчиева, адресованное на имя Президента АМН академика А. В. Бакулева. Мне представляется, что содержание этого письма заслуживает внимания с точки зрения отражающегося в нём правильного понимания значения появления в печати трудов, в которых подводятся итоги и содержится отчёт о пройденном пути людей, много проживших и работавших в тесном единении с прогрессивными деятелями своей эпохи.

Текст письма был мне сообщён в заверенной Президиумом АМН СССР копии. В письме на основании ознакомления с «Автобиографическими записками о пройденном жизненном пути З. Г. Френкеля» высказывалось заключение, что записки эти представляют «значительный интерес и имеют большую ценность в качестве исторического материала. В этих воспоминаниях дана выпуклая характеристика и живое документальное воспроизведение состояния дела санитарии и гигиены в царской России, прогрессивной роли земской медицины и влияние прогрессивных идей земских деятелей на первые мероприятия в области советского здравоохранения.

На своём жизненном пути З. Г. Френкель был связан с крупнейшими деятелями русской медицины, а также с известными революционными и государственными деятелями: А. Н. Бахом, Ф. Ф. Эрисманом, В. В. Подвысоцким, Н. И. Тезяковым, П. Н. Диатроптовым, Н. Н. Бурденко и многими другими. З. Г. Френкель был свидетелем и активным участником всех основных мероприятий земской медицины — санитарной статистики, санитарно-гигиенических обследований и мероприятий, Всероссийской и Международной гигиенических выставок, земских съездов и т. д. З. Г. Френкель подвергался преследованиям царского правительства, был участником первой мировой войны и Февральской революции. Он был также видным деятелем советского здравоохранения, вёл большую научную и преподавательскую работу до самых последних лет, прожил в Ленинграде во время блокады.

Воспоминания такого выдающегося деятеля дореволюционной земской медицины и советской профилактической медицины, каким является З. Г. Френкель, охватывающие три четверти века, должны быть, безусловно, опубликованы, если не полностью, то в своей наиболее важной части.

По своему профилю книга З. Г. Френкеля целиком относится к области интересов советской медицины и здравоохранения. И поэтому вполне естественно, что она должна быть издана Медгизом.

Реализация этого издания, безусловно, является долгом и обязанностью Академии медицинских наук, как в знак уважения перед заслугами её автора, члена АМН, так и в интересах советской медицины.

Главный учёный секретарь Президиума Академии наук СССР

Академик А. В. Топчиев»¹.

Когда в 1959 г. возник вопрос об участии АМН в чествовании меня в связи с моим 90-летием, Президиум АМН СССР, между прочим, принял предложение о начале издания моих воспоминаний, а именно, по крайней

¹ Оригиналы этого письма из Президиума АН СССР и постановления Президиума АМН СССР о необходимости печатания воспоминаний З. Г. Френкеля хранятся в Архиве АМН СССР.

мере, первого тома, охватывающего события с 1869 по 1918 г. Продвижение этого вопроса было возложено на действительного члена АМН СССР И. Д. Страшуна. После ознакомления с рукописью И. Д. Страшун при личном свидании со мною сделал некоторые замечания, вполне приемлемые для меня, по поводу некоторых сокращений и редакционных изменений, после чего, по его мнению, никаких препятствий к печатанию книги не предвиделось.

Таким образом, в конце 1959 и в начале 1960 г. у меня оставалось впечатление, что рукопись принята к изданию. Однако весной 1960 г. она была передана из московского Медиздата в ленинградское отделение Госмедиздата. Последнее сообщило мне об этом и уведомило, что оно принимает издание в объёме не более 20 печатных листов вместо примерно 29–30, имеющихся в рукописи первого тома, и что в целях сокращения и окончательного редактирования книги Ленинградское отделение пригласило профессора Е. Я. Белицкую.

Привожу её первый отзыв о рукописи, сделанный в письме ко мне: «...Прежде всего разрешите поблагодарить Вас за то эстетическое, этическое (не подберу ещё должных прилагательных) наслаждение, с каким я читала Ваши “Воспоминания...”. Высокая поэтичность и трогательная любовь к природе, пронизывающая первые главы (детство и отрочество), глубокое трудолюбие и борьба за правду, освещающие позднейшие периоды общественной жизни и деятельности, — всё это волнует, пробуждает лучшие чувства в душе и, несомненно, будет иметь огромное воспитательное и поучительное значение для молодёжи... <...> в силу моего увлечения самим содержанием Ваших “Воспоминаний” я не могла сразу взяться за порученную мне издательством редакционную работу — это составило двухфазный процесс. Поэтому я — уже на втором этапе — принялась за повторное и очень внимательное чтение. Основная задача моя была, как у древних медиков — «прежде всего не вредить...» Все мои небольшие поправки я Вам доложу и согласую с Вами...».

По поручению издательства Е. Я. Белицкая должна была сократить рукопись почти на треть. В силу этого совершенно независимо от её оценки той или иной части моего труда она должна была удалить весьма значительные куски, которые мне, как автору, казались органически неотделимыми и зачастую представлялись наиболее ценными.

Эти огромные сокращения, разумеется, вызвали у меня тяжёлые переживания, доходившие до желания полностью отказаться от издания моих воспоминаний в таком чрезмерно изувеченном виде. В конце концов, я примирился с неизбежными авторскими огорчениями. Издание должно было в отредактированном виде выйти не позднее весны 1961 г. Об этом появились объявления в январских номерах медицинских журналов, а в «Доме книги» принималась подписка на книгу. Летом мне дана была для подписи корректура всей книги в сверстанном виде.

Но затем оказалось, что сигнальный экземпляр был задержан цензурой по каким-то неведомым соображениям. Книга вновь была отдана на отзыв Б. Д. Петрова и ряда других надёжных специалистов. Со стороны Президиума АМН СССР было предпринято специальное ходатайство и личные

переговоры В. В. Парина и др. Но ни в 1961, ни в 1962 гг. книга так и не увидела света.

Крушение надежды на печатание моих воспоминаний произвело на меня угнетающее воздействие. Как-то сразу потускнели оживлявшие меня стремления добросовестно восстанавливать в памяти события и общественную обстановку пережитых, таких неисчерпаемо богатых содержанием, отошедших или уходящих уже в историю периодов жизни.

Ещё более оскудело содержание ещё тянующихся дней жизни. Остро предстала перед сознанием всё возрастающая изоляция моя от живых источников бодрости, которые могут зародиться только при тесном единении с жизнью общества. У меня нет близких мне молодых сотрудников, на пользу которых мог бы служить мой жизненный опыт, и в деятельности которых могла бы продолжаться моя неумирающая потребность борьбы за правильный жизненный путь...

В 1961 г. сильное ухудшение зрения стало причиной того, что я отказывался от привычных выездов в Ленинград на «Полоску» или для участия в каких-либо заседаниях. Главным привлекательным моментом при поездках было непосредственное восприятие всех тех перемен, которые развёртывались в связи со всё возрастающим строительством города. Теперь уже я сам не мог видеть эти изменения, общение же с близкими или интересующими меня людьми всё чаще ограничивалось только разговорами с ними по телефону или гораздо реже — при их приездах в Пушкин.

С большей полнотой, чем когда бы то ни было в прежние периоды, моё внимание, весь мой активный интерес сосредоточивались на том систематическом, изо дня в день идущем, ознакомлении с общественной жизнью, которое я получал, слушая в течение всего дообеденного времени чтение текущей общей и специальной печати — газет и журналов. Как и во все эти годы прочитывал их мне ежедневно Игнатий Борисович Коган.

Главный мой интерес сосредоточивался на внимательном изучении содержания в ежемесячном «Вестнике Академии наук» и в «Вестнике АМН СССР», в журналах «Проблемы мира и социализма», «Коммунист», «Новое время», «Гигиена и санитария», «Советское здравоохранение», «Здравоохранение РСФСР», а также в значительном числе журналов и статистических ежегодников из стран народной демократии. Их можно было получать без особых затруднений по подписке в соответствующем магазине в Ленинграде. Через книжный отдел Академии наук СССР дополнительно каждый год разрешалась мне выписка «Демографического ежегодника ООН», а также журналов «The Public Health», «Population Index» и др. Систематически я получал также «Zeitschrift für die gesamte Hygiene» и все гигиенические немецкие издания.

Литературное использование материалов по демографии и санитарной статистике велось мною совместно с Татьяной Степановной Соболевой, причём на Т. С. падал, разумеется, наибольший труд по дополнительному извлечению всех необходимых интересующих нас материалов из новейших статистических и демографических изданий. Возможность работать над этими изданиями в специальных отделах Публичной библиотеки

им. Салтыкова-Щедрина и в Библиотеке академии наук СССР на Васильевском острове была ей обеспечена.

Эта наша работа лишь изредка увенчивалась удовольствием видеть появление в печати наших небольших статей, по преимуществу, характера рецензий в журналах, всегда, конечно, с исключением некоторых весьма существенных, с нашей точки зрения, выводов, замечаний и материалов. Чаще наши работы совсем не печатались, в особенности, когда дело касалось, каких бы то ни было, критических замечаний к материалам, публикуемым ЦСУ СССР, идущих за подписью В. Н. Старовского. В этом отношении как наиболее характерный случай вспоминается мне ответ из редакции «Вестника АМН СССР» от 13 декабря 1961 г., что наша научно тщательно обоснованная работа о совершенно неправильном освещении в статье ЦСУ СССР вопроса о столетних в составе населения СССР и других стран не будет напечатана в их органе, так как «в ней содержится критика официальных данных ЦСУ СССР».

Позднее работа эта была доложена Т. С. Соболевой в Ленинградском геронтологическом обществе (21 декабря 1961 г.), которое на основании внимательного обсуждения признала её важной с точки зрения правильного подхода к демографическим исследованиям геронтологической проблемы и включило в план издания очередного своего сборника.

Такая же судьба полного отказа от напечатания в журналах постигла и строго деловую критическую рецензию нашу на статистический сборник ЦСУ «Здравоохранение СССР», невзирая даже на признание правильности наших методических указаний со стороны министров здравоохранения СССР и РСФСР.

У меня исчерпалась вся моя настойчивость в отстаивании права критической оценки работ независимо от служебного положения тех или иных руководителей. Но Т. С. Соболева сочла своим долгом члена КПСС довести до сведения высшего партийного руководства в ЦК КПСС и добилась в результате своей жалобы сообщения по телефону инструктора Трубицыной, что её письмо и приложенные две вышеуказанные работы подробно изучались специальной комиссией, после этого обсуждались на совещаниях Министерства здравоохранения и ЦСУ СССР и признаны правильными.

В целом 1961 г. проходил у меня в условиях тяжёлого, подчас становившегося невыносимо безотрадным и мрачным, настроения. В ноябре при случайном падении в комнате получила вколоченный перелом плечевой кости Екатерина Ильинична. В то время она была больна пневмонией, осложнившейся плевритом. Гипсовая повязка была невозможна. Длительные, в течение многих месяцев страдания от незаживающего перелома, а потом все большее и большее истощение Екатерины Ильиничны отражались на моём общем настроении. В то же время я получил из Москвы извещение о тяжелой болезни моей сестры Евгении Григорьевны Левицкой. В ходе болезни у нее появились признаки некроза стопы, потребовавшие ампутации голени. После долгих месяцев страданий последовала смерть Жени в начале 1961 г.

Как какой-то злой рок было воспринято мною сообщение о заболевании лейкозом единственного сына Жени — Игоря Левицкого и вслед за тем известие о его смерти.

Глубокие волнения вызвал у меня целый ряд смертей наиболее близких мне друзей и товарищей по прежней деятельности — М. Д. Тушинского, Р. А. Бабаянца и, наконец, уже в конце лета 1962 г. — Л. С. Каминского. Каждая смерть причиняет волнение и боль утраты. И в каждом отдельном случае к этому присоединяются ещё свои особые омрачающие настроение переживания. В течение последних лет у меня эти переживания были связаны с постоянным чувством уменьшающихся и иссякающих собственных сил, всё более и более нарастающей общей слабости. Но всё же непоколебимым остается понимание неизбежности: пока тянется жизнь — отдаваться полностью её запросам и участвовать в её отстаивании.

Со всё более полной потерей зрения непрерывно уменьшались мои непосредственные зрительные восприятия окружающего мира, и у меня продолжали отпадать стимулы к поездкам в Ленинград. Ограничивались даже прогулки за пределы двора и придомового участка, где я чувствовал себя, как дома. Да по существу, для меня отпадала всякая возможность поездок или прогулок без провожатого. Совершенно утрачивалась способность ориентироваться, и я не мог найти нужный мне адрес, не мог вернуться назад. Всё большее значение для меня приобретали сведения, которые я получал, слушая радио, или рассказы посещавших меня друзей, родственников или обращавшихся ко мне за консультациями научных работников.

Теперь я научился несравненно глубже ценить письма от прежних друзей и сотрудников. С тоскою вспоминаю сейчас об утрате в последние годы систематической осведомлённости о событиях и делах в областях жизни, наиболее меня интересовавших, которые я получал со времени блокады Ленинграда и в послевоенные годы из регулярно посылаемых мне писем Фёдором Давидовичем Маркузоном, начиная с 1942 г. до самой его смерти в апреле 1958 г.

Меня очень трогали заботы Ф. Д. в период блокады о том, чтобы ко мне попадали все те сведения по санитарной статистике и демографии, которые проникали в Москву. Он из недели в неделю присылал тщательно выписанные его чётким почерком таблицы о рождаемости, смертности по возрастам и причинам в разных странах. Он извлекал их из получаемых в Москве в Ленинской библиотеке или в институтах (им. Эрисмана) периодических изданий или годовых статистических отчётов. Не всегда эти статистические материалы, по его мнению, заслуживали одинаково тщательной разработки, освещения и освоения, либо вообще работы моей над ними. Он не раз высказывал мысль, что ум, привыкший воспринимать действительность путём освоения массовых явлений и их соответственного учёта, нуждается в определённых статистических материалах, как лошадь в сене и овсе. И он радовался и торжествовал, когда мог послать изрядное количество «овсеца», то есть демографических материалов по тем или иным областям СССР или чаще — извлечения из «Public Health Report» либо из «Population Index» или из статистических ежегодников Франции, Швеции и других стран. За неимением «овсеца» он посылал то, что, по его квалификации, не обладало большей статистической питательностью, чем сено для скаковых лошадей.

Во время первой своей послевоенной поездки в Ленинград Ф. Д. остановился у меня в Лесном и, пока меня не было дома, обычно, как истинный

«книжный червяк», погрузился в загромождавшие мой стол и стеллажи различные материалы, начатые работы и скопления графиков и статистических таблиц. Там он натолкнулся на папку и тетради с некоторыми моими автобиографическими заметками и воспоминаниями. Это вызвало у него решение заставить меня отнестись к написанию мемуаров как к выполнению обязанности и безусловного долга перед многими людьми, которых, как он знал, я высоко ценил, и которых уже не было в живых. С тех пор в своих регулярных письмах и при личных встречах он неотступно возвращался к доказательствам обязанности моей не бросать воспоминаний.

В послеблокадное время, в особенности в годы после смерти его жены письма Ф. Д. стали более частыми и пространными. В них он заботился, чтобы ни одно событие из жизни статистических организаций и институтов не ускользало бы от моего внимания. Само собой разумеется, что на каждое его письмо я откликался не только с выражением глубокой благодарности, но и соответственным обсуждением полученной от него информации, а равно и сообщениями о научной и общественной жизни в Ленинграде. Со временем окрепла привычка получать письма от Ф. Д. Теперь я с признательностью вспоминаю, что и тогда до моего понимания доходило, сколько труда затрачивал неутомимый Ф. Д. для обеспечения меня теми материалами, которые должны были вызвать моё внимание и интерес.

В определённой степени под влиянием Фёдора Давидовича я с 1952 г. начал систематически работать над составлением автобиографических записок, а он неизменно требовал, чтобы я давал ему для ознакомления всё вновь написанное. Он не только сам прочитывал полученные от меня фрагменты, но и передавал (с уведомлением об этом меня) некоторым общим нашим знакомым, в том числе академику Л. Н. Яснопольскому¹, В. Э. Грабарю² и др. И вот теперь, после смерти Ф. Д., я часто с тоской и унынием возвращаюсь к памяти о его регулярных письмах в течение длинного ряда лет.

Хотя и со значительными промежутками, но всё же со своеобразной регулярностью привык я в последние годы получать дружеские письма Н. В. Марина. Это была переписка несколько иного характера, чем переписка с Ф. Д. Маркузоном.

Николай Викторович Марин близко знал меня ещё в период моей работы в Костроме в 1904–1908 гг. Зброшенный после революции в далёкие Березняки Пермской области, он отдался там работе по изучению местных условий, а часы досуга заполнял чтением философской литературы и стихотворными откликами на радовавшие его успехи в экономической и культурной жизни СССР. После случайного ознакомления с моей книгой о деятельной старости и удлинении жизни Н. В. стал всё чаще писать мне, сообщая свои самонаблюдения о сохраняющихся у него в возрасте, далеко перевалившем за 80 лет, запросах на участие в общественной работе и обо

¹ Яснопольский Леонид Николаевич (1873–1957) — экономист, академик АН УССР; профессор Киевского университета, кадет, член 1-й Госдумы. В 1937–1942 был в заключении и ссылке.

² Грабарь Владимир Эммануилович — профессор, юрист.

всех тех суррогатах такой работы, которые поддерживали его жизненную бодрость. Письма эти становились в последние годы его жизни всё более частыми, в особенности после некоторого восстановления зрения, наступившего благодаря операции катаракты.

Много тяжелых испытаний выпало на долю Николая Викторовича и его семьи. И он неизменно делился своим горем и радостями, которые он продолжал находить в литературе и всех послереволюционных успехах.

В письмах Н. В. Марина, получаемых мною в течение полутора десятков лет, начиная с 1946 г. и вплоть до смерти его на 95 году жизни в 1960 г., я систематически получал от него информацию, в которой с поражающей правдивостью отражались все ступени наступающей старости с её тяжкими недугами и неувыдающей жизнедеятельностью. В качестве живой иллюстрации к моим собственным наблюдениям геронтологического процесса приведу некоторые выдержки из его писем:

«11 июня 1958 г. ...Спешу поделиться с Вами одной серьёзной радостью, выпавшей на долю нашей семьи: Вера Николаевна получила от Пермского облсуда уведомление, что постановление Московской особой комиссии о ссылке её на 8 лет в лагеря Акмолинской области отменено, и дело производством прекращено. Таким образом, она во всех правах восстановлена, и всякая судимость с неё снята. Она уже получила двухмесячный оклад от учреждения, где она служила, и должна получить надбавку к пенсии. Итак, всё хорошо, что хорошо кончается. Но зачем она страдала и очень тяжело переживала целых 8 лет вынужденную и незаконную ссылку? А ведь она несла очень тяжёлые испытания. Например, в Соликамске она прожила довольно долго в заключении в монастырской церкви, куда было набито столько заключённых, что не было места на полу, чтобы отдохнуть: приходилось стоять или на ногах, или на коленях. И это не один, два дня, а целые недели! Не хватало воздуха для дыхания, дышали воздухом из половых и других щелей. Для проверки их выгоняли на монастырский двор, где они должны были стоять на снегу (!) на коленях (!), пока продолжалась проверка. А перед ними ходила охрана с револьверами и грозным видом. Заключённые каждый раз ожидали расстрела тут же на месте. А чего стоил их перегон из Соликамска до Акмолинских лагерей, сначала по железным дорогам, а потом пешком порядком. В лагерях В. Н. исполняла тяжёлую работу, которая по силам только здоровым мужчинам. Она заразилась малярией, в течение годов она каждое лето лежала в больнице при температуре тела до 41 гр. Были моменты, когда врачи уже не надеялись на выздоровление. По окончании срока ссылки (8 лет) она не выпускалась из Акмолинской области: её держали на “вольной” работе уже по выходе из лагеря ещё девятый год. Выпустили её только по указаниям врачей о том, что дальнейшее пребывание в области грозит ей смертью. Интересно, что по её возвращении в Березняки ни одного припадка малярии у неё уже не было.

Моя семья состояла в 1937 г. и в следующие годы (Ежова, Берия, Сталина) из 10 человек: 3 сына, 2 дочери, 2 зятя, 2 снохи. Из них пострадали от репрессий 5 человек: я (5 мес. тюрьмы), сын (5 мес. тюрьмы), дочь (8 лет), зять (пропал без вести) и сын (12 лет тюрьмы). Итого 50 % пострадавших из одной семьи. Если этот процент приложить ко всему взрослому насе-

лению России, то ведь мы получим миллионы пострадавших. Что говорит официальная статистика? Она, по-видимому, упорно молчит?»

«3 февраля 1959 г. ...Ваше письмо огорчило меня сообщением о сильном ослаблении Вашего зрения, лишаящем Вас возможности собственноручно написать письмо, ...и вполне разделяю Ваше горе. Оно мне очень понятно. Ведь я сам не имею возможности ни читать, ни писать... К другим моим бедам относится постепенная потеря слуха, а главное — сердечные припадки (стенокардия)... Я давно начал записки о прожитом и пережитом. Но, к несчастью, они погибли во время моей поездки в Москву — вместе с книгами, рукописями и оттисками моих литературных работ и пр. Возобновить мои записки и продолжить их теперь, при потере зрения и слуха, уже не могу, хотя память моя сохранилась хорошо...»

Трудно передать чувство боли и горя, которые испытывал я, узнав о смерти Николая Викторовича и перечитывая правдивые его мысли. Я сейчас пережил его на 3 года. Допускаю, что главными условиями такого долголетия для меня было непреодолимое отвращение к курению и вдыханию задымлённого воздуха с самого раннего детства на протяжении всего жизненного пути, а также безусловное отвращение к алкогольным напиткам во всех видах и сожаление к людям, терявшим, либо подрывавшим в себе качества человеческого самоконтроля. Но основой преодоления всех условий прекращения жизни в периоды старческого ослабления сопротивляемости болезням я должен, в первую очередь, считать ту материальную обстановку, которой я пользовался в качестве действительного члена АМН СССР, и сохранение ежемесячного денежного довольствия за это звание. Только этим создавалась для меня возможность деятельности и полноценной занятости в меру сохранившихся запросов на участие в коллективном труде... Пишу это 17 марта 1967 г. после приступа кашля и вдыхания кислорода...

Тяжело и болезненно переживали мы все весть о неожиданной болезни Т. С. Соболевой в начале 1962 г. Внезапное кровотечение из желудка заставило её спешно уехать в Москву, где в конце февраля была проведена экстренная операция резекции желудка по поводу язвы. После довольно длительного периода восстановления сил Татьяна Семёновна только к лету мало-помалу поправила своё здоровье, что позволило ей вновь приняться за работу. Этот период совпал как раз с прохождением в ленинградском Институте экспертизы трудоспособности симпозиума по геронтологии (18–27 июня 1962 г.), посвящённого разработке классификации и номенклатуры периодов старения и старости и методам установления возрастных рубежей.

Созыв симпозиума был запланирован по предложению Института геронтологии АМН СССР в Киеве, но проведение его было передано Минздравом СССР Геронтологическому центру в Ленинграде. Все материалы о предстоящем симпозиуме были из Киева присланы мне, как члену проблемной геронтологической комиссии, своевременно, но в связи с полной невозможностью для меня вести организационную работу из-за потери зрения, я сообщил проф. Н. С. Косинской¹, что не смогу принять участие в

¹ Косинская Н. С. — одна из основательниц Общества геронтологов и гериатров, автор многих трудов по физиологии, патологии и другим проблемам старения.

симпозиуме и вынужден ограничиться только отправкой своего доклада и личными консультациями в случае необходимости.

Я считал совершенно бесповоротным своё решение о невозможности лично участвовать в работе симпозиума, однако дело повернулось по иному. Н. С. Косинская неожиданно накануне открытия симпозиума приехала в Пушкин и заявила мне в не подлежащей обсуждению форме, что я буду на симпозиуме, а она лишь не отказывается взять на себя тягость организационной работы по его проведению.

На следующий день утром за мною приехал на своей автомашине её муж. Я подчинился сложившейся неизбежности.

С жадным желанием увидеть хотя бы в каких-то общих очертаниях размеры подвинувшейся застройки Ленинграда всматривался я по дороге в развёртывающиеся новые районы по Московскому шоссе, а затем во вновь застроенные многоэтажными зданиями пустыри, прилегающие к Смольнинскому району. Мне было трудно найти какие-либо хорошо мне прежде известные ориентиры. При выходе из машины у Института я встретил давно уже не видевшегося со мною М. Ю. Магарила и сразу попал под руководство ожидавшей меня дочери — З. З. Шнитниковой.

На коротеньком совещании перед открытием симпозиума я просил освободить меня от всякой организационной работы. По моему предложению руководителем и председателем собрания была избрана Н. С. Косинская, которая с большим умением и тактом провела весь симпозиум.

Основной доклад от Института геронтологии АМН СССР сделал его директор проф. Д. Ф. Чеботарёв¹. Внимательно вслушиваясь и в этот, и в два следующих доклада, я убедился, что во всей аргументации и содержании их совершенно никакого отражения не нашли соображения демографического порядка, и установление возрастных рубежей начала и протекания старости рассматривается только на уровне клеточного или, ещё глубже, молекулярного изучения процессов, происходящих в старческом организме. Поэтому, когда мне было предоставлено время для моего доклада, я сосредоточил всё внимание на решительном обосновании необходимости рассматривать проблему установления классификации старческих возрастов не только на уровне того, что происходит в отдельном человеческом организме, а, прежде всего, на уровне того, что происходит в человеческом сообществе, а следовательно в нашей стране, т. е. рассматривать проблему в перспективе развития всего общества.

Вопреки поверхностному биологическому взгляду реально человек не существует как саморегулирующаяся система отдельного организма. Человек существует исключительно только в качестве интегральной части того человеческого общества, в котором он появляется на свет, получает соответствующее, в высшей степени сложное, воспитание и вырастает как участник этого сообщества, той общественной формации, которой определяются все стороны жизни, — весь объём и характер питания, труда, отдыха, уклада, формируется склад его динамического стереотипа и прак-

¹ Чеботарёв Дмитрий Фёдорович (1908-?) — академик АМН СССР, геронтолог.

тического проявления его жизнестойкости в соответствии со складывающимися условиями жизни.

При всякой разбивке населения на возрастные группы и при специальном определении в составе населения старческих групп нужно обращать особое внимание на то, что такого рода приёмами мы переходим уже к изучению процессов, протекающих не в организме отдельного человека, а в целом населении каждой отдельной страны. Само изучение старости дополнительно к стремлению проникнуть в биологическую глубину её возникновения и протекания до уровня молекулярного, клеточного, тканевого или на уровне человека, как целостного единства должно непременно сочетаться с изучением старости вширь — на уровне жизни демографических совокупностей. А методика такого изучения возрастных периодов — детства, юности, расцвета и старости в нашей стране сложилась, в особенности в трудах П. И. Куркина, в хорошо разработанную систему сравнительного анализа совокупностей демографических показателей по возможности в наибольшем числе стран в разных географических поясах, на разных континентах земного шара.

К моему большому удовлетворению, хотя ход моих мыслей и шёл вразрез с основным направлением главных докладов, он был воспринят в аудитории с большим одобрением и вызвал затем значительное внимание. Об этом свидетельствовали разговоры и заявления, имевшие место как до официального открытия дебатов, так и в ходе обсуждения докладов¹.

Заключительное заседание было посвящено обсуждению программы на текущий год и вопросам проблемной комиссии геронтологии. У меня в памяти это заседание связано с крайне поразившим меня резким выступлением профессора А. Н. Рубакина (Москва), заявившего, что не следует допускать работ по изучению причин смертности в старческих возрастах, как это я предлагал. Нужно ограничить членов проблемной комиссии только работами, которые ставятся на очередь в нашей стране компетентными органами.

На симпозиуме я познакомился с выступавшей в качестве докладчика по проверке возрастных показателей столетних и всех вообще лиц старше 80-летнего возраста на Украине, выявленных в ходе переписи населения 1959 г., научным сотрудником Института геронтологии и гериатрии АМН СССР — Н. Н. Сачук. После симпозиума она навестила меня в Пушкине и при этом подробно выяснила все условия и затруднения, с которыми она имела дело при проверке возрастных показателей лиц преклонного возраста. У меня осталось весьма положительное впечатление от её настойчивого стремления убедиться в истинном положении дела со степенью надёжности возрастных показаний. Знакомство с Н. Н. Сачук осталось у меня

¹ Описываемый Симпозиум геронтологов утвердил предложенные З. Г. Френкелем возрастные градации, принятые затем зарубежными учёными: 40–60 лет — средний возраст; 60–75 — пожилой возраст; 75–90 — старческий возраст; свыше 90 — долгожители. Однако впоследствии благодаря повышению уровня жизни в развитых странах, там возрастные градации изменились в сторону увеличения пределов каждого возраста на 5 лет: среднего — до 65, пожилого до 80 и т. д.

в числе положительных итогов моего участия в симпозиуме. Я упоминаю об этом потому, что в последние годы не так часты случаи, когда у меня завязываются новые знакомства или когда молодые работники вызывают у меня радостное чувство, как вступающие на арену науки новые силы, в которых раскрываются многообещающие возможности.

В 1962 г. прекратились вследствие смерти Р. А. Бабаянца и его письма с сообщениями о ходе гигиенических исследований, проводившихся под его руководством.

Из воспоминаний о 1963 г. неприятный осадок остался у меня от попытки возобновить моё сотрудничество, хотя бы в скромном объёме, в журнале «Гигиена и санитария». В течение почти трёх десятилетий, в советский период, пока во главе редакции журнала находился Алексей Николаевич Сынсин, я был постоянным сотрудником журнала и систематически помещал в нём статьи, обзоры и рецензии. Даже в годы, когда я имел возможность безотказно помещать свои работы в журналах «Профилактическая медицина» (Харьков), «Вопросы коммунального хозяйства», в сборниках Академии коммунального хозяйства, во «Врачебной газете» (Ленинград) — и тогда я не порывал деятельного сотрудничества с журналом «Гигиена и санитария», ранее называвшимся «Гигиена и эпидемиология».

Однако после 1949 г., когда при новом руководстве редакции я, как член редакционного совета, послал статью о Е. А. Осипове, а затем — о С. А. Новосельском, статьи эти совсем не были помещены в журнале. Позднее, когда я передал статью, посвященную значению С. А. Новосельского для всей демографической науки и для гигиены, непосредственно в руки редактора, статья эта только года через два, в конце концов, была напечатана с изменённым без моего ведома заглавием. У меня она была названа «Дело жизни С. А. Новосельского». Редактор же, не вникнув в содержание, заменил название собственным измышлением: «Выдающийся учёный-демограф советского периода», хотя, как известно, основной труд по демографии Новосельского, увенчанный большой золотой медалью Российской академии наук, как и все составленные им отчёты о санитарном состоянии населения и организации здравоохранения в России выходили не при советской власти, а с 1900 по 1916 гг.

Постоянные редакционные сокращения и непомещение без всяких достаточных, на мой взгляд, оснований некоторых моих статей, в конце концов, отбили у меня охоту подвергаться такой постоянной дискриминации. Однако в списках членов редакционного совета, печатаемых в каждом номере «Гигиены и санитарии» продолжала стоять моя фамилия.

При монотонности и однообразии внешней обстановки, в которой в течение всего лета протекала в 1963 г. моя жизнь в Пушкине, некоторым отклонением были первые три недели августа, когда у нас гостила Зиночка. Её муж Арсений Владимирович уехал в свою летнюю экспедицию по изучению озёр и гидрологических условий в Казахской ССР, Целинном и Алтайском краях, а Наташа с конца июля получила временную работу по изучению вредителей хлопчатника в Таджикистане. Зиночка осталась одна, ей тяжело было возвращаться каждый день с работы в Туберкулёзном институте в пустую квартиру.

Каждое утро, пока она была у нас, у меня был повод, невзирая на потерю зрения пытаться составлять букеты из расцветающих со значительным опозданием в то лето белых лилий, гвоздик, полиантовых роз, а затем также флоксов, тигровых лилий, астр, георгин. Букеты Зиночка передавала своим сослуживцам в Тубинституте. Это, по её словам, вносило много оживления в тяжёлую обстановку работы в тесных жарких помещениях. Научные сотрудницы Тубинститута заочно познакомились со мною и по почину, очевидно, Зиночки обратились ко мне с просьбой разрешить им навестить меня. Им хотелось услышать от меня некоторые сведения о малоизвестных им первых шагах в деле организации их института вскоре после Октябрьской революции, о деятельности института под руководством А. Я. Штернберга и о развёртывании в то время в его составе отдела социальной гигиены для изучения распространения туберкулёза среди рабочих завода «Большевик».

Идя навстречу этому желанию, я 2 августа провел «встречу» с научными сотрудниками Тубинститута. Программа была подготовлена нами заранее. Причём Татьяна Степановна Соболева взяла на себя всю заботу об обильном снабжении беседы на тему: «Туберкулёз с социально-гигиенической точки зрения теперь по сравнению с первым периодом после Октябрьской революции» графиками, в особенности теми, в которых отражалось резкое снижение заболеваемости и смертности от туберкулёза среди трудовых масс населения. Были и сравнительные данные о смертности от туберкулёза по 35 странам мира, собранные Татьяной Степановной по «Демографическому ежегоднику ООН» (1961 г.). Наши сообщения вызвали большой интерес и живые отклики у участвовавших при обсуждении докладов В. Д. Селиверстовой, М. С. Греймер, Н. М. Протопоповой, И. С. Колесниковой. По их инициативе на совещании научных сотрудников Тубинститута было решено просить нас (меня и Татьяну Степановну) продолжить такого рода обсуждения современных социально-гигиенических проблем туберкулёза.

Благодаря пребыванию у нас Зиночки я имел возможность внимательно ознакомиться с «Воспоминаниями» У. Э. Б. Дюбуа¹, вышедшими у нас в 1962 г. Книгу эту Зиночка привезла с собою, и по вечерам, а иногда и в ранние утренние часы читала её мне. Интерес, который пробуждали во мне эти «Воспоминания» нарастал по мере того, как продвигалось чтение книги. С ясностью, никогда ранее не достигавшей у меня такой степени и глубины, я почувствовал и понял всю неотступную боль и неизбежность страдания высокоразвитого человеческого сознания от расовой дискриминации.

Стр. 481: «...Неграм надо объединить усилия, чтобы обеспечить своим детям эффективную защиту и дать им настоящее образование. Мы не должны повторять ошибку немецких евреев, которые считали, что если они ассимилируются с немцами и те примут их в свою среду, как равных себе в интеллектуальном и социальном отношении, то вся их нация окажется в

¹ Дюбуа Уильям Эдвард Бёркхардт — американский писатель, историк, социолог и общественный деятель. Одним из первых бросил вызов евроцентристским утверждениям о неполноценности черноамериканцев и об отсутствии у них собственного культурно-исторического наследия.

безопасности. Но пришел к власти такой маньяк и преступник, как Гитлер, и шесть миллионов евреев стали жертвой своей роковой ошибки...»

Я знал душу ещё одного человека, который с таким же страданием относился к проблеме расовой дискриминации. Это была Екатерина Ильинична. Но вот и её я потерял...

Месяц за месяцем — прошло уже больше полугода со времени кончины Екатерины Ильиничны, наступившей 12 декабря 1962 г. Смерть её была для меня жестоким горем, сломившим и разметавшим всю мою внутреннюю собранность. Я был почти на 12 лет старше Екатерины Ильиничны и никогда в моё сознание не вкрадывалась мысль, что я смогу пережить её.

Её первые шаги сознательной жизни после окончания гимназии в Минске привели её к работе пропагандистки среди минской бедноты и рабочих. В результате она очень скоро попала в тюрьму и потеряла всякую возможность продолжать образование. По выходе из тюрьмы Екатерина Ильинична нелегально переправилась через границу и сумела получить медицинское образование в Цюрихе, где и защитила свои «докторские тезы» по патологической физиологии. 11 января 1911 г. она получила диплом доктора медицины. В Цюрихе Екатерина Ильинична бывала на собраниях, где ей удалось быть слушательницей выступлений В. И. Ленина, покорявших её своей силой и логикой.

Вернувшись после Цюриха на родину, Екатерина Ильинична получила русский диплом врача и с января 1912 г. взяла место эпидемического врача Симбирского земства, чтобы участвовать в борьбе с эпидемией сыпного тифа, но в июне 1912 г. сама заболела тяжёлой формой сыпного тифа и целый месяц пролежала в крестьянской избе, где её отхаживали товарищи по работе на эпидемии. В 1912–1913 гг. Екатерина Ильинична работала участковым врачом Соликамского уезда. С началом первой мировой войны она была направлена руководить организацией поезда № 199 земского союза для эвакуации раненых и больных с фронта и из прифронтовой полосы в более глубокий тыл, затем работала главврачом полевого санитарного поезда. В 1915–1918 гг. Екатерина Ильинична участвовала в работе по устройству и оборудованию госпиталей областного Союза городов в Глазове, Вятке, Новгороде и других городах, а также организовала плавучий эвакуационный госпиталь для долечивания оперированных и выздоравливающих фронтовиков.

После революции Екатерина Ильинична занималась организацией детских санаториев и больниц в Старом Петергофе, а затем в Пушкине. В период блокады Ленинграда она работала в детской инфекционной больнице им. К. Либкнехта. А по окончании войны ей было поручено восстановление пушкинского детского санатория.

В последние годы Екатерина Ильинична перенесла целый ряд тяжёлых болезней: перелом плечевой кости с трещинами в плечевой головке осенью 1961 г., пневмонию и повторную пневмонию. В декабре 1962 г. появились чрезвычайно сильные боли в области желудка, а затем и во всем животе. По настоянию врача скорой помощи Екатерина Ильинична была помещена в больницу. При операции был установлен общий перитонит в результате гангренозного разрыва стенки кишечника...

Всё это непрерывной вереницей воспоминаний пронесется передо мною.

В начавшемся 1964 г. я находился во власти угнетающего настроения, подводя итоги истекшего 1963 г. Столько следовавших одна за другой утрат близких, друзей, товарищей по работе, дорогих соратников: смерть Ю. А. Левина, вслед за тем — уже в начале 1964 г. А. Я. Гуткина.

Так же, как после периода блокады Ленинграда меня систематически в течение многих лет держал меня в курсе всех существенных движений в области демографии и санитарной статистики Ф. Д. Маркузон, а после его смерти — С. С. Каган, так последние годы большим утешением для меня служило систематическое общение с А. Я. Гуткиным. Его еженедельные приезды вместе с сотрудниками ко мне в Пушкин, либо мои поездки к нему на кафедру и, во всяком случае, постоянные письма друг другу по поводу его работ и моих откликов на них очень много значили для меня. Я дорожил возможностью обдумывать вместе с ним возникавшие у него вопросы в связи с его деятельностью в качестве заместителя директора Ленинградского санитарно-гигиенического мединститута по научной части. Его смерть добавила новую пустоту, так болезненно ощущавшуюся мною в моём повседневном общении с соратниками и ближайшими участниками в общей борьбе за общее дело.

Тем больше признательности и внимания моего стала вызывать у меня зародившаяся в 1964 г. и постепенно ставшая принимать не спорадический, а почти постоянный характер переписка с Л. Г. Лекаревым¹. В самом начале 1964 г. я получил от него следующее письмо:

«Дорогой и глубокоуважаемый Захар Григорьевич!

Прошу простить меня за беспокойство, но Вы, кажется, единственный человек, кто может дать мне исчерпывающую консультацию. Делаю это по совету Ильи Давидовича Страшуна. В процессе работы над историей сельского здравоохранения я обратился к Вашей замечательной и теперь уже уникальной книге “Очерки земского врачебно-санитарного дела”, которую с большим трудом выписал из библиотеки им. Ленина. Все имеющиеся таблицы и значительную часть текста нам удалось перепечатать... Внимательное изучение Вашего труда вызвало естественное желание ознакомиться со всеми материалами, экспонировавшимися на международной выставке в Дрездене и на Всероссийской выставке 1913 г. Наши попытки выяснить, публиковались ли когда и где полностью материалы указанных выставок (имеется в виду русский отдел) оказались бесплодными. Я обратился с этим вопросом к проф. Страшуну, а он порекомендовал мне обратиться к Вам.

Если это Вас не очень затруднит, прошу ответить на этот вопрос и подсказать пути розыска этих материалов...»

В ответ на это письмо я выслал проф. Л. Г. Лекареву в разные сроки не только «Очерки земского врачебно-санитарного дела», но и другие мои работы: «Общественное здравоохранение на распутье», «Социальная ги-

¹ Лекарев Л. Г. — профессор, специалист в области теории и организации советского здравоохранения.

гиена и общественное здравоохранение», «Волостное благоустройство», «Основные неразрешённые вопросы земской медицины», а также список моих работ, автобиографию и др.

Но у меня вызвало большое удивление, что такой серьёзный исследователь складывающейся в нашей стране системы сельского здравоохранения, как автор хорошо известной мне докторской диссертации Л. Г. Лекарев, совсем не знал моих многолетних трудов по этим вопросам, даже таких, как «Волостное благоустройство и здравоохранение» (1918, 1926 гг.), «Общественное здравоохранение на распутье» (1930) и другие вышеперечисленные работы.

Поскольку особый интерес к Л. Г. Лекареву возник у меня как к автору работы о значении Н. И. Пирогова для развития общественной медицины в нашей стране, напечатанной в «Вестнике АМН СССР» (1963. XI), то, отвечая на приведённое его письмо, я высказал моё сожаление, что не могу вследствие потери зрения поехать к нему в Винницу и просил его приехать ко мне в г. Пушкин для личного выяснения вопросов, его интересующих. В ответ Л. Г. Лекарев писал: «Ваша исчерпывающая справка поможет теперь разыскать всё необходимое. Ваши книги... я выписал из библиотеки имени Ленина и надеюсь их получить. Очерки врачебно-санитарного дела стали действительно библиографической редкостью, по крайней мере, на Украине. Ведь самых ценных книг после оккупации в библиотеках не оказалось!.. Мне же они особенно нужны, так как и я, и мои ученики занимаемся вопросами сельского здравоохранения. Сейчас, в связи со 100-летием земской медицины, хотелось бы подготовить несколько исследований, отображающих различные стадии развития сельского здравоохранения за минувшее столетие.

Я бы охотно воспользовался Вашим любезным приглашением посетить Вас, чтобы познакомиться с Вашими неизданными трудами, посоветоваться с Вами по ряду вопросов сельского здравоохранения... Если мне ничто не помешает, то я обязательно приеду...».

19-II-1964 г.: «Сердечно признателен Вам за письма и книги. Много интересного и очень важного для меня я узнал в “Волостном хозяйстве”... Очень сожалею о том, что не знал об этой книге, когда работал над сельским врачебным участком. Этот важный период в истории сельского здравоохранения — нигде не освещен так чётко и обстоятельно. По крайней мере, мне это оставалось неизвестным, хотя я много и внимания, и лет отдал изучению этого вопроса. Откровенно говоря, читая эту книгу, всю целиком, я наслаждался не только глубоким знанием дела, но и блестящим стилем изложения, умением живо и ясно говорить о самых прозаических вещах... Несмотря на прошедшие четыре десятилетия, на огромные сдвиги, происшедшие на селе, многие положения этой книги продолжают оставаться весьма актуальными. И я, и мои ученики напомним современному читателю об этой хорошей и нужной книге.

С большим интересом прочёл Вашу статью “Общественное здравоохранение на распутье”. Особенно ценной мне показалась мысль о необходимости использования всей полноты наших возможностей в отношении каждого отдельного человека, то есть индивидуализация мер профилактики, основанной на тщательном активном наблюдении за каждым боль-

ным и здоровым человеком... Очень рад “Общественной медицине и социальной гигиене”. Эту книгу я знаю давно и теперь снова внимательно прочитал...».

В конце письма Л. Г. Лекарев сообщал, что направляет своего аспиранта в Ленинград для ознакомления с переданными в Отдел рукописей Ленинградской государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина четырьмя книгами моих «Воспоминаний о пройденном жизненном пути», а сам собирается навестить меня во время летних каникул.

В письме от 24 марта 1964 г. Л. Г. Лекарев писал:

«С некоторым запозданием хочу сердечно поблагодарить Вас за очень интересную и нужную для меня статью “Об основном неразрешённом вопросе земской медицины”... О многом я, к сожалению, не знал, а должен был знать... В частности, повинен, как и многие другие представители старшего поколения, в неправильном освещении истории социальной гигиены. Оказывается, советская социальная гигиена начала свою историю не с 1922 года, а с 1919, и честь первого лекционного курса принадлежит Вам! Я от души поздравляю Вас с этим и постараюсь сделать всё необходимое для правдивого освещения истории нашей дисциплины. Начало этому я уже положил во вступительной лекции этого года.

Все Ваши труды записаны в кафедральную картотеку и, разумеется, взяты на вооружение.

В последние дни работал над статьёй для международного журнала “Здравоохранение”, посвященной столетию земской медицины. Очень пригодились мне Ваши статьи, подводящие основные итоги полувекового её развития...Мне очень хотелось отдать должное заслугам земских врачей, объективно оценить достижения земской медицины, её важное значение в истории нашего здравоохранения и, вместе с тем, не впасть в другую крайность, избежать идеализации...».

Вслед за тем Л. Г. Лекарев дополнительно просил оказать консультативную помощь направленному ко мне ассистенту А. М. Голяченко, которому он поручил тщательно ознакомиться с материалами по развитию сельского здравоохранения в земский период и в первые годы советской власти, которые можно было бы извлечь из моих книг, записок и «Воспоминаний о пройденном жизненном пути».

А. М. Голяченко работал в Ленинграде над машинописным экземпляром моих «Воспоминаний» в Отделе рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, а также у меня дома над материалами моего личного архива в июне и июле 1964 г. Готовясь к киевскому симпозиуму по геронтологии, Л. Г. Лекарев писал в сентябре 1964 г., что у него возникла мысль о необходимости переиздания моей книги «Удлинение жизни и деятельная старость» ввиду полного её отсутствия в течение последних десяти лет на книжном рынке: «Снова очень внимательно перечитал Вашу книгу и снова восторгался ясностью Вашей позиции и глубиной аргументации. Мне очень хочется напомнить читателю об этой необычной книге, тем более что в этом году совпадают две юбилейные даты — 95-летие автора и 15-летие с момента выхода второго издания...»

В письме, полученном мною 26 ноября того же года, Л. Г. Лекарев настойчиво советовал мне не откладывать, а теперь же заняться подготовкой нового расширенного издания моей книги об удлинении жизни: «Очень обрадован присланными рецензиями и, особенно, Вашим решением готовить новое расширенное издание. Это очень и очень нужно. И на VII республиканском съезде гигиенистов УССР, и на пленуме правления Всесоюзного общества гигиенистов, и на республиканской историко-медицинской конференции во Львове, откуда я недавно вернулся, — всюду тепло вспоминали о книге и её маститом авторе. Я писал уже Вам, что собираюсь напомнить о ней медицинской общественности через медицинскую газету. Статью, наверное, поместят в начале декабря, с учётом Вашего дня рождения. Надеюсь, что на сей раз, редакция газеты будет более милостива...»

<...> В течение многих уже теперь лет, протекших после написания «Записок о жизненном пути», я не могу из-за потери зрения при случае просматривать их и попутно вносить некоторые замечания, редакционные дополнения и поправки с точки зрения критической оценки, обусловленной изменением моего отношения ко всему тому, что было отражено прежде. Так, например, теперь я бы непременно высказал горькое сожаление по поводу того, что в период учёбы в Дерптском университете я не уделил достаточного времени для овладения необходимыми разделами высшей математики, дифференциальному и интегральному исчислению, теории вероятности и пр. Или, оставляя работу в Ново-Ладожском уезде и переходя к более интенсивной деятельности в Санкт-Петербурге, я не использовал возможность во время работы в Новой Ладогe пополнить свою общую подготовку освоением английского языка, хотя именно там и тогда это легко можно было осуществить с помощью жившего по соседству англичанина и т. д.

В последние годы, вследствие полной потери зрения и резкого сокращения непосредственного общения с разными научно-общественными организациями и коллективами, всё большее значение для меня приобретает систематическое ознакомление с вновь выходящими литературными, научно-исследовательскими и отчётными материалами. Подводя итоги жизненного пути за 1962–1963 гг., я выделил мои волнения и переживания, вызванные ознакомлением с такими книгами, как труды Дюбуа, как издания «Демографических ежегодников ООН» и др. В 1964–1965 гг. глубокие волнения и длительное сосредоточение внимания вызвали книги: «Люди, годы, жизнь» И. Эренбурга, «Спиноза» и «Кампанелла» М. Беленького, «Кармельюк» В. Канивецца, «Толстой» В. Шкловского, «Достоевский» и «Пушкин» Л. Гроссмана.

Из перечисленных книг особенно мучительным было познание беспредельности и бесчеловечности истязаний людей изуверством католической инквизиции по отношению к Томазо Кампанелле за его изображение возможной светлой и правдивой жизни в «Городе солнца» и такое же точно, не знающее никаких границ мучительство в течение многих десятков лет Кармельюка помещиками и властями за его скромное стремление обеспечить крепостным людям некоторые начатки личной свободы и человеческих прав.

Знакомство с книгой о Кармелюке оживило в моей памяти давние детские воспоминания о песнях, которые пели «лирники» на ярмарках и базарах на Украине, в Черниговщине. В них Кармелюк воспевался как народный мститель за мучительства помещиками дворовых крепостных людей. Запало в память мне из песни о Кармелюке, которую я слышал в нашем селе (Скрипчин Остёрского усада), место о встрече его с преосвященным. От окруженного соратниками Кармелюка архиерея он кратко требует: «Давай, давай тыи гроши, що мы у тебе знаем. Давай зараз, мы их посчитаем...». Как известно, Кармелюк на Волини забирал деньги и тотчас же возвращал их тем, у кого они были отобраны или награблены помещиками, попами или чиновниками.

Если бы я мог вернуться к работе над моими машинописными записями, то теперь я бы тщательно продумал выделение в особые главы либо очерки в каждой книге воспоминаний полного списка литературных источников и специальных записей, которыми я пользовался в дополнение к моим личным воспоминаниям, а также попутно составлял бы предметный указатель и указатель имён для помещения в конце книги.

Последние 5–6 лет, когда мой возраст перешагнул уже пределы, за которыми начинается «долголетие» (после 95 лет) степень остающихся ещё сил и возможностей к жизнедеятельности характеризуется обычно, когда речь идёт о долгожителях, остающейся у них способностью к самообслуживанию. У меня эту способность и возможность резко нарушила полная потеря зрения. Я не могу читать всякого рода записи, так же как и всякое печатное и записанное слово вообще, и это вынуждает меня обращаться за помощью к окружающим, в то время как по укоренившимся личным привычкам во всей моей жизни я обходился без чужой помощи. Но в обычном жизненном обиходе самообслуживание, в смысле поддержания чистоты тела, всякого рода отправлений, — эти привычки остаются у меня в неприкосновенности и теперь.

Потеря зрения не мешает мне очищать топку от золы, заправлять печь, подметать пол, уносить ведро с компостным и кухонным мусором в компостную кучу в ста шагах от дома, в конце приусадебного участка, где складываются сорняки, постоянно вырываемые и удаляемые с огородных и цветочных грядок и из-под яблонь в саду. Однако я уже не могу очищать от сорняков сад и огород, так как на ощупь уверенно могу вырвать только немногие растения (такие как глухая крапива), но всегда рискую вместе с сорняками не пощадить и возделываемые культуры.

Так как речь идёт о добросовестном самонаблюдении долгожителя, которое может быть учтено геронтологом или гериатром, то в этой заметке о самообслуживании считаю уместным упомянуть о некоторых усвоенных приёмах самообслуживания.

Чтобы не увеличивать количества вводимой утром жидкости, я применяю на себе, после утреннего прополаскивания рта, проглатывание, для промывания глотки, значительного количества слюны, выделяемой из всех систем жёлёз языка, подчелюстных и других железистых образований полости рта. Для быстрого накопления слюны следует тщательно, с некоторым нажимом протирать языком твёрдое нёбо, верхний челюстной отросток и зубы, а затем нижние зубы и подъязычные железы.

Я совершенно не пользуюсь услугами парикмахера для стрижки и бритья. Теперь, как и в течение всех предыдущих четырёх десятилетий моей жизни, содержание в полном порядке шевелюры, то есть моя стрижка и бритьё занимают у меня не более 10 минут каждое утро. Я пользуюсь безопасной бритвой и простыми ножницами. Чистка одежды простой щёткой без посторонней помощи выполняется мною и при отсутствии зрения в ранние утренние часы, пока это никому не мешает.

На протяжении моего долгого жизненного пути, я много раз убеждался, что наиболее ценным, дорогим и надолго остающимся подлинным нашим благом является дружба, которая скрепляет нас с некоторыми из наших спутников в жизни или наших со товарищей по жизненной борьбе.

К сожалению, в памяти моей не осталось имён целой группы моих соучеников по Козелецкому городскому училищу, с которыми, несомненно, были самые близкие отношения, самое тесное сотрудничество и одинаково радостное переживание всего того, что так обогащало наше сознание, наш внутренний мир. Но зато в Нежинской гимназии за полных 8 лет пребывания в ней, уже с первых же классов выделились ближайшие друзья, которых сначала привязывало и связывало общее миропонимание, единство запросов и мыслей о правде и добре. Единство стремлений и совместных действий делало нас не просто друзьями, но и, так сказать, побратимами. Именно такими у меня в гимназии были не только Вячеслав Голяка и Константин Левицкий, но и такие участники нашего кружка самообразования, как Павел Уваров, Талиев, Случанин, Мильский, Гуцевич и др.

Субъективно у меня было тогда в гимназии такое чувство, что мы на всю последующую жизнь останемся тесно связанными между собой единомышленниками и друзьями. Но прошли немногие годы и уже после крушения моего в Московском университете, после относительно недолгого пребывания в «Бутырках», я уже не помню ни одного случая, когда бы овладевало мною или хотя бы возникало стремление узнать, что же случилось с моими нежинскими друзьями, где они, чем стали в последующей жизни. Только о Константине Левицком я, теперь не помню от кого, узнал, что после почти двухлетнего пребывания в тюрьме за случайно обнаруженный при обыске какой-то революционный листок, он жил у своего брата, земского врача Курской губернии. Я настойчиво стал осаждать его письмами, чтобы он приехал в Дерпт для поступления на юридический факультет. В конце концов, он был подвинут на это братом, жил в Дерпте в одной комнате со мною до конца университетского курса и оставался, как и прежде, ближайшим моим другом, и все перипетии его жизненного пути волновали меня как собственные мои невзгоды. У меня нет никакого теперь понимания и истолкования, почему же совершенно исчезли от меня все другие, такие близкие, такие дорогие друзья гимназического периода.

С годами всё труднее завязываются новые дружеские связи и, судя по моему личному опыту, всё меньшую роль при этом играют одинаковость возраста и всё большее влияние оказывают единство жизненного положения и определяющих жизненных задач и установок. Так, в период короткой жизни в Петербурге по окончании Дерптского университета и затем в период работы санитарным врачом в Петербургском губернском земстве,

подлинным другом моим стал, как подробно описано в соответствующих главах моих «Записок», Иван Андреевич Дмитриев, хотя он и был более чем на 20 лет старше меня.

Как и всякая дружба, наша дружба была двусторонняя. Вплоть до смерти Ивана Андреевича в 1923 г., то есть в течение 25 лет, хотя это были годы коренных перемен, когда сменялись вехи, менялись дороги, открывались новые миры и новые перспективы, — чувство дружбы и высокая оценка Ивана Андреевича, как близкого старшего друга, оставались у меня непоколебимыми.

Позднее, в период работы по организации врачебно-санитарного отдела в Костромском губернском земстве, очень близкая дружба возникла и окрепла с такими моими товарищами по работе, как Александр Сергеевич Дурново, Малыгин и Рождественский. Чувство самой тесной дружбы и близости с ними жило во мне до самой их смерти уже в период советского здравоохранения и социальной гигиены.

Глубокое уважение и почитание исключительной душевной одарённости, в подлинном смысле слова, чувство дружеской привязанности крепло и сохранялось к Петру Ивановичу Куркину вплоть до его смерти.

Также только смерть прервала глубокую дружбу и взаимное деятельное уважение у меня с Саввой Артемьевичем Самофалом, мужем моей младшей дочери Лёли и отцом моего старшего внука Кости.

В период работы моей по строительству и развитию Отдела коммунальной и социальной гигиены Музея города и Института коммунального хозяйства в Ленинграде возникла и поддерживалась дружба моя с И. М. Мавриным, погибшим при защите города в самом начале блокады.

В моих «Записках» нашла полное отражение истинно дружеская близость и привязанность с А. Я. Гуткиным и Ф. Д. Маркузоном, а также ещё более поздняя связь с С. С. Каганом. Эти три, такие ещё свежие в моей памяти дружеские связи продолжались до смерти сначала Ф. Д. Маркузона, затем А. Я. Гуткина и — совсем недавно — С. С. Кагана.

В первый период после революции на почве совместной работы у меня возникли и постепенно окрепли самые глубокие дружеские отношения с Рубеном Амбарцумовичем Бабаянцем. Он вызывал у меня всегда большое уважение своею целеустремлённостью и поражающей настойчивостью и трудоспособностью. Когда мне приходилось, по его просьбе, редактировать его работы, и я по его желанию вносил добавления, а также и правку в характер самого построения и изложения, он *sine ire et studio*¹ — тщательно изучал все поправки и в дальнейшем очень успешно трудился над усовершенствованием своего мастерства изложения. Это относится к периоду 1919–1927 гг. В 1930–1950-х гг. наша тесная дружба поддерживалась в совместных работах по изучению и приложению на практике почвенных методов обезвреживания и использования удобрительной ценности городских отбросов.

Я всегда с искренним восхищением относился к настойчивости и размаху работы Рубена Амбарцумовича. Даже в годы своей тяжёлой болезни

¹ Без гнева и пристрастия (Овидий).

он часто навещал меня, отдаваясь изложению занимающих его планов развития его кафедры, хотя уже в то время знал, что после нескольких оперативных вмешательств хирурги пришли к выводу о злокачественном характере его лёгочного заболевания.

Я испытывал большое удовлетворение от дружбы и сотрудничества с Р. А. Бабаянцем. Приведу здесь несколько слов Рубена Амбарцумовича из его письма ко мне в день его 60-летия 7 февраля 1959 г.: «Из всех 245 телеграмм, присланных мне из различных мест, Ваше письмо было, конечно, не только самым дорогим для меня и для всех моих, собравшихся на кафедре, как они называют, 25 учеников — Ваших духовных внуков, но и самым лучшим. Дорогой Захарий Григорьевич! Мой самый любимый учитель вот уже четверть века! Вы, конечно, хорошо знаете и помните, что первые шаги моей научной гигиенической работы, как и первые попытки научно-литературных выступлений по гигиене, шли под Вашим творческим руководством. Я не для красоты употребил подчёркнутое определение: почти всё, что я делал в течение многих лет после этих первых шагов, всегда было на основе Ваших драгоценных советов и указаний — безупречных в научном отношении и незаменимых своей практической ценностью.

...Самое дорогое для меня во всей моей... научной работе я перенял и получил от Вас... и Вашей, именно Вашей общественной школы — в нашем ленинградском Обществе санитарных врачей. В нём моё поколение гигиенистов росло и многие из них, как и я, доросли до профессоров, хотя немногие остались верными духу, направлению и стремлениям этой замечательной уникальной школы... Для меня она была не только местом усовершенствования, но и источником всё новых и новых начинаний, инициатив, планов и направлений научных изысканий и оздоровительных работ...»

Живое чувство деятельной дружбы ещё с периода моей работы в Костромском губернском земстве продолжает наполнять меня и до сих пор, когда я думаю об Александре Петровиче Прокофьеве. Более 60 лет тому назад, будучи ещё очень молодым начинающим врачом, приехал он ко мне в Кострому, сколько помню, с рекомендательным письмом от одного из членов правления Пироговского общества, кажется, от П. И. Куркина. У меня случайно сохранилось одно из писем Александра Петровича, в котором он сам подробно описывает наше первое знакомство: «В сентябре 1906 года я по указанию Пироговского общества обратился к Вам с предложением услуг в качестве санитарного врача Ветлужского уезда. Предложение было достаточно наивное, так как в то время я не имел никакого понятия о работе не только санитарного врача земства, но и вообще об условиях работы земских врачей и весьма смутное представление о самом земстве... Благодаря возможности постоянно пользоваться Вашими указаниями и советами в части ознакомления с литературой по санитарным вопросам, я всегда считал и считаю себя Вашим учеником. В те времена глубокой реакции... Вы показывали, что есть возможность работать, и нужно работать, и в каком направлении. Те 2–3 года, которые мне пришлось работать при Ваших ближайших указаниях, заложили прочный фундамент для всей моей последующей работы, и никогда у меня не возникало впоследствии сомнений в правильности избранного пути, и этим я всецело обязан Вам. В последую-

щие годы я в трудные минуты жизни и сомнений знал, что в случае нужды всегда найду у Вас добрый совет и полезные разъяснения, и самое доброе товарищеское отношение...» (8 февраля 1945 г.).

Я помню, с каким глубоким волнением я прочитал первые дружеские слова ободрения, которыми приветствовал меня в своём письме Александр Петрович, узнавший о возвращении меня к жизни и труду после тяжких испытаний в заключении в 1938–1939 г.: «Глубокоуважаемый и дорогой Захар Григорьевич! От товарищей я узнал, что исполнилось 50 лет Вашей деятельности в области санитарного дела, пользуюсь случаем, чтобы принести Вам поздравление с тем, чтобы, несмотря на все жизненные перипетии, Ваша сила воли и уверенность в правоте помогли Вам прожить до указанной даты, сохранив работоспособность и сравнительное здоровье. Считаю своим долгом выразить Вам чувства глубокой признательности, которые я всегда к Вам испытываю...».

Я часто встречался, уже будучи членом Академии медицинских наук СССР, с Александром Петровичем в Институте коммунальной гигиены, где он был одним из ближайших помощников Сысина. У нас восстановились прежние близкие дружеские отношения, которые укреплялись единством понимания основных задач гигиены в условиях советского социально-профилактического здравоохранения.

Я так привык обмениваться хотя бы изредка взаимными дружескими приветствиями с Александром Петровичем, что у меня возникли беспокойство и тревога из-за отсутствия сведений о нём, которые усилились в 1967 г. настолько, что я обратился с просьбой к Н. Н. Литвинову¹ узнать, что с Александром Петровичем. Литвинов ответил мне 27 февраля 1968 г., что А. П. Прокофьев умер в конце 1965 г. Несколько месяцев он тяжело болел, находился на лечении в Боткинской больнице, там и скончался.

С 1917 г. и до настоящего времени остаётся искренним другом моим Борис Иванович Карпенко. Может быть, никто другой за это время не подвергался таким жестоким и совершенно незаслуженным гонениям и таким испытаниям — то в течение долгих лет заключения в Большом Доме, то изгнания из Ленинграда и ссылки на принудительные работы в Воркуту и заполярную Воркутинскую область. Я много почерпнул помощи в освоении основ статистического изучения и познания массовых явлений, посещая довольно часто кабинет статистики Политехнического института, который был устроен и находился в заведовании Бориса Ивановича. Это там, в этом кабинете и в беседах с ним, я в полной мере ознакомился с трудами и направлением А. А. Чупрова, а также имел возможность в подлинниках знакомиться и изучать редкие старинные иностранные источники.

Многому я учился и у самого Бориса Ивановича, всегда твёрдого и непоколебимого отстаивателя правильных путей в исследованиях, какими бы ни были тяжкими обстановка и условия жизни, постигавшие его.

По-видимому, моё хорошее отношение к Борису Ивановичу вполне разделялось им по отношению ко мне и моим работам. Я ограничусь для

¹ Литвинов Н. Н. — замдиректора по научной работе НИИ общей и коммунальной гигиены им. Сысина.

подтверждения этого моего чувства и сознания несколькими выдержками из сохранившихся у меня писем Б. И.

«Куйбышев, 31 декабря 1944 г.: Дорогой Захарий Григорьевич! Вам исполнилось 75 лет жизни. Поздравляю Вас от всего сердца и желаю ещё долгих лет. В связи с этим мне хотелось бы высказать, хотя бы частично, то, что я всегда о Вас думал. Вы всегда поражали меня юношеской свежестью мысли, неостывающим энтузиазмом! Ваши идеи, идеалы были исполнены социальной направленности, основаны на твёрдых принципах, которые Вы исповедовали всю сознательную жизнь. Ваши научные суждения отличались всегда широтой и глубиной и, высказанные Вами, приобретали, прямо скажу, общечеловеческий смысл. В Вашей голове постоянно бурлит оригинальная, творческая мысль. Вашими действиями руководили и руководят лишь интересы социального коллектива».

23 декабря 1961 г.: «...Написать Вам это поздравление представляет для меня истинное удовлетворение. Ибо Вы, Захарий Григорьевич, принадлежите к тем редким людям, которые дают нам прекрасные образцы жизни, наполненной глубоким социальным содержанием. Я знаю Вас с 1917 года, почти 45 лет, и каждая беседа с Вами, имевшая место за этот период, обогащала меня. В этих беседах, как и в Ваших трудах, передавались мне идеи служения народным интересам, идеи, которые воодушевляли лучших русских людей, начиная с 60-х годов прошлого столетия. За это я сердечно Вас благодарю. За это приобщение к высоким идеям социального служения благодарят Вас и все те, кто слушал Ваши лекции, кто читал Ваши книги и статьи...

Душевно преданный Вам и любящий Вас Б. Карпенко».

Моя тесная дружба с Александром Сергеевичем Дурново началась в период моей работы в Костромской губернии в 1905–1909 гг. Она поддерживалась при последующей работе Александра Сергеевича в Московской земской санитарной организации и в редакции журнала Пироговского правления, а затем в период его работы школьным санитарным врачом Московского земства, а после революции — педологом и профессором детской гигиены в Ленинградском 1-м мединституте.

Только в 1938–1939 гг., когда он работал уже в Горьковском мединституте и по-прежнему объединял тесный круг исследователей и поборников изучения и обслуживания детского возраста, я перестал получать систематические письма от А. С.

Наша дружба возникла и питалась моим постоянным восхищением той исключительной цельностью отдачи Александром Сергеевичем себя делу, которое он строил и развивал. Но последние годы жизни Александра Сергеевича остались для меня мало известными, по-видимому, я был слишком подавлен и оторван в то время от живой связи с предшествующей жизнью. Это были годы моей апокалиптической оторванности и подавленности.

Я видел и высоко ценил в А. С. подлинного единомышленника и вполне ответственного творца передового общественно-санитарного направления земской работы. Всю свою настойчивость, неутомимость и почин в этой работе он проявил в строительстве так называемых санитарных попечительств, поначалу в Костромской губернии, затем в Калужской и

позднее — в Одесской городской санитарной организации. Блестящим и убедительным изложением и защитой этой организации явился его доклад XI Пироговскому съезду, сделанный им по поручению правления Пироговского общества 24 августа 1912 г.

Мысль о привлечении самого населения к участию в мероприятиях по его же оздоровлению намечена была уже в самом положении о земских учреждениях в виде чисто бюрократического допущения попечения со стороны местных благотворителей о нуждах земских начинаний, и в течение долгого периода попечители именно и были такими благотворителями. Но А. С. показал справедливость положения, выдвинутого Н. П. Васильевским в Одессе, о том, что «...попечительства должны являться той первой общественной средой, в которой протекает деятельность санитарного или земского врача, той первой инстанцией, к которой население прибегает со своими потребностями и нуждами, которая будет сама выяснять эти нужды и стремиться к их представлению для надлежащего удовлетворения в последующих инстанциях — земских и городских управлениях». Тогда же на Съезде было вынесено постановление, которым было признано «желательным дальнейшее развитие санитарных участковых попечительств».

«Вскоре после VIII Пироговского съезда широкий почин в этом отношении был обнаружен и в земствах, — говорилось далее в докладе А. С. Дурново. — Впервые более или менее широкое развитие на тех же общественных основаниях, как и в Одессе, получили попечительства в Вологодской губернии. Правила учреждения и деятельности санитарных попечительств и инструкция для санитарных попечителей, принятые по инициативе З. Г. Френкеля Вологодским земским собранием, легли даже в основу почти всех последующих правил и инструкции в большинстве других губерний. Но наибольшего развития это дело достигло, начиная с 1905 г., в Костромской губернии. Здесь, собственно говоря, впервые и был произведён тот массовый весьма интересный в организационном отношении опыт пробуждения инициативы населения по оздоровлению сельских мест, который обратил на себя серьёзное внимание не только медицинской, но и общей прессы».

Санитарные попечительства должны были содействовать проведению в жизнь обязательных санитарных постановлений, изыскивать пути к разъяснению населению гигиенических понятий, организовывать ясли-приюты, приварок в школах, изыскивать меры борьбы с высокой детской смертностью, оказывать материальную помощь семьям, кормильцы которых лежат в больницах, устраивать в районах эпидемий чайные, столовые и пр.

Но это созданное Александром Сергеевичем попечительство было разрушено известным черносотенным прокурором Кошуро-Мосальским, который руководил жандармскими арестами как самого А. С. Дурново, так и выдающихся деятелей попечительства. Все они долгие месяцы для утешения населения содержались в тюрьме.

С таким же страстным увлечением отдавался затем А. С. Дурново деятельности школьно-санитарного врача в Московском земстве. Он расширил задачи школьно-санитарного врача и включил в них охрану и развитие здоровья детей дошкольного возраста и всю вообще гигиену детства.

Уже в первые годы после революции А. С. занял место профессора по изучению здоровья детских возрастных групп. В результате своего настойчивого изучения господствующих направлений он с особой подробностью остановился на возникшем в то время «педологическом» изучении здоровья детей. В своём учебнике он говорил: «Педология свела воедино учёт и биологических, и социальных факторов, и теорию, и практику воспитания подрастающего поколения, и властно предъявила требование ко всем прикладным наукам о ребёнке (в том числе и педиатрию) базироваться на всестороннем изучении ребёнка...».

При этом А. С. настаивал на осторожном подходе к принципам педологии. Он организовал и руководил исследованиями значительных групп детей для проверки каждого положения и всегда призывал к внимательному и повторному опытному исследованию и проверке рекомендаций «педологии». Настойчивость и глубокое понимание необходимости вновь и вновь проверять в каждой группе детей намеченные общие выводы увлекали учеников и слушателей А. С. Дурново, воспитывали необходимую осторожность при формулировании оценок и выводов. Именно это привлекало слушателей и участников кружков к Александру Сергеевичу и поднимало его авторитет и репутацию.

Как об одном из проявлений нарастающего доверия к нему, как к специалисту по изучению детского развития и трудностей, возникавших у руководителей и воспитателей, А. С. Дурново подробно рассказал мне о случае приглашения его к жене Сталина — Н. С. Аллилуевой для совета о воспитании её сына, очень трудно поддававшегося её собственным воспитательным приёмам. Выполнив все указания о времени и месте встречи в кремлёвской квартире с Надеждой Сергеевной, Дурново с увлечением знакомился с данным случаем. При этом он настаивал на осторожности делать выводы и на необходимости тщательной проверки опытными наблюдениями обычно напрашивающихся генетических обобщений.

Только к концу беседы А. С. Дурново обратил внимание на то, что в комнате присутствовал Иосиф Виссарионович Сталин — отец мальчика. Тот, однако, не принимал участия в беседе.

Вспомнил об этом случае А. С. лишь тогда, когда на «педологию», как науку о развитии психологии и поведения детей, обрушилась вся тяжесть полного запрещения и искоренения этой «лженауки». Вся бесповоротность и катастрофичность этого запрета «педологии» навсегда запечатлена в вышедшем вскоре 44-м томе Большой советской энциклопедии издания 1934 г. (С. 461–462). Позднейших сведений об А. С. Дурново у меня нет.

На этом заканчивается последняя из сохранившихся страниц воспоминаний Захария Григорьевича. Последние его записи, как видно из текста, относились к 1967 г. Неизвестно, продолжал ли он в последующие годы

диктовать свои воспоминания своему секретарю — Евдокии Александровне, которая сменила умершего И. Б. Когана, но до последнего дня жизни Захарий Григорьевич продолжал свою творческую работу: изучал новую научную литературу и писал статьи.

25 декабря 1969 г. не только ленинградская, но и российская, союзная научная общественность широко отметили 100-летие со дня его рождения и 75-летие врачебной, научной и общественной деятельности. Чествование выдающегося отечественного гигиениста, геронтолога, демографа, академика АМН СССР, заслуженного деятеля науки, профессора Захария Григорьевича Френкеля прошло очень тепло и красиво. Замечательно выступил на нём и сам юбиляр. Несмотря на слепоту и слабость, он обладал абсолютно ясным умом и не утратил своего ораторского дара.

В последние месяцы, на 101-м году жизни, физическое здоровье Захария Григорьевича стало сдавать, но голова его продолжала оставаться светлой. 25 августа 1970 г. он с утра, как обычно, работал, диктовал секретарю свою очередную статью. В 12 часов, однако, предложил сделать перерыв, сказав: «Что-то я устал. Прилягу ненадолго». Лёг на диван у себя в кабинете и, казалось, заснул. Спустя два часа обеспокоенная секретарь его Евдокия Александровна обнаружила, что Захарий Григорьевич уснул вечным сном. Он умер, как праведник, во сне. Так завершился его долгий жизненный путь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Под влиянием двоюродного своего дяди — А. Н. Баха¹ — Яков Григорьевич стал членом созданной в 1879 г. в Петербурге наиболее крупной в то время революционной организации «Народная воля», в программу которой входили уничтожение самодержавия, созыв Учредительного собрания, провозглашение демократических свобод и передача земли крестьянам. Помимо агитации, средством достижения этих целей служил террор.

В Государственном архиве Российской Федерации (далее ГАРФ) в фонде Департамента полиции имеются никогда прежде не публиковавшиеся документы, характеризующие личность и неизвестные стороны деятельности А. Н. Баха. Не приводя все документы целиком, цитируем из них отдельные фрагменты.

1) Абрам Бах упоминается в деле об убийстве подполковника Судейкина, совершённом в декабре 1883 г. в Петербурге — как близкий знакомый подозреваемых и обвиняемых в убийстве. (ГАРФ. ДП. Ф. 102. Делопроизводство 7, 1883. Д. 1309)

2) В списке лиц, подлежащих розыску, под № 4 числится Бах Абрам Иванов, присоединившийся к православию, носит прозвище в преступном сообществе «Герръ» и назывался «Юрием Ивановичем»; в 1878 году исключён был из Киевского университета за происшедшие беспорядки и неповиновение властям; Бах может проживать по свидетельству Екатеринославского губернатора от 23 декабря 1881 г. за № 5.996. Имеет родителей, проживающих в м. Борисполь Переяславского уезда Полтавской губернии.

24 лет, роста среднего, фигура средняя, прямая, тёмный шатен, носит весьма маленькую редкую бородку, худощавый, вкрадчивых манер. (Там же. Делопроизводство 3, 1883. Оп. 79. Д. 334. Л. 127). В деле за 1886 год в описании примет значится, что «Бах — блондин. Бреет усы и бороду. Лицо продолговатое, нос большой, плоский, неопределённой формы, лоб большой,

¹ До принятия православия уже в зрелом возрасте его звали Абрам Литманович.

цвет лица с зеленоватым отливом. Носил клички: Герра, Юрия Ивановича, Абрамка, Семён Андреевич, Кощей, Алексей Николаевич. Живёт в Париже под именем Алексея Николаевича Бельского».

3) «Список лицам, привлечённым в качестве обвиняемых к дознанию о руководящем кружке партии «Народной воли»:

1. Лопатин Герман Александрович, дворянин. Кандидат С.-Петербургского университета, отставной коллежский секретарь, 44 года.

<...> 9. Френкель Яков Григорьев, из козелецких евреев, православного вероисповедания, 23 года.

<...> 52. Бах, бориспольский еврей, принявший православие, Абрам, бывший студент Киевского университета, разыскивается. Дело в отношении него приостановлено».

(Там же. Делопроизводство 7, 1884. Оп. 181. Д. 417. Ч. 6(1). Л. 1, 9, 14)

4) Из донесения: «Герръ» в 1884 г. жил в Софийском переулке во флигеле; рядом с этим домом жил священник. У него бывали люди... «Герръ» говорил им о необходимости подготовки простого народа к движению, для чего следует преимущественно ударять на земельное положение. Говорили, что политические убийства служат возбуждающим средством на народную массу, но при этом никто из них не высказал ближайших предположений и планов действия террористической партии.

«Герръ» выдавал программы для собирания статистических сведений о политическом [положении] и положении местности (один экземпляр найден у Ющинского), кроме того, дал Чайковскому адреса для ведения переписки и сказал им на словах, что в случае, если надо будет кому из них отыскать их в Киеве, то чтобы для этого обратились к служащему в Интендантстве Мищенко...». (Там же. Д. 869. Л. 51)

5) Дело о «Народной воле».

Бах Абрам Литманович, бывший студент Университета святого Владимира. По обыску у Германа Лопатина и Неонилы Саловой оказалось, между прочим, два письма, за подписью «Ко» и «Павел» революционного содержания, написанные Абрамом Бахом. Кроме того, у Лопатина найдена следующая шифрованная записка: «Террор. Луганский завод. Доступ через Кощей... Кощей — Ейск, Саратов, Казань, Ярославль, Москва, Ростов, Москва». Дознанием установлено, что под именем Кощей известен Абрам Бах...

[Конец документа оторван]

Резолюция: Приостановить впредь до явки или задержания...

(Там же. Делопроизводство 3, 1887. Оп. 90. Д. 6, листы не нумерованы)

Приложение № 2

«В июне 1890 г. помощник начальника Черниговского губернского жандармского управления вследствие полученного им от директора Нежинской гимназии заявления о том, что несколько воспитанников гимназии занимаются чтением запрещённых изданий, получаемых от неизвестных лиц в городе и раздаваемых воспитанником Сергеем Френкелем, а ранее братом его Захаром, произвёл дознание по 1036 ст. Уст. Угол. Суд. В гимна-

зии и на дому воспитанников был произведён обыск, коим ничего предосудительного обнаружено не было...

Об изложенных обстоятельствах Департаментом полиции было сообщено для сведения Министру народного просвещения 18 июня 1890 года.

Резолюция: Сообщить о возможной неблагонадёжности Френкеля [неразборчиво] министру и министру народного просвещения. Пока продолжать наблюдение».

(ГАРФ. ДП. Ф. 102. Делопроизводство О.О., 1901. Оп. 229. Д. 565. Л. 6)

Приложение № 3

В деле Лопатина говорится, что в 1879 г. (Якову — 18 лет) в г. Липецке Тамбовской губернии состоялся съезд членов революционного сообщества с целью пересмотра его действий. На съезде этом выделилась группа лиц, признавших необходимость политической борьбы или террора, и выработавших организацию так называемой «Террористической фракции партии Народной воли»...

Френкель Яков Григорьевич, мещанин, ученик Лисичанского штейгерского училища, православный, холост. Содержится под стражей со 2 июня 1885 года.

...По показанию Гейера, Кирсанов доставил ему через Френкеля ответ свой о согласии принять на себя изготовление метательных снарядов, причём Френкель, посвящённый в содержание письма Кирсанова, заявил Гейеру, что если он чего-либо не поймёт в означенном письме, то он, Френкель, может дать надлежащие объяснения. С Френкем же Гейер отправил в Лисичанск и ответное письмо, в коем обещал дать на изготовление снарядов ту сумму, которую требовал Кирсанов. Обстоятельство это подтверждено и Кирсановым, объяснившим, что Френкель участвовал вместе с ним в покупке динамита у рабочих в шахтах. Френкель, отрицая всякое отношение своё к революционной деятельности и покупке динамита для разрывных снарядов, об изготовлении коих в Луганске не было известно, объяснил, что, по просьбе товарища своего по училищу Линтарёва добыл для последнего 1 ½ патрона динамиту, предназначавшегося для глушения рыбы, и что Кирсанов тоже обращался к нему, Френкелю, с просьбой о покупке динамита и дал ему с этой целью 9 или 12 рублей, но он, Френкель, просьбы этой не исполнил.

Линтарёв остался не разыскан.

Решение: Предать суду. Предать военному суду».

(Там же. Делопроизводство 3, 1892. Оп. 90. Д. 495. Ч. 1. Л. 37–38)

Протокол от 23 апреля 1886 г.

Приметы обвиняемого в государственном преступлении Якова Григорьевича Френкеля.

Лет — 23, рост 2 аршина 6 вершков (примерно 170 см);

Волосы на голове — тёмно-русые, на усах и бороде — светлее, чем на голове;

Усы маленькие, борода обрамляет лицо по краю;
Глаза — серые, ниже зрачка левого глаза — коричневые;
Нос — курносый, несколько приплюснутый;
Зубы — белые, большие, ровные;
Кожа на лице — смуглая, чистая.

Особые приметы на теле — на шее имеется шесть родимых пятен.

Особые приметы, замеченные по общему осмотру: коренастый, говорит несколько заикаясь. Букву «р» в некоторых словах выговаривает не чисто.

Семейное положение: холост, имеет отца Григория, мать Елизавету, братьев Сергея, Захария, Андрея, сестёр — Веру, Софию, Юлию, Александру и Евгению в селе Борки Остёрского уезда Черниговской губернии и родственника Мойсея Баха в местечке Борисполь Переяславского уезда Полтавской губернии.

Имущественного обеспечения — не имеет.

Место жительства — Борки.

(Там же. Делопроизводство 3. Оп. 82. Д. 294. Ч. 1, листы не нумерованы)

Министерство государственных имуществ В Департамент полиции
Горный департамент

Бывший ученик Лисичанской штейгерской школы козелецкий мещанин Яков Френкель в 1885 г., во время выпускных экзаменов, по постановлению Совета школы был исключён из названного учебного заведения, как заподозренный полицией в сопричастии к государственному преступлению и потому арестованный.

Ныне Яков Френкель подал на имя г[осподина] Министра государственных имуществ прошение о разрешении ему вновь держать экзамены из предметов последнего курса упомянутой школы для получения звания штейгера, причём, между прочим, заявил, что в текущем году на суде выяснилась его полная неприкосновенность к делу, по которому он был привлечён к ответственности, вследствие чего он и был признан по суду оправданным.

В виду этого Горный департамент покорнейше просит Департамент полиции не отказать в сообщении, насколько справедливо приведённое заявление Френкеля о его неприкосновенности к упомянутому делу.

(Там же. Делопроизводство 3, 1887. Оп. 83. Д. 806. Л. 6)

Департамент полиции

20 ноября 1887 г.

В Горный департамент

Министерства государственных имуществ

...Департамент полиции имеет честь уведомить Горный департамент, что козелецкий мещанин Яков Френкель, преданный в 1887 г. Военно-окружному суду по обвинению его в принадлежности к тайному сообществу, поставившему себе целью ниспровержение путём насилия существующего в Империи государственного порядка, — действительно был оправдан по суду.

К сему Департамент полиции считает нужным присовокупить, что хотя, в виду изложенного, приведённое в отношении № 3512 заявления Френке-

ля представляется справедливым, но тем не менее прикосновенность его к вышеуказанному сообществу не подлежит исключению.

Предполагалось, что он вместе с другими членами означенного сообщества занимался в 1884 году в г. Луганске изготовлением метательных динамитных снарядов, зная, что таковые предназначались для террористических целей партии. Хотя по недоказанности падавшего на него обвинения Френкель и был оправдан Военно-окружным судом, но в виду вышеизложенного Департамент полиции признаёт необходимым учредить за Френкелем негласный надзор по повторению 1 марта 1882 г.

(Там же. Л. 7)

Приложение № 4

Дело о мещанине Якове Григорьевиче Френкеле

6 октября 1903 г. из Департамента полиции была направлена начальнику Киевского охранного отделения выписка из полученного агентурным путём письма от 30 сентября 1903 г. с подписью «твой Яков», отправленного из Киева в Харьков на имя Сергея Григорьевича Френкеля. В письме говорилось: «Дорогой Сергей. Службу у Кульженко я оставил и крайне нуждаюсь в месте. В этом отношении ты можешь мне посодействовать, давши мне письмо к Де-Рибасу, который теперь состоит директором банка и у которого имеются вакансии.

26-го у меня был обыск, что, конечно, ещё более ухудшило положение Дуни, она уже третий день в постели. Когда, наконец, они оставят меня в покое...».

Препровождая эту выписку, директор Департамента полиции предлагал начальнику Киевского охранного отделения установить личность автора и, собрав о нём подробные сведения, представить в ДП.

(Там же. Делопроизводство О.О., 1903. Оп. 231. Д. 1967. Л. 1-2)

31 октября поступил ответ:

«...Имею честь донести Вашему Превосходительству, что автором письма оказался мещанин г. Козельца Черниговской губернии Яков Григорьевич Френкель, 42 лет, по занятию корректор, проживающий по Фундуклеевской улице в доме № 22, квартире 12. В последней квартире он действительно был обыскан 26-го сентября с. г., при ликвидации кружка лиц, причастных к Конотопской типографии, так как его посетил жлобинский мещанин Есель Зельманов Хайкин («Волк»), ныне содержащийся под стражей в г. Харькове.

Яков Григорьевич ранее известен Отделению, по наблюдению Летучего отряда Департамента полиции в 1902 году, под кличкой «Чалый» и был тогда взят от действительного студента Петра Ивановича Красовского («Коренастый»), — ныне арестованного. Из лиц, имеющих сношения с Френкелем, выяснены: врач Владимир Александрович Обух¹; врач Давид

¹ Обух Владимир Александрович (1870–1934) — деятель революционного движения, член РСДРП с 1894 г. Участник трёх российских революций; в 1917 член МК

Моисеев Иссерсон и фельдшерица Вера Александровна Черкасова, а также Айзенберг и бежавший Крохмаль. <...>

Упомянутая же в письме «Дуня» — есть жена Френкеля, Евдокия Николаевна, проживающая при муже».

(Там же. Л. 3)

В деле исследуется также письмо от марта 1903 г., добытое агентурным путём, присланное на адрес Я. Г. Френкеля, которое, по мнению жандармов, написано женой врача Обуха Варварой Петровной. В нём она сообщает, что в Киеве пока всё благополучно. Яков Григорьевич по-прежнему ходит в типографию, но что в Киеве установилась новая манера арестов: подходят на улице и приглашают отправиться в участок и там оставляют, а потом отвозят в Петербург.

(Там же. Д. 2388. Л. 5–6)

28 марта 1904 г. по данным агентуры «была взята под наблюдение, как лицо от «техники», неизвестная барынька, коей дана кличка «Остерская» и которая оказалась дочерью священника — Анной Николаевной Пригоровской¹. Деятельность её была тесно связана с типографией местного комитета РСДРП и даже были установлены агентурным путём три конспиративных свидания, на коих «Остерская» передавала доверенным лицам только что вышедшие из-под печатного станка прокламации».

Пригоровская скупала в писчебумажных магазинах большое количество бумаги и относила домой. На основании этого полиция сделала вывод, что типография находится у неё. Агентам стало известно, что Я. Г. Френкель («Дед») «играет по отношению к типографии начальническую роль».

«...30 апреля 1904 г. арестовали только членов Киевского комитета (Центра), на коих даже при безрезультативности их личных обысков имеются данные для привлечения к формальному дознанию по делу Комитета. Френкель ведёт оживлённую переписку с Женовой».

Типография долго не поддавалась арестовыванию потому, что всё необходимое для неё могло доставляться своим человеком, Яковом Френкелем, который по своему служебному положению (корректор газеты «Киевские отклики», издававшейся в частной типографии Кульженко) всегда мог непосредственно доставать необходимые типографские принадлежности. Типография служила Киевскому комитету с 1900 г.

При обыске у опытного подпольщика Френкеля даже никакой невинной переписки не было найдено. Готовясь к мероприятиям, запланированным на 1 мая, всё было тщательно припрятано.

<...> По связи с Пригоровской арестованы «Чалый» (Френкель) и ещё 5 подельников. Операция была проведена перед 1 мая».

(Там же. Делопроизводство О.О., 1904. Д. 5. Ч. 3. Л. А(2). Л. 95-96, 107–110)

РСДРП, исполкома Моссовета. Один из организаторов советского здравоохранения. Профессор, лечащий врач В. И. Ленина. Инициатор создания (1923 г.) Института гигиены труда и профессиональных заболеваний.

¹ Сестра Евдокии Николаевны, жены Я. Г. Френкеля.

В этом же деле имеется справка, составленная охранным отделением:

«Френкель Яков Григорьев был известен как хороший революционный работник ещё до открытия Охранного отделения¹. Ещё в 1901 г. на Френкеля падало подозрение относительно прикосновенности его к комитетской (Киевский комитет РСДРП) типографии и участию в Технической группе.

Наружным наблюдением второй половины прошлого 1903 г. было установлено, что Френкеля посетили многие члены Комитета (Центра).

После арестов 1-го января Френкель стал самым главным из числа местных членов руководителей движения. Около него сгруппировались члены Комитета... По сведениям агентуры известно, что наиболее важные конспиративные свидания происходили у Френкеля в редакции «Киевских откликов», куда дана была заграничная явка.

В последние месяцы из агентурного источника стало известно, что Френкель руководил работой типографии: через него делались заказы в типографии.

Благодаря ему была взята в наблюдение и Пригоровская. Хождения Френкеля к Пригоровской не установлены, но Пригоровская Френкеля посещала.

...В марте сего года Френкель с близкими ему лицами Технической группы задумал поставить большую партийную типографию...

(Там же. Делопроизводство О.О., 1906. Оп. 232. Д. 5. Ч. 4. Л. А)

23 февраля 1906 г. начальник Киевского охранного отделения доносил в ДП:

«О “Бюро киевской провинции” имеются следующие сведения:

Расширившееся за последние годы революционное движение в России, проникшее не только в промышленные центры, но и вообще во все более или менее населённые пункты и даже деревни, заставило некоторые комитеты РСДРП, в том числе и Киевский, попытаться в целях более успешной работы и достижения намеченной цели, подчинить своему руководству провинцию.

Таким образом Киевский комитет подчинил своему руководству около 10 более или менее выдающихся пунктов, как, например, Житомир, Бердичев, Конотоп, Фастов и др., куда он направлял своих пропагандистов, литературу, ораторов...

Из-за недостатка средств и людей Киевский комитет не мог вести непосредственное политическое руководство провинциальными организациями. Те были недовольны. Поэтому было создано “Бюро Киевской провинции”. В качестве представителей Киевского комитета в Бюро вошли члены РСДРП — бывший студент Киевского университета Иван Иванов Квасницкий (кличка “Пан”) и мещанин г. Козельца Черниговской губернии Френкель Яков Григорьев (“Чалый”).»

(Там же. Л. 6–8)

¹ Имеется в виду создание охранного отделения в Киеве.

Приложение № 5

Ко времени знакомства Евгении Григорьевны с другом Захария Григорьевича — Константином Осиповичем Левицким тот уже был членом РСДРП. Евгения сразу же стала его единомышленницей и активной помощницей в подпольной работе. В своих записках Евг. Гр. отметила, что по мере того, как Левицкие (они поженились в начале 1899 г.) всё более сближались с подпольщиками, их отношения с Захарием Гр. всё более охлаждались. Она объясняла это влиянием жены брата — Любови Карповны, однако подлинной причиной было неприятие З. Г. Френкелем как программы, так и методов, которые использовали члены РСДРП в своей политической борьбе. Отдалению брата от сестры способствовало также и то, что, живя во временно пустующей квартире Зах. Гр., Левицкие стали виновниками обыска, который привлёк вновь внимание полиции к Зах. Гр. и способствовал его высылке из Петербурга. Обыск был произведён 3, 4 и 5 июля 1899 г. В списке лиц, подвергшихся обыскам и аресту, под № 9 значится «крестьянин Тверской губернии Корчевского уезда Яковлевской волости, деревни Троицы Михаил Иванов Калинин. У Калинина были обнаружены революционные издания, литература», — говорится в донесении. «В ходе допросов Калинин охотно выдал и указал явки». Он был помещён в дом предварительного заключения. Несмотря на то, что у Левицких (фактически в квартире З. Г. Френкеля) также были найдены революционные издания и рукописи, их под стражу не взяли. (ГАРФ. ДП. Ф. 102. Делопроизводство 7, 1899. Оп. 196. Д. 319. Л. 120). Тем не менее, они были вынуждены покинуть Петербург и уехать в Одессу. Там Константин Осипович принимал активное участие в работе Одесского комитета РСДРП и был в числе его руководителей с 1901 по 1907 г. Вместе с другими членами организации он подписал мандат В. И. Ленину на III съезд РСДРП от Одесского комитета. Мандат был подписан в квартире Левицких в доме № 2 по улице Канатной.

В 1905 г. Константин Осипович был арестован и выслан в Пермскую губернию, в 1907 г. — в Астраханскую. Вплоть до 1917 г. Евгения Григорьевна, следуя из одной ссылки в другую, жила с мужем и детьми в маленьких городах России. Она не была просто женой революционера, а сама занималась устройством тайных сходок, ведала «техникой» (типографией), добывала деньги. Друзьями Левицких были самые известные большевики: Виргилий Шанцер (Марат), брат Ленина Дмитрий Ульянов, жена Каменева, Алексей Рыков и др.

После Октябрьской революции Константин Осипович отошёл от партийной деятельности. В 1919 г. он умер. Но, живя в правительственном доме на ул. Грановского, Евгения Григорьевна близко знала многих членов правительства. В 1928 г. по поручению зав. литературно-художественным отделом издательства «Московский рабочий» А. Я. Грудской Евгения Григорьевна первой прочитала рукопись первой книги М. А. Шолохова «Тихий Дон». Роман так захватил её, что она просидела над ним всю ночь, безоговорочно приняла его и помогла выходу в свет двух первых книг «казачьей эпопеи». С того времени между нею и М. А. Шолоховым установились тёплые отношения, перешедшие в дружбу, продолжавшуюся до самой

смерти Евгении Григорьевны в 1961 г. Шолохов относился к ней как к родственнице, дружил с её детьми и называл в письмах «мамулей». В 1956 г. он посвятил Евгении Григорьевне свой рассказ «Судьба человека». Это посвящение — единственное, которое сделал М. А. Шолохов во всех своих произведениях.

Приложение № 6

Выписка из сообщения сотрудника ДП Харьковцева от 16 ноября 1900 г.:

«Заведующими почти всеми фабричными районами при предстоящей переписи гор. С. Петербурга назначены люди, исключительно интересующиеся рабочим движением, которые подбирают соответствующий состав счётчиков из молодёжи и вообще людей того же направления. Районом, где Путиловский завод, заведует Френкель. <...>

Молодёжь, записавшаяся к ним в счётчики, в числе 100 человек, состоит исключительно из активных представителей трёх петербургских организаций: «Союза борьбы...», «Рабочей библиотеки» и студенческой организации, носящей название «Организационной комиссии».

Список

Заведующих переписными отделами и их помощников, о коих в Департаменте полиции имеются неблагоприятные в политическом отношении сведения:

<...> № 24 — Френкель Захарий Григорьевич, доктор, санитарный врач и чиновник Медицинского департамента. Будучи скомпрометирован в политическом отношении в прошлом, в настоящее время Френкель вращается в радикальных петербургских кружках и входит в состав компании Калмыковой, Туган-Барановского, Струве и др.

(ГАРФ. ДП. Делопроизводство О.О., 1900. Оп. 228. Д. 881. Л. 5–10)

Приложение № 7

Во время пребывания З. Г. в Крыму в Петербурге полиция всерьёз намерилась уничтожить либеральные организации, занимавшиеся антиправительственной деятельностью, о чём свидетельствуют приводимые ниже документы:

10 марта 1901 г. чиновник особых поручений в секретном донесении сотруднику Департамента полиции Пирамидову сообщил, что «8 марта Лидия Куприянова¹ доставила по известному вам адресу третий № «Злободневного листка», содержащий изложение демонстрации 4 марта. Эти листки выгодно отличаются от прочих подобных им воззваний тщательностью и осмысленностью редакции. Причиной этого является то, что они составляются и редактируются не молодёжью, а заправскими литераторами (Александр Михайлович Маклашевский, В. В. Хижняков). Все они состоят членами общества «Помощи в чтении больным и бедным» (Торговая 25, кв.11), в состав которого входят:

¹ Двоюродная сестра Веры Фигнер.

Председатель Лесгафт Пётр Францевич;
Товарищ председателя Небольсин Александр Григорьевич;
Члены: Френкель Захар Григорьевич и др.

Безусловно все лица известны Департаменту полиции по своей политической неблагонадёжности».

(Там же. Делопроизводство О.О., 1903. Оп. 226. Д. 5. Ч. 6. Л. Пт. 1. Л. 17)

«18 апреля 1901 г. у лекаря Захара Григорьева Френкеля и его жены Любови Карповны был произведён обыск, во время которого были «отобраны в ликвидацию» запрещённые книги, переписка, заметки и другие бумаги. В тот же день обыски были произведены у многих интеллигентов: всего у 340 человек, в том числе у 157 врачей и 31 литератора».

(Там же. Д. 5. Ч. 6. Пт. 2(2) Пр. Л. 93, 104)

Совершенно секретно

Циркулярно

Министерство внутренних дел

ДП

По 3 делопроизводу

20 июня 1901 г.

Гг. губернаторам, градоначальникам,
оберполицеймейстерам и начальникам
губернских жандармских управлений

Производившиеся за последнее время наблюдения по С. Петербургу за лицами, занимавшимися революционной деятельностью, установили группу лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которые, не принимая непосредственного участия и даже намеренно устремляясь от активной революционной деятельности, поставили себе задачей путём устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издательства систематически подобранной тенденциозной литературы подготавливать в среде молодёжи и рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов. Лица означенной группы не упускали ни одного случая для возбуждения в обществе недовольства по поводу разных мероприятий Правительства и приготовления всевозможных манифестаций и протестов, причём особенно вредно влияли в этом направлении на учащуюся молодёжь.

В виду сего признано было соответственным в апреле сего года произвести обыски и аресты в среде означенной группы и лиц, примыкающих к наиболее противоправительственно настроенным элементам общества. Сообразно полученным результатам часть этих лиц ныне привлечена к дознанию при С.Петербургском губернском жандармском управлении, обстоятельства же дела об остальных лицах рассмотрены в Особом совещании; согласно утвержденных мною постановлений означенного Совещания, подлежат высылке из С. Петербурга, с воспрещением им жительства в столицах, столичных губерниях, университетских городах и фабричных местностях, сроком от 2 до 3 лет, соответственно степени виновности каждого, с подчинением одних гласному и других негласному надзору полиции.

Министр внутренних дел, егермейстер Сипягин».

В прилагаемом списке значатся: <...>

Лесгафт П. Ф., профессор Военно-медицинской академии — на 2 года;

Смидович В. В.¹, врач — на 2 года — в столицах;

Френкель, Захар Григорьев, лекарь — на 2 года в университетских городах и фабричных местностях.

(ГАРФ. ДП. Ф. 102. Делопроизводство 3, 1901. Оп. 99. Д. 763. Л. 1-4; делопроизводство О.О., 1898. Оп. 226. Д. 5. Ч. 6л. Пт. 2 пр. (4). Л. 169-171)

К 1901 году относится и «Дело Сергея Григорьевича Френкеля».

Начальник Полтавского
Губернского жандармского
Управления

Совершенно секретно

12 июня 1901 года

При донесении от 7 мая с. г. адъютант вверенного мне Управления поручик Верещагин представил мне добытый агентурным путём из квартиры учителя Полтавского Кадетского корпуса и женской гимназии Сергея Григорьевича Френкеля 3-й номер Российской социал-демократической рабочей газеты «Искра».

Установленным филером негласным наблюдением обнаружены сношения учителя Френкеля с наблюдаемыми лицами и проживающими за границей русскими эмигрантами, от которых он периодически получал революционные издания типографии «Искры». Следующий за представленным мне — 4-й номер газеты был прислан Френкелю из Германии 28-го мая. Учитель Френкель пользуется особым авторитетом и любовью среди учащейся молодёжи, как человек передовой, и при разговоре о нём со стороны молодёжи приходится слышать восторженные отзывы. <...>

Накануне 1 мая, когда в мастерских Харьковско-Николаевской железной дороги были обнаружены разбросанные преступные издания типографии «Искры» и «Южного рабочего»... [конец листа отсутствует]...

...наблюдавшим за Френкелем филером был замечен приходивший к нему на квартиру неизвестный человек в форме железнодорожного служащего с зелёным кантом на фуражке. К обнаружению этой личности приняты меры.

В виду изложенного и занимаемого Сергеем Григорьевичем Френкелем служебного положения, как учителя Кадетского корпуса и гимназии Министерства народного просвещения, продолжая вести негласное наблюдение, имею честь покорнейше просить указания Департамента полиции, как поступить с означенным учителем, т. к. нахожу крайне вредным близкое общение его с воспитанниками учебных заведений.

18 июня 1901 г.

В дополнение к сообщению моему от 12 сего июня имею честь донести Департаменту полиции, что 15 июня учитель Френкель получил № 5 газеты «Искра»...

¹ Будущий писатель В. В. Вересаев.

<...> Сообщая об этом, имею честь просить распоряжения Департамента полиции поставить меня в известность, для соображений при производстве дознания о распространении преступных изданий...

(ГАРФ. ДП. Ф. 102. Делопроизводство О.О., 1901. Оп. 229. Д. 565. Л. 1-5)

Департамент полиции

М.В.Д.

Секретно

Департамент полиции предписывает Полтавскому губернскому жандармскому управлению... в виду обнаруженных признаков политической неблагонадёжности Сергея Григорьевича Френкеля продолжать тщательное негласное наблюдение за деятельностью и сношениями его и о дальнейших результатах уведомить.

(Там же. Л. 7)

Товарищ
Министра внутренних дел

Его Превосходительству
И. В. Мещанинову

В Министерстве внутренних дел получены сведения, возбуждающие сомнения в политической благонадёжности преподавателя Полтавского Кадетского корпуса и женской гимназии Сергея Григорьевича Френкеля. По имеющимся указаниям Френкель находился в сношениях с лицами, привлекавшимися к делам политического характера и ныне получает из-за границы революционную газету «Искру». Сверх того, на него падает подозрение, что он был не чужд делу разбрасывания в ночь на 1 мая подпольных изданий «Искры» и «Работника» в мастерских Харьковско-Николаевской железной дороги.

Считая долгом сообщить об изложенном Вашему Превосходительству для сведения, имею честь присовокупить, что Френкель, благодаря своему либеральному направлению, пользуется особыми симпатиями в среде учащейся молодёжи.

Примите, милостивый государь, и проч.
Князь П. Святополк-Мирский

Штаб Отдельного корпуса жандармов имеет честь препроводить при сем, по принадлежности, в Департамент полиции секретное письмо Министра народного просвещения от 7 сего сентября о предложении им попечителю Киевского учебного округа УВОЛИТЬ преподавателя Полтавской женской гимназии Сергея Френкеля от означенной должности.

(Там же. Л. 8-13)

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНЫХ РАБОТ

З. Г. ФРЕНКЕЛЯ

(в хронологическом порядке)

Монографии, брошюры, пособия

Холера и основные задачи оздоровления наших городов. М.: Тип. тов-ва И. Н. Кушнеров и Ко, 1908.

Холера и наши города. М.: Тип. тов-ва И. Н. Кушнеров и Ко, 1909.

Холерная эпидемия в Петербурге в 1909 г. в графиках и изображениях. СПб., 1909.

Das russische Semstwomedizinalwesen für der Internationalen hygiene Russtellung in Dresden 1911. Dresden, 1911.

Каталог Русского отдела на Международной выставке гигиены в Дрездене в 1911 году. Дрезден, 1911.

Katalog der Russischen Abteilung an der Internationalen hygiene Ausstellung. Dresden, 1911.

Н. И Пирогов и его наследие — пироговские съезды. СПб., 1911. Совм. с М. М. Граном и А. И. Шингаревым.

Международная гигиеническая выставка в Дрездене в 1911 году. (Отд. оттиск из «Календаря для врачей всех ведомств» на 1912 г., ч. II», издаваемого фирмой К. Л. Риккера). СПб., 1912.

Земская медицина на Dresden'ской международной гигиенической выставке. (Отд. оттиск из «Календаря для врачей всех ведомств на 1912 г., ч. II»). СПб., 1912.

В преддверии 50-летнего юбилея Русского Земства. СПб., 1913.

Очерки земского врачебно-санитарного дела (По данным работ, произведенных для Дрезденской и Всероссийской гигиенических выставок). СПб.: Тип. акц. об-ва «Слово», 1913.

Санитарное благоустройство и городское врачебно-санитарное дело в Петрограде в 1912–1914 гг. Петроград: изд-во «Обновление», 1915.

Реорганизация врачебно-санитарного дела в Петрограде. Петроград: Изд-во Петербургской думы, 1916.

Партия народной свободы и местное самоуправление. Основные положения, определяющие характер и содержание деятельности в учреждениях местного самоуправления. Петроград, 1917.

Задачи общего благоустройства населенных мест и общественные приемы его осуществления. Петроград, 1918.

Волостное самоуправление. Его значение, задачи и взаимоотношения с кооперацией. Петроград, 1919.

Петроград периода войны и революции: санитарные условия и коммунальное благоустройство. Петроград: Петрогуботкомхоз, 1923.

Социальная гигиена. Общественная медицина и социальная гигиена, как наука и как предмет преподавания в высшей школе. Вып. 1. История, метод, определение и систематическая программа. Харьков, «Научная мысль», 1923.

Задачи местных волостных органов в деле развития благоустройства. Петроград, 1924.

Волостное хозяйство. Его значение и задачи в благоустройстве местной жизни. Л.: Финансовое книгоиздательство НКФ СССР, 1926.

Общественная медицина и социальная гигиена. М.: «П. П. Сойкин», 1926.

Основы общего городского благоустройства. М.: Изд-во Главного управления коммунального хозяйства НКВД, 1926.

Музей города. Отдел коммунальной и социальной гигиены: 1919–1927. Л.: Тип. 1-й Ленинградской артели печатников, 1927.

Население и благоустройство Ленинграда. Л., 1928.

Программа практических занятий со студентами 5 курса по санитарной статистике и социальной гигиене. Л.: изд-во КУБУЧ, 1928.

Достижения и проблемы жилищно-коммунального хозяйства в Ленинграде к началу второй пятилетки. Л.: ЛНИИКХ, тип. «Ленинградская правда», 1933.

Санитарно-гигиенические задачи при восстановлении Ленинграда после разрушений. Л., 1944.

Удлинение жизни и активная старость. Л.: ГИДУВ, 1945.

Удлинение жизни и деятельная старость. Л.: ГИДУВ, 1946.

Удлинение жизни и деятельная старость. М.: изд-во АМН СССР, 1949.

Prodlouzeni zivota a cinne stari. Praga, Zdeavotnicke Nakizdatelstvi, 1953. (на чешском яз.).

Волостное самоуправление. Его значение, задачи и взаимоотношения с кооперацией. Переиздание по заказу Министерства региональной политики РФ. М.: РИЦ «Муниципальная власть», 1999.

Статьи

1897

Отчёт о деятельности в Новоладожском уезде в 1896 году санитарного врача З. Г. Френкеля // Журналы Новоладожского уездного земского собрания XXXI очередной сессии. СПб., 1897. С. 273–284.

Краткий обзор развития заразных болезней и борьба с ними в Новоладожском уезде в 1895–1896 гг. // Журналы Новоладожского уездного земского собрания XXXI очередной сессии. СПб., 1897. С. 284–325.

О значении медицинской статистики для врачей // Общественное санитарное обозрение. 1897. № 1. С. 21.

Об основах оценки пригодности источников питьевой воды // Там же. № 2.

Успехи общественной медицины в Богородском уезде Московской губернии // Общ. санитарное обозрение. 1897. № 5. С. 112–117.

Поражённость населения Новоладожского уезда сифилисом (по волостям) // Общ. санитарное обозрение. 1897. № 6.

Влияние сокращения рабочего дня в Австралии на здоровье ее промышленного населения // Общ. сан. обозрение. 1897. № 7. С. 158–160.

О вреде заочного врачебного совета // Общ. сан. обозрение. 1897. № 8. С. 193.

Несколько эпидемиологических данных о натуральной оспе. Из наблюдений над оспенной эпидемией в Новоладожском уезде С.-Петербургской губернии общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1897. № 8. С. 236–245.

Обзор губернских земско-медицинских и санитарно-эпидемиологических хроник за 1896 г. // Общ. сан. обозрение. 1897. № 10. С. 230–233; № 12. С. 274–277.

Доклад об условиях работы, быта и питания рабочих-плитоломов в Новоладожском уезде // Труды Русского общества охранения народного здравия. СПб., 1897.

1898

Общий обзор заболеваний в Новоладожском уезде в 1896–1897 земском году // Журналы Новоладожского уездного земского собрания XXXII очередной сессии. СПб., 1898. С. 145–194.

Школьно-санитарный надзор и требования к сельским школам // Общ. сан. обозрение. 1898. № 4.

Серноспичечное производство в санитарном отношении // Там же. № 8.

1899

Социальная гигиена и жилище (по поводу книг по жилищному вопросу) // «Начало». 1899. № 5.

Плитный промысел на берегах Волхова. Санитарно-экономический очерк // «Жизнь». 1899. Т. X. С. 195; Т. XI. С. 155.

1900

Отчёт по Петергофскому участку С.-Петербургского уезда // Отчёты санитарных врачей С.-Петербургского губернского земства за 1899 г. СПб., 1900. С. 203–259.

Задачи деятельности санитарных врачей. Доклад на первом Всероссийском совещании по санитарно-статистическим и санитарным вопросам // Журнал Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. М., 1900.

Об условиях труда рабочих на плитоломнях // «Жизнь». 1900. Т. XXI.

1901

К программе исследования санитарного влияния фабрик и заводов на окружающее население // Труды VIII губернского съезда санитарных врачей С.-Петербургской губернии. СПб., 1901. С. 121.

Санитарно-экономический очерк положения рабочих на Волховских плитных ломках // Труды VIII губернского съезда санитарных врачей С.-Петербургской губернии. СПб., 1901. Вып. III. С. 293–340.

1902

Отчёт санитарного врача С.-Петербургского губернского земства по Петергофскому пригородному участку С.-Петербургского уезда за 1900 г. // Отчёты санитарных врачей С.-Петербургского губернского земства за 1900 год. СПб., 1902.

Иностранное санитарное законодательство // «Больничная газета Боткина». 1902. № 11.

Земско-медицинская хроника // Там же.

Земско-медицинский обзор // «Практический врач». 1902. № 5.

К характеристике деятельности Вологодского губернского и уездных земств по врачебно-санитарной части // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вологда, 1902. Вып. 1. С. 23.

О распространении гигиенических знаний среди населения // Там же. С. 80.

О составлении карты распределения медицинской помощи в Вологодской губернии // Там же. С. 109.

Разработка данных о составе и движении населения в Вологодской губернии // Там же. С. 112.

1903

Доклад на Вологодском губернном земском собрании // Доклады по санитарному отделу Вологодского губернского земского собрания. Сессия 1902 года. Вологда, 1903. С. 179–180.

По поводу некоторого изменения формы месячной ведомости о заразных заболеваниях // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вологда, 1903. Вып. 2–3. С. 64.

Несколько общих данных о деятельности Вологодского губернского земства по врачебно-санитарной части за 1902 г. // Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии. Вологда, 1903. Вып. 4–5. С. 44.

Обзор земских смет по врачебно-санитарному делу в Вологодской губернии // Там же. Вып. 6. С. 47.

Земская медицина Вологодской губернии в графических изображениях. Там же. Вып. 9–10. С. 19.

Правила организации и деятельности санитарных попечительств. Вологда, 1903.

Об изменении обязательного постановления о мерах предупреждения и прекращения заразных болезней и организации земского санитарного надзора в губернии // Сборник докладов Вологодского губернского земского санитарного бюро 1902–1903. Вологда, 1903. С. 1–52.

Об организации в Вологодской губернии санатория для чахоточных больных // Там же. С. 53–70.

Об устройстве в деревнях яслей-приютов в летнее время // Там же. С. 71–76.

Об участии губернского земства в борьбе с эпидемиями // Там же. С. 107–154.

О ближайших задачах деятельности санитарного отдела в 1903 году // Там же. С. 155–194.

1904

О созыве в 1904 году V губернского съезда врачей // Доклады Вологодской губернской земской управы по санитарному отделению. Вологда, 1904. С. 1–15.

Об устройстве и содержании в счёт губернского земства межуездного врачебного участка с лечебницей // Там же. С. 16–27.

Об открытии губернским земством отделения больницы для душевнобольных // Там же. С. 28–45.

О выдаче путевых и суточных от уездного врачебного совета // Там же. С. 46–50.

О принятии на счет губернского земства части расходов по проезду до клинических центров больных, отправляемых земскими врачами для лечения в клиниках // Там же. С. 51–61.

О пособиях губернского земства на командировки земских врачей для научного усовершенствования // Там же. С. 62–71.

О ссудах на постройку участковых лечебниц // Там же. С. 72–84.

Об участии губернского земства в деле улучшения снабжения населения губернии питьевой водою // Там же. С. 85–90.

О реорганизации губернской земской больницы // Там же. С. 91–148.

О детских летних приютах // Там же. С. 149–168.

О борьбе с эпидемиями в 1903 году // Там же. С. 169–182.

О возмещении расходов по прекращению эпидемий // Там же. С. 183–191.

Об освобождении земских врачей от командировок для участия в осмотре новобранцев // Там же. С. 192–194.

Речь, посвященная памяти Осипова и Чехова // Труды VI съезда земских врачей Вологодской губернии (15–20 августа 1904 г.) в 3-х томах. Вологда, 1904. Т. 1. С. 1.

Судьба постановлений V съезда врачей Вологодской губернии в связи с деятельностью по проведению их в жизнь // Там же. Т. 3. С. 1–22.

Земско-медицинская организация Вологодской губернии и статистический обзор её деятельности в 1903 году // Там же. Т. 3. С. 23–50.

О необходимости открытия отделения лечебницы для душевнобольных в окрестностях города Устюга // Там же. Т. 3. С. 109.

1905

Об устройстве лечебно-продовольственных пунктов в местах скопления пришлых рабочих // Сборник докладов Костромского санитарного отделения. Кострома, 1905. С. 36.

О предупреждении и борьбе с холерой // Там же. С. 83–96.

Врачебно-санитарная организация Костромской губернии (статистический очерк) // Труды IX губернского съезда врачей Костромской губернии. Кострома, 1905. Вып. 1.

Обзор итогов деятельности медицинских организаций // Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. Кострома, 1905. Вып. 1. С. 64.

Больничная и участковая деятельность в июне 1905 г. // Там же. Вып. 5–6. С. 146.

Движение населения в Костромской губернии // Там же. Вып. 7–8. С. 68.

1906

Эпидемические заболевания в июле, августе и меры борьбы с ними // Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. Кострома, 1906. Вып. 7–8. С. 58.

Движение населения в Костромской губернии в июне и июле 1906 г. // Там же. Вып. 7–8. С. 66.

Отчёт об осмотре полей орошения в Московской губернии // Там же. Вып. 7–8. С. 93.

Об основных показателях движения населения в Костромской губернии // Труды IX съезда врачей Костромской губернии. Кострома, 1906. Вып. 3. С. 67.

1907

О санитарной организации губернского земства // Сборник докладов Костромского санитарного отделения за 1906 и 1907 гг. Кострома, 1907.

О больничной и участковой деятельности // Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. Кострома, 1907. Вып. 1–2. С. 102.

Заметки по поводу отчёта по г. Костроме // Там же. Вып. 6. С. 355.

Положение Нерехтского уезда по показателям общей и детской смертности // Там же. Вып. 7. С. 76.

Анализ общей и детской смертности за 1890–1907 гг. по Костромской губернии // Там же. Вып. 8.

Положение Нерехтского уезда по показателям общей и детской смертности этого и других уездов Костромской губернии // В кн.: Ростов-

цев Г. И. Постановка земско-медицинского дела в Нерехтском уезде и план его улучшения. Кострома, 1907. С. 46–77.

Об устройстве полей орошения при Костромской губернской больнице // Сборник докладов Костромского санитарного отделения, 1906–1907. Кострома, 1907.

1908

Основные показатели и характер естественного движения населения в Костромской губернии в 1891–1905 гг. // Труды IX санитарного съезда врачей Костромской губернии 1906 г. Кострома, 1908. Вып. 3. С. 1–43.

Санитарное состояние Костромской губернии по данным движения населения в 1905–1907 гг. // Отд. оттиск из «Врачебно-санитарного обзора Костромской губернии. Кострома, 1908. Вып. 11».

Общая и детская смертность за 17 лет (1890–1907 гг.) в Костромской губернии // Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. Кострома, 1908. Вып. 8.

1909

Приложение к характеристике санитарного состояния Костромской губернии в 1905–1907 гг. // Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. Кострома, 1909. Вып. 2. С. 1–71.

Обзор эпидемических заболеваний в Костромской губернии в феврале 1909 года // Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. Кострома, 1909. Вып. 2. С. 113.

Несколько замечаний по поводу работ Н. П. Малыгина о движении населения в Ветлужском уезде // Там же. Вып. 3. С. 7.

Организация добровольного содействия со стороны населения местному самоуправлению в деле санитарного благоустройства // «Русская мысль». 1909. Август. С. 176.

Об организации призрения хроников, престарелых и неработоспособных // Сборник докладов Костромского санитарного отделения. Кострома, 1909. С. 60.

Двухмесячный обзор деятельности учреждений и совещаний С.-Петербургской городской санитарной комиссии. 3 выпуска. // Приложение к «Материалам к отчёту санитарной комиссии за 1909 год». С.-Петербург, 1909.

Холера и оздоровление городов // Городское дело. 1909. № 14.

Холерные эпидемии и вопросы водоснабжения // Городское дело. 1909. № 16.

Оздоровление городов и поля орошения // Городское дело. 1909. № 20–22. С. 1051.

Поля орошения или биологические фильтры // Городское дело. 1909. № 32. С. 1172.

1910

К открытию в Петербурге XI Пироговского съезда врачей // Земское дело. 1910. № 4.

Врачебно-санитарное дело в земской России // Земское дело. 1910. № 8, 11–12.

Холерные эпидемии в России в 1910 г. (статистическая справка) // Земское дело. 1910. № 16.

То же // Земское дело. 1910. № 18.

Указатель литературы по земским вопросам // Земское дело. 1910. № 19.

То же // Земское дело. 1910. № 20.

Вопросы оздоровления городов // Городское дело. 1910. № 7.

О нашей официальной санитарной статистике // Врачебная газета. 1910. № 6. С. 216.

Письмо в редакцию о 9 съезде врачей Костромской губернии // Врачебная газета. 1910. № 7. С. 258.

О своевременности устройства Всероссийской гигиенической выставки // Гигиена и санитария. 1910. Август.

Из практики борьбы со смертностью в немецких городах (санитарно-демографические параллели) // Врачебная газета. 1910. № 9. С. 315.

Несколько общих данных о ходе холерной эпидемии в 1910 г. в Петербурге // Врачебная газета. 1910. № 45. С. 1359–1365.

О своевременности устройства Всероссийской выставки по оздоровлению населённых мест и о желательности участия Пироговского общества в организации отдела общественной медицины на Дрезденской международной гигиенической выставке // Гигиена и санитария. 1910. № 2, 6, 8.

То же. Отдельный оттиск из журнала «Гигиена и санитария». СПб., 1910. С. 1–19.

О задачах Всероссийской гигиенической выставки по оздоровлению населённых местностей. Доклад на XI Пироговском съезде // Труды XI Пироговского съезда. М., 1910.

Летопись городской санитарии // Гигиена и санитария. 1910. № 7. С. 492.

То же // Гигиена и санитария. 1910. № 8. С. 583.

Двухмесячный обзор деятельности учреждений и совещаний С.-Петербургской городской санитарной комиссии. 4 выпуска // Приложение к «Материалам к Отчёту санитарной комиссии за 1910 год». С.-Петербург, 1910.

1911

Городская медицина // Общественный врач. 1911. № 1. С. 73.

Международная гигиеническая выставка в Дрездене // Общественный врач. 1911. № 6. С. 1–21.

Русская земская медицина на Dresden'ской международной гигиенической выставке // Русский врач. X. № 39. С. 1514–1519.

1912

Значение общественной работы специалистов и основные условия плодотворной работы их как общественных деятелей // Земское дело. 1912. № 1. С. 64.

Василий Семенович Соколов (очерк его общественно-земской деятельности) // Земское дело. 1912. № 2. С. 66.

Попытки земства подойти практически к вопросу о постройке подъездных железных дорог // Там же. С. 159–160.

Отдел застройки населенных мест на Дрезденской международной выставке здравоохранения // Общественный врач. 1912. № 1. С. 1–27.

Задачи правильной застройки населенных мест в освещении современной гигиены // Отд. оттиск из журнала «Общественный врач». М., 1912.

По поводу земских выборов. О юбилейной земской выставке // Земское дело. 1912. № 7. С. 487.

Круговая поездка по Европе для ознакомления с общественно-санитарными учреждениями // Земское дело. 1912. № 13–14. С. 878.

Земская медицина на международной выставке // Земское дело. 1912. № 15–16.

То же // Земское дело. 1912. № 17.

То же // Земское дело. 1912. № 20.

То же // Городское дело. 1912. № № 15–16.

Об улучшении земских финансов // Земское дело. 1912. № 23. С. 1566.

Опыт устройства Московским бюро образовательных поездок за границу специальной санитарной экскурсии общественных врачей // Русский врач. 1912. № 30.

То же // Русский врач. 1912. № 32.

Описание канализационных и очистных сооружений Берлина, Шарлоттенбурга, Вильмерсдорфа, Парижа, Лондона, Цюриха. 1912. // Русский врач. 1912. № 35.

О содержании и значении заграничных турне санитарных врачей летом 1912 года // Отчёт Учебного отдела московского Общества распространения технических знаний. Москва, 1912.

1913

Наглядные изображения состава земских смет и их быстрого роста в последние годы // Земское дело. 1913. № 1. С. 57.

Преобразования земства в жизни и отсталость закона // Земское дело. 1913. № 2. С. 101.

Несколько данных о современных земских учреждениях по призрению душевнобольных // Земское дело. 1913. № 3. С. 228.

Участие земств во Всероссийской гигиенической выставке // Земское дело. 1913. № 4. С. 356.

Быстрое развитие земского хозяйства в 1908–1913 гг. // The Times (русский номер), 15 марта 1913 г.

Содействие губернских земств уездным в развитии участковой врачебной сети и межуездные лечебницы // Земское дело. 1913. № 5. С. 407.

О чём говорят итоги земских смет // Земское дело. 1913. № 24. С. 1631.
Черты общественной и научной деятельности В. В. Подвысоцкого // Русский врач. 1913. № 18. С. 593.

1914

Основной неразрешенный вопрос земской медицины // Земский юбилейный сборник 1864–1914 гг. Под ред. Б. Б. Веселовского и З. Г. Френкеля. СПб.: изд-во О. Н. Поповой. 1914. С. 412–428.

Итоги земских торжеств в Петербурге // Земское дело. 1914. № 2. С. 122.

Помехи земской деятельности // Земское дело. 1914. № 3. С. 199.

Значение прекращения казённой продажи вина для бюджетов местных органов // Земское дело. 1914. № 21. С. 1309.

Земство и население о прекращении навсегда продажи всех спиртных напитков // Земское дело. 1914. № 23. С. 1442.

Война и расширение земской деятельности во врачебно-санитарной и культурно-социальной области // Земское дело. 1914. № 22. С. 1370.

Земский расходный бюджет по сметам 1914 года // Земское дело. 1914. № 24. С. 1473.

Организация врачебно-санитарной работы в прифронтовой полосе и в районах формирования войсковых частей // Общественный врач. 1914. № 11.

1915

Санитарные попечительства и попечительства общественного призрения // Земское дело. 1915. № 4. С. 256.

О значении скорейшей постройки плавучих госпиталей для эвакуации и лечения раненых // Материалы о деятельности врачебно-санитарного отдела Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов. Петроград, 1915. Вып. III.

1916

Вопрос о совмещении врачами должностей с организационной точки зрения // Материалы о деятельности врачебно-санитарного отдела Петроградского областного комитета Всероссийского союза городов. Петроград, 1916. Вып. IV.

1917

О сохранении учреждений Всероссийского союза городов для обслуживания постоянных нужд врачебно-санитарного дела в городах // Общественный врач. 1917. № 1–3. С. 75–88.

О местных объединённых врачебно-санитарных советах // Труды совещаний врачебно-санитарной организации при Верховном управлении санитарной частью. Пг. 1917. Май; Врачебно-санитарный вестник Союза Городов. Пг. 1917 № 3, 4, 5.

1918

Основной мотив общественной деятельности у А. И. Шингарёва и Ф. Ф. Кокошкина // Русский врач. 1918. № 5–8. С. 43.

Об участии домовых комитетов в борьбе с холерой // Домовый комитет. Август 1918. № 18.

Сущность и задачи общего городского благоустройства // Врачебно-санитарное обозрение. 1918. № 1.

Санитарное состояние посёлка железнодорожников в промышленной зоне и задачи по его благоустройству // Железнодорожный вестник. 1918. № 7.

1920

Особое влияние и отражение некоторых видов труда на здоровье женщин // Врачебное дело. 1920. № 3.

1921

Удельный парк в системе зелёных насаждений Петрограда // Коммунальное хозяйство и строительство. 1921. № 1.

1922

Социальная медицина и социальная гигиена как наука и как предмет преподавания // Архив Государственного клинического института для усовершенствования врачей. Петроград. 1922. Т. 1

К вопросу о социально-гигиеническом значении изучения труда женщин // Врачебное дело. 1922. № 24–26. С. 826.

1924

Борьба за понижение детской смертности как существенная часть охраны материнства // Московский медицинский журнал. 1924. № 8. С. 65–73.

Грядущее проявление неотвратимых демографических последствий войны 1914–1918 гг. // Профилактическая медицина. 1924. № 5–6. С. 79.

Влияние голодовок и неурожая на повышение туберкулёза, как социальной болезни // Профилактическая медицина. 1924. № 9–10. С. 131.

Задачи благоустройства в волостях // Вопросы коммунального хозяйства. 1924. № 2. С. 120.

Петербургские улицы и мостовые и насущные задачи их благоустройства // Там же. С. 136.

Наличный жилой фонд Ленинграда по сравнению с другими городами и вопрос его планомерного расширения // Вопросы коммунального хозяйства. 1924. № 4.

1925

Жилищное дело в городах СССР // Коммунальное хозяйство. 1925. № 6.

Значение и задачи статистики в коммунальном хозяйстве // Коммунальное хозяйство. 1925. № 8. С. 29.

О необходимости налаживания текущей коммунальной статистики при губкомхозах // Коммунальное дело. 1925. № 8.

От свалок к полям ассенизации // Коммунальное дело. 1925. № 17. С. 15.

Удаление городских отбросов и мусора и путь к расширению этой задачи в Ленинграде // Вопросы коммунального хозяйства. 1925. № 3. С. 96–103.

Одна из нужд начавшегося рабочего жилищного строительства // Вопросы коммунального хозяйства. 1925. № 5. С. 10.

Задачи сельского благоустройства // Там же. № 7. С. 140.

Неотложные задачи планировки и благоустройства Ленинграда // Там же. № 8. С. 103.

Волостное коммунальное хозяйство и мелиоративное дело // Там же. № 9. С. 127.

Рыбные или биологические пруды, как способ очистки городских сточных вод // Там же. № 11. С. 103.

Об уборке и содержании в чистоте улиц и мостовых // Там же. № 12. С. 91.

Анализ статистических данных о влиянии социально-профессиональных вредностей резинового производства на здоровье рабочих // Московский медицинский журнал. 1925. № 2. С. 51.

О необходимости налаживания текущей коммунальной статистики при губкомхозах // Коммунальное дело. 1925. № 8.

Французская социальная медицина или немецкая социальная гигиена? // Ленинградский медицинский журнал. 1925. № 2. С. 86.

1926

Обезвреживание городского мусора «мокрым сжиганием» // Вопросы коммунального хозяйства. 1926. № 9. С. 43.

Санитарное обследование и составление очерка санитарного состояния отдельного населённого пункта, как новый дополнительный метод в системе медицинского образования в Америке // Профилактическая медицина. 1926. № 5. С. 111–115.

Подготовка практических работников по санитарному благоустройству при Гарвардском университете // Практический врач. 1926. № 100.

К предстоящему Всесоюзному туберкулёзному съезду // Профилактическая медицина. 1926. № 7–8. С. 233.

Систематическая программа курса социальной медицины и социальной гигиены для врачей и студентов высшей школы // Приложение к книге «Общественная медицина и социальная гигиена». Л., 1926.

1927

Планы и достижения на пути к коренному оздоровлению и благоустройству в новых столицах национальных республик СССР // Профилактическая медицина. 1927. № 4. С. 80.

Социально-профилактическое содержание и деятельность участковых врачей // Профилактическая медицина. 1927. № 5.

Сущность процесса очистки сточной жидкости продуванием с активным илом и применение этого метода в наших условиях // Профилактическая медицина. 1927. № 6. С. 92–99.

Социальное здоровье и общественное здравоохранение в 1926 г. // Там же. С. 169.

Общественное здравоохранение на распутье // Ленинградский медицинский журнал. 1927. № 12. С. 45.

Несколько данных о населении и социально-гигиенических условиях в Китае // Гигиена и эпидемиология. 1927. № 6. С. 21.

Конкретное содержание социально-профилактического направления в деятельности участкового врача // Белорусская медицинская мысль. 1927. Июнь.

Экономическая ценность человеческой жизни и народно-хозяйственное значение понижения смертности // Ленинградский медицинский журнал. 1927. № 10. С. 61–73.

1928

О подготовке санитарных врачей по городскому и сельскому благоустройству // Гигиена и эпидемиология. 1928. № 4. С. 24.

К вопросу о результатах алкогольной запретительной системы в Северо-Американских Соединенных Штатах и в Финляндии // Гигиена и эпидемиология. 1928. № 5.

Выставка гигиены в Эдинбурге // Гигиена и эпидемиология. 1928. № 6. С. 118.

Коммунальное хозяйство в РСФСР // Коммунальное дело. 1928. № 8.

Институт по гигиене воды, почвы и воздуха в Пруссии // Коммунальное дело. 1928. № 11. С. 104.

Постановка и результаты статистического изучения эпидемических болезней в Ленинграде за три года // Статистический сборник Леноблздрава. Л., 1928.

К вопросу об устройстве в Ленинграде центрального и развития сети районных рынков // Сборник «Очерки санитарного дела». Л., 1928. Вып. 4.

О практической ценности экскурсии санитарных врачей в Германию // Сборник «Коммунальная мысль». М., осень 1928.

Население и благоустройство Ленинграда // Краеведческий сборник. Л., 1928.

1929

Социально-профилактическое направление в медицине и районный медико-профилактический участок // Здравоохранение. 1929. № 5.

Социально-профилактическое направление в медицине и его отражение в новом положении Наркомздрава // Врачебная газета. 1929. № 21. С. 2595.

О районном врачебном участке // Врачебная газета. 1929. № 21.

Задачи здравоохранения в борьбе с устранимой смертностью в Ленинграде. (Чему учат цифры умерших в Ленинграде за истекший 1928 год) // Здравоохранение. 1929. № 2. С. 7.

Движение населения СССР в 1926 году // Здравоохранение. 1929. № 3.

Социально-профилактическое обслуживание населения и лечебно-санитарные учреждения в Швеции // Врачебная газета. 1929. № 15. С. 2135.

Заболеемость и смертность от эпидемических болезней в Ленинграде в 1928 г. // Санитарно-статистический сборник. Л., 1929.

Выставка благоустройства и технического оборудования городов в Дрездене в 1928 г. // Гигиена и эпидемиология. 1929. № 1.

1930

Отдел коммунальной и социальной гигиены Музея города в Ленинграде // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 1. С. 59.

Опыт рационализации приёмов и учёта разработки массовых статистических материалов // Вестник статистики. 1930. № 3–4.

О возможном развитии коммунального благоустройства г. Керчи // Коммунальное дело. 1930. № 2. С. 76–79.

1931

Санитарный минимум в связи с задачами борьбы с устранимой смертностью // Социалистическое здравоохранение. 1931. № 1. С. 42.

Новейшие научно-практические институты по коммунальному хозяйству и коммунальной санитарии // Социалистическое здравоохранение. 1931. № 9. С. 69.

Крупный сдвиг в развитии санитарного благоустройства городов РСФСР и его значение для дела здравоохранения (По контрольным цифрам коммунального хозяйства РСФСР на 1931 г.). Л., 1931. // Отд. оттиск из «Врачебной газеты» № 4 за 1931 г.

Очистные сооружения, канализация отдельных зданий, групп зданий и рабочих посёлков // Советский врачебный журнал. 1931. № 21. С. 1672.

1932

Жилищно-коммунальное хозяйство в Ленинграде в 1932 г. и туберкулёз // Советская врачебная газета. 1932. № 7. С. 445.

Об очерёдности строительства канализации в Ленинграде // Советская врачебная газета. 1932. № 15–16. С. 951.

О рациональном построении программ озеленения и развития зелёного хозяйства в городах СССР // Советская врачебная газета. 1932. № 19–20. С. 1145.

Динамика населения, социальное здоровье и задачи коммунально-жилищного строительства в Ленинграде на пороге второй пятилетки // Архив биологической науки. Издание ВИЭМ. Май 1932. Статья изъята цензурой.

1933

Вопрос об издании руководства по коммунальной гигиене и санитарной технике в Америке // Советская врачебная газета. 1933. № 12. С. 585.

Размеры госпитализации душевнобольных в САСШ // Советская врачебная газета. 1933. № 15–16. С. 736.

Больницы в штате Нью-Йорк // Там же. С. 737.

Браки и разводы в САСШ // Там же. С. 737.

О профессиональных вредностях работы врачей в психиатрических больницах // Советская врачебная газета. 1933. № 18.

Выявление значения обязательности оспопрививания на новых данных САСШ // Советская врачебная газета. 1933. № 20. С. 976.

1934

А. Н. Сысин // Советская врачебная газета. 1934. № 3. С. 237.

Социально-гигиеническое значение закона о принудительной стерилизации слепых и глухонемых // Советская врачебная газета. 1934. № 5. С. 377.

Состояние охраны младенчества и больничного дела в Берлине // Советская врачебная газета. 1934. № 11. С. 873.

Экономический кризис расчищает на Западе путь к алкоголизму // Советская врачебная газета. 1934. № 12. С. 955.

Рождаемость и детская смертность в США в 1932 г. // Там же. С. 958.

К вопросу о причине более высокой смертности среди мужчин нежели среди женщин // Советская врачебная газета. 1934. № 13–14. С. 1051.

Проблема старости и продления жизни в социально-гигиеническом освещении // Советская врачебная газета. 1934. № 16. С. 1193–1203.

1935

Основные положения развития и реконструкции очистки Ленинграда // Советская врачебная газета. 1935. № 1. С. 72.

За зелёный Ленинград! // Там же. С. 73.

Эпидемиологические исследования по скарлатине и дифтерии в Англии // Советская врачебная газета. 1935. № 2. С. 166.

Музей гигиены в Америке // Там же. С. 173.

Санитарные требования при планировке города и района // Советская врачебная газета. 1935. № 5.

Много ли людей переживает столетний возраст // Советская врачебная газета. 1935. № 7. С. 573.

Жилищно-коммунальное строительство и здравоохранение в Москве и Ленинграде за 1931–1934 гг. // Советская врачебная газета. 1935. № 10. С. 825–829.

Неотложность задачи санирования и реконструкции больничных кварталов // Советская врачебная газета. 1935. № 15. С. 1201.

Несостоятельность взгляда на смертность как на фактор подбора долголетних // Советская врачебная газета. 1935. № 24. С. 1927.

За продление жизни и здоровую старость // Гигиена и здоровье. 1935. № 1 и № 2.

Проблема врачебно-трудовой экспертизы и трудоустройства старческих групп в связи с удлинением жизни // Тезисы докладов межобластной научно-практической конференции по вопросам врачебно-трудовой экспертизы и трудоустройства инвалидов. Л., 1935. С. 4–5.

Социальное здоровье и проблемы оздоровления Ленинграда на пороге второй пятилетки // Труды 2-го ЛМИ. 1935. Вып. VI.

1936

Школьное строительство в 1936–1937 гг. в связи с перспективами реконструкции застроенных районов // Советский врачебный журнал. 1936. № 7. С. 521.

Задачи озеленения населённых мест и вопросы коммунальной гигиены // Юбилейный сборник ГИДУВ. Л., 1936.

1937

Введение личной санитарной тетради в Бельгии // Советский врачебный журнал. 1937. № 3. С. 235.

Вопросы микроклимата и внешнего благоустройства населённых мест // Советский врачебный журнал. 1937. № 9. С. 713.

Охрана душевного здоровья // Там же. С. 716.

Женщина в СССР // Советский врачебный журнал. 1937. № 15. С. 1183.

Здоровье и здравоохранение трудящихся в СССР // Там же. С. 1185.

Камерный способ термофильного обезвреживания домашних отходов // Советский врачебный журнал. 1937. № 16. С. 1249.

1938

За безотлагательное рациональное переустройство и уборку тротуаров // Сб. Строительство Ленинграда. 1938. № 1–2. С. 42.

Продление жизни в стране строящегося социализма // Гигиена и санитария. 1938. № 3.

1939

Динамика социального здоровья и связь ее с социальной экономикой и социалистической реконструкцией общества // Советский врачебный журнал. 1939. № 19–20. С. 997–1008.

Последовательные этапы изменения основных показателей здоровья населения в связи с социалистической реконструкцией общества // Советский врачебный журнал. 1939. № 23. С. 1135–1142.

1940

Нецелесообразность устройства подземного орошения для очистки сточных вод // Водоснабжение и санитарная техника. 1940. № 8. С. 55–56.

Планировочные и санитарно-технические требования к устройству школьных учреждений // Сборник НИИКХ. Л., 1940.

Характерные черты научных трудов по гигиене проф. К. Н. Шапшева // Сборник научных работ, посвященных 30-летию деятельности проф. К. Н. Шапшева. Издание ГИДУВ. Л., 1940.

Необходимость санитарной мелиорации территории при строительстве населенных мест // Там же. С. 88–99.

Санитарное благоустройство Детского Села // Там же. С. 100–136.

Экскурсия по планировке, благоустройству и санитарной технике в г. Пушкине // Там же. С. 137–166.

1941

К постановке в СССР вопроса об удлинении продолжительности жизни и борьбе со старением // Советский врачебный журнал. 1941. № 3. С. 85–101.

Исследование причин высокой ранней детской смертности в Ленинграде на основе анализа статистико-демографических материалов за последние годы и за прежние периоды // Работа передана 2 ЛМИ в Наркомздрав летом 1942 г.

1942

Программа исследования влияния условий периода блокады Ленинграда на состояние здоровья населения (Доклад на ученом совете ГИДУВа 2 ноября 1942 г.). Н./оп.

Задачи, остающиеся на очереди перед кафедрой социальной гигиены (статья, написанная в декабре 1942 г.) Н./оп.

1944

Санитарно-гигиенические соображения и задачи при проектировании и осуществлении работ по восстановлению Ленинграда после разрушений периода осады // Гигиена и санитария. 1944. № 4, 5, 6.

О задачах здравоохранения в борьбе за ослабление санитарно-демографических последствий войны (Доклад на научной конференции 2 ЛМИ 12 декабря 1942 г.) // Гигиена и санитария. 1944. № 7–8, С. 54.

Ленинградское гигиеническое общество во втором году осады Ленинграда // Гигиена и санитария. 1944. № 7–8. С. 55.

Программа санитарных мер при восстановительных работах в Ленинграде // Труды ЛСГМИ. Л., 1944.

1947

Новый шаг в строительстве высшей медицинской школы // Советское здравоохранение. 1947. № 6. С. 10–13.

О задачах и перспективах развития коммунального строительства в условиях послевоенного восстановления населенных мест // Труды конференции Института коммунального хозяйства в Ленинграде в 1947 г. Л., 1947.

1948

Об усвоении профилактических основ и организационных форм профилактической медицины // Врачебное дело. 1948. № 9. С. 829.

О соблюдении санитарно-гигиенических нормативов больничного строительства // Врачебное дело. 1948. № 11. С. 1005–1008.

1949

К вопросу о теории советского здравоохранения (отклики на статью Г. А. Баткиса) // Советское здравоохранение. 1949. № 2. С. 17.

К 25-летию деятельности в советский период Общества санитарных врачей и гигиенистов в Ленинграде // Гигиена и санитария. 1949. № 6. С. 54–55.

Задачи коммунальной гигиены и санитарного благоустройства при восстановлении и развитии Ленинграда в 4-й пятилетке // Труды ЛСГМИ. Л., 1949. Вып. 1. С. 5–32.

Задачи коммунальной гигиены и санитарного благоустройства при восстановлении, развитии и строительстве населённых мест в 4-й пятилетке // Труды XII Всесоюзного съезда гигиенистов, эпидемиологов, микробиологов и инфекционистов 13–20 октября 1947 г. в Москве. М., 1949. Т. 1. С. 49–52.

1950

Содержание гигиены и пути осуществления её задач в свете передовой советской биологии // Вестник АМН СССР. 1950. № 2. С. 24–28.

О деятельности ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества в 1948–1949 гг. и о задачах, стоящих в 1950–1951 гг. // Гигиена и санитария. 1950. № 6. С. 52–55.

25 лет работы ленинградского отделения Всесоюзного гигиенического общества. (Доклад на расширенном заседании правления ВГО в Москве в июне 1950 г.) // Там же. С. 56.

1951

О создании адекватной среды для человека в южных районах для защиты от тяжелых климатических условий // Труды сессии АМН СССР в Сталинграде 20–24 апреля 1951 г. М., 1951. С. 150.

1952

Задачи и перспективы работы ЛОГО в 1952 г. (Доклад на очередном общем собрании Общества 21 января 1952 г.) // Гигиена и санитария. 1952. № 2.

1955

Проблемы врачебно-трудовой экспертизы и трудоустройства инвалидов // Тезисы докладов межобластной научно-практической конференции по вопросам врачебно-трудовой экспертизы. Л., декабрь 1955 г.

1958

Об организации Геронтологического института: история развития в России науки о старости // Труды сессии АМН СССР в Минске в апреле 1958 г. М., 1958.

Проблема продления жизни и геронтология // Материалы совещания по применению математических методов в биологии при Ленинградском университете в мае 1958 г. Л., 1958.

Программа работ в области геронтологии и возрастной патологии на 1959 год // Материалы совместного заседания Института экспертизы трудоспособности и Научно-методического бюро санитарной статистики ленинградского горздрава в сентябре 1958 г.

1959

Научные основы и значение проведения глубоких исследований вопроса о полном отказе от спуска канализационных вод в реки и водоемы общего пользования и передаче их для сельскохозяйственного использования на землях колхозов и совхозов // Стенограмма доклада на совещании в Сельскохозяйственном институте г. Пушкина по использованию сточных вод канализации путем строительства полей орошения в совхозе «Детскосельский» 9 апреля 1959 г.

О сельскохозяйственном использовании сточных вод в Ленинградской области // Стенограмма доклада на специальном заседании, созванном Обкомом КПСС Ленинграда и Ленинградской области по развитию сельскохозяйственных полей орошения. 19 ноября 1959 г.

Об увеличении старческих групп в составе населения и задачах их диспансеризации и социально-профилактического обслуживания // Стенограмма доклада на заседании Ленинградского научного общества геронтологии и гериатрии. 21 мая 1959 г.

К пятому пересмотру советской номенклатуры болезней // Врачебное дело. 1959. № 5. С. 521–522. Совм. с Е. Э. Бенем и Т. С. Соболевой.

По поводу статьи члена-корр. АМН СССР проф. С. Н. Черкинского «Задачи санитарной охраны водоёмов на новом этапе развития химической промышленности (журнал Гигиена и санитария. 1958. № 11) // Гигиена и санитария. 1959. № 5. С. 62–63. Совм. с А. Г. Малиенко-Подвысоцким и Б. Г. Ходасевичем.

1960

Некоторые гигиенические вопросы строительства, планировки и благоустройства городов в семилетке // Гигиена и санитария. 1960. № 8. С. 3–5.

К проблеме занятости больных в стационаре // Советское здравоохранение. 1960. № 9. С. 21–23.

Проблема врачебно-трудовой экспертизы и трудоустройства старческих групп в связи с удлинением жизни // Физиология и патология старости. Труды ЛИЭТИН. Л., 1960. Вып. 4. С. 5–10.

1961

Население Финляндии в санитарно-демографических показателях // Советское здравоохранение. 1961. № 8. С. 91–96. Совм. с Т. С. Соболевой.

1962

Классификация и номенклатура периодов старения и старости // Материалы Симпозиума по разработке классификации и номенклатуры периодов старения и старости методом установления возрастных рубежей 27–28 июня 1962 г.

1963

К вопросу использования сточных вод в сельском хозяйстве (гигиеническая оценка) // Здравоохранение Белоруссии. 1963. № 5. С. 44–48.

Обзор материалов по использованию сточных вод в сельском хозяйстве ГДР // Гигиена и санитария. 1963. № 7. С. 104.

1964

Основная закономерность демографических процессов современной эпохи // Процессы естественного и патологического старения. Труды ЛИЭТИН. Л., 1964. Вып. 16. С. 11–90.

Очерк 1-й: Новые уровни детской смертности и удлинение средней продолжительности жизни.

Очерк 2-й: Оттеснение смертности на возрасты старения и отражение этого процесса на возрастной структуре населения.

Очерк 3-й: Нарастающее оттеснение смертности с возрастов детства и зрелости на возрасты старения и старости — основная закономерность демографических процессов современной эпохи.

Очерк 4-й: Удлинение средней продолжительности жизни и причины смерти в пожилых и старческих возрастах.

Современные сдвиги демографических показателей // Тезисы докладов 10-й научно-практической конференции врачей санитарно-эпидемиологических станций г. Ленинграда. Л., 1964. С. 3–4.

1965

К проблеме старости во Франции // Здравоохранение Белоруссии. 1965. № 11. С. 87–89.

1969

Опыт проектирования свиноводческих комплексов в Молдавской ССР // Свиноводство. 1969. № 1. С. 43–44. Совм. с Р. Браттом, С. Орловым и И. Шрайбером.

О строительстве межколхозных откормочников // Сельское хозяйство Молдавии. 1969. № 8. С. 42–43. Совм. с Р. Браттом, С. Орловым, И. Шрайбером.

Специализированные межколхозные откормочные хозяйства Молдавии // Животноводство. 1969. № 12. С. 22–24. Совм. с Р. Браттом, С. Орловым, И. Шрайбером.

1972

Межколхозные промышленные узлы Молдавии // Экономика строительства. 1972. № 4. С. 39–40. Совм. с Р. Браттом и С. Орловым.

2006

Главы 14 и 15 из книги «Удлинение жизни и деятельная старость» // Психология зрелости и старения. 2006. № 4. С. 94–129.

Научно-популярные статьи и очерки, рецензии, редактирование, воспоминания

Письма К. Маркса. Перевод с нем. // Научное обозрение. СПб., 1898.

О переписке молодого К. Маркса со своей будущей женой // Научное обозрение. СПб., 1898.

Рец. на книгу: А. И. Ильинский. «Три яда: табак, алкоголь и сифилис. О влиянии их на быт, здоровье человека и его потомство и о том, как предохранить себя от причиняемого ими вреда» // «Жизнь» 1899. Т. IX. С. 318.

Ред.: *Эйслер Р.* Введение в философию. Пер. с нем. Л. К. Полтавцевой-Френкель. Книга напечатана в приложении к журналу «Научное обозрение» в 1899–1900 гг.

Сост. и ред.: Врачебно-санитарный обзор Вологодской губернии (Санитарное бюро Вологодского губернского земства). Ежемесячные выпуски. Вологда, 1902–1904.

Сост. и ред.: Труды V губернского съезда земских врачей Вологодской губернии. Вологда, 1903.

Ред.: С. Ф. Галюн. Обследование и описание Пальмской волости Вологодской губернии в связи с распространением там тифозных заболеваний // Приложение к Врачебно-санитарному обозрению Вологодской губернии. Вологда, 1903.

Земский врач П. Д. Прокшев (некролог) // Врачебно-санитарный обзор Вологодского губернского земства. Вологда. 1904. Вып. IV.

Ред.: Труды VI съезда врачей и представителей земств Вологодской губернии 15–20 августа 1904 г. Вологда, 1904. Т. I–III.

П. А. Ильинский (некролог) // Врачебно-санитарное обозрение Костромской губернии. Кострома, 1905.

Сост. и ред.: Врачебно-санитарное обозрение Костромской губернии. (Санитарное бюро Костромского губернского земства). Ежемесячные выпуски. Кострома. 1905–1906 гг.

Сост. и ред.: Материалы к отчёту СПб городской санитарной комиссии. СПб. 1909. — 3 двухмесячных обзора; 1910 — 4 двухмесячных обзора.

Сост. и ред.: Краткие сведения о деятельности С.-Петербургской городской санитарной комиссии. Еженедельный бюллетень. СПб., ноябрь 1909 — январь–декабрь 1910 гг.

Ред.: журнал «Земское дело». 2 раза в месяц. — С конца 1910 г. — включая 1913 г.

Рец. на «Краткий учебник гигиены» Ф. Ф. Эрисмана. 3-е изд. М., 1912 // Земское дело. 1912. № 4. С. 309.

Памяти земского врача Н. А. Ливанова // Земское дело. 1912. № 10. С. 735.

Иван Васильевич Шулепников // Земское дело. 1913. № 24. С. 1701.

Сост. и ред.: Земский юбилейный сборник. 1864–1914. СПб.: изд-во О. Н. Поповой, 1914.

В. С. Ободовский и Н. А. Племянников // Земское дело. 1914. № 24. С. 1536.

Сост. и ред.: Материалы врачебно-санитарного отдела и санитарно-технического бюро Областного комитета Союза городов. Петроград, 1915–1917.

Сост. и ред.: Труды СПб санитарно-технического бюро Союза городов. Петроград, 1917–1918 гг. 8 выпусков.

Рец. на книгу: *Сытин*. «О канализации и водоснабжении Москвы» // ВКХ. 1925. № 10.

Рец.: Канализация Москвы // ВКХ. 1926. № 1.

Рец.: *П. Сытин*. Путеводитель по коммунальным предприятиям города Москвы. // ВКХ. 1926. № 9.

Рец. на книги *Эштеда* и *Штюббена* // Там же.

Рец.: *П. Сытин*. Внешнее благоустройство Москвы // ВКХ. 1927. № 3.

Чарльз Вильям Элиот и его взгляды на основные практические задачи социальной гигиены // Гигиена и эпидемиология. 1927. № 7. С. 62.

Трёхсотлетний юбилей Бернардино Рамаццини // Советская врачебная газета. 1934. № 5. С. 383.

Ф. Ф. Эрисман как выразитель высшего гигиенического синтеза // Советский врачебный журнал. 1936. № 6. С. 445.

Сост. и ред.: Сборник научных работ, посвященных 30-летию деятельности проф. К. Н. Шапшева. Издание ГИДУВ. Л., 1940.

Ред.: *И. Д. Андреев*. Мемуары. Ленинград. 1941–1942. Рукопись передана в Отдел рукописей Библиотеки им. Салтыкова-Щедрин в 1942 г.

Рец. на Статистический годишник на Народна Република България. София, 1954. // Вестник статистики. 1955. № 12.

Виднейший деятель советской санитарной статистики С. А. Новосельский // Гигиена и санитария. 1957. № 12. С. 48–51.

Ред.: Сборник по изучению заболеваемости в Ленинграде на основе анализа статистических данных за 1957 г. Л., 1957.

Рец. на Статистический ежегодник ГДР. Берлин, 1959. // Вестник статистики. 1960. № 3.

Рец. на Statistika Rocenka Republiky Cesko Slovencke. Praga, 1959 // Вестник статистики. 1960. № 12.

Рец. на Краткий статистический справочник Румынской Народной Республики. Бухарест, 1960. // Вестник статистики. 1961. № 12.

Первый учитель (фрагмент из воспоминаний) // Наука и жизнь. 1964. № 5. С. 138–140.

Рец. на Венгерский статистический справочник. Будапешт, 1966. // Вестник статистики. 1967. № 12.

Рец. на Статистический ежегодник Германской Демократической Республики. Берлин, 1967. // Вестник статистики. 1968. № 12.

К моим юным друзьям // Медицинская газета. 1969. 18 декабря.

О Международной гигиенической выставке в Дрездене. Из «Воспоминаний о пройденном жизненном пути» // Гигиена и санитария. 1972. № 11. С. 74–76.

«...полезная работа вне бюрократических пут». Из воспоминаний // Муниципальная власть. 2006. № 3. С. 101–105.

В Госдуму окольным путём. Из воспоминаний // Муниципальная власть. 2006. № 4. С. 106–111.

Без декораций, приманок и игрушек. Из воспоминаний // Муниципальная власть. 2007. № 1. С. 92–96.

Записки о жизненном пути // Вопросы истории. 2006. № 2–12; 2007. № 1–8.

Что читать о З. Г. Френкеле

Государственная дума. Стенографические отчёты. 1906 год. Сессия первая. Том 1–2. С.-Петербург: Государственная типография. 1906. См.: указатель имен.

Куркин П. И. Мировая статистика (Обзор статистики на Всемирной Дрезденской гигиенической выставке // Общественный врач. 1912. № 3. С. 289–302.

Стенографические отчёты заседаний Петроградской городской думы созыва 1 и 20 августа 1917 г. Машиноп. экз. хранится в Отделе рукописей и редких книг Российской Национальной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Петербурге.

Мариампольский А. П. Захарий Григорьевич Френкель (К 35-летнему юбилею научной и общественно-педагогической деятельности) // Социалистическое здравоохранение. 1930. № 1–3.

Перкаль И. И. Захарий Григорьевич Френкель (К 60-летию со дня рождения и 35-летию научной и общественно-санитарной деятельности) // Врачебная газета. 1930. № 1.

Захарий Григорьевич Френкель, как учёный, педагог и общественно-санитарный деятель // Советский врачебный журнал. 1940. № 3.

Действительный член Академии медицинских наук СССР Захар Григорьевич Френкель. К 80-летию со дня рождения и 55-летию врачебной,

общественной и научно-педагогической деятельности // Гигиена и санитария. 1950. № 4.

Захарий Григорьевич Френкель (К 85-летию со дня рождения и 60-летию научной, педагогической и общественно-врачебной деятельности) // Гигиена и санитария. 1955. № 5. С. 61–62.

Галанин Н. Ф. 30 лет работы Ленинградского отделения Гигиенического общества // Гигиена и санитария. 1955. № 7.

Сигал Б. С. Здравоохранение и медицина в Петербурге–Петрограде–Ленинграде. М., 1957.

Биографический словарь деятелей естествознания и техники. Отв. ред. Зворыкин. М., БСЭ. 1959. Т. 2. С. 324.

Страшун И. Д. Выдающийся гигиенист нашей страны // Вестник АМН СССР. 1959. № 12.

Страшун И. Д. К 90-летию со дня рождения З. Г. Френкеля // Советское здравоохранение. 1960. № 1. С. 78–82.

Страшун И. Д. Россия и русские на Дрезденской выставке 1911 года (К 50-летию Международной гигиенической выставки) // Советское здравоохранение. 1961. № 12. С. 84–87.

Летова Е. И. Русская интеллигенция и вопросы общественной гигиены. М., 1962.

Страшун И. Д. Русская общественная медицина в период между двумя революциями 1907–1917 гг. М., 1964.

Турбин А. Живая жизнь // Наука и жизнь. 1964. № 5. С. 134–136.

Шафир А. И. К 95-летию Захара Григорьевича Френкеля // Гигиена и санитария. 1964. № 12. С. 43–47.

Очерки истории русской общественной медицины. М., 1965. С. 258–260.

Белицкая Е. Я. Замечательная жизнь (К 95-летию со дня рождения действительного члена АМН, заслуженного деятеля науки З. Г. Френкеля) // Советское здравоохранение. 1965. № 3. С. 79–80.

Харламова С. Страницы жизни // Здоровье. 1969. № 12.

Кротков Ф. Г., Бобров Н. И., Шафир А. И. К 100-летию со дня рождения Захара Григорьевича Френкеля // Гигиена и санитария. 1969. № 11. С. 52–56.

Штрейс А. И. К столетию Захария Григорьевича Френкеля (1869–25. XII-1969) // Советское здравоохранение. 1969. № 12. С. 82–83.

Белицкая Е. Я. Старейшина советских гигиенистов (К 100-летию со дня рождения З. Г. Френкеля) // Здравоохранение Российской Федерации. 1969. № 12. С. 38–41.

Алексеева Л. П., Мерабишвили В. М. З. Г. Френкель. Серия: Выдающиеся деятели отечественной медицины и здравоохранения. М., 1971.

Белицкая Е. Я. Памяти Захария Григорьевича Френкеля // Советское здравоохранение. 1971. № 1. С. 81–82.

Черкинский С. Н., Шафир А. И. Работы З. Г. Френкеля в области коммунальной гигиены // Гигиена и санитария. 1972. № 3. С. 51–56.

Турупанов Н. Л. Политическая деятельность медицинских работников Вологодской губернии // Советское здравоохранение. 1973. № 5. С. 67.

Аграновский М. З. З. Г. Френкель и студенческое движение конца XIX – начала XX века // Гигиена и санитария. 1976. № 10. С. 48–51.

Белицкая Е. Я. Научные гигиенические школы Ленинграда. Л., 1982. С. 118–130.

Белицкая Е. Я., Журавлева К. И. К 60-летию кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института // Советское здравоохранение. 1982. № 7. С. 61–63.

Жакова Л. В. Берегу эту книгу // Нева. 1982. № 3. С. 204–205.

Жакова Л. В. Революция дала ему крылья // Северная правда (Кострома). 16 июля 1985.

Жакова Л. В. Любопытный гербарий // Там же.

Бахтияров Р. Ш., Вейхер А. А., Лихницкая И. И. З. Г. Френкель как основоположник разработки подходов к определению экономической и социальной эффективности роста продолжительности жизни // V Всесоюзный съезд геронтологов и гериатров. Тбилиси, 1988: Тезисы докладов. Киев, 1988. С. 114–115.

Думова Н. Г. Кадетская партия в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 151–154, 173 и др.

Материалы Международного симпозиума «История медицины и медицинские музеи». М., 1990. Вып. 1. С. 64–67; С. 156–163.

Протоколы ЦК кадетской партии в период первой русской революции // Вопросы истории. 1990. № 2, 5, 6, 9, 12.

Романюк В. П. История медицины. Л., 1991.

Одинцова Н. В. Блокадные геронтологи // Вечерний Ленинград. 11 янв. 1994. № 5. С. 3.

Mikhail Kulis. The secret to long life // Neva news. Discovering St. Petersburg. 1995. February. Issue 1.

Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., РОССПЭН, 1996. С. 660.

Лихницкая И. И., Бахтияров Р. Ш. Академик З. Г. Френкель и становление геронтологии в России // Цитология. 1997. Вып. 39. № 6. С. 485–486.

Лихницкая И. И., Бахтияров Р. Ш. Ленинградско-Петербургская школа геронтологов и гериатров // Клиническая геронтология. 1998. № 2. С. 3–9.

Говоренкова Т. М. Вступительная статья и комментарии к современному изданию книги З. Г. Френкеля «Волостное самоуправление». М.: РИЦ «Муниципальная власть», 1999.

Бахтияров Р. Ш., Лихницкая И. И. Академик З. Г. Френкель: концепция удлинения жизни и деятельной старости // Acta medico-historica rigensia. Riga, 2000. Vol. V (XXIV). P. 75–84.

Бахтияров Р. Ш., Лихницкая И. И. Академик З. Г. Френкель: концепция удлинения жизни и деятельная старость // Клиническая геронтология. 2000. Т. 6. № 5–6. С. 69–73.

Бахтияров Р. Ш. Концепция исследований по демографии блокадного Ленинграда в проекте З. Г. Френкеля // Вопросы статистики. 2001. № 11. С. 76–80.

Краснова О. В., Лидерс А. Г. Социальная психология старения. М.: изд. Центр «Академия», 2002.

Жакова Л. В. Повесть о нашей юности // Север. 2002. № 9–10. С. 176–192.

Две тетради Евгении Левицкой. Письма автора «Тихого Дона». Публикация Льва Колодного. М.: Голос-Пресс, 2005.

Линд Е. А. «Седьмая...». СПб., 2005. Второе изд. С. 172–176.

Бахтияров Р. Ш. Книга о здоровой и достойной, долгой и деятельной жизни З. Г. Френкеля // Психология зрелости и старения. 2006. № 4. С. 85–94.

Государственная Дума в России. 1906–1917: историко-документальное издание. СПб.: Лики России, 2006. С. 304.

Кафедра медицинской экологии им. Г.В. Хлопина. 1906–2006. СПб., 2006.

Щербо А. П. Захарий Григорьевич Френкель. Очерк незаурядной жизни (1869–1970). СПб.: Издательство СПбМАПО, 2008.

Блокадный дневник З. З. Шнитниковой. 2 сентября 1941 – 17 июля 1942 г. // Вопросы истории. 2009. № 5–6.

СОДЕРЖАНИЕ

З. Г. Френкель и его «Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути» (<i>Самофал Р. Б., Бахтияров Р. Ш.</i>)	5
Предисловие	10
I. Отрывочные воспоминания из периода детства	12
До поступления в школу.....	12
Два года в народной городской школе в Козельце	28
Учёба в Нежинской гимназии (1881–1889)	40
II. Годы студенческой жизни (1889–1895)	76
В Московском университете	76
В Дерптском (Юрьевском) университете	88
III. Начало общественно-санитарной и политической деятельности (1896–1917).....	127
Новая Ладога (1896–1898)	127
Петербург, Новгород (1898–1902).....	158
На службе в Вологодском губернском земстве (1902–1904)	179
Деятельность и жизнь в Костроме (1904–1909)	189
Снова Петербург (1909–1914).....	221
Первая мировая война (1914–1916).....	271
Февральский переворот и Октябрьская революция (1917–1918)	298
IV. Научно-педагогическая деятельность в советские годы.....	313
1918–1929.....	313
1930–1938.....	380
Предвоенные годы (1938–1941). Арест и заключение.....	431
V. Период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. 1941–1945.....	474
Выдержки из записей в дневниках	474
Дополнения к дневникам (1941–1945)	535
VI. Послевоенные годы	547
1945–1947.....	547
1948–1954.....	568
1954–1967.....	603
Приложения.....	658
Перечень основных работ З. Г. Френкеля (в хронологическом порядке)	670
Монографии, брошюры, пособия	670
Статьи.....	672
Научно-популярные статьи и очерки, рецензии, редактирование, воспоминания	690
Что читать о З. Г. Френкеле	692